Проверено 1950

зала III 37.
шкафъ 8.
полка 3.
№ 1 17.

27. 8. 3. 1.

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ

СОЧИНЕНІЙ

Ѳ. М. ДОСТОЕВСКАГО.

ИЗДАНІЕ ШЕСТОЕ.

ТОМЪ СЕДЬМОЙ.

ИДІОТЪ.

РОМАНЪ

ВЪ ЧЕТЫРЕХЪ ЧАСТЯХЪ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія П. Ѳ. Пантелѣева. Подольская, 34.
1904.

ТОМЪ СЕДЬМОЙ.

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ

СОЧИНЕНІЙ

Ѳ. М. ДОСТОЕВСКАГО.

ИЗДАНІЕ ШЕСТОЕ.

ТОМЪ СЕДЬМОЙ.

ИДІОТЪ.

РОМАНЪ

ВЪ ЧЕТЫРЕХЪ ЧАСТЯХЪ

Библиотека 5-ка

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія П. Ѳ. Пантелѣева. Подольская, 34.
1904.

ИДІОТЪ.

РОМАНЪ

ВЪ ЧЕТЫРЕХЪ ЧАСТЯХЪ

Въ первый разъ напечатанъ въ журналѣ „Русскій Вѣстникъ“ 1868 г.

Часть первая.

I.

В концѣ ноября, въ оттепель, часовъ въ девять утра, поѣздъ Петербургско-Варшавской желѣзной дороги на всѣхъ парахъ подходилъ къ Петербургу. Было такъ сыро и туманно, что насилу разсвѣло; въ десяти шагахъ, вправо и влѣво отъ дороги, трудно было разглядѣть хоть что нибудь изъ оконъ вагона. Изъ пассажировъ были и возвращавшіеся изъ-за границы; но болѣе были наполнены отдѣленія для третьяго класса, и все людомъ мелкимъ и дѣловымъ, не изъ очень далека. Всѣ, какъ водится, устали, у всѣхъ отяжелѣли за ночь глаза, всѣ назябшись, всѣ лица были блѣдно-желтыя, подъ цвѣтъ тумана.

Въ одномъ изъ вагоновъ третьяго класса, съ разсвѣта, очутились другъ противъ друга, у самаго окна, два пассажира, — оба люди молодые, оба почти на-легкѣ, оба не щегольски одѣтые, оба съ довольно замѣчательными физіономіями, и оба пожелавшіе, наконецъ, войдти другъ съ другомъ въ разговоръ. Еслибъ они оба знали одинъ про другаго чѣмъ они особенно въ эту минуту замѣчательны, то, конечно, подивились-бы, что случай такъ странно посадилъ ихъ другъ противъ друга въ третьеклассномъ вагонѣ петербургско-варшавскаго поѣзда. Одинъ изъ нихъ былъ небольшаго роста, лѣтъ двадцати семи, курчавый и почти черноволосый, съ сѣрыми, маленькими, но огненными глазами. Носъ его былъ широкъ и сплюснутъ, лицо скулистое; тонкія губы безпрерывно складывались въ какую-то наглую, насмѣшливую и даже злую улыбку; но лобъ его былъ высокъ и хорошо сформированъ и скрашивалъ неблагородно развитую нижнюю часть лица. Особенно примѣтна была въ этомъ лицѣ его мертвая блѣдность, придававшая всей физіономіи молодаго человѣка изможденный видъ, не смотря на довольно крѣпкое сложеніе, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, что-то страстное, до страданія, не гармонировавшее съ нахальною и грубою улыбкой и съ рѣзкимъ,

самодовольнымъ его взглядомъ. Онъ былъ тепло одѣтъ, въ широкій, мерлушечій, черный, крытый тулупъ, и за ночь не зябъ, тогда какъ сосѣдъ его принужденъ былъ вынести на своей издрогшей спинѣ всю сладость сырой, ноябрьской русской ночи, къ которой, очевидно, былъ не приготовленъ. На немъ былъ довольно широкій и толстый плащъ безъ рукавовъ и съ огромнымъ капюшономъ, точь-въ-точь какъ употребляютъ часто дорожные, по зимамъ, гдѣ нибудь далеко за границей, въ Швейцаріи, или, напримѣръ, въ Сѣверной Италіи, не разсчитывая, конечно, при этомъ и на такіе концы по дорогѣ, какъ отъ Эйдкунена до Петербурга. Но что годилось и вполнѣ удовлетворяло въ Италіи, то оказалось не совсѣмъ пригоднымъ въ Россіи. Обладатель плаща съ капюшономъ былъ молодой человѣкъ, тоже лѣтъ двадцати шести или двадцати семи, роста немного повыше средняго, очень бѣлокуръ, густоволосъ, со впалыми щеками и съ легонькою, востренькою, почти совершенно бѣлою бородкой. Глаза его были большіе, голубые и пристальные; во взглядѣ ихъ было что-то тихое, но тяжелое, что-то полное того страннаго выраженія, по которому нѣкоторые угадываютъ съ перваго взгляда въ субъектѣ падучую болѣзнь. Лицо молодаго человѣка было, впрочемъ, пріятное, тонкое и сухое, но безцвѣтное, а теперь даже до-синя иззябшее. Въ рукахъ его болтался тощій узелокъ изъ стараго, полинялаго фуляра, заключавшій, кажется, все его дорожное достояніе. На ногахъ его были толстоподошвенные башмаки съ штиблетами,— все не по русски. Черноволосый сосѣдъ въ крытомъ тулупѣ все это разглядѣлъ, частію отъ нечего дѣлать и, наконецъ, спросилъ съ тою неделикатною усмѣшкой, въ которой такъ безцеремонно и небрежно выражается иногда людское удовольствіе при неудачахъ ближняго:

— Зябко?

И повелъ плечами.

— Очень, отвѣтилъ сосѣдъ съ чрезвычайною готовностью,—и, замѣтьте, это еще оттепель. Что-жь, если-бы морозъ? Я даже не думалъ, что у насъ такъ холодно. Отвыкъ.

— Изъ-за границы что-ль?

— Да, изъ Швейцаріи.

— Фью! Экъ вѣдь васъ!..

Черноволосый присвистнулъ и захохоталъ.

Завязался разговоръ. Готовность бѣлокураго молодаго человѣка въ швейцарскомъ плащѣ отвѣчать на всѣ вопросы своего черномазаго сосѣда была удивительная и безъ всякаго подозрѣнія совершенной небрежности, неумѣстности и праздности иныхъ вопросовъ. Отвѣчая, онъ объявилъ, между прочимъ, что дѣйствительно долго не былъ въ Россіи, слишкомъ четыре года, что отправленъ былъ

за границу по болѣзни, но какой-то странной нервной болѣзни, въ родѣ падучей или Витовой пляски, какихъ-то дрожаній и судорогъ. Слушая его, черномазый нѣсколько разъ усмѣхался: особенно засмѣялся онъ, когда на вопросъ: «что-же, вылѣчили?» — бѣлокурый отвѣчалъ, что «нѣтъ, не вылѣчили».

Хе! денегъ что̀, должно быть, даромъ переплатили, а мы-то имъ здѣсь вѣримъ, язвительно замѣтилъ черномазый.

— Истинная правда! ввязался въ разговоръ одинъ сидѣвшій рядомъ и дурно одѣтый господинъ, нѣчто въ родѣ закорузлаго въ подъячествѣ чиновника, лѣтъ сорока, сильнаго сложенія, съ краснымъ носомъ и угреватымъ лицомъ: — истинная правда-съ, только всѣ русскія силы даромъ къ себѣ переводятъ!

О, какъ вы въ моемъ случаѣ ошибаетесь, подхватилъ швейцарскій паціентъ, тихимъ и примиряющимъ голосомъ: — конечно, я спорить не могу, потому что всего не знаю, но мой докторъ мнѣ изъ своихъ послѣднихъ еще на дорогу сюда далъ, да два почти года тамъ на свой счетъ содержалъ.

Что-жь, некому платить что-ли было? спросилъ черномазый.

— Да, господинъ Павлищевъ, который меня тамъ содержалъ, два года назадъ померъ; я писалъ потомъ сюда генеральшѣ Епанчиной, моей дальней родственницѣ, но отвѣта не получилъ. Такъ съ тѣмъ и пріѣхалъ.

— Куда-же пріѣхали-то?

— То есть, гдѣ остановлюсь?.. Да не знаю еще, право... такъ...

— Не рѣшились еще?

И оба слушателя снова захохотали.

И небось въ этомъ узелкѣ вся ваша суть заключается? спросилъ черномазый.

— Объ закладъ готовъ биться, что такъ, подхватилъ съ чрезвычайно довольнымъ видомъ краснопосый чиновникъ,—и что дальнѣйшей поклажи въ багажныхъ вагонахъ не имѣется, хотя бѣдность и не порокъ, чего опять-таки нельзя не замѣтить.

Оказалось, что и это было такъ: бѣлокурый молодой человѣкъ тотчасъ-же и съ необыкновенною поспѣшностью въ этомъ признался.

— Узелокъ вашъ, вестимо, имѣетъ нѣкоторое значеніе, продолжалъ чиновникъ, когда нахохотались до сыта (замѣчательно, что и самъ обладатель узелка началъ, наконецъ, смѣяться, глядя на нихъ, что̀ увеличило ихъ веселость),—и хотя можно побиться, что въ немъ не заключается золотыхъ заграничныхъ сертковъ съ наполеондорами и фридрихсдорами, вмѣстѣ съ голландскими арабчиками, о чемъ можно еще заключить, хотя-бы только по штиблетамъ, обличающимъ иностранные башмаки ваши, но... если къ вашему узелку

прибавить въ придачу такую будто-бы родственницу, какъ, примѣрно, генеральша Епанчина, то и узелокъ приметъ нѣкоторое иное значеніе, разумѣется, въ томъ только случаѣ, если генеральша Епанчина вамъ дѣйствительно родственница, и вы не ошибаетесь, по разсѣянности... что очень и очень свойственно человѣку, ну, хоть... отъ излишка воображенія.

— О, вы угадали опять, подхватилъ бѣлокурый молодой человѣкъ,—вѣдь дѣйствительно почти ошибаюсь, то есть почти что не родственница; до того даже, что я, право, нисколько и не удивился тогда, что мнѣ туда не отвѣтили. Я такъ и ждалъ.

— Даромъ деньги на франкировку письма истратили. Гм... по крайней мѣрѣ, простодушны и искренни, а сіе похвально! Гм.. генерала-же Епанчина знаемъ-съ, собственно потому, что человѣкъ общеизвѣстный; да и покойнаго господина Павлищева, который васъ въ Швейцаріи содержалъ, тоже знавали-съ, если только это былъ Николай Андреевичъ Павлищевъ, потому что ихъ два двоюродные брата. Другой досель въ Крыму, а Николай Андреевичъ, покойникъ, былъ человѣкъ почтенный и при связяхъ, и четыре тысячи душъ въ свое время имѣлъ-съ...

— Точно такъ, его звали Николай Андреевичъ Павлищевъ,— и, отвѣтивъ, молодой человѣкъ пристально и пытливо оглядѣлъ господина всезнайку.

Эти господа всезнайки встрѣчаются иногда, даже довольно часто, въ извѣстномъ общественномъ слоѣ. Они все знаютъ, вся безпокойная пытливость ихъ ума и способности устремляются неудержимо въ одну сторону,—конечно, за отсутствіемъ болѣе важныхъ жизненныхъ интересовъ и взглядовъ, какъ сказалъ-бы современный мыслитель. Подъ словомъ: «все знаютъ» нужно разумѣть, впрочемъ, область довольно ограниченную: гдѣ служитъ такой-то, съ кѣмъ онъ знакомъ, сколько у него состоянія, гдѣ былъ губернаторомъ, на комъ женатъ, сколько взялъ за женой, кто ему двоюроднымъ братомъ приходится, кто троюроднымъ и т. д., и т. д., и все въ этомъ родѣ. Большею частію эти всезнайки ходятъ съ ободранными локтями и получаютъ по семнадцати рублей въ мѣсяцъ жалованья. Люди, о которыхъ они знаютъ всю подноготную, конечно, не придумали-бы какіе интересы руководствуютъ ими, а между тѣмъ, многіе изъ нихъ этимъ знаніемъ, равняющимся цѣлой наукѣ, положительно утѣшены, достигаютъ самоуваженія и даже высшаго духовнаго довольства. Да и наука соблазнительная. Я видалъ ученыхъ, литераторовъ, поэтовъ, политическихъ дѣятелей, обрѣтавшихъ и обрѣтшихъ въ этой-же наукѣ свои высшія примиренія и цѣли, даже положительно только этимъ сдѣлавшихъ карьеру.

Въ продолженіи всего этого разговора черномазый молодой человѣкъ зѣвалъ, смотрѣлъ безъ цѣли въ окно и съ нетерпѣніемъ ждалъ конца путешествія. Онъ былъ какъ-то разсѣянъ, что-то очень разсѣянъ, чуть-ли не встревоженъ, даже становился какъ-то странно: иной разъ слушалъ и не слушалъ, глядѣлъ и не глядѣлъ, смѣялся и подчасъ самъ не зналъ и не помнилъ чему смѣялся.

— А позвольте, съ кѣмъ имѣю честь... обратился вдругъ угреватый господинъ къ бѣлокурому молодому человѣку съ узелкомъ.

— Князь Левъ Николаевичъ Мышкинъ, отвѣчалъ тотъ съ полною и немедленною готовностью.

— Князь Мышкинъ? Левъ Николаевичъ? Не знаю-съ. Такъ что даже и не слыхивалъ-съ, отвѣчалъ въ раздумьи чиновникъ, — то есть я не объ имени, имя историческое, въ Карамзина исторіи найдти можно и должно, я объ лицѣ-съ, да и князей Мышкиныхъ ужь что-то нигдѣ не встрѣчается, даже и слухъ затихъ-съ.

— О, еще-бы! тотчасъ-же отвѣтилъ князь: — князей Мышкиныхъ теперь и совсѣмъ нѣтъ, кромѣ меня; мнѣ кажется, я послѣдній. А что касается до отцовъ и дѣдовъ, то они у насъ и однодворцами бывали. Отецъ мой былъ, впрочемъ, арміи подпоручикъ, изъ юнкеровъ. Да вотъ не знаю какимъ образомъ и генеральша Епанчина очутилась тоже изъ княженъ Мышкиныхъ, тоже послѣдняя въ своемъ родѣ...

— Хе! хе! хе! Послѣдняя въ своемъ родѣ! Хе! хе! Какъ это вы оборотили, захихикалъ чиновникъ.

Усмѣхнулся тоже и черномазый. Бѣлокурый нѣсколько удивился, что ему удалось сказать довольно, впрочемъ, плохой каламбуръ.

— А представьте, я совсѣмъ не думая сказалъ, пояснилъ онъ, наконецъ, въ удивленіи.

— Да ужь понятно-съ, понятно-съ, весело подхватилъ чиновникъ.

— А что вы, князь, и наукамъ тамъ обучались, у профессора-то? спросилъ вдругъ черномазый.

— Да... учился...

— А я вотъ ничему никогда не обучался.

Да вѣдь и я такъ кой-чему только, прибавилъ князь, чуть не въ извиненіе.—Меня по болѣзни не находили возможнымъ систематически учить.

— Рогожиныхъ знаете? быстро спросилъ черномазый.

— Нѣтъ, не знаю, совсѣмъ. Я вѣдь въ Россіи очень мало кого знаю. Это вы-то Рогожинъ?

— Да, я Рогожинъ, Парѳенъ.

— Парѳенъ? Да ужь это не тѣхъ-ли самыхъ Рогожиныхъ... началъ-было съ усиленною важностью чиновникъ.

— Да, тѣхъ, тѣхъ самыхъ, быстро и съ невѣжливымъ нетерпѣніемъ перебилъ черномазый, который вовсе, впрочемъ, и не обращался ни разу къ угреватому чиновнику, а съ самаго начала говорилъ только одному князю.

— Да... какъ-же это? удивился до столбняка и чуть не выпучилъ глаза чиновникъ, у котораго все лицо тотчасъ-же стало складываться во что-то благоговѣйное и подобострастное, даже испуганное:—это того самаго Семена Нароѳовича Рогожина, потомственнаго почетнаго гражданина, что съ мѣсяцъ назадъ тому помре и два съ половиной милліона капиталу оставилъ?

— А ты откуда узналъ, что онъ два съ половиной милліона чистаго капиталу оставилъ? перебилъ черномазый, не удостоивая и въ этотъ разъ взглянуть на чиновника:—нинь вѣдь! (мигнулъ онъ на него князю), и что только имъ отъ этого толку, что они прихвостнями тотчасъ-же лѣзутъ? А это правда, что вотъ родитель мой померъ, а я изъ Пскова, черезъ мѣсяцъ, чуть не безъ сапогъ домой ѣду. Ни братъ подлецъ, ни мать, ни денегъ, ни увѣдомленія,—ничего не прислали! Какъ собакѣ! Въ горячкѣ въ Псковѣ весь мѣсяцъ пролежалъ!

— А теперь милліончикъ слишкомъ разомъ получитъ приходится, и это по крайней мѣрѣ, о, Господи! всплеснулъ руками чиновникъ.

— Ну чего ему, скажите пожалуйста! раздражительно и злобно кивнулъ на него опять Рогожинъ:—вѣдь я тебѣ ни копѣйки не дамъ, хоть ты тутъ вверхъ ногами передо мной ходи.

— И буду, и буду ходить.

— Вишь! Да вѣдь не дамъ, не дамъ, хошь цѣлую недѣлю пляши!

— И не давай! Такъ мнѣ и надо; не давай! А я буду плясать. Жену, дѣтей малыхъ брошу, а передъ тобой буду плясать. Польсти, польсти!

— Тьфу тебя! сплюнулъ черномазый.—Пять недѣль назадъ я вотъ какъ и вы, обратился онъ къ князю,—съ однимъ узелкомъ отъ родителя во Псковъ убѣгъ, къ теткѣ; да въ горячкѣ тамъ и слегъ, а онъ безъ меня и помре. Кондрашка приняла. Вѣчная память покойнику, а чуть меня тогда до смерти не убилъ! Вѣрите-ли, князь, вотъ ей-Богу! Не убѣги я тогда, какъ разъ-бы убилъ.

— Вы его чѣмъ нибудь разсердили? отозвался князь, съ нѣкоторымъ особеннымъ любопытствомъ разсматривая милліонера въ тулупѣ. Но хотя и могло быть нѣчто достопримѣчательное собственно въ милліонѣ и въ полученіи наслѣдства, князя удивило и заинтересовало и еще что-то другое: да и Рогожинъ самъ почему-то особенно охотно взялъ князя въ свои собесѣдники, хотя въ собесѣд-

ничествѣ нуждался, казалось, болѣе механически, чѣмъ нравственно; какъ-то болѣе отъ разсѣянности, чѣмъ отъ простосердечія: отъ тревоги, отъ волненія, чтобы только глядѣть на кого нибудь и о чемъ нибудь языкомъ колотить. Казалось, что онъ до сихъ поръ въ горячкѣ, и ужь, по крайней мѣрѣ, въ лихорадкѣ. Что-же касается до чиновника, такъ тотъ такъ и повисъ надъ Рогожинымъ, дыхнуть не смѣлъ, ловилъ и взвѣшивалъ каждое слово, точно бриллианта искалъ.

— Разсердился-то онъ разсердился, да, можетъ, и стоило, отвѣчалъ Рогожинъ, — но меня нуще всего брать доѣхалъ. Про матушку нечего сказать, женщина старая, Четьи-Минеи читаетъ, со старухами сидитъ, и что Сенька-братъ порѣшитъ, такъ тому и быть. А онъ что-же мнѣ знать-то въ свое время не далъ? Понимаемъ-съ! Оно правда, я тогда безъ памяти былъ. Тоже, говорятъ, телеграмма была нущена. Да телеграмма-то къ теткѣ и пріѣди. А она тамъ тридцатый годъ вдовствуетъ и все съ юродивыми сидитъ съ утра до ночи. Монашенка не монашенка, а еще нуще того. Телеграммы-то она непужалась, да не распечатывая въ часть и представила, такъ она тамъ и залегла до сихъ поръ. Только Коневъ, Василій Васильичъ, выручилъ, все отписалъ. Съ покрова нарочнаго на гробъ родителя, почью, братъ кисти литыя, золотыя, обрѣзалъ: онъ, дескать, эвона какихъ денегъ стоятъ. Да вѣдь онъ за это одно въ Сибирь пойдти можетъ, если я захочу, потому оно есть святотатство. Эй ты, пугало гороховое! обратился онъ къ чиновнику. — Какъ по закону: святотатство?

— Святотатство! Святотатство! тотчасъ-же подхватилъ чиновникъ.

— За это въ Сибирь?

— Въ Сибирь, въ Сибирь! Тотчасъ въ Сибирь!

— Они все думаютъ, что я еще боленъ, продолжалъ Рогожинъ князю, —а я, ни слова не говоря, потихоньку, еще больной, сѣлъ въ вагонъ, да и ѣду: отворяй ворота, братецъ Семенъ Семенычъ! Онъ родителю покойному на меня наговаривалъ, я знаю. А что я дѣйствительно чрезъ Настасью Филипповну тогда родителя раздражилъ, такъ это правда. Тутъ ужь я одинъ. Попуталъ грѣхъ.

— Чрезъ Настасью Филипповну? подобострастно промолвилъ чиновникъ, какъ-бы что-то соображая.

— Да вѣдь не знаешь! крикнулъ на него въ нетерпѣніи Рогожинъ.

— Анъ и знаю! побѣдоносно отвѣчалъ чиновникъ.

— Эвона! Да мало-ль Настасій Филипповнъ! И какая ты наглая, я тебѣ скажу, тварь! Ну, вотъ такъ и знать, что какая нибудь

вотъ этакая тварь такъ тотчасъ-же и повѣситъ! продолжалъ онъ князю.

— Ань, можетъ, и знаю-съ! тормошился чиновникъ:—Лебедевъ знаетъ! Вы, ваша свѣтлость, меня укорять изволите, а что коли я докажу? Ань, та самая Настасья Филипповна и есть, чрезъ которую вашъ родитель вамъ внушить пожелалъ калиновымъ посохомъ, а Настасья Филипповна есть Баранкова, такъ сказать, даже знатная барыня, и тоже въ своемъ родѣ князька, а знается съ нѣкоимъ Тоцкимъ. съ Аѳанасіемъ Ивановичемъ, съ однимъ исключительно, помѣщикомъ и расканталистомъ, членомъ компаній и обществъ, и больную дружбу на этотъ счетъ съ генераломъ Епанчинымъ ведущіе...

— Эге, да ты вотъ что! дѣйствительно удивился, наконецъ, Рогожинъ;—тьфу чортъ, да вѣдь онъ и впрямь знаетъ.

— Все знаетъ! Лебедевъ все знаетъ! Я, ваша свѣтлость, и съ Лихачевымъ Александой два мѣсяца бздилъ, и тоже послѣ смерти родителя, и всѣ, то есть, всѣ углы и проулки знаю, и безъ Лебедева, доложу до того, что ни шагу. Нынѣ онъ въ долговомъ отдѣленіи присутствуетъ, а тогда и Арманецъ, и Коралію, и княгиню Націю, и Настасью Филипповну имѣлъ случай узнать, да и много чего имѣлъ случай узнать.

— Настасью Филипповну? А развѣ она съ Лихачевымъ... злобно посмотрѣлъ на него Рогожинъ, даже губы его побѣлѣли и задрожали.

— Н-ничего! Н-н-ничего! Какъ есть ничего! спохватился и заторопился поскорѣе чиновникъ: — н-никакими, то есть, деньгами Лихачевъ добхать не могъ! Нѣтъ, это не то что Арманецъ. Тутъ одинъ Тоцкій. Да вечеромъ въ Большомъ али во французскомъ театрѣ въ своей собственной ложѣ сидитъ. Офицеры тамъ мало-ли что промежъ себя говорятъ, а и тѣ ничего не могутъ доказать: «вотъ, дескать, это есть та самая Настасья Филипповна», да и только: а на счетъ дальнѣйшаго—ничего! Потому что и нѣтъ ничего.

— Это вотъ все такъ и есть, мрачно и насупившись подтвердилъ Рогожинъ,—тоже мнѣ и Залёжевъ тогда говорилъ. Я тогда, князь, въ третьегодиншей отцовской бекешѣ черезъ Невскій перебѣгалъ, а она изъ магазина выходитъ, въ карету садится. Такъ меня тутъ и прожгло. Встрѣчаю Залёжева, тотъ не мнѣ чета, ходитъ какъ прикащикъ отъ парикмахера, и лорнетъ въ глазу, а мы у родителя въ смазныхъ сапогахъ, да на постныхъ щахъ отличались. Это, говоритъ, не тебѣ чета, это, говоритъ, княгиня, а зовутъ ее Настасьей Филипповной, фамиліей Баранкова, и живетъ съ Тоцкимъ, а Тоцкій отъ нея какъ отвязаться теперь не знаетъ, по-

тому совсѣмъ, то есть, лѣтъ достигъ настоящихъ, пятидесяти пяти. и жениться на первѣйшей раскрасавицѣ во всемъ Петербургѣ хочетъ. Тутъ онъ мнѣ и внушилъ, что сегодня-же можешь Настасью Филипповну въ Большомъ театрѣ видѣть, въ балетѣ, въ ложѣ своей, въ бенуарѣ, будетъ сидѣть. У насъ, у родителя, попробуй-ка въ балетъ сходить,—одна расправа, убьетъ! Я однако-же на часъ втихомолку сбѣгалъ и Настасью Филипповну опять видѣлъ; всю ту ночь не спалъ. На утро покойникъ далъ мнѣ два пятипроцентные билета, по пяти тысячъ каждый, сходи, дескать, да продай, да семь тысячъ пятьсотъ къ Андреевымъ на контору снеси, уплати, а остальную сдачу съ десяти тысячъ, не заходя никуда, мнѣ представь: буду тебя дожидаться. Билеты-то я продалъ, деньги взялъ, а къ Андреевымъ въ контору не заходилъ, а пошелъ, никуда не глядя, въ англійскій магазинъ, да на всѣ пару подвѣсокъ и выбралъ, по одному бриліантику въ каждой, этакъ почти какъ по орѣху будутъ, четыреста рублей долженъ остался, имя сказалъ, повѣрили. Съ подвѣсками я къ Залёжеву: такъ и такъ, идемъ, братъ, къ Настасьѣ Филипповнѣ. Отправились. Что у меня тогда подъ ногами, что предо мною, что по бокамъ—ничего я этого не знаю и не помню. Прямо къ ней въ залу вошли, сама вышла къ намъ. Я, то есть, тогда не сказался, что это я самый и есть; а отъ Парсена, дескать, Рогожина, говоритъ Залёжевъ, «вамъ въ память встрѣчи вчерашняго дня; соблаговолите принять». Раскрыла, взглянула, усмѣхнулась: «благодарите, говоритъ, вашего друга господина Рогожина за его любезное вниманіе», откланялась и ушла. Ну, вотъ зачѣмъ я тутъ не померъ тогда-же! Да если и пошелъ, такъ потому что думалъ: «все равно живой не вернусь»! А обиднѣе всего мнѣ то показалось, что этотъ бестія Залёжевъ все на себя присвоилъ. Я и ростомъ малъ, и одѣтъ какъ холуй, и стою, молчу, на нее глаза пялю, потому стыдно, а онъ по всей модѣ, въ помадѣ и завитой, румяный, галстухъ клѣтчатый,—такъ и разсыпается, такъ и расшаркивается, и ужъ навѣрно она его тутъ вмѣсто меня приняла! «Ну, говорю, какъ мы вышли, ты у меня теперь тутъ не смѣй и подумать, понимаешь!» Смѣется: «а вотъ какъ-то ты теперь Семену Парсенычу отчетъ отдавать будешь?» Я, правда, хотѣлъ было тогда-же въ воду, домой не заходя, да думаю: «вѣдь ужъ все равно», и какъ окаянный воротился домой.

— Эхъ! Ухъ! кривился чиновникъ, и даже дрожь его пробирала:—а вѣдь покойникъ не то что за десять тысячъ, а за десять цѣлковыхъ на тотъ свѣтъ сживывалъ, кивнулъ онъ князю. Князь съ любопытствомъ разсматривалъ Рогожина: казалось, тотъ былъ еще блѣдиѣе въ эту минуту.

— Скинывалъ! переговорилъ Рогожинъ: — ты что знаешь? Тотчасъ, продолжалъ онъ князю, — про все узналъ, да и Залёжевъ каждому встрѣчному пошелъ болтать. Взялъ меня родитель, и на верху заперъ, и цѣлый часъ поучалъ. «Это я только, говоритъ, предуготовляю тебя, а вотъ я съ тобой еще на ночь попрощаться зайду». Что-жь ты думаешь? Поѣхалъ съдой къ Настасьѣ Филипповнѣ, земно ей кланялся, умолялъ и плакалъ; вынесла она ему, наконецъ, коробку, шваркнула: «Вотъ, говоритъ, тебѣ, старая борода, твои серьги, а онѣ мнѣ теперь въ десять разъ дороже цѣной, коли изъ-подъ такой грозы ихъ Парфенъ добывалъ. Кланяйся, говоритъ, и благодари Парфена Семеныча». Ну, а я этой порой, по матушкиному благословенію, у Сережки Протушина двадцать рублей досталъ, да во Псковъ по машинѣ и отправился, да пріѣхалъ-то въ лихорадкѣ; меня тамъ святцами зачитывать старухи принялись, а я пьянъ сижу, да пошолъ потомъ по кабакамъ на послѣдніе, да въ безчувствіи всю ночь на улицѣ и провалялся, анъ къ утру горячка, а тѣмъ временемъ за ночь еще собаки обгрызли. Насилу очнулся.

— Ну-съ, ну-съ, теперь запоетъ у насъ Настасья Филипповна! потирая руки хихикалъ чиновникъ: —теперь, сударь, что подвѣски! Теперь мы такія подвѣски вознаградимъ...

— А то, что если ты хоть разъ про Настасью Филипповну какое слово молвишь, то, вотъ тебѣ Богъ, тебя выѣду, даромъ что ты съ Лихачевымъ ѣздилъ, вскрикнулъ Рогожинъ, крѣпко схвативъ его за руку.

— А коли выѣдешь, значитъ и не отвергнешь! Сѣки! Выѣдешь, и тѣмъ самымъ запечатлѣешь... А вотъ и пріѣхали!

Дѣйствительно, въѣзжали въ вокзалъ. Хотя Рогожинъ и говорилъ, что уѣхалъ тихонько, но его уже поджидали нѣсколько человѣкъ. Они кричали и махали ему шапками.

— Ишь, и Залёжевъ тутъ! пробормоталъ Рогожинъ, смотря на нихъ съ торжествующею и даже какъ-бы злобною улыбкой, и вдругъ обратился къ князю: — Князь, неизвѣстно мнѣ за что я тебя полюбилъ. Можетъ, оттого, что въ этакую минуту встрѣтился, да вотъ вѣдь и его встрѣтилъ (онъ указалъ на Лебедева), а вѣдь не полюбилъ-же его. Приходи ко мнѣ, князь. Мы эти штиблетишки-то съ тебя поснимаемъ, одѣну тебя въ куньюшубу въ первѣйшую; фракъ тебѣ сошью первѣйшій, жилетку бѣлую, али какую хошь, деньгиполны карманы набью и... поѣдемъ къ Настасьѣ Филипповнѣ! Придешь, али нѣтъ?

— Внимайте, князь Левъ Николаевичъ! внушительно и торжественно подхватилъ Лебедевъ.—Ой, не упускайте! Ой, не упускайте!..

Князь Мышкинъ привсталъ, вѣжливо протянулъ Рогожину руку и любезно сказалъ ему:

— Съ величайшимъ удовольствіемъ приду и очень васъ благодарю за то, что вы меня полюбили. Даже, можетъ быть, сегодня-же приду, если успѣю. Потому, я вамъ скажу откровенно, вы мнѣ сами очень понравились и особенно, когда про подвѣски брилліантовыя разсказывали. Даже и прежде подвѣсокъ понравились, хотя у васъ и сумрачное лицо. Благодарю васъ тоже за обѣщанныя мнѣ платье и за шубу, потому мнѣ дѣйствительно платье и шуба скоро понадобятся. Денегъ-же у меня въ настоящую минуту почти ни копѣйки нѣтъ.

— Деньги будутъ, къ вечеру будутъ, приходи!

— Будутъ, будутъ, подхватилъ чиновникъ, —къ вечеру до зари еще будутъ!

— А до женскаго пола вы, князь, охотникъ большой? Сказывайте раньше!

— Я н-н-нѣтъ! Я вѣдь... Вы, можетъ быть, не знаете, я вѣдь по прирожденной болѣзни моей даже совсѣмъ женщинъ не знаю.

— Ну, коли такъ, воскликнулъ Рогожинъ,—совсѣмъ ты, князь, выходишь юродивый, и такихъ какъ ты Богъ любитъ!

— И такихъ Господь Богъ любитъ, подхватилъ чиновникъ.

— А ты ступай за мной, строка, сказалъ Рогожинъ Лебедеву, и всѣ вышли изъ вагона.

Лебедевъ кончилъ тѣмъ, что достигъ своего. Скоро шумная ватага удалилась по направленію къ Вознесенскому проспекту. Князю надо было повернуть къ Литейной. Было сыро и мокро; князь разспросилъ прохожихъ, — до конца предстоящаго ему пути выходило версты три, и онъ рѣшился взять извощика.

II.

Генералъ Епанчинъ жилъ въ собственномъ своемъ домѣ, нѣсколько въ сторонѣ отъ Литейной, къ Спасу Преображенія. Кромѣ этого (превосходнаго) дома, пять шестыхъ котораго отдавались въ наемъ, генералъ Епанчинъ имѣлъ еще огромный домъ на Садовой, приносившій тоже чрезвычайный доходъ. Кромѣ этихъ двухъ домовъ, у него было подъ самымъ Петербургомъ весьма выгодное и значительное помѣстье; была еще въ Петербургскомъ уѣздѣ какая-то фабрика. Въ старину генералъ Епанчинъ, какъ всѣмъ извѣстно было, участвовалъ въ откупахъ. Нынѣ онъ участвовалъ

и имѣлъ весьма значительный голосъ въ нѣкоторыхъ солидныхъ акціонерныхъ компаніяхъ. Слылъ онъ человѣкомъ съ большими деньгами, съ большими занятіями и съ большими связями. Въ иныхъ мѣстахъ онъ съумѣлъ сдѣлаться совершенно необходимымъ, между прочимъ и на своей службѣ. А между тѣмъ извѣстно тоже было, что Иванъ Ѳедоровичъ Епанчинъ — человѣкъ безъ образованія и происходитъ изъ солдатскихъ дѣтей; послѣднее, безъ сомнѣнія, только къ чести его могло относиться, но генералъ, хоть и умный былъ человѣкъ, былъ тоже не безъ маленькихъ, весьма простительныхъ слабостей и не любилъ иныхъ намековъ. Но умный и ловкій человѣкъ онъ былъ безспорно. Онъ, напримѣръ, имѣлъ систему не выставляться, гдѣ надо стушевываться, и его многіе цѣнили именно за его простоту, именно за то, что онъ зналъ всегда свое мѣсто. А между тѣмъ, если-бы только вѣдали эти судьи, что̀ происходило иногда на душѣ у Ивана Ѳедоровича, такъ хорошо знавшаго свое мѣсто! Хоть и дѣйствительно онъ имѣлъ и практику, и опытъ въ житейскихъ дѣлахъ, и нѣкоторыя, очень замѣчательныя способности, но онъ любилъ выставлять себя болѣе исполнителемъ чужой идеи чѣмъ съ своимъ царемъ въ головѣ, человѣкомъ «безъ лести преданнымъ», и—куда пойдетъ вѣкъ?—даже русскимъ и сердечнымъ. Въ послѣднемъ отношеніи съ нимъ приключилось даже нѣсколько забавныхъ анекдотовъ; но генералъ никогда не унывалъ, даже и при самыхъ забавныхъ анекдотахъ; къ тому-же и везло ему, даже въ картахъ, а онъ игралъ по чрезвычайно большой и даже съ намѣреніемъ не только не хотѣлъ скрывать эту свою маленькую будто бы слабость къ картишкамъ, такъ существенно и во многихъ случаяхъ ему пригождавшуюся, но и выставлять ее. Общества онъ былъ смѣшаннаго, разумѣется, во всякомъ случаѣ «тузоваго». Но все было впереди, время теряѣло, время все теряѣло, и все должно было придти современемъ и своимъ чередомъ. Да и лѣтами генералъ Епанчинъ былъ еще, какъ говорится, въ самомъ соку, то есть пятидесяти шести лѣтъ и никакъ не болѣе, что̀ во всякомъ случаѣ составляетъ возрастъ цвѣтущій, возрастъ, съ котораго, по настоящему, начинается *истинная* жизнь. Здоровье, цвѣтъ лица, крѣпкіе, хотя и черные зубы, коренастое, плотное сложеніе, озабоченное выраженіе физіономіи по утру на службѣ, веселое къ вечеру за картами или у его сіятельства, — все способствовало настоящимъ и грядущимъ успѣхамъ и устилало жизнь его превосходительства розами.

Генералъ обладалъ цвѣтущимъ семействомъ. Правда, тутъ уже не все были розы, но было за то и много такого, на чемъ давно уже начали серіозно и сердечно сосредоточиваться главнѣйшія на-

дежды и цѣли его превосходительства. Да и что, какая цѣль въ жизни важнѣе и святѣе цѣлей родительскихъ? Къ чему прикрѣпиться, какъ не къ семейству? Семейство генерала состояло изъ супруги и трехъ взрослыхъ дочерей. Женился генералъ еще очень давно, еще будучи въ чинѣ поручика, на дѣвицѣ почти одного съ нимъ возраста, не обладавшей ни красотой, ни образованіемъ, за которою онъ взялъ всего только пятьдесятъ душъ,—правда и послужившихъ къ основанію его дальнѣйшей фортуны. Но генералъ никогда не роптalъ впослѣдствіи на свой ранній бракъ, никогда не третировалъ его какъ увлеченіе неразсчетливой юности и супругу свою до того уважалъ и до того иногда боялся ея, что даже любилъ. Генеральша была изъ княжескаго рода Мышкиныхъ, рода хотя и не блестящаго, но весьма древняго, и за свое происхожденіе весьма уважала себя. Нѣкто изъ тогдашнихъ вліятельныхъ лицъ, одинъ изъ тѣхъ покровителей, которымъ покровительство, впрочемъ, ничего не стоитъ, согласился заинтересоваться бракомъ молодой княжны. Онъ отворилъ калитку молодому офицеру и толкнулъ его въ ходъ, а тому даже и не толчка, а только развѣ одного взгляда надо было—не пропалъ-бы даромъ! За немногими исключеніями, супруги прожили все время своего долгаго вѣка согласно. Еще въ очень молодыхъ лѣтахъ своихъ, генеральша умѣла найдти себѣ, какъ урожденная княжна и послѣдняя въ родѣ, а, можетъ быть, и по личнымъ качествамъ, нѣкоторыхъ очень высокихъ покровительницъ. Впослѣдствіи, при богатствѣ и служебномъ значеніи своего супруга, она начала въ этомъ высшемъ кругу даже нѣсколько и осваиваться.

Въ эти послѣдніе годы подросли и созрѣли всѣ три генеральскія дочери,—Александра, Аделаида и Аглая. Правда, всѣ три были только Епанчины, но по матери роду княжескаго, съ приданымъ не малымъ, съ родителемъ, претендующимъ впослѣдствіи, можетъ быть, и на очень высокое мѣсто и, что тоже довольно важно,—всѣ три были замѣчательно хороши собой, не исключая и старшей, Александры, которой уже минуло двадцать пять лѣтъ. Средней было двадцать три года, а младшей, Аглаѣ, только что исполнилось двадцать. Эта младшая была даже совсѣмъ красавица и начинала въ свѣтѣ обращать на себя большое вниманіе. Но и это было еще не все: всѣ три отличались образованіемъ, умомъ и талантами. Извѣстно было, что онѣ замѣчательно любили другъ друга и одна другую поддерживали. Упоминалось даже о какихъ-то будто-бы пожертвованіяхъ двухъ старшихъ въ пользу общаго домашняго идола—младшей. Въ обществѣ онѣ не только не любили выставляться, но даже были слишкомъ скромны. Никто не могъ ихъ упрекнуть въ высокомѣріи и заносчивости, а между тѣмъ знали, что онѣ горды

и цѣну себѣ понимаютъ. Старшая была музыкантша, средняя была замѣчательный живописецъ; но объ этомъ почти никто не зналъ многіе годы, и обнаружилось это только въ самое послѣднее время, да и то нечаянно. Однимъ словомъ, про нихъ говорилось чрезвычайно много похвальнаго. Но были и недоброжелатели. Съ ужасомъ говорилось о томъ, сколько книгъ онѣ прочитали. Замужъ онѣ не торопились; извѣстнымъ кругомъ общества хотя и дорожили, но все-же не очень. Это тѣмъ болѣе было замѣчательно, что всѣ знали направленіе, характеръ, цѣли и желанія ихъ родителя.

Было уже около одиннадцати часовъ, когда князь позвонилъ въ квартиру генерала. Генералъ жилъ во второмъ этажѣ и занималъ помѣщеніе по возможности скромное, хотя и пропорціональное своему значенію. Князю отворилъ ливрейный слуга, и ему долго нужно было объясняться съ этимъ человѣкомъ, съ самаго начала посмотрѣвшимъ на него и на его узелокъ подозрительно. Наконецъ, на неоднократное и точное заявленіе, что онъ дѣйствительно князь Мышкинъ, и что ему непремѣнно надо видѣть генерала по дѣлу необходимому, недоумѣвающій человѣкъ препроводилъ его, рядомъ, въ маленькую переднюю, передъ самою пріемной, у кабинета, и сдалъ его съ рукъ на руки другому человѣку, дежурившему по утрамъ въ этой передней и докладывавшему генералу о посѣтителяхъ. Этотъ другой человѣкъ былъ во фракѣ, имѣлъ за сорокъ лѣтъ и озабоченную физіономію и былъ спеціальный, кабинетный прислужникъ и докладчикъ его превосходительства, вслѣдствіе чего и зналъ себѣ цѣну.

— Подождите въ пріемной, а узелокъ здѣсь оставьте, проговорилъ онъ, исторопливо и важно усаживаясь въ свое кресло и съ строгимъ удивленіемъ посматривая на князя, расположившагося тутъ же рядомъ подлѣ него на стулѣ, съ своимъ узелкомъ въ рукахъ.

— Если позволите, сказалъ князь, — я-бы подождалъ лучше здѣсь съ вами, а тамъ что-жъ мнѣ одному?

— Въ передней вамъ не стать, потому вы посѣтитель, иначе гость. Вамъ къ самому генералу?

Лакей, видимо, не могъ примириться съ мыслью впустить такого посѣтителя и еще разъ рѣшился спросить его.

— Да, у меня дѣло... началъ было князь.

— Я васъ не спрашиваю какое именно дѣло,—мое дѣло только объ васъ доложить. А безъ секретаря, я сказалъ, докладывать о васъ не пойду.

Подозрительность этого человѣка, казалось, все болѣе и болѣе увеличивалась: слишкомъ ужъ князь не подходилъ подъ разрядъ ежедневныхъ посѣтителей, и хотя генералу довольно часто, чуть не ежедневно, въ извѣстный часъ приходилось принимать, особенно по

отвѣта, иногда даже очень разнообразныхъ гостей, но не смотря на привычку и инструкцію, довольно широкую, камердинеръ былъ въ большомъ сомнѣніи; посредничество секретаря для доклада было необходимо.

— Да вы точно... изъ-за границы? какъ-то невольно спросилъ онъ наконецъ—и сбился; онъ хотѣлъ, можетъ быть, спросить: «Да вы точно князь Мышкинъ?»

— Да, сейчасъ только изъ вагона. Мнѣ кажется, вы хотѣли спросить: точно-ли я князь Мышкинъ? да не спросили изъ вѣжливости.

— Гм... промычалъ удивленный лакей.

— Увѣряю васъ, что я не солгалъ вамъ, и вы отвѣчать за меня не будете. А что я въ такомъ видѣ и съ узелкомъ, то тутъ удивляться нечего: въ настоящее время мои обстоятельства не казисты.

— Гм... Я опасаюсь не того, видите-ли. Доложить я обязанъ, и къ вамъ выйдетъ секретарь, окромя если вы... Вотъ то-то вотъ и есть, что окромя. Вы не по бѣдности просить къ генералу, осмѣлюсь, если можно узнать?

— О, нѣтъ, въ этомъ будьте совершенно удостовѣрены. У меня другое дѣло.

— Вы меня извините, а я на васъ глядя спросилъ. Подождите секретаря; самъ теперь занятъ съ полковникомъ, а затѣмъ придетъ и секретарь... компанейскій.

— Стало быть, если долго ждать, то я-бы васъ попросилъ: нельзя-ли здѣсь гдѣ нибудь покурить? У меня трубка и табакъ съ собой.

— По-ку-рить? съ презрительнымъ недоумѣніемъ вскинулъ на него глаза камердинеръ, какъ-бы все еще не вѣря ушамъ:—покурить? Нѣтъ, здѣсь вамъ нельзя покурить, а къ тому-же вамъ стыдно и въ мысляхъ это содержать. Хе... чудно-съ!

— О, я вѣдь не въ этой комнатѣ просилъ; я вѣдь знаю: а я-бы вышелъ куда нибудь, гдѣ-бы вы указали, потому я привыкъ, а вотъ ужь часа три не курилъ. Впрочемъ, какъ вамъ угодно и, знаете, есть пословица: въ чужой монастырь...

— Ну, какъ я объ васъ объ такомъ доложу? пробормоталъ почти невольно камердинеръ.—Первое то, что вамъ здѣсь и находиться не слѣдуетъ, а въ пріемной сидѣть, потому вы сами на линіи посѣтителя, иначе гость, и съ меня спросится... Да вы что-же у насъ жить что-ли намѣрены? прибавилъ онъ, еще разъ покосившись на узелокъ князя, очевидно, не дававшій ему покоя.

— Нѣтъ, не думаю. Даже если-бъ и пригласили, такъ не останусь. Я просто познакомиться только пріѣхалъ и больше ничего.

— Какъ? Познакомиться? съ удивленіемъ и съ утроенною подозрительностью спросилъ камердинеръ:—какъ-же вы сказали сперва, что по дѣлу?

— О, почти не по дѣлу! То есть, если хотите, и есть одно дѣло, такъ только совѣта спросить, но я, главное, чтобъ отрекомендоваться, потому я князь Мышкинъ, а генеральша Епанчина тоже послѣдняя изъ княженъ Мышкиныхъ, и кромѣ меня съ нею Мышкиныхъ больше и нѣтъ.

— Такъ вы еще и родственникъ? встрепенулся уже почти совсѣмъ испуганный лакей.

— И это почти что нѣтъ. Впрочемъ, если натягивать, конечно, родственники, но до того отдаленные, что, по настоящему, и считаться даже нельзя. Я разъ обращался къ генеральшѣ изъ-за границы съ письмомъ, но она мнѣ не отвѣтила. Я, всетаки, почелъ нужнымъ завязать сношенія по возвращеніи. Вамъ-же все это теперь объясняю, чтобы вы не сомнѣвались, потому вижу, вы все еще безпокоитесь: доложите, что князь Мышкинъ, и ужь въ самомъ докладѣ причина моего посѣщенія видна будетъ. Примутъ — хорошо, не примутъ—тоже, можетъ быть, очень хорошо. Только не могутъ, кажется, не принять: генеральша ужь конечно захочетъ видѣть старшаго и единственнаго представителя своего рода, а она породу свою очень цѣнитъ, какъ я объ ней въ точности слышалъ.

Казалось-бы, разговоръ князя былъ самый простой; но чѣмъ онъ былъ проще, тѣмъ и становился въ настоящемъ случаѣ нелѣпѣе, и опытный камердинеръ не могъ не почувствовать что̀-то, что̀ совершенно прилично человѣку съ человѣкомъ и совершенно неприлично гостю съ *человѣкомъ*. А такъ какъ *люди* гораздо умнѣе чѣмъ обыкновенно думаютъ про нихъ ихъ господа, то и камердинеру запало въ голову, что тутъ два дѣла: или князь такъ какой нибудь потаскунъ и непремѣнно пришелъ на бѣдность просить, или князь просто дурачокъ и амбиціи не имѣетъ, потому что умный князь и съ амбиціей не сталъ-бы въ передней сидѣть и съ лакеемъ про свои дѣла говорить, а, стало быть, и въ томъ и въ другомъ случаѣ, не пришлось-бы за него отвѣчать?

— А всетаки вамъ въ пріемную-бы пожаловать, замѣтилъ онъ по возможности настойчивѣе.

— Да вотъ сидѣлъ-бы тамъ, такъ вамъ-бы всего и не объяснилъ, весело засмѣялся князь, —а, стало быть, вы все еще безпокоились-бы, глядя на мой плащъ и узелокъ. А теперь вамъ, можетъ, и секретаря ждать нечего, а пойти-бы и доложить самимъ.

Я посѣтителя такого какъ вы безъ секретаря доложить не могу, а къ тому-же и сами, особливо давеча, заказали ихъ не тре-

вожить ни для кого, пока тамъ полковникъ, а Гаврила Ардаліоныч безъ доклада идетъ.

— Чиновникъ-то?

— Гаврила-то Ардаліонычъ? Нѣтъ. Онъ въ Компаніи отъ себя служитъ. Узелокъ-то поставьте хоть вонъ сюда.

— Я ужь объ этомъ думалъ; если позволите. И знаете, сниму я и плащъ?

— Конечно, не въ плащѣ-же входить къ нему.

Князь всталъ, посѣянно снялъ съ себя плащъ и остался въ довольно приличномъ и ловко сшитомъ, хотя и поношенномъ уже пиджакѣ. По жилету шла стальная цѣпочка. На цѣпочкѣ оказались женевскіе серебряные часы.

Хотя князь былъ и дурачокъ, — лакей ужь это рѣшилъ, — но, все-таки, генеральскому камердинеру показалось, наконецъ, неприличнымъ продолжать долѣе разговоръ отъ себя съ посѣтителемъ, не смотря на то, что князь ему почему-то нравился, въ своемъ родѣ, конечно. Но съ другой точки зрѣнія онъ возбуждалъ въ немъ рѣшительное и грубое негодованіе.

— А генеральша когда принимаетъ? спросилъ князь, усаживаясь опять на прежнее мѣсто.

— Это ужь не мое дѣло-съ. Принимаютъ розно, судя по лицу. Модистку и въ одиннадцать допустятъ. Гаврилу Ардаліоныча тоже раньше другихъ допускаютъ, даже къ раннему завтраку допускаютъ.

— Здѣсь у васъ въ комнатахъ теплѣе чѣмъ за границей зимой, замѣтилъ князь, — а вотъ тамъ за то на улицахъ теплѣе нашего, а въ домахъ зимой — такъ русскому человѣку и жить съ непривычки нельзя.

— Не топятъ?

— Да, да и дома устроены иначе, то есть печи и окна.

— Гм! А долго вы изволили ѣздить?

— Да четыре года. Впрочемъ, я все на одномъ почти мѣстѣ сидѣлъ, въ деревнѣ.

— Отвыкли отъ нашего-то?

— И это правда. Вѣрите-ли, дивлюсь на себя какъ говорить по русски не забылъ. Вотъ съ вами говорю теперь, а самъ думаю: а вѣдь я хорошо говорю-съ. Я, можетъ, потому такъ много и говорю. Право, со вчерашняго дня все говорить по русски хочется.

— Гм! Хе! Въ Петербургѣ-то прежде живали? (Какъ ни крѣпился лакей, а невозможно было не поддержать такой учтивый и вѣжливый разговоръ).

— Въ Петербургѣ? Совсѣмъ почти нѣтъ, такъ только проѣздомъ. И прежде ничего здѣсь не зналъ, а теперь столько, слышно, новаго,

что, говорятъ, кто и знаетъ-то, такъ съѣзжова узнавать переучивается. Здѣсь про суды теперь много говорятъ.

— Гм!.. Суды. Суды-то оно правда, что суды. А что, какъ тамъ, справедливѣе въ судѣ или нѣтъ?

— Не знаю. Я про наши много хорошаго слышалъ. Вотъ опять у насъ смертной казни нѣтъ.

— А тамъ казнятъ?

— Да. Я во Франціи видѣлъ, въ Ліонѣ. Меня туда Шнейдеръ съ собою бралъ.

— Вѣшаютъ?

— Нѣтъ, во Франціи все головы рубятъ.

— Что-же, кричитъ?

— Куды! Въ одно мгновеніе. Человѣка кладутъ, и падаетъ этакій широкій ножъ, по машинѣ, гильотиной называется, тяжело, сильно... Голова отскочитъ такъ, что и глазомъ не успѣешь мигнуть. Приготовленія тяжелы. Вотъ когда объявляютъ приговоръ, снаряжаютъ, вяжутъ, на эшафотъ взводятъ, вотъ тутъ ужасно! Народъ собирается, даже женщины, хоть тамъ и не любятъ, чтобы женщины глядѣли.

— Не ихъ дѣло.

— Конечно! Конечно! Этакую муку!.. Преступникъ былъ человѣкъ умный, безстрашный, сильный, въ лѣтахъ, Легро по фамиліи. Ну вотъ, я вамъ говорю, вѣрьте не вѣрьте, на эшафотъ всходилъ— плакалъ, бѣлый какъ бумага. Развѣ это возможно? Развѣ не ужасъ? Ну кто-же со страху плачетъ? Я и не думалъ, чтобъ отъ страху можно было заплакать не ребенку, человѣку, который никогда не плакалъ, человѣку въ сорокъ пять лѣтъ. Что-же съ душой въ эту минуту дѣлается, до какихъ судорогъ ее доводятъ? Надругательство надъ душой, больше ничего! Сказано: «не убій», такъ за то, что онъ убилъ, и его убивать? Нѣтъ, это нельзя. Вотъ я ужъ мѣсяцъ назадъ это видѣлъ, а до сихъ поръ у меня какъ предъ глазами. Разъ пять снилось.

Князь даже одушевился говоря. Легкая краска проступила въ его блѣдное лицо, хотя рѣчь его попрежнему была тихая. Камердинеръ съ сочувствующимъ интересомъ слѣдилъ за нимъ, такъ что оторваться, кажется, не хотѣлось: можетъ быть, тоже былъ человѣкъ съ воображеніемъ и попыткой на мысль.

— Хорошо еще вотъ, что муки не много, замѣтилъ онъ, — когда голова отлетаетъ.

— Знаете-ли что? горячо подхватилъ князь: — вотъ вы это замѣтили, и это всѣ точно такъ-же замѣчаютъ, какъ вы, и машина для того выдумана, гильотина. А мнѣ тогда-же пришла въ голову

одна мысль: а что, если это даже и хуже? Вамъ это смѣшно, вамъ это дико кажется, а при нѣкоторомъ воображеніи даже и такая мысль въ голову вскочитъ. Подумайте: если, напримѣръ, пытка: при этомъ страданія и раны, мука тѣлесная, и, стало быть, все это отъ душевнаго страданія отвлекаетъ, такъ что однѣми только ранами и мучаешься, выютъ пока умрешь. А вѣдь главная, самая сильная боль, можетъ, не въ ранахъ, а вотъ, что вотъ знаешь навѣрно, что вотъ черезъ часъ, потомъ черезъ десять минутъ, потомъ черезъ полминуты, потомъ теперь, вотъ сейчасъ — душа изъ тѣла вылетитъ, и что человѣкомъ уже больше не будешь, и что это уже навѣрно: главное то, что *навѣрно*. Вотъ какъ голову кладешь подъ самый ножъ и слышишь, какъ онъ скользнетъ надъ головой, вотъ эти-то четверть секунды всего и страшнѣе. Знаете-ли, что это не моя фантазія, а что такъ многіе говорили? Я до того этому вѣрю, что прямо вамъ скажу мое мнѣніе. Убивать за убійство несоразмѣрно большее наказаніе чѣмъ самое преступленіе. Убійство по приговору несоразмѣрно ужаснѣе, чѣмъ убійство разбойничье. Тотъ, кого убиваютъ разбойники, рѣжутъ ночью, въ лѣсу или какъ нибудь, непремѣнно еще надѣется, что спасется, до самаго послѣдняго мгновенія. Примѣры бывали, что ужъ горло перерѣзано, а онъ еще надѣется, или бѣжитъ, или проситъ. А тутъ, всю эту послѣднюю надежду, съ которою умирать въ десять разъ легче, отнимаютъ *навѣрно*: тутъ приговоръ, и въ томъ, что навѣрно не избѣгнешь, вся ужасная-то мука и сидитъ, и сильнѣе этой муки нѣтъ на свѣтѣ. Приведите и поставьте солдата противъ самой пушки на сраженіи и стрѣляйте въ него, онъ еще все будетъ надѣяться, но прочтите этому самому солдату приговоръ *навѣрно*, и онъ съ ума сойдетъ или заплачетъ. Кто сказалъ, что человѣческая природа въ состояніи вынести это безъ сумасшествія? Зачѣмъ такое надругательство, безобразное, ненужное, напрасное? Можетъ быть, и есть такой человѣкъ, которому прочли приговоръ, дали помучиться, а потомъ сказали: «ступай, тебя прощаютъ». Вотъ этакой человѣкъ, можетъ быть, могъ-бы разсказать. Объ этой мукѣ и объ этомъ ужасѣ и Христосъ говорилъ. Нѣтъ, съ человѣкомъ такъ нельзя поступать!

Камердинеръ. Хотя и не могъ-бы такъ выразить все это, какъ князь, но, конечно, хотя не все, но главное понялъ, что видно было даже по умилившемуся лицу его.

— Если ужъ такъ вамъ желательно, промолвилъ онъ,—покурить, то оно, пожалуй, и можно, коли только поскорѣе. Потому вдругъ спросятъ, а васъ и нѣтъ. Вотъ тутъ подъ лѣсенкой, видите, дверь. Въ дверь войдете, направо каморка, тамъ можно, только форточку растворите, потому оне не порядокъ...

Но князь не успѣлъ сходить покурить. Въ переднюю вдругъ вошелъ молодой человѣкъ, съ бумагами въ рукахъ. Камердинеръ сталъ снимать съ него шубу. Молодой человѣкъ скосилъ глаза на князя.

— Это, Гаврила Ардаліоныч, началъ конфиденціально и почти фамиліарно камердинеръ, докладываютея, что князь Мышкинъ и барынин родственникъ, пріѣхалъ съ поѣздомъ изъ-за границы, и узелокъ въ рукѣ, только...

Дальнѣйшаго князь не услышалъ, потому что камердинеръ началъ шептать. Гаврила Ардаліоновичъ слушалъ внимательно и поглядывалъ на князя съ большимъ любопытствомъ, наконецъ пересталъ слушать и нетерпѣливо приблизился къ нему.

— Вы князь Мышкинъ? спросилъ онъ чрезвычайно любезно и вѣжливо. Это былъ очень красивый молодой человѣкъ, тоже лѣтъ двадцати восьми, строиный блондинъ, средневысокаго роста, съ маленькою наполеоновскою бородкой, съ умнымъ и очень красивымъ лицомъ. Только улыбка его, при всей ея любезности, была что-то ужь слишкомъ тонка; зубы выставлялись при этомъ что-то ужь слишкомъ жемчужно-ровно; взглядъ, не смотря на всю веселость и видимое простодушіе его, былъ что-то ужь слишкомъ присталенъ и испытующъ.

Онъ, должно быть, когда одинъ, совсѣмъ не такъ смотритъ и, можетъ быть, никогда не смѣется , почувствовалось какъ-то князю.

Князь объяснилъ все что могъ, на-скоро, почти тоже самое, что̀ уже прежде объяснялъ камердинеру и еще прежде Рогожину. Гаврила Ардаліоновичъ межъ тѣмъ какъ будто что-то припоминалъ.

— Не вы-ли, спросилъ онъ, — изволили съ годъ назадъ, или даже ближе прислать письмо, кажется изъ Швейцаріи, къ Елизаветѣ Прокофьевнѣ?

— Точно такъ.

— Такъ васъ здѣсь знаютъ и навѣрно помнятъ. Вы къ его превосходительству? Сейчасъ я доложу... Онъ сейчасъ будетъ свободенъ. Только вы-бы... вамъ-бы пожаловать пока въ пріемную... Зачѣмъ они здѣсь? строго обратился онъ къ камердинеру.

— Говорю, сами не захотѣли...

Въ это время вдругъ отворилась дверь изъ кабинета, и какой-то военный, съ портфелемъ въ рукѣ, громко говоря и откланиваясь, вышелъ оттуда.

— Ты здѣсь, Ганя? крикнулъ голосъ изъ кабинета: — а пожалуй-ка сюда!

Гаврила Ардаліоновичъ кивнулъ головой князю и поспѣшно прошелъ въ кабинетъ.

Минуты черезъ двѣ дверь отворилась снова, и послышался звонкій и привѣтливый голосъ Гаврилы Ардаліоновича:

— Князь, пожалуйте!

III.

Генералъ, Иванъ Ѳедоровичъ Епанчинъ, стоялъ посреди своего кабинета и съ чрезвычайнымъ любопытствомъ смотрѣлъ на входящаго князя, даже шагнулъ къ нему два шага. Князь подошелъ и отрекомендовался.

— Такъ-съ, отвѣчалъ генералъ,—чѣмъ-же могу служить?

— Дѣла неотлагательнаго я никакого не имѣю; цѣль моя была просто познакомиться съ вами. Не желалъ-бы безпокоить, такъ какъ я не знаю ни вашего дня, ни вашихъ распоряженій... Но я только-что самъ изъ вагона... пріѣхалъ изъ Швейцаріи...

Генералъ чуть-чуть было усмѣхнулся, но подумалъ и пріостановился; потомъ еще подумалъ, прищурился, оглядѣлъ еще разъ своего гостя съ ногъ до головы, затѣмъ быстро указалъ ему стулъ, самъ сѣлъ нѣсколько наискось и въ нетерпѣливомъ ожиданіи повернулся къ князю. Ганя стоялъ въ углу кабинета, у бюро, и разбиралъ бумаги.

— Для знакомствъ вообще я мало времени имѣю, сказалъ генералъ,—но такъ какъ вы, конечно, имѣете свою цѣль, то...

— Я такъ и предчувствовалъ, перебилъ князь,—что вы непремѣнно увидите въ посѣщеніи моемъ какую нибудь особенную цѣль. Но ей Богу, кромѣ удовольствія познакомиться, у меня нѣтъ никакой частной цѣли.

— Удовольствіе, конечно, и для меня чрезвычайное, но не все-же забавы, иногда, знаете, случаются и дѣла... Притомъ-же я никакъ не могу, до сихъ поръ, разглядѣть между нами общаго... такъ сказать, причины...

— Причины нѣтъ, безспорно, и общаго, конечно, мало. Потому что, если я князь Мышкинъ и ваша супруга изъ нашего рода, то это, разумѣется, не причина. Я это очень понимаю. Но однако-жь весь-то мой поводъ въ этомъ только и заключается. Я года четыре въ Россіи не былъ, слишкомъ; да и что я выѣхалъ: почти не въ своемъ умѣ! И тогда ничего не зналъ, а теперь еще глупе. Въ людяхъ хорошихъ нуждаюсь; даже вотъ и дѣло одно имѣю и не знаю куда сунуться. Еще въ Берлинѣ подумалъ: это почти родственники, начну съ нихъ: можетъ быть, мы другъ другу и пригодимся.

они мнѣ, я имъ,—если они люди хорошіе». А я слышалъ, что вы люди хорошіе.

— Очень благодаренъ-съ, удивлялся генералъ;—позвольте узнать, гдѣ остановились?

— Я еще нигдѣ не остановился.

— Значитъ, прямо изъ вагона ко мнѣ? И... съ поклажей?

— Да со мной поклажи всего одинъ маленькій узелокъ съ бѣльемъ, и больше ничего; я его въ рукѣ обыкновенно несу. Я номеръ успѣю и вечеромъ занять.

— Такъ вы все еще имѣете намѣреніе номеръ занять?

— О, да, конечно.

— Судя по вашимъ словамъ, я-было подумалъ, что вы ужъ такъ прямо ко мнѣ.

— Это могло быть, но не иначе, какъ по вашему приглашенію. Я-же, признаюсь, не остался-бы и по приглашенію. не почему либо, а такъ.... по характеру.

— Ну, стало быть, и кстати, что я васъ не приглашалъ и не приглашаю. Позвольте еще, князь, чтобъ ужъ разомъ все разъяснить: такъ какъ вотъ мы сейчасъ договорились, что на счетъ родственности между нами и слова не можетъ быть,—хотя мнѣ, разумѣется, весьма было-бы лестно,— то, стало быть...

— То, стало быть, вставать и уходить? приподнялся князь, какъ-то даже весело разсмѣявшись, не смотря на всю видимую затруднительность своихъ обстоятельствъ.—И вотъ, ей Богу-же, генералъ, хоть я ровно ничего не знаю практически ни въ здѣшнихъ обычаяхъ, ни вообще какъ здѣсь люди живутъ, но такъ я и думалъ, что у насъ непремѣнно именно это и выйдетъ, какъ теперь вышло. Что-жъ, можетъ быть, оно такъ и надо... Да и тогда мнѣ тоже на письмо не отвѣтили... Ну, прощайте и извините, что обезпокоилъ.

Взглядъ князя былъ до того ласковъ въ эту минуту, а улыбка его до того безъ всякаго оттѣнка хотя бы какого нибудь затаеннаго непріязненнаго ощущенія, что генералъ вдругъ остановился и какъ-то вдругъ другимъ образомъ посмотрѣлъ на своего гостя; вся перемѣна взгляда совершилась въ одно мгновеніе.

— А знаете, князь, сказалъ онъ совсѣмъ почти другимъ голосомъ,—вѣдь я васъ все-таки не знаю, да и Елизавета Прокофьевна, можетъ быть, захочетъ посмотрѣть на однофамильца... Подождите, если хотите, коли у васъ время терпитъ.

— О, у меня время терпитъ; у меня время совершенно мое (и князь тотчасъ-же поставилъ свою мягкую, круглоногую шляпу на столъ).—Я, признаюсь, такъ и разсчитывалъ, что, можетъ быть,

Елизавета Прокофьевна вспомнитъ, что я ей писалъ. Давеча вашъ слуга, когда я у васъ тамъ дожидался, подозрѣвалъ, что я на бѣдность приношу къ вамъ просить; я это замѣтилъ, а у васъ, должно быть, на этотъ счетъ строгія инструкціи; но я, право, не за этимъ, а, право, для того только, чтобы съ людьми сойдтись. Вотъ только думаю немного, что я вамъ помѣшалъ, и это меня безпокоитъ.

— Вотъ что̀, князь, сказалъ генералъ съ веселою улыбкой,— если вы въ самомъ дѣлѣ такой какимъ кажетесь, то съ вами, пожалуй, и пріятно будетъ познакомиться; только видите, я человѣкъ занятой, и вотъ тотчасъ-же опять сяду кой-что просмотрѣть и подписать, а потомъ отправлюсь къ его сіятельству, а потомъ на службу, такъ и выходитъ, что я хоть и радъ людямъ... хорошимъ то есть... но... Впрочемъ, я такъ убѣжденъ, что вы превосходно воспитаны, что... А сколько вамъ лѣтъ, князь?

— Двадцать шесть.

— Ухъ! А я думалъ гораздо меньше.

— Да, говорятъ, у меня лицо молодавое. А не мѣшать вамъ я научусь и скоро пойму, потому что самъ очень не люблю мѣшать... И, наконецъ, мнѣ кажется, мы такіе розные люди на видъ... по многимъ обстоятельствамъ, что у насъ, пожалуй, и не можетъ быть много точекъ общихъ, но, знаете, я въ эту послѣднюю идею самъ не вѣрю, потому очень часто только такъ кажется, что нѣтъ точекъ общихъ, а онѣ очень есть... это отъ лѣности людской происходитъ, что люди такъ промежъ собой на глазъ сортируются и ничего не могутъ найдти... А впрочемъ, я, можетъ быть, скучно началъ? Вы, какъ будто...

— Два слова-съ: имѣете вы хотя-бы нѣкоторое состояніе? Или, можетъ быть, какія нибудь занятія намѣрены предпринять? Извините, что я такъ...

— Помилуйте, я вашъ вопросъ очень цѣню и понимаю. Никакого состоянія покамѣстъ я не имѣю и никакихъ занятій, тоже покамѣстъ, а надо бы-съ. А деньги теперь у меня были чужія, мнѣ далъ Шнейдеръ, мой профессоръ, у котораго я лѣчился и учился въ Швейцаріи, на дорогу, и далъ ровно вилоть, такъ что теперь, напримѣръ, у меня всего денегъ нѣсколько копѣекъ осталось. Дѣло у меня, правда, есть одно, и я нуждаюсь въ совѣтѣ, но...

— Скажите, чѣмъ-же вы намѣреваетесь покамѣстъ прожить, и какія были ваши намѣренія? перебилъ генералъ.

— Трудиться какъ нибудь хотѣлъ...

— О, да вы философъ: а впрочемъ... знаете за собой таланты, способности, хотя-бы нѣкоторыя, то есть, изъ тѣхъ, которыя насущный хлѣбъ даютъ? Извините опять...

— О, не извиняйтесь. Нѣтъ-съ, я думаю, что не имѣю ни талантовъ, ни особыхъ способностей; даже напротивъ, потому что я больной человѣкъ и правильно не учился. Что-же касается до хлѣба, то мнѣ кажется...

Генералъ опять перебилъ и опять сталъ разспрашивать. Князь снова разсказалъ все, что было уже разсказано. Оказалось, что генералъ слышалъ о покойномъ Павлищевѣ и даже зналъ лично. Почему Павлищевъ интересовался его воспитаніемъ, князь и самъ не могъ объяснить, — впрочемъ, просто, можетъ быть, по старой дружбѣ съ покойнымъ отцомъ его. Остался князь послѣ родителей еще малымъ ребенкомъ, всю жизнь прожилъ и росъ по деревнямъ, такъ какъ и здоровье его требовало сельскаго воздуха. Павлищевъ довѣрилъ его какимъ-то старымъ помѣщицамъ, своимъ родственницамъ; для него нанималась сначала гувернантка, потомъ гувернеръ; онъ объявилъ, впрочемъ, что хотя и все помнитъ, но мало можетъ удовлетворительно объяснить, потому что во многомъ не давалъ себѣ отчета. Частые припадки его болѣзни сдѣлали изъ него совсѣмъ почти идіота (князь такъ и сказалъ: идіота). Онъ разсказалъ, наконецъ, что Павлищевъ встрѣтился однажды въ Берлинѣ съ профессоромъ Шнейдеромъ, швейцарцемъ, который занимается именно этими болѣзнями, имѣетъ заведеніе въ Швейцаріи, въ кантонѣ Валлійскомъ, лѣчитъ по своей методѣ холодною водой, гимнастикой, лѣчитъ и отъ идіотизма, и отъ сумасшествія, при этомъ обучаетъ и берется вообще за духовное развитіе; что Павлищевъ отправилъ его къ нему въ Швейцарію, лѣтъ назадъ около пяти, а самъ два года тому назадъ умеръ, внезапно, не сдѣлавъ распоряженій; что Шнейдеръ держалъ и долѣчивалъ его еще года два; что онъ его не вылѣчилъ, но очень много помогъ; и что, наконецъ, по его собственному желанію и по одному встрѣтившемуся обстоятельству, отправилъ его теперь въ Россію.

Генералъ очень удивился.

— И у васъ въ Россіи никого, рѣшительно никого? спросилъ онъ.

— Теперь никого, но я надѣюсь... притомъ я получилъ письмо...

— Но крайней мѣрѣ, перебилъ генералъ, не разслышавъ о письмѣ, — вы чему нибудь обучались, и ваша болѣзнь не помѣшаетъ вамъ занять какое нибудь, напримѣръ, не трудное мѣсто, въ какой нибудь службѣ?

— О, навѣрно не помѣшаетъ. И на счетъ мѣста я-бы очень даже желалъ, потому что самому хочется посмотрѣть къ чему я способенъ. Учился-же я всѣ четыре года постоянно, хотя и не совсѣмъ правильно, а такъ, по особой его системѣ, и при этомъ очень много русскихъ книгъ удалось прочесть.

— Русскихъ книгъ? Стало быть, грамоту знаете и писать безъ ошибокъ можете?

— О, очень могу.

— Прекрасно-съ; а почеркъ?

— А почеркъ превосходный. Вотъ въ этомъ у меня, пожалуй, и талантъ; въ этомъ я просто каллиграфъ. Дайте мнѣ, я вамъ сейчасъ напишу что нибудь для пробы, съ жаромъ сказалъ князь.

— Сдѣлайте одолженіе. И это даже надо... И люблю я эту вашу готовность, князь, вы очень, право, милы.

— У васъ-же такія славныя письменныя принадлежности, и сколько у васъ карандашей, сколько перьевъ, какая плотная, славная бумага... И какой славный у васъ кабинетъ! Вотъ этотъ пейзажъ я знаю: это видъ швейцарскій. Я увѣренъ, что живописецъ съ натуры писалъ, и я увѣренъ, что это мѣсто я видѣлъ; это въ кантонѣ Ури...

— Очень можетъ быть, хотя это и здѣсь куплено. Ганя, дайте князю бумагу: вотъ перья и бумага, вотъ на этотъ столикъ пожалуйте. Что это? обратился генералъ къ Ганѣ, который тѣмъ временемъ вынулъ изъ своего портфеля и подалъ ему фотографическій портретъ большаго формата: —ба! Настасья Филипповна! Это сама, сама тебѣ прислала, сама? оживленно и съ большимъ любопытствомъ спрашивалъ онъ Ганю.

— Сейчасъ, когда я былъ съ поздравленіемъ, дала. Я давно уже просилъ. Не знаю, ужъ не намекъ-ли это съ ея стороны, что я самъ пріѣхалъ съ пустыми руками, безъ подарка, въ такой день, прибавилъ Ганя, непріятно улыбаясь.

— Ну, нѣтъ, съ убѣжденіемъ перебилъ генералъ, — и какой, право, у тебя складъ мыслей! Станетъ она намекать... да и не интересанка совсѣмъ. И при томъ, чѣмъ ты станешь дарить: вѣдь тутъ надо тысячи! Развѣ портретомъ? А что, кстати, не прислала еще она у тебя портрета?

— Нѣтъ, еще не прислала; да, можетъ быть, и никогда не попроситъ. Вы, Иванъ Ѳедоровичъ, помните, конечно, про сегодняшній вечеръ? Вы вѣдь изъ нарочито приглашенныхъ.

— Помню, помню, конечно, и буду. Еще бы, день рожденія, двадцать пять лѣтъ! Гм... А знаешь, Ганя, я ужъ такъ и быть тебѣ открою, приготовься. Аѳанасію Ивановичу и мнѣ она обѣщала, что сегодня у себя вечеромъ скажетъ послѣднее слово: быть или не быть! Такъ смотри-же, знай.

Ганя вдругъ смутился до того, что даже побѣлѣлъ немного.

— Она это навѣрно сказала? спросилъ онъ, и голосъ его какъ-бы дрогнулъ.

— Третьяго дня слово дала. Мы такъ приставали оба, что вынудили. Только тебѣ просила до времени не передавать.

Генералъ пристально разсматривалъ Ганю: смущеніе Гани ему видимо не нравилось.

— Вспомните, Иванъ Ѳедоровичъ, сказалъ тревожливо и колеблясь Ганя, — что вѣдь она дала мнѣ полную свободу рѣшенья до тѣхъ самыхъ поръ, пока не рѣшитъ сама дѣла, да и тогда все еще мое слово за мной...

— Такъ развѣ ты... такъ развѣ ты... испугался вдругъ генералъ.

— Я ничего.

— Помилуй, что-же ты съ нами-то хочешь дѣлать?

— Я вѣдь не отказываюсь. Я, можетъ быть, не такъ выразился...

— Еще-бы ты-то отказывался! съ досадой проговорилъ генералъ, не желая даже и сдерживать досады. — Тутъ, братъ, дѣло ужъ не въ томъ, что ты *не* отказываешься, а дѣло въ твоей готовности, въ удовольствіи, въ радости, съ которою примешь ея слова... Что у тебя дома дѣлается?

— Да что дома? Дома все состоитъ въ моей волѣ, только отецъ по обыкновенію дурачится, но вѣдь это совершенный безобразникъ сдѣлался: я съ нимъ ужъ и не говорю, но, однако-жъ, въ тискахъ держу, и, право, если-бы не мать, такъ указалъ-бы дверь. Мать все, конечно, плачетъ: сестра злится, а я имъ прямо сказалъ, наконецъ, что я господинъ своей судьбы, и въ домъ, желаю, чтобы меня... слушались. Сестрѣ, по крайней мѣрѣ, все это отчеканилъ, при матери.

— А я, братъ, продолжаю не постигать, задумчиво замѣтилъ генералъ, нѣсколько вскинувъ плечами и немного разставивъ руки.— Нина Александровна тоже намедни, вотъ когда приходила-то, помнишь? стонетъ и охаетъ: чего вы? спрашиваю. Выходитъ, что имъ будтобы тутъ *безчестье*. Какое-же тутъ безчестье, позвольте спросить? Кто въ чемъ можетъ Настасью Филипповну укорить, или что нибудь про нее указать? Неужели то, что она съ Тоцкимъ была? Но вѣдь это такой уже вздоръ, при извѣстныхъ обстоятельствахъ особенно! Вы, говоритъ, не пустите ее къ вашимъ дочерямъ? Ну! Эвона! Ай да Нина Александровна! То есть, какъ это не понимать, какъ это не понимать...

— Своего положенія? подсказалъ Ганя затруднившемуся генералу: — она понимаетъ: вы на нее не сердитесь. Я, впрочемъ, тогда-же намылилъ голову, чтобы въ чужія дѣла не совалась. И однако до сихъ поръ все тѣмъ только у насъ въ домѣ и держится.

что послѣдняго слова еще не сказано, а гроза грянетъ. Если сегодня скажется послѣднее слово, стало быть, и все скажется.

Князь слышалъ весь этотъ разговоръ, сидя въ уголкѣ за своею каллиграфскою пробой. Онъ кончилъ, подошелъ къ столу и подалъ свой листокъ.

— Такъ это Настасья Филипповна? промолвилъ онъ, внимательно и любопытно поглядѣвъ на портретъ: — удивительно хороша! прибавилъ онъ тотчасъ-же съ жаромъ. На портретѣ была изображена дѣйствительно необыкновенной красоты женщина. Она была сфотографирована въ черномъ шелковомъ платьѣ, чрезвычайно простаго и изящнаго фасона; волосы, повидимому, темнорусые, были убраны просто, по домашнему; глаза темные, глубокіе, лобъ задумчивый; выраженіе лица страстное и какъ-бы высокомѣрное. Она была нѣсколько худа лицомъ, можетъ быть, и блѣдна... Ганя и генералъ съ изумленіемъ посмотрѣли на князя...

— Какъ, Настасья Филипповна! Развѣ вы уже знаете и Настасью Филипповну? спросилъ генералъ.

— Да: всего только сутки въ Россіи, а уже такую раскрасавицу знаю, отвѣтилъ князь, и тутъ-же разсказалъ про свою встрѣчу съ Рогожинымъ и передалъ весь разсказъ его.

— Вотъ еще новости! опять затревожился генералъ, чрезвычайно внимательно выслушавшій разсказъ, и пытливо поглядѣлъ на Ганю.

— Вѣроятно, одно только безобразіе, пробормоталъ тоже нѣсколько замѣшавшійся Ганя, — купеческій сынокъ гуляетъ. Я про него что-то уже слышалъ.

— Да и я, братъ, слышалъ, подхватилъ генералъ. — Тогда-же, послѣ серегъ, Настасья Филипповна весь анекдотъ пересказывала. Да вѣдь дѣло-то теперь уже другое. Тутъ, можетъ быть, дѣйствительно милліонъ сидитъ и... страсть, безобразная страсть, положимъ, но все-таки страстью пахнетъ, а вѣдь извѣстно, на что эти господа способны, во всемъ хмѣлю!.. Гм!.. Не вышло-бы анекдота какого нибудь! заключилъ генералъ задумчиво.

— Вы милліона опасаетесь? осклабился Ганя.

— А ты нѣтъ, конечно?

— Какъ вамъ показалось, князь, обратился вдругъ къ нему Ганя, — что это, серіозный какой нибудь человѣкъ, или только такъ, безобразникъ? Собственно ваше мнѣніе?

Въ Ганѣ что-то происходило особенное, когда онъ задавалъ этотъ вопросъ. Точно новая и особенная какая-то идея загорѣлась у него въ мозгу и нетерпѣливо засверкала въ глазахъ его. Генералъ-же, который искренно и простосердечно безпокоился, тоже покосился на князя, но какъ-бы не ожидая много отъ его отвѣта.

— Не знаю какъ вамъ сказать, отвѣтилъ князь, — только мнѣ показалось, что въ немъ много страсти и даже какой-то больной страсти. Да онъ и самъ еще совсѣмъ какъ будто больной. Очень можетъ быть, что съ первыхъ-же дней въ Петербургѣ и опять сляжетъ, особенно если закутитъ.

— Такъ? Вамъ такъ показалось? уцѣпился генералъ за эту идею.

— Да, показалось.

— И однако-жъ этого рода анекдоты могутъ происходить и не въ нѣсколько дней, а еще до вечера, сегодня-же, можетъ, что нибудь оберется, усмѣхнулся генералу Ганя.

— Гм!.. Конечно... Пожалуй, а ужъ тогда все дѣло въ томъ, какъ у него въ головѣ мелькнетъ, сказалъ генералъ.

— А вѣдь вы знаете какова она иногда?

— То есть какова-же? вскинулся опять генералъ, достигній чрезвычайнаго разстройства. — Послушай, Ганя, ты пожалуйста сегодня сй много не противорѣчь и постарайся этакъ, знаешь, быть... однимъ словомъ, быть по душѣ... Гм!.. Что ты такъ ротъ-то кривишь? Слушай, Гаврила Ардаліоновичъ, кстати, очень даже кстати будетъ теперь сказать: изъ-за чего мы хлопочемъ? Понимаешь, что я относительно моей собственной выгоды, которая тутъ сидитъ, уже давно обезпеченъ: я, такъ или иначе, а въ свою пользу дѣло рѣшу. Тоцкій рѣшеніе свое принялъ непоколебимо, стало быть, и я совершенно увѣренъ. И потому, если я теперь желаю чего, такъ это единственно твоей пользы. Самъ посуди: не довѣряешь ты что-ли мнѣ? Притомъ-же ты человѣкъ... человѣкъ... однимъ словомъ, человѣкъ умный, и я на тебя понадѣялся... а это, въ настоящемъ случаѣ, это... это...

— Это главное, договорилъ Ганя, опять помогая затруднившемуся генералу и скорчивъ свои губы въ ядовитѣйшую улыбку, которую уже не хотѣлъ скрывать. Онъ глядѣлъ своимъ воспаленнымъ взглядомъ прямо въ глаза генералу, какъ-бы даже желая, чтобы тотъ прочелъ въ его взглядѣ всю его мысль. Генералъ побагровѣлъ и вспылилъ.

— Ну да, умъ главное! подхватилъ онъ, рѣзко смотря на Ганю: — и смѣшной-же ты человѣкъ, Гаврила Ардаліоновичъ! Ты вѣдь точно радъ, я замѣчаю, этому купчику, какъ выходу для себя. Да тутъ именно чрезъ умъ надо-бы съ самаго начала дойдти; тутъ именно надо понять и... и поступить съ обѣихъ сторонъ честно и прямо, не то... предувѣдомить заранѣе, чтобы не компрометтировать другихъ, тѣмъ паче, что и времени къ тому было довольно, и даже еще и теперь его остается довольно (генералъ значительно поднялъ брови), не смотря на то, что остается всего только нѣсколько ча-

совъ... Ты понялъ? Понялъ? Хочешь ты или не хочешь, въ самомъ дѣлѣ? Если не хочешь, скажи,—и милости просимъ. Никто васъ, Гаврила Ардаліоныч, не удерживаетъ, никто насильно въ канканъ не тащитъ, если вы только видите тутъ канканъ.

— Я хочу, виолголоса, но твердо промолвилъ Ганя, потупилъ глаза и мрачно замолкъ.

Генералъ былъ удовлетворенъ. Генералъ погорячился, но ужъ видимо раскаивался, что далеко зашелъ. Онъ вдругъ обратился къ князю и, казалось, по лицу его вдругъ пробила безпокойная мысль, что вѣдь князь былъ тутъ и все таки слышалъ. Но онъ мгновенно успокоился: при одномъ взглядѣ на князя можно было вполнѣ успокоиться.

— Ого! вскричалъ генералъ, смотря на образецъ каллиграфіи, представленный княземъ:—да вѣдь это пропись! Да и пропись-то рѣдкая! Посмотри-ка, Ганя, каковъ талантъ!

На толстомъ веленевомъ листѣ князь написалъ средневѣковымъ русскимъ шрифтомъ фразу:

«Смиренный игуменъ Нафанаилъ руку приложилъ».

— Вотъ это, разъяснилъ князь съ чрезвычайнымъ удовольствіемъ и одушевленіемъ,—это собственная подпись игумена Нафанаія, со снимка четырнадцатаго столѣтія. Они превосходно подписывались, всѣ эти наши старые игумены и митрополиты. И съ какимъ иногда вкусомъ, съ какимъ стараніемъ! Неужели у васъ нѣтъ хоть Погодинскаго изданія, генералъ? Потомъ я вотъ тутъ написалъ другимъ шрифтомъ: это круглый, крупный французскій шрифтъ, прошлаго столѣтія, иныя буквы даже иначе писались, шрифтъ площадной, шрифтъ публичныхъ писцовъ, заимствованный съ ихъ образцовъ (у меня былъ одинъ),—согласитесь сами, что онъ не безъ достоинствъ. Взгляните на эти круглыя *о*, *а*. Я перевелъ французскій характеръ въ русскія буквы, что очень трудно, а вышло удачно. Вотъ и еще прекрасный и оригинальный шрифтъ, вотъ эта фраза: «усердіе все превозмогаетъ». Это шрифтъ русскій, писарскій или, если хотите, военно-писарскій. Такъ пишется казенная бумага къ важному лицу, тоже круглый шрифтъ, славный, *черный* шрифтъ, черно написано, но съ замѣчательнымъ вкусомъ. Каллиграфъ не допустилъ-бы этихъ росчерковъ или, лучше сказать, этихъ попытокъ расчеркнуться, вотъ этихъ недоконченныхъ полухвостиковъ,—замѣчаете,—а въ цѣломъ, посмотрите, оно составляетъ вѣдь характеръ, и, право, вся тутъ военно-писарская душа проглянула: разгуляться-бы и хотѣлось, и талантъ просится, да воротничекъ военный туго на крючокъ стянутъ, дисциплина и въ почеркъ вышла, прелесть! Это недавно меня одинъ образецъ такой пора-

зилъ, случайно нашелъ, да еще гдѣ? въ Швейцаріи! Ну, вотъ, это простой, обыкновенный и чистѣйшій англійскій шрифтъ: дальше ужь изящество не можетъ идти, тутъ все прелесть, бисеръ, жемчугъ; это закончено; но вотъ и варіація, и опять французская, я ее у одного французскаго путешествующаго комми заимствовалъ: тотъ-же англійскій шрифтъ, но черная линія капельку почернѣе и потолще чѣмъ въ англійскомъ, анъ—пропорція свѣта и нарушена; и замѣтьте тоже: оваль измѣненъ, капельку кругльѣе и вдобавокъ позволенъ росчеркъ, а росчеркъ это напонасиѣйшая вещь! Росчеркъ требуетъ необыкновеннаго вкуса: но если только онъ удался, если только найдена пропорція, то этакой шрифтъ ни съ чѣмъ не сравнимъ, такъ даже, что можно влюбиться въ него.

— Ого! да въ какія вы тонкости заходите, смѣялся генералъ,— да вы, батюшка, не просто калиграфъ, вы артистъ, а? Ганя?

— Удивительно, сказалъ Ганя,—и даже съ сознаніемъ своего назначенія, прибавилъ онъ, смѣясь насмѣшливо.

— Смѣйся, смѣйся, а вѣдь тутъ карьера, сказалъ генералъ.— Вы знаете, князь, къ какому лицу мы теперь вамъ бумаги писать дадимъ? Да вамъ прямо можно тридцать пять рублей въ мѣсяцъ положить, съ перваго шагу. Однако ужь половина перваго, заключилъ онъ, взглянувъ на часы:—къ дѣлу, князь, потому мнѣ надо поспѣшить, а сегодня, можетъ, мы съ вами не встрѣтимся! Присядьте-ка на минутку; я вамъ уже изъяснилъ, что принимать васъ очень часто не въ состояніи: но помочь вамъ капельку искренно желаю; капельку, разумѣется, то есть въ видѣ необходимѣйшаго, а тамъ какъ ужь вамъ самимъ будетъ угодно. Мѣстечко въ канцеляріи я вамъ пріищу, не тугое, но потребуетъ аккуратности. Теперь-съ на счетъ дальнѣйшаго: въ домѣ, то есть въ семействѣ Гавриды Ардаліоныча Иволгина, вотъ этого самаго молодаго моего друга, съ которымъ прошу познакомиться, маменька его и сестрица очистили въ своей квартирѣ двѣ-три меблированныя комнаты и отдаютъ ихъ отлично рекомендованнымъ жильцамъ, со столомъ и прислугой. Мою рекомендацію, я увѣренъ, Нина Александровна приметъ. Для васъ-же, князь, это даже больше чѣмъ кладь, во первыхъ, потому, что вы будете не одинъ, а, такъ сказать, въ нѣдрахъ семейства, а по моему взгляду, вамъ нельзя съ перваго шагу очутиться однимъ въ такой столицѣ, какъ Петербургъ. Нина Александровна—маменька и Варвара Ардаліоновна—сестрица Гавриды Ардаліоныча, — дамы, которыхъ я уважаю чрезмѣрно. Нина Александровна, супруга Ардаліона Александровича, отставленнаго генерала, моего бывшаго товарища по первоначальной службѣ, но съ которымъ я, по нѣкоторымъ обстоятельствамъ, прекратилъ сно-

шенія, что̀, впрочемъ, не мѣшаетъ мнѣ въ своемъ родѣ уважать его. Все это я вамъ изъясняю, князь, съ тѣмъ, чтобы вы поняли, что я васъ, такъ сказать, лично рекомендую, слѣдственно за васъ какъ-бы тѣмъ ручаюсь. Плата самая умѣренная, и, я надѣюсь, жалованье ваше въ скорости будетъ совершенно къ тому достаточно. Правда, человѣку необходимы и карманныя деньги, хотя-бы нѣкоторыя, но вы не разсердитесь, князь, если я вамъ замѣчу, что вамъ лучше-бы избѣгать карманныхъ денегъ, да и вообще денегъ въ карманѣ. Такъ по взгляду моему на васъ говорю. Но такъ какъ теперь у васъ кошелекъ совсѣмъ пустъ, то, для первоначалу, позвольте вамъ предложить вотъ эти двадцать пять рублей. Мы, конечно, сочтемся, и если вы такой искренній и задушевный человѣкъ, какимъ кажетесь на словахъ, то затрудненій и тутъ между нами выйти не можетъ. Если-же я вами такъ интересуюсь, то у меня, на вашъ счетъ, есть даже нѣкоторая цѣль; впослѣдствіи вы ее узнаете. Видите, я съ вами совершенно просто: надѣюсь, Ганя, ты ничего не имѣешь противъ помѣщенія князя въ вашей квартирѣ?

— О, напротивъ! И маманя будетъ очень рада... вѣжливо и предупредительно подтвердилъ Ганя.

— У васъ вѣдь, кажется, только еще одна комната и занята. Этотъ, какъ его, Ферд... Фер...

— Фердыщенко.

— Ну да; не нравится мнѣ этотъ вашъ Фердыщенко: сальный шутъ какой-то. И не понимаю, почему его такъ поощряетъ Настасья Филипповна? Да онъ взаправду что-ли ей родственникъ?

— О нѣтъ, все это шутка! И не нахнетъ родственникомъ.

— Ну, чортъ съ нимъ! Ну, такъ какъ-же вы, князь, довольны или нѣтъ?

— Благодарю васъ, генералъ, вы поступили со мной какъ чрезвычайно добрый человѣкъ, тѣмъ болѣе, что я даже и не просилъ; я не изъ гордости это говорю: я и дѣйствительно не зналъ куда голову преклонить. Меня, правда, давеча позвалъ Рогожинъ.

— Рогожинъ? Ну, нѣтъ: я-бы вамъ посовѣтовалъ отечески, или, если больше любите, дружески, и забыть о господинѣ Рогожинѣ. Да и вообще, совѣтовалъ-бы вамъ придерживаться семейства, въ которое вы поступите.

— Если ужь вы такъ добры, началъ было князь,—то вотъ у меня одно дѣло. Я получилъ увѣдомленіе...

— Ну, извините, перебилъ генералъ,—теперь ни минуты болѣе не имѣю. Сейчасъ я скажу о васъ Лизаветѣ Прокофьевнѣ: если она пожелаетъ принять васъ теперь-же (я ужь въ такомъ видѣ постараюсь васъ отрекомендовать), то совѣтую воспользо-

ваться случаемъ и понравиться, потому Лизавета Прокофьевна очень можетъ вамъ пригодиться; вы-же однофамилецъ. Если не пожелаетъ, то не взыщите, когда нибудь въ другое время. А ты, Ганя, взгляни-ка покамѣстъ на эти счеты, мы давеча съ Федосѣевымъ бились. Ихъ надо-бы не забыть включить...

Генералъ вышелъ, и князь такъ и не успѣлъ разсказать о своемъ дѣлѣ, о которомъ начиналъ было чуть-ли не въ четвертый разъ. Ганя закурилъ папиросу и предложилъ другую князю; князь принялъ, но не заговаривалъ, не желая помѣшать, и сталъ разсматривать кабинетъ; но Ганя едва взглянулъ на листъ бумаги, исписанный цифрами, указанный ему генераломъ. Онъ былъ разсѣянъ; улыбка, взглядъ, задумчивость Гани стали еще болѣе тяжелы на взглядъ князя, когда они оба остались наединѣ. Вдругъ онъ подошелъ къ князю; тотъ въ эту минуту стоялъ опять надъ портретомъ Настасьи Филипповны и разсматривалъ его.

— Такъ вамъ нравится такая женщина, князь? спросилъ онъ его вдругъ, пронзительно смотря на него. И точно будто бы у него было какое чрезвычайное намѣреніе.

— Удивительное лицо! отвѣтилъ князь,—и я увѣренъ, что судьба ея не изъ обыкновенныхъ. —Лицо веселое, а она вѣдь ужасно страдала, а? Объ этомъ глаза говорятъ, вотъ эти двѣ косточки, двѣ точки подъ глазами въ началѣ щекъ. Это гордое лицо, ужасно гордое, и вотъ не знаю, добра-ли она? Ахъ, кабы добра! Все было-бы спасено!

— А женились-бы *вы* на такой женщинѣ? продолжалъ Ганя, не спуская съ него своего воспаленнаго взгляда.

— Я не могу жениться ни на комъ, я нездоровъ, сказалъ князь.

— А Рогожинъ женился-бы? Какъ вы думаете?

— Да что же, жениться, я думаю, и завтра-же можно; женился-бы, а чрезъ недѣлю, пожалуй, и зарѣзалъ-бы ее.

Только что выговорилъ это князь, Ганя вдругъ такъ вздрогнулъ, что князь чуть не вскрикнулъ.

— Что съ вами? проговорилъ онъ, хватая его за руку.

— Ваше сіятельство! Его превосходительство просятъ васъ пожаловать къ ея превосходительству, возвѣстилъ лакей, появляясь въ дверяхъ. Князь отправился вслѣдъ за лакеемъ.

IV.

Въ три дѣвицы Епанчины были барышни здоровыя, цвѣтущія, рослыя, съ удивительными плечами, съ мощною грудью, съ сильными, почти какъ у мужчинъ, руками, и, конечно, вслѣдствіе своей силы и здоровья, любили иногда хорошо покушать, чего вовсе и не желали скрывать. Маменька ихъ, генеральша Лизавета Прокофьевна, иногда косилась на откровенность ихъ аппетита, но такъ какъ иныя мнѣнія ея, не смотря на всю наружную почтительность, съ которою принимались дочерьми, въ сущности давно уже потеряли первоначальный и безспорный авторитетъ между ними, и до такой даже степени, что установившійся согласный конклавъ трехъ дѣвицъ силою да рядомъ начиналъ пересиливать, то и генеральша, въ видахъ собственнаго достоинства, нашла удобнѣе не спорить и уступать. Правда, характеръ весьма часто не слушался и не подчинялся рѣшеніямъ благоразумія: Лизавета Прокофьевна становилась съ каждымъ годомъ все капризнѣе и нетерпѣливѣе, стала даже какая-то чудачка, но такъ какъ подъ рукой все-таки оставался весьма покорный и приученный мужъ, то излишнее и накопившееся изливалось обыкновенно на его голову, а затѣмъ гармонія въ семействѣ возстановлялась опять, и все шло какъ не надо лучше.

Генеральша, впрочемъ, и сама не теряла аппетита, и обыкновенно, въ половинѣ перваго, принимала участіе въ обильномъ завтракѣ, похожемъ почти на обѣдъ, вмѣстѣ съ дочерьми. По чашкѣ кофею выпивалось барышнями еще раньше, ровно въ десять часовъ, въ постеляхъ, въ минуту пробужденія. Такъ имъ полюбилось и установилось разъ навсегда. Въ половинѣ-же перваго накрывался столъ въ маленькой столовой, близъ маменькиныхъ комнатъ, и къ этому семейному и интимному завтраку являлся иногда и самъ генералъ, если позволяло время. Кромѣ чаю, кофею, сыру, меду, масла, особыхъ аладій, излюбленныхъ самою генеральшей, котлетъ и пр., подавался даже крѣпкій, горячій бульйонъ. Въ то утро, въ которое началася нашъ разсказъ, все семейство собралось въ столовой въ ожиданіи генерала, обѣщавшаго явиться къ половинѣ перваго. Если-бъ онъ опоздалъ хоть минуту, за нимъ тотчасъ-же послали-бы: но онъ явился аккуратно. Подойдя поздороваться съ супругой и поцѣловать у ней ручку, онъ замѣтилъ въ лицѣ ея на этотъ разъ что-то слишкомъ особенное. И хотя онъ еще наканунѣ предчувствовалъ, что такъ именно и будетъ сегодня по одному «анекдоту» (какъ онъ

самъ по привычкѣ своей выражался), и уже засыпая вчера, объ этомъ безпокоился, но все-таки теперь опять струсилъ. Дочери подошли съ нимъ поцѣловаться; тутъ хотя и не сердились на него, но все-таки и тутъ было тоже какъ-бы что-то особенное. Правда, генералъ, по нѣкоторымъ обстоятельствамъ, сталъ излишне подозрителенъ: но такъ какъ онъ былъ отецъ и супругъ опытный и ловкій, то тотчасъ-же и взялъ свои мѣры.

Можетъ быть, мы не очень повредимъ выпуклости нашего разсказа, если остановимся здѣсь и прибѣгнемъ къ помощи нѣкоторыхъ поясненій для прямой и точнѣйшей постановки тѣхъ отношеній и обстоятельствъ, въ которыхъ мы находимъ семейство генерала Епанчина въ началѣ нашей повѣсти. Мы уже сказали сейчасъ, что самъ генералъ, хотя былъ человѣкъ и не очень образованный, а напротивъ, какъ онъ самъ выражался о себѣ, «человѣкъ самоучный», но былъ однако-же опытнымъ супругомъ и ловкимъ отцомъ. Между прочимъ, онъ принялъ систему не торопить дочерей своихъ замужъ, то есть не «висѣть у нихъ надъ душой» и не безпокоить ихъ слишкомъ томленіемъ своей родительской любви объ ихъ счастіи, какъ невольно и естественно происходитъ сплошь да рядомъ даже въ самыхъ умныхъ семействахъ, въ которыхъ накопляются взрослыя дочери. Онъ даже достигъ того, что склонилъ и Лизавету Прокофьевну къ своей системѣ, хотя дѣло и вообще было трудное,—трудное потому, что и неестественное; но аргументы генерала были чрезвычайно значительны, основывались на осязаемыхъ фактахъ. Да и предоставленныя вполнѣ своей волѣ и своимъ рѣшеніямъ невѣсты натурально принуждены-же будутъ, наконецъ, взяться сами за умъ, и тогда дѣло загорится, потому что возьмутся за дѣло охотой, отложивъ капризы и излишнюю разборчивость; родителямъ оставалось-бы только неусыпнѣе и какъ можно непримѣтнѣе наблюдать, чтобы не произошло какого нибудь страннаго выбора или неестественнаго уклоненія, а затѣмъ, улучивъ надлежащій моментъ, разомъ помочь всѣми силами и направить дѣло всѣми вліяніями. Наконецъ, ужь одно то, что съ каждымъ годомъ, напримѣръ, росло въ геометрической прогрессіи ихъ состояніе и общественное значеніе; слѣдственно, чѣмъ болѣе уходило время, тѣмъ болѣе выигрывали и дочери, даже какъ невѣсты. Но среди всѣхъ этихъ неотразимыхъ фактовъ, наступилъ и еще одинъ фактъ: старшей дочери, Александрѣ, вдругъ и совсѣмъ почти неожиданно (какъ и всегда это такъ бываетъ), минуло двадцать пять лѣтъ. Почти въ тоже самое время и Афанасій Ивановичъ Тоцкій, человѣкъ высшаго свѣта, съ высшими связями и необыкновеннаго богатства, опять обнаружилъ свое старинное желаніе жениться. Это былъ человѣкъ лѣтъ пятидесяти пяти, изящнаго харак-

тера, съ необыкновенною утонченностію вкуса. Ему хотѣлось жениться хорошо: цѣнитель красоты онъ былъ чрезвычайный. Такъ какъ съ нѣкотораго времени онъ съ генераломъ Епанчинымъ состоялъ съ необыкновенной дружбѣ, особенно усиленной взаимнымъ участіемъ въ нѣкоторыхъ финансовыхъ предпріятіяхъ, то и сообщилъ ему, такъ сказать, прося дружескаго совѣта и руководства: возможно или нѣтъ предположеніе о его бракѣ съ одною изъ его дочерей? Въ тихомъ и прекрасномъ теченіи семейной жизни генерала Епанчина наступалъ очевидный переворотъ.

Безспорною красавицей въ семействѣ, какъ уже сказано было, была младшая, Аглая. Но даже самъ Тоцкій, человѣкъ чрезвычайнаго эгоизма, понялъ, что не тутъ ему надо искать, и что Аглая не ему предназначена. Можетъ быть, нѣсколько слѣпая любовь и слишкомъ горячая дружба сестеръ и преувеличивали дѣло, но судьба Аглаи предназначалась между ними, самымъ искреннимъ образомъ, быть не просто судьбой, а возможнымъ идеаломъ земнаго рая. Будущій мужъ Аглаи долженъ былъ быть обладателемъ всѣхъ совершенствъ и успѣховъ, не говоря уже о богатствѣ. Сестры даже положили между собой, и какъ-то безъ особенныхъ лишнихъ словъ, о возможности, если надо, пожертвованія съ ихъ стороны въ пользу Аглаи: приданое для Аглаи предназначалось колоссальное и изъ ряду вонъ. Родители знали объ этомъ соглашеніи двухъ старшихъ сестеръ, и потому, когда Тоцкій попросилъ совѣта, между ними почти и сомнѣній не было, что одна изъ старшихъ сестеръ навѣрно не откажется увѣнчать ихъ желанія, тѣмъ болѣе, что Аѳанасій Ивановичъ не могъ затрудниться на счетъ приданаго. Предложеніе-же Тоцкаго самъ генералъ оцѣнилъ тотчасъ-же, съ свойственнымъ ему знаніемъ жизни, чрезвычайно высоко. Такъ какъ и самъ Тоцкій наблюдалъ покамѣстъ, по нѣкоторымъ особымъ обстоятельствамъ, чрезвычайную осторожность въ своихъ шагахъ, и только еще сондировалъ дѣло, то и родители предложили дочерямъ на видъ только еще самыя отдаленныя предположенія. Въ отвѣтъ на это было получено отъ нихъ, тоже хоть не совсѣмъ опредѣленное, но по крайней мѣрѣ успокоительное заявленіе, что старшая, Александра, пожалуй и не откажется. Это была дѣвушка, хотя и съ твердымъ характеромъ, но добрая, разумная и чрезвычайно уживчивая: могла выйдти за Тоцкаго даже охотно; и если-бы дала слово, то исполнила-бы его честно. Блеска она не любила, не только не грозила хлопотами и крутымъ переворотомъ, но могла даже услалить и успокоить жизнь. Собой она была очень хороша, хотя и не такъ эффектна. Что могло быть лучше для Тоцкаго?

И однако-же дѣло продолжало идти все ощупью. Взаимно и дру-

жески, между Тоцкимъ и генераломъ положено было до времени избѣгать всякаго формальнаго и безвозвратнаго шага. Даже родители все еще не начинали говорить съ дочерьми совершенно открыто; начинался какъ будто и диссонансъ: генеральша Епанчина, мать семейства, становилась почему-то недовольною, а это было очень важно. Тутъ было одно мѣшавшее всему обстоятельство, одинъ мудреный и хлопотливый случай, изъ-за котораго все дѣло могло разстроиться безвозвратно.

Этотъ мудреный и хлопотливый случай (какъ выражался самъ Тоцкій) начался еще очень давно, лѣтъ восемнадцать этакъ назадъ. Рядомъ съ однимъ изъ богатѣйшихъ помѣстій Аоанасія Ивановича, въ одной изъ срединныхъ губерній, бѣдствовалъ одинъ мелкопомѣстный и бѣднѣйшій помѣщикъ. Это былъ человѣкъ замѣчательный по своимъ безпрерывнымъ и анекдотическимъ неудачамъ, — одинъ отставной офицеръ, хорошей дворянской фамиліи, и даже въ этомъ отношеніи почище Тоцкаго, нѣкто Филиппъ Александровичъ Барашковъ. Весь задолжавшійся и закложившійся, онъ успѣлъ уже, наконецъ, послѣ каторжныхъ, почти мужичьихъ трудовъ, устроить кое-какъ свое маленькое хозяйство удовлетворительно. При малѣйшей удачѣ онъ необыкновенно ободрялся. Ободренный и просіявшій надеждами, онъ отлучился на нѣсколько дней въ свой уѣздный городокъ, чтобы повидаться и, буде возможно, столковаться окончательно съ однимъ изъ главнѣйшихъ своихъ кредиторовъ. На третій день по прибытіи его въ городъ, явился къ нему изъ его деревеньки его староста, верхомъ, съ обожженною щекой и обгорѣвшею бородой, и возвѣстилъ ему, что вотчина сгорѣла . вчера, въ самый полдень, причемъ изволили сгорѣть и супруга, а дѣточки цѣлы остались . Этого сюрприза даже и Барашковъ, пріученный къ сюрпризамъ фортуны , не могъ вынести: онъ сошелъ съ ума и чрезъ мѣсяцъ померъ въ горячкѣ. Сгорѣвшее имѣніе, съ разбредшимися по міру мужиками, было продано за долги: двухъ-же маленькихъ дѣвочекъ, шести и семи лѣтъ, дѣтей Барашкова, по великодушію своему, принялъ на свое иждивеніе и воспитаніе Аоанасій Ивановичъ Тоцкій. Онѣ стали воспитываться вмѣстѣ съ дѣтьми управляющаго Аоанасія Ивановича, одного отставнаго и многосемейнаго чиновника и притомъ нѣмца. Вскорѣ осталась одна только дѣвочка, Настя, а младшая умерла отъ коклюша: Тоцкій-же вскорѣ совсѣмъ и забылъ о нихъ обѣихъ, проживая за границей. Лѣтъ пять спустя, однажды, Аоанасій Ивановичъ, проѣздомъ, вздумалъ заглянуть въ свое помѣстье и вдругъ замѣтилъ въ деревенскомъ своемъ домѣ, въ семействѣ своего нѣмца, прелестнаго ребенка, дѣвочку лѣтъ двѣнадцати, рѣзвую, милую, умненькую и обѣщавшую необыкновенную

красоту: въ этомъ отношеніи Аѳанасій Ивановичъ былъ знатокъ безошибочный. Въ этотъ разъ онъ пробылъ въ помѣстьи всего нѣсколько дней, но успѣлъ распорядиться; въ воспитаніи дѣвочки произошла значительная перемѣна: приглашена была почтенная и пожилая гувернантка, опытная въ высшемъ воспитаніи дѣвицъ, нѣмка-царка, образованная и преподававшая, кромѣ французскаго языка, и разныя науки. Она поселилась въ деревенскомъ домѣ, и воспитаніе маленькой Настасьи приняло чрезвычайные размѣры. Ровно чрезъ четыре года это воспитаніе кончилось: гувернантка уѣхала, а за Настей пріѣхала одна барыня, тоже какая-то помѣщица и тоже сосѣдка г-на Тоцкаго по имѣнію, но уже въ другой, далекой губерніи, и взяла Настю съ собой, вслѣдствіе инструкціи и полномочія отъ Аѳанасія Ивановича. Въ этомъ небольшомъ помѣстьи оказался тоже, хотя и небольшой, только что отстроенный деревянный домъ; убранъ онъ былъ особенно изящно, да и деревенька, какъ нарочно, называлась селью «Отрадное». Помѣщица привезла Настю прямо въ этотъ тихій домикъ, и такъ какъ сама она, бездѣтная вдова, жила всего въ одной верстѣ, то и сама поселилась вмѣстѣ съ Настей. Около Насти явилась старуха ключница и молодая, опытная горничная. Въ домъ нашлись музыкальные инструменты, изящная дѣвичья библіотека, картины, эстампы, карандаши, кисти, краски, удивительная левретка, а чрезъ двѣ недѣли пожаловалъ и самъ Аѳанасій Ивановичъ... Съ тѣхъ поръ онъ какъ-то особенно полюбилъ эту глухую, степную свою деревеньку, заѣзжалъ каждое лѣто, гостилъ по два, даже по три мѣсяца, и такъ прошло довольно долгое время, года четыре, спокойно и счастливо, со вкусомъ и изящно.

Однажды случилось, что какъ-то въ началѣ зимы, мѣсяца четыре спустя послѣ одного изъ лѣтнихъ пріѣздовъ Аѳанасія Ивановича въ Отрадное, заѣзжавшаго на этотъ разъ всего только на двѣ недѣли, пронесся слухъ, или, лучше сказать, дошелъ какъ-то слухъ до Настасьи Филипповны, что Аѳанасій Ивановичъ въ Петербургѣ женится на красавицѣ, на богатой, на знатной,—однимъ словомъ, дѣлаетъ солидную и блестящую партію. Слухъ этотъ оказался потомъ не во всѣхъ подробностяхъ вѣрнымъ: свадьба и тогда была еще только въ проэктѣ, и все еще было очень неопредѣленно, но въ судьбѣ Настасьи Филипповны, все-таки, произошелъ съ этого времени чрезвычайный переворотъ. Она вдругъ выказала необыкновенную рѣшимость и обнаружила самый неожиданный характеръ. Долго не думая, она бросила свой деревенскій домикъ и вдругъ явилась въ Петербургъ, прямо къ Тоцкому, одна-одинехонька. Тотъ изумился, началъ-было говорить: но вдругъ оказалось, почти съ

перваго слова, что надобно совершенно измѣнить слогъ, діапазонъ голоса, прежнія темы пріятныхъ и изящныхъ разговоровъ, употреблявшіяся досель съ такимъ успѣхомъ, логику. — все, все, все! Предъ нимъ сидѣла совершенно другая женщина, нисколько не похожая на ту, которую онъ зналъ досель и оставилъ всего только въ іюлѣ мѣсяцѣ, въ сельцѣ «Отрадномъ».

Эта новая женщина, оказалось, во первыхъ, необыкновенно много знала и понимала,—такъ много, что надо было глубоко удивляться, откуда могла она пріобрѣсти такія свѣдѣнія, выработать въ себѣ такія точныя понятія. (Неужели изъ своей дѣвичьей библіотеки?). Мало того, она даже юридически чрезвычайно много понимала и имѣла положительное знаніе, если не свѣта, то о томъ, по крайней мѣрѣ, какъ нѣкоторыя дѣла текутъ на свѣтѣ; во вторыхъ, это былъ совершенно не тотъ характеръ, какъ прежде, то есть не что-то робкое, панснонски неопредѣленное, иногда очаровательное по своей оригинальной рѣзвости и наивности, иногда грустное и задумчивое, удивленное, недовѣрчивое, плачущее и безпокойное.

Нѣтъ: тутъ хохотало предъ нимъ и колола его ядовитѣйшими сарказмами необыкновенное и неожиданное существо, прямо заявившее ему, что никогда оно не имѣло къ нему въ своемъ сердцѣ ничего, кромѣ глубочайшаго презрѣнія, презрѣнія до тошноты, наступившаго тотчасъ-же послѣ перваго удивленія. Эта новая женщина объявляла, что ей въ полномъ смыслѣ все равно будетъ, если онъ сейчасъ-же и на комъ угодно женится, но что она пріѣхала не позволить ему этотъ бракъ, и не позволить по злости, единственно потому, что ей такъ хочется, и что слѣдственно такъ и быть должно.— ну хоть для того, чтобы мнѣ только посмѣяться надъ тобой въ волю, потому что теперь и я наконецъ смѣяться хочу».

Такъ, по крайней мѣрѣ, она выражалась: всего, что было у нея на умѣ, она, можетъ быть, и не высказала. Но покамѣстъ новая Настасья Филипповна хохотала и все это излагала, Аоанасій Ивановичъ обдумывалъ про себя это дѣло и, по возможности, приводилъ въ порядокъ нѣсколько разбитыя свои мысли. Это обдумываніе продолжалось не мало времени; онъ вникалъ и рѣшался окончательно почти двѣ недѣли; но чрезъ двѣ недѣли его рѣшеніе было принято. Дѣло въ томъ, что Аоанасію Ивановичу въ то время было уже около пятидесяти лѣтъ, и человѣкъ онъ былъ въ высшей степени солидный и установившійся. Постановка его въ свѣтѣ и въ обществѣ давнымъ-давно совершилась на самыхъ прочныхъ основаніяхъ. Себя, свой покой и комфортъ онъ любилъ и цѣнилъ болѣе всего на свѣтѣ, какъ и слѣдовало въ высшей степени порядочному чело-

вѣку. Ни малѣйшаго нарушенія, ни малѣйшаго колебанія не могло быть допущено въ томъ, что всею жизнью устанавливалось и приняло такую прекрасную форму. Съ другой стороны, опытность и глубокій взглядъ на вещи подсказали Тоцкому очень скоро и необыкновенно вѣрно, что онъ имѣетъ теперь дѣло съ существомъ совершенно изъ ряду вонъ, что это именно такое существо, которое не только грозитъ, но и непремѣнно сдѣлаетъ, и, главное, ни передъ чѣмъ рѣшительно не остановится, тѣмъ болѣе что рѣшительно ничѣмъ въ свѣтѣ не дорожитъ, такъ что даже и соблазнить его невозможно. Тутъ, очевидно, было что-то другое, подразумѣвалась какая-то душевная и сердечная буря, — что-то въ родѣ какого-то романическаго негодованія Богъ знаетъ на кого и за что, какого-то ненасытимаго чувства презрѣнія, совершенно выскочившаго изъ мѣрки,—однимъ словомъ, что-то въ высшей степени смѣшное и недозволенное въ порядочномъ обществѣ и съ чѣмъ встрѣтиться для всякаго порядочнаго человѣка составляетъ чистѣйшее Божіе наказаніе. Разумѣется, съ богатствомъ и со связями Тоцкаго можно было тотчасъ-же сдѣлать какое нибудь маленькое и совершенно невинное злодѣйство, чтобъ избавиться отъ непріятности. Съ другой стороны, было очевидно, что и сама Настасья Филипповна почти ничего не въ состояніи сдѣлать вреднаго, въ смыслѣ, напримѣръ, хоть юридическомъ; даже и скандала не могла-бы сдѣлать значительнаго, потому что такъ легко ее можно было всегда ограничить. Но все это въ такомъ только случаѣ, если-бы Настасья Филипповна рѣшилась дѣйствовать какъ всѣ, и какъ вообще въ подобныхъ случаяхъ дѣйствуютъ, не выскакивая слишкомъ эксцентрично изъ мѣрки. Но тутъ-то и пригодилась Тоцкому его вѣрность взгляда: онъ съумѣлъ разгадать, что Настасья Филипповна и сама отлично понимаетъ, какъ безвредна она въ смыслѣ юридическомъ, но что у ней совсѣмъ другое на умѣ и... въ сверкавшихъ глазахъ ея. Ничѣмъ не дорожа, а пуще всего собой (нужно было очень много ума и проникновенія, чтобы догадаться въ эту минуту, что она давно уже перестала дорожить собой, и чтобъ ему, скептику и свѣтскому циннику, повѣрить серіозности этого чувства). Настасья Филипповна въ состояніи была самое себя погубить, безвозвратно и безобразно, Сибирью и каторгой, лишь-бы надругаться надъ человѣкомъ, къ которому она питала такое безчеловѣчное отвращеніе. Аѳанасій Ивановичъ никогда не скрывалъ, что онъ былъ нѣсколько трусоватъ или, лучше сказать, въ высшей степени консерваторъ. Если-бъ онъ зналъ, напримѣръ, что его убьютъ подъ вѣнцомъ, или произойдетъ что нибудь въ этомъ родѣ, чрезвычайно неприличное, смѣшное и непринятое въ обществѣ, то онъ конечно-бы испугался,

но при этомъ не столько того, что его убьютъ и ранятъ до крови, или плюнутъ всенародно въ лицо и пр., и пр., а того, что это произойдетъ съ нимъ въ такой несвойственной и непринятой формѣ. А вѣдь Настасья Филипповна именно это и пророчила, хотя еще и молчала объ этомъ; онъ зналъ, что она въ высшей степени его понимала и изучила, а слѣдственно знала, чѣмъ въ него и ударить. А такъ какъ свадьба дѣйствительно была еще только въ намѣреніи, то Аѳанасій Ивановичъ смирился и уступилъ Настасьѣ Филипповнѣ.

Рѣшенію его помогло и еще одно обстоятельство: трудно было вообразить себѣ до какой степени не походила эта новая Настасья Филипповна на прежнюю лицомъ. Прежде это была только очень хорошенькая дѣвочка, а теперь... Тоцкій долго не могъ простить себѣ, что онъ четыре года глядѣлъ и не разглядѣлъ. Правда, много значитъ и то, когда съ обѣихъ сторонъ, внутренно и внезапно, происходитъ переворотъ. Онъ припоминалъ, впрочемъ, и прежде мгновенія, когда иногда странныя мысли приходили ему при взглядѣ, напримѣръ, на эти глаза: какъ-бы предчувствовался въ нихъ какой-то глубокій и таинственный мракъ. Этотъ взглядъ глядѣлъ— точно задавалъ загадку. Въ послѣдніе два года онъ часто удивлялся измѣненію цвѣта лица Настасьи Филипповны; она становилась ужасно блѣдна и—странно—даже хорошѣла отъ этого. Тоцкій, который, какъ всѣ погулявшіе на своемъ вѣку джентльмены, съ презрѣніемъ смотрѣлъ вначалѣ какъ дешево досталась ему эта нежившая душа, въ послѣднее время нѣсколько усумнился въ своемъ взглядѣ. Во всякомъ случаѣ, у него положено было еще прошлою весной, въ скоромъ времени, отлично и съ достаткомъ, выдать Настасью Филипповну замужъ за какого нибудь благоразумнаго и порядочнаго господина, служащаго въ другой губерніи. (О, какъ ужасно и какъ зло смѣялась надъ этимъ теперь Настасья Филипповна!). Но теперь Аѳанасій Ивановичъ, прельщенный новизной, подумалъ даже, что онъ могъ-бы вновь эксплуатировать эту женщину. Онъ рѣшился поселить Настасью Филипповну въ Петербургѣ и окружить роскошнымъ комфортомъ. Если не то, такъ другое: Настасьей Филипповной можно было щегольнуть и даже потщеславиться въ извѣстномъ кружкѣ. Аѳанасій-же Ивановичъ такъ дорожилъ своею славой по этой части.

Прошло уже пять лѣтъ петербургской жизни и, разумѣется, въ такой срокъ многое опредѣлилось. Положеніе Аѳанасія Ивановича было неутѣшительное; всего хуже было то, что онъ, струсивъ разъ, уже никакъ потомъ не могъ успокоиться. Онъ боялся—и даже самъ не зналъ чего,—просто боялся Настасьи Филипповны. Нѣкоторое

время, въ первые два года, онъ сталъ-было подозрѣвать, что Настасья Филипповна сама желаетъ вступить съ нимъ въ бракъ, но молчитъ изъ необыкновеннаго тщеславія и ждетъ настойчиво его предложенія. Претензія была-бы странная: но Аоанасій Ивановичъ сталъ подозрителенъ: онъ морщился и тяжело задумывался. Къ больному и (таково сердце человѣка!) къ нѣсколько непріятному своему изумленію, онъ вдругъ, по одному случаю, убѣдился, что если-бы даже онъ и сдѣлалъ предложеніе, то его-бы не приняли. Долгое время онъ не понималъ этого. Ему показалось возможнымъ одно только объясненіе, что гордость оскорбленной и фантастической женщины доходитъ уже до такого изступленія, что ей скорѣе пріятнѣе выказать разъ свое презрѣніе въ отказъ, чѣмъ навсегда опредѣлить свое положеніе и достигнуть недосягаемаго величія. Хуже всего было то, что Настасья Филипповна ужасно много взяла верху. На интересъ тоже не подавалась, даже на очень крупный, и хотя приняла предложенный ей комфортъ, но жила очень скромно и почти ничего въ эти пять лѣтъ не скопила. Аоанасій Ивановичъ рискнулъ-было на очень хитрое средство, чтобы разбить свои цѣпи: непримѣтно и искусно онъ сталъ соблазнять ее, чрезъ ловкую помощь, разными идеальнѣйшими соблазнами: но олицетворенные идеалы: князья, гусары, секретари посольствъ, поэты, романисты, социалисты даже, ничто не произвело никакого впечатлѣнія на Настасью Филипповну, какъ будто у ней вмѣсто сердца былъ камень, а чувства изсохли и вымерли разъ на всегда. Жила она больше уединенно, читала, даже училась, любила музыку. Знакомствъ имѣла мало: она все зналась съ какими-то бѣдными и смѣшными чиновницами, знала двухъ какихъ-то актрисъ, какихъ-то старухъ, очень любила многочисленное семейство одного почтеннаго учителя, и въ семействѣ этомъ и ее очень любили и съ удовольствіемъ принимали. Довольно часто по вечерамъ сходились къ ней пять-шесть человѣкъ знакомыхъ, не болѣе. Тоцкій являлся очень часто и аккуратно. Въ послѣднее время не безъ труда познакомился съ Настасьей Филипповной генералъ Епанчинъ. Въ тоже время совершенно легко и безъ всякаго труда познакомился съ ней и одинъ молодой чиновникъ, по фамиліи Фердыщенко, очень непріличный и сальный шутъ, съ претензіями на веселость, и вышивающій. Былъ знакомъ одинъ молодой и странный человѣкъ, по фамиліи Птицынъ, скромный, аккуратный и вылощенный, происшедшій изъ нищеты и сдѣлавшійся ростовщикомъ. Познакомился, наконецъ, и Гаврила Ардаліоновичъ... Кончилось тѣмъ, что про Настасью Филипповну установилась странная слава: о красотѣ ея знали всѣ, но и только: никто не могъ ничѣмъ похвалиться, никто не могъ ничего разсказать. Такая репутація, ея образованіе,

изящная манера, остроуміе, все это утвердило Аѳанасія Ивановича окончательно на извѣстномъ планѣ. Тутъ-то и начинается тотъ моментъ, съ котораго принялъ въ этой исторіи такое дѣятельное и чрезвычайное участіе самъ генералъ Епанчинъ.

Когда Тоцкій такъ любезно обратился къ нему за дружескимъ совѣтомъ на счетъ одной изъ его дочерей, то тутъ-же, самымъ благороднѣйшимъ образомъ, сдѣлалъ полнѣйшія и откровенныя признанія. Онъ открылъ, что рѣшился уже не останавливаться *ни предъ какими* средствами, чтобы получить свою свободу; что онъ не успокоился-бы, если-бы Настасья Филипповна даже сама объявила ему, что впредь оставитъ его въ полномъ покоѣ; что ему мало словъ, что ему нужны самыя полныя гарантіи. Столковались и рѣшились дѣйствовать сообща. Первоначально положено было испытать средства самыя мягкія и затронуть, такъ сказать, одни «благородныя струны сердца». Оба пріѣхали къ Настасьѣ Филипповнѣ, и Тоцкій прямехонько началъ съ того, что объявилъ ей о невыносимомъ ужасѣ своего положенія; обвинилъ онъ себя во всемъ; откровенно сказалъ, что не можетъ раскаяться въ первоначальномъ поступкѣ съ нею, потому что онъ сластолюбецъ закоренѣлый и въ себѣ не властенъ, но что теперь онъ хочетъ жениться, и что вся судьба этого въ высшей степени приличнаго и свѣтскаго брака въ ея рукахъ; однимъ словомъ, что онъ ждетъ всего отъ ея благороднаго сердца. Затѣмъ сталъ говорить генералъ Епанчинъ, въ своемъ качествѣ отца, и говорилъ резонно, избѣгнулъ трогательнаго, упомянулъ только, что вполнѣ признаетъ ея право на рѣшеніе судьбы Аѳанасія Ивановича, ловко щегольнулъ собственнымъ смиреніемъ, представивъ на видъ, что судьба его дочери, а, можетъ быть, и двухъ другихъ дочерей, зависитъ теперь отъ ея-же рѣшенія. На вопросъ Настасьи Филипповны: «Чего именно отъ нея хотятъ?» Тоцкій съ прежнею, совершенно обнаженною прямотой, признался ей, что онъ такъ напуганъ еще пять лѣтъ назадъ, что не можетъ даже и теперь совсѣмъ успокоиться, до тѣхъ поръ, пока Настасья Филипповна сама не выйдетъ за кого нибудь замужъ. Онъ тотчасъ-же прибавилъ, что просьба эта была-бы, конечно, съ его стороны нелѣпа, если-бъ онъ не имѣлъ на счетъ ея нѣкоторыхъ основаній. Онъ очень хорошо замѣтилъ и положительно узналъ, что молодой человѣкъ, очень хорошей фамиліи, живущій въ самомъ достойномъ семействѣ, а именно Гаврила Ардаліоновичъ Иволгинъ, котораго она знаетъ и у себя принимаетъ, давно уже любитъ ее всею силой страсти, и, конечно, отдалъ-бы половину жизни за одну надежду пріобрѣсть ея симпатію. Признанія эти Гаврила Ардаліоновичъ сдѣлалъ ему, Аѳанасію Ивановичу, самъ, и давно уже, но

дружески и отъ чистаго молодаго сердца, и что объ этомъ давно уже знаетъ и Иванъ Ѳедоровичъ, благодѣтельствующій молодому человѣку. Наконецъ, если только онъ, Аѳанасій Ивановичъ, не ошибается, любовь молодаго человѣка давно уже извѣстна самой Настасьѣ Филипповнѣ, и ему показалось даже, что она смотритъ на эту любовь снисходительно. Конечно, ему всѣхъ труднѣе говорить объ этомъ. Но если Настасья Филипповна захотѣла-бы допустить въ немъ, въ Тоцкомъ, кромѣ эгоизма и желанія устроить свою собственную участь, хотя нѣсколько желанія добра и ей, то поняла-бы, что ему давно страшно и даже тяжело смотрѣть на ея одиночество: что тутъ одинъ только неопредѣленный мракъ, полное невѣріе въ обновленіе жизни, которая такъ прекрасно могла-бы воскреснуть въ любви и въ семействѣ и принять такимъ образомъ новую цѣль; что тутъ гибель способностей, можетъ быть, блестящихъ, добровольное любованіе своею тоской, однимъ словомъ, даже нѣкоторый романтизмъ, недостойный ни здраваго ума, ни благороднаго сердца Настасьи Филипповны. Повторивъ еще разъ, что ему труднѣе другихъ говорить, онъ заключилъ, что не можетъ отказаться отъ надежды, что Настасья Филипповна не отвѣтитъ ему презрѣніемъ, если онъ выразитъ свое искреннее желаніе обезпечить ея участь въ будущемъ и предложитъ ей сумму въ семьдесятъ пять тысячъ рублей. Онъ прибавилъ въ поясненіе, что эта сумма, все равно, назначена уже ей въ его завѣщаніи; однимъ словомъ, что тутъ вовсе не вознагражденіе какое нибудь... и что, наконецъ, почему-же не допустить и не извинить въ немъ человѣческаго желанія хоть чѣмъ нибудь облегчить свою совѣсть и т. д., и т. д., все что говорится въ подобныхъ случаяхъ и на эту тему. Аѳанасій Ивановичъ говорилъ долго и краснорѣчиво, присовокупивъ, такъ сказать, мимоходомъ, очень любопытное свѣдѣніе, что объ этихъ семидесяти пяти тысячахъ онъ заикнулся теперь въ первый разъ, и что о нихъ не зналъ даже и самъ Иванъ Ѳедоровичъ, который вотъ тутъ сидитъ: однимъ словомъ, не знаетъ *никто*.

Отвѣтъ Настасьи Филипповны изумилъ обоихъ друзей.

Не только не было замѣтно въ ней хотя-бы малѣйшаго проявленія прежней насмѣшки, прежней вражды и ненависти, прежняго хохоту, отъ котораго, при одномъ воспоминаніи, до сихъ поръ проходилъ холодъ по спинѣ Тоцкаго, но, напротивъ, она какъ будто обрадовалась тому, что можетъ наконецъ поговорить съ кѣмъ нибудь откровенно и по дружески. Она призналась, что сама давно желала спросить дружескаго совѣта, что мѣшала только гордость, но что теперь, когда ледъ разбитъ, ничего и не могло быть лучше. Сначала съ грустною улыбкой, а потомъ весело и рѣзво разсмѣявшись, она

призналась, что прежней бури во всякомъ случаѣ и быть не могло; что она давно уже измѣнила отчасти свой взглядъ на вещи, и что хотя и не измѣнилась въ сердцѣ, но все-таки принуждена была очень много допустить въ виду совершившихся фактовъ; что̀ сдѣлано, то сдѣлано, что̀ прошло, то прошло, такъ что ей даже странно, что Аѳанасій Ивановичъ все еще продолжаетъ быть такъ напуганнымъ. Тутъ она обратилась къ Ивану Ѳедоровичу и съ видомъ глубочайшаго уваженія объявила, что она давно уже слышала очень многое объ его дочеряхъ, и давно уже привыкла глубоко и искренно уважать ихъ. Одна мысль о томъ, что она могла-бы быть для нихъ хоть чѣмъ нибудь полезною, была-бы, кажется, для нея счастьемъ и гордостью. Это правда, что ей теперь тяжело и скучно, очень скучно; Аѳанасій Ивановичъ угадалъ мечты ея; она желала-бы воскреснуть, хоть не въ любви, такъ въ семействѣ, сознавъ новую цѣль; но что о Гаврилѣ Ардаліоновичѣ она почти ничего не можетъ сказать. Кажется правда, что онъ ее любитъ; она чувствуетъ, что могла-бы и сама его полюбить, если-бы могла повѣрить въ твердость его привязанности; но онъ очень молодъ, если даже и искренъ; тутъ рѣшеніе трудно. Ей, впрочемъ, нравится, больше всего то, что онъ работаетъ, трудится и одинъ поддерживаетъ все семейство. Она слышала, что онъ человѣкъ съ энергіей, съ гордостью, хочетъ карьеры, хочетъ пробиться. Слышала тоже, что Нина Александровна Иволгина, мать Гаврилы Ардаліоновича, превосходная и въ высшей степени уважаемая женщина; что сестра его, Варвара Ардаліоновна, очень замѣчательная и энергичная дѣвушка; она много слышала о ней отъ Птицына. Она слышала, что онѣ бодро переносятъ свои несчастія; она очень-бы желала съ ними познакомиться, но еще вопросъ, радушно-ли онѣ примутъ ее въ ихъ семью? Вообще она ничего не говоритъ противъ возможности этого брака, но объ этомъ еще слишкомъ надо подумать; она желала-бы, чтобъ ее не торопили. На счетъ-же семидесяти пяти тысячъ, — напрасно Аѳанасій Ивановичъ такъ затруднялся говорить о нихъ. Она понимаетъ сама цѣну деньгамъ и, конечно, ихъ возьметъ. Она благодаритъ Аѳанасія Ивановича за его деликатность, за то, что онъ даже и генералу объ этомъ не говорилъ, не только Гаврилѣ Ардаліоновичу, но однако-жъ, почему-же и ему не знать объ этомъ заранѣе? Ей нечего стыдиться за эти деньги, входя въ ихъ семью. Во всякомъ случаѣ, она ни у кого не намѣрена просить прощенія ни въ чемъ и желаетъ чтобъ это знали. Она не выйдетъ за Гаврилу Ардаліоновича, пока не убѣдится, что ни въ немъ, ни въ семействѣ его, нѣтъ какой нибудь затаенной мысли на ея счетъ. Во всякомъ случаѣ, она ни въ чемъ не считаетъ себя виновною, и пусть-бы лучше

Гаврила Ардаліоновичъ узналъ, на какихъ основаніяхъ она прожила всѣ эти пять лѣтъ въ Петербургѣ, въ какихъ отношеніяхъ къ Аѳанасію Ивановичу, и много-ли скопила состоянія. Наконецъ, если она и принимаетъ теперь капиталъ, то вовсе не какъ плату за свой дѣвичій позоръ, въ которомъ она не виновата, а просто какъ вознагражденіе за исковерканную судьбу.

Подконецъ она даже такъ разгорячилась и раздражилась, излагая все это (что̀, впрочемъ, было такъ естественно), что генералъ Епанчинъ былъ очень доволенъ и считалъ дѣло оконченнымъ; но разъ напуганный Тоцкій и теперь не совсѣмъ повѣрилъ, и долго боялся, нѣтъ-ли и тутъ змѣи подъ цвѣтами. Переговоры однако начались; пунктъ, на которомъ былъ основанъ весь маневръ обоихъ друзей, а именно, возможность увлеченія Настасьи Филипповны къ Ганѣ, началъ мало по малу выясняться и оправдываться, такъ что даже Тоцкій начиналъ иногда вѣрить въ возможность успѣха. Тѣмъ временемъ Настасья Филипповна объяснилась съ Ганей: словъ было сказано очень мало, точно ея цѣломудріе страдало при этомъ. Она допускала однако-жь и дозволяла ему любовь его, но настойчиво объявила, что ничѣмъ не хочетъ стѣснять себя; что она до самой свадьбы (если свадьба состоится) оставляетъ за собой право сказать: «нѣтъ», хотя бы въ самый послѣдній часъ: совершенно такое-же право предоставляетъ и Ганѣ. Вскорѣ Ганя узналъ положительно, черезъ услужливый случай, что недоброжелательство всей его семьи къ этому браку и къ Настасьѣ Филипповнѣ лично, обнаруживавшееся домашними сценами, уже извѣстно Настасьѣ Филипповнѣ въ большой подробности; сама она съ нимъ объ этомъ не заговаривала, хотя онъ и ждалъ ежедневно. Впрочемъ, можно было-бы и еще много разсказать изъ всѣхъ исторій и обстоятельствъ, обнаружившихся по поводу этого сватовства и переговоровъ; но мы и такъ забѣжали впередъ, тѣмъ болѣе, что иныя изъ обстоятельствъ являлись еще въ видѣ слишкомъ неопредѣленныхъ слуховъ. Напримѣръ, будто-бы Тоцкій откуда-то узналъ, что Настасья Филипповна вошла въ какія-то неопредѣленныя и секретныя отъ всѣхъ сношенія съ дѣвицами Епанчиными, — слухъ совершенно невѣроятный. Зато другому слуху онъ невольно вѣрилъ и боялся его до кошмара: онъ слышалъ за вѣрное, что Настасья Филипповна будто-бы въ высшей степени знаетъ, что Ганя женится только на деньгахъ, что у Гани душа черная, алчная, истерзѣливая, завистливая и необъятно, непропорціонально ни съ чѣмъ самолюбивая; что Ганя хотя и дѣйствительно страстно добивался побѣды надъ Настасьей Филипповной прежде, но когда оба друга рѣшились эксплуатировать эту страсть, начинавшуюся съ обѣихъ сторонъ, въ свою пользу, и купить Ганю

продажей ему Настасьи Филипповны въ законныя жены, то онъ возненавидѣлъ ее какъ свой кошмаръ. Въ его душѣ будто-бы странно сошлись страсть и ненависть, и онъ хотя и далъ наконецъ, послѣ мучительныхъ колебаній, согласіе жениться на сквернои женщинѣ, но самъ поклялся въ душѣ горько отмстить ей за это и «доѣхать» ее потомъ, какъ онъ будто-бы самъ выразился. Все это Настасья Филипповна будто-бы знала и что-то втайнѣ готовила. Тоцкій до того было уже струсилъ, что даже и Епанчину пересталъ сообщать о своихъ безпокойствахъ: но бывали мгновенія, что онъ, какъ слабый человѣкъ, рѣшительно вновь ободрялся и быстро воскресалъ духомъ: онъ ободрился, напримѣръ, чрезвычайно, когда Настасья Филипповна дала, наконецъ, слово обоимъ друзьямъ, что вечеромъ, въ день своего рожденія, скажетъ послѣднее слово. Зато самый страшный и самый невѣроятный слухъ, касавшійся самого уважаемаго Ивана Ѳедоровича, увы! все болѣе и болѣе оказывался вѣрнымъ.

Тутъ съ перваго взгляда все казалось чистѣйшею дичью. Трудно было повѣрить, что будто-бы Иванъ Ѳедоровичъ, на старости своихъ почтенныхъ лѣтъ, при своемъ превосходномъ умѣ и положительномъ знаніи жизни и пр. и пр., соблазнился самъ Настасьей Филипповной,—но такъ, будто-бы, до такой будто-бы степени, что этотъ капризъ почти походилъ на страсть. На что онъ надѣялся въ этомъ случаѣ—трудно себѣ и представить: можетъ быть, даже на содѣйствіе самого Гани. Тоцкому подозрѣвалось, по крайней мѣрѣ, что-то въ этомъ родѣ, подозрѣвалось существованіе какого-то почти безмолвнаго договора, основаннаго на взаимномъ проникновеніи, между генераломъ и Ганей. Впрочемъ, извѣстно, что человѣкъ, слишкомъ увлекшійся страстью, особенно если онъ въ лѣтахъ, совершенно слѣпнетъ и готовъ подозрѣвать надежду тамъ, гдѣ вовсе ея и нѣтъ; мало того, теряетъ разсудокъ и дѣйствуетъ какъ глупый ребенокъ, хотя-бы и былъ семи пядей во лбу. Извѣстно было, что генералъ приготовилъ ко дню рожденія Настасьи Филипповны отъ себя въ подарокъ удивительный жемчугъ, стоившій огромной суммы, и подаркомъ этимъ очень интересовался, хотя и зналъ, что Настасья Филипповна женщина безкорыстная. Наканунѣ дня рожденія Настасьи Филипповны онъ былъ какъ въ лихорадкѣ, хотя и ловко скрывалъ себя. Объ этомъ-то именно жемчугѣ и прослышала генеральша Епанчина. Правда. Елизавета Прокофьевна уже съ давнихъ поръ начала испытывать вѣтреность своего супруга, даже отчасти привыкла къ ней: но вѣдь невозможно-же было пропустить такой случай: слухъ о жемчугѣ чрезвычайно интересовалъ ее. Генералъ высѣдѣлъ это заблаговременно; еще наканунѣ были сказаны иныя словечки: онъ предчувствовалъ объясненіе капитальное и боялся его.

Вотъ почему ему ужасно не хотѣлось въ то утро, съ котораго мы начали разсказъ, идти завтракать въ нѣдра семейства. Еще до князя онъ положилъ отговориться дѣлами и избѣжать. Избѣжать у генерала иногда значило просто за просто убѣжать. Ему хоть одинъ этотъ день и, главное, сегодняшній вечеръ хотѣлось выиграть безъ непріятностей. И вдругъ такъ кстати пришелся князь. «Точно Богъ послалъ!» подумалъ генералъ про себя, входя къ своей супругѣ.

V.

Генеральша была ревнива къ своему происхожденію. Каково-же ей было, прямо и безъ приготовленія, услышать, что этотъ послѣдній въ родѣ князь Мышкинъ, о которомъ она уже что-то слышала, не больше какъ жалкій идіотъ и почти-что нищій, и принимаетъ подаяніе на бѣдность. Генералъ именно билъ на эффектъ, чтобы разомъ заинтересовать, отвлечь все какъ нибудь въ другую сторону и подъ шумокъ избѣжать вопроса о жемчугѣ.

Въ крайнихъ случаяхъ генеральша обыкновенно чрезвычайно выкатывала глаза, и, нѣсколько откинувшись назадъ корпусомъ, неопредѣленно смотрѣла передъ собой, не говоря ни слова. Это была рослая женщина, однихъ лѣтъ съ своимъ мужемъ, съ темными, съ большою просѣдью, но еще густыми волосами, съ нѣсколько горбатымъ носомъ, сухощавая, съ желтыми, ввалившимися щеками и тонкими вялыми губами. Лобъ ея былъ высокъ, но узокъ; сѣрые, довольно большіе глаза имѣли самое неожиданное иногда выраженіе. Когда-то у ней была слабость повѣрить, что взглядъ ея необыкновенно эффектенъ; это убѣжденіе осталось въ ней неизгладимо.

— Принять? Вы говорите его принять, теперь, сейчасъ?—и генеральша изо всѣхъ силъ выкатила свои глаза на суетившагося передъ ней Ивана Ѳедоровича.

— О, на этотъ счетъ можно безъ всякой церемоніи, если только тебѣ, мой другъ, угодно его видѣть, спѣшилъ разъяснить генералъ.— Совершенный ребенокъ и даже такой жалкій; припадки у него какіе-то болѣзненные; онъ сейчасъ изъ Швейцаріи, только-что изъ вагона, одѣтъ странно, какъ-то по нѣмецкому, и въ добавокъ ни копѣйки, буквально; чуть не плачетъ. Я ему двадцать пять рублей подарилъ и хочу ему въ канцеляріи писарское мѣстечко какое нибудь у насъ добыть. А васъ, mesdames, прошу его поопотчивать, потому что онъ, кажется, и голоденъ...

— Вы меня удивляете, продолжала по прежнему генеральша;— голоденъ и припадки! Какіе припадки?

— О, они не повторяются такъ часто, и притомъ онъ почти какъ ребенокъ, впрочемъ образованный. Я было васъ, mesdames, обратился онъ опять къ дочерямъ,—хотѣлъ попросить проэкзаменовать его, все-таки хорошо-бы узнать къ чему онъ способенъ.

— Про-эк-за-ме-но-вать? протянула генеральша и въ глубочайшемъ изумленіи стала опять перекатывать глаза съ дочерей на мужа и обратно.

— Ахъ, другъ мой, не придавай такого смыслу... впрочемъ, вѣдь какъ тебѣ угодно; я имѣлъ въ виду обласкать его и ввести къ намъ, потому что это почти доброе дѣло.

— Ввести къ намъ? Изъ Швейцаріи?!

— Швейцарія тутъ не помѣшаетъ; а впрочемъ, повторяю, какъ хочешь. Я вѣдь потому что, во первыхъ, однофамилецъ и, можетъ быть, даже родственникъ, а во вторыхъ, не знаетъ гдѣ главу преклонить. Я даже подумалъ, что тебѣ нѣсколько интересно будетъ, такъ какъ все-таки изъ нашей фамиліи.

— Разумѣется, папаш, если съ нимъ можно безъ церемоніи; къ тому-же онъ съ дороги ѣсть хочетъ, почему не накормить, если онъ не знаетъ куда дѣваться? сказала старшая Александра.

— И въ добавокъ дитя совершенное, съ нимъ можно еще въ жмурки играть.

— Въ жмурки играть? Какимъ образомъ?

— Ахъ, папаш, перестаньте представляться, пожалуйста, съ досадой перебила Аглая.

Средняя, Аделаида, смѣшливая, не выдержала и разсмѣялась.

— Позовите его, papa, папаш позволяетъ, рѣшила Аглая. Генералъ позвонилъ и велѣлъ звать князя.

— Но съ тѣмъ, чтобы непремѣнно завязать ему салфетку на шеѣ, когда онъ сядетъ за столъ, рѣшила генеральша,—позвать Ѳедора, или пусть Мавра... чтобы стоять за нимъ и смотрѣть за нимъ, когда онъ будетъ ѣсть. Спокоенъ-ли онъ; по крайней мѣрѣ, въ припадкахъ? Не дѣлаетъ-ли жестовъ?

— Напротивъ, даже очень мило воспитанъ и съ прекрасными манерами. Немного слишкомъ простоватъ иногда... Да вотъ онъ и самъ! Вотъ-съ, рекомендую, послѣдній въ родѣ князь Мышкинъ, однофамилецъ и, можетъ быть, даже родственникъ, примите, обласкайте. Сейчасъ пойдутъ завтракать, князь, такъ сдѣлайте честь... А я ужь, извините, опоздалъ, спѣшу...

— Извѣстно, куда вы спѣшите, важно проговорила генеральша.

— Спѣшу, спѣшу, мой другъ, опоздалъ! Да дайте ему ваши

альбомы, mesdames, пусть онъ вамъ тамъ напишетъ, какой онъ каллиграфъ, такъ на рѣдкость! Талантъ; тамъ онъ такъ у меня расчеркнулся старинымъ почеркомъ: «Игуменъ Пафнутій руку приложилъ»... Ну, до свиданія.

— Пафнутій? Игуменъ? Да постойте, постойте, куда вы, и какой тамъ Пафнутій? съ настойчивою досадой и чуть не въ тревогѣ прокричала генеральша убѣгавшему супругу.

— Да, да, другъ мой, это такой въ старину былъ игуменъ... а я къ графу, ждетъ, давно, и главное, самъ назначилъ... Князь, до свиданія!

Генералъ быстрыми шагами удалился.

— Знаю я къ какому онъ графу! рѣзко проговорила Лизавета Прокофьевна и раздражительно перевела глаза на князя.—Что бишь! начала она брюзгливо и досадливо припоминая:—ну, что тамъ! Ахъ, да: ну, какой тамъ игуменъ?

— Маман, начала было Александра, а Аглая даже топнула ножкой.

—Не мѣшайте мнѣ, Александра Ивановна, отчеканила ей генеральша,—я тоже хочу знать. Садитесь вотъ тутъ, князь, вотъ на этомъ креслѣ, напротивъ, нѣтъ, сюда, къ солнцу, къ свѣту ближе подвиньтесь, чтобъ я могла видѣть. Ну, какой тамъ игуменъ?

— Игуменъ Пафнутій, отвѣчалъ князь внимательно и серіозно.

— Пафнутій? Это интересно; ну, что-же онъ?

Генеральша спрашивала нетерпѣливо, быстро, рѣзко, не сводя глазъ съ князя, а когда князь отвѣчалъ, она кивала головой вслѣдъ за каждымъ его словомъ.

— Игуменъ Пафнутій, четырнадцатаго столѣтія, началъ князь,— онъ правилъ пустынью на Волгѣ, въ нынѣшней нашей Костромской губерніи. Извѣстенъ былъ святою жизнью, ѣздилъ въ Орду, помогалъ устраивать тогдашнія дѣла и подписался подъ одною грамотой, а снимокъ съ этой подписи я видѣлъ. Мнѣ понравился почеркъ, и я его заучилъ. Когда давеча генералъ захотѣлъ посмотрѣть какъ я пишу, чтобъ опредѣлить меня къ мѣсту, то я написалъ нѣсколько фразъ разными шрифтами, и между прочимъ «Игуменъ Пафнутій руку прложилъ» собственнымъ почеркомъ игумена Пафнутія. Генералу очень понравилось, вотъ онъ теперь и вспомнилъ.

— Аглая, сказала генеральша,—запомни: Пафнутій, или лучше запиши, а то я всегда забываю. Впрочемъ, я думала будетъ интереснѣе. Гдѣ-же эта подпись?

— Осталась, кажется, въ кабинетѣ у генерала, на столѣ.

— Сейчасъ-же послать и принести.

— Да я вамъ лучше другой разъ напишу, если вамъ угодно.

— Конечно, папаш, сказала Александра,—а теперь лучше бы завтракать; мы ѣсть хотимъ.

— И то, рѣшила генеральша.—Пойдемте, князь; вы очень хотите кушать?

— Да, теперь захотѣлъ очень, и очень вамъ благодаренъ.

— Это очень хорошо, что вы вѣжливы, и я замѣчаю, что вы вовсе не такой... чудакъ, какимъ васъ изволили отрекомендовать. Пойдемте. Садитесь вотъ здѣсь, напротивъ меня, хлопотала она, усаживая князя, когда пришли въ столовую, — я хочу на васъ смотрѣть. Александра, Аделаида, потчуйте князя. Не правда-ли, что онъ вовсе не такой... больной? Можетъ, и салфетку не надо... Вамъ, князь, подвязывали салфетку за кушаньемъ?

— Прежде, когда я лѣтъ семи былъ, кажется, подвязывали, а теперь я обыкновенно къ себѣ на колѣни салфетку кладу, когда ѣмъ.

— Такъ и надо. А припадки?

— Припадки? удивился немного князь: — припадки теперь у меня довольно рѣдко бываютъ. Впрочемъ, не знаю; говорятъ, здѣшній климатъ мнѣ будетъ вреденъ.

— Онъ хорошо говоритъ, замѣтила генеральша, обращаясь къ дочерямъ и продолжая кивать головой вслѣдъ за каждымъ словомъ князя,—я даже не ожидала. Стало быть, все пустяки и неправда; по обыкновенію. Кушайте, князь, и разсказывайте: гдѣ вы родились, гдѣ воспитывались? Я хочу все знать; вы чрезвычайно меня интересуете.

Князь поблагодарилъ и, кушая съ большимъ аппетитомъ, сталъ снова передавать все то, о чемъ ему уже неоднократно приходилось говорить въ это утро. Генеральша становилась все довольнѣе и довольнѣе. Дѣвицы тоже довольно внимательно слушали. Сочлись родней; оказалось, что князь зналъ свою родословную довольно хорошо; но какъ ни подводили, а между нимъ и генеральшей не оказалось почти никакого родства. Между дѣдами и бабками можно бы было еще счесться отдаленнымъ родствомъ. Эта сухая матерія особенно понравилась генеральшѣ, которой почти никогда не удавалось говорить о своей родословной, при всемъ желаніи, такъ что она встала изъ за стола въ возбужденномъ состояніи духа.

— Пойдемте всѣ въ нашу сборную, сказала она, — и кофе туда принесутъ. У насъ такая общая комната есть, обратилась она къ князю, уводя его, — по просту, моя маленькая гостиная, гдѣ мы, когда одни сидимъ, собираемся, и каждая своимъ дѣломъ занимается: Александра, вотъ эта, моя старшая дочь, на форте-

піано играетъ, или читаетъ, или шьетъ; Аделаида — пейзажи и портреты пишетъ (и ничего кончить не можетъ), а Аглая сидитъ, ничего не дѣлаетъ. У меня тоже дѣло изъ рукъ валится: ничего не выходитъ. Ну, вотъ и пришли; садитесь, князь, сюда, къ камину, и разсказывайте. Я хочу знать какъ вы разсказываете что нибудь. Я хочу вполнѣ убѣдиться, и когда съ княгиней Бѣлоконской увижусь, со старухой, ей про васъ все разскажу. Я хочу, чтобы вы ихъ всѣхъ тоже заинтересовали. Ну, говорите-же.

— Maman, да вѣдь этакъ очень странно разсказывать, замѣтила Аделаида, которая тѣмъ временемъ поправила свой мольбертъ, взяла кисти, палитру и принялась-было копировать давно уже начатый пейзажъ съ эстампа. Александра и Аглая сѣли вмѣстѣ на маленькомъ диванѣ, и, сложа руки, приготовились слушать разговоръ. Князь замѣтилъ, что на него со всѣхъ сторонъ устремлено особенное вниманіе.

— Я-бы ничего не разсказала, если-бы мнѣ такъ велѣли, замѣтила Аглая.

— Почему? Что тутъ страннаго? Отчего ему не разсказывать? Языкъ есть. Я хочу знать, какъ онъ умѣетъ говорить. Ну, о чемъ нибудь. Разскажите, какъ вамъ понравилась Швейцарія, первое впечатлѣніе. Вотъ вы увидите, вотъ онъ сейчасъ начнетъ и прекрасно начнетъ.

— Впечатлѣніе было сильное... началъ было князь.

— Вотъ-вотъ, подхватила нетерпѣливая Лизавета Прокофьевна, обращаясь къ дочерямъ,—началъ-же.

— Дайте-же ему, по крайней мѣрѣ, maman, говорить, остановила ее Александра.—Этотъ князь, можетъ быть, большой плутъ, а вовсе не идіотъ, шепнула она Аглаѣ.

— Навѣрно такъ, я давно это вижу, отвѣтила Аглая. — И подло съ его стороны роль разыгрывать. Что онъ, выиграть что-ли этимъ хочетъ?

— Первое впечатлѣніе было очень сильное, повторилъ князь.— Когда меня везли изъ Россіи, чрезъ разные нѣмецкіе города, я только молча смотрѣлъ и, помню, даже ни о чемъ не разспрашивалъ. Это было послѣ ряда сильныхъ и мучительныхъ припадковъ моей болѣзни, а я всегда, если болѣзнь усиливалась, и припадки повторялись нѣсколько разъ сряду, впадалъ въ полное отупѣніе, терялъ совершенно память, а умъ хотя и работалъ, но логическое теченіе мысли какъ-бы обрывалось. Больше двухъ или трехъ идей послѣдовательно я не могъ связать сряду. Такъ мнѣ кажется. Когда-же припадки утихали, я опять становился и здоровъ и силенъ, вотъ какъ теперь. Помню: грусть во мнѣ была нестерпимая;

мнѣ даже хотѣлось плакать; я все удивлялся и безпокоился: ужасно на меня подѣйствовало, что все это *чужое;* это я понялъ. Чужое меня убивало. Совершенно пробудился я отъ этого мрака, помню я, вечеромъ, въ Базелѣ, при въѣздѣ въ Швейцарію, и меня разбудилъ крикъ осла на городскомъ рынкѣ. Оселъ ужасно поразилъ меня и необыкновенно почему-то мнѣ понравился, а съ тѣмъ вмѣстѣ вдругъ въ моей головѣ какъ бы все прояснѣло.

— Оселъ? Это странно, замѣтила генеральша. — А впрочемъ, ничего нѣтъ страннаго, иная изъ насъ въ осла еще влюбится, замѣтила она, гнѣвливо посмотрѣвъ на смѣявшихся дѣвицъ.—Это еще въ миѳологіи было. Продолжайте, князь.

— Съ тѣхъ поръ я ужасно люблюословъ. Это даже какая-то во мнѣ симпатія. Я сталъ о нихъ разспрашивать, потому что прежде я ихъ не видывалъ, и тотчасъ-же самъ убѣдился, что это преполезнѣйшее животное, рабочее, сильное, терпѣливое, дешевое, переносливое; и чрезъ этого осла мнѣ вдругъ вся Швейцарія стала нравиться, такъ что совершенно прошла прежняя грусть.

— Все это очень странно, но объ ослѣ можно и пропустить; перейдемте на другую тему. Чего ты все смѣешься, Аглая? И ты, Аделаида? Князь прекрасно разсказалъ объ ослѣ. Онъ самъ его видѣлъ, а ты что видѣла? Ты не была за границей?

— Я осла видѣла, maman, сказала Аделаида.

— А я и слышала, подхватила Аглая. Всѣ три опять засмѣялись. Князь засмѣялся вмѣстѣ съ ними.

— Это очень дурно съ вашей стороны, замѣтила генеральша; — вы ихъ извините, князь, а онѣ добрыя. Я съ ними вѣчно браню́сь, но я ихъ люблю. Онѣ вѣтрены, легкомысленны, сумасшедшія.

— Почему-же? смѣялся князь,—и я-бы не упустилъ на ихъ мѣстѣ случай. А я все-таки стою за осла: оселъ добрый и полезный человѣкъ.

— А вы добрый, князь? Я изъ любопытства спрашиваю, спросила генеральша.

Всѣ опять засмѣялись.

— Опять этотъ проклятый оселъ подвернулся; я о немъ и не думала! вскрикнула генеральша.—Повѣрьте мнѣ, пожалуйста, князь, я безъ всякаго...

— Намека? О, вѣрю безъ сомнѣнія!

И князь смѣялся не переставая.

— Это очень хорошо, что вы смѣетесь. Я вижу, что вы добрѣйшій молодой человѣкъ, сказала генеральша.

— Иногда недобрый, отвѣчалъ князь.

— А я добрая, неожиданно вставила генеральша,—и если хотите, я всегда добрая, и это мой единственный недостатокъ, потому что не надо быть всегда доброю. Я злюсь очень часто, вотъ на нихъ, на Ивана Ѳедоровича особенно, но скверно то, что я всего добрѣе, когда злюсь. Я давеча, передъ вашимъ приходомъ, разсердилась и представилась, что ничего не понимаю и понять не могу. Это со мной бываетъ; точно ребенокъ. Аглая мнѣ урокъ дала; спасибо тебѣ, Аглая. Впрочемъ, все вздоръ. Я еще не такъ глупа, какъ кажусь, и какъ меня дочки представить хотятъ. Я съ характеромъ и не очень стыдлива. Я, впрочемъ, это безъ злобы говорю. Поди сюда, Аглая, поцѣлуй меня, ну... и довольно нѣжностей, замѣтила она, когда Аглая съ чувствомъ поцѣловала ее въ губы и въ руку.—Продолжайте, князь. Можетъ быть, что нибудь и поинтереснѣе осла вспомните.

— Я опять-таки не понимаю, какъ это можно такъ прямо разсказывать, замѣтила опять Аделаида, — я бы никакъ не нашлась.

— А князь найдется, потому что князь чрезвычайно уменъ и умнѣе тебя по крайней мѣрѣ въ десять разъ, а, можетъ, и въ двѣнадцать. Надѣюсь, ты почувствуешь послѣ этого. Докажите имъ это, князь; продолжайте. Осла и въ самомъ дѣлѣ можно, наконецъ, мимо. Ну, что вы, кромѣ осла, за границей видѣли?

— Да и объ ослѣ было умно, замѣтила Александра: — князь разсказалъ очень интересно свой болѣзненный случай и какъ все ему понравилось черезъ одинъ внѣшній толчокъ. Мнѣ всегда было интересно, какъ люди сходятъ съ ума и потомъ опять выздоравливаютъ. Особенно, если это вдругъ сдѣлается.

— Не правда-ли? Не правда-ли? вскинулась генеральша: — я вижу, что и ты иногда бываешь умна; ну, довольно смѣяться! Вы остановились, кажется, на швейцарской природѣ, князь, ну!

— Мы пріѣхали въ Люцернъ, и меня повезли по озеру. Я чувствовалъ какъ оно хорошо, но мнѣ ужасно было тяжело при этомъ, сказалъ князь.

— Почему? спросила Александра.

— Не понимаю. Мнѣ всегда тяжело и безпокойно смотрѣть на такую природу въ первый разъ; и хорошо, и безпокойно; впрочемъ, все это еще въ болѣзни было.

— Ну, нѣтъ, я-бы очень хотѣла посмотрѣть, сказала Аделаида.—И не понимаю, когда мы за границу соберемся. Я, вотъ, сюжета для картины два года найти не могу:

„Востокъ и Югъ давно описанъ...“

Найдите мнѣ, князь, сюжетъ для картины.

— Я въ этомъ ничего не понимаю. Мнѣ кажется: взглянуть и писать.

— Взглянуть не умѣю.

— Да что вы загадки-то говорите? Ничего не понимаю! перебила генеральша: — какъ это взглянуть не умѣю? Есть глаза, и гляди. Не умѣешь здѣсь взглянуть, такъ и за границей не выучишься. Лучше разскажите-ка какъ вы сами-то глядѣли, князь.

— Вотъ это лучше будетъ, прибавила Аделаида.—Князь вѣдь за границей выучился глядѣть.

— Не знаю; я тамъ только здоровье поправилъ; не знаю, научился-ли я глядѣть. Я, впрочемъ, почти все время былъ очень счастливъ.

— Счастливъ! Вы умѣете быть счастливымъ? вскричала Аглая:— такъ какъ-же вы говорите, что не научились глядѣть? Еще насъ поучите.

— Научите пожалуйста, смѣялась Аделаида.

— Ничему не могу научить, смѣялся и князь, — я все почти время за границей прожилъ въ этой швейцарской деревнѣ; рѣдко выѣзжалъ куда нибудь не далеко: чему-же я васъ научу? Сначала мнѣ было только не скучно; я сталъ скоро выздоравливать: потомъ мнѣ каждый день становился дорогъ, и чѣмъ дальше, тѣмъ дороже, такъ что я сталъ это замѣчать. Ложился спать я очень довольный, а вставалъ еще счастливѣе. А почему это все — довольно трудно разсказать.

— Такъ что вамъ ужь никуда и не хотѣлось, никуда васъ не позывало? спросила Александра.

— Сначала, съ самаго начала, да, позывало, и я впадалъ въ большое безпокойство. Все думалъ, какъ я буду жить; свою судьбу хотѣлъ испытать, особенно въ иныя минуты бывалъ безпокоенъ. Вы знаете, такія минуты есть, особенно въ уединеніи. У насъ тамъ водопадъ былъ, небольшой, высоко съ горы падалъ и такою тонкою ниткой, почти перпендикулярно,—бѣлый, шумливый, пѣнистый; падалъ высоко, а казалось довольно низко, былъ въ полверстѣ, а казалось, что до него пятьдесятъ шаговъ. Я по ночамъ любилъ слушать его шумъ: вотъ въ эти минуты доходилъ иногда до большаго безпокойства. Тоже иногда въ полдень, когда зайдешь куда нибудь въ горы, станешь одинъ посреди горы, кругомъ сосны, старыя, большія, смолистыя: вверху на скалѣ старый замокъ средневѣковой, развалины; наша деревенька далеко внизу, чуть видна, солнце яркое, небо голубое, тишина страшная. Вотъ тутъ-то, бывало, и зоветъ все куда-то, и мнѣ все казалось, что если пойти все прямо, идти долго, долго, и зайти вотъ за эту линію, за ту самую, гдѣ небо

съ землей встрѣчается, то тамъ вся и разгадка, и тотчасъ-же новую жизнь увидишь, въ тысячу разъ сильнѣй и шумнѣй чѣмъ у насъ; такой большой городъ мнѣ все мечтался, какъ Неаполь, въ немъ все дворцы, шумъ, громъ, жизнь... Да, мало-ли что мечталось! А потомъ мнѣ показалось, что и въ тюрьмѣ можно огромную жизнь найдти.

— Послѣднюю похвальную мысль я еще въ моей *Христоматіи*, когда мнѣ двѣнадцать лѣтъ было, читала, сказала Аглая.

— Это все философія, замѣтила Аделаида,— вы философъ и насъ пріѣхали поучать.

— Вы, можетъ, и правы, улыбнулся князь,—я дѣйствительно, пожалуй, философъ, и кто знаетъ, можетъ, и въ самомъ дѣлѣ мысль имѣю поучать... Это можетъ быть; право, можетъ быть.

— И философія ваша точно такая-же какъ у Евлампіи Николавны, подхватила опять Аглая,—такая чиновница, вдова, къ намъ ходитъ, въ родѣ приживалки. У ней вся задача въ жизни дешевизна: только чтобъ было дешевле прожить, только о копѣйкахъ и говорить, и, замѣтьте, у ней деньги есть, она плутовка. Такъ точно и ваша огромная жизнь въ тюрьмѣ, а можетъ быть, и ваше четырехлѣтнее счастье въ деревнѣ, за которое вы вашъ городъ Неаполь продали, и, кажется, съ барышемъ, не смотря на то что на копѣйки.

— На счетъ жизни въ тюрьмѣ можно еще и не согласиться, сказалъ князь:—я слышалъ одинъ разсказъ человѣка, который просидѣлъ въ тюрьмѣ лѣтъ двѣнадцать; это былъ одинъ изъ больныхъ у моего профессора и лѣчился. У него были припадки, онъ былъ иногда безпокоенъ, плакалъ и даже пытался разъ убить себя. Жизнь его въ тюрьмѣ была очень грустная, увѣряю васъ, но ужь конечно не копѣечная. А все знакомство-то у него было съ наукомъ, да съ деревцомъ, что подъ окномъ выросло... Но я вамъ лучше разскажу про другую мою встрѣчу прошлаго года съ однимъ человѣкомъ. Тутъ одно обстоятельство очень странное было,—странное тѣмъ собственно, что случай такой очень рѣдко бываетъ. Этотъ человѣкъ былъ разъ взведенъ, вмѣстѣ съ другими, на эшафотъ, и ему прочитанъ былъ приговоръ смертной казни разстрѣляніемъ, за политическое преступленіе. Минутъ черезъ двадцать прочтено было и помилованіе, и назначена другая степень наказанія; но однако-же, въ промежуткѣ между двумя приговорами, двадцать минутъ, или по крайней мѣрѣ четверть часа, онъ прожилъ подъ несомнѣннымъ убѣжденіемъ, что черезъ нѣсколько минутъ онъ вдругъ умретъ. Мнѣ ужасно хотѣлось слушать, когда онъ иногда припоминалъ свои тогдашнія впечатлѣнія, и я нѣсколько разъ начиналъ его вновь раз-

спрашивать. Онъ помнилъ все съ необыкновенною ясностью и говорилъ, что никогда ничего изъ этихъ минутъ не забудетъ. Шагахъ въ двадцати отъ эшафота, около котораго стоялъ народъ и солдаты, были врыты три столба, такъ какъ преступниковъ было нѣсколько человѣкъ. Троихъ первыхъ повели къ столбамъ, привязали, надѣли на нихъ смертный костюмъ (бѣлые, длинные балахоны), а на глаза надвинули имъ бѣлые колпаки, чтобы не видно было ружей; затѣмъ противъ каждаго столба выстроилась команда изъ нѣсколькихъ человѣкъ солдатъ. Мой знакомый стоялъ восьмымъ по очереди, стало быть, ему приходилось идти къ столбамъ въ третью очередь. Священникъ обошелъ всѣхъ съ крестомъ. Выходило, что остается жить минутъ пять, не больше. Онъ говорилъ, что эти пять минутъ казались ему безконечнымъ срокомъ, огромнымъ богатствомъ; ему казалось, что въ эти пять минутъ онъ проживетъ столько жизней, что еще сейчасъ нечего и думать о послѣднемъ мгновеніи, такъ что онъ еще распоряженія разныя сдѣлалъ: разсчиталъ время, чтобы проститься съ товарищами, на это положилъ минуты двѣ, потомъ двѣ минуты еще положилъ, чтобы подумать въ послѣдній разъ про себя, а потомъ, чтобы въ послѣдній разъ кругомъ поглядѣть. Онъ очень хорошо помнилъ, что сдѣлалъ именно эти три распоряженія и именно такъ разсчиталъ. Онъ умиралъ двадцати семи лѣтъ, здоровый и сильный; прощаясь съ товарищами, онъ помнилъ, что одному изъ нихъ задалъ довольно посторонній вопросъ и даже очень заинтересовался отвѣтомъ. Потомъ, когда онъ простился съ товарищами, настали тѣ двѣ минуты, которыя онъ отсчиталъ, чтобы *думать про себя*; онъ зналъ заранѣе о чемъ онъ будетъ думать: ему все хотѣлось представить себѣ, какъ можно скорѣе и ярче, что вотъ какъ-же это такъ: онъ теперь есть и живетъ, а черезъ три минуты будетъ уже *нѣчто*, кто-то или что-то, — такъ кто-же? Гдѣ-же? Все это онъ думалъ въ эти двѣ минуты рѣшить! Невдалекѣ была церковь, и вершина собора съ позолоченною крышей сверкала на яркомъ солнцѣ. Онъ помнилъ, что ужасно упорно смотрѣлъ на эту крышу и на лучи, отъ нея сверкавшіе; оторваться не могъ отъ лучей: ему казалось что эти лучи его новая природа, что онъ черезъ три минуты какъ нибудь сольется съ ними... Неизвѣстность и отвращеніе отъ этого новаго, которое будетъ и сейчасъ наступитъ, были ужасны: но онъ говорилъ, что ничего не было для него въ это время тяжеле, какъ безпрерывная мысль: «Что если бы не умирать! Что если-бы воротить жизнь, — какая безконечность! И все это было-бы мое! Я-бы тогда каждую минуту въ цѣлый вѣкъ обратилъ, ничего-бы не потерялъ, каждую-бы минуту счетомъ отсчитывалъ, ужь ничего-бы даромъ не истратилъ!»

Онъ говорилъ, что эта мысль у него, наконецъ, въ такую злобу переродилась, что ему ужь хотѣлось, чтобы его поскорѣй застрѣлили.

Князь вдругъ замолчалъ; всѣ ждали, что онъ будетъ продолжать и выведетъ заключеніе.

— Вы кончили? спросила Аглая.

— Что? Кончилъ, сказалъ князь, выходя изъ минутной задумчивости.

— Да для чего-же вы про это разсказали?

— Такъ... мнѣ припомнилось... я къ разговору...

— Вы очень обрывисты, замѣтила Александра, — вы, князь, вѣрно хотѣли вывести, что ни одного мгновенія на конѣйки цѣнить нельзя, и иногда пять минутъ дороже сокровища. Все это похвально, но позвольте однако-же, какъ-же этотъ пріятель, который вамъ такія страсти разсказывалъ... вѣдь ему перемѣнили-же наказаніе, стало быть, подарили-же эту «безконечную жизнь». Ну, что-же онъ съ этимъ богатствомъ сдѣлалъ потомъ? Жилъ-ли каждую-то минуту «счетомъ»?

— О, нѣтъ, онъ мнѣ самъ говорилъ,—я его уже про это спрашивалъ,—вовсе не такъ жилъ и много, много минутъ потерялъ.

— Ну, стало быть, вотъ вамъ и опытъ, стало быть, и нельзя жить взаправду «отсчитывая счетомъ». Почему нибудь да нельзя-же.

— Да, почему нибудь да нельзя-же, повторилъ князь, — мнѣ самому это казалось... А все-таки, какъ-то не вѣрится...

— То есть вы думаете, что умнѣе всѣхъ проживете? сказала Аглая.

— Да, мнѣ и это иногда думалось.

— И думается?

— И... думается, отвѣчалъ князь, по прежнему съ тихою и даже робкою улыбкой смотря на Аглаю; но тотчасъ-же разсмѣялся опять и весело посмотрѣлъ на нее.

— Скромно! сказала Аглая, почти раздражаясь.

— А какія однако-же вы храбрыя, вотъ вы смѣетесь, а меня такъ все это поразило въ его разсказѣ, что я потомъ во снѣ видѣлъ, именно эти пять минутъ видѣлъ...

Онъ пытливо и серіозно еще разъ обвелъ глазами своихъ слушательницъ.

— Вы не сердитесь на меня за что нибудь? спросилъ онъ вдругъ, какъ бы въ замѣшательствѣ, но однако-же прямо смотря всѣмъ въ глаза.

— За что? вскричали всѣ три дѣвицы въ удивленіи.

— Да вотъ, что я все какъ будто учу...

Всѣ засмѣялись.

— Если сердитесь, то не сердитесь, сказалъ онъ,—я вѣдь самъ знаю, что меньше другихъ жилъ и меньше всѣхъ понимаю въ жизни. Я, можетъ быть, иногда очень странно говорю...

И онъ рѣшительно сконфузился.

— Коли говорите, что были счастливы, стало быть, жили не меньше, а больше; зачѣмъ-же вы кривите и извиняетесь? строго и привязчиво начала Аглая:—и не безпокойтесь пожалуйста, что вы насъ поучаете, тутъ никакого нѣтъ торжества съ вашей стороны. Съ вашимъ квіетизмомъ можно и сто лѣтъ жизни счастьемъ наполнить. Вамъ покажи смертную казнь и покажи вамъ пальчикъ, вы изъ того и изъ другаго одинаково похвальную мысль выведете, да еще довольны останетесь. Этакъ можно прожить.

— За что ты все злишься, не понимаю, подхватила генеральша, давно наблюдавшая лица говорившихъ,—и о чемъ вы говорите тоже не могу понять. Какой пальчикъ и что за вздоръ? Князь прекрасно говоритъ, только немного грустно. Зачѣмъ ты его обезкураживаешь? Онъ когда началъ, то смѣялся, а теперь совсѣмъ осовѣлъ.

— Ничего, maman. — А жаль, князь, что вы смертной казни не видѣли, я-бы васъ объ одномъ спросила.

— Я видѣлъ смертную казнь, отвѣчалъ князь.

— Видѣли? вскричала Аглая:—я-бы должна была догадаться! Это вѣнчаетъ все дѣло. Если видѣли, какъ-же вы говорите, что все время счастливо прожили? Ну, не правду-ли я вамъ сказала?

— А развѣ въ вашей деревнѣ казнятъ? спросила Аделаида.

— Я въ Ліонѣ видѣлъ, я туда съ Шнейдеромъ ѣздилъ, онъ меня бралъ. Какъ пріѣхалъ, такъ и попалъ.

— Что-же, вамъ очень понравилось? Много назидательнаго? Полезнаго? спрашивала Аглая.

— Мнѣ это вовсе не понравилось, и я послѣ того немного боленъ былъ, но признаюсь, что смотрѣлъ какъ прикованный, глазъ оторвать не могъ.

— Я-бы тоже глазъ оторвать не могла, сказала Аглая.

— Тамъ очень не любятъ, когда женщины ходятъ смотрѣть, даже въ газетахъ потомъ пишутъ объ этихъ женщинахъ.

— Значитъ, коль находятъ, что это не женское дѣло, такъ тѣмъ самымъ хотятъ сказать (а, стало быть, оправдать), что это дѣло мужское. Поздравляю за логику. И вы такъ-же, конечно, думаете.

— Разскажите про смертную казнь, перебила Аделаида.

— Мнѣ-бы очень не хотѣлось теперь... смѣшался и какъ бы нахмурился князь.

— Вамъ точно жалко намъ разсказывать, кольнула Аглая.

— Нѣтъ, я потому, что я уже про эту самую смертную казнь давеча разсказывалъ.

— Кому разсказывали?

— Вашему камердинеру, когда дожидался...

— Какому камердинеру? раздалось со всѣхъ сторонъ.

— А вотъ что въ передней сидитъ, такой съ просѣдью, красноватое лицо, я въ передней сидѣлъ, чтобы къ Ивану Ѳедоровичу войти.

— Это странно, замѣтила генеральша.

— Князь—демократъ, отрѣзала Аглая,—ну, если Алексѣю разсказывали, намъ ужь не можете отказать.

— Я непремѣнно хочу слышать, повторила Аделаида.

— Давеча, дѣйствительно, обратился къ ней князь, нѣсколько опять одушевляясь (онъ, казалось, очень скоро и довѣрчиво одушевлялся), дѣйствительно у меня мысль была, когда вы у меня сюжетъ для картины спрашивали, дать вамъ сюжетъ: нарисовать лицо приговореннаго за минуту до удара гильйотины, когда еще онъ на эшафотѣ стоитъ, предъ тѣмъ какъ ложиться на эту доску.

— Какъ лицо? Одно лицо? спросила Аделаида: — странный будетъ сюжетъ, и какая-же тутъ картина?

— Не знаю, почему-же? съ жаромъ настаивалъ князь:—я въ Базелѣ недавно одну такую картину видѣлъ. Мнѣ очень хочется вамъ разсказать... Я когда нибудь разскажу... очень меня поразила.

— О базельской картинѣ вы непремѣнно разскажете послѣ, сказала Аделаида, — а теперь растолкуйте мнѣ картину изъ этой казни. Можете передать такъ, какъ вы это себѣ представляете? Какъ-же это лицо нарисовать? Такъ, одно лицо? Какое-же это лицо?

— Это ровно за минуту до смерти, съ полною готовностью началъ князь, увлекаясь воспоминаніемъ, и, повидимому, тотчасъ-же забывъ о всемъ остальномъ,—тотъ самый моментъ, когда онъ поднялся на лѣсенку и только что ступилъ на эшафотъ. Тутъ онъ взглянулъ въ мою сторону: я поглядѣлъ на его лицо и все понялъ... Впрочемъ, вѣдь какъ это разсказать! Мнѣ ужасно-бы, ужасно-бы хотѣлось, чтобы вы или кто нибудь это нарисовалъ! Лучше-бы, если бы вы! Я тогда-же подумалъ, что картина будетъ полезная. Знаете, тутъ нужно все представить, что было заранѣе, все, все. Онъ жилъ въ тюрьмѣ и ждалъ казни, по крайней мѣрѣ, еще чрезъ недѣлю; онъ какъ-то разсчитывалъ на обыкновенную формалистику, что бумага еще должна куда-то пойдти и только чрезъ недѣлю выйдетъ. А тутъ вдругъ по какому-то случаю дѣло было сокращено. Въ пять часовъ утра онъ спалъ. Это было въ

концѣ октября; въ пять часовъ еще холодно и темно. Вошелъ тюремный приставъ, тихонько, со стражей, и осторожно тронулъ его за плечо; тотъ приподнялся, облокотился, — видитъ свѣтъ: «Что такое?» —«Въ десятомъ часу смертная казнь». Онъ со сна не повѣрилъ, началъ-было спорить, что бумага выйдетъ чрезъ недѣлю, но когда совсѣмъ очнулся, пересталъ спорить и замолчалъ,—такъ разсказывали,—потомъ сказалъ: «Вестаки тяжело такъ вдругъ...» и опять замолкъ, и уже ничего не хотѣлъ говорить. Тутъ часа три-четыре проходятъ на извѣстныя вещи: на священника, на завтракъ, къ которому ему вино, кофей и говядину даютъ (ну, не насмѣшка-ли это? Вѣдь, подумаешь, какъ это жестоко, а съ другой стороны, ей-Богу, эти невинные люди отъ чистаго сердца дѣлаютъ и увѣрены, что это человѣколюбіе), потомъ туалетъ (вы знаете что такое туалетъ преступника?), наконецъ, везутъ по городу до эшафота... Я думаю, что вотъ тутъ тоже кажется, что еще безконечно жить остается, пока везутъ. Мнѣ кажется, онъ навѣрно думалъ дорогой: Еще долго, еще жить три улицы остается; вотъ эту проѣду, потомъ еще та останется, потомъ еще та, гдѣ булочникъ направо... еще когда-то доѣдемъ до булочника!» Кругомъ народъ, крикъ, шумъ, десять тысячъ лицъ, десять тысячъ глазъ,—все это надо перенести, а, главное, мысль: «вотъ ихъ десять тысячъ, а ихъ никого не казнятъ, а меня-то казнятъ!» Ну, вотъ это все предварительно. На эшафотъ ведетъ лѣсенка; тутъ онъ предъ лѣсенкой вдругъ заплакалъ, а это былъ сильный и мужественный человѣкъ, большой злодѣй, говорятъ, былъ. Съ нимъ все время неотлучно былъ священникъ, и въ телѣжкѣ съ нимъ ѣхалъ, и все говорилъ,—врядъ-ли тотъ слышалъ: и начнетъ слушать, а съ третьяго слова ужъ не понимаетъ. Такъ должно быть. Наконецъ, сталъ всходить на лѣсенку: тутъ ноги перевязаны и потому движутся шагами мелкими. Священникъ, должно быть, человѣкъ умный, пересталъ говорить, а все ему крестъ давалъ цѣловать. Внизу лѣсенки онъ былъ очень блѣденъ, а какъ поднялся и сталъ на эшафотъ, сталъ вдругъ бѣлый какъ бумага, совершенно какъ бѣлая, писчая бумага. Навѣрно у него ноги слабѣли и деревенѣли, и тошнота была, — какъ будто что его давитъ въ горлѣ, и отъ этого точно щекотно,—чувствовали вы это когда-нибудь въ испугѣ или въ очень страшныя минуты, когда и весь разсудокъ остается, но никакой уже власти не имѣетъ? Мнѣ кажется, если, напримѣръ, неминуемая гибель, домъ на васъ валится, то тутъ вдругъ ужасно захочется сѣсть и закрыть глаза и ждать — будь что будетъ!.. Вотъ тутъ-то, когда начиналась эта слабость, священникъ поскорѣй, скорымъ такимъ жестомъ и молча, ему крестъ

къ самымъ губамъ вдругъ подставлять. маленькій такой крестъ, серебряный, четырехконечный, — часто подставлять, поминутно. И какъ только крестъ касался губъ, онъ глаза открывалъ, и опять на нѣсколько секундъ какъ-бы оживлялся. и ноги шли. Крестъ онъ съ жадностію цѣловалъ, спѣшилъ цѣловать, точно спѣшилъ не забыть захватить что-то про запасъ, на всякій случай, но вряд-ли въ эту минуту что нибудь религіозное сознавалъ. И такъ было до самой доски... Странно, что рѣдко въ эти самыя послѣднія секунды въ обморокъ падаютъ! Напротивъ, голова ужасно живетъ и работаетъ, должно быть, сильно, сильно, сильно, какъ машина въ ходу: я воображаю, такъ и стучатъ разныя мысли, все неконченныя и, можетъ быть, и смѣшныя, постороннія такія мысли: вотъ этотъ глядитъ — у него бородавка на лбу, вотъ у палача одна нижняя пуговица заржавѣла... а между тѣмъ, все знаешь и все помнишь; одна такая точка есть, которой никакъ нельзя забыть. и въ обморокъ упасть нельзя, и все около нея, около этой точки, ходитъ и вертится. И подумать, что это такъ до самой послѣдней четверти секунды, когда уже голова на плахѣ лежитъ, и ждетъ, и... *знаетъ*, и вдругъ услышитъ надъ собой какъ желѣзо скользнуло! Это непремѣнно услышишь! Я-бы, если-бы лежалъ, я-бы нарочно слушалъ и услышалъ! Тутъ, можетъ быть, только одна десятая доля мгновенія, но непремѣнно услышишь! И представьте-же, до сихъ поръ еще спорятъ, что. можетъ быть, голова когда и отлетитъ, то еще съ секунду, можетъ быть, знаетъ, что она отлетѣла,—каково понятіе! А что если пять секундъ!.. Нарисуйте эшафотъ такъ, чтобы видна была ясно и близко одна только послѣдняя ступень; преступникъ ступилъ на нее: голова, лицо блѣдное какъ бумага, священникъ протягиваетъ крестъ, тотъ съ жадностію протягиваетъ свои синія губы и глядитъ, и—*все знаетъ*. Крестъ и голова, вотъ картина, лицо священника, палача, его двухъ служителей и нѣсколько головъ и глазъ снизу.—Все это можно нарисовать какъ-бы на третьемъ планѣ. въ туманѣ, для аксессуара... Вотъ какая картина.

Князь замолкъ и поглядѣлъ на всѣхъ.

— Это, конечно, не похоже на квіетизмъ, проговорила про себя Александра.

— Ну, теперь разскажите какъ вы были влюблены, сказала Аделаида.

Князь съ удивленіемъ посмотрѣлъ на нее.

— Слушайте, какъ-бы торопилась Аделаида. — За вами разсказъ о базельской картинѣ, но теперь я хочу слушать о томъ. какъ вы были влюблены: не отпирайтесь. вы были. Къ тому-же.

вы сейчасъ какъ начнете разсказывать, перестаете быть философомъ.

— Вы какъ кончите разсказывать, тотчасъ-же и застыдитесь того, что̀ разсказали, замѣтила вдругъ Аглая.—Отчего это?

— Какъ это, наконецъ, глупо, отрѣзала генеральша, съ негодованіемъ смотря на Аглаю.

— Не умно, подтвердила Александра.

— Не вѣрьте ей, князь, обратилась къ нему генеральша,— она это нарочно съ какой-то злости дѣлаетъ; она вовсе не такъ глупо воспитана; не подумайте чего нибудь, что онѣ васъ такъ тормошатъ. Онѣ, вѣрно, что нибудь затѣяли, но онѣ уже васъ любятъ. Я ихъ лица знаю.

— И я ихъ лица знаю, сказалъ князь, особенно ударяя на свои слова.

— Это какъ? спросила Аделаида съ любопытствомъ.

— Что̀ вы знаете про наши лица? залюбопытствовали и двѣ другія.

Но князь молчалъ и былъ серіозенъ; всѣ ждали его отвѣта.

— Я вамъ послѣ скажу, сказалъ онъ тихо и серіозно.

— Вы рѣшительно хотите заинтересовать насъ, вскричала Аглая:—и какая торжественность!

— Ну, хорошо, заторопилась опять Аделаида, — но если ужъ вы такой знатокъ лицъ, то навѣрно были и влюблены; я, стало быть, угадала. Разсказывайте-же.

— Я не былъ влюбленъ, отвѣчалъ князь также тихо и серіозно,—я... былъ счастливъ иначе.

— Какъ-же, чѣмъ-же?

— Хорошо, я вамъ разскажу, проговорилъ князь какъ-бы въ глубокомъ раздумьи.

VI.

Вотъ вы всѣ теперь, началъ князь,—смотрите на меня съ такимъ любопытствомъ, что не удовлетвори я его, вы на меня, пожалуй, и разсердитесь. Нѣтъ, я шучу, прибавилъ онъ поскорѣе съ улыбкой. — Тамъ... тамъ были все дѣти, и я все время былъ тамъ съ дѣтьми, съ одними дѣтьми. Это были дѣти той деревни, вся ватага, которая въ школѣ училась. Я не то чтобъ училъ ихъ; о, нѣтъ, тамъ для этого былъ школьный учитель, Жюль Тибо; я, пожалуй, и училъ ихъ, но я больше такъ былъ съ ними, и всѣ

мои четыре года такъ и прошли. Мнѣ ничего другаго не надобно было. Я имъ все говорилъ, ничего отъ нихъ не утаивалъ. Ихъ отцы и родственники на меня разсердились всѣ, потому что дѣти, наконецъ, безъ меня обойдтись не могли и все вокругъ меня толпились, а школьный учитель даже сталъ мнѣ, наконецъ, первымъ врагомъ. У меня много стало тамъ враговъ, и все изъ-за дѣтей. Даже Шнейдеръ стыдилъ меня. И чего они такъ боялись? Ребенку можно все говорить,—все; меня всегда поражала мысль, какъ плохо знаютъ большіе дѣтей, отцы и матери даже своихъ дѣтей? Отъ дѣтей ничего не надо утаивать, подъ предлогомъ, что они маленькіе и что имъ рано знать. Какая грустная и несчастная мысль! И какъ хорошо сами дѣти подмѣчаютъ, что отцы считаютъ ихъ слишкомъ маленькими и ничего не понимающими, тогда какъ они все понимаютъ. Большіе не знаютъ, что ребенокъ даже въ самомъ трудномъ дѣлѣ можетъ дать чрезвычайно важный совѣтъ. О, Боже! когда на васъ глядитъ эта хорошенькая птичка, довѣрчиво и счастливо, вамъ вѣдь стыдно ее обмануть! Я потому ихъ птичками зову, что лучше птички нѣтъ ничего на свѣтѣ. Впрочемъ, на меня всѣ въ деревнѣ разсердились больше по одному случаю... а Тибо просто мнѣ завидовалъ; онъ сначала все качалъ головой и дивился, какъ это дѣти у меня все понимаютъ, а у него почти ничего, а потомъ сталъ надо мной смѣяться, когда я ему сказалъ, что мы оба ихъ ничему не научимъ, а они еще насъ научатъ. И какъ онъ могъ мнѣ завидовать и клеветать на меня, когда самъ жилъ съ дѣтьми! Черезъ дѣтей душа лѣчится... Тамъ былъ одинъ больной въ заведеніи Шнейдера, одинъ очень несчастный человѣкъ. Это было такое ужасное несчастіе, что подобное врядъ-ли и можетъ быть. Онъ былъ отданъ на излѣченіе отъ помѣшательства; по моему, онъ былъ не помѣшанный, онъ только ужасно страдалъ,—вотъ и вся его болѣзнь была. И если бы вы знали, чѣмъ стали подъ конецъ для него наши дѣти... Но я вамъ про этого больнаго потомъ лучше разскажу: я разскажу теперь какъ это все началось. Дѣти сначала меня не полюбили. Я былъ такой большой, я всегда такой мѣшковатый; я знаю, что я и собой дуренъ... наконецъ и то, что я былъ иностранецъ. Дѣти надо мной сначала смѣялись, а потомъ даже камнями въ меня стали кидать, когда подглядѣли, что я поцѣловалъ Мари. А я всего одинъ разъ поцѣловалъ ее... Нѣтъ, не смѣйтесь, посмѣшилъ остановить князь усмѣшку своихъ слушательницъ,—тутъ вовсе не было любви. Если-бы вы знали, какое это было несчастное созданіе, то вамъ-бы самимъ стало ее очень жаль, какъ и мнѣ. Она была изъ нашей деревни. Мать ея была старая ста-

руха, и у неи. въ ихъ маленькомъ, совсѣмъ ветхомъ домишкѣ, въ два окна, было отгорожено одно окно, по дозволенію деревенскаго начальства: изъ этого окна ей позволяли торговать снурками, нитками, табакомъ, мыломъ, все на самые мелкіе гроши, тѣмъ она и пропитывалась. Она была больная, и у неи все ноги пухли, такъ что все сидѣла на мѣстѣ. Мари была ея дочь, лѣтъ двадцати, слабая и худенькая: у неи давно начиналась чахотка, но она все ходила по домамъ въ тяжелую работу наниматься поденно, — полы мыла, бѣлье, дворы обметала, скотъ убирала. Одинъ проѣзжій французскій комми соблазнилъ ее и увезъ, а черезъ недѣлю на дорогѣ бросилъ одну и тихонько уѣхалъ. Она пришла домои, побираясь, вся исчахшая, вся въ лохмотьяхъ, съ ободранными башмаками; шла она пѣшкомъ всю недѣлю, ночевала въ полѣ и очень простудилась: ноги были въ ранахъ, руки опухли и растрескались. Она, впрочемъ, и прежде была собои не хороша: глаза только были тихіе, добрые, невинные. Молчалива была ужасно. Разъ, прежде еще, она за работои вдругъ запѣла, и я помню, что всѣ удивились и стали смѣяться: «Мари запѣла! Какъ? Мари запѣла!» и она ужасно сконфузилась, и ужь на вѣкъ потомъ замолчала. Тогда еще ее ласкали, но когда она воротилась больная и истерзанная, никакого-то къ неи состраданія не было ни въ комъ! Какіе они на это жестокіе! Какія у нихъ тяжелыя на это понятія! Мать, первая, приняла ее со злобои и съ презрѣньемъ: «ты меня теперь обезчестила». Она первая ее и выдала на позоръ: когда въ деревнѣ услышали, что Мари воротилась, то всѣ побѣжали смотрѣть Мари, и чуть не вся деревня собѣжалась въ избу къ старухѣ: старики, дѣти, женщины, дѣвушки, всѣ, такою торопливою, жадною толпои. Мари лежала на полу, у ногъ старухи, голодная, оборванная и плакала. Когда всѣ набѣжали, она закрылась своими разбившимися волосами и такъ и приникла личкомъ къ полу. Всѣ кругомъ смотрѣли на нее какъ на гадину: старики осуждали и бранили, молодые даже смѣялись, женщины бранили ее, осуждали, смотрѣли съ презрѣньемъ такимъ, какъ на наука какого. Мать все это позволила, сама тутъ сидѣла, кивала головои и одобряла. Мать въ то время ужь очень больна была и почти умирала: черезъ два мѣсяца она и въ самомъ дѣлѣ померла: она знала, что она умираетъ, но все-таки съ дочерью помириться не подумала до самои смерти, даже не говорила съ неи ни слова, гнала спать въ сѣни, даже почти не кормила. Ей нужно было часто ставить свои больныя ноги въ теплую воду: Мари каждый день обмывала ей ноги и ходила за ней: она принимала всѣ ея услуги молча и ни одного слова не сказала ей ласково. Мари все переносила, и я потомъ, когда познакомился съ нею, замѣтилъ, что она и сама все

это одобряла, и сама считала себя за какую-то самую послѣднюю тварь. Когда старуха слегла совсѣмъ, то за ней приняли ухаживать деревенскія старухи, по очереди, такъ тамъ устроено. Тогда Мари совсѣмъ уже перестали кормить; а въ деревнѣ всѣ ее гнали и никто даже ей работы не хотѣлъ дать какъ прежде. Всѣ точно плевали на нее, а мужчины даже за женщину перестали ее считать, все такія скверности ей говорили. Иногда, очень рѣдко, когда пьяные напивались въ воскресенье, для смѣху бросали ей гроши, такъ, прямо на землю; Мари молча поднимала. Она уже тогда начала кашлять кровью. Наконецъ, ея отрепья стали ужь совсѣмъ лохмотьями, такъ что стыдно было показаться въ деревнѣ; ходила-же она съ самаго возвращенія босая. Вотъ тутъ-то, особенно дѣти, всею ватагой, — ихъ было человѣкъ сорокъ слишкомъ школьниковъ, — стали дразнить ее и даже грязью въ нее кидали. Она попросилась къ пастуху, чтобы пустилъ ее коровъ стеречь, но пастухъ прогналъ. Тогда она сама, безъ позволенія, стала со стадомъ уходить на цѣлый день изъ дому. Такъ какъ она очень много пользы приносила пастуху, и онъ замѣтилъ это, то ужь и не прогонялъ ея, и иногда даже ей остатки отъ своего обѣда давалъ, сыру и хлѣба. Онъ это за великую милость съ своей стороны почиталъ. Когда-же мать померла, то пасторъ въ церкви не постыдился всенародно опозорить Мари. Мари стояла за гробомъ, какъ была въ своихъ лохмотьяхъ, и плакала. Сошлось много народу смотрѣть какъ она будетъ плакать и за гробомъ идти: тогда пастырь, — онъ еще былъ молодой человѣкъ, и вся его амбиція была сдѣлаться большимъ проповѣдникомъ, — обратился ко всѣмъ и указалъ на Мари. «Вотъ кто была причиной смерти этой почтенной женщины» (и неправда, потому что та уже два года была больна), «вотъ она стоитъ предъ вами и не смѣетъ взглянуть, потому что она отмѣчена перстомъ Божіимъ; вотъ она босая и въ лохмотьяхъ, — примѣръ тѣмъ, которыя теряютъ добродѣтель! Кто-же она? Это дочь ея!», и все въ этомъ родѣ. И представьте, эта низость почти всѣмъ имъ понравилась, но... тутъ вышла особенная исторія; тутъ вступились дѣти, потому что въ это время дѣти были всѣ уже на моей сторонѣ и стали любить Мари. Это вотъ какъ вышло. Мнѣ захотѣлось что нибудь сдѣлать Мари; ей очень надо было денегъ дать, но денегъ тамъ у меня никогда не было ни копѣйки. У меня была маленькая брилліантовая булавка, и я ее продалъ одному перекупщику; онъ по деревнямъ ѣздилъ и старымъ платьемъ торговалъ. Онъ мнѣ далъ восемь франковъ, а она стоила вѣрныхъ сорокъ. Я долго старался встрѣтить Мари одну; наконецъ, мы встрѣтились за деревней, у изгороди, на боковой тропинкѣ въ

гору, за деревомъ. Тутъ я ей далъ восемь франковъ и сказалъ ей, чтобъ она берегла, потому что у меня больше ужъ не будетъ, а потомъ поцѣловалъ ее и сказалъ, чтобъ она не думала, что у меня какое нибудь нехорошее намѣреніе, и что цѣлую я ее не потому, что влюбленъ въ нее, а потому, что мнѣ ее очень жаль и что я съ самаго начала ее нисколько за виноватую не почиталъ, а только за несчастную. Мнѣ очень хотѣлось тутъ-же и утѣшить, и увѣрить ее, что она не должна себя такою низкою считать предъ всѣми, но она, кажется, не поняла. Я это сейчасъ замѣтилъ, хотя она все время почти молчала и стояла предо мной, потупивъ глаза и ужасно стыдясь. Когда я кончилъ, она мнѣ руку поцѣловала, и я тотчасъ-же взялъ ея руку и хотѣлъ поцѣловать, но она поскорѣй отдернула. Вдругъ въ это время насъ подглядѣли дѣти, цѣлая толпа; я потомъ узналъ, что они давно за мной подсматривали. Они начали свистать, хлопать въ ладошки и смѣяться, а Мари бросилась бѣжать. Я хотѣлъ-было говорить, но они въ меня стали камнями кидать. Въ тотъ-же день всѣ узнали, вся деревня: все обрушилось опять на Мари: ее еще пуще стали не любить. Я слыхалъ даже, что ее хотѣли присудить къ наказанію, но, слава Богу, прошло такъ; за то ужъ дѣти ей проходу не стали давать, дразнили пуще прежняго, грязью кидались; гонятъ ее, она бѣжитъ отъ нихъ съ своею слабою грудью, задохнется, они за ней, кричатъ, бранятся. Одинъ разъ я даже бросился съ ними драться. Потомъ я сталъ имъ говорить, говорилъ каждый день, когда только могъ. Они иногда останавливались и слушали, хотя все еще бранились. Я имъ разсказалъ, какая Мари несчастная; скоро они перестали браниться и стали отходить молча. Мало по малу мы стали разговаривать, я отъ нихъ ничего не таилъ; я имъ все разсказалъ. Они очень любопытно слушали и скоро стали жалѣть Мари. Иные, встрѣчаясь съ нею, стали ласково съ нею здороваться: тамъ въ обычаѣ, встрѣчая другъ друга,—знакомые или нѣтъ, —кланяться и говорить: «здравствуйте». Воображаю, какъ Мари удивлялась. Однажды двѣ дѣвочки достали кушанья и снесли къ ней, отдали, принили и мнѣ сказали. Онѣ говорили, что Мари расплакалась, и что онѣ теперь ее очень любятъ. Скоро и всѣ стали любить ее, а вмѣстѣ съ тѣмъ и меня вдругъ стали любить. Они стали часто приходить ко мнѣ и все просили, чтобъ я имъ разсказывалъ: мнѣ кажется, что я хорошо разсказывалъ, потому что они очень любили меня слушать. А впослѣдствіи я и учился, и читалъ все только для того, чтобъ имъ потомъ разсказать, и всѣ три года потомъ я имъ разсказывалъ. Когда потомъ всѣ меня обвиняли,—Шнейдеръ тоже,—зачѣмъ я съ ними говорю какъ съ большими и ничего отъ нихъ не скрываю,

то я имъ отвѣчалъ, что лгать имъ стыдно, что они и безъ того все знаютъ, какъ не таи отъ нихъ, и узнаютъ, пожалуй, скверно, а отъ меня не скверно узнаютъ. Стоило только всякому вспомнить, какъ самъ былъ ребенкомъ. Они не согласны были... Я поцѣловалъ Мари еще за двѣ недѣли до того, какъ ея мать умерла; когда-же насторъ проповѣдь говорилъ, то всѣ дѣти были уже на моей сторонѣ. Я имъ тотчасъ-же разсказалъ и растолковалъ поступокъ настора; всѣ на него разсердились, а нѣкоторые до того, что ему камнями стекла въ окнахъ разбили. Я ихъ остановилъ, потому что ужь это было дурно; но тотчасъ-же въ деревнѣ всѣ все узнали, и вотъ тутъ и начали обвинять меня, что я испортилъ дѣтей. Потомъ всѣ узнали, что дѣти любятъ Мари, и ужасно перепугались; но Мари уже была счастлива. Дѣтямъ запретили даже и встрѣчаться съ нею, но они бѣгали потихоньку къ ней въ стадо, довольно далеко, почти въ полверстѣ отъ деревни; они носили ей гостинцевъ, а иные просто прибѣгали для того, чтобъ обнять ее, поцѣловать, сказать: «Je vous aime, Marie!» и потомъ стремглавъ бѣжать назадъ. Мари чуть съума не сошла отъ такого внезапнаго счастія; ей это даже и не грезилось; она стыдилась и радовалась, а главное, дѣтямъ хотѣлось, особенно дѣвочкамъ, бѣгать къ ней, чтобы передавать ей, что я ее люблю и очень много о ней имъ говорю. Они ей разсказали, что это я имъ все пересказалъ, и что они теперь ее любятъ и жалѣютъ, и всегда такъ будутъ. Потомъ забѣгали ко мнѣ и съ такими радостными, хлопотливыми личиками передавали, что они сейчасъ видѣли Мари, и что Мари мнѣ кланяется. По вечерамъ я ходилъ къ водопаду; тамъ было одно совсѣмъ закрытое со стороны деревни мѣсто, и кругомъ росли тополи; туда-то они ко мнѣ по вечерамъ и собѣгались, иные даже украдкой. Мнѣ кажется, для нихъ было ужаснымъ наслажденіемъ моя любовь къ Мари, и вотъ въ этомъ одномъ, во всю тамошнюю жизнь мою, я и обманулъ ихъ. Я не разувѣрялъ ихъ, что я вовсе не люблю Мари, то есть не влюбленъ въ нее, что мнѣ ее только очень жаль было: я по всему видѣлъ, что имъ такъ больше хотѣлось, какъ они сами вообразили и положили промежъ себя, и потому молчалъ и показывалъ видъ, что они угадали. И до такой степени были деликатны и нѣжны эти маленькія сердца: имъ между прочимъ показалось невозможнымъ, что ихъ добрый Léon такъ любитъ Мари, а Мари такъ дурно одѣта и безъ башмаковъ. Представьте себѣ, они достали ей и башмаки, и чулки, и бѣлье, и даже какое-то платье: какъ это они ухитрились, не понимаю; всею ватагой работали. Когда я ихъ разспрашивалъ, они только весело смѣялись, а дѣвочки били въ ладошки и цѣловали меня. Я иногда ходилъ тоже потихоньку

повидаться съ Мари. Она ужь становилась очень больна и едва ходила; наконецъ перестала совсѣмъ служить пастуху, но все-таки каждое утро уходила со стадомъ. Она садилась въ сторонѣ; тамъ у одной, почти прямой, отвѣсной скалы, былъ выступъ; она садилась въ самый уголъ, отъ всѣхъ закрытый, на камень и сидѣла почти безъ движенія весь день, съ самаго утра до того часа, когда стадо уходило. Она уже была такъ слаба отъ чахотки, что все больше сидѣла съ закрытыми глазами, прислонивъ голову къ скалѣ, и дремала, тяжело дыша; лицо ея похудѣло какъ у скелета, и потъ проступалъ на лбу и на вискахъ. Такъ я всегда заставалъ ее. Я приходилъ на минуту, и мнѣ тоже не хотѣлось, чтобы меня видѣли. Какъ я только показывался, Мари тотчасъ-же вздрагивала, открывала глаза и бросалась цѣловать мнѣ руки. Я уже не отнималъ, потому что для нея это было счастьемъ; она все время, какъ я сидѣлъ, дрожала и плакала; правда, нѣсколько разъ она принималась было говорить, но ее трудно было и понять. Она бывала какъ безумная, въ ужасномъ волненіи и восторгѣ. Иногда дѣти приходили со мной. Въ такомъ случаѣ они обыкновенно становились неподалеку и начинали пасъ стеречь отъ чего-то и отъ кого-то, и это было для нихъ необыкновенно пріятно. Когда мы уходили, Мари опять оставалась одна, попрежнему безъ движенія, закрывъ глаза и прислонясь головой къ скалѣ; она, можетъ быть, о чемъ нибудь грезила. Однажды поутру она уже не могла выйдти къ стаду и осталась у себя въ пустомъ своемъ домѣ. Дѣти тотчасъ-же узнали и почти всѣ перебывали у ней въ этотъ день навѣстить ее; она лежала въ своей постели одна-одинехонька. Два дня ухаживали за ней одни дѣти, забѣгая по очереди, но потомъ, когда въ деревнѣ прослышали, что Мари уже въ самомъ дѣлѣ умираетъ, то къ ней стали ходить изъ деревни старухи, сидѣть и дежурить. Въ деревнѣ, кажется, стали жалѣть Мари, по крайней мѣрѣ, дѣтей уже не останавливали и не бранили, какъ прежде. Мари все время была въ дремотѣ, сонъ у ней былъ безпокойный: она ужасно кашляла. Старухи отгоняли дѣтей, но тѣ подбѣгали подъ окно, иногда только на одну минуту, чтобы только сказать: «Bonjour, notre bonne Marie». А та, только завидитъ или заслышитъ ихъ, вся оживлялась и тотчасъ-же, не слушая старухъ, силилась приподняться на локоть, кивала имъ головой, благодарила. Они, по прежнему, приносили ей гостинцевъ, но она почти ничего не ѣла. Черезъ нихъ, увѣряю васъ, она умерла почти счастливая. Черезъ нихъ она забыла свою черную бѣду, какъ бы прощеніе отъ нихъ приняла, потому что до самаго конца считала себя великою преступницею. Они, какъ птички, бились крылышками въ ея окна и кричали ей каждое утро: «Nous t'aimons,

Маіе-. Она очень скоро умерла. Я думалъ, она гораздо дольше проживетъ. Наканунѣ ея смерти, предъ закатомъ солнца, я къ ней заходилъ: кажется, она меня узнала, и я въ послѣдній разъ пожалъ ея руку; какъ изсохла у ней рука! А тутъ вдругъ на утро приходятъ и говорятъ мнѣ, что Мари умерла. Тутъ дѣтей и удержать нельзя было: они убрали ей весь гробъ цвѣтами и надѣли ей вѣнокъ на голову. Пасторъ въ церкви уже не срамилъ мертвую, да и на похоронахъ очень мало было, такъ только изъ любопытства зашли нѣкоторые: но когда надо было нести гробъ, то дѣти бросились всѣ разомъ, чтобы самимъ нести. Такъ какъ они не могли снести, то помогали, всѣ бѣжали за гробомъ и всѣ плакали. Съ тѣхъ поръ могилка Мари постоянно почиталась дѣтьми: они убираютъ ее каждый годъ цвѣтами, обсадили кругомъ розами. Но съ этихъ похоронъ и началось на меня главное гоненіе всей деревни изъ-за дѣтей. Главные зачинщики были пасторъ и никольный учитель. Дѣтямъ рѣшительно запретили даже встрѣчаться со мной, а Шнейдеръ обязался даже смотрѣть за этимъ. Но мы все-таки видѣлись, издалека объяснялись знаками. Они присылали мнѣ свои маленькія записочки. Впослѣдствіи все это уладилось, но тогда было очень хорошо: я даже еще ближе сошелся съ дѣтьми черезъ это гоненіе. Въ послѣдній годъ я даже почти помирился съ Тибо и съ пасторомъ. А Шнейдеръ много мнѣ говорилъ и спорилъ со мной о моей вредной «системѣ» съ дѣтьми. Какая у меня система! Наконецъ, Шнейдеръ мнѣ высказалъ одну очень странную свою мысль, это ужъ было передъ самымъ моимъ отъѣздомъ, онъ сказалъ мнѣ, что онъ вполнѣ убѣдился, что я самъ совершенный ребенокъ, то есть вполнѣ ребенокъ, что я только ростомъ и лицомъ похожъ на взрослаго, но что развитіемъ, душой, характеромъ и, можетъ быть, даже умомъ я не взрослый, и такъ и останусь, хотя бы и до шестидесяти лѣтъ прожилъ. Я очень смѣялся: онъ, конечно, не правъ: потому что какой-же я маленькій? Но одно только правда, я и въ самомъ дѣлѣ не люблю быть со взрослыми, съ людьми, съ большими,—и это я давно замѣтилъ,—не люблю, потому что не умѣю. Что-бы они ни говорили со мной, какъ-бы добры ко мнѣ ни были, все-таки съ ними мнѣ всегда тяжело почему-то, и я ужасно радъ, когда могу уйдти поскорѣе къ товарищамъ, а товарищи мои всегда были дѣти, но не потому, что я самъ былъ ребенокъ, а потому, что меня, просто, тянуло къ дѣтямъ. Когда я, еще въ началѣ моего житья въ деревнѣ,—вотъ когда я уходилъ тосковать одинъ въ горы,—когда я, бродя одинъ, сталъ встрѣчать иногда, особенно въ полдень, когда выпускали изъ школы, всю эту ватагу шумную, бѣгущую съ ихъ мѣшочками и грифельными досками, съ крикомъ, со смѣхомъ, съ играми, то вся

душа моя начинала вдругъ стремиться къ нимъ. Не знаю, но я сталъ ощущать какое-то чрезвычайно сильное счастливое ощущеніе при каждой встрѣчѣ съ ними. Я останавливался и смѣялся отъ счастья, глядя на ихъ маленькія, мелькающія и вѣчно бѣгущія ножки, на мальчиковъ и дѣвочекъ, бѣгущихъ вмѣстѣ, на смѣхъ и слезы (потому что многіе уже успѣвали подраться, расплакаться, опять помириться и поиграть, покамѣсть изъ школы до дому добѣгали), и я забывалъ тогда всю мою тоску. Потомъ-же, во всѣ эти три года, я и понять не могъ, какъ тоскуютъ и зачѣмъ тоскуютъ люди? Вся судьба моя пошла на нихъ. Я никогда и не разсчитывалъ покидать деревню, и на умъ мнѣ не приходило, что я поѣду когда нибудь сюда, въ Россію. Мнѣ казалось, что я все буду тамъ, но я увидалъ наконецъ, что Шнейдеру нельзя-же было содержать меня, а тутъ подвернулось дѣло до того, кажется, важное, что Шнейдеръ самъ заторопилъ меня ѣхать и за меня отвѣчалъ сюда. Я вотъ посмотрю, что̀ это такое и съ кѣмъ нибудь посовѣтуюсь. Можетъ, моя участь совсѣмъ перемѣнится, но это все не то и не главное. Главное въ томъ, что уже перемѣнилась вся моя жизнь. Я тамъ много оставилъ, слишкомъ много. Все исчезло. Я сидѣлъ въ вагонѣ и думалъ: «Теперь я къ людямъ иду; я, можетъ быть, ничего не знаю, но наступила новая жизнь». Я положилъ исполнить свое дѣло честно и твердо. Съ людьми мнѣ будетъ, можетъ быть, скучно и тяжело. На первый случай я положилъ быть со всѣми вѣжливымъ и откровеннымъ; больше отъ меня вѣдь никто не потребуетъ. Можетъ быть, и здѣсь меня сочтутъ за ребенка,—такъ пусть! Меня тоже за идіота считаютъ всѣ почему-то, я дѣйствительно былъ такъ боленъ когда-то, что тогда и похожъ былъ на идіота; но какой-же я идіотъ теперь, когда я самъ понимаю, что меня считаютъ за идіота? Я вхожу и думаю: «Вотъ меня считаютъ за идіота, а я все-таки умный, а они и не догадываются...» У меня часто эта мысль. Когда я въ Берлинѣ получилъ оттуда нѣсколько маленькихъ писемъ, которыя они уже успѣли мнѣ написать, то тутъ только я и понялъ какъ ихъ любилъ. Очень тяжело получить первое письмо! Какъ они тосковали, провожая меня! Еще за мѣсяцъ начали провожать: «Léon s'en va, Léon s'en va pour toujours!» Мы каждый вечеръ сбирались по прежнему у водопада и все говорили о томъ, какъ мы разстанемся. Иногда бывало такъ-же весело, какъ и прежде; только расходясь на ночь, они стали крѣпко и горячо обнимать меня, чего не было прежде. Иные забѣгали ко мнѣ потихоньку отъ всѣхъ, по одному, для того только, чтобы обнять и поцѣловать меня наединѣ, не при всѣхъ. Когда я уже отправлялся на дорогу, всѣ, всею гурьбой, провожали меня до станціи. Станція желѣзной дороги была,

примѣрно, отъ нашей деревни въ верстѣ. Они удерживались, чтобы не плакать, но многіе не могли и плакали въ голосъ, особенно дѣвочки. Мы сѣли, чтобы не опоздать, но иной вдругъ изъ толпы бросался ко мнѣ среди дороги, обнималъ меня своими маленькими ручонками и цѣловалъ, только для того и останавливалъ всю толпу; а мы хоть и сѣли, но всѣ останавливались и ждали пока онъ простится. Когда я сѣлъ въ вагонъ, и вагонъ тронулся, они всѣ мнѣ прокричали «ура!» и долго стояли на мѣстѣ, пока совсѣмъ не ушелъ вагонъ. И я тоже смотрѣлъ... Послушайте, когда я давеча вошелъ сюда и посмотрѣлъ на ваши милыя лица,—я теперь очень всматриваюсь въ лица,—и услышалъ ваши первыя слова, то у меня, въ первый разъ съ того времени, стало на душѣ легко. Я давеча уже подумалъ, что, можетъ быть, и я впрямь изъ счастливыхъ: я вѣдь знаю, что такихъ, которыхъ тотчасъ полюбишь, не скоро встрѣтишь, а я васъ, только что изъ вагона вышелъ, тотчасъ встрѣтилъ. Я очень хорошо знаю, что про свои чувства говорить всѣмъ стыдно, а вотъ вамъ я говорю, и съ вами мнѣ не стыдно. Я нелюдимъ и, можетъ быть, долго къ вамъ не приду. Не примите только этого за дурную мысль: я не изъ того сказалъ, что вами не дорожу, и не подумайте тоже, что я чѣмъ нибудь обидѣлся. Вы спрашивали меня про ваши лица и что̀ я замѣтилъ въ нихъ? Я вамъ съ большимъ удовольствіемъ это скажу. У васъ, Аделаида Ивановна, счастливое лицо, изъ всѣхъ трехъ лицъ самое симпатичное. Кромѣ того, что вы очень хороши собой, на васъ смотришь и говоришь: «У ней лицо, какъ у доброй сестры». Вы подходите сироста и весело, по и сердце умѣете скоро узнать. Вотъ такъ мнѣ кажется про ваше лицо. У васъ, Александра Ивановна, лицо тоже прекрасное и очень милое, но, можетъ быть, у васъ есть какая нибудь тайная грусть; душа у васъ, безъ сомнѣнія, добрѣйшая, но вы не веселы. У васъ какой-то особенный оттѣнокъ въ лицѣ, похоже какъ у Гольбейновой Мадонны въ Дрезденѣ. Ну, вотъ и про ваше лицо; хорошъ я угадчикъ? Сами-же вы меня за угадчика считаете. Но про ваше лицо, Лизавета Прокофьевна, обратился онъ вдругъ къ генеральшѣ,— про ваше лицо ужь мнѣ не только кажется, а я просто увѣренъ, что вы совершенный ребенокъ, во всемъ, во всемъ, во всемъ хорошемъ и во всемъ дурномъ, не смотря на то, что вы въ такихъ лѣтахъ. Вы вѣдь на меня не сердитесь, что я это такъ говорю? Вѣдь вы знаете за кого я дѣтей почитаю? И не подумайте, что я съ простоты такъ откровенно все это говорилъ сейчасъ вамъ про ваши лица: о, нѣтъ, совсѣмъ нѣтъ! Можетъ быть, и я свою мысль имѣлъ.

VII.

Когда князь замолчалъ, всѣ на него смотрѣли весело, даже и Аглая, но особенно Лизавета Прокофьевна.

— Вотъ и проэкзаменовали! вскричала она. — Что, милостивыя государыни, вы думали, что вы-же его будете протежировать, какъ бѣдненькаго, а онъ васъ самъ едва избрать удостоилъ, да еще съ оговоркой, что приходить будетъ только изрѣдка. Вотъ мы и въ дурахъ, и я рада: а пуще всего Иванъ Ѳедоровичъ. Браво, князь, васъ давеча проэкзаменовать велѣли. А то, что вы про мое лицо сказали, то все совершенная правда: я ребенокъ и знаю это. Я еще прежде вашего знала про это; вы именно выразили мою мысль въ одномъ словѣ. Вашъ характеръ я считаю совершенно сходнымъ съ моимъ и очень рада; какъ двѣ капли воды. Только вы мужчина, а я женщина и въ Швейцаріи не была; вотъ и вся разница.

— Не торопитесь, maman, вскричала Аглая,—князь говоритъ, что онъ во всѣхъ своихъ признаніяхъ особую мысль имѣлъ и не спроста говорилъ.

— Да, да, смѣялись другія.

— Не трунитe, милыя, еще онъ, можетъ быть, похитрѣе всѣхъ васъ трехъ вмѣстѣ. Увидите. Но только что-жъ вы, князь, про Аглаю ничего не сказали? Аглая ждетъ, и я жду.

— Я ничего не могу сейчасъ сказать: я скажу потомъ.

— Почему? Кажется, замѣтна?

— О да, замѣтна: вы чрезвычайная красавица, Аглая Ивановна. Вы такъ хороши, что на васъ больно смотрѣть.

— И только? А свойства? настаивала генеральша.

— Красоту трудно судить; я еще не приготовился. Красота загадка.

— Это значитъ, что вы Аглаѣ загадали загадку, сказала Аделаида; —разгадай-ка, Аглая. А хороша она, князь, хороша?

— Чрезвычайно! съ жаромъ отвѣтилъ князь, съ увлеченіемъ взглянувъ на Аглаю;—почти какъ Настасья Филипповна, хотя лицо совсѣмъ другое!..

Всѣ переглянулись въ удивленіи.

— Какъ кто-о-о? протянула генеральша:—какъ Настасья Филипповна? Гдѣ вы видѣли Настасью Филипповну? Какая Настасья Филипповна?

— Давеча Гаврила Ардаліоновичъ Ивану Ѳедоровичу портретъ показывалъ.

— Какъ, Ивану Ѳедоровичу портретъ принесъ?

— Показать. Настасья Филипповна подарила сегодня Гаврилѣ Ардаліоновичу свой портретъ, а тотъ принесъ показать.

— Я хочу видѣть! вскинулась генеральша:—гдѣ этотъ портретъ? Если ему подарила, такъ и долженъ быть у него, а онъ, конечно, еще въ кабинетѣ. По средамъ онъ всегда приходитъ работать и никогда раньше четырехъ не уходитъ. Позвать сейчасъ Гаврилу Ардаліоновича! Нѣтъ, я не слишкомъ-то умираю отъ желанія его видѣть. Сдѣлайте одолженіе, князь, голубчикъ, сходите въ кабинетъ, возьмите у него портретъ и принесите сюда. Скажите что посмотрѣть. Пожалуйста.

— Хорошъ, да ужъ простоватъ слишкомъ, сказала Аделаида, когда вышелъ князь.

— Да, ужъ что-то слишкомъ, подтвердила Александра,— такъ что даже и смѣшонъ немножко.

И та, и другая какъ будто не выговаривали всю свою мысль.

— Онъ, впрочемъ, хорошо съ нашими лицами вывернулся, сказала Аглая,— всѣмъ польстилъ, даже и папаш.

— Не остри, пожалуйста, вскричала генеральша.—Не онъ польстилъ, а я польщена.

— Ты думаешь, онъ вывертывался? спросила Аделаида.

— Мнѣ кажется, онъ не такъ простоватъ.

— Ну, пошла! разсердилась генеральша:—а по моему, вы еще его смѣшнѣе. Простоватъ, да себѣ на умѣ, въ самомъ благородномъ отношеніи, разумѣется. Совершенно какъ я.

«Конечно скверно, что я про портретъ проговорился, соображалъ князь про себя, проходя въ кабинетъ и чувствуя нѣкоторое угрызеніе... Но... можетъ быть, я и хорошо сдѣлалъ, что проговорился...» У него начинала мелькать одна странная идея, впрочемъ, еще не совсѣмъ ясная.

Гаврила Ардаліоновичъ еще сидѣлъ въ кабинетѣ и былъ погруженъ въ свои бумаги. Должно быть, онъ дѣйствительно не даромъ бралъ жалованье изъ акціонернаго общества. Онъ страшно смутился, когда князь спросилъ портретъ и разсказалъ какимъ образомъ про портретъ тамъ узнали.

— Э-э-эхъ! И зачѣмъ вамъ было болтать! вскричалъ онъ въ злобной досадѣ,—не знаете вы ничего... Идіотъ! пробормоталъ онъ про себя.

— Виноватъ, я совершенно не думавши; къ слову пришлось. Я сказалъ, что Аглая почти такъ-же хороша, какъ Настасья Филипповна.

Ганя попросилъ разсказать подробнѣе; князь разсказалъ. Ганя вновь насмѣшливо посмотрѣлъ на него.

— Далась-же вамъ Настасья Филипповна... пробормоталъ онъ, но не докончивъ, задумался. Онъ былъ въ видимой тревогѣ. Князь напомнилъ о портретѣ. — Послушайте, князь, сказалъ вдругъ Ганя, какъ будто внезапная мысль осѣнила его: — у меня до васъ есть огромная просьба... Но я, право, не знаю....

Онъ смутился и не договорилъ; онъ на что-то рѣшался и какъ-бы боролся самъ съ собой. Князь ожидалъ молча. Ганя еще разъ испытующимъ, пристальнымъ взглядомъ оглядѣлъ его.

— Князь, началъ онъ опять,—тамъ на меня теперь... по одному совершенно странному обстоятельству... и смѣшному... и въ которомъ я не виноватъ... ну, однимъ словомъ, это лишнее,—тамъ на меня, кажется, немножко сердятся, такъ что я нѣкоторое время не хочу входить туда безъ зова. Мнѣ ужасно нужно-бы поговорить теперь съ Аглаей Ивановной. Я на всякій случай написалъ нѣсколько словъ (въ его рукахъ очутилась маленькая сложенная бумажка) и вотъ не знаю какъ передать. Не возьметесь-ли вы, князь, передать Аглаѣ Ивановнѣ, сейчасъ, но только одной Аглаѣ Ивановнѣ, такъ, то есть, чтобъ никто не увидалъ, понимаете? Это не Богъ знаетъ какой секретъ, тутъ нѣтъ ничего такого... но... сдѣлаете?

— Мнѣ это не совсѣмъ пріятно, отвѣчалъ князь.

— Ахъ, князь, мнѣ крайняя надобность! сталъ просить Ганя:— она, можетъ быть, отвѣтитъ... Повѣрьте, что я только въ крайнемъ, въ самомъ крайнемъ случаѣ могъ обратиться... Съ кѣмъ-же мнѣ послать?.. Это очень важно... Ужасно для меня важно...

Ганя ужасно робѣлъ, что князь не согласится, и съ трусливою просьбой заглядывалъ ему въ глаза.

— Пожалуй, я передамъ.

— Но только такъ, чтобы никто не замѣтилъ, умолялъ обрадованный Ганя, —и вотъ что, князь, я надѣюсь, вѣдь на ваше честное слово, а?

— Я никому не покажу, сказалъ князь.

— Записка не запечатана, но... проговорился было слишкомъ сустившійся Ганя, и остановился въ смущеніи.

— О, я не прочту, совершенно просто отвѣчалъ князь, взялъ портретъ и пошелъ изъ кабинета.

Ганя, оставшись одинъ, схватилъ себя за голову.

— Одно ея слово, и я... и я, право, можетъ быть, порву!..

Онъ уже не могъ снова сѣсть за бумаги отъ волненія и ожиданія и сталъ бродить по кабинету, изъ угла въ уголъ.

Князь шелъ, задумавшись: его непріятно поразило порученіе, непріятно поразила и мысль о запискѣ Гани къ Аглаѣ. Но не доходя двухъ комнатъ до гостиной, онъ вдругъ остановился, какъ

будто вспомнилъ о чемъ, осмотрѣлся кругомъ, подошелъ къ окну, ближе къ свѣту, и сталъ глядѣть на портретъ Настасьи Филипповны.

Ему какъ бы хотѣлось разгадать что-то, скрывавшееся въ этомъ лицѣ и поразившее его давеча. Давешнее впечатлѣніе почти не оставляло его, и теперь онъ сиѣшилъ какъ-бы что-то вновь провѣрить. Это необыкновенное по своей красотѣ и еще почему-то лицо сильнѣе еще поразило его теперь. Какъ будто необъятная гордость и презрѣніе, почти ненависть, были въ этомъ лицѣ, и въ тоже самое время что-то довѣрчивое, что-то удивительно простодушное; эти два контраста возбуждали какъ будто даже какое-то состраданіе при взглядѣ на эти черты. Эта ослѣпляющая красота была даже невыносима, красота блѣднаго лица, чуть не впалыхъ щекъ и горѣвшихъ глазъ; странная красота! Князь смотрѣлъ съ минуту, потомъ вдругъ спохватился, оглядѣлся кругомъ, поспѣшно приблизилъ портретъ къ губамъ и поцѣловалъ его. Когда черезъ минуту онъ вошелъ въ гостиную, лицо его было совершенно спокойно.

Но только-что онъ вступилъ въ столовую (еще черезъ одну комнату отъ гостиной), съ нимъ, въ дверяхъ почти, столкнулась выходившая Аглая. Она была одна.

— Гаврила Ардаліоновичъ просилъ меня вамъ передать, сказалъ князь, подавая ей записку.

Аглая остановилась, взяла записку и какъ-то странно поглядѣла на князя. Ни малѣйшаго смущенія не было въ ея взглядѣ, развѣ только проглянуло нѣкоторое удивленіе, да и то, казалось, относившееся къ одному только князю. Аглая своимъ взглядомъ точно требовала отъ него отчета,—какимъ образомъ онъ очутился въ этомъ дѣлѣ вмѣстѣ съ Ганей?—и требовала спокойно и свысока. Они простояли два-три мгновенія другъ противъ друга; наконецъ что-то насмѣшливое чуть-чуть обозначилось въ лицѣ ея; она слегка улыбнулась и прошла мимо.

Генеральша нѣсколько времени, молча и съ нѣкоторымъ оттѣнкомъ пренебреженія, разсматривала портретъ Настасьи Филипповны, который она держала предъ собой въ протянутой рукѣ, чрезвычайно и эффектно отдаливъ отъ глазъ.

— Да, хороша, проговорила она наконецъ,—очень даже. Я два раза ее видѣла, только издали. Такъ вы такую-то красоту цѣните? обратилась она вдругъ къ князю.

— Да... такую... отвѣчалъ князь съ нѣкоторымъ усиліемъ.

— То есть именно такую?

— Именно такую.

— За что?

— Въ этомъ лицѣ... страданія много... проговорилъ князь,

какъ-бы невольно, какъ-бы самъ съ собою говоря, а не на вопросъ отвѣчая.

— Вы, впрочемъ, можетъ быть, бредите, рѣшила генеральша и надменнымъ жестомъ откинула отъ себя портретъ на столъ. Александра взяла его, къ ней подошла Аделаида, обѣ стали разсматривать. Въ эту минуту Аглая возвратилась опять въ гостиную.

— Этакая сила! вскричала вдругъ Аделаида, жадно всматриваясь въ портретъ изъ-за плеча сестры.

— Гдѣ? Какая сила? рѣзко спросила Елизавета Прокофьевна.

— Такая красота — сила, горячо сказала Аделаида,—съ этакою красотой можно міръ перевернуть!

Она задумчиво отошла къ своему мольберту. Аглая взглянула на портретъ только мелькомъ, прищурилась, выдвинула нижнюю губку, отошла и сѣла къ сторонѣ, сложивъ руки.

Генеральша позвонила.

— Позвать сюда Гаврилу Ардаліоновича, онъ въ кабинетѣ, приказала она вошедшему слугѣ.

— Маман! значительно воскликнула Александра.

— Я хочу ему два слова сказать—и только! быстро отрѣзала генеральша, останавливая возраженіе. Она была видимо раздражена.—У насъ, видите-ли, князь, здѣсь теперь все секреты. Все секреты! Такъ требуется, этикетъ какой-то, глупо. И это въ такомъ дѣлѣ, въ которомъ требуется наиболѣе откровенности, ясности, честности. Начинаются браки, не нравятся мнѣ эти браки...

— Маман, что вы это? опять поспѣшила остановить ее Александра.

— Чего тебѣ, милая дочка! Тебѣ самой развѣ нравятся? А что князь случается, такъ мы друзья. Я съ нимъ, по крайней мѣрѣ. Богъ имѣетъ людей, хорошихъ, конечно, а злыхъ и капризныхъ ему не надо: капризныхъ особенно, которые сегодня рѣшаютъ одно, а завтра говорятъ другое. Понимаете, Александра Ивановна? Онъ, князь, говорятъ, что я чудачка, а я умѣю различать. Потому сердце главное, а остальное вздоръ. Умъ тоже нуженъ, конечно... можетъ быть, умъ-то и самое главное. Не усмѣхайся, Аглая, я себѣ не противорѣчу: дура съ сердцемъ и безъ ума такая-же несчастная дура, какъ и дура съ умомъ безъ сердца. Старая истина. Я вотъ дура съ сердцемъ безъ ума, а ты дура съ умомъ безъ сердца; обѣ мы и несчастны, обѣ и страдаемъ.

— Что-же вы умъ такъ несчастны, маман! не утерпѣла Аделаида, которая одна, кажется, изъ всей компаніи не утратила веселаго расположенія духа.

— Во первыхъ, отъ ученыхъ дочекъ, отрѣзала генеральша, —

а такъ какъ этого и одного довольно, то объ остальномъ нечего и распространяться. Довольно многословія было. Посмотримъ какъ-то вы объ (я Аглаю не считаю) съ вашимъ умомъ и многословіемъ вывернетесь, и будете-ли вы, многоуважаемая Александра Ивановна, счастливы съ вашимъ почтеннымъ господиномъ?.. А!.. воскликнула она, увидѣвъ входящаго Ганю: — вотъ еще идетъ одинъ брачный союзъ. Здравствуйте! отвѣтила она на поклонъ Гани, не приглашивъ его садиться.—Вы вступаете въ бракъ?

— Въ бракъ?.. Какъ?.. Въ какой бракъ?.. бормоталъ онѣмѣлый Гаврила Ардаліоновичъ. Онъ ужасно смѣшался.

— Вы женитесь? спрашиваю я, если вы только лучше любите такое выраженіе?

— Н-нѣтъ... я... н-нѣтъ, солгалъ Гаврила Ардаліоновичъ, и краска стыда залила ему лицо. Онъ бѣгло взглянулъ на сидѣвшую въ сторонѣ Аглаю и быстро отвелъ глаза. Аглая холодно, пристально, спокойно глядѣла на него, не отрывая глазъ, и наблюдала его смущеніе.

— Нѣтъ? Вы сказали: нѣтъ? настойчиво допрашивала неумолимая Лизавета Прокофьевна: — довольно, я буду помнить, что вы сегодня, въ среду утромъ, на мой вопросъ сказали мнѣ: нѣтъ. Что у насъ сегодня, среда?

— Кажется, среда, maman, отвѣтила Аделаида.

— Никогда дней не знаютъ. Которое число?

— Двадцать седьмое, отвѣтилъ Ганя.

— Двадцать седьмое? Это хорошо по нѣкоторому разсчету. Прощайте, у васъ, кажется, много занятій, а мнѣ пора одѣваться и ѣхать: возьмите вонъ портретъ. Передайте мои поклонъ несчастной Нинѣ Александровнѣ. До свиданія, князь-голубчикъ! Заходи почаще, а я къ старухѣ Бѣлоконской нарочно забуду о тебѣ сказать. И послушайте, милый: я вѣрую, что васъ именно для меня Богъ привелъ въ Петербургъ изъ Швейцаріи. Можетъ быть, будутъ у васъ и другія дѣла, но главное для меня. Богъ именно такъ разсчиталъ. До свиданія, милый. Александра, зайди ко мнѣ, другъ мой.

Генеральша вышла. Ганя, опрокинутый, потерявшійся, злобный, взялъ со стола портретъ и съ искривленною улыбкой обратился къ князю.

— Князь, я сейчасъ домой. Если вы не перемѣнили намѣренія жить у насъ, то я васъ доведу, а то вы и адреса не знаете.

— Постойте, князь, сказала Аглая, вдругъ поднимаясь съ своего кресла, — вы мнѣ еще въ альбомъ напишете. Папа сказалъ, что вы каллиграфъ. Я вамъ сейчасъ принесу.

И она вышла.

— До свиданія, князь, и я ухожу, сказала Аделаида. Она крѣпко пожала руку князю, привѣтливо и ласково улыбнулась ему и вышла. На Ганю она не посмотрѣла.

— Это вы, заскрежеталъ Ганя, вдругъ набрасываясь на князя, только-что всѣ вышли, — это вы разболтали имъ, что я женюсь! бормоталъ онъ скорымъ полушопотомъ, съ бѣшенымъ лицомъ и злобно сверкая глазами;—безстыдный вы болтунишка!

— Увѣряю васъ, что вы ошибаетесь, спокойно и вѣжливо отвѣчалъ князь,—я и не зналъ, что вы женитесь.

— Вы слышали давеча какъ Иванъ Ѳедоровичъ говорилъ, что сегодня вечеромъ все рѣшится у Настасьи Филипповны, вы это и передали! Лжете вы! Откуда онѣ могли узнать? Кто-же, чортъ возьми, могъ имъ передать, кромѣ васъ? Развѣ старуха не намекала мнѣ?

— Вамъ лучше знать кто передалъ, если вамъ только кажется, что вамъ намекали, я ни слова про это не говорилъ.

— Передали записку? Отвѣтъ? съ горячечнымъ нетерпѣніемъ перебилъ его Ганя. Но въ самую эту минуту воротилась Аглая, и князь ничего не успѣлъ отвѣтить.

— Вотъ, князь, сказала Аглая, положивъ на столикъ свой альбомъ,—выберите страницу и напишите мнѣ что нибудь. Вотъ перо и еще новое. Ничего что стальное? Каллиграфы, я слышала, стальными не пишутъ.

Разговаривая съ княземъ, она какъ-бы и не замѣчала, что Ганя тутъ-же. Но покамѣстъ князь поправлялъ перо, отыскивалъ страницу и изготовлялся, Ганя подошелъ къ камину, гдѣ стояла Аглая, сейчасъ справа подлѣ князя, и дрожащимъ, прерывающимся голосомъ проговорилъ ей чуть не на ухо:

— Одно слово, одно только слово отъ васъ,—и я спасенъ.

Князь быстро повернулся и посмотрѣлъ на обоихъ. Въ лицѣ Гани было настоящее отчаяніе; казалось, онъ выговорилъ эти слова какъ-то не думая, сломя голову. Аглая смотрѣла на него нѣсколько секундъ совершенно съ тѣмъ-же самымъ спокойнымъ удивленіемъ, какъ давеча на князя. И, казалось, это спокойное удивленіе ея, это недоумѣніе, какъ-бы отъ полнаго непониманія того, что̀ ей говорятъ, было въ эту минуту для Гани ужаснѣе самаго сильнѣйшаго презрѣнія.

— Что̀-же мнѣ написать? спросилъ князь.

— А я вамъ сейчасъ продиктую, сказала Аглая, поворачиваясь къ нему;—готовы? Пишите-же: «Я въ торги не вступаю».— Теперь поднишите число и мѣсяцъ. Покажите.

Князь подалъ ей альбомъ.

— Превосходно! Вы удивительно написали; у васъ чудесный почеркъ! Благодарю васъ. До свиданія, князь... Постойте, прибавила она, какъ-бы что-то вдругъ припомнивъ,—пойдемте, я хочу вамъ подарить кой-что на память.

Князь пошелъ за нею: но войдя въ столовую, Аглая остановилась.

— Прочтите это, сказала она. подавая ему записку Гани.

Князь взялъ записку и съ недоумѣніемъ посмотрѣлъ на Аглаю.

— Вѣдь я знаю-же, что вы ея не читали и не можете быть довѣреннымъ этого человѣка. Читайте, я хочу чтобы вы прочли.

Записка была очевидно написана наскоро:

«Сегодня рѣшится моя судьба, вы знаете какимъ образомъ. Сегодня я долженъ буду дать свое слово безвозвратно. Я не имѣю никакихъ правъ на ваше участіе, не смѣю имѣть никакихъ надеждъ; но когда-то вы выговорили одно слово, одно только слово. и это слово озарило всю черную ночь моей жизни и стало для меня маякомъ. Скажите теперь еще одно такое-же слово — и спасете меня отъ погибели! Скажите мнѣ только: *разорви все*, и я все порву сегодня-же. О, что вамъ стоитъ сказать это! Въ этомъ словѣ я испрашиваю только признакъ вашего участія и сожалѣнія ко мнѣ,—и только, *только!* И ничего больше, *ничего!* Я не смѣю задумать какую нибудь надежду, потому что я недостоинъ ея. Но послѣ вашего слова я приму вновь мою бѣдность, я съ радостью стану переносить отчаянное положеніе мое. Я встрѣчу борьбу, я радъ буду ей, я воскресну въ ней съ новыми силами!

«Пришлите-же мнѣ это слово состраданія (только *одного* состраданія, клянусь вамъ!) Не разсердитесь на дерзость отчаяннаго, на утопающаго, за то, что онъ осмѣлился сдѣлать послѣднее усиліе, чтобы спасти себя отъ погибели.

«Г. П.»

— Этотъ человѣкъ увѣряетъ, рѣзко сказала Аглая, когда князь кончилъ читать, — что слово: *разорвите все* меня не скомпрометтируетъ и не обяжетъ ничѣмъ, и самъ даетъ мнѣ въ этомъ, какъ видите, письменную гарантію, этою самою запиской. Замѣтьте, какъ наивно посѣщилъ онъ подчеркнуть нѣкоторыя словечки, и какъ грубо проглядываетъ его тайная мысль. Онъ, впрочемъ, знаетъ, что если-бъ онъ разорвалъ все, но самъ, одинъ, не ожидая моего слова и даже не говоря мнѣ объ этомъ, безъ всякой надежды на меня, то я-бы тогда перемѣнила мои чувства къ нему и, можетъ быть, стала-бы его другомъ. Онъ это знаетъ навѣрно! Но у него душа грязная: онъ знаетъ и не рѣшается; онъ знаетъ и все-таки гарантіи проситъ. Онъ на вѣру рѣшиться не въ состояніи. Онъ хочетъ, чтобъ

я ему, взамѣнъ ста тысячъ, на себя надежду дала. На счетъ-же прежняго слова, про которое онъ говоритъ въ запискѣ, и которое будто-бы озарило его жизнь, то онъ налгалъ давеча. Я просто разъ пожалѣла его. Но онъ дерзокъ и безстыденъ: у него тотчасъ-же мелькнула тогда мысль о возможности надежды; я это тотчасъ-же поняла. Съ тѣхъ поръ онъ сталъ меня улавливать: ловитъ и теперь. Но довольно: возьмите и отдайте ему записку назадъ, сейчасъ-же, какъ выйдете изъ нашего дома, разумѣется, не раньше.

— А что сказать ему въ отвѣтъ?

— Ничего, разумѣется. Это самый лучшій отвѣтъ. Да вы, стало быть, хотите жить въ его домѣ?

— Мнѣ давеча самъ Иванъ Ѳедоровичъ отрекомендовалъ, сказалъ князь.

— Такъ берегитесь его, я васъ предупреждаю: онъ теперь вамъ не проститъ, что вы ему возвратите назадъ записку.

Аглая слегка пожала руку князю и вышла. Лицо ея было серіозно и нахмурено, она даже не улыбнулась, когда кивнула князю головой на прощаніе.

— Я сейчасъ, только мой узелокъ возьму, сказалъ князь Гапѣ,—и мы выйдемъ.

Ганя топнулъ ногой отъ нетерпѣнія. Лицо его даже почернѣло отъ бѣшенства. Наконецъ оба вышли на улицу, князь съ своимъ узелкомъ въ рукахъ.

— Отвѣтъ? Отвѣтъ? накинулся на него Ганя:—что она вамъ сказала? Вы передали письмо?

Князь молча подалъ ему его записку. Ганя остолбенѣлъ.

— Какъ? Моя записка! вскричалъ онъ:—онъ и не передавалъ ея! О, я долженъ былъ догадаться! О, пр-р-ро-клят... Понятно, что она ничего не поняла давеча! Да какъ-же, какъ-же, какъ-же вы не передали, о, пр-р-ро-клят...

— Извините меня, напротивъ, мнѣ тотчасъ-же удалось передать вашу записку, въ ту-же минуту какъ вы дали, и точно такъ, какъ вы просили. Она очутилась у меня опять потому, что Аглая Ивановна сейчасъ передала мнѣ ее обратно.

— Когда? Когда?

— Только что я кончилъ писать въ альбомѣ, и когда она пригласила меня съ собой. (Вы слышали?) Мы вошли въ столовую, она подала мнѣ записку, велѣла прочесть и велѣла передать вамъ обратно.

— Про-че-е-сть! закричалъ Ганя чуть не во все горло:—прочесть! Вы читали?

И онъ снова сталъ въ оцѣпенѣніи среди тротуара, но до того изумленный, что даже разинулъ ротъ.

— Да, читалъ, сейчасъ.

— И она сама, сама вамъ дала прочесть? Сама?

— Сама, и повѣрьте, что я-бы не сталъ читать безъ ея приглашенія.

Ганя съ минуту молчалъ и съ мучительными усиліями что-то соображалъ, но вдругъ воскликнулъ:

— Быть не можетъ! Она не могла вамъ велѣть прочесть. Вы лжете! Вы сами прочли!

— Я говорю правду, отвѣчалъ князь прежнимъ совершенно невозмутимымъ тономъ, —и повѣрьте: мнѣ очень жаль, что это производитъ на васъ такое непріятное впечатлѣніе.

— Но, несчастный, по крайней мѣрѣ, она вамъ сказала-же что нибудь при этомъ? Что нибудь отвѣтила-же?

— Да, конечно.

— Да говорите-же, говорите, о, чортъ!..

И Ганя два раза топнулъ правою ногой, обутою въ калошу, о тротуаръ.

— Какъ только я прочелъ, она сказала мнѣ, что вы ее ловите; что вы желали-бы ее компрометтировать такъ, чтобы получить отъ нея надежду для того, чтобы, опираясь на эту надежду, разорвать безъ убытку съ другой надеждой на сто тысячъ. Что если-бы вы сдѣлали это, не торгуясь съ нею, разорвали-бы все сами, не прося у ней впередъ гарантіи, то она, можетъ быть, и стала-бы вашимъ другомъ. Вотъ и все, кажется. Да, еще: когда я спросилъ, уже взявъ записку, какой-же отвѣтъ? Тогда она сказала, что безъ отвѣта будетъ самый лучшій отвѣтъ, — кажется, такъ; извините, если я забылъ ея точное выраженіе. а передаю какъ самъ понялъ.

Непзмѣримая злоба овладѣла Ганей и бѣшенство его прорвалось безъ всякаго удержу:

— А! Такъ вотъ какъ! скрежеталъ онъ: — такъ мои записки въ окно швырять! А! Она въ торги не вступаетъ,—такъ я вступлю! И увидимъ! За мной еще много... увидимъ!.. Въ баранiй рогъ свернy!..

Онъ кривился, блѣдиѣлъ, пѣнился; онъ грозилъ кулакомъ. Такъ шли они нѣсколько шаговъ. Князя онъ не церемонился ни мало, точно былъ одинъ въ своей комнатѣ, потому что въ высшей степени считалъ его за ничто. Но вдругъ онъ что-то сообразилъ и опомнился.

— Да какимъ-же образомъ, вдругъ обратился онъ къ князю,— какимъ-же образомъ вы (идіотъ! прибавилъ онъ про себя), вы вдругъ въ такой довѣренности, два часа послѣ перваго знакомства? Какъ такъ?

Ко всѣмъ мученіямъ его не доставало зависти. Она вдругъ укусила его въ самое сердце.

— Этого ужь я вамъ не съумѣю объяснить, отвѣтилъ князь.

Ганя злобно посмотрѣлъ на него:

— Это ужь не довѣренность-ли свою подарить вамъ позвала она васъ въ столовую? Вѣдь она вамъ что-то подарить собиралась?

— Иначе я и не понимаю, какъ именно такъ.

— Да за что-же? Чортъ возьми! Что вы тамъ такое сдѣлали? Чѣмъ понравились? Послушайте, суетился онъ изо всѣхъ силъ (все въ немъ въ эту минуту было какъ-то разбросано и кипѣло въ безпорядкѣ, такъ что онъ и съ мыслями собраться не могъ), — послушайте, не можете-ли вы хоть какъ нибудь припомнить и сообразить въ порядкѣ, о чемъ вы именно тамъ говорили, всѣ слова, съ самаго начала? Не замѣтили-ли вы чего, не упомните-ли?

— О, очень могу, отвѣчалъ князь, — съ самаго начала, когда я вошелъ и познакомился, мы стали говорить о Швейцаріи.

— Ну, къ чорту Швейцарію!

— Потомъ о смертной казни...

— О смертной казни?

— Да, по одному поводу... потомъ я имъ разсказывалъ о томъ, какъ прожилъ тамъ три года и одну исторію съ одною бѣдною поселянкой...

— Ну, къ чорту бѣдную поселянку! Дальше! рвался въ нетерпѣніи Ганя.

— Потомъ, какъ Шнейдеръ высказалъ мнѣ свое мнѣніе о моемъ характерѣ и понудилъ меня...

— Провалиться Шнейдеру и наплевать на его мнѣнія! Дальше!

— Дальше, по одному поводу, я сталъ говорить о лицахъ, то есть о выраженіяхъ лицъ и сказалъ, что Аглая Ивановна почти такъ-же хороша, какъ Настасья Филипповна. Вотъ тутъ-то я и проговорился про портретъ...

— Но вы не пересказали, вы вѣдь не пересказали того, что слышали давеча въ кабинетѣ? Нѣтъ? Нѣтъ?

— Повторяю-же вамъ, что нѣтъ.

— Да откуда-же, чортъ... Ба! Не показала-ли Аглая записку старухѣ?

— Въ этомъ я могу васъ вполнѣ гарантировать, что не показала. Я все время тутъ былъ; да и времени она не имѣла.

— Да, можетъ быть, вы сами не замѣтили чего нибудь... О! идіотъ пр-ро-клятый! воскликнулъ онъ уже совершенно внѣ себя:— и разсказать ничего не умѣетъ!

Ганя, разъ начавъ ругаться и не встрѣчая отпора, мало-помалу потерялъ всякую сдержанность, какъ это всегда водится съ иными людьми. Еще немного, и онъ, можетъ быть, сталъ-бы пле-

ваться, до того ужь онъ былъ взбѣшенъ. Но именно чрезъ это бѣшенство онъ и ослѣпъ; иначе онъ давно-бы обратилъ вниманіе на то, что этотъ «идіотъ», котораго онъ такъ третируетъ, что-то ужь слишкомъ скоро и тонко умѣетъ иногда все понять и чрезвычайно удовлетворительно передать. Но вдругъ произошло нѣчто неожиданное.

— Я долженъ вамъ замѣтить, Гаврила Ардаліоновичъ, сказалъ вдругъ князь,—что я прежде дѣйствительно былъ такъ нездоровъ, что и въ самомъ дѣлѣ былъ почти идіотъ; но теперь я давно уже выздоровѣлъ, и потому мнѣ нѣсколько непріятно, когда меня называютъ идіотомъ въ глаза. Хоть васъ и можно извинить, взявъ во вниманіе ваши неудачи, но вы въ досадѣ вашей даже раза два меня выбранили. Мнѣ это очень не хочется, особенно такъ, вдругъ, какъ вы, съ перваго раза; и такъ какъ мы теперь стоимъ на перекресткѣ, то не лучше-ли намъ разойдтись: вы пойдете направо къ себѣ, а я налѣво. У меня есть двадцать пять рублей, и я навѣрно найду какой нибудь отель-гарни.

Ганя ужасно смутился и даже покраснѣлъ отъ стыда что его такъ неожиданно поймали.

— Извините, князь, горячо вскричалъ онъ, вдругъ перемѣняя свой ругательный тонъ на чрезвычайную вѣжливость;—ради Бога, извините! Вы видите, въ какой я бѣдѣ! Вы еще почти ничего не знаете, но если-бы вы знали все, то навѣрно-бы хоть немного извинили меня; хотя, разумѣется, я неизвинимъ...

— О, мнѣ и не нужно такихъ большихъ извиненій, поспѣшилъ отвѣтить князь. — Я вѣдь понимаю, что вамъ очень непріятно, и потому-то вы и браните. Ну, пойдемте къ вамъ. Я съ удовольствіемъ...

«Нѣтъ, его теперь такъ отпустить невозможно, думалъ про себя Ганя, злобно посматривая дорогой на князя, — этотъ плутъ выпыталъ изъ меня все, а потомъ вдругъ снялъ маску... Это что-то значитъ. А вотъ мы увидимъ! Все разрѣшится, все, все! Сегодня-же!»

Они уже стояли у самаго дома.

VIII.

Ганечкина квартира находилась въ третьемъ этажѣ, по весьма чистой, свѣтлой и просторной лѣстницѣ, и состояла изъ шести или семи комнатъ и комнатокъ, самыхъ, впрочемъ, обыкновенныхъ, но во всякомъ случаѣ не совсѣмъ по карману семейному чиновнику, получающему даже и двѣ тысячи рублей жалованья. Но она предназначалась для содержанія жильцовъ со столомъ и при-

слугой и занята была Ганей и его семействомъ не болѣе двухъ мѣсяцевъ тому назадъ, къ величайшей непріятности самого Гани, по настоянію и просьбамъ Нины Александровны и Варвары Ардаліоновны, пожелавшихъ въ свою очередь быть полезными и хоть нѣсколько увеличить доходы семейства. Ганя хмурился и называлъ содержаніе жильцовъ безобразіемъ; ему стало какъ будто стыдно послѣ этого въ обществѣ, гдѣ онъ привыкъ являться, какъ молодой человѣкъ съ нѣкоторымъ блескомъ и будущностью. Всѣ эти уступки судьбѣ и вся эта досадная тѣснота, — все это были глубокія душевныя раны его. Съ нѣкотораго времени онъ сталъ раздражаться всякою мелочью безмѣрно и непропорціонально, и если еще соглашался на время уступать и терпѣть, то потому только, что уже имъ рѣшено было все это измѣнить и передѣлать въ самомъ непродолжительномъ времени. А между тѣмъ самое это измѣненіе, самый выходъ, на которомъ онъ остановился, составляли задачу не малую,— такую задачу, предстоявшее разрѣшеніе которой грозило быть хлопотливѣе и мучительнѣе всего предыдущаго.

Квартиру раздѣлялъ коридоръ, начинавшійся прямо изъ прихожей. По одной сторонѣ коридора находились тѣ три комнаты, которыя назначались въ наемъ, для — особенно рекомендованныхъ жильцовъ: кромѣ того, по той-же сторонѣ коридора, въ самомъ концѣ его, у кухни, находилась четвертая комнатка, потѣснѣе всѣхъ прочихъ, въ которой помѣщался самъ отставной генералъ Иволгинъ, отецъ семейства, и спалъ на широкомъ диванѣ, а ходить и выходить изъ квартиры обязанъ былъ чрезъ кухню и по черной лѣстницѣ. Въ этой-же комнатѣ помѣщался и тринадцатилѣтній братъ Гавриды Ардаліоновича, гимназистъ Коля; ему тоже предназначалось здѣсь тѣсниться, учиться, спать на другомъ, весьма старомъ, узкомъ и короткомъ диванчикѣ, на дырявой простынѣ и, главное, ходить и *смотрѣть* за отцомъ, который все болѣе и болѣе не могъ безъ этого обойдтись. Князю назначили среднюю изъ трехъ комнатъ: въ первой направо помѣщался Фердыщенко, а третья налѣво стояла еще пустая. Но Ганя прежде всего свелъ князя на семейную половину. Эта семейная половина состояла изъ залы, обращавшейся, когда надо, въ столовую, изъ гостиной, которая была, впрочемъ, гостиною только поутру, а вечеромъ обращалась въ кабинетъ Гани и въ его спальню, и наконецъ изъ третьей комнаты, тѣсной и всегда затворенной: это была спальня Нины Александровны и Варвары Ардаліоновны. Однимъ словомъ, все въ этой квартирѣ тѣснилось и жалось: Ганя только скрипѣлъ про себя зубами; онъ хотя былъ и желалъ быть почтительнымъ къ матери, но съ перваго шагу у нихъ можно было замѣтить, что это большой деспотъ въ семействѣ.

Нина Александровна была въ гостиной не одна, съ нею сидѣла Варвара Ардаліоновна: обѣ онѣ занимались какимъ-то вязаньемъ и разговаривали съ гостемъ, Иваномъ Петровичемъ Птицынымъ. Нина Александровна казалась лѣтъ пятидесяти, съ худымъ, осунувшимся лицомъ и съ сильною чернотой подъ глазами. Видъ ея былъ болѣзненный и нѣсколько скорбный, но лицо и взглядъ ея были довольно пріятны: съ первыхъ словъ заявлялся характеръ серіозный и полный истиннаго достоинства. Не смотря на прискорбный видъ, въ ней предчувствовалась твердость и даже рѣшимость. Одѣта она была чрезвычайно скромно, въ чемъ-то темномъ, и совсѣмъ по старушечьи, но пріемы ея, разговоръ, вся манера, изобличали женщину, видавшую и лучшее общество.

Варвара Ардаліоновна была дѣвица лѣтъ двадцати трехъ, средняго роста, довольно худощавая, съ лицомъ, не то чтобы очень красивымъ, но заключавшимъ въ себѣ тайну нравиться безъ красоты и до страсти привлекать къ себѣ. Она была очень похожа на мать, даже одѣта была почти такъ-же какъ мать, отъ полнаго нежеланія наряжаться. Взглядъ ея сѣрыхъ глазъ подчасъ могъ быть очень веселъ и ласковъ, если-бы не бывалъ всего чаще серіозенъ и задумчивъ, иногда слишкомъ даже, особенно въ послѣднее время. Твердость и рѣшимость видѣлись и въ ея лицѣ, но предчувствовалось, что твердость эта даже могла быть энергичнѣе и предпріимчивѣе, чѣмъ у матери. Варвара Ардаліоновна была довольно вспыльчива, и братецъ иногда даже побаивался этой вспыльчивости. Побаивался ея и сидѣвшій теперь у нихъ гость, Иванъ Петровичъ Птицынъ. Это былъ еще довольно молодой человѣкъ, лѣтъ подъ тридцать, скромно, но изящно одѣтый, съ пріятными, но какъ-то слишкомъ ужъ солидными манерами. Темнорусая бородка обозначала въ немъ человѣка не съ служебными занятіями. Онъ умѣлъ разговаривать умно и интересно, но чаще бывалъ молчаливъ. Вообще онъ производилъ впечатлѣніе даже пріятное. Онъ былъ видимо неравнодушенъ къ Варварѣ Ардаліоновнѣ и не скрывалъ своихъ чувствъ. Варвара Ардаліоновна обращалась съ нимъ дружески, но на иные вопросы его отвѣчать еще медлила, даже ихъ не любила: Птицынъ, впрочемъ, далеко не былъ обезкураженъ. Нина Александровна была къ нему ласкова, а въ послѣднее время стала даже много ему довѣрять. Извѣстно, впрочемъ, было, что онъ спеціально занимается наживаніемъ денегъ отдачей ихъ въ быстрый ростъ, подъ болѣе или менѣе вѣрные залоги. Съ Ганей онъ былъ чрезвычайнымъ пріятелемъ.

На обстоятельную, но отрывистую рекомендацію Гани (который весьма сухо поздоровался съ матерью, совсѣмъ не поздоровался съ

сестрой и тотчасъ-же куда-то увелъ изъ комнаты Птицына), Нина Александровна сказала князю нѣсколько ласковыхъ словъ и велѣла выглянувшему въ дверь Колѣ свести его въ среднюю комнату. Коля былъ мальчикъ съ веселымъ и довольно милымъ лицомъ, съ довѣрчивою и простодушною манерой.

— Гдѣ-же ваша поклажа? спросилъ онъ, вводя князя въ комнату.

— У меня узелокъ; я его въ передней оставилъ.

— Я вамъ сейчасъ принесу. У насъ всей прислуги кухарка да Матрена, такъ что и я помогаю. Варя надъ всѣмъ надсматриваетъ и сердится. Ганя говоритъ, вы сегодня изъ Швейцаріи?

— Да.

— А хорошо въ Швейцаріи?

— Очень.

— Горы?

— Да.

— Я вамъ сейчасъ ваши узлы притащу.

Вошла Варвара Ардаліоновна.

— Вамъ Матрена сейчасъ бѣлье постелитъ. У васъ чемоданъ?

— Нѣтъ, узелокъ. За нимъ вашъ братъ пошелъ; онъ въ передней.

— Никакого тамъ узла нѣтъ, кромѣ этого узелочка; вы куда положили? спросилъ Коля, возвращаясь опять въ комнату.

— Да кромѣ этого и нѣтъ никакого, возвѣстилъ князь, принимая свой узелокъ.

— А-а! А я думалъ не утащилъ-ли Фердыщенко.

— Не ври пустяковъ, строго сказала Варя, которая и съ княземъ говорила весьма сухо и только что развѣ вѣжливо.

— Chère Babette, со мной можно обращаться и попѣжнѣе, вѣдь я не Птицынъ.

— Тебя еще сѣчь можно, Коля, до того ты еще глупъ. За всѣмъ, что̀ потребуется, можете обращаться къ Матренѣ; обѣдаютъ въ половинѣ пятаго. Можете обѣдать вмѣстѣ съ нами, можете и у себя въ комнатѣ, какъ вамъ угодно. Пойдемъ, Коля, не мѣшай имъ.

— Пойдемте, рѣшительный характеръ!

Выходя, они столкнулись съ Ганей.

— Отецъ дома? спросилъ Ганя Колю, и на утвердительный отвѣтъ Коли пошепталъ ему что̀-то на ухо.

Коля кивнулъ головой и вышелъ вслѣдъ за Варварой Ардаліоновной.

— Два слова, князь, я и забылъ вамъ сказать за этими... дѣлами. Нѣкоторая просьба: сдѣлайте одолженіе, — если только вамъ

это не въ большую натугу будетъ,—не болтайте, ни здѣсь, о томъ, что̀ у меня съ Аглаей сейчасъ было, ни *тамъ*, о томъ, что̀ вы здѣсь найдете; потому что и здѣсь тоже безобразія довольно. Къ чорту, впрочемъ .. Хоть сегодня-то, по крайней мѣрѣ, удержитесь.

— Увѣряю-же васъ, что я гораздо меньше болталъ, чѣмъ вы думаете, сказалъ князь съ нѣкоторымъ раздраженіемъ на укоры Гани. Отношенія между ними становились видимо хуже и хуже.

— Ну, да ужь я довольно перенесъ чрезъ васъ сегодня. Однимъ словомъ, я васъ прошу.

— Еще и то замѣтьте, Гаврила Ардаліоновичъ, чѣмъ-же я былъ давеча связанъ, и почему я не могъ упомянуть о портретѣ? Вѣдь вы меня не просили.

— Фу, какая скверная комната, замѣтилъ Ганя, презрительно осматриваясь,—темно и окна на дворъ. Во всѣхъ отношеніяхъ вы къ намъ не во время... Ну, да это не мое дѣло; не я квартиры содержу.

Заглянулъ Птицынъ и кликнулъ Ганю; тотъ торопливо бросилъ князя и вышелъ, не смотря на то, что онъ еще что̀-то хотѣлъ сказать, но видимо мялся и точно стыдился начать; да и комнату обругалъ тоже какъ будто сконфузившись.

Только что князь умылся и успѣлъ сколько нибудь исправить свой туалетъ, отворилась дверь снова и выглянула новая фигура.

Это былъ господинъ лѣтъ тридцати, не малаго роста, плечистый, съ огромною, курчавою, рыжеватою головой. Лицо у него было мясистое и румяное, губы толстыя, носъ широкій и сплюснутый, глаза маленькіе, запылившіе и насмѣшливые, какъ будто безпрерывно подмигивающіе. Въ цѣломъ все это представлялось довольно нахально. Одѣтъ онъ былъ грязновато.

Онъ сначала отворилъ дверь ровно на столько, чтобы просунуть голову. Просунувшаяся голова секундъ пять оглядывала комнату; потомъ дверь стала медленно отворяться, вся фигура обозначилась на порогѣ, но гость еще не входилъ, а съ порога продолжалъ, прищурясь, разсматривать князя. Наконецъ, затворилъ за собою дверь, приблизился, сѣлъ на стулъ, князя крѣпко взялъ за руку и посадилъ наискось отъ себя на диванъ.

Фердыщенко, проговорилъ онъ, пристально и вопросительно засматривая князю въ лицо.

— Такъ что̀-же? отвѣчалъ князь, почти разсмѣявшись.

— Жилецъ, проговорилъ опять Фердыщенко, засматривая по прежнему.

— Хотите познакомиться?

— Э-эхъ!— проговорилъ гость, взъерошивъ волосы и вздохнувъ,

и сталъ смотрѣть въ противоположный уголъ.— У васъ деньги есть? спросилъ онъ вдругъ, обращаясь къ князю.

— Немного.

— Сколько именно?

— Двадцать пять рублей.

— Покажите-ка.

Князь вынулъ двадцатипятирублевый билетъ изъ жилетнаго кармана и подалъ Фердыщенку. Тотъ развернулъ, поглядѣлъ, потомъ перевернулъ на другую сторону, затѣмъ взялъ на свѣтъ.

— Довольно странно, проговорилъ онъ какъ-бы въ раздумьи,— отчего-бы имъ бурѣть? Эти двадцатипятирублевыя иногда ужасно бурѣютъ, а другія, напротивъ, совсѣмъ линяютъ. Возьмите.

Князь взялъ свой билетъ обратно. Фердыщенко всталъ со стула.

— Я пришелъ васъ предупредить: во первыхъ, мнѣ денегъ взаймы не давать, потому что я непремѣнно буду просить.

— Хорошо.

— Вы платить здѣсь намѣрены?

— Намѣренъ.

— А я не намѣренъ: спасибо. Я здѣсь отъ васъ направо первая дверь, видѣли? Ко мнѣ постарайтесь не очень часто жаловать; къ вамъ я приду, не безпокойтесь. Генерала видѣли?

— Нѣтъ.

— И не слышали?

— Конечно, нѣтъ.

— Ну, такъ увидите и услышите: да къ тому-же онъ даже у меня проситъ денегъ взаймы! Avis au lecteur. Прощайте. Развѣ можно жить съ фамиліей Фердыщенко? А?

— Отчего-же нѣтъ?

— Прощайте.

И онъ пошелъ къ дверямъ. Князь узналъ потомъ, что этотъ господинъ какъ будто по обязанности взялъ на себя задачу изумлять всѣхъ оригинальностью и веселостью, но у него какъ-то никогда не выходило. На нѣкоторыхъ онъ производилъ даже непріятное впечатлѣніе, отчего онъ искренно скорбѣлъ, но задачу свою все-таки не покидалъ. Въ дверяхъ ему удалось какъ-бы поправиться, наткнувшись на одного входившаго господина: пропустивъ этого новаго и незнакомаго князю гостя въ комнату, онъ нѣсколько разъ предупредительно подмигнулъ на него сзади и такимъ образомъ все-таки ушелъ не безъ апломба.

Новый господинъ былъ высокаго роста, лѣтъ пятидесяти пяти, или даже побольше, довольно тучный, съ багрово-краснымъ, мясистымъ и обрюзглымъ лицомъ, обрамленнымъ густыми сѣдыми ба-

кенбарданѣ, въ усахъ, съ большими, довольно выпученными глазами. Фигура была-бы довольно осанистая, если-бы не было въ ней чего-то опустившагося, износившагося, даже запачканнаго. Одѣтъ онъ былъ въ стареньки сюртучокъ, чуть не съ продравшимися локтями; бѣлье тоже было засаленное, — по домашнему. Возлѣ отъ него немного пахло водкой; но манера была эффектная, нѣсколько изученная и съ видимымъ ревнивымъ желаніемъ поразить достоинствомъ. Господинъ приблизился къ князю, не сѣвши, съ привѣтливою улыбкой, молча взялъ его руку, и, сохраняя ее въ своей, нѣсколько времени всматривался въ его лицо, какъ-бы узнавая знакомыя черты.

— Онъ! Онъ! проговорилъ онъ тихо, но торжественно: — какъ живой! Слышу, повторяютъ знакомое и дорогое имя, и припоминаетъ безвозвратное прошлое... Князь Мышкинъ?

— Точно такъ-съ.

— Генералъ Иволгинъ, отставной и несчастный. Ваше имя и отчество, смѣю спросить?

— Левъ Николаевичъ.

— Такъ, такъ! Сынъ моего друга, можно сказать, товарища дѣтства, Николая Петровича?

— Моего отца звали Николаемъ Львовичемъ.

— Львовичъ, поправился генералъ, но не сѣвши, а съ совершенною увѣренностью, какъ будто онъ нисколько и не забывалъ, а только нечаянно оговорился. Онъ сѣлъ, и, тоже взявъ князя за руку, посадилъ подлѣ себя. — Я васъ на рукахъ носилъ-съ.

— Неужели? спросилъ князь:—мой отецъ ужъ двадцать лѣтъ какъ умеръ.

— Да: двадцать лѣтъ; двадцать лѣтъ и три мѣсяца. Вмѣстѣ учились; я прямо въ военную...

— Да и отецъ былъ въ военной, подпоручикомъ въ Васильковскомъ полку.

Въ Бѣломірскомъ. Переводъ въ Бѣломірскій состоялся и отецъ наканунѣ смерти. Я тутъ стоялъ и благословилъ его въ вѣчность. Ваша матушка...

Генералъ пріостановился какъ-бы отъ грустнаго воспоминанія.

— Да и она тоже полгода спустя потомъ умерла отъ простуды, сказалъ князь.

— Не отъ простуды. Не отъ простуды, повѣрьте старику. Я тутъ былъ, я и ее хоронилъ. Съ горя по своемъ князѣ, а не отъ простуды. Да-съ, памятна мнѣ и княгиня! Молодость! Изъ-за нея мы съ княземъ, друзья съ дѣтства, чуть не стали взаимными убійцами.

Князь начиналъ слушать съ нѣкоторою недовѣрчивостью.

— Я страстно влюбленъ былъ въ вашу родительницу, еще когда она въ невѣстахъ была,—невѣстой друга моего. Князь замѣтилъ и былъ фрапированъ. Приходитъ ко мнѣ утромъ, въ седьмомъ часу, будитъ. Одѣваюсь съ изумленіемъ; молчаніе съ обѣихъ сторонъ: я все понялъ. Вынимаетъ изъ кармана два пистолета. Черезъ платокъ. Безъ свидѣтелей. Къ чему свидѣтели, когда чрезъ пять минутъ отсылаемъ другъ друга въ вѣчность? Зарядили, растянули платокъ, стали, приложили пистолеты взаимно къ сердцамъ и глядимъ другъ другу въ лицо. Вдругъ слезы градомъ у обоихъ изъ глазъ, дрогнули руки. У обоихъ, у обоихъ, разомъ! Ну, тутъ, натурально, объятія и взаимная борьба великодушія. Князь кричитъ: твоя, я кричу: твоя! Однимъ словомъ... однимъ словомъ... вы къ намъ... жить?

— Да, на нѣкоторое время, быть можетъ, проговорилъ князь, какъ-бы нѣсколько запинаясь.

— Князь, мамаша васъ къ себѣ проситъ, крикнулъ заглянувшій въ дверь Коля. Князь привсталъ было идти, но генералъ положилъ правую ладонь на его плечо и дружески пригнулъ опять къ дивану.

— Какъ истинный другъ отца вашего, желаю предупредить, сказалъ генералъ, — я, вы видите сами, я пострадалъ, по трагической катастрофѣ; но безъ суда! Безъ суда! Нина Александровна—женщина рѣдкая. Варвара Ардаліоновна, дочь моя—рѣдкая дочь! По обстоятельствамъ содержимъ квартиры,—паденіе неслыханное! Мнѣ, которому оставалось быть генералъ-губернаторомъ!.. Но вамъ мы рады всегда. А между тѣмъ у меня въ домѣ трагедія!

Князь смотрѣлъ вопросительно и съ большимъ любопытствомъ.

— Приготовляется бракъ, и бракъ рѣдкій. Бракъ двусмысленной женщины и молодаго человѣка, который могъ-бы быть камеръ-юнкеромъ. Эту женщину введутъ въ домъ, гдѣ моя дочь и гдѣ моя жена! Но покамѣстъ я дышу, она не войдетъ! Я лягу на порогѣ, и пусть перешагнетъ чрезъ меня!.. Съ Ганей я теперь почти не говорю, избѣгаю встрѣчаться даже. Я васъ предупреждаю нарочно; коли будете жить у насъ, все равно, и безъ того станете свидѣтелемъ. Но вы сынъ моего друга, и я въ правѣ надѣяться...

— Князь, сдѣлайте одолженіе, зайдите ко мнѣ въ гостиную, позвала Нина Александровна, сама уже явившаяся у дверей.

— Вообрази, другъ мой, вскричалъ генералъ,—оказывается, что я пяньчилъ князя на рукахъ моихъ!

Нина Александровна укоризненно глянула на генерала и пытливо на князя, но не сказала ни слова. Князь отправился за нею;

но только что они пришли въ гостиную и сѣли, а Нина Александровна только что начала очень торопливо и вполголоса что-то сообщать князю, какъ генералъ вдругъ пожаловалъ самъ въ гостиную. Нина Александровна тотчасъ замолчала и съ видимою досадой нагнулась къ своему вязанью. Генералъ, можетъ быть, и замѣтилъ эту досаду, но продолжалъ быть въ превосходнѣйшемъ настроеніи духа.

— Сынъ моего друга! вскричалъ онъ, обращаясь къ Нинѣ Александровнѣ: — и такъ неожиданно! Я давно уже и воображать пересталъ. Но, другъ мой, неужели ты не помнишь покойнаго Николая Львовича? Ты еще застала его... Въ Твери?

— Я не помню Николая Львовича. Это вашъ отецъ? спросила она князя.

— Отецъ: но онъ умеръ, кажется, не въ Твери, а въ Елисаветградѣ, робко замѣтилъ князь генералу. — Я слышалъ отъ Павлищева...

— Въ Твери, подтвердилъ генералъ: — передъ самою смертью состоялся переводъ въ Тверь, и даже еще предъ развитіемъ болѣзни. Вы были еще слишкомъ малы и не могли упомнить, ни перевода, ни путешествія; Павлищевъ-же могъ ошибиться, хотя и превосходнѣйшій былъ человѣкъ.

— Вы знали и Павлищева?

— Рѣдкій былъ человѣкъ, но я былъ личнымъ свидѣтелемъ. Я благословлялъ на смертномъ одрѣ...

— Отецъ мой вѣдь умеръ подъ судомъ, замѣтилъ князь снова,— хоть я и никогда не могъ узнать за что̀ именно; онъ умеръ въ госпиталѣ.

— О, это по дѣлу о рядовомъ Колпаковѣ, и, безъ сомнѣнія, князь былъ-бы оправданъ.

— Такъ? Вы навѣрно знаете? спросилъ князь съ особеннымъ любопытствомъ.

— Еще-бы! вскричалъ генералъ. — Судъ разошелся ничего не рѣшивъ. Дѣло невозможное! Дѣло даже, можно сказать, таинственное: умираетъ штабсъ-капитанъ Ларіоновъ, ротный командиръ: князь на время назначается исправляющимъ должность; хорошо. Рядовой Колпаковъ совершаетъ краску,—сапожный товаръ у товарища,—и пронзаетъ его: хорошо. Князь,— и замѣтьте себѣ, это было въ присутствіи фельдфебеля и капральнаго,—распекаетъ Колпакова и грозитъ ему розгами. Очень хорошо. Колпаковъ идетъ въ казармы, ложится на нары и черезъ четверть часа умираетъ. Прекрасно, но случай неожиданный, почти невозможный. Такъ или этакъ, а Колпакова хоронятъ: князь рапортуетъ, и затѣмъ Колпакова исключаютъ изъ списковъ. Кажется, чего-бы лучше? Но ровно черезъ

полгода, на бригадномъ смотру, рядовой Колпаковъ, какъ ни въ чемъ ни бывало, оказывается въ третьей ротѣ втораго баталіона Новоземлянскаго пѣхотнаго полка, той-же бригады и той-же дивизіи.

— Какъ! вскричалъ князь внѣ себя отъ удивленія.

— Это не такъ, это ошибка! обратилась къ нему вдругъ Нина Александровна, почти съ тоской смотря на него. — Mon mari se trompe.

— Но, другъ мой, se tromрe, это легко сказать, но разрѣши-ка сама подобный случай! Всѣ стали втупикъ. Я первый сказалъ-бы qu'on se trompe. Но, къ несчастію, я былъ свидѣтелемъ и участвовалъ самъ въ коммиссіи. Всѣ очныя ставки показали, что это тотъ самый, совершенно тотъ-же самый рядовой Колпаковъ, который полгода назадъ былъ схороненъ при обыкновенномъ нарядѣ и съ барабаннымъ боемъ. Случай дѣйствительно рѣдкій, почти невозможный, я соглашаюсь, но...

— Папаша, вамъ обѣдать накрыли, возвѣстила Варвара Ардаліоновна, входя въ комнату.

— А, это прекрасно, превосходно! Я таки проголодался... Но случай, можно сказать, даже психологическій...

— Супъ опять простынетъ, съ нетерпѣніемъ сказала Варя.

— Сейчасъ, сейчасъ, бормоталъ генералъ, выходя изъ комнаты, — «и не смотря ни на какія справки», слышалось еще въ корридорѣ.

— Вы должны будете многое извинить Ардаліону Александровичу, если у насъ останетесь, сказала Нина Александровна князю:— онъ, впрочемъ, васъ очень не обезпокоитъ: онъ и обѣдаетъ одинъ. Согласитесь сами, у всякаго есть свои недостатки и свои... особенныя черты, у другихъ, можетъ, еще больше чѣмъ у тѣхъ, на которыхъ привыкли пальцами указывать. Объ одномъ буду очень просить: если мой мужъ какъ нибудь обратится къ вамъ по поводу уплаты за квартиру, то вы скажите ему, что отдали мнѣ. То есть, отданное и Ардаліону Александровичу все равно для васъ въ счетъ-бы пошло, но я единственно для аккуратности васъ прошу... Что это, Варя?

Варя воротилась въ комнату и молча подала матери портретъ Настасьи Филипповны. Нина Александровна вздрогнула и сначала какъ-бы съ испугомъ, а потомъ съ подавляющимъ горькимъ ощущеніемъ разсматривала его нѣкоторое время. Наконецъ вопросительно поглядѣла на Варю.

— Ему сегодня подарокъ отъ нея самой, сказала Варя,—а вечеромъ у нихъ все рѣшается.

— Сегодня вечеромъ! какъ-бы въ отчаяніи повторила вполго-

лоса Нина Александровна;—что-же? Тутъ сомнѣній ужь болѣе нѣтъ никакихъ, и надеждъ тоже не остается: портретомъ все возвѣстила... Да онъ тебѣ самъ, что-ли, показалъ? прибавила она въ удивленіи.

— Вы знаете, что мы ужь цѣлый мѣсяцъ почти ни слова не говоримъ. Птицынъ мнѣ про все сказалъ, а портретъ тамъ у стола на полу ужь валялся; я подняла.

— Князь, обратилась къ нему вдругъ Нина Александровна,— я хотѣла васъ спросить (для того собственно и попросила васъ сюда), давно-ли вы знаете моего сына? Онъ говорилъ, кажется, что вы только сегодня откуда-то пріѣхали?

Князь объяснилъ вкратцѣ о себѣ, пропустивъ бо̀льшую половину. Нина Александровна и Варя выслушали.

— Я не выпытываю чего нибудь о Гаврилѣ Ардаліоновичѣ васъ разспрашивая, замѣтила Нина Александровна;—вы не должны ошибаться на этотъ счетъ. Если есть что нибудь, въ чемъ онъ не можетъ признаться мнѣ самъ, того я и сама не хочу разузнавать мимо него. Я къ тому собственно, что давеча Ганя при васъ, и потомъ когда вы ушли, на вопросъ мой о васъ, отвѣчалъ мнѣ: «Онъ все знаетъ, церемониться нечего!» Что̀-же это значитъ? То есть, я хотѣла-бы знать въ какой мѣрѣ...

Вошли вдругъ Ганя и Птицынъ: Нина Александровна тотчасъ замолчала. Князь остался на стулѣ подлѣ нея, а Варя отошла въ сторону; портретъ Настасьи Филипповны лежалъ на самомъ видномъ мѣстѣ, на рабочемъ столикѣ Нины Александровны, прямо передъ нею. Ганя, увидѣвъ его, нахмурился, съ досадой взялъ со стола и отбросилъ на свой письменный столъ, стоявшій въ другомъ концѣ комнаты.

— Сегодня, Ганя? спросила вдругъ Нина Александровна.

— Что̀ сегодня? встрепенулся было Ганя и вдругъ набросился на князя.— А, понимаю, вы ужь и тутъ!.. Да что̀ у васъ, наконецъ, болѣзнь это, что-ли, какая? Удержаться не можете? Да вѣдь поймите-же наконецъ, ваше сіятельство...

— Тутъ я виноватъ, Ганя, а не кто другой, прервалъ Птицынъ.

Ганя вопросительно поглядѣлъ на него.

— Да вѣдь это лучше-же, Ганя, тѣмъ болѣе что, съ одной стороны, дѣло покончено, пробормоталъ Птицынъ, и, отойдя въ сторону, сѣлъ у стола, вынулъ изъ кармана какую-то бумажку, исписанную карандашомъ, и сталъ ее пристально разсматривать. Ганя стоялъ пасмурный и ждалъ съ безпокойствомъ семейной сцены. Передъ княземъ онъ и не подумалъ извиниться.

— Если все кончено, то Иванъ Петровичъ, разумѣется, правъ, сказала Нина Александровна,—не хмурься, пожалуйста, и не раз-

дражайся, Ганя, я ни о чемъ не стану разспрашивать, чего самъ не хочешь сказать, и увѣряю тебя, что вполнѣ покорилась: сдѣлай одолженіе, не безпокойся.

Она проговорила это, не отрываясь отъ работы и, казалось, въ самомъ дѣлѣ спокойно. Ганя былъ удивленъ, но осторожно молчалъ и глядѣлъ на мать, выжидая, чтобъ она высказалась яснѣе. Домашнія сцены ужь слишкомъ дорого ему стоили. Нина Александровна замѣтила эту осторожность и съ горькою улыбкой прибавила:

— Ты все еще сомнѣваешься и не вѣришь мнѣ: не безпокойся, не будетъ ни слезъ, ни просьбъ, какъ прежде, съ моей стороны, по крайней мѣрѣ. Все мое желаніе въ томъ, чтобы ты былъ счастливъ, и ты это знаешь; я судьбѣ покорилась, но мое сердце будетъ всегда съ тобой, останемся-ли мы вмѣстѣ, или разойдемся. Разумѣется, я отвѣчаю только за себя: ты не можешь того-же требовать отъ сестры...

А, опять она! вскричалъ Ганя, насмѣшливо и ненавистно смотря на сестру: — маменька! Клянусь вамъ въ томъ опять, въ чемъ уже вамъ давалъ слово: никто и никогда не осмѣлится вамъ манкировать, пока я тутъ, пока я живъ. О комъ-бы ни шла рѣчь, а я настою на полнѣйшемъ къ вамъ уваженіи, кто-бы ни перешелъ чрезъ нашъ порогъ...

Ганя такъ обрадовался, что почти примирительно, почти нѣжно смотрѣлъ на мать.

— Я ничего за себя и не боялась, Ганя, ты знаешь: я не о себѣ безпокоилась и промучилась все это время. Говорятъ, сегодня все у васъ кончится? Что-же кончится?

— Сегодня вечеромъ, у себя, она обѣщала объявить: согласна или нѣтъ, отвѣтилъ Ганя.

— Мы чуть не три недѣли избѣгали говорить объ этомъ, и это было лучше. Теперь, когда уже все кончено, я только одно позволю себѣ спросить: какъ она могла тебѣ дать согласіе и даже подарить свой портретъ, когда ты ея не любишь? Неужели ты ее, такую... такую...

— Ну, опытную, что-ли?

— Я не такъ хотѣла выразиться. Неужели ты до такой степени могъ ей отвести глаза?

Необыкновенная раздражительность послышалась вдругъ въ этомъ вопросѣ. Ганя постоялъ, подумалъ съ минуту, и, не скрывая насмѣшки, проговорилъ:

— Вы увлеклись, маменька, и опять не вытерпѣли, и вотъ такъ-то у насъ всегда все начиналось и разгоралось. Вы сказали: не будетъ ни разспросовъ, ни попрековъ, а они уже начались! Оста-

вимъ лучше: право, оставимъ; по крайней мѣрѣ, у васъ намѣреніе было... Я никогда и ни за что васъ не оставлю: другой отъ такой сестры убѣжалъ-бы, по крайней мѣрѣ; — вонъ какъ она смотритъ на меня теперь! Кончимъ на этомъ! Я ужъ такъ было обрадовался... И почемъ вы знаете, что я обманываю Настасью Филипповну? А на счетъ Вари какъ ей угодно, и — довольно. Ну, ужъ теперь совсѣмъ довольно!

Ганя разгорячался съ каждымъ словомъ и безъ цѣли шагалъ по комнатѣ. Такіе разговоры тотчасъ-же обращались въ больное мѣсто у всѣхъ членовъ семейства.

— Я сказала, что если она сюда войдетъ, то я отсюда выйду и тоже слово сдержу, сказала Варя.

— Изъ упрямства! вскричалъ Ганя. — Изъ упрямства и замужъ не выходишь! Что на меня фыркаешь? Мнѣ вѣдь наплевать, Варвара Ардаліоновна: угодно — хоть сейчасъ исполняйте ваше намѣреніе. Надоѣли вы мнѣ ужъ очень. Какъ! Вы рѣшаетесь наконецъ насъ оставить, князь, закричалъ онъ князю, увидавъ, что тотъ встаетъ съ мѣста.

Въ голосѣ Гани слышалась уже та степень раздраженія, въ которой человѣкъ почти самъ радъ этому раздраженію, предается ему безо всякаго удержу и чуть не съ возрастающимъ наслажденіемъ. До чего-бы это ни довело. Князь обернулся было въ дверяхъ, чтобы что-то отвѣтить, но увидѣвъ по болѣзненному выраженію лица своего обидчика, что тутъ только недоставало той капли, которая переполняетъ сосудъ, повернулся и вышелъ молча. Нѣсколько минутъ спустя онъ услышалъ по отголоску изъ гостиной, что разговоръ съ его отсутствія сталъ еще шумнѣе и откровеннѣе.

Онъ прошелъ чрезъ залу въ прихожую, чтобы попасть въ коридоръ, а изъ него въ свою комнату. Проходя близко мимо выходныхъ дверей на лѣстницу, онъ услышалъ и замѣтилъ, что за дверьми кто-то старается изо всѣхъ силъ позвонить въ колокольчикъ; но въ колокольчикѣ, должно быть, что-то испортилось: онъ только чуть-чуть вздрагивалъ, а звука не было. Князь снялъ запоръ, отворилъ дверь и — отступилъ въ изумленіи, весь даже вздрогнулъ: передъ нимъ стояла Настасья Филипповна. Онъ тотчасъ узналъ ее по портрету. Глаза ея сверкнули взрывомъ досады, когда она его увидѣла; она быстро прошла въ прихожую, столкнувъ его съ дороги плечомъ, и гнѣвливо сказала, сбрасывая съ себя шубу:

— Если лѣнь колокольчикъ поправить, такъ по крайней мѣрѣ въ прихожей-бы сидѣлъ, когда стучатся. Ну, вотъ теперь шубу уронилъ, олухъ!

Шуба дѣйствительно лежала на полу; Настасья Филипповна, не дождавшись, пока князь съ нея сниметъ, сбросила ее сама къ нему на руки, не глядя, сзади, но князь не успѣлъ принять.

— Прогнать тебя надо. Ступай, доложи.

Князь хотѣлъ было что-то сказать, но до того потерялся, что ничего не выговорилъ и съ шубой, которую поднялъ съ полу, пошелъ въ гостиную.

— Ну, вотъ теперь съ шубой идетъ! Шубу-то зачѣмъ несешь? Ха-ха-ха! Да ты сумасшедшій, что-ли?

Князь воротился и глядѣлъ на нее какъ истуканъ; когда она засмѣялась—усмѣхнулся и онъ, но языкомъ все еще не могъ пошевелить. Въ первое мгновеніе, когда онъ отворилъ ей дверь, онъ былъ блѣденъ, теперь вдругъ краска залила его лицо.

— Да что это за идіотъ? въ негодованіи вскрикнула, топнувъ на него ногой, Настасья Филипповна. — Ну, куда ты идешь? Ну, кого ты будешь докладывать?

— Настасью Филипповну, пробормоталъ князь.

— Почему ты меня знаешь? быстро спросила она его;—я тебя никогда не видала! Ступай, докладывай... Что тамъ за крикъ?

— Бранятся, отвѣтилъ князь и пошелъ въ гостиную.

Онъ вошелъ въ довольно рѣшительную минуту: Нина Александровна готова была уже совершенно забыть, что она всему покорилась: она, впрочемъ, защищала Варю. Подлѣ Вари стоялъ и Птицынъ, уже оставившій свою исписанную карандашомъ бумажку. Варя и сама не робѣла, да и не робкаго десятка была дѣвица; но грубости брата становились съ каждымъ словомъ невѣжливѣе и нестерпимѣе. Въ такихъ случаяхъ она обыкновенно переставала говорить и только молча, насмѣшливо смотрѣла на брата, не сводя съ него глазъ. Этотъ маневръ, какъ и знала она, способенъ былъ выводить его изъ послѣднихъ границъ. Въ эту-то самую минуту князь шагнулъ въ комнату и провозгласилъ:

— Настасья Филипповна!

IX.

Общее молчаніе воцарилось: всѣ смотрѣли на князя какъ-бы не понимая его и — не желая понять. Ганя оцѣпенѣлъ отъ испуга.

Пріѣздъ Настасьи Филипповны, и особенно въ настоящую минуту, былъ для всѣхъ самою странною и хлопотливою неожиданностью. Ужь одно то, что Настасья Филипповна жаловала въ первый разъ; до сихъ поръ она

держала себя до того надменно, что въ разговорахъ съ Ганей даже и желанія не выражала познакомиться съ его родными, а въ самое послѣднее время даже и не упоминала о нихъ совсѣмъ, точно ихъ и не было на свѣтѣ. Ганя хоть отчасти и радъ былъ, что отдалялся такой хлопотливый для него разговоръ, но все-таки въ сердцѣ своемъ поставилъ ей эту надменность на счетъ. Во всякомъ случаѣ, онъ ждалъ отъ нея скорѣе насмѣшекъ и колкостей надъ своимъ семействомъ, а не визита къ нему; онъ зналъ навѣрно, что ей извѣстно все, что происходитъ у него дома по поводу его сватовства и какимъ взглядомъ смотрятъ на нее его родные. Визитъ ея, *теперь*, послѣ подарка портрета и въ день своего рожденія, въ день, въ который она обѣщала рѣшить его судьбу, означалъ чуть не самое это рѣшеніе.

Недоумѣніе, съ которымъ всѣ смотрѣли на князя, продолжалось не долго: Настасья Филипповна появилась въ дверяхъ гостиной сама и опять, входя въ комнату, слегка оттолкнула князя.

— Наконецъ-то удалось войдти... зачѣмъ это вы колокольчикъ привязываете? весело проговорила она, подавая руку Ганѣ, бросившемуся къ ней со всѣхъ ногъ. —Что это у васъ такое опрокинутое лицо? Познакомьте-же меня, пожалуйста...

Совсѣмъ потерявшійся Ганя отрекомендовалъ ее сперва Варѣ, и обѣ женщины, прежде чѣмъ протянули другъ другу руки, обмѣнялись странными взглядами. Настасья Филипповна, впрочемъ, смѣялась и маскировалась веселостью; но Варя не хотѣла маскироваться и смотрѣла мрачно и пристально; даже и тѣни улыбки, что уже требовалось простою вѣжливостью, не показалось въ ея лицѣ. Ганя обмеръ; упрашивать было уже нечего и некогда, и онъ бросилъ на Варю такой угрожающій взглядъ, что та поняла, по силѣ этого взгляда, что значила для ея брата эта минута? Тутъ она, кажется, рѣшилась уступить ему и чуть-чуть улыбнулась Настасьѣ Филипповнѣ. (Всѣ они въ семействѣ еще слишкомъ любили другъ друга). Нѣсколько поправила дѣло Нина Александровна, которую Ганя, сбившись окончательно, отрекомендовалъ послѣ сестры и даже подвелъ первую къ Настасьѣ Филипповнѣ. Но только что Нина Александровна успѣла было начать о своемъ «особенномъ удовольствіи», какъ Настасья Филипповна, не дослушавъ ея, быстро обратилась къ Ганѣ, и, садясь (безъ приглашенія еще) на маленькій диванчикъ, въ углу у окна, вскричала:

— Гдѣ-же вашъ кабинетъ? И... и гдѣ жильцы? Вѣдь вы жильцовъ содержите?

Ганя ужасно покраснѣлъ и зашелся было что-то отвѣтить, но Настасья Филипповна тотчасъ прибавила:

— Гдѣ-же тутъ держать жильцовъ? У васъ и кабинета нѣтъ. А выгодно это? обратилась она вдругъ къ Нинѣ Александровнѣ.

— Хлопотливо нѣсколько, отвѣчала было та; — разумѣется, должна быть выгода. Мы, впрочемъ, только что...

Но Настасья Филипповна опять уже не слушала: она глядѣла на Ганю, смѣялась и кричала ему:

— Что у васъ за лицо? О, Боже мой, какое у васъ въ эту минуту лицо!

Прошло нѣсколько мгновеній этого смѣха, и лицо Гани дѣйствительно очень исказилось: его столбнякъ, его комическая, трусливая потерянность вдругъ сошла съ него; но онъ ужасно побѣднѣлъ; губы закривились отъ судороги; онъ молча, пристально и дурнымъ взглядомъ, не отрываясь, смотрѣлъ въ лицо своей гостьи, продолжавшей смѣяться.

Тутъ былъ и еще наблюдатель, который тоже еще не избавился отъ своего чуть не онѣмѣнія при видѣ Настасьи Филипповны; но онъ хоть и стоялъ «столбомъ», на прежнемъ мѣстѣ своемъ, въ дверяхъ гостиной, однако успѣлъ замѣтить блѣдность и злокачественную перемѣну лица Гани. Этотъ наблюдатель былъ князь. Чуть не въ испугѣ, онъ вдругъ машинально ступилъ впередъ.

— Выпейте воды, прошепталъ онъ Ганѣ.—И не глядите такъ...

Видно было, что онъ проговорилъ это безъ всякаго разсчета, безъ всякаго особеннаго замысла, такъ, по первому движенію: но слова его произвели чрезвычайное дѣйствіе. Казалось, вся злоба Гани вдругъ опрокинулась на князя: онъ схватилъ его за плечо и смотрѣлъ на него молча, мстительно и ненавистно, какъ-бы не въ силахъ выговорить слово. Произошло всеобщее волненіе; Нина Александровна слегка даже вскрикнула, Птицынъ шагнулъ впередъ въ безпокойствѣ, Коля и Фердыщенко, явившіеся въ дверяхъ, остановились въ изумленіи, одна Варя по прежнему смотрѣла изъ-подлобья, но внимательно наблюдая. Она не садилась, а стояла сбоку, подлѣ матери, сложивъ руки на груди.

Но Ганя спохватился тотчасъ-же, почти въ первую минуту своего движенія, и нервно захохоталъ. Онъ совершенно опомнился.

— Да что вы, князь, докторъ что-ли? вскричалъ онъ, по возможности веселѣе и простодушнѣе;—даже испугалъ меня; Настасья Филипповна, можно рекомендовать вамъ, это предрагоцѣнный субъектъ, хоть я и самъ только съ утра знакомъ.

Настасья Филипповна въ недоумѣніи смотрѣла на князя.

— Князь? Онъ князь? Вообразите, а я давеча, въ прихожей, приняла его за лакея и сюда докладывать послала! Ха-ха-ха!

— Нѣтъ бѣды, нѣтъ бѣды! подхватилъ Фердыщенко, поспѣшно

подходя и обрадовавшись, что начали смѣяться: — нѣтъ бѣды: se non e vero...

— Да чуть-ли еще не бранила васъ, князь. Простите пожалуйста. Фердыщенко, вы-то какъ здѣсь, въ такой часъ? Я думала, по крайней мѣрѣ, хоть васъ не застану. Кто? Какой князь? Мышкинъ? переспросила она Ганю, который между тѣмъ, все еще держа князя за плечо, успѣлъ отрекомендовать его.

— Нашъ жилецъ, повторилъ Ганя.

Очевидно, князя представляли какъ что-то рѣдкое (и пригодившееся всѣмъ какъ выходъ изъ фальшиваго положенія), чуть не совали къ Настасьѣ Филипповнѣ: князь ясно даже услышалъ слово «идіотъ», произнесенное сзади его, кажется, Фердыщенкой, въ пояснение Настасьѣ Филипповнѣ.

— Скажите, почему-же вы не разувѣрили меня давеча, когда я такъ ужасно... въ васъ ошиблась? продолжала Настасья Филипповна, разсматривая князя съ ногъ до головы самымъ безцеремоннымъ образомъ: она въ нетерпѣніи ждала отвѣта, какъ-бы вполнѣ убѣжденная, что отвѣтъ будетъ непремѣнно такъ глупъ, что нельзя будетъ не засмѣяться.

— Я удивился, увидя васъ такъ вдругъ... пробормоталъ было князь.

— А какъ вы узнали, что это я? Гдѣ вы меня видѣли прежде? Что это, въ самомъ дѣлѣ, я какъ будто его гдѣ-то видѣла! И позвольте васъ спросить, почему вы давеча остолбенѣли на мѣстѣ? Что во мнѣ такого остолбеняющаго?

— Ну-же, ну! продолжалъ гримасничать Фердыщенко: — да ну-же! О, Господи, какихъ-бы я вещей на такой вопросъ наказалъ! Да ну-же... Нечтожъ-же ты, князь, послѣ этого!

— Да и я-бы наказалъ на вашемъ мѣстѣ, засмѣялся князь Фердыщенкѣ:—давеча меня вашъ портретъ поразилъ очень, продолжалъ онъ Настасьѣ Филипповнѣ: потомъ я съ Епанчиными про васъ говорилъ... а рано утромъ, еще до въѣзда въ Петербургъ, на желѣзной дорогѣ, разсказывалъ мнѣ много про васъ Парѳенъ Рогожинъ... И въ ту самую минуту, какъ я вамъ дверь отворилъ, я о васъ тоже думалъ, а тутъ вдругъ и вы.

— А какъ-же вы меня узнали, что это я?

— По портрету и...

— И еще?

— И еще по тому, что такою васъ именно и воображалъ... Я васъ тоже будто видѣлъ гдѣ-то.

— Гдѣ? Гдѣ?

— Я ваши глаза точно гдѣ-то видѣлъ... да этого быть не мо-

жетъ! Это я такъ... Я здѣсь никогда и не былъ. Можетъ быть, во снѣ...

— Ай да князь! закричалъ Фердыщенко. — Нѣтъ, я свое: se non e vero—беру назадъ. Впрочемъ... впрочемъ, вѣдь это онъ все отъ невинности! прибавилъ онъ съ сожалѣніемъ.

Князь проговорилъ свои нѣсколько фразъ голосомъ неспокойнымъ, прерываясь и часто переводя духъ. Все выражало въ немъ чрезвычайное волненіе. Настасья Филипповна смотрѣла на него съ любопытствомъ, но уже не смѣялась. Въ эту самую минуту вдругъ громкій новый голосъ, послышавшійся изъ-за толпы, плотно обступившей князя и Настасью Филипповну, такъ сказать, раздвинулъ толпу и раздѣлилъ ее на-двое. Передъ Настасьей Филипповной стоялъ самъ отецъ семейства, генералъ Иволгинъ. Онъ былъ во фракѣ и въ чистой манишкѣ; усы его были нафабрены...

Этого уже Ганя не могъ вынести.

Самолюбивый и тщеславный до мнительности, до шохондріи: некавшій во всѣ эти два мѣсяца хоть какой нибудь точки, на которую могъ-бы опереться приличнѣе и выставить себя благороднѣе: чувствовавшій, что еще новичекъ на избранной дорогѣ и пожалуй не выдержитъ: съ отчаянія рѣшившійся наконецъ у себя дома, гдѣ былъ деспотомъ, на полную наглость, но не смѣвшій рѣшиться на это передъ Настасьей Филипповной, сбивавшей его до послѣдней минуты съ толку и безжалостно державшей надъ нимъ верхъ: «нетерпѣливый ницій», по выраженію самой Настасьи Филипповны, о чемъ ему уже было донесено; поклявшійся всѣми клятвами больно наверстать ей все это впослѣдствіи и въ тоже время ребячески мечтавшій иногда про себя свести концы и примирить всѣ противоположности,—онъ долженъ теперь испить еще эту ужасную чашу, и, главное, въ такую минуту! Еще одно непредвидѣнное, но самое страшное истязаніе для тщеславнаго человѣка,—мука краски за своихъ родныхъ. у себя-же въ домѣ, выпала ему на долю. «Да стоитъ-ли, наконецъ, этого само вознагражденіе!» промелькнуло въ это мгновеніе въ головѣ Гани.

Въ эту самую минуту происходило то, что снилось ему въ эти два мѣсяца только по ночамъ, въ видѣ кошмара, и леденило его ужасомъ, сжигало стыдомъ: произошла, наконецъ, семейная встрѣча его родителя съ Настасьей Филипповной. Онъ иногда, дразня и раздражая себя, пробовалъ было представить себѣ генерала во время брачной церемоніи, но никогда не способенъ былъ докончить мучительную картину и поскорѣе бросалъ ее. Можетъ быть, онъ безмѣрно преувеличивалъ бѣду: но съ тщеславными людьми всегда такъ бываетъ. Въ эти два мѣсяца онъ успѣлъ надуматься и рѣшиться

и далъ себѣ слово, во что бы то ни стало, сократить какъ нибудь своего родителя, хотя на время, и стушевать его, если возможно, даже изъ Петербурга, согласна или не согласна будетъ на то мать. Десять минутъ назадъ, когда входила Настасья Филипповна, онъ былъ такъ пораженъ, такъ ошеломленъ, что совершенно забылъ о возможности появленія на сценѣ Ардаліона Александровича и не сдѣлалъ никакихъ распоряженій. И вотъ генералъ тутъ, передъ всѣми, да еще торжественно приготовившись и во фракѣ, и именно въ то самое время, когда Настасья Филипповна «только случая ищетъ, чтобы осыпать его и его домашнихъ насмѣшками». (Въ этомъ онъ былъ убѣжденъ). Да и въ самомъ дѣлѣ, что̀ значитъ ея теперешній визитъ, какъ не это? Сдружиться съ его матерью и сестрой, или оскорбить ихъ у него-же въ домѣ пріѣхала она? Но по тому, какъ расположились объ стороны, сомнѣній уже быть не могло: его мать и сестра сидѣли въ сторонѣ какъ оплеванныя, а Настасья Филипповна даже и позабыла, кажется, что онѣ въ одной съ нею комнатѣ... И если такъ ведетъ себя, то, конечно, у ней есть своя цѣль!

Фердыщенко подхватилъ генерала и подвелъ его.

— Ардаліонъ Александровичъ Иволгинъ, съ достоинствомъ произнесъ нагнувшійся и улыбающійся генералъ, — старый, несчастный солдатъ и отецъ семейства, счастливаго надеждой заключать въ себѣ такую прелестную...

Онъ не докончилъ: Фердыщенко быстро подставилъ ему сзади стулъ, и генералъ, нѣсколько слабый въ эту послѣобѣденную минуту на ногахъ, такъ и шлепнулся или, лучше сказать, упалъ на стулъ, но это, впрочемъ, его не сконфузило. Онъ усѣлся прямо противъ Настасьи Филипповны и съ пріятною ужимкой, медленно и эффектно, поднесъ ея пальчики къ губамъ своимъ. Вообще генерала довольно трудно было сконфузить. Наружность его, кромѣ нѣкотораго неряшества, все еще была довольно прилична, о чемъ самъ онъ зналъ очень хорошо. Ему случалось бывать прежде и въ очень хорошемъ обществѣ, изъ котораго онъ былъ исключенъ окончательно всего только года два-три назадъ. Съ этого-же срока и предался онъ слишкомъ уже безъ удержу нѣкоторымъ своимъ слабостямъ; но ловкая и пріятная манера оставалась въ немъ и доселѣ. Настасья Филипповна, казалось, чрезвычайно обрадовалась появленію Ардаліона Александровича, о которомъ, конечно, знала по наслышкѣ.

— Я слышалъ, что сынъ мой... началъ было Ардаліонъ Александровичъ.

— Да, сынъ вашъ! Хороши и вы тоже, папенька-то! Почему васъ никогда не видать у меня? Что̀, вы сами прячетесь, или сынъ

васъ прячетъ? Вамъ-то ужъ можно пріѣхать ко мнѣ никого не компрометтируя.

— Дѣти девятнадцатаго вѣка и ихъ родители... началъ было опять генералъ.

— Настасья Филипповна! Отпустите, пожалуйста, Ардаліона Александровича на одну минуту, его спрашиваютъ, громко сказала Нина Александровна.

— Отпустить! Помилуйте, я такъ много слышала, такъ давно желала видѣть! И какія у него дѣла? Вѣдь онъ въ отставкѣ? Вы не оставите меня, генералъ, не уйдете?

— Я даю вамъ слово, что онъ пріѣдетъ къ вамъ самъ, но теперь онъ нуждается въ отдыхѣ.

— Ардаліонъ Александровичъ, говорятъ, что вы нуждаетесь въ отдыхѣ! вскрикнула Настасья Филипповна съ недовольною и брезгливою гримаской, точно вѣтреная дурочка, у которой отнимаютъ игрушку. Генералъ какъ разъ постарался еще болѣе одурачить свое положеніе.

— Другъ мой! Другъ мой! укорительно произнесъ онъ, торжественно обращаясь къ женѣ и положа руку на сердце.

— Вы не уйдете отсюда, маменька? громко спросила Варя.

— Нѣтъ, Варя, я досижу до конца.

Настасья Филипповна не могла не слышать вопроса и отвѣта, но веселость ея оттого какъ будто еще увеличилась. Она тотчасъ-же снова засыпала генерала вопросами, и черезъ пять минутъ генералъ былъ въ самомъ торжественномъ настроеніи и ораторствовалъ при громкомъ смѣхѣ присутствующихъ.

Коля дернулъ князя за фалду.

— Да уведите хоть вы его какъ нибудь! Нельзя-ли? Пожалуйста!—И у бѣднаго мальчика даже слезы негодованія горѣли на глазахъ.—О, проклятый Ганька! прибавилъ онъ про себя.

— Съ Иваномъ Ѳедоровичемъ Епанчинымъ я дѣйствительно бывалъ въ большой дружбѣ, разливался генералъ на вопросы Настасьи Филипповны.—Я, онъ и покойный князь Левъ Николаевичъ Мышкинъ, сына котораго я обнялъ сегодня послѣ двадцатилѣтней разлуки, мы были трое неразлучные, такъ сказать, кавалькада: Атосъ, Портосъ и Арамисъ. Но увы, одинъ въ могилѣ, сраженный клеветой и пулей, другой передъ вами и еще борется съ клеветами и пулями...

— Съ пулями! вскричала Настасья Филипповна.

— Онѣ здѣсь, въ груди моей, а получены подъ Карсомъ, и въ дурную погоду я ихъ ощущаю. Во всѣхъ другихъ отношеніяхъ живу философомъ, хожу, гуляю, играю въ моемъ кафе, какъ уда-

лившійся отъ дѣлъ буржуа, въ шапки и читаю «Indépendance» Но съ нашимъ Портосомъ, Епанчинымъ, послѣ третьегодней исторіи на желѣзной дорогѣ по поводу болонки, покончено мною окончательно.

— Болонки! Это что-же такое? съ особеннымъ любопытствомъ спросила Настасья Филипповна. — Съ болонкой? Позвольте, и на желѣзной дорогѣ!.. какъ-бы припоминала она.

— О, глупая исторія, не стоитъ и повторять: изъ-за гувернантки княгини Бѣлоконской, мистрисъ Шмидтъ, но... не стоитъ и повторять.

— Да непремѣнно-же разскажите! весело воскликнула Настасья Филипповна.

— И я еще не слыхалъ! замѣтилъ Фердыщенко; c'est du nouveau.

— Аргаліонъ Александровичъ! раздался опять умоляющій голосъ Нины Александровны.

— Папенька, васъ спрашиваютъ, крикнулъ Коля.

— Глупая исторія и въ двухъ словахъ, началъ генералъ съ самодовольствомъ.—Два года назадъ, да! безъ малаго, только-что послѣдовало открытіе новой —ской желѣзной дороги, я (и уже в-штатскомъ пальто), хлопоча о чрезвычайно важныхъ для меня дѣлахъ по сдачѣ моей службы, взялъ билетъ, въ первый классъ: вошелъ, сижу, курю. То есть продолжаю курить, я закурилъ раньше. Я одинъ въ отдѣленіи. Курить не запрещается, но и не позволяется; такъ, полупозволяется, по обыкновенію, ну, и смотря по лицу. Окно спущено. Вдругъ, передъ самымъ свисткомъ, помѣщаются двѣ дамы съ болонкой, прямо насупротивъ: опоздали, одна пышнѣйшимъ образомъ разодѣта, въ свѣтло-голубомъ; другая скромнѣе, въ шелковомъ черномъ съ пелериной. Не дуры собой, смотрятъ надменно, говорятъ по англійски. Я, разумѣется, ничего; курю. То есть, я и подумалъ было, но однако продолжаю курить, потому окно отворено, въ окно. Болонка у свѣтлоголубой барыни на колѣнкахъ покоится, маленькая, вся въ мой кулакъ, черная, лапки бѣленькія, даже рѣдкость. Ошейникъ серебряный съ девизомъ. Я ничего. Замѣчаю только, что дамы, кажется, сердятся, за сигару, конечно. Одна въ лорнетъ уставилась, черепаховый. Я опять-таки ничего: потому вѣдь ничего-же не говорятъ! Если-бы сказали, предупредили, попросили, вѣдь есть-же, наконецъ, языкъ человѣческій! А то молчатъ... вдругъ,—и это безъ малѣйшаго, я вамъ скажу, предупрежденія, то есть безъ само-малѣйшаго, такъ-таки совершенно какъ-бы съ ума сиятила,—свѣтлоголубая хвать у меня изъ руки сигарку и за окно. Вагонъ летитъ, гляжу какъ полоумный. Женщина дикая:

дикая женщина, такъ-таки совершенно изъ дикаго состоянія; а впрочемъ дородная женщина, полная, высокая. блондинка, румяная (слишкомъ даже), глаза на меня сверкаютъ. Не говоря ни слова, я съ необыкновенною вѣжливостью, съ совершеннѣйшею вѣжливостью, съ утонченнѣйшею, такъ сказать, вѣжливостью, двумя пальцами приближаюсь къ болонкѣ, беру деликатно за шиворотъ, и шваркъ ее за окошко вслѣдъ за сигаркой! Только взвизгнула! Вагонъ продолжаетъ летѣть...

— Вы извергъ! крикнула Настасья Филипповна, хохоча и хлопая въ ладошки какъ дѣвочка.

— Браво, браво! кричалъ Фердыщенко. Усмѣхнулся и Птицынъ, которому тоже было чрезвычайно непріятно появленіе генерала; даже Коля засмѣялся и тоже крикнулъ: «браво!»

— И я правъ, я правъ, трижды правъ! съ жаромъ продолжалъ торжествующій генералъ,—потому что если въ вагонахъ сигары запрещены, то собаки и подавно.

— Браво, папаша! восторженно вскричалъ Коля:—великолѣпно! Я-бы непремѣнно, непремѣнно то-же бы самое сдѣлалъ!

— Но что-же барыня? съ нетерпѣніемъ допрашивала Настасья Филипповна.

— Она? Ну, вотъ тутъ-то вся непріятность и сидитъ, продолжалъ, нахмурившись, генералъ;—ни слова не говоря, и безъ малѣйшаго какъ есть предупрежденія, она хвать меня по щекѣ! Дикая женщина; совершенно изъ дикаго состоянія!

— А вы?

Генералъ опустилъ глаза, поднялъ брови, поднялъ плечи, сжалъ губы, раздвинулъ руки, помолчалъ и вдругъ промолвилъ:

— Увлекся!

— И больно? Больно?

— Ей Богу, не больно! Скандалъ вышелъ, но не больно. Я только одинъ разъ отмахнулся, единственно только чтобъ отмахнуться. Но тутъ самъ сатана и подвертѣлъ: свѣтлоголубая оказалась англичанка, гувернантка или даже какой-то тамъ другъ дома у княгини Бѣлоконской, а которая въ черномъ платьѣ, та была старшая изъ княженъ Бѣлоконскихъ, старая дѣва лѣтъ тридцати пяти. А извѣстно, въ какихъ отношеніяхъ состоитъ генеральша Епанчина къ дому Бѣлоконскихъ. Всѣ княжны въ обморокѣ, слезы, трауръ по фавориткѣ болонкѣ, визгъ шестерыхъ княженъ, визгъ англичанки, — свѣтопреставленіе! Ну, конечно, ѣздилъ съ раскаяніемъ, прислалъ извиненія, письмо написалъ, не приняли, ни меня, ни письма, а съ Епанчинымъ раздоры, исключеніе, изгнаніе!

— Но позвольте, какъ-же это? спросила вдругъ Настасья Фи-

лишовна:—пять или шесть дней назадъ я читала въ «Indépendance»,— а я постоянно читаю «Indépendance», — точно такую-же исторію! Но рѣшительно точно такую-же! Это случилось на одной изъ прирѣчныхъ желѣзныхъ дорогъ, въ вагонѣ, съ однимъ французомъ и англичанкой; точно также была вырвана сигара, точно также была выкинута за окно болонка, наконецъ точно также и кончилось какъ у васъ. Даже платье свѣтлоголубое!

Генералъ покраснѣлъ ужасно, Коля тоже покраснѣлъ и стиснулъ себѣ руками голову; Птицынъ быстро отвернулся. Хохоталъ по прежнему одинъ только Фердыщенко. Про Ганю и говорить было нечего: онъ все время стоялъ, выдерживая нѣмую и нестерпимую муку.

— Увѣряю-же васъ, пробормоталъ генералъ, — что и со мной точно то-же случилось...

— У папани дѣйствительно была непріятность съ мистрисъ Шмидтъ, гувернанткой у Бѣлоконскихъ, вскричалъ Коля,—я помню.

— Какъ! Точь въ точь? Одна и та-же исторія на двухъ концахъ Европы и точь въ точь такая-же во всѣхъ подробностяхъ, до свѣтлоголубаго платья! настаивала безжалостная Настасья Филипповна: я вамъ «Indépendance Belge» привезу!

— Но замѣтьте, все еще настаивалъ генералъ,—что со мной произошло два года раньше...

— А, вотъ развѣ это!

Настасья Филипповна хохотала какъ въ истерикѣ.

— Папенька, я васъ прошу выйдти на два слова, дрожащимъ, измученнымъ голосомъ проговорилъ Ганя, машинально схвативъ отца за плечо. Безконечная ненависть кипѣла въ его взглядѣ.

Въ это самое мгновеніе раздался чрезвычайно громкій ударъ колокольчика изъ передней. Такимъ ударомъ можно было сорвать колокольчикъ. Предвозвѣщался визитъ необыкновенный. Коля побѣжалъ отворять.

X.

Въ прихожей стало вдругъ чрезвычайно шумно и людно; изъ гостиной казалось, что со двора вошло нѣсколько человѣкъ и все еще продолжаютъ входить. Нѣсколько голосовъ говорило и вскрикивало разомъ; говорили и вскрикивали и на лѣстницѣ, на которую дверь изъ прихожей, какъ слышно было, не затворялась. Визитъ оказывался чрезвычайно странный. Всѣ переглянулись; Ганя бросился въ залу, но и въ залу уже вошло нѣсколько человѣкъ.

— А, вотъ онъ Іуда! вскрикнулъ знакомый князю голосъ:— здравствуй, Ганька, подлецъ!

— Онъ, онъ самый и есть! поддакнулъ другой голосъ.

Сомнѣваться князю было невозможно: одинъ голосъ былъ Рогожина, а другой Лебедева.

Ганя стоялъ какъ-бы въ отупѣніи на порогѣ гостиной и глядѣлъ молча, не препятствуя входу въ залу одного за другимъ человѣкъ десяти или двѣнадцати вслѣдъ за Парѳеномъ Рогожинымъ. Компанія была чрезвычайно разнообразная и отличалась не только разнообразіемъ, но и безобразіемъ. Нѣкоторые входили такъ, какъ были на улицѣ, въ пальто и въ шубахъ. Совсѣмъ пьяныхъ, впрочемъ, не было: за то всѣ казались сильно на-веселѣ. Всѣ, казалось, нуждались другъ въ другѣ, чтобы войдти; ни у одного не достало-бы отдѣльно смѣлости, но всѣ другъ друга какъ-бы подталкивали. Даже и Рогожинъ ступалъ осторожно во главѣ толпы, но у него было какое-то намѣреніе, и онъ казался мрачно и раздраженно-озабоченнымъ. Остальные-же составляли только хоръ, или, лучше сказать, шайку для поддержки. Кромѣ Лебедева, тутъ былъ и завитой Залёжевъ, сбросившій свою шубу въ передней и вошедшій развязно и щеголемъ, и подобные ему два-три господина, очевидно, изъ купчиковъ. Какой-то въ полувоенномъ пальто; какой-то маленькій и чрезвычайно толстый человѣкъ, безпрестанно смѣявшійся: какой-то огромный, вершковъ двѣнадцати, господинъ, тоже необычайно толстый, чрезвычайно мрачный и молчаливый, и, очевидно, сильно надѣявшійся на свои кулаки. Былъ одинъ медицинскій студентъ; былъ одинъ увивавшійся полячокъ. Съ лѣстницы заглядывали въ прихожую, но не рѣшаясь войдти, двѣ какія-то дамы; Коля захлопнулъ дверь передъ ихъ носомъ и заложилъ крючкомъ.

— Здравствуй, Ганька, подлецъ! Что, не ждалъ Парѳена Рогожина? повторилъ Рогожинъ, дойдя до гостиной и останавливаясь въ дверяхъ противъ Гани. Но въ эту минуту онъ вдругъ разглядѣлъ въ гостиной, прямо противъ себя, Настасью Филипповну. Очевидно, у него и въ помыслахъ не было встрѣтить ее здѣсь, потому что видъ ея произвелъ на него необыкновенное впечатлѣніе: онъ такъ побѣдѣлъ, что даже губы его посинѣли. — Стало быть, правда! проговорилъ онъ тихо и какъ-бы про себя, съ совершенно потеряннымъ видомъ; — конецъ!.. Ну... Отвѣтишь-же ты мнѣ теперь! проскрежеталъ онъ вдругъ, съ неистовою злобой смотря на Ганю.— Ну... ахъ!..

Онъ даже задыхался, даже выговаривалъ съ трудомъ. Машинально подвигался онъ въ гостиную, но переѣдя за порогъ, вдругъ

увидѣлъ Нину Александровну и Варю, и остановился, нѣсколько сконфузившись, не смотря на все свое волненіе. За нимъ прошелъ Лебедевъ, не отстававшій отъ него какъ тѣнь и уже сильно пьяный, затѣмъ студентъ, господинъ съ кулаками, Залёжевъ, раскланивавшійся направо и налѣво, и, наконецъ, протискивался коротенькій толстякъ. Присутствіе дамъ всѣхъ ихъ еще нѣсколько сдерживало и, очевидно, сильно мѣшало имъ, конечно, только до *начала*, до перваго повода вскрикнуть и *начать*... Тутъ ужь никакія дамы не помѣшали-бы.

— Какъ? И ты тутъ, князь? разсѣянно проговорилъ Рогожинъ, отчасти удивленный встрѣчей съ княземъ:—все въ штиблетишкахъ, э-эхъ! вздохнулъ онъ, уже забывъ о князѣ и переводя взглядъ опять на Настасью Филипповну, все подвигаясь и притягиваясь къ ней, какъ къ магниту.

Настасья Филипповна тоже съ безпокойнымъ любопытствомъ глядѣла на гостей.

Ганя, наконецъ, опомнился.

— Но позвольте, что̀-же это, наконецъ, значитъ? громко заговорилъ онъ, строго оглядѣвъ вошедшихъ и обращаясь преимущественно къ Рогожину:—вы не въ конюшню, кажется, вошли, господа, здѣсь моя мать и сестра...

— Видимъ, что мать и сестра, процѣдилъ сквозь зубы Рогожинъ.

— Это и видно, что мать и сестра, поддакнулъ для контенансу Лебедевъ.

Господинъ съ кулаками, вѣроятно, полагая, что пришла минута, началъ что-то ворчать.

— Но однако-же! вдругъ и какъ-то не въ мѣру, взрывомъ, возвысилъ голосъ Ганя:—во первыхъ, прошу отсюда всѣхъ въ залу, а потомъ позвольте узнать...

— Вишь, не узнаетъ! злобно осклабился Рогожинъ, не трогаясь съ мѣста:—Рогожина не узналъ?

— Я, положимъ, съ вами гдѣ-то встрѣчался, но...

— Вишь, гдѣ-то встрѣчался! Да я тебѣ всего только три мѣсяца двѣсти рублей отцовскихъ проигралъ, съ тѣмъ и умеръ старикъ, что не успѣлъ узнать; ты меня затащилъ, а Книфъ передергивалъ. Не узнаешь? Птицынъ-то свидѣтелемъ! Да покажи я тебѣ три цѣлковыхъ, вынь теперь изъ кармана, такъ ты на Васильевскій за ними доползешь на карачкахъ,—вотъ ты каковъ! Душа твоя такова! Я и теперь тебя за деньги пріѣхалъ всего купить, ты не смотри, что я въ такихъ сапогахъ вошелъ, у меня денегъ, братъ, много, всего тебя и со всѣмъ твоимъ живьемъ куплю... захочу, всѣхъ васъ куплю! Все куплю! разгорячался и какъ-бы хмѣ-

лѣлъ все болѣе и болѣе Рогожинъ. — Э-эхъ! крикнулъ онъ: — Настасья Филипповна! Не прогоните, скажите словцо: вѣнчаетесь вы съ нимъ или нѣтъ?

Рогожинъ задалъ свой вопросъ какъ потерянный, какъ божеству какому-то, но съ смѣлостью приговореннаго къ казни, которому уже нечего терять. Въ смертной тоскѣ ожидалъ онъ отвѣта.

Настасья Филипповна обмѣрила его насмѣшливымъ и высокомѣрнымъ взглядомъ, но взглянула на Варю и на Нину Александровну, поглядѣла на Ганю и вдругъ перемѣнила тонъ.

— Совсѣмъ нѣтъ, что съ вами? И съ какой стати вы вздумали спрашивать? отвѣтила она тихо и серіозно, и какъ-бы съ нѣкоторымъ удивленіемъ.

— Нѣтъ? Нѣтъ!! вскричалъ Рогожинъ, приходя чуть не въ изступленіе отъ радости: — такъ нѣтъ-же?! А мнѣ сказали они... Ахъ! Ну!.. Настасья Филипповна! Они говорятъ, что вы помолвились съ Ганькой! Съ нимъ-то? Да развѣ это можно? (Я имъ всѣмъ говорю!) Да я его всего за сто рублей куплю, дамъ ему тысячу, ну три, чтобъ отступился, такъ онъ наканунѣ свадьбы сбѣжитъ, а невѣсту всю мнѣ оставитъ. Вѣдь такъ, Ганька, подлецъ! Вѣдь ужь взялъ-бы три тысячи! Вотъ онъ, вотъ! Съ тѣмъ и ѣхалъ, чтобы съ тебя подписку такую взять: сказалъ: куплю,—и куплю!

— Ступай вонъ отсюда, ты пьянъ! крикнулъ краснѣвшій и блѣднѣвшій попеременно Ганя.

За его окрикомъ вдругъ послышался внезапный взрывъ нѣсколькихъ голосовъ: вся команда Рогожина давно уже ждала перваго вызова. Лебедевъ что-то съ чрезвычайнымъ стараніемъ нашептывалъ на ухо Рогожину.

— Правда, чиновникъ! отвѣтилъ Рогожинъ: — правда, пьяная душа! Эхъ, куда ни шло. Настасья Филипповна! вскричалъ онъ, глядя на нее какъ полоумный, робѣя и вдругъ ободряясь до дерзости:—вотъ восемнадцать тысячъ! — И онъ шаркнулъ предъ ней на столикъ пачку въ бѣлой бумагѣ, обернутую на-крестъ шнурками.—Вотъ! И... и еще будетъ!

Онъ не осмѣлился договорить чего ему хотѣлось.

— Ни-ни-ни! запищалъ ему снова Лебедевъ, съ страшно испуганнымъ видомъ: можно было угадать, что онъ испугался громадности суммы и предлагалъ попробовать съ несравненно меньшаго.

— Нѣтъ, ужь въ этомъ ты, братъ, дуракъ, не знаешь куда зашелъ... да видно и я дуракъ съ тобой вмѣстѣ! спохватился и вздрогнулъ вдругъ Рогожинъ подъ засверкавшимъ взглядомъ Настасьи Филипповны. — Э-эхъ! Соврать я, тебя послушался, прибавилъ онъ съ глубокимъ раскаяніемъ.

Настасья Филипповна, вглядѣвшись въ опрокинутое лицо Рогожина, вдругъ засмѣялась.

— Восемнадцать тысячъ, мнѣ? Вотъ сейчасъ мужикъ и скажется! прибавила она вдругъ съ наглою фамильярностью и привстала съ дивана, какъ-бы собираясь ѣхать. Ганя съ замираніемъ сердца наблюдалъ всю сцену.

— Такъ сорокъ-же тысячъ, сорокъ, а не восемнадцать, закричалъ Рогожинъ;—Ванька Птицынъ и Бискупъ къ семи часамъ обѣщались сорокъ тысячъ представить. Сорокъ тысячъ! Всѣ на столъ!

Сцена выходила чрезвычайно безобразная, но Настасья Филипповна продолжала смѣяться и не уходила, точно и въ самомъ дѣлѣ съ намѣреніемъ протягивала ее. Нина Александровна и Варя тоже встали съ своихъ мѣстъ и испуганно, молча, ждали, до чего это дойдетъ; глаза Вари сверкали, но на Нину Александровну все это подѣйствовало болѣзненно: она дрожала и, казалось, тотчасъ упадетъ въ обморокъ.

— А коли такъ—сто! Сегодня-же сто тысячъ представлю! Птицынъ, выручай, руки нагрѣешь!

— Ты съ ума сошелъ! прошепталъ вдругъ Птицынъ, быстро подходя къ нему и хватая его за руку:—ты пьянъ, за будочниками пошлютъ. Гдѣ ты находишься?

— Съ-пьяна вретъ, проговорила Настасья Филипповна, какъ-бы поддразнивая его.

— Такъ не вру-же, будутъ! Къ вечеру будутъ. Птицынъ, выручай, процентная душа, что хошь бери, доставай къ вечеру сто тысячъ; докажу, что не постою! одушевился вдругъ до восторга Рогожинъ.

— Но, однако, что-же это такое? грозно и внезапно воскликнулъ разсердившійся Ардаліонъ Александровичъ, приближаясь къ Рогожину. Внезапность выходки досель молчавшаго старика придала ей много комизма. Послышался смѣхъ.

— Это еще откуда? засмѣялся Рогожинъ:—пойдемъ, старикъ, пьянъ будешь!

— Это ужь подло! крикнулъ Коля, совсѣмъ плача отъ стыда и досады.

— Да неужели-же ни одного между вами не найдется, чтобъ эту безстыжую отсюда вывести! вскрикнула вдругъ, вся трепеща отъ гнѣва, Варя.

— Это меня-то безстыжею называютъ! съ пренебрежительною веселостью отпарировала Настасья Филипповна:—а я-то какъ дура пріѣхала ихъ къ себѣ на вечеръ звать! Вотъ какъ ваша сестрица меня третируетъ, Гаврила Ардаліоновичъ!

Нѣсколько времени Ганя стоялъ какъ молніей пораженный при выходкѣ сестры: но увидя, что Настасья Филипповна этотъ разъ дѣйствительно уходитъ, какъ изступленный бросился на Варю и въ бѣшенствѣ схватилъ ее за руку.

— Что ты сдѣлала? вскричалъ онъ, глядя на нее, какъ-бы желая испепелить ее на этомъ-же мѣстѣ. Онъ рѣшительно потерялся и плохо соображалъ.

— Что сдѣлала? Куда ты меня тащишь? Ужь не прощенія-ли просить у нея, за то, что она твою мать оскорбила и твой домъ срамить пріѣхала, низкій ты человѣкъ? крикнула опять Варя, торжествуя и съ вызовомъ смотря на брата.

Нѣсколько мгновеній они простояли такъ другъ противъ друга, лицомъ къ лицу. Ганя все еще держалъ ея руку въ своей рукѣ. Варя дернула разъ, другой, изо всей силы, но не выдержала и вдругъ, внѣ себя, плюнула брату въ лицо.

Вотъ такъ дѣвушка! крикнула Настасья Филипповна. — Браво, Птицынъ, я васъ поздравляю!

У Гани въ глазахъ помутилось, и онъ, совсѣмъ забывшись, изо всей силы замахнулся на сестру. Ударъ пришелся-бы ей непремѣнно въ лицо. Но вдругъ другая рука остановила на лету Ганину руку. Между нимъ и сестрой стоялъ князь.

— Полноте, довольно! проговорилъ онъ настойчиво, но тоже весь дрожа, какъ отъ чрезвычайно сильнаго потрясенія.

Да вѣчно, что ли, ты мнѣ дорогу переступать будешь! заревѣлъ Ганя, бросивъ руку Вари, и освободившеюся рукою, въ послѣдней степени бѣшенства, со всего размаха далъ князю пощечину.

— Ахъ! всплеснулъ руками Коля:—ахъ, Боже мой!

Раздались восклицанія со всѣхъ сторонъ. Князь побѣлѣлъ. Страннымъ и укоряющимъ взглядомъ поглядѣлъ онъ Ганѣ прямо въ глаза: губы его дрожали и силился что то проговорить; какая-то странная и совершенно неподходящая улыбка кривила ихъ.

— Ну, это пусть мнѣ... а съ... вотъ такихъ не дамъ!.. тихо проговорилъ онъ наконецъ, но вдругъ не выдержалъ, бросилъ Ганю, закрылъ руками лицо, отошелъ въ уголъ, сталъ лицомъ къ стѣнѣ и прерывающимся голосомъ проговорилъ:

— О, какъ вы будете стыдиться своего поступка!

Ганя, дѣйствительно, стоялъ какъ уничтоженный. Коля бросился обнимать и цѣловать князя: за нимъ затѣснились Рогожинъ, Варя, Птицынъ, Нина Александровна, всѣ, даже старикъ Ардаліонъ Александровичъ.

Ничего, ничего! бормоталъ князь на всѣ стороны, съ того-же неподходящею улыбкой.

— И будетъ каяться! закричалъ Рогожинъ: — будешь стыдиться, Ганька, что такую... овцу (онъ не могъ придискать другаго слова) оскорбилъ! Князь, душа ты моя, брось ихъ: плюнь имъ, поѣдемъ! Узнаешь какъ любитъ Рогожинъ!

Настасья Филипповна была тоже очень поражена и постукомъ Гани и отвѣтомъ князя. Обыкновенно блѣдное и задумчивое лицо ея, такъ все время не гармонировавшее съ давешнимъ какъ-бы напускнымъ ея смѣхомъ, было очевидно взволновано теперь новымъ чувствомъ: и однако все-таки ей какъ будто не хотѣлось его выказывать, и насмѣшка словно усиливалась остаться въ лицѣ ея.

— Право, гдѣ-то я видѣла его лицо! проговорила она вдругъ уже серіозно, внезапно вспомнивъ опять давешній свой вопросъ.

— А вамъ и не стыдно! Развѣ вы такая, какою теперь представлялись. Да можетъ-ли это быть! вскрикнулъ вдругъ князь съ глубокимъ сердечнымъ укоромъ.

Настасья Филипповна удивилась, усмѣхнулась, но какъ будто что-то пряча подъ свою улыбку, нѣсколько смѣшавшись, взглянула на Ганю и пошла изъ гостиной. Но не дойдя еще до прихожей, вдругъ воротилась, быстро подошла къ Нинѣ Александровнѣ, взяла ёя руку и поднесла ее къ губамъ своимъ.

— Я вѣдь и въ самомъ дѣлѣ не такая, онъ угадалъ, прошептала она быстро, горячо, вся вдругъ вспыхнувъ и закраснѣвшись, и, повернувшись, вышла на этотъ разъ такъ быстро, что никто и сообразить не успѣлъ, зачѣмъ это она возвращалась. Видѣли только, что она пошептала что-то Нинѣ Александровнѣ и, кажется, руку ея поцѣловала. Но Варя видѣла и слышала все, и съ удивленіемъ проводила ее глазами.

Ганя опомнился и бросился провожать Настасью Филипповну, но она ужь вышла. Онъ догналъ ее на лѣстницѣ.

— Не провожайте! крикнула она ему. — До свиданія, до вечера! Непремѣнно-же, слышите!

Онъ воротился смущенный, задумчивый: тяжелая загадка легла ему на душу, еще тяжелѣе чѣмъ прежде. Мерещился и князь... Онъ до того забылся, что едва разглядѣлъ какъ цѣлая Рогожинская толпа валила мимо его и даже затолкала его въ дверяхъ, наскоро выбираясь изъ квартиры вслѣдъ за Рогожинымъ. Всѣ громко въ голосъ толковали о чемъ-то. Самъ Рогожинъ шелъ съ Птицынымъ и настойчиво говорилъ о чемъ-то важномъ и, повидимому, неотлагательномъ.

— Проиграль, Ганька! крикнулъ онъ, проходя мимо.

Ганя тревожно посмотрѣлъ имъ вслѣдъ.

XI.

Князь ушелъ изъ гостиной и затворился въ своей комнатѣ. Къ нему тотчасъ-же прибѣжалъ Коля утѣшать его. Бѣдный мальчикъ, казалось, не могъ уже теперь отъ него отвязаться.

— Это вы хорошо, что ушли, сказалъ онъ,—тамъ теперь кутерьма еще пуще чѣмъ давеча пойдетъ, и каждый-то день у насъ такъ, и все черезъ эту Настасью Филипповну заварилось.

— Тутъ у васъ много разнаго наболѣло и наросло, Коля, замѣтилъ князь.

— Да, наболѣло. Про насъ и говорить нечего. Сами виноваты во всемъ. А вотъ у меня есть одинъ большой другъ, этотъ еще несчастнѣе. Хотите я васъ познакомлю?

— Очень хочу. Вашъ товарищъ?

— Да, почти какъ товарищъ. Я вамъ потомъ это все разъясню... А хороша Настасья Филипповна, какъ вы думаете? Я вѣдь ея никогда еще до сихъ поръ не видывалъ, а ужасно старался. Просто ослѣпила. Я-бы Ганькѣ все простилъ, если-бъ онъ по любви; да зачѣмъ онъ деньги беретъ, - вотъ бѣда!

— Да, мнѣ вашъ братъ не очень нравится.

— Ну, еще-бы! Вамъ-то послѣ... А знаете, я терпѣть не могу этихъ разныхъ мнѣній. Какой нибудь сумасшедшій или дуракъ, или злодѣй въ сумасшедшемъ видѣ дастъ пощечину, и вотъ ужъ человѣкъ на всю жизнь обезчещенъ, и смыть не можетъ иначе какъ кровью, или чтобъ у него тамъ на колѣнкахъ прощенья просили. По моему, это нелѣпо и деспотизмъ. На этомъ Лермонтова драма *Маскарадъ* основана, и—глупо, по моему. То есть, я хочу сказать, не натурально. Но вѣдь онъ ее почти въ дѣтствѣ писалъ.

— Мнѣ ваша сестра очень понравилась.

— Какъ она въ рожу-то Ганькѣ плюнула. Смѣлая Варька! А вы такъ не плюнули, и я увѣренъ, что не отъ недостатка смѣлости. Да вотъ она и сама, легка на поминѣ. Я зналъ, что она придетъ; она благородная, хоть и есть недостатки.

— А тебѣ тутъ нечего, прежде всего накинулась на него Варя,—ступай къ отцу. Надоѣдаетъ онъ вамъ, князь?

— Совсѣмъ нѣтъ, напротивъ.

— Ну, старшая, пошла! Вотъ это-то въ ней и скверно. А кстати, я вѣдь думалъ, что отецъ навѣрно съ Рогожинымъ уѣдетъ.

Кается, должно быть, теперь. Посмотрѣть, что съ нимъ въ самомъ дѣлѣ, прибавилъ Коля, выходя.

— Слава Богу, увела и уложила маменьку, и ничего не возобновлялось. Ганя сконфуженъ и очень задумчивъ. Да и есть о чемъ. Каковъ урокъ!.. Я поблагодарить васъ еще разъ пришла и спросить, князь: вы до сихъ поръ не знавали Настасью Филипповну?

— Нѣтъ, не зналъ.

— Съ какой-же вы стати сказали ей прямо въ глаза, что она «не такая». И, кажется, угадали. Оказалось, что и дѣйствительно, можетъ быть, не такая. Впрочемъ, я ея не разберу! Конечно, у ней была цѣль оскорбить, это ясно. Я и прежде о ней тоже много страннаго слышала. Но если она пріѣхала насъ звать, то какъ-же она начала обходиться съ маменей? Птицынъ ее отлично знаетъ, онъ говоритъ, что и угадать ее не могъ давеча. А съ Рогожинымъ? Такъ нельзя разговаривать, если себя уважаешь, въ домъ своего... Маменька тоже о васъ очень безпокоится.

— Ничего! сказалъ князь и махнулъ рукой.

— И какъ это она васъ послушалась...

— Чего послушалась?

— Вы ей сказали, что ей стыдно, и она вдругъ вся измѣнилась. Вы на нее вліяніе имѣете, князь, прибавила, чуть-чуть усмѣхнувшись, Варя.

Дверь отворилась, и совершенно неожиданно вошелъ Ганя.

Онъ даже и не поколебался, увидя Варю: одно время постоялъ на порогѣ и вдругъ съ рѣшимостью приблизился къ князю.

— Князь, я сдѣлалъ подло, простите меня, голубчикъ, сказалъ онъ вдругъ съ сильнымъ чувствомъ. Черты лица его выражали сильную боль. Князь смотрѣлъ съ изумленіемъ и не тотчасъ отвѣтилъ. — Ну, простите, ну простите-же! нетерпѣливо настаивалъ Ганя: — ну, хотите, я вашу руку сейчасъ поцѣлую!

Князь былъ пораженъ чрезвычайно и, молча, обѣими руками обнялъ Ганю. Оба искренно поцѣловались.

— Я никакъ, никакъ не думалъ, что вы такой! сказалъ наконецъ князь, съ трудомъ переводя духъ: — я думалъ, что вы... не способны.

— Повиниться-то?.. И съ чего я взялъ давеча, что вы идіотъ! Вы замѣчаете то, чего другіе никогда не замѣтятъ. Съ вами поговорить-бы можно, но... лучше не говорить.

— Вотъ предъ кѣмъ еще повинитесь, сказалъ князь, указывая на Варю.

— Нѣтъ, это ужъ все враги мои. Будьте увѣрены, князь, много

пробъ было; здѣсь искренно не прощаютъ! горячо вырвалось у Гани, и онъ повернулся отъ Вари въ сторону.

— Нѣтъ, прощу! сказала вдругъ Варя.

— И къ Настасьѣ Филипповнѣ вечеромъ поѣдешь?

— Поѣду, если прикажешь, только лучше самъ посуди: есть-ли хоть какая нибудь возможность мнѣ теперь ѣхать?

— Она вѣдь не такая. Она видишь какія загадки загадываетъ! Фокусы! — и Ганя злобно засмѣялся.

— Сама знаю, что не такая, и съ фокусами, да съ какими? И еще, смотри, Ганя, за кого она тебя сама почитаетъ? Пусть она руку маманѣ поцѣловала. Пусть это какіе-то фокусы, но она все-таки вѣдь смѣялась-же надъ тобой! Это не стоитъ семидесяти пяти тысячъ, ей-Богу, братъ! Ты способенъ еще на благородныя чувства, потому и говорю тебѣ. Эй, не ѣзди и самъ! Эй, берегись! Не можетъ это хорошо уладиться!

Сказавъ это, вся взволнованная Варя быстро вышла изъ комнаты.

— Вотъ онѣ все такъ! сказалъ Ганя, усмѣхаясь: — и неужели-же онѣ думаютъ, что я этого самъ не знаю? Да вѣдь я гораздо больше ихъ знаю.

Сказавъ это, Ганя усѣлся на диванъ, видимо желая продолжить визитъ.

— Если знаете сами, спросилъ князь довольно робко, — какъ-же вы этакую муку выбрали, зная, что она въ самомъ дѣлѣ семидесяти пяти тысячъ не стоитъ?

— Я не про это говорю, пробормоталъ Ганя, — а кстати, скажите мнѣ, какъ вы думаете, я именно хочу знать ваше мнѣніе: стоитъ эта мука семидесяти пяти тысячъ, или не стоитъ?

— По моему, не стоитъ.

— Ну, ужь извѣстно. И жениться такъ стыдно?

— Очень стыдно.

— Ну, такъ знайте, что я женюсь, и теперь ужь непремѣнно. Еще давеча колебался, а теперь ужь нѣтъ! Не говорите! Я знаю, что вы хотите сказать...

— Я не о томъ, о чемъ вы думаете, а меня очень удивляетъ ваша чрезвычайная увѣренность...

— Въ чемъ? Какая увѣренность?

— Въ томъ, что Настасья Филипповна непремѣнно пойдетъ за васъ, и что все это уже кончено, а во вторыхъ, если-бы даже и вышла, что семьдесятъ пять тысячъ вамъ такъ и достанутся прямо въ карманъ. Впрочемъ, я, конечно, тутъ многаго не знаю.

Ганя сильно пошевелился въ сторону князя.

— Конечно, вы всего не знаете, сказалъ онъ: —да и съ чего-бы я сталъ всю эту обузу принимать?

Мнѣ кажется, что это сплошь да рядомъ случается: женятся на деньгахъ, а деньги у жены.

— Н-нѣтъ, у насъ такъ не будетъ... Тутъ... тутъ есть обстоятельства... пробормоталъ Ганя въ тревожной задумчивости.—А что касается до ея отвѣта, то въ немъ уже нѣтъ сомнѣнія, прибавилъ онъ быстро.—Вы изъ чего заключаете, что она мнѣ откажетъ?

— Я ничего не знаю, кромѣ того, что вотъ и Варвара Ардаліоновна говорила сейчасъ...

— Э! Это онѣ такъ, не знаютъ ужъ что сказать. А надъ Рогожинымъ она смѣялась, будьте увѣрены, это я разглядѣлъ. Это видно было. Я давеча побоялся, а теперь разглядѣлъ. Или, можетъ быть, какъ она съ матерью, и съ отцомъ, и съ Варей обошлась?

— И съ вами.

— Пожалуй; но тутъ старинное бабье мнѣніе, и больше ничего. Это страшно раздражительная, мнительная и самолюбивая женщина. Точно чиномъ обойденный чиновникъ! Ей хотѣлось показать себя и все свое пренебреженіе къ нимъ... ну, и ко мнѣ: это правда, я не отрицаю... А все-таки за меня выйдетъ. Вы не подозрѣваете, на какіе фокусы человѣческое самолюбіе способно: вотъ она считаетъ меня подлецомъ, за то, что я ее, чужую любовницу, такъ откровенно за ея деньги беру, а и не знаетъ, что иной-бы ее еще подлѣе надулъ: пристали-бы къ ней и начали-бы ей либерально-прогрессивныя вещи разсыпать, да изъ женскихъ разныхъ вопросовъ вытаскивать, такъ она-бы вся у него въ игольное ушко какъ нитка прошла. Увѣрилъ-бы самолюбивую дуру (и такъ легко!), что ее за благородство сердца и за несчастья только беретъ, а самъ все-таки на деньгахъ-бы женился. Я не нравлюсь тутъ, потому что вилять не хочу; а надо-бы. А что сама дѣлаетъ? Не тоже-ли самое? Такъ за что-же послѣ этого меня презираетъ, да игры эти затѣваетъ? Оттого, что я самъ не сдаюсь, да гордость показываю. Ну, да увидимъ!

— Неужели вы ее любили до этого?

— Любилъ вначалѣ. Ну, да довольно... Есть женщины, которыя годятся только въ любовницы и больше ни во что. Я не говорю, что она была моею любовницей. Если захочетъ жить смирно, и я буду жить смирно: если-же взбунтуется, готчасъ-же брошу, а деньги съ собой захвачу. Я смѣшнымъ быть не хочу: прежде всего не хочу быть смѣшнымъ.

— Мнѣ все кажется, осторожно замѣтилъ князь,—что Настасья Филипповна умна. Къ чему онъ, предчувствуя такую муку, въ за-

падно идти? Вѣдь могла-бы и за другаго выйдти. Вотъ что̀ мнѣ удивительно.

— А вотъ тутъ-то и разсчетъ! Вы тутъ не все знаете, князь... тутъ... и кромѣ того, она убѣждена, что я ее люблю до сумасшествія. клянусь вамъ, и, знаете-ли, я крѣпко подозрѣваю, что и она меня любитъ, по своему, то есть, знаете поговорку: «Кого люблю, того и бью». Она всю жизнь будетъ меня за валета бубноваго считать (да это-то ей, можетъ быть, и надо) и все-таки любить по своему; она къ тому приготовляется, такой ужь характеръ. Она чрезвычайно русская женщина, я вамъ скажу: ну, а я ей свой готовлю сюрпризъ. Эта давешняя сцена съ Варей случилась нечаянно, но мнѣ въ выгоду: она теперь видѣла и убѣдилась въ моей приверженности и что я всѣ связи для нея разорву. Значитъ, и мы не дураки, будьте увѣрены. Кстати, ужь вы не думаете-ли, что я такой болтунъ? Я, голубчикъ князь, можетъ, и въ самомъ дѣлѣ дурно дѣлаю, что вамъ довѣряюсь. Но именно потому, что вы первый изъ благородныхъ людей мнѣ попались, я на васъ и накинулся, то есть накинулся» не примите за каламбуръ. Вы за давешнее вѣдь не сердитесь, а? Я первый разъ, можетъ быть, въ цѣлые два года по̀ сердцу говорю. Здѣсь ужасно мало честныхъ людей: честнѣе Птицына нѣтъ. Что, вы, кажется, смѣетесь, али нѣтъ? Подлецы любятъ честныхъ людей,—вы этого не знали? А я вѣдь... А впрочемъ, чѣмъ я подлецъ, скажите мнѣ по совѣсти? Что они меня всѣ вездѣ за него подлецомъ называютъ? И знаете, вездѣ за ними и за него я и самъ себя подлецомъ называю! Вотъ что̀ подло, такъ подло!

— Я васъ подлецомъ теперь уже никогда не буду считать, сказалъ князь.—Давеча я васъ уже совсѣмъ за злодѣя почиталъ, и вдругъ вы меня такъ обрадовали.—Вотъ и урокъ: не судить, не имѣя опыта. Теперь я вижу, что васъ не только за злодѣя, но и за слишкомъ непорочнаго человѣка считать нельзя. Вы, по моему, просто самый обыкновенный человѣкъ, какой только можетъ быть, развѣ только что слабый очень и нисколько не оригинальный.

Ганя язвительно про себя усмѣхнулся, но смолчалъ. Князь увидалъ, что отзывъ его не понравился, сконфузился и тоже замолчалъ.

— Просилъ у васъ отецъ денегъ? спросилъ вдругъ Ганя.

— Нѣтъ.

— Будетъ, не давайте. А вѣдь былъ даже приличный человѣкъ, я помню. Его къ хорошимъ людямъ пускали. И какъ они скоро всѣ кончаются, всѣ эти старые приличные люди! Чуть только измѣнились обстоятельства, и нѣтъ ничего прежняго, точно порохъ

сгорѣлъ. Онъ прежде такъ не лгалъ, увѣряю васъ: прежде онъ былъ только слишкомъ восторженный человѣкъ, и—вотъ во что это разрѣшилось! Конечно, вина виновато. Знаете-ли, что онъ любовницу содержитъ? Онъ уже не просто невинный лгунишка теперь сталъ. Понять не могу долготерпѣнія матушки. Разсказывалъ онъ вамъ про осаду Карса? Или про то, какъ у него сѣрая пристяжная заговорила? Онъ вѣдь до этого даже доходитъ.

И Гапя вдругъ такъ и покатился со смѣху.

— Что вы на меня такъ смотрите? спросилъ онъ князя.

— Да я удивляюсь, что вы такъ искренно засмѣялись. У васъ, право, еще дѣтскій смѣхъ есть. Давеча вы вошли мириться и говорите: «Хотите, я вамъ руку поцѣлую»,—это точно какъ дѣти-бы мирились. Стало быть, еще способны-же вы къ такимъ словамъ и движеніямъ. И вдругъ вы начинаете читать цѣлую лекцію объ этакомъ мракѣ и объ этихъ семидесяти пяти тысячахъ. Право, все это какъ-то нелѣпо и не можетъ быть.

— Что-же вы заключить хотите изъ этого?

— То, что вы не легкомысленно-ли поступаете слишкомъ, не осмотрѣться-ли вамъ прежде? Варвара Ардаліоновна, можетъ быть, и правду говоритъ.

— А, нравственность! Что я еще мальчишка, это я и самъ знаю, горячо перебилъ Гапя,—и ужь хоть тѣмъ однимъ, что съ вами такой разговоръ завелъ. Я, князь, не по разсчету въ этотъ мракъ иду, продолжалъ онъ, проговариваясь, какъ уязвленный въ своемъ самолюбіи молодой человѣкъ,—по разсчету я-бы ошибся навѣрно, потому и головой, и характеромъ еще не крѣпокъ. Я по страсти, по влеченію иду, потому что у меня цѣль капитальная есть. Вы вотъ думаете, что я семьдесятъ пять тысячъ получу и сейчасъ-же карету куплю. Нѣтъ-съ, я тогда третьегодній старый сюртукъ донашивать стану и всѣ мои клубныя знакомства брошу. У насъ мало выдерживающихъ людей, хоть и все ростовщики, а я хочу выдержать. Тутъ, главное, довести до конца—вся задача! Птицынъ семнадцати лѣтъ на улицѣ спалъ, перочинными ножичками торговалъ и съ копѣйки началъ; теперь у него шестьдесятъ тысячъ, да только послѣ какой гимнастики! Вотъ эту-то я всю гимнастику и перескачу, и прямо съ капитала начну: чрезъ пятнадцать лѣтъ скажутъ: «вотъ Иволгинъ, король Іудейскій». Вы мнѣ говорите, что я человѣкъ не оригинальный. Замѣтьте себѣ, милый князь, что нѣтъ ничего обиднѣе человѣку нашего времени и племени, какъ сказать ему, что онъ не оригиналенъ, слабъ характеромъ, безъ особенныхъ талантовъ и человѣкъ обыкновенный. Вы меня даже хорошимъ поступкомъ не удостоили счесть и, знаете, я васъ давеча съѣсть за

это хотѣлъ! Вы меня нуще Епанчина оскорбили, который меня считаетъ (и безъ разговоровъ, безъ соблазновъ, въ простотѣ души, замѣтьте это) способнымъ ему жену продать! Это, батюшка, меня давно уже бѣситъ, и я денегъ хочу. Нажить деньги, знайте,—я буду человѣкъ въ высшей степени оригинальный. Деньги тѣмъ всего подлѣе и ненавистнѣе, что онѣ даже таланты даютъ. И будутъ давать до скончанія міра. Вы скажете, это все по дѣтски или, пожалуй, поэзія,—что-жь, тѣмъ мнѣ-же веселѣе будетъ, а дѣло все-таки сдѣлается. Доведу и выдержу. Rira bien qui rira le dernier! Меня Епанчинъ почему такъ обижаетъ? Но злобѣ что-ль? Никогда-съ. Просто потому, что я слишкомъ ничтоженъ. Ну-съ, а тогда... А однако-же довольно, и пора. Коля уже два раза носъ выставлялъ: это онъ васъ обѣдать зоветъ. А я со двора. И къ вамъ иногда забреду. Вамъ у насъ не дурно будетъ: теперь васъ въ родню прямо примутъ. Смотрите-же, не выдавайте. Мнѣ кажется, что мы съ вами или друзьями, или врагами будемъ. А какъ вы думаете, князь, если-бъ я давеча вамъ руку поцѣловалъ (какъ искренно вызывался), сталъ-бы я вамъ врагомъ за это впослѣдствіи?

— Непремѣнно сталъ-бы, только не навсегда, потомъ не выдержалъ-бы и простилъ, рѣшилъ князь, подумавъ и засмѣявшись.

— Эге! Да съ вами надо осторожнѣе. Чортъ знаетъ, вы и тутъ яду влили. А кто знаетъ, можетъ быть, вы мнѣ и врагъ? Кстати, ха-ха-ха! И забылъ спросить: правда-ли мнѣ показалось, что вамъ Настасья Филипповна что-то слишкомъ нравится, а?

— Да... нравится.

— Влюблены?

— Н-нѣтъ.

— А весь покраснѣлъ и страдаетъ. Ну, да ничего, ничего, не буду смѣяться: до свиданья. А знаете, вѣдь она женщина добродѣтельная,—можете вы этому вѣрить? Вы думаете, она живетъ съ тѣмъ, съ Тоцкимъ? Ни-ни! И давно уже. А замѣтили вы, что она сама ужасно неловка и давеча въ иныя секунды конфузилась? Право. Вотъ этакія-то и любятъ властвовать. Ну, прощайте!

Ганечка вышелъ гораздо развязнѣе чѣмъ вошелъ и въ хорошемъ расположеніи духа. Князь минутъ съ десять оставался неподвиженъ и думалъ.

Коля опять просунулъ въ дверь голову.

— Я не хочу обѣдать, Коля: я давеча у Епанчиныхъ хорошо позавтракалъ.

Коля прошелъ въ дверь совсѣмъ и подалъ князю записку. Она была отъ генерала, сложена и запечатана. По лицу Коли видно

было, какъ было ему тяжело передавать. Князь прочелъ, всталъ и взялъ шляпу.

— Это два шага, законфузился Коля.— Онъ теперь тамъ сидитъ за бутылкой. И чѣмъ онъ тамъ себѣ кредитъ пріобрѣлъ, понять не могу? Князь, голубчикъ, пожалуйста, не говорите потомъ про меня здѣсь нашимъ, что я вамъ записку передалъ! Тысячу разъ клялся этихъ записокъ не передавать, да какъ-то: да вотъ что, пожалуйста съ нимъ не церемоньтесь: дайте какую нибудь мелочь, и дѣло съ концомъ.

— У меня, Коля, у самаго мысль была: мнѣ вашего папашу видѣть надо... по одному случаю... Пойдемте-же...

XII.

Коля провелъ князя недалеко, до Литейной, въ одну кафе-бильярдную, въ нижнемъ этажѣ, входъ съ улицы. Тутъ направо, въ углу, въ отдѣльной комнатѣ, какъ старинный обычный посѣтитель, расположился Ардаліонъ Александровичъ, съ бутылкой предъ собой на столикѣ и въ самомъ дѣлѣ съ Indépendance Belge въ рукахъ. Онъ ожидалъ князя; едва завидѣлъ, тотчасъ-же отложилъ газету и началъ было горячее и многословное объясненіе, въ которомъ, впрочемъ, князь почти ничего не понялъ. Потому что генералъ былъ ужь почти что готовъ.

— Десяти рублей у меня нѣтъ, перебилъ князь,—а вотъ двадцать пять, размѣняйте и сдайте мнѣ пятнадцать, потому что я остаюсь самъ безъ гроша.

О, безъ сомнѣнія! и будьте увѣрены, что это тотъ-же часъ...

— Я, кромѣ того, къ вамъ съ одною просьбой, генералъ. Вы никогда не бывали у Настасьи Филипповны?

— Я? Я не бывалъ? Вы это мнѣ говорите? Нѣсколько разъ, милый мой, нѣсколько разъ! вскричалъ генералъ въ припадкѣ самодовольной и торжествующей ироніи: —но я, наконецъ, прекратилъ самъ, потому что не хочу поощрять непристойный союзъ. Вы видѣли сами, вы были свидѣтелемъ въ это утро: я сдѣлалъ все, что могъ сдѣлать отецъ, — но отецъ кроткій и снисходительный: теперь-же на сцену выйдетъ отецъ иного сорта и тогда—увидимъ, посмотримъ: заслуженный-ли старый воинъ одолѣетъ интригу, или безстыдная камелія войдетъ въ благороднѣйшее семейство.

— А я васъ именно хотѣлъ попросить, не можете-ли вы, какъ знакомый, ввести меня сегодня вечеромъ къ Настасьѣ Филипповнѣ?

Мнѣ это надо непремѣнно сегодня-же: у меня дѣло: но я совсѣмъ не знаю какъ войдти. Я былъ давеча представленъ, но все-таки не приглашенъ: сегодня тамъ званый вечеръ. Я, впрочемъ, готовъ перескочить черезъ нѣкоторыя приличія, и пусть даже смѣются надо мной, только-бы войдти какъ нибудь.

— И вы совершенно, совершенно попали на мою идею, молодой другъ мой, воскликнулъ генералъ восторженно,—я васъ не за этою мелочью звалъ! продолжалъ онъ, подхватывая впрочемъ деньги и отправляя ихъ въ карманъ:—я именно звалъ васъ, чтобы пригласить въ товарищи на походъ къ Настасьѣ Филипповнѣ или, лучше сказать, на походъ на Настасью Филипповну! Генералъ Иволгинъ и князь Мышкинъ! Каково-то это ей покажется! Я-же, подъ видомъ любезности въ день рожденія, изреку наконецъ свою волю,—косвенно, не прямо, но будетъ все какъ-бы и прямо. Тогда Ганя самъ увидитъ какъ ему быть: отецъ-ли заслуженный и... такъ сказать... и прочее, или... Но что будетъ, то будетъ! Ваша идея въ высшей степени плодотворна. Въ девять часовъ мы отправимся, у насъ есть еще время.

— Гдѣ она живетъ?

— Отсюда далеко: у Большаго Театра, домъ Мытовцовой, почти тутъ-же на площади, въ бельэтажѣ... У ней большаго собранія не будетъ, даромъ что именинница, и разойдутся рано...

Былъ уже давно вечеръ; князь все еще сидѣлъ, слушалъ и ждалъ генерала, начинавшаго безчисленное множество анекдотовъ и ни одного изъ нихъ не доканчивавшаго. По приходѣ князя онъ спросилъ новую бутылку, и только чрезъ часъ ее докончилъ, затѣмъ спросилъ другую, докончилъ и ту. Надо полагать, что генералъ успѣлъ разсказать при этомъ чуть не всю свою исторію. Наконецъ князь всталъ и сказалъ, что ждать больше не можетъ. Генералъ допилъ изъ бутылки послѣднія подонки, всталъ и пошелъ изъ комнаты, стуная очень нетвердо. Князь былъ въ отчаяніи. Онъ понять не могъ, какъ могъ онъ такъ глупо довѣриться. Въ сущности, онъ и не довѣрялся никогда; онъ разсчитывалъ на генерала, чтобы только какъ нибудь войдти къ Настасьѣ Филипповнѣ, хотя-бы даже съ нѣкоторымъ скандаломъ, но не разсчитывалъ-же на чрезвычайный скандалъ: генералъ оказался рѣшительно пьянъ, въ сильнѣйшемъ краснорѣчіи, и говорилъ безъ умолку, съ чувствомъ, со слезой въ душѣ. Дѣло шло безпрерывно о томъ, что чрезъ дурное поведеніе всѣхъ членовъ его семейства все рушилось, и что этому пора, наконецъ, положить предѣлъ. Они вышли наконецъ на Литейную. Все еще продолжалась оттепель; унылый, теплый, гнилой вѣтеръ свисталъ по улицамъ, экипажи плелись въ грязи, рысаки

и клячи звонко доставали мостовую подковами. Пѣшеходы унылою и мокрою толпой скитались по тротуарамъ. Попадались пьяные.

— Видите-ли вы эти освѣщенные бельэтажи, говорилъ генералъ,—здѣсь все живутъ мои товарищи, а я, я изъ нихъ наиболѣе отслужившій и наиболѣе пострадавшій, я бреду пѣшкомъ къ Большому Театру въ квартиру подозрительной женщины! Человѣкъ, у котораго въ груди тринадцать пуль... вы не вѣрите? А между тѣмъ единственно для меня Пироговъ въ Парижъ телеграфировалъ и осажденный Севастополь на время бросилъ, а Нелатонъ, парижскій гофъ-медикъ, свободный пропускъ во имя науки выхлопоталъ и въ осажденный Севастополь являлся меня осматривать. Объ этомъ самому высшему начальству извѣстно: «А, это тотъ Иволгинъ, у котораго тринадцать пуль!..» Вотъ какъ говорятъ-съ! Видите-ли вы, князь, этотъ домъ? Здѣсь въ бельэтажѣ живетъ старый товарищъ, генералъ Соколовичъ, съ благороднѣйшимъ и многочисленнѣйшимъ семействомъ. Вотъ этотъ домъ, да еще три дома на Невскомъ и два въ Морской—вотъ весь теперешній кругъ моего знакомства, то есть, собственно моего личнаго знакомства. Нина Александровна давно уже покорилась обстоятельствамъ. Я-же еще продолжаю вспоминать... и, такъ сказать, отдыхать въ образованномъ кругу общества прежнихъ товарищей и подчиненныхъ моихъ, которые до сихъ поръ меня обожаютъ. Этотъ генералъ Соколовичъ (а давненько, впрочемъ, я у него не бывалъ и не видалъ Анну Ѳедоровну)... знаете, милый князь, когда самъ не принимаешь, такъ какъ-то невольно прекращаешь и къ другимъ. А между тѣмъ... гм... вы, кажется, не вѣрите... Впрочемъ, почему-же не ввести мнѣ сына моего лучшаго друга и товарища дѣтства въ этотъ очаровательный семейный домъ? Генералъ Иволгинъ и князь Мышкинъ! Вы увидите изумительную дѣвушку, да не одну, двухъ, даже трехъ, украшеніе столицы и общества: красота, образованность, направленіе... женскій вопросъ, стихи, все это совокупилось въ счастливую разнообразную смѣсь, не считая по крайней мѣрѣ восьмидесяти тысячъ рублей приданаго, чистыхъ денегъ, за каждою, что никогда не мѣшаетъ, ни при какихъ женскихъ и соціальныхъ вопросахъ... однимъ словомъ, я непремѣнно, непремѣнно долженъ и обязанъ ввести васъ. Генералъ Иволгинъ и князь Мышкинъ! Однимъ словомъ... Эффектъ!

— Сейчасъ? Теперь? Но вы забыли... началъ было князь.

— Ничего, ничего я не забылъ, идемъ! Сюда, на эту великолѣпную лѣстницу. Удивляюсь, какъ нѣтъ швейцара, но... праздникъ, и швейцаръ отлучился. Еще не прогнали этого пьяницу. Этотъ Соколовичъ всѣмъ счастьемъ своей жизни и службы обязанъ мнѣ, одному мнѣ и никому иначе, но... вотъ мы и здѣсь.

Князь уже не возражалъ противъ визита и слѣдовалъ послушно за генераломъ, чтобы не раздражить его, въ твердой надеждѣ, что генералъ Соколовичъ и все семейство его мало-по-малу испарятся какъ миражъ и окажутся несуществующими, такъ что они преспокойно спустятся обратно съ лѣстницы. Но, къ своему ужасу, онъ сталъ терять эту надежду: генералъ велъ его по лѣстницѣ, какъ человѣкъ дѣйствительно имѣющій здѣсь знакомыхъ, и помимо всякихъ біографическія и топографическія подробности, исполненныя математической точности. Наконецъ, когда уже взошли въ бельэтажъ остановились направо противъ двери одной богатой квартиры, и генералъ взялся за ручку колокольчика, князь рѣшился окончательно убѣжать: но одно странное обстоятельство остановило его на минуту:

— Вы ошиблись, генералъ, сказалъ онъ, —на дверяхъ написано Кулаковъ, а вы звоните къ Соколовичу.

— Кулаковъ... Кулаковъ ничего не доказываетъ. Квартира Соколовича, и я звоню къ Соколовичу: наплевать на Кулакова... Да вотъ и отворяютъ.

Дверь дѣйствительно отворилась. Выглянулъ лакей и возвѣстилъ, что «господъ дома нѣтъ-съ».

— Какъ жаль, какъ жаль, и какъ нарочно! съ глубочайшимъ сожалѣніемъ повторилъ нѣсколько разъ Аглаіонъ Александровичъ. — Доложите-же, мой милый, что генералъ Иволгинъ и князь Мышкинъ желали засвидѣтельствовать собственное свое уваженіе и чрезвычайно, чрезвычайно сожалѣли...

Въ эту минуту въ отворенныя двери выглянуло изъ комнатъ еще одно лицо, повидимому, домашней экономки, можетъ быть, даже гувернантки, дамы лѣтъ сорока, одѣтой въ темное платье. Она приблизилась съ любопытствомъ и недовѣрчивостью, услышавъ имена генерала Иволгина и князя Мышкина.

— Марьи Александровны нѣтъ дома, проговорила она, особенно вглядываясь въ генерала, — уѣхали съ барышней, съ Александрой Михайловной, къ бабушкѣ.

И Александра Михайловна съ ними, о, Боже, какое несчастіе! И вообразите, сударыня, всегда-то мнѣ такое несчастіе! Покорнѣйше прошу васъ передать мои поклоны, а Александръ Михайловичъ, чтобы припомнилъ... однимъ словомъ, передайте имъ мое сердечное пожеланіе того, чего они сами себѣ желали въ четвергъ вечеромъ, при звукахъ баллады Шопена: они помнятъ... Мое сердечное пожеланіе! Генералъ Иволгинъ и князь Мышкинъ!

— Не забуду-съ, откланивалась дама, ставшая довѣрчивѣе.

Сходя внизъ по лѣстницѣ, генералъ еще съ нѣсколькими ка-

ромъ, продолжалъ сожалѣть, что они не застали и что князь лишился такого очаровательнаго знакомства.

— Знаете, мой милый, я нѣсколько поэтъ въ душѣ, — замѣтили вы это? А впрочемъ... впрочемъ, кажется, мы не совсѣмъ туда заходили, заключилъ онъ вдругъ совершенно неожиданно: — Соколовичи, я теперь вспомнилъ, въ другомъ домѣ живутъ и даже, кажется, теперь въ Москвѣ. Да, я нѣсколько ошибся, но это... ничего.

Я только объ одномъ хотѣлъ-бы знать, умно замѣтилъ князь, — совершенно-ли долженъ я перестать на васъ разсчитывать и ужъ не отправиться-ли мнѣ одному?

— Перестать? Разсчитывать? Одному? Но съ какой-же стати, когда для меня это составляетъ капитальнѣйшее предпріятіе, отъ котораго такъ много зависитъ въ судьбѣ всего моего семейства? Но, молодой другъ мой, вы плохо знаете Иволгина. Кто говоритъ Иволгинъ, тотъ говоритъ стѣна: надѣйся на Иволгина какъ на стѣну, вотъ какъ говорили еще въ эскадронѣ, съ котораго началъ я службу. Мнѣ вотъ только по дорогѣ на минутку зайдти въ одинъ домъ, гдѣ отдыхаетъ душа моя, вотъ уже нѣсколько лѣтъ, послѣ тревогъ и испытаній...

— Вы хотите зайдти домой?

Нѣтъ! Я хочу... къ капитаншѣ Терентьевой, вдовѣ капитана Терентьева, бывшаго моего подчиненнаго... и даже друга... Здѣсь, у капитаншѣ, я возрождаюсь духомъ. И сюда несу мои житейскія и семейныя горести... И такъ какъ сегодня я именно съ большимъ нравственнымъ грузомъ, то я...

— Мнѣ кажется, я и безъ того сдѣлалъ ужасную глупость, пробормоталъ князь, — что давеча васъ потревожилъ. Къ тому-же вы теперь... Прощайте!

— Но я не могу, не могу-же отпустить васъ отъ себя, молодой другъ мой! вскинулся генералъ: — вдова, мать семейства, и извлекаетъ изъ своего сердца тѣ струны, которыя отзываются во всемъ моемъ существѣ. Визитъ къ ней,— это пять минутъ, въ этомъ домѣ я безъ церемоніи, я тутъ почти-что живу, умоюсь, сдѣлаю самый необходимый туалетъ, и тогда изъ извощикъ мы пустимся въ Большому Театру. Будьте увѣрены, что я нуждаюсь въ васъ на весь вечеръ... Вотъ въ этомъ домѣ, мы уже и пришли... А, Коля, ты уже здѣсь? Что, Марѳа Борисовна дома, или ты самъ только-что пришелъ?

— О, нѣтъ, отвѣчалъ Коля, еще разъ столкнувшійся вмѣстѣ съ ними въ воротахъ дома,— я здѣсь давнымъ-давно, съ Ипполитомъ, ему хуже, сегодня утромъ лежалъ. Я теперь за картами въ

лавочку спускался. Марѳа Борисовна васъ ждетъ. Только, папаша, ухъ какъ вы!.. заключилъ Коля, пристально вглядываясь въ походку и въ стойку генерала.—Ну ужъ, пойдемте!

Встрѣча съ Колей побудила князя сопровождать генерала и къ Марѳѣ Борисовнѣ, но только на одну минуту. Князю нуженъ былъ Коля: генерала-же онъ во всякомъ случаѣ рѣшилъ бросить и простить себѣ не могъ, что вздумалъ давеча на него понадѣяться. Взбирались долго, въ четвертый этажъ и по черной лѣстницѣ.

— Князя познакомить хотите? спросилъ Коля дорогой.

— Да, другъ мой, познакомить: генералъ Иволгинъ и князь Мышкинъ, но что̀... какъ... Марѳа Борисовна...

— Знаете, папаша, лучше-бы вамъ не ходить! Съѣстъ! Третій день носа не кажете, а она денегъ ждетъ. Вы зачѣмъ ей денегъ-то обѣщали? Вѣчно-то вы такъ! Теперь и раздѣлывайтесь.

Въ четвертомъ этажѣ остановились предъ низенькою дверью. Генералъ видимо робѣлъ и совалъ впередъ князя.

— А я останусь здѣсь, бормоталъ онъ,—я хочу сдѣлать сюрпризъ...

Коля вошелъ первый. Какая-то дама, сильно набѣленная и нарумяненная, въ туфляхъ, въ кацавейкѣ и съ волосами, заплетенными въ косички, лѣтъ сорока, выглянула изъ дверей, и сюрпризъ генерала неожиданно лопнулъ. Только что дама увидала его, какъ немедленно закричала:

— Вотъ онъ, низкій и эхидный человѣкъ, такъ и ждало мое сердце!

— Войдемте, это такъ, бормоталъ генералъ князю, все еще невинно отмѣниваясь.

Но это не было такъ. Едва только вошли они черезъ темную и низенькую переднюю, въ узенькую залу, обставленную поддѣльной плетеныхъ стульевъ и двумя ломберными столиками, какъ хозяйка немедленно стала продолжать какимъ-то заученно-плачевнымъ и обычнымъ голосомъ:

— И не стыдно, не стыдно тебѣ, варваръ и тиранъ моего семейства, варваръ и изувѣръ! Ограбилъ меня всю, соки высосалъ и тѣмъ еще недоволенъ! Доколѣ переносить я тебя буду, безстыдный и безчестный ты человѣкъ!

Марѳа Борисовна, Марѳа Борисовна! Это... князь Мышкинъ. Генералъ Иволгинъ и князь Мышкинъ, бормоталъ трепетавшій и потерявшійся генералъ.

— Вѣрите-ли вы, вдругъ обратилась капитанша къ князю,—вѣрите-ли вы, что этотъ безстыдный человѣкъ не пощадилъ моихъ сиротскихъ дѣтей! Все ограбилъ, все перетаскалъ, все продалъ и

заложилъ, ничего не оставилъ. Что я съ твоими заемными письмами дѣлать буду, хитрый и безсовѣстный ты человѣкъ? Отвѣчай, хитрецъ, отвѣчай мнѣ, ненасытное сердце: чѣмъ, чѣмъ я накормлю моихъ сиротскихъ дѣтей? Вотъ появляется пьяный и на ногахъ не стоитъ... Чѣмъ прогнѣвала я Господа Бога, гнусный и безобразный хитрецъ, отвѣчай?

Но генералу было не до того.

— Марѳа Борисовна, двадцать пять рублей... все что̀ могу помощію благороднѣйшаго друга! Князь! Я жестоко ошибся! Такова... жизнь... А теперь... извините, я слабъ, продолжалъ генералъ, стоя посреди комнаты и раскланиваясь во всѣ стороны: — я слабъ, извините! Леночка! подушку... милая!

Леночка, восьмилѣтняя дѣвочка, немедленно собѣгала за подушкой и принесла ее на клеенчатый, жесткій и ободранный диванъ. Генералъ сѣлъ на него, съ намѣреніемъ еще много сказать, но только что дотронулся до дивана, какъ тотчасъ-же склонился на бокъ, повернулся къ стѣнѣ и заснулъ сномъ праведника. Марѳа Борисовна церемонно и горестно показала князю стулъ у ломбернаго стола, сама сѣла напротивъ, подперла рукой правую щеку и начала молча вздыхать, смотря на князя. Трое маленькихъ дѣтей, двѣ дѣвочки и мальчикъ, изъ которыхъ Леночка была старшая, подошли къ столу, всѣ трое положили на столъ руки, и всѣ трое тоже пристально стали разсматривать князя. Изъ другой комнаты показался Коля.

— Я очень радъ, что васъ здѣсь встрѣтилъ, Коля, обратился къ нему князь, — не можете-ли вы мнѣ помочь? Мнѣ непремѣнно нужно быть у Настасьи Филипповны. Я послалъ давеча Ардаліона Александровича, но онъ вотъ заснулъ. Проводите меня. потому я не знаю ни улицъ, ни дороги. Адресъ, впрочемъ, имѣю: у Большаго Театра, домъ Мытовцовой.

— Настасья-то Филипповна? Да она никогда и не живала у Большаго Театра, а отецъ никогда и не бывалъ у Настасьи Филипповны, если хотите знать: странно, что вы отъ него чего нибудь ожидали. Она живетъ близъ Владимірской, у Пяти Угловъ, это гораздо ближе отсюда. Вамъ сейчасъ? Теперь половина десятаго. Извольте, я васъ доведу.

Князь и Коля тотчасъ-же вышли. Увы! Князю не на что было взять и извощика, надо было идти пѣшкомъ.

— Я было хотѣлъ васъ познакомить съ Ипполитомъ, сказалъ Коля,—онъ старшій сынъ этой купавшейся капитанши и былъ въ другой комнатѣ: нездоровъ и цѣлый день сегодня лежалъ. Но онъ такой странный: онъ ужасно обидчивый, и мнѣ показалось, что ему будетъ васъ совѣстно, такъ какъ вы пришли въ такую минуту...

Мнѣ всетаки не такъ совѣстно какъ ему, потому что у меня отецъ, а у него мать, тутъ всетаки разница, потому что мужскому полу въ такомъ случаѣ нѣтъ безчестія. А впрочемъ, это, можетъ быть, предразсудокъ на счетъ предоминированія въ этомъ случаѣ половъ. Ипполитъ великолѣпный малый, но онъ рабъ иныхъ предразсудковъ.

— Вы говорите, у него чахотка?

— Да, кажется, лучше-бы скорѣе умеръ. Я-бы на его мѣстѣ непремѣнно желалъ умереть. Ему братьевъ и сестеръ жалко, вотъ этихъ маленькихъ-то. Если-бы возможно было, если-бы только деньги, мы-бы съ нимъ наняли отдѣльную квартиру и отказались-бы отъ нашихъ семействъ. Это наша мечта. А знаете что̀, когда я давеча разсказалъ ему про вашъ случай, такъ онъ даже разозлился, говоритъ, что тотъ, кто пропуститъ пощечину и не вызоветъ на дуэль, тотъ подлецъ. Впрочемъ, онъ ужасно раздраженъ, я съ нимъ и спорить уже пересталъ. Такъ вотъ какъ, васъ, стало быть, Настасья Филипповна тотчасъ-же и пригласила къ себѣ?

— То-то и есть что нѣтъ.

— Какъ-же вы идете? воскликнулъ Коля и даже остановился среди тротуара: —и... и въ такомъ платьѣ, а тамъ званый вечеръ?

— Ужь ей Богу не знаю, какъ я войду. Примутъ — хорошо, нѣтъ —значитъ дѣло манкировано. А на счетъ платья что-жь тутъ дѣлать!

— А у васъ дѣло? Или вы такъ только, pour passer le temps въ «благородномъ обществѣ?»

— Нѣтъ, я собственно... то есть, я по дѣлу... мнѣ трудно это выразить, но...

— Ну, по какому именно, это пусть будетъ какъ вамъ угодно, а мнѣ главное то, что вы тамъ не просто напрашиваетесь на вечеръ, въ очаровательное общество камеліи, генераловъ и ростовщиковъ. Если-бы такъ было, извините, князь, я-бы надъ вами посмѣялся и сталъ-бы васъ презирать. Здѣсь ужасно мало честныхъ людей, такъ даже некого совсѣмъ уважать. По неволѣ свысока смотришь, а они всѣ требуютъ уваженія; Варя первая. И замѣтили вы, князь, въ нашъ вѣкъ всѣ авантюристы! И именно у насъ въ Россіи, въ нашемъ любезномъ отечествѣ. И какъ это такъ все устроилось —не понимаю. Кажется, ужь какъ крѣпко стояло, а что̀ теперь? Это всѣ говорятъ и вездѣ пишутъ. Обличаютъ. У насъ всѣ обличаютъ. Родители первые на понятный и сами своей прежней морали стыдятся. Вонъ, въ Москвѣ, родитель уговаривалъ сына ни *передъ чѣмъ* не отступать для добыванія денегъ: печатно извѣстно. Посмотрите на моего генерала. Ну что̀ изъ него вышло? А впрочемъ, знаете что̀, мнѣ кажется, что мой генералъ честный человѣкъ: ей

Богу, такъ! Это только все безпорядокъ, да вино. Ей Богу, такъ! Даже жалко; я только боюсь говорить, потому что всѣ смѣются: а ей Богу, жалко. И что въ нихъ, въ умныхъ-то? Всѣ ростовщики, всѣ сплошь до единаго! Ипполитъ ростовщичество оправдываетъ, говоритъ, что такъ и нужно, экономическое потрясеніе, какіе-то приливы и отливы, чортъ ихъ дери. Мнѣ ужасно это досадно отъ него, но онъ озлобленъ. Вообразите, его мать, капитанша-то, деньги отъ генерала получаетъ, да ему-же на скорые проценты и выдаетъ: ужасно стыдно! А знаете, что мамаша, моя, то есть, мамаша, Нина Александровна, генеральша, Ипполиту деньгами, платьемъ, бѣльемъ и всѣмъ помогаетъ, и даже дѣтямъ отчасти, чрезъ Ипполита, потому что они у ней заброшены. И Варя тоже.

— Вотъ видите, вы говорите, людей нѣтъ честныхъ и сильныхъ, и что всѣ только ростовщики: вотъ и явились сильные люди, ваша мать и Варя. Развѣ помогать здѣсь и при такихъ обстоятельствахъ не признакъ нравственной силы?

— Варька изъ самолюбія дѣлаетъ, изъ хвастовства, чтобъ отъ матери не отстать; ну, а мамаша дѣйствительно... я уважаю. Да, я это уважаю и оправдываю. Даже Ипполитъ чувствуетъ, а онъ почти совсѣмъ ожесточился. Сначала было смѣялся и называлъ это со стороны мамаши низостью. Но теперь начинаетъ иногда чувствовать. Гм! Такъ вы это называете силой? Я это замѣчу. Ганя не знаетъ, а то-бы назвалъ потворствомъ.

— А Ганя не знаетъ? Ганя многаго еще, кажется, не знаетъ, вырвалось у задумавшагося князя.

А знаете, князь, вы мнѣ очень нравитесь. Давешній вашъ случай у меня изъ ума нейдетъ.

— Да и вы мнѣ очень нравитесь, Коля.

— Послушайте, какъ вы намѣрены жить здѣсь? Я скоро достану себѣ занятій и буду кое что добывать, давайте жить, я, вы и Ипполитъ, всѣ трое вмѣстѣ, наймемте квартиру: а генерала будемъ принимать къ себѣ.

Я съ величайшимъ удовольствіемъ. Но мы, впрочемъ, увидимъ. Я теперь очень... очень разстроенъ. Что? Ужь пришли? Въ этомъ домѣ... какой великолѣпный подъѣздъ! И швейцаръ. Ну, Коля, не знаю, что изъ этого выйдетъ.

Князь стоялъ какъ потерянный.

Завтра разскажете! Не робѣйте очень-то. Дай вамъ Богъ успѣха, потому что я самъ вашихъ убѣжденій во всемъ! Прощайте. Я обратно туда-же и разскажу Ипполиту. А что васъ примутъ, въ этомъ и сомнѣнія нѣтъ, не опасайтесь! Она ужасно оригинальная. Но этотъ лѣстницъ въ первомъ этажѣ, швейцаръ укажетъ.

XIII.

Князь очень безпокоился всходя и старался всѣми силами ободрить себя: «Самое большое, думалъ онъ, — будетъ то, что не примутъ и что нибудь нехорошее обо мнѣ подумаютъ, или, пожалуй, и примутъ, да станутъ смѣяться въ глаза... Э, ничего!» И дѣйствительно, это еще не очень пугало: но вопросъ: «что-же онъ тамъ сдѣлаетъ и зачѣмъ идетъ?» на этотъ вопросъ онъ рѣшительно не находилъ успокоительнаго отвѣта. Если-бы даже и можно было какимъ нибудь образомъ, уловивъ случай, сказать Настасьѣ Филипповнѣ: «Не выходите за этого человѣка и не губите себя, онъ васъ не любитъ, а любитъ ваши деньги, онъ мнѣ самъ это говорилъ, и мнѣ говорила Аглая Епанчина, а я пришелъ вамъ пересказать», то вѣдь-ли это вышло-бы правильно во всѣхъ отношеніяхъ. Представлялся и еще одинъ неразрѣшенный вопросъ и до того капитальный, что князь даже думать о немъ боялся, даже допустить его не могъ и не смѣлъ, формулировать какъ не зналъ, краснѣлъ и трепеталъ при одной мысли о немъ. Но кончилось тѣмъ, что не смотря на всѣ эти тревоги и сомнѣнія, онъ все-таки вошелъ и спросилъ Настасью Филипповну.

Настасья Филипповна занимала не очень большую, но дѣйствительно великолѣпно отдѣланную квартиру. Въ эти пять лѣтъ ея петербургской жизни было одно время, въ началѣ, когда Аѳанасій Ивановичъ особенно не жалѣлъ для нея денегъ, онъ еще разсчитывалъ тогда на ея любовь и думалъ соблазнить ее, главное, комфортомъ и роскошью, зная какъ легко прививаются привычки роскоши и какъ трудно потомъ отставать отъ нихъ, когда роскошь мало по малу обращается въ необходимость. Въ этомъ случаѣ, Тоцкій пребывалъ вѣренъ старымъ добрымъ преданіямъ, не измѣняя въ нихъ ничего, безграничнно уважая всю неопредѣлимую силу чувственныхъ вліяній. Настасья Филипповна отъ роскоши не отказывалась, даже любила ее, но, — и это казалось чрезвычайно страннымъ, — никакъ не подавалась ей, точно всегда могла и безъ нея обойдтись: даже старалась нѣсколько разъ заявить о томъ, что непріятно поражало Тоцкаго. Впрочемъ, многое было въ Настасьѣ Филипповнѣ, что непріятно (а впослѣдствіи даже до презрѣнія) поражало Аѳанасія Ивановича. Не говоря уже о нечистоплотности того сорта людей, которыхъ она иногда приближала къ себѣ, а, стало быть, и наклонна была приближать, проглядывали въ ней и еще нѣкоторыя совершенно странныя наклонности: заявлялась какая-то

варварская смѣсь двухъ вкусовъ, способность обходиться и удовлетворяться такими вещами и средствами, которыхъ и существованія нельзя-бы, кажется, было допустить человѣку порядочному и тонко развитому. Въ самомъ дѣлѣ, если-бы, говоря къ примѣру, Настасья Филипповна выказала вдругъ какое нибудь мѣлкое и пошлое незнаніе, въ родѣ, напримѣръ, того, что крестьянки не могутъ носить батистоваго бѣлья, какое она носитъ, то Аѳанасій Ивановичъ, кажется, былъ-бы этимъ чрезвычайно доволенъ. Къ этимъ результатамъ клонилось первоначально и все воспитаніе Настасьи Филипповны, по программѣ Тоцкаго, который въ этомъ родѣ былъ очень понимающій человѣкъ: но увы! результаты оказались странные. Не смотря однако-жъ на то, все-таки было и оставалось что-то въ Настасьѣ Филипповнѣ, что иногда поражало даже самого Аѳанасія Ивановича необыкновеннаго и увлекательнаго оригинальностью, какой-то силой, и пренебречь его имъ разъ даже и теперь, когда уже рухнули всѣ прежніе разсчеты его на Настасью Филипповну.

Князя встрѣтила дѣвушка (прислуга у Настасьи Филипповны постоянно была женская) и, къ удивленію его, выслушала его просьбу доложить о немъ безо всякаго недоумѣнія. Ни грязные сапоги его, ни прокопченая шляпа, ни плащъ безъ рукавовъ, ни сконфуженный видъ не произвели въ ней ни малѣйшаго колебанія. Она сняла съ него плащъ, пригласила подождать въ пріемной и тотчасъ-же отправилась о немъ докладывать.

Общество, собравшееся у Настасьи Филипповны, состояло изъ самыхъ обыкновенныхъ и всегдашнихъ ея знакомыхъ. Было даже довольно малолюдно, сравнительно съ прежними годичными собраніями въ такіе-же дни. Присутствовали, во первыхъ и въ главныхъ, Аѳанасій Ивановичъ Тоцкій и Иванъ Ѳедоровичъ Епанчинъ, оба были любезны, но оба были въ нѣкоторомъ затаенномъ безпокойствѣ по поводу худо скрываемаго ожиданія обѣщаннаго объявленія на счетъ Гани. Кромѣ нихъ, разумѣется, былъ и Ганя, — тоже очень мрачный, очень задумчивый и такъ почти совсѣмъ нелюбезный, большею частію стоявшій въ сторонѣ, поодаль, и молчавшій. Варю онъ привезти не рѣшился, но Настасья Филипповна и не упоминала о ней: за то, только что поздоровалась съ Ганей, припомнила о давешней его сценѣ съ княземъ. Генералъ, еще не слышавшій о ней, сталъ интересоваться. Тогда Ганя сухо, сдержанно, но совершенно откровенно разсказалъ все, что давеча произошло, и какъ онъ уже ходилъ къ князю просить извиненія. При этомъ онъ горячо высказалъ свое мнѣніе, что князя весьма странно и Богъ знаетъ съ чего назвали идіотомъ, что онъ думаетъ о немъ

совершенно напротивъ, и что ужь конечно этотъ человѣкъ себѣ на умѣ». Настасья Филипповна выслушала этотъ отзывъ съ большимъ вниманіемъ и любопытно слѣдила за Ганей, но разговоръ тотчасъ-же перешелъ на Рогожина, такъ капитально участвовавшаго въ утренней исторіи, и которымъ тоже съ чрезвычайнымъ любопытствомъ стали интересоваться Аѳанасій Ивановичъ и Иванъ Ѳедоровичъ. Оказалось, что особенныя свѣдѣнія о Рогожинѣ могъ сообщить Птицынъ, который былся съ нимъ по его дѣламъ чуть не до девяти часовъ вечера. Рогожинъ настаивалъ изо всѣхъ силъ, чтобы достать сегодня-же сто тысячъ рублей. Онъ, правда, былъ пьянъ, — замѣтилъ при этомъ Птицынъ, — но сто тысячъ, какъ это ни трудно, ему, кажется, достанутъ, только не знаю, сегодня-ли, и всѣ-ли: а работаютъ многіе, Кнпдеръ, Трепаловъ, Бискупъ; проценты даетъ какіе угодно, конечно, все съ пьяну и съ первой радости... — заключилъ Птицынъ. Всѣ эти извѣстія были приняты съ интересомъ, отчасти мрачнымъ: Настасья Филипповна молчала, видимо не желая высказываться: Гаия тоже. Генералъ Епанчинъ безпокоился про себя чуть не пуще всѣхъ: жемчугъ, представленный имъ еще утромъ, былъ принятъ съ любезностью слишкомъ холодною, и даже съ какою-то особенною усмѣшкой. Одинъ Фердыщенко состоялъ изъ всѣхъ гостей въ развеселомъ и праздничномъ расположеніи духа и громко хохоталъ иногда неизвѣстно чему, да и то потому только, что самъ навязалъ на себя роль шута. Самъ Аѳанасій Ивановичъ, слывшій за тонкаго и взыскательнаго разсказчика, а въ прежнее время на этихъ вечерахъ обыкновенно управлявшій разговоромъ, былъ видимо не въ духѣ и даже въ какомъ-то несвойственномъ ему замѣшательствѣ. Остальные гости, которыхъ было впрочемъ не много (одинъ жалкій старичокъ-учитель, Богъ знаетъ для чего приглашенный, какой-то неизвѣстный и очень молодой человѣкъ, ужасно робѣвшій и все время молчавшій, одна бойкая дама лѣтъ сорока, изъ актрисъ, и одна чрезвычайно красивая, чрезвычайно хорошо и богато одѣтая и необыкновенно неразговорчивая молодая дама), не только не могли особенно оживить разговоръ, но даже и просто иногда не знали о чемъ говорить.

Такимъ образомъ появленіе князя произошло даже кстати. Возвѣщеніе о немъ произвело недоумѣніе и нѣсколько странныхъ улыбокъ, особенно когда по удивленному виду Настасьи Филипповны узнали, что она вовсе и не думала приглашать его. Но послѣ удивленія Настасья Филипповна выказала вдругъ столько удовольствія, что большинство тотчасъ-же приготовилось встрѣтить нечаяннаго гостя и смѣхомъ, и весельемъ.

— Это, положимъ, произошло по его невинности, — заключилъ

Иванъ Ѳедоровичъ Епанчинъ,—и во всякомъ случаѣ поощрять такія наклонности довольно опасно, но, въ настоящую минуту, право, не дурно, что онъ вздумалъ пожаловать, хотя-бы и такимъ оригинальнымъ манеромъ: онъ, можетъ быть, и повеселитъ насъ, сколько я о немъ, по крайней мѣрѣ, могу судить.

— Тѣмъ болѣе, что самъ напросился! тотчасъ включилъ Фердыщенко.

— Такъ что-жъ изъ того? сухо спросилъ генералъ, ненавидѣвшій Фердыщенка.

— А то, что заплатитъ за входъ, пояснилъ тотъ.

— Ну, князь Мышкинъ не Фердыщенко, все-таки-съ, не утерпѣлъ генералъ, до сихъ поръ не могшій помириться съ мыслью находиться съ Фердыщенкомъ въ одномъ обществѣ и на равной ногѣ.

— Эй, генералъ, щадите Фердыщенка, отвѣтилъ тотъ, ухмыляясь.—Я вѣдь на особыхъ правахъ.

— На какихъ это вы на особыхъ правахъ?

— Прошлый разъ я имѣлъ честь подробно разъяснить это обществу: для вашего превосходительства повторю еще разъ. Извольте видѣть, ваше превосходительство: у всѣхъ остроуміе, а у меня нѣтъ остроумія. Въ вознагражденіе я и выпросилъ позволеніе говорить правду, такъ какъ всѣмъ извѣстно, что правду говорятъ только тѣ, у кого нѣтъ остроумія. Къ тому-же я человѣкъ очень мстительный, и тоже потому, что безъ остроумія. Я обиду всякую покорно сношу, но до первой неудачи обидчика: при первой-же неудачѣ, тотчасъ припоминаю и тотчасъ-же чѣмъ нибудь отомщаю, лягаю. Какъ выразился обо мнѣ Иванъ Петровичъ Птицынъ, который ужъ, конечно, самъ никогда никого не лягаетъ. Знаете Крылова басню, ваше превосходительство: „Левъ да Оселъ“? Ну, вотъ это мы оба съ вами и есть, про насъ и написано.

Вы, кажется, опять заврались, Фердыщенко, вскинулъ генералъ.

„Да вы чего, ваше превосходительство? подхватилъ Фердыщенко, такъ и разсчитывавшій, что можно будетъ подхватить и еще побольше размазать: — не безпокойтесь, ваше превосходительство, я свое мѣсто знаю: если я и сказалъ, что мы съ вами „Левъ да Оселъ изъ Крылова басни, то роль Осла я ужъ, конечно, беру на себя, а ваше превосходительство—„Левъ, какъ и въ баснѣ Крылова сказано:

„Могучій Левъ, гроза лѣсовъ
Отъ старости лишился силы“.

А я, ваше превосходительство,—оселъ.

— Съ послѣднимъ я согласенъ, неосторожно вырвалось у генерала.

Все это было, конечно, грубо и преднамѣренно выдѣлано, но такъ ужъ принято было, что Фердыщенку позволялось играть роль шута.

— Да меня для того только и держатъ, и пускаютъ сюда, воскликнулъ разъ Фердыщенко, —чтобъ я именно говорилъ въ этомъ духѣ. Ну возможно-ли въ самомъ дѣлѣ такого какъ я принимать? Вѣдь я понимаю-же это. Ну можно-ли меня, такого Фердыщенка, съ такимъ утонченнымъ джентльменомъ, какъ Аѳанасій Ивановичъ, рядомъ посадить? Но неволѣ остается одно толкованіе: для того и сажаютъ, что это и вообразить невозможно.

Но хоть и грубо, а всетаки бывало и ѣдко, а иногда даже очень, и это-то, кажется, и нравилось Настасьѣ Филипповнѣ. Желающимъ непремѣнно бывать у нея оставалось рѣшиться переносить Фердыщенка. Онъ, можетъ быть, и полную правду угадалъ, предположивъ, что его съ того и начали принимать, что онъ съ перваго разу сталъ своимъ присутствіемъ невозможенъ для Тоцкаго. Ганя, съ своей стороны, вынесъ отъ него цѣлую безконечность мученій, и въ этомъ отношеніи Фердыщенко съумѣлъ очень пригодиться Настасьѣ Филипповнѣ.

— А князь у меня съ того и начнетъ, что модный романсъ споетъ, заключилъ Фердыщенко, посматривая, что̀ скажетъ Настасья Филипповна.

— Не думаю, Фердыщенко, и пожалуйста, не горячитесь, сухо замѣтила она.

— А-а! Если онъ подъ особымъ покровительствомъ, то смягчаюсь и я...

Но Настасья Филипповна встала, не слушая, и пошла сама встрѣтить князя.

— Я сожалѣла, сказала она, появляясь вдругъ передъ княземъ, —что давеча, въ попыхахъ, забыла пригласить васъ къ себѣ, и очень рада, что вы сами доставляете мнѣ теперь случай поблагодарить и похвалить васъ за вашу рѣшимость.

Говоря это, она пристально всматривалась въ князя, силясь хоть сколько нибудь растолковать себѣ его поступокъ.

Князь, можетъ быть, и отвѣтилъ-бы что нибудь на ея любезныя слова, но былъ ослѣпленъ и пораженъ до того, что не могъ даже выговорить слова. Настасья Филипповна замѣтила это съ удовольствіемъ. Въ этотъ вечеръ она была въ полномъ туалетѣ и производила необыкновенное впечатлѣніе. Она взяла его за руку и повела къ гостямъ. Передъ самымъ входомъ въ гостиную князь

вдругъ остановился и съ необыкновеннымъ волненіемъ, сѣдина, прошепталъ ей:

— Въ васъ все совершенство... даже то, что вы худы и блѣдны... васъ и не желаешь представить иначе... Мнѣ такъ захотѣлось къ вамъ придти... я... простите...

— Не просите прощенія, засмѣялась Настасья Филипповна: этимъ нарушится вся странность и оригинальность. А правду, стало быть, про васъ говорятъ, что вы человѣкъ странный. Такъ вы, стало быть, меня за совершенство почитаете, да?

— Да.

— Вы хоть и мастеръ угадывать, однако-жъ ошиблись. Я васъ сегодня-же объ этомъ напомню...

Она представила князя гостямъ, изъ которыхъ большая половина онъ былъ уже извѣстенъ. Тоцкій тотчасъ-же сказалъ какую-то любезность. Всѣ какъ-бы нѣсколько оживились, всѣ разомъ заговорили и засмѣялись. Настасья Филипповна усадила князя подлѣ себя.

— Но, однако, что-же удивительнаго въ появленіи князя? закричалъ громче всѣхъ Фердыщенко:—дѣло ясное, дѣло само за себя говоритъ.

— Дѣло слишкомъ ясное и слишкомъ за себя говоритъ, подхватилъ вдругъ молчавшій Ганя.—Я наблюдалъ князя сегодня почти безостановочно, съ самаго мгновенія, когда онъ давеча въ первый разъ поглядѣлъ на портретъ Настасьи Филипповны, на столѣ у Ивана Ѳедоровича. Я очень хорошо помню, что еще давеча о томъ подумалъ, въ чемъ теперь убѣжденъ совершенно, и въ чемъ, мимоходомъ сказать, князь мнѣ самъ признался.

Всю эту фразу Ганя высказалъ чрезвычайно серіозно, безъ малѣйшей шутливости, даже мрачно, что показалось нѣсколько странымъ.

— Я не дѣлалъ вамъ признаній, отвѣтилъ князь покраснѣвъ, я только отвѣтилъ на вашъ вопросъ.

— Браво, браво! закричалъ Фердыщенко: — по крайней мѣрѣ, искренно; и хитро, и искренно!

Всѣ громко смѣялись.

— Да не кричите, Фердыщенко, съ отвращеніемъ замѣтилъ ему вполголоса Птицынъ.

— Я, князь, отъ васъ такихъ пріемовъ не ожидалъ, промолвилъ Иванъ Ѳедоровичъ;—да знаете-ли кому это будетъ въ пору? А я-то васъ считалъ за философа! Ай да тихоньки!

— И судя по тому, что князь краснѣетъ отъ невинной шутки, какъ невинная молодая дѣвица, я заключаю, что онъ, какъ благо

родный юнона, питаетъ въ своемъ сердцѣ самыя похвальныя намѣренія,—вдругъ и совершенно неожиданно проговорилъ или, лучше сказать, пронямкалъ беззубый и совершенно до сихъ поръ молчавшій семидесятилѣтній старичокъ-учитель, отъ котораго никто не могъ ожидать, что онъ хоть заговоритъ-то въ этотъ вечеръ. Всѣ еще больше засмѣялись. Старичокъ, вѣроятно, подумавшій, что смѣются его остроумію, приняался, глядя на всѣхъ, еще пуще смѣяться, причемъ жестоко раскашлялся, такъ что Настасья Филипповна, чрезвычайно любившая почему-то всѣхъ подобныхъ оригиналовъ-старичковъ, старушекъ и даже юродивыхъ, приняласъ тотчасъ-же ласкать его, расцѣловала и велѣла подать ему еще чаю. У вошедшей служанки она спросила себѣ мантилью, въ которую и закутался, и приказала прибавить еще дровъ въ каминъ. На вопросъ: который часъ, служанка отвѣтила, что уже половина одиннадцатаго.

— Господа, не хотите-ли пить шампанское, пригласила вдругъ Настасья Филипповна.—У меня приготовлено. Можетъ быть, вамъ станетъ веселѣе. Пожалуйста, безъ церемоніи.

Предложеніе пить, и особенно въ такихъ наивныхъ выраженіяхъ, показалось очень страннымъ отъ Настасьи Филипповны. Всѣ знали необыкновенную чинность на ея прежнихъ вечерахъ. Вообще вечеръ становился веселѣе, но не по обычному. Отъ вина однако не отказались, во первыхъ самъ генералъ, во вторыхъ бойкая барыня, старичокъ, Фердыщенко, за ними и всѣ. Тоцкій взялъ тоже свой бокалъ, надѣясь угармонировать наступающій новый тонъ, придавъ ему по возможности характеръ милой шутки. Одинъ только Ганя ничего не пилъ. Въ страныхъ-же, иногда очень рѣзкихъ и быстрыхъ выходкахъ Настасьи Филипповны, которая тоже взяла вина и объявила, что сегодня вечеромъ выпьетъ три бокала, въ ея истерическомъ и безпредметномъ смѣхѣ, перемежающемся вдругъ съ молчаливою и даже угрюмою задумчивостью, трудно было и понять что нибудь. Одни подозрѣвали въ ней лихорадку: стали, наконецъ, замѣчать, что и она какъ-бы ждетъ чего-то сама, часто посматриваетъ на часы, становится нетерпѣливою, разсѣянною.

— У васъ какъ будто маленькая лихорадка? спросила бойкая барыня.

— Даже большая, а не маленькая, я для того и въ мантилью закуталась, отвѣтила Настасья Филипповна, въ самомъ дѣлѣ ставшая блѣднѣе и какъ будто по временамъ сдерживавшая въ себѣ сильную дрожь.

Всѣ затревожились и зашевелились.

— А не дать-ли намъ хозяйкѣ покой? высказался Тоцкій, посматривая на Ивана Ѳедоровича.

— Отнюдь нѣтъ, господа! Я именно прошу васъ сѣсть. Ваше присутствіе особенно сегодня для меня необходимо, настоичиво и значительно объявила вдругъ Настасья Филипповна. И такъ какъ почти уже всѣ гости узнали, что въ этотъ вечеръ назначено быть очень важному рѣшенію, то слова эти показались чрезвычайно вѣскими. Генералъ и Тоцкій еще разъ переглянулись. Ганя судорожно шевельнулся.

— Хорошо въ нети-жё какое нибудь играть, сказала бойкая барыня.

— Я знаю одно великолѣпнѣйшее и новое нети-жё, подхватилъ Фердыщенко; по крайней мѣрѣ, такое, что однажды только и происходило на свѣтѣ, да и то не удалось.

— Что такое? спросила бойкая барыня.

— Насъ однажды компанія собралась, ну, и подпили, это правда, и вдругъ кто-то сдѣлалъ предложеніе, чтобы каждый изъ насъ, не вставая изъ-за стола, разсказалъ что-нибудь про себя вслухъ, но такое, что самъ онъ, по искренней совѣсти, считаетъ самымъ дурнымъ изъ всѣхъ своихъ дурныхъ поступковъ въ продолженіе всей своей жизни; но съ тѣмъ, чтобъ искренно, главное, чтобъ было искренно, не лгать!

— Страшная мысль, сказалъ генералъ.

— Да ужъ чего страшнѣе, ваше превосходительство, да тѣмъ-то и хорошо.

— Смѣшная мысль, сказалъ Тоцкій, а впрочемъ, понятная: хвастовство особаго рода.

— Можетъ, того-то и надо было, Аѳанасій Ивановичъ.

— Да этакъ запачкаешь, а не засмѣешься, съ такимъ нети-жё, замѣтила бойкая барыня.

— Вещь совершенно невозможная и нелѣпая, отозвался Птицынъ.

— А удалось? спросила Настасья Филипповна.

— То-то и есть что нѣтъ, выпью скверно, всякъ дѣйствительно кое-что разсказалъ, многіе правду, и представьте себѣ, вѣдь даже съ удовольствіемъ иные разсказывали, а потомъ всякому стыдно стало, не выдержали! Въ итогѣ, впрочемъ, было превесело. Въ своемъ, то есть, родѣ.

— А право, это-бы хорошо! замѣтила Настасья Филипповна, вдругъ вся оживляясь. Право-бы попробовать, господа! Въ самомъ дѣлѣ, намъ какъ-то не весело. Если-бы каждый изъ насъ согласился что нибудь разсказать... въ этомъ родѣ... разумѣется, по согласію. Тутъ полная воля, а? Можетъ, мы выдержимъ? По крайней мѣрѣ, ужасно оригинально...

— Геніальная мысль! подхватилъ Фердыщенко.—Барыни, впрочемъ, исключаются, начинаютъ мужчины: дѣло устраивается по жребію, какъ и тогда! Непремѣнно, непремѣнно! Кто очень не хочетъ, тотъ, разумѣется, не разсказываетъ, но вѣдь надо-же быть особенно не любезнымъ! Давайте ваши жеребьи, господа, сюда, ко мнѣ, въ шляпу, князь будетъ вынимать. Задача самая простая, самый дурной поступокъ изъ всей своей жизни разсказать,—это ужасно легко, господа! Вотъ, вы увидите! Если-же кто позабудетъ, то я тотчасъ берусь напомнить!

Идея никому не нравилась. Одни хмурились, другіе лукаво улыбались. Нѣкоторые возражали, но не очень, напримѣръ, Иванъ Ѳедоровичъ, не желавшій перечить Настасьѣ Филипповнѣ и замѣтившій какъ увлекаетъ ее эта странная мысль. Въ желаніяхъ своихъ Настасья Филипповна всегда была неудержима и безпощадна, если только рѣшалась высказывать ихъ, хотя-бы это были самыя капризныя и даже для нея самой безполезныя желанія. И теперь она была какъ въ истерикѣ, суетилась, смѣялась судорожно, принадочно, особенно на возраженія встревоженнаго Тоцкаго. Темные глаза ея засверкали, на блѣдныхъ щекахъ показались два красныя пятна. Унылый и брезгливый оттѣнокъ физіономіи нѣкоторыхъ изъ гостей, можетъ быть, еще болѣе разжигалъ ея насмѣшливое желаніе; можетъ быть, ей именно нравилась цинничность и жестокость идеи. Иные даже увѣрены были, что у ней тутъ какой нибудь особый разсчетъ. Впрочемъ, стали соглашаться: во всякомъ случаѣ, было любопытно, а для многихъ такъ очень заманчиво. Фердыщенко суетился болѣе всѣхъ.

— А если что нибудь такое, что и разсказать невозможно... при дамахъ, робко замѣтилъ молчавшій юноша.

— Такъ вы это и не разсказывайте: будто мало и безъ того скверныхъ поступковъ, отвѣтилъ Фердыщенко:—эхъ вы, юноша!

— А я вотъ и не знаю, который изъ моихъ поступковъ самымъ дурнымъ считать, включила бойкая барыня.

— Дамы отъ обязанности разсказывать увольняются; повторилъ Фердыщенко,—но только увольняются: собственное вдохновеніе съ признательностью допускается. Мужчины-же, если уже слишкомъ не хотятъ, увольняются.

— Да какъ тутъ доказать, что я не солгу? спросилъ Ганя:—а если солгу, то вся мысль игры пропадаетъ. И кто-же не солжетъ? Всякій непремѣнно лгать станетъ.

— Да ужь одно то заманчиво, какъ тутъ будетъ лгать человѣкъ. Тебѣ-же, Ганечка, особенно опасаться нечего, что солжешь, потому что самый скверный поступокъ твой и безъ того всѣмъ

извѣстенъ. „Да вы подумайте только, господа, воскликнулъ вдругъ въ какомъ-то вдохновеніи Фердыщенко,—подумайте только, какими глазами мы потомъ другъ на друга будемъ глядѣть, завтра, напримѣръ, послѣ разсказовъ-то!

— Да развѣ это возможно? Неужели это въ самомъ дѣлѣ серіозно, Настасья Филипповна? съ достоинствомъ спросилъ Тоцкій.

— Волка бояться въ лѣсъ не ходить! съ усмѣшкой замѣтила Настасья Филипповна.

— Но позвольте, господинъ Фердыщенко, развѣ возможно устроить изъ этого нети-жё? продолжалъ тревожась все болѣе и болѣе Тоцкій: — увѣряю васъ, что такія вещи никогда не удаются: вы-же сами говорите, что это не удалось уже разъ.

— Какъ не удалось! Я разсказалъ-же прошедшій разъ, какъ три цѣликовыхъ укралъ, такъ-таки взялъ да и разсказалъ.

— Положимъ. Но вѣдь возможности не было, чтобы вы такъ разсказали, что стало похоже на правду и вамъ повѣрили? А Гаврила Ардаліоновичъ совершенно справедливо замѣтилъ, что чуть-чуть послышится фальшь, и вся мысль игры пропадаетъ. Правда возможна тутъ только случайно, при особаго рода хвастливомъ настроеніи слишкомъ дурнаго тона, здѣсь немыслимомъ и совершенно неприличномъ.

— Но какой-же вы утонченнѣйшій человѣкъ, Аѳанасій Ивановичъ, такъ даже меня дивите! — вскричалъ Фердыщенко; — представьте себѣ, господа, своимъ замѣчаніемъ, что я не могъ разсказать о моемъ воровствѣ такъ, чтобы стало похоже на правду, Аѳанасій Ивановичъ тончайшимъ образомъ намекаетъ, что я и не могъ въ самомъ дѣлѣ украсть (потому что это вслухъ говорить неприлично), хотя, можетъ быть, совершенно увѣренъ самъ про себя, что Фердыщенко и очень-бы могъ украсть! Но къ дѣлу, господа, къ дѣлу, жеребьи собраны, да и вы, Аѳанасій Ивановичъ, свой положили, стало быть, никто не отказывается! Князь, вынимайте.

Князь молча опустилъ руку въ шляпу и вынулъ первый жребій Фердыщенка, второй Птицына, третій — генерала, четвертый Аѳанасія Ивановича, пятый — свой, шестой — Гани и т. д. Дамы жребіевъ не положили.

О, Боже, какое несчастіе! вскричалъ Фердыщенко:— а я-то думалъ, что первая очередь выйдетъ князю, а вторая — генералу. Но, слава Богу, по крайней мѣрѣ, Иванъ Петровичъ послѣ меня, и я буду вознагражденъ. Ну, господа, конечно, я обязанъ и отдать благородный примѣръ, но всего болѣе жалѣю въ настоящую минуту о томъ, что я такъ ничтоженъ и ничѣмъ не замѣчателенъ; даже

чинъ на мнѣ самый премаленькій; ну что въ самомъ дѣлѣ интереснаго въ томъ, что Фердыщенко сдѣлалъ скверный поступокъ? Да и какой мой самый дурной поступокъ? Тутъ embarras de richesse. Развѣ опять про то же самое воровство разсказать, чтобъ убѣдить Аѳанасія Ивановича, что можно украсть, воромъ не бывши.

— Вы меня убѣждаете и въ томъ, господинъ Фердыщенко, что дѣйствительно можно ощущать удовольствіе до упоенія, разсказывая о самыхъ своихъ поступкахъ, хотя-бы о нихъ и не спрашивали... А впрочемъ... Извините, господинъ Фердыщенко.

— Начинайте, Фердыщенко, вы ужасно много болтаете лишняго и никогда не докончите! раздражительно и нетерпѣливо приказала Настасья Филипповна.

Всѣ замѣтили, что послѣ своего недавняго принадочнаго смѣха, она вдругъ стала даже угрюма, брюзглива и раздражительна; тѣмъ не менѣе упрямо и деспотично стояла на своей невозможной прихоти. Аѳанасій Ивановичъ страдалъ ужасно. Бѣсилъ его и Иванъ Ѳедоровичъ: онъ сидѣлъ за шампанскимъ, какъ ни въ чемъ ни бывало, и даже, можетъ быть, разсчитывалъ разсказать что нибудь, въ свою очередь.

XIV.

строумія нѣтъ, Настасья Филипповна, оттого и болтаю лишнее! вскричалъ Фердыщенко, начиная свой разсказъ: — было-бъ у меня такое-же остроуміе, какъ у Аѳанасія Ивановича, или у Ивана Петровича, такъ я-бы сегодня все сидѣлъ да молчалъ, подобно Аѳанасію Ивановичу и Ивану Петровичу. Князь, позвольте васъ спросить, какъ вы думаете, мнѣ вотъ все кажется, что на свѣтѣ гораздо больше воровъ, чѣмъ не-воровъ, и что нѣтъ даже такого самаго честнаго человѣка, который-бы хоть разъ въ жизни чего нибудь не укралъ. Это моя мысль, изъ чего, впрочемъ, я вовсе не заключаю, что все сплошь одни воры, хотя, ей Богу, ужасно-бы хотѣлось иногда и это заключить. Какъ-же вы думаете?

— Фу, какъ вы глупо разсказываете, отозвалась Дарья Алексѣевна, — фи какой вздоръ, не можетъ быть, чтобы всѣ что нибудь да украли; я никогда ничего не украла.

— Вы ничего никогда не украли, Дарья Алексѣевна: но что скажетъ князь, который вдругъ весь покраснѣлъ?

— Мнѣ кажется, что вы говорите правду, но только очень

преувеличиваете,—сказалъ князь, дѣйствительно отчего-то покраснѣвшій.

— А вы сами, князь, ничего не украли?

— Фу! Какъ это смѣшно! Опомнитесь, господинъ Фердыщенко, вступился генералъ.

— Просто за просто, какъ пришлось къ дѣлу, такъ и стыдно стало разсказывать, вотъ и хотите князя съ собой-же примѣшить, благо онъ безотвѣтный, отчеканила Дарья Алексѣевна.

— Фердыщенко, или разсказывайте, или молчите и знайте одного себя. Вы истощаете всякое терпѣніе, рѣзко и досадливо проговорила Настасья Филипповна.

— Сію минуту, Настасья Филипповна; но ужь если князь сознался, потому что я стою на томъ, что князь все равно что сознался, то что-же-бы, напримѣръ, сказалъ другой кто нибудь (никого не называя), если-бы захотѣлъ когда нибудь правду сказать? Что-же касается до меня, господа, то дальше и разсказывать совсѣмъ нечего: очень просто, и глупо, и скверно. Но увѣряю васъ, что я не воръ: укралъ-же, не знаю какъ. Это было третьяго года, на дачѣ у Семена Ивановича Ищенка, въ воскресенье. У него обѣдали гости. Послѣ обѣда мужчины остались за виномъ. Мнѣ вздумалось попросить Марью Семеновну, дочку его, барышню, что нибудь на фортепіано съиграть. Прохожу чрезъ угловую комнату, на рабочемъ столикѣ у Марьи Ивановны три рубля лежатъ, зеленая бумажка: вынула, чтобы выдать для чего-то по хозяйству. Въ комнатѣ никовошенько. Я взялъ бумажку и положилъ въ карманъ, для чего—не знаю. Что на меня нашло—не понимаю. Только я поскорѣй воротился и сѣлъ за столъ. Я все сидѣлъ и ждалъ, въ довольно сильномъ волненіи, болталъ безъ умолку, анекдоты разсказывалъ, смѣялся; подсѣлъ потомъ къ барышнямъ. Черезъ полчаса, примѣрно, хватились и стали спрашивать у служанокъ. Дарью служанку заподозрили. Я выказалъ необыкновенное любопытство и участіе, и помню даже, когда Дарья совсѣмъ потерялась, сталъ убѣждать ее, чтобы она повинилась, головой ручаясь за доброту Марьи Ивановны, и это вслухъ, и при всѣхъ. Всѣ глядѣли, а я необыкновенное удовольствіе ощущалъ именно оттого, что я провоѣдую, а бумажка-то у меня въ карманѣ лежитъ. Эти три цѣловыхъ я въ тотъ-же вечеръ пропилъ въ ресторанѣ. Вошелъ и спросилъ бутылку лафиту: никогда до того я не спрашивалъ такъ одну бутылку, безъ ничего: захотѣлось поскорѣе истратить. Особеннаго угрызенія совѣсти я ни тогда, ни потомъ не чувствовалъ. Другой разъ навѣрное не повторилъ-бы: этому вѣрьте, или нѣтъ, какъ угодно, я не интересуюсь. Ну-съ, вотъ и все.

— Только ужъ, конечно, это не самый худшій вашъ поступокъ, съ отвращеніемъ сказала Дарья Алексѣевна.

— Это психологическій случай, а не поступокъ, замѣтилъ Аоанасій Ивановичъ.

А служанка? спросила Настасья Филипповна, не скрывая самаго брезгливаго отвращенія.

— А служанку согнали на другой-же день, разумѣется. Это строгій домъ.

— И вы допустили?

— Вотъ прекрасно! Такъ неужели-же мнѣ было пойти и сказать на себя? захихикалъ Фердыщенко, впрочемъ, пораженный отчасти общимъ, слишкомъ непріятнымъ впечатлѣніемъ отъ его разсказа.

— Какъ это грязно! вскричала Настасья Филипповна.

— Ба! Вы хотите отъ человѣка слышать самый скверный его поступокъ, и при этомъ блеска требуете! Самые скверные поступки и всегда очень грязны, мы сейчасъ это отъ Ивана Петровича услышимъ; да и мало-ли что̀ снаружи блеститъ и добродѣтелью хочетъ казаться потому, что своя карета есть. Мало-ли кто свою карету имѣетъ... И какими способами...

Однимъ словомъ, Фердыщенко совершенно не выдержалъ и вдругъ озлобился, даже до забвенія себя, переше.лъ черезъ мѣру: даже все лицо его покривилось. Какъ ни странно, но очень могло быть, что онъ ожидалъ совершенно другаго успѣха отъ своего разсказа. Эти «промахи» дурнаго тона и «хвастовство особаго рода», какъ выразился объ этомъ Тоцкій, случались весьма часто съ Фердыщенкомъ и были совершенно въ его характерѣ.

Настасья Филипповна даже вздрогнула отъ гнѣва и пристально поглядѣла на Фердыщенка: тотъ мигомъ струсилъ и примолкъ, чуть не похолодѣвъ отъ испуга: слишкомъ далеко ужъ зашелъ.

— А не кончить-ли совсѣмъ? лукаво спросилъ Аоанасій Ивановичъ.

— Очередь моя, но я пользуюсь моею льготой и не стану разсказывать, рѣшительно сказалъ Птицынъ.

— Вы не хотите?

— Не могу, Настасья Филипповна: да и вообще считаю такое петп-жё невозможнымъ.

— Генералъ, кажется, по очереди слѣдуетъ вамъ, обратилась къ нему Настасья Филипповна,—если и вы откажетесь, то у насъ все велѣть за вами разстроится, и мнѣ будетъ жаль, потому что я разсчитывала разсказать въ заключеніе одинъ поступокъ изъ моей собственной жизни , но только хотѣла послѣ васъ и Аоанасія

Ивановича, потому что вы должны-же меня ободрить, заключила она, разсмѣявшись.

— О, если и вы обѣщаетесь, съ жаромъ вскричалъ генералъ,— то я готовъ вамъ хоть всю мою жизнь пересказать: но я, признаюсь, ожидая очереди, уже приготовилъ свой анекдотъ...

— И уже по одному виду его превосходительства можно заключить, съ какимъ особеннымъ литературнымъ удовольствіемъ онъ обработалъ свой анекдотикъ, осмѣлился замѣтить все еще нѣсколько смущенный Фердыщенко, ядовито улыбаясь.

Настасья Филипповна мелькомъ взглянула на генерала и тоже про себя улыбнулась. Но видно было, что тоска и раздражительность усиливались въ ней все сильнѣе и сильнѣе. Аоанасій Ивановичъ испугался вдвое, услышавъ про обѣщаніе разсказа.

— Мнѣ, господа, какъ и всякому, случалось дѣлать поступки не совсѣмъ изящные въ моей жизни, началъ генералъ,—но страшнѣе всего то, что я самъ считаю коротенькій анекдотъ, который сейчасъ разскажу, самымъ скверпѣйшимъ анекдотомъ изъ всей моей жизни. Между тѣмъ тому прошло чуть не тридцать пять лѣтъ: но никогда-то я не могъ оторваться, при воспоминаніи, отъ нѣкотораго, такъ сказать, скребущаго по сердцу впечатлѣнія. Дѣло, впрочемъ, чрезвычайно глупое: былъ я тогда еще только что прапорщикомъ и въ арміи лямку тянулъ. Ну, извѣстно, прапорщикъ: кровь— кипятокъ, а хозяйство копѣечное: завелся у меня тогда деньщикъ, Никифоръ, и ужасно о хозяйствѣ моемъ заботился, конилъ, запивалъ, скребъ и чистилъ, и даже вездѣ воровалъ все, что могъ стянуть, чтобы только въ домъ пріумножить: вѣрнѣйшій и честнѣйшій былъ человѣкъ. Я, разумѣется, былъ строгъ, но справедливъ. Нѣкоторое время случилось намъ стоять въ городкѣ. Мнѣ отвели въ фортштадтѣ квартиру у одной отставной подпоручицы и къ тому-же вдовы. Лѣтъ восьмидесяти, или по крайней мѣрѣ около, была старушонка. Домишко у ней былъ ветхій, дряпной, деревянный, и даже служанки у себя не имѣла по бѣдности. Но главное, тѣмъ отличалась, что нѣкогда имѣла многочисленнѣйшее семейство и родныхъ: но одни въ теченіе жизни перемерли, другіе разъѣхались, третьи о старухѣ позабыли, а мужа своего лѣтъ сорокъ пять тому назадъ схоронила. Жила съ ней еще нѣсколько лѣтъ предъ этимъ племянница, горбатая и злая, говорятъ, какъ вѣдьма, и даже разъ старуху укусила за палецъ, но и та померла, такъ что старуха года ужъ три пробивалась одна-одинешенька. Скучненько мнѣ было у ней, да и пустая она такая была, ничего извлечь невозможно. Наконецъ, украла у меня нѣтуха. Дѣло это до сихъ поръ темное, но кромѣ нея было некому. За нѣтуха мы поссори-

лись, и значительно, а тутъ какъ разъ выпалъ случай, что меня, по первой-же просьбѣ моей, на другую квартиру перевели, въ противоположный флигель, въ многочисленнѣйшее семейство одного купца съ большою бородищей, какъ теперь его помню. Переѣзжаемъ съ Никифоромъ съ радостью, старуху-же оставляю съ негодованіемъ. Проходитъ дня три, приходку съ ученья, Никифоръ докладываетъ, что напрасно, ваше благородіе, нашу миску у прежней хозяйки оставили, не въ чемъ супъ подавать». Я, разумѣется, по-раженъ: «Какъ такъ, какимъ образомъ наша миска у хозяйки осталась?» Удивленный Никифоръ продолжаетъ рапортовать, что хозяйка, когда мы съѣзжали, нашей миски ему не отдала по той причинѣ, что такъ какъ я ея собственный горшокъ разбилъ, то она за свой горшокъ нашу миску удерживаетъ, и что будто-бы я ей это самъ такимъ образомъ предложилъ. Такая низость съ ея стороны, разумѣется, вывела меня изъ послѣднихъ границъ: кровь закипѣла, вскочилъ, полетѣлъ. Приходку къ старухѣ, такъ сказать, уже внѣ себя: глянку, она сидитъ въ сѣняхъ одна одинешенька, въ углу, точно отъ солнца забилась, рукой щеку себѣ подперла. Я горячась-же, знаете, на нее цѣлый громъ такъ и вывалилъ, «такая, дескать, ты, и сякая!» и знаете, этакъ по русски. Только смотрю, представляется что-то страшное: сидитъ она, лицо на меня уставила, глаза выпучила, и ни слова въ отвѣтъ, и страшно, страшно такъ смотритъ, какъ-бы качается. Я, наконецъ, пріутихъ, вглядываюсь, спрашиваю, ни слова въ отвѣтъ. Я постоялъ въ нерѣшимости: мухи кружатъ, солнце закатывается, тишина; въ совершенномъ смущеніи я, наконецъ, ухожу. Еще до дому не дошелъ, къ маіору потребовали, потомъ пришлось въ роту зайдти, такъ что домой воротился совсѣмъ ввечеру. Первымъ словомъ Никифора: «а знаете, ваше благородіе, хозяйка-то наша вѣдь померла!» — «Когда?» — «Да сегодня по вечеру, часа полтора назадъ». Это, значитъ, въ то именно время, когда я ее ругалъ, она и отходила. Такъ меня это францировало, я вамъ скажу, что едва опомнился. Стало, знаете, даже думаться, даже ночью приснилось. Я, конечно, безъ предразсудковъ, но на третій день пошелъ въ церковь на похороны. Однимъ словомъ, чѣмъ дальше время идетъ, тѣмъ больше думается. Не то чтобъ, а такъ иногда воображаешь, и станетъ не хорошо. Главное, что тутъ, какъ я, наконецъ, разсудилъ? Во первыхъ, женщина, такъ сказать, существо человѣческое, что называютъ въ наше время, гуманное, жила, долго жила, наконецъ, зажилась. Когда-то имѣла дѣтей, мужа, семейство, родныхъ, все это кругомъ нея, такъ сказать, кишѣло, всѣ эти, такъ сказать, улыбки, и вдругъ — полный насъ, все въ трубу вылетѣло,

осталась одна какъ... муха какая нибудь, носящая на себѣ отъ вѣка проклятіе. И вотъ, наконецъ, привелъ Богъ къ концу. Съ закатомъ солнца, въ тихій лѣтній вечеръ улетаетъ и моя старуха,—конечно, тутъ не безъ нравоучительной мысли; и вотъ въ это-то самое мгновеніе, вмѣсто напутственной, такъ сказать, слезы, молодой, отчаянный прапорщикъ, избоченясь и фертомъ, провожаетъ ее съ поверхности земли русскимъ элементомъ забубенныхъ ругательствъ за погибшую миску! Безъ сомнѣнія, я виноватъ, и хоть и смотрю уже давнымъ-давно на свой поступокъ, по отдаленности лѣтъ и по измѣненію въ натурѣ, какъ на чужой, но тѣмъ не менѣе продолжаю жалѣть. Такъ что, повторяю, мнѣ даже странно, тѣмъ болѣе, что если я и виновенъ, то вѣдь не совершенно-же: зачѣмъ-же ей какъ разъ въ это время вздумалось помирать? Разумѣется, тутъ одно оправданіе: что поступокъ въ нѣкоторомъ родѣ психологическій, но всетаки я не могъ успокоиться, покамѣстъ не завелъ, лѣтъ пятнадцать назадъ, двухъ постоянныхъ больныхъ старушонокъ, на свой счетъ, въ богадѣльнѣ, съ цѣлью смягчить для нихъ приличнымъ содержаніемъ послѣдніе дни земной жизни. Думаю обратить въ вѣковѣчное, завѣщавъ капиталъ. Ну, вотъ-съ, и все-съ. Повторяю, что, можетъ быть, я и во многомъ въ жизни провинился, но этотъ случай считаю, по совѣсти, самымъ скверпѣйшимъ поступкомъ изъ всей моей жизни.

— И вмѣсто самаго скверпѣйшаго, ваше превосходительство, разсказали одинъ изъ хорошихъ поступковъ своей жизни: надули Фердыщенка! заключилъ Фердыщенко.

— Въ самомъ дѣлѣ, генералъ, я и не воображала, чтобъ у васъ было всетаки доброе сердце; даже жаль, небрежно проговорила Настасья Филипповна.

— Жаль? Почему-же? спросилъ генералъ съ любезнымъ смѣхомъ и не безъ самодовольствія отпилъ шампанскаго.

Но очередь была за Аѳанасіемъ Ивановичемъ, который тоже приготовился. Всѣ предъугадывали, что онъ не откажется, подобно Ивану Петровичу, да и разсказа его, по нѣкоторымъ причинамъ, ждали съ особеннымъ любопытствомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ посматривали на Настасью Филипповну. Съ необыкновеннымъ достоинствомъ, вполнѣ соотвѣтствовавшимъ его осанистой наружности, тихимъ, любезнымъ голосомъ началъ Аѳанасій Ивановичъ одинъ изъ своихъ «милыхъ разсказовъ». (Кстати сказать: человѣкъ онъ былъ собою видный, осанистый, росту высокаго, немного лысъ, немного съ просѣдью, и довольно тучный, съ мягкими, румяными и нѣсколько отвислыми щеками, со вставными зубами. Одѣвался широко и изящно и носилъ удивительное бѣлье. На его пухлыя, бѣлыя руки хотѣлось загля-

дѣться. На указательномъ пальцѣ правой руки былъ дорогой бриллiантовый перстень). Настасья Филипповна во все время его разсказа пристально разсматривала кружевцо оборки на своемъ рукавѣ и щипала ее двумя пальцами лѣвой руки, такъ что ни разу не усиѣла и взглянуть на разскащика.

— Что всего болѣе облегчаетъ мнѣ мою задачу, началъ Аоанасiи Ивановичъ, это непремѣнная обязанность разсказать никакъ не иначе, какъ самый дурной поступокъ всей моей жизни. Въ такомъ случаѣ, разумѣется, не можетъ быть колебанiй: совѣсть и память сердца тотчасъ-же подскажутъ, что именно надо разсказывать. Сознаюсь съ горечью, въ числѣ всѣхъ, безчисленныхъ, можетъ быть, легкомысленныхъ и... вѣтренныхъ поступковъ жизни моей, есть одинъ, впечатлѣнiе котораго даже слишкомъ тяжело залегло въ моей памяти. Случилось тому назадъ лѣтъ около двадцати: я заѣхалъ тогда въ деревню къ Платону Ордынцеву. Онъ только что выбранъ былъ предводителемъ и пріѣхалъ съ молодою женой провести зимнiе праздники. Тутъ какъ разъ подошло и рожденiе Анфисы Алексѣевны, и назначались два бала. Къ тому времени былъ въ ужасной модѣ и только что прогремѣлъ въ высшемъ свѣтѣ прелестный романъ Дюма-Фиса *La dame aux camelias*, поэма, которой, по моему мнѣнiю, не суждено ни умереть, ни состариться. Въ провинцiи всѣ дамы были восхищены до восторга, тѣ, которыя, по крайней мѣрѣ, прочитали. Прелесть разсказа, оригинальность постановки главнаго лица, этотъ заманчивый мiръ, разобранный до тонкости, и наконецъ всѣ эти очаровательныя подробности, разсыпанныя въ книгѣ (на счетъ, напримѣръ, обстоятельствъ употребленiя букетовъ бѣлыхъ и розовыхъ камелiй по очереди), однимъ словомъ, всѣ эти прелестныя дѣтали, и все это вмѣстѣ, произвели почти потрясенiе. Цвѣты камелiй вошли въ необыкновенную моду. Всѣ требовали камелiй, всѣ ихъ искали. Я васъ спрошу: много-ли можно достать камелiй въ уѣздѣ, когда всѣ ихъ для баловъ спрашиваютъ, хотя-бы баловъ и немного было? Петя Ворховской изнывалъ тогда, бѣдняжка, по Анфисѣ Алексѣевнѣ. Право, не знаю, было-ли у нихъ что нибудь, то есть, я хочу сказать, могла-ли у него быть хоть какая нибудь серiозная надежда? Бѣдный съума сходилъ, чтобы достать камелiй къ вечеру на балъ для Анфисы Алексѣевны. Графиня Соцкая, изъ Петербурга, губернаторши гостья, и Софья Безналова, какъ извѣстно стало, пріѣдутъ навѣрно съ букетами, съ бѣлыми. Анфисѣ Алексѣевнѣ захотѣлось, для нѣкотораго особаго эффекту, красныхъ. Бѣднаго Платона чуть не загоняли: извѣстно— мужъ; поручился, что букетъ достанетъ, и—что-же? Наканунѣ перехватила Мытищева, Катерина Александровна, страшная соперница

Анфисы Алексѣевны во всемъ: на ножахъ съ ней была. Разумѣется, истерика, обморокъ. Платонъ пропалъ. Понятно, что если-бы Петръ промыслить гдѣ нибудь въ эту интересную минуту букетъ, то дѣла его могли-бы очень сильно подвинуться: благодарность женщины въ такихъ случаяхъ безгранична. Мечется какъ угорѣлый: но дѣло невозможное, и говорить тутъ нечего. Вдругъ сталкиваюсь съ нимъ уже въ одиннадцать вечера, наканунѣ дня рожденія и бала, у Марьи Петровны Зубковой, сосѣдки Ордынцева. Сіяетъ. Что съ тобой? — Нашелъ! *Вертка!* — Ну, братъ, удивилъ-же ты меня! Гдѣ? Какъ? — Въ Екшайскѣ (городишка такой тамъ есть, всего въ двадцати верстахъ, и не нашъ уѣздъ), Треналовъ тамъ купецъ есть, богачъ и богачъ, живетъ со старухой женой, и вмѣсто дѣтей, одинъ канарейки. Пристрастились оба къ цвѣтамъ, у него есть камелій. — Помилуй, да это не вѣрно, ну, какъ не дастъ? — Стану на колѣни и буду въ ногахъ валяться до тѣхъ поръ, пока дастъ, безъ того не уѣду! — Когда ѣдешь-то? — Завтра чѣмъ свѣтъ въ пять часовъ. — Ну, съ Богомъ! — И такъ я, знаете, радъ за него: возвращаюсь къ Ордынцеву: наконецъ узнъ второй часъ, а мнѣ все этакъ, знаете, мерещится. Хотѣлъ уже спать ложиться, вдругъ прегениальная мысль! Пробираюсь немедленно въ кухню, бужу Савелія кучера, пятнадцать цѣлковыхъ ему. Подай лошадей въ полчаса! Чрезъ полчаса, разумѣется, возокъ у воротъ: у Анфисы Алексѣевны, сказали мнѣ, мигрень, жаръ и бредъ. — сажусь и ѣду. Въ пятомъ часу я въ Екшайскѣ, на постояломъ дворѣ: переждалъ до разсвѣта, и только до разсвѣта: въ седьмомъ часу у Треналова. Такъ и такъ, есть камелій? Батюшка, отецъ родной, помоги, спаси, въ ноги поклонюсь! Старикъ, вижу, высокій, сѣдой, суровый, — страшный старикъ. Ни-ни, никакъ! Не согласенъ! Я бухъ ему въ ноги! Такъ-таки и растянулся! — Что вы, батюшка, что вы, отецъ? испугался даже. Да вѣдь тутъ жизнь человѣческая! кричу ему. — Да берите, коли такъ, съ Богомъ. Нарѣзалъ-же я тутъ красныхъ камелій! Чудо, прелесть, цѣлая оранжерейка у него маленькая. Вздыхаетъ старикъ. Вынимаю сто рублей. Нѣтъ, ужъ вы, батюшка, обижать меня такимъ манеромъ не извольте. — «А коли такъ, говорю, почтенный, благоволите эти сто рублей въ здѣшнюю больницу для улучшенія содержанія и пищи. — «Вотъ это, говоритъ, батюшка, дѣло другое, и доброе, и благородное, и богоугодное: за здравіе ваше и подамъ. И понравился мнѣ, знаете, этотъ русскій старикъ, такъ сказать, коренной русакъ, de la vraie souche. Въ восторгѣ отъ удачи, тотчасъ-же въ обратный путь: воротился окольными, чтобы не встрѣтиться съ Петей. Какъ пріѣхалъ, такъ и посылаю букетъ къ пробужденію Анфисы Алек-

сѣвны. Можете себѣ представить восторгъ, благодарность, слезы благодарности! Платонъ, вчера еще убитый и мертвый Платонъ,— рыдаетъ у меня на груди. Увы! Всѣ мужья таковы съ сотворенія... законнаго брака! Ничего не смѣю прибавить, но только дѣла бѣднаго Пети съ этимъ эпизодомъ рухнули окончательно. Я сперва думалъ, что онъ зарѣжетъ меня, какъ узнаетъ, даже ужъ приготовился встрѣтить, но случилось то, чему-бы я даже и не повѣрилъ: въ обморокъ, къ вечеру бредъ, и къ утру горячка: рыдаетъ какъ ребенокъ, въ конвульсіяхъ. Черезъ мѣсяцъ, только что выздоровѣлъ, на Кавказъ отпросился: романъ рѣшительный вышелъ! Кончилъ тѣмъ, что въ Крыму убитъ. Тогда еще брать его, Степанъ Ворховской, полкомъ командовалъ, отличился. Признаюсь, меня даже много лѣтъ потомъ угрызенія совѣсти мучили: для чего, зачѣмъ я такъ поразилъ его? И добро-бы я самъ былъ влюбленъ тогда? А то вѣдь простая шалость, изъ-за простаго волокитства, не болѣе. И не перебей я у него этотъ букетъ, кто знаетъ, жилъ-бы человѣкъ до сихъ поръ, былъ-бы счастливъ, имѣлъ-бы успѣхи, и въ голову-бъ не пришло ему подъ турку идти.

Аоанасій Ивановичъ примолкъ съ тѣмъ-же солиднымъ достоинствомъ, съ которымъ и приступалъ къ разсказу. Замѣтили, что у Настасьи Филипповны какъ-то особенно засверкали глаза, и даже губы вздрогнули, когда Аоанасій Ивановичъ кончилъ. Всѣ съ любопытствомъ поглядывали на нихъ обоихъ.

— Надули Фердыщенка! Вотъ такъ надули! Нѣтъ, вотъ это ужъ такъ надули! вскричалъ плачевнымъ голосомъ Фердыщенко, понимая, что можно и должно вставить словцо.

— А вамъ кто велѣлъ дѣла не понимать? Вотъ и учитесь у умныхъ людей! отрѣзала ему чуть не торжествующая Дарья Алексѣевна (старинная и вѣрная пріятельница и сообщница Тоцкаго).

— Вы правы, Аоанасій Ивановичъ, нети-жё прескучное, и надо поскорѣй кончить, небрежно вымолвила Настасья Филипповна; — разскажу сама, что обѣщала, и давайте всѣ въ карты играть.

— Но обѣщанный анекдотъ прежде всего! съ жаромъ одобрилъ генералъ.

— Князь, рѣзко и неожиданно обратилась къ нему вдругъ Настасья Филипповна,—вотъ здѣсь старые мои друзья, генералъ да Аоанасій Ивановичъ, меня все замужъ выдать хотятъ. Скажите мнѣ, какъ вы думаете: выходить мнѣ замужъ или нѣтъ? Какъ скажете, такъ и сдѣлаю.

Аоанасій Ивановичъ побѣдилъ, генералъ остолбенѣлъ; всѣ уставили глаза и протянули головы. Ганя застылъ на мѣстѣ.

— За... за кого? спросилъ князь замирающимъ голосомъ.

— За Гаврилу Ардаліоновича Иволгина,—продолжала Настасья Филипповна, по прежнему рѣзко, твердо и четко.

Прошло нѣсколько секундъ молчанія: князь какъ будто силился и не могъ выговорить, точно ужасная тяжесть давила ему грудь.

— Н-нѣтъ... не выходите! прошепталъ онъ наконецъ, и съ усиліемъ перевелъ духъ.

— Такъ тому и быть! Гаврила Ардаліоновичъ! властно и какъ-бы торжественно обратилась она къ нему: — вы слышали какъ рѣшилъ князь? Ну, такъ въ томъ и мой отвѣтъ: и пусть это дѣло кончено разъ на всегда!

— Настасья Филипповна! дрожащимъ голосомъ проговорилъ Аоанасій Ивановичъ.

— Настасья Филипповна! убѣждающимъ, но встревоженнымъ голосомъ произнесъ генералъ.

Всѣ зашевелились и затревожились.

— Что вы, господа? продолжала она, какъ-бы съ удивленіемъ вглядываясь въ гостей: — что вы такъ всполохнулись! И какія у васъ у всѣхъ лица!

— Но... вспомните, Настасья Филипповна, занимаясь, пробормоталъ Тоцкій,— вы дали обѣщаніе... вполнѣ добровольное, и могли-бы отчасти и поощрить... Я затрудняюсь и... конечно, смущенъ, но... Однимъ словомъ, теперь, въ такую минуту, и при... при людяхъ, и все это такъ... кончить такимъ нети-жё дѣло серіозное, дѣло чести и сердца... отъ котораго зависитъ...

— Не понимаю васъ, Аоанасій Ивановичъ; вы дѣйствительно совсѣмъ сбиваетесь. Во первыхъ, что такое: «при людяхъ»? Развѣ мы не въ прекрасной интимной компаніи? И почему «нети-жё»? Я дѣйствительно хотѣла разсказать свой анекдотъ, ну, вотъ и разсказала; не хорошъ развѣ? И почему вы говорите, что «не серіозно»? Развѣ это не серіозно? Вы слышали, я сказала князю: «какъ скажете, такъ и будетъ»: сказалъ-бы *да*, я-бы тотчасъ-же дала согласіе, но онъ сказалъ *нѣтъ*, и я отказала. Тутъ вся моя жизнь на одномъ волоскѣ висѣла; чего серіознѣе?

— Но князь, почему тутъ князь? И что такое, наконецъ, князь? пробормоталъ генералъ, почти ужъ не въ силахъ сдержать свое негодованіе на такой обидный даже авторитетъ князя.

— А князь для меня то, что я въ него въ перваго, во всю мою жизнь, какъ въ истинно-преданнаго человѣка повѣрила. Онъ въ меня съ одного взгляда повѣрилъ, и я ему вѣрю.

— Мнѣ остается только отблагодарить Настасью Филипповну за чрезвычайную деликатность, съ которою она... со мной поступила, проговорилъ наконецъ дрожащимъ голосомъ и съ кривящимъ

мися губами бѣдный Ганя; — это, конечно, такъ тому и слѣдовало... Но... князь... Князь въ этомъ дѣлѣ...

— До семидесяти пяти тысячъ добирается, что-ли? оборвала вдругъ Настасья Филипповна: — вы это хотѣли сказать? Не запирайтесь, вы непремѣнно это хотѣли сказать! Аоанасій Ивановичъ, я и забыла прибавить: вы эти семьдесятъ пять тысячъ возьмите себѣ и знайте, что я васъ отпускаю на волю даромъ. Довольно! Надо-жъ и вамъ вздохнуть! Девять лѣтъ и три мѣсяца! Завтра — по новому, а сегодня — я именинница и сама по себѣ, въ первый разъ въ цѣлой жизни! Генералъ, возьмите и вы ваши жемчуги, подарите супругѣ, вотъ они; а съ завтрашняго дня я совсѣмъ и съ квартиры съѣзжаю. И уже больше не будетъ вечеровъ, господа!

Сказавъ это, она вдругъ встала, какъ будто желая уйдти.

— Настасья Филипповна! Настасья Филипповна! послышалось со всѣхъ сторонъ. Всѣ заволновались, всѣ встали съ мѣстъ; всѣ окружили ее, всѣ съ безпокойствомъ слушали эти порывистыя, лихорадочныя, изступленныя слова; всѣ ощущали какой-то безпорядокъ, никто не могъ добиться толку, никто не могъ ничего понять. Въ это мгновеніе раздался вдругъ звонкій, сильный ударъ колокольчика, точь въ точь какъ давеча въ Ганечкину квартиру.

— А! а-а! Вотъ и развязка! Наконецъ-то! Половина двѣнадцатаго! вскричала Настасья Филипповна: — прошу васъ садиться, господа, это развязка!

Сказавъ это, она сѣла сама. Странный смѣхъ трепеталъ на губахъ ея. Она сидѣла молча, въ лихорадочномъ ожиданіи, и смотрѣла на дверь.

— Рогожинъ и сто тысячъ, сомнѣнія нѣтъ, пробормоталъ про себя Птицынъ.

XV.

Вошла горничная Катя, сильно испуганная.

— Тамъ Богъ знаетъ что̀, Настасья Филипповна, человѣкъ десять ввалились, и всѣ хмѣльные-съ, сюда просятся, говорятъ, что Рогожинъ, и что вы сами знаете.

— Правда, Катя, впусти ихъ всѣхъ тотчасъ-же.

— Неужто... всѣхъ-съ, Настасья Филипповна? Совсѣмъ вѣдь безобразные. Страсть!

— Всѣхъ, всѣхъ впусти, Катя, не боясь, всѣхъ до одного, а то и безъ тебя войдутъ. Вотъ ужъ какъ шумятъ, точно давеча. Господа, вы, можетъ быть, обижаетесь, обратилась она къ гостямъ, —

что я такую компанію при васъ принимаю? Я очень сожалѣю и прощенія прошу, но такъ надо, а мнѣ очень, очень-бы желалось, чтобы вы всѣ согласились быть при этой развязкѣ моими свидѣтелями, хотя, впрочемъ, какъ вамъ угодно...

Гости продолжали изумляться, шептаться и переглядываться, но стало совершенно ясно, что все это было разсчитано и устроено заранѣе, и что Настасью Филипповну, — хоть она и конечно съ ума сошла, — теперь не собьешь. Всѣхъ мучило ужасно любопытство. Притомъ-же и путаться-то очень было некому.. Дамъ было только двѣ: Дарья Алексѣевна, барыня бойкая и видавшая всякіе виды, и которую трудно было сконфузить, и прекрасная, но молчаливая незнакомка. Но молчаливая незнакомка вряд-ли что и понять могла: это была пріѣзжая нѣмка и русскаго языка ничего не знала; кромѣ того, кажется, была столько-же глупа, сколько и прекрасна. Она была внове и уже принято было приглашать ее на извѣстные вечера, въ нынѣшнемъ костюмѣ, причесанную какъ на выставку, и сажать какъ прелестную картинку для того, чтобы скрасить вечеръ, — точно такъ, какъ иные добываютъ для своихъ вечеровъ у знакомыхъ, на одинъ разъ, картину, вазу, статую или экранъ. Что-же касается мужчинъ, то Птицынъ, напримѣръ, былъ пріятель съ Рогожинымъ. Фердыщенко былъ какъ рыба въ водѣ. Ганечка все еще въ себя придти не могъ, но хоть смутно, а неудержимо самъ ощущалъ горячечную потребность достоять до конца у своего позорнаго столба; старичокъ-учитель, мало понимавшій въ чемъ дѣло, чуть не плакалъ и буквально дрожалъ отъ страха, замѣтивъ какую-то необыкновенную тревогу кругомъ и въ Настасьѣ Филипповнѣ, которую обожалъ, какъ свою внучку; но онъ скорѣе-бы умеръ, чѣмъ ее въ такую минуту покинулъ. Что-же касается Аѳанасія Ивановича, то, конечно, онъ себя компрометтировать въ такихъ приключеніяхъ не могъ; но онъ слишкомъ былъ заинтересованъ въ дѣлѣ, хотя-бы и принимавшемъ такой сумасшедшій оборотъ; да и Настасья Филипповна выронила на его счетъ два-три словечка такихъ, что уѣхать никакъ нельзя было, не разъяснивъ окончательно дѣла. Онъ рѣшился досидѣть до конца и уже совершенно замолчать и оставаться лишь наблюдателемъ, что, конечно, и требовалось его достоинствомъ. Одинъ лишь генералъ Епанчинъ, только что сейчасъ предъ этимъ разобиженный такимъ безцеремоннымъ и смѣшнымъ возвратомъ ему подарка, конечно, еще болѣе могъ теперь обидѣться всѣми этими необыкновенными эксцентричностями или, напримѣръ, появленіемъ Рогожина; да и человѣкъ, какъ онъ, и безъ того уже слишкомъ снизошелъ, рѣшившись сѣсть рядомъ съ Птицынымъ и Фердыщенкомъ; но что могла сдѣлать сила страсти,

го могло быть, наконецъ, побѣждено чувствомъ обязанности, ощущеніемъ долга, чина и значенія и вообще уваженіемъ къ себѣ, такъ что Рогожинъ съ компаніей, во всякомъ случаѣ, въ присутствіи его превосходительства былъ невозможенъ.

Ахъ, генералъ, перебила его тотчасъ-же Настасья Филипповна, только что онъ обратился къ ней съ заявленіемъ, -я и забыла! Но будьте увѣрены, что о васъ я предвидѣла. Если ужъ вамъ такъ обидно, то я и не настаиваю и васъ не удерживаю, хотя-бы мнѣ очень желалось именно васъ при себѣ теперь видѣть Во всякомъ случаѣ, очень благодарю васъ за ваше знакомство и лестное вниманіе, но если вы боитесь...

— Позвольте, Настасья Филипповна, вскричалъ генералъ, въ припадкѣ рыцарскаго великодушія,—кому вы говорите? Да я изъ преданности одной останусь теперь подлѣ васъ, и если, напримѣръ, есть какая опасность... Къ тому-же я, признаюсь, любопытствую презрѣнно. Я только на счетъ того хотѣлъ, что они испортятъ ковры и, пожалуй, разобьютъ что нибудь... Да и не надо-бы ихъ совсѣмъ, по моему, Настасья Филипповна!

— Самъ Рогожинъ! провозгласилъ Фердыщенко.

— Какъ вы думаете, Аоанасій Ивановичъ, наскоро успѣли шепнуть ему генералъ: — не сошла-ли она съума? То есть, безъ аллегорій, а настоящимъ медицинскимъ манеромъ,—а?

— Я вамъ говорилъ, что она и всегда къ этому наклонна была, лукаво отвѣчалъ Аоанасій Ивановичъ.

— И къ тому-же лихорадка...

Компанія Рогожина была почти въ томъ-же самомъ составѣ, какъ и давеча утромъ: прибавился только какой-то безпутный старичишка, въ свое время бывшій редакторомъ какой-то забулдыжной обличительной газетки, и про котораго шелъ анекдотъ, что онъ заложилъ и пропилъ свои вставные на золотѣ зубы, и одинъ отставной подпоручикъ, рѣшительный соперникъ и конкурентъ, по ремеслу и по назначенію, утреннему господину съ кулаками и совершенно никому изъ Рогожинцевъ неизвѣстный, но подобранный на улицѣ, на солнечной сторонѣ Невскаго проспекта, гдѣ онъ останавливалъ прохожихъ и слогомъ Марлинскаго просилъ вспомоществія, подъ коварнымъ предлогомъ, что онъ самъ по пятнадцати цѣлковыхъ давалъ въ свое время просителямъ. Оба конкурента тотчасъ-же отнеслись другъ къ другу враждебно. Давешній господинъ съ кулаками послѣ пріема въ компанію просителя счелъ себя даже обиженнымъ и, будучи молчаливъ отъ природы, только рычалъ иногда какъ медвѣдь и съ глубокимъ презрѣніемъ смотрѣлъ на заигрыванія и заигрыванія съ нимъ просителя, оказавшагося чело-

вѣкомъ свѣтскимъ и политичнымъ. Съ виду подпоручикъ обѣщалъ брать въ дѣлѣ болѣе ловкостью и изворотливостью чѣмъ силой, да и ростомъ былъ пониже кулачнаго господина. Деликатно, не вступая въ явный споръ, но ужасно хвастаясь, онъ нѣсколько разъ уже намекнулъ о преимуществахъ англійскаго бокса, однимъ словомъ, оказался чистѣйшимъ западникомъ. Кулачный господинъ при словѣ «боксъ» только презрительно и обидчиво улыбался, и съ своей стороны, не удостоивая соперника явнаго пренія, показывалъ иногда, молча, какъ-бы невзначай, или, лучше сказать, выдвигалъ иногда на видъ одну совершенно національную вещь — огромный кулакъ, жилистый, узловатый, обросшій какимъ-то рыжимъ пухомъ, и всѣмъ становилось ясно, что если эта глубоко-національная вещь опустится безъ промаху на предметъ, то дѣйствительно только мокренько станетъ.

Въ высшей степени готовыхъ опять-таки никого изъ нихъ не было, какъ и давеча, вслѣдствіе стараній самого Рогожина, имѣвшаго цѣлый день въ виду свой визитъ къ Настасьѣ Филипповнѣ. Самъ-же онъ почти совсѣмъ успѣлъ отрезвиться, но за то чуть не одурѣлъ отъ всѣхъ выпесенныхъ имъ впечатлѣній въ этотъ безобразный и ни на что не похожій день изъ всей его жизни. Одно только оставалось у него постоянно въ виду, въ памяти и въ сердцѣ, въ каждую минуту, въ каждое мгновеніе. Для этого *одного* онъ провелъ все время, съ пяти часовъ пополудни вплоть до одиннадцати, въ безконечной тоскѣ и тревогѣ, возясь съ Киндерами и Бискупами, которые тоже чуть съ ума не сошли, мечась какъ угорѣлые по его надобности. И однако всетаки сто тысячъ ходячими деньгами, о которыхъ мимолетно, насмѣшливо и совершенно неясно намекнула Настасья Филипповна, успѣли составиться, за проценты, о которыхъ даже самъ Бискупъ, изъ стыдливости, разговаривалъ съ Киндеромъ не вслухъ, а только шепотомъ.

Какъ и давеча, Рогожинъ выступалъ впереди всѣхъ, остальные подвигались за нимъ, хотя и съ полнымъ сознаніемъ своихъ преимуществъ, но всетаки нѣсколько труся. Главное, и Богъ знаетъ отчего, трусили они Настасьи Филипповны. Одни изъ нихъ даже думали, что всѣхъ ихъ немедленно спустятъ съ лѣстницы. Изъ думавшихъ такъ былъ между прочими щеголь и побѣдитель сердецъ, Залёжевъ. Но другіе, и преимущественно кулачный господинъ, хотя и не вслухъ, но въ сердцѣ своемъ, относились къ Настасьѣ Филипповнѣ съ глубочайшимъ презрѣніемъ, и даже съ ненавистью, и шли къ ней какъ на осаду. Но великолѣпное убранство первыхъ двухъ комнатъ, неслыханныя и невиданныя ими вещи, рѣдкая мебель, картины, огромная статуя Венеры, все это произвело на

ныхъ неотразимое впечатлѣніе почтенія и чуть-ли даже не страха. Это не помѣшало, конечно, имъ всѣмъ, мало по малу и съ нахальнымъ любопытствомъ, не смотря на страхъ, протѣсниться вслѣдъ за Рогожинымъ въ гостиную; но когда кулачный господинъ, проситель и нѣкоторые другіе замѣтили въ числѣ гостей генерала Епанчина, то въ первое мгновеніе до того были обезкуражены, что стали даже понемногу ретироваться обратно, въ другую комнату. Одинъ только Лебедевъ былъ изъ числа наиболѣе ободренныхъ и убѣжденныхъ, и выступалъ почти рядомъ съ Рогожинымъ, постигая, что въ самомъ дѣлѣ значитъ милліонъ четыреста тысячъ чистыми деньгами и сто тысячъ теперь, сейчасъ-же, въ рукахъ. Надо, впрочемъ, замѣтить, что всѣ они, не исключая даже знатока Лебедева, нѣсколько сбивались въ познаніи границъ и предѣловъ своего могущества, и въ самомъ-ли дѣлѣ имъ теперь все дозволено, или нѣтъ? Лебедевъ въ иныя минуты готовъ былъ поклясться, что все, но въ другія минуты ощущалъ безпокойную потребность припомнить про себя, на всякій случай, нѣкоторыя и преимущественно ободрительныя и успокоительныя статейки свода законовъ.

На самого Рогожина гостиная Настасьи Филипповны произвела обратное впечатлѣніе чѣмъ на всѣхъ его спутниковъ. Только что приподнялась портьера, и онъ увидалъ Настасью Филипповну,—все остальное перестало для него существовать, какъ и давеча утромъ, даже могущественнѣе чѣмъ давеча утромъ. Онъ побѣдѣлъ и на мгновеніе остановился: угадать можно было, что сердце его билось ужасно. Робко и потерянно смотрѣлъ онъ нѣсколько секундъ, не отводя глазъ, на Настасью Филипповну. Вдругъ какъ-бы потерявъ весь разсудокъ и чуть не шатаясь, подошелъ онъ къ столу; дорогой наткнулся на стулъ Птицына и наступилъ своими грязными сапожищами на кружевную отдѣлку великолѣпнаго голубаго платья молчаливой красавицы-нѣмки: не извинился и не замѣтилъ. Подойдя къ столу, онъ положилъ на него одинъ странный предметъ, съ которымъ и вступилъ въ гостиную, держа его предъ собой въ обѣихъ рукахъ. Это была большая пачка бумаги, вершка три въ высоту и вершка четыре въ длину, крѣпко и плотно завернутая въ *Биржевыя Вѣдомости* и обвязанная туго-на-туго со всѣхъ сторонъ и два раза на крестъ бичевкой, въ родъ тѣхъ, которыми обвязываютъ сахарныя головы. Затѣмъ сталъ, ни слова не говоря и опустивъ руки, какъ-бы ожидая своего приговора. Костюмъ его былъ совершенно давешній. Кромѣ совсѣмъ новаго шелковаго шарфа на шеѣ, ярко-зеленаго съ краснымъ, съ огромною брилліантовою булавкой, изображавшею жука, и массивнаго брилліантоваго перстня на грязномъ пальцѣ правой руки. Лебедевъ до стола не донесъ

шага на три: остальные, какъ сказано было, понемногу набирались въ гостиную. Катя и Паша, горничныя Настасьи Филипповны, тоже прибѣжали глядѣть изъ-за приподнятыхъ портьеръ, съ глубокимъ изумленіемъ и страхомъ.

— Что это такое? спросила Настасья Филипповна, пристально и любопытно оглядѣвъ Рогожина и указывая глазами на «предметъ».

— Сто тысячъ! отвѣтилъ тотъ почти шепотомъ.

— А сдержалъ таки слово, каковъ! Садитесь, пожалуйста, вотъ тутъ, вотъ на этотъ стулъ; я вамъ потомъ скажу что нибудь. Кто съ вами? Вся давешняя компанія? Ну, пусть войдутъ и сядутъ; вонъ тамъ на диванѣ можно, вотъ еще диванъ. Вотъ тамъ два кресла... что-же они не хотятъ, что-ли?

Дѣйствительно, нѣкоторые положительно сконфузились, отретировались и усѣлись ждать въ другой комнатѣ, но иные остались и разсѣлись по приглашенію, но только подальше отъ стола, больше по угламъ, одни все еще желая нѣсколько стушеваться, другіе тѣмъ дальше, тѣмъ больше и какъ-то неестественно быстро ободряясь. Рогожинъ усѣлся тоже на показанный ему стулъ, но сидѣлъ не долго; онъ скоро всталъ и уже больше не садился. Мало по малу онъ сталъ различать и оглядывать гостей. Увидѣвъ Ганю, онъ ядовито улыбнулся и прошепталъ про себя: «свинья!» На генерала и на Аѳанасія Ивановича онъ взглянулъ безъ смущенія и даже безъ особеннаго любопытства. Но когда замѣтилъ подлѣ Настасьи Филипповны князя, то долго не могъ оторваться отъ него, въ чрезвычайномъ удивленіи, и какъ-бы не въ силахъ дать себѣ въ этой встрѣчѣ отчетъ. Можно было подозрѣвать, что минутами онъ былъ въ настоящемъ бреду. Кромѣ всѣхъ потрясеній этого дня, онъ всю прошедшую ночь провелъ въ вагонѣ и уже почти двое сутокъ не спалъ.

— Это, господа, сто тысячъ, сказала Настасья Филипповна, обращаясь ко всѣмъ съ какимъ-то лихорадочно-нетерпѣливымъ вызовомъ, — вотъ въ этой грязной пачкѣ. Давеча вотъ онъ закричалъ какъ сумасшедшій, что привезетъ мнѣ вечеромъ сто тысячъ, и я все ждала его. Это онъ торговалъ меня: началъ съ восемнадцати тысячъ, потомъ вдругъ скакнулъ на сорокъ, а потомъ вотъ и эти сто. Сдержалъ-таки слово! Фу, какой онъ гадкій!.. Это давеча все у Ганечки было: я пріѣхала къ его маменькѣ съ визитомъ, въ мое будущее семейство, а тамъ его сестра крикнула мнѣ въ глаза: «Неужели эту безстыжую отсюда не выгонять!», а Ганечка, брату, въ лицо плюнула. Съ характеромъ дѣвушка!

— Настасья Филипповна! укоризненно произнесъ генералъ. Онъ началъ нѣсколько понимать дѣло, по своему.

— Что такое, генералъ? Не прилично что-ли? Да полно форсить-то! Что я въ театрѣ-то французскомъ, въ ложѣ, какъ неприступная добродѣтель безъотказная сидѣла, да всѣхъ, кто за мною гонялись пять лѣтъ, какъ дикая бѣгала, и какъ гордая невинность смотрѣла, такъ вѣдь это все дуру меня доѣхала! Вотъ, передъ вами-же, принесъ да положилъ сто тысячъ на столъ, послѣ пяти-то лѣтъ невинности, и ужь навѣрно у нихъ тамъ тройки стоятъ и меня ждутъ. Во сто тысячъ меня оцѣнилъ! Ганечка, я вижу, ты на меня до сихъ поръ еще сердишься? Да неужто ты меня въ свою семью ввести хотѣлъ? Меня-то, Рогожинскую! Князь-то что̀ сказалъ давеча?

— Я не то сказалъ, что вы Рогожинская. вы не Рогожинская! дрожащимъ голосомъ выговорилъ князь.

— Настасья Филипповна, полно, матушка. полно. голубушка, не стерпѣла вдругъ Дарья Алексѣевна. — ужь коли тебѣ такъ тяжело отъ нихъ стало, такъ что смотрѣть-то на нихъ! И неужели ты съ этакимъ отправиться хочешь, хоть и за сто-бы тысячъ! Правда, сто тысячъ, вишь вѣдь! А ты сто тысячъ-то возьми, а его прогони, вотъ какъ съ ними надо дѣлать: эхъ, я-бы на твоемъ мѣстѣ ихъ всѣхъ... что̀ въ самомъ-то дѣлѣ!

Дарья Алексѣевна даже въ гнѣвъ вошла. Это была женщина добрая и весьма впечатлительная.

— Не сердись, Дарья Алексѣевна, усмѣхнулась ей Настасья Филипповна, — вѣдь я ему не сердясь говорила. Попрекнула. что-ль, я его? Я и вирямъ понять не могу, какъ на меня эта дуръ напла, что я въ честную семью хотѣла войдти. Видѣла я его мать-то, руку у ней поцѣловала. А что я давеча издѣвалась у тебя, Ганечка, такъ это я нарочно хотѣла сама въ послѣдній разъ посмотрѣть: до чего ты самъ можешь дойдти? Ну, удивилъ-же ты меня. право. Многаго я ждала, а этого нѣтъ! Да неужто ты меня взять могъ. зная, что вотъ онъ мнѣ такой жемчугъ даритъ, чуть не наканунѣ твоей свадьбы, а я беру? А Рогожинъ-то? Вѣдь онъ въ твоемъ домѣ, при твоей матери и сестрѣ меня торговалъ, а ты вотъ вестаки послѣ того свататься пріѣхалъ, да чуть сестру не привезъ? Да неужто-же правду про тебя Рогожинъ сказалъ, что ты за три цѣлковыхъ на Васильевскій Островъ ползкомъ доползешь?

— Доползетъ, проговорилъ вдругъ Рогожинъ тихо. но съ видомъ величайшаго убѣжденія.

— И добро-бы ты съ голоду умиралъ. а ты вѣдь жалованье. говорятъ, хорошее получаешь! Да ко всему-то въ придачу, кромѣ позора-то, ненавистную жену ввести въ домъ! (потому что вѣдь ты меня ненавидишь, я это знаю!). Нѣтъ, теперь я вѣрю, что этакой

за деньги зарѣжетъ! Вѣдь теперь ихъ всѣхъ такая жажда обуяла, такъ ихъ разнимаетъ на деньги, что они словно одурѣли. Самъ ребенокъ, а ужь лѣзетъ въ ростовщики! А то намотаетъ на бритву шелку, закрѣпитъ, да тихонько сзади и зарѣжетъ пріятеля, какъ барана, какъ я читала недавно. Ну, безстыдникъ-же ты! Я безстыжая, а ты того хуже. Я про того буксгника ужь и не говорю...

— Вы-ли, вы-ли это, Настасья Филипповна! всплеснулъ руками генералъ въ истинной горести: — вы, такая деликатная, съ такими тонкими мыслями, и вотъ! Какой языкъ! Какой слогъ!

— Я теперь во хмѣлю, генералъ, засмѣялась вдругъ Настасья Филипповна, -я гулять хочу! Сегодня мой день, мой табельный день, мой высокосный день, я его давно поджидала. Дарья Алексѣевна, видишь ты вотъ этого буксгника, вотъ этого Monsieur aux camelias. вотъ онъ сидитъ, да смѣется на насъ...

— Я не смѣюсь, Настасья Филипповна, а только съ величайшимъ вниманіемъ слушаю, съ достоинствомъ отпарировалъ Тоцкій.

— Ну вотъ, за что я его мучила пѣлыя пять лѣтъ и отъ себя не отпускала? Стоилъ-ли того! Онъ просто таковъ, какимъ долженъ быть... Еще онъ меня виноватою предъ собой сочтетъ: воспитаніе вѣдь далъ, какъ графиню содержалъ, денегъ-то, денегъ-то сколько ушло, честнаго мужа мнѣ пріискалъ еще тамъ, а здѣсь Ганечку: и что-же-бъ ты думала: я съ нимъ эти пять лѣтъ не жила, а деньги-то съ него брала, и думала, что права! Совсѣмъ вѣдь я съ толку сбила себя! Ты вотъ говоришь, сто тысячъ возьми, да и прогони, коли мерзко. Оно правда, что мерзко... Я-бы и замужъ давно могла выйдти, да и не то что за Ганечку, да вѣдь очень ужь тоже мерзко. И за что я моихъ пять лѣтъ въ этой злобѣ потеряла! А вѣришь, или нѣтъ, я, года четыре тому назадъ, временемъ думала, не выйдти-ли мнѣ ужь и впрямь за моего Аѳанасія Ивановича? Я тогда это со злости думала: мало-ли что у меня тогда въ головѣ перебывало; а вѣдь, право, заставила-бъ! Самъ напрашивался, вѣришь или нѣтъ? Правда, онъ лгалъ, да вѣдь надолго ужь очень, выдержать не можетъ. Да потомъ, слава Богу, подумала: стоитъ онъ такой злости! И такъ мнѣ мерзко стало тогда вдругъ на него, что если-бъ и самъ присватался, не пошла-бы. И пѣлыя-то пять лѣтъ я такъ форсила! Нѣтъ, ужь лучше на улицу, гдѣ мнѣ и слѣдуетъ быть! Или разгуляться съ Рогожинымъ, или завтра-же въ прачки пойдти! Потому вѣдь на мнѣ ничего своего: уйду—все ему брошу, послѣднюю тряпку оставлю, а безъ всего меня кто возьметъ, спроси-ка вотъ Ганю, возьметъ-ли? Да меня и Фердыщенко не возьметъ!..

— Фердыщенко, можетъ быть, не возьметъ, Настасья Филип-

новна, я человѣкъ откровенный, перебилъ Фердыщенко. — За то князь возьметъ! Вы вотъ сидите да плачетесь, а вы взгляните-ка на князя, я ужъ давно наблюдаю...

Настасья Филипповна съ любопытствомъ обернулась къ князю.

— Правда? спросила она.

— Правда, прошепталъ князь.

— Возьмете какъ есть, безъ ничего?

— Возьму, Настасья Филипповна...

— Вотъ и новый анекдотъ! пробормоталъ генералъ. -Ожидать было можно!

Князь скорбнымъ, строгимъ и проницающимъ взглядомъ смотрѣлъ въ лицо продолжавшей его оглядывать Настасьи Филипповны.

Вотъ еще нашелся! сказала она вдругъ, обращаясь опять къ Царь Алексѣевичъ; — а вѣдь вѣримъ отъ добраго сердца, я его знаю. Благодѣтеля нашла! А впрочемъ, правду, можетъ, про него говорятъ, что... *того*. Чѣмъ жить-то бѣдненькой, коли ужъ такъ влюбленъ, что Рогожинскую берешь, за себя-то, за князя-то?..

— Я васъ честную беру, Настасья Филипповна, а не Рогожинскую, сказалъ князь.

— Это я-то честная?

— Вы.

— Ну, это тамъ... изъ романовъ! Это, князь-голубчикъ, старыя бредни, а нынче свѣтъ поумнѣлъ, и все это вздоръ! Да и куда тебѣ жениться, за тобой за самимъ еще няньку нужно!

Князь всталъ и дрожащимъ, робкимъ голосомъ, но въ тоже время съ видомъ глубоко убѣжденнаго человѣка произнесъ:

— Я ничего не знаю, Настасья Филипповна, я ничего не видѣлъ, вы правы, но я... я скажу, что вы мнѣ, а не я сдѣлаю честь. Я ничто, а вы страдали и изъ такого ада чистая вышли, а это много. Къ чему-же вы стыдитесь, да съ Рогожинымъ ѣхать хотите? Это лихорадка... Вы господину Тоцкому семьдесятъ тысячъ отдали и говорите, что все что здѣсь есть, все бросите, этого никто здѣсь не сдѣлаетъ. Я васъ... Настасья Филипповна... люблю. Я умру за васъ. Настасья Филипповна. Я никому не позволю про васъ слова сказать, Настасья Филипповна... Если мы будемъ бѣдны, я работать буду, Настасья Филипповна...

При послѣднихъ словахъ послышалось хихиканье Фердыщенка, Лебедева, и даже генералъ про себя какъ-то крякнулъ съ большимъ неудовольствіемъ. Птицынъ и Тоцкій не могли не улыбнуться, но сдержались. Остальные просто разинули рты отъ удивленія.

— ...Но мы, можетъ быть, будемъ не бѣдны, а очень богаты, Настасья Филипповна, продолжалъ князь тѣмъ-же робкимъ голо-

сомъ.—Я, впрочемъ, не знаю навѣрно, и жаль, что до сихъ поръ еще узнать ничего не могъ въ цѣлый день, но я получилъ въ Швейцаріи письмо изъ Москвы, отъ одного господина Салазкина, и онъ меня увѣдомляетъ, что я будто-бы могу получить очень большое наслѣдство. Вотъ это письмо...

Князь дѣйствительно вынулъ изъ кармана письмо.

— Да онъ ужъ не бредитъ-ли? пробормоталъ генералъ: — сумасшедшій домъ настоящій!

На мгновеніе послѣдовало нѣкоторое молчаніе.

— Вы, кажется, сказали, князь, что письмо къ вамъ отъ Салазкина? спросилъ Птицынъ: — это очень извѣстный въ своемъ кругу человѣкъ: это очень извѣстный ходокъ по дѣламъ, и если дѣйствительно онъ васъ увѣдомляетъ, то вполнѣ можете вѣрить. Къ счастію, я руку знаю, потому что недавно дѣло имѣлъ... Если-бы вы дали мнѣ взглянуть, можетъ быть, могъ-бы вамъ что нибудь и сказать.

Князь, молча, дрожащею рукой протянулъ ему письмо.

— Да что такое, что такое? спохватился генералъ, смотря на всѣхъ какъ полоумный: — да неужто наслѣдство?

Всѣ устремили взгляды на Птицына, читавшаго письмо. Общее любопытство получило новый и чрезвычайный толчокъ. Фердыщенку не сидѣлось. Рогожинъ смотрѣлъ въ недоумѣніи и въ ужасномъ безпокойствѣ переводилъ взгляды то на князя, то на Птицына. Дарья Алексѣевна въ ожиданіи была какъ на иголкахъ. Даже Лебедевъ не утерпѣлъ, вышелъ изъ своего угла, и, согнувшись въ три погибели, сталъ заглядывать въ письмо чрезъ плечо Птицына, съ видомъ человѣка, опасающагося, что ему сейчасъ дадутъ за это колотушку.

XVI.

Вное дѣло, объявилъ, наконецъ, Птицынъ, складывая письмо и передавая его князю. — Вы получаете безо всякихъ хлопотъ, по неоспоримому духовному завѣщанію вашей тетки, чрезвычайно большой капиталъ.

— Быть не можетъ! воскликнулъ генералъ, точно выстрѣлилъ.

Всѣ опять разинули рты.

Птицынъ объяснилъ, обращаясь преимущественно къ Ивану Ѳедоровичу, что у князя пять мѣсяцевъ тому назадъ умерла тетка, которой онъ никогда не зналъ лично, родная и старшая сестра ма-

тери князя, дочь московскаго купца третьей гильдіи, Папушина, умершаго въ бѣдности и въ банкротствѣ. Но старшій, родной братъ этого Папушина, недавно также умершій, былъ извѣстный богатый купецъ. Съ годъ тому назадъ у него умерли почти въ одинъ и тотъ-же мѣсяцъ два его единственные сына. Это такъ его поразило, что старикъ недолго спустя самъ заболѣлъ и умеръ. Онъ былъ вдовъ, совершенно никого наслѣдниковъ, кромѣ тетки князя, родной племянницы Папушина, весьма бѣдной женщины и проживавшей въ чужомъ домѣ. Во время полученія наслѣдства эта тетка уже почти умирала отъ водяной, но тотчасъ-же стала разыскивать князя, поручивъ это Салазкину, и успѣла сдѣлать завѣщаніе. Повидимому, ни князь, ни докторъ, у котораго онъ жилъ въ Швейцаріи, не захотѣли ждать оффиціальныхъ увѣдомленій или дѣлать справки, а князь, съ письмомъ Салазкина въ карманѣ, рѣшился отправиться самъ...

— Одно только могу вамъ сказать, заключилъ Птицынъ, обращаясь къ князю,—что все это должно быть безспорно и право. и все, что пишетъ вамъ Салазкинъ о безспорности и законности вашего дѣла, можете принять какъ за чистыя деньги въ карманъ. Поздравляю васъ, князь! Можетъ быть, тоже милліона полтора получите, а, пожалуй, что и больше. Папушинъ былъ очень богатый купецъ.

— Ай да послѣдній въ родѣ князь Мышкинъ! завопилъ Фердыщенко.

— Ура! пьянымъ голосомъ прохрипѣлъ Лебедевъ.

— А я-то ему давеча двадцать пять цѣлковыхъ ссудилъ бѣднякъ, ха-ха-ха! Фантасмагорія, да и только! почти ошеломленный отъ изумленія, проговорилъ генералъ: — ну, поздравляю, поздравляю! — и, вставъ съ мѣста, подошелъ къ князю обнять его. За нимъ стали вставать и другіе, и тоже полѣзли къ князю. Даже отретпровавшіеся за портьеру стали появляться въ гостиной. Пошелъ смутный говоръ, восклицанія, раздались даже требованія шампанскаго; все затолкалось, засуетилось. На мгновеніе чуть не позабыли Настасью Филипповну и что все-таки она хозяйка своего вечера. Но мало по малу всѣмъ почти разомъ представилась идея, что князь только-что сдѣлалъ ей предложеніе. Дѣло, стало быть, представлялось еще втрое болѣе сумасшедшимъ и необыкновеннымъ, чѣмъ прежде. Глубоко изумленный Тоцкій пожималъ плечами: почти только онъ одинъ и сидѣлъ, остальная толпа вся въ безпорядкѣ тѣснилась вокругъ стола. Всѣ утверждали потомъ, что съ этого-то мгновенія Настасья Филипповна и помѣшалась. Она продолжала сидѣть и нѣкоторое время оглядывала всѣхъ страннымъ, удивленнымъ

какимъ-то взглядомъ, какъ-бы не понимая и силясь сообразить. Потомъ она вдругъ обратилась къ князю, и, грозно нахмуривъ брови, пристально его разглядывала; но это было на мгновеніе: можетъ быть, ей вдругъ показалось, что все это шутка, насмѣшка; но видъ князя тотчасъ ее разувѣрилъ. Она задумалась, опять потомъ улыбнулась, какъ-бы не сознавая ясно чему...

— Значитъ, въ самомъ дѣлѣ княгиня! прошептала она про себя какъ-бы насмѣшливо, и, взглянувъ нечаянно на Дарью Алексѣевну, засмѣялась.—Развязка неожиданная... я... не такъ ожидала... Да что-же вы, господа, стоите, сдѣлайте одолженіе, садитесь, поздравьте меня съ княземъ! Кто-то, кажется, просилъ шампанскаго; Фердыщенко, сходите, прикажите. Катя, Паша, увидала она вдругъ въ дверяхъ своихъ дѣвушекъ,—подите сюда, я замужъ выхожу, слышали? За князя, у него полтора милліона, онъ князь Мышкинъ и меня беретъ!

— Да и съ Богомъ, матушка, пора! Нечего пропускать-то! крикнула Дарья Алексѣевна, глубоко потрясенная происшедшимъ.

— Да садись-же подлѣ меня, князь, продолжала Настасья Филипповна, — вотъ такъ, а вотъ и вино несутъ, поздравьте-же, господа!

Ура! крикнуло множество голосовъ. Многіе затѣснились къ винѣ, въ томъ числѣ были почти всѣ Рогожинцы. Но хоть они и кричали, и готовы были кричать, но многіе изъ нихъ, не смотря на всю странность обстоятельствъ и обстановки, почувствовали, что декорація перемѣняется. Другіе были въ смущеніи и ждали недовѣрчиво. А многіе шептали другъ другу, что вѣдь дѣло это самое обыкновенное, что мало-ли на комъ князья женятся, и цыганокъ изъ таборовъ берутъ. Самъ Рогожинъ стоялъ и глядѣлъ, искрививъ лицо въ неподвижную, недоумѣвающую улыбку.

— Князь, голубчикъ, опомнись! съ ужасомъ шепнулъ генералъ, подойдя съ боку и дергая князя за рукавъ.

Настасья Филипповна замѣтила и захохотала.

— Нѣтъ, генералъ! Я теперь и сама княгиня. слышали,— князь меня въ обиду не дастъ! Аоанасій Ивановичъ, поздравьте вы-то меня: я теперь съ вашею женою вездѣ рядомъ сяду: какъ вы думаете, выгодно такого мужа имѣть? Полтора милліона, да еще князь, да еще, говорятъ, идіотъ въ придачу, чего лучше? Только теперь и начнется настоящая жизнь! Опоздалъ, Рогожинъ! Убирай свою пачку, я за князя замужъ выхожу и сама богаче тебя!

Но Рогожинъ постигъ въ чемъ дѣло. Невыразимое страданіе отпечатлѣлось въ лицѣ его. Онъ всплеснулъ руками, и стонъ вырвался изъ его груди.

— Отступись! прокричалъ онъ князю.

Кругомъ засмѣялись.

— Это для тебя отступиться-то? торжествуя подхватила Дарья Алексѣевна:—нишь, деньги вывалилъ на столъ, мужикъ! Князь-то замужъ беретъ, а ты безобразничать явился!

— И я беру! Сейчасъ беру, сію минуту! Все отдамъ...

— Нишь, пьяный изъ кабака, выгнать тебя надо! въ негодованіи повторила Дарья Алексѣевна.

Смѣхъ пошелъ пуще.

— Слышишь, князь, обратилась къ нему Настасья Филипповна, — вотъ какъ твою невѣсту мужикъ торгуетъ.

— Онъ пьянъ, сказалъ князь.—Онъ васъ очень любитъ.

— А не стыдно тебѣ потомъ будетъ, что твоя невѣста чуть съ Рогожинымъ не уѣхала?

— Это вы въ лихорадкѣ были: вы и теперь въ лихорадкѣ, какъ въ бреду.

— И не постыдишься, когда потомъ тебѣ скажутъ, что твоя жена у Тоцкаго въ содержанкахъ жила?

— Нѣтъ, не постыжусь... Вы не по своей волѣ у Тоцкаго были.

— И никогда не попрекнешь?

— Не попрекну.

— Ну, смотри, за всю жизнь не ручайся!

— Настасья Филипповна, сказалъ князь, тихо и какъ-бы съ состраданіемъ,—я вамъ давеча говорилъ, что за честь приму ваше согласіе, и что вы мнѣ честь дѣлаете, а не я вамъ. Вы на эти слова усмѣхнулись, и кругомъ, я слышалъ, тоже смѣялись. Я, можетъ быть, смѣшно очень выразился и былъ самъ смѣшонъ, но мнѣ все казалось, что я... понимаю въ чемъ честь и увѣренъ, что я правду сказалъ. Вы сейчасъ загубить себя хотѣли, безвозвратно, потому что вы никогда не простили-бы себѣ потомъ этого, а вы ни въ чемъ не виноваты. Быть не можетъ, чтобы ваша жизнь совсѣмъ уже погибла. Что-жъ такое, что къ вамъ Рогожинъ пришелъ, а Гаврила Ардаліоновичъ васъ обмануть хотѣлъ? Зачѣмъ вы безпрестанно про это упоминаете? То, что вы сдѣлали, на то не многіе способны, это я вамъ повторяю, а что вы съ Рогожинымъ ѣхать хотѣли, то это вы въ болѣзненномъ припадкѣ рѣшили. Вы и теперь въ припадкѣ, и лучше бы вамъ идти въ постель. Вы завтра-же въ прачки-бы пошли, а не остались-бы съ Рогожинымъ. Вы горды, Настасья Филипповна, но, можетъ быть, вы уже до того несчастны, что и дѣйствительно виновною себя считаете. За вами нужно много ходить, Настасья Филипповна. Я буду ходить за вами. Я давеча

вашъ портретъ увидалъ, и точно я знакомое лицо узналъ. Мнѣ тотчасъ показалось, что вы какъ будто уже звали меня... Я... я васъ буду всю жизнь уважать, Настасья Филипповна, заключилъ вдругъ князь, какъ-бы вдругъ опомнившись, покраснѣвъ и сообразивъ предъ какими людьми онъ это говоритъ.

Птицынъ такъ даже отъ цѣломудрія наклонилъ голову и смотрѣлъ въ землю. Тоцкій про себя подумалъ: идіотъ, а знаетъ, что лестью всего лучше возьмешь: натура! Князь замѣтилъ тоже изъ угла сверкающій взглядъ Гани, которымъ тотъ какъ-бы хотѣлъ испепелить его.

— Вотъ такъ добрый человѣкъ! провозгласила умилившаяся Дарья Алексѣевна.

— Человѣкъ образованный, но погибшій! вполголоса прошепталъ генералъ.

Тоцкій взялъ шляпу и приготовился встать, чтобы тихонько скрыться. Онъ и генералъ переглянулись, чтобы выйдти вмѣстѣ.

— Спасибо, князь, со мной такъ никто не говорилъ до сихъ поръ, проговорила Настасья Филипповна, — меня все торговали, а замужъ никто еще не сваталъ изъ порядочныхъ людей. Слышали, Аѳанасій Иванычъ? Какъ вамъ покажется все, что̀ князь говорилъ? Вѣдь почти-что неприлично... Рогожинъ! Ты погоди уходить-то. Да ты и не уйдешь, я вижу. Можетъ, я еще съ тобой отправлюсь. Ты куда везти-то хотѣлъ?

— Въ Екатерингофъ, отрапортовалъ изъ угла Лебедевъ, а Рогожинъ только вздрогнулъ и смотрѣлъ во всѣ глаза, какъ-бы не вѣря себѣ. Онъ совсѣмъ отупѣлъ, точно отъ ужаснаго удара по головѣ.

— Да что̀ ты, что̀ ты, матушка! Подлинно припадки находятъ: съ ума, что-ли, сошла? вскинулась испуганная Дарья Алексѣевна.

— А ты и впрямь думала? хохоча вскочила съ дивана Настасья Филипповна:—этакого-то младенца сгубить? Да это Аѳанасію Иванычу въ ту-жь пору: это онъ младенцевъ любитъ! Ѣдемъ, Рогожинъ! Готовь свою пачку! Ничего, что жениться хочешь, а деньги-то всетаки давай. Я за тебя-то еще и не пойду, можетъ быть. Ты думалъ, что самъ жениться хотѣлъ, такъ пачка у тебя и останется? Врешь! Я сама безстыдница! Я Тоцкаго наложницей была... Князь! Тебѣ теперь надо Аглаю Епанчину, а не Настасью Филипповну, а то что̀ — Фердыщенко-то пальцами будетъ указывать! Ты не боишься, да я буду бояться, что тебя загубила, да что потомъ попрекнешь! А что ты объявляешь, что я честь тебѣ сдѣлаю, такъ про то Тоцкій знаетъ. А Аглаю-то Епанчину ты

Ганечка, просмотрѣлъ; зналъ-ли ты это? Не торговался-бы ты съ ней, она непремѣнно-бы за тебя вышла! Вотъ такъ-то вы всѣ: или съ безчестными, или съ честными женщинами знаться,—одинъ выборъ! А то непремѣнно спутаешься... Шшь, генералъ-то смотритъ, ротъ раскрылъ...

— Это Содомъ, Содомъ! повторялъ генералъ, вскидывая плечами. Онъ тоже всталъ съ дивана; всѣ опять были на ногахъ. Настасья Филипповна была какъ-бы въ изступленіи.

— Неужели! простоналъ князь, ломая руки.

— А ты думалъ, нѣтъ? Я, можетъ быть, и сама гордая, нужды нѣтъ, что безстыдница! Ты меня совершенствомъ давеча называлъ; хорошо совершенство, что изъ одной похвальбы, что милліонъ и княжество растоптала, въ трущобу идетъ! Ну какая я тебѣ жена послѣ этого? Аоанасій Иванычъ, а вѣдь милліонъ-то я и въ самомъ дѣлѣ въ окно выбросила! Какъ-же вы думали, что я за Ганечку, да за ваши семьдесятъ пять тысячъ за счастье выйдти сочту? Семьдесятъ пять тысячъ ты возьми себѣ, Аоанасій Иванычъ (и до ста-то не дошелъ, Рогожинъ перещеголялъ!), а Ганечку я утѣшу сама, мнѣ мысль пришла. А теперь я гулять хочу, я вѣдь уличная! Я десять лѣтъ въ тюрьмѣ просидѣла, теперь мое счастье! Что-же ты, Рогожинъ? Собирайся, ѣдемъ!

— Ѣдемъ! заревѣлъ Рогожинъ, чуть не въ изступленіи отъ радости:—эй вы... кругомъ... вина! Ухъ!..

— Припасай вина, я нынь буду. А музыка будетъ?

— Будетъ, будетъ! Не подходи! завопилъ Рогожинъ въ изступленіи, увидя, что Дарья Алексѣевна подходитъ къ Настасьѣ Филипповнѣ.—Моя! Все мое! Королева! Конецъ!

Онъ отъ радости задыхался: онъ ходилъ вокругъ Настасьи Филипповны и кричалъ на всѣхъ: «не подходи!» Вся компанія уже набилась въ гостиную. Одни пили, другіе кричали и хохотали, всѣ были въ самомъ возбужденномъ и непринужденномъ состояніи духа. Фердыщенко начиналъ пробовать къ нимъ пристроиться. Генералъ и Тоцкій сдѣлали опять движеніе поскорѣе скрыться. Ганя тоже былъ со шляпой въ рукѣ, но онъ стоялъ молча и все еще какъ-бы оторваться не могъ отъ развивавшейся передъ нимъ картины.

— Не подходи! кричалъ Рогожинъ.

— Да что ты орешь-то! хохотала на него Настасья Филипповна;—я еще у себя хозяйка; захочу, еще тебя въ толчки выгоню. Я не взяла еще съ тебя денегъ-то, вонъ онѣ лежатъ; давай ихъ сюда, всю пачку! Это въ этой-то пачкѣ сто тысячъ. Фу, какая мерзость! Что ты, Дарья Алексѣевна? Да неужто-же мнѣ его загубить было? (Она показала на князя). Гдѣ ему жениться, ему

самому еще няньку надо: вонъ генералъ и будетъ у него въ нянькахъ,—ишь за нимъ увивается! Смотри, князь, твоя невѣста деньги взяла, потому что она распутная, а ты ее брать хотѣлъ! Да что ты плачешь-то? Горько, что-ли? А ты смѣйся, по моему (продолжала Настасья Филипповна, у которой у самой засверкали двѣ крупныя слезы на щекахъ). Времени вѣрь—все пройдетъ! Лучше теперь одуматься, чѣмъ потомъ... Да что вы всѣ плачете—вотъ и Катя плачетъ! Чего ты, Катя, милая? Я вамъ съ Пашей много оставляю, уже распорядилась, а теперь прощайте! Я тебя, честную дѣвушку, за собой за распутной ухаживать заставляла... Этакъ-то лучше, князь, право лучше, потомъ презирать меня сталъ-бы, и не было-бы намъ счастья! Не клянись, не вѣрю! Да и какъ глупо-то было-бы!.. Нѣтъ, лучше простимся по доброму, а то вѣдь я и сама мечтательница, проку-бы не было! Развѣ я сама о тебѣ не мечтала? Это ты правъ, давно мечтала, еще въ деревнѣ у него, пять лѣтъ прожила одна-одинехонька: думаешь-думаешь, бывало-то, мечтаешь-мечтаешь,—и вотъ все такого какъ ты воображала, добраго, честнаго, хорошаго и такого-же глупенькаго, что вдругъ придетъ, да и скажетъ: Вы не виноваты, Настасья Филипповна, а я васъ обожаю!» Да такъ бывало размечтаешься, что съ ума сойдешь... А тутъ пріѣдетъ вотъ этотъ: мѣсяца по два гостилъ въ году, опозоритъ, разобидитъ, распалитъ, развратитъ, уѣдетъ,—такъ тысячу разъ въ прудъ хотѣла кинуться, да подла была, души не хватало, ну, а теперь... Рогожинъ, готовъ?

— Готово! Не подходи!

— Готово! раздалось нѣсколько голосовъ.

— Тройки ждутъ съ колокольчиками!

Настасья Филипповна схватила въ руки пачку.

— Ганька, ко мнѣ мысль пришла: я тебя вознаградить хочу, потому за что-же тебѣ все-то терять? Рогожинъ, доползетъ онъ на Васильевскій за три цѣлковыхъ?

— Доползетъ!

— Ну, такъ слушай-же, Ганя, я хочу на твою душу въ послѣдній разъ посмотрѣть: ты меня самъ цѣлые три мѣсяца мучилъ: теперь мой чередъ. Видишь ты эту пачку, въ ней сто тысячъ! Вотъ я ее сейчасъ брошу въ каминъ, въ огонь, вотъ при всѣхъ, всѣ свидѣтели! Какъ только огонь обхватитъ ее всю, —полѣзай въ каминъ, но только безъ перчатокъ, съ голыми руками, и рукава отверни, и тащи пачку изъ огня! Вытащишь—твоя, всѣ сто тысячъ твои! Канельку только пальчики обожжешь, — да вѣдь сто тысячъ, подумай! Долго-ли выхватить! А я на душу твою полюбуюсь, какъ ты за моими деньгами въ огонь полѣзешь. Всѣ сви-

дѣтей, что пачка будетъ твоя! А не полѣзешь, такъ и сгоритъ; никого не пущу. Прочь! Всѣ прочь! Мои деньги! Я ихъ за ночь у Рогожина взяла. Мои-ли деньги, Рогожинъ?

— Твои, радость! Твои, королева!

— Ну, такъ всѣ прочь, что хочу, то и дѣлаю! Не мѣшать! Фердыщенко, поправьте огонь!

— Настасья Филипповна, руки не подымаются! отвѣчалъ опе-ломленный Фердыщенко.

— Э-эхъ! крикнула Настасья Филипповна, схватила каминные щипцы, разгребла два тлѣвшія полѣна, и чуть только вспыхнулъ огонь, бросила на него пачку.

Крикъ раздался кругомъ: многіе даже перекрестились.

— Съ ума сошла, съ ума сошла! кричали кругомъ.

— Не... не... связать-ли намъ ее? шепнулъ генералъ Птицыну: — или не послать-ли... Съ ума вѣдь сошла, вѣдь сошла? Сошла?

— Н-нѣтъ, это, можетъ быть, не совсѣмъ сумасшествіе, прошепталъ блѣдный какъ платокъ и дрожащій Птицынъ, не въ силахъ отвести глазъ своихъ отъ затлѣвшейся пачки.

— Сумасшедшая? Вѣдь сумасшедшая? приставалъ генералъ къ Тоцкому.

— Я вамъ говорилъ, что *колоритная* женщина, пробормоталъ тоже отчасти побѣдившій Аѳанасій Ивановичъ.

— Но вѣдь, однако-жъ, сто тысячъ!..

Господи, Господи! раздавалось кругомъ. Всѣ затѣснились вокругъ камина, всѣ лѣзли смотрѣть, всѣ вскочили... Иные даже вскочили на стулья, чтобы смотрѣть черезъ головы. Дарья Алексѣевна выскочила въ другую комнату и въ страхѣ шепталась о чемъ-то съ Катей и съ Нашей. Красавица-нѣмка убѣжала.

— Матушка! Королевна! Всемогущая! вопилъ Лебедевъ, ползая на колѣнкахъ предъ Настасьей Филипповной и простирая руки къ камину:—сто тысячъ! Сто тысячъ! Самъ видѣлъ, при мнѣ упаковывали! Матушка! Милостивая! Повели мнѣ въ каминъ: всю лѣзу, всю голову свою сѣдую въ огонь влезу!.. Больная жена безъ ногъ, тринадцать человѣкъ дѣтей—все сироты, отца схоронилъ на прошлой недѣлѣ, голодный сидитъ, Настасья Филипповна! и, провопивъ, онъ поползъ было въ каминъ.

— Прочь! закричала Настасья Филипповна, отталкивая его:— разступитесь всѣ! Ганя, чего-же ты стоишь? Не стыдись! Полѣзай! Твое счастье!

Но Ганя уже слишкомъ много вынесъ въ этотъ день и въ этотъ вечеръ, и къ этому послѣднему нескиданному испытанію

былъ не приготовленъ. Толпа разступилась предъ ними на двѣ половины, и онъ остался глазъ на глазъ съ Настасьей Филипповной, въ трехъ шагахъ отъ нея разстоянія. Она стояла у самаго камина и ждала, не спуская съ него огненнаго, пристальнаго взгляда. Ганя, во фракѣ, со шляпой въ рукѣ и съ перчатками, стоялъ передъ нею молча и безотвѣтно, скрестивъ руки и смотря на огонь. Безумная улыбка бродила на его блѣдномъ какъ платокъ лицѣ. Правда, онъ не могъ отвести глазъ отъ огня, отъ затлѣвшейся пачки: но, казалось, что-то новое взошло ему въ душу: какъ будто онъ поклялся выдержать пытку; онъ не двигался съ мѣста: черезъ нѣсколько мгновеній всѣмъ стало ясно, что онъ не пойдетъ за пачкой, не хочетъ идти.

— Эй сгорятъ, тебя-же застыдятъ, кричала ему Настасья Филипповна,—вѣдь послѣ повѣсишься, я не шучу!

Огонь, вспыхнувшій вначалѣ между двумя дотлѣвавшими головнями, сперва было потухъ, когда упала на него и придавила его пачка. Но маленькое, синее пламя еще вылилось снизу за одинъ уголъ нижней головешки. Наконецъ тонкій, длинный язычокъ огня лизнулъ и пачку, огонь прицѣпился и побѣжалъ вверхъ по бумагѣ по угламъ, и вдругъ вся пачка вспыхнула въ каминѣ, и яркое пламя рванулось вверхъ. Всѣ ахнули.

— Матушка! все еще вопилъ Лебедевъ, опять порываясь впередъ, но Рогожинъ оттащилъ и оттолкнулъ его снова.

Самъ Рогожинъ весь обратился въ одинъ неподвижный взглядъ. Онъ оторваться не могъ отъ Настасьи Филипповны, онъ упивался, онъ былъ на седьмомъ небѣ.

— Вотъ это такъ королева! повторялъ онъ поминутно, обращаясь кругомъ къ кому ни попало: — вотъ это такъ по нашему! вскрикивалъ онъ не помня себя. — Ну кто изъ васъ, мазурики, такую штуку сдѣлаетъ—а?

Князь наблюдалъ грустно и молча.

— Я зубами выхвачу за одну только тысячу! предложилъ было Фердыщенко.

— Зубами-то и я-бы съумѣлъ! проскрежеталъ кулачный господинъ сзади всѣхъ въ припадкѣ рѣшительнаго отчаянія.—Ч-чортъ возьми! Горитъ, все сгоритъ! вскричалъ онъ, увидѣвъ пламя.

— Горитъ, горитъ! кричали всѣ въ одинъ голосъ, почти всѣ тоже порываясь къ камину.

— Ганя, не ломайся, въ послѣдній разъ говорю!

— Полѣзай! заревѣлъ Фердыщенко, бросаясь къ Ганѣ въ рѣшительномъ исступленіи и дергая его за рукавъ: — полѣзай, фанфаронишка! Сгоритъ! О пр-р-роклятый!

Ганя съ силой оттолкнулъ Фердыщенка, повернулся и пошелъ къ дверямъ: но, не сдѣлавъ и двухъ шаговъ, зашатался и грохнулся объ полъ.

— Обморокъ! закричали кругомъ.

— Матушка, сгорятъ! вопилъ Лебедевъ.

— Даромъ сгорятъ! ревѣли со всѣхъ сторонъ.

— Катя, Паша, воды ему, спирту! крикнула Настасья Филипповна, схватила каминные щипцы и выхватила пачку. Вся почти наружная бумага обгорѣла и тлѣла, но тотчасъ-же было видно, что внутренность была не тронута. Пачка была обвернута въ тройной газетный листъ, и деньги были цѣлы. Всѣ вздохнули свободнѣе.

— Развѣ только тысчоночка какая нибудь поиспортилась, а остальныя всѣ цѣлы, съ умиленіемъ выговорилъ Лебедевъ.

— Всѣ его! Вся пачка его! Слышите, господа! провозгласила Настасья Филипповна, кладя пачку возлѣ Гани, — а не пошелъ-таки, выдержалъ! Значитъ, самолюбія еще больше чѣмъ жажды денегъ. Ничего, очнется! А то-бы зарѣзалъ, пожалуй... вонъ ужъ и приходитъ въ себя. Генералъ, Иванъ Петровичъ, Дарья Алексѣевна, Катя, Паша. Рогожинъ, слышали? Пачка его. Ганина. Я отдаю ему въ полную собственность, въ вознагражденіе... ну, тамъ, чего-бы то ни было! Скажите ему. Пусть тутъ подлѣ него и лежитъ... Рогожинъ, маринъ! Прощай, князь, въ первый разъ человѣка видѣла! Прощайте, Аоанасій Ивановичъ, merci!

Вся Рогожинская ватага съ шумомъ, съ громомъ, съ криками пронеслась по комнатамъ къ выходу, вслѣдъ за Рогожинымъ и Настасьей Филипповной. Въ залъ дѣвушки подали ей шубу: кухарка Марфа прибѣжала изъ кухни. Настасья Филипповна всѣхъ ихъ перецѣловала.

— Да неужто, матушка, вы насъ совсѣмъ покидаете? Да куда-же вы пойдете? И еще въ день рожденія, въ такой день! спрашивали расплакавшіяся дѣвушки, цѣлуя у нея руки.

— На улицу пойду, Катя, ты слышала, тамъ мнѣ и мѣсто, а не то въ прачки! Довольно съ Аоанасіемъ Ивановичемъ! Кланяйтесь ему отъ меня, а меня не поминайте лихомъ...

Князь стремглавъ бросился къ подъѣзду, гдѣ всѣ разсаживались на четырехъ тройкахъ съ колокольчиками. Генералъ успѣлъ догнать его еще на лѣстницѣ.

— Помилуй, князь, опомнись! говорилъ онъ, хватая его за руку: — брось! Видишь, какая она! Какъ отецъ говорю...

Князь поглядѣлъ на него, но, не сказавъ ни слова, вырвался и побѣжалъ внизъ.

У подъѣзда, отъ котораго только-что откатили тройки, генералъ

разглядѣлъ, что князь схватилъ перваго извощика и крикнулъ ему «въ Екатерингофъ, вслѣдъ за тройками». Затѣмъ подкатилъ генеральскій сѣренькій рысачокъ и увлекъ генерала домой, съ новыми надеждами и разсчетами, и съ давешнимъ жемчугомъ, который генералъ вестаки не забылъ взять съ собой. Между разсчетами мелькнулъ ему раза два и соблазнительный образъ Настасьи Филипповны; генералъ вздохнулъ:

— Жаль! Искренно жаль! Погибшая женщина! Женщина сумасшедшая!.. Ну-съ, а князю теперь не Настасью Филипповну надо...

Въ этомъ-же родѣ нѣсколько нравоучительныхъ и напутственныхъ словъ произнесено было и другими двумя собесѣдниками изъ гостей Настасьи Филипповны, разсудившими пройдти нѣсколько нѣшкомъ.

— Знаете, Аѳанасій Ивановичъ, это, какъ говорятъ, у японцевъ въ этомъ родѣ бываетъ, говорилъ Иванъ Петровичъ Птицынъ:—обиженный тамъ будто-бы идетъ къ обидчику и говоритъ ему: «ты меня обидѣлъ, за это я принесъ распороть въ твоихъ глазахъ свой животъ», и съ этими словами дѣйствительно распарываетъ въ глазахъ обидчика свой животъ и чувствуетъ, должно быть, чрезвычайное удовлетвореніе, точно и въ самомъ дѣлѣ отмстилъ. Странные бываютъ на свѣтѣ характеры, Аѳанасій Ивановичъ!

— А вы думаете, что и тутъ въ этомъ родѣ было, отвѣтилъ съ улыбкой Аѳанасій Ивановичъ. —гм! Вы однако-жъ остроумно... и прекрасное сравненіе привели. Но вы видѣли однако-же сами, милѣйшій Иванъ Петровичъ, что я сдѣлалъ все, что могъ: не могу-же я сверхъ возможнаго, согласитесь сами? Но согласитесь, однако-жъ, и съ тѣмъ, что въ этой женщинѣ присутствовали капитальныя достоинства... блестящія черты. Я давеча ей крикнуть даже хотѣлъ, если-бы могъ только себѣ это позволить при этомъ содомѣ, что она сама есть самое лучшее мое оправданіе на всѣ ея обвиненія. Ну кто не плѣнился-бы иногда этою женщиной до забвенія разсудка и... всего? Смотрите, этотъ мужикъ, Рогожинъ, сто тысячъ ей приволокъ! Положимъ, это все, что случилось тамъ теперь,—эфемерно, романтично, неприлично, но зато колоритно, зато оригинально, —согласитесь сами. Боже, что-бы могло быть изъ такого характера и при такой красотѣ! Но не смотря на всѣ усилія, на образованіе даже,—все погибло! Нешлифованный алмазъ. —я нѣсколько разъ говорилъ это...

И Аѳанасій Ивановичъ глубоко вздохнулъ.

Часть вторая.

I.

Два послѣ страннаго приключенія на вечерѣ у Настасьи Филипповны, которымъ мы закончили первую часть нашего разсказа, князь Мышкинъ поспѣшилъ выѣхать въ Москву, по дѣлу о полученіи своего неожиданнаго наслѣдства. Говорили тогда, что могли быть и другія причины такой поспѣшности его отъѣзда: но объ этомъ, равно какъ и о приключеніяхъ князя въ Москвѣ и вообще въ продолженіе его отлучки изъ Петербурга, мы можемъ сообщить довольно мало свѣдѣній. Князь пробылъ въ отлучкѣ ровно шесть мѣсяцевъ, и даже тѣ, кто имѣлъ нѣкоторыя причины интересоваться его судьбой, слишкомъ мало могли узнать о немъ за все это время. Доходили, правда, къ нимъ, хотя и очень рѣдко, кое-какіе слухи, но тоже большею частью странные и всегда почти одинъ другому противорѣчившіе. Болѣе всѣхъ интересовались князем, конечно, въ домѣ Епанчиныхъ, съ которыми онъ, уѣзжая, даже не успѣлъ и проститься. Генералъ, впрочемъ, видѣлся съ нимъ тогда, и даже раза два-три: они о чемъ-то серіозно толковали. Но если самъ Епанчинъ и видѣлся, то семейству своему объ этомъ не возвѣстилъ. Да и вообще въ первое время, то есть чуть-ли не цѣлый мѣсяцъ по отъѣздѣ князя, въ домѣ Епанчиныхъ о немъ говорить было не принято. Одна только генеральша, Лизавета Прокофьевна, высказалась въ самомъ началѣ, что она въ князѣ жестоко ошиблась, потомъ дня черезъ два или три прибавила, но уже не называя князя, а неопредѣленно, что главнѣйшая черта въ ея жизни была безпрерывная ошибка въ людяхъ, и, наконецъ, уже дней десять спустя, заключила въ видѣ сентенціи, чѣмъ-то раздражившись на дочерей, что: «Довольно ошибокъ! Больше ихъ уже не будетъ». Нельзя не замѣтить при этомъ, что въ ихъ домѣ довольно долго существовало какое-то непріятное настроеніе. Было что-то тяжелое, натянутое, недоговоренное, ссорное; всѣ хмурились.

Генералъ день и ночь былъ занятъ, хлопоталъ о дѣлахъ: рѣдко видѣли его болѣе занятымъ и дѣятельнымъ,—особенно по службѣ. Домашніе едва успѣвали взглянуть на него. Что-же касается до дѣвицъ Епанчиныхъ, то вслухъ, конечно, ими ничего не было высказано. Можетъ быть, даже и наединѣ между собой сказано было слишкомъ мало. Это были дѣвицы гордыя, высокомѣрныя и даже между собой иногда стыдливыя; а впрочемъ, понимавшія другъ друга не только съ перваго слова, но и съ перваго даже взгляда, такъ что и говорить много иной разъ было-бы незачѣмъ.

Одно только можно-бы было заключить постороннему наблюдателю, если-бы таковой тутъ случился: что, судя по всѣмъ вышесказаннымъ, хотя и немногимъ даннымъ, князь все-таки успѣлъ оставить въ домѣ Епанчиныхъ особенное впечатлѣніе, хотя и являлся въ немъ всего одинъ разъ, да и то мелькомъ. Можетъ быть, это было впечатлѣніе простаго любопытства, объясняемаго нѣкоторыми эксцентрическими приключеніями князя. Какъ-бы то ни было, а впечатлѣніе осталось.

Мало по малу и распространившіеся было по городу слухи успѣли покрыться мракомъ неизвѣстности. Разсказывалось, правда, о какомъ-то князькѣ и дурачкѣ (никто не могъ назвать вѣрно имени), получившемъ вдругъ огромнѣйшее наслѣдство и женившемся на одной забулдыжной француженкѣ, извѣстной канканеркѣ въ Шато-де-флеръ въ Парижѣ. Но другіе говорили, что наслѣдство получилъ какой-то генералъ, а женился на забулдыжной француженкѣ и извѣстной канканеркѣ русскій купчикъ и несмѣтный богачъ, и на свадьбѣ своей, изъ одной похвальбы, пьяный, сжегъ на свѣчкѣ ровно на семьсотъ тысячъ билетовъ послѣдняго лотереннаго займа. Но всѣ эти слухи очень скоро затихли, чему много способствовали обстоятельства. Вся, напримѣръ, компанія Рогожина, изъ которой многіе могли-бы кое-что разсказать, отправилась всей громадой, съ нимъ самимъ во главѣ, въ Москву, почти ровно черезъ недѣлю послѣ ужасной оргіи въ Екатерингофскомъ вокзалѣ, гдѣ присутствовала и Настасья Филипповна. Кой-кому, очень немногимъ интересующимся, стало извѣстно по какимъ-то слухамъ, что Настасья Филипповна на другой-же день послѣ Екатерингофа сбѣжала, исчезла, и что будто-бы выслѣдили наконецъ, что она отправилась въ Москву: такъ что и въ отъѣздѣ Рогожина въ Москву стали находить нѣкоторое совпаденіе съ этимъ слухомъ.

Ноши было тоже слухи собственно на счетъ Гаврилы Ардаліоновича Иволгина, который былъ довольно тоже извѣстенъ въ своемъ кругу. Но и съ нимъ приключилось что-то обстоятельство, вскорѣ быстро охладившее, а впослѣдствіи и совсѣмъ уничтожившее

всѣ недобрые разсказы на его счетъ: онъ сдѣлался очень боленъ и не могъ являться не только нигдѣ въ обществѣ, но даже и на службу. Пробольвъ съ мѣсяцъ, онъ выздоровѣлъ, но отъ службы въ акціонерномъ обществѣ почему-то совсѣмъ отказался, и мѣсто его занялъ другой. Въ домъ генерала Епанчина онъ тоже не появлялся ни разу, такъ что и къ генералу сталъ ходить другой чиновникъ. Враги Гаврилы Ардаліоновича могли-бы предположить, что онъ до того уже сконфуженъ отъ всего съ нимъ случившагося, что стыдится и на улицу выйти: но онъ и въ самомъ дѣлѣ что-то хворалъ: впалъ даже въ ипохондрію, задумывался, раздражался. Варвара Ардаліоновна въ ту-же зиму вышла замужъ за Птицына; всѣ ихъ знавшіе прямо приписали этотъ бракъ тому обстоятельству, что Ганя не хотѣлъ возвратиться къ своимъ занятіямъ и не только пересталъ содержать семейство, но даже самъ началъ нуждаться въ помощи и почти что въ уходѣ за нимъ.

Замѣтимъ въ скобкахъ, что и о Гаврилѣ Ардаліоновичѣ въ домъ Епанчиныхъ никогда даже и не упоминалось, — какъ будто и на свѣтѣ такого человѣка не было, не только въ ихъ домѣ. А между тѣмъ тамъ про него всѣ узнали (и даже весьма скоро) одно очень замѣчательное обстоятельство, а именно: въ ту самую роковую для него ночь, послѣ непріятнаго приключенія у Настасьи Филипповны, Ганя, воротясь домой, спать не легъ, а сталъ ожидать возвращенія князя съ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ. Князь, поѣхавшій въ Екатерингофъ, возвратился оттуда въ шестомъ часу утра. Тогда Ганя вошелъ въ его комнату и положилъ передъ нимъ на столъ оборѣлую пачку денегъ, подаренныхъ ему Настасьей Филипповной, когда онъ лежалъ въ обморокѣ. Онъ настойчиво просилъ князя при первой возможности возвратить этотъ подарокъ обратно Настасьѣ Филипповнѣ. Когда Ганя входилъ къ князю, то былъ въ настроеніи враждебномъ и почти отчаянномъ; но между нимъ и княземъ было сказано будто-бы нѣсколько какихъ-то словъ, послѣ чего Ганя просидѣлъ у князя два часа и все время рыдалъ притомъ. Разстались оба въ отношеніяхъ дружескихъ.

Это извѣстіе, дошедшее до всѣхъ Епанчиныхъ, было, какъ подтвердилось впослѣдствіи, совершенно точно. Конечно, странно, что такого рода извѣстія могли такъ скоро доходить и узнаваться; все происшедшее, напримѣръ, у Настасьи Филипповны стало извѣстно въ домѣ Епанчиныхъ чуть не на другой-же день и даже въ довольно точныхъ подробностяхъ. По поводу-же извѣстія о Гаврилѣ Ардаліоновичѣ можно было-бы предположить, что они занесены были къ Епанчинымъ Варварой Ардаліоновной, какъ-то вдругъ появившеюся у дѣвицъ Епанчиныхъ и даже ставшею у нихъ очень скоро

на очень короткую ногу, что чрезвычайно удивляло Лизавету Прокофьевну. Но Варвара Ардаліоновна, хоть и нашла почему-то нужнымъ такъ близко сойдтись съ Епанчиными, но о братѣ своемъ съ ними говорить навѣрно не стала-бы. Это была тоже довольно гордая женщина, въ своемъ только родѣ, не смотря на то, что завела дружбу тамъ, откуда ея брата почти выгнали. Прежде того она хоть и была знакома съ дѣвицами Епанчиными, но видѣлись онѣ рѣдко. Въ гостиной, впрочемъ, она и теперь почти не показывалась и заходила, точно забѣгала, съ задняго крыльца. Лизавета Прокофьевна никогда не жаловала ее, ни прежде, ни теперь, хоть и очень уважала Нину Александровну, маменьку Варвары Ардаліоновны. Она удивлялась, сердилась, приписывала знакомство съ Варей капризамъ и властолюбію своихъ дочерей, которыя ужь и придумать не знаютъ, что ей сдѣлать напротивъ, а Варвара Ардаліоновна все-таки продолжала ходить къ нимъ до и послѣ своего замужества.

Но прошло съ мѣсяцъ по отъѣздѣ князя, и генеральша Епанчина получила отъ старухи княгини Бѣлоконской, уѣхавшей недѣли двѣ предъ тѣмъ въ Москву къ своей старшей замужней дочери, письмо, и письмо это произвело на нее видимое дѣйствіе. Она хоть и ничего не сообщила изъ него ни дочерямъ, ни Ивану Ѳедоровичу, но по многимъ признакамъ стало замѣтно въ семьѣ, что она какъ-то особенно возбуждена, даже взволнована. Стала какъ-то особенно странно заговаривать съ дочерьми и все о такихъ необыкновенныхъ предметахъ; ей видимо хотѣлось высказаться, но она почему-то сдерживалась. Въ день полученія письма она всѣхъ приласкала, даже поцѣловала Аглаю и Аделаиду, въ чемъ-то собственно предъ ними покаялась, но въ чемъ именно, онѣ не могли разобрать. Даже къ Ивану Ѳедоровичу, котораго цѣлый мѣсяцъ продержала въ опалѣ, стала вдругъ снисходительна. Разумѣется, на другой-же день она ужасно разсердилась на свою вчерашнюю чувствительность и еще до обѣда успѣла со всѣми перессориться, но къ вечеру опять горизонтъ прояснился. Вообще цѣлую недѣлю она продолжала находиться въ довольно ясномъ настроеніи духа, чего давно уже не было.

Но еще чрезъ недѣлю отъ Бѣлоконской получено было еще письмо, и въ этотъ разъ генеральша уже рѣшилась высказаться. Она торжественно объявила, что «старуха Бѣлоконская» (она иначе никогда не называла княгиню, говоря о ней заочно) сообщаетъ ей весьма утѣшительныя свѣдѣнія объ этомъ... чудакѣ, ну вотъ, о князѣ-то! Старуха его въ Москвѣ розыскала, справлялась о немъ, узнала что-то очень хорошее: князь наконецъ явился къ ней

самъ и произвелъ на нее впечатлѣніе почти чрезвычайное. «Видно изъ того, что она его каждый день приглашала ходить къ ней по утрамъ, отъ часу до двухъ, и тотъ каждый день къ ней таскается и до сихъ поръ не надоѣлъ», заключила генеральша, прибавивъ къ тому, что чрезъ старуху князь въ двухъ-трехъ домахъ хорошихъ сталъ принятъ. «Это хорошо, что сидѣть не сидитъ и не стыдится, какъ дуракъ». Дѣвицы, которымъ все это было сообщено, тотчасъ замѣтили, что маменька что-то очень много изъ письма своего отъ нихъ скрыла. Можетъ быть, онѣ узнали это чрезъ Варвару Ардаліоновну, которая могла знать и, конечно, знала все, что̀ зналъ Птицынъ о князѣ и о пребываніи его въ Москвѣ. А Птицыну могло быть извѣстно даже больше, чѣмъ всѣмъ. Но человѣкъ онъ былъ чрезвычайно молчаливый въ дѣловомъ отношеніи, хотя Варѣ, разумѣется, и сообщалъ. Генеральша тотчасъ-же и еще болѣе не полюбила за это Варвару Ардаліоновну.

Но какъ-бы то ни было, а ледъ былъ разбитъ, и о князѣ вдругъ стало возможнымъ говорить вслухъ. Кромѣ того, еще разъ ясно обнаружилось то необыкновенное впечатлѣніе и тотъ уже не въ мѣру большой интересъ, который возбудилъ и оставилъ по себѣ князь въ домѣ Епанчиныхъ. Генеральша даже подивилась впечатлѣнію, произведенному на ея дочекъ извѣстіями изъ Москвы. А дочки тоже подивились на свою маманю, такъ торжественно объявившую имъ, что «главнѣйшая черта ея жизни — безпрерывная ошибка въ людяхъ», и въ то же самое время поручавшую князя вниманію «могущественной» старухи Бѣлоконской въ Москвѣ, при чемъ, конечно, пришлось выпрашивать ея вниманія Христомъ да Богомъ, потому что «старуха была въ извѣстныхъ случаяхъ туга на подъемъ».

Но какъ только ледъ былъ разбитъ и повѣяло новымъ вѣтромъ, посмѣялъ высказаться и генералъ. Оказалось, что и тотъ необыкновенно интересовался. Сообщилъ онъ, впрочемъ, объ одной только «дѣловой сторонѣ предмета». Оказалось, что онъ, въ интересахъ князя, поручилъ наблюдать за нимъ, и особенно за руководителемъ его Салазкинымъ, двумъ какимъ-то очень благонадежнымъ и вліятельнымъ въ своемъ родѣ въ Москвѣ господамъ. Все, что̀ говорилось о наслѣдствѣ, «такъ сказать о фактѣ наслѣдства», оказалось вѣрнымъ, но что самое наслѣдство въ концѣ концовъ оказывается вовсе не такъ значительнымъ, какъ объ немъ сначала распространяли. Состояніе на половину запутано: оказались долги, оказались какіе-то претенденты, да и князь, не смотря на всѣ руководства, велъ себя самымъ недѣловымъ образомъ. «Конечно, далъ ему Богъ»; теперь, когда «ледъ молчанія» разбитъ, генералъ радъ заявить объ

этомъ отъ всей искренности души, потому «малый хоть немного *и того*», но все-таки стоитъ того. А между тѣмъ все-таки тутъ нагрянули: явились, напримѣръ, кредиторы покойнаго купца, по документамъ спорнымъ, ничтожнымъ, а иные, пронюхавъ о князѣ, такъ и вовсе безъ документовъ, и что-же? Князь почти всѣхъ удовлетворилъ, не смотря на представленія друзей о томъ, что всѣ эти людишки и кредиторишки совершенно безъ правъ: и потому только удовлетворилъ, что дѣйствительно оказалось, что нѣкоторые изъ нихъ въ самомъ дѣлѣ пострадали.

Генеральша на это отозвалась, что въ этомъ родѣ ей и Бѣлоконская пишетъ, и что «это глупо, очень глупо: дурака не вылѣчишь». рѣзко прибавила она, но по лицу ея видно было, какъ она рада была постукамъ этого «дурака». Въ заключеніе всего генералъ замѣтилъ, что супруга его принимаетъ въ князѣ участіе точно какъ будто въ родномъ своемъ сынѣ, и что Аглаю она что-то ужасно стала ласкать: видя это, Иванъ Ѳедоровичъ принялъ на нѣкоторое время весьма дѣловую осанку.

Но все это пріятное настроеніе опять-таки существовало не долго. Прошло всего двѣ недѣли, и что-то вдругъ опять измѣнилось, генеральша нахмурилась, а генералъ, пожавъ нѣсколько разъ плечами, подчинился опять «льду молчанія». Дѣло въ томъ, что всего двѣ недѣли назадъ онъ получилъ подъ рукой одно извѣстіе, хоть и короткое, и потому не совсѣмъ ясное, но за то вѣрное, о томъ, что Настасья Филипповна, сначала пропавшая въ Москвѣ, розысканная потомъ въ Москвѣ-же Рогожинымъ, потомъ опять куда-то пропавшая и опять имъ розысканная, дала наконецъ ему почти вѣрное слово выйдти за него замужъ. И вотъ всего только двѣ недѣли спустя вдругъ получено было его превосходительствомъ свѣдѣніе, что Настасья Филипповна бѣжала въ третій разъ, почти что изъ-подъ вѣнца, и на этотъ разъ пропала гдѣ-то въ губерніи, а между тѣмъ исчезъ изъ Москвы и князь Мышкинъ, оставивъ всѣ свои дѣла на попеченіе Салазкина, «съ нею-ли, или просто бросился за нею — неизвѣстно, но что-то тутъ есть», заключилъ генералъ. Лизавета Прокофьевна тоже и съ своей стороны получила какія-то непріятныя свѣдѣнія. Въ концѣ концовъ, два мѣсяца послѣ выѣзда князя почти всякій слухъ о немъ въ Петербургѣ затихъ окончательно, а въ домѣ Епанчиныхъ «ледъ молчанія» уже и не разбивался. Варвара Ардаліоновна, впрочемъ, все-таки навѣщала дѣвицъ.

Чтобы закончить о всѣхъ этихъ слухахъ и извѣстіяхъ, прибавимъ и то, что у Епанчиныхъ произошло къ веснѣ очень много переворотовъ, такъ что трудно было не забыть о князѣ, который

и самъ не давалъ, а, можетъ быть, и не хотѣлъ подать о себѣ вѣсти. Въ продолженіи зимы, мало по малу, наконецъ рѣшили отправиться на лѣто за границу, то есть Лизавета Прокофьевна съ дочерьми; генералу, разумѣется, нельзя было тратить время на пустое развлеченіе. Рѣшеніе состоялось по чрезвычайному и упорному настоянію дѣвицъ, совершенно убѣдившихся, что за границу ихъ оттого не хотятъ везти, что у родителей безпрерывная забота выдать ихъ замужъ и искать имъ женіховъ. Можетъ быть, и родители убѣдились наконецъ, что женихи могутъ встрѣтиться и за границей, и что поѣздка на одно лѣто не только ничего не можетъ разстроить, но, пожалуй, еще даже можетъ способствовать. Здѣсь кстати упомянуть, что бывшій въ проэктѣ бракъ Аоанасія Ивановича Тоцкаго и старшей Епанчиной совсѣмъ разстроился, и формальное предложеніе его вовсе не состоялось. Случилось это какъ-то само собой, безъ большихъ разговоровъ и безо всякой семейной борьбы. Со времени отъѣзда князя все вдругъ затихло съ обѣихъ сторонъ. Вотъ и это обстоятельство вошло отчасти въ число причинъ тогдашняго тяжелаго настроенія въ семействѣ Епанчиныхъ, хотя генеральша и высказала тогда-же, что она теперь рада обѣими руками перекреститься. Генералъ, хотя и былъ въ опалѣ и чувствовалъ, что самъ виноватъ, но вскорѣ надолго надулся: жаль ему было Аоанасія Ивановича: такое состояніе и ловкій такой человѣкъ! Недолго спустя генералъ узналъ, что Аоанасій Ивановичъ влѣзшися одною заѣзжею француженкой высшаго общества, маркизой и легитимисткой, что бракъ состоится, и что Аоанасія Ивановича увезутъ въ Парижъ, а потомъ куда-то въ Бретань. «Ну, съ француженкой пропадетъ», рѣшилъ генералъ.

А Епанчины готовились къ лѣту выѣхать. И вдругъ произошло обстоятельство, которое опять все перемѣнило по новому, и поѣздка опять была отложена къ величайшей радости генерала и генеральши. Въ Петербургъ пожаловалъ изъ Москвы одинъ князь, князь Щ., извѣстный, впрочемъ, человѣкъ, и извѣстный съ весьма и весьма хорошей точки. Это былъ одинъ изъ тѣхъ людей, или даже, можно сказать, дѣятелей послѣдняго времени, честныхъ, скромныхъ, которые искренно и сознательно желаютъ полезнаго, всегда работаютъ и отличаются тѣмъ рѣдкимъ и счастливымъ качествомъ, что всегда находятъ работу. Не выставляясь на показъ, избѣгая одностороннія и празднословія партій, не считая себя въ числѣ первыхъ, князь понялъ однако многое изъ совершающагося въ послѣднее время весьма основательно. Онъ прежде служилъ, потомъ сталъ принимать участіе и въ земской дѣятельности. Кромѣ того, былъ полезнымъ корреспондентомъ нѣсколькихъ русскихъ ученыхъ обществъ. Сообща

съ однимъ знакомымъ техникомъ, онъ способствовалъ, собранными свѣдѣніями и изысканіями, болѣе вѣрному направленію одной изъ важнѣйшихъ проэктированныхъ желѣзныхъ дорогъ. Ему было лѣтъ тридцать пять. Человѣкъ онъ былъ «самаго высшаго свѣта» и кромѣ того съ состояніемъ, «хорошимъ, серіознымъ, неоспоримымъ», какъ отозвался генералъ, имѣвшій случай по одному довольно серіозному дѣлу сойдтись и познакомиться съ княземъ у графа, своего начальника. Князь, изъ нѣкотораго особеннаго любопытства, никогда не избѣгалъ знакомства съ русскими «дѣловыми людьми». Случилось, что князь познакомился и съ семействомъ генерала. Аделаида Ивановна, средняя изъ трехъ сестеръ, произвела на него довольно сильное впечатлѣніе. Къ веснѣ князь объяснился. Аделаидѣ онъ очень понравился, понравился и Лизаветѣ Прокофьевнѣ. Генералъ былъ очень радъ. Само собою разумѣется, поѣздка была отложена. Свадьба назначалась весной.

Поѣздка, впрочемъ, могла-бы и къ серединѣ, и къ концу лѣта состояться, хотя-бы только въ видѣ прогулки на мѣсяцъ или на два Лизаветы Прокофьевны съ двумя оставшимися при ней дочерьми, чтобы разсѣять грусть по оставившей ихъ Аделаидѣ. Но произошло опять нѣчто новое: уже въ концѣ весны (свадьба Аделаиды нѣсколько замедлилась и была отложена до средины лѣта) князь Щ. ввелъ въ домъ Епанчиныхъ одного изъ своихъ дальнихъ родственниковъ, довольно хорошо, впрочемъ, ему знакомаго. Это былъ нѣкто Евгеній Павловичъ Р., человѣкъ еще молодой, лѣтъ двадцати восьми, флигель-адъютантъ, писаный красавецъ собой, «знатнаго рода», человѣкъ остроумный, блестящій, «новый», «чрезмѣрнаго образованія» и — какого-то ужь слишкомъ неслыханнаго богатства. На счетъ этого послѣдняго пункта генералъ былъ всегда остороженъ. Онъ сдѣлалъ справки: «дѣйствительно что-то такое оказывается — хотя, впрочемъ, надо еще провѣрить». Этотъ молодой и съ будущностью флигель-адъютантъ былъ сильно возвышенъ отзывомъ старухи Бѣлоконской изъ Москвы. Одна только слава за нимъ была нѣсколько щекотливая: нѣсколько связей, и, какъ увѣряли, побѣдъ надъ какими-то несчастными сердцами. Увидѣвъ Аглаю, онъ сталъ необыкновенно усидчивъ въ домѣ Епанчиныхъ. Правда, ничего еще не было сказано, даже намековъ никакихъ не было сдѣлано; но родителямъ все-таки казалось, что нечего этимъ лѣтомъ думать о заграничной поѣздкѣ. Сама Аглая, можетъ быть, была и другаго мнѣнія.

Происходило это уже почти предъ самымъ вторичнымъ появленіемъ нашего героя на сцену нашего разсказа. Къ этому времени, судя на взглядъ, обѣднаго князя Мышкина уже совершенно успѣли

въ Петербургѣ забыть. Если-бъ онъ теперь вдругъ явился между знавшими его, то какъ-бы съ неба упалъ. А между тѣмъ мы все-таки сообщимъ еще одинъ фактъ и тѣмъ самымъ закончимъ наше введеніе.

Коля Иволгинъ, по отъѣздѣ князя, сначала продолжалъ свою прежнюю жизнь, то есть ходилъ въ гимназію, къ пріятелю своему Ипполиту, смотрѣлъ за генераломъ и помогалъ Варѣ по хозяйству, то есть, былъ у нея на побѣгушкахъ. Но жильцы быстро исчезли: Фердыщенко съѣхалъ куда-то три дня спустя послѣ приключенія у Настасьи Филипповны и довольно скоро пропалъ, такъ что о немъ и всякій слухъ затихъ; говорили, что гдѣ-то пьетъ, но не утвердительно. Князь уѣхалъ въ Москву; съ жильцами было покончено. Впослѣдствіи, когда Варя уже вышла замужъ, Нина Александровна и Ганя переѣхали вмѣстѣ съ нею къ Птицыну, въ Измайловскій полкъ; что-же касается до генерала Иволгина, то съ нимъ почти въ то же самое время случилось одно совсѣмъ непредвидѣнное обстоятельство: его посадили въ долговое отдѣленіе. Препровожденъ онъ былъ туда пріятельницей своей, капитаншей, по выданнымъ ей въ разное время документамъ, цѣлой тысячи на двѣ. Все это произошло для него совершеннымъ сюрпризомъ, и бѣдный генералъ былъ рѣшительно жертвой своей неумѣренной вѣры въ благородство сердца человѣческаго, говоря вообще. Взявъ успокоительную привычку подписывать заемныя письма и векселя, онъ и возможности не предполагалъ ихъ возмездія, хотя-бы когда нибудь. Все думалъ, что это *такъ*. Оказалось не такъ. „Довѣряясь послѣ этого людямъ, выказывая благородную довѣрчивость!“ — восклицалъ онъ въ горести, сидя съ новыми пріятелями, въ домѣ Тарасова, за бутылкой вина и разсказывая имъ анекдоты про осаду Кара и про воскреснаго солдата. Закинулъ онъ, впрочемъ, отлично. Птицынъ и Варя говорили, что это его настоящее мѣсто и есть; Ганя вполнѣ подтвердилъ это. Одна только бѣдная Нина Александровна горько плакала втихомолку (что даже удивляло домашнихъ) и, вѣчно хворая, таскалась, какъ только могла чаще, къ мужу на свиданіе въ Измайловскій полкъ.

Но со времени случая съ генераломъ, какъ выражался Коля, и вообще съ самаго замужества сестры, Коля почти совсѣмъ у нихъ отбился отъ рукъ и до того дошелъ, что въ послѣднее время даже рѣдко являлся и ночевать въ семью. По слухамъ, онъ завелъ множество новыхъ знакомствъ; кромѣ того, сталъ слишкомъ извѣстенъ и въ долговомъ отдѣленіи. Нина Александровна тамъ безъ него и обойтись не могла; дома-же его даже и любопытствомъ теперь не безпокоили. Варя, такъ строго обращавшаяся съ нимъ

прежде, не подвергала его теперь ни малѣйшему допросу объ его странствіяхъ; а Ганя, къ большому удивленію домашнихъ, говорилъ и даже сходился съ нимъ иногда совершенно дружески, не смотря на всю свою ипохондрію, чего никогда не бывало прежде, такъ какъ двадцати-семилѣтній Ганя естественно не обращалъ на своего пятнадцатилѣтняго брата ни малѣйшаго дружелюбнаго вниманія, обращался съ нимъ грубо, требовалъ къ нему отъ всѣхъ домашнихъ одной только строгости и постоянно грозился добраться до его ушей, что и выводило Колю изъ послѣднихъ границъ человѣческаго терпѣнія. Можно было подумать, что теперь Коля иногда даже становился необходимымъ Ганѣ. Его очень поразило, что Ганя возвратилъ тогда назадъ деньги: за это онъ многое былъ готовъ простить ему.

Прошло мѣсяца три по отъѣздѣ князя, и въ семействѣ Иволгиныхъ услыхали, что Коля вдругъ познакомился съ Епанчиными и очень хорошо принятъ дѣвицами. Варя скоро узнала объ этомъ; Коля, впрочемъ, познакомился не чрезъ Варю, а самъ отъ себя. Мало по малу его у Епанчиныхъ полюбили. Генеральша была всегда очень недовольна, но вскорѣ стала его ласкать «за откровенность и за то, что не льститъ». Что Коля не льститъ, то это было вполнѣ справедливо; онъ съумѣлъ стать у нихъ совершенно на равную и независимую ногу, хотя и читалъ иногда генеральшѣ книги и газеты, — но онъ и всегда бывалъ услужливъ. Разъ онъ жестоко, впрочемъ, поссорился съ Лизаветой Прокофьевной, объявилъ ей, что она деспотка, и что нога его не будетъ въ ея домѣ. Въ первый разъ споръ вышелъ изъ-за «женскаго вопроса», а во второй разъ изъ-за вопроса, въ которое время года лучше ловить чижиковъ? Какъ ни невѣроятно, но генеральша на третій день послѣ ссоры прислала ему съ лакеемъ записку, прося непремѣнно пожаловать; Коля не ломался и тотчасъ-же явился. Одна Аглая была постоянно почему-то не расположена къ нему и обращалась съ нимъ свысока. Ее-то и суждено было отчасти удивить ему. Одинъ разъ, это было на Святой, улучивъ минуту наединѣ, Коля подалъ Аглаѣ письмо, сказавъ только, что велѣно передать ей одной. Аглая гнѣвно оглядѣла «самонадѣяннаго мальчишку», но Коля не сталъ ждать и вышелъ. Она развернула записку и прочла:

«Когда-то вы меня почтили вашею довѣренностью. Можетъ быть, вы меня совсѣмъ теперь позабыли. Какъ это такъ случилось, что я къ вамъ пишу? Я не знаю: но у меня явилось неудержимое желаніе напомнить вамъ о себѣ и нѣчто вамъ. Сколько разъ въ всѣ три бывали мнѣ очень нужны, но изъ всѣхъ трехъ я выбрать одну только васъ. Вы мнѣ нужны, очень нужны. Мнѣ нечего писать

вамъ о себѣ, нечего разсказывать. Я и не хотѣлъ того; мнѣ ужасно-бы желалось, чтобы вы были счастливы. Счастливы-ли вы? Вотъ это только я и хотѣлъ вамъ сказать.

«Вашъ братъ Кн. Л. Мышкинъ».

Прочтя эту коротенькую и довольно безтолковую записку, Аглая вся вдругъ вспыхнула и задумалась. Намъ-трудно-бы было передать теченіе ея мыслей. Между прочимъ, она спросила себя: показывать-ли кому нибудь? Ей какъ-то было стыдно. Кончила, впрочемъ, тѣмъ, что съ насмѣшливою и странною улыбкой кинула письмо въ свой столикъ. На завтра опять вынула и заложила въ одну толстую, переплетенную въ крѣпкій коренокъ книгу (она и всегда такъ дѣлала съ своими бумагами, что-бы поскорѣе найдти когда понадобится). И ужь только черезъ недѣлю случилось ей разглядѣть какая была это книга? Это былъ *Донъ-Кихотъ Ламанчскій*. Аглая ужасно расхохоталась—неизвѣстно чему.

Неизвѣстно тоже, показала-ли она свое пріобрѣтеніе которой нибудь изъ сестеръ.

Но когда она еще читала письмо, ей вдругъ пришло въ голову: неужели-же этотъ самонадѣянный мальчишка и фанфаронишка выбранъ княземъ въ корреспонденты и, пожалуй, чего добраго, единственный его здѣшній корреспондентъ? Хоть и съ видомъ необыкновеннаго пренебреженія, но все-таки она взяла Колю къ допросу. Но всегда обидчивый мальчишка не обратилъ на этотъ разъ ни малѣйшаго вниманія на пренебреженіе: весьма коротко и довольно сухо объяснилъ онъ Аглаѣ, что хотя онъ и сообщилъ князю на всякій случай свой постоянный адресъ передъ самымъ выѣздомъ князя изъ Петербурга и при этомъ предложилъ свои услуги, но что это первая коммиссія, которую онъ получилъ отъ него, и первая его записка къ нему, а въ доказательство словъ своихъ представилъ и письмо, полученное собственно имъ самимъ. Аглая не посовѣстилась и прочла. Въ письмѣ къ Колѣ было:

«Милый Коля, будьте такъ добры, передайте при семъ прилагаемую и запечатанную записку Аглаѣ Ивановнѣ. Будьте здоровы».

«Любящій васъ Кн. Л. Мышкинъ».

— Все-таки смѣшно довѣряться такому пузырю, обидчиво произнесла Аглая, отдавая Колѣ записку, и презрительно прошла мимо него.

Этого уже Коля не могъ вынести: онъ-же какъ нарочно для этого случая выпросилъ у Гани, не объясняя ему причины, надѣть его совершенно еще новый зеленый шарфъ. Онъ жестоко обидился.

II

Былъ іюнь въ первыхъ числахъ, и погода стояла въ Петербургѣ уже цѣлую недѣлю на рѣдкость хорошая. У Епанчиныхъ была богатая собственная дача въ Павловскѣ. Лизавета Прокофьевна вдругъ взволновалась и поднялась; и двухъ дней не просуетились, переѣхали.

На другой или на третій день послѣ переѣзда Епанчиныхъ, съ утреннимъ поѣздомъ изъ Москвы прибылъ и князь Левъ Николаевичъ Мышкинъ. Его никто не встрѣтилъ въ вокзалѣ; но при выходѣ изъ вагона князю вдругъ померещился страшный, горячій взглядъ чьихъ-то двухъ глазъ, въ толпѣ, осадившей прибывшихъ съ поѣздомъ. Поглядѣвъ внимательнѣе, онъ уже ничего болѣе не различилъ. Конечно, только померещилось: но впечатлѣніе осталось непріятное. Къ тому-же князь и безъ того былъ грустенъ и задумчивъ, и чѣмъ-то казался озабоченнымъ.

Извощикъ довезъ его до одной гостинницы, не далеко отъ Литейной. Гостинница была плохенькая. Князь занялъ двѣ небольшія комнаты, темныя и плохо меблированныя, умылся, одѣлся, ничего не спросилъ и торопливо вышелъ, какъ-бы боясь потерять время или не застать кого-то дома.

Если-бы кто теперь взглянулъ на него изъ прежде знавшихъ его полгода назадъ въ Петербургѣ, въ его первый пріѣздъ, то пожалуй-бы и заключилъ, что онъ наружностью перемѣнился гораздо къ лучшему. Но врядъ-ли это было такъ. Въ одной одеждѣ была полная перемѣна: все платье было другое, сшитое въ Москвѣ и хорошимъ портнымъ; но и въ платьѣ былъ недостатокъ: слишкомъ ужь сшито было по модѣ (какъ и всегда шьютъ добросовѣстные, но не очень талантливые портные) и сверхъ того на человѣка, нисколько этимъ не интересующагося, такъ что при внимательномъ взглядѣ на князя, слишкомъ большой охотникъ посмѣяться, можетъ быть, и нашелъ-бы чему улыбнуться. Но мало-ли отчего бываетъ смѣшно.

Князь взялъ извощика и отправился на Пески. Въ одной изъ Рождественскихъ улицъ онъ скоро отыскалъ одинъ небольшой деревянный домикъ. Къ удивленію его, этотъ домикъ оказался красивымъ на видъ, чистенькимъ, содержащимся въ большомъ порядкѣ, съ палисадникомъ, въ которомъ росли цвѣты. Окна на улицу были отворены, и изъ нихъ слышался рѣзкій, непрерывный говоръ, почти

крикъ, точно кто нибудь читалъ вслухъ или даже говорилъ рѣчь; голосъ прерывался взрѣдка смѣхомъ нѣсколькихъ звонкихъ голосовъ. Князь вошелъ во дворъ, поднялся на крыльчко и спросилъ господина Лебедева.

— Да вонъ они, отвѣчала отворившая дверь кухарка съ засученными по локоть рукавами, ткнувъ пальцемъ въ гостиную. Въ этой гостиной, обитой темноголубаго цвѣта бумагой и убранной чистенько и съ нѣкоторыми претензіями, то есть съ круглымъ столомъ и диваномъ, съ бронзовыми часами подъ колпакомъ, съ узенькимъ въ простѣнкѣ зеркаломъ и съ старинѣйшею небольшою люстрой со стеклышками, спускавшеюся на бронзовой цѣпочкѣ съ потолка, посреди комнаты стоялъ самъ господинъ Лебедевъ, спиной къ входившему князю, въ жилетѣ, но безъ верхняго платья, по лѣтнему, и, бія себя въ грудь, горько ораторствовалъ на какую-то тему. Слушателями были: мальчикъ лѣтъ пятнадцати, съ довольно веселымъ и нелукавымъ лицомъ и съ книгой въ рукахъ, молодая дѣвушка лѣтъ двадцати, вся въ трауръ и съ грудянымъ ребенкомъ на рукахъ, тринадцатилѣтняя дѣвочка, тоже въ трауръ, очень смѣявшаяся и ужасно разѣвавшая при этомъ ротъ и, наконецъ, одинъ чрезвычайно странный слушатель, лежавшій на диванѣ маленькій лѣтъ двадцати, довольно красивый, черноватый, съ длинными, густыми волосами, съ черными большими глазами, съ маленькими пополненіями на бакенбарды и бородку. Этотъ слушатель, казалось, часто прерывалъ и оспаривалъ ораторствовавшаго Лебедева: тому-то, вѣроятно, и смѣялась остальная публика.

Лукьянъ Тимоѳеичъ, а Лукьянъ Тимоѳеичъ! Вишь вѣдь! Да глянь сюда!.. Ну, да пусто бы вамъ совсѣмъ!

И кухарка ушла, махнувъ руками и разсердившись такъ, что даже вся покраснѣла.

Лебедевъ оглянулся и, увидѣвъ князя, стоялъ нѣкоторое время какъ-бы пораженный громомъ, потомъ бросился къ нему съ подобострастною улыбкой, но на порогѣ опять какъ-бы замеръ, проговоривъ, впрочемъ:

— Сі-сі-сіятельнѣйшій князь!

Но вдругъ, все еще какъ-бы не въ силахъ добыть контенансу, оборотился и, ни съ того, ни съ сего, набросился сначала на дѣвушку въ трауръ, державшую на рукахъ ребенка, такъ что та даже нѣсколько отшатнулась отъ неожиданности, но тотчасъ-же оставивъ ее, накинулся на тринадцатилѣтнюю дѣвочку, торчавшую на порогѣ въ слѣдующую комнату и продолжавшую улыбаться остатками еще недавняго смѣха. Та не выдержала крика и тотчасъ-же дала стречка въ кухню; Лебедевъ даже затопалъ ей вслѣдъ ногами,

для пущей острастки, но, встрѣтивъ взглядъ князя, глядѣвшаго съ замѣшательствомъ, произнесъ въ объясненіе:

— Для... почтительности, хе-хе-хе!

— Вы все это напрасно... началъ было князь.

— Сейчасъ, сейчасъ, сейчасъ... какъ вихрь!

И Лебедевъ быстро исчезъ изъ комнаты. Князь посмотрѣлъ въ удивленіи на дѣвушку, на мальчика и на лекавшаго на диванѣ: всѣ они смѣялись. Засмѣялся и князь.

— Пошелъ фракъ надѣть, сказалъ мальчикъ.

— Какъ это все досадно, началъ было князь, а я было думалъ... скажите, онъ...

— Пьянъ, вы думаете? крикнулъ голосъ съ дивана. — Ни въ одномъ глазу! Такъ развѣ рюмки три-четыре. Ну пять какихъ нибудь есть, да это ужь что-жь,—дисциплина.

Князь обратился было къ голосу съ дивана. Но заговорила дѣвушка и съ самымъ откровеннымъ видомъ на своемъ миловидномъ лицѣ сказала:

— Онъ поутру никогда много не пьетъ: если вы къ нему за какимъ нибудь дѣломъ, то теперь и говорите. Самое время. Развѣ къ вечеру когда воротится. Такъ хмѣленъ! да и то теперь больные на ночь плачетъ и намъ велѣлъ изъ Священнаго Писанія читать, потому что у насъ матушка пять недѣль какъ умерла.

— Это онъ потому убѣжалъ, что ему вѣрно трудно стало вамъ отвѣчать, засмѣялся молодой человѣкъ съ дивана. — Объ заклады побьюсь, что онъ уже васъ надуваетъ и именно теперь обдумываетъ.

— Всего пять недѣль! Всего пять недѣль! подхватилъ Лебедевъ, возвращаясь уже во фракѣ, мигая глазами и таща изъ кармана платокъ для утирки слезъ:—сироты!

— Да вы что все въ дырьяхъ-то вышли? сказала дѣвушка:—вѣдь тутъ за дверью у васъ лежитъ новенькій сюртукъ, не видѣли что-ли?

— Молчи, стрекоза! крикнулъ на нее Лебедевъ. — У, ты! затопалъ было онъ на нее ногами. Но въ этотъ разъ она только разсмѣялась.

— Вы чего пугаете-то, я вѣдь не Таня, не побѣгу. А вотъ Любочку такъ, пожалуй, разбудите, да еще родимчикъ привяжется... что кричите-то!

— Ни-ни-ни! Тишь, тишь... ужасно испугался вдругъ Лебедевъ, и, бросаясь къ спавшему на рукахъ дочери ребенку, нѣсколько разъ съ испуганнымъ видомъ перекрестилъ его.—Господи, сохрани, Господи, предохрани! Это собственный мой грудной ребе-

нокъ, дочь Любовь, обратился онъ къ князю,—и рождена въ законнѣйшемъ бракѣ отъ новопоставленной Елены, жены моей, умершей въ родахъ. А эта нищалица есть дочь моя Вѣра, въ трауръ... А этотъ, этотъ, о, этотъ...

— Что сѣкся? крикнулъ молодой человѣкъ:—да ты продолжай, не конфузься.

— Ваше сіятельство! съ какимъ-то порывомъ воскликнулъ вдругъ Лебедевъ:—про убійство семейства Жемариныхъ въ газетахъ изволили прослѣдить?

— Прочелъ, сказалъ князь съ нѣкоторымъ удивленіемъ.

— Ну, такъ вотъ это подлинный убійца семейства Жемариныхъ, онъ самый и есть!

— Что вы это? сказалъ князь.

— То есть, аллегорически говоря, будущій второй убійца будущаго втораго семейства Жемариныхъ, если таковое окажется. Къ тому и готовится...

Всѣ засмѣялись. Князю пришло на умъ, что Лебедевъ, и дѣйствительно, можетъ быть, жмется и кривляется только потому, что, предчувствуя его вопросы, не знаетъ какъ на нихъ отвѣтить и выгадываетъ время.

— Бунтуетъ! Заговоры составляетъ! кричалъ Лебедевъ, какъ-бы уже не въ силахъ сдержать себя: — ну могу-ли я, ну въ правѣ-ли я такого злоязычника, такую, можно сказать, блудницу и изверга за роднаго племянника моего, за единственнаго сына сестры моей Анисьи, покойницы, считать?

— Да перестань, пьяный ты человѣкъ! Вѣрите-ли, князь, теперь онъ вздумалъ адвокатствомъ заниматься. По судебнымъ искамъ ходитъ; въ краснорѣчіе пустился и все высокимъ слогомъ съ дѣтьми дома говоритъ. Предъ мировыми судьями пять дней тому назадъ говорилъ. И кого-же взялся защищать: не старуху, которая его умоляла, просила, и которую подлецъ ростовщикъ ограбилъ, пятьсотъ рублей у ней, все ея достояніе, себѣ присвоилъ, а этого-же самаго ростовщика, Зайдлера какого-то, жида, за то, что пятьдесятъ рублей обѣщалъ ему дать...

— Пятьдесятъ рублей, если выиграю, и только пять, если проиграю, объяснилъ вдругъ Лебедевъ совсѣмъ другимъ голосомъ, чѣмъ говорилъ досель, а такъ, какъ будто онъ никогда не кричалъ.

— Ну и сбрендилъ, конечно, не старые вѣдь порядки-то, только тамъ насмѣялись надъ нимъ. Но онъ собой ужасно доволенъ остался: вспомните, говоритъ, нелицепріятные господа судьи, что печальный старецъ, безъ ногъ, живущій честнымъ трудомъ, лишается послѣдняго куска хлѣба; вспомните мудрыя слова законодателя: «Да цар-

ствуетъ милость въ судахъ. И вѣрите-ли: каждое утро онъ намъ здѣсь эту-же рѣчь пересказываетъ, точь въ точь, какъ тамъ ее говорилъ; пятый разъ сегодня; вотъ передъ самымъ вашимъ приходомъ читалъ, до того понравилось. Самъ на себя облизывается. И еще кого-то защищать собирается. Вы, кажется, князь Мышкинъ? Коля мнѣ про васъ говорилъ, что умнѣе васъ и на свѣтѣ еще до сихъ поръ не встрѣчалъ...

— И нѣтъ! И нѣтъ! И умнѣе на свѣтѣ нѣтъ! тотчасъ-же подхватилъ Лебедевъ.

— Ну, этотъ, положимъ, совралъ. Одинъ васъ любитъ, а другой у васъ заискиваетъ; а я вамъ вовсе льстить не намѣренъ, было-бы вамъ это извѣстно. Но не безъ смысла-же вы: вотъ разсудите-ка меня съ нимъ. Ну, хочешь, вотъ князь насъ разсудитъ? обратился онъ къ дядѣ. — Я даже радъ, князь, что вы подвернулись.

— Хочу! рѣшительно крикнулъ Лебедевъ, и невольно оглянулся на публику, которая начала опять надвигаться.

— Да что у васъ тутъ такое? проговорилъ князь, поморщившись.

У него дѣйствительно болѣла голова, къ тому-же онъ убѣждался все больше и больше, что Лебедевъ его надуваетъ и радъ, что отодвигается дѣло.

— Изложеніе дѣла. Я его племянникъ, это онъ не солгалъ, хоть и все лжетъ. Я курса не кончилъ, но кончить хочу и на своемъ настою, потому что у меня есть характеръ. А покамѣстъ, чтобы существовать, мѣсто одно беру въ двадцать пять рублей на желѣзной дорогѣ. Сознаюсь, кромѣ того, что онъ мнѣ раза два-три уже помогъ. У меня было двадцать рублей, и я ихъ проигралъ! Ну, вѣрите-ли, князь, я былъ такъ подлъ, такъ низокъ, что я ихъ проигралъ!

— Мерзавцу, мерзавцу, которому не слѣдовало и платить, крикнулъ Лебедевъ.

— Да, мерзавцу, но которому слѣдовало заплатить, продолжалъ молодой человѣкъ. — А что онъ мерзавецъ, такъ это и я засвидѣтельствую, и не потому одному, что онъ тебя прибилъ. Это, князь, одинъ забракованный офицеръ, отставной поручикъ изъ прежней Рогожинской компаніи и бокъ преподаетъ. Всѣ они теперь скитаются, какъ ихъ разогналъ Рогожинъ. Но что хуже всего, такъ это то, что я зналъ про него, что онъ мерзавецъ, негодяй и воришка, и все-таки сѣлъ съ нимъ играть, и что допгрывая послѣдній рубль (мы въ палки играли), я про себя думалъ: проиграю, къ дядѣ Лукьяну пойду, поклонюсь, не откажетъ. Это ужь низость, вѣдь это такъ ужь низость! Это ужь подлость сознательная!

— Вотъ это такъ ужъ подлость сознательная! повторилъ Лебедевъ.

— Ну, не торжествуй, подожди еще, обидчиво крикнулъ племянникъ: — онъ и радъ. Я явился къ нему, князь, сюда и признался во всемъ: я поступилъ благородно, я себя не пощадилъ: я обругалъ себя предъ нимъ, какъ только могъ, здѣсь всѣ свидѣтели. Чтобы занять это мѣсто на желѣзной дорогѣ мнѣ непремѣнно нужно хоть какъ нибудь экипироваться, потому что я весь въ лохмотьяхъ. Вотъ, посмотрите на сапоги! Иначе на мѣсто явиться невозможно, а не явись я къ назначенному сроку, мѣсто займетъ другой, тогда я опять на экваторѣ и когда-то еще другое мѣсто сыщу. Теперь я прошу у него всего только пятнадцать рублей и обѣщаюсь, что никогда уже больше не буду просить и сверхъ того въ теченіи первыхъ трехъ мѣсяцевъ выплачу ему весь долгъ до послѣдней копѣйки. Я слово сдержу. Я умѣю на хлѣбъ съ квасомъ цѣлые мѣсяцы просидѣть, потому что у меня есть характеръ. За три мѣсяца я получу семьдесятъ пять рублей. Съ прежними я долженъ ему буду всего тридцать пять рублей, стало быть, мнѣ будетъ чѣмъ заплатить. Ну, пусть проценты назначитъ какіе угодно, чортъ возьми! Не знаетъ онъ что-ли меня? Спросите его, князь: прежде, когда онъ мнѣ помогалъ, платилъ я или нѣтъ? Отчего-же теперь не хочетъ? Разозлился на то, что я этому поручику заплатилъ: иной нѣтъ причины! Вотъ каковъ этотъ человѣкъ: ни себѣ, ни другимъ!

— И не уходитъ! вскричалъ Лебедевъ: — легъ здѣсь и не уходитъ.

— Я такъ и сказалъ тебѣ. Не выйду, пока не дашь. Вы что-то улыбаетесь, князь? Кажется, неправымъ меня находите?

— Я не улыбаюсь, но по моему вы дѣйствительно нѣсколько неправы, неохотно отозвался князь.

— Да ужъ говорите прямо, что совсѣмъ неправъ, не виляйте: что за «нѣсколько!»

— Если хотите, то и совсѣмъ неправы.

— Если хочу! Смѣшно! Да неужели вы думаете, что я и самъ не знаю, что такъ щекотливо поступать, что деньги его, воля его, а съ моей стороны выходитъ насиліе. Но вы, князь... жизни не знаете. Ихъ не учи, такъ толку не будетъ. Ихъ надо учить. Вѣдь совѣсть у меня чиста: по совѣсти, я убытку ему не принесу, я съ процентами возвращу. Нравственное онъ тоже удовлетвореніе получитъ: онъ видѣлъ мое униженіе. Чего-же ему болѣе? На что-же онъ будетъ годиться, пользы-то не принося? Помилуйте, что онъ самъ-то дѣлаетъ? Спросите-ка, что онъ съ другими творитъ и какъ людей надуваетъ? Чѣмъ онъ домъ этотъ нажилъ? Да я голову на

отѣченіе дамъ, если онъ васъ уже не надулъ и уже не обдумалъ какъ-бы васъ еще дальше надуть! Вы улыбаетесь, не вѣрите?

— Мнѣ кажется, это все не совсѣмъ подходитъ къ вашему дѣлу, замѣтилъ князь.

— Я вотъ уже третій день здѣсь лежу и чего наглядѣлся! кричалъ молодой человѣкъ, не слушая: представьте себѣ, что онъ вотъ этого ангела, вотъ эту дѣвушку, теперь сироту, мою двоюродную сестру, свою дочь, подозрѣваетъ. У ней каждую ночь милыхъ друзей ищетъ! Ко мнѣ сюда потихоньку приходитъ, подъ диваномъ у меня тоже розыскиваетъ. Съ ума снятъ отъ мнительности: во всякомъ углу воровъ видитъ. Всю ночь поминутно вскакиваетъ, то окна смотритъ, хорошо-ли заперты, то двери пробуетъ, въ печку заглядываетъ, да этакъ въ ночь-то разъ по семи. За мошенниковъ въ судъ стоитъ, а самъ ночью раза по три молиться встаетъ, вотъ здѣсь въ залѣ, на колѣняхъ, лбомъ и стучитъ по получасу, и за кого-кого ни молится, чего-чего ни вычитаетъ, съ пьяна-то? За упокой души графини Дюбарри молился, я слышалъ своими ушами: Коля тоже слышалъ: совсѣмъ съ ума снятъ!

— Видите, слышите, какъ онъ меня стращаетъ, князь! покраснѣвъ и дѣйствительно выходя изъ себя, вскричалъ Лебедевъ. А того не знаетъ, что, можетъ быть, я, пьяница и потаскунъ, грабитель и лиходѣй, за одно только и стою, что вотъ этого зубоскала, еще младенца, въ свивальникахъ обертывалъ. Да въ корытѣ мылъ, да у нищей, овдовѣвшей сестры Анисьи, я, такой-же нищій. Но ночамъ просиживалъ, на пролетъ не спалъ, за обоими ими больными ходилъ, у дворника внизу дрова воровалъ, ему пьяни нѣтъ, въ пальцы прищелкивалъ, съ голоднымъ-то брюхомъ. Вотъ и выпяпьчилъ, вонъ онъ смѣется теперь надо мной! Да и какое тебѣ дѣло, если-бъ я и впрямь за упокой графини Дюбарри когда нибудь однажды лобъ перекрестилъ? Я, князь, четвертаго дня, первый разъ въ жизни, ея жизнеописаніе въ лексиконѣ прочелъ. Да знаешь-ли ты, что такое была она, Дюбарри? Говори, знаешь ль нѣтъ?

— Ну вотъ, ты одинъ только и знаешь? насмѣшливо, но нехотя пробормоталъ молодой человѣкъ.

— Это была такая графиня, которая, изъ позору выйдя, вмѣсто королевы заправляла, и которой одна великая императрица, въ собственноручномъ письмѣ своемъ — ma cousine написала. Кардиналъ, нунціи папскіи, ей, на лево-до-руа (знаешь, что такое было лево-до-руа?) чулочки шелковые на обнаженныя ея ножки самъ вызвался надѣть, да еще за честь почитая,—этакое-то высокое и святѣйшее лицо! Знаешь ты это? По лицу вижу, что не знаешь! Ну, какъ она померла? Отвѣчай, коли знаешь!

— Убирайся! Присталъ.

— Умерла она такъ, что послѣ этакой-то чести, этакую бывшую властелинку потащилъ на гильотину палачъ Самсонъ, за-невинно, на потѣху пуасардокъ парижскихъ, а она и не понимаетъ, что съ ней происходитъ, отъ страху. Видитъ, что онъ ее за шею подъ ножъ нагибаетъ и пинками подталкиваетъ,—тѣ-то смѣются,— и стала кричать: «Encore un moment, monsieur le bourreau, encore un moment!» Что и означаетъ: «Минуточку одну еще повремените, господинъ буро, всего одну!» И вотъ за эту-то минуточку ей, можетъ, Господь и проститъ, ибо дальше этакого мизера съ человѣческою душой вообразить невозможно. Ты знаешь-ли, что значитъ слово мизеръ? Ну, такъ вотъ онъ самый мизеръ и есть. Отъ этого графининаго крика, объ одной минуточкѣ, я какъ прочиталъ, у меня точно сердце захватило щипцами. И что тебѣ въ томъ, червякъ, что я, ложась на ночь спать, на молитвѣ вздумалъ ее, грѣшницу великую, помянуть. Да потому, можетъ, и помянулъ, что за нее, съ тѣхъ поръ какъ земля стоитъ, навѣрно никто никогда и лба не перекрестилъ, да и не подумалъ о томъ. Анъ ей и пріятно станетъ на томъ свѣтѣ почувствовать, что нашелся такой-же грѣшникъ, какъ и она, который и за нее хоть одинъ разъ на землѣ помолился. Ты чего смѣешься-то? Не вѣришь, атеистъ. А ты почемъ знаешь? Да и то совралъ, если ужъ подслушалъ меня: я не просто за одну графиню Дюбарри молился: я причиталъ такъ: «упокой Господи душу великой грѣшницы графини Дюбарри и всѣхъ ей подобныхъ», а ужъ это совсѣмъ другое: ибо много таковыхъ грѣшницъ великихъ и образцовъ перемѣны фортуны, и вытерпѣвшихъ, которыя тамъ теперь мятутся и стонутъ, и ждутъ: да я и за тебя, и за такихъ-же какъ ты, тебѣ подобныхъ, нахаловъ и обидчиковъ, тогда-же молился, если ужъ взялся подслушивать, какъ я молюсь...

— Ну, довольно, полно, молись за кого хочешь, чортъ съ тобой, раскричался! досадливо перебилъ племянникъ. — Вѣдь онъ у насъ пречитанный, вы, князь, не знали? прибавилъ онъ съ какою-то недоброю усмѣшкой: — все теперь разныя вотъ этакія книжки да мемуары читаетъ.

— Ванъ дядя все-таки... не безсердечный-же человѣкъ, нехотя замѣтилъ князь. Ему этотъ молодой человѣкъ становился весьма противенъ.

— Да вы его у насъ, пожалуй, этакъ захвалите! Видите, ужъ онъ и руку къ сердцу, и ротъ въ ужицу, тотчасъ разлакомился. Не безсердечный-то, пожалуй, да плутъ, вотъ бѣда: да къ тому-же еще и пьянъ, весь развинтился, какъ и всякій нѣсколько лѣтъ пьяный человѣкъ, оттого у него все и скрипитъ. Хотѣл-то онъ по-

бить, положимъ, тетку покойницу уважалъ... Меня тоже любитъ и вѣдь въ завѣщаніи, ей Богу, мнѣ часть оставилъ.

— Н-ничего не оставлю! съ ожесточеніемъ вскричалъ Лебедевъ.

Послушайте, Лебедевъ, твердо сказалъ князь, отворачиваясь отъ молодаго человѣка,—я вѣдь знаю по опыту, что вы человѣкъ дѣловой. когда захотите... У меня теперь времени очень мало, и если вы... Извините, какъ васъ по имени-отчеству, я забылъ?

— Ти-ти-Тимоѳей.

— И?

Лукьяновичъ.

Всѣ бывшіе въ комнатѣ опять разсмѣялись.

Совралъ! крикнулъ племянникъ:—и тутъ совралъ! Его, князь, зовутъ вовсе не Тимоѳей Лукьяновичъ, а Лукьянъ Тимоѳеевичъ! Ну зачѣмъ, скажи, ты совралъ? Ну не все-ли равно тебѣ, что Лукьянъ, что Тимоѳей, и что̀ князю до этого? Вѣдь изъ повадки одной только и вретъ, увѣряю васъ!

Неужели правда? въ нетерпѣніи спросилъ князь.

Лукьянъ Тимоѳеевичъ, дѣйствительно, согласился и закон-фузился Лебедевъ, покорно опуская глаза и опять кладя руку на сердце.

— Да зачѣмъ-же вы это, ахъ Боже мой!

Изъ самоумаленія, прошепталъ Лебедевъ, все болѣе и покорнѣе поникая своею головой.

— Эхъ, какое тутъ самоумаленіе! Если-бъ я только зналъ гдѣ теперь Колю найдти! сказалъ князь и повернулся было уходить.

— Я вамъ скажу гдѣ Коля, вызвался опять молодой человѣкъ.

Ни-ни-ни! вскинулся и засуетился въ попыхахъ Лебедевъ.

— Коля здѣсь ночевалъ, но на-утро пошелъ своего генерала розыскивать, котораго вы изъ отдѣленія, князь, Богъ знаетъ для чего, выкупили. Генералъ еще вчера обѣщалъ сюда-же ночевать пожаловать, да не пожаловалъ. Вѣроятнѣе всего въ гостинницѣ Вѣсы, тутъ очень недалеко, заночевалъ. Коля, стало быть, тамъ, или въ Павловскѣ, у Епанчиныхъ. У него деньги были, онъ еще вчера хотѣлъ ѣхать. И такъ, стало быть, въ Вѣсахъ или въ Павловскѣ.

— Въ Павловскѣ, въ Павловскѣ!.. А мы сюда, сюда, въ садикъ и... кофейку...

И Лебедевъ потащилъ князя за руку. Они вышли изъ комнаты, прошли дворикъ и вошли въ калитку. Тутъ дѣйствительно былъ очень маленькій и очень миленькій садикъ, въ которомъ, благодаря хорошей погодѣ, уже распустились всѣ деревья. Лебедевъ посадилъ князя на зеленую деревянную скамейку, за зеленый вдѣланный въ

земло столъ, и самъ помѣстился напротивъ него. Черезъ минуту, дѣйствительно, явился и кофей. Князь не отказался. Лебедевъ подобострастно и жадно продолжалъ засматривать ему въ глаза.

— Я и не зналъ, что у васъ такое хозяйство, сказалъ князь, съ видомъ человѣка, думающаго совсѣмъ о другомъ.

— Си-сироты, началъ было, покоробившись, Лебедевъ, но пріостановился; князь разсѣянно смотрѣлъ предъ собой и ужь, конечно, забылъ свой вопросъ. Прошло еще съ минуту: Лебедевъ выматривалъ и ожидалъ.

— Ну, что-же? сказалъ князь, какъ-бы очнувшись: —ахъ, да! Вѣдь вы знаете сами, Лебедевъ, въ чемъ наше дѣло: я пріѣхалъ по вашему-же письму. Говорите.

Лебедевъ смутился, хотѣлъ что-то сказать, но только запнулся: ничего не выговорилось. Князь подождалъ и грустно улыбнулся.

— Кажется, я очень хорошо васъ понимаю, Лукьянъ Тимофеевичъ: вы меня, навѣрно, не ждали. Вы думали, что я изъ моей глуши не подымусь по вашему первому увѣдомленію, и написали для очистки совѣсти. А я вотъ и пріѣхалъ. Ну, полноте, не обманывайте. Полноте служить двумъ господамъ. Рогожинъ здѣсь уже три недѣли, я все знаю. Успѣли вы ее продать ему, какъ въ тотдашній разъ, или нѣтъ? Скажите правду.

— Извергъ самъ узналъ, самъ.

— Не браните его; онъ, конечно, съ вами поступилъ дурно...

— Избилъ, избилъ! подхватилъ съ ужаснѣйшимъ жаромъ Лебедевъ: — и собакой въ Москвѣ травилъ, по всей улицѣ, борзою сукой. Ужастенная сука.

— Вы меня за маленькаго принимаете, Лебедевъ. Скажите серіозно: она оставила его теперь-то, въ Москвѣ-то?

— Серіозно, серіозно, онять изъ-подъ самаго вѣнца. Тотъ уже минуты считалъ, а она сюда въ Петербургъ и прямо ко мнѣ: «Спаси, сохрани, Лукьянъ, и князю не говори... Она, князь, васъ еще болѣе его боится, и здѣсь — премудрость!

И Лебедевъ лукаво приложилъ палецъ ко лбу.

— А теперь вы ихъ опять свели?

— Сіятельнѣйшій князь, какъ могъ... какъ могъ я не допустить?

Ну, довольно, я самъ все узнаю. Скажите только гдѣ теперь она? У него?

— О, нѣтъ! Ни-ни! Еще сама по себѣ. Я, говоритъ, свободна, и знаете, князь, сильно стоитъ на томъ, я, говоритъ, еще совершенно свободна! Все еще на Петербургской, въ домѣ моей свояченицы проживаетъ, какъ и писалъ я вамъ.

— И теперь тамъ?

— Тамъ, если не въ Павловскѣ, по хорошей погодѣ, у Дарьи Алексѣевны на дачѣ. Я, говоритъ, совершенно свободна; еще вчера Николаю Ардаліоновичу про свою свободу много хвалилась. Признакъ дурной-съ!

И Лебедевъ осклабился.

— Коля часто у ней?

— Легкомысленъ и непостижимъ, и не секретенъ.

— Тамъ давно были?

— Каждый день, каждый день.

— Вчера, стало быть?

— Н-нѣтъ; четвертаго дня-съ.

— Какъ жаль, что вы немного выпили, Лебедевъ! А то-бы я васъ спросилъ.

— Ни-ни-ни, ни въ одномъ глазу!

Лебедевъ такъ и поставился.

— Скажите мнѣ, какъ вы ее оставили?

— Н-искательна...

— Искательна?

— Какъ-бы все ищетъ чего-то, какъ-бы потеряла что-то. О предстоящемъ-же бракѣ даже мысль омерзѣла и за обидное принимаетъ. О *немъ*-же самомъ какъ объ апельсинной коркѣ помышляетъ, не болѣе, то есть и болѣе, со страхомъ и ужасомъ, даже говорить запрещаетъ, а видятся развѣ только что по необходимости... и онъ это слишкомъ чувствуетъ! А не миновать-съ!.. Безпокойна, насмѣшлива, двуязычна, вскидчива...

— Двуязычна и вскидчива?

— Вскидчива; ибо вмалѣ не вцѣпилась мнѣ прошлый разъ въ волосы за одинъ разговоръ. Апокалипсомъ сталъ отчитывать.

— Какъ такъ? переспросилъ князь, думая, что ослышался.

— Чтеніемъ Апокалипсиса. Дама съ воображеніемъ безпокойнымъ, хе-хе! И къ тому-же вывелъ наблюденіе, что къ темамъ серіознымъ, хотя-бы и постороннимъ, слишкомъ наклонна. Любитъ, любитъ и даже за особое уваженіе къ себѣ принимаетъ. Да-съ. Я-же въ толкованіи Апокалипсиса силенъ и толкую пятнадцатый годъ. Согласилась со мной, что мы при третьемъ конѣ, воронómъ, и при всадникѣ, имѣющемъ мѣру въ рукѣ своей, такъ какъ все въ нынѣшній вѣкъ на мѣрѣ и на договорѣ, и всѣ люди своего только права и ищутъ: «мѣра пшеницы за динарій и три мѣры ячменя за динарій ... да еще духъ свободный и сердце чистое, и тѣло здравое, и всѣ дары Божіи при этомъ хотятъ сохранить. Но на единомъ правѣ не сохранятъ, и за симъ послѣдуетъ конь блѣдный и

тотъ, коему имя Смерть, а за нимъ уже адъ... Объ этомъ, сходясь, и толкуемъ, и—сильно подѣйствовало.

— Вы сами такъ вѣруете? спросилъ князь, страннымъ взглядомъ оглянувъ Лебедева.

— Вѣрую и толкую. Ибо ницъ и нагъ, и атомъ въ коловращеніи людей. И кто почтитъ Лебедева? Всякъ изощряется надъ нимъ и всякъ вмалѣ не пинкомъ сопровождаетъ его. Тутъ-же, въ толкованіи семъ, я равенъ вельможѣ. Ибо умъ! И вельможа затрепеталъ у меня... на креслѣ своемъ, осязая умомъ. Его высокопревосходительство, Нилъ Алексѣевичъ, третьяго года, передъ Святой, прослышали,—когда я еще служилъ у нихъ въ департаментѣ,—и нарочно потребовали меня изъ дежурной къ себѣ въ кабинетъ чрезъ Петра Захарыча, и вопросили наединѣ: правда-ли, что ты профессоръ Антихриста? И не потаилъ: «азъ есмь», говорю, и изложилъ, и представилъ, и страха не смягчилъ, но еще мысленно, развернувъ аллегорическій свитокъ, усилилъ и цифры подвелъ. И усмѣхались, но на цифрахъ и на подобіяхъ стали дрожать, и книгу просили закрыть, и уйти, и награжденіе мнѣ къ Святой назначили, а на Ѳоминой Богу душу отдали.

— Что вы, Лебедевъ?

— Какъ есть. Изъ коляски упали послѣ обѣда... височкомъ о тумбочку, и какъ ребеночекъ, какъ ребеночекъ, тутъ-же и отошли. Семьдесятъ три года по формуляру значилось: красненькій, съденькій, весь духами опрысканный, и все бывало улыбались, все улыбались, словно ребеночекъ. Вспомнили тогда Петръ Захарычъ: «это ты предрекъ», говоритъ.

Князь сталъ вставать. Лебедевъ удивился и даже былъ озадаченъ, что князь уже встаетъ.

— Равнодушны ужь очень стали-съ, хе-хе! подобострастно осмѣлился онъ замѣтить.

— Право, я чувствую себя не такъ здоровымъ, у меня голова тяжела отъ дороги, что-ль, отвѣчалъ князь, нахмурясь.

— На дачку-бы вамъ-съ, робко подвелъ Лебедевъ.

Князь стоялъ, задумавшись.

— Я вотъ и самъ, дня три переждавъ, со всѣми домочадцами на дачу, чтобъ и новорожденнаго птенца сохранить, и здѣсь въ домикѣ тѣмъ временемъ все поисправить. И тоже въ Павловскъ.

— И вы тоже въ Павловскъ? спросилъ вдругъ князь. Да что это, здѣсь всѣ, что-ли, въ Павловскъ? И у васъ, вы говорите, тамъ своя дача есть?

— Въ Павловскъ не всѣ-съ. А мнѣ Иванъ Петровичъ Птицынъ уступилъ одну изъ дачъ, дешево ему доставшихся. И хорошо,

и возвышенно, и зелено, и дешево, и бонтонно, и музыкально, и вотъ потому и всѣ въ Павловскъ. Я, впрочемъ, во флигелечкѣ, а собственно дачку...

— Отдали?

— Н-н-нѣтъ. Не... не совсѣмъ-съ.

— Отдайте мнѣ, вдругъ предложилъ князь.

Кажется, къ тому только и подводилъ Лебедевъ. У него эта идея три минуты назадъ въ головѣ мелькнула. А между тѣмъ въ жильцѣ онъ уже не нуждался: дачный наемщикъ уже былъ у него и самъ извѣстилъ, что дачу, можетъ быть, и займетъ. Лебедевъ-же зналъ утвердительно, что не можетъ быть, а навѣрно займетъ. Но теперь у него вдругъ мелькнула одна, по его разсчету, очень плодотворная мысль, передать дачу князю, пользуясь тѣмъ, что прежній наемщикъ выразился неопредѣлительно. Цѣлое столкновеніе и цѣлый новый оборотъ дѣла представился вдругъ воображенію его. Предложеніе князя онъ принялъ чуть не съ восторгомъ, такъ что на прямой вопросъ его о нѣнѣ даже замахалъ руками.

— Ну, какъ хотите: я справлюсь: своего не потеряете.

Оба они уже выходили изъ сада,

А я-бы вамъ... я-бы вамъ... если-бы захотѣли, я бы вамъ кое что весьма интересное, высокочтимый князь, могъ-бы сообщить, къ тому-же предмету относящееся, пробормоталъ Лебедевъ, на радости увиваясь сбоку около князя.

Князь пріостановился.

— У Дарьи Алексѣевны тоже въ Павловскѣ дачка-съ.

— Ну?

— А извѣстная особа съ ней пріятельница и, повидимому, часто намѣрена посѣщать ее въ Павловскѣ. Съ цѣлью.

— Ну?

— Аглая Ивановна...

Ахъ, довольно, Лебедевъ! съ какимъ-то непріятнымъ ощущеніемъ перебилъ князь, точно дотронулись до его больнаго мѣста.— Все это... не такъ. Скажите лучше, когда переѣзжаете? Мнѣ чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше, потому что я въ гостинницѣ...

Разговаривая, они вышли изъ сада, и, не заходя въ комнаты, перешли дворикъ и подошли къ калиткѣ.

— Да чего лучше, вздумалъ, наконецъ, Лебедевъ, — переѣзжайте ко мнѣ прямо изъ гостинницы, сегодня-же, а послѣзавтра мы всѣ вмѣстѣ и въ Павловскъ.

— Я увижу, сказалъ князь задумчиво, и вышелъ за ворота.

Лебедевъ посмотрѣлъ ему вслѣдъ. Его поразила внезапная разсѣянность князя. Выходя, онъ забылъ даже сказать прощайте.

даже головой не кивнулъ, что̀ не совмѣстно было съ извѣстною Лебедеву вѣжливостью и внимательностью князя.

III.

Былъ уже двѣнадцатый часъ. Князь зналъ, что у Епанчиныхъ въ городѣ онъ можетъ застать теперь одного только генерала, по службѣ, да и то навряд. Ему подумалось, что генералъ, пожалуй, еще возьметъ его и тотчасъ-же отвезетъ въ Павловскъ, а ему до того времени очень хотѣлось сдѣлать одинъ визитъ. На рискъ опоздать къ Епанчинымъ и отложить свою поѣздку въ Павловскъ до завтра, князь рѣшился идти розыскивать домъ, въ который ему такъ хотѣлось зайдти.

Визитъ этотъ былъ для него, впрочемъ, въ нѣкоторомъ отношеніи рискованнымъ. Онъ затруднялся и колебался. Онъ зналъ про домъ, что онъ находится въ Гороховой, неподалеку отъ Садовой, и положилъ идти туда, въ надеждѣ, что дойдя до мѣста, онъ успѣетъ наконецъ рѣшиться окончательно.

Подходя къ перекрестку Гороховой и Садовой, онъ самъ удивился своему необыкновенному волненію; онъ и не ожидалъ, что у него съ такою болью будетъ биться сердце. Одинъ домъ, вѣроятно, по своей особенной физіономіи, еще издали сталъ привлекать его вниманіе, и князь помнилъ потомъ, что сказалъ себѣ: «Это навѣрно тотъ самый домъ». Съ необыкновеннымъ любопытствомъ подходилъ онъ провѣрить свою догадку: онъ чувствовалъ, что ему почему-то будетъ особенно непріятно, если онъ угадалъ. Домъ этотъ былъ большой, мрачный, въ три этажа, безъ всякой архитектуры, цвѣта грязно-зеленаго. Нѣкоторые, очень впрочемъ не многіе, дома въ этомъ родѣ, выстроенные въ концѣ прошлаго столѣтія, уцѣлѣли именно въ этихъ улицахъ Петербурга (въ которомъ все такъ скоро мѣняется) почти безъ перемѣны. Строены они прочно, съ толстыми стѣнами и чрезвычайно рѣдкими окнами; въ нижнемъ этажѣ окна иногда съ рѣшетками. Большею частью внизу мѣняльная лавка. Сконецъ, засѣдающій въ лавкѣ, нанимаетъ вверху. И снаружи, и внутри, какъ-то негостепріимно и сухо, все какъ будто скрывается и таится, а почему такъ кажется по одной физіономіи дома,—было бы трудно объяснить. Архитектурныя сочетанія линій имѣютъ, конечно, свою тайну. Въ этихъ домахъ проживаютъ почти исключительно одни торговые. Подойдя къ воротамъ и взглянувъ на над-

нись, князь прочелъ: «Домъ потомственнаго почетнаго гражданина Рогожина».

Переставъ колебаться, онъ отворилъ стеклянную дверь, которая шумно за нимъ захлопнулась, и сталъ всходить по парадной лѣстницѣ во второй этажъ. Лѣстница была темная, каменная, грубаго устройства, а стѣны ея окрашены красною краской. Онъ зналъ, что Рогожинъ съ матерью и братомъ занимаетъ весь второй этажъ этого скучнаго дома. Отворившій князю человѣкъ провелъ его безъ доклада и велъ долго; проходили они и одну парадную залу, которой стѣны были подъ мраморъ, со штучнымъ, дубовымъ поломъ и съ мебелью двадцатыхъ годовъ, грубою и тяжеловѣсною, проходили и какія-то маленькія клѣтушки, дѣлая крючки и зигзаги, поднимаясь на двѣ, на три ступени и на столько-же спускаясь внизъ, и наконецъ постучались въ одну дверь. Дверь отворилъ самъ Парфенъ Семенычъ: увидѣвъ князя, онъ до того побѣдѣлъ и остолбенѣлъ на мѣстѣ, что нѣкоторое время похожъ былъ на каменнаго истукана, смотря своимъ неподвижнымъ и испуганнымъ взглядомъ и скрививъ ротъ въ какую-то въ высшей степени недоумѣвающую улыбку,—точно въ посѣщеніи князя онъ находилъ что-то невозможное и почти чудесное. Князь хоть и ожидалъ чего нибудь въ этомъ родѣ, но даже удивился.

— Парфенъ, можетъ, я не кстати, я вѣдь и уйду, проговорилъ онъ наконецъ въ смущеніи.

— Кстати! Кстати! опомнился наконецъ Парфенъ, — милости просимъ, входи!

Они говорили другъ другу *ты*. Въ Москвѣ имъ случалось сходиться часто и подолгу, было даже нѣсколько мгновеній въ ихъ встрѣчахъ, слишкомъ замѣтно запечатлѣвшихся другъ у друга въ сердцѣ. Теперь-же они мѣсяца три слишкомъ какъ не видались.

Блѣдность и какъ-бы мелкая, бѣглая судорога все еще не покидали лица Рогожина. Онъ хоть и позвалъ гостя, но необыкновенное смущеніе его продолжалось. Пока онъ подводилъ князя къ кресламъ и усаживалъ его къ столу, тотъ случайно обернулся къ нему и остановился подъ впечатлѣніемъ чрезвычайно страннаго и тяжелаго его взгляда. Что-то ему припомнилось—недавнее, тяжелое, мрачное. Не садясь и остановившись неподвижно, онъ нѣкоторое время смотрѣлъ Рогожину прямо въ глаза: они еще какъ-бы сильнѣе блеснули въ первое мгновеніе. Наконецъ Рогожинъ усмѣхнулся, но нѣсколько смутившись и какъ-бы потерявшись.

— Что ты такъ смотришь пристально? пробормоталъ онъ:—садись!

Князь сѣлъ.

— Парѳенъ, сказалъ онъ,—скажи мнѣ прямо, зналъ ты, что я пріѣду сегодня въ Петербургъ, или нѣтъ?

— Что ты пріѣдешь, я такъ и думалъ, и видишь, не ошибся, прибавилъ тотъ, язвительно усмѣхнувшись,—но почемъ я зналъ, что ты сегодня пріѣдешь?

Нѣкоторая рѣзкая порывчатость и странная раздражительность вопроса, заключавшагося въ отвѣтѣ, еще болѣе поразили князя.

— Да хоть-бы и зналъ, что *сегодня*, изъ-за чего-же такъ раздражаться? тихо промолвилъ князь въ смущеніи.

— Да ты къ чему спрашиваешь-то?

— Давеча, выходя изъ вагона, я увидѣлъ пару совершенно такихъ-же глазъ, какими ты сейчасъ сзади поглядѣлъ на меня.

— Вона! Чьи-же были глаза-то? подозрительно пробормоталъ Рогожинъ. Князю показалось, что онъ вздрогнулъ.

— Не знаю: въ толпѣ, мнѣ даже кажется, что померещилось: мнѣ начинаетъ все что-то мерещиться. Я, братъ Парѳенъ, чувствую себя почти въ родѣ того, какъ бывало со мной лѣтъ пять назадъ, еще когда припадки приходили.

— Что-жь, можетъ, и померещилось; я не знаю... бормоталъ Парѳенъ.

Ласковая улыбка на лицѣ его очень не шла къ нему въ эту минуту, точно въ этой улыбкѣ что-то сломалось, и какъ будто Парѳенъ никакъ не въ силахъ былъ склеить ее, какъ ни пытался.

— Что-жь, опять за границу что-ли? спросилъ онъ и вдругъ прибавилъ:—А помнишь, какъ мы въ вагонѣ, по осени, изъ Пскова ѣхали, я сюда, а ты... въ плащѣ-то, помнишь, штиблетишки-то?

И Рогожинъ вдругъ засмѣялся, въ этотъ разъ съ какою-то откровенною злобой, и точно обрадовавшись, что удалось хоть чѣмъ нибудь ее выразить.

— Ты здѣсь совсѣмъ поселился? спросилъ князь, оглядывая кабинетъ.

— Да, я у себя. Гдѣ-же мнѣ и быть-то?

— Давно мы не видались. Про тебя я такія вещи слышалъ, что какъ будто и не ты.

— Мало-ли что не наскажутъ, сухо замѣтилъ Рогожинъ.

— Однако-же ты всю компанію разогналъ: самъ вотъ въ родительскомъ домѣ сидишь, не проказишь. Что-жь, хорошо. Домъ-то твой или вашъ общій?

— Домъ матушкинъ. Къ ней сюда чрезъ коридоръ.

— А гдѣ братъ твой живетъ?

— Братъ Семенъ Семенычъ во флигелѣ.

— Семейный онъ?

— Вдовый. Тебѣ для чего это надо?

Князь поглядѣлъ и не отвѣтилъ; онъ вдругъ задумался и, кажется, не слыхалъ вопроса. Рогожинъ не настаивалъ и выжидалъ. Помолчали.

— Я твой домъ сейчасъ, подходя, за сто шаговъ угадалъ, сказалъ князь.

— Почему такъ?

— Не знаю совсѣмъ. Твой домъ имѣетъ физіономію всего вашего семейства и всей вашей рогожинской жизни, а спроси, почему я этакъ заключилъ, — ничѣмъ объяснить не могу. Бредъ, конечно. Даже боюсь, что это меня такъ безпокоитъ. Прежде и не вздумалъ-бы, что ты въ такомъ домѣ живешь, а какъ увидалъ его, такъ сейчасъ и подумалось: «да вѣдь такой точно у него и долженъ быть домъ!»

— Вишь! неопредѣленно усмѣхнулся Рогожинъ, не совсѣмъ понимая неясную мысль князя.—Этотъ домъ еще дѣдушка строилъ, замѣтилъ онъ. —Въ немъ все сколцы жили, Худяковы, да и теперь у насъ нанимаютъ.

— Мракъ-то какой. Мрачно ты сидишь, сказалъ князь, оглядывая кабинетъ.

Это была большая комната, высокая, темноватая, заставленная всякою мебелью, большею частію большими дѣловыми столами, бюро, шкафами, въ которыхъ хранились дѣловыя книги и какія-то бумаги. Красный, широкій, сафьянный диванъ, очевидно, служилъ Рогожину постелью. Князь замѣтилъ на столѣ, за который усадилъ его Рогожинъ, двѣ-три книги: одна изъ нихъ, исторія Соловьева, была развернута и заложена отмѣткой. По стѣнамъ висѣло въ тусклыхъ золоченыхъ рамахъ нѣсколько масляныхъ картинъ, темныхъ, закоптѣлыхъ и на которыхъ очень трудно было что нибудь разобрать. Одинъ портретъ во весь ростъ привлекъ на себя вниманіе князя: онъ изображалъ человѣка лѣтъ пятидесяти, въ сюртукѣ покроя нѣмецкаго, но длиннополомъ, съ двумя медалями на шеѣ, съ очень рѣдкою и коротенькою сѣдоватою бородкой, со сморщеннымъ и желтымъ лицомъ, съ подозрительнымъ, скрытнымъ и скорбнымъ взглядомъ.

— Это ужь не отецъ-ли твой? спросилъ князь.

Онъ самый и есть, отвѣчалъ съ непріятною усмѣшкой Рогожинъ, точно готовясь къ немедленной безцеремонной какой нибудь шуткѣ на счетъ покойнаго своего родителя.

— Онъ былъ вѣдь не изъ старообрядцевъ?

— Нѣтъ, ходилъ въ церковь, а это правда, говорилъ, что по старой вѣрѣ правильнѣе. Скопцовъ тоже уважалъ очень.

Это вотъ его кабинетъ и былъ. Ты почему спросилъ по старой-ли вѣрѣ?

— Свадьбу-то здѣсь справлять будешь?

З-здѣсь, отвѣтилъ Рогожинъ, чуть не вздрогнувъ отъ неожиданнаго вопроса.

— Скоро у васъ?

— Самъ знаешь, отъ меня-ли зависитъ?

— Парфенъ, я тебѣ не врагъ и мѣшать тебѣ ни въ чемъ не намѣренъ. Это я теперь повторяю такъ-же, какъ заявлялъ и прежде, одинъ разъ, въ такую-же почти минуту. Когда въ Москвѣ твоя свадьба шла, я тебѣ не мѣшалъ, ты знаешь. Въ первый разъ *она* сама ко мнѣ бросилась, чуть не изъ-подъ вѣнца, прося «спасти» ее отъ тебя. Я ея собственныя слова тебѣ повторяю. Потомъ и отъ меня убѣжала, ты опять ее розыскалъ и къ вѣнцу повелъ, и вотъ, говорятъ, она опять отъ тебя убѣжала сюда. Правда-ли это? Мнѣ такъ Лебедевъ далъ знать, я потому и пріѣхалъ. А о томъ, что у васъ опять здѣсь сладилось, я только вчера въ вагонѣ въ первый разъ узналъ отъ одного изъ твоихъ прежнихъ пріятелей, отъ Залёжева, если хочешь знать. Ѣхалъ-же я сюда имѣя намѣреніе: я хотѣлъ *ее*, наконецъ, уговорить за границу поѣхать, для поправленія здоровья; она очень разстроена и тѣломъ, и душой, головой особенно, и, по моему, въ большомъ уходѣ нуждается. Самъ я за границу ее сопровождать не хотѣлъ, а имѣлъ въ виду все это безъ себя устроить. Говорю тебѣ истинную правду. Если совершенная правда, что у васъ опять это дѣло сладилось, то я и на глаза ей не покажусь, да и къ тебѣ больше никогда не приду. Ты самъ знаешь, что я тебя не обманываю, потому что всегда былъ откровенъ съ тобой. Своихъ мыслей объ этомъ я отъ тебя никогда не скрывалъ и всегда говорилъ, что за тобою *ей* непремѣнная гибель. Тебѣ тоже погибель... можетъ быть, еще пуще чѣмъ ей. Если-бы вы опять разошлись, то я былъ-бы очень доволенъ: но разстраивать и разлаживать васъ самъ я не намѣренъ. Будь-же спокоенъ и не подозрѣвай меня. Да и самъ ты знаешь: былъ-ли я когда нибудь твоимъ *настоящимъ* соперникомъ, даже и тогда, когда она ко мнѣ убѣжала. Вотъ ты теперь засмѣялся: я знаю чему ты усмѣхнулся. Да, мы жили тамъ розно и въ разныхъ городахъ, и ты все это знаешь *навѣрно*. Я вѣдь тебѣ уже и прежде растолковалъ, что я *ее* не любовью люблю, а жалостью. Я думаю, что я это точно опредѣляю. Ты говорилъ тогда, что эти слова мои понялъ; правда-ли? Понялъ-ли? Вонъ какъ ты ненавистно смотришь! Я тебя успокоить пришелъ, потому что и ты мнѣ дорогъ. Я очень тебя люблю, Парфенъ. А теперь уйду и никогда не приду. Прощай.

Князь всталъ.

— Посиди со мной, тихо сказалъ Парфенъ, не подымаясь съ мѣста и склонивъ голову на правую ладонь:—я тебя давно не видалъ.

Князь сѣлъ. Оба опять замолчали.

— Я, какъ тебя нѣтъ предо мною, то тотчасъ-же къ тебѣ злобу и чувствую, Левъ Николаевичъ. Въ эти три мѣсяца, что я тебя не видалъ, каждую минуту на тебя злобился, ей-Богу. Такъ-бы тебя взялъ и отравилъ чѣмъ нибудь! Вотъ какъ. Теперь ты четверти часа со мной не сидишь, а ужъ вся злоба моя проходитъ, и ты мнѣ опять попрежнему любъ. Посиди со мной...

— Когда я съ тобой, то ты мнѣ вѣришь, а когда меня нѣтъ, то сейчасъ перестаешь вѣрить и опять подозрѣваешь. Въ батюшку ты! дружески усмѣхнувшись и стараясь скрыть свое чувство, отвѣчалъ князь.

— Я твоему голосу вѣрю, какъ съ тобой сижу. Я вѣдь понимаю-же, что насъ съ тобой нельзя равнять, меня да тебя...

— Зачѣмъ ты это прибавилъ? И вотъ опять раздражился, сказалъ князь, дивясь на Рогожина.

— Да ужъ тутъ, братъ, не нашего мнѣнія спрашиваютъ, отвѣчалъ тотъ, — тутъ безъ насъ положили. Мы вотъ и любимъ тоже по-розну, во всемъ, то есть. разница, продолжалъ онъ тихо и помолчавъ. — Ты вотъ жалостью, говоришь, ее любишь. Никакой такой во мнѣ нѣтъ къ ней жалости. Да и ненавидитъ она меня пуще всего. Она мнѣ теперь во снѣ снится каждую ночь: все что она съ другимъ надо мной смѣется. Такъ оно, братъ, и есть. Со мной къ вѣнцу идетъ. а и думать-то обо мнѣ и позабыла, точно башмакъ мѣняетъ. Вѣришь-ли. пять дней ее не видалъ, потому что ѣхать къ ней не смѣю: спроситъ: зачѣмъ пожаловалъ?» Мало она меня срамила...

— Какъ срамила? Что ты?

— Точно не знаетъ! Да вѣдь вотъ съ тобою-же отъ меня бѣжала изъ подъ вѣнца , самъ сейчасъ выговорилъ.

— Вѣдь ты-же самъ не вѣришь, что...

— Развѣ она съ офицеромъ, съ Земтюжниковымъ, въ Москвѣ меня не срамила? Навѣрно знаю, что срамила, и ужъ послѣ того какъ вѣнцу сама назначила срокъ.

— Быть не можетъ! вскричалъ князь.

— Вѣрно знаю, съ убѣжденіемъ подтвердилъ Рогожинъ.—Что, не такая, что-ли? Это, братъ, нечего и говорить, что не такая. Одинъ это только взоръ. Съ тобой она будетъ не такая, и сама, пожалуй, этакому дѣлу ужаснется, а со мной вотъ именно такая. Вѣдь ужъ такъ. Какъ на послѣднюю самую инвалъ на меня смо-

тритъ. Съ Келлеромъ, вотъ съ этимъ офицеромъ, что боксомъ дрался, такъ навѣрно знаю для одного смѣху надо мной сочинила... Да ты не знаешь еще, что она надо мной въ Москвѣ выдѣлывала! А денегъ-то, денегъ сколько я перевелъ...

— Да... какъ-же ты теперь женишься!.. Какъ потомъ-то будешь? съ ужасомъ спросилъ князь.

Рогожинъ тяжело и странно поглядѣлъ на князя и ничего не отвѣтилъ.

— Я теперь ужь пятый день у ней не былъ, продолжалъ онъ, помолчавъ съ минуту.— Все боюсь, что выгонитъ. Я, говоритъ, еще сама себѣ госпожа: захочу, такъ и совсѣмъ тебя прогоню, а сама за границу поѣду (это ужь она мнѣ говорила, что за границу-то поѣдетъ, замѣтилъ онъ какъ-бы въ скобкахъ, и какъ-то особенно поглядѣвъ въ глаза князю); иной разъ, правда, только нужаетъ, все ей смѣшно на меня отчего-то. А въ другой разъ и въ самомъ дѣлѣ нахмурится, насупится, слова не выговоритъ: я вотъ этого-то и боюсь. Опомнясь подумалъ: стану пріѣзжать не съ пустыми руками, — такъ только ее насмѣшилъ, а потомъ и въ злость даже вошла. Горничной Катькѣ такую мою одну шаль подарила, что хоть и въ роскоши она прежде жила, а, можетъ, такой еще и не видывала. А о томъ, когда вѣнчаться, и заикнуться нельзя. Какой тутъ женихъ, когда и просто пріѣхать боится? Вотъ и сижу, а не втерпежъ станетъ, такъ такимъ да крадучись мимо дома ея по улицѣ и хожу, или за угломъ гдѣ прячусь. Опомнясь чуть не до свѣту близъ воротъ ея продежурилъ, — померещилось что-то мнѣ тогда. А она, знать, подглядѣла въ окошко: что-же бы ты, говоритъ, со мной сдѣлалъ, кабы обманъ увидалъ? Я не вытерпѣлъ, да и говорю: «сама знаешь».

— Что-же знаетъ?

— А почему и я-то знаю! злобно засмѣялся Рогожинъ. — Въ Москвѣ я ее тогда ни съ кѣмъ не могъ изловить, хоть и долго ловилъ. Я ее тогда однажды взялъ да и говорю: ты подъ вѣнецъ со мной обѣщалась, въ честную семью входишь, а знаешь ты теперь кто такая? Ты, говорю, вотъ какая!»

— Ты ей сказалъ?

— Сказалъ.

— Ну?

— «Я тебя, говоритъ, теперь и въ лакеи-то къ себѣ, можетъ, взять не захочу, не то что женой твоей быть». — А я, говорю, такъ не выйду, одинъ конецъ!» — А я, говоритъ, сейчасъ Келлера позову, скажу ему, онъ тебя за ворота и вышвыритъ». Я и кинулся на нее, да тутъ-же до синяковъ и избилъ.

— Быть не можетъ! вскричалъ князь.

— Говорю: было. тихо, но сверкая глазами подтвердилъ Рогожинъ.—Полторы сутки ровно не спалъ, не ѣлъ, не пилъ, изъ комнаты ея не выходилъ, на колѣнки передъ нею становился: Умру, говорю, не выйду, пока не простишь, а прикажешь вывести—утопилось: потому—что я безъ тебя теперь буду? Точно сумасшедшая она была весь тотъ день, то плакала, то убивать меня собиралась ножомъ, то ругалась надо мной. Залёжева, Келлера и Земтюжникова, и всѣхъ созвала, на меня имъ показывать, срамить. Поѣдемте, господа, всей компаніей сегодня въ театръ, пусть онъ здѣсь сидитъ, коли выйдти не хочетъ, я для него не привязана. А вамъ здѣсь, Парфенъ Семенычъ, чаю безъ меня подадутъ. вы, должно быть, проголодались сегодня . Воротилась изъ театра одна: они, говоритъ, трусишки и подлецы, тебя боятся, да и меня пугаютъ; говорятъ, онъ такъ не уйдетъ. пожалуй, зарѣжетъ. А я вотъ какъ въ спальню пойду, такъ дверь и не запру за собой: вотъ какъ я тебя боюсь! Чтобы ты зналъ и видѣлъ это! Пилъ ты чай? —

Нѣтъ, говорю, и не стану . — Была-бы честь приложена, а ужь очень не идетъ къ тебѣ это . И какъ сказала, такъ и сдѣлала. комнату не заперла. На утро вышла — смѣется: Ты съ ума сошелъ, что-ли, говоритъ? Вѣдь этакъ ты съ голоду помрешь?: — Прости . говорю.— Не хочу прощать, не пойду за тебя, сказано. Неужто ты всю ночь на этомъ креслѣ сидѣлъ, не спалъ? — Нѣтъ, говорю, не спалъ.— Какъ умѣлъ-то! А чаю пить и обѣдать опять не будешь? — Сказалъ не буду—прости! — Ужь какъ это къ тебѣ не идетъ, говоритъ. если-бъ ты только зналъ, какъ къ коровѣ сѣдло. Ужь не пугать-ли ты меня вздумалъ? Экая мнѣ бѣда какая, что ты голодный просидишь: вотъ испугалъ-то! Разсердилась да не на долго, опять шпынять меня принялась. И подивился я тутъ на нее, что это у ней совсѣмъ этой злобы нѣтъ? А вѣдь она зло помнитъ, долго на другихъ зло помнитъ! Тогда вотъ мнѣ въ голову и пришло, что до того она меня низко почитаетъ. что и зла-то на мнѣ большаго держать не можетъ! И это правда. «Знаешь ты. говоритъ. что такое паша римскій? — Слыхалъ . говорю.— Ты. говоритъ, Парфенъ Семенычъ. исторіи всеобщей ничего не учился . — Я ничему, говорю, не учился .— Такъ вотъ я тебѣ, говоритъ, дамъ прочесть: былъ такой одинъ паша, и на императора одного разсердился, и тотъ у него три дня не пивши, не ѣвши. босой. на колѣнкахъ. предъ его дворцомъ простоялъ. пока тотъ ему не простилъ. какъ ты думаешь, что тотъ императоръ въ эти три дня. на колѣнкахъ-то стоя. про себя передумалъ и какіе зароки давалъ?.. Да постой. говоритъ. я тебѣ сама про это прочту! -

Вскочила, принесла книгу: «это стихи», говоритъ, и стала мнѣ въ стихахъ читать о томъ, какъ этотъ императоръ въ эти три дня закинался отомстить тому нищ: «Неужели, говоритъ, это тебѣ не нравится, Парфенъ Семеновичъ?» — «Это все вѣрно, говорю, что ты прочла». — «Ага, самъ говоришь, что вѣрно, значитъ ты, можетъ, зароки даешь, что: выйдетъ она за меня, тогда-то я ей все и припомню, тогда-то и натѣшусь надъ ней!» — «Не знаю, говорю, можетъ, и думаю такъ». — «Какъ не знаешь?» — «Такъ, говорю, не знаю, не о томъ мнѣ все теперь думается». — «А о чемъ-же ты теперь думаешь?» — «А вотъ встанешь съ мѣста, пройдешь мимо, а я на тебя гляжу и за тобою слѣжу; прошумитъ твое платье, а у меня сердце надастъ, а выйдешь изъ комнаты, я о каждомъ твоемъ словечкѣ вспоминаю, и какимъ голосомъ и что сказала; а ночь всю эту ни о чемъ и не думалъ, все слушалъ какъ ты во снѣ дышала, да какъ раза два шевельнулась...» — «Да ты, засмѣялась она, пожалуй и о томъ, что меня избилъ, не думаешь и не помнишь?» — «Можетъ, говорю, и думаю, не знаю». — «А коли не пропду и за тебя не пойду?» — «Сказалъ, что утоплюсь». — «Пожалуй еще убьешь передъ этимъ...» Сказала и задумалась. Потомъ осердилась и вышла. Черезъ часъ выходитъ ко мнѣ такая сумрачная: «Я, говоритъ, пойду за тебя, Парфенъ Семеновичъ, и не потому что боюсь тебя, а все равно погибать-то. Гдѣ вѣдь и лучше-то? Садись, говоритъ, тебѣ сейчасъ обѣдать подадутъ. А коли выйду за тебя, прибавила, то я тебѣ вѣрною буду женой, въ этомъ не сомнѣвайся и не безпокойся». Потомъ помолчала и говоритъ: «Все-таки ты не лакей: я прежде думала, что ты совершенный какъ есть лакей». Тутъ и свадьбу назначила, а черезъ недѣлю къ Лебедеву отъ меня и убѣжала сюда. Я какъ пріѣхалъ, она и говоритъ: «Я отъ тебя не отрекаюсь совсѣмъ: я только подождать еще хочу, сколько мнѣ будетъ угодно, потому я все еще сама себѣ госпожа. Жди и ты, коли хочешь». Вотъ какъ у насъ теперь... Какъ ты обо всемъ этомъ думаешь, Левъ Николаевичъ?

Самъ какъ ты думаешь? переспросилъ князь, грустно смотря на Рогожина.

— Да развѣ я думаю! вырвалось у того. Онъ хотѣлъ было еще что-то прибавить, но промолчалъ въ непсходной тоскѣ.

Князь всталъ и хотѣлъ опять уходить.

— Я тебѣ все-таки мѣшать не буду, тихо проговорилъ онъ, почти задумчиво, какъ-бы отвѣчая какой-то своей внутренней, затаенной мысли.

— Знаешь, что я тебѣ скажу! вдругъ одушевился Рогожинъ, и глаза его засверкали: — какъ это ты мнѣ такъ уступаешь, не

понимаю? Аль ужь совѣмъ ее разлюбилъ? Прежде ты все-таки былъ въ тоскѣ; я вѣдь видѣлъ. Такъ для чего-же ты сломя-то голову сюда теперь прискакалъ? Изъ жалости? (И лицо его искривилось въ злую насмѣшку). Хе-хе!

— Ты думаешь, что я тебя обманываю? спросилъ князь.

— Нѣтъ, я тебѣ вѣрю, да только ничего тутъ не понимаю. Вѣрнѣе всего то, что жалость твоя, пожалуй, еще пуще моей любви!

Что-то злобное и желавшее непремѣнно сейчасъ-же высказаться загорѣлось въ лицѣ его.

— Что-же, твою любовь отъ злости не отличишь, улыбнулся князь,— а пройдетъ она, такъ, можетъ, еще пуще бѣда будетъ. Я, братъ Парфенъ, ужь это тебѣ говорю...

— Что зарѣжу-то?

Князь вздрогнулъ.

— Ненавидѣть будешь очень ее за эту-же теперешнюю любовь, за всю эту муку, которую теперь принимаешь. Для меня всего чуднѣе то, какъ она можетъ опять идти за тебя? Какъ услышалъ вчера—едва повѣрилъ, и такъ тяжело мнѣ стало. Вѣдь ужь два раза она отъ тебя отрекалась и изъ-подъ вѣнца убѣгала, значитъ, есть-же предчувствіе!.. Что-же ей въ тебѣ-то теперь? Неужели твои деньги? Вздоръ это. Да и деньги-то, небось, сильно ужь поистратилъ. Неужто чтобы только мужа найдти? Такъ вѣдь она могла-бы и кромѣ тебя найдти. Всякаго, кромѣ тебя, лучше, потому что ты и вирямъ, пожалуй, зарѣжешь, и она ужь это слишкомъ, можетъ быть, теперь понимаетъ. Что ты любишь-то ее такъ сильно? Правда, вотъ это развѣ... Я слыхивалъ, что есть такія, что именно этакой любви ищутъ... только...

Князь остановился и задумался.

— Что ты опять усмѣхнулся на отцовъ портретъ? спросилъ Рогожинъ, чрезвычайно пристально наблюдавшій всякую перемѣну, всякую бѣглую черту въ лицѣ князя.

Чего я усмѣхнулся? А мнѣ на мысль пришло, что если-бы не было съ тобой этой напасти, не приключилась-бы эта любовь, такъ ты, пожалуй, точь-въ-точь какъ твой отецъ-бы сталъ, да и въ весьма скоромъ времени. Засѣлъ-бы молча одинъ въ этомъ домѣ съ женой, послушною и безсловесною, съ рѣдкимъ и строгимъ словомъ, ни одному человѣку не вѣря, да и не нуждаясь въ этомъ совсѣмъ и только деньги молча и сумрачно наживая. Да много-много, что старыя-бы книги когда похвалилъ, да двуперстнымъ сложеніемъ заинтересовался, да и то развѣ къ старости...

— Насмѣхаешся. И вотъ точь-въ-точь она это-же самое гово-

рила недавно, когда тоже этотъ портретъ разглядывала! Чудно какъ вы во всемъ заодно теперь.

— Да развѣ она ужь была у тебя? съ любопытствомъ спросилъ князь.

— Была. На портретъ долго глядѣла, про покойника разспрашивала. «Ты вотъ точно такой-бы и былъ», усмѣхнулась мнѣ подъ конецъ, «у тебя, говоритъ, Наронъ Семенычъ, сильныя страсти, такія страсти, что ты какъ разъ-бы съ ними въ Сибирь, на каторгу, улетѣлъ, если-бъ у тебя тоже ума не было, потому что у тебя большой умъ есть», говоритъ (такъ и сказала, вотъ вѣрить или нѣтъ? Въ первый разъ отъ нея такое слово слышалъ!). «Ты все это баловство теперешнее скоро-бы и бросилъ. А такъ какъ ты совсѣмъ необразованный человѣкъ, то и сталъ-бы деньги копить, и сѣлъ-бы, какъ отецъ, въ этомъ домѣ съ своими скопцами; пожалуй-бы, и самъ въ ихъ вѣру подъ конецъ перешелъ, и ужь такъ-бы ты свои деньги полюбилъ, что и не два милліона, а, пожалуй-бы, и десять скопилъ, да на мѣшкахъ своихъ съ голоду-бы и померъ, потому у тебя во всемъ страсть, все ты до страсти доводишь». Вотъ точно такъ и говорила, почти точь-въ-точь этими словами. Никогда еще до этого она такъ со мной не говорила! Она вѣдь со мной все про вздоры говоритъ, али насмѣхается; да и тутъ смѣясь начала, а потомъ такая стала сумрачная; весь этотъ домъ ходила, осматривала, и точно нужалась чего. «Я все это перемѣню, говорю, и отдѣлаю, а то и другой домъ къ свадьбѣ, пожалуй, куплю». — Ни-ни, говоритъ, ничего здѣсь не перемѣнять, такъ и будемъ жить. Я подлѣ твоей матушки, говоритъ, хочу жить, когда женой твоею стану. Повелъ я ее къ матушкѣ, — была къ ней почтительна, какъ родная дочь. Матушка и прежде, вотъ уже два года, точно какъ-бы не въ полномъ разсудкѣ сидитъ (больная она), а по смерти родителя и совсѣмъ какъ младенцемъ стала, безъ разговору: сидитъ безъ ногъ и только всѣмъ, кого увидитъ, съ мѣста кланяется; кажись, не накорми ее, такъ она и три дня не спохватится. Я матушкину правую руку взялъ, сложилъ: «благословите, говорю, матушка, со мной къ вѣнцу идетъ»; такъ она у матушки руку съ чувствомъ поцѣловала. «много, говоритъ, вѣрно, твоя мать горя перенесла». Вотъ эту книгу у меня увидала. «что это ты, русскую исторію сталъ читать? (А она мнѣ и сама какъ-то разъ въ Москвѣ говорила: «ты-бы образилъ себя хоть-бы чѣмъ, хоть-бы *Русскую Исторію* Соловьева прочелъ, ничего-то вѣдь ты не знаешь»). Это ты хорошо, сказала, такъ и дѣлай, читай. Я тебѣ реестрикъ сама напишу, какія тебѣ книги перво-на-перво надо прочесть; хочешь или нѣтъ?» И никогда-то, никогда прежде она со

мной такъ не говорила, такъ что даже удивила меня: въ первый разъ какъ живой человѣкъ вздохнулъ.

— Я этому очень радъ, Парфенъ, сказалъ князь съ искреннимъ чувствомъ, — очень радъ. Кто знаетъ, можетъ, Богъ васъ и устроитъ вмѣстѣ.

— Никогда не будетъ того! горячо вскричалъ Рогожинъ.

— Слушай, Парфенъ, если ты такъ ее любишь, неужто не захочешь ты заслужить ея уваженіе? А если хочешь, такъ неужели не надѣешься? Вотъ я давеча сказалъ, что для меня чудная задача: почему она идетъ за тебя? Но хоть я и не могу разрѣшить, но все таки несомнѣнно мнѣ, что тутъ непремѣнно должна-же быть причина достаточная, разсудочная. Въ любви твоей она убѣждена; но навѣрно убѣждена и въ нѣкоторыхъ твоихъ достоинствахъ. Иначе быть вѣдь не можетъ! То, что ты сейчасъ сказалъ, подтверждаетъ это. Самъ ты говоришь, что нашла-же она возможность говорить съ тобой совсѣмъ другимъ языкомъ чѣмъ прежде обращалась и говорила. Ты мнителенъ и ревнивъ, потому и преувеличилъ все, что замѣтилъ дурнаго. Ужь конечно она не такъ дурно думаетъ о тебѣ, какъ ты говоришь. Вѣдь иначе значило-бы, что она сознательно въ воду или подъ ножъ идетъ, за тебя выходя. Развѣ можетъ быть это? Кто сознательно въ воду или подъ ножъ идетъ?

Съ горькою усмѣшкой прослушалъ Парфенъ горячія слова князя. Убѣжденіе его, казалось, было уже непоколебимо поставлено.

— Какъ ты тяжело смотришь теперь на меня, Парфенъ! съ тяжелымъ чувствомъ вырвалось у князя.

— Въ воду или подъ ножъ! проговорилъ тотъ наконецъ.—Хе! Да потому-то и идетъ за меня, что навѣрно за мной ножъ ожидаетъ! Да неужто ужь ты и впрямь, князь, до сихъ поръ не сообразился въ чемъ тутъ все дѣло?

— Не понимаю я тебя.

Что-жь, можетъ, и впрямь не понимаетъ, хе-хе! Говорятъ-же про тебя, что ты... *того*. Другаго она любитъ, —вотъ что пойми! Точно такъ, какъ я ее люблю теперь, точно такъ-же она другаго теперь любитъ. А другой этотъ, знаешь ты кто? Это *ты*! Что, не зналъ что-ли?

— Я!

— Ты. Она тебя тогда, съ тѣхъ самыхъ поръ, съ именинъ-то, и полюбила. Только она думаетъ, что выйдетъ ей за тебя невозможно, потому что она тебя будто-бы опозоритъ и всю судьбу твою сгубитъ. Я, говоритъ, извѣстно какая . До сихъ поръ про это сама утверждаетъ. Она все это мнѣ сама такъ прямо въ лицо и говорила. Тебя сгубить и опозорить боится, а за меня, значитъ,

ничего, можно выйдти,—вотъ каково она меня почитаетъ, это тоже замѣть!

— Да какъ-же она отъ тебя ко мнѣ бѣжала, а... отъ меня...

— А отъ тебя ко мнѣ! Хе! Да мало-ли что войдетъ ей вдругъ въ голову! Она вся точно въ лихорадкѣ теперь. То мнѣ кричитъ: «за тебя какъ въ воду иду. Скорѣй свадьбу!» Сама торопитъ, день назначаетъ, а станетъ подходить время — испугается, али мысли другія пойдутъ —Богъ знаетъ, вѣдь ты видѣлъ-же: плачетъ, смѣется, въ лихорадкѣ бьется. Да что тутъ чуднаго, что она и отъ тебя убѣжала? Она отъ тебя и убѣжала тогда, потому что сама спохватилась какъ тебя сильно любитъ. Ей не подъ силу у тебя стало. Ты вотъ сказалъ давеча, что я ее тогда въ Москвѣ розыскалъ; не правда—сама ко мнѣ отъ тебя прибѣжала: «назначь день, говоритъ, я готова! Шампанскаго давай! Къ цыганкамъ ѣдемъ!» кричитъ!.. Да не было-бы меня, она давно-бы ужь въ воду кинулась: вѣрно говорю. Потому и не кидается, что я, можетъ, еще страшнѣе воды. Со зла и идетъ за меня... Коли выйдетъ, такъ ужь вѣрно говорю, что *со зла* выйдетъ.

— Да какъ-же ты... какъ-же ты... вскричалъ князь и не докончилъ. Онъ съ ужасомъ смотрѣлъ на Рогожина.

— Что-же не докачиваешь, прибавилъ тотъ, осклабившись,— а хочешь скажу, что ты вотъ въ эту самую минуту про себя разсуждаешь: ну какъ-же ей теперь за нимъ быть? Какъ ее къ тому допустить?» Извѣстно, что думаешь...

— Я не затѣмъ сюда ѣхалъ, Парфенъ, говорю тебѣ, не то у меня въ умѣ было...

— Это можетъ, что не затѣмъ, и не то въ умѣ было, а только теперь оно ужь навѣрно стало затѣмъ, хе-хе! Ну, довольно! Что ты такъ опрокинулся? Да неужто ты и впрямь того не зналъ? Дивлюсь ты меня!

— Все это ревность, Парфенъ, все это болѣзнь, все это ты безмѣрно преувеличилъ... пробормоталъ князь въ чрезвычайномъ волненіи:—чего ты?

— Оставь, проговорилъ Парфенъ и быстро вырвалъ изъ рукъ князя ножикъ, который тотъ взялъ со стола, подлѣ книги, и положилъ его опять на прежнее мѣсто.

— Я какъ будто зналъ, когда въѣзжалъ въ Петербургъ, какъ будто предчувствовалъ... продолжалъ князь: — не хотѣлъ я ѣхать сюда! Я хотѣлъ все это здѣшнее забыть, изъ сердца прочь вырвать! Ну, прощай... Да что ты!

Говоря, князь въ разсѣянности опять было захватилъ въ руки со стола тотъ-же ножикъ, и опять Рогожинъ его вынулъ у него

изъ рукъ и бросилъ на столъ. Это былъ довольно простой формы ножикъ, съ оленьимъ черенкомъ, несладной, съ лезвіемъ вершка въ три съ половиной, соотвѣтственной ширины.

Видя, что князь обращаетъ особенное вниманіе на то, что у него два раза вырываютъ изъ рукъ этотъ ножъ, Рогожинъ съ злобною досадой схватилъ его, заложилъ въ книгу и швырнулъ книгу на другой столъ.

— Ты листы, что-ли, имъ разрѣзаешь? спросилъ князь, но какъ-то разсѣянно, все еще какъ-бы подъ давленіемъ сильной задумчивости.

— Да, листы...

— Это вѣдь садовый ножъ?

— Да, садовый. Развѣ садовымъ нельзя разрѣзать листы?

— Да онъ... совсѣмъ новый.

— Ну, что-жь что новый? Развѣ я не могу сейчасъ купить новый ножъ? въ какомъ-то изступленіи вскричалъ наконецъ Рогожинъ, раздражавшійся съ каждымъ словомъ.

Князь вздрогнулъ и пристально поглядѣлъ на Рогожина.

— Экъ вѣдь мы! засмѣялся онъ вдругъ, совершенно опомнившись. — Извини, братъ, меня, когда у меня голова такъ тяжела, какъ теперь, и эта болѣзнь... я совсѣмъ, совсѣмъ становлюсь такой разсѣянный и смѣшной. Я вовсе не объ этомъ и спросить-то хотѣлъ... не помню о чемъ. Прощай...

— Не сюда, сказалъ Рогожинъ.

— Забылъ!

— Сюда, сюда, пойдемъ, я укажу.

IV.

Прошли чрезъ тѣ-же комнаты, по которымъ уже князь проходилъ: Рогожинъ шелъ немного впереди, князь за нимъ. Вошли въ большую залу. Здѣсь, по стѣнамъ, было нѣсколько картинъ, все портреты архіереевъ и пейзажи, на которыхъ ничего нельзя было различить. Надъ дверью въ слѣдующую комнату висѣла одна картина, довольно странная по своей формѣ, около двухъ съ половиной аршинъ въ длину и никакъ не болѣе шести вершковъ въ высоту. Она изображала Спасителя, только что снятаго съ креста. Князь мелькомъ взглянулъ на нее, какъ-бы что-то припоминая, впрочемъ, не останавливаясь, хотѣлъ пройдти въ дверь. Ему было

очень тяжело и хотѣлось поскорѣе изъ этого дома. Но Рогожинъ вдругъ остановился предъ картиной.

— Вотъ эти всѣ здѣсь картины, сказалъ онъ,—все за рубль, да за два на аукціонахъ куплены батюшкой покойнымъ, онъ любилъ. Ихъ одинъ знающій человѣкъ всѣ здѣсь пересмотрѣлъ: дрянь, говоритъ, а вотъ эта — вотъ картина, надъ дверью, тоже за два цѣковыхъ купленная, говоритъ, не дрянь. Еще родителю за нее одинъ выскалился, что триста пятьдесятъ рублей давалъ, а Савельевъ Иванъ Дмитричъ, изъ купцовъ охотникъ большой, такъ тотъ до четырехсотъ доходилъ, а на прошлой недѣлѣ брату Семену Семенычу ужъ и пятьсотъ предложилъ. Я за собой оставилъ.

— Да это... это копія съ Ганса Гольбейна, сказалъ князь, успѣвъ разглядѣть картину, —и хоть я знатокъ небольшой, но, кажется, отличная копія. Я эту картину за границей видѣлъ и забыть не могу. Но... что-же ты...

Рогожинъ вдругъ бросилъ картину и пошелъ прежнею дорогой впередъ. Конечно, разсѣянность и особое, странно-раздражительное настроеніе, такъ внезапно обнаружившееся въ Рогожинѣ, могло-бы, пожалуй, объяснить эту порывчатость; но все-таки какъ-то чудно стало князю, что такъ вдругъ прервался разговоръ, который не имъ-же и начатъ, и что Рогожинъ даже и не отвѣтилъ ему.

— А что, Левъ Николаевичъ, давно я хотѣлъ тебя спросить, вѣруешь ты въ Бога или нѣтъ? вдругъ заговорилъ опять Рогожинъ, пройдя нѣсколько шаговъ.

— Какъ ты странно спрашиваешь и... глядишь? замѣтилъ князь невольно.

— А на эту картину я люблю смотрѣть, пробормоталъ, помолчавъ, Рогожинъ, точно опять забывъ свой вопросъ.

— На эту картину! вскричалъ вдругъ князь, подъ впечатлѣніемъ внезапной мысли: — на эту картину! Да отъ этой картины у иного еще вѣра можетъ пропасть!

— Пропадаетъ и то, неожиданно подтвердилъ вдругъ Рогожинъ. Они дошли уже до самой выходной двери.

— Какъ, остановился вдругъ князь:— да что ты! Я почти шутилъ, а ты такъ серіозно! И къ чему ты меня спросилъ: вѣрую-ли я въ Бога?

— Да ничего, такъ. Я и прежде хотѣлъ спросить. Многіе вѣдь вонъ не вѣруютъ. А что, правда (ты за границей-то жилъ), —мнѣ вотъ одинъ съ пьяныхъ глазъ говорилъ, что у насъ, по Россіи, больше чѣмъ во всѣхъ земляхъ такихъ, что въ Бога не вѣруютъ? «Намъ, говоритъ, въ этомъ легче чѣмъ имъ, потому что мы дальше ихъ пошли»...

Рогожинъ ѣдко усмѣхнулся; проговоривъ свой вопросъ, онъ

вдругъ отворилъ дверь и, держась за ручку замка, ждалъ, пока князь выйдетъ. Князь удивился, но вышелъ. Тотъ вышелъ за нимъ на площадку лѣстницы и притворилъ дверь за собой. Оба стояли другъ передъ другомъ съ такимъ видомъ, что, казалось, оба забыли куда пришли и что̀ теперь надо дѣлать.

— Прощай-же, сказалъ князь, подавая руку.

— Прощай, проговорилъ Рогожинъ, крѣпко, но совершенно машинально сжимая протянутую ему руку.

Князь сошелъ одну ступень и обернулся.

— А на счетъ вѣры, началъ онъ, улыбнувшись (видимо не желая такъ оставлять Рогожина), и кромѣ того оживляясь подъ впечатлѣніемъ одного внезапнаго воспоминанія,—на счетъ вѣры я, на прошлой недѣлѣ, въ два дня четыре разныя встрѣчи имѣлъ. Утромъ ѣхалъ по одной новой желѣзной дорогѣ и часа четыре съ однимъ С--мъ въ вагонѣ проговорилъ, тутъ-же и познакомился. Я еще прежде о немъ много слыхивалъ, и между прочимъ, какъ объ атеистѣ. Онъ человѣкъ дѣйствительно очень ученый, и я обрадовался, что съ настоящимъ ученымъ буду говорить. Сверхъ того, онъ на рѣдкость хорошо воспитанный человѣкъ, такъ что со мной говорилъ совершенно какъ съ равнымъ себѣ, по познаніямъ и по понятіямъ. Въ Бога онъ не вѣруетъ. Одно только меня поразило: что онъ вовсе какъ будто не про то говорилъ, во все время, и потому именно поразило, что и прежде, сколько я ни встрѣчался съ невѣрующими и сколько ни читалъ такихъ книгъ, все мнѣ казалось, что и говорятъ они, и въ книгахъ пишутъ совсѣмъ будто не про то, хотя съ виду и кажется, что про то. Я это ему тогда-же и высказалъ, но, должно быть, не ясно, или не умѣлъ выразить, потому что онъ ничего не понялъ... Вечеромъ я остановился въ уѣздной гостинницѣ переночевать, и въ ней только что одно убійство случилось, въ прошлую ночь, такъ что всѣ объ этомъ говорили, когда я пріѣхалъ. Два крестьянина, и въ лѣтахъ, и не пьяные, и знавшіе уже давно другъ друга, пріятели, напились чаю и хотѣли вмѣстѣ, въ одной каморкѣ, ложиться спать. Но одинъ у другаго подглядѣлъ, въ послѣдніе два дня, часы, серебряные, на бисерномъ желтомъ снуркѣ, которыхъ, видно, не зналъ у него прежде. Этотъ человѣкъ былъ не воръ, былъ даже честный, и, по крестьянскому быту, совсѣмъ не бѣдный. Но ему до того понравились эти часы и до того соблазнили его, что онъ наконецъ не выдержалъ: взялъ ножъ и, когда пріятель отвернулся, подошелъ къ нему осторожно сзади, намѣтился, возвелъ глаза къ небу, перекрестился и, проговоривъ про себя съ горькою молитвой: Господи, прости ради Христа! —зарѣзалъ пріятеля съ одного раза, какъ барана, и вынулъ у него часы.

Рогожинъ покатился со смѣху. Онъ хохоталъ такъ, какъ будто былъ въ какомъ-то припадкѣ. Даже странно было смотрѣть на этотъ смѣхъ послѣ такого мрачнаго недавняго настроенія.

— Вотъ это я люблю! Нѣтъ, вотъ это лучше всего! выкрикивалъ онъ конвульсивно, чуть не задыхаясь: — одинъ совсѣмъ въ Бога не вѣруетъ, а другой ужь до того вѣруетъ, что и людей рѣжетъ по молитвѣ. Нѣтъ, этого, братъ-князь, не выдумаешь! Ха-ха-ха! Нѣтъ, это лучше всего!..

— На утро я вышелъ по городу побродить,—продолжалъ князь, лишь только пріостановился Рогожинъ, хотя смѣхъ все еще судорожно и припадочно вздрагивалъ на его губахъ,—вижу, шатается по деревянному тротуару пьяный солдатъ, въ совершенно растерзанномъ видѣ. Подходитъ ко мнѣ: «купи, баринъ, крестъ серебряный, всего за двугривенный отдаю: серебряный!» Вижу въ рукѣ у него крестъ и, должно быть, только что снялъ съ себя, на голубой, крѣпко запошенной ленточкѣ, но только настоящій оловянный, съ перваго взгляда видно, большаго размѣра, осьмиконечный, полнаго византійскаго рисунка. Я вынулъ двугривенный и отдалъ ему, а крестъ тутъ-же на себя надѣлъ, — и по лицу его видно было, какъ онъ доволенъ, что надулъ глупаго барина, и тотчасъ-же отправился свой крестъ пропивать. Ужь это безъ сомнѣнія. Я, братъ, тогда подъ самымъ сильнымъ впечатлѣніемъ былъ всего того, что такъ и хлынуло на меня на Руси: ничего-то я въ ней прежде не понималъ, точно безсловесный росъ, и какъ-то фантастически вспоминалъ о ней въ эти пять лѣтъ за границей. Вотъ иду я да и думаю: нѣтъ, этого христопродавца подожду еще осуждать. Богъ вѣдь знаетъ, что въ этихъ пьяныхъ и слабыхъ сердцахъ заключается. Чрезъ часъ, возвращаясь въ гостиницу, наткнулся на бабу съ груднымъ ребенкомъ. Баба еще молодая, ребенку недѣль шесть будетъ. Ребенокъ ей и улыбнулся, по наблюденію ея, въ первый разъ отъ своего рожденія. Смотрю, она такъ набожно, набожно вдругъ перекрестилась. «Что ты, говорю, молодка?» (Я вѣдь тогда все разспрашивалъ). «А вотъ», говоритъ: «точно такъ, какъ бываетъ материна радость, когда она первую отъ своего младенца улыбку заприметитъ, такая-же точно бываетъ и у Бога радость, всякій разъ, когда Онъ съ неба завидитъ, что грѣшникъ предъ нимъ отъ всего своего сердца на молитву становится». Это мнѣ баба сказала, почти этими-же словами, и такую глубокую, такую тонкую и истинно-религіозную мысль, такую мысль, въ которой вся сущность христіанства разомъ выразилась, то есть все понятіе о Богѣ, какъ о нашемъ родномъ отцѣ и о радости Бога на человѣка, какъ отца на свое родное дитя — главнѣйшая мысль Христова! Простая баба!

Правда, мать... и, кто знаетъ, можетъ, эта баба женой тому-же солдату была. Слушай, Парфенъ, ты давеча спросилъ меня, вотъ мой отвѣтъ: сущность религіознаго чувства ни подъ какія разсужденія, ни подъ какіе проступки и преступленія и ни подъ какіе атеизмы не подходитъ: тутъ что-то не то, и вѣчно будетъ не то; тутъ что-то такое, объ что вѣчно будутъ скользить атеисты и и вѣчно будутъ *не про то* говорить. Но главное то, что всего яснѣе и скорѣе на русскомъ сердцѣ это замѣтишь, и вотъ мое заключеніе! Это одно изъ самыхъ первыхъ моихъ убѣжденій, которыя я изъ нашей Россіи вынесу. Есть что дѣлать, Парфенъ! Есть что дѣлать на нашемъ русскомъ свѣтѣ, вѣрь мнѣ! Припомни, какъ мы въ Москвѣ сходились и говорили съ тобой одно время... И совсѣмъ не хотѣлъ я сюда возвращаться теперь! И совсѣмъ, совсѣмъ не такъ думалъ съ тобой встрѣтиться!.. Ну, да что!.. прощай, до свиданья! Не оставь тебя Богъ!

Онъ повернулся и пошелъ внизъ по лѣстницѣ.

— Левъ Николаевичъ! крикнулъ сверху Парфенъ, когда князь дошелъ до первой забѣжной площадки:—крестъ-отъ, что у солдата купилъ, при тебѣ?

— Да, на мнѣ.

И князь опять остановился.

— Покажь-ка сюда.

Опять новая странность! Онъ подумалъ, поднялся наверхъ и выставилъ ему на показъ свой крестъ, не снимая его съ шеи.

— Отдай мнѣ, сказалъ Рогожинъ.

— Зачѣмъ? Развѣ ты...

Князю бы не хотѣлось разставаться съ этимъ крестомъ.

— Носить буду, а свой тебѣ сниму, ты поси.

Помѣняться крестами хочешь? Изволь, Парфенъ, коли такъ, я радъ; побратаемся!

Князь снялъ свой оловянный крестъ. Парфенъ свой золотой, и помѣнялись. Парфенъ молчалъ. Съ тяжелымъ удивленіемъ замѣтилъ князь, что прежняя недовѣрчивость, прежняя горькая и почти насмѣшливая улыбка все еще какъ-бы не оставляла лица его названнаго брата, по крайней мѣрѣ, мгновеніями сильно выказывалась. Молча взялъ, наконецъ, Рогожинъ руку князя и нѣкоторое время стоялъ, какъ-бы не рѣшаясь на что-то; наконецъ, вдругъ потянулъ его за собой, проговоривъ едва слышнымъ голосомъ: «пойдемъ». Перешли черезъ площадку перваго этажа и позвонили у двери, противоположной той, изъ которой они вышли. Имъ отворили скоро. Старенькая женщина, вся сгорбленная и въ черномъ, повязанная платочкомъ, молча и низко поклонилась Рогожину; тотъ что-то на-

скоро спросилъ ее, и, не останавливаясь за отвѣтомъ, повелъ князя далѣе черезъ комнаты. Опять пошли темныя комнаты, какой-то необыкновенной, холодной чистоты, холодно и сурово меблированныя старинною мебелью въ бѣлыхъ, чистыхъ чехлахъ. Не докладываясь, Рогожинъ прямо ввелъ князя въ одну небольшую комнату, похожую на гостиную, разгороженную лоснящеюся перегородкой, изъ краснаго дерева, съ двумя дверьми по бокамъ, за которою, вѣроятно, была спальня. Въ углу гостиной, у печки, въ креслахъ сидѣла маленькая старушка, еще съ виду не то чтобъ очень старая, даже съ довольно здоровымъ, пріятнымъ и круглымъ лицомъ, но уже совершенно сѣдая и (съ перваго взгляда заключить было можно) впавшая въ совершенное дѣтство. Она была въ черномъ шерстяномъ платьѣ, съ чернымъ большимъ платкомъ на шеѣ, въ бѣломъ чистомъ чепцѣ съ черными лентами. Ноги ея упирались въ скамеечку. Подлѣ нея находилась другая чистенькая старушка, постарше ея, тоже въ трауръ и тоже въ бѣломъ чепцѣ, должно быть, какая нибудь прихлебалка, и молча вязала чулокъ. Объ онѣ, должно быть, все время молчали. Первая старушка, завидѣвъ Рогожина и князя, улыбнулась имъ и нѣсколько разъ ласково наклонила въ знакъ удовольствія голову.

— Матушка, сказалъ Рогожинъ, поцѣловавъ у нея руку,— вотъ мой большой другъ, князь Левъ Николаевичъ Мышкинъ: мы съ нимъ крестами помѣнялись: онъ мнѣ за роднаго брата въ Москвѣ одно время былъ, много для меня сдѣлалъ. Благослови его, матушка, какъ-бы ты роднаго сына благословила. Постой, старушка, вотъ такъ, дай я сложу тебѣ руку...

Но старушка, прежде чѣмъ Парфенъ успѣлъ взяться, подняла свою правую руку, сложила пальцы въ три перста и три раза набожно перекрестила князя. Затѣмъ еще разъ ласково и нѣжно кивнула ему головой.

— Ну, пойдемъ, Левъ Николаевичъ, сказалъ Парфенъ,— я только за этимъ тебя и приводилъ...

Когда опять вышли на лѣстницу, онъ прибавилъ:

— Вотъ она ничего вѣдь не понимаетъ, что говорятъ, и ничего не поняла моихъ словъ, а тебя благословила: значитъ, сама пожелала... Ну, прощай, и мнѣ, и тебѣ пора.

И онъ отворилъ свою дверь.

— Да такъ-же я хотѣлъ обнять тебя на прощанье, странный ты человѣкъ! вскричалъ князь, съ нѣжнымъ упрекомъ смотря на него, и хотѣлъ его обнять. Но Парфенъ едва только поднялъ свои руки, какъ тотчасъ-же опять опустилъ ихъ. Онъ не рѣшался: онъ отвертывался, чтобы не глядѣть на князя. Онъ не хотѣлъ его обнимать.

— Небось! Я хоть и взялъ твой крестъ, а за часы не зарѣжу! невнятно пробормоталъ онъ, какъ-то странно вдругъ засмѣявшись. Но вдругъ все лицо его преобразилось: онъ ужасно побѣдѣлъ, губы его задрожали, глаза загорѣлись. Онъ поднялъ руки, крѣпко обнялъ князя, и задыхаясь, проговорилъ:

— Такъ бери-же ее, коли судьба! Твоя! Уступаю!.. Помни Рогожина!

И бросивъ князя, не глядя на него, поспѣшно вошелъ къ себѣ и захлопнулъ за собою дверь.

V.

Было уже поздно, почти половина третьяго, и Епанчина князь не засталъ дома. Оставивъ карточку, онъ рѣшился сходить въ гостиницу *Вѣны* и спросить тамъ Колю: если-же тамъ нѣтъ его,—оставить ему записку. Въ *Вѣнахъ* сказали ему, что Николай Ардаліоновичъ выѣхали еще по утру-съ, но, уходя, предувѣдомили, что если на случай придутъ кто ихъ спрашивать, то чтобъ извѣстить, что *они-съ* къ тремъ часамъ, можетъ быть, и придутъ-съ. Если-же до половины четвертаго ихъ здѣсь не окажется,—значитъ въ Павловскъ съ ноѣздомъ отправились, на дачу къ генеральшѣ Епанчиной-съ, и ужъ тамъ, значитъ, и откушаютъ-съ. Князь сѣлъ дожидаться и кстати спросилъ себѣ обѣдать.

Къ половинѣ четвертаго и даже къ четыремъ часамъ Коля не явился. Князь вышелъ и направился машинально куда глаза глядятъ. Въ началѣ лѣта въ Петербургѣ случаются иногда прелестные дни,—свѣтлые, жаркіе, тихіе. Какъ нарочно, этотъ день былъ однимъ изъ такихъ рѣдкихъ дней. Нѣсколько времени князь бродилъ безъ цѣли. Городъ ему былъ мало знакомъ. Онъ останавливался иногда на перекресткахъ улицъ предъ иными домами, на площадяхъ, на мостахъ; однажды зашелъ отдохнуть въ одну кондитерскую. Иногда съ большимъ любопытствомъ начиналъ всматриваться въ прохожихъ: но чаще всего не замѣчалъ ни прохожихъ, ни гдѣ именно онъ идетъ. Онъ былъ въ мучительномъ напряженіи и безпокойствѣ и въ тоже самое время чувствовалъ необыкновенную потребность уединенія. Ему хотѣлось быть одному и отдаться всему этому страдательному напряженію совершенно пассивно, не ища ни малѣйшаго выхода. Онъ съ отвращеніемъ не хотѣлъ разрѣшать нахлынувшихъ въ его душу и сердце вопросовъ. Что-же,

развѣ я виноватъ во всемъ этомъ? бормоталъ онъ про себя, почти не сознавая своихъ словъ.

Къ шести часамъ онъ очутился на дебаркадерѣ Царскосельской желѣзной дороги. Уединеніе скоро стало ему невыносимо; новый порывъ горячо охватилъ его сердце, и на мгновеніе яркимъ свѣтомъ озарился мракъ, въ которомъ тосковала душа его. Онъ взялъ билетъ въ Павловскъ и съ нетерпѣніемъ спѣшилъ уѣхать; но ужь конечно его что-то преслѣдовало, и это была дѣйствительность, а не фантазія, какъ, можетъ быть, онъ наклоненъ былъ думать. Почти уже садясь въ вагонъ, онъ вдругъ бросилъ только что взятый билетъ на полъ и вышелъ обратно изъ вокзала смущенный и задумчивый. Нѣсколько времени спустя, на улицѣ, онъ вдругъ какъ-бы что-то припомнилъ, какъ-бы что-то внезапно сообразилъ, очень странное, что-то ужь долго его безпокоившее. Ему вдругъ пришлось сознательно поймать себя на одномъ занятіи, уже давно продолжавшемся, но котораго онъ все не замѣчалъ до самой этой минуты: вотъ уже нѣсколько часовъ, еще даже въ *Вѣсахъ*, кажется, даже и до *Вѣсовъ*, онъ, нѣтъ-нѣтъ, и вдругъ начиналъ какъ-бы искать чего-то кругомъ себя. И забудетъ, даже на долго, на полчаса, и вдругъ опять оглянется съ безпокойствомъ и ищетъ кругомъ.

Но только что онъ замѣтилъ въ себѣ это болѣзненное и до сихъ поръ совершенно безсознательное движеніе, такъ давно уже овладѣвшее имъ, какъ вдругъ мелькнуло предъ нимъ и другое воспоминаніе, чрезвычайно заинтересовавшее его: ему вспомнилось, что въ ту минуту, когда онъ замѣтилъ, что все ищетъ чего-то кругомъ себя, онъ стоялъ на тротуарѣ у окна одной лавки и съ большимъ любопытствомъ разглядывалъ товаръ, выставленный въ окнѣ. Ему захотѣлось теперь непремѣнно провѣрить: дѣйствительно-ли онъ стоялъ сейчасъ, можетъ быть, всего пять минутъ назадъ, предъ окномъ этой лавки, не померещилось-ли ему, не смѣшалъ-ли онъ чего? Существуетъ-ли въ самомъ дѣлѣ эта лавка и этотъ товаръ? Вѣдь онъ и въ самомъ дѣлѣ чувствуетъ себя сегодня въ особенно болѣзненномъ настроеніи, почти въ томъ-же, какое бывало съ нимъ прежде при началѣ припадковъ его прежней болѣзни. Онъ зналъ, что въ такое предпринадочное время онъ бываетъ необыкновенно разсѣянъ и часто даже смѣшиваетъ предметы и лица, если глядитъ на нихъ безъ особаго напряженнаго вниманія. Но была и особенная причина, почему ему ужь такъ очень захотѣлось провѣрить стоялъ-ли онъ тогда передъ лавкой; въ числѣ вещей, разложенныхъ на показъ въ окнѣ лавки, была одна вещь, на которую онъ смотрѣлъ и которую даже оцѣнилъ въ шестьдесятъ копѣекъ серебромъ,

онъ помнилъ это, не смотря на всю свою разсѣянность и тревогу. Слѣдовательно, если эта лавка существуетъ, и вещь эта дѣйствительно выставлена въ числѣ товаровъ, то, стало быть, собственно для этой вещи и останавливался. Значитъ, эта вещь заключала въ себѣ такой сильный для него интересъ, что привлекла его вниманіе даже въ то самое время, когда онъ былъ въ такомъ тяжеломъ смущеніи, только что выйдя изъ вокзала желѣзной дороги. Онъ шелъ, почти въ тоскѣ смотря направо, и сердце его билось отъ безпокойнаго нетерпѣнія. Но вотъ эта лавка, онъ нашелъ ее наконецъ! Онъ уже былъ въ пятистахъ шагахъ отъ нея, когда вздумалъ воротиться. Вотъ и этотъ предметъ въ шестьдесятъ копѣекъ; «конечно, въ шестьдесятъ копѣекъ, не стоитъ больше!» — подтвердилъ онъ теперь, и засмѣялся. Но онъ засмѣялся истерически: ему стало очень тяжело. Онъ ясно вспомнилъ теперь, что именно тутъ, стоя предъ этимъ окномъ, онъ вдругъ обернулся, точно давеча, когда поймалъ на себѣ глаза Рогожина. Увѣрившись, что онъ не ошибся (въ чемъ, впрочемъ, онъ и до провѣрки былъ совершенно увѣренъ), онъ бросилъ лавку и поскорѣе пошелъ отъ нея. Все это надо скорѣе обдумать, непремѣнно: теперь ясно было, что ему не померещилось и въ вокзалѣ, что съ нимъ случилось непремѣнно что-то дѣйствительное и непремѣнно связанное со всѣмъ этимъ прежнимъ его безпокойствомъ. Но какое-то внутреннее непобѣдимое отвращеніе опять пересилило: онъ не захотѣлъ ничего обдумывать, онъ не сталъ обдумывать; онъ задумался совсѣмъ о другомъ.

Онъ задумался между прочимъ о томъ, что въ эпилептическомъ состояніи его была одна степень почти предъ самымъ припадкомъ (если только припадокъ приходилъ на яву), когда вдругъ, среди грусти, душевнаго мрака, давленія, мгновеніями какъ-бы воспламенялся его мозгъ, и съ необыкновеннымъ порывомъ напрягались разомъ всѣ жизненныя силы его. Ощущеніе жизни, самосознанія почти удесятерялось въ эти мгновенія, продолжавшіяся какъ молнія. Умъ, сердце озарялись необыкновеннымъ свѣтомъ: всѣ волненія, всѣ сомнѣнія его, всѣ безпокойства какъ-бы умиротворялись разомъ, разрѣшались въ какое-то высшее спокойствіе, полное ясной, гармоничной радости и надежды, полное разума и окончательной причины. Но эти моменты, эти проблески были еще только предчувствіемъ той окончательной секунды (никогда не болѣе секунды), съ которой начинался самый припадокъ. Эта секунда была, конечно, невыносима. Раздумывая объ этомъ мгновеніи впослѣдствіи, уже въ здоровомъ состояніи, онъ часто говорилъ самъ себѣ: что вѣдь всѣ эти молніи и проблески высшаго самоощущенія и самосознанія, а, стало быть, и «высшаго бытія», ни что иное какъ болѣзнь, какъ нару-

шеніе нормальнаго состоянія, а если такъ, то это вовсе не высшее бытіе, а, напротивъ, должно быть причислено къ самому низшему. И однако-же онъ все-таки дошелъ, наконецъ, до чрезвычайно парадоксальнаго вывода: «что-же въ томъ, что это болѣзнь?» рѣшилъ онъ наконецъ, «какое до того дѣло, что это напряженіе ненормальное, если самый результатъ, если минута ощущенія, припоминаемая и разсматриваемая уже въ здоровомъ состояніи, оказывается въ высшей степени гармоніи, красотѣ, даетъ неслыханное и негаданное доселѣ чувство полноты, мѣры, примиренія и встревоженнаго молитвеннаго слитія съ самымъ высшимъ синтезомъ жизни?» Эти туманныя выраженія казались ему самому очень понятными, хотя еще слишкомъ слабыми. Въ томъ-же, что это дѣйствительно «красота и молитва», что это дѣйствительно «высшій синтезъ жизни», въ этомъ онъ сомнѣваться не могъ, да и сомнѣній не могъ допустить. Вѣдь не видѣнія-же какія нибудь снились ему въ этотъ моментъ, какъ отъ хашиша, опіума или вина, уничтожающія разсудокъ и искажающія душу, ненормальныя и несуществующія? Объ этомъ онъ здраво могъ судить по окончаніи болѣзненнаго состоянія. Мгновенія эти были именно однимъ только необыкновеннымъ усиленіемъ самосознанія,—если-бы надо было выразить это состояніе однимъ словомъ,—самосознанія и въ тоже время самоощущенія въ высшей степени непосредственнаго. Если въ ту секунду, то есть въ самый послѣдній сознательный моментъ предъ припадкомъ, ему случалось успѣвать ясно и сознательно сказать себѣ: Да, за этотъ моментъ можно отдать всю жизнь! то, конечно, этотъ моментъ самъ по себѣ и стоилъ всей жизни. Впрочемъ, за діалектическую часть своего вывода онъ не стоялъ: отупѣніе, душевный мракъ, идіотизмъ стояли предъ нимъ яркимъ послѣдствіемъ этихъ «высочайшихъ минутъ». Серіозно, разумѣется, онъ не сталъ-бы спорить. Въ выводѣ, то есть въ его оцѣнкѣ этой минуты, безъ сомнѣнія, заключалась ошибка, но дѣйствительность ощущенія все-таки нѣсколько смущала его. Что-же въ самомъ дѣлѣ дѣлать съ дѣйствительностью? Вѣдь это самое бывало-же, вѣдь онъ самъ-же успѣвалъ сказать себѣ въ ту самую секунду, что эта секунда, по безпредѣльному счастію, имъ вполнѣ ощущаемому, пожалуй, и могла-бы стоить всей жизни. «Въ этотъ моментъ, какъ говорилъ онъ однажды Рогожину, въ Москвѣ, во время ихъ тамошнихъ сходокъ,—въ этотъ моментъ мнѣ какъ-то становится понятно необычайное слово о томъ, что *времени больше не будетъ*». Вѣроятно, прибавилъ онъ, улыбаясь, «это та-же самая секунда, въ которую не успѣлъ пролиться опрокинувшійся кувшинъ съ водой эпилептика Магомета, успѣвшаго однако въ ту самую секунду обо-

зрѣть всѣ жилища Аллаховы». Да, въ Москвѣ они часто сходились съ Рогожинымъ и говорили не объ одномъ этомъ. «Рогожинъ давеча сказалъ, что я былъ тогда ему братомъ: онъ это въ первый разъ сегодня сказалъ», подумалъ князь про себя.

Онъ подумалъ объ этомъ, сидя на скамьѣ, подъ деревомъ, въ Лѣтнемъ саду. Было около семи часовъ. Садъ былъ пустъ: что-то мрачное заволокло на мгновеніе заходящее солнце. Было душно: похоже было на отдаленное предвѣщаніе грозы. Въ теперешнемъ его созерцательномъ состояніи была для него какая-то приманка. Онъ прилѣплялся воспоминаніями и умомъ къ каждому внѣшнему предмету, и ему это нравилось: ему все хотѣлось что-то забыть, настоящее, насущное, но при первомъ взглядѣ кругомъ себя онъ тотчасъ-же опять узнавалъ свою мрачную мысль, мысль, отъ которой ему такъ хотѣлось отвязаться. Онъ было вспомнилъ, что давеча говорилъ съ половымъ въ трактирѣ за обѣдомъ, объ одномъ недавнемъ чрезвычайно странномъ убійствѣ, надѣлавшемъ шуму и разговоровъ. Но только что онъ вспомнилъ объ этомъ, съ нимъ вдругъ опять случилось что-то особенное.

Чрезвычайное, неотразимое желаніе, почти соблазнъ, вдругъ оцѣпенили всю его волю. Онъ всталъ со скамьи и пошелъ изъ сада прямо на Петербургскую сторону. Давеча, на набережной Невы, онъ попросилъ какого-то прохожаго, чтобъ показалъ ему черезъ Неву Петербургскую сторону. Ему показали, но тогда онъ не пошелъ туда. Да и во всякомъ случаѣ нечего было сегодня ходить: онъ зналъ это. Адресъ онъ давно имѣлъ: онъ легко могъ отыскать домъ родственницы Лебедева; но онъ зналъ почти навѣрно, что не застанетъ ея дома. «Непремѣнно уѣхала въ Павловскъ, иначе-бы Коля оставилъ что нибудь въ *Вѣсахъ*, по условію». И такъ, если онъ шелъ теперь, то ужь конечно не затѣмъ, чтобъ ее видѣть. Другое, мрачное, мучительное любопытство соблазняло его. Одна новая, внезапная идея пришла ему въ голову...

Но для него ужь слишкомъ было довольно того, что онъ пошелъ и зналъ куда идетъ: минуту спустя, онъ опять уже шелъ, почти не замѣчая своей дороги. Обдумывать дальше «внезапную свою идею» ему тотчасъ-же стало ужасно противно и почти невозможно. Онъ съ мучительно напрягаемымъ вниманіемъ всматривался во все, что попадалось ему на глаза, смотрѣлъ на небо, на Неву. Онъ заговорилъ было со встрѣтившимся маленькимъ ребенкомъ. Можетъ быть, и эпилептическое состояніе его все болѣе и болѣе усиливалось. Гроза, кажется, дѣйствительно надвигалась, хотя и медленно. Начинался уже отдаленный громъ. Становилось очень душно...

Почему-то ему все припоминался теперь, какъ припоминается

иногда неотвязный и до глупости надоѣвшій музыкальный мотивъ, племянникъ Лебедева, котораго онъ давеча видѣлъ. Странно то, что онъ все припоминался ему въ видѣ того убійцы, о которомъ давеча упомянулъ самъ Лебедевъ, рекомендуя ему племянника. Да, объ этомъ убійцѣ онъ читалъ еще очень недавно. Много читалъ и слышалъ о такихъ вещахъ съ тѣхъ поръ какъ въѣхалъ въ Россію; онъ упорно слѣдилъ за всѣмъ этимъ. А давеча такъ даже слишкомъ заинтересовался въ разговорѣ съ половымъ, именно объ этомъ-же убійствѣ Жемариныхъ. Половой съ нимъ согласился, онъ вспомнилъ это. Припомнилъ и половаго; это былъ не глупый парень, солидный и осторожный, а впрочемъ, вѣдь Богъ его знаетъ какой. Трудно въ новой землѣ новыхъ людей разгадывать. Въ русскую душу, впрочемъ, онъ начиналъ страстно вѣрить. О, много, много вынесъ онъ совсѣмъ для него новаго въ эти шесть мѣсяцевъ, и негаданнаго, и неслыханнаго, и неожиданнаго! Но чужая душа—потемки, и русская душа потемки: для многихъ потемки. Вотъ онъ долго сходился съ Рогожинымъ, близко сходились, братски сходились,—а знаетъ-ли онъ Рогожина? А впрочемъ, какой иногда тутъ, во всемъ этомъ, хаосъ, какой сумбуръ, какое безобразіе! И какой-же однако гадкій и вседоволный прыщикъ этотъ давешній племянникъ Лебедева? А впрочемъ что-же я? (продолжалось мечтаться князю) Развѣ онъ убилъ эти существа, этихъ шесть человѣкъ? Я какъ будто смѣшиваю... какъ это странно! У меня голова что-то кружится... А какое симпатичное, какое милое лицо у старшей дочери Лебедева, вотъ у той, которая стояла съ ребенкомъ, какое невинное, какое почти дѣтское выраженіе и какой почти дѣтскій смѣхъ! Странно, что онъ почти забылъ это лицо и теперь только о немъ вспомнилъ. Лебедевъ, тонающій на нихъ ногами, вѣроятно, ихъ всѣхъ обожаетъ. Но что всего вѣрнѣе, какъ дважды два, это то, что Лебедевъ обожаетъ и своего племянника!

А впрочемъ, что-же онъ взялся ихъ такъ окончательно судить, онъ, сегодня явившійся, что-же это онъ произноситъ такіе приговоры? Да вотъ Лебедевъ-же задалъ ему сегодня задачу: ну ожидалъ-ли онъ такого Лебедева? Развѣ онъ зналъ такого Лебедева прежде? Лебедевъ и Дюбарри,—Господи! Впрочемъ, если Рогожинъ убьетъ, то по крайней мѣрѣ не такъ безпорядочно убьетъ. Хаоса этого не будетъ. По рисунку заказанный инструментъ и шесть человѣкъ, положенныхъ совершенно въ бреду! Развѣ у Рогожина по рисунку заказанный инструментъ... у него... но... развѣ рѣшено, что Рогожинъ убьетъ?! вздрогнулъ вдругъ князь. Не преступленіе-ли, не низость-ли съ моей стороны такъ цинически-откровенно сдѣлать такое предположеніе! вскричалъ онъ, и краска стыда за-

ила разомъ лицо его. Онъ былъ изумленъ, онъ стоялъ какъ вкопанный на дорогѣ. Онъ разомъ вспомнилъ и давешній Павловскій вокзалъ, и давешній Николаевскій вокзалъ, и вопросъ Рогожину прямо въ лицо о *голосѣ*, и крестъ Рогожина, который теперь на немъ, и благословеніе его матери, къ которой онъ-же его самъ привелъ, и послѣднее судорожное объятіе, послѣднее отреченіе Рогожина, давеча, на лѣстницѣ, — и послѣ этого всего понимать себя на безпрерывномъ искаціи чего-то кругомъ себя, и эта лавка, и этотъ предметъ... что за низость! И послѣ всего этого онъ идетъ теперь съ особенною цѣлью, съ особою внезапною идеей! Отчаяніе и страданіе захватили всю его душу. Князь немедленно хотѣлъ возротить назадъ къ себѣ, въ гостинницу: даже повернулся и пошелъ: но чрезъ минуту остановился, обдумалъ и воротился опять по прежней дорогѣ.

Да онъ уже и былъ на Петербургской, онъ былъ близко отъ дома; вѣдь не съ прежнею-же цѣлью теперь онъ идетъ туда, вѣдь не съ особенною-же идеей! И какъ оно могло быть! Да, болѣзнь его возвращается, это несомнѣнно: можетъ быть, припадокъ съ нимъ будетъ непремѣнно сегодня. Чрезъ припадокъ и весь этотъ мракъ, чрезъ припадокъ и — идея! — Теперь мракъ разсѣянъ, демонъ прогнанъ, сомнѣній не существуетъ, въ его сердцѣ радость! И — онъ такъ давно не видалъ *ея*. ему надо ее увидѣть, и... да, онъ желалъ-бы теперь встрѣтить Рогожина, онъ-бы взялъ его за руку и они-бы пошли вмѣстѣ... Сердце его чисто; развѣ онъ соперникъ Рогожину? Завтра онъ самъ пойдетъ и скажетъ Рогожину, что онъ ее видѣлъ; вѣдь летѣлъ-же онъ сюда, какъ сказалъ давеча Рогожинъ, чтобы только ее увидать! Можетъ быть, онъ и застанетъ ее, вѣдь не навѣрно-же она въ Павловскѣ!

Да, надо чтобы теперь все это было ясно поставлено, чтобы всѣ ясно читали другъ въ другѣ, чтобы не было этихъ мрачныхъ и страстныхъ отреченій, какъ давеча отрекался Рогожинъ, и пусть все это совершится свободно и... свѣтло. Развѣ неспособенъ къ свѣту Рогожинъ? Онъ говоритъ, что любитъ ее не такъ, что въ немъ нѣтъ состраданья, нѣтъ «никакой такой жалости». Правда, онъ прибавилъ потомъ, что «твоя жалость, можетъ быть, еще пуще моей любви», но онъ на себя клевещетъ. Гм... Рогожинъ за книгой, — развѣ ужь это не «жалость», не начало «жалости»? Развѣ ужь одно присутствіе этой книги не доказываетъ, что онъ вполнѣ сознаетъ свои отношенія къ *ней*? А разсказъ его давеча? Нѣтъ, это поглубже одной только страстности. И развѣ одну только страстность внушаетъ ея лицо? Да и можетъ-ли даже это лицо внушать теперь страсть? Оно внушаетъ страданіе, оно захватываетъ

всю душу, оно... и жгучее, мучительное воспоминаніе прошло вдругъ по сердцу князя.

Да, мучительное. Онъ вспомнилъ, какъ еще недавно онъ мучился, когда въ первый разъ онъ сталъ замѣчать въ ней признаки безумія. Тогда онъ испыталъ почти отчаяніе. И какъ онъ могъ оставить ее, когда она бѣжала тогда отъ него къ Рогожину? Ему самому слѣдовало-бы бѣжать за ней, а не ждать извѣстій. Но... неужели Рогожинъ до сихъ поръ не замѣтилъ въ ней безумія? Гм... Рогожинъ видитъ во всемъ другія причины, страстныя причины! И какая безумная ревность! Что онъ хотѣлъ сказать давешнимъ предположеніемъ своимъ? (Князь вдругъ покраснѣлъ, и что-то какъ будто дрогнуло въ его сердцѣ).

Къ чему, впрочемъ, и вспоминать про это? Тутъ безуміе съ обѣихъ сторонъ. А ему, князю, любить страстно эту женщину—почти немыслимо, почти было-бы жестокостью, безчеловѣчностью. Да, да! Нѣтъ! Рогожинъ на себя клевещетъ: у него огромное сердце, которое можетъ и страдать и сострадать. Когда онъ узнаетъ всю истину, и когда убѣдится, какое жалкое существо эта поврежденная, полоумная,—развѣ не проститъ онъ ей тогда все прежнее, всѣ мученія свои? Развѣ не станетъ ея слугой, братомъ, другомъ, провидѣніемъ? Состраданіе осмыслитъ и научитъ самого Рогожина. Состраданіе есть главнѣйшій и, можетъ быть, единственный законъ бытія всего человѣчества. О, какъ онъ непростительно и безчестно виноватъ предъ Рогожинымъ! Нѣтъ, не «русская душа потемки», а у него самого на душѣ потемки, если онъ могъ вообразить такой ужасъ. За нѣсколько горячихъ и сердечныхъ словъ въ Москвѣ Рогожинъ уже называетъ его своимъ братомъ, а онъ... Но это болѣзнь и бредъ! Это все разрѣшится!.. Какъ мрачно сказалъ давеча Рогожинъ, что у него «пропадаетъ вѣра!» Этотъ человѣкъ долженъ сильно страдать. Онъ говоритъ, что «любитъ смотрѣть на эту картину»; не любитъ, а, значитъ, ощущаетъ потребность. Рогожинъ — не одна только страстная душа: это всетаки боецъ: онъ хочетъ силой воротить свою потерянную вѣру. Ему она до мученія теперь нужна... Да! во что нибудь вѣрить! Въ кого нибудь вѣрить! А какая однако-же странная эта картина Гольбейна... А, вотъ эта улица! Вотъ, должно быть, и домъ, такъ и есть, № 16, домъ коллежской секретарши Филисовой. Здѣсь! Князь позвонилъ и спросилъ Настасью Филипповну.

Сама хозяйка дома отвѣтила ему, что Настасья Филипповна еще съ утра уѣхала въ Павловскъ къ Дарьѣ Алексѣевнѣ «и даже можетъ произойдти-съ, что останутся тамъ и нѣсколько дней». Филисова была маленькая, востроглазая и востроносая женщина, лѣтъ

сорока, и глядѣла лукаво и пристально. На вопросъ ея объ имени,— вопросъ, которому она какъ-бы съ намѣреніемъ придала оттѣнокъ таинственности, князь сначала было не хотѣлъ отвѣтить: но тотчасъ-же воротился и настойчиво попросилъ передать его имя Настасьѣ Филипповнѣ. Филисова приняла эту настойчивость съ усиленнымъ вниманіемъ и съ необыкновенно секретнымъ видомъ, которымъ видимо желала заявить, что: «не безпокойтесь, я поняла-съ». Имя князя, очевидно, произвело на нее сильнѣйшее впечатлѣніе. Князь разсѣянно поглядѣлъ на нее, повернулся и пошелъ назадъ въ свою гостинницу. Но онъ вышелъ не съ тѣмъ уже видомъ, съ какимъ звонилъ къ Филисовой. Съ нимъ произошла опять, и какъ-бы въ одно мгновеніе, необыкновенная перемѣна: онъ опять шелъ блѣдный, слабый, страдающій, взволнованный: колѣна его дрожали, и смутная, потерянная улыбка бродила на посинѣлыхъ губахъ его: «внезапная идея» его вдругъ подтвердилась и оправдалась, и—онъ опять вѣрилъ своему демону!

Но подтвердилась-ли? Но оправдалась-ли? Почему съ нимъ опять эта дрожь, этотъ потъ холодный, этотъ мракъ и холодъ душевный? Потому-ли, что опять онъ увидѣлъ сейчасъ эти *глаза?* Но вѣдь онъ и пошелъ-же изъ Лѣтняго сада единственно съ тѣмъ, чтобъ ихъ увидать! Въ этомъ вѣдь и состояла его «внезапная идея». Онъ настойчиво захотѣлъ увидать эти «давешніе глаза», чтобъ окончательно убѣдиться, что онъ непремѣнно встрѣтитъ ихъ *тамъ*, у этого дома. Это было судорожное желаніе его, и отчего-же онъ такъ раздавленъ и пораженъ теперь тѣмъ, что ихъ въ самомъ дѣлѣ сейчасъ увидѣлъ? Точно не ожидалъ! Да, это были *тѣ самые* глаза (и въ томъ, что *тѣ самые*, нѣтъ уже никакого теперь сомнѣнія!), которые сверкнули на него утромъ, въ толпѣ, когда онъ выходилъ изъ вагона Николаевской желѣзной дороги: тѣ самые (совершенно тѣ самые!), взглядъ которыхъ онъ поймалъ потомъ давеча, у себя за плечами, садясь на стулъ у Рогожина. Рогожинъ давеча отрекся: онъ спросилъ съ искривленною, леденящею улыбкой: «чьи-же были глаза-то?» И князю ужасно захотѣлось, еще недавно, въ вокзалѣ Царскосельской дороги,—когда онъ садился въ вагонъ, чтобы ѣхать къ Аглаѣ, и вдругъ опять увидѣлъ эти глаза, уже въ третій разъ въ этотъ день,—подойдти къ Рогожину и сказать *ему*: «чьи это были глаза!». Но онъ выбѣжалъ изъ вокзала и очнулся только предъ лавкой ножевщика въ ту минуту, какъ стоялъ и оцѣнивалъ въ шестьдесятъ копѣекъ одинъ предметъ, съ оленьимъ черенкомъ. Странный и ужасный демонъ привязался къ нему окончательно и уже не хотѣлъ оставлять его болѣе. Этотъ демонъ шепнулъ ему въ Лѣтнемъ саду, когда онъ сидѣлъ, забывшись, подъ липой, что

если Рогожину такъ надо было слѣдить за нимъ съ самаго утра и ловить его на каждомъ шагу, то узнавъ, что онъ не поѣдетъ въ Павловскъ (что̀ уже, конечно, было роковымъ для Рогожина свѣданіемъ), Рогожинъ непремѣнно пойдетъ *туда*, къ тому дому, на Петербургской, и будетъ непремѣнно сторожить тамъ его, князя, давшаго ему еще утромъ честное слово, что «не увидитъ ея», и что не затѣмъ онъ въ Петербургъ пріѣхалъ». И вотъ князь судорожно устремляется къ тому дому, и что-же въ томъ, что дѣйствительно онъ тамъ встрѣчаетъ Рогожина? Онъ увидѣлъ только несчастнаго человѣка, душевное настроеніе котораго мрачно, но очень понятно. Этотъ несчастный человѣкъ даже и не скрывался теперь. Да, Рогожинъ давеча почему-то заперся и солгалъ, но въ вокзалъ онъ стоялъ почти не скрываясь. Скорѣй даже онъ, князь, скрывался, а не Рогожинъ. А теперь, у дома, онъ стоялъ по другой сторонѣ улицы, шагахъ въ пятидесяти наискось, на противоположномъ тротуарѣ, скрестивъ руки, и ждалъ. Тутъ уже онъ былъ совсѣмъ на виду и, кажется, нарочно хотѣлъ быть на виду. Онъ стоялъ какъ обличитель и какъ судья, а не какъ... А не какъ кто?

А почему-же онъ, князь, не подошелъ теперь къ нему самъ и повернулъ отъ него, какъ-бы ничего не замѣтивъ, хотя глаза ихъ и встрѣтились. (Да, глаза ихъ встрѣтились! и они посмотрѣли другъ на друга). Вѣдь онъ-же самъ хотѣлъ давеча взять его за руку и пойдти *туда* вмѣстѣ съ нимъ? Вѣдь онъ самъ-же хотѣлъ завтра идти къ нему и сказать, что онъ былъ у нея? Вѣдь отрекся-же онъ самъ отъ своего демона, еще идя туда, на половинѣ дороги, когда радость вдругъ наполнила его душу? Или въ самомъ дѣлѣ было что-то такое въ Рогожинѣ, то есть въ цѣломъ *сегодняшнемъ* образѣ этого человѣка, во всей совокупности его словъ, движеній, поступковъ, взглядовъ, что̀ могло оправдывать ужасныя предчувствія князя и возмущающія нашептыванія его демона? Нѣчто такое, что̀ видится само собой, но что̀ трудно анализировать и разсказать, невозможно оправдать достаточными причинами, но что̀ однако-же производитъ, не смотря на всю эту трудность и невозможность, совершенно цѣльное и неотразимое впечатлѣніе, невольно переходящее въ полнѣйшее убѣжденіе?..

Убѣжденіе въ чемъ? (О, какъ мучила князя чудовищность, унизительность этого убѣжденія, этого низкаго предчувствія и какъ обвинялъ онъ себя самого!) «Скажи-же, если смѣешь, въ чемъ?» говорилъ онъ безпрерывно себѣ, съ упрекомъ и съ вызовомъ, «формулируй, осмѣлься выразить всю свою мысль, ясно, точно, безъ колебанія! О, я безчестенъ!» повторялъ онъ съ негодованіемъ и съ краской въ лицѣ.—какими-же глазами буду я смот-

рѣть теперь всю жизнь на этого человѣка! О, что за день! О, Боже, какой кошмаръ!»

Была минута, въ концѣ этого длиннаго и мучительнаго пути съ Петербургской стороны, когда вдругъ неотразимое желаніе захватило князя,—пойдти сейчасъ къ Рогожину, дождаться его, обнять его со стыдомъ, со слезами, сказать ему все и кончить все разомъ. Но онъ стоялъ уже у своей гостиницы... Какъ не понравилась ему давеча эта гостиница, эти коридоры, весь этотъ домъ, его номеръ, не понравились съ перваго взгляду: онъ нѣсколько разъ въ этотъ день съ какимъ-то особеннымъ отвращеніемъ припоминалъ, что надо будетъ сюда воротиться... «Да что это я, какъ больная женщина, вѣрю сегодня во всякое предчувствіе!» подумалъ онъ съ раздражительною насмѣшкой, останавливаясь въ воротахъ. Новый, нестерпимый приливъ стыда, почти отчаянія, приковалъ его на мѣстѣ, при самомъ входѣ въ ворота. Онъ остановился на минуту. Такъ иногда бываетъ съ людьми: нестерпимыя внезапныя воспоминанія, особенно сопряженныя со стыдомъ, обыкновенно останавливаютъ, на одну минуту, на мѣстѣ. «Да, я человѣкъ безъ сердца и трусъ!» повторилъ онъ мрачно, и порывисто двинулся идти, но... опять остановился.

Въ этихъ воротахъ, и безъ того темныхъ, въ эту минуту было очень темно: надвинувшаяся грозовая туча поглотила вечерній свѣтъ, и въ то самое время какъ князь подходилъ къ дому, туча вдругъ разверзлась и пролилась. Въ то-же время, когда онъ порывисто двинулся съ мѣста, послѣ мгновенной остановки, онъ находился въ самомъ началѣ воротъ, у самаго входа подъ ворота съ улицы. И вдругъ онъ увидѣлъ въ глубинѣ воротъ, въ полутемнотѣ, у самаго входа на лѣстницу, одного человѣка. Человѣкъ этотъ какъ будто чего-то выжидалъ, но быстро промелькнулъ и исчезъ. Человѣка этого князь не могъ разглядѣть ясно и, конечно, никакъ-бы не могъ сказать навѣрно: кто онъ таковъ? Къ тому-же тутъ такъ много могло проходить людей: тутъ была гостиница, и безпрерывно проходили и пробѣгали въ коридоры и обратно. Но онъ вдругъ почувствовалъ самое полное и неотразимое убѣжденіе, что онъ этого человѣка узналъ, и что этотъ человѣкъ непремѣнно Рогожинъ. Мгновеніе спустя князь бросился вслѣдъ за нимъ на лѣстницу. Сердце его замерло. «Сейчасъ все разрѣшится!» съ страннымъ убѣжденіемъ проговорилъ онъ про себя.

Лѣстница, на которую князь взбѣжалъ изъ-подъ воротъ, вела въ коридоры перваго и втораго этажей, по которымъ и были расположены номера гостиницы. Эта лѣстница, какъ во всѣхъ давно строенныхъ домахъ, была каменная, темная, узкая и вилась около

толстаго каменнаго столба. На первой забѣжной площадкѣ, въ этомъ столбѣ оказалось углубленіе, въ родѣ ниши, не болѣе одного шага ширины и въ полшага глубины. Человѣкъ однако-же могъ-бы тутъ помѣститься. Какъ ни было темно, но, взбѣжавъ на площадку, князь тотчасъ-же различилъ, что тутъ, въ этой нишѣ, прячется зачѣмъ-то человѣкъ. Князю вдругъ захотѣлось пройдти мимо и не глядѣть направо. Онъ ступилъ уже одинъ шагъ, но не выдержалъ и обернулся.

Два давешніе глаза, *тѣ-жъ самые*, вдругъ встрѣтились съ его взглядомъ. Человѣкъ, таившійся въ нишѣ, тоже успѣлъ уже ступить изъ нея одинъ шагъ. Одну секунду оба стояли другъ передъ другомъ почти вплоть. Вдругъ князь схватилъ его за плечи и повернулъ назадъ, къ лѣстницѣ, ближе къ свѣту: онъ яснѣе хотѣлъ видѣть лицо.

Глаза Рогожина засверкали, и бѣшеная улыбка исказила его лицо. Правая рука его поднялась и что-то блеснуло въ ней: князь не думалъ ее останавливать. Онъ помнилъ только, что, кажется, крикнулъ:

— Парѳенъ, не вѣрю!..

Затѣмъ вдругъ какъ-бы что-то разверзлось предъ нимъ: необычный *внутренній* свѣтъ озарилъ его душу. Это мгновеніе продолжалось, можетъ быть, полсекунды; но онъ однако-же ясно и сознательно помнилъ начало, самый первый звукъ своего страшнаго вопля, который вырвался изъ груди его самъ собой и которымъ никакою силой онъ не могъ-бы остановить. Затѣмъ сознаніе его угасло мгновенно, и наступилъ полный мракъ.

Съ нимъ случился припадокъ эпилепсіи, уже очень давно оставившій его. Извѣстно, что припадки эпилепсіи, собственно самая *падучая*, приходятъ мгновенно. Въ это мгновеніе вдругъ чрезвычайно искажается лицо, особенно взглядъ. Конвульсіи и судороги овладѣваютъ всѣмъ тѣломъ и всѣми чертами лица. Страшный, невообразимый и ни на что не похожій воплЬ вырывается изъ груди: въ этомъ воплѣ вдругъ исчезаетъ какъ-бы все человѣческое, и никакъ невозможно, по крайней мѣрѣ, очень трудно, наблюдателю вообразить и допустить, что это кричитъ этотъ-же самый человѣкъ. Представляется даже, что кричитъ какъ-бы кто-то другой, находящійся внутри этого человѣка. Многіе, по крайней мѣрѣ, изъясняли такъ свое впечатлѣніе, на многихъ-же видъ человѣка въ падучей производитъ рѣзкій и невыносимый ужасъ, имѣющій въ себѣ даже нѣчто мистическое. Надо предположить, что такое впечатлѣніе внезапнаго ужаса, сопряженнаго со всѣми другими страшными впечатлѣніями той минуты, — вдругъ отразились на мѣстѣ и тѣмъ спасли князя отъ неизбѣжнаго удара ножемъ, на него уже

нападавшаго. Затѣмъ, еще не успѣвъ догадаться о припадкѣ и увидѣвъ, что князь отпатнулся отъ него и вдругъ упалъ навзничь, прямо внизъ по лѣстницѣ, съ размаху ударившись затылкомъ о каменную ступень, Рогожинъ стремглавъ бросился внизъ, обѣжалъ лежавшаго, и почти безъ памяти выбѣжалъ изъ гостиницы.

Отъ конвульсій, біенія и судорогъ, тѣло больнаго спустилось по ступенькамъ, которыхъ было не болѣе пятнадцати, до самаго конца лѣстницы. Очень скоро, не болѣе какъ минутъ черезъ пять, замѣтили лежавшаго, и собралась толпа. Цѣлая лужица крови около головы вселяла недоумѣніе: самъ-ли человѣкъ расшибся или былъ какой грѣхъ? Скоро однако-же нѣкоторые различили падучую: одинъ изъ номерныхъ призналъ въ князѣ давешняго постояльца. Смятеніе разрѣшилось наконецъ весьма счастливо по одному счастливому обстоятельству.

Коля Иволгинъ, обѣщавшійся быть къ четыремъ часамъ въ *Выгорѣ* и поѣхавшій вмѣсто того въ Павловскъ, по одному внезапному соображенію отказался «откушать» у генеральши Епанчиной, а пріѣхалъ обратно въ Петербургъ и поспѣшилъ въ *Выгорь*, куда и явился около семи часовъ вечера. Узнавъ по оставленной ему запискѣ, что князь въ городѣ, онъ устремился къ нему по сообщенному въ запискѣ адресу. Извѣстившись въ гостиницѣ, что князь вышелъ, онъ спустился внизъ, въ буфетныя комнаты, и сталъ дожидаться, кушая чай и слушая органъ. Случайно услышавъ разговоръ о приключившемся съ кѣмъ-то припадкѣ, онъ бросился на мѣсто, по вѣрному предчувствію, и узналъ князя. Тотчасъ-же были приняты надлежащія мѣры. Князя перенесли въ его номеръ: онъ хоть и очнулся, но въ полное сознаніе довольно долго не приходилъ. Докторъ, приглашенный для осмотра разбитой головы, далъ примочку и объявилъ, что опасности отъ ушибовъ нѣтъ ни малѣйшей. Когда-же, уже черезъ часъ, князь довольно хорошо сталъ понимать окружающее, Коля перевезъ его въ каретѣ изъ гостиницы къ Лебедеву. Лебедевъ принялъ больнаго съ необыкновеннымъ жаромъ и съ поклонами. Для него-же ускорилъ и переѣздъ на дачу: на третій день всѣ уже были въ Павловскѣ.

VI.

Дача Лебедева была небольшая, но удобная и даже красивая. Часть ея, назначавшаяся внаемъ, была особенно изукрашена. На террасѣ, довольно помѣстительной, при входѣ съ улицы въ комнаты, было наставлено нѣсколько померанцевыхъ, лимонныхъ и жасминныхъ деревьевъ, въ большихъ зеленыхъ кадкахъ, что и составляло, по разсчету Лебедева, самый обольщающій видъ. Нѣсколько изъ этихъ деревьевъ онъ пріобрѣлъ вмѣстѣ съ дачей, и до того прельстился эффектомъ, который они производили на террасѣ, что рѣшился, благодаря случаю, прикупить для комплекту такихъ-же деревьевъ въ кадкахъ на аукціонѣ. Когда всѣ деревья были, наконецъ, свезены на дачу и разставлены, Лебедевъ нѣсколько разъ въ тотъ день сбѣгалъ по ступенькамъ террасы на улицу и съ улицы любовался на свое владѣніе, каждый разъ мысленно надбавляя сумму, которую предполагалъ запросить съ будущаго своего дачнаго жильца. Разслабленному, тоскующему и разбитому тѣломъ князю дача очень понравилась. Впрочемъ, въ день переѣзда въ Павловскъ, то есть на третій день послѣ припадка, князь уже имѣлъ по наружности видъ почти здороваго человѣка, хотя внутренно чувствовалъ себя все еще неоправившимся. Онъ былъ радъ всѣмъ кого видѣлъ кругомъ себя въ эти три дня, радъ Колѣ, почти отъ него не отходившему, радъ всему семейству Лебедева (безъ племянника, куда-то исчезнувшаго), радъ самому Лебедеву: даже съ удовольствіемъ принялъ посѣтившаго его еще въ городѣ генерала Иволгина. Въ самый день переѣзда, состоявшагося уже къ вечеру, вокругъ него на террасѣ собралось довольно много гостей: сперва пришелъ Ганя, котораго князь едва узналъ,—такъ онъ за все это время перемѣнился и похудѣлъ. Затѣмъ, явились Варя и Птицынъ, тоже павловскіе дачники. Генералъ-же Иволгинъ находился у Лебедева на квартирѣ почти безвыѣздно, даже, кажется, вмѣстѣ съ нимъ переѣхалъ. Лебедевъ старался не пускать его къ князю и держать при себѣ; обращался онъ съ нимъ по пріятельски: повидимому, они уже давно были знакомы. Князь замѣтилъ, что всѣ эти три дня они вступали иногда другъ съ другомъ въ длинные разговоры, нерѣдко кричали и спорили, даже, кажется, объ ученыхъ предметахъ, что, повидимому, доставляло удовольствіе Лебедеву. Подумать можно было, что онъ даже нуждался въ генералѣ. Но тѣ-же самыя предосторожности, какъ относительно князя, Лебедевъ сталъ соблюдать и относительно своего семейства съ самаго переѣзда на дачу: подъ

предлогомъ, чтобы не безпокоить князя, онъ не пускалъ къ нему никого, топалъ ногами, бросался и гонялся за своими дочерьми, не исключая и Вѣры съ ребенкомъ, при первомъ подозрѣніи, что они идутъ на террасу, гдѣ находился князь, не смотря на всѣ просьбы князя не отгонять никого.

— Во первыхъ, никакой не будетъ почтительности, если ихъ такъ распустить: а во вторыхъ, имъ даже и неприлично... объяснилъ онъ, наконецъ, на прямой вопросъ князя.

— Да почему-же? усовѣщевалъ князь: — право, вы меня всѣми этими наблюденіями и стереженіемъ только мучаете. Мнѣ одному скучно, я вамъ нѣсколько разъ говорилъ, а сами вы вашимъ безпрерывнымъ маханіемъ рукъ и хожденіемъ на цыпочкахъ еще больше тоску нагоняете.

Князь намекалъ на то, что Лебедевъ хоть и разгонялъ всѣхъ домашнихъ подъ видомъ спокойствія, необходимаго больному, но самъ входилъ къ князю во всѣ эти три дня чуть не поминутно, и каждый разъ сначала растворялъ дверь, просовывалъ голову, оглядывалъ комнату, точно увѣриться хотѣлъ, тутъ-ли? не убѣжалъ-ли? и потомъ уже на цыпочкахъ, медленно крадущимися шагами, подходилъ къ креслу, такъ что иногда невзначай пугалъ своего жильца. Безпрерывно освѣдомлялся, не нужно-ли ему чего, и когда князь сталъ ему, наконецъ, замѣчать, чтобъ онъ оставилъ его въ покоѣ, послушно и безмолвно оборачивался, пробирался обратно на цыпочкахъ къ двери и все время, пока шагалъ, махалъ руками, какъ-бы давая знать, что онъ только такъ, что онъ не промолвитъ ни слова и что вотъ онъ ужъ и вышелъ, и не придетъ, и однако-жъ чрезъ десять минутъ или, по крайней мѣрѣ, чрезъ четверть часа являлся опять. Коля, имѣвшій свободный входъ къ князю, возбуждалъ тѣмъ самымъ въ Лебедевѣ глубочайшее огорченіе и даже обидное негодованіе. Коля замѣтилъ, что Лебедевъ по получасу простаиваетъ у двери и подслушиваетъ что̀ они говорятъ съ княземъ, о чемъ, разумѣется, и извѣстилъ князя.

— Вы точно меня себѣ присвоили, что держите подъ замкомъ, протестовалъ князь,—по крайней мѣрѣ, на дачѣ-то я хочу, чтобы было иначе, и будьте увѣрены, что буду принимать кого угодно и выходить куда угодно.

— Безъ самомалѣйшаго сомнѣнія, замахалъ руками Лебедевъ.

Князь пристально оглядѣлъ его съ головы до ногъ.

— А что̀, Лукьянъ Тимоѳеевичъ, вы свой шкапчикъ, который у васъ надъ кроватью въ головахъ висѣлъ, перевезли сюда?

— Нѣтъ, не перевезъ.

— Неужели тамъ оставили?

— Невозможно везти, выламывать изъ стѣны надо... Крѣпко, крѣпко.

— Да, можетъ, здѣсь точно такой-же есть?

— Даже лучше, даже лучше, съ тѣмъ и дачу купилъ.

— А-а. Это кого вы давеча ко мнѣ не пускали? Часъ назадъ.

— Это... это генерала-съ. Дѣйствительно не пускалъ, и ему къ вамъ не стать. Я, князь, человѣка этого глубоко уважаю; это... это великій человѣкъ-съ: вы не вѣрите? Ну, вотъ увидите, а все-таки... лучше-бы, свѣтельнѣйшій князь, вамъ не принимать его у себя-съ.

— А почему-бы такъ, позвольте васъ спросить? И почему, Лебедевъ, вы стоите теперь на цыпочкахъ, а подходите ко мнѣ всегда точно желаете секретъ на ухо сообщить?

— Низокъ, низокъ, чувствую, неожиданно отвѣчалъ Лебедевъ, съ чувствомъ постукивая себя въ грудь, — а генералъ для васъ не слишкомъ-ли будетъ гостепріимецъ-съ?

— Слишкомъ будетъ гостепріимецъ?

— Гостепріимецъ-съ. Во первыхъ, онъ ужъ и жить у меня собирается: это-бы пусть-съ, да азартенъ, въ родню тотчасъ лѣзетъ. Мы съ нимъ родней уже нѣсколько разъ сосчитались, оказалось, что свояки. Вы тоже ему по матери племянникомъ двоюроднымъ оказываетесь, еще вчера мнѣ разъяснялъ. Если вы племянникъ, стало быть, и мы съ вами, свѣтельнѣйшій князь, родня. Это-бы ничего-съ, маленькая слабость, но сейчасъ увѣрялъ, что всю его жизнь, съ самаго прапорщичьяго чина и до самаго одиннадцатаго іюня прошлаго года у него каждый день меньше двухсотъ персонъ за столъ не садилось. Допелъ, наконецъ, до того, что и не вставало, такъ что и обѣдали, и ужинали, и чай пили часовъ по пятнадцати въ сутки лѣтъ тридцать сряду безъ малѣйшаго перерыва, едва время было скатерть перемѣнить. Одинъ встаетъ, уходитъ, другой приходитъ, а въ табельные и царскіе дни и до трехсотъ человѣкъ доходило. А въ день тысячелѣтія Россіи такъ семьсотъ человѣкъ насчелъ. Это вѣдь страсть-съ; этакія извѣстія — признакъ очень дурной-съ: этакихъ гостепріимцевъ и принимать даже у себя страшно, я и подумалъ: не слишкомъ-ли для насъ съ вами будетъ этакой гостепріимецъ?

— Но вы, кажется, съ нимъ въ весьма хорошихъ отношеніяхъ?

— Но братски и принимаю за шутку: пусть мы свояки: мнѣ что, — больше чести. Я въ немъ даже и сквозь двухсотъ персонъ и тысячелѣтіе Россіи замѣчательнѣйшаго человѣка различаю. Некрепко говорю-съ. Вы, князь, сейчасъ о секретахъ заговорили-съ, будто-бы, то есть, я приближаюсь точно секретъ сообщить желаю, а секретъ,

какъ нарочно и есть: извѣстная особа сейчасъ дала знать, что желала-бы очень съ вами секретное свиданіе имѣть.

— Для чего-же секретное? Отнюдь. Я у ней буду самъ, хоть сегодня.

— Отнюдь, отнюдь нѣтъ, замахалъ Лебедевъ, — и не того боится чего-бы вы думали. Кстати: извергъ ровно каждый день приходитъ о здоровьи вашемъ навѣдываться, извѣстно-ли вамъ?

— Вы что-то очень часто извергомъ его называете, это мнѣ очень подозрительно.

— Никакого подозрѣнія имѣть не можете, никакого, поскорѣе отклонилъ Лебедевъ, — я хотѣлъ только объяснить, что особа извѣстная не его, а совершенно другаго боится, совершенно другаго.

— Да чего-же, говорите скорѣй, допрашивалъ князь съ нетерпѣніемъ, смотря на таинственныя кривлянія Лебедева.

— Въ томъ и секретъ.

И Лебедевъ усмѣхнулся.

— Чей секретъ?

— Вашъ секретъ. Сами вы запретили мнѣ, сіятельнѣйшій князь, при васъ говорить... пробормоталъ Лебедевъ, и, насладившись тѣмъ, что довелъ любопытство своего слушателя до болѣзненнаго нетерпѣнія, вдругъ заключилъ: — Аглаи Ивановны боится.

Князь поморщился и съ минуту помолчалъ.

— Ей Богу, Лебедевъ, я брошу вашу дачу, сказалъ онъ вдругъ. — Гдѣ Гаврила Ардаліоновичъ и Птицыны? У васъ? Вы ихъ тоже къ себѣ переманили.

— Идутъ-съ, идутъ-съ. И даже генералъ вслѣдъ за ними. Всѣ двери отворю и дочерей созову всѣхъ, всѣхъ, сейчасъ, сейчасъ, испуганно шепталъ Лебедевъ, махая руками и кидаясь отъ одной двери къ другой.

Въ эту минуту Коля появился на террасѣ, войдя съ улицы, и объявилъ, что вслѣдъ за нимъ идутъ гости, Лизавета Прокофьевна съ тремя дочерьми.

— Пускать или не пускать Птицыныхъ и Гаврилу Ардаліоновича? Пускать или не пускать генерала? подскочилъ Лебедевъ, пораженный извѣстіемъ.

— Отчего-же нѣтъ? Всѣхъ, кому угодно! Увѣряю васъ, Лебедевъ, что вы что-то не такъ поняли въ моихъ отношеніяхъ въ самомъ началѣ: у васъ какая-то безпрерывная ошибка. Я не имѣю ни малѣйшихъ причинъ отъ кого нибудь таиться и прятаться, засмѣялся князь. Глядя на него, почелъ за долгъ засмѣяться и Лебедевъ. Лебедевъ, не смотря на свое чрезвычайное волненіе, былъ тоже видимо чрезвычайно доволенъ.

Извѣстіе, сообщенное Колей, было справедливо; онъ опередилъ Епанчиныхъ только нѣсколькими шагами, чтобъ ихъ возвѣстить, такъ что гости явились вдругъ съ обѣихъ сторонъ, съ террасы Епанчины, а изъ комнатъ — Птицыны, Ганя и генералъ Иволгинъ.

Епанчины узнали о болѣзни князя и о томъ, что онъ въ Павловскѣ, только сейчасъ, отъ Коли, до того-же времени генеральша была въ тяжеломъ недоумѣніи. Еще третьяго дня генералъ сообщилъ своему семейству карточку князя: эта карточка возбудила въ Лизаветѣ Прокофьевнѣ непремѣнную увѣренность, что и самъ князь прибудетъ въ Павловскъ для свиданія съ ними немедленно вслѣдъ за этою карточкой. Напрасно дѣвицы увѣряли, что человѣкъ, не писавшій полгода, можетъ быть, далеко не будетъ такъ торопливъ и теперь, и что, можетъ быть, у него и безъ нихъ много хлопотъ въ Петербургѣ, — почемъ знать его дѣла? Генеральша рѣшительно осердилась на эти замѣчанія и готова была биться объ закладъ, что князь явится по крайней мѣрѣ на другой-же день, хотя это уже будетъ и поздно. На другой день она прождала цѣлое утро: ждали къ обѣду, къ вечеру, и когда уже совершенно смерклось, Лизавета Прокофьевна разсердилась на все и перессорилась со всѣми, разумѣется, въ мотивахъ ссоры ни слова не упомнивъ о князѣ. Ни слова о немъ не было упомянуто и во весь третій день. Когда у Аглаи сорвалось невзначай за обѣдомъ, что maman сердится потому, что князь не ѣдетъ, на что генералъ тотчасъ-же замѣтилъ, что вѣдь онъ въ этомъ не виноватъ, — Лизавета Прокофьевна встала и вонъ вышла изъ-за стола. Наконецъ, къ вечеру явился Коля со всѣми извѣстіями и съ описаніемъ всѣхъ приключеній князя, какія онъ зналъ. Въ результатѣ Лизавета Прокофьевна торжествовала, но, во всякомъ случаѣ, Колѣ крѣпко досталось: То по цѣлымъ днямъ здѣсь вертится и не выживешь, а тутъ хоть-бы знать-то далъ, если ужъ самъ не разсудилъ пожаловать. Коля тотчасъ-же хотѣлъ было разсердиться за слово «не выживешь», но отложилъ до другаго раза, и если-бы только самое слово не было ужъ слишкомъ обидно, то пожалуй и совсѣмъ извинилъ-бы его: до того понравилось ему волненіе и безпокойство Лизаветы Прокофьевны при извѣстіи о болѣзни князя. Она долго настаивала на необходимости немедленно отправить нарочнаго въ Петербургъ, чтобы поднять какую-то медицинскую знаменитость первой величины и примчать ее съ первымъ поѣздомъ. Но дочери отговорили: онѣ, впрочемъ, не захотѣли отстать отъ маманн, когда та мигомъ собралась, чтобы посѣтить больнаго.

— Онъ на смертномъ одрѣ, говорила, суетясь, Лизавета Про-

кофьевна,—а мы тутъ будемъ еще церемоніи наблюдать? Другъ онъ нашего дома или нѣтъ?

— Да и соваться, не спросясь броду, не слѣдуетъ, замѣтила было Аглая.

— Ну, такъ и не ходи, и хорошо даже сдѣлаешь: Евгеній Павлычъ пріѣдетъ, некому будетъ принять.

Послѣ этихъ словъ Аглая, разумѣется, тотчасъ-же отправилась вслѣдъ за всѣми, что, впрочемъ, намѣрена была и безъ этого сдѣлать. Князь Щ., сидѣвшій съ Аделаидой, по ея просьбѣ, немедленно согласился сопровождать дамъ. Онъ еще и прежде, въ началѣ своего знакомства съ Епанчиными, чрезвычайно заинтересовался, когда услышалъ отъ нихъ о князѣ. Оказалось, что онъ съ нимъ былъ знакомъ, что они познакомились гдѣ-то недавно и недѣли двѣ жили вмѣстѣ въ какомъ-то городкѣ. Это было назадъ тому мѣсяца съ три. Князь Щ. даже много о князѣ разсказывалъ и вообще отзывался о немъ весьма симпатично, такъ что теперь съ искреннимъ удовольствіемъ шелъ навѣстить стараго знакомаго. Генерала Ивана Ѳедоровича на этотъ разъ не было дома. Евгеній Павловичъ тоже еще не пріѣзжалъ.

До дачи Лебедева отъ Епанчиныхъ было не болѣе трехсотъ шаговъ. Первое непріятное впечатлѣніе Лизаветы Прокофьевны у князя — было застать кругомъ него цѣлую компанію гостей, не говоря уже о томъ, что въ этой компаніи были два-три лица ей рѣшительно ненавистныя; второе — удивленіе при видѣ совершенно на взглядъ здороваго, щеголевато одѣтаго и смѣющагося молодаго человѣка, стушевавшаго имъ на встрѣчу, вмѣсто умирающаго на смертномъ одрѣ, котораго она ожидала найдти. Она даже остановилась въ недоумѣніи, къ чрезвычайному удовольствію Коли, который, конечно, могъ-бы отлично объяснить, еще когда она и не трогалась съ своей дачи, что никто ровно не умираетъ, и никакого смертнаго одра нѣтъ, но не объяснилъ, лукаво предчувствуя будущій комическій гнѣвъ генеральши, когда она, по его разсчетамъ, непремѣнно разсердится за то, что застанетъ князя, своего искренняго друга, здоровымъ. Коля былъ даже такъ деликатенъ, что вслухъ высказалъ свою догадку, чтобъ окончательно раздразнить Лизавету Прокофьевну, съ которою постоянно и иногда очень злобно никировался, не смотря на связывавшую ихъ дружбу.

— Подожди, любезный, не торопись, не испорти свое торжество! отвѣчала Лизавета Прокофьевна, усаживаясь въ подставленныя ей княземъ кресла.

Лебедевъ, Птицынъ, генералъ Иволгинъ бросились подавать стулья дѣвицамъ. Аглаѣ подалъ стулъ генералъ. Лебедевъ подставилъ стулъ

и князю Щ., причемъ даже въ сгибѣ своей поясницы успѣлъ изобразить необыкновенную почтительность. Варя, по обыкновенію, съ восторгомъ и шепотомъ здоровалась съ барышнями.

— Это правда, что я думала, князь, тебя чуть не въ постели застать, такъ со страху преувеличила, и, ни за что лгать не стану, досадно мнѣ стало сейчасъ ужасно на твое счастливое лицо, но божусь тебѣ, это всего минута, пока еще не успѣла размыслить. Я, какъ размыслю, всегда умнѣе поступаю и говорю: я думаю и ты тоже. А по настоящему, выздоровленію роднаго сына, если-бъ онъ былъ, была-бы, можетъ быть, меньше рада, чѣмъ твоему: и если ты мнѣ въ этомъ не повѣришь, то срамъ тебѣ, а не мнѣ. А этотъ злобный мальчишка позволяетъ со мной и не такія шутки шутить. Ты, кажется, его протежируешь: такъ я предупреждаю тебя, что въ одно прекрасное утро, повѣрь мнѣ, откажу себѣ въ дальнѣйшемъ удовольствіи пользоваться честью его знакомства.

— Да чѣмъ-же я виноватъ? кричалъ Коля: — да сколько-бъ я васъ ни увѣрялъ, что князь почти уже здоровъ, вы-бы не захотѣли повѣрить, потому что представить его на смертномъ одрѣ было гораздо интереснѣе.

— Надолго-ли къ намъ? обратилась къ князю Лизавета Прокофьевна.

— На все лѣто и, можетъ быть, дольше.

— Ты вѣдь одинъ? Не женатъ?

— Нѣтъ, не женатъ, улыбнулся князь наивности нущенной шпильки.

— Улыбаться нечего: это бываетъ. Я про дачу: зачѣмъ не къ намъ переѣхалъ? У насъ цѣлый флигель пустой. Впрочемъ, какъ хочешь! Это у него нанимаешь? У этого? прибавила она вполголоса, кивнувъ на Лебедева. Что онъ все кривляется?

Въ эту минуту изъ комнатъ вышла на террасу Вѣра, по своему обыкновенію, съ ребенкомъ на рукахъ. Лебедевъ, извивавшійся около стульевъ и рѣшительно не знавшій куда дѣвать себя, но ужасно не хотѣвшій уйдти, вдругъ набросился на Вѣру, замахалъ на нее руками, гоня прочь съ террасы, и даже, забывшись, затопалъ ногами.

— Онъ сумасшедшій? прибавила вдругъ генеральша.

— Нѣтъ, онъ...

— Пьянъ, можетъ быть? Не красна-же твоя компанія, отрѣзала она, захвативъ въ своемъ взглядѣ и остальныхъ гостей; — а впрочемъ, какая милая дѣвушка! Кто такая?

— Это Вѣра Лукьяновна, дочь этого Лебедева.

— А!.. Очень милая. Я хочу съ ней познакомиться.

Но Лебедевъ, разслышавшій похвалы Лизаветы Прокофьевны, уже самъ тащилъ дочь, чтобы представить ее.

— Сироты, сироты! таялъ онъ, подходя:—и этотъ ребенокъ на рукахъ ея—сирота, сестра ея, дочь Любовь, и рождена въ наизаконнѣйшемъ бракѣ отъ новопреставленной Елены, жены моей, умершей тому назадъ шесть недѣль, въ родахъ, по соизволенію Господню... да-съ... вмѣсто матери, хотя только сестра и не болѣе какъ сестра... не болѣе, не болѣе...

— А ты, батюшка, не болѣе какъ дуракъ, извини меня. Ну, довольно. самъ понимаешь, я думаю, отрѣзала вдругъ Лизавета Прокофьевна въ чрезвычайномъ негодованіи.

— Истинная правда! почтительнѣйше и глубоко поклонился Лебедевъ.

— Послушайте, господинъ Лебедевъ, правду про васъ говорятъ, что вы Апокалипсисъ толкуете? спросила Аглая.

— Истинная правда... пятнадцатый годъ.

— Я о васъ слышала. О васъ и въ газетахъ печатали, кажется?

— Нѣтъ. это о другомъ толкователѣ, о другомъ-съ, и тотъ номеръ, а я за него остался, винѣ себя отъ радости проговорилъ Лебедевъ.

— Сдѣлайте одолженіе, растолкуйте мнѣ когда нибудь на дняхъ, по сосѣдству. Я ничего не понимаю въ Апокалипсисѣ.

— Не могу не предупредить васъ. Аглая Ивановна, что все это съ его стороны одно шарлатанство, повѣрьте, быстро ввернулъ вдругъ генералъ Иволгинъ. жаждавшій точно на иголочкахъ и желавшій изо всѣхъ силъ какъ нибудь начать разговоръ: онъ усѣлся рядомъ съ Аглаей Ивановной: — конечно, дача имѣетъ свои права, продолжалъ онъ.— и свои удовольствія, и пріемъ такого необычайнаго интруса для толкованія Апокалипсиса есть затѣя какъ и другая, и даже затѣя замѣчательная по уму, но я... Вы, кажется, смотрите на меня съ удивленіемъ? Генералъ Иволгинъ, имѣю честь рекомендоваться. Я васъ на рукахъ носилъ. Аглая Ивановна.

Очень рада. Мнѣ знакомы Варвара Ардаліоновна и Нина Александровна, пробормотала Аглая. всѣми силами крѣпясь. чтобы не расхохотаться.

Лизавета Прокофьевна вспыхнула. Что-то давно накипѣвшееся въ ея душѣ вдругъ потребовало исхода. Она терпѣть не могла генерала Иволгина. съ которымъ когда-то была знакома, только очень давно.

— Лжешь, батюшка, по своему обыкновенію. никогда ты ея на рукахъ не носилъ, отрѣзала она ему въ негодованіи.

— Вы забыли, maman, ей Богу носилъ, въ Твери, вдругъ подтвердила Аглая.—Мы тогда жили въ Твери. Мнѣ тогда лѣтъ шесть было, я помню. Онъ мнѣ стрѣлку и лукъ сдѣлалъ, и стрѣлять научилъ, и я одного голубя убила. Помните, мы съ вами голубя вмѣстѣ убили?

— А мнѣ тогда каску изъ картона принесъ и шпагу деревянную, и я помню! вскричала Аделаида.

— И я это помню, подтвердила Александра.—Вы еще тогда за раненаго голубя пересорились, и васъ по угламъ разставили: Аделаида такъ и стояла въ каскѣ и со шпагой.

Генералъ, объявивший Аглаѣ, что онъ ее на рукахъ носилъ, сказалъ это *такъ*, чтобы только начать разговоръ, и единственно потому, что онъ почти всегда такъ начиналъ разговоръ со всѣми молодыми людьми, если находилъ нужнымъ съ ними познакомиться. Но на этотъ разъ случилось, какъ нарочно, что онъ сказалъ правду и, какъ нарочно, правду эту онъ и самъ забылъ. Такъ что, когда Аглая вдругъ подтвердила теперь, что она съ нимъ вдвоемъ застрѣлила голубя, память его разомъ освѣтилась, и онъ вспомнилъ обо всемъ объ этомъ самъ до послѣдней подробности, какъ нерѣдко вспоминается въ лѣтахъ преклонныхъ что нибудь изъ далекаго прошлаго. Трудно передать, что въ этомъ воспоминаніи такъ сильно могло подѣйствовать на бѣднаго и, по обыкновенію, нѣсколько хмѣльнаго генерала: но онъ былъ вдругъ необыкновенно растроганъ.

— Помню, все помню! вскричалъ онъ.—Я былъ тогда штабсъ-капитаномъ. Вы—такая крошка, хорошенькая. Нина Александровна... Ганя... Я былъ у васъ... принятъ. Иванъ Ѳедоровичъ...

— И вотъ, видишь, до чего ты теперь дошелъ! подхватила генеральша.—Значитъ, все-таки не прошли своихъ благородныхъ чувствъ, когда такъ подѣйствовало! А жену измучилъ. Чѣмъ-бы дѣтей руководить, а ты въ долговомъ сидишь. Ступай, батюшка, отсюда, зайди куда нибудь, встань за дверь въ уголокъ и поплачь, вспомни свою прежнюю невинность, авось Богъ проститъ. Поди-ка, поди, я тебѣ серіозно говорю. Ничего нѣтъ лучше для исправленія какъ прежнее съ раскаяніемъ вспомнить.

Но повторять о томъ, что говорятъ серіозно, было нечего: генералъ, какъ и всѣ постоянно хмѣльные люди, былъ очень чувствителенъ, и какъ всѣ слишкомъ упавшіе хмѣльные люди, не легко переносилъ воспоминанія изъ счастливаго прошлаго. Онъ всталъ и смиренно направился къ дверямъ, такъ что Лизаветѣ Прокофьевнѣ сейчасъ-же и жалко стало его.

— Аделаіонъ Александрычъ, батюшка! крикнула она ему вслѣдъ: — остановись на минутку: всѣ мы грѣшны: когда будешь

чувствовать, что совѣсть тебя меньше укорять, приходи ко мнѣ, посидимъ, поболтаемъ о прошломъ-то. Я вѣдь сще, можетъ, сама тебя въ пятьдесятъ разъ грѣшнѣе: ну, а теперь прощай, ступай, нечего тебѣ тутъ... испугалась она вдругъ, что онъ воротится.

— Вы-бы пока не ходили за нимъ, остановилъ князь Колю, который побѣжалъ было вслѣдъ за отцомъ. — А то черезъ минуту онъ подосадуетъ, и вся минута испортится.

— Это правда, не тронь его; черезъ полчаса поди, рѣшила Лизавета Прокофьевна.

— Вотъ что̀ значитъ хоть разъ въ жизни правду сказать, до слезъ подѣйствовало! осмѣлился вклеить Лебедевъ.

— Ну ужь и ты-то, батюшка, должно быть, хорошъ, коли правда то, что̀ я слышала, осадила его сейчасъ-же Лизавета Прокофьевна.

Взаимное положеніе всѣхъ гостей, собравшихся у князя, мало по малу опредѣлилось. Князь, разумѣется, въ состояніи былъ оцѣнить и оцѣнилъ всю степень участія къ нему генеральши и ея дочерей и, конечно, сообщилъ имъ искренно, что и самъ онъ сегодня-же, еще до посѣщенія ихъ, намѣренъ былъ непремѣнно явиться къ нимъ, не смотря ни на болѣзнь свою, ни на поздній часъ. Лизавета Прокофьевна, поглядывая на гостей его, отвѣтила, что это и сейчасъ можно исполнить. Птицынъ, человѣкъ вѣжливый и чрезвычайно ужившійся, очень скоро всталъ и отретировался во флигель къ Лебедеву, весьма желая увести съ собой и самого Лебедева. Тотъ обѣщалъ придти скоро: тѣмъ временемъ Варя разговорилась съ дѣвицами и осталась. Она и Ганя были весьма рады отбытію генерала: самъ Ганя тоже скоро отправился вслѣдъ за Птицынымъ. Въ тѣ-же нѣсколько минутъ, которыя онъ пробылъ на терраcѣ при Епанчиныхъ, онъ держалъ себя скромно, съ достоинствомъ, и нисколько не потерялся отъ рѣзкихъ взглядовъ Лизаветы Прокофьевны, два раза оглядѣвшей его съ головы до ногъ. Дѣйствительно, можно было подумать знавшимъ его прежде, что онъ очень измѣнился. Это очень понравилось Аглаѣ.

— Вѣдь это Гаврила Ардаліоновичъ вышелъ? спросила она вдругъ, какъ любила иногда дѣлать, громко, рѣзко, прерывая своимъ вопросомъ разговоръ другихъ и ни къ кому лично не обращаясь.

— Онъ, отвѣтилъ князь.

— Едва узнала его. Онъ очень измѣнился и... гораздо къ лучшему.

— Я очень радъ за него, сказалъ князь.

— Онъ былъ очень боленъ, прибавила Варя съ радостнымъ сооболѣзнованіемъ.

— Чѣмъ это измѣнился къ лучшему? въ гнѣвливомъ недоумѣніи и чуть не перепугавшись, спросила Лизавета Прокофьевна:— откуда взяла? Ничего нѣтъ лучшаго. Что именно тебѣ кажется лучшаго?

— Лучше «рыцаря бѣднаго» ничего нѣтъ лучшаго! провозгласилъ вдругъ Коля, стоявшій все время у стула Лизаветы Прокофьевны.

— Это я самъ тоже думаю, сказалъ князь Щ. и засмѣялся.

— Я совершенно того-же мнѣнія, торжественно провозгласила Аделаида.

— Какого рыцаря бѣднаго? спрашивала генеральша, съ недоумѣніемъ и досадой оглядывая всѣхъ говорившихъ, но, увидѣвъ, что Аглая вспыхнула, съ сердцемъ прибавила:—Вздоръ какой-нибудь! Какой такой «рыцарь бѣдный?»

— Развѣ въ первый разъ мальчишкѣ этому, фавориту вашему, чужія слова коверкать? съ надменнымъ негодованіемъ отвѣтила Аглая.

Въ каждой гнѣвливой выходкѣ Аглаи (а она гнѣвалась очень часто), почти каждый разъ, не смотря на всю видимую ея серіозность и неумолимость, проглядывало столько еще чего-то дѣтскаго, нетеряѣливо школьнаго и плохо припрятаннаго, что не было возможности иногда, глядя на нее, не засмѣяться, къ чрезвычайной, впрочемъ, досадѣ Аглаи, не понимавшей чему смѣются, и какъ могутъ, какъ смѣютъ они смѣяться. Засмѣялись и теперь сестры, князь Щ., и даже улыбнулся самъ князь Левъ Николаевичъ, тоже почему-то покраснѣвшій. Коля хохоталъ и торжествовалъ. Аглая разсердилась не на шутку и вдвое похорошѣла. Къ ней чрезвычайно шло ея смущеніе и тутъ-же досада на самое себя за это смущеніе.

— Мало онъ вашихъ-то словъ перековеркалъ, прибавила она.

Я на собственномъ вашемъ восклицаніи основываюсь! прокричалъ Коля. — Мѣсяцъ назадъ вы *Донъ-Кихота* перебирали и воскликнули эти слова, что нѣтъ лучше рыцаря бѣднаго. Не знаю, про кого вы тогда говорили: про Донъ-Кихота или про Евгенія Павлыча, или еще про одно лицо, но только про кого-то говорили, и разговоръ шелъ длинный...

Ты, я вижу, ужь слишкомъ много позволяешь себѣ, мой милый, съ своими догадками, съ досадой остановила его Лизавета Прокофьевна.

— Да развѣ я одинъ? не умолкалъ Коля: — всѣ тогда говорили, да и теперь говорятъ: вотъ сейчасъ князь Щ. и Аделаида Ивановна и всѣ объявили, что стоятъ за рыцаря бѣднаго, стало

быть, рыцарь-то бѣдный существуетъ и непремѣнно есть, а по моему, если-бы только не Аделаида Ивановна, такъ вѣ-бы мы давно ужь знали кто такой «рыцарь бѣдный».

— Я-то чѣмъ виновата, смѣялась Аделаида.

— Портретъ не хотѣли нарисовать — вотъ чѣмъ виноваты! Аглая Ивановна просила васъ тогда нарисовать портретъ рыцаря бѣднаго, и разсказала даже весь сюжетъ картины, который сама и сочинила, помните сюжетъ-то? Вы не хотѣли...

— Да какъ-же бы я нарисовала, кого? По сюжету выходитъ, что этотъ «рыцарь бѣдный»

Съ лица стальной рѣшетки
Ни предъ кѣмъ не подымалъ.

Какое-же тутъ лицо могло выйдти? Что нарисовать: рѣшетку? Анонимъ?

— Ничего не понимаю, какая тамъ рѣшетка! раздражалась генеральша, начинавшая очень хорошо понимать про себя, кто такой подразумѣвался подъ названіемъ (и, вѣроятно, давно уже условленнымъ «рыцаря бѣднаго»). Но особенно взорвало ее, что князь Левъ Николаевичъ тоже смутился и наконецъ совсѣмъ сконфузился, какъ десятилѣтній мальчикъ.—Да что, кончится или нѣтъ эта глупость? Растолкуютъ мнѣ или нѣтъ этого «рыцаря бѣднаго»? Секретъ что-ли какой нибудь такой ужасный, что и подступиться нельзя?

Но всѣ только продолжали смѣяться.

— Просто за просто, есть одно странное русское стихотвореніе, вступился наконецъ князь Щ., очевидно, желая поскорѣе замять и перемѣнить разговоръ: — про «рыцаря бѣднаго», отрывокъ безъ начала и конца. Съ мѣсяцъ назадъ какъ-то разъ смѣялись всѣ вмѣстѣ послѣ обѣда и искали, по обыкновенію, сюжета для будущей картины Аделаиды Ивановны. Вы знаете, что общая семейная задача давно уже въ томъ, чтобы сыскать сюжетъ для картины Аделаиды Ивановны. Тутъ и напали на «рыцаря бѣднаго», кто первый, не помню...

— Аглая Ивановна! вскричалъ Коля.

— Можетъ быть, согласенъ, только я не помню, продолжалъ князь Щ. — Одни надъ этимъ сюжетомъ смѣялись, другіе провозглашали, что ничего не можетъ быть и выше, но чтобъ изобразить «рыцаря бѣднаго» во всякомъ случаѣ надо было лицо; стали перебирать лица всѣхъ знакомыхъ, ни одно не пригодилось, на этомъ дѣло и стало: вотъ и все; не понимаю, почему Николаю Ардаліоновичу вздумалось все это припомнить и вывести? Что смѣшно было прежде и кстати, то совсѣмъ не интересно теперь.

— Потому что новая глупость какая нибудь подразумѣвается, язвительная и обидная, отрѣзала Лизавета Прокофьевна.

— Никакой нѣтъ глупости, кромѣ глубочайшаго уваженія, совершенно неожиданно важнымъ и серіознымъ голосомъ вдругъ произнесла Аглая, успѣвшая совершенно поправиться и подавить свое прежнее смущеніе. Мало того, по нѣкоторымъ признакамъ можно было подумать, глядя на нее, что она сама теперь радуется, что шутка заходитъ все дальше и дальше, и весь этотъ переворотъ произошелъ въ ней именно въ то мгновеніе, когда слишкомъ явно замѣтно стало возраставшее все болѣе и болѣе и достигшее чрезвычайной степени смущеніе князя.

— То хохочутъ какъ угорѣлые, а тутъ вдругъ глубочайшее уваженіе явилось! Бѣшеные! Почему уваженіе? Говори сейчасъ, почему у тебя, ни съ того, ни съ сего, такъ вдругъ глубочайшее уваженіе явилось?

— Потому глубочайшее уваженіе, продолжала также серіозно и важно Аглая въ отвѣтъ почти на злобный вопросъ матери, — потому что въ стихахъ этихъ прямо изображенъ человѣкъ, способный имѣть идеалъ. Во вторыхъ, разъ поставивъ себѣ идеалъ, повѣрить ему, а повѣривъ, слѣпо отдать ему всю свою жизнь. Это не всегда въ нашемъ вѣкѣ случается. Тамъ, въ стихахъ этихъ, не сказано въ чемъ собственно состоялъ идеалъ рыцаря обѣднаго, но видно, что это былъ какой-то свѣтлый образъ, образъ чистой красоты, и влюбленный рыцарь, вмѣсто шарфа, даже четки себѣ повязалъ на шею. Правда, есть еще тамъ какой-то темный, недоговоренный девизъ, буквы А, Н, Б, которыя онъ начертилъ на щитѣ своемъ...

— А, Н, Д, поправилъ Коля.

— А я говорю А. Н. Б и такъ хочу говорить, съ досадой перебила Аглая, — какъ-бы то ни было, а ясное дѣло, что этому обѣдному рыцарю уже все равно стало: кто-бы ни была и что-бы ни сдѣлала его дама. Довольно того, что онъ ее выбралъ и повѣрилъ ея чистой красотѣ, а затѣмъ уже преклонился предъ нею на вѣки; въ томъ-то и заслуга, что если-бъ она потомъ хоть воровкой была, то онъ все-таки долженъ былъ ей вѣрить и за ея чистую красоту копья ломать. Поэту хотѣлось, кажется, совокупить въ одинъ чрезвычайный образъ все огромное понятіе средневѣковой рыцарской платонической любви какого нибудь чистаго и высокаго рыцаря: разумѣется, все это идеалъ. Въ рыцарѣ-же обѣдномъ это чувство дошло уже до послѣдней степени, до аскетизма: надо признаться, что способность къ такому чувству много обозначаетъ, и что такія чувства оставляютъ по себѣ черту глубокую и весьма

съ одной стороны похвальную, не говоря уже о Донъ-Кихотъ. Рыцарь бѣдный тотъ-же Донъ-Кихотъ, но только серіозный, а не комическій. Я сначала не понимала и смѣялась, а теперь люблю рыцаря бѣднаго, а, главное, уважаю его подвиги.

Такъ кончила Аглая, и глядя на нее, даже трудно было понять, серіозно она говоритъ или смѣется.

— Ну, дуракъ какой нибудь, и онъ, и его подвиги! рѣшила генеральша. — Да и ты, матушка, завралась, цѣлая лекція: даже не годится, по моему, съ твоей стороны. Во всякомъ случаѣ непозволительно. Какіе стихи? Прочти, вѣрно знаешь! Я непремѣнно хочу знать эти стихи. Всю жизнь териѣть не могла стиховъ, точно предчувствовала. Ради Бога, князь, потерпи, намъ съ тобой, видно, вмѣстѣ териѣть приходится, обратилась она къ князю Льву Николаевичу. Она была очень раздосадована.

Князь Левъ Николаевичъ хотѣлъ было что-то сказать, но ничего не могъ выговорить отъ продолжавшагося смущенія. Одна только Аглая, такъ много позволившая себѣ въ своей лекціи, не сконфузилась ни мало, даже какъ будто рада была. Она тотчасъ-же встала, все попрежнему серіозно и важно, съ такимъ видомъ, какъ будто заранѣе къ тому готовилась и только ждала приглашенія, вышла на средину террасы и стала напротивъ князя, продолжавшаго сидѣть въ своихъ креслахъ. Всѣ съ нѣкоторымъ удивленіемъ смотрѣли на нее, и почти всѣ,—князь Щ., сестры, мать,—съ непріятнымъ чувствомъ смотрѣли на эту новую приготовлявшуюся шалость, во всякомъ случаѣ нѣсколько далеко зашедшую. Но видно было, что Аглаѣ нравилась именно вся эта аффектація, съ которою она начинала церемонію чтенія стиховъ. Лизавета Прокофьевна чуть было не прогнала ее на мѣсто, но въ ту самую минуту, какъ только было Аглая начала декламировать извѣстную балладу, два новые гостя, громко говоря, вступили съ улицы на террасу. Это были генералъ Иванъ Ѳедоровичъ Епанчинъ и вслѣдъ за нимъ одинъ молодой человѣкъ. Произошло маленькое волненіе.

VII.

Молодой человѣкъ, сопровождавшій генерала, былъ лѣтъ двадцати восьми, высокій, стройный, съ прекраснымъ и умнымъ лицомъ, съ блестящимъ, полнымъ остроумія и насмѣшки взглядомъ большихъ черныхъ глазъ. Аглая даже и не оглянулась на него и продолжала чтеніе стиховъ, съ аффектаціей продолжая смотрѣть на одного

только князя и обращаясь только къ нему одному. Князю стало явно, что все это она дѣлаетъ съ какимъ-то особеннымъ разсчетомъ. Но, по крайней мѣрѣ, новые гости нѣсколько поправили его неловкое положеніе. Завидѣвъ ихъ, онъ привсталъ, любезно кивнулъ издали головой генералу, подалъ знакъ, чтобы не прерывали чтенія, а самъ успѣлъ отретироваться за кресла, гдѣ, облокотясь лѣвою рукой на спинку, продолжалъ слушать балладу уже, такъ сказать, въ болѣе удобномъ и не въ такомъ «смѣшномъ» положеніи, какъ сидя въ креслахъ. Съ своей стороны, Лизавета Прокофьевна повелительнымъ жестомъ махнула два раза входившимъ, чтобъ они остановились. Князь, между прочимъ, слишкомъ интересовался новымъ своимъ гостемъ, сопровождавшимъ генерала: онъ ясно угадалъ въ немъ Евгенія Павловича Радомскаго, о которомъ уже много слышалъ и не разъ думалъ. Его сбивало одно только штатское платье его; онъ слышалъ, что Евгеній Павловичъ военный. Насмѣшливая улыбка бродила на губахъ новаго гостя во все время чтенія стиховъ, какъ будто и онъ уже слышалъ кое-что про рыцаря бѣднаго.

«Можетъ быть, самъ и выдумалъ», подумалъ князь про себя.

Но совсѣмъ другое было съ Аглаей. Всю первоначальную аффектацію и напыщенность, съ которою она выступила читать, она прикрыла такою серіозностью и такимъ проникновеніемъ въ духъ и смыслъ поэтическаго произведенія, съ такимъ смысломъ произносила каждое слово стиховъ, съ такою высшею простотой проговаривала ихъ, что въ концѣ чтенія не только увлекла всеобщее вниманіе, но передачей высокаго духа баллады какъ-бы и оправдала отчасти ту усиленную аффектированную важность, съ которою она такъ торжественно вышла на средину террасы. Въ этой важности можно было видѣть теперь только безграничность и, пожалуй, даже наивность ея уваженія къ тому, что она взяла на себя передать. Глаза ея блистали, и легкая, едва замѣтная судорога вдохновенія и восторга раза два прошла по ея прекрасному лицу. Она прочла:

Жилъ на свѣтѣ рыцарь бѣдный,
Молчаливый и простой,
Съ виду сумрачный и блѣдный,
Духомъ смѣлый и прямой.

Онъ имѣлъ одно видѣнье:
Непостижное уму
И глубоко впечатлѣнье
Въ сердце врѣзалось ему.

Съ той поры, сгорѣвъ душою,
Онъ на женщинъ не смотрѣлъ,

Онъ до гроба ни съ одною
Молвить слова не хотѣлъ.

Онъ себѣ на шею четки
Вмѣсто шарфа навязалъ,
И съ лица стальной рѣшетки
Ни предъ кѣмъ не подымалъ.

Полонъ чистою любовью,
Вѣренъ сладостной мечтѣ,
A. M. D. своею кровью
Начерталъ онъ на щитѣ.

И въ пустыняхъ Палестины,
Между тѣмъ какъ по скаламъ
Мчались въ битву паладины,
Именуя громко дамъ,

Lumen coeli, sancta Rosa!
Восклицалъ онъ, дикъ и рьянъ,
И какъ громъ его угроза
Поражала мусульманъ.

Возвратясь въ свой замокъ дальный,
Жилъ онъ, строго заключенъ,
Все безмолвный, все печальный,
Какъ безумецъ умеръ онъ.

Припоминая потомъ всю эту минуту, князь долго въ чрезвычайномъ смущеніи мучился однимъ неразрѣшимымъ для него вопросомъ: какъ можно было соединить такое истинное, прекрасное чувство съ такою явною и злобною насмѣшкой? Что была насмѣшка, въ томъ онъ не сомнѣвался: онъ ясно это понялъ и имѣлъ на то причины: во время чтенія Аглая позволила себѣ перемѣнить буквы *А. М. Д.* въ буквы *И. Ф. Б.* Что тутъ была не ошибка и не ослышка съ его стороны,—въ томъ онъ сомнѣваться не могъ (впослѣдствіи это было доказано). Во всякомъ случаѣ выходка Аглаи,—конечно, шутка, хоть слишкомъ рѣзкая и легкомысленная, —была преднамѣренная. О рыцарѣ бѣдномъ всѣ говорили (и смѣялись) еще мѣсяцъ назадъ. А между тѣмъ, какъ ни припоминалъ потомъ князь, выходило, что Аглая произнесла эти буквы не только безъ всякаго вида шутки, или какой нибудь усмѣшки, или даже какого нибудь намиранія на эти буквы, чтобы рельефнѣе выдать ихъ затаенный смыслъ, но, напротивъ, съ такою неизмѣнною серіозностью, съ такою невинною и наивною простотой, что можно было подумать, что эти самыя буквы и были въ балладѣ, и что такъ было въ книгѣ напечатано. Что-то тяжелое и непріятное какъ-бы уязвило князя. Лизавета Прокофьевна, конечно, не поняла и не замѣтила

ни подмѣны буквъ, ни намека. Генералъ Иванъ Ѳедоровичъ понялъ только, что декламировали стихи. Изъ остальныхъ слушателей очень многіе поняли и удивились и смѣлости выходки, и намѣренію, но смолчали и старались не показывать виду. Но Евгеній Павловичъ (князь даже объ закладъ готовъ былъ побиться) не только понялъ, но даже старался и видъ показать, что понялъ: онъ слишкомъ насмѣшливо улыбнулся.

— Экая прелесть какая! воскликнула генеральша въ истинномъ упоеніи, только что кончилось чтеніе:—чьи стихи?

— Пушкина, maman, не стыдите насъ, это совѣстно! воскликнула Аделаида.

— Да съ вами и не такой еще дурой сдѣлаешься! горько отозвалась Лизавета Прокофьевна: — Срамъ! Сейчасъ какъ придемъ, подайте мнѣ эти стихи Пушкина!

— Да у насъ, кажется, совсѣмъ нѣтъ Пушкина.

— Съ незапамятныхъ временъ, прибавила Александра, — два какіе-то растрепанные тома валяются.

— Тотчасъ-же послать купить въ городъ. Ѳедора или Алексѣя, съ первымъ поѣздомъ,—лучше Алексѣя. Аглая, поди сюда! Поцѣлуй меня, ты прекрасно прочла, но — если ты искренно прочла, прибавила она почти шепотомъ,—то я о тебѣ жалѣю: если ты въ насмѣшку ему прочла, то я твои чувства не одобряю, такъ что во всякомъ случаѣ лучше-бы было и совсѣмъ не читать. Понимаешь? Ступай, сударыня, я еще съ тобой поговорю, а мы тутъ засидѣлись.

Между тѣмъ князь здоровался съ генераломъ Иваномъ Ѳедоровичемъ, а генералъ представлялъ ему Евгенія Павловича Радомскаго.

— На дорогѣ захватилъ, онъ только-что съ поѣздомъ; узналъ, что я сюда и всѣ наши тутъ...

— Узналъ, что и вы тутъ, перебилъ Евгеній Павловичъ, — и такъ какъ давно уже и непремѣнно предположилъ себѣ искать не только вашего знакомства, но и вашей дружбы, то и не хотѣлъ терять времени. Вы нездоровы? Я сейчасъ только узналъ...

— Совсѣмъ здоровъ и очень радъ васъ узнать, много слышалъ и даже говорилъ о васъ съ княземъ Щ., отвѣтилъ Левъ Николаевичъ, подавая руку.

Взаимныя вѣжливости были произнесены, оба пожали другъ другу руку и пристально заглянули другъ другу въ глаза. Въ одинъ мигъ разговоръ сдѣлался общимъ. Князь замѣтилъ (а онъ замѣчалъ теперь все быстро и жадно и даже, можетъ, и то, чего совсѣмъ не было), что нѣмецкое платье Евгенія Павловича производило всеобщее и какое-то необыкновенно сильное удивленіе, до того, что даже всѣ остальныя впечатлѣнія на время забылись и

изгладились. Можно было подумать, что въ этой перемѣнѣ костюма заключалось что-то особенно важное. Аделаида и Александра съ недоумѣніемъ разспрашивали Евгенія Павловича. Князь Щ., его родственникъ, даже съ большимъ безпокойствомъ; генералъ говорилъ почти съ волненіемъ. Одна Аглая любопытно, но совершенно спокойно поглядѣла съ минуту на Евгенія Павловича, какъ-бы желая только сравнить, военное или штатское платье ему болѣе къ лицу, но чрезъ минуту отворотилась и уже не глядѣла на него болѣе. Лизавета Прокофьевна тоже ни о чемъ не захотѣла спрашивать, хотя, можетъ быть, и она нѣсколько безпокоилась. Князю показалось, что Евгеній Павловичъ какъ будто у ней не въ милости.

— Удивилъ, изумилъ! твердилъ Иванъ Ѳедоровичъ въ отвѣтъ на всѣ вопросы.—Я вѣрить не хотѣлъ, когда еще давеча его въ Петербургѣ встрѣтилъ. И зачѣмъ такъ вдругъ, вотъ задача? Самъ первымъ дѣломъ кричитъ, что не надо стулья ломать.

Изъ подиявшихся разговоровъ оказалось, что Евгеній Павловичъ возвѣщалъ объ этой отставкѣ уже давнымъ-давно: но каждый разъ говорилъ такъ не серіозно, что и повѣрить ему было нельзя. Да онъ и о серіозныхъ-то вещахъ говорилъ всегда съ такимъ шутливымъ видомъ, что никакъ его разобрать нельзя, особенно если самъ захочетъ, чтобы не разобрали.

— Я вѣдь на время, на нѣсколько мѣсяцевъ, самое большее годъ въ отставкѣ пробуду, смѣялся Радомскій.

— Да надобности нѣтъ никакой, сколько я, по крайней мѣрѣ, знаю ваши дѣла, все еще горячился генералъ.

— А ломѣсться объѣхать? Сами совѣтовали: а я и за границу къ тому-же хочу...

Разговоръ, впрочемъ, скоро перемѣнился: но слишкомъ особенное и все еще продолжавшееся безпокойство все-таки выходило, по мнѣнію наблюдавшаго князя, изъ мѣрки, и что-то тутъ навѣрно было особенное.

— Значитъ, «бѣдный рыцарь» опять на сценѣ? спросилъ было Евгеній Павловичъ, подходя къ Аглаѣ.

Къ изумленію князя, та оглядѣла его въ недоумѣніи и вопросительно, точно хотѣла дать ему знать, что и рѣчи между ними о «рыцарѣ бѣдномъ» быть не могло, и что она даже не понимаетъ вопроса.

— Да поздно, поздно теперь въ городъ посылать за Пушкинымъ, поздно! спорилъ Коля съ Лизаветой Прокофьевной, выбиваясь изо всѣхъ силъ;—три тысячи разъ говорю вамъ поздно.

— Да, дѣйствительно, посылать теперь въ городъ поздно, подвернулся и тутъ Евгеній Павловичъ, поскорѣе оставляя Аглаю: —

я думаю, что и лавки въ Петербургѣ заперты, девятый часъ, подтвердилъ онъ, вынимая часы.

— Столько ждали не хватились, можно до завтра перетерпѣть, вернула Аделаида.

— Да и неприлично, прибавилъ Коля,—великосвѣтскимъ людямъ очень-то литературой интересоваться. Спросите у Евгенія Павлыча. Гораздо приличнѣе желтымъ шарабаномъ съ красными колесами.

— Опять вы изъ книжки, Коля, замѣтила Аделаида.

— Да онъ иначе и не говоритъ какъ изъ книжекъ, подхватилъ Евгеній Павловичъ,—цѣлыми фразами изъ критическихъ обозрѣній выражается. Я давно имѣю удовольствіе знать разговоръ Николая Ардаліоновича, но на этотъ разъ онъ говоритъ не изъ книжки. Николай Ардаліоновичъ явно намекаетъ на мой желтый шарабанъ съ красными колесами. Только я ужъ его промѣнялъ, вы опоздали.

Князь прислушивался къ тому, что говорилъ Радомскій... Ему показалось, что онъ держитъ себя прекрасно, скромно, весело, и особенно понравилось, что онъ съ такимъ совершеннымъ равенствомъ и по дружески говоритъ съ задравшимъ его Колей.

— Что это? обратилась Лизавета Прокофьевна къ Вѣрѣ, дочери Лебедева, которая стояла предъ ней съ нѣсколькими книгами въ рукахъ, большаго формата, превосходно переплетенными и почти новыми.

— Пушкинъ, сказала Вѣра.—Нашъ Пушкинъ. Наташа велѣлъ мнѣ вамъ поднести.

— Какъ такъ? Какъ это можно? удивилась Лизавета Прокофьевна.

— Не въ подарокъ, не въ подарокъ! Не посмѣлъ-бы! выскочилъ изъ-за плеча дочери Лебедевъ: — за свою цѣну-съ. Это собственный, семейный, фамильный нашъ Пушкинъ, изданіе Анненкова, которое теперь и найдти нельзя, — за свою цѣну-съ. Подношу съ благоговѣніемъ, желая продать и тѣмъ утолить благородное нетерпѣніе благороднѣйшихъ литературныхъ чувствъ вашего превосходительства.

— А, продаешь, такъ и спасибо. Своего не потеряешь, небось: только не кривляйся, пожалуйста, батюшка. Слышала я о тебѣ, ты, говорятъ, преначитанный, когда нибудь потолкуемъ: самъ что-ли сочинилъ ко мнѣ?

— Съ благоговѣніемъ и... почтительностью! кривлялся необыкновенно довольный Лебедевъ, выхватывая книги у дочери.

— Ну мнѣ только не растеряй, смотри, хоть и безъ почтитель-

ности, но только съ уговоромъ. Прибавила она, пристально его оглядывая, — до порога только и допущу, а принять сегодня тебя не намѣрена. Дочь Вѣру присылай хоть сейчасъ, мнѣ она очень нравится.

— Что-же вы про тѣхъ-то не скажете? нетерпѣливо обратилась Вѣра къ отцу: — вѣдь они, коли такъ, сами войдутъ: шумѣть начали. Левъ Николаевичъ, — обратилась она къ князю, который взялъ уже свою шляпу. — тамъ къ вамъ давно уже какіе-то пришли, четыре человѣка, ждутъ у насъ и бранятся, да папаша къ вамъ не допускаетъ.

— Какіе гости? спросилъ князь.

— Но дѣлу, говорятъ, только вѣдь они такіе, что не пустить ихъ теперь, такъ они и дорогой остановятъ. Лучше, Левъ Николаевичъ, пустить, а потомъ ужь и съ плечъ ихъ долой. Ихъ тамъ Гаврила Ардаліоновичъ и Птицынъ уговариваютъ, не слушаются.

— Сынъ Павлищева! Сынъ Павлищева! Не стоитъ, не стоитъ! махалъ руками Лебедевъ. — Ихъ и слушать не стоитъ-съ! и безпокоить вамъ себя, спасительнѣйшій князь, для нихъ непристойно. Вотъ-съ. Не стоятъ они того...

— Сынъ Павлищева! Боже мой! вскричалъ князь въ чрезвычайномъ смущеніи: — я знаю... но вѣдь я... я поручилъ это дѣло Гаврилѣ Ардаліоновичу. Сейчасъ Гаврила Ардаліоновичъ мнѣ говорилъ...

Но Гаврила Ардаліоновичъ вышелъ уже изъ комнатъ на террасу, за нимъ слѣдовалъ Птицынъ. Въ ближайшей комнатѣ заслышался шумъ и громкій голосъ генерала Иволгина, какъ-бы желавшаго перекричать нѣсколько голосовъ. Коля тотчасъ-же побѣжалъ на шумъ.

— Это очень интересно! замѣтилъ вслухъ Евгеній Павловичъ.

«Стало быть, знаетъ дѣло!» подумалъ князь.

— Какой сынъ Павлищева? И... какой можетъ быть сынъ Павлищева? съ недоумѣніемъ спрашивалъ генералъ Иванъ Ѳедоровичъ, съ любопытствомъ оглядывая всѣ лица и съ удивленіемъ замѣчая, что эта новая исторія только ему одному неизвѣстна.

Въ самомъ дѣлѣ, возбужденіе и ожиданіе было всеобщее. Князь глубоко удивился, что такое совершенно личное дѣло его уже успѣло такъ сильно всѣхъ здѣсь заинтересовать.

— Это будетъ очень хорошо, если вы сейчасъ-же и *сами* это дѣло окончите, сказала Аглая, съ какою-то особенною серіозностію подходя къ князю, — а намъ всѣмъ позвольте быть вашими свидѣтелями. Васъ хотятъ замарать, князь, вамъ надо торжественно оправдать себя, и я заранѣе ужасно рада за васъ.

— Я тоже хочу, чтобы кончилась наконецъ эта гнусная претензія, вскричала генеральша, — хорошенько ихъ, князь, не щади! Мнѣ уши этимъ дѣломъ прожужжали, и я много крови изъ-за тебя испортила. Да и поглядѣть любопытно. Позови ихъ, а мы сядемъ. Аглая хорошо придумала. Вы объ этомъ что нибудь слышали, князь? обратилась она къ князю Щ.

— Конечно, слышалъ, у васъ-же. Но мнѣ особенно на этихъ молодыхъ людей поглядѣть хочется, отвѣтилъ князь Щ.

— Это самые и есть нигилисты, что-ли?

— Нѣтъ-съ, они не то чтобы нигилисты, шагнулъ впередъ Лебедевъ, который тоже чуть не тряся отъ волненія, — это другіе-съ, особенные, мой племянникъ говорилъ, что они дальше нигилистовъ ушли-съ. Вы напрасно думаете ихъ ваннымъ свидѣтельствомъ сконфузить, ваше превосходительство: они не сконфузятся-съ. Нигилисты вестаки иногда народъ свѣдущій, даже ученый, а эти — дальше пошли-съ, потому что прежде всего дѣловые-съ. Это собственно нѣкоторое послѣдствіе нигилизма, но не прямымъ путемъ, а по наслынкѣ и косвенно, и не въ статенкѣ какой нибудь журнальной заявляютъ себя, а ужь прямо на дѣлѣ-съ: не о безсмысленности, напримѣръ, какого нибудь тамъ Пушкина дѣло идетъ, и не на счетъ, напримѣръ, необходимости распаденія на части Россіи: нѣтъ-съ, а теперь уже считается прямо за право, что если очень чего нибудь захочется, то ужь ни предъ какими преградами не останавливаться, хотя-бы пришлось укокошить при этомъ восемь персонъ-съ. Но, князь, я вестаки вамъ не совѣтовалъ-бы...

Но князь уже шелъ отворять дверь гостямъ.

— Вы клевещете, Лебедевъ, проговорилъ онъ, улыбаясь, — васъ очень огорчилъ вашъ племянникъ. Не вѣрьте ему, Лизавета Прокофьевна. Увѣряю васъ, что Горскіе и Даниловы только случай, а эти только... ошибаются... Только мнѣ-бы не хотѣлось здѣсь, при всѣхъ. Извините, Лизавета Прокофьевна, они войдутъ, я ихъ вамъ покажу, а потомъ уведу. Пожалуйте, господа!

Его скорѣе безпокоила другая мучительная для него мысль. Ему мерещилось: ужь не подведено-ли кѣмъ это дѣло теперь, именно къ этому часу и времени, заранѣе, именно къ этимъ свидѣтелямъ и, можетъ быть, для ожидаемаго срама его, а не торжества? Но ему слишкомъ грустно было за свою чудовищную и злобную мнительность. Онъ умеръ-бы, кажется, если-бы кто нибудь узналъ, что у него такая мысль на умѣ, и въ ту минуту какъ вошли его новые гости, онъ искренно готовъ былъ считать себя, изъ всѣхъ, которые были кругомъ его, послѣднимъ изъ послѣднихъ въ нравственномъ отношеніи.

Вошло пять человѣкъ, четыре человѣка новыхъ гостей и пятый вслѣдъ за ними генералъ Иволгинъ, разгорячённый, въ волненіи и въ сильнѣйшемъ припадкѣ краснорѣчія. Этотъ-то за меня непремѣнно! — съ улыбкой подумалъ князь. Коля проскользнулъ вмѣстѣ со всѣми: онъ горячо говорилъ съ Ипполитомъ, бывшимъ въ числѣ посѣтителей; Ипполитъ слушалъ и усмѣхался.

Князь разсадилъ гостей. Всѣ они были такой молоденькій, такой даже несовершеннолѣтній народъ, что можно было подивиться и случаю, и всей происшедшей отъ него церемоніи. Иванъ Ѳедоровичъ Епанчинъ, напримѣръ, ничего не знавшій и не понимавшій въ этомъ новомъ дѣлѣ, даже возненодовалъ, смотря на такую юность, и навѣрно какъ нибудь протестовалъ-бы, если-бы не остановила его странная для него горячность его супруги къ партикулярнымъ интересамъ князя. Онъ, впрочемъ, остался отчасти изъ любопытства, отчасти по добротѣ сердца, надѣясь даже помочь и во всякомъ случаѣ пригодиться авторитетомъ: но поклонъ ему изъ вошедшаго генерала Иволгина привелъ его снова въ негодованіе: онъ нахмурился и рѣшился упорно молчать.

Въ числѣ четырехъ молоденькихъ посѣтителей одинъ, впрочемъ, былъ лѣтъ тридцати, отставной поручикъ изъ рогожинской компаніи, боксеръ и самъ дававшій по пятнадцати цѣловыхъ просителямъ. Угадывалось, что онъ сопровождаетъ остальныхъ для куража, въ качествѣ искренняго друга и, буде окажется надобность, для поддержки. Между остальными-же первое мѣсто и первую роль занималъ тотъ, за которымъ числилось названіе сына Павлищева, хотя онъ и рекомендовался Антиномъ Бурдовскимъ. Это былъ молодой человѣкъ, бѣдно и неряшливо одѣтый, въ сюртукѣ, съ засаленными до зеркальнаго лоску рукавами, съ жирною, застегнутою до верху жилеткой, съ исчезнувшимъ куда-то бѣльемъ, съ чернымъ шелковымъ замаслённымъ до-нельзя и скатаннымъ въ жгутъ шарфомъ, съ немытыми руками, съ чрезвычайно угреватымъ лицомъ, бѣлокурый и, если можно такъ выразиться, съ невинно-нахальнымъ взглядомъ. Онъ былъ не низкаго роста, худощавый, лѣтъ двадцати двухъ. Ни малѣйшей ироніи, ни малѣйшей рефлексіи не выражалось въ лицѣ его: напротивъ, полное, тупое упоеніе собственнымъ правомъ и въ тоже время нѣчто доходившее до странной и безпрерывной потребности быть и чувствовать себя постоянно обиженнымъ. Говорилъ онъ съ волненіемъ, торопясь и запинаясь, какъ будто не совсѣмъ выговаривая слова, точно былъ косноязычный или даже иностранецъ, хотя, впрочемъ, былъ происхожденія совершенно русскаго.

Сопровождалъ его, во первыхъ, извѣстный читателямъ племян-

никъ Лебедева. а во вторыхъ. Ипполитъ. Ипполитъ былъ очень молодой человѣкъ. лѣтъ семнадцати, можетъ быть. и восемнадцати, съ умнымъ, но постоянно раздраженнымъ выраженіемъ лица, на которомъ болѣзнь положила ужасные слѣды. Онъ былъ худъ какъ скелетъ. блѣдно-желтъ, глаза его сверкали. и два красныя пятна горѣли на щекахъ. Онъ безпрерывно кашлялъ: каждое слово его, почти каждое дыханіе сопровождалось хрипомъ. Видна была чахотка въ весьма сильной степени. Казалось. что ему оставалось жить не болѣе двухъ-трехъ недѣль. Онъ очень усталъ и прежде всѣхъ опустился на стулъ. Остальные при входѣ нѣсколько зацеремонились и чуть не сконфузились, смотрѣли однако-же важно и видимо боялись какъ нибудь уронить достоинство, что странно не гармонировало съ ихъ репутаціей отрицателей всѣхъ безполезныхъ свѣтскихъ мелочей, предразсудковъ и чуть-ли не всего на свѣтѣ, кромѣ собственныхъ интересовъ.

— Антипъ Бурдовскій. торопясь и запинаясь провозгласилъ сынъ Павлищева».

— Владиміръ Докторенко, ясно. отчетливо и какъ-бы даже хвалясь что онъ Докторенко, отрекомендовался племянникъ Лебедева.

— Келлеръ! пробормоталъ отставной поручикъ.

— Ипполитъ Терентьевъ, неожиданно, визгливымъ голосомъ провизжалъ послѣдній. Всѣ наконецъ разсѣлись въ рядъ на стульяхъ напротивъ князя, всѣ. отрекомендовавшись, тотчасъ-же нахмурились и для бодрости переложили изъ одной руки въ другую свои фуражки. всѣ приготовились говорить, и всѣ однакожъ молчали, чего-то выжидая съ вызывающимъ видомъ. въ которомъ такъ и читалось: нѣтъ, братъ, врешь, не надуешь! Чувствовалось, что стоитъ только кому нибудь для начала произнести одно только первое слово, и тотчасъ-же всѣ они заговорятъ вмѣстѣ. перегоняя и перебивая другъ друга.

VIII.

Господа, я никого изъ васъ не ожидалъ, началъ князь, — самъ я до сего дня былъ боленъ. а дѣло ваше (обратился онъ къ Антипу Бурдовскому) я еще мѣсяцъ назадъ поручилъ Гаврилѣ Ардаліоновичу Иволгину, о чемъ тогда-же васъ и увѣдомилъ. Впрочемъ, я не удаляюсь отъ личнаго объясненія, только согласитесь, такой часъ... я предлагаю пойти со мной въ другую комнату, если не надолго... Здѣсь теперь мои друзья и повѣрьте...

— Друзья... сколько угодно, но однако-же позвольте, перебилъ вдругъ весьма наставительнымъ тономъ, хотя все еще не возвышая очень голоса, племянникъ Лебедева. — позвольте-же и намъ заявить, что вы могли-бы съ нами поступить поучтивѣе, а не заставлять насъ два часа прождать въ вашей лакейской...

И конечно... и я... и это по княжески! И это... вы, стало быть, генералъ! И я вамъ не лакей! И я, я... забормоталъ вдругъ въ необыкновенномъ волненіи Антипъ Бурдовскій. съ дрожащими губами, съ разбѣжавшимся дрожаньемъ въ голосѣ, съ брызгами, летѣвшими изо рта, точно весь лопнулъ или прорвался. но такъ вдругъ заторопился, что съ десяти словъ его ужь и понять нельзя было.

— Это было по княжески! прокричалъ визгливымъ, надтреснутымъ голосомъ Ипполитъ.

— Если-бъ это было со мной, проворчалъ боксеръ, — то есть, если-бъ это прямо ко мнѣ относилось. какъ къ благородному человѣку, то я-бы на мѣстѣ Бурдовскаго... я...

— Господа, я всего съ минуту узналъ. что вы здѣсь, ей Богу, повторилъ опять князь.

— Мы не боимся, князь. вашихъ друзей, кто-бы они ни были, потому что мы въ своемъ правѣ, заявилъ опять племянникъ Лебедева.

— Какое однакожъ, позвольте васъ спросить, имѣли вы право, провизжалъ опять Ипполитъ. но уже чрезвычайно разгорячаясь. — выставлять дѣло Бурдовскаго на судъ вашихъ друзей? Да мы, можетъ, и не желаемъ суда вашихъ друзей: слишкомъ понятно. что можетъ значить судъ вашихъ друзей!..

— Но вѣдь если вы. наконецъ, господинъ Бурдовскій, не желаете здѣсь говорить, удалось наконецъ вклеить князю. чрезвычайно пораженному такимъ началомъ,—то говорю вамъ, пойдемте сейчасъ въ другую комнату, а о васъ всѣхъ, повторяю вамъ, сію минуту только услышалъ...

— Но права не имѣете. права не имѣете. права не имѣете!.. вашихъ друзей... Вотъ!.. залепеталъ вдругъ снова Бурдовскій, дико и опасливо осматриваясь кругомъ и тѣмъ болѣе горячась. чѣмъ больше не довѣрялъ и дичился.—вы не имѣете права!—и, проговоривъ это. рѣзко остановился. точно оборвалъ, и безмолвно выпучивъ близорукіе, чрезвычайно выпуклые съ красными толстыми жилками глаза, вопросительно уставился на князя. наклонившись впередъ всѣмъ своимъ корпусомъ. На этотъ разъ князь до того удивился, что и самъ замолчалъ и тоже смотрѣлъ на него выпучивъ глаза и ни слова не говоря.

— Левъ Николаевичъ! позвала вдругъ Лизавета Прокофьевна:—

вотъ прочти это сейчасъ, сію-же минуту, это прямо до твоего дѣла касается.

Она торопливо протянула ему одну еженедѣльную газету изъ юмористическихъ и указала пальцемъ статью. Лебедевъ, когда еще входили гости, подскочилъ сбоку къ Лизаветѣ Прокофьевнѣ, за милостями которой ухаживалъ, и ни слова не говоря, вынувъ изъ боковаго своего кармана эту газету, подставилъ ей прямо на глаза, указывая отчеркнутый столбецъ. То, что̀ уже успѣла прочесть Лизавета Прокофьевна, поразило и взволновало ее ужасно.

— Не лучше-ли, однако, не вслухъ, пролепеталъ князь, очень смущенный,—я-бы прочелъ одинъ... послѣ...

— Такъ прочти-же лучше ты, читай сейчасъ, вслухъ! Вслухъ! обратилась Лизавета Прокофьевна къ Колѣ, съ нетерпѣніемъ выхвативъ изъ рукъ князя газету, до которой тотъ едва еще успѣлъ дотронуться:—всѣмъ вслухъ, чтобы каждому было слышно.

Лизавета Прокофьевна была дама горячая и увлекающаяся, такъ что вдругъ и разомъ, долго не думая, подымала иногда всѣ якоря и пускалась въ открытое море, не справляясь съ погодой. Иванъ Ѳедоровичъ съ безпокойствомъ пошевелился. Но покамѣстъ всѣ въ первую минуту поневолѣ остановились и ждали въ недоумѣніи, Коля развернулъ газету и началъ вслухъ, съ показаннаго ему подскочившимъ Лебедевымъ мѣста:

Пролетаріи и отпрыски, эпизодъ изъ дневныхъ и вседневныхъ грабежей! Прогрессъ! Реформа! Справедливость!

Странныя дѣла случаются на нашей, такъ называемой святой Руси, въ нашъ вѣкъ реформъ и компанейскихъ иниціативъ, вѣкъ національности и сотенъ милліоновъ, вывозимыхъ каждый годъ за границу, вѣкъ поощренія промышленности и паралича рабочихъ рукъ! и т. д. и т. д. всего не перечтешь, господа, а потому прямо къ дѣлу. Случился странный анекдотъ съ однимъ изъ отпрысковъ миновавшаго помѣщичьяго нашего барства (de profundis!) изъ тѣхъ, впрочемъ, отпрысковъ, которыхъ еще дѣды проигрались окончательно на рулеткахъ, отцы принуждены были служить въ юнкерахъ и поручикахъ и по обыкновенію умирали подъ судомъ за какой нибудь невинный прочетъ въ казенной суммѣ, а дѣти которыхъ, подобно герою нашего разсказа, или ростутъ идіотами, или попадаются даже въ уголовныхъ дѣлахъ, за что̀, впрочемъ, въ видахъ назиданія и исправленія, оправдываются присяжными; или наконецъ кончаютъ тѣмъ, что отпускаютъ одинъ изъ тѣхъ анекдотовъ, которые дивятъ публику и позорятъ и безъ того уже довольно зазорное время наше. Нашъ отпрыскъ, назадъ тому съ полгода, обутый въ штиблеты по иностранному и дрожа въ ничѣмъ не подбитой шинелишкѣ, воро-

тился зимой въ Россію изъ Швейцаріи. гдѣ лѣчился отъ идіотизма (sic!). Надо признаться, что ему везло таки счастье, такъ что онъ, ужь и не говоря объ интересной болѣзни своей, отъ которой лѣчился въ Швейцаріи (ну можно-ли лѣчиться отъ идіотизма, представьте себѣ это?!!), могъ-бы доказать собою вѣрность русской пословицы: извѣстному разряду людей—счастье! Разсудите сами: оставшись еще грудным ребенкомъ по смерти отца, говорятъ, поручика, умершаго подъ судомъ за внезапное исчезновеніе въ картишкахъ всей ротной суммы, а можетъ быть, и за пересыпанную съ изюмомъ дачу розогъ подчиненному (старое-то время помните, господа!) нашъ баронъ взятъ былъ изъ милости на воспитаніе однимъ изъ очень богатыхъ русскихъ помѣщиковъ. Этотъ русскій помѣщикъ,- назовемъ его хоть П., владѣтель въ прежнее золотое время четырехъ тысячъ крѣпостныхъ душъ (крѣпостныя души! понимаете-ли вы, господа, такое выраженіе? Я не понимаю. Надо справляться съ толковымъ словаремъ: свѣжо преданіе, а вѣрится съ трудомъ.), былъ, повидимому, одинъ изъ тѣхъ русскихъ лежебокъ и тунеядцевъ, что проводили свою праздную жизнь за границей, лѣтомъ на водахъ, а зимой въ парижскомъ Шато-де-Флёръ, гдѣ и оставили въ свой въкъ необъятныя суммы. Можно было положительно сказать, что, по крайней мѣрѣ, одна треть оброка всего прежняго крѣпостнаго состоянія получалась содержателемъ парижскаго Шато-де-Флёра (то-то счастливый-то человѣкъ!). Какъ-бы то ни было, а безпечный П. воспиталъ сиротку барченка по княжески, нанималъ ему гувернеровъ и гувернантокъ (безъ сомнѣнія, хорошенькихъ), которыхъ кстати самъ привозилъ изъ Парижа. Но послѣдній въ родѣ барскій отпрыскъ былъ идіотъ. Шато-де-флёрскія гувернантки не помогли, и до двадцати лѣтъ нашъ воспитанникъ не научился даже говорить ни на какомъ языкѣ, не исключая и русскаго. Послѣднее, впрочемъ, простительно. Наконецъ въ русскую крѣпостническую голову П. запала фантазія, что идіота можно научить уму въ Швейцаріи.—фантазія, впрочемъ, логическая: тунеядецъ и проприетеръ естественно могъ вообразить, что за деньги даже и умъ на рынкѣ можно купить, тѣмъ болѣе въ Швейцаріи. Прошло пять лѣтъ лѣченія въ Швейцаріи у извѣстнаго какого-то профессора, и деньги истрачены были тысячи: идіотъ, разумѣется, умнымъ не сдѣлался, но на человѣка, говорятъ, все-таки сталъ походить, безъ сомнѣнія, съ грѣхомъ пополамъ. Вдругъ П. умираетъ скоропостижно. Завѣщанія, разумѣется, никакого: дѣла, по обыкновенію, въ безпорядкѣ; наслѣдниковъ жадныхъ куча, и которымъ уже нѣтъ ни малѣйшаго дѣла до послѣднихъ въ родѣ отпрысковъ, лѣчимыхъ изъ милости отъ родоваго идіотизма въ Швейцаріи. Отпрыскъ, хоть и идіотъ, а

всетаки попробовалъ было надуть своего профессора и два года, говорятъ, успѣлъ пролѣниться у него даромъ, скрывая отъ него смерть своего благодѣтеля. Но профессоръ былъ самъ шарлатанъ порядочный; испугавшись наконецъ безденежья, а пуще всего аппетита своего двадцатипятилѣтняго тунеядца, онъ обулъ его въ свои старые штиблетишки, подарилъ ему свою истрепанную шинель и отправилъ его изъ милости, въ третьемъ классѣ, nach Russland,— съ плечъ долой изъ Швейцаріи. Казалось-бы, счастье повернулось къ нашему герою задомъ. Не тутъ-то было-съ: фортуна, убивающая голодною смертью цѣлыя губерніи, проливаетъ всѣ свои дары разомъ на аристократика, какъ Крыловская *Туча*, проносящаяся надъ изсохшимъ полемъ и разливающаяся надъ океаномъ. Почти въ самое то мгновеніе, какъ явился онъ изъ Швейцаріи въ Петербургъ, умираетъ въ Москвѣ одинъ изъ родственниковъ его матери (бывшей, разумѣется, изъ купчихъ), старый бездѣтный бобыль, купецъ, бородачъ и раскольникъ, и оставляетъ нѣсколько милліоновъ наслѣдства, безспорнаго, круглаго, чистаго, наличнаго и (вотъ-бы намъ съ вами, читатель!) все это нашему отпрыску, все это нашему барону, лѣчившемуся отъ идіотизма въ Швейцаріи! Ну, тутъ уже музыка заиграла не та. Около нашего барона въ штиблетахъ, приударившаго было за одною извѣстною красавицей-содержанкой, собралась вдругъ цѣлая толпа друзей и пріятелей, нашлись даже родственники, а пуще всего цѣлыя толпы благородныхъ дѣвъ, алчущихъ и жаждущихъ законнаго брака, и чего-же лучше: аристократъ, милліонеръ, идіотъ,— всѣ качества разомъ, такого мужа и съ фонаремъ не отыщешь, и на заказъ не сдѣлаешь!..»

— Это... это ужъ я не понимаю! вскричалъ Иванъ Ѳедоровичъ въ высочайшей степени негодованія.

— Перестаньте, Коля! вскричалъ князь умоляющимъ голосомъ. Раздались восклицанія со всѣхъ сторонъ.

— Читать! Читать во что бы то ни стало! отрѣзала Лизавета Прокофьевна, видимо съ чрезвычайнымъ усиліемъ себя сдерживая.— Князь! Если оставятъ читать—мы поссоримся.

Нечего было дѣлать, Коля, разгоряченный, красный, въ волненіи, взволнованнымъ голосомъ сталъ продолжать чтеніе:

Но между тѣмъ какъ скороспѣлый милліонеръ нашъ находился, такъ сказать, въ эмпиреяхъ, произошло совершенно постороннее обстоятельство. Въ одно прекрасное утро является къ нему одинъ посѣтитель, съ спокойнымъ и строгимъ лицомъ, съ вѣжливою, но достойною и справедливою рѣчью, одѣтый скромно и благородно, съ видимымъ прогрессивнымъ оттѣнкомъ въ мысли, и въ двухъ словахъ объясняетъ причину своего визита: онъ—извѣстный адвокатъ:

ему поручено одно дѣло однимъ молодымъ человѣкомъ: онъ является отъ его имени. Этотъ молодой человѣкъ есть ни болѣе ни менѣе какъ сынъ покойнаго П., хотя носитъ другое имя. Сладострастный П., обольстивъ въ своей молодости одну честную, бѣдную дѣвушку, изъ дворовыхъ, но европейски воспитанную (причемъ, разумѣется, примѣнялись баронскія права миновавшаго крѣпостнаго состоянія), и замѣтивъ неминуемое, но ближайшее послѣдствіе своей связи, выдалъ ее поскорѣе замужъ за одного промышляющаго и даже служащаго человѣка съ благороднымъ характеромъ, уже давно любившаго эту дѣвушку. Сначала онъ помогалъ новобрачнымъ: но скоро ему въ принятіи отъ него помощи было отказано благороднымъ характеромъ ея мужа. Прошло нѣсколько времени и П. мало-по-малу успѣлъ забыть и о дѣвушкѣ, и о прижитомъ съ нею сынѣ своемъ, а потомъ, какъ извѣстно, и умеръ безъ распоряженій. Между тѣмъ его сынъ, родившійся уже въ законномъ бракѣ, по возрастнымъ годамъ другою фамиліей и совершенно усыновленный благороднымъ характеромъ мужа его матери, тѣмъ не менѣе въ свое время умершимъ, оставался совершенно при однихъ своихъ средствахъ и съ больнымъ, страдающею, безъ ногъ, матерью въ одной изъ отдаленныхъ губерній: самъ-же въ столицѣ добывалъ деньги ежедневнымъ благороднымъ трудомъ отъ купеческихъ уроковъ и тѣмъ содержалъ себя сначала въ гимназіи, а потомъ слушателемъ полезныхъ ему лекцій, имѣя въ виду дальнѣйшую цѣль. Но много-ли получишь отъ русскаго купца за уроки по гривеннику, да еще съ больнымъ безъ ногъ матерью, которая наконецъ и своею смертью въ отдаленной губерніи совсѣмъ почти не облегчила его? Теперь вопросъ: какъ по справедливости долженъ былъ разсудить нашъ отпрыскъ? Вы, конечно, думаете, читатель, что онъ сказалъ себѣ такъ: Я всю жизнь мою пользовался всѣми дарами П.: на воспитаніе мое, на гувернантокъ и на избѣженіе отъ идіотизма пошли десятки тысячъ въ Швейцарію: и вотъ я теперь съ милліонами, а благородный характеръ сына П., ни въ чемъ не виноватаго въ проступкахъ своего легкомысленнаго и позабывчиваго его отца, погибаетъ на урокахъ. Все то, что пошло на меня, по справедливости, должно было пойдти на него. Эти громадныя суммы, на меня истраченныя, въ сущности не мои. Это была только слѣпая ошибка фортуны: онъ слѣдовали сыну П. На него должны были быть употреблены, а не на меня, — порожденіе фантастической прихоти легкомысленнаго и забывчиваго П. Если-бъ я былъ вполнѣ благороденъ, деликатенъ, справедливъ, то я долженъ-бы былъ отдать его сыну половину всего моего наслѣдства: но такъ какъ я прежде всего человѣкъ разсчетливый и слишкомъ хорошо понимаю, что это дѣло не юри-

дическое, то я половину моихъ милліоновъ не дамъ. Но по крайней мѣрѣ ужь слишкомъ низко и безстыдно (отпрыскъ забылъ, что и не разсчетливо) будетъ съ моей стороны, если я не возвращу теперь тѣхъ десятковъ тысячъ, которые пошли на мой идіотизмъ «отъ П., его сыну. Тутъ одна только совѣсть и справедливость! «Ибо что бы со мной было, если-бы П. не взялъ меня на воспитаніе, а вмѣсто меня заботился-бы о своемъ сынѣ?»

Но нѣтъ, господа! Наши отпрыски разсуждаютъ не такъ. Какъ ни представлялъ ему адвокатъ молодаго человѣка, взявшійся хлопотать за него единственно изъ дружбы и почти противъ его воли, почти насильно, какъ ни выставлялъ предъ нимъ обязанности чести, благородства, справедливости и даже простаго разсчета, швейцарскій воспитанникъ остался непреклоненъ, и что-жъ? Это все-бы еще ничего, а вотъ что уже дѣйствительно непростительно и никакою интересною болѣзнью непзвинимо: этотъ едва вышедшій изъ штиблетъ своего профессора милліонеръ не могъ даже и того смекнуть, что не милости и не вспоможенія просить отъ него благородный характеръ молодаго человѣка, убивающій себя на урокахъ, а своего права и своего должнаго, хотя-бы и не юридическаго, и даже не просить, а за него только друзья ходатайствуютъ. Съ величественнымъ видомъ и упоеніемъ отъ полученной возможности безнаказанно давить людей своими милліонами, нашъ отпрыскъ вынимаетъ пятидесятирублевую бумажку и посылаетъ благородному молодому человѣку въ видѣ наглаго подаянія. Вы не вѣрите, господа? Вы возмущены, вы оскорблены, вы прорываетесь крикомъ негодованія: но онъ сдѣлалъ это однако-же! Разумѣется, деньги тотчасъ-же были ему возвращены, такъ сказать, брошены обратно въ лицо. Чѣмъ-же остается разрѣшить это дѣло! Дѣло не юридическое, остается одна только гласность! Мы передаемъ анекдотъ этотъ публикѣ, ручаясь за его достовѣрность. Говорятъ, одинъ изъ извѣстнѣйшихъ юмористовъ нашихъ обмолвился при этомъ восхитительною эпиграммой, достойною занять мѣсто не только въ губернскихъ, но и въ столичныхъ очеркахъ нашихъ нравовъ:

„Лева *) Шнейдера **) шинелью
Пятилѣтіе игралъ
И обычной канителью
Время наполнялъ.
Возвратясь въ штиблетахъ узкихъ,
Милліонъ наслѣдства взялъ,
Богу молится по русски
А студентовъ обокралъ“.

*) Уменьшительное имя отпрыска.
**) Имя швейцарскаго профессора.

Когда Коля кончилъ, то передалъ поскорѣе газету князю, и, ни слова не говоря, бросился въ уголъ, плотно уткнулся въ него и закрылъ руками лицо. Ему было невыносимо стыдно, и его дѣтская, еще не успѣвшая привыкнуть къ грязи впечатлительность была возмущена даже сверхъ мѣры. Ему казалось, что произошло что-то необычайное, все разомъ разрушившее, и что чуть-ли ужъ и самъ онъ тому не причиной, ужъ тѣмъ однимъ, что вслухъ прочелъ это.

Но и всѣ, казалось, ощущали нѣчто въ этомъ-же родѣ.

Дѣвицамъ было очень неловко и стыдно. Лизавета Прокофьевна сдерживала въ себѣ чрезвычайный гнѣвъ и тоже, можетъ быть, горько раскаявалась, что ввязалась въ дѣло: теперь она молчала. Съ княземъ происходило тоже, что часто бываетъ въ подобныхъ случаяхъ съ слишкомъ застѣнчивыми людьми: онъ до того застыдился чужаго поступка, до того ему стало стыдно за своихъ гостей, что въ первое мгновеніе онъ и поглядѣть на нихъ боялся. Птицынъ, Варя, Ганя, даже Лебедевъ, — всѣ имѣли какъ-бы нѣсколько сконфуженный видъ. Страннѣе всего, что Ипполитъ и «сынъ Павлищева» были тоже какъ-бы чѣмъ-то изумлены: племянникъ Лебедева былъ тоже видимо недоволенъ. Одинъ боксеръ сидѣлъ совершенно спокойный, покручивая усы, съ видомъ важнымъ и нѣсколько опустивъ глаза, но не отъ смущенія, а напротивъ, казалось, какъ-бы изъ благородной скромности и отъ слишкомъ очевиднаго торжества. По всему видно было, что статья ему чрезвычайно нравится.

— Это чортъ знаетъ что такое, проворчалъ вполголоса Иванъ Ѳедоровичъ,—точно пятьдесятъ лакеевъ вмѣстѣ собирались сочинять и сочинили.

— А на-азвольте спросить, милостивый государь, какъ можете вы оскорблять подобными предположеніями? заявилъ и весь затрепеталъ Ипполитъ.

— Это, это, это для благороднаго человѣка... согласитесь сами, генералъ, если благородный человѣкъ, то это ужъ оскорбительно! проворчалъ боксеръ, тоже вдругъ съ чего-то встрепенувшись, покручивая усы и подергивая плечами и корпусомъ.

— Во первыхъ, я вамъ не «милостивый государь», а во вторыхъ, я вамъ никакого объясненія давать не намѣренъ, рѣзко отвѣтилъ ужасно разгорячившійся Иванъ Ѳедоровичъ, всталъ съ мѣста, и, не говоря ни слова, отошелъ къ выходу съ террасы и сталъ на верхней ступенькѣ, спиной къ публикѣ,—въ величайшемъ негодованіи на Лизавету Прокофьевну, даже и теперь не думавшую трогаться съ своего мѣста.

— Господа, господа, позвольте-же наконецъ, господа, говорить,— въ тоскѣ и въ волненіи восклицалъ князь,—и сдѣлайте одолженіе,

будемте говорить такъ, чтобы понимать другъ друга. Я ничего, господа, на счетъ статьи, пускай: только вѣдь это, господа, все неправда, что въ статьѣ напечатано: я потому говорю, что вы сами это знаете: даже стыдно. Такъ что я рѣшительно удивляюсь, если это изъ васъ кто нибудь написалъ.

— Я ничего до этой самой минуты не зналъ про эту статью, заявилъ Ипполитъ;—я не одобряю эту статью.

— Я хотя и зналъ, что она написана, но... я тоже не совѣтовалъ-бы печатать, потому что рано, прибавилъ племянникъ Лебедева.

— Я зналъ, но я имѣю право... я... забормоталъ «сынъ Павлищева».

— Какъ! Вы сами все это сочинили? спросилъ князь, съ любопытствомъ смотря на Бурдовскаго:—да быть-же не можетъ!

— Можно однако-же и не признавать вашего права къ подобнымъ вопросамъ, вступился племянникъ Лебедева.

— Я вѣдь только удивился, что г. Бурдовскому удалось... но... я хочу сказать, что если вы уже предали это дѣло гласности, то почему-же вы давеча такъ обидились, когда я при друзьяхъ моихъ объ этомъ-же дѣлѣ заговорилъ?

— Наконецъ-то! пробормотала въ негодованіи Лизавета Прокофьевна.

— И даже, князь, вы изволили позабыть, проскользнулъ вдругъ между стульями неутерпѣвшій Лебедевъ, чуть не въ лихорадкѣ,— изволили позабыть-съ, что одна только добрая воля ваша и безпримѣрная доброта вашего сердца была ихъ принять и прослушать, и что никакого они права не имѣютъ такъ требовать, тѣмъ болѣе, что вы дѣло это уже поручили Гаврилѣ Ардаліоновичу, да и то тоже по чрезмѣрной добротѣ вашей такъ поступили, а что теперь, свѣтельнѣйшій князь, оставаясь среди избранныхъ друзей вашихъ, вы не можете жертвовать такою компаніей для этихъ господъ-съ, и могли-бы всѣхъ этихъ господъ, такъ сказать, сей-же часъ проводить съ крыльца-съ, такъ что я, въ качествѣ хозяина дома, съ чрезвычайнымъ даже удовольствіемъ-съ...

— Совершенно справедливо! прогремѣлъ вдругъ изъ глубины комнаты генералъ Иволгинъ.

— Довольно, Лебедевъ, довольно, довольно! —началъ было князь, но цѣлый взрывъ негодованія покрылъ его слова.

— Нѣтъ, извините, князь, извините, теперь уже этого не довольно! почти перекричалъ всѣхъ племянникъ Лебедева:—теперь надо дѣло ясно и твердо поставить, потому что его видимо не понимаютъ. Тутъ юридическіе крючки замѣшались, и на основаніи

этихъ крючковъ намъ угрожаютъ вытолкать насъ съ крыльца! Да неужели-же, князь, вы почитаете насъ до такой уже степени дураками, что мы и сами не понимаемъ до какой степени наше дѣло не юридическое, и что если разбирать юридически, то мы и одного цѣлковаго съ васъ не имѣемъ права потребовать по закону? Но мы именно понимаемъ, что если тутъ нѣтъ права юридическаго, то за то есть право человѣческое, натуральное: право здраваго смысла и голосъ совѣсти, и пусть это право наше не записано ни въ какомъ гниломъ человѣческомъ кодексѣ, но благородный и честный человѣкъ, то есть все равно что здравомыслящій человѣкъ, обязанъ оставаться благороднымъ и честнымъ человѣкомъ даже и въ тѣхъ пунктахъ, которые не записаны въ кодексахъ. Потому-то мы и вошли сюда, не боясь, что насъ сбросятъ съ крыльца (какъ вы угрожали сейчасъ) за то только, что мы *не просимъ*, а *требуемъ*, и за неприличіе визита въ такой поздній часъ (хотя мы пришли и не въ поздній часъ, а вы-же насъ въ лакейской прождать заставили), потому-то, говорю, и пришли, ничего не боясь, что предположили въ васъ именно человѣка съ здравымъ смысломъ, то есть съ честью и совѣстью. Да, это правда, мы вошли не смиренно, не какъ прихлебатели и искатели ваши, а поднявъ голову, какъ свободные люди, и отнюдь не съ просьбой, а съ свободнымъ и гордымъ требованіемъ (слышите, не съ просьбой, а требованіемъ, зарубите себѣ это!). Мы съ достоинствомъ и прямо ставимъ предъ вами вопросъ: признаете-ли вы себя въ дѣлѣ Бурдовскаго правымъ или неправымъ? Признаете-ли вы себя облагодѣтельствованнымъ и даже, можетъ быть, спасеннымъ отъ смерти Павлищевымъ? Если признаете (что очевидно), то намѣрены-ли вы, или находите-ли вы справедливымъ по совѣсти, въ свою очередь получивъ милліоны, вознаградить нуждающагося сына Павлищева, хотя-бы онъ и носилъ имя Бурдовскаго? Да или нѣтъ? Если *да*, то есть, другими словами, если въ васъ есть то, что вы называете на языкѣ вашемъ честью и совѣстью, и что мы точнѣе обозначаемъ названіемъ здраваго смысла, то удовлетворите насъ, и дѣло съ концомъ. Удовлетворите безъ просьбъ и безъ благодарностей съ нашей стороны, не ждите ихъ отъ насъ, потому что вы дѣлаете не для насъ, а для справедливости. Если-же вы не захотите насъ удовлетворить, то есть, отвѣтите: *нѣтъ*, то мы сейчасъ уходимъ, и дѣло прекращается: вамъ-же въ глаза говоримъ, при всѣхъ вашихъ свидѣтеляхъ, что вы человѣкъ съ умомъ грубымъ и съ развитіемъ низкимъ; что называться впредь человѣкомъ съ честью и совѣстью вы не смѣете и не имѣете права, что это право вы слишкомъ дешево хотите купить. Я кончилъ. Я поставилъ вопросъ. Гоните-же те-

перь насъ съ крыльца, если смѣете. Вы можете это сдѣлать, вы въ силѣ. Но вспомните, что мы все-таки требуемъ, а не просимъ. Требуемъ, а не просимъ!..

Племянникъ Лебедева, очень разгорячившійся, остановился.

— Требуемъ, требуемъ, требуемъ, а не просимъ!.. заблеталъ Бурдовскій и покраснѣлъ какъ ракъ.

Послѣ словъ племянника Лебедева послѣдовало нѣкоторое всеобщее движеніе, и поднялся даже ропотъ, хотя во всемъ обществѣ всѣ видимо избѣгали вмѣшиваться въ дѣло, кромѣ развѣ одного только Лебедева, бывшаго точно въ лихорадкѣ. (Странное дѣло: Лебедевъ, очевидно, стоявшій за князя, какъ будто ощущалъ теперь нѣкоторое удовольствіе фамильной гордости послѣ рѣчи своего племянника; по крайней мѣрѣ, съ нѣкоторымъ особеннымъ видомъ довольства оглядѣлъ всю публику).

— По моему мнѣнію, началъ князь довольно тихо,—по моему мнѣнію, вы, господинъ Докторенко, во всемъ томъ, что̀ сказали сейчасъ, на половину совершенно правы, даже я согласенъ, что на гораздо бо̀льшую половину, и я-бы совершенно былъ съ вами согласенъ, если-бы вы не пропустили чего-то въ вашихъ словахъ. Что̀ именно вы тутъ пропустили, я не въ силахъ и не въ состояніи вамъ точно выразить, но для полной справедливости въ вашихъ словахъ, конечно, чего-то не достаетъ. Но обратимся лучше къ дѣлу, господа, скажите, для чего напечатали вы эту статью? Вѣдь тутъ что ни слово, то клевета: такъ что вы, господа, по моему, сдѣлали низость.

— Позвольте!..

— Милостивый государь!..

— Это... это... это... послышалось разомъ со стороны взволнованныхъ гостей.

— На счетъ статьи, визгливо подхватилъ Ипполитъ, —на счетъ этой статьи я уже вамъ сказалъ, что я и другіе не одобряемъ ея! Написалъ ее вотъ онъ (онъ указалъ на рядомъ сидѣвшаго съ нимъ боксера), написалъ неприлично, согласенъ, написалъ безграмотно и слогомъ, которымъ пишутъ такіе-же какъ и онъ отставные. Онъ глупъ и сверхъ того промышленникъ, я согласенъ, я это прямо ему и въ глаза каждый день говорю, но все-таки на половину онъ былъ въ своемъ правѣ: гласность есть законное право всякаго, а, стало быть, и Бурдовскаго. За нелѣпости-же свои пусть самъ отвѣчаетъ. Что-же касается до того, что я отъ лица всѣхъ протестовалъ давеча на счетъ присутствія вашихъ друзей, то считаю нужнымъ вамъ, милостивые государи, объяснить, что я протестовалъ единственно чтобы заявить наше право, но что въ сущности мы

даже желаемъ, чтобы были свидѣтели, и давеча, еще не входя сюда, мы всѣ четверо въ этомъ согласились. Кто бы ни были ваши свидѣтели, хотя-бы и ваши друзья, но такъ какъ они не могутъ не согласиться съ правомъ Бурдовскаго (потому что оно очевидно, математическое), то даже еще и лучше, что эти свидѣтели — ваши друзья; еще очевиднѣе представится истина.

— Это правда, мы такъ согласились, подтвердилъ племянникъ Лебедева.

– Такъ изъ-за чего-же давеча съ первыхъ словъ такой крикъ и шумъ вышелъ, если вы такъ и хотѣли! удивился князь.

— А на счетъ статьи, князь, вскричалъ бокеръ, ужасно желавшій вставить свое словцо и пріятно оживляясь (можно было подозрѣвать, что на него видимо и сильно дѣйствовало присутствіе дамъ), — на счетъ статьи, то признаюсь, что дѣйствительно авторъ я, хотя болѣзненный мой пріятель, которому я привыкъ прощать по его разслабленію, сейчасъ и раскритиковалъ ее. Но сочинялъ я и напечаталъ въ журналѣ искренняго друга, въ видѣ корреспонденціи. Одни только стихи дѣйствительно не мои, и дѣйствительно принадлежатъ перу извѣстнаго юмориста. Бурдовскому я только прочелъ, и то не все, и тотчасъ отъ него получилъ согласіе напечатать, но согласитесь, что я могъ печатать и безъ согласія. Гласность есть право всеобщее, благородное и благодѣтельное. Надѣюсь, что вы сами, князь, до того прогрессивны, что не станете этого отрицать...

— Ничего не стану отрицать, но согласитесь, что въ вашей статьѣ...

— Рѣзко, хотите сказать? Но вѣдь тутъ, такъ сказать, польза обществу, согласитесь сами, и наконецъ возможно-ли пропустить вызывающій случай? Тѣмъ хуже виновнымъ, но польза обществу прежде всего. Что-же касается до нѣкоторыхъ неточностей, такъ сказать, гиперболъ, то согласитесь и въ томъ, что прежде всего инициатива важна, прежде всего цѣль и намѣреніе: важенъ благодѣтельный примѣръ, а уже потомъ будемъ разбирать частные случаи, и наконецъ, тутъ слогъ, тутъ, такъ сказать, юмористическая задача, и наконецъ — всѣ такъ пишутъ, согласитесь сами! Ха-ха!

— Да, совершенно ложная дорога! Увѣряю васъ, господа, вскричалъ князь, — вы напечатали статью въ томъ предположеніи, что я ни за что не соглашусь удовлетворить г. Бурдовскаго, а, стало быть, чтобы меня за это напугать и чѣмъ нибудь отмстить. Но почему вы знали: я, можетъ быть, и рѣшилъ удовлетворить Бурдовскаго? Я вамъ прямо, при всѣхъ теперь заявляю, что я удовлетворю...

— Вотъ, наконецъ, умное и благородное слово умнаго и благороднѣйшаго человѣка! провозгласилъ боксеръ.

— Господи! вырвалось у Лизаветы Прокофьевны.

— Это невыносимо! пробормоталъ генералъ.

— Позвольте-же, господа, позвольте, я изложу дѣло, умолялъ князь: — недѣль пять назадъ ко мнѣ явился въ З. уполномоченный и ходатай вашъ, господинъ Бурдовскій. Чебаровъ. Вы его ужь очень лестно описали, господинъ Келлеръ, въ вашей статьѣ, обратился князь, вдругъ засмѣявшись, къ боксеру: — но онъ мнѣ совсѣмъ не понравился. Я только понялъ съ перваго разу, что въ этомъ Чебаровѣ все главное дѣло и заключается, что, можетъ быть, онъ-то и подучилъ васъ, господинъ Бурдовскій, воспользовавшись вашею простотой, начать это все, если говорить откровенно.

— Это вы не имѣете права... я... не простой... это... залепеталъ въ волненіи Бурдовскій.

— Вы не имѣете никакого права дѣлать такія предположенія, назидательно вступился племянникъ Лебедева.

— Это въ высшей степени обидно! завизжалъ Ипполитъ: — предположеніе обидное, ложное и не идущее къ дѣлу!

— Виноватъ, господа, виноватъ, торопливо повинился князь: — пожалуйста, извините; это потому, что мнѣ подумалось, что не лучше-ли намъ быть совершенно откровенными другъ съ другомъ, но ваша воля, какъ хотите. Я Чебарову сказалъ, что такъ какъ я не въ Петербургѣ, то немедленно уполномочиваю пріятеля повести это дѣло, а васъ, господинъ Бурдовскій, о томъ извѣщу. Я прямо вамъ скажу, господа, что мнѣ показалось это дѣло самымъ мошенническимъ, именно потому, что тутъ Чебаровъ... Охъ, не обижайтесь, господа! Ради Бога не обижайтесь! испуганно вскричалъ князь, видя снова проявленіе обиднаго смятенія Бурдовскаго, волненіе и протестъ въ его друзьяхъ: — это не можетъ до васъ относиться лично, если я говорю, что считалъ это дѣло мошенническимъ! Вѣдь я никого изъ васъ не зналъ тогда лично, и фамилій вашихъ не зналъ; я судилъ по одному Чебарову; я говорю вообще, потому что... если-бы вы знали только какъ меня ужасно обманывали съ тѣхъ поръ, какъ я получилъ наслѣдство!

— Князь, вы ужасно наивны, насмѣшливо замѣтилъ племянникъ Лебедева.

— И при этомъ — князь и милліонеръ! При вашемъ, можетъ быть, и въ самомъ дѣлѣ добромъ и простоватомъ сердцѣ, вы все-таки не можете, конечно, избавиться отъ общаго закона, провозгласилъ Ипполитъ.

— Можетъ быть, очень можетъ быть, господа, торопился князь,— хотя я и не понимаю про какой вы общій законъ говорите: но я продолжаю, не обижайтесь только напрасно: клянусь, я не имѣю ни малѣйшаго желанія васъ обидѣть. И что это въ самомъ дѣлѣ, господа: ни одного-то слова нельзя сказать искренно, тотчасъ-же вы обижаетесь! Но, во первыхъ, меня ужасно поразило, что существуетъ — сынъ Павлищева — и существуетъ въ такомъ ужасномъ положеніи, какъ объяснилъ мнѣ Чебаровъ. Павлищевъ, мой благодѣтель и другъ моего отца. (Ахъ, зачѣмъ вы такую неправду написали, господинъ Келлеръ, въ вашей статьѣ про моего отца? Никакой растраты ротной суммы и никакихъ обидъ подчиненнымъ не было — въ этомъ я положительно убѣжденъ, и какъ у васъ рука поднялась такую клевету написать?) А то, что вы написали про Павлищева, то ужь совершенно невыносимо: вы называете этого благороднѣйшаго человѣка сладострастнымъ и легкомысленнымъ такъ смѣло, такъ положительно, какъ будто вы и въ самомъ дѣлѣ говорите правду, а между тѣмъ это былъ самый цѣломудренный человѣкъ, какіе были на свѣтѣ! Это былъ даже замѣчательный ученый: онъ былъ корреспондентомъ многихъ уважаемыхъ людей въ наукѣ и много денегъ въ помощь науки употребилъ. Что-же касается до его сердца, до его добрыхъ дѣлъ, о, конечно, вы справедливо написали, что я тогда былъ почти идіотомъ и ничего не могъ понимать (хотя я по русски все-таки говорилъ и могъ понимать), но вѣдь могу-же я оцѣнить все что теперь припоминаю...

— Позвольте, визгалъ Ипполитъ,—не слишкомъ-ли это будетъ чувствительно? Мы не дѣти. Вы хотѣли идти прямо къ дѣлу, десятый часъ, это вспомните.

— Извольте, извольте, господа, тотчасъ-же согласился князь;— послѣ первой недовѣрчивости я рѣшилъ, что я могу ошибаться, и что Павлищевъ дѣйствительно могъ имѣть сына. Но меня поразило ужасно, что этотъ сынъ такъ легко, то есть я хочу сказать, такъ публично выдастъ секретъ своего рожденія и, главное, позоритъ свою мать. Потому что Чебаровъ уже и тогда пугалъ меня гласностію...

— Какая глупость! закричалъ племянникъ Лебедева.

— Вы не имѣете права... не имѣете права! вскричалъ Бурдовскій.

— Сынъ не отвѣчаетъ за развратный поступокъ отца, а мать не виновата, съ жаромъ провизжалъ Ипполитъ.

— Тѣмъ скорѣе, казалось-бы, надо было щадить... робко проговорилъ князь.

— Вы, князь, не только наивны, но, можетъ быть, еще и подальше пойдете, злобно усмѣхнулся племянникъ Лебедева.

— И какое право имѣли вы!.. завизжалъ самымъ неестественнымъ голосомъ Ипполитъ.

— Никакого, никакого! поспѣшно перебилъ князь:—въ этомъ вы правы, признаюсь, но это было невольно, и я тотчасъ-же сказалъ себѣ тогда-же, что мои личныя чувства не должны имѣть вліянія на дѣло, потому что если я самъ себя признаю уже обязаннымъ удовлетворить требованія господина Бурдовскаго, во имя чувствъ моихъ къ Павлищеву, то долженъ удовлетворить въ какомъ-бы то ни было случаѣ, то есть, уважалъ-бы, или не уважалъ-бы я господина Бурдовскаго. Я потому только, господа, началъ объ этомъ, что мнѣ всетаки показалось неестественнымъ, что сынъ такъ публично открываетъ секретъ своей матери... Однимъ словомъ, я, главное, поэтому и убѣдился, что Чебаровъ долженъ быть каналья и самъ наустилъ господина Бурдовскаго, обманомъ, на такое мошенничество.

— Но вѣдь это ужъ невыносимо! раздалось со стороны его гостей, изъ которыхъ нѣкоторые даже повскакали со стульевъ.

— Господа! Да я потому-то и рѣшилъ, что несчастный господинъ Бурдовскій долженъ быть человѣкъ простой, беззащитный, человѣкъ, легко подчиняющійся мошенникамъ, стало быть, тѣмъ пуще я обязанъ былъ помочь ему, какъ сыну Павлищева.—Во первыхъ, противодѣйствіемъ господину Чебарову, во вторыхъ, моею преданностью и дружбой, чтобъ его руководить, а въ третьихъ, назначилъ выдать ему десять тысячъ рублей, то есть все, что по разсчету моему, могъ истратить на меня Павлищевъ деньгами...

— Какъ! Только десять тысячъ! закричалъ Ипполитъ.

— Ну, князь, вы очень не сильны въ ариѳметикѣ, или ужъ очень сильны, хоть и представляетесь простячкомъ, вскричалъ племянникъ Лебедева.

— Я на десять тысячъ не согласенъ, сказалъ Бурдовскій.

— Антипъ! Согласись! скорымъ и явственнымъ шепотомъ подсказалъ боксеръ, перегнувшись сзади чрезъ спинку стула Ипполита; согласись, а потомъ послѣ увидимъ!

— Па-аслушайте, господинъ Мышкинъ, визжалъ Ипполитъ;—поймите, что мы не дураки; не пошлые дураки, какъ думаютъ, вѣроятно, о насъ всѣ ваши гости и эти дамы, которыя съ такимъ негодованіемъ на насъ усмѣхаются, и особенно этотъ великосвѣтскій господинъ (онъ указалъ на Евгенія Павловича), котораго я, разумѣется, не имѣю чести знать, но о которомъ, кажется, кое-что слышалъ...

— Позвольте, позвольте, господа, вы опять меня не поняли! въ волненіи обратился къ нимъ князь: — во первыхъ, вы, господинъ

Келлеръ, въ вашей статьѣ чрезвычайно не точно обозначили мое состояніе: никакихъ милліоновъ я не получалъ: у меня, можетъ быть, только восьмая или десятая доля того, что вы у меня предполагаете: во вторыхъ, никакихъ десятковъ тысячъ на меня въ Швейцаріи истрачено не было: Шнейдеръ получалъ по шестисотъ рублей въ годъ, да и то всего только первые три года, а за хорошенькими гувернантками въ Парижъ Павлищевъ никогда не ѣздилъ: это опять клевета. По моему, на меня далеко еще меньше десяти тысячъ всего истрачено, но я положилъ десять тысячъ, и, согласитесь сами, что, отдавая долгъ, я никакъ не могъ предлагать господину Бурдовскому болѣе, даже если-бъ я его ужасно любилъ, и не могъ уже по одному чувству деликатности, именно потому, что отдавалъ ему долгъ, а не посылалъ ему подаяніе. Я не знаю, господа, какъ вы этого не понимаете! Но я все это хотѣлъ вознаградить потомъ моею дружбой, моимъ дѣятельнымъ участіемъ въ судьбѣ несчастнаго господина Бурдовскаго, очевидно. обманутаго, потому что не могъ-же онъ самъ, безъ обмана, согласиться на такую низость, какъ, напримѣръ, сегодняшняя огласка въ этой статьѣ господина Келлера про его мать... Да что-же вы, наконецъ, опять выходите изъ себя, господа! Вѣдь, наконецъ, мы совершенно не будемъ понимать другъ друга! Вѣдь вышло-же на мое! Я теперь собственными глазами убѣдился, что моя догадка была справедлива, убѣждалъ разгоряченный князь, желая утишить волненіе и не замѣчая того, что только его увеличивалъ.

— Какъ? Въ чемъ убѣдились? приступали къ нему чуть не съ остервененіемъ.

— Да помилуйте, во первыхъ, я успѣлъ самъ отлично разглядѣть господина Бурдовскаго, я вѣдь вижу самъ теперь каковъ онъ... Это человѣкъ невинный, но котораго всѣ обманываютъ! Человѣкъ беззащитный... и потому-то я и долженъ его щадить, а во вторыхъ, Гаврила Ардаліоновичъ, — которому поручено было дѣло, и отъ котораго я давно не получалъ извѣстій, такъ какъ былъ въ дорогѣ и три дня потомъ боленъ въ Петербургѣ. — вдругъ теперь, всего часъ назадъ, при первомъ нашемъ свиданіи, сообщаетъ мнѣ, что намѣренія Чебарова онъ всѣ раскусилъ, имѣетъ доказательства, и что Чебаровъ именно то, чѣмъ я его предположилъ. Я вѣдь знаю-же, господа, что меня многіе считаютъ идіотомъ, и Чебаровъ, по репутаціи моей, что я деньги отдаю легко, думалъ очень легко меня обмануть, и именно разсчитывая на мои чувства къ Павлищеву. Но главное то, — да дослушайте-же, господа, дослушайте! — главное то, что теперь вдругъ оказывается, что господинъ Бурдовскій вовсе и не сынъ Павлищева! Сейчасъ Гаврила Ардаліоновичъ сооб-

щилъ мнѣ это и увѣряетъ, что досталъ доказательства положительныя. Ну, какъ вамъ это покажется, вѣдь повѣрить невозможно послѣ всего того, что уже натворили! И слушайте: положительныя доказательства! Я еще не вѣрю, самъ не вѣрю, увѣряю васъ: я еще сомнѣваюсь, потому что Гаврила Ардаліоновичъ не успѣлъ еще сообщить мнѣ всѣхъ подробностей, но что Чебаровъ каналья, то въ этомъ уже нѣтъ теперь никакого сомнѣнія! Онъ и несчастнаго господина Бурдовскаго, и васъ всѣхъ, господа, которые благородно приняли поддержать вашего друга (такъ какъ онъ въ поддержкѣ, очевидно, нуждается, вѣдь я понимаю-же это!), онъ всѣхъ васъ надулъ и всѣхъ васъ запуталъ въ случай мошенническій, потому что вѣдь это въ сущности плутовство-мошенничество!

— Какъ мошенничество!.. Какъ не «сынъ Павлищева?»... Какъ это можно!.. раздавались восклицанія. Вся компанія Бурдовскаго была въ невыразимомъ смятеніи.

— Да разумѣется, мошенничество! Вѣдь если господинъ Бурдовскій окажется теперь не «сынъ Павлищева», то вѣдь въ такомъ случаѣ требованіе господина Бурдовскаго выходитъ прямое мошенническое (то есть разумѣется, если-бъ онъ зналъ истину!), но вѣдь въ томъ-то и дѣло, что его обманули, потому-то я и настаиваю чтобъ его оправдать; потому-то я и говорю, что онъ достоинъ сожалѣнія, по своей простотѣ, и не можетъ быть безъ поддержки: иначе вѣдь онъ тоже выйдетъ по этому дѣлу мошенникомъ. Да вѣдь я уже самъ убѣжденъ, что онъ ничего не понимаетъ! Я самъ тоже былъ въ такомъ положеніи до отъѣзда въ Швейцарію, также лепеталъ безсвязныя слова, — хочешь выразиться, и не можешь... Я это понимаю; я могу очень сочувствовать, потому что я самъ почти такой-же, мнѣ позволительно говорить! И наконецъ я все-таки, — не смотря на то, что уже нѣтъ теперь «сына Павлищева», и что все это оказывается мистификаціей, — я все-таки не измѣняю своего рѣшенія и готовъ возвратить десять тысячъ, въ память Павлищева. Я вѣдь хотѣлъ-же до господина Бурдовскаго эти десять тысячъ на школу употребить, въ память Павлищева, но вѣдь теперь это все равно будетъ, что на школу, что г-ну Бурдовскому, потому что господинъ Бурдовскій, если и не «сынъ Павлищева», то вѣдь почти какъ «сынъ Павлищева»: потому что вѣдь его самого такъ злобно обманули; онъ самъ искренно считалъ себя сыномъ Павлищева! Выслушайте-же, господа, Гаврилу Ардаліоновича, кончимъ это, не сердитесь, не волнуйтесь, садитесь! Гаврила Ардаліоновичъ сейчасъ намъ все это объяснитъ, и я, признаюсь, чрезвычайно желаю самъ узнать всѣ подробности. Онъ говоритъ, что ѣздилъ даже въ Псковъ къ вашей матушкѣ, господинъ Бурдовскій, которая

вовсе не умирала, какъ васъ заставили въ статьѣ написать... Садитесь, господа, садитесь!

Князь сѣлъ и успѣлъ опять посадить повскакавшую съ мѣстъ компанію господина Бурдовскаго. Въ послѣднія десять или двадцать минутъ онъ говорилъ, разгорячившись, громко, нетерпѣливою скороговоркой, увлекшись, стараясь всѣхъ переговорить, перекричать, и ужъ конечно пришлось ему потомъ горько раскаяться въ иныхъ вырвавшихся у него теперь словечкахъ и предположеніяхъ. Если-бы не разгорячили и не вывели его почти изъ себя, — не позволилъ-бы онъ себѣ такъ обнаженно и торопливо высказать вслухъ иныя догадки свои и изліянія откровенности. Но только что сѣлъ онъ на мѣсто, какъ одно жгучее раскаяніе до боли пронзило его сердце: кромѣ ужъ того, что онъ обидѣлъ Бурдовскаго, такъ гласно предположивъ и въ немъ ту-же болѣзнь, отъ которой самъ лѣчился въ Швейцаріи, — кромѣ того, предложеніе десяти тысячъ, вмѣсто школы, было сдѣлано, по его мнѣнію, грубо и неосторожно, какъ подаяніе, и именно тѣмъ, что при людяхъ вслухъ было высказано. «Надо было-бы переждать и предложить завтра наединѣ,—тотчасъ-же подумалъ князь, —а теперь, пожалуй, ужъ не поправишь! Да, я идіотъ, истинный идіотъ!» рѣшилъ онъ про себя въ припадкѣ стыда и чрезвычайнаго огорченія.

Между тѣмъ Гаврила Ардаліоновичъ, до сихъ поръ державшійся въ сторонѣ и молчавшій упорно, вышелъ по приглашенію князя впередъ, сталъ подлѣ него и спокойно и ясно принялся излагать отчетъ по порученному ему княземъ дѣлу. Всѣ разговоры умолкли мгновенно. Всѣ слушали съ чрезвычайнымъ любопытствомъ, особенно вся компанія Бурдовскаго.

IX.

Вы не станете, конечно, отрицать, началъ Гаврила Ардаліоновичъ, прямо обращаясь къ слушавшему его изо всѣхъ силъ Бурдовскому, выкатившему на него отъ удивленія глаза и, очевидно, бывшему въ сильномъ смятеніи, — вы не станете, да и не захотите, конечно, отрицать серіозно, что вы родились ровно два года спустя послѣ законнаго брака уважаемой матушки вашей съ коллежскимъ секретаремъ господиномъ Бурдовскимъ, отцомъ вашимъ. Время рожденія вашего слишкомъ легко доказать фактически, такъ что слишкомъ общее для васъ и для матушки вашей искаженіе этого факта въ статьѣ господина Келлера объясняется одною только игривостью

собственной фантазіи господина Келлера, полагавшаго усилить этимъ очевидность вашего права и тѣмъ помочь интересамъ вашимъ. Господинъ Келлеръ говоритъ, что предварительно читалъ вамъ статью, хоть и не всю... безъ всякаго сомнѣнія, онъ не дочиталъ вамъ до этого мѣста...

— Не дочиталъ, дѣйствительно, прервалъ боксеръ, — но всѣ факты сообщены были мнѣ компетентнымъ лицомъ, и я...

— Извините, господинъ Келлеръ, остановилъ его Гаврила Ардаліоновичъ, — позвольте мнѣ говорить. Увѣряю васъ, что до вашей статьи дойдетъ дѣло въ свою очередь, тогда вы и заявите ваше объясненіе, а теперь будемъ лучше продолжать по порядку. Совершенно случайно, при помощи сестры моей, Варвары Ардаліоновны Птицыной, я досталъ отъ короткой пріятельницы ея, Вѣры Алексѣевны Зубковой, помѣщицы и вдовы, одно письмо покойнаго Николая Андреевича Павлищева, писанное къ ней отъ него двадцать четыре года назадъ изъ-за границы. Сблизившись съ Вѣрой Алексѣевной, я, по ея указанію, обратился къ отставному полковнику Тимоѳею Ѳедоровичу Вязовкину, дальнему родственнику и большому, въ свое время, пріятелю съ господиномъ Павлищевымъ. Отъ него мнѣ удалось достать еще два письма Николая Андреевича, тоже писанныя изъ-за границы. По этимъ тремъ письмамъ, по числамъ и по фактамъ въ нихъ обозначеннымъ, доказывается математически, безо всякой возможности опроверженія и даже сомнѣнія, что Николай Андреевичъ выѣхалъ тогда за границу (гдѣ и пробылъ сряду три года) ровно за полтора года до вашего рожденія, господинъ Бурдовскій. Ваша матушка, какъ извѣстно вамъ, никогда изъ Россіи не выѣзжала... Въ настоящую минуту я не стану читать этихъ писемъ. Теперь уже поздно: я только заявляю, во всякомъ случаѣ, фактъ. Но если вамъ угодно, господинъ Бурдовскій, назначить хоть завтра-же утромъ у меня свиданіе и привести вашихъ свидѣтелей (въ какомъ угодно числѣ) и экспертовъ для сличенія почерка, то для меня нѣтъ никакого сомнѣнія, что вамъ нельзя будетъ не убѣдиться въ очевидной истинѣ сообщеннаго мною факта. Если-же такъ, то, разумѣется, все это дѣло падаетъ и само собою прекращается.

Опять послѣдовало всеобщее движеніе и глубокое волненіе. Самъ Бурдовскій вдругъ всталъ со стула.

— Если такъ, то я былъ обманутъ, обманутъ, но не Чебаровымъ, а давно, давно: не хочу экспертовъ, не хочу свиданія, я вѣрю, я отказываюсь... десять тысячъ не согласенъ... прощайте...

Онъ взялъ фуражку и отодвинулъ стулъ чтобъ уйдти.

— Если можете, господинъ Бурдовскій, тихо и сладко остано-

вилъ его Гаврила Ардаліоновичъ,—то останьтесь еще минутъ хоть на пять. По этому дѣлу обнаруживается еще нѣсколько чрезвычайно важныхъ фактовъ, особенно для васъ, во всякомъ случаѣ, весьма любопытныхъ. По мнѣнію моему, вамъ нельзя не познакомиться съ ними, и самимъ вамъ, можетъ быть, пріятнѣе станетъ, если дѣло будетъ совершенно разъяснено...

Бурдовскій усѣлся молча, немного опустивъ голову, и какъ-бы въ сильной задумчивости. Усѣлся вслѣдъ за нимъ и племянникъ Лебедева, тоже вставшій было его сопровождать; этотъ хоть и не потерялъ головы и смѣлости, но видимо былъ озадаченъ сильно. Ипполитъ былъ нахмуренъ, грустенъ и какъ-бы очень удивленъ. Въ эту минуту, впрочемъ, онъ до того сильно закашлялся, что даже замаралъ свой платокъ кровью. Боксеръ былъ чуть не въ испугѣ:

— Эхъ, Антипъ! крикнулъ онъ съ горечью.—Вѣдь говорилъ я тебѣ тогда... третьяго дня, что ты, можетъ, и въ самомъ дѣлѣ не сынъ Павлищева!

Раздался сдержанный смѣхъ, двое-трое разсмѣялись громче другихъ.

— Фактъ, сію минуту сообщенный вами, господинъ Келлеръ, подхватилъ Гаврила Ардаліоновичъ, —весьма драгоцѣненъ. Тѣмъ не менѣе, я имѣю полное право, по самымъ точнымъ даннымъ утверждать, что господину Бурдовскому хотя, конечно, и была слишкомъ хорошо извѣстна эпоха его рожденія, но совершенно не было извѣстно обстоятельство этого пребыванія Павлищева за границей, гдѣ господинъ Павлищевъ провелъ большую часть жизни, возвращаясь въ Россію всегда на малые сроки. Кромѣ того, и самый этотъ фактъ тогдашняго отъѣзда весьма незамѣчателенъ самъ по себѣ, чтобъ о немъ помнить, послѣ двадцати слишкомъ лѣтъ, даже знавшимъ близко Павлищева, не говоря уже о господинѣ Бурдовскомъ, который тогда и не родился. Конечно, навести теперь справки оказалось не невозможнымъ: но я долженъ признаться, что справки, полученныя мною, достались мнѣ совершенно случайно и очень могли не достаться: такъ что для господина Бурдовскаго и даже Чебарова эти справки были дѣйствительно почти невозможны, если-бы даже имъ и вздумалось ихъ навести. Но вѣдь имъ могло и не вздуматься...

— Позвольте, господинъ Иволгинъ, раздражительно прервалъ его вдругъ Ипполитъ,—къ чему вся эта галиматья (извините меня)? Дѣло теперь объяснилось, главному факту мы согласаемся вѣрить, зачѣмъ-же тянуть далѣе тяжелую и обидную канитель? Вы, можетъ быть, желаете похвалиться ловкостью вашихъ изысканій, выставить

предъ вами и предъ княземъ какой вы хорошій слѣдователь, сыщикъ? Или ужь не намѣрены-ли предпринять извиненіе и оправданіе Бурдовскаго тѣмъ, что онъ ввязался въ дѣло по невѣдѣнію? Но это дерзко, милостивый государь! Въ оправданіяхъ вашихъ и въ извиненіяхъ Бурдовскій не нуждается, было-бы вамъ извѣстно! Ему обидно, ему и безъ того теперь тяжело, онъ въ неловкомъ положеніи, вы должны были угадать, понять это...

— Довольно, господинъ Терентьевъ, довольно, удалось перебить Гаврилъ Ардаліоновичу.— успокойтесь, не раздражайте себя; вы, кажется, очень нездоровы? Я вамъ сочувствую. Въ такомъ случаѣ, если хотите, я кончилъ, то есть принужденъ буду сообщить только вкратцѣ тѣ факты, которые, по моему убѣжденію, не лишне было-бы узнать во всей полнотѣ, прибавилъ онъ, замѣтивъ нѣкоторое всеобщее движеніе, похожее на нетерпѣніе.—Я желаю только сообщить, съ доказательствами, для свѣдѣнія всѣхъ заинтересованныхъ въ дѣлѣ, что ваша матушка, господинъ Бурдовскій, потому единственно пользовалась расположеніемъ и заботливостью о ней Павлищева, что была родною сестрой той дворовой дѣвушки, въ которую Николай Андреевичъ Павлищевъ былъ влюбленъ въ самой первой своей молодости, но до того, что непремѣнно-бы женился на ней, если-бъ она не умерла скоропостижно. Я имѣю доказательства, что этотъ семейный фактъ, совершенно точный и вѣрный, весьма малоизвѣстенъ, даже совсѣмъ забытъ. Далѣе я-бы могъ объяснить, какъ ваша матушка еще десятилѣтнимъ ребенкомъ была взята господиномъ Павлищевымъ на воспитаніе вмѣсто родственницы, что ей отложено было значительное приданое, и что всѣ эти заботы породили презвычайно тревожные слухи между многочисленною родней Павлищева, думали даже, что онъ женится на своей воспитанницѣ, но кончилось тѣмъ, что она вышла по склонности (и это я точнѣйшимъ образомъ могъ-бы доказать) за мелкаго чиновника, господина Бурдовскаго, на двадцатомъ году своего возраста. Тутъ у меня собрано нѣсколько точнѣйшихъ фактовъ, для доказательства, какъ отецъ вашъ, господинъ Бурдовскій, совершенно не дѣловой человѣкъ, получивъ пятнадцать тысячъ въ приданое за вашей матушкой, бросилъ службу, вступилъ въ коммерческія предпріятія, былъ обманутъ, потерялъ капиталъ, не выдержалъ горя, сталъ пить, отчего заболѣлъ и наконецъ преждевременно умеръ, на восьмомъ году послѣ брака съ вашею матушкой. Затѣмъ, по собственному свидѣтельству матушки вашей, она осталась въ нищетѣ и совсѣмъ погибла-бы безъ постоянной и великодушной помощи Павлищева, выдававшаго ей до шести сотъ рублей въ годъ вспомоществія. Затѣмъ есть безчисленныя свидѣтельства, что васъ, ребенка, онъ по-

любилъ чрезвычайно. По этимъ свидѣтельствамъ и опять-таки по подтвержденію матушки вашей выходитъ, что полюбилъ онъ васъ потому преимущественно, что вы имѣли въ дѣтствѣ видъ косноязычнаго, вида калѣки, вида жалкаго, несчастнаго ребенка (а у Павлищева, какъ я вывелъ по точнымъ доказательствамъ, была всю жизнь какая-то особая нѣжная склонность ко всему угнетенному и природой обиженному, особенно въ дѣтяхъ, — фактъ, по моему убѣжденію, чрезвычайно важный для нашего дѣла). Наконецъ, я могу похвалиться точнѣйшими изысканіями о томъ главномъ фактѣ, какъ эта чрезвычайная привязанность къ вамъ Павлищева (стараніями котораго вы поступили въ гимназію и учились подъ особымъ надзоромъ) породила, наконецъ, мало-по-малу, между родственниками и домашними Павлищева мысль, что вы сынъ его, и что вашъ отецъ былъ только обманутый мужъ. Но главное въ томъ, что мысль эта укрѣпилась до точнаго и всеобщаго убѣжденія только въ послѣдніе годы жизни Павлищева, когда всѣ испугались за завѣщаніе, и когда первоначальные факты были забыты, а справки невозможны. Безъ сомнѣнія, мысль эта дошла и до васъ, господинъ Бурдовскій, и завладѣла вами вполнѣ. Ваша матушка, съ которою я имѣлъ честь познакомиться лично, хоть и знала про всѣ эти слухи, но даже и до сихъ поръ не знаетъ (я тоже скрылъ отъ нея), что и вы, ея сынъ, находились подъ обаяніемъ этого слуха. Многоуважаемую матушку вашу, господинъ Бурдовскій, я засталъ въ Псковѣ въ болѣзняхъ и въ самой крайней бѣдности, въ которую впала она по смерти Павлищева. Она со слезами благодарности сообщила мнѣ, что только чрезъ васъ и чрезъ помощь вашу и живетъ на свѣтѣ: она много ожидаетъ отъ васъ въ будущемъ и горячо вѣритъ въ будущіе ваши успѣхи...

— Это, наконецъ, невыносимо! громко и нетерпѣливо заявилъ вдругъ племянникъ Лебедева.—Къ чему весь этотъ романъ?

— Омерзительно непристойно! сильно поневелился Ипполитъ. Но Бурдовскій ничего не замѣтилъ и даже не шевельнулся.

— Къ чему? Зачѣмъ? лукаво удивился Гаврила Ардаліоновичъ, ядовито готовясь изложить свое заключеніе.—Да во первыхъ, господинъ Бурдовскій теперь можетъ быть вполнѣ убѣжденъ, что господинъ Павлищевъ любилъ его изъ великодушія, а не какъ сына. Ужъ одинъ этотъ фактъ необходимо было узнать господину Бурдовскому, подтвердившему и одобрившему господина Келлера давеча, послѣ чтенія статьи. Говорю такъ потому, что считаю васъ за благороднаго человѣка, господинъ Бурдовскій. Во вторыхъ, оказывается, что тутъ вовсе не было ни малѣйшаго воровства-мошенничества даже со стороны Чебарова; это важный пунктъ даже и для меня, потому

что князь давеча, разгорячившись, упомянулъ, будто и я того-же мнѣнія о воровствѣ-мошенничествѣ въ этомъ несчастномъ дѣлѣ. Тутъ, напротивъ, было полное убѣжденіе со всѣхъ сторонъ, и хоть Чебаровъ, можетъ быть, и дѣйствительно больной мошенникъ, но въ этомъ дѣлѣ онъ высказывается не болѣе какъ крючокъ, подъячій, промышленникъ. Онъ надѣялся нажить большія деньги какъ адвокатъ, и разсчетъ его былъ не только тонкій и мастерской, но вѣрнѣйшій: онъ основывался на легкости, съ которою князь дастъ деньги, и на благодарно-почтительномъ чувствѣ его къ покойному Павлищеву; онъ основывался, наконецъ (что важнѣе всего), на извѣстныхъ рыцарскихъ взглядахъ князя на счетъ обязанностей чести и совѣсти. Что-же касается собственно господина Бурдовскаго, то можно даже сказать, что онъ, благодаря нѣкоторымъ убѣжденіямъ своимъ, до того былъ настроенъ Чебаровымъ и окружающею его компаніей, что началъ дѣло почти совсѣмъ и не изъ интересу, а почти какъ служеніе истинѣ, прогрессу и человѣчеству. Теперь, послѣ сообщенныхъ фактовъ, всѣмъ, стало быть и ясно, что господинъ Бурдовскій человѣкъ чистый, не смотря на всѣ видимости, и князь теперь скорѣе и охотнѣе давешняго можетъ предложить ему и свое дружеское содѣйствіе, и ту дѣятельную помощь, о которой онъ упоминалъ давеча, говоря о школахъ и о Павлищевѣ.

— Остановитесь, Гаврила Ардаліоновичъ, остановитесь! крикнулъ князь въ настоящемъ испугѣ, но было уже поздно.

— Я сказалъ, я уже три раза говорилъ, раздражительно крикнулъ Бурдовскій, — что не хочу денегъ. Я не приму... зачѣмъ... не хочу... вонъ!..

И онъ чуть не побѣжалъ съ террасы. Но племянникъ Лебедева схватилъ его за руку и что-то шепнулъ ему. Тотъ быстро воротился, и, вынувъ изъ кармана незапечатанный письменный конвертъ большаго формата, бросилъ его на столикъ, стоявшій подлѣ князя.

— Вотъ деньги!.. Вы не смѣли!.. не смѣли!.. Деньги!..

— Двѣсти пятьдесятъ рублей, которые вы осмѣлились прислать ему въ видѣ подаянія чрезъ Чебарова, пояснилъ Докторенко.

— Въ статьѣ сказано пятьдесятъ! крикнулъ Коля.

— Я виноватъ! сказалъ князь, подходя къ Бурдовскому: — я очень виноватъ передъ вами, Бурдовскій, но я не какъ подаяніе послалъ, повѣрьте. Я и теперь виноватъ... я давеча виноватъ. (Князь былъ очень разстроенъ, имѣлъ видъ усталый и слабый, и слова его были несвязны). Я сказалъ о мошенничествѣ... но это не про васъ, я ошибся. Я сказалъ, что вы... такой-же какъ я — больной. Но вы не такой-же какъ я, вы... даете уроки, вы мать содержите. Я сказалъ, что вы ославили вашу мать, но вы ее любите; она сама

говоритъ.... я не зналъ... Гаврила Ардаліоновичъ мнѣ давеча не договорилъ... я виноватъ. Я осмѣлился вамъ предложить десять тысячъ, но я виноватъ, я долженъ былъ сдѣлать это не такъ, а теперь... нельзя, потому что вы меня презираете...

— Да это сумасшедшій домъ! вскричала Лизавета Прокофьевна.

— Конечно, домъ сумасшедшихъ! не вытерпѣла и рѣзко проговорила Аглая, но слова ея пропали въ общемъ шумѣ; всѣ уже громко говорили, всѣ разсуждали, кто споритъ, кто смѣялся. Иванъ Ѳедоровичъ Епанчинъ былъ въ послѣдней степени негодованія и, съ видомъ оскорбленнаго достоинства, поджидалъ Лизавету Прокофьевну. Племянникъ Лебедева вверпулъ послѣднее словечко.

— Да, князь, вамъ надо отдать справедливость, вы таки умѣете пользоваться вашею... ну, болѣзнію (чтобы выразиться приличнѣе): вы въ такой ловкой формѣ съумѣли предложить вашу дружбу и деньги, что теперь благородному человѣку принять ихъ ни въ какомъ случаѣ невозможно. Это ужъ или слишкомъ невинно, или ужъ слишкомъ ловко... вамъ, впрочемъ, извѣстнѣе.

— Позвольте, господа, вскричалъ Гаврила Ардаліоновичъ, развернувшій между тѣмъ пакетъ съ деньгами, —тутъ вовсе не двѣсти пятьдесятъ рублей, а всего только сто. Я для того, князь, чтобы не вышло какого недоумѣнія.

— Оставьте, оставьте, замахалъ руками князь Гаврилѣ Ардаліоновичу.

— Нѣтъ, не оставьте-! прицѣпился сейчасъ-же племянникъ Лебедева.—Намъ оскорбительно ваше оставьте , князь. Мы не прячемся, мы заявляемъ открыто; да, тутъ только сто рублей, а не всѣ двѣсти пятьдесятъ, но развѣ это не все равно...

— Н-нѣтъ, не все равно, съ видомъ наивнаго недоумѣнія успѣлъ вернуть Гаврила Ардаліоновичъ.

— Не перебивайте меня: мы не такіе дураки какъ вы думаете, господинъ адвокатъ, съ злобною досадой воскликнулъ племянникъ Лебедева, —разумѣется, сто рублей не двѣсти пятьдесятъ рублей, и не все равно, но важенъ принципъ; тутъ инициатива важна, а что не достаетъ ста пятидесяти рублей, это только частность. Важно то, что Бурдовскій не принимаетъ вашего подаянія, ваше сіятельство, что онъ бросаетъ его вамъ въ лицо, а въ этомъ смыслѣ все равно, что сто, что двѣсти пятьдесятъ. Бурдовскій не принялъ десяти тысячъ: вы видѣли: не принесъ-бы и ста рублей, если-бы былъ безчестенъ! Эти сто пятьдесятъ рублей пошли въ расходъ Чебарову на его поѣздку къ князю. Смѣйтесь скорѣе надъ нашею неловкостію, надъ нашимъ неумѣньемъ вести дѣла: вы и безъ того насъ всѣми силами постарались сдѣлать смѣшными; но не смѣйте

говорить, что мы безчестны. Эти сто пятьдесятъ рублей, милостивый государь, мы всѣ вмѣстѣ внесемъ князю; мы хоть по рублю будемъ возвращать и возвратимъ съ процентами. Бурдовскій бѣденъ, у Бурдовскаго нѣтъ милліоновъ, а Чебаровъ послѣ поѣздки представилъ счетъ. Мы надѣялись выиграть... Кто-бы на его мѣстѣ поступилъ иначе?

— Какъ кто? воскликнулъ князь Щ.

— Я тутъ съ ума сойду! крикнула Лизавета Прокофьевна.

— Это напоминаетъ, засмѣялся Евгеній Павловичъ, долго стоявшій и наблюдавшій,— недавнюю знаменитую защиту адвоката, который, выставляя какъ извиненіе бѣдность своего кліента, убившаго разомъ шесть человѣкъ, чтобъ ограбить ихъ, вдругъ заключилъ въ этомъ родѣ: „естественно, говоритъ, что моему кліенту по бѣдности пришло въ голову совершить это убійство шести человѣкъ, да и кому-же на его мѣстѣ не пришло-бы это въ голову? Въ этомъ родѣ что-то, только очень забавное.

— Довольно! провозгласила вдругъ, чуть не дрожа отъ гнѣва, Лизавета Прокофьевна: —пора прервать эту галиматью!..

Она была въ ужасномъ возбужденіи: она грозно закинула голову и съ надменнымъ, горячимъ и нетерпѣливымъ вызовомъ обвела своимъ сверкающимъ взглядомъ всю компанію, врядъ-ли различая въ эту минуту друзей отъ враговъ. Это была та точка долго сдерживаемаго, но разразившагося, наконецъ, гнѣва, когда главнымъ побужденіемъ становится немедленный бой, немедленная потребность на кого нибудь поскорѣе накинуться. Знавшіе Лизавету Прокофьевну тотчасъ почувствовали, что съ нею совершилось что-то особенное. Иванъ Ѳедоровичъ говорилъ на другой-же день князю Щ., что съ ней это бываетъ, но въ такой степени какъ вчера даже и съ нею рѣдко бываетъ, такъ года въ три по одному разу, но ужь никакъ не чаще! Никакъ не чаще! прибавилъ онъ вразумительно.

— Довольно, Иванъ Ѳедоровичъ! Оставьте меня! воскликала Лизавета Прокофьевна: — чего вы мнѣ вашу руку теперь подставляете? Не умѣли давеча вывести: вы мужъ, вы глава семейства; вы должны были меня, дуру, за ухо вывести, если-бы я васъ не послушалась и не вышла. Хоть для дочерей-то позаботились-бы! А теперь безъ васъ дорогу найдемъ, на цѣлый годъ стыда хватитъ... Подождите, я еще князя хочу отблагодарить!.. Спасибо, князь, за угощеніе! А я-то разсѣлась молодежь послушать... Это низость, низость! Это хаосъ, безобразіе, этого во снѣ не увидишь! Да неужто ихъ много такихъ?.. Молчи, Аглая! Молчи, Александра! Не ваше дѣло!.. Не вертитесь подлѣ меня, Евгеній Павлычъ, надоѣли вы мнѣ!.. Такъ ты, миленькій, у нихъ-же и прощенія просишь,

подхватила она. опять обращаясь къ князю:—«виноватъ, дескать, что осмѣлился вамъ капиталъ предложить... а ты чего, фанфаронишка, изволишь смѣяться! накинулась она вдругъ на племянника Лебедева,—«мы, дескать, отъ капитала отказываемся, мы требуемъ, а не просимъ!» А точно того и не знаетъ, что этотъ идіотъ завтра-же къ нимъ опять потащится свою дружбу и капиталы имъ предлагать! Вѣдь пойдешь? Пойдешь или нѣтъ?

— Пойду,—тихимъ и смиреннымъ голосомъ проговорилъ князь.

— Слышали! Такъ вѣдь на это-то ты и разсчитываешь,—обернулась она опять къ Докторенкѣ,—вѣдь ужь деньги теперь у тебя все равно что въ карманѣ лежатъ, вотъ ты и фанфаронишь, чтобы намъ пыли задать... Нѣтъ, голубчикъ, другихъ дураковъ найди, а я васъ насквозь вижу... всю игру вашу вижу!

— Лизавета Прокофьевна! воскликнулъ князь.

— Пойдемте отсюда, Лизавета Прокофьевна, слишкомъ пора, да и князя съ собой уведемъ,—какъ можно спокойнѣе и улыбаясь, проговорилъ князь Щ. Дѣвицы стояли въ сторонѣ, почти испуганныя, генералъ былъ положительно испуганъ; всѣ вообще были въ удивленіи. Нѣкоторые, подальше стоявшіе, украдкой усмѣхались и перешептывались; лицо Лебедева изображало послѣднюю степень восторга.

— Безобразіе и хаосъ вездѣ, сударыня, найдешь,—проговорилъ, значительно впрочемъ озадаченный, племянникъ Лебедева.

— Да не такіе! Не такіе, батюшка, какъ теперь у васъ, не такіе! съ злорадствомъ, какъ-бы въ истерикѣ, подхватила Лизавета Прокофьевна.—Да оставите-ли вы меня,—закричала она на уговаривавшихъ ее;—нѣтъ, коли вы ужь даже сами, Евгеній Павлычъ, заявили сейчасъ, что даже самъ защитникъ на судѣ объявлялъ, что ничего нѣтъ естественнѣе какъ по бѣдности шесть человѣкъ укокошить, такъ ужь и впрямь послѣднія времена пришли. Этого я еще и не слыхивала. Теперь мнѣ все объяснилось! Да этотъ косноязычный, развѣ онъ не зарѣжетъ (она указала на Бурдовскаго, смотрѣвшаго на нее съ чрезвычайнымъ недоумѣніемъ)? Да побьюсь объ закладъ, что зарѣжетъ! Онъ денегъ твоихъ, десяти тысячъ, пожалуй, не возьметъ, пожалуй, и по совѣсти не возьметъ, а ночью придетъ и зарѣжетъ, да и вынетъ ихъ изъ шкатулки. По совѣсти вынетъ! Это у него не безчестно! Это «благороднаго отчаянія порывъ», это «отрицаніе», или тамъ чортъ знаетъ что... Тьфу! все на выворотъ, всѣ кверху ногами пошли. Дѣвушка въ домѣ ростетъ, вдругъ среди улицы прыгъ на дрожки: «маменька, я на двухъ за такого-то Карлыча или Иваныча замужъ вышла, прощайте! Такъ это и хорошо такъ по вашему поступать? Уваженія достойно, естественно? Женскій во-

просъ? Этотъ вотъ мальчишка (она указала на Колю), и тотъ ужъ намедни спорилъ, что это-то и значитъ «женскій вопросъ». Да пусть мать дура была, да ты все-таки будь съ ней человѣкъ!.. Чего вы давеча задравши головы-то вошли? Не смѣйте подступаться: мы идемъ. Намъ всѣ права подавай, а ты и запнуться предъ нами не смѣй. Намъ всѣ почтенія отдавай, какихъ и не бываетъ-то даже, а тебя мы хуже чѣмъ послѣдняго лакея третировать будемъ! Истины ищутъ, на правѣ стоятъ, а сами какъ басурмане его въ статьѣ расклеветали. «Требуемъ, а не просимъ, и никакой благодарности отъ насъ не услышите, потому что вы для удовлетворенія своей собственной совѣсти дѣлаете!» Экая мораль: да вѣдь коли отъ тебя никакой благодарности не будетъ, такъ вѣдь и князь можетъ сказать тебѣ въ отвѣтъ, что онъ къ Павлищеву не чувствуетъ никакой благодарности, потому что и Павлищевъ дѣлалъ добро для удовлетворенія собственной совѣсти. А вѣдь ты только на эту благодарность его къ Павлищеву и разсчитывалъ: вѣдь не у тебя-же онъ взаймы деньги бралъ, не тебѣ онъ долженъ, на что-же ты разсчитывалъ какъ не на благодарность? Какъ-же самъ-то отъ нея отказываешься? Сумасшедшіе! Дикимъ и безчеловѣчнымъ общество признаютъ, за то что оно позоритъ обольщенную дѣвушку. Да вѣдь коли безчеловѣчнымъ общество признаешь, стало быть признаешь, что этой дѣвушкѣ отъ этого общества больно. А коли больно, такъ какъ-же ты самъ-то ее въ газетахъ передъ этимъ-же обществомъ выводишь и требуешь, чтобъ это ей было не больно? Сумасшедшіе! Тщеславные! Въ Бога не вѣруютъ, въ Христа не вѣруютъ! Да вѣдь васъ до того тщеславіе и гордость проѣли, что кончится тѣмъ, что вы другъ друга переѣдите, это я вамъ предсказываю. И не сумбуръ это, и не хаосъ, и не безобразіе это? И послѣ этого этотъ срамникъ еще прощенія у нихъ-же лѣзетъ просить! Да много-ли васъ такихъ? Чего усмѣхаетесь: что я себя осрамила съ вами? Да вѣдь ужъ осрамила, ужъ нечего больше дѣлать!.. А ты у меня не усмѣхайся, начкунъ! (накинулась она вдругъ на Ипполита): самъ еле дышетъ, а другихъ развращаетъ. Ты у меня этого мальчишку развратилъ (она опять указала на Колю); онъ про тебя только и бредитъ, ты его атеизму учишь, ты въ Бога не вѣруешь, а тебя еще высѣчь можно, милостивый государь, да тьфу съ вами!.. Такъ пойдешь, князь Левъ Николаевичъ, къ нимъ завтра, пойдешь? спросила она опять князя, почти задыхаясь.

— Пойду.

— Знать-же тебя не хочу послѣ этого! — Она было быстро повернулась уходить, но вдругъ опять воротилась. — И къ этому атеисту пойдешь? указала она на Ипполита. — Да чего ты на меня

усмѣхаешься, — какъ-то неестественно вскрикнула она и бросилась вдругъ къ Ипполиту, не вынеся его ѣдкой усмѣшки.

— Лизавета Прокофьевна! Лизавета Прокофьевна! Лизавета Прокофьевна! послышалось разомъ со всѣхъ сторонъ.

— Маман, это стыдно! громко вскричала Аглая.

— Не безпокойтесь, Аглая Ивановна, спокойно отвѣчалъ Ипполитъ, котораго подскочившая къ нему Лизавета Прокофьевна схватила и неизвѣстно зачѣмъ крѣпко держала за руку; она стояла предъ нимъ и какъ-бы впилась въ него своимъ обѣденнымъ взглядомъ: — не безпокойтесь, ваша маман разглядитъ, что нельзя бросаться на умирающаго человѣка... я готовъ разъяснить почему я смѣялся... очень буду радъ позволенію...

Тутъ онъ вдругъ ужасно закашлялся и цѣлую минуту не могъ унять кашель.

— Вѣдь ужъ умрастъ, а все ораторствуетъ! воскликнула Лизавета Прокофьевна, выпустивъ его руку и чуть не съ ужасомъ смотря какъ онъ вытиралъ кровь съ своихъ губъ, — да куда тебѣ говорить! Тебѣ просто идти ложиться надо...

— Такъ и будетъ, — тихо, хрипло и чуть не шепотомъ отвѣтилъ Ипполитъ,—я какъ ворочусь сегодня, тотчасъ и лягу... чрезъ двѣ недѣли я, какъ мнѣ извѣстно, умру... Мнѣ на прошлой недѣлѣ самъ Б—нъ объявилъ... Такъ если позволите, я-бы вамъ на прощаньи два слова сказалъ.

— Да ты съ ума сошелъ, что-ли? Вздоръ! Лѣчиться надо, какой теперь разговоръ! Стунай, стунай, ложись!.. испуганно крикнула Лизавета Прокофьевна.

— Лягу, такъ вѣдь и не встану до самой смерти, улыбнулся Ипполитъ, — я и вчера уже хотѣлъ было такъ лечь, чтобъ ужъ и не вставать, до смерти, да рѣшилъ отложить до послѣ завтра, пока еще ноги носятъ... чтобы вотъ съ ними сегодня сюда пріѣдти... только усталъ ужъ очень...

— Да садись, садись, чего стоишь! Вотъ тебѣ стулъ, вскинулась Лизавета Прокофьевна и сама подставила ему стулъ.

— Благодарю васъ, тихо продолжалъ Ипполитъ, — а вы садитесь напротивъ, вотъ и поговоримъ... мы непремѣнно поговоримъ, Лизавета Прокофьевна, теперь ужъ я на этомъ стою... улыбнулся онъ ей опять. — Подумайте, что сегодня я въ послѣдній разъ и на воздухѣ, и съ людьми, а чрезъ двѣ недѣли навѣрно въ землѣ. Значитъ, это въ родѣ прощанія будетъ и съ людьми, и съ природой. Я хоть и не очень чувствителенъ, а, представьте себѣ, очень радъ, что это все здѣсь въ Павловскѣ приключилось: все-таки хоть на дерево въ листьяхъ посмотрю.

— Да какой теперь разговоръ, все больше и больше пугалась Лизавета Прокофьевна, — ты весь въ лихорадкѣ. Давеча визжалъ да вопилъ, а теперь чуть духъ переводишь, задохся!

— Сейчасъ отдохну. Зачѣмъ вы хотите отказать мнѣ въ послѣднемъ желаніи?.. А знаете-ли, я давно уже мечталъ съ вами какъ нибудь сойтись, Лизавета Прокофьевна: я о васъ много слышалъ... отъ Коли; онъ вѣдь почти одинъ меня и не оставляетъ... Вы оригинальная женщина, эксцентрическая женщина, я и самъ теперь видѣлъ... знаете-ли, что я васъ даже немножко любилъ.

— Господи, а я было, право, чуть его не ударила.

— Васъ удержала Аглая Ивановна: вѣдь я не ошибаюсь? Это вѣдь ваша дочь Аглая Ивановна? Она такъ хороша, что я давеча съ перваго взгляда угадалъ ее, хоть и никогда не видалъ. Дайте мнѣ хоть на красавицу-то въ послѣдній разъ въ жизни посмотрѣть, какою-то неловкою, кривою улыбкой улыбнулся Ипполитъ, — вотъ и князь тутъ, и супругъ вашъ, и вся компанія. Отчего вы мнѣ отказываете въ послѣднемъ желаніи?

— Стулъ! крикнула Лизавета Прокофьевна, но схватила сама и сѣла напротивъ Ипполита. — Коля, приказала она, — отправившись съ нимъ немедленно, проводи его, а завтра я непремѣнно сама...

— Если вы позволите, то я попросилъ-бы у князя чашку чаю... Я очень усталъ. Знаете что, Лизавета Прокофьевна, вы хотѣли, кажется, князя къ себѣ вести чай пить: останьтесь-ка здѣсь, проведемте время вмѣстѣ, а князь навѣрно намъ всѣмъ чаю дастъ. Простите, что я такъ распоряжаюсь... Но вѣдь я знаю васъ, вы добрая, князь тоже... мы всѣ до комизма предобрые люди...

Князь вспомнился. Лебедевъ бросился со всѣхъ ногъ изъ комнаты, за нимъ побѣжала Вѣра.

— И правда, рѣзко рѣшила генеральша, — говори, только потише и не увлекайся. Разжалобилъ ты меня... Князь! Ты не стоилъ-бы, чтобъ я у тебя чай пила, да ужъ такъ и быть остаюсь, хотя ни у кого не прошу прощенья! Ни у кого! Вздоръ!.. Впрочемъ, если я тебя разбранила, князь, то прости, — если, впрочемъ, хочешь. Я, впрочемъ, никого не задерживаю, обратилась она вдругъ съ видомъ необыкновеннаго гнѣва къ мужу и дочерямъ, какъ будто они-то и были въ чемъ-то ужасно предъ ней виноваты, — я и одна домой съумѣю дойдти...

Но ей не дали договорить. Всѣ подошли и окружили ее съ готовностью. Князь тотчасъ-же сталъ всѣхъ упрашивать остаться пить чай и извинялся, что до сихъ поръ не догадался объ этомъ. Даже генералъ былъ такъ любезенъ, что пробормоталъ что-то успокоительное и любезно спросилъ Лизавету Прокофьевну: не свѣжо-

ли ей однако-же на террасѣ? Онъ даже чуть было не спросилъ Ипполита: давно-ли онъ въ университетѣ? , но не спросилъ. Евгеній Павловичъ и князь Щ. стали вдругъ чрезвычайно любезными и веселыми, на лицахъ Аделаиды и Александры выражалось, сквозь продолжавшееся удивленіе, даже удовольствіе, однимъ словомъ, всѣ были видимо рады, что миновалъ кризисъ съ Лизаветой Прокофьевной. Одна Аглая была нахмурена и молча сѣла поодаль. Осталось и все остальное общество; никто не хотѣлъ уходить, даже генералъ Иволгинъ, которому Лебедевъ, впрочемъ, что-то шепнулъ мимоходомъ, вѣроятно, не совсѣмъ пріятное, потому что генералъ тотчасъ-же стушевался куда-то въ уголъ. Князь подходилъ съ приглашеніемъ и къ Бурдовскому съ компаніей, не обходя никого. Они пробормотали, съ натянутымъ видомъ, что подождутъ Ипполита, и тотчасъ-же удалились въ самый дальній уголъ террасы, гдѣ и усѣлись опять всѣ рядомъ. Вѣроятно, чай уже былъ давно приготовленъ у Лебедева для себя, потому что тотчасъ-же и явился. Пробило одиннадцать часовъ.

X.

Ипполитъ помочилъ свои губы въ чашкѣ чаю, поданной ему Вѣрой Лебедевой, поставилъ чашку на столикъ и вдругъ, точно сконфузился, почти въ смущеніи осмотрѣлся кругомъ.

— Посмотрите, Лизавета Прокофьевна, эти чашки, какъ-то странно затерялся онъ:—эти фарфоровыя чашки и, кажется, превосходнаго фарфора, стоятъ у Лебедева всегда въ шифоньеркѣ подъ стекломъ, запертыя, никогда не подаются... какъ водится, это въ приданое за женой его было... у нихъ такъ водится... и вотъ онъ ихъ намъ подалъ, въ честь васъ, разумѣется, до того обрадовался...

Онъ хотѣлъ было еще что-то прибавить, но не нашелся.

— Сконфузился таки, я такъ и ждалъ! шепнулъ вдругъ Евгеній Павловичъ на ухо князю: —это вѣдь опасно, а? Вѣрнѣйшій признакъ, что теперь, со зла, такую какую нибудь эксцентричность выкинетъ, что и Лизавета Прокофьевна, пожалуй, не усидитъ.

Князь вопросительно посмотрѣлъ на него.

— Вы эксцентричности не боитесь? прибавилъ Евгеній Павловичъ.—Вѣдь и я тоже, даже желаю: мнѣ собственно только чтобы наша милая Лизавета Прокофьевна была наказана, и непремѣнно

сегодня-же; безъ того и уходить не хочу. У васъ, кажется, лихорадка.

— Послѣ, не мѣшайте. Да, я нездоровъ, разсѣянно и даже истерическивo отвѣтилъ князь. Онъ услышалъ свое имя, Ипполитъ говорилъ про него.

— Вы не вѣрите? истерически смѣялся Ипполитъ: — такъ и должно быть, а князь такъ съ перваго разу повѣритъ и нисколько не удивится.

— Слышишь, князь? обернулась къ нему Лизавета Прокофьевна:—слышишь?

Кругомъ смѣялись. Лебедевъ суетливо выставлялся впередъ и вертѣлся предъ самою Лизаветой Прокофьевной.

— Онъ говоритъ, что этотъ вотъ кривляка, твой-то хозяинъ... тому господину статью поправлялъ, вотъ что давеча на твой счетъ прочитали.

Князь съ удивленіемъ посмотрѣлъ на Лебедева.

— Что-жь ты молчишь? даже топнула ногой Лизавета Прокофьевна.

— Что-же, пробормоталъ князь, продолжая разсматривать Лебедева,—я ужь вижу, что онъ поправлялъ.

— Правда? быстро обернулась Лизавета Прокофьевна къ Лебедеву.

— Истинная правда, ваше превосходительство! твердо и непоколебимо отвѣтилъ Лебедевъ, приложивъ руку къ сердцу.

— Точно хвалится! чуть не привскочила она на стулѣ.

— Низокъ, низокъ! забормоталъ Лебедевъ, начиная ударять себя въ грудь и все ниже и ниже наклоняя голову.

— Да что мнѣ въ томъ, что ты низокъ! Онъ думаетъ, что скажетъ: низокъ, такъ и вывернется. И не стыдно тебѣ, князь, съ такими людишками водиться, еще разъ говорю? Никогда не прощу тебѣ!

— Меня проститъ князь! съ убѣжденіемъ и умиленіемъ проговорилъ Лебедевъ.

— Единственно изъ благородства, громко и звонко заговорилъ вдругъ подскочившій Келлеръ, обращаясь прямо къ Лизаветѣ Прокофьевнѣ, — единственно изъ благородства, сударыня, и чтобы не выдать скомпрометтированнаго пріятеля, я давеча утаилъ о поправкахъ, не смотря на то, что онъ-же насъ съ лѣстницы спустить предлагалъ, какъ сами изволили слышать. Для возстановленія истины признаюсь, что я дѣйствительно обратился къ нему, за шесть цѣлковыхъ, но отнюдь не для слога, а собственно для узнанія фактовъ, мнѣ большею частью неизвѣстныхъ, какъ къ компетентному

лицу. На счетъ штиблетовъ, на счетъ аппетита у швейцарскаго профессора, на счетъ пятидесяти рублей вмѣсто двухсотъ пятидесяти, однимъ словомъ, вся эта группировка, все это принадлежитъ ему, за шесть цѣлковыхъ, но слогъ не поправляли.

— Я долженъ замѣтить, съ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ и какимъ-то ползучимъ голосомъ перебилъ его Лебедевъ, при распространявшемся все болѣе и болѣе смѣхѣ,—что я поправлялъ одну только первую половину статьи, но такъ какъ въ срединѣ мы не сошлись и за одну мысль поссорились, то я вторую половину ужь и не поправлялъ-съ, такъ что все что̀ тамъ безграмотно (а тамъ безграмотно!), такъ ужь это мнѣ не приписывать-съ...

— Вотъ онъ о чемъ хлопочетъ! вскричала Лизавета Прокофьевна.

— Позвольте спросить, обратился Евгеній Павловичъ къ Келлеру,—когда поправляли статью?

— Вчера утромъ, отрапортовалъ Келлеръ,—мы имѣли свиданіе, съ обѣщаніемъ честнаго слова сохранить секретъ съ обѣихъ сторонъ.

— Это когда онъ ползалъ-то передъ тобой и увѣрялъ тебя въ преданности! Ну, людишки! Не надо мнѣ твоего Пушкина, и чтобы дочь твоя ко мнѣ не являлась!

Лизавета Прокофьевна хотѣла было встать, но вдругъ раздражительно обратилась къ смѣющемуся Ипполиту:

— Что-жь ты, милый, на смѣхъ что-ли вздумалъ меня здѣсь выставлять!

— Сохрани Господи, криво улыбался Ипполитъ,—но меня больше всего поражаетъ чрезвычайная эксцентричность ваша, Лизавета Прокофьевна: я, признаюсь, нарочно подвелъ про Лебедева, я зналъ какъ на васъ подѣйствуетъ, на васъ одну, потому что князь дѣйствительно проститъ и ужь навѣрно простилъ... даже, можетъ, извиненіе въ умѣ подыскалъ, вѣдь такъ, князь, не правда-ли?

Онъ задыхался, странное волненіе его возростало съ каждымъ словомъ.

— Ну?.. гнѣвно проговорила Лизавета Прокофьевна, удивляясь его тону:—ну?

— Про васъ я уже много слышалъ, въ этомъ-же родѣ... съ большою радостію... чрезвычайно научился васъ уважать, продолжалъ Ипполитъ.

Онъ говорилъ одно, но такъ, какъ будто-бы этими самыми словами хотѣлъ сказать совсѣмъ другое. Говорилъ съ оттѣнкомъ насмѣшки и въ тоже время волновался несоразмѣрно, мнительно оглядывался, видимо путался и терялся на каждомъ словѣ, такъ что все это, вмѣстѣ съ его чахоточнымъ видомъ и съ страннымъ, свер-

кающимъ, и какъ будто изступленнымъ взглядомъ. невольно продолжало привлекать къ нему вниманіе.

— Я-бы удивился, совѣмъ. впрочемъ, не зная свѣта (я сознаюсь въ этомъ). тому, что вы не только сами остались въ обществѣ давешней нашей компаніи, для васъ неприличной, но и оставили этихъ... дѣвицъ, выслушивать дѣло скандальное, хотя онѣ уже все прочли въ романахъ. Я, можетъ быть, впрочемъ, не знаю... потому что сбиваюсь, но во всякомъ случаѣ кто кромѣ васъ могъ остаться... по просьбѣ мальчика (ну да, мальчика. я опять сознаюсь) провести съ нимъ вечеръ и принять... во всемъ участіе и... съ тѣмъ... что на другой день стыдно... (я. впрочемъ, согласенъ, что не такъ выражаюсь). я все это чрезвычайно хвалю и глубоко уважаю, хотя уже по лицу одному его превосходительства, вашего супруга. видно какъ все это для него непріятно... Хи-хи! захихикалъ онъ. совѣмъ спутавшись, и вдругъ такъ заикнулся, что минуты двѣ не могъ продолжать.

— Даже задохся! холодно и рѣзко произнесла Лизавета Прокофьевна, съ строгимъ любопытствомъ разсматривая его:—ну, милый мальчикъ, довольно съ тобою. Пора!

— Позвольте-же и мнѣ. милостивый государь. съ своей стороны вамъ замѣтить, раздражительно вдругъ заговорилъ Иванъ Ѳедоровичъ, потерявшій послѣднее терпѣніе,—что жена моя здѣсь у князя Льва Николаевича, нашего общаго друга и сосѣда, и что во всякомъ случаѣ не вамъ, молодой человѣкъ, судить о поступкахъ Лизаветы Прокофьевны, равно какъ выражаться вслухъ и въ глаза о томъ, что̀ написано на моемъ лицѣ. Да-съ. И если жена моя здѣсь осталась, продолжалъ онъ, раздражаясь почти съ каждымъ словомъ все болѣе и болѣе, —то скорѣе, сударь, отъ удивленія и отъ понятнаго всѣмъ современнаго любопытства посмотрѣть странныхъ молодыхъ людей. Я и самъ остался, какъ останавливаюсь иногда на улицѣ, когда вижу что нибудь, на что̀ можно взглянуть, какъ... какъ... какъ...

— Какъ на рѣдкость, подсказалъ Евгеній Павловичъ.

— Превосходно и вѣрно. обрадовался его превосходительство, немного запутавшійся въ сравненіи,—именно какъ на рѣдкость. Но во всякомъ случаѣ мнѣ всего удивительнѣе и даже огорчительнѣе, если только можно такъ выразиться грамматически, что вы, молодой человѣкъ, и того даже не умѣли понять, что Лизавета Прокофьевна теперь осталась съ вами, потому что вы больны,—если вы только въ самомъ дѣлѣ умираете,—такъ сказать изъ состраданія, изъ-за вашихъ жалкихъ словъ, сударь, и что никакая грязь ни въ какомъ случаѣ не можетъ пристать къ ея имени, качествамъ

и значенію... Лизавета Прокофьевна! заключилъ раскраснѣвшійся генералъ: — если хочешь идти, то простимся съ нашимъ добрымъ княземъ и...

— Благодарю васъ за урокъ, генералъ, серіозно и неожиданно прервалъ Ипполитъ, задумчиво смотря на него.

— Пойдемте, папаш, долго-ли еще будетъ!.. нетерпѣливо и гнѣвно прервала Аглая, вставая со стула.

— Еще двѣ минуты, милый Иванъ Ѳедоровичъ, если позволишь, съ достоинствомъ обернулась къ своему супругу Лизавета Прокофьевна, — мнѣ кажется, онъ весь въ лихорадкѣ и просто бредитъ: я въ этомъ убѣждена по его глазамъ: его такъ оставить нельзя. Левъ Николаевичъ! Могъ-бы онъ у тебя ночевать, чтобъ его въ Петербургъ не тащить сегодня? Cher prince, вы нескучаете? съ чего-то обратилась она вдругъ къ князю Щ.—Поди сюда, Александра, поправь себѣ волосы, другъ мой.

Она поправила ей волосы, которые нечего было поправлять, и поцѣловала ее; затѣмъ только и звала.

— Я васъ считалъ способною къ развитію... опять заговорилъ Ипполитъ, выходя изъ своей задумчивости. — Да! Вотъ что я хотѣлъ сказать, обрадовался онъ какъ-бы вдругъ вспомнивъ:—вотъ Бурдовскій искренно хочетъ защитить свою мать, не правда-ли? А выходитъ, что онъ-же ее срамитъ. Вотъ князь хочетъ помочь Бурдовскому, отъ чистаго сердца предлагаетъ ему свою нѣжную дружбу и капиталъ, и, можетъ быть, одинъ изъ всѣхъ васъ не чувствуетъ къ нему отвращенія, и вотъ они-то и стоятъ другъ предъ другомъ какъ настоящіе враги... Ха-ха-ха! Вы ненавидите всѣ Бурдовскаго за то, что онъ, по вашему, некрасиво и неизящно относится къ своей матери, вѣдь такъ? Такъ? Такъ? Вѣдь вы ужасно всѣ любите красивость и изящество формъ, за нихъ только и стоите, не правда-ли? (Я давно подозрѣвалъ, что только за нихъ!) Ну, такъ знайте-же, что ни одинъ изъ васъ, можетъ, не любилъ такъ свою мать, какъ Бурдовскій! Вы, князь, я знаю, послали потихоньку денегъ, съ Гаечкой, матери Бурдовскаго, и вотъ объ закладъ-же побьюсь, (хи-хи-хи! истерически хохоталъ онъ), объ закладъ побьюсь, что Бурдовскій-же и обвинитъ васъ теперь въ деликатности формъ и въ неуваженіи къ его матери, ей-Богу такъ, ха-ха-ха!

Тутъ онъ опять задохся и закашлялся.

— Ну, все? Все теперь, все сказалъ? Ну, и иди теперь спать, у тебя лихорадка, нетерпѣливо перебила Лизавета Прокофьевна, не сводившая съ него своего безпокойнаго взгляда.—Ахъ, Господи! Да онъ и еще говоритъ!

— Вы, кажется, смѣетесь? Что вы все надо мной смѣетесь? Я замѣтилъ, что вы все надо мной смѣетесь? безпокойно и раздражительно обратился онъ вдругъ къ Евгенію Павловичу: тотъ дѣйствительно смѣялся.

— Я только хотѣлъ спросить васъ, господинъ... Ипполитъ... извините, я забылъ вашу фамилію.

— Господинъ Терентьевъ, сказалъ князь.

— Да, Терентьевъ, благодарю васъ, князь. давеча говорили, но у меня вылетѣло... я хотѣлъ васъ спросить, господинъ Терентьевъ, правду-ли я слышалъ, что вы того мнѣнія, что стоитъ вамъ только четверть часа въ окошко съ народомъ поговорить, и онъ тотчасъ-же съ вами во всемъ согласится и тотчасъ-же за вами пойдетъ?

— Очень можетъ быть, что говорилъ... отвѣтилъ Ипполитъ, какъ-бы что-то припоминая:—непремѣнно говорилъ! прибавилъ онъ вдругъ, опять оживляясь и твердо посмотрѣвъ на Евгенія Павловича:—что-жь изъ этого?

— Ничего ровно; я только къ свѣдѣнію. чтобы дополнить.

Евгеній Павловичъ замолчалъ, но Ипполитъ все еще смотрѣлъ на него въ нетерпѣливомъ ожиданіи.

— Ну, что-жь, кончилъ что-ли? обратилась къ Евгенію Павловичу Лизавета Прокофьевна;—кончай скорѣй, батюшка, ему спать пора. Или не умѣешь? (Она была въ ужасной досадѣ).

— Я, пожалуй, и очень не прочь прибавить, улыбаясь продолжалъ Евгеній Павловичъ,—что все, что̀ я выслушалъ отъ вашихъ товарищей, господинъ Терентьевъ, и все, что̀ вы изложили сейчасъ, и съ такимъ несомнѣннымъ талантомъ, сводится, по моему мнѣнію, къ теоріи восторжествованія права, прежде всего и мимо всего, и даже съ исключеніемъ всего прочаго, и даже, можетъ быть, прежде изслѣдованія въ чемъ и право-то состоитъ? Можетъ быть, я ошибаюсь?

— Конечно ошибаетесь, я даже васъ не понимаю... дальше?

Въ умѣ тоже раздался ропотъ. Племянникъ Лебедева что-то пробормоталъ вполголоса.

— Да почти ничего дальше, продолжалъ Евгеній Павловичъ,—я только хотѣлъ замѣтить, что отъ этого дѣло можетъ прямо перескочить на право силы, то есть на право единичнаго кулака и личнаго захотѣнія, какъ, впрочемъ, и очень часто кончалось на свѣтѣ. Остановился-же Прудонъ на правѣ силы. Въ американскую войну многіе самые передовые либералы объявили себя въ пользу плантаторовъ, въ томъ смыслѣ. что негры суть негры, ниже бѣлаго племени, а, стало быть, право силы за бѣлыми...

— Ну?

— То есть, стало быть, вы не отрицаете права силы?

— Дальше?

— Вы таки консеквентны; я хотѣлъ только замѣтить, что отъ права силы до права тигровъ и крокодиловъ и даже до Данилова и Горскаго недалеко.

— Не знаю; дальше?

Ипполитъ едва слушалъ Евгенія Павловича, которому если и говорилъ *ну* и *дальше*, то, казалось, больше по старой усвоенной привычкѣ въ разговорахъ, а не отъ вниманія и любопытства.

— Да ничего дальше... все.

— Я, впрочемъ, на васъ не сержусь, совершенно неожиданно заключилъ вдругъ Ипполитъ и, едва-ли вполнѣ сознавая, протянулъ руку, даже съ улыбкой. Евгеній Павловичъ удивился сначала, но съ самымъ серіознымъ видомъ прикоснулся къ протянутой ему рукѣ, точно какъ-бы принимая прощеніе.

— Не могу не прибавить, сказалъ онъ тѣмъ-же двусмысленно почтительнымъ тономъ, — моей вамъ благодарности за вниманіе, съ которымъ вы меня допустили говорить, потому что, по моимъ многочисленнымъ наблюденіямъ, никогда нашъ либералъ не въ состояніи позволитъ имѣть кому нибудь свое особое убѣжденіе и не отвѣтитъ тотчасъ-же своему оппоненту ругательствомъ, или даже чѣмъ нибудь хуже...

— Это вы совершенно вѣрно, замѣтилъ генералъ Иванъ Ѳедоровичъ, и, заложивъ руки за спину, съ скучнѣйшимъ видомъ отретировался къ выходу съ террасы, гдѣ съ досады и зѣвнулъ.

— Ну, довольно съ тебя, батюшка, вдругъ объявила Евгенію Павловичу Лизавета Прокофьевна, — надоѣли вы мнѣ...

— Пора, озабоченно и чуть не съ испугомъ поднялся вдругъ Ипполитъ, въ замѣшательствѣ смотря кругомъ; — я васъ задержалъ: я хотѣлъ вамъ все сказать... я думалъ, что всѣ... въ послѣдній разъ... это была фантазія...

Видно было, что онъ оживлялся порывами, изъ настоящаго почти бреда выходилъ вдругъ, на нѣсколько мгновеній, съ полнымъ сознаніемъ вдругъ припоминалъ и говорилъ, большею частью отрывками, давно уже, можетъ быть, надуманными и заученными, въ долгіе, скучные часы болѣзни, на кровати, въ уединеніи, въ безсонницу.

— Ну, прощайте! рѣзко проговорилъ онъ вдругъ. — Вы думаете, мнѣ легко сказать вамъ: прощайте? Ха-ха! досадливо усмѣхнулся онъ самъ на свой *неловкій* вопросъ и вдругъ, точно разозлясь, что ему все не удается сказать что хочется, громко и раздражительно

проговорилъ: — Ваше превосходительство! Имѣю честь просить васъ ко мнѣ на погребеніе, если только удостоите такой чести и... всѣхъ, господа, вслѣдъ за генераломъ!..

Онъ опять засмѣялся: но это былъ уже смѣхъ безумнаго. Лизавета Прокофьевна испуганно двинулась къ нему и схватила его за руку. Онъ смотрѣлъ на нее пристально, съ тѣмъ-же смѣхомъ, но который уже не продолжался, а какъ-бы остановился и застылъ на его лицѣ.

— Знаете-ли, что я пріѣхалъ сюда для того, чтобы видѣть деревья? Вотъ эти... (онъ указалъ на деревья парка) это не смѣшно, а? Вѣдь тутъ ничего нѣтъ смѣшнаго? серіозно спросилъ онъ Лизавету Прокофьевну и вдругъ задумался: потомъ, чрезъ мгновеніе, поднялъ голову и любопытно сталъ искать глазами въ толпѣ. Онъ искалъ Евгенія Павловича, который стоялъ очень недалеко, направо, на томъ-же самомъ мѣстѣ какъ и прежде, — но онъ уже забылъ и искалъ кругомъ: — А, вы не ушли! нашелъ онъ его наконецъ: — вы давеча все смѣялись, что я въ окно хотѣлъ говорить четверть часа... А знаете, что мнѣ не восемнадцать лѣтъ: я столько пролежалъ на этой подушкѣ, и столько просмотрѣлъ въ это окно, и столько продумалъ... обо всѣхъ... что... У мертваго лѣтъ не бываетъ, вы знаете. Я еще на прошлой недѣлѣ это подумалъ, когда ночью проснулся... А знаете чего вы боитесь больше всего? Вы искренности нашей боитесь больше всего, хоть и презираете насъ! Я это тоже, тогда-же, на подушкѣ подумалъ ночью... Вы думаете, что я надъ вами смѣяться хотѣлъ давеча, Лизавета Прокофьевна? Нѣтъ, я не смѣялся надъ вами, я только похвалить хотѣлъ... Коля говорилъ, что васъ князь ребенкомъ назвалъ... это хорошо... Да, что̀ бишь я... еще что-то хотѣлъ...

Онъ закрылъ руками лицо и задумался.

— Вотъ что̀: когда вы давеча прощались, я вдругъ подумалъ: вотъ эти люди, и никогда уже ихъ больше не будетъ, и никогда! И деревья тоже, — одна кирпичная стѣна будетъ, красная, Мейерова дома... напротивъ въ окно у меня... ну, и скажи имъ про все это... попробуй-ка, скажи: вотъ красавица... вѣдь ты мертвый, отрекомендуйся мертвецомъ, скажи, что «мертвому можно все говорить... и что княгиня Марья Алексѣевна не забранитъ, ха-ха!.. Вы не смѣетесь? обвелъ онъ всѣхъ кругомъ недовѣрчиво. — А знаете, на подушкѣ мнѣ много мыслей приходило... знаете, я увѣрился, что природа очень насмѣшлива... Вы давеча сказали, что я атеистъ, а знаете, что эта природа... Зачѣмъ вы опять смѣетесь? Вы ужасно жестокіе! съ грустнымъ негодованіемъ произнесъ онъ вдругъ, оглядывая всѣхъ: — я не развращалъ Колю, закончилъ онъ совершенно

другимъ тономъ, серіознымъ и убѣжденнымъ, какъ-бы вдругъ тоже вспомнивъ.

— Никто, никто надъ тобой здѣсь не смѣется, успокойся! почти мучилась Лизавета Прокофьевна: — завтра докторъ новый пріѣдетъ; тотъ ошибся; да сядь, на ногахъ не стоишь! Бредишь... Ахъ, что теперь съ нимъ дѣлать! хлопотала она, усаживая его въ кресла. Слезинка блеснула на ея щекѣ.

Ипполитъ остановился почти пораженный, поднялъ руку, боязливо протянулъ ее и дотронулся до этой слезинки. Онъ улыбнулся какою-то дѣтскою улыбкой.

— Я... васъ... заговорилъ онъ радостно,—вы не знаете какъ я васъ... мнѣ онъ въ такомъ восторгѣ всегда о васъ говорилъ, вотъ онъ, Коля... я восторгъ его люблю. Я его не развращалъ! Я только его и оставляю... я всѣхъ хотѣлъ оставить, всѣхъ, — но ихъ не было никого, никого не было... Я хотѣлъ быть дѣятелемъ, я имѣлъ право... О, какъ я много хотѣлъ! Я ничего теперь не хочу, ничего не хочу хотѣть, я далъ себѣ такое слово, чтобъ уже ничего не хотѣть: пусть, пусть безъ меня ищутъ истины! Да, природа насмѣшлива! Зачѣмъ она, подхватилъ онъ вдругъ съ жаромъ, — зачѣмъ она создаетъ самыя лучшія существа съ тѣмъ, чтобы потомъ насмѣяться надъ ними? Сдѣлала-же она такъ, что единственное существо, которое признали на землѣ совершенствомъ... сдѣлала-же она такъ, что, показавъ его людямъ, ему-же и предназначила сказать то, изъ-за чего пролилось столько крови, что если-бъ пролилась она вся разомъ, то люди-бы захлебнулись навѣрно! О, хорошо, что я умираю! Я-бы тоже, пожалуй, сказалъ какую нибудь ужасную ложь, природа-бы такъ подвела!.. Я не развращалъ никого... Я хотѣлъ жить для счастья всѣхъ людей, для открытія и для возвѣщенія истины... Я смотрѣлъ въ окно на Мейерову стѣну и думалъ только четверть часа говорить и всѣхъ, всѣхъ убѣдить, а разъ-то въ жизни сошелся... съ вами, если не съ людьми! и что-же вотъ вышло? Ничего! Вышло, что вы меня презираете! Стало быть, не нуженъ, стало быть, дуракъ. стало быть пора! И никакого-то воспоминанія не съумѣлъ оставить! Ни звука, ни слѣда, ни одного дѣла, не распространилъ ни одного убѣжденія!.. Не смѣйтесь надъ глупцомъ! Забудьте! Забудьте все... забудьте пожалуйста, не будьте такъ жестоки! Знаете-ли вы, что если-бы не подвернулась эта чахотка, я-бы самъ убилъ себя...

Онъ, кажется, еще много хотѣлъ сказать, но не договорилъ, бросился въ кресла, закрылъ лицо руками и заплакалъ какъ маленькое дитя.

— Ну, теперь что съ нимъ прикажете дѣлать? воскликнула

Лизавета Прокофьевна, подскочила къ нему, схватила его голову и крѣпко на крѣпко прижала къ своей груди. Онъ рыдалъ конвульсивно.—Ну-ну-ну! Ну, не плачь-же, ну, довольно, ты добрый мальчикъ, тебя Богъ проститъ, но невѣжеству твоему; ну, довольно, будь мужественъ... Къ тому-же и стыдно тебѣ будетъ...

— У меня тамъ, говорилъ Ипполитъ, силясь приподнять свою голову,—у меня братъ и сестры, дѣти, маленькія, бѣдныя, невинныя... *Она* развратитъ ихъ! Вы—святая, вы... сами ребенокъ,—спасите ихъ! Вырвите ихъ отъ этой... она... стыдъ... О, помогите имъ, помогите, вамъ Богъ воздастъ за это сторицею, ради Бога, ради Христа!..

— Говорите-же наконецъ, Иванъ Ѳедоровичъ, что̀ теперь дѣлать! раздражительно крикнула Лизавета Прокофьевна: — сдѣлайте одолженіе, прервите ваше величавое молчаніе! Если вы не рѣшите, то было-бы вамъ извѣстно, что я здѣсь сама ночевать остаюсь; довольно вы меня подъ вашимъ самовластьемъ тиранили!

Лизавета Прокофьевна спрашивала съ энтузіазмомъ и съ гнѣвомъ и ожидала немедленнаго отвѣта. Но въ подобныхъ случаяхъ большею частію присутствующіе, если ихъ даже и много, отвѣчаютъ молчаніемъ, пассивнымъ любопытствомъ, не желая ничего на себя принимать, и выражаютъ свои мысли уже долго спустя. Въ числѣ присутствующихъ здѣсь были и такіе, которые готовы были просидѣть тутъ хоть до утра, не вымолвивъ ни слова, напримѣръ, Варвара Ардаліоновна, сидѣвшая весь вечеръ поодаль, молчавшая и все время слушавшая съ необыкновеннымъ любопытствомъ, имѣвшая, можетъ быть, на то и свои причины.

— Мое мнѣніе, другъ мой, высказался генералъ, — что тутъ нужна теперь, такъ сказать, скорѣе сидѣлка чѣмъ наше волненіе, и, пожалуй, благонадежный, трезвый человѣкъ на ночь. Во всякомъ случаѣ спросить князя и... немедленно дать покой. А завтра можно и опять принять участіе.

— Сейчасъ двѣнадцать часовъ, мы ѣдемъ. Ѣдетъ онъ съ нами или остается у васъ? раздражительно и сердито обратился Докторенко къ князю.

— Если хотите—останьтесь и вы при немъ,сказалъ князь,—мѣсто будетъ.

— Ваше превосходительство, неожиданно и восторженно подскочилъ къ генералу господинъ Келлеръ,—если требуется удовлетворительный человѣкъ на ночь, я готовъ жертвовать для друга... это такая душа! Я давно уже считаю его великимъ, ваше превосходительство. Я, конечно, моимъ образованіемъ маскировалъ, но если онъ критикуетъ, то вѣдь это перлы, перлы сыплются, ваше превосходительство!..

Генералъ съ отчаяніемъ отвернулся.

— Я очень радъ, если онъ останется, конечно. ему трудно ѣхать. объявлялъ князь на раздражительные вопросы Лизаветы Прокофьевны.

— Да ты спишь что-ли? Если не хочешь, батюшка. такъ вѣдь я его къ себѣ переведу! Господи. да онъ и самъ чуть на ногахъ стоитъ! Да ты боленъ что-ли?

Давеча Лизавета Прокофьевна. не найдя князя на смертномъ одрѣ, дѣйствительно сильно преувеличила удовлетворительность состоянія его здоровья, судя по наружному виду, по недавняя болѣзнь, тяжелыя воспоминанія ее сопровождавшія, усталость отъ хлопотливаго вечера, случай съ сыномъ Павлищева . теперешній случай съ Ипполитомъ. — все это раздражило больную впечатлительность князя, дѣйствительно. почти до лихорадочнаго состоянія. Но кромѣ того. въ глазахъ его теперь была еще и какая-то другая забота, даже боязнь: онъ опасливо глядѣлъ на Ипполита, какъ-бы ожидая отъ него еще чего-то.

Вдругъ Ипполитъ поднялся, ужасно блѣдный и съ видомъ страшнаго, доходившаго до отчаянія стыда на искаженномъ своемъ лицѣ. Это выражалось преимущественно въ его взглядѣ, ненавистно и боязливо глянувшемъ на собраніе и въ потерянной, искривленной и ползучей усмѣшкѣ на вздрагивавшихъ губахъ. Глаза онъ тотчасъ-же опустилъ и побрелъ, попатываясь и все такъ-же улыбаясь, къ Бурдовскому и Докторенку, которые стояли у выхода съ террасы: онъ уѣзжалъ съ ними.

— Ну, вотъ этого я и боялся! воскликнулъ князь. — Такъ и должно было быть!

Ипполитъ быстро обернулся къ нему съ самою обѣденною злобой, и каждая черточка на лицѣ его, казалось, трепетала и говорила:

— А, вы этого и боялись! «Такъ и должно было быть», по вашему? Такъ знайте-же, что если я кого нибудь здѣсь ненавижу.— завопилъ онъ съ хрипомъ. съ визгомъ. съ брызгами изо рта — (я васъ всѣхъ, всѣхъ ненавижу!), но васъ, васъ. іезуитская, паточная душонка, идіотъ, милліонеръ-благодѣтель, васъ болѣе всѣхъ и всего на свѣтѣ! Я васъ давно понялъ и ненавидѣлъ, когда еще слышалъ о васъ, я васъ ненавидѣлъ всею ненавистью души... Это вы теперь все подвели! Это вы меня довели до припадка! Вы умирающаго довели до стыда, вы, вы, вы виноваты въ подломъ моемъ малодушіи! Я убилъ-бы васъ, если-бъ остался жить! Не надо мнѣ вашихъ благодѣяній, ни отъ кого не приму, слышите. ни отъ кого. ничего! Я въ бреду былъ, и вы не смѣете торжествовать!.. Проклинаю всѣхъ васъ разъ навсегда!

Тотъ онъ совсѣмъ ужь задохся.

— Слезъ своихъ застыдился! прошепталъ Лебедевъ Лизаветѣ Прокофьевнѣ:—«такъ и должно было быть!» Ай да князь! Насквозь прочиталъ...

Но Лизавета Прокофьевна не удостоила взглянуть на него. Она стояла гордо, выпрямившись, закинувъ голову и съ презрительнымъ любопытствомъ разсматривала «этихъ людишекъ». Когда Ипполитъ кончилъ, генералъ вскинулъ было плечами: она гнѣвно оглядѣла его съ ногъ до головы, какъ-бы спрашивая отчета въ его движеніи, и тотчасъ оборотилась къ князю.

— Спасибо вамъ, князь, эксцентрическій другъ нашего дома, за пріятный вечеръ, который вы намъ всѣмъ доставили. Небось, ваше сердце радуется теперь, что удалось вамъ и насъ прицѣпить къ вашимъ дурачествамъ... Довольно, милый другъ дома, спасибо, что хоть себя-то дали наконецъ разглядѣть хорошенько!..

Она съ негодованіемъ стала оправлять свою мантилью, выжидая, когда «тѣ» отправятся. Къ «тѣмъ» въ эту минуту подкатили извощичьи дрожки, за которыми еще четверть часа назадъ Докторенко распорядился послать сына Лебедева, гимназиста. Генералъ тотчасъ-же вслѣдъ за супругой ввернулъ и свое словцо:

— Дѣйствительно, князь, я даже не ожидалъ... послѣ всего, послѣ всѣхъ дружественныхъ сношеній... и наконецъ, Лизавета Прокофьевна...

— Ну какъ, ну какъ это можно! воскликнула Аделаида, быстро подошла къ князю и подала ему руку.

Князь съ потеряннымъ видомъ улыбнулся ей. Вдругъ горячій, скорый шепотъ какъ-бы ожегъ его ухо.

— Если вы не бросите сейчасъ-же этихъ мерзкихъ людей, то я всю жизнь, всю жизнь буду васъ одного ненавидѣть! прошептала Аглая; она была какъ-бы въ изступленіи, но она отвернулась, прежде чѣмъ князь успѣлъ на нее взглянуть. Впрочемъ, ему уже нечего и некого было бросать: больнаго Ипполита тѣмъ временемъ успѣли кое-какъ усадить на извощика, и дрожки отъѣхали.

— Что-жь, долго будетъ это продолжаться, Иванъ Ѳедоровичъ? Какъ по вашему? Долго я буду терпѣть отъ этихъ злобныхъ мальчишекъ?

— Да я, другъ мой... я, разумѣется, готовъ и... князь...

Иванъ Ѳедоровичъ протянулъ однако-же князю руку, но не успѣлъ пожать и побѣжалъ за Лизаветой Прокофьевной, которая съ шумомъ и гнѣвомъ сходила съ террасы. Аделаида, женихъ ея и Александра искренно и ласково простились съ княземъ. Евгеній Павловичъ былъ въ томъ-же числѣ, и одинъ онъ былъ веселъ.

— По моему сбылось! Только жаль, что и вы, бѣдненькій, тутъ пострадали, процепталъ онъ съ самою милою усмѣшкой.

Аглая ушла не простившись.

Но приключенія этого вечера тѣмъ еще не кончились; Лизаветѣ Прокофьевнѣ пришлось вынести еще одну весьма неожиданную встрѣчу.

Она не успѣла еще сойдти съ лѣстницы на дорогу (огибающую кругомъ паркъ), какъ вдругъ блестящій экипажъ, коляска, запряженная двумя бѣлыми конями, промчалась мимо дачи князя. Въ коляскѣ сидѣли двѣ великолѣпныя барыни. Но, проѣхавъ не болѣе десяти шаговъ мимо, коляска вдругъ остановилась; одна изъ дамъ быстро обернулась, точно внезапно усмотрѣвъ какого-то необходимаго ей знакомаго.

— Евгеній Павлычъ! Это ты? крикнулъ вдругъ звонкій, прекрасный голосъ, отъ котораго вздрогнулъ князь и, можетъ быть, еще кто нибудь: — ну, какъ я рада, что наконецъ розыскала! Я послала къ тебѣ въ городъ нарочнаго; двухъ! Цѣлый день тебя ищутъ!

Евгеній Павловичъ стоялъ на ступенькахъ лѣстницы какъ пораженный громомъ. Лизавета Прокофьевна тоже стала на мѣстѣ, но не въ ужасѣ и оцѣпенѣніи, какъ Евгеній Павловичъ: она посмотрѣла на дерзкую такъ-же гордо и съ такимъ-же холоднымъ презрѣніемъ, какъ пять минутъ назадъ на «людишекъ», и тотчасъ-же перевела свой пристальный взглядъ на Евгенія Павловича.

— Новость! продолжалъ звонкій голосъ: — за Купферовы векселя не бойся; Рогожинъ скупилъ за тридцать, я уговорила. Можешь быть спокоенъ хоть мѣсяца три еще. А съ Бискупомъ и со всею этою дрянью навѣрно сладимся, по знакомству! Ну, такъ вотъ, все, значитъ, благополучно. Будь веселъ. До завтра!

Коляска тронулась и быстро исчезла.

— Это помѣшанная! крикнулъ, наконецъ, Евгеній Павловичъ, покраснѣвъ отъ негодованія и въ недоумѣніи оглядываясь кругомъ:— я знать не знаю что̀ она говорила! Какіе векселя? Кто она такая?

Лизавета Прокофьевна продолжала глядѣть на него еще секунды двѣ: наконецъ быстро и круто направилась къ своей дачѣ, а за нею всѣ. Ровно черезъ минуту на террасу къ князю явился обратно Евгеній Павловичъ въ чрезвычайномъ волненіи.

— Князь, по правдѣ, вы не знаете что̀ это значитъ?

— Ничего не знаю, отвѣтилъ князь, бывшій и самъ въ чрезчайномъ и болѣзненномъ напряженіи.

— Нѣтъ?

— Нѣтъ.

— И я не знаю, засмѣялся вдругъ Евгеній Павловичъ. — Ей Богу, никакихъ сношеній по этимъ векселямъ не имѣлъ, ну, вѣрите честному слову!.. Да что съ вами, вы въ обморокъ падаете?

— О, нѣтъ, нѣтъ, увѣряю васъ, нѣтъ...

XI.

Только на третій день Епанчины вполнѣ умилостивились. Князь хоть и обвинялъ себя во многомъ, но обыкновенію, и искренно ожидалъ наказанія, но все-таки у него было сначала полное внутреннее убѣжденіе, что Лизавета Прокофьевна не могла на него разсердиться серіозно, а разсердилась больше на себя самое. Такимъ образомъ такой долгій срокъ вражды поставилъ его къ третьему дню въ самый мрачный тупикъ. Поставили и другія обстоятельства, но одно изъ нихъ преимущественно. Въ три дня оно разросталось прогрессивно въ мнительности князя (а князь съ недавняго времени винилъ себя въ двухъ крайностяхъ: въ необычной безсмысленной и назойливой своей довѣрчивости и въ тоже время въ мрачной, низкой мнительности). Однимъ словомъ, въ концѣ третьяго дня приключеніе съ эксцентрическою дамой, разговаривавшею изъ своей коляски съ Евгеніемъ Павловичемъ, приняло въ умѣ его устрашающіе и загадочные размѣры. Сущность загадки, кромѣ другихъ сторонъ дѣла, состояла для князя въ скорбномъ вопросѣ: онъ-ли именно виноватъ и въ этой новой «чудовищности», или только... Но онъ не договаривалъ кто еще. Что-же касается до буквъ Н. Ф. Б., то, на его взглядъ, тутъ была одна только невинная шалость, самая даже дѣтская шалость, такъ что и задумываться объ этомъ сколько нибудь было-бы совѣстно и даже въ одномъ отношеніи почти безчестно.

Впрочемъ, въ первый-же день послѣ безобразнаго вечера, въ безпорядкахъ котораго онъ былъ такою главною причиной, князь имѣлъ потру удовольствіе принимать у себя князя Щ. съ Аделаидой. Они зашли *singulier* съ тѣмъ, чтобъ узнать о его здоровьи, зашли съ прогулки, вдвоемъ. Аделаида замѣтила сейчасъ въ паркѣ одно дерево, чудесное старое дерево, развѣсистое съ длинными, искривленными сучьями, все въ молодой зелени, съ дупломъ и трещиной: она непремѣнно, непремѣнно попросила срисовать его! Такъ что почти объ этомъ только говорила цѣлые полчаса своего визита. Князь Щ. былъ любезенъ и милъ по обыкновенію, спрашивалъ князя о прежнемъ, припоминалъ обстоятельства ихъ перваго

знакомства, такъ что о вчерашнемъ почти ничего не было сказано. Наконецъ Аделаида не выдержала и, усмѣхнувшись, призналась, что они зашли incognito: но тѣмъ однако-же признанія и кончились, хотя изъ этого incognito уже можно было усмотрѣть, что родители, то есть, главное, Лизавета Прокофьевна, находятся въ какомъ-то особенномъ расположеніи. Но ни о ней, ни объ Аглаѣ, ни даже объ Иванѣ Ѳедоровичѣ Аделаида и князь Щ. не вымолвили въ свое посѣщеніе ни единаго слова. Уходя опять гулять, съ собою князя не приглашали. О томъ-же, чтобы звать къ себѣ и намека не было; на этотъ счетъ проскочило даже одно очень характерное словцо у Аделаиды: разсказывая объ одной своей акварельной работѣ, она вдругъ очень пожелала показать ее: «Какъ-бы это сдѣлать поскорѣе? Постойте! Я вамъ или съ Колей сегодня пришлю, если зайдетъ, или завтра сама опять, какъ гулять съ княземъ пойдемъ, занесу», заключила она, наконецъ, свое недоумѣніе, обрадовавшись, что такъ ловко и для всѣхъ удобно удалось ей разрѣшить эту задачу.

Наконецъ, уже почти простившись, князь Щ. точно вдругъ вспомнилъ:

— Ахъ да, спросилъ онъ, — не знаете-ли хоть вы, милый Левъ Николаевичъ, что̀ это была за особа, что̀ кричала вчера Евгенію Павловичу изъ коляски?

— Это была Настасья Филипповна, сказалъ князь, — развѣ вы еще не узнали, что это она? А съ нею не знаю кто былъ.

— Знаю, слышалъ! подхватилъ князь Щ. — Но что означалъ этотъ крикъ? Это такая, признаюсь, для меня загадка... для меня и для другихъ.

Князь Щ. говорилъ съ чрезвычайнымъ и видимымъ изумленіемъ.

— Она говорила о какихъ-то векселяхъ Евгенія Павловича, очень просто отвѣчалъ князь, — которые попались отъ какого-то ростовщика къ Рогожину, по ея просьбѣ, и что Рогожинъ подождетъ на Евгеніи Павлычѣ.

— Слышалъ, слышалъ, дорогой мой князь, да вѣдь этого быть не могло! Никакихъ векселей у Евгенія Павлыча тутъ и быть не могло! При такомъ состояніи... Правда, ему случалось по вѣтренности, прежде, и даже я его выручалъ... Но при такомъ состояніи давать векселя ростовщику и о нихъ безпокоиться — невозможно. И не можетъ онъ быть на *ты* и въ такихъ дружескихъ отношеніяхъ съ Настасьей Филипповной, — вотъ въ чемъ главная задача. Онъ клянется, что ничего не понимаетъ, и я ему вполнѣ вѣрю. Но дѣло въ томъ, милый князь, что я хотѣлъ спросить васъ, не знаете-ли вы-то чего? То есть, не дошелъ-ли хоть до васъ какимъ нибудь чудомъ слухъ?

— Нѣтъ, ничего не знаю, и увѣряю васъ, что я въ этомъ нисколько не участвовалъ.

— Ахъ, какой-же вы, князь, стали! Я васъ просто не узнаю сегодня. Развѣ я могъ предположить васъ въ такомъ дѣлѣ участникомъ?.. Ну, да вы сегодня разстроены.

Онъ обнялъ и поцѣловалъ его.

— То есть, въ какомъ-же такомъ дѣлѣ участникомъ? Я не вижу никакого «такого» дѣла.

— Безъ сомнѣнія, эта особа желала какъ нибудь и въ чемъ нибудь помѣшать Евгенію Павлычу, придавъ ему въ глазахъ свидѣтелей качества, которыхъ онъ не имѣетъ и не можетъ имѣть, отвѣтилъ князь Щ. довольно сухо

Князь Левъ Николаевичъ смутился, но однако-же пристально и вопросительно продолжалъ смотрѣть на князя: но тотъ замолчалъ.

— А не просто веселя? Не буквально-ли такъ какъ вчера? пробормоталъ наконецъ князь въ какомъ-то нетерпѣніи.

— Да говорю-же вамъ, судите сами, что̀ можетъ быть тутъ общаго между Евгеніемъ Павлычемъ и... ею и вдобавокъ съ Рогожинымъ? Повторяю вамъ, состояніе огромное, что̀ мнѣ совершенно извѣстно: другое состояніе, котораго онъ ждетъ отъ дяди. Просто, Настасья Филипповна...

Князь Щ. вдругъ опять замолчалъ, очевидно потому, что ему не хотѣлось продолжать князю о Настасьѣ Филипповнѣ.

— Стало быть, во всякомъ случаѣ, она ему знакома? спросилъ вдругъ князь Левъ Николаевичъ, помолчавъ съ минуту.

— Это-то, кажется, было: вѣтренникъ! Но, впрочемъ, если было, то ужь очень давно, еще прежде, то есть года два-три. Вѣдь онъ еще съ Тоцкимъ былъ знакомъ. Теперь-же быть ничего не могло въ этомъ родѣ, на *мы* они не могли быть никогда! Сами знаете, что и ея все здѣсь не было; нигдѣ не было. Многіе еще и не знаютъ, что она опять появилась. Экипажъ я замѣтилъ дня три, не больше.

— Великолѣпный экипажъ! сказала Аделаида.

— Да, экипажъ великолѣпный.

Оба удалились, впрочемъ, въ самомъ дружескомъ, въ самомъ братскомъ, можно сказать, расположеніи къ князю Льву Николаевичу.

А для нашего героя это посѣщеніе заключало въ себѣ нѣчто даже капитальное. Положимъ, онъ и самъ много подозрѣвалъ, съ самой вчерашней ночи (а можетъ, и раньше), но до самаго ихъ визита онъ не рѣшался оправдать свои опасенія вполнѣ. Теперь-же становилось ясно: князь Щ., конечно, толковалъ событіе ошибочно, но все-же бродилъ кругомъ истины, все-таки понялъ-же тутъ *интригу*.

(Впрочемъ, онъ, можетъ быть, и совершенно вѣрно про себя понимаетъ, — подумалъ князь, — а только не хочетъ высказаться и потому нарочно толкуетъ ошибочно). Яснѣе всего было то, что къ нему теперь заходили (и именно князь Щ.) въ надеждѣ какихъ нибудь разъясненій: если такъ, то его прямо считаютъ участникомъ въ интригѣ. Кромѣ того, если это все такъ и въ самомъ дѣлѣ важно, то, стало быть, у *ней* какая-то ужасная цѣль, какая-же цѣль? Ужасъ! Да и какъ *ее* остановишь? Остановить *ее* нѣтъ никакой возможности, когда она убѣждена въ своей цѣли! Это уже князь зналъ по опыту. Сумасшедшая! Сумасшедшая!

Но слишкомъ, слишкомъ много собралось въ это утро и другихъ неразрѣшимыхъ обстоятельствъ, и все къ одному времени, и все требовало разрѣшенія немедленно, такъ что князь былъ очень грустенъ. Его развлекла немного Вѣра Лебедева, которая пришла къ нему съ Любочкой, и, смѣясь, что-то долго разсказывала. За нею послѣдовала и сестра ея, раскрывавшая ротъ, за ними гимназистъ, сынъ Лебедева, который увѣрялъ, что «Звѣзда Полынь», въ Апокалипсисѣ, павшая на землю на источники водъ, есть, по толкованію его отца, сѣть желѣзныхъ дорогъ, раскинувшаяся по Европѣ. Князь не повѣрилъ, что Лебедевъ такъ толкуетъ, рѣшено было справиться у него самого при первомъ удобномъ случаѣ. Отъ Вѣры Лебедевой князь узналъ, что Келлеръ прикочевалъ къ нимъ еще со вчерашняго дня и, по всѣмъ признакамъ, долго отъ нихъ не отстанетъ, потому что нашелъ компанію и дружески сошелся съ генераломъ Иволгинымъ; впрочемъ, онъ объявилъ, что остается у нихъ единственно чтобъ укомплектовать свое образованіе. Вообще дѣти Лебедева все болѣе и болѣе съ каждымъ днемъ начинали князю нравиться. Коли цѣлый день не было: онъ спозаранку отправился въ Петербургъ. (Лебедевъ тоже уѣхалъ чѣмъ свѣтъ по какимъ-то своимъ дѣлишкамъ). Но князь ждалъ съ нетерпѣніемъ посѣщенія Гаврилы Ардаліоновича, который непремѣнно долженъ былъ сегодня-же зайдти къ нему.

Онъ пожаловалъ въ седьмомъ часу пополудни, тотчасъ послѣ обѣда. Съ перваго взгляда на него князю подумалось, что, по крайней мѣрѣ, этотъ господинъ долженъ знать всю подноготную безошибочно,—да и какъ не знать, имѣя такихъ помощниковъ какъ Варвара Ардаліоновна и супругъ ея? Но съ Ганей у князя были отношенія все какія-то особенныя. Князь, напримѣръ, довѣрилъ ему вести дѣло Бурдовскаго и особенно просилъ его объ этомъ: но не смотря на эту довѣренность и на кое-что бывшее прежде, между обоими постоянно оставались нѣкоторые пункты, о которыхъ какъ-бы рѣшено было взаимно ничего не говорить. Князю казалось иногда,

что Ганя, можетъ быть, и желалъ съ своей стороны самой полной и дружеской искренности: теперь, напримѣръ, чуть только онъ вошелъ, князю тотчасъ-же показалось, что Ганя въ высшей степени убѣжденъ, что въ эту самую минуту настала пора разбить между ними ледъ на всѣхъ пунктахъ. (Гаврила Ардаліоновичъ однако-же торопился: его ждала у Лебедева сестра; оба они сѣѣхали по какому-то дѣлу).

Но если Ганя и въ самомъ дѣлѣ ждалъ цѣлаго ряда нетерпѣливыхъ вопросовъ, невольныхъ сообщеній, дружескихъ излiяній, то онъ, конечно, очень ошибся. Во всѣ двадцать минутъ его посѣщенія князь былъ даже очень задумчивъ, почти разсѣянъ. Ожидаемыхъ вопросовъ или, лучше сказать, одного главнаго вопроса, котораго ждалъ Ганя, быть не могло. Тогда и Ганя рѣшился говорить съ большою выдержкой. Онъ не умолкая разсказывалъ всѣ двадцать минутъ, смѣялся, велъ самую легкую, милую и быструю болтовню, но до главнаго не коснулся.

Ганя разсказалъ между прочимъ, что Настасья Филипповна всего только дня четыре здѣсь въ Павловскѣ и уже обращаетъ на себя общее вниманіе. Живетъ она гдѣ-то въ какой-то Матросской улицѣ, въ небольшомъ, неуклюжемъ домикѣ, у Дарьи Алексѣевны, а экипажъ ея чуть не первый въ Павловскѣ. Вокругъ нея уже собралась цѣлая толпа старыхъ и молодыхъ искателей: коляску сопровождаютъ иногда верховые. Настасья Филипповна, какъ и прежде, очень разборчива, допускаетъ къ себѣ по выбору. А все-таки около нея цѣлая команда образовалась, есть кому стать за нее въ случаѣ нужды. Одинъ формальный женихъ, изъ дачниковъ, уже поссорился изъ за нея съ своею невѣстой: одинъ старичокъ-генералъ почти проклялъ своего сына. Она часто беретъ съ собой кататься одну прелестную дѣвочку, только что шестнадцати лѣтъ, дальнюю родственницу Дарьи Алексѣевны; эта дѣвочка хорошо поетъ,—такъ что по вечерамъ ихъ домикъ обращаетъ на себя вниманіе. Настасья Филипповна, впрочемъ, держитъ себя чрезвычайно порядочно, одѣвается не пышно, но съ необыкновеннымъ вкусомъ, и всѣ дамы ея «вкусу, красотѣ и экипажу завидуютъ».

— Вчерашній эксцентрическій случай, промолвился Ганя, конечно, предумышленный, и, конечно, не долженъ идти въ счетъ. Чтобы придраться къ ней въ чемъ нибудь надо подыскаться нарочно или оклеветать, что, впрочемъ, не замедлитъ, заключилъ Ганя, ожидавшій, что князь непремѣнно тутъ спроситъ: почему онъ называетъ вчерашній случай случаемъ предумышленнымъ? И почему не замедлитъ?» Но князь не спросилъ этого.

На счетъ Евгенія Павловича Ганя распространился опять-таки

самъ, безъ особыхъ разспросовъ. что было очень странно, потому что онъ ввернулъ его въ разговоръ безо всякаго повода. По мнѣнію Гаврилы Ардаліоновича, Евгеній Павловичъ не зналъ Настасьи Филипповны, онъ ее и теперь тоже чуть-чуть только знаетъ и именно потому, что дня четыре назадъ былъ ей кѣмъ-то представленъ на прогулкѣ, и врядъ-ли былъ хоть разъ у нея въ домѣ, вмѣстѣ съ прочими. На счетъ векселей тоже быть могло (это Ганя знаетъ даже навѣрно): у Евгенія Павловича состояніе, конечно, большое, но нѣкоторыя дѣла по имѣнію дѣйствительно находятся въ нѣкоторомъ безпорядкѣ. На этой любопытной матеріи Ганя вдругъ оборвалъ. На счетъ вчерашней выходки Настасьи Филипповны онъ не сказалъ ни единаго слова, кромѣ сказаннаго вскользь выше. Наконецъ, за Ганей зашла Варвара Ардаліоновна, пробыла минутку, объявила (тоже непрошенная), что Евгеній Павловичъ сегодня, а, можетъ, и завтра, пробудетъ въ Петербургѣ, что и мужъ ея (Иванъ Петровичъ Птицынъ) тоже въ Петербургѣ и чуть-ли тоже не по дѣламъ Евгенія Павловича, что тамъ дѣйствительно что-то вышло. Уходя, она прибавила, что Лизавета Прокофьевна сегодня въ адскомъ расположеніи духа, но что всего страннѣе, что Аглая перессорилась со всѣмъ семействомъ, не только съ отцомъ и матерью, но даже съ обѣими сестрами, и что это совсѣмъ не хорошо. Сообщивъ какъ-бы вскользь это послѣднее (для князя чрезвычайно многозначительное) извѣстіе, братецъ и сестрица удалились. О дѣлѣ съ «сыномъ Павлищева» Ганечка тоже не упомянулъ ни слова, можетъ быть, отъ ложной скромности, можетъ быть, щадя чувства князя, но князь все-таки еще разъ поблагодарилъ его за старательное окончаніе дѣла.

Князь очень былъ радъ, что его оставили наконецъ одного; онъ сошелъ съ террасы, перешелъ чрезъ дорогу и вошелъ въ паркъ: ему хотѣлось обдумать и разрѣшить одинъ шагъ. Но этотъ шагъ былъ не изъ тѣхъ, которые обдумываются, а изъ тѣхъ, которые именно не обдумываются, а на которые просто рѣшаются: ему ужасно вдругъ захотѣлось оставить все это здѣсь, а самому уѣхать назадъ откуда пріѣхалъ, куда нибудь подальше, въ глушь, уѣхать сейчасъ-же и даже ни съ кѣмъ не простившись. Онъ предчувствовалъ, что если только останется здѣсь хоть еще на нѣсколько дней, то непремѣнно втянется въ этотъ міръ безвозвратно, и этотъ-же міръ и выпадетъ ему впредь на долю. Но онъ не разсуждалъ и десяти минутъ и тотчасъ рѣшилъ, что бѣжать невозможно, что это будетъ почти малодушіе, что предъ нимъ стоятъ такія задачи, что не разрѣшить ихъ или по крайней мѣрѣ не употребить всѣхъ силъ къ разрѣшенію ихъ онъ не имѣетъ теперь никакого даже и права.

Въ такихъ мысляхъ воротился онъ домой и врядъ-ли и четверть часа гулялъ. Онъ былъ вполнѣ несчастенъ въ эту минуту.

Лебедева все еще не было дома, такъ что подъ вечеръ къ князю успѣлъ ворваться Келлеръ, не хмѣльной, но съ изліяніями и признаніями. Онъ прямо объявилъ, что пришелъ разсказать князю всю жизнь и что для того и остался въ Павловскѣ. Выгнать его не было ни малѣйшей возможности: не понесъ-бы ни за что. Келлеръ приготовился было говорить очень долго и очень несладко, но вдругъ почти съ первыхъ словъ перескочилъ къ заключенію и объявилъ, что онъ до того было потерялъ всякій призракъ нравственности (единственно отъ безвѣрія во Всевышняго), что даже воровалъ. — «Можете себѣ это представить!»

— Послушайте, Келлеръ, я-бы на вашемъ мѣстѣ лучше не признавался въ этомъ безъ особой нужды, началъ было князь, — а впрочемъ, вѣдь вы, можетъ быть, нарочно на себя наговариваете?

— Вамъ, единственно вамъ одному, и единственно для того, чтобы помочь своему развитію! Больше никому; умру и подъ саваномъ унесу мою тайну! Но, князь, если-бы вы знали, если-бы вы только знали какъ трудно въ нашъ вѣкъ достать денегъ! Гдѣ-же ихъ взять, позвольте васъ спросить послѣ этого? Одинъ отвѣтъ: «пей золото и орильянты, подъ нихъ и дадимъ», то есть именно то, чего у меня нѣтъ, можете вы себѣ это представить? Я наконецъ разсердился, постоялъ, постоялъ. «А подъ изумруды, говорю, дадите?» — И подъ изумруды, говоритъ, дамъ. — Ну и отлично», говорю, надѣлъ шляпу и вышелъ: чортъ съ вами, подлецы вы этакіе! Ей Богу!

— А у васъ развѣ были изумруды?

— Какіе у меня изумруды! О, князь, какъ вы еще свѣтло и невинно, даже, можно сказать, пастушески смотрите на жизнь!

Князю стало, наконецъ, не то, чтобы жалко, а такъ какъ-бы совѣстно. У него даже мелькнула мысль: «Нельзя-ли что нибудь сдѣлать изъ этого человѣка чьимъ нибудь хорошимъ вліяніемъ?» Собственное свое вліяніе онъ считалъ по нѣкоторымъ причинамъ весьма негоднымъ,—не изъ самоумаленія, а по нѣкоторому особому взгляду на вещи. Мало по малу они разговорились, и до того, что и разойдтись не хотѣлось. Келлеръ съ необыкновенною готовностью признавался въ такихъ дѣлахъ, что возможности не было представить себѣ, какъ это можно про такія дѣла разсказывать. Приступая къ каждому разсказу, онъ увѣрялъ положительно, что кается и внутренно «полонъ слезъ», а между тѣмъ разсказывалъ такъ, какъ будто гордился поступкомъ, и въ тоже время до того иногда смѣшно, что онъ и князь хохотали, наконецъ, какъ сумасшедшіе.

— Главное то, что въ васъ какая-то дѣтская довѣрчивость и необычайная правдивость, сказалъ, наконецъ, князь: знаете-ли, что ужъ этимъ однимъ вы очень выкупаете?

— Благороденъ, благороденъ, рыцарски благороденъ! подтвердилъ въ умиленіи Келлеръ:—но знаете, князь, все только въ мечтахъ и, такъ сказать, въ куражѣ, на дѣлѣ-же никогда не выходитъ! А почему такъ? И понять не могу.

— Не отчанвайтесь. Теперь утвердительно можно сказать, что вы мнѣ всю подноготную вашу представили; по крайней мѣрѣ, мнѣ кажется, что къ тому, что̀ вы разсказали, теперь больше вѣдь ужъ ничего прибавить нельзя, вѣдь такъ?

— Нельзя?! съ какимъ-то сожалѣніемъ воскликнулъ Келлеръ:— о, князь, до такой степени вы еще, такъ сказать, по швейцарски понимаете человѣка.

— Неужели еще можно прибавить? съ робкимъ удивленіемъ выговорилъ князь: — такъ чего-же вы отъ меня ожидали. Келлеръ, скажите пожалуйста, и зачѣмъ пришли съ вашею исповѣдью?

— Отъ васъ? Чего ждалъ? Во первыхъ, на одно ваше простодушіе посмотрѣть пріятно; съ вами посидѣть и поговорить пріятно; я, по крайней мѣрѣ, знаю, что предо мной добродѣтельнѣйшее лицо, а во вторыхъ... во вторыхъ...

Онъ замялся.

— Можетъ быть, денегъ хотѣли занять? подсказалъ князь очень серіозно и просто, даже какъ-бы нѣсколько робко.

Келлера такъ и дернуло; онъ быстро, съ прежнимъ удивленіемъ, взглянулъ князю прямо въ глаза и крѣпко стукнулъ кулакомъ объ столъ.

— Ну, вотъ этимъ-то вы и сбиваете человѣка съ послѣдняго нанталыку! Да помилуйте, князь: то ужъ такое простодушіе, такая невинность, какихъ и въ золотомъ вѣкѣ не слыхано, и вдругъ въ тоже время насквозь человѣка пронзаете, какъ стрѣла, такою глубочайшею психологіей наблюденія. Но позвольте, князь, это требуетъ разъясненія, потому что я.. я просто сбитъ! Разумѣется, въ концѣ концовъ, моя цѣль была занять денегъ, но, вы меня о деньгахъ спросили такъ, какъ будто не находите въ этомъ предосудительнаго, какъ будто такъ и быть должно?

— Да... отъ васъ такъ и быть должно.

— И не возмущены?

— Да... чѣмъ-же?

— Послушайте, князь, я остался здѣсь со вчерашняго вечера, во первыхъ, изъ особеннаго уваженія къ французскому архіепископу Бурдалу (у Лебедева до трехъ часовъ откупоривали), а во

вторыхъ и главное (и вотъ всѣми крестами крещусь, что говорю правду истинную!), потому остался, что хотѣлъ, такъ сказать, сообщивъ вамъ мою полную, сердечную исповѣдь, тѣмъ самымъ способствовать собственному развитію: съ этою мыслію и заснулъ въ четвертомъ часу, обливаясь слезами. Вѣрите-ли вы теперь благороднѣйшему лицу: въ тотъ самый моментъ какъ я засыпалъ, искренно полный внутреннихъ и, такъ сказать, внѣшнихъ слезъ (потому что, наконецъ, я рыдалъ, я это помню!), пришла мнѣ одна адская мысль: А что, не занять-ли у него въ концѣ концовъ, послѣ исповѣди-то, денегъ?» Такимъ образомъ, я исповѣдь приготовилъ, такъ сказать, какъ-бы какой нибудь «фенезерфъ подъ слезами», съ тѣмъ, чтобъ этими-же слезами дорогу смягчить и чтобы вы, разластившись, мнѣ сто пятьдесятъ рубликовъ отсчитали. Не низко это по вашему?

— Да вѣдь это-жь навѣрно не правда, а просто одно съ другимъ сошлось. Двѣ мысли вмѣстѣ сошлись, это очень часто случается. Со мной безпрерывно. Я, впрочемъ, думаю, что это не хорошо, и знаете, Келлеръ, я въ этомъ всего больше укоряю себя. Вы мнѣ точно меня самого теперь разсказали. Мнѣ даже случалось иногда думать, продолжалъ князь очень серіозно, истинно и глубоко заинтересованный,—что и всѣ люди такъ, такъ что я началъ было и одобрять себя, потому что съ этими *двойными* мыслями ужасно трудно бороться: я испыталъ. Богъ знаетъ какъ онѣ приходятъ и зарождаются. Но вотъ вы-же называете это прямо низостью. Теперь и я опять начну этихъ мыслей бояться. Во всякомъ случаѣ, я вамъ не судья. Но все-таки, по моему, нельзя назвать это прямо низостью, какъ вы думаете? Вы схитрили, чтобы чрезъ слезы деньги выманить, но вѣдь сами-же вы клянетесь, что исповѣдь ваша имѣла и другую цѣль, благородную, а не одну денежную; что-же касается до денегъ, то вѣдь онѣ вамъ на кутежъ нужны, такъ-ли? А это ужь послѣ такой исповѣди, разумѣется, малодушіе. Но какъ тоже и отъ кутежа отстать въ одну минуту? Вѣдь это невозможно. Что-же дѣлать? Лучше всего на собственную совѣсть вашу оставить, какъ вы думаете?

Князь съ чрезвычайнымъ любопытствомъ глядѣлъ на Келлера. Вопросъ о двойныхъ мыслях видимо и давно уже занималъ его.

— Ну, почему васъ послѣ этого называютъ идіотомъ, не понимаю! вскричалъ Келлеръ.

Князь слегка покраснѣлъ.

— Проповѣдникъ Бурдалу такъ тотъ не пощадилъ-бы человѣка, а вы пощадили человѣка и разсудили меня по человѣчески! Въ наказаніе себѣ и чтобы показать что я тронутъ, не хочу ста

пятидесяти рублей, дайте мнѣ только двадцать пять рублей, и довольно! Вотъ все что̀ мнѣ надо, по крайней мѣрѣ, на двѣ недѣли. Раньше двухъ недѣль за деньгами не приду. Хотѣлъ Аглаю побаловать, да не сто̀итъ она того. О, милый князь, благослови васъ Господь!

Вошелъ, наконецъ, Лебедевъ, только что воротившійся, и, замѣтивъ двадцатипятирублевую въ рукахъ Келлера, поморщился. Но Келлеръ, очутившійся при деньгахъ, уже сѣлъ и немедленно стушевался. Лебедевъ тотчасъ-же началъ на него нагова-ривать.

— Вы несправедливы, онъ дѣйствительно искренно раскаивался, замѣтилъ, наконецъ, князь.

— Да вѣдь что̀ въ раскаяніи-то! Точь въ точь какъ и я вчера: «низокъ, низокъ», а вѣдь одни только слова-съ!

— Такъ и у васъ только одни слова были? А я было думалъ...

— Ну, вотъ вамъ, одному только вамъ объявлю истину, потому что вы проницаете человѣка: и слова, и дѣло, и ложь, и правда — все у меня вмѣстѣ и совершенно искренно. Правда и дѣло состоитъ у меня въ истинномъ раскаяніи, вѣрьте, не вѣрьте, вотъ поклянусь, а слова и ложь состоятъ въ адской (и всегда присущей) мысли, какъ-бы и тутъ уловить человѣка, какъ-бы и чрезъ слезы раскаянія выиграть! Ей-Богу такъ! Другому не сказалъ-бы, — засмѣется или плюнетъ: но вы, князь, вы разсудите по человѣчески.

— Ну, вотъ, точь въ точь и онъ говорилъ мнѣ сейчасъ, вскричалъ князь, — и оба вы точно хвалитесь! Вы даже меня удивляете, только онъ искреннѣе вашего, а вы въ рѣшительное ремесло обратили. Ну, довольно, не морщитесь, Лебедевъ, и не прикладывайте руки къ сердцу. Не скажете-ли вы мнѣ чего нибудь? Вы даромъ не зайдете...

Лебедевъ закривлялся и закоробился.

— Я васъ цѣлый день поджидалъ, чтобы задать вамъ одинъ вопросъ; отвѣтьте хоть разъ въ жизни правду съ перваго слова: участвовали вы сколько нибудь въ этой вчерашней коляскѣ или нѣтъ?

Лебедевъ опять закривлялся, началъ хихикать, потиралъ руки, даже, наконецъ, расчихался, но все еще не рѣшался что нибудь выговорить.

— Я вижу что участвовали.

— Но косвенно, единственно только косвенно! Истинную правду говорю! Тѣмъ только и участвовалъ, что далъ своевременно знать извѣстной особѣ, что собралась у меня такая компанія и что присутствуютъ нѣкоторыя лица.

— Я знаю, что вы вашего сына *туда* посылали, онъ мнѣ

самъ давеча говорилъ, но что-жъ это за интрига такая! воскликнулъ князь въ нетерпѣніи.

— Не моя интрига, не моя, отмахивался Лебедевъ, — тутъ другіе, другіе, и скорѣе, такъ сказать, фантазія чѣмъ интрига.

— Да въ чемъ-же дѣло, разъясните, ради Христа? Неужели вы не понимаете, что это прямо до меня касается? Вѣдь тутъ чернятъ Евгенія Павловича.

— Князь! Сіятельнѣйшій князь! закоробился опять Лебедевъ:— вѣдь вы не позволяете говорить всю правду; я вѣдь уже вамъ начиналъ о правдѣ: не разъ; вы не позволили продолжать...

Князь помолчалъ и подумалъ.

— Ну, хорошо: говорите правду, тяжело проговорилъ онъ, видимо послѣ большой борьбы.

— Аглая Ивановна... тотчасъ-же началъ Лебедевъ.

— Молчите, молчите, неистово закричалъ князь, весь покраснѣвъ отъ негодованія, а, можетъ быть, и отъ стыда. — Быть этого не можетъ, все это вздоръ! Все это вы сами выдумали, или такіе-же сумасшедшіе. И чтобъ я никогда не слыхалъ отъ васъ этого болѣе!

Поздно вечеромъ, часу уже въ одиннадцатомъ, явился Коля съ нѣмымъ коробомъ извѣстій. Извѣстія его были двоякія: петербургскія и павловскія. Онъ на-скоро разсказалъ главныя изъ петербургскихъ (преимущественно объ Ипполитѣ и о вчерашней исторіи), съ тѣмъ чтобъ опять перейдти къ нимъ потомъ, и поскорѣе перешелъ къ павловскимъ. Три часа тому назадъ воротился онъ изъ Петербурга, и, не заходя къ князю, прямо отправился къ Епанчинымъ. «Тамъ ужасъ что такое! Разумѣется, на первомъ планѣ колясса, но навѣрно тутъ что-то такое и еще случилось, что-то такое имъ съ княземъ неизвѣстное. Я, разумѣется, не вмѣшивалъ и допрашивать никого не хотѣлъ; впрочемъ, приняли меня хорошо, такъ хорошо, что я даже не ожидалъ, но о васъ, князь, ни слова! Главнѣе и занимательнѣе всего то, что Аглая поссорилась давеча съ своими за Ганю. Въ какихъ подробностяхъ состояло дѣло — неизвѣстно, но только за Ганю (вообразите себѣ это!) и даже ужасно ссорятся, стало быть, что-то важное. Генералъ пріѣхалъ поздно, пріѣхалъ нахмуренный, пріѣхалъ съ Евгеніемъ Павловичемъ, котораго превосходно принялъ, а самъ Евгеній Павловичъ удивительно веселъ и милъ. Самое-же капитальное извѣстіе въ томъ, что Лизавета Прокофьевна, безо всякаго шуму, позвала къ себѣ Варвару Ардаліоновну, сидѣвшую у дѣвицъ, и разъ навсегда выгнала ее изъ дому, самымъ учтивѣйшимъ, впрочемъ, образомъ, — отъ самой Вари слыхалъ». Но когда Варя вышла отъ Лизаветы Прокофьевны и простилась съ дѣвицами, то тѣ и не знали, что ей отказано отъ

дому разъ навсегда. и что она въ послѣдній разъ съ ними прощается.

— Но Варвара Ардаліоновна была у меня въ семь часовъ? спросилъ удивленный князь.

— А выгнали ее въ восьмомъ или въ восемь. Мнѣ очень жаль Варю, жаль Ганю... у нихъ, безъ сомнѣнія, вѣчныя интриги, безъ этого имъ невозможно. И никогда-то я не могъ знать, что они замышляютъ, и не хочу узнавать. Но увѣряю васъ, милый, добрый мой князь, что въ Ганѣ есть сердце. Это человѣкъ во многихъ отношеніяхъ, конечно, погибшій, но во многихъ отношеніяхъ въ немъ есть такія черты, которыя стоитъ поискать, чтобы найдти, и я никогда не прощу себѣ, что прежде не понималъ его... Не знаю продолжать-ли мнѣ теперь послѣ исторіи съ Варей. Правда, я поставилъ себя съ перваго начала совершенно независимо и отдѣльно, но все-таки надо обдумать.

— Вы напрасно слишкомъ жалѣете брата, замѣтилъ ему князь:— если ужь до того дошло дѣло, стало быть, Гаврила Ардаліоновичъ опасенъ въ глазахъ Лизаветы Прокофьевны, а, стало быть, извѣстныя надежды его утверждаются.

— Какъ, какія надежды! въ изумленіи вскричалъ Коля:—ужь не думаете-ли вы, что Аглая... этого быть не можетъ!

Князь промолчалъ.

— Вы ужасный скептикъ, князь, минуты чрезъ двѣ прибавилъ Коля, — я замѣчаю, что съ нѣкотораго времени вы становитесь чрезвычайный скептикъ; вы начинаете ничему не вѣрить и все предполагать... а правильно я употребилъ въ этомъ случаѣ слово «скептикъ»?

— Я думаю, что правильно, хотя, впрочемъ, навѣрно и самъ не знаю.

— Но я самъ отъ слова скептикъ отказываюсь, а нашелъ новое объясненіе, закричалъ вдругъ Коля, —вы не скептикъ, а ревнивецъ! Вы адски ревнуете Ганю къ извѣстной гордой дѣвицѣ!

Сказавъ это, Коля вскочилъ и расхохотался такъ, какъ, можетъ быть, никогда ему не удавалось смѣяться. Увидавъ, что князь весь покраснѣлъ. Коля еще пуще захохоталъ: ему ужасно понравилась мысль, что князь ревнуетъ къ Аглаѣ, но онъ умолкъ тотчасъ-же, замѣтивъ, что тотъ искренно огорчился. Затѣмъ они очень серіозно и озабоченно проговорили еще часъ или полтора.

На другой день князь по одному неотлагаемому дѣлу цѣлое утро пробылъ въ Петербургѣ. Возвращаясь въ Павловскъ уже въ пятомъ часу пополудни, онъ сошелся въ вокзалѣ желѣзной дороги съ Иваномъ Ѳедоровичемъ. Тотъ быстро схватилъ его за руку, осмотрѣлся

кругомъ, какъ-бы въ испугѣ, и потащилъ князя съ собой въ вагонъ перваго класса, чтобъ ѣхать вмѣстѣ. Онъ сгоралъ желаніемъ переговорить о чемъ-то важномъ.

— Во первыхъ, милый князь, на меня не сердись, и если было что̀ съ моей стороны—позабудь. Я-бы самъ еще вчера къ тебѣ зашелъ, но не зналъ какъ на этотъ счетъ Лизавета Прокофьевна... Дома у меня... просто адъ, загадочный сфинксъ поселился, а я хожу, ничего не понимаю. А что̀ до тебя, то, по моему, ты меньше всѣхъ насъ виноватъ, хотя, конечно, чрезъ тебя много вышло. Видишь, князь, быть филантропомъ пріятно, но не очень. Самъ, можетъ, уже вкусилъ плоды. Я, конечно, люблю доброту и уважаю Лизавету Прокофьевну, но...

Генералъ долго еще продолжалъ въ этомъ родѣ, но слова его были удивительно безсвязны. Видно было, что онъ потрясенъ и смущенъ чрезвычайно чѣмъ-то до крайности ему непонятнымъ.

— Для меня нѣтъ сомнѣнія, что ты тутъ не причемъ, высказался наконецъ онъ яснѣе,—но не посѣщай насъ нѣкоторое время, прошу тебя дружески, впредь до перемѣны вѣтра.—Что-же касается до Евгенія Павлыча,—вскричалъ онъ съ необыкновеннымъ жаромъ,—то все это безсмысленная клевета, клевета изъ клеветъ! Это наговоръ, тутъ интрига, желаніе все разрушить и насъ поссорить. Видишь, князь, говорю тебѣ на ухо: между нами и Евгеніемъ Павлычемъ не сказано еще ни одного слова, понимаешь? Мы не связаны ничѣмъ,—но это слово можетъ быть сказано, и даже скоро, и даже, можетъ быть, очень скоро! Такъ вотъ чтобы повредить! А зачѣмъ, почему — не понимаю! Женщина удивительная, женщина эксцентрическая, до того ея боюсь, что едва сплю. И какой экипажъ, бѣлые кони, вѣдь это шикъ, вѣдь это именно то, что̀ называется по французски шикъ! Кто это ей? Ей Богу согрѣшилъ, подумалъ третьяго дня на Евгенія Павлыча. Но оказывается, что и быть не можетъ, а если быть не можетъ, то для чего она хочетъ тутъ разстроить? Вотъ, вотъ задача! Чтобы сохранить при себѣ Евгенія Павлыча? Но повторяю тебѣ, и вотъ тебѣ крестъ, что онъ съ ней незнакомъ, и что векселя эти—выдумка! И съ такою наглостью ему *ты* кричитъ чрезъ улицу! Чистѣйшій заговоръ! Ясное дѣло, что надо отвергнуть съ презрѣніемъ, а къ Евгенію Павлычу удвоить уваженіе. Такъ я и Лизаветѣ Прокофьевнѣ высказалъ. Теперь скажу тебѣ самую интимную мысль: я упорно убѣжденъ, что она это изъ личнаго мщенія ко мнѣ, помнишь, за прежнее, хотя я никогда и ни въ чемъ предъ нею виноватъ не былъ. Краснѣю отъ одного воспоминанія. Теперь, вотъ, она опять появилась, я думалъ, исчезла совсѣмъ. Гдѣ-же этотъ Рогожинъ си-

дить, скажите пожалуйста? Я думалъ, *она* давно уже госпожа Рогожина.

Однимъ словомъ, человѣкъ былъ сильно сбитъ съ толку. Весь почти часъ пути онъ говорилъ одинъ, задавалъ вопросы, самъ разрѣшалъ ихъ, пожималъ руку князя и, по крайней мѣрѣ, въ томъ одномъ убѣдилъ князя, что его онъ и не думаетъ подозрѣвать въ чемъ нибудь. Это было для князя важно. Кончилъ онъ разсказомъ о родномъ дядѣ Евгенія Павлыча, начальникѣ какой-то канцеляріи въ Петербургѣ — на видномъ мѣстѣ, семидесяти лѣтъ, вверхъ, гастрономъ и вообще повадливый старикашка... Ха-ха! Я знаю, что онъ слышалъ про Настасью Филипповну и даже добивался. Забѣжалъ къ нему давеча: не принимаетъ, нездоровъ, но богатъ, богатъ, имѣетъ значеніе и... дай ему Богъ много лѣтъ здравствовать, но опять-таки Евгенію Павлычу все достанется... Да, да... а я все-таки боюсь! Не понимаю чего, а боюсь. Въ воздухѣ какъ будто что-то носится, какъ будто летучая мышь, объ да летаетъ, и боюсь, боюсь!..»

И наконецъ только на третій день, какъ мы уже написали выше, послѣдовало формальное примиреніе Епанчиныхъ съ княземъ Львомъ Николаевичемъ.

XII.

Было семь часовъ пополудни: князь собирался идти въ паркъ. Вдругъ Лизавета Прокофьевна одна вошла къ нему на террасу.

— *Во первыхъ*, и не смѣй думать, начала она,— что я пришла къ тебѣ прощенія просить. Вздоръ! Ты кругомъ виноватъ.

Князь молчалъ.

— Виноватъ или нѣтъ?

— Столько-же, сколько и вы. Впрочемъ, ни я, ни вы, мы оба ни въ чемъ не виноваты умышленно. Я третьяго дня себя виноватымъ считалъ, а теперь разсудилъ, что это не такъ.

— Такъ вотъ ты какъ! Ну, хорошо: слушай-же и садись, потому что я стоять не намѣрена.

Оба сѣли.

— *Во вторыхъ*, ни слова о злобныхъ мальчишкахъ! Я просижу и проговорю съ тобой десять минутъ: я пришла къ тебѣ справку сдѣлать (а ты думалъ и Богъ знаетъ что?), и если ты

хоть однимъ словомъ заикнешься про дерзкихъ мальчишекъ, я встаю и ухожу, и уже совсѣмъ съ тобой разрываю.

— Хорошо, отвѣтилъ князь.

— Позволь тебя спросить: изволилъ ты прислать, мѣсяца два или два съ половиной тому, около Святой, къ Аглаѣ письмо?

— Пи-писалъ.

— Съ какою-же цѣлью? Что было въ письмѣ? Покажи письмо!

Глаза Лизаветы Прокофьевны горѣли, она чуть не дрожала отъ нетерпѣнія.

— У меня нѣтъ письма, удивился и оробѣлъ князь ужасно,— если есть и цѣло еще, то у Аглаи Ивановны.

— Не финти! О чемъ писалъ?

— Я не финчу и ничего не боюсь. Я не вижу никакой причины почему мнѣ не писать...

— Молчи! Потомъ будешь говорить. Что было въ письмѣ? Почему покраснѣлъ?

Князь подумалъ.

— Я не знаю вашихъ мыслей, Лизавета Прокофьевна. Вижу только, что письмо это вамъ очень не нравится. Согласитесь, что я могъ-бы отказаться отвѣчать на такой вопросъ; но чтобы показать вамъ, что я не боюсь за письмо, и не сожалѣю, что написалъ, и отнюдь не краснѣю за него (князь покраснѣлъ еще чуть не вдвое болѣе), я вамъ прочту это письмо, потому что, кажется, помню его наизусть.

Сказавъ это, князь прочелъ это письмо почти слово въ слово какъ оно было.

— Экая галиматья! Что-же этотъ вздоръ можетъ означать по твоему? рѣзко спросила Лизавета Прокофьевна, выслушавъ письмо съ необыкновеннымъ вниманіемъ.

— Самъ не знаю вполнѣ; знаю, что чувство мое было искреннее. Тамъ у меня бывали минуты полной жизни и чрезвычайныхъ надеждъ.

— Какихъ надеждъ?

— Трудно объяснить, только не тѣхъ, про какія вы теперь. можетъ быть, думаете,— надеждъ... ну, однимъ словомъ, надежды будущаго и радости о томъ, что, можетъ быть, я *тамъ* не чужой, не иностранецъ. Мнѣ очень вдругъ на родинѣ понравилось. Въ одно солнечное утро я взялъ перо и написалъ къ ней письмо: почему къ ней — не знаю. Иногда вѣдь хочется друга подлѣ; и мнѣ видно друга захотѣлось... помолчавъ, прибавилъ князь.

— Влюбленъ ты, что-ли?

— Н-нѣтъ. Я... я какъ сестрѣ писалъ; я и подписался братомъ.

— Гм! Нарочно; понимаю.

— Мнѣ очень тяжело отвѣчать вамъ на эти вопросы, Лизавета Прокофьевна.

— Знаю, что тяжело, да мнѣ-то дѣла нѣтъ никакого до того, что тебѣ тяжело. Слушай, отвѣчай мнѣ правду какъ предъ Богомъ: лжешь ты мнѣ или не лжешь?

— Не лгу.

— Вѣрно говоришь, что не влюбленъ?

— Кажется, совершенно вѣрно.

— Ишь ты, «кажется»! Мальчишка передавалъ?

— Я просилъ Николая Ардаліоновича...

— Мальчишка! Мальчишка! съ азартомъ перебила Лизавета Прокофьевна; — я знать не знаю какой такой Николай Ардаліоновичъ! Мальчишка?

— Николай Ардаліоновичъ...

— Мальчишка, говорю тебѣ!

— Нѣтъ, не мальчишка, а Николай Ардаліоновичъ, твердо, хотя и довольно тихо, отвѣтилъ наконецъ князь.

— Ну, хорошо, голубчикъ, хорошо! Это тебѣ я припту. Минутку она переспливала свое волненіе и отдыхала.

— А что такое: «Рыцарь бѣдный»?

— Совсѣмъ не знаю; это безъ меня; шутка какая нибудь.

— Пріятно вдругъ узнать! Только неужели-же она могла заинтересоваться тобой? Сама-же тебя «уродикомъ» и «идіотомъ» называла.

— Вы-бы могли мнѣ это и не пересказывать, укоризненно, чуть не шепотомъ замѣтилъ князь.

— Не сердись. Дѣвка самовластная, сумасшедшая, избалованная, — полюбитъ, такъ непремѣнно бранить вслухъ будетъ и въ глаза издѣваться; я точно такая-же была. Только, пожалуйста, не торжествуй, голубчикъ, не твоя; вѣрить тому не хочу, и никогда не будетъ! Говорю для того, чтобы ты теперь-же и мѣры принялъ. Слушай, поклянись, что ты не женатъ на *этой*.

— Лизавета Прокофьевна, что вы, помилуйте? чуть не привскочилъ князь отъ изумленія.

— Да вѣдь чуть было не женился?

— Чуть было не женился, пролепталъ князь и поникъ головой.

— Что-жь, въ *нее* что-ли влюбленъ, коли такъ? Теперь для *нея* пріѣхалъ? Для *этой*?

— Я пріѣхалъ не для того чтобы жениться, отвѣтилъ князь.

— Есть у тебя что нибудь святое на свѣтѣ?

— Есть.

— Поклянись, что не для того чтобы жениться на *той*.

— Клянусь чѣмъ хотите!

— Вѣрю; поцѣлуй меня. Наконецъ-то я вздохнула свободно; но знай: не любить тебя Аглая, мѣры прими, и не бывать ей за тобою пока я на свѣтѣ живу! Слышалъ?

— Слышалъ.

Князь до того краснѣлъ, что не могъ прямо глядѣть на Лизавету Прокофьевну.

— Зарубп-же. Я тебя какъ Провидѣніе ждала (не стоилъ ты того!), я подушку мою слезами по ночамъ обливала,—не по тебѣ, голубчикъ, не безпокойся, у меня свое другое горе, вѣчное и всегда одно и то-же. Но вотъ зачѣмъ я съ такимъ нетерпѣніемъ ждала тебя: я все еще вѣрю, что самъ Богъ тебя мнѣ какъ друга и какъ роднаго брата прислалъ. Нѣтъ при мнѣ никого, кромѣ старухи Бѣлоконской, да и та улетѣла, да вдобавокъ глуна какъ баранъ стала отъ старости. Теперь отвѣчай просто *да* или *нѣтъ*: знаешь ты, зачѣмъ *она* третьяго дня изъ коляски кричала?

— Честное слово, что я тутъ не участвовалъ и ничего не знаю!

— Довольно, вѣрю. Теперь и у меня другія мысли объ этомъ, но еще вчера, утромъ, во всемъ винила Евгенія Павлыча. Цѣлыя сутки третьяго дня и вчера утромъ. Теперь, конечно, не могу не согласиться съ ними: до очевидности, что надъ нимъ тутъ, какъ надъ дуракомъ, насмѣялись, почему-то, зачѣмъ-то для чего-то (ужъ одно это подозрительно! да и неблаговидно!)—но не бывать Аглаѣ за нимъ, говорю тебѣ это! Пусть онъ хорошій человѣкъ, а такъ оно будетъ. Я и прежде колебалась, а теперь ужъ навѣрно рѣшила: «Положите сперва меня въ гробъ и закопайте въ землю, тогда выдавайте дочь», вотъ что̀ я Ивану Ѳедоровичу сегодня отчеканила. Видишь что̀ я тебѣ довѣряю, видишь?

— Вижу и понимаю

Лизавета Прокофьевна пронзительно всматривалась въ князя; можетъ быть, ей очень хотѣлось узнать, какое впечатлѣніе производитъ на него извѣстіе о Евгеніи Павлычѣ.

— О Гаврилѣ Иволгинѣ ничего не знаешь?

— То есть... много знаю.

— Зналъ или нѣтъ, что онъ въ сношеніяхъ съ Аглаей?

— Совсѣмъ не зналъ, удивился и даже вздрогнулъ князь:— какъ, вы говорите, Гаврила Ардаліоновичъ въ сношеніяхъ съ Аглаей Ивановной? Быть не можетъ!

— Недавно очень. Тутъ сестра всю зиму ему дорогу протачивала, какъ крыса работала.

— Я не вѣрю, твердо повторилъ князь послѣ нѣкотораго размышленія и волненія.—Если-бъ это было, я-бы зналъ навѣрно.

— Небось, онъ-бы самъ пришелъ, да на груди твоей признался въ слезахъ! Эхъ ты простофиля, простофиля! Всѣ-то тебя обманываютъ, какъ... какъ... И не стыдно тебѣ ему довѣряться? Неужели ты не видишь, что онъ тебя кругомъ облапошилъ?

— Я хорошо знаю, что онъ меня иногда обманываетъ, неохотно произнесъ князь виолголоса,—и онъ знаетъ, что я это знаю... прибавилъ онъ и не договорилъ.

— Знать и довѣряться! Этого не доставало! Впрочемъ, отъ тебя такъ и быть должно. И я-то чему удивляюсь. Господи! Да былъ-ли когда другой такой человѣкъ! Тьфу! А знаешь, что этотъ Ганька, или эта Варька ее въ сношенія съ Настасьей Филипповной поставили?

— Кого?! воскликнулъ князь.

— Аглаю.

— Не вѣрю! Быть того не можетъ! Съ какою-же цѣлью?

Онъ вскочилъ со стула.

— И я не вѣрю, хоть есть улики. Дѣвка своевольная, дѣвка фантастическая, дѣвка сумасшедшая! Дѣвка злая, злая, злая! Тысячи лѣтъ буду утверждать, что злая! Всѣ онѣ теперь у меня такія, даже эта мокрая курица, Александра, но эта ужъ изъ рукъ вонъ выскочила. Но тоже не вѣрю! Можетъ быть, потому что не хочу вѣрить, прибавила она какъ будто про себя.—Почему ты не приходилъ? вдругъ обернулась она опять къ князю.—Всѣ три дня почему не приходилъ? нетерпѣливо крикнула ему она другой разъ.

Князь началъ было разсказывать свои причины, но она опять перебила.

— Всѣ-то тебя какъ дурака считаютъ и обманываютъ! Ты вчера въ городъ ѣздилъ: объ закладъ побьюсь, на колѣняхъ стоялъ, десять тысячъ просилъ принять этого подлеца!

— Совсѣмъ нѣтъ и не думалъ. Даже и не видалъ его, и, кромѣ того, онъ не подлецъ. Я отъ него письмо получилъ.

— Покажи письмо!

Князь досталъ изъ портфеля записку и подалъ Лизаветѣ Прокофьевнѣ. Въ запискѣ было:

«Милостивый государь, я, конечно, не имѣю ни малѣйшаго права, въ глазахъ людей, имѣть самолюбіе. По людскому мнѣнію, я слишкомъ ничтоженъ для этого. Но это въ глазахъ людей, а не въ вашихъ. Я слишкомъ убѣдился, что вы, милостивый государь, можетъ быть, лучше другихъ. Я не согласенъ съ Докторенкомъ и расхожусь съ нимъ въ этомъ убѣжденіи. Я отъ васъ никогда не

возьму ни коньки, но вы помогли моей матери, и за это я обязанъ быть вамъ благодаренъ, хотя и чрезъ слабость. Во всякомъ случаѣ я смотрю на васъ иначе и почелъ нужнымъ васъ извѣстить. А затѣмъ полагаю, что между нами не можетъ быть болѣе никакихъ сношеній. Антипъ Бурдовскій».

P. S. Недостающая до двухъ сотъ рублей сумма будетъ вамъ въ теченіи времени вѣрно выплачена».

— Экая безтолочь! заключила Лизавета Прокофьевна, бросая назадъ записку: —не стоило и читать. Чего ты ухмыляешься?

— Согласитесь, что и вамъ пріятно было прочесть.

— Какъ! Эту проѣденную тщеславіемъ галиматью! Да развѣ ты не видишь, что они всѣ съ ума сиятили отъ гордости и тщеславія?

— Да, но все-таки онъ повинился, порвалъ съ Докторенкомъ, и чѣмъ онъ далѣе тщеславнѣе, тѣмъ дороже это стоило его тщеславію. О, какой-же вы маленькій ребенокъ, Лизавета Прокофьевна!

— Что ты отъ меня нонечнну что-ли получить, наконецъ, намѣренъ?

— Нѣтъ, совсѣмъ не намѣренъ. А потому что вы рады записку, а скрываете это. Чего вы стыдитесь чувствъ вашихъ? Вѣдь это у васъ во всемъ.

— Шагу теперь не смѣй ступить ко мнѣ, вскочила Лизавета Прокофьевна, побѣдивъ отъ гнѣва,—что-бъ и духу твоего у меня теперь съ этой поры не было никогда!

— А чрезъ три дня сами придете и позовете къ себѣ... Ну какъ вамъ не стыдно? Это ваши лучшія чувства, чего вы стыдитесь ихъ? Вѣдь только сами себя мучаете.

— Умру не позову никогда! Имя твое позабуду! Позабыла!!

Она бросилась вонъ отъ князя.

— Мнѣ и безъ васъ уже запрещено ходить къ вамъ, крикнулъ князь ей вслѣдъ.

— Что-о? Кто тебѣ запретилъ?

Она мигомъ обернулась, точно ее укололи иголкой. Князь заколебался было отвѣтить; онъ почувствовалъ, что нечаянно; но сильно проговорился.

— Кто запрещалъ тебѣ? неистово крикнула Лизавета Прокофьевна.

— Аглая Ивановна запрещаетъ...

— Когда? Да го-во-ри-же!!!

— Давеча утромъ прислала, чтобъ я никогда не смѣлъ къ вамъ ходить.

Лизавета Прокофьевна стояла какъ остолбенѣлая, но она соображала.

— Что̀ прислала? Кого прислала? Чрезъ мальчишку? На словахъ? воскликнула она вдругъ опять.

— Я записку получилъ, сказалъ князь.

— Гдѣ? Давай! Сейчасъ!

Князь подумалъ съ минуту, однако-же вынулъ изъ жилетнаго кармана небрежный клочекъ бумаги, на которомъ было написано:

«Князь Левъ Николаевичъ! Если послѣ всего что̀ было, вы намѣрены удивить меня посѣщеніемъ нашей дачи, то меня, будьте увѣрены, не найдете въ числѣ обрадованныхъ. Аглая Епанчина».

Лизавета Прокофьевна обдумывала съ минуту: потомъ вдругъ бросилась къ князю, схватила его за руку и потащила за собой.

— Сейчасъ! Иди! Нарочно сейчасъ, сію минуту! вскричала она въ припадкѣ необычайнаго волненія и нетерпѣнія.

— Но вѣдь вы меня подвергаете...

— Чему? Невинный простофиля! Точно даже и не мужчина! Ну, теперь я сама все увижу, своими глазами...

— Да шляпу-то, по крайней мѣрѣ, захватить дайте...

— Вотъ твоя мерзкая шляпенка, идемъ! Фасону даже не умѣлъ со вкусомъ выбрать!.. Это она... это она послѣ давешняго... это съ горячки, бормотала Лизавета Прокофьевна, таща за собою князя и ни на минуту не выпуская его руки,—давеча я за тебя заступилась, сказала вслухъ, что дуракъ, потому что не идешь... иначе не написала-бы такую безтолковую записку! Неприличную записку! Неприличную благородной, воспитанной, умной, умной дѣвушкѣ!.. Гм! продолжала она,—ужь конечно самой досадно было, что ты не идешь, только не разсчитала, что такъ къ идіоту писать нельзя, потому что буквально приметъ, какъ и вышло. Ты чего подслушиваешь? крикнула она, спохватившись что проговорилась:—Ей шута надо такого, какъ ты, давно не видала, вотъ она затѣмъ тебя проситъ! И я рада, рада, что она теперь тебя на зубокъ подыметъ! Того ты и стоишь. А она умѣетъ, о, какъ она умѣетъ!..

Часть третья.

I.

Поминутно жалуются, что у насъ нѣтъ людей практическихъ; что политическихъ людей, напримѣръ, много; генераловъ тоже много; разныхъ управляющихъ, сколько-бы ни понадобилось, сейчасъ можно найдти какихъ угодно, — а практическихъ людей нѣтъ. По крайней мѣрѣ, всѣ жалуются что нѣтъ. Даже, говорятъ, при-слуги на нѣкоторыхъ желѣзныхъ дорогахъ порядочной нѣтъ; администраціи чуть-чуть сносной въ какой нибудь компаніи пароходовъ устроить, говорятъ, никакъ невозможно. Тамъ, слышишь, на какой нибудь новооткрытой дорогѣ столкнулись или провалились на мосту вагоны: тамъ, пишутъ, чуть не зазимовалъ поѣздъ среди снѣжнаго поля: поѣхали на нѣсколько часовъ, а пять дней простояли въ снѣгу. Тамъ, разсказываютъ, многія тысячи пудовъ товару гніютъ на одномъ мѣстѣ по два и по три мѣсяца, въ ожиданіи отправки, а тамъ, говорятъ (впрочемъ даже и не вѣрится), одинъ администраторъ, то есть какой-то смотритель, какого-то купеческаго прикащика, приставшаго къ нему съ отправкой своихъ товаровъ, вмѣсто отправки администрировалъ по зубамъ, да еще объяснилъ свой административный поступокъ тѣмъ, что онъ «погорячился». Кажется, столько присутственныхъ мѣстъ въ государственной службѣ, что и подумать страшно: всѣ служили, всѣ служатъ, всѣ намѣрены служить, — такъ какъ-бы, кажется, изъ такого матеріала не составить какой нибудь приличной компанейской пароходной администраціи?

На это даютъ иногда отвѣтъ чрезвычайно простой, — до того простой, что даже и не вѣрится такому объясненію. Правда, гово-

рятъ, у насъ всѣ служили или служатъ, и уже двѣсти лѣтъ тянется это по самому лучшему нѣмецкому образцу, отъ прадуровъ къ правнукамъ,—но служащіе-то люди и есть самые непрактическіе, и дошло до того, что отвлеченность и недостатокъ практическаго знанія считались даже между самими служащими, еще недавно, чуть не величайшими добродѣтелями и рекомендаціей. Впрочемъ, мы напрасно о служащихъ заговорили, мы хотѣли говорить собственно о людяхъ практическихъ. Тутъ ужь сомнѣнія нѣтъ, что робость и полнѣйшій недостатокъ собственной инициативы постоянно считался у насъ главнѣйшимъ и лучшимъ признакомъ человѣка практическаго,—даже и теперь считается. Но зачѣмъ винить только себя,—если только считать это мнѣніе за обвиненіе? Недостатокъ оригинальности и вездѣ, во всемъ мірѣ, споконъ вѣка считался всегда первымъ качествомъ и лучшею рекомендаціей человѣка дѣльнаго, дѣловаго и практическаго, и, по крайней мѣрѣ, девяносто девять сотыхъ людей (это-то ужь по крайней мѣрѣ) всегда состояли въ этихъ мысляхъ, и только развѣ одна сотая людей постоянно смотрѣла и смотритъ иначе.

Изобрѣтатели и геніи почти всегда при началѣ своего поприща (а очень часто и въ концѣ) считались въ обществѣ не болѣе какъ дураками, — это ужь самое рутинное замѣчаніе, слишкомъ всѣмъ извѣстное. Если, напримѣръ, въ продолженіи десятковъ лѣтъ всѣ тащили свои деньги въ ломбардъ и натащили туда милліарды по четыре процента, то ужь разумѣется, когда ломбарда не стало, и всѣ остались при собственной инициативѣ, то большая часть этихъ милліоновъ должна была непремѣнно погибнуть въ акціонерной горячкѣ и въ рукахъ мошенниковъ.—И это даже приличіемъ и благонравіемъ требовалось. Именно благонравіемъ: если благонравная робость и приличный недостатокъ оригинальности составляли у насъ до сихъ поръ, по общепринятому убѣжденію, неотъемлемое качество человѣка дѣльнаго и порядочнаго, то ужь слишкомъ непорядочно и даже неприлично было-бы такъ слишкомъ вдругъ измѣниться. Какая, напримѣръ, мать, нѣжно любящая свое дитя, не испугается и не заболѣетъ отъ страха, если ея сынъ или дочь чуть-чуть выйдутъ изъ рельсовъ: — Нѣтъ, ужь лучше пусть будетъ счастливъ и проживетъ въ довольствѣ и безъ оригинальности—, думаетъ каждая мать, закачивая свое дитя. А наши няньки, закачивая дѣтей, споконъ вѣку причитываютъ и приговариваютъ: — будешь въ золотѣ ходить, генеральскій чинъ носить! — И такъ, даже у нашихъ нянекъ чинъ генерала считался за предѣлъ русскаго счастья и, стало быть, былъ самымъ популярнымъ національнымъ идеаломъ спокойнаго, прекраснаго благополучія. И въ самомъ дѣлѣ: непосред-

ственно выдержавъ экзаменъ и прослуживъ тридцать пять лѣтъ,— кто могъ у насъ не сдѣлаться, наконецъ, генераломъ и не сколотить извѣстную сумму въ ломбардъ? Такимъ образомъ, русскій человѣкъ, почти безо всякихъ усилій, достигалъ, наконецъ, званія человѣка дѣльнаго и практическаго. Въ сущности, не сдѣлаться генераломъ могъ у насъ одинъ только человѣкъ оригинальный, другими словами, безпокойный. Можетъ быть, тутъ и есть нѣкоторое недоразумѣніе: но говоря вообще, кажется, это вѣрно, и общество наше было вполнѣ справедливо, опредѣляя свой идеалъ человѣка практическаго. Тѣмъ не менѣе мы все-таки наговорили много лишняго; хотѣли-же собственно сказать нѣсколько пояснительныхъ словъ о знакомомъ намъ семействѣ Епанчиныхъ. Эти люди, или, по крайней мѣрѣ, наиболѣе разсуждающіе члены въ этомъ семействѣ, постоянно страдали отъ одного почти общаго ихъ фамильнаго качества, прямо противоположнаго тѣмъ добродѣтелямъ, о которыхъ мы сейчасъ разсуждали выше. Не понимая факта вполнѣ (потому что его трудно понять), они все-таки иногда подозрѣвали, что у нихъ въ семействѣ какъ-то все идетъ не такъ какъ у всѣхъ. У всѣхъ гладко, у нихъ шероховато: всѣ катятся по рельсамъ, — они поминутно выскакиваютъ изъ рельсовъ. Всѣ поминутно и благонравно робѣютъ, а они нѣтъ. Лизавета Прокофьевна, правда, слишкомъ даже пугалась, но все-таки это была не та благонравная свѣтская робость, по которой они тосковали. Впрочемъ, можетъ быть, только одна Лизавета Прокофьевна и тревожилась: дѣвицы были еще молоды, — хотя народъ очень проницательный и проническій, а генералъ хоть и проницалъ (не безъ туготы впрочемъ), но въ затруднительныхъ случаяхъ говорилъ только: *гм!* и въ концѣ концовъ возлагалъ всѣ упованія на Лизавету Прокофьевну. Стало быть, на ней и лежала отвѣтственность. И не то чтобы, напримѣръ, семейство это отличалось какою нибудь собственною иниціативой или выпрыгивало изъ рельсовъ по сознательному влеченію къ оригинальности, что было-бы ужъ совсѣмъ неприлично. О, нѣтъ! Ничего этого, по настоящему, не было, то есть никакой сознательно-поставленной цѣли, а все-таки, въ концѣ-концовъ, выходило такъ, что семейство Епанчиныхъ, хотя и очень почтенное, было все-же какое-то не такое, какимъ слѣдуетъ быть вообще всѣмъ почтеннымъ семействамъ. Въ послѣднее время Лизавета Прокофьевна стала находить виноватою во всемъ одну себя и свой «несчастный» характеръ, — отчего и увеличились ея страданія. Она сама поминутно честила себя — глупою, неприличною чудачкой и мучилась отъ мнительности, терялась безпрерывно, не находила выхода въ какомъ нибудь самомъ обыкновенномъ столкновеніи вещей и поминутно преувеличивала бѣду.

Еще въ началѣ нашего разсказа мы упомянули, что Епанчины пользовались общимъ и дѣйствительнымъ уваженіемъ. Даже самъ генералъ Иванъ Ѳедоровичъ, человѣкъ происхожденія темнаго, былъ безспорно и съ уваженіемъ принятъ вездѣ. Уваженія онъ и заслуживалъ, во первыхъ, какъ человѣкъ богатый и «не послѣдній», и во вторыхъ, какъ человѣкъ вполнѣ порядочный, хотя и не далекій. Но нѣкоторая тупость ума, кажется, есть почти необходимое качество если не всякаго дѣятеля, то, по крайней мѣрѣ, всякаго серіознаго наживателя денегъ. Наконецъ, генералъ имѣлъ манеры порядочныя, былъ скроменъ, умѣлъ молчать и въ тоже время не давать наступать себѣ на ногу,—и не по одному своему генеральству, а и какъ честный и благородный человѣкъ. Важнѣе всего было то, что онъ былъ человѣкъ съ сильною протекціей. Что-же касается до Лизаветы Прокофьевны, то она, какъ уже объяснено выше, была и роду хорошаго, хотя у насъ на родъ смотрятъ не очень, если при этомъ нѣтъ необходимыхъ связей. Но у ней оказались наконецъ и связи; ее уважали и, наконецъ, полюбили такія лица, что послѣ нихъ, естественно, всѣ должны были ее уважать и принимать. Сомнѣнія нѣтъ, что семейныя мученія ея были неосновательны, причину имѣли ничтожную и до смѣшнаго были преувеличены; но если у кого бородавка на носу или на лбу, то вѣдь такъ и кажется, что всѣмъ только одно было и есть на свѣтѣ чтобы смотрѣть на вашу бородавку, надъ нею смѣяться и осуждать васъ за нее, хотя-бы вы при этомъ открыли Америку. Сомнѣнія нѣтъ и въ томъ, что въ обществѣ Лизавету Прокофьевну дѣйствительно почитали «чудачкой»; но при этомъ уважали ее безспорно: а Лизавета Прокофьевна стала не вѣрить, наконецъ, и въ то, что ее уважаютъ,—въ чемъ и была вся бѣда. Смотря на дочерей своихъ, она мучилась подозрѣніемъ, что безпрерывно чѣмъ-то вредитъ ихъ карьерѣ, что характеръ ея смѣшонъ, неприличенъ и невыносимъ,—за что, разумѣется, безпрерывно обвиняла своихъ-же дочерей и Ивана Ѳедоровича и по цѣлымъ днямъ съ ними ссорилась, любя ихъ въ тоже время до самозабвенія и чуть не до страсти.

Всего болѣе мучило ее подозрѣніе, что и дочери ея становятся такія же точно «чудачки», какъ и она, и что такихъ дѣвицъ какъ онѣ въ свѣтѣ не бываетъ, да и быть не должно. «Нигилистки ростутъ, да и только!» говорила она про себя поминутно. Въ послѣдній годъ и особенно въ самое послѣднее время эта грустная мысль стала все болѣе и болѣе въ ней укрѣпляться. «Во первыхъ, зачѣмъ онѣ замужъ не выходятъ?» спрашивала она себя поминутно. «Чтобы мать мучить,—въ этомъ онѣ цѣль своей жизни видятъ, и это конечно такъ, потому что все это новыя идеи, все это про-

клятый женскій вопросъ! Развѣ не вздумала было Аглая назадъ тому полгода обрѣзывать свои великолѣпные волосы? (Господи, да у меня даже не было такихъ волосъ въ мое время!) Вѣдь ужь ножницы были въ рукахъ, вѣдь ужь на колѣнкахъ только отмолила ее!.. Ну эта, положимъ, со злости дѣлала, чтобы мать измучить, потому что дѣвка злая, самовольная, избалованная, но, главное, злая, злая, злая! Но развѣ эта толстая Александра не потянулась за ней тоже свои косы обрѣзывать, и уже не по злости, не по капризу, а искренно, какъ дура, которую Аглая-же и убѣдила, что безъ волосъ ей спать будетъ покойнѣе, и голова не будетъ болѣть? И сколько, сколько, сколько, — вотъ уже пять лѣтъ, — было у нихъ женіховъ? И право-же были люди хорошіе, даже прекраснѣйшіе люди случались! Чего-же онѣ ждутъ, чего нейдутъ? Только чтобы матери досадить,—больше нѣтъ никакой причины! Никакой! Никакой!»

Наконецъ взошло было солнце и для ея материнскаго сердца: хоть одна дочь, хоть Аделаида будетъ наконецъ пристроена: Хоть одну съ плечъ долой», говорила Лизавета Прокофьевна, когда приходилось выражаться вслухъ (про себя она выражалась несравненно нѣжнѣе). И какъ хорошо и какъ прилично обдѣлалось все дѣло; даже въ свѣтѣ съ почтеніемъ заговорили. Человѣкъ извѣстный, князь, съ состояніемъ, человѣкъ хорошій и ко всему тому пришелся ей по сердцу, чего ужь, кажется, лучше? Но за Аделаиду она и прежде боялась менѣе чѣмъ за другихъ дочерей, хотя артистическія ея наклонности и очень иногда смущали безпрерывно сомнѣвающееся сердце Лизаветы Прокофьевны. «За то характеръ веселый, и при этомъ много благоразумія, — не пропадетъ, стало быть, дѣвка», утѣшалась она въ концѣ концовъ. За Аглаю она болѣе всѣхъ пугалась. Кстати сказать, на счетъ старшей, Александры, Лизавета Прокофьевна и сама не знала какъ быть: пугаться за нее или нѣтъ? То казалось ей, что ужь совсѣмъ пропала дѣвка»; двадцать пять лѣтъ,—стало быть, и останется въ дѣвкахъ. И «при такой красотѣ!..» Лизавета Прокофьевна даже плакала за нее по ночамъ, тогда какъ въ тѣ-же самыя ночи Александра Ивановна спала самымъ спокойнымъ сномъ. «Да что-же она такое,—нигилистка или просто дура?» —Что не дура,—въ этомъ, впрочемъ, и у Лизаветы Прокофьевны не было никакого сомнѣнія: она чрезвычайно уважала сужденія Александры Ивановны и любила съ нею совѣтоваться. Но что «мокрая курица» — въ этомъ сомнѣнія нѣтъ никакого: «спокойна до того, что и растолкать нельзя! Впрочемъ, и «мокрыя курицы» не спокойны, — фу! Сбилась я съ ними совсѣмъ!» У Лизаветы Прокофьевны была какая-то необъяснимая сострадательная симпатія къ Александрѣ Ивановнѣ, больше

даже чѣмъ къ Аглаѣ, которая была ея идоломъ. Но желчныя выходки (чѣмъ, главное, и проявлялись ея материнскія заботливость и симпатія), задиранія, такія названія какъ «мокрая курица», только смѣшили Александру. Доходило иногда до того, что самыя пустѣйшія вещи сердили Лизавету Прокофьевну ужасно и выводили изъ себя. Александра Ивановна любила, напримѣръ, очень по долгу спать и видѣла обыкновенно много сновъ; но сны ея отличались постоянно какою-то необыкновенною пустотой и невинностью, — семилѣтнему ребенку впору; такъ вотъ, даже эта невинность сновъ стала раздражать почему-то маманю. Разъ Александра Ивановна увидала во снѣ девять курицъ, и изъ за этого вышла формальная ссора между нею и матерью,—почему? трудно и объяснить. Разъ, только одинъ разъ, удалось ей увидать во снѣ нѣчто какъ будто оригинальное, — она увидала монаха, одного, въ темной какой-то комнатѣ, въ которую она все пугалась войдти. Сонъ былъ тотчасъ-же переданъ съ торжествомъ Лизаветѣ Прокофьевнѣ двумя хохотавшими сестрами; но маманя опять разсердилась и всѣхъ трехъ обозвала дурами. «Гм! спокойна какъ дура и вѣдь ужь совершенно «мокрая курица», растолкать нельзя, а груститъ, совѣмъ иной разъ грустно смотритъ! О чемъ она горюетъ, о чемъ?» Иногда она задавала этотъ вопросъ и Ивану Ѳедоровичу, и, по обыкновенію своему, истерически, грозно, съ ожиданіемъ немедленнаго отвѣта. Иванъ Ѳедоровичъ гумкалъ, хмурился, пожималъ плечами и рѣшалъ наконецъ, разводя свои руки:

— Мужа надо!

— Только дай ей Богъ не такого какъ вы, Иванъ Ѳедорычъ, разрывалась наконецъ какъ бомба Лизавета Прокофьевна:— не такого въ своихъ сужденіяхъ и приговорахъ какъ вы, Иванъ Ѳедорычъ, не такого грубаго грубіяна какъ вы, Иванъ Ѳедорычъ...

Иванъ Ѳедоровичъ спасался немедленно, а Лизавета Прокофьевна успокоивалась послѣ своего *разрыва*. Разумѣется, въ тотъ-же день къ вечеру она неминуемо становилась необыкновенно внимательна, тиха, ласкова и почтительна къ Ивану Ѳедоровичу, къ «грубому своему грубіяну» Ивану Ѳедоровичу, къ доброму и милому, обожаемому своему Ивану Ѳедоровичу, потому что она всю жизнь любила и даже влюблена была въ своего Ивана Ѳедоровича, о чемъ отлично зналъ и самъ Иванъ Ѳедоровичъ и безконечно уважалъ за это свою Лизавету Прокофьевну.

Но главнымъ и постояннымъ мученіемъ ея была Аглая.

«Совершенно, совершенно какъ я, мой портретъ во всѣхъ отношеніяхъ, говорила про себя Лизавета Прокофьевна,—самовольный,

скверный бѣсенокъ! Нигилистка, чудачка, безумная, злая, злая, злая! О, Господи, какъ она будетъ несчастна!

Но, какъ мы уже сказали, взошедшее солнце все было смягчило и освѣтило на минуту. Былъ почти мѣсяцъ въ жизни Лизаветы Прокофьевны, въ который она совершенно было отдохнула отъ всѣхъ безпокойствъ. По поводу близкой свадьбы Аделаиды, заговорили въ свѣтѣ и объ Аглаѣ, и при этомъ Аглая держала себя вездѣ такъ прекрасно, такъ ровно, такъ умно, такъ побѣдительно, гордо немножко, но вѣдь это къ ней такъ идетъ! Такъ ласкова, такъ привѣтлива была цѣлый мѣсяцъ къ матери! (Правда, этого Евгенія Павловича надо еще очень, очень разсмотрѣть, раскусить его надо, да и Аглая, кажется, не очень-то больше другихъ его жалуетъ!) Всетаки стала вдругъ такая чудная дѣвушка, — и какъ она хороша, Боже, какъ она хороша, день ото дня лучше! И вотъ...

И вотъ только что показался этотъ скверный князишка, этотъ дрянной идіотишка, и все опять взбаламутилось, все въ домѣ вверхъ дномъ пошло!

Что-же однако случилось?

Для другихъ-бы ничего не случилось, навѣрно. Но тѣмъ-то и отличалась Лизавета Прокофьевна, что въ комбинаціи и въ путаницѣ самыхъ обыкновенныхъ вещей, сквозь присущее ей всегда безпокойство, — она успѣвала всегда разглядѣть что-то такое, что пугало ее иногда до болѣзни, самымъ мнительнымъ, самымъ необъяснимымъ страхомъ, а, стало быть, и самымъ тяжелымъ. Каково-же ей было, когда вдругъ теперь, сквозь всю безтолочь смѣшныхъ и неосновательныхъ безпокойствъ, дѣйствительно стало проглядывать нѣчто какъ будто и въ самомъ дѣлѣ важное, нѣчто какъ будто и въ самомъ дѣлѣ стоившее и тревогъ, и сомнѣній, и подозрѣній.

— И какъ смѣли, какъ смѣли мнѣ это проклятое анонимное письмо написать про эту *тварь*, что она съ Аглаей въ сношеніяхъ? — думала Лизавета Прокофьевна всю дорогу, пока тащила за собой князя, и дома, когда усадила его за круглымъ столомъ, около котораго было въ сборѣ все семейство; — какъ смѣли подумать только объ этомъ? Да я-бы умерла со стыда, если-бы повѣрила хоть капельку, или Аглаѣ это письмо показала! Этакія насмѣшки на насъ, на Епанчиныхъ! И все, все чрезъ Ивана Ѳедорыча, все чрезъ васъ, Иванъ Ѳедорычъ! Ахъ! Зачѣмъ не переѣхали на Елагинъ: я вѣдь говорила, что на Елагинъ! Это, можетъ быть, Варька письмо написала, я знаю, или, можетъ быть... во всемъ, во всемъ Иванъ Ѳедорычъ виноватъ! Это надъ нимъ эта *тварь* эту штуку выкинула, въ память прежнихъ связей, чтобы въ дураки его выставить, точно такъ,

какъ прежде надъ нимъ, какъ надъ дуракомъ, хохотала, за нось водила, когда еще онъ ей жемчуги возилъ... А въ концѣ концовъ всетаки мы замѣшаны, всетаки дочки ваши замѣшаны, Иванъ Ѳедорычъ, дѣвицы, барышни, лучшаго общества барышни, невѣсты; онѣ тутъ находились, тутъ стояли, все выслушали, да и въ исторіи съ мальчишками тоже замѣшаны, радуйтесь, тоже тутъ были и слушали! Не прощу-же, не прощу-же я этому князишкѣ, никогда не прощу! И почему Аглая три дня въ истерикѣ, почему съ сестрами чуть не перессорилась, даже съ Александрой, которой всегда цѣловала руки, какъ у матери — такъ уважала? Почему она три дня всѣмъ загадки загадываетъ? Что тутъ за Гаврила Иволгинъ? Почему она вчера и сегодня Гаврилу Иволгина хвалить принималась и распекалась? Почему про этого проклятаго рыцаря бѣднаго въ этомъ анонимномъ письмѣ упомянуто, тогда какъ она письмо отъ князя даже сестрамъ не показала? И почему... зачѣмъ, зачѣмъ я къ нему, какъ угорѣлая кошка, теперь прибѣжала, и сама-же его сюда притащила? Господи, съ ума я сошла, что я теперь надѣлала! Съ молодымъ человѣкомъ про секреты дочери говорить, да еще... да еще про такіе секреты, которые чуть не самого его касаются! Господи, хорошо еще, что онъ идіотъ и... и... другъ дома! Только неужели-жь Аглая прельстилась на такого уродика! Господи, что я плету! Тьфу! Оригиналы мы... подъ стекломъ надо насъ всѣхъ показывать, меня первую, по десяти копѣекъ за входъ. Не прощу я вамъ этого, Иванъ Ѳедорычъ, никогда не прощу. И почему она теперь его не пингуетъ? Обѣщалась пинговать, и вотъ не пингуетъ! Вонъ, вонъ, во всѣ глаза на него смотритъ, молчитъ, не уходитъ, стоитъ, а сама-же не велѣла ему приходить... Онъ весь блѣдный сидитъ. И проклятый, проклятый этотъ болтунъ Евгеній Павлычъ, всѣмъ разговоромъ одинъ завладѣлъ? Инъ разливается, слова вставить не даетъ. Я-бы сейчасъ про все узнала, только-бы рѣчь навести»...

Князь и дѣйствительно сидѣлъ, чуть не блѣдный, за круглымъ столомъ и, казалось, былъ въ одно и тоже время въ чрезвычайномъ страхѣ и, мгновеніями, въ непонятномъ ему самому и захватывающемъ душу восторгѣ. О, какъ онъ боялся взглянуть въ ту сторону, въ тотъ уголъ, откуда пристально смотрѣли на него два знакомые черные глаза, и въ тоже самое время какъ замиралъ онъ отъ счастія, что сидитъ здѣсь опять между ними, услышитъ знакомый голосъ — послѣ того, что она ему написала. «Господи, что-то она скажетъ теперь!» Самъ онъ не выговорилъ еще ни одного слова и съ напряженіемъ слушалъ разливавшагося Евгенія Павловича, который рѣдко бывалъ въ такомъ довольномъ и возбужден-

номъ состояніи духа какъ теперь, въ этотъ вечеръ. Князь слушалъ его и долго не понималъ почти ни слова. Кромѣ Ивана Ѳедоровича, который не возвращался еще изъ Петербурга, всѣ были въ сборѣ. Князь Щ. былъ тоже тутъ. Кажется, собрались немного погодя, до чаю, идти слушать музыку. Теперешній разговоръ завязался, повидимому, до прихода князя. Скоро проскользнулъ на террасу вдругъ откуда-то явившійся Коля. «Стало быть, его принимаютъ здѣсь по прежнему», подумалъ князь про себя.

Дача Епанчиныхъ была роскошная дача, во вкусѣ швейцарской хижины, изящно убранная со всѣхъ сторонъ цвѣтами и листьями. Со всѣхъ сторонъ ее окружалъ небольшой, но прекрасный цвѣточный садъ. Сидѣли всѣ на террасѣ, какъ и у князя; только терраса была нѣсколько обширнѣе и устроена щеголеватѣе.

Тема завязавшагося разговора, казалось, была не многимъ по сердцу; разговоръ, какъ можно было догадаться, начался изъ-за нетерпѣливаго спора и, конечно, всѣмъ-бы хотѣлось перемѣнить сюжетъ, но Евгеній Павловичъ, казалось, тѣмъ больше упорствовалъ и не смотрѣлъ на впечатлѣнія; приходъ князя какъ будто возбудилъ его еще болѣе. Лизавета Прокофьевна хмурилась, хотя и не все понимала. Аглая, сидѣвшая въ сторонѣ, почти въ углу, не уходила, слушала и упорно молчала.

— Позвольте, съ жаромъ возражалъ Евгеній Павловичъ, — я ничего и не говорю противъ либерализма. Либерализмъ не есть грѣхъ; это необходимая составная часть всего цѣлаго, которое безъ него распадется или замертвѣетъ; либерализмъ имѣетъ такое-же право существовать, какъ и самый благонравный консерватизмъ; но я на русскій либерализмъ нападаю, и опять-таки повторяю, что за то собственно и нападаю на него, что русскій либералъ не есть *русскій* либералъ, а есть *не русскій* либералъ. Дайте мнѣ русскаго либерала, и я его сейчасъ-же при васъ поцѣлую.

— Если только онъ захочетъ васъ цѣловать, сказала Александра Ивановна, бывшая въ необыкновенномъ возбужденіи. Даже щеки ея разрумянились болѣе обыкновеннаго.

Вѣдь вотъ, подумала про себя Лизавета Прокофьевна, — то спитъ да ѣстъ, не растолкаешь, а то вдругъ подымется разъ въ годъ и заговоритъ такъ, что только руки на нее развести.

Князь замѣтилъ мелькомъ, что Александрѣ Ивановнѣ, кажется, очень не нравится, что Евгеній Павловичъ говоритъ слишкомъ весело, говоритъ на серіозную тему и какъ будто горячится, а въ тоже время какъ будто и шутитъ.

— Я утверждалъ сейчасъ, только что предъ вашимъ приходомъ, князь, продолжалъ Евгеній Павловичъ,—что у насъ до сихъ поръ

либералы были только изъ двухъ слоевъ, прежняго помѣщичьяго (упраздненнаго) и семинарскаго. А такъ какъ оба сословія обратились, наконецъ, въ совершенныя касты, въ нѣчто совершенно отъ націи особливое, и чѣмъ дальше тѣмъ больше, отъ поколѣнія къ поколѣнію, то, стало быть, и все то, что они дѣлали и дѣлаютъ, было совершенно не національное...

— Какъ? Стало быть, все что сдѣлано—все не русское? возразилъ князь Щ.

— Не національное: хоть и по русски, но не національное: и либералы у насъ не русскіе, и консерваторы не русскіе, все... И будьте увѣрены, что нація ничего не признаетъ изъ того, что сдѣлано помѣщиками и семинаристами, ни теперь, ни послѣ...

— Вотъ это хорошо! Какъ можете вы утверждать такой парадоксъ, если только это серіозно? Я не могу допустить такихъ выходокъ на счетъ русскаго помѣщика: вы сами русскій помѣщикъ, горячо возражалъ князь Щ.

— Да вѣдь я и не въ томъ смыслѣ о русскомъ помѣщикѣ говорю, какъ вы принимаете. Сословіе почтенное, хоть по тому ужъ одному, что я къ нему принадлежу: особенно теперь, когда оно перестало существовать...

— Неужели и въ литературѣ ничего не было національнаго? перебила Александра Ивановна.

— Я въ литературѣ не мастеръ, но и русская литература, по моему, вся не русская, кромѣ развѣ Ломоносова, Пушкина и Гоголя.

— Во первыхъ, это не мало, а во вторыхъ, одинъ изъ народа, а другіе два—помѣщики, засмѣялась Аделаида.

— Точно такъ, но не торжествуйте. Такъ какъ этимъ только тремъ до сихъ поръ изъ всѣхъ русскихъ писателей удалось сказать каждому нѣчто дѣйствительно *свое*, свое собственное, ни у кого не заимствованное, то тѣмъ самымъ эти трое и стали тотчасъ національными. Кто изъ русскихъ людей скажетъ, напишетъ или сдѣлаетъ что нибудь свое, *свое* неотъемлемое и незаимствованное, тотъ неминуемо становится національнымъ, хотя-бы онъ и по русски плохо говорилъ. Это для меня аксіома. Но мы не объ литературѣ начали говорить, мы заговорили о соціалистахъ, и чрезъ нихъ разговоръ пошелъ: ну, такъ я утверждаю, что у насъ нѣтъ ни одного русскаго соціалиста: нѣтъ и не было, потому что всѣ наши соціалисты тоже изъ помѣщиковъ и семинаристовъ. Всѣ наши отъявленные, афишованные соціалисты, какъ здѣшніе, такъ и заграничные, больше ничего какъ либералы изъ помѣщиковъ временъ крѣпостнаго права. Что вы смѣетесь? Дайте мнѣ ихъ книги, дайте мнѣ ихъ

ученія, ихъ мемуары, и я, не будучи литературнымъ критикомъ, берусь написать вамъ убѣдительнѣйшую литературную критику, въ которой докажу ясно какъ день, что каждая страница ихъ книгъ, брошюръ, мемуаровъ написана прежде всего прежнимъ русскимъ помѣщикомъ. Ихъ злоба, негодованіе, остроуміе—помѣщичьи (даже до-Фамусовскія!); ихъ восторгъ, ихъ слезы, настоящія, можетъ быть, искреннія слезы, но—помѣщичьи! Помѣщичьи и семинарскія... Вы опять смѣетесь, и вы смѣетесь, князь? Тоже не согласны?

Дѣйствительно, всѣ смѣялись, усмѣхнулся и князь.

— Я такъ прямо не могу еще сказать, согласенъ я или не согласенъ, произнесъ князь, вдругъ переставъ усмѣхаться и вздрогнувъ съ видомъ пойманнаго школьника,—но увѣряю васъ, что слушаю васъ съ чрезвычайнымъ удовольствіемъ...

Говоря это, онъ чуть не задыхался, и даже холодный потъ выступилъ у него на лбу. Это были первыя слова, произнесенныя имъ, съ тѣхъ поръ какъ онъ тутъ сидѣлъ. Онъ попробовалъ было оглянуться кругомъ, но не посмѣлъ: Евгеній Павловичъ поймалъ его жестъ и улыбнулся.

— Я вамъ, господа, скажу фактъ, продолжалъ онъ прежнимъ тономъ, то есть какъ будто съ необыкновеннымъ увлеченіемъ и жаромъ и въ тоже время чуть не смѣясь, можетъ быть, надъ своими-же собственными словами,—фактъ, наблюденіе и даже открытіе котораго я имѣю честь приписывать себѣ и даже одному себѣ; по крайней мѣрѣ, объ этомъ не было еще нигдѣ сказано или написано. Въ фактѣ этомъ выражается вся сущность русскаго либерализма того рода, о которомъ я говорю. Во первыхъ, что-же и есть либерализмъ, если говорить вообще, какъ не нападеніе (разумное или ошибочное, это другой вопросъ) на существующіе порядки вещей? Вѣдь такъ? Ну, такъ фактъ мой состоитъ въ томъ, что русскій либерализмъ не есть нападеніе на существующіе порядки вещей, а есть нападеніе на самую сущность нашихъ вещей, на самыя вещи, а не на одинъ только порядокъ, не на русскіе порядки, а на самую Россію. Мой либералъ дошелъ до того, что отрицаетъ самую Россію, то есть ненавидитъ и бьетъ свою мать. Каждый несчастный и неудачный русскій фактъ возбуждаетъ въ немъ смѣхъ и чуть не восторгъ. Онъ ненавидитъ народные обычаи, русскую исторію, все. Если есть для него оправданіе, такъ развѣ въ томъ, что онъ не понимаетъ что дѣлаетъ и свою ненависть къ Россіи принимаетъ за самый плодотворный либерализмъ (о, вы часто встрѣтите у насъ либерала, которому апплодируютъ остальные, и который, можетъ быть, въ сущности самый нелѣпый, самый тупой и опасный консерваторъ, и самъ не знаетъ того!). Эту ненависть къ

Россіи, еще не такъ давно, иные либералы наши принимали чуть не за истинную любовь къ отечеству и хвалились тѣмъ, что видятъ лучше другихъ въ чемъ она должна состоять; но теперь уже стали откровеніе и даже словъ: любовь къ отечеству» стали стыдиться, даже понятіе изгнали и устранили, какъ вредное и ничтожное. Фактъ этотъ вѣрный, я стою за это и... надобно-же было высказать когда нибудь правду вполнѣ, просто и откровенно; но фактъ этотъ въ тоже время и такой, котораго нигдѣ и никогда, споконъ-вѣку и ни въ одномъ народѣ, не бывало и не случалось, а, стало быть, фактъ этотъ случайный и можетъ пройдти, я согласенъ. Такого не можетъ быть либерала нигдѣ, который-бы самое отечество свое ненавидѣлъ. Чѣмъ-же это все объяснить у насъ? Тѣмъ самымъ что̀ и прежде, — тѣмъ, что русскій либералъ есть покамѣстъ еще не русскій либералъ; больше ни чѣмъ, по моему.

— Я принимаю все что̀ ты сказалъ за шутку, Евгеній Павлычъ, серіозно возразилъ князь Щ.

— Я всѣхъ либераловъ не видала и судить не берусь, сказала Александра Ивановна. — но съ негодованіемъ вашу мысль выслушала: вы взяли частный случай и возвели въ общее правило, а, стало быть, клеветали.

— Частный случай? А-а! Слово произнесено, подхватилъ Евгеній Павловичъ.—Князь, какъ вы думаете, частный это случай или нѣтъ?

— Я тоже долженъ сказать, что я мало видѣлъ и мало былъ... съ либералами, сказалъ князь,—но мнѣ кажется, что вы, можетъ быть, нѣсколько правы, и что тотъ русскій либерализмъ, о которомъ вы говорили, дѣйствительно отчасти наклоненъ ненавидѣть самую Россію, а не одни только ея порядки вещей. Конечно, это только отчасти... конечно это никакъ не можетъ быть для всѣхъ справедливо...

Онъ замялся и не докончилъ. Не смотря на все волненіе свое, онъ былъ чрезвычайно заинтересованъ разговоромъ. Въ князѣ была одна особенная черта, состоявшая въ необыкновенной наивности вниманія, съ какимъ онъ всегда слушалъ что нибудь его интересовавшее, и отвѣтовъ, какіе давалъ, когда при этомъ къ нему обращались съ вопросами. Въ его лицѣ и даже въ положеніи его корпуса какъ-то отражалась эта наивность, эта вѣра, не подозрѣвающая ни насмѣшки, ни юмора. Но хоть Евгеній Павловичъ и давно уже обращался къ нему не иначе какъ съ нѣкоторою особенною усмѣшкой, но теперь, при отвѣтѣ его, какъ-то очень серіозно посмотрѣлъ на него, точно совсѣмъ не ожидалъ отъ него такого отвѣта.

— Такъ... вотъ вы какъ однако странно, проговорилъ онъ:— и вправду, вы серіозно отвѣчали мнѣ, князь?

— Да развѣ вы не серіозно спрашивали? возразилъ тотъ въ удивленіи.

Всѣ засмѣялись.

— Вѣрьте ему, сказала Аделаида, — Евгеній Павлычъ всегда и всѣхъ дурачитъ! Если-бы вы знали о чемъ онъ иногда прессеріозно разсказываетъ!

— По моему, это тяжелый разговоръ, и не заводить-бы его совсѣмъ, рѣзко замѣтила Александра, — хотѣли идти гулять...

— И пойдемте, вечеръ прелестный! вскричалъ Евгеній Павловичъ; — но чтобы доказать вамъ, что въ этотъ разъ я говорилъ совершенно серіозно, и главное, чтобы доказать это князю (вы, князь, чрезвычайно меня заинтересовали, и, клянусь вамъ, что я не совсѣмъ еще такой пустой человѣкъ, какимъ непремѣнно долженъ казаться, — хоть я и въ самомъ дѣлѣ пустой человѣкъ!), и... если позволите, господа, я сдѣлаю князю еще одинъ послѣдній вопросъ, изъ собственнаго любопытства, имъ и кончимъ. Этотъ вопросъ мнѣ, какъ нарочно, два часа тому назадъ пришелъ въ голову (видите, князь, я тоже иногда серіозныя вещи обдумываю): я его рѣшилъ, но посмотримъ, что скажетъ князь. Сейчасъ сказали про «частный случай». Словцо это очень у насъ знаменательное, его часто слышишь. Недавно всѣ говорили и писали объ этомъ ужасномъ убійствѣ шести человѣкъ этимъ... молодымъ человѣкомъ, и о странной рѣчи защитника, гдѣ говорится, что при бѣдномъ состояніи преступника, ему *естественно* должно было придти въ голову убить этихъ шесть человѣкъ. Это не буквально, но смыслъ, кажется, тотъ, или подходитъ къ тому. По моему личному мнѣнію, защитникъ, заявляя такую странную мысль, былъ въ полнѣйшемъ убѣжденіи, что онъ говоритъ самую либеральную, самую гуманную и прогрессивную вещь, какую только можно сказать въ наше время. Ну, такъ какъ по вашему будетъ: это извращеніе понятій и убѣжденій, эта возможность такого кривого и замѣчательнаго взгляда на дѣло, есть-ли это случай частный, или общій?

Всѣ захохотали.

— Частный, разумѣется, частный, засмѣялись Александра и Аделаида.

— И позволь опять напомнить, Евгеній Павлычъ, прибавилъ князь Щ..—что шутка твоя слишкомъ уже износилась.

— Какъ вы думаете, князь? не дослушалъ Евгеній Павловичъ, поймавъ на себѣ любопытный и серіозный взглядъ князя Льва Николаевича.—Какъ вамъ кажется: частный это случай, или общій? Я, признаюсь, для васъ и выдумалъ этотъ вопросъ.

— Нѣтъ, не частный, тихо, но твердо проговорилъ князь.

— Помилуйте, Левъ Николаевичъ, съ нѣкоторою досадой вскричалъ князь Щ.,—развѣ вы не видите, что онъ васъ ловитъ; онъ рѣшительно смѣется и именно васъ предположилъ поймать на зубокъ.

— Я думалъ, что Евгеній Павлычъ говорилъ серіозно, покраснѣлъ князь и потупилъ глаза.

— Милый князь, продолжалъ князь Щ.,—да вспомните о чемъ мы съ вами говорили одинъ разъ, мѣсяца три тому назадъ; мы именно говорили о томъ, что въ нашихъ молодыхъ новооткрытыхъ судахъ можно указать уже на столько замѣчательныхъ и талантливыхъ защитниковъ! А сколько въ высшей степени замѣчательныхъ рѣчей присяжныхъ? Какъ вы сами радовались, и какъ я на вашу радость тогда радовался... мы говорили, что гордиться можемъ... А эта неловкая защита, этотъ страшный аргументъ, конечно, случайность, единица между тысячами.

Князь Левъ Николаевичъ подумалъ, но съ самымъ убѣжденнымъ видомъ, хотя тихо и даже какъ будто робко выговаривая, отвѣтилъ:

— Я только хотѣлъ сказать, что искаженіе идей и понятій (какъ выразился Евгеній Павлычъ) встрѣчается очень часто, есть гораздо болѣе общій чѣмъ частный случай, къ несчастію. И до того, что если-бъ это искаженіе не было такимъ общимъ случаемъ, то, можетъ быть, не было-бы и такихъ невозможныхъ преступленій, какъ эти...

— Невозможныхъ преступленій? Но увѣряю-же васъ, что точно такія-же преступленія и, можетъ быть, еще ужаснѣе, и прежде бывали, и всегда были, и не только у насъ, но и вездѣ, и, по моему, еще очень долго будутъ повторяться. Разница въ томъ, что у насъ прежде было меньше гласности, а теперь стали вслухъ говорить и даже писать о нихъ, потому-то и кажется, что эти преступники теперь только и появились. Вотъ въ чемъ ваша ошибка, чрезвычайно наивная ошибка, князь,, увѣряю васъ, насмѣшливо улыбнулся князь Щ.

— Я самъ знаю, что преступленій и прежде было очень много, и такихъ-же ужасныхъ: я еще недавно въ острогахъ былъ и съ нѣкоторыми преступниками и подсудимыми мнѣ удалось познакомиться. Есть даже страшнѣе преступники чѣмъ этотъ, убившіе по десяти человѣкъ, совсѣмъ не раскаиваясь. Но я вотъ что замѣтилъ при этомъ: что самый закоренѣлый и не раскаянный убійца все-таки знаетъ, что онъ *преступникъ*, то есть по совѣсти считаетъ, что онъ не хорошо поступилъ, хоть и безо всякаго раскаянія. И таковъ всякій изъ нихъ; а эти вѣдь, о которыхъ Евгеній Павлычъ заговорилъ, не хотятъ себя даже считать преступниками и думаютъ про

себя, что право имѣли и... даже хорошо поступили, то есть почти вѣдь такъ. Вотъ въ этомъ-то и состоитъ, по моему, ужасная разница. И замѣтьте, все это молодежь, то есть именно такой возрастъ, въ которомъ всего легче и беззащитнѣе можно подпасть подъ извращеніе идей.

Князь Щ. уже не смѣялся и съ недоумѣніемъ выслушалъ князя. Александра Ивановна, давно уже хотѣвшая что-то замѣтить, замолчала, точно какая-то особенная мысль остановила ее. Евгеній-же Павловичъ смотрѣлъ на князя въ рѣшительномъ удивленіи и на этотъ разъ уже безо всякой усмѣшки.

— Да вы что такъ на него удивляетесь, государь мой, неожиданно вступилась Лизавета Прокофьевна,—что онъ, глупѣе васъ что-ли, что не могъ по вашему разсудить?

— Нѣтъ-съ, я не про то, сказалъ Евгеній Павловичъ, — но только какъ-же вы, князь (извините за вопросъ), если вы такъ это видите и замѣчаете, то какъ-же вы (извините меня опять) въ этомъ странномъ дѣлѣ... вотъ что на лицахъ было... Бурдовскаго, кажется... какъ-же вы не замѣтили такого-же извращенія идей и нравственныхъ убѣжденій? Точь-въ-точь вѣдь такого-же! Мнѣ тогда показалось, что вы совсѣмъ не замѣтили?

— А вотъ что, батюшка, разгорячилась Лизавета Прокофьевна, — мы вотъ всѣ замѣтили, сидимъ здѣсь и хвалимся предъ нимъ, а вотъ онъ сегодня письмо получилъ отъ одного изъ нихъ, отъ самаго-то главнаго, угреватаго, помнишь, Александра? Онъ прощенія въ письмѣ у него проситъ, хоть и по своему манеру, и извѣщаетъ, что того товарища бросилъ, который его подкидалъ-то тогда, — помнишь, Александра? — и что князю теперь больше вѣритъ. Ну, а мы такого письма еще не получали, хоть намъ и не учиться здѣсь кось-то предъ нимъ подымать.

— А Ипполитъ тоже переѣхалъ къ намъ сейчасъ на дачу! крикнулъ Коля.

— Какъ! Уже здѣсь? встревожился князь.

— Только что вы ушли съ Лизаветой Прокофьевной, — и пожаловалъ; я его перевезъ!

— Ну, бьюсь-же объ закладъ, такъ и вскинѣла вдругъ Лизавета Прокофьевна, совсѣмъ забывъ, что сейчасъ-же князя хвалила, — объ закладъ бьюсь, что онъ ѣздилъ вчера къ нему на чердакъ и прощенія у него на колѣняхъ просилъ, чтобъ эта злая злючка удостоила сюда переѣхать. Ѣздилъ ты вчера? Самъ вѣдь признавался давеча. Такъ или нѣтъ? Стоялъ ты на колѣнкахъ или нѣтъ?

— Совсѣмъ не стоялъ, крикнулъ Коля, — а совсѣмъ напро-

тивъ: Ипполитъ у князя руку вчера схватилъ и два раза поцѣловалъ, я самъ видѣлъ, тѣмъ и кончилось все объясненіе. Кромѣ того, что князь просто сказалъ, что ему легче будетъ на дачѣ, и тотъ мигомъ согласился переѣхать, какъ только станетъ легче.

— Вы напрасно, Коля... пробормоталъ князь, вставая и хватаясь за шляпу, — зачѣмъ вы разсказываете, я...

— Куда это? остановила Лизавета Прокофьевна.

— Не безпокойтесь, князь, продолжалъ воспламененный Коля,— не ходите и не тревожьте его, онъ съ дороги заснулъ: онъ очень радъ; и знаете, князь, по моему, гораздо лучше, если вы не нынче встрѣтитесь, даже до завтра отложите, а то онъ опять сконфузится. Онъ давеча утромъ говорилъ, что уже цѣлые полгода не чувствовалъ себя такъ хорошо и въ силахъ; даже кашляетъ втрое меньше.

Князь замѣтилъ, что Аглая вдругъ вышла изъ своего мѣста и подошла къ столу. Онъ не смѣлъ на нее посмотрѣть, но онъ чувствовалъ всѣмъ существомъ, что въ это мгновеніе она на него смотритъ и, можетъ быть, смотритъ грозно, что въ черныхъ глазахъ ея непремѣнно негодованіе, и лицо вспыхнуло.

— А мнѣ кажется, Николай Ардаліоновичъ, что вы его напрасно сюда перевезли, если это тотъ самый чахоточный мальчикъ, который тогда заплакалъ и къ себѣ звалъ на похороны, замѣтилъ Евгеній Павловичъ: — онъ такъ краснорѣчиво тогда говорилъ про стѣну сосѣдняго дома, что ему непремѣнно взгрустнется по этой стѣнѣ, будьте увѣрены.

— Правду сказалъ: разссорится, подерется съ тобой и убѣжитъ,— вотъ тебѣ сказъ!

И Лизавета Прокофьевна съ достоинствомъ придвинула къ себѣ корзинку съ своимъ шитьемъ, забывъ, что уже всѣ подымались на прогулку.

— Я припоминаю, что онъ стѣной этой очень хвастался, подхватилъ опять Евгеній Павловичъ, — безъ этой стѣны ему нельзя будетъ краснорѣчиво умереть, а ему очень хочется краснорѣчиво умереть.

— Такъ что-же? пробормоталъ князь. — Если вы не захотите ему простить, такъ онъ и безъ васъ помретъ... Теперь онъ для деревьевъ переѣхалъ.

— О, съ моей стороны я ему все прощаю: можете ему это передать.

— Это не такъ надо понимать, тихо и какъ-бы нехотя отвѣтилъ князь, продолжая смотрѣть въ одну точку на полу и не подымая глазъ, — надо такъ, чтобъ и вы согласились принять отъ него прощеніе.

— Я-то въ чемъ тутъ? Въ чемъ я предъ нимъ виноватъ?

— Если не понимаете, такъ... но вы вѣдь понимаете; ему хотѣлось тогда... всѣхъ васъ благословить и отъ васъ благословенія получить, вотъ и все...

— Милый князь, какъ-то опасливо подхватилъ поскорѣе князь Щ., переглянувшись кое съ кѣмъ изъ присутствовавшихъ, — рай на землѣ не легко достается; а вы все-таки нѣсколько на рай разсчитываете: рай вещь трудная, князь, гораздо труднѣе чѣмъ кажется вашему прекрасному сердцу. Перестанемте лучше, а то мы всѣ опять, пожалуй, сконфузимся, и тогда...

— Пойдемте на музыку, рѣзко проговорила Лизавета Прокофьевна, сердито подымаясь съ мѣста.

За нею встали всѣ.

II.

Князь вдругъ подошелъ къ Евгенію Павловичу.

— Евгеній Павлычъ, сказалъ онъ съ странною горячностью, схвативъ его за руку, — будьте увѣрены, что я васъ считаю за самаго благороднѣйшаго и лучшаго человѣка, не смотря ни на что; будьте въ этомъ увѣрены...

Евгеній Павловичъ даже отступилъ на шагъ отъ удивленія. Мгновеніе онъ удерживался отъ нестерпимаго припадка смѣха; но приглядѣвшись ближе, онъ замѣтилъ, что князь былъ какъ-бы не въ себѣ, по крайней мѣрѣ, въ какомъ-то особенномъ состояніи.

— Бьюсь объ закладъ, вскричалъ онъ, — что вы, князь, хотѣли совсѣмъ не то сказать и, можетъ быть, совсѣмъ и не мнѣ... Но что съ вами? Не дурно-ли вамъ?

— Можетъ быть, очень можетъ быть, и вы очень тонко замѣтили, что, можетъ быть, я не къ вамъ хотѣлъ подойдти!

Сказавъ это, онъ какъ-то странно и даже смѣшно улыбнулся, но вдругъ, какъ-бы разгорячившись, воскликнулъ:

— Не напоминайте мнѣ про мой поступокъ три дня назадъ! Мнѣ очень стыдно было эти три дня... Я знаю, что я виноватъ...

— Да... да что-же вы такого ужаснаго сдѣлали?

— Я вижу, что вамъ, можетъ быть, за меня всѣхъ стыднѣе, Евгеній Павловичъ; вы краснѣете, это черта прекраснаго сердца. Я сейчасъ уйду, будьте увѣрены.

— Да что это онъ! Припадки что-ли у него такъ начинаются? испуганно обратилась Лизавета Прокофьевна къ Колѣ.

— Не обращайте вниманія, Лизавета Прокофьевна, у меня не припадокъ: я сейчасъ уйду. Я знаю, что я... обиженъ природой. Я былъ двадцать четыре года боленъ, до двадцатичетырехлѣтняго возраста отъ рожденія. Примите-же какъ отъ больнаго и теперь. Я сейчасъ уйду, сейчасъ, будьте увѣрены. Я не краснѣю, — потому что вѣдь отъ этого страшно-же краснѣть, не правда-ли? — но въ обществѣ я лишній ... Я не отъ самолюбія... Я въ эти три дня передумалъ и рѣшилъ, что я васъ искренно и благородно должень увѣдомить при первомъ случаѣ. Есть такія идеи, есть высокія идеи, о которыхъ я не долженъ начинать говорить, потому что я непремѣнно всѣхъ насмѣшу; князь Щ. про это самое мнѣ сейчасъ напомнилъ... У меня нѣтъ жеста приличнаго, чувства мѣры нѣтъ: у меня слова другія, а не соотвѣтственныя мысли, а это униженіе для этихъ мыслей. И потому я не имѣю права... къ тому-же я мнителенъ, я.. я убѣжденъ, что въ этомъ домѣ меня не могутъ обидѣть и любятъ меня болѣе чѣмъ я стою, но я знаю (я вѣдь навѣрно знаю), что послѣ двадцати лѣтъ болѣзни непремѣнно должно было что нибудь да остаться, такъ что нельзя не смѣяться надо мной... иногда... вѣдь такъ?

Онъ какъ-бы ждалъ отвѣта и рѣшенія, озираясь кругомъ. Всѣ стояли въ тяжеломъ недоумѣніи отъ этой неожиданной, болѣзненной и, казалось-бы, во всякомъ случаѣ безпричинной выходки. Но эта выходка подала поводъ къ странному эпизоду.

— Для чего вы это здѣсь говорите? вдругъ вскричала Аглая: — для чего вы это *имъ* говорите? Имъ! Имъ!

Казалось, она была въ послѣдней степени негодованія: глаза ея метали искры. Князь стоялъ предъ ней нѣмой и безгласный и вдругъ поблѣднѣлъ.

— Здѣсь ни одного нѣтъ, который-бы стоилъ такихъ словъ! разразилась Аглая, — здѣсь всѣ, всѣ не стоятъ вашего мизинца, ни ума, ни сердца вашего! Вы честнѣе всѣхъ, благороднѣе всѣхъ, лучше всѣхъ, добрѣе всѣхъ, умнѣе всѣхъ! — Здѣсь есть недостойные нагнуться и поднять платокъ который вы сейчасъ уронили... Для чего-же вы себя унижаете и ставите ниже всѣхъ? Зачѣмъ вы все въ себѣ исковеркали, зачѣмъ въ васъ гордости нѣтъ?

— Господи, можно-ли было подумать! всплеснула руками Лизавета Прокофьевна.

— Рыцарь бѣдный! Ура! крикнулъ въ упоеніи Коля.

— Молчите!.. Какъ смѣютъ меня здѣсь обижать въ вашемъ домѣ! набросилась вдругъ Аглая на Лизавету Прокофьевну, уже въ томъ истерическомъ состояніи, когда не смотрятъ ни на какую черту и переходятъ всякое препятствіе. — Зачѣмъ меня всѣ, всѣ

до единаго мучаютъ! Зачѣмъ они, князь, всѣ три дня пристаютъ ко мнѣ изъ-за васъ? Я ни за что за васъ не выйду замужъ! Знайте, что ни за что и никогда! Знайте это! Развѣ можно выйдти за такого смѣшнаго какъ вы? Вы посмотрите теперь въ зеркало на себя, какой вы стоите теперь!.. Зачѣмъ, зачѣмъ они дразнятъ меня, что я за васъ выйду замужъ? Вы должны это знать! Вы тоже въ заговорѣ съ ними!

— Никто никогда не дразнилъ! пробормотала въ испугѣ Аделаида.

— На умѣ ни у кого не было, слова такого не было сказано! вскричала Александра Ивановна.

— Кто ее дразнилъ? Когда ее дразнили? Кто могъ ей это сказать? Бредитъ она, или нѣтъ? трепеща отъ гнѣва, обращалась ко всѣмъ Лизавета Прокофьевна.

— Всѣ говорили, всѣ до одного, всѣ три дня! Я никогда, никогда не выйду за него замужъ!

Прокричавъ это, Аглая залилась горькими слезами, закрыла лицо платкомъ и упала на стулъ.

— Да онъ тебя еще и не прос...

— Я васъ не просилъ, Аглая Ивановна, вырвалось вдругъ у князя.

— Что-о? въ удивленіи, въ негодованіи, въ ужасѣ протянула вдругъ Лизавета Прокофьевна:—что та-а-кое?

Она ушамъ своимъ не хотѣла вѣрить.

— Я хотѣлъ сказать... я хотѣлъ сказать, затрепеталъ князь,— я хотѣлъ только изъяснить Аглаѣ Ивановнѣ... имѣть такую честь объяснить, что я вовсе не имѣлъ намѣренія... имѣть честь просить ея руки... даже когда нибудь... Я тутъ ни въ чемъ не виноватъ, ей Богу, не виноватъ, Аглая Ивановна! Я никогда не хотѣлъ, и никогда у меня въ умѣ не было, никогда не захочу, вы сами увидите: будьте увѣрены! Тутъ какой нибудь злой человѣкъ меня оклеветалъ предъ вами! Будьте спокойны!

Говоря это, онъ приблизился къ Аглаѣ. Она отняла платокъ, которымъ закрывала лицо, быстро взглянула на него и на всю его испуганную фигуру, сообразила его слова и вдругъ разразилась хохотомъ прямо ему въ глаза,—такимъ веселымъ и неудержимымъ хохотомъ, такимъ смѣшнымъ и насмѣшливымъ хохотомъ, что Аделаида первая не выдержала, особенно когда тоже поглядѣла на князя, бросилась къ сестрѣ, обняла ее и захохотала такимъ-же неудержимымъ, школьнически-веселымъ смѣхомъ, какъ и та. Глядя на нихъ, вдругъ сталъ улыбаться и князь, и съ радостнымъ и счастливымъ выраженіемъ сталъ повторять:

— Ну, слава Богу, слава Богу!

Тутъ уже не выдержала и Александра и захохотала отъ всего сердца. Казалось, этому хохоту всѣхъ трехъ и конца не будетъ.

— Ну, сумасшедшія! пробормотала Лизавета Прокофьевна:— то напугаютъ, а то...

Но смѣялся уже и князь Щ., смѣялся и Евгеній Павловичъ, хохоталъ Коля безъ умолку, хохоталъ, глядя на всѣхъ, и князь.

— Пойдемте гулять, пойдемте гулять! кричала Аделаида: —всѣ вмѣстѣ и непремѣнно князь съ нами; не зачѣмъ вамъ уходить, милый вы человѣкъ! Что за милый онъ человѣкъ, Аглая? Не правда-ли, маманя? Къ тому-же я непремѣнно, непремѣнно должна его поцѣловать и обнять за... за его объясненіе сейчасъ съ Аглаей. Маман, милая, позвольте мнѣ поцѣловать его? Аглая! позволь мнѣ поцѣловать *твоего* князя! крикнула шалунья и дѣйствительно подскочила къ князю и поцѣловала его въ лобъ. Тотъ схватилъ ея руки, крѣпко сжалъ, такъ что Аделаида чуть не вскрикнула, съ безконечною радостію поглядѣлъ на нее и вдругъ быстро поднесъ ея руку къ губамъ и поцѣловалъ три раза.

— Идемте-же! звала Аглая.—Князь, вы меня поведете. Можно это, маман? Отказавшему мнѣ жениху? Вѣдь вы ужь отъ меня отказались на вѣки, князь? Да не такъ, не такъ подаютъ руку дамъ, развѣ вы не знаете какъ надо взять подъ руку даму? Вотъ такъ, пойдемте, мы пойдемъ впереди всѣхъ; хотите вы идти впереди всѣхъ, tête à tête?

Она говорила безъ умолку, все еще смѣясь порывами.

— Слава Богу! Слава Богу! твердила Лизавета Прокофьевна, сама не зная чему радуясь.

«Чрезвычайно странные люди!» подумалъ князь Щ., можетъ быть, въ сотый уже разъ съ тѣхъ поръ какъ сошелся съ ними, но... ему нравились эти странные люди. Что-же касается до князя, то, можетъ быть, онъ ему и не слишкомъ нравился: князь Щ. былъ нѣсколько нахмуренъ и какъ-бы озабоченъ, когда всѣ вышли на прогулку.

Евгеній Павловичъ, казалось, былъ въ самомъ веселомъ расположеніи, всю дорогу до вокзала смѣшилъ Александру и Аделаиду, которыя съ какою-то уже слишкомъ особенною готовностію смѣялись его шуткамъ, до того, что онъ сталъ мелькомъ подозрѣвать, что онѣ, можетъ быть, совсѣмъ его и не слушаютъ. Отъ этой мысли онъ вдругъ, и не объясняя причины, расхохотался, наконецъ, чрезвычайно и совершенно искренно (таковъ уже былъ характеръ!). Сестры, бывшія, впрочемъ, въ самомъ праздничномъ настроеніи, безпрерывно поглядывали на Аглаю и князя, шедшихъ впереди; видно было, что младшая сестрица задала имъ большую загадку.

Князь Щ. все старался заговаривать съ Лизаветой Прокофьевной о вещахъ посторонннхъ, можетъ быть, чтобы развлечь ее, и надоѣлъ ей ужасно. Она, казалось, была совсѣмъ съ разбитыми мыслями, отвѣчала невпопадъ и не отвѣчала иной разъ совсѣмъ. Но загадки Аглаи Ивановны еще не кончились въ этотъ вечеръ. Послѣдняя пришлась на долю уже одного князя. Когда отошли шаговъ сто отъ дачи, Аглая быстрымъ полушепотомъ сказала своему упорно молчавшему кавалеру:

— Поглядите направо.

Князь взглянулъ.

— Глядите внимательнѣе. Видите вы ту скамейку, въ паркѣ, вонъ гдѣ эти три большія дерева... зеленая скамейка?

Князь отвѣтилъ, что видитъ.

— Нравится вамъ мѣстоположеніе? Я иногда рано, часовъ въ семь утра, когда всѣ еще спятъ, сюда одна прихожу сидѣть.

Князь пробормоталъ, что мѣстоположеніе прекрасное.

— А теперь идите отъ меня, я не хочу съ вами больше идти подъ руку. Или лучше идите подъ руку, но не говорите со мной ни слова. Я хочу одна думать про себя...

Предупрежденіе во всякомъ случаѣ напрасное: князь навѣрно не выговорилъ-бы ни одного слова во всю дорогу и безъ приказанія. Сердце его застучало ужасно, когда онъ выслушалъ о скамейкѣ. Чрезъ минуту онъ одумался и со стыдомъ прогналъ свою нелѣпую мысль.

Въ Павловскомъ вокзалѣ по будиямъ, какъ извѣстно и какъ всѣ, по крайней мѣрѣ, утверждаютъ, публика собирается избраннѣе чѣмъ по воскресеньямъ и по праздникамъ, когда наѣзжаютъ всякіе люди изъ города. Туалеты не праздничные, но изящные. На музыку сходиться принято. Оркестръ, можетъ быть, дѣйствительно лучшій изъ нашихъ садовыхъ оркестровъ, играетъ вещи новыя. Приличіе и чинность чрезвычайныя, не смотря на нѣкоторый общій видъ семейственности и даже интимности. Знакомые, всѣ дачники, сходятся оглядывать другъ друга. Многіе исполняютъ это съ истиннымъ удовольствіемъ и приходятъ только для этого; но есть и такіе, которые ходятъ для одной музыки. Скандалы необыкновенно рѣдки, хотя однако-же бываютъ даже и въ будни. Но безъ этого вѣдь невозможно.

На этотъ разъ вечеръ былъ прелестный, да и публики было довольно. Всѣ мѣста около играющаго оркестра были заняты. Наша компанія усѣлась на стульяхъ нѣсколько въ сторонѣ, близъ самаго дальняго выхода изъ вокзала. Толпа, музыка нѣсколько оживили Лизавету Прокофьевну и развлекли барышень: онѣ успѣли пере-

глянуться кое-съ кѣмъ изъ знакомыхъ и издали любезно кивнуть кой-кому головой: успѣли оглядѣть костюмы, замѣтить кой-какія странности, переговорить о нихъ, насмѣшливо улыбнуться. Евгеній Павловичъ тоже очень часто раскланивался. На Аглаю и князя, которые все еще были вмѣстѣ, кое-кто уже обратили вниманіе. Скоро къ маменькѣ и къ барышнямъ подошли кое-кто изъ знакомыхъ молодыхъ людей; двое или трое остались разговаривать: всѣ были пріятели съ Евгеніемъ Павловичемъ. Между ними находился одинъ молодой и очень красивый собой офицеръ, очень веселый, очень разговорчивый; онъ поспѣшилъ заговорить съ Аглаей и всѣми силами старался обратить на себя ея вниманіе. Аглая была съ нимъ очень милостива и чрезвычайно смѣшлива. Евгеній Павловичъ попросилъ у князя позволенія познакомить его съ этимъ пріятелемъ; князь едва понялъ, что съ нимъ хотятъ дѣлать, но знакомство состоялось, оба раскланялись и подали другъ другу руки. Пріятель Евгенія Павловича сдѣлалъ одинъ вопросъ, но князь, кажется, на него не отвѣтилъ или до того странно промямлилъ что-то про себя, что офицеръ посмотрѣлъ на него очень пристально, взглянулъ потомъ на Евгенія Павловича, тотчасъ понялъ для чего тотъ выдумалъ это знакомство, чуть-чуть усмѣхнулся и обратился опять къ Аглаѣ. Одинъ Евгеній Павловичъ замѣтилъ, что Аглая внезапно при этомъ покраснѣла.

Князь даже и не замѣчалъ того, что другіе разговариваютъ и любезничаютъ съ Аглаей, даже чуть не забывалъ минутами, что и самъ сидитъ подлѣ нея. Иногда ему хотѣлось уйдти куда нибудь, совсѣмъ исчезнуть отсюда, и даже ему-бы нравилось мрачное, пустынное мѣсто, только чтобы быть одному съ своими мыслями, и чтобы никто не зналъ гдѣ онъ находится. Или, по крайней мѣрѣ, быть у себя дома, на террасѣ, но такъ, чтобы никого при этомъ не было, ни Лебедева, ни дѣтей; броситься на свой диванъ, уткнуть лицо въ подушку и пролежать такимъ образомъ день, ночь, еще день. Мгновеніями ему мечтались и горы, и именно одна знакомая точка въ горахъ, которую онъ всегда любилъ припоминать, и куда онъ любилъ ходить, когда еще жилъ тамъ, и смотрѣть оттуда внизъ на деревню, на чуть мелькавшую внизу бѣлую нитку водопада, на бѣлыя облака, на заброшенный старый замокъ. О, какъ-бы онъ хотѣлъ очутиться теперь тамъ и думать объ одномъ, — о! всю жизнь объ этомъ только — и на тысячу лѣтъ-бы хватило! И пусть, пусть здѣсь совсѣмъ забудутъ его. О, это даже нужно, даже лучше, если-бъ и совсѣмъ не знали его, и все это видѣніе было-бы въ одномъ только снѣ. Да и не все-ли равно, что во снѣ, что на яву! Иногда вдругъ онъ начиналъ приглядываться къ Аглаѣ и по пяти

минуту не отрывался взглядомъ отъ ея лица: но взглядъ его былъ слишкомъ страненъ: казалось, онъ глядѣлъ на нее какъ на предметъ, находящійся отъ него за двѣ версты, или какъ-бы на портретъ ея, а не на нее самое.

— Что вы на меня такъ смотрите, князь? сказала она вдругъ, прерывая веселый разговоръ и смѣхъ съ окружающими. — Я васъ боюсь: мнѣ все кажется, что вы хотите протянуть вашу руку и дотронуться до моего лица пальцемъ, чтобъ его пощупать. Не правда-ли, Евгеній Павлычъ, онъ такъ смотритъ?

Князь выслушалъ, казалось, въ удивленіи, что къ нему обратились, сообразилъ, хотя, можетъ быть, и не совсѣмъ понялъ, не отвѣтилъ, но видя, что она и всѣ смѣются, вдругъ раздвинулъ ротъ и началъ смѣяться и самъ. Смѣхъ кругомъ усилился; офицеръ, должно быть, человѣкъ смѣшливый, просто прыснулъ со смѣху. Аглая вдругъ гнѣвно прошептала про себя:

— Идіотъ!

— Господи! Да неужели она такого... неужели-жъ она совсѣмъ помѣшается! проскрежетала про себя Лизавета Прокофьевна.

— Это шутка. Это та-же шутка, что и тогда съ «бѣднымъ рыцаремъ», твердо прошептала ей на ухо Александра,—и ничего больше! Она, по своему, его опять на зубокъ подняла. Только слишкомъ далеко зашла эта шутка: это надо прекратить, maman! Давеча она какъ актриса коверкалась, насъ изъ-за шалости напугала...

— Еще хорошо, что на такого идіота нашла, перешепнулась съ ней Лизавета Прокофьевна. Замѣчаніе дочери все-таки облегчило ее.

Князь однако-же слышалъ какъ его назвали идіотомъ и вздрогнулъ, но не отъ того что его назвали идіотомъ. «Идіота» онъ тотчасъ забылъ. Но въ толпѣ, недалеко отъ того мѣста гдѣ онъ сидѣлъ, откуда-то сбоку—онъ-бы никакъ не указалъ въ какомъ именно мѣстѣ и въ какой точкѣ—мелькнуло одно лицо, блѣдное лицо, съ курчавыми темными волосами, съ знакомыми, очень знакомыми улыбкой и взглядомъ,—мелькнуло и исчезло. Очень могло быть, что это только вообразилось ему; отъ всего видѣнія остались у него во впечатлѣніи кривая улыбка, глаза и свѣтло-зеленый франтовской шейный галстукъ, бывшій на промелькнувшемъ господинѣ. Исчезъ-ли этотъ господинъ въ толпѣ, или проскользнулъ въ вокзалъ, князь тоже не могъ-бы опредѣлить.

Но минуту спустя онъ вдругъ быстро и безпокойно сталъ озираться кругомъ: это первое видѣніе могло быть предвѣстникомъ и предшественникомъ втораго видѣнія. Это должно было быть навѣрно.

Неужели онъ забылъ о возможной встрѣчѣ, когда отправлялись въ вокзалъ? Правда, когда онъ шелъ въ вокзалъ, то, кажется, и не зналъ совсѣмъ, что идетъ сюда,—въ такомъ онъ былъ состояніи. Если-бъ онъ умѣлъ или могъ быть внимательнѣе, то онъ еще четверть часа назадъ могъ-бы замѣтить, что Аглая изрѣдка и тоже какъ-бы съ безпокойствомъ мелькомъ оглядывается, тоже точно ищетъ чего-то кругомъ себя. Теперь, когда безпокойство его стало сильно замѣтно, возрасло волненіе и безпокойство Аглаи, и лишь только онъ оглядывался назадъ, почти тотчасъ-же оглядывалась и она. Разрѣшеніе тревоги скоро послѣдовало.

Изъ того самаго боковаго выхода изъ вокзала, близъ котораго помѣщались князь и вся компанія Епанчиныхъ, вдругъ показалась цѣлая толпа, человѣкъ, по крайней мѣрѣ, въ десять. Впереди толпы были три женщины: двѣ изъ нихъ были удивительно хороши собой, и не было ничего страннаго, что за ними двигается столько поклонниковъ. Но и поклонники, и женщины,—все это было нѣчто особенное, нѣчто совсѣмъ не такое какъ остальная публика, собравшаяся на музыку. Ихъ тотчасъ замѣтили почти всѣ, но большею частію старались показывать видъ, что совершенно ихъ не видятъ, и только развѣ нѣкоторые изъ молодежи улыбнулись на нихъ, передавая другъ другу что-то вполголоса. Не видѣть ихъ совсѣмъ было нельзя: они явно заявляли себя, говорили громко, смѣялись. Можно было предположить, что между ними многіе и хмѣльные, хотя на видъ нѣкоторые были въ франтовскихъ и изящныхъ костюмахъ: но тутъ-же были и весьма страннаго вида, въ странномъ платьѣ, съ странно-воспламененными лицами; между ними было нѣсколько военныхъ; были и не изъ молодежи: были комфортно одѣтые въ широко и изящно сшитомъ платьѣ, съ перстнями и запонками, въ великолѣпныхъ смоляно-черныхъ парикахъ и бакенбардахъ и съ особенно благородною, хотя нѣсколько брезгливою осанкой въ лицѣ, но отъ которыхъ, впрочемъ, сторонятся въ обществѣ какъ отъ чумы. Между нашими загородными собраніями, конечно, есть и отличающіяся необыкновенною чинностію и имѣющія особенно хорошую репутацію; но самый осторожный человѣкъ не можетъ всякую минуту защититься отъ кирпича, падающаго съ сосѣдняго дома. Этотъ кирпичъ готовился теперь упасть и на чинную публику, собравшуюся у музыки.

Чтобы перейдти изъ вокзала на площадку, гдѣ расположенъ оркестръ, надобно сойдти три ступеньки. У самыхъ этихъ ступенекъ и остановилась толпа; сходить не рѣшались, но одна изъ женщинъ выдвинулась впередъ: за нею осмѣлились послѣдовать только двое изъ ея свиты. Одинъ былъ довольно скромнаго вида

человѣкъ среднихъ лѣтъ, съ порядочною наружностью во всѣхъ отношеніяхъ, но имѣвшій видъ рѣшительнаго бобыля, то есть изъ такихъ, которые никогда никого не знаютъ, и которыхъ никто не знаетъ. Другой, не отставшій отъ своей дамы, былъ совсѣмъ оборванецъ, самаго двусмысленнаго вида. Никто больше не послѣдовалъ за эксцентричною дамой; но сходя внизъ, она даже и не оглянулась назадъ, какъ будто ей рѣшительно все равно было, слѣдуютъ-ли за ней или нѣтъ. Она смѣялась и громко разговаривала по прежнему; одѣта была съ чрезвычайнымъ вкусомъ и богато, но нѣсколько пышнѣе чѣмъ слѣдовало. Она направилась мимо оркестра на другую сторону площадки, гдѣ близъ дороги ждала кого-то чья-то коляска.

Князь не видалъ *ея* уже слишкомъ три мѣсяца. Всѣ эти дни по пріѣздѣ въ Петербургъ онъ собирался быть у нея; но, можетъ быть, тайное предчувствіе останавливало его. По крайней мѣрѣ, онъ никакъ не могъ угадать предстоящее ему впечатлѣніе при встрѣчѣ съ нею, а онъ со страхомъ старался иногда представить его. Одно было ясно ему, — что встрѣча будетъ тяжелая. Нѣсколько разъ припоминалъ онъ въ эти шесть мѣсяцевъ то первое ощущеніе, которое произвело на него лицо этой женщины, еще когда онъ увидалъ его только на портретѣ; но даже во впечатлѣніи отъ портрета, припоминалъ онъ, было слишкомъ много тяжелаго. Тотъ мѣсяцъ въ провинціи, когда онъ чуть не каждый день видѣлся съ нею, произвелъ на него дѣйствіе ужасное, до того, что князь отгонялъ иногда даже воспоминаніе объ этомъ еще недавнемъ времени. Въ самомъ лицѣ этой женщины всегда было для него что-то мучительное: князь, разговаривая съ Рогожинымъ, перевелъ это ощущеніе ощущеніемъ безконечной жалости, и это была правда: лицо это еще съ портрета вызывало изъ его сердца цѣлое страданіе жалости; это впечатлѣніе состраданія и даже страданія за это существо не оставляло никогда его сердца, не оставило и теперь. О, нѣтъ, даже было еще сильнѣе. Но тѣмъ, что онъ говорилъ Рогожину, князь остался недоволенъ; и только теперь, въ это мгновеніе ея внезапнаго появленія, онъ понялъ, можетъ быть, непосредственнымъ ощущеніемъ, чего не доставало въ его словахъ Рогожину. Не доставало словъ, которыя могли-бы выразить ужасъ: да, ужасъ! Онъ теперь, въ эту минуту, вполнѣ ощущалъ его: онъ былъ увѣренъ, былъ вполнѣ убѣжденъ, по своимъ особымъ причинамъ, что эта женщина — помѣшанная. Если-бы, любя женщину болѣе всего на свѣтѣ, или предвкушая возможность такой любви, вдругъ увидѣть ее на цѣпи, за желѣзною рѣшеткой, подъ палкой смотрителя,—то такое впечатлѣніе было-бы нѣсколько сходно съ тѣмъ, что ощутилъ теперь князь.

— Что съ вами? быстро прошептала Аглая, оглядываясь на него и наивно дергая его за руку.

Онъ повернулъ къ ней голову, поглядѣлъ на нее, взглянулъ въ ея черные, непонятно для него сверкавшіе въ эту минуту глаза, попробовалъ усмѣхнуться ей, но вдругъ, точно мгновенно забывъ ее, опять отвелъ глаза направо и опять сталъ слѣдить за своимъ чрезвычайнымъ видѣніемъ. Настасья Филипповна проходила въ эту минуту мимо самыхъ стульевъ барышень. Евгеній Павловичъ продолжалъ разсказывать что-то, должно быть, очень смѣшное и интересное Александрѣ Ивановнѣ, говорилъ быстро и одушевленно. Князь помнилъ, что Аглая вдругъ произнесла полушепотомъ: «Какая...»

Слово непредѣленное и недоговоренное; она мигомъ удержалась и не прибавила ничего болѣе, но этого было уже довольно. Настасья Филипповна, проходившая какъ-бы не примѣчая никого въ особенности, вдругъ обернулась въ ихъ сторону и какъ будто только теперь примѣтила Евгенія Павловича.

— Б-ба! Да вѣдь вотъ онъ! воскликнула она, вдругъ останавливаясь: — то ни съ какими курьерами не отыщешь, то какъ нарочно тамъ сидитъ гдѣ и не вообразишь... Я вѣдь думала, что ты тамъ... у дяди!

Евгеній Павловичъ вспыхнулъ, обиженно посмотрѣлъ на Настасью Филипповну, но поскорѣй опять отъ нея отвернулся.

— Что?! Развѣ не знаешь? Онъ еще не знаетъ, представьте себѣ! Застрѣлился! Давеча утромъ дядя твой застрѣлился! Мнѣ еще давеча въ два часа сказывали: да ужь полгорода теперь знаетъ: трехсотъ пятидесяти тысячъ казенныхъ нѣтъ, говорятъ, а другіе говорятъ: пятисотъ. А я-то все разсчитывала, что онъ тебѣ еще наслѣдство оставитъ; все просвисталъ. Развратнѣйшій былъ старикашка... Ну, прощай, bonne chance! Такъ неужели не съѣздишь? То-то ты въ отставку заблаговременно вышелъ, хитрецъ! Да вздоръ, зналъ, зналъ заранѣе: можетъ, вчера еще зналъ...

Хотя въ нагломъ приставаніи, въ афишеваніи знакомства и короткости, которыхъ не было, заключалась непремѣнно цѣль, и въ этомъ уже не могло быть теперь никакого сомнѣнія, — но Евгеній Павловичъ думалъ сначала отдѣлаться какъ нибудь такъ, и во что бы то ни стало не замѣтить обидчицы. Но слова Настасьи Филипповны ударили въ него какъ громомъ: услыхавъ о смерти дяди, онъ побѣлѣлъ какъ платокъ и повернулся къ вѣстовщицѣ. Въ эту минуту Лизавета Прокофьевна быстро поднялась съ мѣста, подняла всѣхъ за собой и чуть не побѣжала оттуда. Только князь Левъ Николаевичъ остался на одну секунду на мѣстѣ, какъ-бы въ

нерѣшимости, да Евгеній Павловичъ все еще стоялъ, не опомнившись. Но Епанчины не успѣли отойдти и двадцати шаговъ, какъ разразился страшный скандалъ.

Офицеръ, большой пріятель Евгенія Павловича, разговаривавшій съ Аглаей, былъ въ высшей степени негодованія:

— Тутъ просто хлыстъ надо, иначе ничѣмъ не возьмешь съ этою тварью! почти громко проговорилъ онъ. (Онъ, кажется, былъ и прежде конфидентомъ Евгенія Павловича).

Настасья Филипповна мигомъ обернулась къ нему. Глаза ея сверкнули: она бросилась къ стоявшему въ двухъ шагахъ отъ нея и совѣмъ незнакомому ей молодому человѣку, державшему въ рукѣ тоненькую, плетеную тросточку, вырвала ее у него изъ рукъ и изо всей силы хлестнула своего обидчика наискось по лицу. Все это произошло въ одно мгновеніе... Офицеръ, не помня себя, бросился на нее: около Настасьи Филипповны уже не было ея свиты; приличный господинъ среднихъ лѣтъ уже успѣлъ ступеваться совершенно, а господинъ навеселѣ стоялъ въ сторонѣ и хохоталъ что было мочи. Чрезъ минуту, конечно, явилась-бы полиція, но въ эту минуту горько пришлось-бы Настасьѣ Филипповнѣ, если-бы не подоспѣла неожиданная помощь: князь, остановившійся тоже въ двухъ шагахъ, успѣлъ схватить сзади за руки офицера. Вырывая свою руку, офицеръ сильно оттолкнулъ его въ грудь; князь отлетѣлъ шага на три и упалъ на стулъ. Но у Настасьи Филипповны уже явились еще два защитника. Предъ нападавшимъ офицеромъ стоялъ боксеръ, авторъ знакомой читателю статьи и дѣйствительный членъ прежней Рогожинской компаніи.

— Келлеръ! Поручикъ въ отставкѣ, отрекомендовался онъ съ форсомъ. — Угодно въ рукопашную, капитанъ, то. замѣняя слабый полъ, къ вашимъ услугамъ; произошелъ весь англійскій боксъ. Не толкайтесь, капитанъ: сочувствую *кровавой* обидѣ, но не могу позволить кулачнаго права съ женщиной въ глазахъ публики. Если-же, какъ прилично блага-ародіѣйшему лицу на другой манеръ, то... вы меня, разумѣется, понимать должны, капитанъ...

Но капитанъ уже опомнился и уже не слушалъ его. Въ эту минуту появившійся изъ толпы Рогожинъ быстро подхватилъ подъ руку Настасью Филипповну и повелъ ее за собой. Съ своей стороны, Рогожинъ казался потрясеннымъ ужасно, былъ блѣденъ и дрожалъ. Уводя Настасью Филипповну, онъ успѣлъ таки злобно засмѣяться въ глаза офицеру и съ видомъ торжествующаго гостинодворца проговорить:

— Фью! Что взялъ! Рожа-то въ кровп! Фью!

Опомнившись и совершенно догадавшись съ кѣмъ имѣетъ дѣло,

офицеръ вѣжливо (закрывая впрочемъ лицо платкомъ) обратился къ князю, уже вставшему со стула.

— Князь Мышкинъ, съ которымъ я имѣлъ удовольствіе познакомиться?

— Она сумасшедшая! Помѣшанная! Увѣряю васъ! отвѣчалъ князь дрожащимъ голосомъ, протянувъ къ нему для чего-то свои дрожащія руки.

— Я, конечно, не могу похвалиться такими свѣдѣніями: но мнѣ надо знать ваше имя.

Онъ кивнулъ головой и отошелъ. Полиція подосѣла ровно пять секундъ спустя послѣ того какъ скрылись послѣднія дѣйствующія лица. Впрочемъ, скандалъ продолжался никакъ не долѣе двухъ минутъ. Кое кто изъ публики встали со стульевъ и ушли, другіе только пересѣли съ одинхъ мѣстъ на другія; третьи были очень рады скандалу: четвертые сильно заговорили и заинтересовались. Однимъ словомъ, дѣло кончилось по обыкновенію. Оркестръ заигралъ снова. Князь пошелъ вслѣдъ за Епанчиными. Если-бъ онъ догадался, или успѣлъ взглянуть налѣво, когда сидѣлъ на стулѣ, послѣ того какъ его оттолкнули, то увидѣлъ-бы Аглаю, шагахъ въ двадцати отъ него, остановившуюся глядѣть на скандальную сцену и не слушавшую призывовъ матери и сестеръ, отошедшихъ уже далѣе. Князь Щ., подбѣжавъ къ ней, уговорилъ ее, наконецъ, поскорѣе уйдти. Лизавета Прокофьевна запомнила, что Аглая воротилась къ нимъ въ такомъ волненіи, что врядъ-ли и слышала ихъ призывы. Но ровно чрезъ двѣ минуты, когда только вошли въ паркъ, Аглая проговорила своимъ обыкновеннымъ равнодушнымъ и капризнымъ голосомъ:

— Мнѣ хотѣлось посмотрѣть чѣмъ кончится комедія.

III.

Происшествіе въ вокзалѣ поразило и маманю и дочекъ почти ужасомъ. Въ тревогѣ и въ волненіи, Лизавета Прокофьевна буквально чуть не бѣжала съ дочерьми изъ вокзала всю дорогу домой. Но ея взгляду и понятіямъ, слишкомъ много произошло и обнаружилось въ этомъ происшествіи, такъ что въ головѣ ея, не смотря на весь безпорядокъ и испугъ, зарождались уже мысли рѣшительныя. Но и всѣ понимали, что случилось нѣчто особенное, и что, можетъ быть, еще и къ счастію, начинаетъ обнаруживаться какая-то чрезвычайная тайна. Не смотря на прежнія завѣренія и объясне-

нія князя Щ., Евгеній Павловичъ «выведенъ былъ теперь наружу», обличенъ, открытъ и «обнаруженъ формально въ своихъ связяхъ съ этою тварью». Такъ думала Лизавета Прокофьевна и даже объ старшія дочери. Выигрышъ изъ этого вывода былъ тотъ, что еще больше накопилось загадокъ. Дѣвицы хоть и негодовали отчасти про себя на слишкомъ уже сильный испугъ и такое явное бѣгство мамани, но, въ первое время сумятицы, безпокоить ее вопросами не рѣшались. Кромѣ того, почему-то казалось имъ, что сестрица ихъ, Аглая Ивановна, можетъ быть, знаетъ въ этомъ дѣлѣ болѣе чѣмъ всѣ онѣ трое съ маманей. Князь Щ. былъ тоже мраченъ какъ ночь и тоже очень задумчивъ. Лизавета Прокофьевна не сказала съ нимъ во всю дорогу ни слова, а онъ, кажется, и не замѣтилъ того. Аделаида попробовала было у него спросить: «О комъ это дядѣ сейчасъ говорили и что тамъ такое въ Петербургѣ случилось?» Но онъ пробормоталъ ей въ отвѣтъ, съ самою кислою миной, что-то очень неопредѣленное о какихъ-то справкахъ, и что все это, конечно, одна нелѣпость. «Въ этомъ нѣтъ сомнѣнія! отвѣтила Аделаида и уже болѣе ни о чемъ не спрашивала. Аглая-же стала что-то необыкновенно спокойна и замѣтила только дорогой, что слишкомъ уже скоро сѣдутъ. Разъ она обернулась и увидѣла князя, который ихъ догонялъ: замѣтивъ его усилія ихъ догнать, она насмѣшливо улыбнулась и уже болѣе на него не оглядывалась.

Наконецъ, почти у самой дачи, повстрѣчался послѣдній имъ на встрѣчу Иванъ Ѳедоровичъ, только что возвратившійся изъ Петербурга. Онъ тотчасъ-же, съ перваго слова, освѣдомился объ Евгеніи Павловичѣ. Но супруга грозно прошла мимо него, не отвѣтивъ и даже не поглядѣвъ на него. По глазамъ дочерей и князя Щ. онъ тотчасъ-же догадался, что въ домѣ гроза. Но и безъ этого его собственное лицо отражало какое-то необыкновенное безпокойство. Онъ тотчасъ взялъ подъ руку князя Щ., остановилъ его у входа въ домъ и почти шепотомъ переговорилъ съ нимъ нѣсколько словъ. По тревожному виду обоихъ, когда взошли потомъ на террасу и прошли къ Лизаветѣ Прокофьевнѣ, можно было подумать, что они оба услыхали какое нибудь чрезвычайное извѣстіе. Мало-по-малу всѣ собрались у Лизаветы Прокофьевны наверху, и на террасѣ остался, наконецъ, одинъ только князь. Онъ сѣлъ въ углу, какъ-бы ожидая чего-то, а впрочемъ и самъ не зная зачѣмъ: ему и въ голову не приходило уѣхать, видя суматоху въ домѣ; казалось, онъ забылъ всю вселенную и готовъ былъ высидѣть хоть два года сряду, гдѣ-бы его ни посадили. Съ верху слышались ему иногда отголоски тревожнаго разговора. Онъ самъ-бы не сказалъ сколько просидѣлъ тутъ. Становилось поздно и со-

вѣмъ смеркло. На террасу вдругъ вышла Аглая; съ виду она была спокойна, хотя нѣсколько блѣдна. Увидѣвъ князя, котораго «очевидно не ожидала» встрѣтить здѣсь на стулѣ, въ углу, Аглая улыбнулась какъ-бы въ недоумѣніи.

— Что вы тутъ дѣлаете? подошла она къ нему.

Князь что-то пробормоталъ, сконфузясь, и вскочилъ со стула; но Аглая тотчасъ-же сѣла подлѣ него, усѣлся опять и онъ. Она вдругъ, по внимательно его осмотрѣла, потомъ посмотрѣла въ окно, какъ-бы безо всякой мысли, потомъ опять на него. «Можетъ быть, ей хочется засмѣяться», подумалось князю, «но нѣтъ, вѣдь она-бы тогда засмѣялась».

— Можетъ быть, вы чаю хотите, такъ я велю, сказала она послѣ нѣкотораго молчанія.

— Н-нѣтъ... Я не знаю...

— Ну какъ про это не знать! Ахъ, да, послушайте: если-бы васъ кто нибудь вызвалъ на дуэль, что-бы вы сдѣлали? Я еще давеча хотѣла спросить.

— Да... кто-же... меня никто не вызоветъ на дуэль.

— Ну если-бы вызвали? Вы-бы очень испугались?

— Я думаю, что я очень... боялся-бы.

— Серіозно? Такъ вы трусъ?

— Н-нѣтъ; можетъ быть, и нѣтъ. Трусъ тотъ, кто боится и бѣжитъ, а кто боится и не бѣжитъ, тотъ еще не трусъ, улыбнулся князь, пообдумавъ.

— А вы не убѣжите?

— Можетъ быть, и не убѣгу, засмѣялся онъ, наконецъ, вопросамъ Аглаи.

— Я хоть женщина, а ни за что-бы не убѣжала, замѣтила она чуть не обидчиво.—А впрочемъ, вы надо мной смѣетесь и кривляетесь по вашему обыкновенію, чтобы себѣ больше интересу придать; скажите: стрѣляютъ обыкновенно съ двѣнадцати шаговъ? Иные и съ десяти? Стало быть, это навѣрно быть убитымъ или раненымъ?

— На дуэляхъ, должно быть, рѣдко попадаютъ.

— Какъ рѣдко? Пушкина-же убили.

— Это, можетъ быть, случайно.

— Совсѣмъ не случайно; была дуэль на смерть, его и убили.

— Пуля попала такъ низко, что вѣрно Дантесъ цѣлилъ куда нибудь выше, въ грудь или въ голову: а такъ, какъ она попала, никто не цѣлитъ, стало быть, скорѣе всего пуля попала въ Пушкина случайно, уже съ промаха. Мнѣ это компетентные люди говорили.

— А мнѣ это одинъ солдатъ говорилъ, съ которымъ я одинъ разъ разговаривала. что имъ нарочно, по уставу, велѣно цѣлиться, когда они въ стрѣлки разсыпаются, въ полчеловѣка; такъ и сказано у нихъ: «въ полчеловѣка». Вотъ уже, стало быть, не въ грудь и не въ голову, а нарочно въ полчеловѣка велѣно стрѣлять. Я спрашивала потомъ у одного офицера, онъ говорилъ, что это точно такъ и вѣрно.

— Это вѣрно, потому что съ дальняго разстоянія.

— А вы умѣете стрѣлять?

— Я никогда не стрѣлялъ.

— Неужели и зарядить пистолетъ не умѣете?

— Не умѣю. То есть, я понимаю, какъ это сдѣлать, но я никогда самъ не заряжалъ.

— Ну, такъ значитъ и не умѣете, потому что тутъ нужна практика! Слушайте-же и заучите: во первыхъ, купите хорошаго пистолетнаго пороху, не мокраго (говорятъ, надо не мокраго, а очень сухаго), какого-то мелкаго, вы уже такого спросите, а не такого, которымъ изъ пушекъ палятъ. Пулю, говорятъ, сами какъ-то отливаютъ. У васъ пистолеты есть?

— Нѣтъ, и не надо, засмѣялся вдругъ князь.

— Ахъ, какой вздоръ! Непремѣнно купите, хорошій, французскій или англійскій, это, говорятъ, самые лучшіе. Потомъ возьмите пороху съ наперстокъ, можетъ быть, два наперстка, и всыпьте. Лучше ужъ побольше. Прибейте войлокомъ (говорятъ, непремѣнно надо войлокомъ почему-то), это можно гдѣ нибудь достать, изъ какого нибудь тюфяка, или двери иногда обиваютъ войлокомъ. Потомъ, когда всунете войлокъ, вложите пулю, — слышите-же, пулю потомъ, а порохъ прежде, а то не выстрѣлитъ. Чего вы смѣетесь? Я хочу, чтобы вы каждый день стрѣляли по нѣсколько разъ и непремѣнно-бы научились въ цѣль попадать. Сдѣлаете?

Князь смѣялся; Аглая въ досадѣ топнула ногой. Ея серіозный видъ, при такомъ разговорѣ, нѣсколько удивилъ князя. Онъ чувствовалъ отчасти, что ему-бы надо было про что-то узнать, про что-то спросить, — во всякомъ случаѣ про что-то посеріознѣе того какъ пистолетъ заряжаютъ. Но все это вылетѣло у него изъ ума, кромѣ одного того, что предъ нимъ сидитъ она, а онъ на нее глядитъ, а о чемъ-бы она ни заговорила, ему въ эту минуту было-бы почти все равно.

Съ верху на террасу сошелъ наконецъ самъ Иванъ Ѳедоровичъ: онъ куда-то отправлялся съ нахмуреннымъ, озабоченнымъ и рѣшительнымъ видомъ.

— А, Левъ Николаевичъ, ты... Куда теперь? спросилъ онъ,

не смотря на то, что Левъ Николаевичъ и не думалъ двигаться съ мѣста: — пойдемъ-ка, я тебѣ словцо скажу.

— До свиданія, сказала Аглая и протянула князю руку.

На террасѣ уже было довольно темно, князь не разглядѣлъ-бы въ это мгновеніе ея лица совершенно ясно. Чрезъ минуту, когда уже они съ генераломъ выходили съ дачи, онъ вдругъ ужасно покраснѣлъ и крѣпко сжалъ свою правую руку.

Оказалось, что Ивану Ѳедоровичу было съ нимъ по пути: Иванъ Ѳедоровичъ, не смотря на поздній часъ, торопился съ кѣмъ-то о чемъ-то поговорить. Но покамѣстъ онъ вдругъ заговорилъ съ княземъ быстро, тревожно, довольно безсвязно, часто поминая въ разговорѣ Лизавету Прокофьевну. Если-бы князь могъ быть въ эту минуту внимательнѣе, то онъ, можетъ быть, догадался-бы, что Ивану Ѳедоровичу хочется между прочимъ что-то и отъ него вывѣдать, или, лучше сказать, прямо и открыто о чемъ-то спросить его, но все не удается дотронуться до самой главной точки. Къ стыду своему, князь былъ до того разсѣянъ, что въ самомъ началѣ даже ничего и не слышалъ. И когда генералъ остановился предъ нимъ съ какимъ-то горячимъ вопросомъ, то онъ принужденъ былъ ему сознаться, что ничего не понимаетъ.

Генералъ пожалъ плечами.

— Странные вы все какіе-то люди стали, со всѣхъ сторонъ, пустился онъ опять говорить. — Говорю тебѣ, что я совѣмъ не понимаю идей и тревогъ Лизаветы Прокофьевны. Она въ истерикѣ и плачетъ, и говоритъ, что насъ осрамили и опозорили: Кто? Какъ? Съ кѣмъ? Когда и почему? Я, признаюсь, виноватъ (въ этомъ я сознаюсь), много виноватъ, но домогательства этой... безпокойной женщины (и дурно ведущей себя вдобавокъ) могутъ быть ограничены, наконецъ, полиціей, и я даже сегодня намѣренъ кое съ кѣмъ видѣться и предупредить. Все можно устроить тихо, кротко, ласково даже, по знакомству и отнюдь безъ скандала. Согласенъ тоже, что будущность чревата событіями, и что много неразъясненнаго; тутъ есть и интрига: но если здѣсь ничего не знаютъ, тамъ опять ничего объяснить не умѣютъ: если я не слыхалъ, ты не слыхалъ, тотъ не слыхалъ, пятый тоже ничего не слыхалъ, то кто-же, наконецъ, и слышалъ, спрошу тебя? Чѣмъ-же это объяснить, по твоему, кромѣ того, что на половину дѣло — миражъ, не существуетъ, въ родѣ того, какъ напримѣръ, свѣтъ луны... или другія привидѣнія.

Она помѣшанная, пробормоталъ князь, вдругъ припоминивъ, съ болью, все давешнее.

— Въ одно слово, если ты про эту. Меня тоже такая-же идея посѣщала отчасти, и я засыпалъ спокойно. Но теперь я вижу, что

тутъ думаютъ правильнѣе, и не вѣрю помѣшательству. Женщина вздорная, положимъ, но при этомъ даже тонкая, не только не безумная. Сегодняшняя выходка на счетъ Капитона Алексѣича это слишкомъ доказываетъ. Съ ея стороны дѣло мошенническое, то есть, по крайней мѣрѣ, іезуитское, для особыхъ цѣлей.

— Какого Капитона Алексѣича?

— Ахъ, Боже мой, Левъ Николаичъ, ты ничего не слушаешь. Я съ того и началъ, что заговорилъ съ тобой про Капитона Алексѣича: пораженъ такъ, что даже и теперь руки-ноги дрожатъ. Для того и въ городъ промедлилъ сегодня. Капитонъ Алексѣичъ Радомскій, дядя Евгенія Павлыча...

— Ну! вскричалъ князь.

— Застрѣлился, утромъ, на разсвѣтѣ, въ семь часовъ. Старичокъ, почтенный, семидесяти лѣтъ, эпикуреецъ,—и точь-въ-точь какъ она говорила, — казенная сумма, знатная сумма!

— Откуда-же она...

— Узнала-то? Ха-ха! Да вѣдь кругомъ нея уже цѣлый штабъ образовался, только что появилась. Знаешь какія лица теперь ее посѣщаютъ и ищутъ этой «чести знакомства». Натурально, давеча могла что нибудь услышать отъ приходившихъ, потому что теперь весь Петербургъ уже знаетъ, и здѣсь пол-Павловска или и весь уже Павловскъ. Но какое-же тонкое замѣчаніе ея на счетъ мундира-то, какъ мнѣ пересказали, то есть на счетъ того, что Евгеній Павлычъ заблаговременно успѣлъ выйдти въ отставку! Этакій адскій намекъ! Нѣтъ, это не выражаетъ сумасшествія. Я, конечно, отказываюсь вѣрить, что Евгеній Павлычъ могъ знать заранѣе про катастрофу, то есть, что такого-то числа, въ семь часовъ и т. д. Но онъ могъ все это предчувствовать. А я-то, а мы-то всѣ и князь Щ. разсчитывали, что еще тотъ ему наслѣдство оставитъ! Ужасъ! Ужасъ! Поймн, впрочемъ, я Евгенія Павлыча не обвиняю ни въ чемъ, и сейчасъ объяснить тебѣ, но все-таки, однако-жъ, подозрительно. Князь Щ. пораженъ чрезвычайно. Все это какъ-то странно стряслось.

— Но что-же въ поведеніи Евгенія Павлыча подозрительнаго?

— Ничего нѣтъ! Держалъ себя благороднѣйшимъ образомъ. Я и не намекалъ ни на что. Свое-то состояніе, я думаю, у него въ цѣлости. Лизавета Прокофьевна, разумѣется, и слышать не хочетъ... Но главное — всѣ эти семейныя катастрофы или, лучше сказать, всѣ эти дрязги, такъ что даже не знаешь, какъ и назвать... Ты, подлинно сказать, другъ дома, Левъ Николаичъ, и вообрази, сейчасъ оказывается, хоть впрочемъ и не точно, что

Евгеній Павлычъ будто-бы уже больше мѣсяца назадъ объяснился съ Аглаей и получилъ будто-бы отъ нея формальный отказъ.

— Быть не можетъ! съ жаромъ вскричалъ князь.

— Да развѣ ты что нибудь знаешь? Видишь, дражайшій, встрепенулся и удивился генералъ, останавливаясь на мѣстѣ какъ вкопаный, — я, можетъ быть, тебѣ напрасно и неприлично проговорился, но вѣдь это потому, что ты... что ты... можно сказать, такой человѣкъ. Можетъ быть, ты знаешь что нибудь особенное?

— Я ничего не знаю... объ Евгеніи Павлычѣ, пробормоталъ князь.

— И я не знаю! Меня... меня, братъ, хотятъ рѣшительно закопать въ землю и похоронить, и разсудить не хотятъ при этомъ, что это тяжело человѣку, и что я этого не вынесу. Сейчасъ такая сцена была, что ужасъ! Я какъ родному сыну тебѣ говорю. Главное, Аглая точно смѣется надъ матерью. Про то, что она, кажется, отказала Евгенію Павлычу съ мѣсяцъ назадъ, и что было у нихъ объясненіе, довольно формальное, сообщили сестры, въ видѣ догадки... впрочемъ, твердой догадки. Но вѣдь это такое самовольное и фантастическое созданіе, что и разсказать нельзя! Всѣ великодушія, всѣ блестящія качества сердца и ума, — это все, пожалуй, въ ней есть, но при этомъ капризъ, насмѣшки, — словомъ, характеръ бѣсовскій и вдобавокъ съ фантазіями. Надъ матерью сейчасъ насмѣялась въ глаза, надъ сестрами, надъ княземъ Щ.; про меня и говорить нечего, надо мной она рѣдко когда не смѣется, но вѣдь я что̀, я, знаешь, люблю ее, люблю даже что она смѣется,— и, кажется, бѣсенокъ этотъ меня за это особенно любитъ, то есть больше всѣхъ другихъ, кажется. Побьюсь объ закладъ, что она и надъ тобой уже въ чемъ нибудь насмѣялась. Я васъ сейчасъ засталъ въ разговорѣ послѣ давешней грозы на верху: она съ тобой сидѣла какъ ни въ чемъ не бывало.

Князь покраснѣлъ ужасно и сжалъ правую руку, но промолчалъ.

— Милый, добрый мой Левъ Николаичъ! съ чувствомъ и съ жаромъ сказалъ вдругъ генералъ: — я... и даже сама Лизавета Прокофьевна (которая, впрочемъ, тебя опять начала честить, а вмѣстѣ съ тобой и меня за тебя, не понимаю только за что̀). мы все-таки тебя любимъ, любимъ искренно и уважаемъ, не смотря даже ни на что̀, то есть на всѣ видимости. Но согласись, милый другъ, согласись самъ, какова вдругъ загадка. и какова досада слышать, когда вдругъ этотъ хладнокровный бѣсенокъ (потому что она стояла предъ матерью съ видомъ глубочайшаго презрѣнія ко всѣмъ нашимъ вопросамъ, а къ моимъ преимущественно, потому что я, чортъ

возьми, слушалъ, вздумалъ было строгость показать, такъ какъ я глава семейства, — ну, и слушалъ), этотъ хладнокровный бѣсенокъ такъ вдругъ и объявляетъ съ усмѣшкой, что эта «помѣшанная» (такъ она выразилась, и мнѣ страшно, что она въ одно слово съ тобой: — развѣ вы не могли, говоритъ, до сихъ поръ догадаться), что эта помѣшанная забрала себѣ въ голову, во что бы то ни стало, меня замужъ за князя Льва Николаича выдать, а для того Евгенія Павлыча изъ дому отъ насъ выживаетъ... и только и сказала; никакого больше объясненія не дала, хохочетъ себѣ, а мы ротъ разинули, хлопнула дверью и вышла. Потомъ мнѣ разсказали о давешнемъ пассажѣ съ нею и съ тобой... и... и... послушай, милый князь, ты человѣкъ необидчивый и очень разсудительный, я это въ тебѣ замѣтилъ, но... не разсердись: ей Богу, она надъ тобой смѣется. Какъ ребенокъ смѣется, и потому ты на нее не сердись, но это рѣшительно такъ. Не думай чего нибудь, — она просто дурачитъ и тебя, и насъ всѣхъ, отъ бездѣлья. Ну, прощай! Ты знаешь наши чувства? Наши искреннія къ тебѣ чувства? Они непзмѣнны, никогда и ни въ чемъ... но... мнѣ теперь сюда, до свиданья! Рѣдко я до такой степени сидѣлъ плохо въ тарелкѣ (какъ это говорится-то?), какъ теперь сижу... Ай да дача!

Оставшись одинъ на перекресткѣ, князь осмотрѣлся кругомъ, быстро перешелъ черезъ улицу, близко подошелъ къ освѣщенному окну одной дачи, развернулъ маленькую бумажку, которую крѣпко сжималъ въ правой рукѣ во все время разговора съ Иваномъ Ѳедоровичемъ, и прочелъ, ловя слабый лучъ свѣта:

«Завтра въ семь часовъ утра я буду на зеленой скамейкѣ, въ паркѣ, и буду васъ ждать. Я рѣшилась говорить съ вами объ одномъ чрезвычайно важномъ дѣлѣ, которое касается прямо до васъ.

P. S. Надѣюсь, вы никому не покажете этой записки. Хотъ мнѣ и совѣстно писать вамъ такое наставленіе, но я разсудила, что вы того стоите, и написала, — краснѣя отъ стыда за вашъ смѣшной характеръ.

«PP. SS. Это та самая зеленая скамейка, которую я вамъ давеча показала. Стыдитесь! Я принуждена была и это приписать».

Записка была написана на-скоро и сложена кое-какъ, всего вѣроятнѣе, предъ самымъ выходомъ Аглаи на террасу. Въ невыразимомъ волненіи, похожемъ на испугъ, князь крѣпко зажалъ опять въ руку бумажку и отскочилъ поскорѣй отъ окна, отъ свѣта, точно испуганный воръ; но при этомъ движеніи вдругъ плотно столкнулся съ однимъ господиномъ, который очутился прямо у него за плечами.

— Я за вами слѣжу, князь, проговорилъ господинъ.

— Это вы, Келлеръ? вскричалъ князь въ удивленіи.

— Ищу васъ, князь. Подкидалъ васъ у дачи Епанчиныхъ, разумѣется, не могъ войдти. Шелъ за вами, пока вы шли съ княземъ. Къ вашимъ услугамъ, князь, располагайте Келлеромъ. Готовъ жертвовать и даже умереть, если понадобится.

— Да... зачѣмъ?

— Ну, ужь навѣрно послѣдуетъ вызовъ. Этотъ поручикъ Моловцовъ, я его знаю, то есть не лично... онъ не переноситъ оскорбленія. Нашего брата, то есть меня да Рогожина, онъ, разумѣется, наклоненъ почесть за пиль и, можетъ быть, заслуженно, такимъ образомъ въ отвѣтѣ вы одинъ и приходитесь. Придется заплатить за бутылки, князь. Онъ про васъ освѣдомлялся, я слышалъ, и ужь навѣрно завтра его пріятель къ вамъ пожалуетъ, а, можетъ, и теперь уже ждетъ. Если удостоите чести выбрать въ секунданты, то за васъ готовъ и ногу красную шапку; затѣмъ и искалъ васъ, князь.

— Такъ и вы тоже про дуэль! захохоталъ вдругъ князь къ чрезвычайному удивленію Келлера. Онъ хохоталъ ужасно. Келлеръ, дѣйствительно бывшій чуть не на иголкахъ, до тѣхъ поръ пока не удовлетворился, предложивъ себя въ секунданты, почти обидѣлся, смотря на такой развеселый смѣхъ князя.

— Вы однако-жь, князь, за руки давеча схватили. Благородному лицу и при публикѣ это трудно перенести.

— А онъ меня въ грудь толкнулъ! смѣясь вскричалъ князь:— не за что намъ драться! Я у него прощенія попрошу, вотъ и все. А коли драться, такъ драться! Пусть стрѣляетъ; я даже хочу. Ха-ха! Я теперь умѣю пистолетъ зарядить. Вы умѣете пистолетъ заряжать, Келлеръ? Надо прежде пороху купить, пистолетнаго, не мокраго и не такого крупнаго, которымъ изъ пушекъ палятъ: а потомъ сначала пороху положить, войлоку откуда нибудь изъ двери достать, и потомъ уже пулю вкатить, а не пулю прежде пороха, потому что не выстрѣлитъ. Слышите, Келлеръ: потому что не выстрѣлитъ. Ха-ха! Развѣ это не великолѣпнѣйшій резонъ, другъ Келлеръ? Ахъ, Келлеръ, знаете-ли, что я васъ сейчасъ обнимуи поцѣлую. Ха-ха-ха! Какъ вы это давеча очутились такъ вдругъ предъ нимъ? Приходите ко мнѣ какъ нибудь поскорѣе пить шампанское. Всѣ напьемся пьяны! Знаете-ли вы, что у меня двѣнадцать бутылокъ шампанскаго есть, у Лебедева на погребѣ? Лебедевъ мнѣ «по случаю» продалъ третьяго дня, на другой-же день какъ я къ нему переѣхалъ, я всѣ и купилъ! Я всю компанію соберу! А что, вы будете спать эту ночь?

— Какъ и всякую, князь.

— Ну, такъ спокойныхъ сновъ! Ха-ха!

Князь перешелъ черезъ дорогу и исчезъ въ паркѣ, оставивъ въ раздумьи нѣсколько озадаченнаго Келлера. Онъ еще не видывалъ князя въ такомъ странномъ настроеніи, да и вообразить до сихъ поръ не могъ.

«Лихорадка, можетъ быть, потому что нервный человѣкъ, и все это подѣйствовало, но ужь конечно не струситъ. Вотъ эти-то и не трусятъ, ей Богу!» думалъ про себя Келлеръ. «Гм! шампанское! Интересное однако-жь извѣстіе. Двѣнадцать бутылокъ-съ; дюжина: ничего, порядочный гарнизонъ. А бьюсь объ закладъ, что Лебедевъ подъ закладъ отъ кого-нибудь это шампанское принялъ. Гм... онъ однако-жь довольно милъ, этотъ князь; право, я люблю этакихъ; терять однако-же времени нечего и... если шампанское, то самое время и есть»...

Что князь былъ какъ въ лихорадкѣ, это, разумѣется, было справедливо.

Онъ долго бродилъ по темному парку и наконецъ нашелъ себя расхаживающимъ по одной аллеѣ. Въ сознаніи его оставалось воспоминаніе, что по этой аллеѣ онъ уже прошелъ, начиная отъ скамейки до одного стараго дерева, высокаго и замѣтнаго, всего шаговъ сотню, разъ тридцать или сорокъ взадъ и впередъ. Припомнить то, что онъ думалъ въ этотъ, по крайней мѣрѣ, цѣлый часъ въ паркѣ, онъ-бы никакъ не смогъ, если-бы даже и захотѣлъ. Онъ уловилъ себя, впрочемъ, на одной мысли, отъ которой покатился вдругъ со смѣху: хотя смѣяться было и нечему, но ему все хотѣлось смѣяться. Ему вообразилось, что предположеніе о дуэли могло зародиться и не въ одной головѣ Келлера, и что, стало быть, исторія о томъ какъ заряжаютъ пистолетъ могла быть и не случайная... «Ба!» остановился онъ вдругъ, озаренный другою идеей: «давеча она сошла на террасу, когда я сидѣлъ въ углу, и ужасно удивилась, найдя меня тамъ и —такъ смѣялась... о чаѣ заговорила: а вѣдь у ней въ это время уже была эта бумажка въ рукахъ. стало быть, она непремѣнно знала. что я сижу на террасѣ, такъ зачѣмъ-же она удивилась? Ха-ха-ха!»

Онъ выхватилъ записку изъ кармана и поцѣловалъ ее, но тотчасъ-же остановился и задумался:

«Какъ это странно! Какъ это странно—! проговорилъ онъ чрезъ минуту даже съ какою-то грустью: въ сильныя минуты ощущенія радости ему всегда становилось грустно, онъ самъ не зналъ отчего. Онъ пристально осмотрѣлся кругомъ и удивился, что зашелъ сюда. Онъ очень усталъ, подошелъ къ скамейкѣ и сѣлъ на нее. Кругомъ была чрезвычайная тишина. Музыка уже кончилась въ вокзалѣ. Въ паркѣ уже, можетъ быть, не было никого; конечно, было не

менѣе половины двѣнадцатаго. Ночь была тихая, теплая, свѣтлая,—петербургская ночь начала іюня мѣсяца, но въ густомъ, тѣнистомъ паркѣ, въ аллеѣ, гдѣ онъ находился, было почти уже совсѣмъ темно.

Если-бы кто сказалъ ему въ эту минуту, что онъ влюбился, влюбленъ страстною любовью, то онъ съ удивленіемъ отвергъ-бы эту мысль и, можетъ быть, даже съ негодованіемъ. И если-бы кто прибавилъ къ тому, что записка Аглаи есть записка любовная, назначеніе любовнаго свиданія, то онъ сторѣлъ-бы со стыда за того человѣка и, можетъ быть, вызвалъ-бы его на дуэль. Все это было вполнѣ искренно, и онъ ни разу не усомнился и не допустилъ ни малѣйшей двойной мысли о возможности любви къ нему этой дѣвушки, или даже о возможности своей любви къ этой дѣвушкѣ. Возможность любви къ нему, къ такому человѣку какъ онъ, онъ почелъ-бы дѣломъ чудовищнымъ. Ему мерещилось, что это была просто шалость съ ея стороны, если дѣйствительно тутъ что нибудь есть; но онъ какъ-то слишкомъ былъ равнодушенъ собственно къ шалости и находилъ ее слишкомъ въ порядкѣ вещей; самъ-же былъ занятъ и озабоченъ чѣмъ-то совершенно другимъ. Словамъ, проскочившимъ давеча у взволнованнаго генерала на счетъ того, что она смѣется надъ всѣми, а надъ нимъ, надъ княземъ, въ особенности, онъ повѣрилъ вполнѣ. Ни малѣйшаго оскорбленія не почувствовалъ онъ при этомъ; по его мнѣнію, такъ и должно было быть. Все состояло для него главнымъ образомъ въ томъ, что завтра онъ опять увидитъ ее, рано утромъ, будетъ сидѣть съ нею рядомъ на зеленой скамейкѣ, слушать какъ заряжаютъ пистолеты и глядѣть на нее. Больше ему ничего и не надо было. Вопросъ о томъ—что такое она ему намѣрена сказать, и какое такое это важное дѣло, до него прямо касающееся,—разъ или два тоже мелькнулъ въ его головѣ. Кромѣ того, въ дѣйствительномъ существованіи этого «важнаго дѣла», по которому звали его, онъ не усомнился ни на одну минуту, но совсѣмъ почти не думалъ объ этомъ важномъ дѣлѣ теперь, до того, что даже не чувствовалъ ни малѣйшаго побужденія думать о немъ.

Скрипъ тихихъ шаговъ на пескѣ аллеи заставилъ его поднять голову. Человѣкъ, лицо котораго трудно было различить въ темнотѣ, подошелъ къ скамейкѣ и сѣлъ подлѣ него. Князь быстро придвинулся къ нему, почти вплоть, и различилъ блѣдное лицо Рогожина.

— Такъ и зналъ, что гдѣ нибудь здѣсь бродишь, не долго и пропскалъ, пробормоталъ сквозь зубы Рогожинъ.

Въ первый разъ сходились они послѣ встрѣчи ихъ въ коридорѣ трактира. Пораженный внезапнымъ появленіемъ Рогожина,

князь нѣкоторое время не могъ собраться съ мыслями, и мучительное ощущеніе воскресло въ его сердцѣ. Рогожинъ видимо понималъ впечатлѣніе, которое производилъ; но хоть онъ и сбивался вначалѣ, говорилъ какъ-бы съ видомъ какой-то заученной развязности, но князю скоро показалось, что въ немъ не было ничего заученаго и даже никакого особеннаго смущенія: если была какая неловкость въ его жестахъ и разговорѣ, то развѣ только снаружи: въ душѣ этотъ человѣкъ не могъ измѣниться.

— Какъ ты... отыскалъ меня здѣсь? спросилъ князь, чтобы что нибудь выговорить.

— Отъ Келлера слышалъ (я къ тебѣ заходилъ), «въ паркъ-де пошелъ»; ну, думаю, такъ оно и есть.

— Что такое «есть»? тревожно подхватилъ князь выскочившее слово.

Рогожинъ усмѣхнулся, но объясненія не далъ.

— Я получилъ твое письмо, Левъ Николаичъ: ты это все напрасно... и охота тебѣ!.. А теперь я къ тебѣ отъ *нея*: безпремѣнно велитъ тебя звать: что-то сказать тебѣ очень надо. Сегодня-же и просила.

— Я приду завтра. Я сейчасъ домой иду; ты... ко мнѣ?

— Зачѣмъ? Я тебѣ все сказалъ; прощай.

— Не зайдешь развѣ? тихо спросилъ его князь.

— Чуденъ ты человѣкъ, Левъ Николаичъ, на тебя подивиться надо.

Рогожинъ язвительно усмѣхнулся.

— Почему? Съ чего у тебя такая злоба теперь на меня? грустно и съ жаромъ подхватилъ князь.—Вѣдь ты самъ знаешь теперь, что все что̀ ты думалъ—не правда. А вѣдь я, впрочемъ, такъ и думалъ, что злоба въ тебѣ до сихъ поръ на меня не прошла, и знаешь почему? Потому что ты-же на меня посягнулъ, оттого и злоба твоя не проходитъ. Говорю тебѣ, что помню одного того Парфена Рогожина, съ которымъ я крестами въ тотъ день побратался: писалъ я это тебѣ во вчерашнемъ письмѣ, чтобы ты и думать обо всемъ этомъ бредѣ забылъ и говорить объ этомъ не зачиналъ со мной. Чего ты сторонишься отъ меня? Чего руку отъ меня прячешь? Говорю тебѣ, что все это, что̀ было тогда, за одинъ только бредъ почитаю: я тебя наизусть во весь тогдашній день теперь знаю, какъ себя самого. То, что̀ ты вообразилъ, не существовало и не могло существовать. Для чего-же злоба наша будетъ существовать?

— Какая у тебя будетъ злоба! засмѣялся опять Рогожинъ въ отвѣтъ на горячую, внезапную рѣчь князя. Онъ дѣйствительно стоялъ сторонясь отъ него, отступивъ шага на два и пряча свои руки.

— Теперь мнѣ не стать къ тебѣ вовсе ходить, ,Левъ Николаичъ, медленно и сентенціозно прибавилъ онъ въ заключеніе.

— До того ужъ меня ненавидишь что-ли?

— Я тебя не люблю, ,Левъ Николаичъ, такъ зачѣмъ я къ тебѣ пойду? Эхъ, князь, ты точно какъ ребенокъ какой, захотѣлось игрушки—вынь ,да положь, а дѣла не понимаешь. Это ты все точно такъ въ письмѣ отписалъ, что̀ и теперь говоришь, ,да развѣ я не вѣрю тебѣ? Каждому твоему слову вѣрю и знаю, что ты меня не обманывалъ никогда и впредь не обманешь; а я тебя всетаки не люблю. Ты вотъ пишешь, что ты все забылъ, и что одного только крестоваго брата Рогожина помнишь, а не того Рогожина, который на тебя тогда ножъ подымалъ. ,Да почему ты-то мои чувства знаешь? (Рогожинъ опять усмѣхнулся). ,Да я, можетъ, въ томъ ни разу съ тѣхъ поръ и не покаялся, а ты уже свое братское прощеніе мнѣ прислалъ. Можетъ, я въ тотъ-же вечеръ о другомъ совсѣмъ уже думалъ, а объ этомъ...

— И думать забылъ! подхватилъ князь:—да еще-бы! И бьюсь объ закладъ, что ты прямо тогда на чугунку и сюда въ Павловскъ на музыку прикатилъ, и въ толпѣ ее точно такъ-же какъ и сегодня слѣдилъ да высматривалъ. Экъ чѣмъ удивилъ! ,Да не былъ-бы ты тогда въ такомъ положеніи, что объ одномъ только и способенъ былъ думать, такъ, можетъ быть, и ножа-бы на меня не поднялъ... Предчувствіе тогда я съ утра еще имѣлъ, на тебя глядя; ты знаешь-ли, каковъ ты тогда былъ? Какъ крестами мѣнялись, тутъ, можетъ, и зашевелилась во мнѣ эта мысль. ,Для чего ты меня къ старушкѣ тогда водилъ? Свою руку этимъ думалъ сберечь? Да и не можетъ быть, чтобы подумалъ, а такъ только почувствовалъ, какъ и я... Мы тогда въ одно слово почувствовали. Не подыми ты руку тогда на меня (которую Богъ отвелъ), чѣмъ-бы я теперь предъ тобой оказался? Вѣдь я-жъ тебя все равно въ этомъ подозрѣвалъ, одинъ нашъ грѣхъ, въ одно слово! (,Да не морщись! Ну, и чего ты смѣешься?) «Не каялся!» Да если-бъ и хотѣлъ, то, можетъ быть, не смогъ-бы покаяться, потому что и не любишь меня вдобавокъ. И будь я какъ ангелъ предъ тобою невиненъ, ты всетаки терпѣть меня не будешь, пока будешь думать, что она не тебя, а меня ,любитъ. Вотъ это ревность, стало быть, и есть. А только вотъ что я въ эту недѣлю надумалъ, Парфенъ, и скажу тебѣ: знаешь-ли ты, что она тебя теперь, можетъ, больше всѣхъ любитъ, и такъ даже, что чѣмъ больше мучаетъ, тѣмъ больше и любитъ. Она этого не скажетъ тебѣ, ,да надо видѣть умѣть. ,Для чего она въ концѣ-концовъ за тебя всетаки замужъ идетъ? Когда нибудь скажетъ это тебѣ самому. Иныя женщины даже хотятъ чтобъ ихъ такъ любили, а она

именно такого характера! А твой характеръ и любовь твоя должны ее поразить! Знаешь-ли, что женщина способна замучить человѣка жестокостями и насмѣшками и ни разу угрызенія совѣсти не почувствуетъ, потому что про себя каждый разъ будетъ думать, смотря на тебя: вотъ теперь я его измучаю до смерти, да за то потомъ ему любовью моею наверстаю...»

Рогожинъ захохоталъ, выслушавъ князя.

— Да что, князь, ты и самъ какъ нибудь къ этакой не попалъ-ли? Я кое-что слышалъ про тебя, если правда?

— Что, что ты могъ слышать? вздрогнулъ вдругъ князь и остановился въ чрезвычайномъ смущеніи.

Рогожинъ продолжалъ смѣяться. Онъ не безъ любопытства и, можетъ быть, не безъ удовольствія выслушалъ князя: радостное и горячее увлеченіе князя очень поразило и ободрило его.

— Да и не то что слышалъ, а и самъ теперь вижу что правда, прибавилъ онъ; — ну когда ты такъ говорилъ какъ теперь? Вѣдь этакой разговоръ точно и не отъ тебя. Не слышалъ-бы я о тебѣ такого, такъ и не пришелъ-бы сюда; да еще въ нарѣ, въ полночь.

— Я тебя совсѣмъ не понимаю, Парфенъ Семенычъ.

— Она-то давно еще мнѣ про тебя разъяснила, а теперь я давеча и самъ разсмотрѣлъ, какъ ты на музыкѣ съ тою сидѣлъ. Божилась мнѣ, вчера и сегодня божилась, что ты въ Аглаю Ивановну какъ кошка влюбленъ. Мнѣ это, князь, все равно, да и дѣло оно не мое: если ты ее разлюбилъ, такъ она еще не разлюбила тебя. Ты вѣдь знаешь, что она тебя съ тою непремѣнно повѣнчать хочетъ, слово такое дала, хе-хе! Говоритъ мнѣ: «безъ эвтаго за тебя не выйду, они въ церковь, и мы въ церковь». Что тутъ такое, я понять не могу и ни разу не понималъ: или любитъ тебя безъ предѣла, или... коли любитъ, такъ какъ-же съ другою тебя вѣнчать хочетъ? Говоритъ: «хочу его счастливымъ видѣть», значитъ, стало быть, любитъ.

— Я говорилъ и писалъ тебѣ, что она... не въ своемъ умѣ, сказалъ князь, съ мученіемъ выслушавъ Рогожина.

— Господь знаетъ! Это ты, можетъ, и ошибся... она мнѣ, впрочемъ, день сегодня назначила, какъ съ музыки привелъ ее: черезъ три недѣли, а, можетъ, и раньше, навѣрно, говоритъ, подъ вѣнецъ пойдемъ; поклялась, образъ снявъ, поцѣловала. За тобой, стало быть, князь, теперь дѣло, хе-хе!

— Это все бредъ! Этому, что ты про меня говоришь, никогда, никогда не бывать! Завтра я къ вамъ приду...

— Какая-же сумасшедшая? замѣтилъ Рогожинъ: — какъ-же она для всѣхъ прочихъ въ умѣ, а только для тебя одного какъ помѣ-

шанная? Какъ-же она письма-то пишетъ туда? Коли сумасшедшая, такъ и тамъ-бы по письмамъ замѣтили.

— Какія письма? спросилъ князь въ испугѣ.

— Туда пишетъ, къ *той*, а та читаетъ. Аль не знаешь? Ну, такъ узнаешь; навѣрно покажетъ тебѣ сама.

— Этому вѣрить нельзя! вскричалъ князь.

— Эхъ! Да ты, Левъ Николаичъ, знать немного этой дорожки еще прошелъ, сколько вижу, а только еще начинаешь. Пожди мало: будешь свою собственную полицію содержать, самъ день и ночь дежурить, и каждый шагъ оттуда знать, коли только...

— Оставь и не говори про это никогда! вскричалъ князь. — Слушай, Парфенъ, я вотъ сейчасъ предъ тобой здѣсь ходилъ и вдругъ сталъ смѣяться, чему — не знаю, а только причиной было что я припомнилъ, что завтрашній день — день моего рожденія какъ нарочно приходится. Теперь чуть-ли не двѣнадцать часовъ. Пойдемъ, встрѣтимъ день! У меня вино есть, выпьемъ вина, пожелай мнѣ того, чего я и самъ не знаю теперь пожелать, и именно ты пожелай, а я тебѣ твоего счастья полнаго пожелаю. Не то подавай назадъ крестъ! Вѣдь не прислалъ-же мнѣ крестъ на другой-то день! Вѣдь на тебѣ? На тебѣ и теперь?

— На мнѣ, проговорилъ Рогожинъ.

— Ну, и пойдемъ. Я безъ тебя не хочу мою новую жизнь встрѣчать, потому что новая моя жизнь началась! Ты не знаешь, Парфенъ, что моя новая жизнь сегодня началась?

— Теперь самъ вижу и самъ знаю, что началась: такъ и *ей* донесу. Не въ себѣ ты совсѣмъ, Левъ Николаичъ!

IV.

Съ чрезвычайнымъ удивленіемъ замѣтилъ князь, подходя къ своей дачѣ съ Рогожинымъ, что на его террасѣ, ярко освѣщенной, собралось шумное и многочисленное общество. Веселая компанія хохотала, голосила: кажется, даже спорила до крику; подозрѣвалось съ перваго взгляда самое радостное препровожденіе времени. И дѣйствительно, поднявшись на террасу, онъ увидѣлъ, что всѣ пили, и пили шампанское, и, кажется, уже довольно давно, такъ что многіе изъ пирующихъ успѣли весьма пріятно одушевиться. Гости были все знакомые князя, но странно было, что они собрались разомъ всѣ, точно по зову, хотя князь никого не звалъ, а про день своего рожденія онъ и самъ только что вспомнилъ нечаянно.

— Объявилъ, знать, кому, что шампанскаго выставишь, вотъ они и сбѣжались, пробормоталъ Рогожинъ, входя вслѣдъ за княземъ на террасу, — мы этотъ пунктъ знаемъ; имъ только свистни... прибавилъ онъ почти со злобой, конечно, припоминая свое недавнее прошлое.

Всѣ встрѣтили князя криками и пожеланіями, окружили его. Иные были очень шумны, другіе гораздо спокойнѣе, но всѣ торопились поздравить, прослышавъ о днѣ рожденія, и всякій ждалъ своей очереди. Присутствіе нѣкоторыхъ лицъ заинтересовало князя, напримѣръ, Бурдовскаго; но всего удивительнѣе было, что среди этой компаніи очутился вдругъ и Евгеній Павловичъ; князь почти вѣрить себѣ не хотѣлъ и чуть не испугался, увидѣвъ его.

Тѣмъ временемъ Лебедевъ, раскраснѣвшійся и почти восторженный, подбѣжалъ съ объясненіями; онъ былъ довольно сильно *готовъ*. Изъ болтовни его оказалось, что всѣ собрались совершенно натурально и даже нечаянно. Прежде всѣхъ, передъ вечеромъ, пріѣхалъ Ипполитъ, и, чувствуя себя гораздо лучше, пожелалъ подождать князя на террасѣ. Онъ расположился на диванѣ; потомъ къ нему сошелъ Лебедевъ, затѣмъ все его семейство, то есть генералъ Иволгинъ и дочери. Бурдовскій пріѣхалъ съ Ипполитомъ, сопровождая его. Ганя и Птицынъ зашли, кажется, недавно, проходя мимо (ихъ появленіе совпадало съ прошествіемъ въ вокзалъ); затѣмъ явился Келлеръ, объявилъ о днѣ рожденія и потребовалъ шампанскаго. Евгеній Павловичъ зашелъ всего съ полчаса назадъ. На шампанскомъ и чтобъ устроить праздникъ настаивалъ изо всѣхъ силъ и Коля. Лебедевъ съ готовностью подалъ вина.

— Но своего, своего! лепеталъ онъ князю: — на собственное иждивеніе, чтобы прославить и поздравить, и угощеніе будетъ, закуска, и объ этомъ дочь хлопочетъ; но, князь, если-бы вы знали какая тема въ ходу. Помните у Гамлета: быть или не быть? Современная тема-съ, современная! Вопросы и отвѣты... И господинъ Терентьевъ въ высшей степени... спать не хочетъ! А шампанскаго онъ только глотнулъ, глотнулъ, не повредитъ... Приближьтесь, князь, и рѣшите! Всѣ васъ ждали, всѣ только и ждали вашего счастливаго ума...

Князь замѣтилъ милый, ласковый взглядъ Вѣры Лебедевой, тоже торопившейся пробраться къ нему сквозь толпу. Мимо всѣхъ, онъ протянулъ руку ей первой; она вспыхнула отъ удовольствія и пожелала ему «счастливой жизни *съ этого самаго дня*». Затѣмъ стремглавъ побѣжала на кухню: тамъ она готовила закуску; но и до прихода князя, — только что на минуту могла оторваться отъ дѣла, — являлась на террасу и изо всѣхъ силъ слушала горячіе

споры о самыхъ отвлеченныхъ и странныхъ для нея вещахъ, не умолкавшихъ между подпившими гостями. Младшая сестра ея, разѣвавшая ротъ, заснула въ слѣдующей комнатѣ, на сундукѣ, но мальчикъ, сынъ Лебедева, стоялъ подлѣ Коли и Ипполита, и одинъ видъ его одушевленнаго лица показывалъ, что онъ готовъ простоять здѣсь на одномъ мѣстѣ, наслаждаясь и слушая, хоть еще часовъ десять сряду.

— Я васъ особенно ждалъ и ужасно радъ, что вы пришли такой счастливый, проговорилъ Ипполитъ, когда князь, тотчасъ послѣ Вѣры, подошелъ пожать ему руку.

— А почему вы знаете, что я «такой счастливый?»

— По лицу видно. Поздоровайтесь съ господами и присядьте къ намъ сюда поскорѣе. Я особенно васъ ждалъ, прибавилъ онъ, значительно напирая на то, что онъ ждалъ. На замѣчаніе князя: «не повредило-бы ему такъ поздно сидѣть?» — онъ отвѣчалъ, что самъ себѣ удивляется, какъ это онъ три дня назадъ умереть хотѣлъ, и что никогда онъ не чувствовалъ себя лучше какъ въ этотъ вечеръ.

Бурдовскій вскочилъ и пробормоталъ, что онъ «такъ...» что онъ съ Ипполитомъ «сопровождалъ», и что тоже радъ; что въ письмѣ онъ «написалъ вздоръ», а теперь «радъ просто... Не договоривъ, онъ крѣпко сжалъ руку князя и сѣлъ на стулъ.

Послѣ всѣхъ князь подошелъ и къ Евгенію Павловичу. Тотъ тотчасъ-же взялъ его подъ руку.

— Мнѣ вамъ только два слова сказать, прошепталъ онъ вполголоса, — и по чрезвычайно важному обстоятельству; отойдемте на минуту.

— Два слова, прошепталъ другой голосъ въ другое ухо князя, и другая рука взяла его съ другой стороны подъ руку. Князь съ удивленіемъ замѣтилъ страшно взъерошенную, раскраснѣвшуюся, подмигивающую и смѣющуюся фигуру, въ которой въ ту-же минуту узналъ Фердыщенка, Богъ знаетъ откуда взявшагося.

— Фердыщенка помните? спросилъ тотъ.

— Откуда вы взялись? вскричалъ князь.

— Онъ раскаивается! вскричалъ подбѣжавшій Келлеръ: — онъ спрятался, онъ не хотѣлъ къ вамъ выходить, онъ тамъ въ углу спрятался, онъ раскаивается, князь, онъ чувствуетъ себя виноватымъ.

— Да въ чемъ-же, въ чемъ-же?

— Это я его встрѣтилъ, князь, я его сейчасъ встрѣтилъ и привелъ; это рѣдкій изъ моихъ друзей: но онъ раскаивается.

— Очень радъ, господа: ступайте, садитесь туда ко всѣмъ, я

сейчасъ пріду, отдѣлался наконецъ князь, торопясь къ Евгенію Павловичу.

— Здѣсь у васъ занимательно, замѣтилъ тотъ,—и я съ удовольствіемъ прождалъ васъ съ полчаса. Вотъ что, любезнѣйшій Левъ Николаевичъ, я все устроилъ съ Курмышевымъ, и запелъ васъ успокоить: вамъ нечего безпокоиться, онъ очень, очень разсудительно принялъ дѣло, тѣмъ болѣе что, по моему, скорѣе самъ виноватъ.

— Съ какимъ Курмышевымъ?

— Да вотъ, котораго вы за руки давеча схватили... Онъ былъ такъ взбѣшенъ, что хотѣлъ уже къ вамъ завтра прислать за объясненіями.

— Полноте, какой вздоръ!

— Разумѣется, вздоръ, и вздоромъ навѣрно-бы кончилось: но у насъ эти люди...

— Вы, можетъ быть, и еще зачѣмъ нибудь пришли, Евгеній Павлычъ?

— О, разумѣется, еще зачѣмъ нибудь, разсмѣялся тотъ.—Я, милый князь, завтра чѣмъ свѣтъ ѣду по этому несчастному дѣлу (ну вотъ, о дядѣ-то) въ Петербургъ: представьте себѣ: все это вѣрно, и всѣ уже знаютъ, кромѣ меня. Меня такъ это все поразило, что я *туда* и не посѣлъ зайдти (къ Епанчинымъ): завтра тоже не буду, потому что буду въ Петербургѣ, понимаете? Можетъ, дня три здѣсь не буду, — однимъ словомъ, дѣла мои захромали. Хоть дѣло и не безконечно важное, но я разсудилъ, что мнѣ нужно кое въ чемъ откровенѣйшимъ образомъ объясниться съ вами, и не пропуская времени, то есть до отъѣзда. Я теперь поспѣшу и подожду, если велите, пока разойдется компанія: притомъ-же мнѣ некуда болѣе дѣваться: я такъ взволнованъ, что и спать не лягу. Наконецъ, хотя безсовѣстно и непорядочно такъ прямо преслѣдовать человѣка, но я вамъ прямо скажу: я пришелъ искать вашей дружбы, милый мой князь; вы человѣкъ безподобнѣйшій, то есть не лучшій на каждомъ шагу, а, можетъ быть, и совсѣмъ, а мнѣ въ одномъ дѣлѣ нуженъ другъ и совѣтникъ, потому что я рѣшительно теперь изъ числа несчастныхъ...

Онъ опять засмѣялся.

— Вотъ въ чемъ бѣда, задумался на минуту князь,—вы хотите подождать пока они разойдутся, а вѣдь Богъ знаетъ когда это будетъ. Не лучше-ли намъ теперь сойдти въ паркъ: они, право, подождутъ; я извинюсь.

— Ни-ни, я имѣю свои причины чтобы насъ не заподозрили въ экстренномъ разговорѣ съ нѣмъ; тутъ есть люди, которые очень

интересуются нашими отношеніями,—вы не знаете этого, князь? И гораздо лучше будетъ, если увидятъ, что и безъ того въ самыхъ дружелюбнѣйшихъ, а не въ экстренныхъ только отношеніяхъ,—понимаете? Они часа черезъ два разойдутся: я у васъ возьму минутъ двадцать, ну—полчаса...

— Да милости просимъ, пожалуйте; я слишкомъ радъ и безъ объясненій; а за ваше доброе слово о дружескихъ отношеніяхъ очень васъ благодарю. Вы извините, что я сегодня разсѣянъ: знаете, я какъ-то никакъ не могу быть въ эту минуту внимательнымъ.

— Вижу, вижу, пробормоталъ Евгеній Павловичъ съ легкою усмѣшкой. —Онъ былъ очень смѣшливъ въ этотъ вечеръ.

— Что вы видите? встрепенулся князь.

— А вы и не подозрѣваете, милый князь, продолжалъ усмѣхаться Евгеній Павловичъ, не отвѣчая на прямой вопросъ,—вы не подозрѣваете, что я просто пришелъ васъ надуть и мимоходомъ отъ васъ что нибудь вынытать, а?

— Что вы пришли вынытать, въ этомъ и сомнѣнія нѣтъ, засмѣялся, наконецъ, и князь,—и даже, можетъ быть, вы рѣшили меня немножко и обмануть. Но вѣдь что-жь, я васъ не боюсь; притомъ-же мнѣ теперь какъ-то все равно, повѣрите-ли? И... и такъ какъ я прежде всего убѣжденъ, что вы человѣкъ все-таки превосходный, то вѣдь мы, пожалуй, и въ самомъ дѣлѣ кончимъ тѣмъ, что дружески сойдемся. Вы мнѣ очень понравились, Евгеній Павлычъ, вы... очень, очень порядочный, по моему, человѣкъ!

— Ну, съ вами во всякомъ случаѣ премило дѣло имѣть, даже какое-бы ни было, заключилъ Евгеній Павловичъ:—пойдемте, я за ваше здоровье бокалъ выпью: я ужасно доволенъ что къ вамъ присталъ. А! остановился онъ вдругъ:—этотъ господинъ Ипполитъ къ вамъ жить переѣхалъ?

— Да.

— Онъ вѣдь не сейчасъ умретъ, я думаю?

— А что?

— Такъ, ничего; я полчаса здѣсь съ нимъ пробылъ...

Ипполитъ все это время ждалъ князя и безпрерывно поглядывалъ на него и на Евгенія Павловича, когда они разговаривали въ сторонѣ. Онъ лихорадочно ожившся, когда они подошли къ столу. Онъ былъ безпокоенъ и возбужденъ: нотъ выступалъ на его лбу. Въ сверкавшихъ глазахъ его высказывалось, кромѣ какого-то блуждающаго, постояннаго безпокойства, и какое-то неопредѣленное нетерпѣніе: взглядъ его переходилъ безъ цѣли съ предмета на предметъ, съ одного лица на другое. Хотя во всеобщемъ шумномъ разговорѣ онъ принималъ до сихъ поръ большое участіе, но одушев-

леніе его было только лихорадочное; собственно къ разговору онъ былъ невнимателенъ: споръ его былъ безсвязенъ, насмѣшливъ и небрежно парадоксаленъ; онъ не договаривалъ и бросалъ то, о чемъ за минуту самъ начиналъ говорить съ горячечнымъ жаромъ. Князь съ удивленіемъ и сожалѣніемъ узналъ, что ему позволили въ этотъ вечеръ безпрепятственно выпить полные два бокала шампанскаго, и что початый стоявшій передъ нимъ бокалъ былъ уже третій. Но онъ узналъ это только потомъ: въ настоящую-же минуту былъ не очень замѣтливъ.

— А знаете, что я ужасно радъ тому, что именно сегодня день вашего рожденія, прокричалъ Ипполитъ.

— Почему?

— Увидите: скорѣе усаживайтесь: во первыхъ, ужь потому, что собрался весь этотъ вашъ... народъ. Я такъ и разсчитывалъ, что народъ будетъ; въ первый разъ въ жизни мнѣ разсчетъ удастся! А жаль, что не зналъ о вашемъ рожденіи, а то-бы пріѣхалъ съ подаркомъ... Ха-ха! Да, можетъ, я и съ подаркомъ пріѣхалъ! Много-ли до свѣта?

— До разсвѣта и двухъ часовъ не осталось, замѣтилъ Птицынъ, посмотрѣвъ на часы.

— Да зачѣмъ теперь разсвѣтъ, когда на дворѣ и безъ него читать можно? замѣтилъ кто-то.

— Затѣмъ, что мнѣ надо краюшекъ солнца увидѣть. Можно пить за здоровье солнца, князь, какъ вы думаете?

Ипполитъ спрашивалъ рѣзко, обращаясь ко всѣмъ безъ церемоніи, точно командовалъ, но, кажется, самъ не замѣчалъ того.

— Выпьемъ, пожалуй; только вамъ-бы успокоиться, Ипполитъ, а?

— Вы все про спанье: вы, князь, моя пяпька! Какъ только солнце покажется и «зазвучитъ» на небѣ (кто это сказалъ въ стихахъ: «на небѣ солнце зазвучало»? Безсмысленно, но хорошо!) — такъ мы и спать. Лебедевъ! Солнце вѣдь источникъ жизни? Что значатъ «источники жизни» въ Апокалипсисѣ? Вы слыхали о «звѣздѣ Полынь», князь?

— Я слышалъ, что Лебедевъ признаетъ эту «звѣзду Полынь» съѣзжихъ дорогъ, распространившихся по Европѣ.

— Нѣтъ-съ, позвольте-съ, такъ нельзя-съ! закричалъ Лебедевъ, вскакивая и махая руками, какъ будто желая остановить начинавшійся всеобщій смѣхъ: — позвольте-съ! Съ этими господами... эти всѣ господа, обернулся онъ вдругъ къ князю, — вѣдь это, въ извѣстныхъ пунктахъ, вотъ что-съ... и онъ безъ церемоніи постукалъ два раза по столу, отчего смѣхъ еще болѣе усилился.

Лебедевъ былъ хотя и въ обыкновенномъ «вечернемъ состоя-

ніи своемъ, но на этотъ разъ онъ былъ слишкомъ уже возбужденъ и раздраженъ предшествовавшимъ долгимъ ученымъ споромъ, а въ такихъ случаяхъ къ оппонентамъ своимъ онъ относился съ безконечнымъ и въ высшей степени откровеннымъ презрѣніемъ.

— Это не такъ-съ! У насъ, князь, молчаса тому составился уговоръ, чтобы не прерывать: чтобы не хохотать, покамѣсть одинъ говоритъ; чтобъ ему свободно дали все выразить, а потомъ ужъ пусть и атеисты, если хотятъ, возражаютъ; мы генерала предсѣдателемъ посадили, вотъ-съ! А то что-же-съ? Этакъ всякаго можно сбить, на высокой идеѣ-съ, на глубокой идеѣ-съ...

— Да говорите, говорите: никто не сбиваетъ! раздались голоса.

— Говорите да не заговаривайтесь.

— Что за звѣзда Полынь такая? освѣдомился кто-то.

— Понятія не имѣю! отвѣтилъ генералъ Иволгинъ, съ важнымъ видомъ занимая свое недавнее мѣсто предсѣдателя.

— Я удивительно люблю всѣ эти споры и раздраженія, князь, ученые, разумѣется, пробормоталъ между тѣмъ Келлеръ. Въ рѣшительномъ упоеніи и истерическій ворочаясь на стулѣ,—ученые и политическіе, обратился онъ вдругъ и неожиданно къ Евгенію Павловичу, сидѣвшему почти рядомъ съ нимъ.—Знаете, я ужасно люблю въ газетахъ читать про англійскіе парламенты. То есть не въ томъ смыслѣ, про что они тамъ разсуждаютъ (я, знаете, не политикъ), а въ томъ, какъ они между собой объясняются, ведутъ себя, такъ сказать, какъ политики: «благородный виконтъ, сидящій напротивъ», «благородный графъ, раздѣляющій мысль мою», «благородный мой оппонентъ, удивившій Европу своимъ предложеніемъ»; то есть всѣ вотъ эти выраженьица, весь этотъ парламентаризмъ свободнаго народа—вотъ что для нашего брата заманчиво! Я плѣняюсь, князь. Я всегда былъ артистъ въ глубинѣ души, клянусь вамъ, Евгеній Павлычъ.

— Такъ что-же послѣ этого, горячился въ другомъ углу Ганя. — выходитъ, по вашему, что желѣзныя дороги прокляты, что онѣ гибель человѣчеству, что онѣ язва, упавшая на землю, чтобы замутить «источники жизни»?

Гаврила Ардаліоновичъ былъ въ особенно возбужденномъ настроеніи въ этотъ вечеръ, и въ настроеніи веселомъ, чуть не торжествующемъ, какъ показалось князю. Съ Лебедевымъ онъ, конечно, шутилъ, подзадоривая его, но скоро и самъ разгорячился.

— Не желѣзныя дороги, нѣтъ-съ! возражалъ Лебедевъ, въ одно и тоже время и выходившій изъ себя, и ощущавшій нешомѣрное наслажденіе:—собственно одинъ желѣзныя дороги не замутятъ источниковъ жизни, а все это въ цѣломъ-съ проклято, все это настрое-

ніе нашихъ послѣднихъ вѣковъ, въ его общемъ цѣломъ, научномъ и практическомъ, можетъ быть, и дѣйствительно проклято-съ.

— Навѣрно проклято или только можетъ быть? Это вѣдь важно знать въ этомъ случаѣ, справился Евгеній Павловичъ.

— Проклято, проклято, навѣрно проклято! съ азартомъ подтвердилъ Лебедевъ.

— Не торопитесь, Лебедевъ, вы по утрамъ гораздо добрѣе, замѣтилъ, улыбаясь, Птицынъ.

— А по вечерамъ за то откровеннѣе! По вечерамъ задушевнѣе и откровеннѣе! съ жаромъ обернулся къ нему Лебедевъ:—простодушнѣе и опредѣлительнѣе, честнѣе и почтеннѣе, и хоть этимъ я вамъ и бокъ подставляю, но наплевать-съ: я васъ всѣхъ вызываю теперь, всѣхъ атеистовъ: чѣмъ вы спасете міръ и нормальную дорогу ему въ чемъ отыскали,—вы, люди науки, промышленности, ассоціацій, платы заработной и прочаго? Чѣмъ? Кредитомъ? Что такое кредитъ? Къ чему приведетъ васъ кредитъ?

— Экъ вѣдь у васъ любопытство-то! замѣтилъ Евгеній Павловичъ.

— А мое мнѣніе то, что кто такими вопросами не интересуется, тотъ великосвѣтскій шенапанъ-съ!

— Да хоть ко всеобщей солидарности и равновѣсію интересовъ приведетъ, замѣтилъ Птицынъ.

— И только, только! Не принимая никакого нравственнаго основанія, кромѣ удовлетворенія личнаго эгоизма и матеріальной необходимости? Всеобщій міръ, всеобщее счастье —изъ необходимости! Такъ-ли-съ, если смѣю спросить, понимаю я васъ, милостивый мой государь?

— Да вѣдь всеобщая необходимость жить, пить и ѣсть, а полнѣйшее, научное, наконецъ, убѣжденіе въ томъ, что вы не удовлетворите этой необходимости безъ всеобщей ассоціаціи и солидарности интересовъ, есть, кажется, достаточно крѣпкая мысль, чтобы послужить опорною точкой и источникомъ жизни для будущихъ вѣковъ человѣчества, замѣтилъ уже серіозно разгорячившійся Ганя.

— Необходимость пить и ѣсть, то есть одно только чувство самосохраненія...

— Да развѣ мало одного только чувства самосохраненія? — Вѣдь чувство самосохраненія — нормальный законъ человѣчества...

— Кто это вамъ сказалъ? крикнулъ вдругъ Евгеній Павловичъ: — законъ — это правда, но столько-же нормальный, сколько и законъ разрушенія, а, пожалуй, и саморазрушенія. Развѣ въ самосохраненіи одномъ весь нормальный законъ человѣчества?

— Эге! вскрикнулъ Ипполитъ, быстро оборотясь къ Евгенію Павловичу и съ дикимъ любопытствомъ оглядывая его: но увидѣвъ,

что онъ смѣется. Засмѣялся и самъ, толкнулъ рядомъ стоящаго Колю и опять спросилъ его который часъ, даже самъ притянулъ къ себѣ серебряные часы Коли и жадно посмотрѣлъ на стрѣлку. Затѣмъ, точно все забывъ, онъ протянулся на диванъ, закинулъ руки за голову и сталъ смотрѣть въ потолокъ: чрезъ полминуты онъ уже опять сидѣлъ за столомъ, выпрямившись и величиваясь въ болтовню разгорячившагося до послѣдней степени Лебедева.

— Мысль коварная и насмѣшливая, мысль шпигующая! съ жадностью подхватилъ Лебедевъ парадоксъ Евгенія Павловича: — мысль высказанная съ цѣлью подзадорить въ драку противниковъ, — но мысль вѣрная! Потому что вы, свѣтскій пересмѣшникъ и кавалеристъ (хотя и не безъ способностей!), и сами не знаете, до какой степени ваша мысль есть глубокая мысль, есть вѣрная мысль! Да-съ. Законъ саморазрушенія и законъ самосохраненія одинаково сильны въ человѣчествѣ! Дьяволъ одинаково владычествуетъ человѣчествомъ до предѣла временъ еще намъ неизвѣстнаго. Вы смѣетесь? Вы не вѣрите въ дьявола? Невѣріе въ дьявола есть французская мысль, есть легкая мысль. Вы знаете-ли кто есть дьяволъ? Знаете-ли какъ ему имя? И не зная даже имени его, вы смѣетесь надъ формой его, по примѣру Вольтерову, надъ копытами, хвостомъ и рогами его, вами-же изобрѣтенными: ибо нечистый духъ есть великій и грозный духъ, а не съ копытами и съ рогами, вами ему изобрѣтенными. Но не въ немъ теперь дѣло!..

— Почему вы знаете, что не въ немъ теперь дѣло? крикнулъ вдругъ Ипполитъ и захохоталъ какъ будто въ припадкѣ.

— Мысль ловкая и намекающая! похвалилъ Лебедевъ: — но опять таки дѣло не въ томъ, а вопросъ у насъ въ томъ, что не ослабѣли-ли «источники жизни» съ успленіемъ...

— Желѣзныхъ-то дорогъ? крикнулъ Коля.

— Не желѣзныхъ путей сообщенія, молодой, но азартный подростокъ, а всего того направленія, которому желѣзныя дороги могутъ послужить, такъ сказать, картиной, выраженіемъ художественнымъ. Спѣшатъ, гремятъ, стучатъ и торопятся для счастія, говорятъ, человѣчества! Слишкомъ шумно и промышленно становится въ человѣчествѣ, мало спокойствія духовнаго—, жалуется одинъ удалившійся мыслитель. Пусть, по стукъ телѣгъ, подвозящихъ хлѣбъ голодному человѣчеству, можетъ быть, лучше спокойствія духовнаго—, отвѣчаетъ тому побѣдительно другой, разъѣзжающій повсемѣстно мыслитель, и уходитъ отъ него съ тщеславіемъ. Не вѣрю я, гнусный Лебедевъ, телѣгамъ, подвозящимъ хлѣбъ человѣчеству! Ибо телѣги, подвозящія хлѣбъ всему человѣчеству, безъ нравственнаго основанія поступку, могутъ прехладнокровно исключить изъ

наслажденія подвозимымъ значительную часть человѣчества, что̀ уже и было...

— Это телѣги-то могутъ прехладнокровно исключить? подхватилъ кто-то.

— Что̀ уже и было, подтвердилъ Лебедевъ, не удостоивая вниманіемъ вопроса, — уже былъ Мальтусъ, другъ человѣчества. Но другъ человѣчества съ шатостію нравственныхъ основаній есть людоѣдъ человѣчества, не говоря о его тщеславіи: ибо оскорбите тщеславіе котораго нибудь изъ сихъ безчисленныхъ друзей человѣчества, и онъ тотчасъ-же готовъ зажечь міръ съ четырехъ концовъ изъ мелкаго мщенія, — впрочемъ, такъ-же точно какъ и всякій изъ насъ, говоря по справедливости, какъ и я, гнуснѣйшій изъ всѣхъ, ибо я-то, можетъ быть, первый и дровъ принесу, а самъ прочь убѣгу. Но не въ томъ опять дѣло!

— Да въ чемъ-же, наконецъ?

— Надоѣлъ!

— Дѣло въ слѣдующемъ анекдотѣ изъ прошедшихъ вѣковъ, ибо я въ необходимости разсказать анекдотъ изъ прошедшихъ вѣковъ. Въ наше время, въ нашемъ отечествѣ, которое, надѣюсь, вы любите одинаково со мной, господа, ибо я, съ своей стороны, готовъ излить изъ себя даже всю кровь мою...

— Дальше! Дальше!

— Въ нашемъ отечествѣ, равно какъ и въ Европѣ, всеобщіе, повсемѣстные и ужасные голода посѣщаютъ человѣчество, по возможному исчисленію и сколько запомнить могу, не чаще теперь какъ одинъ разъ въ четверть столѣтія, другими словами, однажды въ каждое двадцатипятилѣтіе. Не спорю за точную цифру, но весьма рѣдко, сравнительно.

— Съ чѣмъ сравнительно?

— Съ двѣнадцатымъ столѣтіемъ и съ сосѣдними ему столѣтіями съ той и съ другой стороны. Ибо тогда, какъ пишутъ и утверждаютъ писатели, всеобщіе голода въ человѣчествѣ посѣщали его въ два года разъ или, по крайней мѣрѣ, въ три года разъ, такъ что при такомъ положеніи вещей человѣкъ прибѣгалъ даже къ антропофагіи, хотя и сохраняя секретъ. Одинъ изъ такихъ тунеядцевъ, приближаясь къ старости, объявилъ самъ собою и безъ всякаго принужденія, что онъ въ продолженіе долгой и скудной жизни своей умертвилъ и съѣлъ лично и въ глубочайшемъ секретѣ шестьдесятъ монаховъ и нѣсколько свѣтскихъ младенцевъ, — штукъ шесть, но не болѣе, то есть необыкновенно мало сравнительно съ количествомъ съѣденнаго имъ духовенства. До свѣтскихъ-же взрослыхъ людей, какъ оказалось, онъ съ этою цѣлью никогда не дотрогивался.

— Этого быть не можетъ! крикнулъ самъ предсѣдатель, генералъ, чуть даже не обиженнымъ голосомъ: — я часто съ нимъ, господа, разсуждаю и спорю, все о подобныхъ мысляхъ; но всего чаще онъ выставляетъ такія нелѣпости, что уши даже вянутъ, ни на грошъ правдоподобія!

— Генералъ! Вспомни осаду Карса, а вы, господа, узнайте, что анекдотъ мой голая истина. Отъ себя-же замѣчу, что всякая почти дѣйствительность, хотя и имѣетъ непреложные законы свои, но почти всегда и невѣроятна и неправдоподобна. И чѣмъ даже дѣйствительнѣе, тѣмъ иногда и неправдоподобнѣе.

— Да развѣ можно съѣсть шестьдесятъ монаховъ? смѣялись кругомъ.

— Хоть онъ и съѣлъ ихъ не вдругъ, что̀ очевидно, а, можетъ быть, въ пятнадцать или въ двадцать лѣтъ, что̀ уже совершенно понятно и натурально...

— И натурально?

— И натурально! съ педантскимъ упорствомъ отрызался Лебедевъ: — да и кромѣ всего, католическій монахъ уже по самой натурѣ своей повадливъ и любопытенъ, и его слишкомъ легко заманить въ лѣсъ или въ какое нибудь укромное мѣсто и тамъ поступить съ нимъ по вышесказанному. — но я все-таки не оспариваю, что количество съѣденныхъ лицъ оказалось чрезвычайное, даже до невоздержности.

— Можетъ быть, это и правда, господа, замѣтилъ вдругъ князь.

До сихъ поръ онъ въ молчаніи слушалъ спорившихъ и не вмѣшивался въ разговоръ; часто отъ души смѣялся вслѣдъ за всеобщими взрывами смѣха. Видно было, что онъ ужасно радъ тому, что такъ весело, такъ шумно; даже тому, что они такъ много пьютъ. Можетъ быть, онъ и ни слова бы не сказалъ въ цѣлый вечеръ, но вдругъ какъ-то вздумалъ заговорить. Заговорилъ-же съ чрезвычайною серіозностію, такъ что всѣ вдругъ обратились къ нему съ любопытствомъ.

— Я, господа, про то собственно, что тогда бывали такіе частые голода. Про это и я слышалъ, хотя и плохо знаю исторію. Но, кажется, такъ и должно было быть. Когда я попалъ въ швейцарскія горы, я ужасно дивился развалинамъ старыхъ рыцарскихъ замковъ, построенныхъ на склонахъ горъ, по крутымъ скаламъ, и, по крайней мѣрѣ, на полверсты отвѣсной высоты (это значитъ нѣсколько верстъ тропинками). Замокъ извѣстно что̀: это цѣлая гора камней. Работа ужасная, невозможная! И это ужь, конечно, построили всѣ эти бѣдные люди, васалы. Кромѣ того, они должны были платить всякія подати и содержать духовенство.

Гдѣ-же тутъ было себя пропитать и землю обработывать! Ихъ-же тогда было мало, должно быть ужасно умирали съ голоду, и ѣсть буквально, можетъ быть, было нечего. Я иногда даже думалъ: какъ это не прекѣкся тогда совсѣмъ этотъ народъ и что нибудь съ нимъ не случилось, какъ онъ могъ устоять и вынести? Что были людоѣды и, можетъ быть, очень много, то въ этомъ Лебедевъ, безъ сомнѣнія, правъ: только вотъ я не знаю, почему именно онъ замѣшалъ тутъ монаховъ и что хочетъ этимъ сказать?

— Навѣрно то, что въ двѣнадцатомъ столѣтіи только монаховъ и можно было ѣсть, потому что только одни монахи и были жирны, замѣтилъ Гаврила Ардаліоновичъ.

— Великолѣпнѣйшая и вѣрнѣйшая мысль! крикнулъ Лебедевъ: — ибо до свѣтскихъ онъ даже и не прикоснулся. Ни единаго свѣтскаго на шестьдесятъ нумеровъ духовенства, и это страшная мысль, историческая мысль, статистическая мысль, наконецъ, и изъ такихъ-то фактовъ и возсоздается исторія у умѣющаго; ибо до цифрной точности возводится, что духовенство, по крайней мѣрѣ, въ шестьдесятъ разъ жило счастливѣе и привольнѣе чѣмъ все остальное тогдашнее человѣчество. И, можетъ быть, по крайней мѣрѣ, въ шестьдесятъ разъ было жирнѣе всего остальнаго человѣчества...

— Преувеличенье, преувеличенье, Лебедевъ! хохотали кругомъ.

— Я согласенъ, что историческая мысль, но къ чему вы ведете? продолжалъ спрашивать князь. (Онъ говорилъ съ такою серіозностію и съ такимъ отсутствіемъ всякой шутки и насмѣшки надъ Лебедевымъ, надъ которымъ всѣ смѣялись, что тонъ его, среди общаго тона всей компаніи, невольно становился комическимъ: еще немного, и стали-бы подсмѣиваться и надъ нимъ, но онъ не замѣчалъ этого).

— Развѣ вы не видите, князь, что это помѣшанный? нагнулся къ нему Евгеній Павловичъ. — Мнѣ давеча сказали здѣсь, что онъ помѣшался на адвокатствѣ и на рѣчахъ адвокатскихъ и хочетъ экзаменъ держать. Я жду славной пародіи.

— Я веду къ громадному выводу, гремѣлъ между тѣмъ Лебедевъ.—Но разберемъ прежде всего психологическое и юридическое состояніе преступника. Мы видимъ, что преступникъ или, такъ сказать, мой кліентъ, не смотря на всю невозможность найти другое съѣдобное, нѣсколько разъ, въ продолженіе любопытной карьеры своей, обнаруживаетъ желаніе раскаяться и отклоняетъ отъ себя духовенство. Мы видимъ это ясно изъ фактовъ: упоминается, что онъ все-таки съѣлъ-же пять или шесть младенцевъ, сравнительно, цифра ничтожная, но за то знаменательная въ другомъ отношеніи. Видно, что мучимый страшными угрызеніями (ибо кліентъ мой—

человѣкъ религіозный и совѣстливый, что я докажу) и чтобъ уменьшить по возможности грѣхъ свой, онъ въ видѣ пробы, перемѣнялъ шесть разъ пищу монашескую на пищу свѣтскую. Что въ видѣ пробы, то это опять несомнѣнно; ибо если-бы только для гастрономической варіаціи, то цифра шесть была-бы слишкомъ ничтожною: почему только шесть нумеровъ, а не тридцать? (Я беру половину на половину). Но если это была только проба, изъ одного отчаянія предъ страхомъ кощунства и оскорбленія церковнаго, то тогда цифра шесть становится слишкомъ понятною; ибо шесть пробъ чтобъ удовлетворить угрызеніямъ совѣсти слишкомъ достаточно, такъ какъ пробы не могли-же быть удачными. И, во первыхъ, по моему мнѣнію, младенецъ слишкомъ малъ, то есть не крупенъ, такъ что за извѣстное время свѣтскихъ младенцевъ потребовалось-бы втрое, вятеро бо́льшая цифра нежели духовныхъ, такъ что и грѣхъ, если и уменьшался съ одной стороны, то въ концѣ концовъ увеличивался съ другой, не качествомъ, такъ количествомъ. Разсуждая такъ, господа, я, конечно, снисхожу въ сердце преступника двѣнадцатаго столѣтія. Что-же касается до меня, человѣка столѣтія девятнадцатаго, то я, можетъ быть, разсудилъ-бы и иначе, о чемъ васъ и увѣдомляю, такъ что нечего вамъ на меня, господа, зубы скалить, а вамъ, генералъ, ужь и совсѣмъ неприлично. Во вторыхъ, младенецъ, по моему личному мнѣнію, непитателенъ, можетъ быть, даже слишкомъ сладокъ и приторенъ, такъ что, не удовлетворяя потребности, оставляетъ одни угрызенія совѣсти. Теперь заключеніе, финалъ, господа, финалъ, въ которомъ заключается разгадка одного изъ величайшихъ вопросовъ тогдашняго и нашего времени! Преступникъ кончаетъ тѣмъ, что идетъ и доноситъ на себя духовенству и предаетъ себя въ руки правительству. Спрашивается, какія муки ожидали его по тогдашнему времени, какія колеса, костры и огни? Кто-же толкалъ его идти доносить на себя? Почему не просто остановиться на цифрѣ шестьдесятъ, сохраняя секретъ до послѣдняго своего издыханія? Почему не просто бросить монашество и жить въ покаяніи пустынникомъ? Почему, наконецъ, не поступить самому въ монашество? Вотъ тутъ и разгадка! Стало быть, было-же нѣчто сильнѣйшее костровъ и огней и даже двадцатилѣтней привычки! Стало быть, была-же мысль сильнѣйшая всѣхъ несчастій, неурожаевъ, истязаній, чумы, проказы и всего того ада, котораго-бы и не вынесло то человѣчество безъ той связующей, направляющей сердце и оплодотворяющей источники жизни мысли! Покажите-же вы мнѣ что нибудь подобное такой силѣ въ нашъ вѣкъ пороховъ и желѣзныхъ дорогъ... то есть, надо-бы сказать: въ нашъ вѣкъ пароходовъ и желѣзныхъ дорогъ, но я говорю: въ нашъ вѣкъ по-

роковъ и желѣзныхъ дорогъ, потому что я пьянъ, но справедливъ! Покажите мнѣ связующую настоящее человѣчество мысль хоть въ половину такой силы какъ въ тѣхъ столѣтіяхъ. И осмѣлтесь сказать, наконецъ, что не ослабѣли, не помутились источники жизни подъ этою «звѣздой», подъ этою свѣтью, опутавшею людей. И не пугайте меня вашимъ благосостояніемъ, вашими богатствами, рѣдкостью голода и быстротой путей сообщенія! Богатства больше, но силы меньше: связующей мысли не стало; все размягчилось, все упрѣло и всѣ упрѣли! Всѣ, всѣ, всѣ мы упрѣли!.. Но довольно, и не въ томъ теперь дѣло, а въ томъ, что не распорядиться-ли намъ, достоночтенный князь, на счетъ приготовленной для гостей закусочки?

Лебедевъ, чуть не доведшій нѣкоторыхъ изъ слушателей до настоящаго негодованія (надо замѣтить, что бутылки все время не переставали откупориваться), неожиданнымъ заключеніемъ своей рѣчи на счетъ закусочки примирилъ съ собой тотчасъ-же всѣхъ противниковъ. Самъ онъ называлъ такое заключеніе «ловкимъ адвокатскимъ оборотомъ дѣла». Веселый смѣхъ поднялся опять, гости оживились; всѣ встали изъ-за стола, чтобы расправить члены и пройтись по террасѣ. Только Келлеръ остался недоволенъ рѣчью Лебедева и былъ въ чрезвычайномъ волненіи.

— Нападаетъ на просвѣщеніе, проповѣдуетъ изувѣрство двѣнадцатаго столѣтія, кривляется и даже безо всякой сердечной невинности: самъ-то чѣмъ онъ домъ нажилъ, позвольте спросить? говорилъ онъ вслухъ, останавливая всѣхъ и каждаго.

— Я видѣлъ настоящаго толкователя Апокалипсиса, говорилъ генералъ въ другомъ углу, другимъ слушателямъ и между прочимъ Птицыну, котораго ухватилъ за пуговицу,—покойнаго Григорія Семеновича Бурмистрова: тотъ, такъ сказать, прожигалъ сердца. И, во первыхъ, надѣвалъ очки, развертывалъ большую старинную книгу въ черномъ кожаномъ переплетѣ, ну, и при этомъ сѣдая борода, двѣ медали за пожертвованія. Начиналъ сурово и строго, предъ нимъ склонялись генералы, а дамы въ обморокъ падали, ну—а этотъ заключаетъ закуской! Ни на что не похоже!

Птицынъ, слушавшій генерала, улыбался и какъ будто собирался взяться за шляпу, но точно не рѣшался или безпрерывно забывалъ о своемъ намѣреніи. Ганя, еще до того времени какъ встали изъ-за стола, вдругъ пересталъ пить и отодвинулъ отъ себя бокалъ; что-то мрачное прошло по лицу его. Когда встали изъ-за стола, онъ подошелъ къ Рогожину и сѣлъ съ нимъ рядомъ. Можно было подумать, что они въ самыхъ пріятельскихъ отношеніяхъ. Рогожинъ, который въ началѣ тоже нѣсколько разъ было собирался

потихоньку уйдти, сидѣть теперь неподвижно, потупивъ голову и какъ-бы тоже забывъ, что хотѣлъ уходить. Во весь вечеръ онъ не выпилъ ни одной капли вина и былъ очень задумчивъ: изрѣдка только поднималъ глаза и оглядывалъ всѣхъ и каждаго. Теперь-же можно было подумать, что онъ чего-то здѣсь ждетъ, чрезвычайно для него важнаго, и до времени рѣшился не уходить.

Князь выпилъ всего два или три бокала и былъ только весель. Привставъ изъ-за стола, онъ встрѣтилъ взглядъ Евгенія Павловича, вспомнилъ о предстоящемъ между ними объясненіи и улыбнулся привѣтливо. Евгеній Павловичъ кивнулъ ему головой и вдругъ показалъ на Ипполита, котораго пристально наблюдалъ въ эту самую минуту. Ипполитъ спалъ, протянувшись на диванѣ.

— Зачѣмъ, скажите, затесался къ вамъ этотъ мальчишка, князь? сказалъ онъ вдругъ съ такою явною досадой и даже со злобой, что князь удивился.—Бьюсь объ закладъ, у него недоброе на умѣ!

— Я замѣтилъ, сказалъ князь,—мнѣ показалось, по крайней мѣрѣ, что онъ васъ слишкомъ интересуетъ сегодня, Евгеній Павлычъ; это правда?

— И прибавьте: при моихъ собственныхъ обстоятельствахъ мнѣ и самому есть о чемъ задуматься, такъ что я самъ себѣ удивляюсь, что весь вечеръ не могу оторваться отъ этой противной физіономіи!

— У него лицо красивое...

— Вотъ, вотъ, смотрите! крикнулъ Евгеній Павловичъ, дернувъ за руку князя:—вотъ!..

Князь еще разъ съ удивленіемъ оглядѣлъ Евгенія Павловича.

V.

Ипполитъ, подъ конецъ диссертаціи Лебедева вдругъ заснувшій на диванѣ, теперь вдругъ проснулся, точно кто его толкнулъ въ бокъ, вздрогнулъ, приподнялся, осмотрѣлся кругомъ и побѣдилъ; въ какомъ-то даже испугѣ озирался онъ кругомъ: но почти ужасъ выразился въ его лицѣ, когда онъ все припомнилъ и сообразилъ:

— Что, они расходятся? Кончено? Все кончено? Взошло солнце? спрашивалъ онъ тревожно, хватая за руку князя:—который часъ? Ради Бога: часъ? Я проспалъ. Долго я спалъ? прибавилъ онъ чуть не съ отчаяннымъ видомъ, точно онъ проспалъ что-то такое, отъ чего, по крайней мѣрѣ, зависѣла вся судьба его.

— Вы спали семь или восемь минутъ, отвѣтилъ Евгеній Павловичъ.

Ипполитъ жадно посмотрѣлъ на него и нѣсколько мгновеній соображалъ.

— А... только! Стало быть, я...

И онъ глубоко и жадно перевелъ духъ, какъ-бы сбросивъ съ себя чрезвычайную тягость. Онъ догадался наконецъ, что ничего не кончено, что еще не разсвѣло, что гости встали изъ-за стола только для закуски, и что кончилась всего одна только болтовня Лебедева. Онъ улыбнулся, и чахоточный румянецъ, въ видѣ двухъ яркихъ пятенъ, заигралъ на щекахъ его.

— А вы ужь и минуты считали пока я спалъ, Евгеній Павлычъ, подхватилъ онъ насмѣшливо,— вы цѣлый вечеръ отъ меня не отрывались, я видѣлъ... А! Рогожинъ! Я видѣлъ его сейчасъ во снѣ, прошепталъ онъ князю, нахмурившись и кивая на сидѣвшаго у стола Рогожина:—ахъ, да, перескочилъ онъ вдругъ опять,—гдѣ-же ораторъ, гдѣ-жь Лебедевъ? Лебедевъ, стало быть, кончилъ? О чемъ онъ говорилъ? Правда, князь, что вы разъ говорили, что міръ спасетъ «красота»? Господа, закричалъ онъ громко всѣмъ: — князь утверждаетъ, что міръ спасетъ красота! А я утверждаю, что у него оттого такія игривыя мысли, что онъ теперь влюбленъ. Господа, князь влюбленъ; давеча, только что онъ вошелъ, я въ этомъ убѣдился. Не краснѣйте, князь, мнѣ васъ жалко станетъ. Какая красота спасетъ міръ? Мнѣ это Коля пересказалъ... Вы ревностный христіанинъ? Коля говоритъ, что вы сами себя называете христіаниномъ.

Князь разсматривалъ его внимательно и не отвѣтилъ ему.

— Вы не отвѣчаете мнѣ? Вы, можетъ быть, думаете, что я васъ очень люблю? прибавилъ вдругъ Ипполитъ, точно сорвалъ.

— Нѣтъ, не думаю. Я знаю, что вы меня не любите.

— Какъ! Даже послѣ вчерашняго? Вчера я былъ искренекъ съ вами?

— Я и вчера зналъ, что вы меня не любите.

— То есть, потому что я вамъ завидую, завидую? Вы всегда это думали и думаете теперь, но... но зачѣмъ я говорю вамъ объ этомъ? Я хочу выпить еще шампанскаго; налейте мнѣ, Келлеръ.

— Вамъ нельзя больше пить, Ипполитъ, я вамъ не дамъ...

И князь отодвинулъ отъ него бокалъ.

— И вирямъ... согласился онъ тотчасъ-же, какъ-бы задумываясь,— пожалуй еще скажутъ... да чортъ-ли мнѣ въ томъ, что они скажутъ! Не правда-ли, не правда-ли? Пускай ихъ потомъ говорятъ, такъ-ли, князь? И какое намъ всѣмъ до того дѣло, что

будетъ *потомъ!*... Я, впрочемъ, съ просонья. Какой я ужасный сонъ видѣлъ, теперь только припомнилъ... Я вамъ не желаю такихъ сновъ, князь, хоть я васъ дѣйствительно, можетъ быть, не люблю. Впрочемъ, если не любишь человѣка, зачѣмъ ему дурнаго желать, не правда-ли? Что это я все спрашиваю: все-то я спрашиваю! Дайте мнѣ вашу руку; я вамъ крѣпко пожму ее, вотъ такъ... Вы однако-жъ протянули мнѣ руку? Стало быть, знаете, что я вамъ искренно ее пожимаю?.. Пожалуй, я не буду больше пить. Который часъ? Впрочемъ, не надо, я знаю который часъ. Принелъ часъ! Теперь самое время. Что это, тамъ въ углу закуску ставятъ? Стало быть, этотъ столъ свободенъ? Прекрасно! Господа, я... однако всѣ эти господа и не слушаютъ... я намѣренъ прочесть одну статью. князь; закуска, конечно, интереснѣе, но...

И вдругъ, совершенно неожиданно, онъ вытащилъ изъ своего верхняго бокового кармана большой, канцелярскаго размѣра пакетъ, запечатанный большою красною печатью. Онъ положилъ его на столъ предъ собой.

Эта неожиданность произвела эффектъ въ неготовомъ къ тому, или, лучше сказать, въ *готовомъ*, но не къ тому, обществѣ. Евгеній Павловичъ даже привскочилъ на своемъ стулѣ: Ганя быстро придвинулся къ столу; Рогожинъ тоже, но съ какою-то брезгливою досадой, какъ-бы понимая въ чемъ дѣло. Случившійся вблизи Лебедевъ подошелъ съ любопытными глазками и смотрѣлъ на пакетъ, стараясь угадать въ чемъ дѣло.

— Что это у васъ? спросилъ съ безпокойствомъ князь.

— Съ первымъ краешкомъ солнца я улягусь, князь, я сказалъ; честное слово: увидите! вскричалъ Ипполитъ: — но... но... неужели вы думаете, что я не въ состояніи распечатать этотъ пакетъ? прибавилъ онъ, съ какимъ-то вызовомъ обводя всѣхъ кругомъ глазами и какъ будто обращаясь ко всѣмъ безразлично. Князь замѣтилъ, что онъ весь дрожалъ.

— Мы никто этого и не думаемъ, отвѣтилъ князь за всѣхъ,— и почему вы думаете, что у кого нибудь есть такая мысль, и что... что у васъ за странная идея читать? Что у васъ тутъ такое, Ипполитъ?

— Что тутъ такое? Что съ нимъ опять приключилось? спрашивали кругомъ. Всѣ подходили, иные еще закусывая: пакетъ съ красною печатью всѣхъ притягивалъ, точно магнитъ.

— Это я самъ вчера написалъ, сейчасъ послѣ того какъ далъ вамъ слово, что пріѣду къ вамъ жить, князь. Я писалъ это вчера весь день, потомъ ночь и кончилъ сегодня утромъ: ночью подъ утро я видѣлъ сонъ...

— Не лучше-ли завтра? робко перебилъ князь.

— Завтра «времени больше не будетъ!» истерически усмѣхнулся Ипполитъ.—Впрочемъ, не безпокойтесь, я прочту въ сорокъ минутъ, ну—въ часъ... И видите какъ всѣ интересуются: всѣ подошли; всѣ на мою печать смотрятъ, и вѣдь не запечатай я статью въ пакетъ, не было-бы никакого эффекта! Ха-ха! Вотъ что она значитъ, таинственность! Распечатывать или нѣтъ, господа? крикнулъ онъ, смѣясь своимъ страннымъ смѣхомъ и сверкая глазами.— Тайна! Тайна! А помните, князь, кто провозгласилъ, что «времени больше не будетъ?» Это провозглашаетъ огромный и могучій ангелъ въ Апокалипсисѣ.

— Лучше не читать! воскликнулъ вдругъ Евгеній Павловичъ, но съ такимъ нежданнымъ въ немъ видомъ безпокойства, что многимъ показалось это страннымъ.

— Не читайте! крикнулъ и князь, положивъ на пакетъ руку.

— Какое чтеніе? теперь закуска, замѣтилъ кто-то.—Статья? Въ журналъ что-ли? освѣдомился другой.—Можетъ, скучно? прибавилъ третій.—Да что тутъ такое? освѣдомлялись остальные. Но пугливый жестъ князя точно испугалъ и самого Ипполита.

— Такъ... не читать? прошепталъ онъ ему какъ-то опасливо, съ кривящеюся улыбкой на посинѣвшихъ губахъ:— не читать? пробормоталъ онъ, обводя взглядомъ всю публику, всѣ глаза и лица, и какъ будто цѣпляясь опять за всѣхъ съ прежнею, точно набрасывающеюся на всѣхъ экспансивностью:—вы... боитесь? повернулся онъ опять къ князю.

— Чего? спросилъ тотъ, все болѣе и болѣе измѣняясь.

— Есть у кого нибудь двугривенный, двадцать копѣекъ! вскочилъ вдругъ Ипполитъ со стула, точно его сдернули:—какая нибудь монетка?

— Вотъ! подалъ тотчасъ-же Лебедевъ; у него мелькнула мысль, что больной Ипполитъ помѣшался.

— Вѣра Лукьяновна! торопливо пригласилъ Ипполитъ:— возьмите, бросьте на столъ: орелъ или рѣшетка? Орелъ — такъ читать!

Вѣра испуганно посмотрѣла на монетку, на Ипполита, потомъ на отца и какъ-то неловко, закинувъ къ верху голову, какъ-бы въ томъ убѣжденіи, что ужь ей самой не надо смотрѣть на монетку, бросила ее на столъ. Выпалъ орелъ.

— Читать! прошепталъ Ипполитъ, какъ будто раздавленный рѣшеніемъ судьбы; онъ не побѣдилъ-бы болѣе, если-бъ ему прочли смертный приговоръ. — А впрочемъ, вздрогнулъ онъ вдругъ, помолчавъ съ полминуты, — что это? Неужели я бросалъ сейчасъ жребій? съ тою-же напрашивающеюся откровенностью осмотрѣлъ

онъ всѣхъ кругомъ. — Но вѣдь это удивительная психологическая черта! вскричалъ онъ вдругъ, обращаясь къ князю, въ искреннемъ изумленіи: — Это... это неостижимая черта, князь! подтвердилъ онъ, оживляясь и какъ-бы приходя въ себя: — это вы запишите, князь, запомните, вы вѣдь, кажется, собираете матеріалы на счетъ смертной казни... Мнѣ говорили, ха-ха! О, Боже, какая безтолковая нелѣпость! — Онъ сѣлъ на диванъ, облокотился на столъ обоими локтями и схватилъ себя за голову. — Вѣдь это даже стыдно!.. А чортъ-ли мнѣ въ томъ, что стыдно, поднялъ онъ почти тотчасъ-же голову. — Господа! Господа, я распечатываю пакетъ, провозгласилъ онъ съ какою-то внезапною рѣшимостію, — я... я, впрочемъ, не принуждаю слушать!..

Дрожащими отъ волненія руками онъ распечаталъ пакетъ, вынулъ изъ него нѣсколько листочковъ почтовой бумаги, мелко исписанныхъ, положилъ ихъ предъ собой и сталъ расправлять ихъ.

— Да что̀ это? Да что̀ тутъ такое? Что̀ будутъ читать? мрачно бормотали нѣкоторые; другіе молчали. Но всѣ усѣлись и смотрѣли съ любопытствомъ. Можетъ быть, дѣйствительно ждали чего-то необыкновеннаго. Вѣра уцѣпилась за стулъ отца и отъ испуга чуть не плакала; почти въ такомъ-же испугѣ былъ и Коля. Уже усѣвшійся Лебедевъ вдругъ приподнялся, схватился за свѣчки и приблизилъ ихъ ближе къ Ипполиту, чтобы свѣтлѣе было читать.

— Господа, это... это вы увидите сейчасъ что̀ такое, прибавилъ для чего-то Ипполитъ и вдругъ началъ чтеніе: «Необходимое объясненіе»! Эпиграфъ: «Après moi le déluge»... Фу, чортъ возьми! вскрикнулъ онъ точно обжегшись: — неужели я могъ серіозно поставить такой глупый эпиграфъ?.. Послушайте, господа!.. увѣряю васъ, что все это въ концѣ-концовъ, можетъ быть, ужаснѣйшіе пустяки! Тутъ только нѣкоторыя мои мысли... Если вы думаете, что тутъ... что нибудь таинственное или... запрещенное... однимъ словомъ...

— Читали-бы безъ предисловій, перебилъ Ганя.

— Завилялъ! прибавилъ кто-то.

— Разговору много, вверпулъ молчавшій все время Рогожинъ.

Ипполитъ вдругъ посмотрѣлъ на него, и когда глаза ихъ встрѣтились, Рогожинъ горько и желчно осклабился и медленно произнесъ странныя слова:

— Не такъ этотъ предметъ надо обдѣлывать, парень, не такъ...

Что̀ хотѣлъ сказать Рогожинъ, конечно, никто не понялъ, но слова его произвели довольно странное впечатлѣніе на всѣхъ: всякаго тронула краюшкомъ какая-то одна общая мысль. На Ипполита-же слова эти произвели впечатлѣніе ужасное: онъ такъ задрожалъ,

что князь протянулъ было руку, чтобы поддержать его, и онъ навѣрно-бы вскрикнулъ, если-бы видимо не оборвался вдругъ его голосъ. Цѣлую минуту онъ не могъ выговорить слова и, тяжело дыша, все смотрѣлъ на Рогожина. Наконецъ, задыхаясь и съ чрезвычайнымъ усиліемъ, выговорилъ:

— Такъ это вы... вы были... вы?

— Что былъ? Что я? отвѣтилъ недоумѣвая Рогожинъ, но Ипполитъ, вспыхнувъ и почти съ бѣшенствомъ, вдругъ его охватившимъ, рѣзко и сильно вскричалъ:

— *Вы* были у меня на прошлой недѣлѣ, ночью, во второмъ часу, въ тотъ день, когда я къ вамъ приходилъ утромъ, *вы!!* Признавайтесь, вы?

— На прошлой недѣлѣ, ночью? Да не снятилъ-ли ты и вирямъ съ ума, парень?

«Парень» опять съ минуту помолчалъ, приставивъ указательный палецъ ко лбу и какъ-бы соображая; но въ блѣдной, все такъ-же кривившейся отъ страха улыбкѣ его мелькнуло вдругъ что-то какъ будто хитрое, даже торжествующее.

— Это были вы! повторилъ онъ, наконецъ, чуть не шепотомъ, но съ чрезвычайнымъ убѣжденіемъ: — *вы* приходили ко мнѣ и сидѣли молча у меня на стулѣ, у окна, цѣлый часъ; больше; въ первомъ и во второмъ часу полуночи; вы потомъ встали и ушли въ третьемъ часу... Это были вы, вы! Зачѣмъ вы пугали меня, зачѣмъ вы приходили мучить меня, — не понимаю, но это были вы!

И во взглядѣ его мелькнула вдругъ безконечная ненависть, не смотря на все еще не унимавшуюся въ немъ дрожь отъ испуга.

— Вы сейчасъ, господа, все это узнаете, я... я... слушайте...

Онъ опять, и ужасно торопясь, схватился за свои листочки; они расползлись и разрознились: онъ силился ихъ сложить; они дрожали въ его дрожавшихъ рукахъ; долго онъ не могъ устроиться.

Чтеніе, наконецъ, началось. Въ началѣ, минуть съ пять, авторъ нежданной *статьи* все еще задыхался и читалъ безсвязно и неровно: но потомъ голосъ его отвердѣлъ и сталъ вполнѣ выражать смыслъ прочитаннаго. Иногда только довольно сильный кашель прерывалъ его; съ половины статьи онъ сильно охрипъ; чрезвычайное одушевленіе, овладѣвавшее имъ все болѣе и болѣе по мѣрѣ чтенія, подъ конецъ достигло высшей степени, какъ и болѣзненное впечатлѣніе на слушателей. Вотъ вся эта «статья».

МОЕ НЕОБХОДИМОЕ ОБЪЯСНЕНІЕ.

«Après moi le déluge!»

Вчера утромъ былъ у меня князь; между прочимъ, онъ уговорилъ меня переѣхать на свою дачу. Я такъ и зналъ, что онъ непремѣнно будетъ на этомъ настаивать, и увѣренъ былъ, что онъ такъ прямо и брякнетъ мнѣ, что мнѣ на дачѣ будетъ легче умирать между людьми и деревьями, какъ онъ выражается. Но сегодня онъ не сказалъ *умереть*, а сказалъ «будетъ легче прожить», что однако-же почти все равно для меня. Въ моемъ положеніи. Я спросилъ его, что онъ подразумѣваетъ подъ своими безпрерывными «деревьями», и почему онъ мнѣ такъ навязываетъ эти «деревья»,— и съ удивленіемъ узналъ отъ него, что я самъ будто-бы на томъ вечерѣ выразился, что пріѣзжалъ въ Павловскъ въ послѣдній разъ посмотрѣть на деревья. Когда я замѣтилъ ему, что вѣдь все равно умирать, что подъ деревьями, что смотря въ окно на мои кирпичи, и что для двухъ недѣль нечего такъ церемониться, то онъ тотчасъ-же согласился; но зелень и чистый воздухъ, по его мнѣнію, непремѣнно произведутъ во мнѣ какую нибудь физическую перемѣну, и мое волненіе и *мои сны* перемѣнятся и, можетъ быть, облегчатся. Я опять замѣтилъ ему, смѣясь, что онъ говоритъ какъ матеріалистъ. Онъ отвѣтилъ мнѣ съ своею улыбкой, что онъ и всегда былъ матеріалистъ. Такъ какъ онъ никогда не лжетъ, то эти слова что-нибудь да означаютъ. Улыбка его хороша; я разглядѣлъ его теперь внимательнѣе. Я не знаю, люблю или не люблю я его теперь; теперь мнѣ некогда съ этимъ возиться. Моя пятимѣсячная ненависть къ нему, надо замѣтить, въ послѣдній мѣсяцъ стала совсѣмъ утихать. Кто знаетъ, можетъ быть, я пріѣзжалъ въ Павловскъ, главное, чтобъ его увидать. Но... зачѣмъ я оставлялъ тогда мою комнату? Приговоренный къ смерти не долженъ оставлять своего угла: и если-бы теперь я не принялъ окончательнаго рѣшенія, а рѣшился-бы, напротивъ, ждать до послѣдняго часу, то, конечно, не оставилъ-бы моей комнаты ни за что и не принялъ-бы предложенія переселиться къ нему «умирать» въ Павловскъ.

Мнѣ нужно поспѣшить и кончить все это объясненіе непремѣнно до завтра. Стало быть, у меня не будетъ времени перечитать и поправить; перечту завтра, когда буду читать князю и двумъ, тремъ свидѣтелямъ, которыхъ намѣренъ найдти у него. Такъ какъ тутъ не будетъ ни одного слова лжи, а все одна правда, послѣдняя и торжественная, то мнѣ заранѣе любопытно, какое вне-

чатлѣніе она произведетъ на меня самого въ тотъ часъ и въ ту минуту, когда я стану перечитывать? Впрочемъ, я напрасно написалъ слова: «правда послѣднія и торжественная»; для двухъ недѣль и безъ того лгать не стоитъ, потому что жить двѣ недѣли не стоитъ; это самое лучшее доказательство, что я пишу одну правду. (NB. Не забыть мысли: не сумасшедшій-ли я въ эту минуту, то есть минутами? Мнѣ сказали утвердительно, что чахоточные въ послѣдней степени иногда сходятъ съ ума на время. Провѣрить это завтра за чтеніемъ, по впечатлѣнію на слушателей. Этотъ вопросъ непремѣнно разрѣшить въ полной точности: иначе нельзя ни къ чему приступить).

—Мнѣ кажется, я написалъ сейчасъ ужасную глупость: но переправлять мнѣ некогда, я сказалъ; кромѣ того, я даю себѣ слово нарочно не переправлять въ этой рукописи ни одной строчки, даже если-бъ я самъ замѣтилъ, что противорѣчу себѣ чрезъ каждыя пять строкъ. Я хочу именно опредѣлить завтра за чтеніемъ правильно-ли логическое теченіе моей мысли: замѣчаю-ли я ошибки мои и вѣрно-ли, стало быть, все то, что я въ этой комнатѣ въ эти шесть мѣсяцевъ передумалъ, или только одинъ бредъ.

—Если-бъ еще два мѣсяца тому назадъ мнѣ пришлось, какъ теперь, оставлять совсѣмъ мою комнату и проститься съ Мейеровою стѣной, то, я увѣренъ, мнѣ было-бы грустно. Теперь-же я ничего не ощущаю, а между тѣмъ завтра оставляю и комнату, и стѣну, *ни капли!* Стало быть, убѣжденіе мое, что для двухъ недѣль не стоитъ уже сокалѣть или предаваться какимъ нибудь ощущеніямъ, одолѣло моею природой и можетъ уже теперь приказывать всѣмъ моимъ чувствамъ. Но правда-ли это? Правда-ли, что моя природа побѣждена теперь совершенно? Если-бы меня стали теперь пытать, то я-бы сталъ навѣрно кричать и не сказалъ-бы, что не стоитъ кричать и чувствовать боль, потому что двѣ недѣли только осталось жить.

—Но правда-ли то, что мнѣ только двѣ недѣли жить остается, а не больше? Тогда въ Павловскѣ я солгалъ: Б—нъ мнѣ ничего не говорилъ и никогда не видалъ меня: но съ недѣлю назадъ ко мнѣ приводилъ студента, Кислородова; по убѣжденіямъ своимъ, онъ матеріалистъ, атеистъ и нигилистъ, вотъ почему я именно его и позвалъ: мнѣ надо было человѣка, чтобы сказалъ мнѣ, наконецъ, голую правду, не вѣжничая и безъ церемоніи, но даже съ видимымъ удовольствіемъ (что, по моему, умнѣе и лучше). Онъ брякнулъ мнѣ прямо, что мнѣ осталось около мѣсяца; можетъ быть, нѣсколько больше, если будутъ хорошія обстоятельства: но, можетъ быть, даже и гораздо раньше умру. Но его мнѣнію, я могу умереть

и внезапно, даже, напримѣръ, завтра: такіе факты бывали, и не далѣе какъ третьяго дня одна молодая дама, въ чахоткѣ и въ положеніи, сходномъ съ моимъ, въ Коломнѣ, собиралась идти на рынокъ покупать провизію, но вдругъ почувствовала себя дурно, легла на диванъ, вздохнула и умерла. Все это Кислородовъ сообщилъ мнѣ даже съ нѣкоторою щеголеватостію безчувствія и неосторожности, и какъ будто дѣлая мнѣ тѣмъ честь, то есть показывая тѣмъ, что принимаетъ и меня за такое-же всеотрицающее высшее существо, какъ и самъ онъ, которому умереть, разумѣется, ничего не стоитъ. Въ концѣ-концовъ всетаки фактъ обличеванный: мѣсяцъ и никакъ не болѣе! Что онъ не ошибся въ томъ, я совершенно увѣренъ.

Удивило меня очень, почему князь такъ угадалъ давеча, что я вижу «дурные сны»; онъ сказалъ буквально, что въ Павловскѣ «мое волненіе и *сны* перемѣнятся». И почему-же сны? Онъ или медикъ, или въ самомъ дѣлѣ необыкновеннаго ума и можетъ очень многое угадывать. (Но что онъ въ концѣ-концовъ идіотъ — въ этомъ нѣтъ никакого сомнѣнія). Какъ нарочно предъ самымъ его приходомъ я видѣлъ одинъ хорошенькій сонъ (впрочемъ изъ тѣхъ, которые мнѣ теперь снятся сотнями). Я засну̀лъ, — я думаю за часъ до его прихода, — и видѣлъ, что я въ одной комнатѣ (но не въ моей). Комната больше и выше моей, лучше меблирована, свѣтлая, шкафъ, комодъ, диванъ и моя кровать, большая и широкая и покрытая зеленымъ шелковымъ стеганымъ одѣяломъ. Но въ этой комнатѣ я замѣтилъ одно ужасное животное, какое-то чудовище. Оно было въ родѣ скорпіона, но не скорпіонъ, а гадче и гораздо ужаснѣе, и, кажется, именно тѣмъ, что такихъ животныхъ въ природѣ нѣтъ, и что оно *нарочно* у меня явилось и что въ этомъ самомъ заключается будто-бы какая-то тайна. Я его очень хорошо разглядѣлъ: оно коричневое и скорлупчатое, пресмыкающійся гадъ, длиной вершка въ четыре, у головы, толщиной въ два пальца, къ хвосту постепенно тоньше, такъ что самый кончикъ хвоста толщиной не больше десятой доли вершка. На вершокъ отъ головы, изъ туловища выходятъ, подъ угломъ въ сорокъ пять градусовъ, двѣ лапы, по одной съ каждой стороны, вершка по два длиной, такъ что все животное представляется, если смотрѣть сверху, въ видѣ трезубца. Головы я не разсмотрѣлъ, но видѣлъ два усика, не длинные, въ видѣ двухъ крѣпкихъ иглъ, тоже коричневые. Такіе-же два усика на концѣ хвоста и на концѣ каждой изъ лапъ, всего, стало быть, восемь усиковъ. Животное бѣгало по комнатѣ очень быстро, упираясь лапами и хвостомъ, и когда бѣжало, то и туловище и лапы извивались какъ змѣйки, съ необыкновенною быстротой, не смотря на скорлупу, и на это было очень гадко смотрѣть. Я ужасно боялся.

что оно меня ужалитъ; мнѣ сказали, что оно ядовитое, но я больше всего мучился тѣмъ, кто его прислалъ въ мою комнату, что̀ хотятъ мнѣ сдѣлать, и въ чемъ тутъ тайна? Оно пряталось подъ комодъ, подъ шкафъ, заползало въ углы. Я сѣлъ на стулъ съ ногами и подкалъ ихъ подъ себя. Оно быстро перебѣжало наискосъ всю комнату и исчезло гдѣ-то около моего стула. Я въ страхѣ осматривался, но такъ какъ я сидѣлъ подкавъ ноги, то и надѣялся, что оно не вползетъ на стулъ. Вдругъ я услышалъ сзади меня, почти у головы моей, какой-то трескучій шелестъ; я обернулся и увидѣлъ, что гадъ вползаетъ по стѣнѣ и уже наравнѣ съ моею головой, и касается даже моихъ волосъ хвостомъ, который вертѣлся и извивался съ чрезвычайною быстротой. Я вскочилъ, исчезло и животное. На кровать я боялся лечь, чтобъ оно не заползло подъ подушку. Въ комнату пришли моя мать и какой-то ея знакомый. Они стали ловить гадину, но были спокойнѣе чѣмъ я и даже не боялись. Но они ничего не понимали. Вдругъ гадъ выползъ опять; онъ ползъ въ этотъ разъ очень тихо и какъ будто съ какимъ-то особымъ намѣреніемъ, медленно извиваясь, что̀ было еще отвратительнѣе, опять наискосъ комнаты, къ дверямъ. Тутъ моя мать отворила дверь и кликнула Норму, нашу собаку. — огромный терноферъ, черный и лохматый: умерла пять лѣтъ тому назадъ. Она бросилась въ комнату и стала надъ гадиной какъ вкопанная. Остановился и гадъ, но все еще извиваясь и пощелкивая по полу концами лапъ и хвоста. Животныя не могутъ чувствовать мистическаго испуга, если не ошибаюсь: но въ эту минуту мнѣ показалось, что въ испугѣ Нормы было что-то какъ будто очень необыкновенное, какъ будто тоже почти мистическое, и что она, стало быть, тоже предчувствуетъ, какъ и я, что въ звѣрѣ заключается что-то роковое и какая-то тайна. Она медленно отодвигалась назадъ передъ гадомъ, тихо и осторожно ползшимъ на нее; онъ, кажется, хотѣлъ вдругъ на нее броситься и ужалить. Но не смотря на весь испугъ, Норма смотрѣла ужасно злобно, хоть и дрожа всѣми членами. Вдругъ она медленно оскалила свои страшные зубы, открыла всю свою огромную красную пасть, приноровилась, изловчилась, рѣшилась и вдругъ схватила гада зубами. Должно быть, гадъ сильно рванулся чтобы выскользнуть, такъ что Норма еще разъ поймала его, уже на лету, и два раза всею пастью вобрала его въ себя, все на лету, точно глотая. Скорлупа затрещала на ея зубахъ: хвостикъ животнаго и лапы, выходившія изъ пасти, шевелились съ ужасною быстротой. Вдругъ Норма жалобно взвизгнула: гадина успѣла таки ужалить ей языкъ. Съ визгомъ и воемъ она раскрыла отъ боли ротъ, и я увидѣлъ, что разгрызенная гадина еще шевелилась у нея поперекъ рта,

выпуская изъ своего полураздавленнаго туловища на ея языкъ множество бѣлаго сока, похожаго на сокъ раздавленнаго чернаго таракана... Тутъ я проснулся, и вошелъ князь.

— Господа, сказалъ Ипполитъ, вдругъ отрываясь отъ чтенія и даже почти застыдившись,—я не перечитывалъ, но, кажется, я дѣйствительно много лишняго написалъ. Этотъ сонъ...

— Есть-таки, поспѣшилъ ввернуть Ганя.

— Тутъ слишкомъ много личнаго, соглашаюсь, то есть собственно обо мнѣ...

Говоря это, Ипполитъ имѣлъ усталый и разслабленный видъ и обтиралъ потъ съ своего лба платкомъ.

— Да-съ, слишкомъ ужъ собой интересуетесь, прошепѣлъ Лебедевъ.

— Я, господа, никого не принуждаю, опять-таки: кто не хочетъ, тотъ можетъ и удалиться.

— Прогонятъ... изъ чужаго дома, чуть слышно проворчалъ Рогожинъ.

— А какъ мы всѣ вдругъ встанемъ и удалимся? проговорилъ внезапно Фердыщенко, до сихъ поръ, впрочемъ, не осмѣливавшійся вслухъ говорить.

Ипполитъ вдругъ опустилъ глаза и схватился за рукопись; но въ ту-же секунду поднялъ опять голову, и, сверкая глазами, съ двумя красными пятнами на щекахъ, проговорилъ, въ упоръ смотря на Фердыщенка:

— Вы меня совсѣмъ не любите!

Раздался смѣхъ; впрочемъ, большинство не смѣялось. Ипполитъ покраснѣлъ ужасно.

— Ипполитъ, сказалъ князь,—закройте вашу рукопись и отдайте ее мнѣ, а сами ложитесь спать здѣсь въ моей комнатѣ. Мы поговоримъ предъ сномъ и завтра: но съ тѣмъ, чтобъ ужъ никогда не развертывать эти листы. Хотите?

— Развѣ это возможно? посмотрѣлъ на него Ипполитъ въ рѣшительномъ удивленіи.—Господа! крикнулъ онъ опять, лихорадочно оживляясь:—глупый анекдотъ, въ которомъ я не умѣлъ вести себя. Болѣе прерывать чтеніе не буду. Кто хочетъ слушать—слушай..

Онъ поскорѣй глотнулъ изъ стакана воды, поскорѣй облокотился на столъ, чтобы закрыться отъ взглядовъ, и съ упорствомъ сталъ продолжать чтеніе. Стыдъ скоро, впрочемъ, прошелъ...

«Идея о томъ (продолжалъ онъ читать), что не стоитъ жить нѣсколько недѣль, стала одолѣвать меня настоящимъ образомъ, я думаю, съ мѣсяцъ назадъ, когда мнѣ оставалось жить еще четыре недѣли, но совершенно овладѣла мной только три дня назадъ, когда

я возвратился съ того вечера въ Павловскъ. Первый моментъ полнаго, непосредственнаго проникновенія этою мыслью произошелъ на террасѣ у князя, именно въ то самое мгновеніе, когда я вздумалъ сдѣлать послѣднюю пробу жизни, хотѣлъ видѣть людей и деревья (пусть это я самъ говорилъ), горячился, настаивалъ на правѣ Бурдовскаго, «моего ближняго», и мечталъ, что всѣ они вдругъ растопырятъ руки и примутъ меня въ свои объятія, и попросятъ у меня въ чемъ-то прощенія, а я у нихъ; однимъ словомъ, я кончилъ какъ бездарный дуракъ. И вотъ въ эти-то часы и вспыхнуло во мнѣ «послѣднее убѣжденіе». Удивляюсь теперь, какимъ образомъ я могъ жить цѣлые шесть мѣсяцевъ безъ этого «убѣжденія»! Я положительно зналъ, что у меня чахотка и неизлѣчимая; я не обманывалъ себя и понималъ дѣло ясно. Но чѣмъ яснѣе я его понималъ, тѣмъ судорожнѣе мнѣ хотѣлось жить; я цѣплялся за жизнь и хотѣлъ жить во что бы то ни стало. Согласенъ, что я могъ тогда злиться на темный и глухой жребій, распорядившійся раздавить меня какъ муху и, конечно, не зная зачѣмъ; но зачѣмъ-же я не кончилъ одною злостью? Зачѣмъ я дѣйствительно *начиналъ* жить, зная, что мнѣ уже нельзя начинать; пробовалъ, зная, что мнѣ уже нечего пробовать? А между тѣмъ я даже книги не могъ прочесть и пересталъ читать: къ чему читать, къ чему узнавать на шесть мѣсяцевъ? Эта мысль заставляла меня не разъ бросать книгу.

Да, эта Мейерова стѣна можетъ много пересказать! Много я на ней записалъ. Не было пятна на этой грязной стѣнѣ, котораго-бы я не заучилъ. Проклятая стѣна! А все таки она мнѣ дороже всѣхъ Павловскихъ деревьевъ, то есть должна-бы быть всѣхъ дороже, если-бы мнѣ не было теперь все равно.

Припоминаю теперь, съ какимъ жаднымъ интересомъ я сталъ слѣдить тогда за *чужою* жизнью: такого интереса прежде не бывало. Я съ нетерпѣніемъ и съ бранью ждалъ иногда Колю, когда самъ становился такъ боленъ, что не могъ выходить изъ комнаты. Я до того вникалъ во всѣ мелочи, интересовался всякими слухами, что, кажется, сдѣлался сплетникомъ. Я не понималъ, напримѣръ, какъ эти люди, имѣя столько жизни, не умѣютъ сдѣлаться богачами (впрочемъ, не понимаю и теперь). Я зналъ одного бѣдняка, про котораго мнѣ потомъ разсказывали, что онъ умеръ съ голоду, и, помню, это вывело меня изъ себя: если-бы можно было этого бѣдняка оживить, я-бы, кажется, казнилъ его. Мнѣ иногда становилось легче на цѣлыя недѣли, и я могъ выходить на улицу; но улица стала наконецъ производить во мнѣ такое озлобленіе, что я по цѣлымъ днямъ нарочно сидѣлъ взаперти, хотя и могъ выходить

какъ и всѣ. Я не могъ выносить этого нищенствующаго, суетящагося, вѣчно озабоченнаго, угрюмаго и встревоженнаго народа, который сновалъ около меня по тротуарамъ. Къ чему ихъ вѣчная печаль, вѣчная ихъ тревога и суета; вѣчная, угрюмая злость ихъ (потому что они злы, злы, злы)? Кто виноватъ что они несчастны и не умѣютъ жить, имѣя впереди по шестидесяти лѣтъ жизни? Зачѣмъ Зарницынъ допустилъ себя умереть съ голоду, имѣя у себя шестьдесятъ лѣтъ впереди? И каждый-то показываетъ свое рубище, свои рабочія руки, злится и кричитъ: «мы работаемъ какъ волы, мы трудимся, мы голодны какъ собаки и бѣдны! Другіе не работаютъ и не трудятся, а они богаты!» (Вѣчный припѣвъ!) Рядомъ съ ними бѣгаетъ и суетится съ утра до ночи какой нибудь несчастный сморчокъ изъ благородныхъ. Иванъ Ѳомичъ Суриковъ.—въ нашемъ домѣ, надъ нами живетъ,—вѣчно съ продранными локтями, съ обсыпавшимися пуговицами, у разныхъ людей на посылкахъ, по чьимъ нибудь порученіямъ, да еще съ утра до ночи. Разговоритесь съ нимъ: «бѣденъ, нищъ и убогъ, умерла жена, лѣкарства купить было не на что, а зимой заморозили ребенка: старшая дочь на содержаньи пошла...» вѣчно хнычетъ, вѣчно плачется! О, никакой, никакой во мнѣ не было жалости къ этимъ дуракамъ, ни теперь, ни прежде,— я съ гордостью это говорю! Зачѣмъ-же онъ самъ не Ротшильдъ? Кто виноватъ, что у него нѣтъ милліоновъ, какъ у Ротшильда, что у него нѣтъ горы золотыхъ имперіаловъ и наполеондоровъ, такой горы, такой точно высокой горы, какъ на Масляницѣ подъ балаганами! Коли онъ живетъ, стало быть, все въ его власти! Кто виноватъ, что онъ этого не понимаетъ?

«О, теперь мнѣ уже все равно, теперь уже мнѣ некогда злиться, но тогда, тогда, повторяю, я буквально грызъ по ночамъ мою подушку и рвалъ мое одѣяло отъ бѣшенства. О, какъ я мечталъ тогда, какъ желалъ, какъ нарочно желалъ, чтобы меня, восемнадцатилѣтняго, едва одѣтаго, едва прикрытаго, выгнали вдругъ на улицу и оставили совершенно одного, безъ квартиры, безъ работы, безъ куска хлѣба, безъ родственниковъ, безъ единаго знакомаго человѣка въ огромнѣйшемъ городѣ, голоднаго, прибитаго (тѣмъ лучше!), но здороваго, и тутъ-то-бы я показалъ...

«Что показалъ?

«О, неужели вы полагаете, что я не знаю какъ унизить себя и безъ того уже моимъ «Объясненіемъ»! Ну, кто-же не сочтетъ меня за сморчка, незнающаго жизни, забывъ, что мнѣ уже не восемнадцать лѣтъ: забывъ, что такъ жить, какъ я жилъ въ эти шесть мѣсяцевъ, значитъ уже дожить до сѣдыхъ волосъ! Но пусть смѣются и говорятъ, что все это сказки. Я и вправду разсказы-

вать себѣ сказки. Я наполнялъ ими цѣлыя ночи мои напролетъ; я ихъ всѣ припоминаю теперь.

«Но неужели-же мнѣ ихъ теперь опять пересказывать,—теперь, когда ужь и для меня миновала пора сказокъ? И кому-же? Вѣдь я тѣшился ими тогда, когда ясно видѣлъ, что мнѣ даже и грамматику греческую запрещено изучать, какъ разъ было мнѣ и вздумалось: «еще до синтаксиса не дойду какъ помру», подумалъ я съ первой страницы и бросилъ книгу подъ столъ. Она и теперь тамъ валяется; я запретилъ Матренѣ ее подымать.

«Пусть тотъ, кому попадется въ руки мое «Объясненіе», и у кого станетъ терпѣнія прочесть его, сочтетъ меня за помѣшаннаго, или даже за гимназиста, а вѣрнѣе всего за приговореннаго къ смерти, которому естественно стало казаться, что всѣ люди, кромѣ него, слишкомъ жизнью не дорожатъ, слишкомъ дешево повадились тратить ее, слишкомъ лѣнивo, слишкомъ безсовѣстно ею пользуются, а, стало быть, всѣ до единаго не достойны ея! И что-же? Я объявляю, что читатель мой ошибется, и что убѣжденіе мое совершенно независимо отъ моего смертнаго приговора. Спросите, спросите ихъ только, какъ они всѣ, сплошь до единаго, понимаютъ въ чемъ счастье? О, будьте увѣрены, что Колумбъ былъ счастливъ не тогда, когда открылъ Америку, а когда открывалъ ее: будьте увѣрены, что самый высокій моментъ его счастья былъ, можетъ быть, ровно за три дня до открытія Новаго Свѣта, когда бунтующій экипажъ въ отчаяніи чуть не поворотилъ корабля въ Европу, назадъ! Не въ Новомъ Свѣтѣ тутъ дѣло, хотя-бы онъ провалился. Колумбъ померъ почти не видавъ его и, въ сущности, не зная что онъ открылъ? Дѣло въ жизни, въ одной жизни,—въ открываніи ея, безпрерывномъ и вѣчномъ, а совсѣмъ не въ открытіи! Но что говорить! Я подозрѣваю, что все что я говорю теперь такъ похоже на самыя общія фразы, что меня навѣрно сочтутъ за ученика низшаго класса, представляющаго свое сочиненіе на «восходъ солнца», или скажутъ, что я, можетъ быть, и хотѣлъ что-то высказать, но при всемъ моемъ желаніи не съумѣлъ... объясниться». Но однако-жь прибавлю, что во всякой геніальной или новой человѣческой мысли, или просто даже во всякой серіозной человѣческой мысли, зарождающейся въ чьей нибудь головѣ, всегда остается нѣчто такое, чего никакъ нельзя передать другимъ людямъ, хотя-бы вы исписали цѣлые томы и растолковывали вашу мысль тридцать пять лѣтъ: всегда останется нѣчто, что ни за что не захочетъ выйдти изъ-подъ вашего черепа и останется при васъ на вѣки; съ тѣмъ вы и умрете, не передавъ никому, можетъ быть, самаго-то главнаго изъ вашей идеи. Но если и я теперь тоже не съумѣлъ пере-

дать всего того, что̀ меня въ эти шесть мѣсяцевъ мучило, то, по крайней мѣрѣ, поймутъ, что, достигнувъ моего теперешняго «послѣдняго убѣжденія», я слишкомъ, можетъ быть, дорого заплатилъ за него; вотъ это-то я и считалъ необходимымъ, для извѣстныхъ мнѣ цѣлей, выставить на видъ въ моемъ «Объясненіи».

«Но однако-жь я продолжаю.

VI.

Не хочу солгать: дѣйствительность ловила и меня на крючокъ въ эти шесть мѣсяцевъ и до того иногда увлекала, что я забывалъ о моемъ приговорѣ или, лучше, не хотѣлъ о немъ думать и даже дѣлалъ дѣла. Кстати о тогдашней моей обстановкѣ. Когда я, мѣсяцевъ восемь назадъ, сталъ ужь очень болѣть, то прекратилъ всѣ мои сношенія и оставилъ всѣхъ бывшихъ моихъ товарищей. Такъ какъ я и всегда былъ человѣкъ довольно угрюмый, то товарищи легко забыли меня; конечно, они забыли-бы меня и безъ этого обстоятельства. Обстановка моя дома, то есть «въ семействѣ», была тоже уединенная. Мѣсяцевъ пять назадъ, я разъ на всегда заперся извнутри и отдѣлилъ себя отъ комнатъ семьи совершенно. Меня постоянно слушались, и никто не смѣлъ войдти ко мнѣ, кромѣ какъ въ опредѣленный часъ убрать комнату и принести мнѣ обѣдать. Мать трепетала предъ моими приказаніями и даже не смѣла предо мною пошить, когда я рѣшался иногда впускать ее къ себѣ. Дѣтей она постоянно за меня колотила, чтобы не шумѣли и меня не безпокоили: я таки часто на ихъ крикъ жаловался; то-то, должно быть, они меня теперь любятъ! «Вѣрнаго Коло», какъ я его прозвалъ, я тоже, думаю, мучилъ порядочно. Въ послѣднее время и онъ меня мучилъ: все это было натурально, люди и созданы, чтобы другъ друга мучить. Но я замѣтилъ, что онъ переноситъ мою раздражительность такъ, какъ будто заранѣе далъ себѣ слово щадить больнаго. Естественно, это меня раздражало; но, кажется, онъ вздумалъ подражать князю въ «христіанскомъ смиреніи», что̀ было уже нѣсколько смѣшно. Это мальчикъ молодой и горячій и, конечно, всему подражаетъ: но мнѣ казалось иногда, что ему пора-бы жить и своимъ умомъ. Я его очень люблю. Мучилъ я тоже и Сурикова, живнаго надъ нами и обѣгавшаго съ утра до ночи по чьимъ-то порученіямъ: я постоянно доказывалъ ему, что онъ самъ виноватъ въ своей бѣдности, такъ что онъ наконецъ испугался и ходить ко мнѣ пересталъ. Это очень смиренный человѣкъ, смиреннѣйшее существо.

(NB. Говорятъ, смиреніе есть страшная сила; надо справиться объ этомъ у князя, это его собственное выраженіе); но когда я, въ мартѣ мѣсяцѣ, поднялся къ нему на верхъ, чтобы посмотрѣть какъ они тамъ «заморозили», по его словамъ, ребенка, и нечаянно усмѣхнулся надъ трупомъ его младенца, потому что сталъ опять объяснять Сурикову, что онъ «самъ виноватъ», то у этого смерчка вдругъ задрожали губы, и онъ, одною рукою схвативъ меня за плечо, другою показалъ мнѣ дверь и тихо, то есть чуть не шепотомъ, проговорилъ мнѣ: «ступайте-съ!» Я вышелъ, и мнѣ это очень понравилось, понравилось тогда-же, даже въ ту самую минуту какъ онъ меня выводилъ; но слова его долго производили на меня потомъ, при воспоминаніи, тяжелое впечатлѣніе какой-то странной, презрительной къ нему жалости, которой-бы я вовсе не хотѣлъ ощущать. Даже въ минуту такого оскорбленія (я вѣдь чувствую-же, что я оскорбилъ его, хоть и не имѣлъ этого намѣренія), даже въ такую минуту этотъ человѣкъ не могъ разозлиться! Запрыгали у него тогда губы вовсе не отъ злости, я клятву даю: схватилъ онъ меня за руку и выговорилъ свое великолѣпное «ступайте-съ» рѣшительно не сердясь. Достоинство было, даже много, даже вовсе ему и не къ лицу (такъ что, по правдѣ, тутъ много было и комическаго), но злости не было. Можетъ быть, онъ просто вдругъ сталъ презирать меня. Съ той поры, раза два-три, какъ я встрѣтилъ его на лѣстницѣ, онъ сталъ вдругъ снимать предо мною шляпу, чего никогда прежде не дѣлывалъ, но уже не останавливался, какъ прежде, а пробѣгалъ, сконфузившись, мимо. Если онъ и презиралъ меня, то вотъ по своему: онъ *смиренно* презиралъ. А можетъ быть, онъ снималъ свою шляпу просто изъ страха, какъ сыну своей кредиторши, потому что онъ матери моей постоянно долженъ и никакъ не въ силахъ выкарабкаться изъ долговъ. И даже это всего вѣроятнѣе. Я хотѣлъ было съ нимъ объясниться, и знаю навѣрно, что онъ чрезъ десять минутъ сталъ-бы просить у меня прощенія; но я разсудилъ, что лучше его ужь не трогать.

Въ это самое время, то есть около того времени какъ Сурикову «заморозили» ребенка, около половины марта, мнѣ стало вдругъ почему-то гораздо легче, и такъ продолжалось недѣли двѣ. Я сталъ выходить, всего чаще подъ сумерки. Я любилъ мартовскія сумерки, когда начинало морозить и когда зажигали газъ: ходилъ иногда далеко. Разъ, въ Шестилавочной, меня обогналъ въ темнотѣ какой-то «изъ благородныхъ», я его не разглядѣлъ хорошенько: онъ несъ что-то завернутое въ бумагѣ и одѣтъ былъ въ какомъ-то кургузомъ и безобразномъ пальтишкѣ, — не по сезону легко. Когда онъ поровнялся съ фонаремъ, шагахъ предо мной въ десяти, я замѣтилъ,

что у него что-то выпало изъ кармана. Я поспѣшилъ поднять—и было время, потому что уже подскочилъ какой-то въ длинномъ кафтанѣ, но, увидѣвъ вещь въ моихъ рукахъ, спорить не сталъ, быстро заглянулъ мнѣ въ руки и проскользнулъ мимо. Эта вещь была большой, сафьянный, стараго устройства и туго набитый бумажникъ; но почему-то я съ перваго взгляда угадалъ, что въ немъ было что̀ угодно, но только не деньги. Потерявшій прохожій шелъ уже шагахъ въ сорока предо мной и скоро за толпой пропалъ изъ виду. Я побѣжалъ и сталъ ему кричать: но такъ какъ кромѣ «эй!» мнѣ нечего было крикнуть, то онъ и не обернулся. Вдругъ онъ нырнулъ налѣво, въ ворота одного дома. Когда я вбѣжалъ въ ворота, подъ которыми было очень темно, уже никого не было. Домъ былъ огромной величины, одна изъ тѣхъ громадинъ, которыя строятся аферистами для мелкихъ квартиръ: въ иныхъ изъ такихъ домовъ бываетъ иногда нумеровъ до ста. Когда я пробѣжалъ воротa, мнѣ показалось, что въ правомъ, заднемъ углу огромнаго двора какъ будто идетъ человѣкъ, хотя въ темнотѣ я едва лишь могъ различать. Добѣжавъ до угла, я увидѣлъ входъ на лѣстницу; лѣстница была узкая, чрезвычайно грязная и совсѣмъ не освѣщенная: но слышалось, что въ высотѣ взбѣгалъ еще по ступенькамъ человѣкъ, и я пустился на лѣстницу, разсчитывая, что покамѣстъ ему гдѣ нибудь отопрутъ, я его догоню. Такъ и вышло. Лѣстницы были прекоротенькія, число ихъ было безконечное, такъ что я ужасно задохся; дверь отворили и затворили опять въ пятомъ этажѣ, я это угадалъ еще тремя лѣстницами ниже. Покамѣстъ я взбѣжалъ, пока отдышался на площадкѣ, пока искалъ звонка, прошло нѣсколько минутъ. Мнѣ отворила наконецъ одна баба, которая въ кромешной кухнѣ вздувала самоваръ: она выслушала молча мои вопросы, ничего, конечно, не поняла и молча отворила мнѣ дверь въ слѣдующую комнату, тоже маленькую, ужасно низенькую, съ скверною необходимою мебелью и широкою огромною постелью подъ занавѣсками, на которой лежалъ Терентьичъ (такъ кликнула баба), мнѣ показалось, хмѣльной. На столѣ догоралъ огарокъ въ желѣзномъ ночникѣ и стоялъ полуштофъ, почти опорожненный. Терентьичъ что-то промычалъ мнѣ, лежа, и махнулъ на слѣдующую дверь, а баба ушла, такъ что мнѣ ничего не оставалось какъ отворить эту дверь. Я такъ и сдѣлалъ, и вошелъ въ слѣдующую комнату.

Эта комната была еще уже и тѣснѣе предыдущей, такъ что я не зналъ даже гдѣ повернуться; узкая, односпальная кровать въ углу занимала ужасно много мѣста; прочей мебели было всего три простые стула, загроможденные всякими лохмотьями, и самый простой

кухонный, деревянный столъ предъ стареньким клеенчатым диваномъ, такъ что между столомъ и кроватью почти уже нельзя было пройдти. На столѣ горѣлъ такой-же желѣзный ночникъ съ сальною свѣчкой, какъ и въ той комнатѣ, а на кровати пищалъ крошечный ребенокъ, всего, можетъ быть, трехнедѣльный, судя по крику: его «перемѣнила», то есть переспеленывала, больная и бѣдная женщина, кажется, молодая, въ сильномъ неглиже и, можетъ быть, только что начинавшая вставать послѣ родовъ; но ребенокъ не унимался и кричалъ, въ ожиданіи тощей маминой груди. На диванѣ спалъ другой ребенокъ, трехлѣтняя дѣвочка, прикрытая, кажется, фракомъ. У стола стоялъ господинъ въ очень истрепанномъ сюртукѣ (онъ уже снялъ пальто, и оно лежало на кровати) и развертывалъ синюю бумагу, въ которой было завернуто фунта два пшеничнаго хлѣба и двѣ маленькія колбасы. На столѣ, кромѣ того, былъ чайникъ съ чаемъ и валялись куски чернаго хлѣба. Изъ подъ кровати высовывался незапертый чемоданъ, и торчали два узла съ какимъ-то тряпьемъ.

Однимъ словомъ, былъ страшный безпорядокъ. Мнѣ показалось съ перваго взгляда, что оба они, и господинъ, и дама—люди порядочные, но доведенные бѣдностью до того унизительнаго состоянія, въ которомъ безпорядокъ одолѣваетъ, наконецъ, всякую попытку бороться съ нимъ и даже доводитъ людей до горькой потребности находить въ самомъ безпорядкѣ этомъ, каждый день увеличивающемся, какое-то горькое и какъ будто мстительное ощущеніе удовольствія.

«Когда я вошелъ, господинъ этотъ, тоже только что предо мною вошедшій и развертывавшій свои припасы, о чемъ-то быстро и горячо переговаривался съ женой; та, хоть и не кончила еще пеленанія, но уже успѣла занюнить; извѣстія были, должно быть, скверныя, по обыкновенію. Лицо этого господина, которому было лѣтъ двадцать восемь на видъ, смуглое и сухое, обрамленное черными бакенбардами, съ выбритымъ до лоску подбородкомъ, показалось мнѣ довольно приличнымъ и даже пріятнымъ; оно было угрюмо, съ угрюмымъ взглядомъ, но съ какимъ-то болѣзненнымъ оттѣнкомъ гордости, слишкомъ легко раздражающейся. Когда я вошелъ, произошла странная сцена.

Есть люди, которые въ своей раздражительной обидчивости находятъ чрезвычайное наслажденіе, и особенно когда она въ нихъ доходитъ (что̀ случается всегда очень быстро) до послѣдняго предѣла: въ это мгновеніе имъ даже, кажется, пріятнѣе быть обиженными чѣмъ необиженными. Эти раздражающіеся всегда потомъ ужасно мучатся раскаяніемъ, если они умны, разумѣется, и въ

состояніи сообразить, что разгорячились въ десять разъ болѣе чѣмъ слѣдовало. Господинъ этотъ нѣкоторое время смотрѣлъ на меня съ изумленіемъ, а жена съ испугомъ, какъ будто въ томъ была страшная диковина, что и къ нимъ кто нибудь могъ войдти; но вдругъ онъ набросился на меня чуть не съ бѣшенствомъ; я не успѣлъ еще пробормотать двухъ словъ, а онъ, особенно видя, что я одѣтъ порядочно, почелъ, должно быть, себя страшно обиженнымъ тѣмъ, что я осмѣлился такъ безцеремонно заглянуть въ его уголъ и увидать всю безобразную обстановку, которой онъ самъ такъ стыдился. Конечно, онъ обрадовался случаю сорвать хоть на комъ нибудь свою злость за всѣ свои неудачи. Одну минуту я даже думалъ, что онъ бросится въ драку; онъ побѣдѣлъ точно въ женской истерикѣ и ужасно испугалъ жену.

«— Какъ вы смѣли такъ войдти? Вонъ! кричалъ онъ, дрожа и даже едва выговаривая слова. Но вдругъ онъ увидалъ въ рукахъ моихъ свой бумажникъ.

«— Кажется, вы обронили, сказалъ я какъ можно спокойнѣе и суше. (Такъ, впрочемъ, и слѣдовало).

«Тотъ стоялъ предо мной въ совершенномъ испугѣ и нѣкоторое время какъ будто понять ничего не могъ; потомъ быстро схватился за свой боковой карманъ, разинулъ ротъ отъ ужаса и ударилъ себя рукой по лбу.

«— Боже! Гдѣ вы нашли? Какимъ образомъ?

«Я объяснилъ въ самыхъ короткихъ словахъ и по возможности еще суше, какъ я поднялъ бумажникъ, какъ я бѣжалъ и звалъ его и какъ, наконецъ, по догадкѣ и почти ощупью, взбѣжалъ за нимъ по лѣстницѣ.

«— О, Боже! вскрикнулъ онъ, обращаясь къ женѣ: — тутъ всѣ наши документы, тутъ мои послѣдніе инструменты, тутъ все... о, милостивый государь, знаете-ли вы, что вы для меня сдѣлали? Я-бы пропалъ!

«Я схватился между тѣмъ за ручку двери, чтобы, не отвѣчая, уйдти; но я самъ задыхался, и вдругъ волненіе мое разразилось такимъ сильнѣйшимъ припадкомъ кашля, что я едва могъ устоять. Я видѣлъ какъ господинъ бросался во всѣ стороны, чтобы найдти мнѣ порожній стулъ, какъ онъ схватилъ, наконецъ, съ одного стула лохмотья, бросилъ ихъ на полъ и, торопясь, подалъ мнѣ стулъ, осторожно меня усаживая. Но кашель мой продолжался и не унимался еще минуты три. Когда я очнулся, онъ уже сидѣлъ подлѣ меня на другомъ стулѣ, съ котораго тоже, вѣроятно, сбросилъ лохмотья на полъ, и пристально въ меня всматривался.

«— Вы, кажется... страдаете? проговорилъ онъ тѣмъ тономъ.

какимъ обыкновенно говорятъ доктора, приступая къ больному. — Я самъ... медикъ (онъ не сказалъ: докторъ), — и, проговоривъ это, онъ для чего-то указалъ мнѣ рукой на комнату, какъ-бы протестуя противъ своего теперешняго положенія, — я вижу, что вы...

«— У меня чахотка, проговорилъ я какъ можно короче и всталъ.

«Вскочилъ тотчасъ и онъ.

«— Можетъ быть, вы преувеличиваете и... принявъ средства...

«Онъ былъ очень сбитъ съ толку и какъ будто все еще не могъ придти въ себя: бумажникъ торчалъ у него въ лѣвой рукѣ.

«— О, не безпокойтесь, перебилъ я опять, хватаясь за ручку двери, — меня смотрѣлъ на прошлой недѣлѣ Б—нъ (опять я ввернулъ тутъ Б—на), — и дѣло мое рѣшеное. Извините...

«Я было опять хотѣлъ отворить дверь и оставить моего сконфузившагося, благодарнаго и раздавленнаго стыдомъ доктора, но проклятый кашель какъ разъ опять захватилъ меня. Тутъ мой докторъ настоялъ, чтобъ я опять присѣлъ отдохнуть; онъ обратился къ женѣ, и та, не оставляя своего мѣста, проговорила мнѣ нѣсколько благодарныхъ и привѣтливыхъ словъ. При этомъ она очень сконфузилась, такъ что даже румянецъ заигралъ на ея болѣзненныхъ, сухихъ щекахъ. Я остался, но съ такимъ видомъ, который каждую секунду показывалъ, что ужасно боюсь ихъ стѣснить (такъ и слѣдовало). Раскаяніе моего доктора, наконецъ, замучило его, я это видѣлъ.

«— Если я... началъ онъ, поминутно обрывая и перескакивая, — я такъ вамъ благодаренъ и такъ виноватъ предъ вами... я... вы видите... — онъ опять указалъ на комнату, — въ настоящую минуту я нахожусь въ такомъ положеніи...

«— О, сказалъ я, — ничего и видѣть; дѣло извѣстное; вы, должно быть, потеряли мѣсто и пріѣхали объясняться и опять искать мѣста?

— Почему... вы узнали? спросилъ онъ съ удивленіемъ.

«— Съ перваго взгляда видно, отвѣчалъ я поневолѣ насмѣшливо, — сюда много пріѣзжаютъ изъ провинціи съ надеждами, бѣгаютъ, и такъ вотъ и живутъ.

«Онъ вдругъ заговорилъ съ жаромъ, съ дрожащими губами; онъ сталъ жаловаться, сталъ разсказывать и, признаюсь, увлекъ меня; я просидѣлъ у него почти часъ. Онъ разсказалъ мнѣ свою исторію, впрочемъ, очень обыкновенную. Онъ былъ лѣкаремъ въ губерніи, имѣлъ казенное мѣсто, но тутъ начались какія-то интриги, въ которыя вмѣшали даже жену его. Онъ погорячился, погорячился; произошла перемѣна губернскаго начальства въ пользу враговъ его;

подъ него подкопались, пожаловались: онъ потерялъ мѣсто и на послѣднія средства пріѣхалъ въ Петербургъ объясняться: въ Петербургѣ, извѣстно, его долго не слушали, потомъ выслушали, потомъ отвѣчали отказомъ, потомъ поманѝли обѣщаніями, потомъ отвѣчали строгостію, потомъ велѣли ему что-то написать въ объясненіе, потомъ отказались принять что̀ онъ написалъ, велѣли подать просьбу, — однимъ словомъ, онъ бѣгалъ уже пятый мѣсяцъ, пропѣлъ все; послѣднія женины тряпки были въ закладѣ, а тутъ родился ребенокъ и, и... «сегодня заключительный отказъ на поданную просьбу, а у меня почти хлѣба нѣтъ, ничего нѣтъ, жена родила. Я, я...»

«Онъ вскочилъ со стула и отвернулся. Жена его плакала въ углу, ребенокъ началъ опять пищать. Я вынулъ мою записную книжку и сталъ въ нее записывать. Когда я кончилъ и всталъ, онъ стоялъ предо мной и глядѣлъ съ боязливымъ любопытствомъ.

«— Я записалъ ваше имя, сказалъ я ему, — ну, и все прочее: мѣсто служенія, имя вашего губернатора, числа, мѣсяцы. У меня есть одинъ товарищъ, еще по школѣ, Бахмутовъ, а у него дядя Петръ Матвѣевичъ Бахмутовъ, дѣйствительный статскій совѣтникъ и служитъ директоромъ...

«— Петръ Матвѣевичъ Бахмутовъ! вскрикнулъ мой медикъ, чуть не задрожавъ: — но вѣдь отъ него-то почти все и зависитъ!

«Въ самомъ дѣлѣ, въ исторіи моего медика и въ развязкѣ ея, которой я нечаянно способствовалъ, все сошлось и уладилось, какъ будто нарочно было къ тому приготовлено, рѣшительно точно въ романѣ. Я сказалъ этимъ бѣднымъ людямъ, чтобъ они постарались не имѣть никакихъ на меня надеждъ, что я самъ бѣдный гимназистъ (я нарочно преувеличилъ униженіе; я давно кончилъ курсъ и не гимназистъ), и что имени моего нечего имъ знать, но что я пойду сейчасъ-же на Васильевскій островъ къ моему товарищу Бахмутову, и такъ какъ я знаю навѣрно, что его дядя, дѣйствительный статскій совѣтникъ, холостякъ и не имѣющій дѣтей, рѣшительно благоговѣетъ предъ своимъ племянникомъ и любитъ его до страсти, видя въ немъ послѣднюю отрасль своей фамиліи, то «можетъ быть, мой товарищъ и сможетъ сдѣлать что нибудь для васъ и для меня, конечно, у своего дяди»...

«— Мнѣ-бы только дозволили объясниться съ его превосходительствомъ! Только-бы я возмогъ получить честь объяснить на словахъ! воскликнулъ онъ, дрожа какъ въ лихорадкѣ и съ сверкавшими глазами. Онъ такъ и сказалъ: *возмогъ*. Повторивъ еще разъ, что дѣло навѣрно лопнетъ, и все окажется вздоромъ, я прибавилъ, что если завтра утромъ я къ нимъ не приду, то значитъ дѣло кончено, и имъ нечего ждать. Они выпроводили меня съ по-

клонами, они были почти не въ своемъ умѣ. Никогда не забуду выраженія ихъ лицъ. Я взялъ извощика и тотчасъ-же отправился на Васильевскій островъ.

Съ этимъ Бахмутовымъ въ гимназіи, въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ, я былъ въ постоянной враждѣ. У насъ онъ считался аристократомъ, по крайней мѣрѣ, я такъ называлъ его: прекрасно одѣвался, пріѣзжалъ на своихъ лошадяхъ, нисколько не фанфаронилъ, всегда былъ превосходный товарищъ, всегда былъ необыкновенно веселъ и даже иногда очень остеръ, хотя ума былъ совсѣмъ не далекаго, не смотря на то, что всегда былъ первымъ въ классѣ; я-же никогда, ни въ чемъ не былъ первымъ. Всѣ товарищи любили его, кромѣ меня одного. Онъ нѣсколько разъ въ эти нѣсколько лѣтъ подходилъ ко мнѣ, но я каждый разъ угрюмо и раздражительно отъ него отворачивался. Теперь я уже не видалъ его съ годъ: онъ былъ въ университетѣ. Когда, часу въ девятомъ, я вошелъ къ нему (при большихъ церемоніяхъ: обо мнѣ докладывали), онъ встрѣтилъ меня сначала съ удивленіемъ, вовсе даже непривѣтливо, но тотчасъ повеселѣлъ и, глядя на меня, вдругъ расхохотался.

— Да что это вздумалось вамъ придти ко мнѣ, Терентьевъ? вскричалъ онъ со своею всегдашнею, милою развязностію, иногда дерзкою, но никогда не оскорблявшею, которую я такъ въ немъ любилъ и за которую такъ его ненавидѣлъ. — Но что это, вскричалъ онъ съ испугомъ, — вы такъ больны!

Кашель меня замучилъ опять, я упалъ на стулъ и едва могъ отдышаться.

— Не безпокойтесь, у меня чахотка, сказалъ я, — я къ вамъ съ просьбой.

Онъ усѣлся съ удивленіемъ, и я тотчасъ-же изложилъ ему всю исторію доктора и объяснилъ, что самъ онъ, имѣя чрезвычайное вліяніе на дядю, можетъ быть, могъ-бы что нибудь сдѣлать.

« — Сдѣлаю, непремѣнно сдѣлаю и завтра-же нападу на дядю; и я даже радъ, и вы такъ все это хорошо разсказали... Но какъ это вамъ, Терентьевъ, вздумалось все-таки ко мнѣ обратиться?

— Отъ вашего дяди тутъ такъ много зависитъ, и притомъ мы, Бахмутовъ, всегда были врагами, а такъ какъ вы человѣкъ благородный, то я подумалъ, что вы врагу не откажете, прибавилъ я съ ироніей.

— Какъ Наполеонъ обратился къ Англіи! вскричалъ онъ, захохотавъ. — Сдѣлаю, сдѣлаю! Сейчасъ даже пойду, если можно! прибавилъ онъ поспѣшно, видя, что я серіозно и строго встаю со стула.

И дѣйствительно, это дѣло, самымъ неожиданнымъ образомъ, обдѣлалось у насъ какъ не надо лучше. Чрезъ полтора мѣсяца нашъ медикъ получилъ опять мѣсто въ другой губерніи, получилъ прогоны, даже вспомоществіе. Я подозрѣваю, что Бахмутовъ, который сильно повадился къ нимъ ходить (тогда какъ я отъ этого нарочно пересталъ къ нимъ ходить и принималъ забѣгавшаго ко мнѣ доктора почти сухо), — Бахмутовъ, какъ я подозрѣваю, склонилъ доктора даже принять отъ него взаймы. Съ Бахмутовымъ я видѣлся раза два въ эти шесть недѣль, мы сошлись въ третій разъ, когда провожали доктора. Проводы устроилъ Бахмутовъ у себя-же въ домѣ, въ формѣ обѣда съ шампанскимъ, на которомъ присутствовала и жена доктора; она, впрочемъ, очень скоро уѣхала къ ребенку. Это было въ началѣ мая, вечеръ былъ ясный, огромный шаръ солнца опускался въ заливъ. Бахмутовъ провожалъ меня домой; мы пошли по Николаевскому мосту; оба подпили. Бахмутовъ говорилъ о своемъ восторгѣ, что дѣло это такъ хорошо кончилось, благодарилъ меня за что-то, объяснялъ какъ пріятно ему теперь послѣ добраго дѣла, увѣрялъ, что вся заслуга принадлежитъ мнѣ, и что напрасно многіе теперь учатъ и проповѣдуютъ, что единичное доброе дѣло ничего не значитъ. Мнѣ тоже ужасно захотѣлось поговорить.

— Кто посягаетъ на единичную «милостыню», началъ я, — тотъ посягаетъ на природу человѣка и презираетъ его личное достоинство. Но организація «общественной милостыни» и вопросъ о личной свободѣ—два вопроса различные и взаимно себя не исключающіе. Единичное доброе дѣло останется всегда, потому что оно есть потребность личности, живая потребность прямаго вліянія одной личности на другую. Въ Москвѣ жилъ одинъ старикъ, одинъ «генералъ», то есть дѣйствительный статскій совѣтникъ, съ нѣмецкимъ именемъ; онъ всю свою жизнь таскался по острогамъ и по преступникамъ; каждая пересыльная партія въ Сибирь знала заранѣе, что на Воробьевыхъ горахъ ее посѣтитъ «старичекъ генералъ». Онъ дѣлалъ свое дѣло въ высшей степени серіозно и набожно; онъ являлся, проходилъ по рядамъ ссыльныхъ, которые окружали его, останавливался предъ каждымъ, каждаго разспрашивалъ о его нуждахъ, наставленій не читалъ почти никогда никому, звалъ ихъ всѣхъ «голубчиками». Онъ давалъ деньги, присылалъ необходимыя вещи— портянки, подвертки, холста, приносилъ иногда душеспасительныя книжки и одѣлялъ ими каждаго грамотнаго, съ полнымъ убѣжденіемъ, что они будутъ ихъ дорогой читать, и что грамотный прочтетъ неграмотному. Про преступленіе онъ рѣдко разспрашивалъ, развѣ выслушивалъ, если преступникъ самъ начиналъ говорить. Всѣ преступники у него были на равной ногѣ, различія не было. Онъ

говорилъ съ ними какъ съ братьями, но они сами стали считать его подъ конецъ за отца. Если замѣчалъ какую нибудь сильную женщину съ ребенкомъ на рукахъ, онъ подходилъ, ласкалъ ребенка, пощелкивалъ ему пальцами, чтобы тотъ засмѣялся. Такъ поступалъ онъ множество лѣтъ, до самой смерти: дошло до того, что его знали по всей Россіи и по всей Сибири, то есть всѣ преступники. Мнѣ разсказывалъ одинъ бывшій въ Сибири, что онъ самъ былъ свидѣтелемъ, какъ самые закоренѣлые преступники вспоминали про генерала, а между тѣмъ, поспѣшая партіи, генералъ рѣдко могъ раздать болѣе двадцати копѣекъ на брата. Правда, вспоминали его не то что горячо, или какъ нибудь тамъ очень серіозно. Какой нибудь изъ «несчастныхъ», убившихъ какихъ нибудь двѣнадцать душъ, заколовшій шесть штукъ дѣтей, единственно для своего удовольствія (такіе, говорятъ, бывали), вдругъ ни съ того, ни съ сего, когда нибудь, и всего-то можетъ быть одинъ разъ во всѣ двадцать лѣтъ, вдругъ вздохнетъ и скажетъ: «А что-то теперь старичекъ генералъ, живъ-ли еще?» При этомъ, можетъ быть, даже и усмѣхнется,—и вотъ и только всего-то. А почемъ вы знаете, какое сѣмя заброшено въ его душу на вѣки этимъ старичкомъ генераломъ, котораго онъ не забылъ въ двадцать лѣтъ? Почемъ вы знаете, Бахмутовъ, какое значеніе будетъ имѣть это пріобщеніе одной личности къ другой въ судьбахъ пріобщенной личности?.. Тутъ вѣдь цѣлая жизнь и безчисленное множество сокрытыхъ отъ насъ развѣтвленій. Самый лучшій шахматный игрокъ, самый острый изъ нихъ можетъ разсчитать только нѣсколько ходовъ впередъ. Про одного французскаго игрока, умѣвшаго разсчитать десять ходовъ впередъ, писали какъ про чудо. Сколько-же тутъ ходовъ и сколько тамъ неизвѣстнаго? Бросая ваше сѣмя, бросая ваню милостыню-, ваше доброе дѣло въ какой-бы то ни было формѣ, вы отдаете часть вашей личности и принимаете въ себя часть другой: вы взаимно пріобщаетесь одинъ къ другому: еще нѣсколько вниманія, и вы вознаграждаетесь уже знаніемъ, самыми неожиданными открытіями. Вы непремѣнно станете смотрѣть, наконецъ, на ваше дѣло какъ на науку: она захватитъ въ себя всю вашу жизнь и можетъ наполнить всю жизнь. Съ другой стороны, всѣ ваши мысли, всѣ брошенныя вами сѣмена, можетъ быть, уже забытыя вами, волнуются и вырастутъ: получившій отъ васъ передастъ другому. И почему вы знаете, какое участіе вы будете имѣть въ будущемъ разрѣшеніи судебъ человѣчества? Если-же знаніе и цѣлая жизнь этой работы возвысятъ васъ, наконецъ, до того, что вы въ состояніи будете бросить громадное сѣмя, оставить міру въ наслѣдство громадную мысль, то... И такъ далѣе, я много тогда говорилъ.

— И подумать при этомъ, что вамъ-то и отказано въ жизни! съ горячимъ упрекомъ кому-то вскричалъ Бахмутовъ.

Въ эту минуту мы стояли на мосту, облокотившись на перила, и глядѣли на Неву.

— А знаете-ли что мнѣ пришло въ голову, сказалъ я, нагнувшись еще болѣе надъ перилами.

— Неужто броситься въ воду? вскричалъ Бахмутовъ чуть не въ испугѣ. Можетъ быть, онъ прочелъ мою мысль въ моемъ лицѣ.

— Нѣтъ, пожалуетъ одно только разсужденіе, слѣдующее: вотъ мнѣ остается теперь мѣсяца два-три жить, можетъ, четыре: но, напримѣръ, когда будетъ оставаться всего только два мѣсяца, и если-бъ я страшно захотѣлъ сдѣлать одно хорошее дѣло, которое-бы потребовало работы, бѣготни и хлопотъ, вотъ въ родѣ дѣла нашего доктора, то въ такомъ случаѣ я вѣдь долженъ-бы былъ отказаться отъ этого дѣла за недостаткомъ оставшагося мнѣ времени и приискивать другое «доброе дѣло», помельче, и которое въ моихъ *средствахъ* (если ужъ такъ будетъ разбирать меня на добрыя дѣла). Согласитесь, что это забавная мысль!

Бѣдный Бахмутовъ былъ очень встревоженъ за меня: онъ проводилъ меня до самаго дома и былъ такъ деликатенъ, что не пустился ни разу въ утѣшенія и почти все молчалъ. Прощаясь со мной, онъ горячо сжалъ мнѣ руку и просилъ позволенія навѣщать меня. Я отвѣчалъ ему, что если онъ будетъ приходить ко мнѣ какъ утѣшитель (потому что если-бы даже онъ и молчалъ, то всетаки приходилъ-бы какъ утѣшитель, я это объяснилъ ему), то вѣдь этимъ онъ мнѣ будетъ, стало быть, каждый разъ напоминать еще больше о смерти. Онъ пожалъ плечами, но со мной согласился; мы разстались довольно учтиво, чего я даже не ожидалъ.

Но въ этотъ вечеръ и въ эту ночь брошено было первое сѣмя моего послѣдняго убѣжденія. Я съ жадностью схватился за эту *новую* мысль, съ жадностью разбиралъ ее во всѣхъ ея извилинахъ, во всѣхъ видахъ ея (я не спалъ всю ночь), и чѣмъ болѣе я въ нее углублялся, чѣмъ болѣе принималъ ее въ себя, тѣмъ болѣе я пугался. Страшный испугъ напалъ на меня, наконецъ, и не оставлялъ и въ слѣдующіе затѣмъ дни. Иногда, думая объ этомъ постоянномъ испугѣ моемъ, я быстро леденѣлъ отъ новаго ужаса: по этому испугу я вѣдь могъ заключить, что послѣднее убѣжденіе мое слишкомъ серіозно засѣло во мнѣ и непремѣнно пойдетъ къ своему разрѣшенію. Но для разрѣшенія мнѣ не доставало рѣшимости. Три недѣли спустя все было кончено, и рѣшимость явилась, но по весьма страшному обстоятельству.

«Здѣсь въ моемъ объясненіи я отмѣчаю всѣ эти цифры и числа. Мнѣ, конечно, все равно будетъ, но *теперь* (и, можетъ быть, только въ эту минуту) я желаю, чтобы тѣ, которые будутъ судить мой поступокъ, могли ясно видѣть, изъ какой логической цѣпи выводовъ вышло мое «послѣднее убѣжденіе». Я написалъ сейчасъ выше, что окончательная рѣшимость, которой не доставало мнѣ для исполненія моего «послѣдняго убѣжденія», произошла во мнѣ, кажется, вовсе не изъ логическаго вывода, а отъ какого-то страннаго толчка, отъ одного страннаго обстоятельства, можетъ быть, вовсе не связаннаго ничѣмъ съ ходомъ дѣла. Дней десять назадъ зашелъ ко мнѣ Рогожинъ, по одному своему дѣлу, о которомъ здѣсь лишнее распространяться. Я никогда не видалъ Рогожина прежде, но слышалъ о немъ очень многое. Я далъ ему всѣ нужныя справки, и онъ скоро ушелъ, а такъ какъ онъ и приходилъ только за справками, то тѣмъ-бы дѣло между нами и кончилось. Но онъ слишкомъ заинтересовалъ меня, и весь этотъ день я былъ подъ вліяніемъ страшныхъ мыслей, такъ что рѣшился пойдти къ нему на другой день самъ, отдать визитъ. Рогожинъ былъ мнѣ очевидно не радъ и даже «деликатно» намекнулъ, что намъ нечего продолжать знакомство; но вотаки я провелъ очень любопытный часъ, какъ, вѣроятно, и онъ. Между нами былъ такой контрастъ, который не могъ не сказаться намъ обоимъ, особенно мнѣ: я былъ человѣкъ уже сосчитавшій дни свои, а онъ—живущій самою полною, непосредственною жизнью, настоящею минутой, безъ всякой заботы о «послѣднихъ» выводахъ, цифрахъ или о чемъ-бы то ни было не касающемся того, на чемъ... на чемъ... ну хоть на чемъ онъ помѣшанъ; пусть проститъ мнѣ это выраженіе господинъ Рогожинъ, пожалуй, хоть какъ плохому литератору, неумѣвшему выразить свою мысль. Не смотря на всю его нелюбезность, мнѣ показалось, что онъ человѣкъ съ умомъ и можетъ многое понимать, хотя его мало что интересуетъ изъ постороннаго. Я не намекалъ ему о моемъ «послѣднемъ убѣжденіи», но мнѣ почему-то показалось, что онъ, слушая меня, угадалъ его. Онъ промолчалъ; онъ ужасно молчаливъ. Я намекнулъ ему, уходя, что не смотря на всю между нами разницу и на всѣ противоположности,—les extremités se touchent (я растолковалъ ему это по русски), такъ что, можетъ быть, онъ и самъ вовсе не такъ далекъ отъ моего «послѣдняго убѣжденія», какъ кажется. На это онъ отвѣтилъ мнѣ очень угрюмою и кислою гримасой, всталъ, самъ сыскалъ мнѣ мою фуражку, сдѣлавъ видъ будто-бы я самъ ухожу, и просто за просто вывелъ меня изъ своего мрачнаго дома подъ видомъ того, что провожаетъ меня изъ учтивости. Домъ его поразилъ меня: похожъ на кладбище, а ему, кажется, нравится, что, впрочемъ, понятно: такая полная

непосредственная жизнь, которою онъ живетъ, слишкомъ полна сама по себѣ, чтобы нуждаться въ обстановкѣ.

Этотъ визитъ къ Рогожину очень утомилъ меня. Кромѣ того, я еще съ утра чувствовалъ себя не хорошо; къ вечеру я очень ослабѣлъ и легъ на кровать, а по временамъ чувствовалъ сильный жаръ и даже минутами бредилъ. Коля пробылъ со мной до одиннадцати часовъ. Я помню однако-жъ все, про что онъ говорилъ и про что мы говорили. Но когда минутами смыкались мои глаза, то мнѣ все представлялся Иванъ Ѳомичъ, будто-бы получавшій милліоны денегъ. Онъ все не зналъ куда ихъ дѣвать, ломалъ себѣ надъ ними голову, дрожалъ отъ страха что ихъ украдутъ и, наконецъ, будто-бы рѣшилъ закопать ихъ въ землю. Я, наконецъ, посовѣтовалъ ему, вмѣсто того чтобы закапывать такую кучу золота въ землю даромъ, вылить изъ всей этой груды золотой гробикъ замороженному ребенку и для этого ребенка выкопать. Эту насмѣшку мою Сурковъ принялъ будто-бы со слезами благодарности и тотчасъ-же приступилъ къ исполненію плана. Я будто-бы вдругъ уснулъ и ушелъ отъ него. Коля увѣрялъ меня, когда я совсѣмъ очнулся, что я вовсе не спалъ, и что все это время говорилъ съ нимъ о Сурковѣ. Минутами я былъ въ чрезвычайной тоскѣ и смятеніи, такъ что Коля ушелъ въ безпокойствѣ. Когда я самъ всталъ, чтобы запереть за нимъ дверь на ключъ, мнѣ вдругъ припомнилась картина, которую я видѣлъ давеча у Рогожина, въ одной изъ самыхъ мрачныхъ залъ его дома, надъ дверями. Онъ самъ мнѣ ее показалъ мимоходомъ: я, кажется, простоялъ предъ нею минуть пять. Въ ней не было ничего хорошаго въ артистическомъ отношеніи: но она произвела во мнѣ какое-то странное безпокойство.

На картинѣ этой изображенъ Христосъ, только что снятый со креста. Мнѣ кажется, живописцы обыкновенно повадились изображать Христа и на крестѣ, и снятаго со креста, все еще съ оттѣнкомъ необыкновенной красоты въ лицѣ: эту красоту они хотятъ сохранить Ему даже при самыхъ страшныхъ мукахъ. Въ картинѣ-же Рогожина о красотѣ и слова нѣтъ: это въ полномъ видѣ трупъ человѣка, вынесшаго безконечныя муки еще до креста, раны, истязанія, битье отъ стражи, битье отъ народа, когда онъ несъ на себѣ крестъ и упалъ подъ крестомъ, и, наконецъ, крестную муку въ продолженіе шести часовъ (такъ, по крайней мѣрѣ, по моему разсчету). Правда, это лицо человѣка *только что* снятаго со креста, то есть сохранившее въ себѣ очень много живаго, теплаго: ничего еще не успѣло закостенѣть, такъ что на лицѣ умершаго даже проглядываетъ страданіе, какъ будто-бы еще и теперь имъ ощущаемое (это очень хорошо схвачено артистомъ): но за то лицо не поцарапано

нисколько: тутъ одна природа, и во истину таковъ и долженъ быть трупъ человѣка, кто-бы онъ ни былъ, послѣ такихъ мукъ. Я знаю, что христіанская церковь установила еще въ первые вѣка, что Христосъ страдалъ не образно, а дѣйствительно, и что и тѣло его, стало быть, было подчинено на крестѣ закону природы вполнѣ и совершенно. На картинѣ это лицо страшно разбито ударами, вспухшее, со страшными, вспухшими и окровавленными синяками, глаза открыты, зрачки скосились: большіе, открытые бѣлки глазъ блещутъ какимъ-то мертвеннымъ, стекляннымъ отблескомъ. Но страшно, когда смотришь на этотъ трупъ измученнаго человѣка, то рождается одинъ особенный и любопытный вопросъ: если такой точно трупъ (а онъ непремѣнно долженъ былъ быть точно такой) видѣли всѣ ученики Его, Его главные будущіе апостолы, видѣли женщины, ходившія за Нимъ и стоявшія у креста, всѣ вѣровавшіе въ Него и обожавшіе Его, то какимъ образомъ могли они повѣрить, смотря на такой трупъ, что этотъ мученикъ воскреснетъ? Тутъ невольно приходитъ понятіе, что если такъ ужасна смерть и такъ сильны законы природы, то какъ-же одолѣть ихъ? Какъ одолѣть ихъ, когда не побѣдилъ ихъ теперь даже Тотъ, Который побѣждалъ и природу при жизни Своей, Которому она подчинялась, Который воскликнулъ: *Талиѳа куми!* — и дѣвица встала. «Лазарь, гряди вонъ!» — и вышелъ умершій? Природа мерещится при взглядѣ на эту картину въ видѣ какого-то огромнаго, неумолимаго и нѣмаго звѣря, или вѣрнѣе, гораздо вѣрнѣе сказать, хотя и странно, — въ видѣ какой нибудь громадной машины новѣйшаго устройства, которая безсмысленно захватила, раздробила и поглотила въ себя, глухо и безчувственно, великое и безцѣнное Существо — такое Существо, Которое одно стоило всей природы и всѣхъ законовъ ея, всей земли, которая и создавалась-то, можетъ быть, единственно для одного только появленія этого Существа! Картиной этою какъ будто именно выражается это понятіе о темной, наглой и безсмысленно-вѣчной силѣ, которой все подчинено, и передается вамъ невольно. Эти люди, окружавшіе умершаго, которыхъ тутъ нѣтъ ни одного на картинѣ, должны были ощутить страшную тоску и смятеніе въ тотъ вечеръ, раздробившій разомъ всѣ ихъ надежды и почти что вѣрованія. Они должны были разойдтись въ ужаснѣйшемъ страхѣ, хотя и уносили каждый въ себѣ громадную мысль, которая уже никогда не могла быть изъ нихъ исторгнута. И если-бъ этотъ самый Учитель могъ увидать Свой образъ наканунѣ казни, то такъ-ли-бы Самъ Онъ взошелъ на крестъ, и такъ-ли-бы умеръ какъ теперь? Этотъ вопросъ тоже невольно мерещится, когда смотришь на картину.

Все это мерещилось и мнѣ отрывками, можетъ быть, дѣйстви-

тельно между бредомъ, иногда даже въ образахъ, цѣлые полтора часа по уходѣ Коли. Можетъ-ли мерещиться въ образѣ то, что не имѣетъ образа? Но мнѣ какъ будто казалось временами, что я вижу, въ какой-то странной и невозможной формѣ, эту безконечную силу, это глухое, темное и нѣмое существо. Я помню, что кто-то будто-бы повелъ меня за руку, со свѣчкой въ рукахъ, показалъ мнѣ какого-то огромнаго и отвратительнаго тарантула и сталъ увѣрять меня, что это то самое темное, глухое и весьлное существо, и смѣялся надъ моимъ негодованіемъ. Въ моей комнатѣ, предъ образомъ, всегда зажигаютъ на ночь лампадку,—свѣтъ тусклый и ничтожный, но однако-жъ разглядѣть все можно, а подъ лампадкой даже можно читать. Я думаю, что былъ уже часъ первый въ началѣ: я совершенно не спалъ и лежалъ съ открытыми глазами: вдругъ дверь моей комнаты отворилась, и вошелъ Рогожинъ.

Онъ вошелъ, затворилъ дверь, молча посмотрѣлъ на меня и тихо прошелъ въ уголъ къ тому стулу, который стоитъ почти подъ самою лампадкой. Я очень удивился и смотрѣлъ въ ожиданіи: Рогожинъ облокотился на столикъ и сталъ молча глядѣть на меня. Такъ прошло минуты двѣ-три, и я помню, что его молчаніе очень меня обидѣло и раздосадовало. Почему-же онъ не хочетъ говорить? То, что онъ пришелъ такъ поздно, мнѣ показалось, конечно, страннымъ, но помню, что я не былъ Богъ знаетъ какъ изумленъ собственно этимъ. Даже напротивъ: я хоть утромъ ему и не высказалъ ясно моей мысли, но я знаю, что онъ ее понялъ: а эта мысль была такого свойства, что по поводу ея, конечно, можно было придти поговорить еще разъ, хотя-бы даже и очень поздно. Я такъ и думалъ, что онъ за этимъ пришелъ. Мы утромъ разстались нѣсколько враждебно и я даже помню, онъ раза два поглядѣлъ на меня очень насмѣшливо. Вотъ эту-то насмѣшку я теперь и прочелъ въ его взглядѣ, она-то меня и обидѣла. Въ томъ-же, что это дѣйствительно самъ Рогожинъ, а не видѣніе, не бредъ, я сначала нисколько не сомнѣвался. Даже и мысли не было.

Между тѣмъ онъ продолжалъ все сидѣть и все смотрѣлъ на меня съ того-же усмѣшкой. Я злобно повернулся на постели, тоже облокотился на подушку, и нарочно рѣшился тоже молчать, хотя-бы мы все время такъ просидѣли. Я непремѣнно почему-то хотѣлъ, чтобъ онъ началъ первый. Я думаю, такъ прошло минутъ съ двадцать. Вдругъ мнѣ представилась мысль: что если это не Рогожинъ, а только видѣніе?

Ни въ болѣзни моей и никогда прежде я не видѣлъ еще ни разу ни одного привидѣнія: но мнѣ всегда казалось, еще когда я былъ мальчикомъ и даже теперь, то есть недавно, что если я увижу

хоть разъ привидѣніе, то тутъ-же на мѣстѣ умру, даже не смотря на то, что я ни въ какія привидѣнія не вѣрю. Но когда мнѣ пришла мысль, что это не Рогожинъ, а только привидѣніе, то помню, я нисколько не испугался. Мало того, я на это даже злился. Странно еще и то, что разрѣшеніе вопроса: привидѣніе-ли это, или самъ Рогожинъ, какъ-то вовсе не такъ занимало меня и тревожило, какъ-бы, кажется, слѣдовало; мнѣ кажется, что я о чемъ-то другомъ тогда думалъ. Меня, напримѣръ, гораздо болѣе занимало, почему Рогожинъ, который давеча былъ въ домашнемъ плафрокѣ и въ туфляхъ, теперь во фракѣ, въ бѣломъ жилетѣ и въ бѣломъ галстукѣ? Мелькала тоже мысль: если это привидѣніе, и я его не боюсь, то почему-же не встать, не подойдти къ нему и не удостовѣриться самому? Можетъ быть, впрочемъ, я не смѣлъ и боялся. Но когда я только что успѣлъ подумать, что я боюсь, вдругъ какъ будто льдомъ провели по всему моему тѣлу; я почувствовалъ холодъ въ спинѣ, и колѣни мои вздрогнули. Въ самое это мгновеніе, точно угадавъ что я боюсь, Рогожинъ отклонилъ свою руку, на которую облокачивался, выпрямился и сталъ раздвигать свой ротъ, точно готовясь смѣяться; онъ смотрѣлъ на меня въ упоръ. Бѣшенство охватило меня до того, что я рѣшительно хотѣлъ на него броситься, но такъ какъ я поклялся, что не начну первый говорить, то и остался на кровати, тѣмъ болѣе, что я все еще былъ не увѣренъ, самъ-ли это Рогожинъ или нѣтъ?

«Я не помню навѣрно сколько времени это продолжалось; не помню тоже навѣрно, забывался-ли я иногда минутами или нѣтъ? Только, наконецъ, Рогожинъ всталъ, такъ-же медленно и внимательно осмотрѣлъ меня, какъ и прежде, когда вошелъ, но усмѣхаться не переставъ, и тихо, почти на цыпочкахъ, подошелъ къ двери, отворилъ ее, притворилъ и вышелъ. Я не всталъ съ постели; не помню, сколько времени я пролежалъ еще съ открытыми глазами и все думалъ; Богъ знаетъ о чемъ я думалъ; не помню тоже какъ я забылся. На другое утро я проснулся, когда стучались въ мою дверь, въ десятомъ часу. У меня такъ условлено, что если я самъ не отворю дверь до десятаго часу и не крикну, чтобы мнѣ подали чаю, то Матрена сама должна постучать ко мнѣ. Когда я отворилъ ей дверь, мнѣ тотчасъ представилась мысль: какъ-же могъ онъ войдти, когда дверь была заперта? Я справился и убѣдился, что настоящему Рогожину невозможно было войдти, потому что всѣ наши двери на ночь запираются на замокъ.

«Вотъ этотъ особенный случай, который я такъ подробно описалъ, и былъ причиной, что я совершенно «рѣшился». Окончательному рѣшенію способствовала, стало быть, не логика, не логиче-

ское убѣжденіе, а отвращеніе. Нельзя оставаться въ жизни, которая принимаетъ такія страшныя, обнажающія меня формы. Это привидѣніе меня унизило. Я не въ силахъ подчиняться темной силѣ, принимающей видъ тарантула. И только тогда, когда я, уже въ сумерки, ощутилъ, наконецъ, въ себѣ окончательный моментъ полной рѣшимости, мнѣ сталолегче. Это былъ только первый моментъ; за другимъ моментомъ я ѣздилъ въ Павловскъ, но это уже довольно объяснено.

VII.

У меня былъ маленькій карманный пистолетъ; я завелъ его, когда еще былъ ребенкомъ, въ тотъ смѣшной возрастъ, когда вдругъ начинаютъ нравиться исторіи о дуэляхъ, о нападеніяхъ разбойниковъ, о томъ какъ и меня вызовутъ на дуэль, и какъ благородно я буду стоять подъ пистолетомъ. Мѣсяцъ тому назадъ я его осмотрѣлъ и приготовилъ. Въ ящикѣ, гдѣ онъ лежалъ, отыскались двѣ пули, а въ пороховомъ рожкѣ пороху заряда на три. Пистолетъ этотъ дрянь, беретъ въ сторону и бьетъ всего шаговъ на пятнадцать: но, ужь конечно, можетъ своротить черепъ на сторону, если приставить его вплоть къ виску.

«Я положилъ умереть въ Павловскѣ, на восходѣ солнца и сойдя въ паркъ, чтобы не обезпокоить никого на дачѣ. Мое «Объясненіе» достаточно объяснитъ все дѣло полиціи. Охотники до психологіи и тѣ, кому надо, могутъ вывести изъ него все что имъ будетъ угодно. Я-бы не желалъ, однако-жь, чтобъ эта рукопись предана была гласности. Прошу князя сохранить экземпляръ у себя и сообщить другой экземпляръ Аглаѣ Ивановнѣ Епанчиной. Такова моя воля. Завѣщаю мой скелетъ въ Медицинскую Академію для научной пользы.

Я не признаю судей надъ собою и знаю, что я теперь внѣ всякой власти суда. Еще недавно раземѣшило меня предположеніе: что если-бы мнѣ вдругъ вздумалось теперь убить кого угодно, хоть десять человѣкъ разомъ, или сдѣлать что нибудь самое ужасное, что только считается самымъ ужаснымъ на этомъ свѣтѣ, то въ какой просакъ поставленъ-бы былъ предо мной судъ съ моими двумя-тремя недѣлями сроку и съ уничтоженіемъ пытокъ и истязаній? Я умеръ-бы комфортно въ ихъ госпиталѣ, въ теплѣ и съ внимательнымъ докторомъ, и, можетъ быть, гораздо комфортнѣе и теплѣе чѣмъ у себя дома. Не понимаю, почему людямъ въ такомъ-же какъ я положеніи не приходитъ такая-же мысль въ голову, хоть-бы

только для шутки? Можетъ быть, впрочемъ, и приходитъ: веселыхъ людей и у насъ много отыщется.

«Но если я не признаю суда надъ собой, то все-таки знаю, что меня будутъ судить, когда я уже буду отвѣтчикомъ глухимъ и безгласнымъ. Не хочу уходить, не оставивъ слова въ отвѣтъ,—слова свободнаго, а не вынужденнаго,—не для оправданія,—о, нѣтъ! просить прощенія мнѣ не у кого и не въ чемъ,—а такъ, потому что самъ желаю того.

«Тутъ, во первыхъ, странная мысль: кому, во имя какого права, во имя какого побужденія вздумалось-бы оспаривать теперь у меня мое право на эти двѣ-три недѣли моего срока? Какому суду тутъ дѣло? Кому именно нужно, чтобъ я былъ не только приговоренъ, но и благонравно выдержалъ срокъ приговора? Неужели, въ самомъ дѣлѣ, кому нибудь это надо? Для нравственности? Я еще понимаю, что если-бъ я въ цвѣтѣ здоровья и силъ посягнулъ на мою жизнь, которая могла-бы быть полезна моему ближнему". И т. д., то нравственность могла-бы еще упрекнуть меня, по старой рутинѣ, за то, что я распорядился моею жизнію безъ спросу, или тамъ въ чемъ сама знаетъ. Но теперь, теперь, когда мнѣ уже прочитанъ срокъ приговора? Какой нравственности нужно еще сверхъ вашей жизни и послѣднее хрипѣніе, съ которымъ вы отдадите послѣдній атомъ жизни, выслушивая утѣшенія князя, который непремѣнно дойдетъ въ своихъ христіанскихъ доказательствахъ до счастливой мысли, что въ сущности оно даже и лучше, что вы умираете. (Такіе какъ онъ христіане всегда доходятъ до этой идеи: это ихъ любимый конекъ). И чего имъ хочется съ ихъ смѣшными «павловскими деревьями»? Усладить послѣдніе часы моей жизни? Неужто имъ непонятно, что чѣмъ болѣе я забудусь, чѣмъ болѣе отдамся этому послѣднему призраку жизни и любви, которымъ они хотятъ заслонить отъ меня мою Мефирову стѣну и все, что на ней такъ откровенно и простодушно написано, тѣмъ несчастнѣе они меня сдѣлаютъ? Для чего мнѣ ваша природа, вашъ Павловскій паркъ, ваши восходы и закаты солнца, ваше голубое небо и ваши веселыя лица, когда весь этотъ міръ, которому нѣтъ конца, началъ съ того, что одного меня счелъ за лишняго? Что мнѣ во всей этой красотѣ, когда я каждую минуту, каждую секунду долженъ и принужденъ теперь знать, что вотъ даже эта крошечная мушка, которая жужжитъ теперь около меня въ солнечномъ лучѣ, и та даже во всемъ этомъ мірѣ и хорѣ участница, мѣсто знаетъ свое, любитъ его и счастлива, а я одинъ выкидышъ, и только по малодушію моему до сихъ поръ не хотѣлъ понять это! О, я вѣдь знаю, какъ-бы хотѣлось князю и всѣмъ имъ довести меня до того, чтобъ

и я, вмѣсто всѣхъ этихъ коварныхъ и злобныхъ рѣчей, произъ благонравія и для торжества нравственности знаменитую и классическую строфу Мильвуа:

«O, puissent voir votre beauté sacrée
Tant d'amis, sourds à mes adieux!
Qu'ils meurent pleins de jours, que leur mort soit pleurée,
Qu'un ami leur ferme les yeux!»

«Но вѣрьте, вѣрьте, простодушные люди, что и въ этой благонравной строфѣ, въ этомъ академическомъ благословеніи міру во французскихъ стихахъ засѣло столько затаенной желчи, столько непримиримой, самоуслаждавшейся въ рифмахъ злобы, что даже самъ поэтъ, можетъ быть, попалъ въ просакъ и принялъ эту злобу за слезы умиленія, съ тѣмъ и померъ: миръ его праху! Знайте, что есть такой предѣлъ позора въ сознаніи собственнаго ничтожества и слабосилія, дальше котораго человѣкъ уже не можетъ идти, и съ котораго начинаетъ ощущать въ самомъ позорѣ своемъ громадное наслажденіе... Ну, конечно, смиреніе есть громадная сила въ этомъ смыслѣ, я это допускаю, хотя и не въ томъ смыслѣ, въ какомъ религія принимаетъ смиреніе за силу.

—Религія! Вѣчную жизнь я допускаю и, можетъ быть, всегда допускалъ. Пусть зажжено сознаніе волею высшей силы, пусть оно оглянулось на міръ и сказало: «я есмь!», и пусть ему вдругъ предписано этою высшею силой уничтожиться, потому что тамъ такъ для чего-то,—и даже безъ объясненія для чего,—это надо, пусть, я все это допускаю, но, опять-таки вѣчный вопросъ: для чего при этомъ понадобилось смиреніе мое? Неужто нельзя меня просто съѣсть, не требуя отъ меня похвалъ тому, что меня съѣло? Неужели тамъ и въ самомъ дѣлѣ кто нибудь обидится тѣмъ, что я не хочу подождать двухъ недѣль? Не вѣрю я этому: и гораздо ужъ вѣрнѣе предположить, что тутъ просто понадобилась моя ничтожная жизнь, жизнь атома, для пополненія какой нибудь всеобщей гармоніи въ цѣломъ, для какого нибудь плюса и минуса, для какого нибудь контраста и прочее, и прочее, точно такъ-же, какъ ежедневно надобится въ жертву жизнь множества существъ, безъ смерти которыхъ остальной міръ не можетъ стоять (хотя надо замѣтить, что это не очень великодушная мысль сама по себѣ). Но пусть! Я согласенъ, что иначе, то есть безъ безпрерывнаго пожиранія другъ друга, устроить міръ было никакъ невозможно: но я даже согласенъ допустить, что ничего не понимаю въ этомъ устройствѣ: но за то вотъ что я знаю навѣрно. Если уже разъ мнѣ дали сознать, что «я есмь», то какое мнѣ дѣло до того, что міръ устроенъ съ ошибками, и что иначе онъ не можетъ стоять? Кто-же и за что меня

послѣ этого будетъ судить? Какъ хотите, все это невозможно и несправедливо.

А между тѣмъ я никогда, не смотря даже на все желаніе мое, не могъ представить себѣ, что будущей жизни и Провидѣнія нѣтъ. Вѣрнѣе всего, что все это есть, но что мы ничего не понимаемъ въ будущей жизни и въ законахъ ея. Но если это такъ трудно и совершенно даже невозможно понять, то неужели я буду отвѣчать за то, что не въ силахъ былъ осмыслить непостижимое? Правда, они говорятъ, и ужь конечно князь вмѣстѣ съ ними, что тутъ-то послушаніе и нужно, что слушаться нужно безъ разсужденій, изъ одного благонравія, и что за кротость мою я непремѣнно буду вознагражденъ на томъ свѣтѣ. Мы слишкомъ унижаемъ Провидѣніе, приписывая ему наши понятія, съ досады, что не можемъ понять его. Но опять-таки, если понять его невозможно, то, повторяю, трудно и отвѣчать за то, что̀ не дано человѣку понять. А если такъ, то какъ-же будутъ судить меня за то, что я не могъ понять настоящей воли и законовъ Провидѣнія? Нѣтъ, ужь лучше оставимъ религію.

Да и довольно. Когда я дойду до этихъ строкъ, то навѣрно ужь взойдетъ солнце и зазвучитъ на небѣ, и польется громадная, нечеловѣческая сила по всей подсолнечной. Пусть! Я умру, прямо смотря на источникъ силы и жизни, и не захочу этой жизни! Если-бъ я имѣлъ власть не родиться, то навѣрно не принялъ-бы существованія на такихъ насмѣшливыхъ условіяхъ. Но я еще имѣю власть умереть, хотя отдаю уже сочтенное. Не великая власть, не великій и бунтъ.

Послѣднее объясненіе: я умираю вовсе не потому, что не въ силахъ перенести эти три недѣли: о, у меня-бы достало силы, и если-бъ я захотѣлъ, то довольно уже было-бы утѣшенъ однимъ сознаніемъ нанесенной мнѣ обиды; но я не французскій поэтъ, и не хочу такихъ утѣшеній. Наконецъ, и соблазнъ: природа до такой степени ограничила мою дѣятельность своими тремя недѣлями приговора, что, можетъ быть, самоубійство есть единственное дѣло, которое я еще могу успѣть начать и окончить по собственной волѣ моей. Что̀-жь, можетъ быть, я и хочу воспользоваться послѣдней возможностью *быть?* Протестъ иногда не малое дѣло...

Объясненіе было окончено; Ипполитъ, наконецъ, остановился...

Есть въ крайнихъ случаяхъ та степень послѣдней цинической откровенности, когда нервный человѣкъ, раздраженный и выведенный изъ себя, не боится уже ничего и готовъ хоть на всякій скандалъ, даже ради emy: бросается на людей, самъ имѣя при этомъ не ясную, но твердую цѣль непремѣнно минуту спустя слетѣть съ колокольни

и тѣмъ разомъ разрѣшить всѣ недоумѣнія, если таковыя при этомъ окажутся. Признакомъ этого состоянія обыкновенно бываетъ и приближающееся истощеніе физическихъ силъ. Чрезвычайное, почти неестественное напряженіе, поддерживавшее до сихъ поръ Ипполита, дошло до этой послѣдней степени. Самъ по себѣ этотъ восемнадцатилѣтній, истощенный болѣзнью мальчикъ казался слабъ какъ сорванный съ дерева дрожащій листикъ; но только что онъ успѣлъ обвести взглядомъ своихъ слушателей,—въ первый разъ въ продолженіи всего послѣдняго часа,—то тотчасъ-же самое высокомѣрное, самое презрительное и обидное отвращеніе выразилось въ его взглядѣ и улыбкѣ. Онъ снѣшилъ своимъ вызовомъ. Но и слушатели были въ полномъ негодованіи. Всѣ съ шумомъ и досадой вставали изъ-за стола. Усталость, вино, напряженіе усиливали безпорядочность и какъ-бы грязь впечатлѣній, если можно такъ выразиться.

Вдругъ Ипполитъ быстро вскочилъ со стула, точно его сорвали съ мѣста.

— Солнце взошло! вскричалъ онъ, увидѣвъ блестѣвшія верхушки деревьевъ и показывая на нихъ князю точно на чудо: — взошло!

— А вы думали не взойдетъ что-ли? замѣтилъ Фердыщенко.

— Опять жарища на цѣлый день, съ небрежною досадой бормоталъ Ганя, держа въ рукахъ шляпу, потягиваясь и зѣвая,—ну какъ на мѣсяцъ этакой засухи!.. Идемъ или нѣтъ, Птицынъ?

Ипполитъ прислушивался съ удивленіемъ, доходившимъ до столбняка; вдругъ онъ страшно побѣднѣлъ и весь затрясся.

— Вы очень неловко выдѣлываете ваше равнодушіе, чтобы меня оскорбить, обратился онъ къ Ганѣ, смотря на него въ упоръ,—вы негодяй!

— Ну, это ужь чортъ знаетъ что такое, этакъ разтегиваться! заоралъ Фердыщенко:—что за феноменальное слабосиліе!

— Просто дуракъ, сказалъ Ганя.

Ипполитъ нѣсколько скрѣпился.

— Я понимаю, господа, началъ онъ, по прежнему дрожа и осѣкаясь на каждомъ словѣ,—что я могъ заслужить ваше личное мщеніе, и... жалѣю, что замучилъ васъ этимъ бредомъ (онъ указалъ на рукопись), а впрочемъ, жалѣю, что совсѣмъ не замучилъ... (онъ глупо улыбнулся), замучилъ, Евгеній Павлычъ? вдругъ перескочилъ онъ къ нему съ вопросомъ: —замучилъ или нѣтъ? Говорите!

— Растянуто немного, а впрочемъ...

— Говорите все! Не лгите хоть разъ въ вашей жизни! дрожалъ и приказывалъ Ипполитъ.

— О, мнѣ рѣшительно все равно! Сдѣлайте одолженіе, прошу

васъ, оставьте меня въ покоѣ, брезгливо отвернулся Евгеній Павловичъ.

Покопошившись, князь, подошелъ къ князю Птицыну.

— Да онъ сейчасъ застрѣлится, что-же вы! Посмотрите на него! вскрикнула Вѣра и рванулась къ Ипполиту въ чрезвычайномъ испугѣ и даже схватила его за руки: — вѣдь онъ сказалъ, что на восходѣ солнца застрѣлится, что-же вы!

— Не застрѣлится! съ злорадствомъ пробормотало нѣсколько голосовъ, въ томъ числѣ Ганя.

— Господа, берегитесь, крикнулъ Коля, тоже схвативъ Ипполита за руку:— вы только на него посмотрите! Князь! Князь, да что-же вы!

Около Ипполита столпились Вѣра, Коля, Келлеръ и Бурдовскій: всѣ четверо схватились за него руками.

— Онъ имѣетъ право, право!.. бормоталъ Бурдовскій, впрочемъ, тоже совсѣмъ какъ потерянный.

— Позвольте, князь, какія ваши распоряженія? подошелъ къ князю Лебедевъ, хмѣльной и озлобленный до нахальства.

— Какія распоряженія?

— Нѣтъ-съ: позвольте-съ: я хозяинъ-съ, хотя и не желаю манкировать вамъ въ уваженіи... Положимъ, что и вы хозяинъ, но я не хочу, чтобы такъ въ моемъ собственномъ домѣ... Такъ-съ.

— Не застрѣлится: балуетъ мальчишка! съ негодованіемъ и съ апломбомъ неожиданно прокричалъ генералъ Иволгинъ.

— Ай да генералъ! похвалилъ Фердыщенко.

— Знаю, что не застрѣлится, генералъ, многоуважаемый генералъ, но все-таки... ибо я хозяинъ.

— Послушайте, господинъ Терентьевъ, сказалъ вдругъ Птицынъ, простившись съ княземъ и протягивая руку Ипполиту, — вы, кажется, въ своей тетрадкѣ говорите про вашъ скелетъ и завѣщаете его Академіи? Это вы про вашъ скелетъ, собственный вашъ, то есть ваши кости завѣщаете?

— Да, мои кости...

— То-то. А то вѣдь можно ошибиться: говорятъ, уже былъ такой случай.

— Что вы его дразните? вскричалъ вдругъ князь.

— До слезъ довели, прибавилъ Фердыщенко.

Но Ипполитъ вовсе не плакалъ. Онъ двинулся было съ мѣста, но четверо, его обступившіе, вдругъ разомъ схватили его за руки. Раздался смѣхъ.

— Къ тому и вель, что за руки будутъ держать: на то и тетрадку прочелъ, замѣтилъ Рогожинъ. — Прощай, князь. Экъ досидѣлись; кости болятъ.

— Если вы дѣйствительно хотѣли застрѣлиться, Терентьевъ, засмѣялся Евгеній Павловичъ,—то ужъ я-бы, послѣ такихъ комплиментовъ, на вашемъ мѣстѣ, нарочно-бы не застрѣлился, чтобъ ихъ подразнить.

— Имъ ужасно хочется видѣть какъ я застрѣлюсь! вскинулся на него Ипполитъ.

Онъ говорилъ точно накидываясь.

— Имъ досадно, что не увидятъ.

— Такъ и вы думаете, что не увидятъ?

— Я васъ не подкидаю: я, напротивъ, думаю, что очень возможно, что вы застрѣлитесь. Главное, не сердитесь... протянулъ Евгеній Павловичъ, покровительственно растягивая свои слова.

— Я теперь только вижу, что сдѣлалъ ужасную ошибку, прочтя имъ эту тетрадь! проговорилъ Ипполитъ, съ такимъ внезапно довѣрчивымъ видомъ смотря на Евгенія Павловича, какъ будто просилъ у друга дружескаго совѣта.

— Положеніе смѣшное, но... право, не знаю, что вамъ посовѣтовать, улыбаясь, отвѣтилъ Евгеній Павловичъ.

Ипполитъ строго въ упоръ смотрѣлъ на него, не отрываясь, и молчалъ. Можно было подумать, что минутами онъ совсѣмъ забывался.

— Нѣтъ-съ, позвольте-съ, манера-то вѣдь при этомъ какая-съ, проговорилъ Лебедевъ, — застрѣлюсь, дескать, въ паркѣ, чтобы никого не обезпокоить! Это онъ думаетъ, что онъ никого не обезпокоитъ, что сойдетъ съ лѣстницы три шага въ садъ.

— Господа... началъ было князь.

— Нѣтъ-съ, позвольте-съ, многоуважаемый князь, съ яростію ухватился Лебедевъ, — такъ какъ вы сами изволите видѣть, что это не шутка, и такъ какъ половина вашихъ гостей, по крайней мѣрѣ, того-же мнѣнія и увѣрены, что теперь, послѣ произнесенныхъ здѣсь словъ, онъ ужъ непремѣнно долженъ застрѣлиться изъ чести, то я хозяинъ-съ и при свидѣтеляхъ объявляю, что приглашаю васъ способствовать!

— Что-же надо сдѣлать, Лебедевъ? Я готовъ вамъ способствовать.

— А вотъ что-съ: во первыхъ, чтобъ онъ тотчасъ-же выдалъ свои пистолетъ, которымъ онъ хвастался предъ нами, со всѣми препаратами. Если выдастъ, то я согласенъ на то, чтобы допустить его переночевать эту ночь въ этомъ домѣ, въ виду болѣзненнаго состоянія его, съ тѣмъ, конечно, что подъ надзоромъ съ моей стороны. Но завтра пусть непремѣнно отправляется куда ему будетъ угодно; извините, князь! Если-же не выдастъ оружія, то я немед-

ленно, сейчасъ-же беру его за руки, я за одну, генералъ за другую, и сей-же часъ пошлю извѣстить полицію, и тогда уже дѣло перейдетъ на разсмотрѣніе полиціи-съ. Господинъ Фердыщенко, по знакомству, сходитъ-съ.

Поднялся шумъ: Лебедевъ горячился и выходилъ уже изъ мѣры; Фердыщенко приготовлялся идти въ полицію; Ганя неистово настаивалъ на томъ, что никто не застрѣлится. Евгеній Павловичъ молчалъ.

— Князь, слетали вы когда нибудь съ колокольни? прошепталъ ему вдругъ Ипполитъ.

— Н-нѣтъ... наивно отвѣтилъ князь.

— Неужели вы думали, что я не предвидѣлъ всей этой ненависти! прошепталъ опять Ипполитъ, засверкавъ глазами и смотря на князя, точно и въ самомъ дѣлѣ ждалъ отъ него отвѣта. — Довольно! закричалъ онъ вдругъ на всю публику: — я виноватъ... больше всѣхъ! Лебедевъ, вотъ ключъ (онъ вынулъ портмоне и изъ него стальное кольцо съ тремя или четырьмя небольшими ключиками), вотъ этотъ, предпослѣдній... Коля вамъ укажетъ... Коля! Гдѣ Коля? вскричалъ онъ, смотря на Колю и не видя его: — да... вотъ онъ вамъ укажетъ; онъ вмѣстѣ со мной давеча укладывалъ сакъ. Сведите его, Коля; у князя въ кабинетѣ, подъ столомъ... мой сакъ... этимъ ключикомъ, внизу, въ сундучкѣ... мой пистолетъ и рожокъ съ порохомъ. Онъ самъ укладывалъ давеча, господинъ Лебедевъ, онъ вамъ покажетъ; но съ тѣмъ, что завтра рано, когда я поѣду въ Петербургъ, вы мнѣ отдадите пистолетъ назадъ. Слышите? Я дѣлаю это для князя; не для васъ.

— Вотъ такъ-то лучше! схватился за ключъ Лебедевъ и, ядовито усмѣхаясь, побѣжалъ въ сосѣднюю комнату. Коля остановился, хотѣлъ было что-то замѣтить, но Лебедевъ утащилъ его за собой.

Ипполитъ смотрѣлъ на смѣющихся гостей. Князь замѣтилъ, что зубы его стучатъ какъ въ самомъ сильномъ ознобѣ.

— Какіе они всѣ негодяи! опять прошепталъ Ипполитъ князю въ изступленіи. Когда онъ говорилъ съ княземъ, то все наклонялся и шепталъ.

— Оставьте ихъ; вы очень слабы...

— Сейчасъ, сейчасъ... сейчасъ уйду.

Вдругъ онъ обнялъ князя.

— Вы, можетъ быть, находите, что я сумасшедшій? посмотрѣлъ онъ на него, странно засмѣявшись.

— Нѣтъ, но вы...

— Сейчасъ, сейчасъ, молчите; ничего не говорите; стойте... я

хочу посмотрѣть въ ваши глаза... Стойте такъ, я буду смотрѣть. Я съ человѣкомъ прощусь.

Онъ стоялъ и смотрѣлъ на князя неподвижно и молча секунд десять, очень блѣдный, со смоченными отъ пота висками и какъ-то страшно хватаясь за князя рукой, точно боясь его выпустить

— Ипполитъ, Ипполитъ, что съ вами? вскричалъ князь.

— Сейчасъ... довольно... я лягу. Я за здоровье солнца выпью одинъ глотокъ... Я хочу, я хочу, оставьте!

Онъ быстро схватилъ со стола бокалъ, рванулся съ мѣста и въ одно мгновеніе подошелъ къ сходу съ террасы. Князь побѣжалъ было за нимъ, но случилось такъ, что, какъ нарочно, въ это самое мгновеніе Евгеній Павловичъ протянулъ ему руку, прощаясь. Прошла одна секунда и вдругъ всеобщій крикъ раздался на террасѣ. Затѣмъ наступила минута чрезвычайнаго смятенія.

Вотъ что случилось:

Подойдя вплоть ко сходу съ террасы, Ипполитъ остановился, держа въ лѣвой рукѣ бокалъ и опустивъ правую руку въ правый боковой карманъ своего пальто. Келлеръ увѣрялъ потомъ, что Ипполитъ еще и прежде все держалъ эту руку въ правомъ карманѣ, еще когда говорилъ съ княземъ и хваталъ его лѣвою рукой за плечо и за воротникъ, и что эта-то правая рука въ карманѣ, увѣрялъ Келлеръ, и зародила въ немъ будто-бы первое подозрѣніе. Какъ-бы тамъ ни было, но нѣкоторое безпокойство заставило и его побѣжать за Ипполитомъ. Но и онъ не поспѣлъ. Онъ видѣлъ только какъ вдругъ въ правой рукѣ Ипполита что-то блеснуло, и какъ въ ту-же секунду маленькій карманный пистолетъ очутился вплоть у его виска. Келлеръ бросился схватить его за руку, но въ ту-же секунду Ипполитъ спустилъ курокъ. Раздался рѣзкій, сухой щелчекъ курка, но выстрѣла не послѣдовало. Когда Келлеръ обхватилъ Ипполита, тотъ упалъ ему на руки, точно безъ памяти, можетъ быть, дѣйствительно воображая, что онъ уже убитъ. Пистолетъ былъ уже въ рукахъ Келлера. Ипполита подхватили, подставили стулъ, усадили его, и всѣ столпились кругомъ, всѣ кричали, всѣ спрашивали. Всѣ слышали щелчокъ курка и видѣли человѣка живаго, даже не оцарапаннаго. Самъ Ипполитъ сидѣлъ, не понимая, что происходитъ, и обводилъ всѣхъ кругомъ безсмысленнымъ взглядомъ. Лебедевъ и Коля вбѣжали въ это мгновеніе.

— Осѣчка? спрашивали кругомъ.

— Можетъ, и не заряженъ? догадывались другіе.

— Заряженъ! провозгласилъ Келлеръ, осматривая пистолетъ;—но...

— Неужто осѣчка?

— Капсюля совсѣмъ не было, возвѣстилъ Келлеръ.

Трудно и разсказать послѣдовавшую жалкую сцену. Первоначальный и всеобщій испугъ быстро началъ смѣняться смѣхомъ: нѣкоторые даже захохотали, находили въ этомъ злорадное наслажденіе. Ипполитъ рыдалъ какъ въ истерикѣ, ломалъ себѣ руки, бросался ко всѣмъ, даже къ Фердыщенкѣ, схватилъ его обѣими руками и клялся ему, что онъ забылъ, — забылъ совсѣмъ нечаянно, а не нарочно — положить капсюль, что капсюли эти вотъ всѣ тутъ, въ жилетномъ его карманѣ, штукъ десять (онъ показывалъ всѣмъ кругомъ), что онъ не насадилъ раньше, боясь нечаяннаго выстрѣла въ карманѣ, что разсчитывалъ всегда успѣть насадить, когда понадобится, и вдругъ забылъ. Онъ бросался къ князю, къ Евгенію Павловичу, умолялъ Келлера, чтобъ ему отдали назадъ пистолетъ, что онъ сейчасъ всѣмъ докажетъ, что — его честь, честь ... что онъ теперь «обезчещенъ на вѣки!»...

Онъ упалъ, наконецъ, въ самомъ дѣлѣ безъ чувствъ. Его унесли въ кабинетъ князя, и Лебедевъ, совсѣмъ отрезвившійся, послалъ немедленно за докторомъ, а самъ вмѣстѣ съ дочерью, сыномъ, Бурдовскимъ и генераломъ остался у постели больнаго. Когда вынесли безчувственнаго Ипполита, Келлеръ сталъ среди комнаты и провозгласилъ во всеуслышаніе, раздѣляя и отчеканивая каждое слово, въ рѣшительномъ вдохновеніи:

— Господа, если кто изъ васъ еще разъ, вслухъ, при мнѣ, усомнится въ томъ, что капсюль забытъ нарочно, и станетъ утверждать, что несчастный молодой человѣкъ игралъ только комедію,— то таковой изъ васъ будетъ имѣть дѣло со мною.

Но ему не отвѣчали. Гости, наконецъ, разошлись, гурьбой и сѣбша. Птицынъ, Ганя и Рогожинъ отправились вмѣстѣ.

Князь былъ очень удивленъ, что Евгеній Павловичъ измѣнилъ свое намѣреніе и уходитъ не объяснившись.

— Вѣдь вы хотѣли со мной говорить, когда всѣ разойдутся? спросилъ онъ его.

— Точно такъ, сказалъ Евгеній Павловичъ, вдругъ садясь на стулъ и усаживая князя подлѣ себя,—но теперь я на время перемѣнилъ намѣреніе. Признаюсь вамъ, что я нѣсколько смущенъ, да и вы тоже. У меня сбилась мысль: кромѣ того, то, о чемъ мнѣ хочется объясниться съ вами, слишкомъ для меня важная вещь, да и для васъ тоже. Видите, князь, мнѣ хоть разъ въ жизни хочется сдѣлать совершенно честное дѣло, то есть совершенно безъ задней мысли, ну, а я думаю, что я теперь, въ эту минуту, не совсѣмъ способенъ къ совершенно честному дѣлу, да и вы, можетъ быть, тоже... то... и... ну, да мы потомъ объяснимся. Можетъ, и дѣло

выиграетъ въ ясности, и для меня, и для васъ, если мы подождемъ дня три, которые я пробуду теперь въ Петербургѣ.

Тутъ онъ опять поднялся со стула, такъ что страшно было за-тѣмъ и садился. Князю показалось тоже, что Евгеній Павловичъ недоволенъ и раздраженъ, и смотритъ враждебно, что въ его взглядѣ совсѣмъ не то что̀ давеча.

— Кстати, вы теперь къ страждущему?

— Да... я боюсь, проговорилъ князь.

— Не бойтесь: проживетъ навѣрно недѣль шесть и даже, можетъ, еще здѣсь и поправится. А лучше всего прогоните-ка его завтра.

— Можетъ, я и вправду подтолкнулъ его подъ руку тѣмъ, что... не говорилъ ничего: онъ, можетъ, подумалъ, что и я сомнѣваюсь въ томъ, что онъ застрѣлится? Какъ вы думаете, Евгеній Павлычъ?

— Ни-ни. Вы слишкомъ добры, что еще заботитесь. Я слыхивалъ объ этомъ, но никогда не видывалъ въ натурѣ, какъ человѣкъ нарочно застрѣливается изъ-за того, чтобъ его похвалили, или со злости, что его не хвалятъ за это. Главное, этой откровенности слабосилія не повѣрилъ-бы. А вы все-таки прогоните его завтра.

— Вы думаете, онъ застрѣлится еще разъ?

— Нѣтъ, ужъ теперь не застрѣлится. Но берегитесь вы этихъ доморощенныхъ Ласенеровъ нашихъ! Повторяю вамъ, преступленіе слишкомъ обыкновенное прибѣжище этой бездарной, нетерпѣливой и жадной ничтожности.

— Развѣ это Ласенеръ?

— Сущность та-же, хотя, можетъ быть, и разныя амплуа. Увидите, если этотъ господинъ не способенъ укокошить десять душъ, собственно для одной «штуки», точь-въ-точь какъ онъ самъ намъ прочелъ давеча въ объясненіи. Теперь мнѣ эти слова его спать не дадутъ.

— Вы, можетъ быть, слишкомъ ужъ безпокоитесь.

— Вы удивительны, князь: вы не вѣрите, что онъ способенъ убить *теперь* десять душъ.

— Я боюсь вамъ отвѣтить: это все очень страшно, но...

— Ну, какъ хотите, какъ хотите! раздражительно заключилъ Евгеній Павловичъ: — къ тому-же вы такой храбрый человѣкъ: не попадитесь только сами въ число десяти.

— Всего вѣроятнѣе, что онъ никого не убьетъ, сказалъ князь, задумчиво смотря на Евгенія Павловича. Тотъ злобно разсмѣялся.

— До свиданія, пора! А замѣтили вы, что онъ завѣщалъ коніо съ своей исповѣди Аглаѣ Ивановнѣ?

— Да, замѣтилъ и... думаю объ этомъ.

— То-то, въ случаѣ десяти-то душъ,—опять засмѣялся Евгеній Павловичъ, и вышелъ.

Часъ спустя, уже въ четвертомъ часу, князь сошелъ въ паркъ. Онъ пробовалъ было заснуть дома, но не могъ, отъ сильнаго біенія сердца. Дома, впрочемъ, все было устроено и по возможности успокоено: больной заснулъ, и прибывшій докторъ объявилъ, что никакой нѣтъ особенной опасности. Лебедевъ, Коля, Бурдовскій улеглись въ комнатѣ больнаго, чтобы чередоваться въ дежурствѣ; опасаться, стало быть, было нечего.

Но безпокойство князя возрастало съ минуты на минуту. Онъ бродилъ по парку, разсѣянно смотря кругомъ себя, и съ удивленіемъ остановился, когда дошелъ до площадки предъ вокзаломъ и увидалъ рядъ пустыхъ скамеекъ и пюпитровъ для оркестра. Его поразило это мѣсто и показалось почему-то ужасно безобразнымъ. Онъ повернулъ назадъ и прямо по дорогѣ, по которой проходилъ вчера съ Епанчиными въ вокзалъ, дошелъ до зеленой скамейки, назначенной ему для свиданія, усѣлся на ней и вдругъ громко разсмѣялся, отчего тотчасъ-же пришелъ въ чрезвычайное негодованіе. Тоска его продолжалась; ему хотѣлось куда нибудь уйдти... Онъ не зналъ куда. Надъ нимъ на деревѣ пѣла птичка, и онъ сталъ глазами искать ее между листьями: вдругъ птичка вспорхнула съ дерева, и въ ту-же минуту ему почему-то припомнилась та «мушка, въ горячемъ солнечномъ лучѣ», про которую Ипполитъ написалъ, что и она знаетъ свое мѣсто и въ общемъ хорѣ участница, а онъ одинъ только выкидышъ». Эта фраза поразила его еще давеча, онъ вспомнилъ объ этомъ теперь. Одно давно забытое воспоминаніе зашевелилось въ немъ и вдругъ разомъ выяснилось.

Это было въ Швейцаріи, въ первый годъ его лѣченія, даже въ первые мѣсяцы. Тогда онъ еще былъ совсѣмъ какъ идіотъ, даже говорить не умѣлъ хорошо, понимать иногда не могъ чего отъ него требуютъ. Онъ разъ зашелъ въ горы, въ ясный солнечный день, и долго ходилъ съ одною мучительною, но никакъ не воплощавшеюся мыслію. Предъ нимъ было блестящее небо, внизу озеро, кругомъ горизонтъ свѣтлый и безконечный, которому конца края нѣтъ. Онъ долго смотрѣлъ и терзался. Ему вспомнилось теперь, какъ простиралъ онъ руки свои въ эту свѣтлую, безконечную синеву и плакалъ. Мучило его то, что всему этому онъ совсѣмъ чужой. Что-же это за миръ, что-жь это за всегдашній великій праздникъ, которому нѣтъ конца и къ которому тянетъ его давно, всегда, съ самаго дѣтства, и къ которому онъ никакъ не можетъ пристать. Каждое утро восходитъ такое-же свѣтлое солнце;

каждое утро на водопадѣ радуга: каждый вечеръ снѣговая, самая высокая гора, тамъ вдали, на краю неба, горитъ пурпуровымъ пламенемъ; каждая маленькая мушка, которая жужжитъ около него въ горячемъ солнечномъ лучѣ, во всемъ этомъ хорѣ участница: мѣсто знаетъ свое, любитъ его и счастлива: каждая-то травка растетъ и счастлива! И у всего свой путь, и все знаетъ свой путь, съ пѣснью отходитъ и съ пѣснью приходитъ; одинъ онъ ничего не знаетъ, ничего не понимаетъ, ни людей, ни звуковъ, всему чужой и выкидышъ. О, онъ, конечно, не могъ говорить тогда этими словами и высказать свой вопросъ; онъ мучился глухо и нѣмо; но теперь ему казалось, что онъ все это говорилъ и тогда, всѣ эти самыя слова, и что про эту «мушку» Ипполитъ взялъ у него самого, изъ его тогдашнихъ словъ и слезъ. Онъ былъ въ этомъ увѣренъ, и его сердце билось почему-то отъ этой мысли...

Онъ забылся на скамейкѣ, но тревога его продолжалась и во снѣ. Предъ самымъ сномъ онъ вспомнилъ, что Ипполитъ убьетъ десять человѣкъ, и усмѣхнулся нелѣпости предположенія. Вокругъ него стояла прекрасная, ясная тишина, съ однимъ только шелестомъ листьевъ, отъ котораго, кажется, становится еще тише и уединеннѣе кругомъ. Ему приснилось очень много сновъ и все тревожныхъ, отъ которыхъ онъ поминутно вздрагивалъ. Наконецъ, пришла къ нему женщина; онъ зналъ ее, зналъ до страданія: онъ всегда могъ назвать ее и указать, — но странно, — у ней было теперь какъ будто совсѣмъ не такое лицо, какое онъ всегда зналъ, и ему мучительно не хотѣлось признать ее за ту женщину. Въ этомъ лицѣ было столько раскаянія и ужасу, что казалось — это была страшная преступница и только что сдѣлала ужасное преступленіе. Слеза дрожала на ея блѣдной щекѣ; она поманила его рукой и приложила палецъ къ губамъ, какъ-бы предупреждая его идти за ней тише. Сердце его замерло; онъ ни за что, ни за что не хотѣлъ признать ее за преступницу; но онъ чувствовалъ, что тотчасъ-же произойдетъ что-то ужасное, на всю его жизнь. Ей, кажется, хотѣлось ему что-то показать, тутъ-же недалеко, въ паркѣ. Онъ всталъ, чтобы пойдти за нею, и вдругъ раздался подлѣ него чей-то свѣтлый, свѣжій смѣхъ; чья-то рука вдругъ очутилась въ его рукѣ; онъ схватилъ эту руку, крѣпко сжалъ и проснулся. Предъ нимъ стояла и громко смѣялась Аглая.

VIII.

на смѣялась, но она и негодовала.

— Спитъ! Вы спали! вскричала она съ презрительнымъ удивленіемъ.

— Это вы! пробормоталъ князь, еще не совсѣмъ опомнившись и съ удивленіемъ узнавая ее: — ахъ, да! Это свиданіе... я здѣсь спалъ.

— Видѣла.

— Меня никто не будилъ кромѣ васъ? Никого здѣсь кромѣ васъ не было? Я думалъ здѣсь была... другая женщина.

— Здѣсь была другая женщина.?!

Наконецъ онъ совсѣмъ очнулся.

— Это былъ только сонъ, задумчиво проговорилъ онъ,— странно, что въ этакую минуту такой сонъ... Садитесь.

Онъ взялъ ее за руку и посадилъ на скамейку; самъ сѣлъ подлѣ нея и задумался. Аглая не начинала разговора, а только пристально оглядывала своего собесѣдника. Онъ тоже взглядывалъ на нее, но иногда такъ, какъ будто совсѣмъ не видя ея предъ собой. Она начала краснѣть.

— Ахъ да! вздрогнулъ князь: — Ипполитъ застрѣлился!

— Когда? У васъ? спросила она, но безъ больнаго удивленія: — вѣдь вчера вечеромъ онъ былъ, кажется, еще живъ? Какъ-же вы могли тутъ спать послѣ всего этого? вскричала она, внезапно оживляясь.

— Да вѣдь онъ не умеръ, пистолетъ не выстрѣлилъ.

По настоянію Аглаи, князь долженъ былъ разсказать тотчасъ-же и даже въ большой подробности всю исторію прошлой ночи. Она торопила его въ разсказѣ поминутно, но сама перебивала безпрерывными вопросами и почти все посторонними. Между прочимъ, она съ большимъ любопытствомъ выслушала о томъ что говорилъ Евгеній Павловичъ и нѣсколько разъ даже переспросила.

— Ну, довольно, надо торопиться, заключила она, выслушавъ все,— всего намъ только часъ здѣсь быть, до восьми часовъ, потому что въ восемь часовъ мнѣ надо непремѣнно быть дома, чтобы не узнали, что я здѣсь сидѣла, а я за дѣломъ пришла; мнѣ много нужно вамъ сообщить. Только вы меня совсѣмъ теперь сбили. Объ Ипполитѣ я думаю, что пистолетъ у него такъ и долженъ былъ не выстрѣлить, это къ нему больше идетъ. Но вы увѣрены, что онъ непремѣнно хотѣлъ застрѣлиться, и что тутъ не было обману?

— Никакого обману.

— Это и вѣроятнѣе. Онъ такъ и написалъ, чтобы вы мнѣ принесли его исповѣдь? Зачѣмъ-же вы не принесли?

— Да вѣдь онъ не умеръ. Я у него спрошу.

— Непремѣнно принесите и ничего спрашивать. Ему навѣрно это будетъ очень пріятно, потому что онъ, можетъ быть, съ тою цѣлью и стрѣлялъ въ себя, чтобъ я исповѣдь потомъ прочла. Пожалуйста, прошу васъ не смѣяться надъ моими словами, Левъ Николаичъ, потому что это очень можетъ такъ быть.

— Я не смѣюсь, потому что и самъ увѣренъ, что отчасти это очень можетъ такъ быть.

— Увѣрены? Неужели вы тоже такъ думаете? вдругъ ужасно удивилась Аглая.

Она спрашивала быстро, говорила скоро, но какъ будто иногда сбивалась и часто не договаривала: поминутно торопилась о чемъ-то предупреждать; вообще она была въ необыкновенной тревогѣ и хоть смотрѣла очень храбро и съ какимъ-то вызовомъ, но, можетъ быть, немного и трусила. На ней было самое будничное, простое платье, которое очень къ ней шло. Она часто вздрагивала, краснѣла и садѣла на краю скамейки. Подтвержденіе князя, что Ипполитъ застрѣлился для того, чтобъ она прочла его исповѣдь, очень ее удивило.

— Конечно, объяснилъ князь, — ему хотѣлось, чтобы, кромѣ васъ, и мы всѣ его похвалили...

— Какъ это похвалили?

— То есть, это... какъ вамъ сказать? Это очень трудно сказать. Только ему навѣрно хотѣлось, чтобы всѣ его обступили и сказали ему, что его очень любятъ и уважаютъ, и всѣ-бы стали его очень упрашивать остаться въ живыхъ. Очень можетъ быть, что онъ васъ имѣлъ всѣхъ больше въ виду, потому что въ такую минуту о васъ упомянулъ... хоть, пожалуй, и самъ не зналъ, что имѣетъ васъ въ виду.

— Этого ужь я не понимаю совсѣмъ: имѣлъ въ виду и не зналъ, что имѣлъ въ виду. А впрочемъ, я, кажется, понимаю: знаете-ли, что я сама разъ тридцать, еще даже когда тринадцатилѣтнею дѣвочкой была, думала отравиться, и все это написать въ письмѣ къ родителямъ, и тоже думала какъ я буду въ гробу лежать, и всѣ будутъ надо мною плакать, а себя обвинять, что были со мной такіе жестокіе... Чего вы опять улыбаетесь, быстро прибавила она, нахмуривая брови,—вы-то объ чемъ еще думаете про себя, когда одинъ мечтаете? Можетъ, фельдмаршаломъ себя воображаете, и что Наполеона разбили.

— Ну, вотъ, честное слово, я объ этомъ думаю, особенно когда

засыпаю, засмѣялся князь:—только я не Наполеона, а все австрійцевъ разбиваю.

— Я вовсе не желаю съ вами шутить, Левъ Николаичъ. Съ Ипполитомъ я увижусь сама: прошу васъ предупредить его. А съ вашей стороны я нахожу, что все это очень дурно, потому что очень грубо такъ смотрѣть и судить душу человѣка, какъ вы судите Ипполита. У васъ нѣжности нѣтъ: одна правда, стало быть—несправедливо.

Князь задумался.

— Мнѣ кажется, вы ко мнѣ несправедливы, сказалъ онъ,—вѣдь я ничего не нахожу дурнаго въ томъ, что онъ такъ думалъ, потому что всѣ склонны такъ думать: къ тому-же, можетъ быть, онъ и не думалъ совсѣмъ, а только этого хотѣлъ... ему хотѣлось въ послѣдній разъ съ людьми встрѣтиться, ихъ уваженіе и любовь заслужить; это вѣдь очень хорошія чувства, только какъ-то все тутъ не такъ вышло; тутъ болѣзнь и еще что-то! Притомъ-же у однихъ все всегда хорошо выходитъ, а у другихъ ни на что не похоже...

— Это вѣрно вы о себѣ прибавили? замѣтила Аглая.

— Да, о себѣ, отвѣтилъ князь, не замѣчая никакого злорадства въ вопросѣ.

— Только все-таки я-бы никакъ не заснула на вашемъ мѣстѣ: стало быть, вы куда ни притянетесь, такъ тутъ ужъ и спите; это очень не хорошо съ вашей стороны.

— Да вѣдь я всю ночь не спалъ, а потомъ ходилъ, ходилъ, былъ на музыкѣ...

— На какой музыкѣ?

— Тамъ, гдѣ играли вчера, а потомъ пришелъ сюда, сѣлъ, думалъ, думалъ и заснулъ.

— А, такъ вотъ какъ? Это измѣняетъ въ вашу пользу... А зачѣмъ вы на музыку ходили?

— Не знаю, такъ...

— Хорошо, хорошо, потомъ; вы все меня перебиваете, и что мнѣ за дѣло, что вы ходили на музыку? О какой это женщинѣ вамъ приснилось?

— Это... объ... вы ее видѣли...

— Понимаю, очень понимаю. Вы очень ее... Какъ она вамъ приснилась, въ какомъ видѣ? А впрочемъ, я и знать ничего не хочу, отрѣзала она вдругъ съ досадой.—Не перебивайте меня...

Она переждала немного, какъ-бы собираясь съ духомъ или стараясь разогнать досаду.

— Вотъ въ чемъ все дѣло, для чего я васъ позвала; я хочу

сдѣлать вамъ предложеніе быть моимъ другомъ. Что вы такъ вдругъ на меня уставились? прибавила она почти съ гнѣвомъ.

Князь дѣйствительно очень вглядывался въ нее въ эту минуту, замѣтивъ, что она опять начала ужасно краснѣть. Въ такихъ случаяхъ, чѣмъ болѣе она краснѣла, тѣмъ болѣе, казалось, и сердилась на себя за это, что̀ видимо выражалось въ ея сверкавшихъ глазахъ; обыкновенно, минуту спустя, она уже переносила свой гнѣвъ на того, съ кѣмъ говорила, былъ ли не былъ тотъ виноватъ, и начинала съ нимъ ссориться. Зная и чувствуя свою дикость и стыдливость, она обыкновенно входила въ разговоръ мало и была молчаливѣе другихъ сестеръ, иногда даже ужъ слишкомъ молчалива. Когда-же, особенно въ такихъ щекотливыхъ случаяхъ, непремѣнно надо было заговорить, то начинала разговоръ съ необыкновеннымъ высокомѣріемъ и какъ будто съ какимъ-то вызовомъ. Она всегда предчувствовала напередъ когда начинала или хотѣла начать краснѣть.

— Вы, можетъ быть, не хотите принять предложеніе? высокомѣрно поглядѣла она на князя.

— О, нѣтъ, хочу, только это совсѣмъ не нужно... то есть, я никакъ не думалъ, что надо дѣлать такое предложеніе, сконфузился князь.

— А что-же вы думали? Для чего-же-бы я сюда васъ позвала? Что̀ у васъ на умѣ? Впрочемъ, вы, можетъ, считаете меня маленькою дурой, какъ всѣ меня дома считаютъ?

— Я не зналъ, что васъ считаютъ дурой, я... я не считаю.

— Не считаете? Очень умно съ вашей стороны. Особенно умно высказано.

— По моему, вы даже, можетъ быть, и очень умны иногда, продолжалъ князь,—вы давеча вдругъ сказали одно слово очень умное. Вы сказали про мое сомнѣніе объ Ипполитѣ: тутъ одна только правда, а, стало быть, и несправедливо. Это я запомню и обдумаю.

Аглая вдругъ вспыхнула отъ удовольствія. Всѣ эти перемѣны происходили въ ней чрезвычайно откровенно и съ необыкновенной быстротой. Князь тоже обрадовался и даже разсмѣялся отъ радости, смотря на нее.

— Слушайте-же, начала она опять,—я долго ждала васъ, чтобы вамъ все это разсказать, съ тѣхъ самыхъ поръ ждала, какъ вы мнѣ то письмо оттуда написали и даже раньше... Половину вы вчера отъ меня уже услышали: я васъ считаю за самаго честнаго и за самаго праведнаго человѣка, всѣхъ честнѣе и праведнѣе, и если говорятъ про васъ, что у васъ умъ... то есть, что вы больны

иногда умомъ, то это несправедливо; я такъ рѣшила и спорила, потому что хоть вы и въ самомъ дѣлѣ больны умомъ (вы, конечно, на это не разсердитесь, я съ высшей точки говорю), то за то главный умъ у васъ лучше чѣмъ у нихъ у всѣхъ, такой даже, какой имъ не снился, потому что есть два ума: главный и не главный. Такъ? Вѣдь такъ?

— Можетъ быть, и такъ, едва проговорилъ князь: у него ужасно дрожало и стукало сердце.

— Я такъ и знала, что вы поймете, съ важностью продолжала она.— Князь Щ. и Евгеній Павлычъ ничего въ этихъ двухъ умахъ не понимаютъ, Александра тоже, а представьте себѣ: папаша поняла.

— Вы очень похожи на Лизавету Прокофьевну.

— Какъ это? Неужели? удивилась Аглая.

— Ей-Богу такъ.

— Я благодарю васъ, сказала она, подумавъ:—я очень рада, что похожа на папаш. Вы, стало быть, очень ее уважаете? прибавила она, совсѣмъ не замѣчая наивности вопроса.

— Очень, очень, и я радъ, что вы это такъ прямо поняли.

— И я рада, потому что я замѣтила какъ надъ нею иногда... смѣются. Но слушайте главное, я долго думала и, наконецъ, васъ выбрала. Я не хочу, чтобы надо мной дома смѣялись, я не хочу, чтобы меня считали за маленькую дуру: я не хочу, чтобы меня дразнили... Я это все сразу поняла и на отрѣзъ отказала Евгенію Павлычу, потому что я не хочу, чтобы меня безпрерывно выдавали замужъ! Я хочу... я хочу... ну, я хочу бѣжать изъ дому, а васъ выбрала, чтобы вы мнѣ способствовали.

— Бѣжать изъ дому! вскричалъ князь.

— Да, да, да, бѣжать изъ дому! вскричала она вдругъ, воспламенясь необыкновеннымъ гнѣвомъ:—я не хочу, не хочу, чтобы тамъ вѣчно заставляли меня краснѣть. Я не хочу краснѣть ни предъ ними, ни предъ княземъ Щ., ни предъ Евгеніемъ Павлычемъ, ни передъ кѣмъ, а потому и выбрала васъ. Съ вами я хочу все, все говорить, даже про самое главное, когда захочу: съ своей стороны, и вы не должны ничего скрывать отъ меня. Я хочу хоть съ однимъ человѣкомъ обо всемъ говорить какъ съ собой. Они вдругъ стали говорить, что я васъ жду и что я васъ люблю. Это еще до вашего пріѣзда было, а я имъ письма не показывала: а теперь ужъ всѣ говорятъ. Я хочу быть смѣлою и ничего не бояться. Я не хочу ни ихъ балами тѣшить, я хочу пользу приносить. Я ужъ давно хотѣла уйти. Я двадцать лѣтъ какъ у нихъ закупорена, и все меня замужъ выдаютъ. Я еще четырнадцати лѣтъ думала бѣжать, хоть и

дура была. Теперь я уже все разсчитала и васъ ждала, чтобы все разспросить объ заграницѣ. Я ни одного собора готическаго не видала, я хочу въ Римѣ быть, я хочу всѣ кабинеты ученые осмотрѣть, я хочу въ Парижѣ учиться; я весь послѣдній годъ готовилась и училась, и очень много книгъ прочла; я всѣ запрещенныя книги прочла, Александра и Аделаида всѣ книги читаютъ, имъ можно, а мнѣ не всѣ даютъ, за мной надзоръ. Я съ сестрами не хочу ссориться, но матери и отцу я давно уже объявила, что хочу совершенно измѣнить мое соціальное положеніе. Я положила заняться воспитаніемъ, и я на васъ разсчитывала, потому что вы говорили что любите дѣтей. Можемъ мы вмѣстѣ заняться воспитаніемъ, хоть не сейчасъ, такъ въ будущемъ? Мы вмѣстѣ будемъ пользу приносить; я не хочу быть генеральскою дочкою... Скажите, вы очень ученый человѣкъ?

— О, совсѣмъ нѣтъ.

— Это жаль, а я думала... какъ-же я это думала? Вы все-таки меня будете руководить, потому что я васъ выбрала.

— Это нелѣпо, Аглая Ивановна.

— Я хочу, я хочу бѣжать изъ дому! вскричала она, и опять глаза ея засверкали: —если вы не согласитесь, такъ я выйду замужъ за Гаврилу Ардаліоновича. Я не хочу, чтобы меня дома мерзкою женщиной почитали и обвиняли Богъ знаетъ въ чемъ.

— Въ умѣ-ли вы? чуть не вскочилъ князь съ мѣста:—въ чемъ васъ обвиняютъ, кто обвиняетъ?

— Дома, всѣ, мать, сестры, отецъ, князь Щ., даже мерзкій ванъ Коля! Если прямо не говорятъ, то такъ думаютъ. Я имъ всѣмъ въ глаза это высказала, и матери, и отцу. Маман была больна цѣлый день; а на другой день Александра и папаша сказали мнѣ, что я сама не понимаю что вру и какія слова говорю. А я имъ тутъ прямо отрѣзала, что я уже все понимаю, всѣ слова, что я уже не маленькая, что я еще два года назадъ тайно два романа Поль-де-Кока прочла, чтобы про все узнать. Маман, какъ услышала, чуть въ обморокъ не упала.

У князя мелькнула вдругъ странная мысль. Онъ посмотрѣлъ пристально на Аглаю и улыбнулся.

Ему даже не вѣрилось, что предъ нимъ сидитъ та самая высокомѣрная дѣвушка, которая такъ гордо и заносчиво прочитала ему когда-то письмо Гаврилы Ардаліоновича. Онъ понять не могъ, какъ въ такой заносчивой, суровой красавицѣ могъ оказаться такой ребенокъ, можетъ быть, дѣйствительно даже не понимающій *всѣхъ словъ* ребенокъ.

— Вы все дома жили, Аглая Ивановна? спросилъ онъ:—я хочу

сказать, вы никуда не ходили въ школу какую нибудь, не учились въ институтѣ?

— Никогда и никуда не ходила; все дома сидѣла закупоренная какъ въ бутылкѣ, и изъ бутылки прямо и замужъ пойду; что вы опять усмѣхаетесь? Я замѣчаю что вы тоже, кажется, надо мной смѣетесь и ихъ сторону держите, прибавила она, грозно нахмурившись: — не сердите меня, я и безъ того не знаю что со мной дѣлается... я убѣждена, что вы пришли сюда въ полной увѣренности, что я въ васъ влюблена и позвала васъ на свиданіе, отрѣзала она раздражительно.

— Я дѣйствительно вчера боялся этого, простодушно пробормотался князь (онъ былъ очень смущенъ);—но сегодня я убѣжденъ, что вы...

— Какъ! вскричала Аглая, и нижняя губка ея вдругъ задрожала:—вы боялись, что я... вы смѣли думать, что я... Господи! Вы подозрѣвали, пожалуй, что я позвала васъ сюда съ тѣмъ, чтобы васъ въ сѣти завлечь, и потомъ чтобы насъ тутъ застали и принудили васъ на мнѣ жениться...

— Аглая Ивановна! Какъ вамъ не совѣстно? Какъ могла такая грязная мысль зародиться въ вашемъ чистомъ, невинномъ сердцѣ? Бьюсь объ закладъ, что вы сами ни одному вашему слову не вѣрите и... сами не знаете что говорите!

Аглая сидѣла упорно потупившись, точно сама испугавшись того что сказала.

— Совсѣмъ мнѣ не стыдно, пробормотала она,—почему вы знаете, что у меня сердце невинное? Какъ смѣли вы тогда мнѣ любовное письмо прислать?

—Любовное письмо? Мое письмо—любовное! Это письмо самое почтительное, это письмо изъ сердца моего вылилось въ самую тяжелую минуту моей жизни! Я вспомнилъ тогда о васъ, какъ о какомъ-то свѣтѣ... я...

— Ну, хорошо, хорошо, перебила вдругъ она, но совершенно не тѣмъ уже тономъ, а въ совершенномъ раскаяніи и чуть-ли не въ испугѣ, даже наклонилась къ нему, стараясь все еще не глядѣть на него прямо, хотѣла было тронуть его за плечо, чтобъ еще убѣдительнѣе попросить не сердиться;—хорошо, прибавила она ужасно застыдившись;—я чувствую, что я очень глупое выраженіе употребила. Это я такъ... чтобы васъ испытать. Примите, какъ будто и не было говорено. Если-же я васъ обидѣла, то простите. Не смотрите на меня, пожалуйста, прямо, отверните. Вы сказали, что это очень грязная мысль; я нарочно сказала, чтобы васъ уколоть. Иногда я сама боюсь того что мнѣ хочется сказать, да вдругъ и

скажу. Вы сказали сейчасъ, что написали это письмо въ самую тяжелую минуту вашей жизни. Я знаю въ какую это минуту, тихо проговорила она, опять смотря въ землю.

— О, еслибы вы могли все знать!

— Я все знаю! вскричала она съ новымъ волненіемъ:—вы жили тогда въ одной комнатахъ, цѣлый мѣсяцъ, съ этою мерзкою женщиной, съ которою вы убѣжали...

Она уже не покраснѣла, а побѣднѣла, выговаривая это, и вдругъ встала съ мѣста, точно забывшись, но тотчасъ-же, опомнившись, сѣла; губка ея долго еще продолжала вздрагивать. Молчаніе продолжалось съ минуту. Князь былъ ужасно пораженъ внезапностью выходки и не зналъ чему приписать ее.

— Я васъ совсѣмъ не люблю, вдругъ сказала она, точно отрѣзала.

Князь не отвѣтилъ; опять помолчали съ минуту.

— Я люблю Гаврилу Ардаліоновича... проговорила она скороговоркой, но чуть слышно и еще больше наклонивъ голову.

— Это неправда, проговорилъ князь тоже почти шепотомъ.

— Стало быть, я лгу? Это правда; я дала ему слово, третьяго дня, на этой самой скамейкѣ.

Князь испугался и на мгновеніе задумался.

— Это неправда, повторилъ онъ рѣшительно, — вы все это выдумали.

— Удивительно вѣжливо. Знайте, что онъ исправился; онъ любитъ меня болѣе своей жизни. Онъ предо мной сжегъ свою руку, чтобы только доказать, что любитъ меня болѣе своей жизни.

— Сжегъ свою руку?

— Да, свою руку. Вѣрьте, не вѣрьте — мнѣ все равно.

Князь опять замолчалъ. Въ словахъ Аглаи не было шутки; она сердилась.

— Что-жь, онъ приносилъ сюда съ собой свѣчку, если это здѣсь происходило? Иначе я не придумаю...

— Да... свѣчку. Что-же тутъ невѣроятнаго?

— Цѣлую или въ подсвѣчникѣ?

— Ну да... нѣтъ... половину свѣчки... огарокъ... цѣлую свѣчку, — все равно, отстаньте!.. И спички, если хотите, принесъ. Зажегъ свѣчку и цѣлыя полчаса держалъ палецъ на свѣчкѣ; развѣ это не можетъ быть?

— Я видѣлъ его вчера; у него здоровые пальцы.

Аглая вдругъ прыснула со смѣху, совсѣмъ какъ ребенокъ.

— Знаете для чего я сейчасъ солгала? вдругъ обернулась она къ князю съ самою дѣтскою довѣрчивостью и еще со смѣхомъ,

дрожавшимъ на ея губахъ: — потому что когда лжешь, то если ловко вставишь что нибудь не совсѣмъ обыкновенное, что нибудь эксцентрическое, ну, знаете, что нибудь, что̀ ужъ слишкомъ рѣзко, или даже совсѣмъ не бываетъ, то ложь становится гораздо вѣроятнѣе. Это я замѣтила. У меня только дурно вышло, потому что я не съумѣла...

Вдругъ она опять нахмурилась, какъ-бы опомнившись.

— Если я тогда, обратилась она къ князю, серіозно и даже грустно смотря на него, — если я тогда и прочла вамъ про «обѣднаго рыцаря», то этимъ хоть и хотѣла... похвалить васъ за одно, но тутъ-же хотѣла и заклеймить васъ за поведеніе ваше и показать вамъ, что я все знаю...

— Вы очень несправедливы ко мнѣ... къ той несчастной, о которой вы сейчасъ такъ ужасно выразились, Аглая.

— Потому что я все знаю, все, потому такъ и выразилась! Я знаю какъ вы, полгода назадъ, при всѣхъ предложили ей вашу руку. Не перебивайте, вы видите, я говорю безъ комментаріевъ. Послѣ этого она бѣжала съ Рогожинымъ; потомъ вы жили съ ней въ деревнѣ какой-то, или въ городѣ, и она отъ васъ ушла къ кому-то. (Аглая ужасно покраснѣла). Потомъ она опять воротилась къ Рогожину, который любитъ ее какъ... какъ сумасшедшій. Потомъ вы, тоже очень умный человѣкъ, прискакали теперь за ней сюда, тотчасъ-же какъ узнали, что она въ Петербургъ воротилась. Вчера вечеромъ вы бросились ее защищать, а сейчасъ во снѣ ее видѣли... Видите, что я все знаю; вѣдь вы для нея, для нея сюда пріѣхали?

— Да, для нея, тихо отвѣтилъ князь, грустно и задумчиво склонивъ голову и не подозрѣвая, какимъ сверкающимъ взглядомъ глянула на него Аглая, — для нея, чтобы только узнать... Я не вѣрю въ ея счастье съ Рогожинымъ, хотя... однимъ словомъ, я не знаю, что̀-бы я могъ тутъ для нея сдѣлать и чѣмъ помочь, но я пріѣхалъ.

Онъ вздрогнулъ и поглядѣлъ на Аглаю; та съ ненавистью слушала его.

— Если пріѣхали не зная зачѣмъ, стало быть, ужъ очень любите, проговорила она наконецъ.

— Нѣтъ, отвѣтилъ князь, — нѣтъ, не люблю. О, если-бы вы знали, съ какимъ ужасомъ вспоминаю я то время, которое провелъ съ нею!

Даже содроганіе прошло по его тѣлу при этихъ словахъ.

— Говорите все, сказала Аглая.

— Тутъ ничего нѣтъ такого, чего-бы вы не могли выслушать.

Почему именно вамъ хотѣлъ я все это разсказать, и вамъ одной, — не знаю; можетъ быть, потому что васъ въ самомъ дѣлѣ очень любилъ. Эта несчастная женщина глубоко убѣждена, что она самое падшее, самое порочное существо изъ всѣхъ на свѣтѣ. О, не позорьте ея, не бросайте камня. Она слишкомъ замучила себя самое сознаніемъ своего незаслуженнаго позора! И чѣмъ она виновата, о, Боже мой! О, она поминутно въ изступленіи кричитъ, что не признаетъ за собой вины, что она жертва людей, жертва развратника и злодѣя: но что-бы она вамъ ни говорила, знайте, что она сама, первая, не вѣритъ себѣ, и что она всею совѣстью своею вѣритъ, напротивъ, что она... сама виновна. Когда я пробовалъ разогнать этотъ мракъ, то она доходила до такихъ страданій, что мое сердце никогда не заживетъ, пока я буду помнить объ этомъ ужасномъ времени. У меня точно сердце прокололи разъ навсегда. Она бѣжала отъ меня, знаете для чего? Именно чтобы доказать только мнѣ, что она — низкая. Но всего тутъ ужаснѣе то, что она и сама, можетъ быть, не знала того, что только мнѣ хочетъ доказать это, а бѣжала потому, что ей непремѣнно, внутренно хотѣлось сдѣлать позорное дѣло, чтобы самой себѣ сказать тутъ-же: «вотъ ты сдѣлала новый позоръ, стало быть, ты низкая тварь!» О, можетъ быть, вы этого не поймете, Аглая! Знаете-ли, что въ этомъ безпрерывномъ сознаніи позора для нея, можетъ быть, заключается какое-то ужасное, неестественное наслажденіе, точно отмщеніе кому-то. Иногда я доводилъ ее до того, что она какъ-бы опять видѣла кругомъ себя свѣтъ; но тотчасъ-же опять возмущалась и до того доходила, что меня-же съ горечью обвиняла за то, что я высоко себя надъ нею ставлю (когда у меня и въ мысляхъ этого не было), и прямо объявила мнѣ, наконецъ, на предложеніе брака, что она ни отъ кого не требуетъ ни высокомѣрнаго состраданія, ни помощи, ни «возвеличенія до себя». Вы видѣли ее вчера; неужто вы думаете, что она счастлива съ этою компаніей, что это ея общество? Вы не знаете какъ она развита и что она можетъ понять! Она даже удивляла меня иногда!

— Вы и тамъ читали ей такія-же... проповѣди?

— О, нѣтъ, задумчиво продолжалъ князь, не замѣчая тона вопроса,—я почти все молчалъ. Я часто хотѣлъ говорить, но я, право, не зналъ иногда что сказать. Знаете, въ иныхъ случаяхъ лучше совсѣмъ не говорить. О, я любилъ ее: о, очень любилъ... но потомъ... потомъ... потомъ она все угадала.

— Что угадала?

— Что мнѣ только жаль ее, а что я... уже не люблю ея.

— Почему вы знаете, можетъ, она въ самомъ дѣлѣ влюбилась въ того... помѣщика, съ которымъ ушла?

— Нѣтъ, я все знаю; она лишь насмѣялась надъ нимъ.

— А надъ вами никогда не смѣялась?

— Н-нѣтъ. Она смѣялась со злобы: о, тогда она меня ужасно укоряла, въ гнѣвѣ,—и сама страдала! Но... потомъ... о, не напоминайте, не напоминайте мнѣ этого!

Онъ закрылъ себѣ лицо руками.

— А знаете-ли вы, что она почти каждый день пишетъ ко мнѣ письма?

— Стало быть, это правда! вскричалъ князь въ тревогѣ: — я слышалъ, но все еще не хотѣлъ вѣрить.

— Отъ кого слышали? пугливо встрепенулась Аглая.

— Рогожинъ сказалъ мнѣ вчера, только не совсѣмъ ясно.

— Вчера? Утромъ вчера? Когда вчера? Предъ музыкой или послѣ?

— Послѣ; вечеромъ, въ двѣнадцатомъ часу.

— А-а, ну, коли Рогожинъ... А знаете о чемъ она пишетъ мнѣ въ этихъ письмахъ?

— Я ничему не удивляюсь; она безумная.

— Вотъ эти письма (Аглая вынула изъ кармана три письма въ трехъ конвертахъ и бросила ихъ предъ княземъ). Вотъ уже цѣлую недѣлю она умоляетъ, склоняетъ, обольщаетъ меня, чтобъ я за васъ вышла замужъ. Она... ну да, она умна, хоть и безумная, и вы правду говорите, что она гораздо умнѣе меня... она пишетъ мнѣ, что въ меня влюблена, что каждый день ищетъ случая видѣть меня хоть издали. Она пишетъ, что вы любите меня, что она это знаетъ, давно замѣтила, и что вы съ ней обо мнѣ тамъ говорили. Она хочетъ видѣть васъ счастливымъ; она увѣрена, что только я составлю ваше счастіе... Она такъ дико пишетъ... странно... Я никому не показала писемъ, я васъ ждала; вы знаете что̀ это значитъ? Ничего не угадываете?

— Это сумасшествіе: доказательство ея безумія, проговорилъ князь, и губы его задрожали.

— Вы ужь не плачете-ли?

— Нѣтъ, Аглая, нѣтъ, я не плачу, посмотрѣлъ на нее князь.

— Что̀-же мнѣ тутъ дѣлать? Что̀ вы мнѣ посовѣтуете? Не могу-же я получать эти письма!

— О, оставьте ее, умоляю васъ! вскричалъ князь:—что̀ вамъ дѣлать въ этомъ мракѣ; я употреблю всѣ усилія, чтобъ она вамъ не писала больше.

— Если такъ, то вы человѣкъ безъ сердца! вскричала Аглая:— неужели вы не видите, что не въ меня она влюблена, а васъ, васъ одного она любитъ! Неужели вы все въ ней успѣли замѣтить, а

этого не замѣтили? Знаете что̀ это такое, что̀ означаютъ эти письма? Это ревность: это больше чѣмъ ревность! Она... вы думаете она въ самомъ дѣлѣ замужъ за Рогожина выйдетъ, какъ она пишетъ здѣсь въ письмахъ? Она убьетъ себя на другой день, только что мы обвѣнчаемся!

Князь вздрогнулъ; сердце его замерло. Но онъ въ удивленіи смотрѣлъ на Аглаю: странно ему было признать, что этотъ ребенокъ давно уже женщина.

— Богъ видитъ, Аглая, чтобы возвратить ей спокойствіе и сдѣлать ее счастливою, я отдалъ-бы жизнь мою, но... я уже не могу любить ее, и она это знаетъ!

— Такъ пожертвуйте собой, это-же такъ къ вамъ идетъ! Вы вѣдь такой великій благотворитель. И не говорите мнѣ «Аглая»... Вы и давеча сказали мнѣ просто: «Аглая»... Вы должны, вы обязаны воскресить ее, вы должны уѣхать съ ней опять, чтобъ умирять и успоконвать ея сердце. Да вѣдь вы-же ее и любите!

— Я не могу такъ пожертвовать собой, хоть я и хотѣлъ одинъ разъ и... можетъ быть, и теперь хочу. Но я знаю *навѣрно*, что она со мной погибнетъ, и потому оставляю ее. Я долженъ былъ ее видѣть сегодня въ семь часовъ; я, можетъ быть, не пойду теперь. Въ своей гордости она никогда не проститъ мнѣ любви моей, — и мы оба погибнемъ! Это нестественно, но тутъ все нестественно. Вы говорите, она любитъ меня, но развѣ это любовь? Неужели можетъ быть такая любовь, послѣ того что̀ я уже вытерпѣлъ! Нѣтъ, тутъ другое, а не любовь!

— Какъ вы побѣдительны! испугалась вдругъ Аглая.

— Ничего; я мало спалъ; ослабъ я... мы дѣйствительно про васъ говорили тогда, Аглая...

— Такъ это правда? Вы дѣйствительно *могли съ него обо мнѣ* говорить и... и какъ могли вы меня полюбить, когда всего одинъ разъ меня видѣли?

— Я не знаю какъ. Въ моемъ тогдашнемъ мракѣ мнѣ мечталась... мерещилась, можетъ быть, новая заря. Я не знаю какъ подумалъ о васъ объ первой. Я правду вамъ тогда написалъ, что не знаю. Все это была только мечта, отъ тогдашняго ужаса... Я потомъ сталъ заниматься; я три года-бы сюда не пріѣхалъ...

— Стало быть, пріѣхали для нея?

И что-то задрожало въ голосѣ Аглаи.

— Да, для нея.

Прошло минуты двѣ мрачнаго молчанія съ обѣихъ сторонъ. Аглая поднялась съ мѣста.

— Если вы говорите, начала она нетвердымъ голосомъ,—если

вы сами вѣрите, что эта... ваша женщина... безумная, то мнѣ вѣдь дѣла нѣтъ до ея безумныхъ фантазій... Прошу васъ, Левъ Николаичъ, взять эти три письма и бросить ей отъ меня! И если она, вскричала вдругъ Аглая,—если она осмѣлится еще разъ мнѣ прислать одну строчку, то скажите ей, что я пожалуюсь отцу и что ее сведутъ въ смирительный домъ...

Князь вскочилъ и въ испугѣ смотрѣлъ на внезапную ярость Аглаи; и вдругъ какъ-бы туманъ упалъ предъ нимъ...

— Вы не можете такъ чувствовать... это неправда! бормоталъ онъ.

— Это правда! Правда! вскрикивала Аглая, почти не помня себя.

— Что такое правда? Какая правда? раздался подлѣ нихъ испуганный голосъ.

Предъ ними стояла Лизавета Прокофьевна.

— То правда, что я за Гаврилу Ардаліоновича замужъ иду! Что я Гаврилу Ардаліоновича люблю и бѣгу съ нимъ завтра-же изъ дому! набросилась на нее Аглая. Слышали вы? Удовлетворено ваше любопытство? Довольны вы этимъ?

И она побѣжала домой.

— Нѣтъ, ужь вы, батюшка, теперь не уходите, остановила князя Лизавета Прокофьевна, — сдѣлайте одолженіе, пожалуйте ко мнѣ объясниться... Что-же это за мука такая, я и такъ всю ночь не спала...

Князь пошелъ за нею.

IX.

Войдя въ свой домъ, Лизавета Прокофьевна остановилась въ первой-же комнатѣ; дальше она идти не могла и опустилась на кушетку, совсѣмъ обезсиленная, позабывъ даже пригласить князя садиться. Это была довольно большая зала, съ круглымъ столомъ посрединѣ, съ каминомъ, со множествомъ цвѣтовъ на этажеркахъ у оконъ, и съ другою стеклянною дверью въ садъ, въ задней стѣнѣ. Тотчасъ-же вошли Аделаида и Александра, вопросительно и съ недоумѣніемъ смотря на князя и на мать.

Дѣвицы обыкновенно вставали на дачѣ около девяти часовъ; одна Аглая, въ послѣдніе два-три дня, повадилась вставать нѣсколько раньше и выходила гулять въ садъ, но все-таки не въ семь часовъ, а въ восемь или даже попозже. Лизавета Прокофьевна, дѣйствительно не спавшая ночь отъ разныхъ своихъ тревогъ, под-

нялась около восьми часовъ, нарочно съ тѣмъ чтобы встрѣтить въ саду Аглаю, предполагая, что та уже встала: но ни въ саду, ни въ спальнѣ ея не нашла. Тутъ она встревожилась окончательно и разбудила дочерей. Отъ служанки узнали, что Аглая Ивановна еще въ седьмомъ часу вышла въ паркъ. Дѣвицы усмѣхнулись новой фантазіи ихъ фантастической сестрицы и замѣтили маманѣ, что Аглая, пожалуй, еще разсердится, если та пойдетъ въ паркъ ее отыскивать, и что, навѣрно, она сидитъ теперь съ книгой на зеленой скамейкѣ, о которой она еще три дня назадъ говорила, и за которую чуть не поссорилась съ княземъ Щ., потому что тотъ не нашелъ въ мѣстоположеніи этой скамейки ничего особеннаго. Заставъ свиданіе и слыша странныя слова дочери, Лизавета Прокофьевна была ужасно испугана, по многимъ причинамъ; но приведя теперь съ собой князя, струсила, что начала дѣло: «почему-жъ Аглая не могла-бы встрѣтиться и разговориться съ княземъ въ паркѣ, даже, наконецъ, если-бъ это было и напередъ условленное у нихъ свиданіе?»

— Не подумайте, батюшка-князь, скрѣпилась она, наконецъ,— что я васъ допрашивать сюда притащила... Я, голубчикъ, послѣ вчерашняго вечера, можетъ, и встрѣчаться-то съ тобой долго не пожелала-бы...

Она было немного осѣклась.

— Но все-таки вамъ-бы очень хотѣлось узнать, какъ мы встрѣтились сегодня съ Аглаей Ивановной? весьма спокойно докончилъ князь.

— Ну, что-жъ, и хотѣлось! вспыхнула тотчасъ-же Лизавета Прокофьевна. — Не струшу и прямыхъ словъ. Потому что никого не обижаю и никого не желала обидѣть...

— Помилуйте, и безъ обиды натурально хочется узнать; вы мать. Мы сошлись сегодня съ Аглаей Ивановной у зеленой скамейки ровно въ семь часовъ утра, вслѣдствіе ея вчерашняго приглашенія. Она дала мнѣ знать вчера вечеромъ запиской, что ей надо видѣть меня и говорить со мной о важномъ дѣлѣ. Мы свидѣлись и проговорили цѣлый часъ о дѣлахъ, собственно одной Аглаи Ивановны касающихся; вотъ и все.

— Конечно, все, батюшка, и безъ всякаго сомнѣнія все, съ достоинствомъ произнесла Лизавета Прокофьевна.

— Прекрасно, князь! сказала Аглая, вдругъ входя въ комнату: — благодарю васъ отъ всего сердца, что сочли и меня неспособною унизиться здѣсь до лжи. Довольно съ васъ, маман, или еще намѣрены допрашивать?

— Ты знаешь, что мнѣ предъ тобой красѣть еще ни въ чемъ

до сихъ поръ не приходилось... хотя ты, можетъ, и рада-бы была тому, назидательно отвѣтила Лизавета Прокофьевна. — Прощайте, князь, простите и меня, что обезпокоила. И надѣюсь, вы останетесь увѣрены въ неизмѣнномъ моемъ къ вамъ уваженіи.

Князь тотчасъ-же откланялся на обѣ стороны и молча вышелъ. Александра и Аделаида усмѣхнулись и пошептались о чемъ-то промежъ собой. Лизавета Прокофьевна строго на нихъ поглядѣла.

— Мы только тому, маман, засмѣялась Аделаида, — что князь такъ чудесно разсказался: иной разъ совсѣмъ мѣшокъ, а тутъ вдругъ какъ... какъ Евгеній Павлычъ.

— Деликатности и достоинству само сердце учитъ, а не танцмейстеръ, сентенціозно заключила Лизавета Прокофьевна и прошла къ себѣ на верхъ, даже и не поглядѣвъ на Аглаю.

Когда князь воротился къ себѣ, уже около девяти часовъ, то засталъ на террасѣ Вѣру Лукьяновну и служанку. Онѣ вмѣстѣ прибирали и подметали послѣ вчерашняго безпорядка.

— Слава Богу, успѣли покончить до приходу! радостно сказала Вѣра.

— Здравствуйте; у меня немного голова кружится; я плохо спалъ; я-бы заснулъ.

— Здѣсь на террасѣ, какъ вчера? Хорошо. Я скажу всѣмъ, чтобы васъ не будили. Папаша ушелъ куда-то.

Служанка вышла: Вѣра отправилась было за ней, но воротилась и озабоченно подошла къ князю.

— Князь, пожалѣйте этого... несчастнаго: не прогоняйте его сегодня.

— Ни за что не прогоню; какъ онъ самъ хочетъ.

— Онъ ничего теперь не сдѣлаетъ и... не будьте съ нимъ строги.

— О, нѣтъ, зачѣмъ-же?

— И... не смѣйтесь надъ нимъ; вотъ это самое главное.

— О, отнюдь нѣтъ!

— Глупа я, что такому человѣку, какъ вы, говорю объ этомъ, закраснѣлась Вѣра. — А хоть вы и устали, засмѣялась она, полуобернувшись чтобъ уйдти, — а у васъ такіе славные глаза въ эту минуту... счастливые.

— Неужто счастливые? съ живостью спросилъ князь и радостно разсмѣялся.

Но Вѣра, простодушная и нецеремонная, какъ мальчикъ, вдругъ что-то сконфузилась, покраснѣла еще больше и, продолжая смѣяться, торопливо вышла изъ комнаты.

«Какая... славная...» подумалъ князь, и тотчасъ забылъ о ней. Онъ зашелъ въ уголъ террасы, гдѣ была кушетка и предъ нею

столикъ, сѣлъ, закрылъ руками лицо и просидѣлъ минутъ десять; вдругъ торопливо и тревожно опустилъ въ боковой карманъ руку и вынулъ три письма.

Но опять отворилась дверь и вошелъ Коля. Князь точно обрадовался, что пришлось положить назадъ въ карманъ письма и удалить минуту.

— Ну, пришествіе! сказалъ Коля, усаживаясь на кушеткѣ и прямо подходя къ предмету, какъ и всѣ ему подобные. — Какъ вы теперь смотрите на Ипполита? Безъ уваженія?

— Почему-же... но, Коля, я усталъ... Притомъ-же объ этомъ слишкомъ грустно опять начинать... Что онъ, однако?

— Спитъ и еще два часа проспитъ. Понимаю; вы дома не спали, ходили въ паркѣ... конечно, волненіе... еще-бы!

— Почему вы знаете, что я ходилъ въ паркъ и дома не спалъ?

— Вѣра сейчасъ говорила. Уговаривала не входить; я не утерпѣлъ, на минутку. Я эти два часа продежурилъ у постели; теперь Костю Лебедева посадилъ на очередь. Бурдовскій отправился. Такъ ложитесь-же, князь; спокойной... ну, спокойнаго дня! Только, знаете, я пораженъ!

— Конечно... все это...

— Нѣтъ, князь, нѣтъ; я пораженъ «Исповѣдью . Главное тѣмъ мѣстомъ, гдѣ онъ говоритъ о Провидѣніи и о будущей жизни. Тамъ есть одна ги-гант-ская мысль!

Князь ласково посмотрѣлъ на Колю, который, конечно, затѣмъ и зашелъ чтобы поскорѣй поговорить про гигантскую мысль.

— Но главное, главное не въ одной мысли, а во всей обстановкѣ! Напиши это Вольтеръ, Руссо, Прудонъ, я прочту, замѣчу, но не поражусь до такой степени. Но человѣкъ, который знаетъ навѣрно, что ему остается десять минутъ, и говоритъ такъ,—вѣдь это гордо! Вѣдь это высшая независимость собственнаго достоинства, вѣдь это значитъ бравировать прямо... Нѣтъ, это гигантская сила духа! И послѣ этого утверждать, что онъ нарочно не положилъ капсюля,—это низко, неестественно! А знаете, вѣдь онъ обманулъ вчера, схитрилъ: я вовсе никогда съ нимъ такъ не укладывалъ и никакого пистолета не видалъ; онъ самъ все укладывалъ, такъ что онъ меня вдругъ съ толку сбилъ. Вѣра говоритъ, что вы оставляете его здѣсь; клянусь, что не будетъ опасности, тѣмъ болѣе, что мы всѣ при немъ безотлучно.

— А кто изъ васъ тамъ былъ почью?

— Я, Костя Лебедевъ, Бурдовскій: Келлеръ побылъ немного, а потомъ перешелъ спать къ Лебедеву, потому что у насъ не на

чемъ было лечь. Фердыщенко тоже спалъ у Лебедева, въ семь часовъ ушелъ. Генералъ всегда у Лебедева, теперь тоже ушелъ... Лебедевъ, можетъ быть, къ вамъ придетъ сейчасъ; онъ, не знаю зачѣмъ, васъ искалъ, два раза спрашивалъ. Пускать его или не пускать, коли вы спать ляжете? Я тоже спать иду. Ахъ, да, сказалъ-бы я вамъ одну вещь; удивилъ меня давеча генералъ: Бурдовскій разбудилъ меня въ седьмомъ часу на дежурство, почти даже въ шесть: я на минутку вышелъ, встрѣчаю вдругъ генерала и до того еще хмѣльнаго, что меня не узналъ; стоитъ предо мной какъ столбъ; такъ и накинулся на меня, какъ очнулся: «что, дескать, больной? Я шелъ узнавать про больнаго...» Я отрапортовалъ, ну— то, се. «Это все хорошо, говоритъ, но я главное шелъ, затѣмъ и всталъ, чтобы тебя предупредить: я имѣю основаніе предполагать, что при господинѣ Фердыщенкѣ нельзя всего говорить и... надо удерживаться». Понимаете, князь?

— Неужто? Впрочемъ... для насъ все равно.

— Да, безъ сомнѣнія, все равно, мы не масоны! Такъ что я даже подивился, что генералъ нарочно шелъ меня изъ-за этого почью будить.

— Фердыщенко ушелъ, вы говорите?

— Въ семь часовъ; зашелъ ко мнѣ мимоходомъ: я дежурю! Сказалъ, что идетъ доночевывать къ Вилкину, — пьяница такой есть одинъ, Вилкинъ. Ну, иду! А вотъ и Лукьянъ Тимоѳеичъ... Князь хочетъ спать, Лукьянъ Тимоѳеичъ; оглобли назадъ!

— Единственно на минуту, многоуважаемый князь, по нѣкоторому значительному въ моихъ глазахъ дѣлу, — натянуто и какимъ-то проникнутымъ тономъ, виолголоса проговорилъ вошедшій Лебедевъ, и съ важностію поклонился. Онъ только что воротился и даже къ себѣ не успѣлъ зайдти, такъ что и шляпу еще держалъ въ рукахъ. Лицо его было озабоченное и съ особеннымъ, необыкновеннымъ оттѣнкомъ собственнаго достоинства. Князь пригласилъ его садиться.

— Вы меня два раза спрашивали? Вы, можетъ быть, все безпокоитесь на счетъ вчерашняго...

— На счетъ этого вчерашняго мальчика, предполагаете вы, князь? О, нѣтъ-съ: вчера мои мысли были въ безпорядкѣ... но сегодня я уже не предполагаю контрекарировать хотя-бы въ чемъ нибудь ваши предположенія.

— Контрека... какъ вы сказали?

— Я сказалъ: контрекарировать; слово французское, какъ и множество другихъ словъ, вошедшихъ въ составъ русскаго языка; но особенно не стою за него.

— Что̀ это вы сегодня, Лебедевъ, такой важный и чинный и говорите какъ по складамъ, усмѣхнулся князь.

— Николай Ардаліоновичъ! чуть не умиленнымъ голосомъ обратился Лебедевъ къ Колѣ: — имѣя сообщить князю о дѣлѣ, касающемся собственно...

— Ну да, разумѣется, разумѣется, не мое дѣло! До свиданія, князь! тотчасъ-же удалился Коля.

— Люблю ребенка за понятливость, произнесъ Лебедевъ, смотря ему вслѣдъ,—мальчикъ прыткій, хотя и назойливый. Чрезвычайное несчастіе испыталъ я, многоуважаемый князь, вчера вечеромъ или сегодня на разсвѣтѣ... еще колеблюсь означить точное время.

— Что̀ такое?

— Пропажа четырехсотъ рублей изъ боковаго кармана, многоуважаемый князь, окрестилъ! прибавилъ Лебедевъ съ кислою усмѣшкою.

— Вы потеряли четыреста рублей? Это жаль.

— И особенно бѣдному, благородно живущему своимъ трудомъ человѣку.

— Конечно, конечно; какъ такъ?

— Вслѣдствіе вина-съ. Я къ вамъ какъ къ Провидѣнію, многоуважаемый князь. Сумму четырехсотъ рублей серебромъ получилъ я вчера въ пять часовъ пополудни отъ одного должника, и съ позѣздомъ воротился сюда. Бумажникъ имѣлъ въ карманѣ. Перемѣнивъ вицъ-мундиръ на сюртукъ, переложилъ деньги въ сюртукъ, имѣя въ виду держать при себѣ, разсчитывая вечеромъ-же выдать ихъ по одной просьбѣ... ожидая повѣреннаго.

— Кстати, Лукьянъ Тимофеичъ, правда, что вы въ газетахъ публиковались, что даете деньги подъ золотыя и серебряныя вещи?

— Чрезъ повѣреннаго; собственнаго имени моего не означено, ниже адреса. Имѣя ничтожный капиталъ и въ видахъ приращенія фамиліи, согласитесь сами, что честный процентъ...

— Ну да, ну да; я только чтобъ освѣдомиться; извините, что прервалъ.

— Повѣренный не явился. Тѣмъ временемъ привезли несчастнаго; я уже былъ въ форсированномъ расположеніи пообѣдавъ; заняли эти гости, выпили... чаю, и... я повеселѣлъ къ моей пагубѣ. Когда-же, уже поздно, вошелъ этотъ Келлеръ и возвѣстилъ о вашемъ торжественномъ днѣ и о распоряженіи на счетъ шампанскаго, то я, дорогой и многоуважаемый князь, имѣя сердце (что̀ вы уже, вѣроятно, замѣтили, ибо я заслуживаю), имѣя сердце, не скажу чувствительное, но благодарное, чѣмъ и горжусь,— я, для нуждей торжественности изготовляемой встрѣчи и во ожиданіи лично поздравить васъ, вздy-

малъ пойдти перемѣнить старую рухлядь мою на снятый мною по возвращеніи моемъ вицъ-мундиръ, что̀ и исполнилъ, какъ, вѣроятно, князь, вы и замѣтили, видя меня въ вицъ-мундирѣ весь вечеръ. Перемѣняя одежду, забылъ въ сюртукѣ бумажникъ... Подлинно, когда Богъ восхощетъ наказать, то прежде всего восхититъ разумъ. И только сегодня, уже въ половинѣ восьмаго, пробудясь, вскочилъ какъ полоумный, схватился первымъ дѣломъ за сюртукъ, — одинъ пустой карманъ! Бумажника и слѣдъ простылъ.

— Ахъ, это непріятно!

— Именно непріятно; и вы съ истиннымъ тактомъ нашли сейчасъ надлежащее выраженіе, не безъ коварства прибавилъ Лебедевъ.

— Какъ-же однако... затревожился князь, задумываясь,—вѣдь это серіозно.

— Именно серіозно—еще другое отысканное вами слово, князь, для обозначенія...

— Ахъ, полноте, Лукьянъ Тимоѳеичъ, что̀ тутъ отыскивать? Важность не въ словахъ... Полагаете вы, что вы могли въ пьяномъ видѣ выронить изъ кармана?

— Могъ. Все возможно въ пьяномъ видѣ, какъ вы съ искренностью выразились, многоуважаемый князь. Но прошу разсудить-съ: если я вытрусилъ бумажникъ изъ кармана, перемѣняя сюртукъ, то вытрушенный предметъ долженъ былъ лежать тутъ-же на полу. Гдѣ-же этотъ предметъ-съ?

— Не заложили-ли вы куда нибудь въ ящикъ, въ столъ?

— Все перешкалъ, вездѣ перерылъ, тѣмъ болѣе, что никуда не пряталъ и никакого ящика не открывалъ, о чемъ ясно помню.

— Въ шканчикѣ смотрѣли?

— Первымъ дѣломъ-съ, и даже нѣсколько разъ уже сегодня... Да и какъ-бы могъ я заложить въ шканчикъ, истинно уважаемый князь?

— Признаюсь, Лебедевъ, это меня тревожитъ. Стало быть, кто нибудь нашелъ на полу?

— Или изъ кармана похитилъ! Двѣ альтернативы-съ.

— Меня это очень тревожитъ, потому что кто именно... Вотъ вопросъ!

— Безо всякаго сомнѣнія, въ этомъ главный вопросъ; вы удивительно точно находите слова и мысли и опредѣляете положенія, сіятельнѣйшій князь.

— Ахъ, Лукьянъ Тимоѳеичъ, оставьте насмѣшки, тутъ...

— Насмѣшки! вскричалъ Лебедевъ, всплеснувъ руками.

— Ну, ну, ну, хорошо, я вѣдь не сержусь; тутъ совсѣмъ другое... Я за людей боюсь. Кого вы подозрѣваете?

— Вопросъ труднѣйшій и... сложнѣйшій! Служанку подозрѣвать не могу: она въ своей кухнѣ сидѣла. Дѣтей родныхъ тоже...

— Еще бы.

— Стало быть, кто нибудь изъ гостей-съ.

— Но возможно-ли это?

— Совершенно и въ высшей степени невозможно, но непремѣнно такъ должно быть. Согласенъ однако-же допустить и даже убѣжденъ, что если была покража, то совершилась не вечеромъ, когда всѣ были въ сборѣ, а уже ночью или даже подъ утро, кѣмъ нибудь изъ заночевавшихъ.

— Ахъ, Боже мой!

— Бурдовскаго и Николая Ардаліоновича я естественно исключаю; они и не входили ко мнѣ-съ.

— Еще-бы, да если-бы даже и входили! Кто у васъ ночевалъ?

— Считая со мной ночевало насъ четверо, въ двухъ смежныхъ комнатахъ: я, генералъ, Келлеръ и господинъ Фердыщенко. Одинъ, стало быть, изъ насъ четверыхъ-съ!

— Изъ трехъ, то есть; но кто-же?

— Я причелъ и себя для справедливости и для порядку; но согласитесь, князь, что я обокрасть себя самъ не могъ, хотя подобные случаи и бывали на свѣтѣ...

— Ахъ, Лебедевъ, какъ это скучно! нетерпѣливо вскричалъ князь:—къ дѣлу, чего вы тянете!..

— Остаются, стало быть, трое-съ, и во первыхъ господинъ Келлеръ, человѣкъ непостоянный, человѣкъ пьяный и въ нѣкоторыхъ случаяхъ либералъ, то есть на счетъ кармана-съ; въ остальномъ-же съ наклонностями, такъ сказать, болѣе древне-рыцарскими чѣмъ либеральными. Онъ заночевалъ сначала здѣсь, въ комнатѣ больнаго, и уже ночью лишь перебрался къ намъ, подъ предлогомъ, что на голомъ полу жестко спать.

— Вы подозрѣваете его?

— Подозрѣвалъ-съ. Когда я въ восьмомъ часу утра вскочилъ какъ полоумный и хватилъ себя по лбу рукой, то тотчасъ-же разбудилъ генерала, спавшаго сномъ невинности. Приняв въ соображеніе странное исчезновеніе Фердыщенка, что уже одно возбудило въ насъ подозрѣніе, оба мы тотчасъ-же рѣшились обыскать Келлера, лежавшаго какъ... какъ... почти подобно гвоздю-съ. Обыскали совершенно: въ карманахъ ни одного сантима, и даже ни одного кармана не дырявого не нашлось. Носовой платокъ синій, клѣтчатый, бумажный, въ состояніи неприличномъ-съ. Далѣе любовная записка одна, отъ какой-то горничной, съ требованіемъ денегъ и угрозами, и клочки извѣстнаго вамъ фельетона-съ. Генералъ рѣ-

нилъ, что невиненъ. „Для полнѣйшихъ свѣдѣній мы его самого разбудили, насилу дотолкались; едва понялъ въ чемъ дѣло; разинулъ ротъ, видъ пьяный, выраженіе лица нелѣпое и невинное, даже глупое,—не онъ-съ!

— Ну, какъ я радъ! радостно вздохнулъ князь: — я таки за него боялся!

— Боялись? Стало быть, уже имѣли основанія къ тому? прищурился Лебедевъ.

— О, нѣтъ, я такъ, оѣкся князь,—я ужасно глупо сказалъ, что боялся. Сдѣлайте одолженіе, Лебедевъ, не передавайте никому...

— Князь, князь! Слова ваши въ моемъ сердцѣ... въ глубинѣ моего сердца! Тамъ могила-съ!.. восторженно проговорилъ Лебедевъ, прижимая иляну къ сердцу.

— Хорошо, хорошо!.. Стало быть, Фердыщенко? То есть я хочу сказать, вы подозрѣваете Фердыщенка?

— Кого-же болѣе? тихо произнесъ Лебедевъ, пристально смотря на князя.

— Ну да, разумѣется... кого-же болѣе... то есть, опять-таки, какія-же улики?

— Улики есть-съ. Во первыхъ, исчезновеніе въ семь часовъ или даже въ седьмомъ часу утра.

— Знаю, мнѣ Коля говорилъ, что онъ заходилъ къ нему и сказалъ, что идетъ доночевывать къ... забылъ къ кому, къ своему пріятелю.

— Вилкину-съ. Такъ, стало быть, Николай Ардаліоновичъ говорилъ уже вамъ?

— Онъ ничего не говорилъ о покражѣ.

— Онъ и не знаетъ, ибо я пока держу дѣло въ секретѣ. Итакъ, идетъ къ Вилкину; казалось-бы, что̀ мудренаго, что пьяный человѣкъ идетъ къ такому-же, какъ и онъ самъ, пьяному человѣку, хотя-бы даже и чѣмъ свѣтъ, и безо всякаго повода-съ? Но вотъ здѣсь-то и слѣдъ открывается: уходя, онъ оставляетъ адресъ... Теперь слѣдите, князь, вопросъ: зачѣмъ онъ оставилъ адресъ? Зачѣмъ онъ заходитъ нарочно къ Николаю Ардаліоновичу, дѣлая крюкъ-съ, и передастъ ему, что «иду, дескать, доночевывать къ Вилкину». И кто станетъ интересоваться тѣмъ, что онъ уходитъ и даже именно къ Вилкину? Къ чему возвѣщать? Нѣтъ, тутъ тонкость-съ, воровская тонкость! Это значитъ: «вотъ, дескать, нарочно не утаиваю слѣдовъ моихъ, какой-же я воръ послѣ этого? Развѣ-бы воръ возвѣстилъ куда онъ уходитъ?» Излишняя заботливость отвести подозрѣнія и, такъ сказать, стереть свои слѣды на пескѣ... Поняли вы меня, многоуважаемый князь?

— Понялъ, очень хорошо понялъ, но вѣдь этого мало?

— Вторая улика-съ: слѣдъ оказывается ложный, а данный адресъ неточный. Часъ спустя, то есть въ восемь часовъ, я уже стучался къ Вилкину; онъ тутъ въ Пятой улицѣ-съ, и даже знакомъ-съ. Никакого не оказалось Фердыщенка. Хоть и добился отъ служанки, совершенно глухой-съ, что назадъ тому часъ дѣйствительно кто-то стучался и даже довольно сильно, такъ что и колокольчикъ сорвалъ. Но служанка не отворила, не желая будить господина Вилкина, а, можетъ быть, и сама не желая подняться. Это бываетъ-съ.

— И тутъ всѣ ваши улики? Этого мало.

— Князь, но кого-же подозрѣвать-съ, разсудите? умилительно заключилъ Лебедевъ, и что-то лукавое проглянуло въ его усмѣшкѣ.

— Осмотрѣли-бы вы еще разъ комнаты и въ ящикахъ! озабоченно произнесъ князь послѣ нѣкоторой задумчивости.

— Осматривалъ-съ! еще умилительнѣе вздохнулъ Лебедевъ.

— Гм!.. и зачѣмъ, зачѣмъ вамъ было перемѣнять этотъ сюртукъ! воскликнулъ князь, въ досадѣ стукнувъ по столу.

— Вопросъ изъ одной старинной комедіи-съ. Но, благодушнѣйшій князь! Вы уже слишкомъ принимаете къ сердцу несчастье мое! Я не стою того. То есть, я одинъ не стою того; но вы страдаете и за преступника... за ничтожнаго господина Фердыщенка?

— Ну да, да, вы дѣйствительно меня озаботили, разсѣянно и съ неудовольствіемъ прервалъ его князь. — Итакъ, что-же вы намѣрены дѣлать... если вы такъ увѣрены, что это Фердыщенко?

— Князь, многоуважаемый князь, кто-же другой-съ? съ возраставшимъ умиленіемъ извивался Лебедевъ: — вѣдь немыслимѣе другаго на кого помыслить и, такъ сказать, совершенная невозможность подозрѣвать кого либо кромѣ господина Фердыщенка, вѣдь это, такъ сказать, еще улика противъ господина Фердыщенка, уже третья улика! Ибо опять-таки кто-же другой? Вѣдь не господина-же Бурдовскаго мнѣ заподозрить, хе-хе-хе!

— Ну, вотъ, вздоръ какой!

— Не генерала-же, наконецъ, хе-хе-хе!

— Что за дичь? почти сердито проговорилъ князь, нетерпѣливо поворачиваясь на мѣстѣ.

— Еще-бы не дичь! Хе-хе-хе! И насмѣшилъ-же меня человѣкъ, то есть генералъ-то-съ! Идемъ мы съ нимъ давеча по горячимъ слѣдамъ къ Вилкину-съ... а надо вамъ замѣтить, что генералъ былъ еще болѣе моего пораженъ, когда я, послѣ пропажи, первымъ дѣломъ его разбудилъ, даже такъ, что въ лицѣ измѣнился, покраснѣлъ, побѣднѣлъ, и, наконецъ, вдругъ въ такое ожесточенное

и благородное негодованіе вошелъ, что я даже и не ожидалъ такой степени-съ. Наиблагороднѣйшій человѣкъ! Ѣхетъ онъ безпрерывно, по слабости, по человѣкъ высочайшихъ чувствъ, человѣкъ при этомъ малосмысленный-съ, внушающій полнѣйшее довѣріе своею невинностью. Я вамъ уже говорилъ, многоуважаемый князь, что имѣю къ нему не только слабость, а даже любовь-съ. Вдругъ останавливается посреди̇ѣ улицы, распахиваетъ сюртукъ, открываетъ грудь: Обыскивай меня, говоритъ, ты Кеплера обыскивалъ, зачѣмъ-же ты меня не обыскиваешь? Того требуетъ, говоритъ, справедливость! У самого и руки, и ноги трясутся, даже весь побѣдительный, грозный такой. Я засмѣялся и говорю: слушай, говорю, генералъ, если-бы кто другой мнѣ это сказалъ про тебя, то я-бы тутъ-же собственными руками мою голову снялъ, положилъ-бы ее на большое блюдо и самъ-бы поднесъ ее на блюдѣ всѣмъ сомнѣвающимся: вотъ, дескать, видите эту голову, такъ вотъ этою собственною своею головой я за него поручусь, и не только голову, но даже въ огонь. Вотъ какъ я, говорю, за тебя ручаться готовъ! Тутъ онъ бросился мнѣ въ объятія, все среди улицы-съ, прослезился, дрожитъ и такъ крѣпко прижалъ меня къ груди, что я едва даже откашлялся: ты, говоритъ, единственный другъ, который остался мнѣ въ несчастіяхъ моихъ! Чувствительный человѣкъ-съ! Ну, разумѣется, тутъ-же дорогой и анекдотъ къ случаю разсказалъ о томъ, что его тоже будто-бы разъ, еще въ юности, заподозрили въ покражѣ пятисотъ тысячъ рублей, но что онъ на другой-же день бросился въ пламень горѣвшаго дома и вытащилъ изъ огня подозрѣвавшаго его графа и Нину Александровну, еще бывшую въ дѣвицахъ. Графъ его обнялъ, и такимъ образомъ произошелъ бракъ его съ Ниной Александровной, а на другой-же день въ пожарныхъ развалинахъ нашли и шкатулку съ пропавшими деньгами: была она желѣзная, англійскаго устройства, съ секретнымъ замкомъ, и какъ-то подъ полъ провалилась, такъ что никто и не замѣтилъ, и только чрезъ этотъ пожаръ отыскалась. Совершенная ложь-съ. Но когда о Нинѣ Александровнѣ заговоритъ, то даже захлебнется. Благороднѣйшая особа Нина Александровна, хоть на меня и сердита.

— Вы незнакомы?

— Почти что нѣтъ-съ, но всею душой желалъ-бы, хотя-бы только для того, чтобы предъ нею оправдаться. Нина Александровна въ претензіи на меня, что я будто-бы развращаю теперь ея супруга пьянствомъ. Но я не только не развращаю, но скорѣе укрощаю его; я его, можетъ быть, отвлекаю отъ компаніи нагубнѣйшей. Притомъ-же онъ мнѣ другъ-съ, и я, признаюсь вамъ, теперь ужъ не оставлю его-съ, то есть даже такъ-съ: куда онъ,

туда и я, потому что съ нимъ только чувствительностію одною и возьмешь. Теперь онъ даже совѣмъ не посѣщаетъ свою капитаншу, хотя втайнѣ и рвется къ ней, и даже иногда стонетъ по ней, особенно каждое утро, вставая и надѣвая сапоги, не знаю ужь почему въ это именно время. Денегъ у него нѣтъ-съ, вотъ бѣда, а къ той безъ денегъ явиться никакъ нельзя-съ. Не прислалъ онъ денегъ у васъ, многоуважаемый князь?

— Нѣтъ, не прислалъ.

— Стыдится. Онъ было и хотѣлъ; даже мнѣ признавался, что хочетъ васъ безпокоить, но стыдливъ-съ, такъ какъ вы еще недавно его одолжили, и сверхъ того полагаетъ, что вы не дадите. Онъ мнѣ какъ другу это излилъ.

— А вы ему денегъ не даете?

— Князь! Многоуважаемый князь! Не только деньги, но за этого человѣка я, такъ сказать, даже жизнью... нѣтъ, впрочемъ, преувеличивать не хочу, — не жизнью, но если, такъ сказать, лихорадку, нарывъ какой нибудь, или даже каторгу, — то ей-Богу готовъ буду перенести, если только за очень большую нужду; ибо считаю его за великаго, но погибшаго человѣка! Вотъ-съ: не только деньги-съ!

— Стало быть, деньги даете?

— И-нѣтъ-съ: денегъ я не давалъ-съ, и онъ самъ знаетъ, что я и не дамъ-съ, но вѣдь единственно въ видахъ воздержанія и исправленія его. Теперь увязался со мной въ Петербургъ: я въ Петербургъ вѣдь ѣду-съ, чтобы застать господина Фердыщенка по самымъ горячимъ слѣдамъ, ибо навѣрно знаю, что онъ уже тамъ-съ. Генералъ мой такъ и кипитъ-съ; но подозрѣваю, что въ Петербургѣ улизнетъ отъ меня, чтобы посѣтить капитаншу. Я, признаюсь, даже нарочно его отъ себя отпущу, какъ мы уже и условились по пріѣздѣ тотчасъ-же разойтись въ разныя стороны, чтобъ удобнѣе изловить господина Фердыщенка. Такъ вотъ я его отпущу, а потомъ вдругъ, какъ снѣгъ на голову, и застану его у капитанши, — собственно, чтобъ его пристыдить, какъ семейнаго человѣка, и какъ человѣка вообще говоря.

— Только не дѣлайте шуму, Лебедевъ, ради Бога не дѣлайте шуму, вполголоса и въ сильномъ безпокойствѣ проговорилъ князь.

— О, нѣтъ-съ, собственно лишь чтобы пристыдить и посмотрѣть, какую онъ физіономію сдѣлаетъ, — ибо многое можно по физіономіи заключить, многоуважаемый князь, и особенно въ такомъ человѣкѣ! Ахъ, князь! Хоть и велика моя собственная бѣда, но не могу даже и теперь не подумать о немъ и объ исправленіи его нравственности. Чрезвычайная просьба у меня къ вамъ, многоува

жаемый князь, даже признаюсь, затѣмъ собственно и пришелъ-съ: съ ихъ домомъ вы уже знакомы и даже жили у нихъ-съ; то если-бы вы, благодушнѣйшій князь, рѣшились мнѣ въ этомъ способствовать, собственно лишь для одного генерала и для счастія его...

Лебедевъ даже руки сложилъ, какъ-бы въ мольбѣ.

— Что-же? Какъ-же способствовать? Будьте увѣрены, что я весьма желаю васъ вполнѣ понять, Лебедевъ.

— Единственно въ сей увѣренности я къ вамъ и явился! Чрезъ Нину Александровну можно-бы подѣйствовать; наблюдая и, такъ сказать, слѣдя за его превосходительствомъ постоянно, въ нѣдрахъ собственнаго его семейства. Я къ несчастію незнакомъ-съ... къ тому-же тутъ и Николай Ардаліоновичъ, обожающій васъ, такъ сказать, всѣми нѣдрами своей юной души, пожалуй, могъ-бы помочь...

— Н-нѣтъ... Нину Александровну въ это дѣло... Боже сохрани! Да и Колю... Я, впрочемъ, васъ еще, можетъ быть, и не понимаю, Лебедевъ.

— Да тутъ и понимать совсѣмъ нечего! даже привскочилъ на стулѣ Лебедевъ: — одна, одна чувствительность и нѣжность — вотъ все лекарство для нашего больнаго. Вы, князь, позволяете мнѣ считать его за больнаго?

— Это даже показываетъ вашу деликатность и умъ.

— Объясню вамъ примѣромъ, для ясности взятымъ изъ практики. Вдите какой это человѣкъ-съ: тутъ у него теперь одна слабость къ этой капитаншѣ, къ которой безъ денегъ ему являться нельзя, и у которой я сегодня намѣренъ накрыть его, для его-же счастія-съ; но, положимъ, что не одна капитанша, а совершит онъ даже настоящее преступленіе, ну, тамъ, безчестнѣйшій проступокъ какой нибудь (хотя онъ и вполнѣ неспособенъ къ тому), то и тогда, говорю я, одною благородною, такъ сказать, нѣжностью съ нимъ до всего дойдешь, ибо чувствительнѣйшій человѣкъ-съ! Повѣрьте, что пяти дней не выдержитъ, самъ проговорится, заплачетъ и во всемъ сознается, — и особенно, если дѣйствовать ловко и благородно, чрезъ семейный и вашъ надзоръ за всѣми, такъ сказать, чертами и стопами его... О, благодушнѣйшій князь! вскочилъ Лебедевъ, даже въ какомъ-то вдохновеніи: — я вѣдь и не утверждаю, что онъ навѣрно... Я, такъ сказать, всю кровь мою за него готовъ хоть сейчасъ излить, хотя согласитесь, что невоздержаніе и пьянство, и капитанша, и все это вмѣстѣ взятое, могутъ до всего довести.

— Такой цѣли я, конечно, всегда готовъ способствовать, сказалъ князь, вставая, — только признаюсь вамъ, Лебедевъ, я въ безпокойствѣ ужасномъ; скажите, вѣдь вы все еще... однимъ словомъ, сами-же вы говорите, что подозрѣваете господина Фердыщенка.

— Да кого-же болѣе? Кого-же болѣе, искреннѣйшій князь? опять умилительно сложилъ руки Лебедевъ, умиленно улыбаясь.

Князь нахмурился и поднялся съ мѣста.

— Видите, Лукьянъ Тимоѳеичъ, тутъ странное дѣло въ ошибкѣ. Этотъ Фердыщенко... я-бы не желалъ говорить про него дурнаго... но этотъ Фердыщенко... то есть, кто знаетъ, можетъ быть, это и онъ!.. Я хочу сказать, что, можетъ быть, онъ и въ самомъ дѣлѣ способнѣе къ тому, чѣмъ... чѣмъ другой.

Лебедевъ навострилъ глаза и уши.

— Видите, запутывался и все болѣе и болѣе нахмуривался князь, расхаживая взадъ и впередъ по комнатѣ и стараясь не взглядывать на Лебедева, — мнѣ дали знать... мнѣ сказали про господина Фердыщенка, что будто-бы онъ, кромѣ всего, такой человѣкъ, при которомъ надо воздерживаться и не говорить ничего... лишняго, — понимаете? Я къ тому, что, можетъ быть, и дѣйствительно онъ былъ способнѣе чѣмъ другой... чтобы не ошибиться,— вотъ въ чемъ главное, понимаете?

— А кто вамъ сообщилъ это про господина Фердыщенка? такъ и вскинулся Лебедевъ.

— Такъ, мнѣ шепнули; я, впрочемъ, самъ этому не вѣрю... мнѣ ужасно досадно, что я принужденъ былъ это сообщить, увѣряю васъ, я самъ этому не вѣрю... это какой нибудь вздоръ... Фу, какъ я глупо сдѣлалъ!

— Видите, князь, весь даже затрясся Лебедевъ,—это важно, это слишкомъ важно теперь, то есть не на счетъ господина Фердыщенка, а на счетъ того, какъ къ вамъ дошло это извѣстіе. (Говоря это, Лебедевъ бѣгалъ вслѣдъ за княземъ взадъ и впередъ, стараясь ступать съ нимъ въ ногу).—Вотъ что̀, князь, и я теперь сообщу: давеча генералъ, когда мы съ нимъ шли къ этому Вилкину, послѣ того какъ уже онъ мнѣ разсказалъ о пожарѣ, и, кипя, разумѣется, гнѣвомъ, вдругъ началъ мнѣ намекать тоже самое про господина Фердыщенка, но такъ нескладно и неладно, что я поневолѣ сдѣлалъ ему нѣкоторые вопросы, и вслѣдствіе того убѣдился вполнѣ, что все это извѣстіе единственно одно вдохновеніе его превосходительства... Собственно, такъ сказать, изъ одного благодушія. Ибо онъ и лжетъ единственно потому, что не можетъ сдержать умиленія. Теперь изволите видѣть-съ: если онъ солгалъ, а я въ этомъ увѣренъ, то какимъ-же образомъ и вы могли объ этомъ услышать? Поймите, князь, вѣдь это было въ немъ вдохновеніе минуты,—то кто-же, стало быть, вамъ-то сообщилъ? Это важно-съ и... такъ сказать...

— Мнѣ сказалъ это сейчасъ Коля, а ему сказалъ давеча отецъ,

котораго онъ встрѣтилъ въ шесть часовъ, въ седьмомъ, въ сѣняхъ, когда вышелъ за чѣмъ-то.

И князь разсказалъ все въ подробности.

— Ну вотъ-съ, это, что называется, слѣдъ-съ, потирая руки, неслышно смѣялся Лебедевъ:—такъ я и думалъ-съ! Это значитъ, что его превосходительство нарочно прерывали свой сонъ невинности, въ шестомъ часу, чтобъ идти разбудить любимаго сына и сообщить о чрезвычайной опасности сосѣдства съ господиномъ Фердыщенкомъ! Каковъ-же послѣ того опасный человѣкъ господинъ Фердыщенко, и каково родительское безпокойство его превосходительства, хе-хе-хе!...

— Послушайте, Лебедевъ, смутился князь окончательно,—послушайте, дѣйствуйте тихо! Не дѣлайте шуму! Я васъ прошу, Лебедевъ, я васъ умоляю .. Въ такомъ случаѣ клянусь, я буду содѣйствовать, но чтобы никто не зналъ; чтобы никто не зналъ!

— Будьте увѣрены, благодушнѣйшій, искреннѣйшій и благороднѣйшій князь, вскричалъ Лебедевъ въ рѣшительномъ вдохновеніи,—будьте увѣрены, что все сіе умретъ въ моемъ благороднѣйшемъ сердцѣ! Тихими стопами-съ, вмѣстѣ! Тихими стопами-съ вмѣстѣ! Я-же всю даже кровь мою... Сіятельнѣйшій князь, я низокъ и духомъ и духомъ, но спросите всякаго даже подлеца, не только низкаго человѣка: съ кѣмъ ему лучше дѣло имѣть, съ такимъ-ли какъ онъ подлецомъ или съ наиблагороднѣйшимъ человѣкомъ какъ вы, искреннѣйшій князь? Онъ отвѣтитъ, что съ наиблагороднѣйшимъ человѣкомъ и въ томъ торжество добродѣтели! До свиданія, многоуважаемый князь! Тихими стопами... тихими стопами и... вмѣстѣ-съ.

X.

Князь понялъ, наконецъ, почему онъ холодѣлъ каждый разъ, когда прикасался къ этимъ тремъ письмамъ, и почему онъ отдалялъ минуту прочесть ихъ до самаго вечера. Когда онъ, еще давеча утромъ, забылся тяжелымъ сномъ на своей кушеткѣ, все еще не рѣшаясь раскрыть который нибудь изъ этихъ трехъ конвертовъ, ему опять приснился тяжелый сонъ, и опять приходила къ нему также «преступница». Она опять смотрѣла на него со сверкавшими слезами на длинныхъ рѣсницахъ, опять звала его за собой, и опять онъ пробудился, какъ давеча, съ мученіемъ припоминая ея лицо. Онъ хотѣлъ было пойдти къ *ней* тотчасъ-же, но не могъ; наконецъ, почти въ отчаяніи, развернулъ письма и сталъ читать.

Эти письма тоже походили на сонъ. Иногда снятся страшные сны, невозможные и нестественные; пробудясь, вы припоминаете ихъ ясно и удивляетесь страшному факту. Вы помните прежде всего, что разумъ не оставлялъ васъ во все это долгое, долгое время, когда васъ окружали убійцы, когда они съ вами хитрили, скрывали свое намѣреніе, обращались съ вами дружески, тогда какъ у нихъ уже было на готовѣ оружіе, и они лишь ждали какого-то знака; вы вспоминаете какъ хитро вы ихъ, наконецъ, обманули, спрятались отъ нихъ; потомъ вы догадались, что они наизусть знаютъ весь вашъ обманъ и не показываютъ вамъ только вида, что знаютъ гдѣ вы спрятались; но вы схитрили и обманули ихъ опять, все это вы припоминаете ясно. Но почему-же въ тоже самое время разумъ вашъ могъ помириться съ такими очевидными нелѣпостями и невозможностями, которыми, между прочимъ, былъ сплошь наполненъ вашъ сонъ? Одинъ изъ вашихъ убійцъ въ вашихъ глазахъ обратился въ женщину, а изъ женщины въ маленькаго, хитраго, гадкаго карлика,—и вы все это допустили тотчасъ-же, какъ совершившійся фактъ, почти безъ малѣйшаго недоумѣнія, и именно въ то самое время, когда съ другой стороны вашъ разумъ былъ въ сильнѣйшемъ напряженіи, выказывалъ чрезвычайную силу, хитрость, догадку, логику? Почему тоже, пробуждясь отъ сна и совершенно уже войдя въ дѣйствительность, вы чувствуете почти каждый разъ, а иногда съ необыкновенною силой впечатлѣнія, что вы оставляете вмѣстѣ со сномъ что-то для васъ неразгаданное. Вы усмѣхаетесь нелѣпости вашего сна и чувствуете въ тоже время, что въ сплетеніи этихъ нелѣпостей заключается какая-то мысль, но мысль уже дѣйствительная, нѣчто принадлежащее къ вашей настоящей жизни, нѣчто существующее и всегда существовавшее въ вашемъ сердцѣ: вамъ какъ будто было сказано вашимъ сномъ что-то новое, пророческое, ожидаемое вами; впечатлѣніе ваше сильно, оно радостное или мучительное, но въ чемъ оно заключается и что было сказано вамъ—всего этого вы не можете ни понять, ни припомнить.

Почти то-же было и послѣ этихъ писемъ. Но еще и не развертывая ихъ, князь почувствовалъ, что самый уже фактъ существованія и возможности ихъ похожъ на кошмаръ. Какъ рѣшилась *она* *сй* писать, спрашивалъ онъ, бродя вечеромъ одинъ (иногда даже самъ не помня гдѣ ходитъ). Какъ могла она *объ этомъ* писать, и какъ могла такая безумная мечта зародиться въ ея головѣ? Но мечта эта была уже осуществлена и всего удивительнѣе для него было то, что пока онъ читалъ эти письма, онъ самъ почти вѣрилъ въ возможность и даже въ оправданіе этой мечты. Да, конечно, это былъ сонъ, кошмаръ и безуміе: но тутъ-же заключалось

и что-то такое, что̀ было мучительно-дѣйствительное и страдальчески-справедливое, что̀ оправдывало и сонъ, и кошмаръ, и безуміе. Нѣсколько часовъ сряду онъ какъ будто бредилъ тѣмъ, что̀ прочиталъ, припоминалъ поминутно отрывки, останавливался на нихъ, вдумывался въ нихъ. Иногда ему даже хотѣлось сказать себѣ, что онъ все это предчувствовалъ и предугадывалъ прежде: даже казалось ему, что какъ будто онъ уже читалъ это все, когда-то давно, давно, и все, о чемъ онъ тосковалъ съ тѣхъ поръ, все, чѣмъ онъ мучился и чего боялся,—все это заключалось въ этихъ давно уже прочитанныхъ имъ письмахъ.

«Когда вы разверните это письмо (такъ начиналось первое посланіе), вы прежде всего взглянете на подпись. Подпись все вамъ скажетъ и все разъяснитъ, такъ что мнѣ нечего предъ вами оправдываться и нечего вамъ разъяснять. Будь я хоть сколько нибудь вамъ равна, вы-бы могли еще обидѣться такою дерзостью; но кто я и кто вы? Мы двѣ такія противоположности, и я до того предъ вами изъ ряду вонъ, что я уже никакъ не могу васъ обидѣть, даже если-бъ и захотѣла».

Далѣе въ другомъ мѣстѣ она писала:

«Не считайте моихъ словъ больнымъ восторгомъ больнаго ума, но вы для меня—совершенство! Я васъ видѣла, я вижу васъ каждый день. Вѣдь я не сужу васъ; я не разсудкомъ дошла до того, что вы совершенство: я просто увѣровала. Но во мнѣ есть и грѣхъ предъ вами: я васъ люблю. Совершенство нельзя вѣдь любить; на совершенство можно только смотрѣть какъ на совершенство, не такъ-ли? А между тѣмъ я въ васъ влюблена. Хоть любовь и равняетъ людей, но не безпокойтесь, я васъ къ себѣ не приравнивала, даже въ самой затаенной мысли моей. Я вамъ написала: «не безпокойтесь»: развѣ вы можете безпокоиться?.. Если-бы было можно, я-бы цѣловала слѣды вашихъ ногъ. О, я не равняюсь съ вами... Смотрите на подпись, скорѣе смотрите на подпись!»

«Я однако-же замѣчаю (писала она въ другомъ письмѣ), что я васъ съ нимъ соединяю, и ни разу не спросила еще, любите-ли вы его? Онъ васъ полюбилъ, видя васъ только однажды. Онъ о васъ какъ о «свѣтѣ» вспоминалъ; это его собственныя слова, я ихъ отъ него слышала. Но я и безъ словъ поняла, что вы для него свѣтъ. Я цѣлый мѣсяцъ подлѣ него прожила и тутъ поняла, что и вы его любите; вы и онъ для меня одно».

«Что это (пишетъ она еще) вчера я прошла мимо васъ, и вы какъ будто покраснѣли? Не можетъ быть, это мнѣ такъ показалось. Если васъ привести даже въ самый грязный вертепъ и показать вамъ обнаженный порокъ, то вы не должны краснѣть; вы никакъ

не можете негодовать изъ-за обиды. Вы можете ненавидѣть всѣхъ подлыхъ и низкихъ, но не за себя, а за другихъ, за тѣхъ, кого они обижаютъ. Васъ-же никому нельзя обидѣть. Знаете, мнѣ кажется, вы даже должны любить меня. Для меня вы тоже, что̀ и для него: свѣтлый духъ; ангелъ не можетъ ненавидѣть, не можетъ и не любить. Можно-ли любить всѣхъ, всѣхъ людей, всѣхъ своихъ ближнихъ,—я часто задавала себѣ этотъ вопросъ? Конечно нѣтъ и даже неестественно. Въ отвлеченной любви къ человѣчеству любишь почти всегда одного себя. Но это намъ невозможно, а вы другое дѣло: какъ могли-бы вы не любить хоть кого нибудь, когда вы ни съ кѣмъ себя не можете сравнивать, и когда вы выше всякой обиды, выше всякаго личнаго негодованія? Вы одинъ можете любить безъ эгоизма, вы одинъ можете любить не для себя самой, а для того, кого вы любите. О, какъ горько было-бы мнѣ узнать, что вы чувствуете изъ-за меня стыдъ или гнѣвъ! Тутъ ваша погибель: вы разомъ сравняетесь со мной...

«Вчера я, встрѣтивъ васъ, пришла домой и выдумала одну картину. Христа пишутъ живописцы все по евангельскимъ сказаніямъ; я-бы написала иначе: я-бы изобразила Его одного,— оставляли-же Его иногда ученики одного. Я оставила-бы съ Нимъ только одного маленькаго ребенка. Ребенокъ игралъ подлѣ него; можетъ быть, разсказывалъ Ему что нибудь на своемъ дѣтскомъ языкѣ, Христосъ его слушалъ, но теперь задумался: рука Его невольно, забывчиво осталась на свѣтлой головкѣ ребенка. Онъ смотритъ вдаль, въ горизонтъ; мысль, великая какъ весь міръ, покоится въ Его взглядѣ: лицо грустное. Ребенокъ замолкъ, облокотился на Его колѣна, и подперши ручкой щеку, подялъ головку и задумчиво, какъ дѣти иногда задумываются, пристально на Него смотритъ. Солнце заходитъ... Вотъ моя картина! Вы невинны, и въ вашей невинности все совершенство ваше. О, помните только это! Что̀ вамъ за дѣло до моей страсти къ вамъ? Вы теперь уже моя, я буду всю жизнь около васъ... Я скоро умру».

Наконецъ, въ самомъ послѣднемъ письмѣ было:

«Ради Бога, не думайте обо мнѣ ничего: не думайте тоже, что я унижаю себя тѣмъ, что такъ пишу вамъ, или что я принадлежу къ такимъ существамъ, которымъ наслажденіе себя унижать, хотябы даже и изъ гордости. Нѣтъ, у меня свои утѣшенія; но мнѣ трудно вамъ разъяснить это. Мнѣ трудно было-бы даже и себѣ сказать это ясно, хоть я и мучаюсь этимъ. Но я знаю, что не могу себя унизить даже и изъ припадка гордости. А къ самоуниженію отъ чистоты сердца я не способна. А, стало быть, я вовсе и не унижаю себя.

Почему я васъ хочу соединить: для васъ, или для себя? Для себя, разумѣется, тутъ всѣ разрѣшенія мои, я такъ сказала себѣ давно... Я слышала, что ваша сестра Аделаида сказала тогда про мой портретъ, что съ такою красотой можно міръ перевернуть. Но я отказалась отъ міра; вамъ смѣшно это слышать отъ меня, встрѣчая меня въ кружевахъ и въ брилліантахъ, съ пьяницами и негодяями? Не смотрите на это, я уже почти не существую, и знаю это: Богъ знаетъ, что̀ вмѣсто меня живетъ во мнѣ. Я читаю это каждый день въ двухъ ужасныхъ глазахъ, которые постоянно на меня смотрятъ, даже и тогда, когда ихъ нѣтъ предо мной. Эти глаза теперь *молчатъ* (они все молчатъ), но я знаю ихъ тайну. У него домъ мрачный, скучный, и въ немъ тайна. Я увѣрена, что у него въ ящикѣ спрятана бритва, обмотанная шелкомъ, какъ и у того, московскаго убійцы: тотъ тоже жилъ съ матерью въ одномъ домѣ и тоже перевязалъ бритву шелкомъ, чтобы перерѣзать одно горло. Все время, когда я была у нихъ въ домѣ, мнѣ все казалось, что гдѣ нибудь, подъ половицей, еще отцомъ его, можетъ быть, спрятанъ мертвый и накрытъ клеенкой, какъ и тотъ московскій, и также обставленъ кругомъ стклянками со жидковскою жидкостью, я даже показала-бы вамъ уголъ. Онъ все молчитъ: но вѣдь я знаю, что онъ до того меня любитъ, что уже не могъ не возненавидѣть меня. Ваша свадьба и моя свадьба — вмѣстѣ: такъ мы съ нимъ назначили. У меня тайнъ отъ него нѣтъ. Я-бы его убила со страху... Но онъ меня убьетъ прежде... онъ засмѣялся сейчасъ и говоритъ, что я брежу; онъ знаетъ, что я къ вамъ пишу».

И много, много было такого-же бреду въ этихъ письмахъ. Одно изъ нихъ, второе, было на двухъ почтовыхъ листахъ, мелко исписанныхъ, большаго формата.

Князь вышелъ, наконецъ, изъ темнаго парка, въ которомъ долго скитался какъ и вчера. Свѣтлая, и прозрачная ночь показалась ему еще свѣтлѣе обыкновеннаго; «неужели еще такъ рано? подумалъ онъ. (Часы онъ забылъ захватить). Гдѣ-то какъ будто послышалась ему отдаленная музыка; «въ вокзалѣ должно быть, подумалъ онъ опять: — «конечно, они не поняли туда сегодня». Сообразивъ это, онъ увидалъ, что стоитъ у самой ихъ дачи: онъ такъ и зналъ, что долженъ былъ непремѣнно очутиться, наконецъ, здѣсь и, замирая сердцемъ, ступилъ на террасу. Никто его не встрѣтилъ, терраса была пуста. Онъ подождалъ и отворилъ дверь въ залу. «Эта дверь никогда у нихъ не затворялась», мелькнуло въ немъ, но и зала была пуста; въ ней было совсѣмъ почти темно. Онъ сталъ среди комнаты въ недоумѣніи. Вдругъ отворилась дверь

и вошла Александра Ивановна со свѣчой въ рукахъ. Увидѣвъ князя, она удивилась и остановилась предъ нимъ, какъ-бы спрашивая. Очевидно, она проходила только чрезъ комнату, изъ одной двери въ другую, совсѣмъ не думая застать кого нибудь.

— Какъ вы здѣсь очутились? проговорила она, наконецъ.

— Я... зашелъ...

— Маман не совсѣмъ здорова, Аглая тоже. Аделаида ложится спать, я тоже иду. Мы сегодня весь вечеръ дома одни просидѣли. Папаша и князь въ Петербургѣ.

— Я пришелъ... я пришелъ къ вамъ... теперь...

— Вы знаете который часъ?

— Н-нѣтъ...

— Половина перваго. Мы всегда въ часъ ложимся.

— Ахъ, я думалъ, что... половина десятаго.

— Ничего! засмѣялась она. — А зачѣмъ вы давеча не пришли? Вась, можетъ быть, и ждали.

— Я... думалъ... лепеталъ онъ уходя.

— До свиданья! Завтра всѣхъ насмѣшу.

Онъ пошелъ по дорогѣ, огибающей паркъ, къ своей дачѣ. Сердце его стучало, мысли путались, и все кругомъ него какъ-бы походило на сонъ. И вдругъ, также какъ и давеча, когда онъ оба раза проснулся на одномъ и томъ-же видѣніи, то-же видѣніе опять предстало ему. Та-же женщина вышла изъ парка и стала предъ нимъ, точно ждала его тутъ. Онъ вздрогнулъ и остановился: она схватила его руку и крѣпко сжала ее. «Нѣтъ, это не видѣніе!»

И вотъ, наконецъ, она стояла предъ нимъ лицомъ къ лицу, въ первый разъ послѣ ихъ разлуки; она что-то говорила ему, но онъ молча смотрѣлъ на нее; сердце его переполнилось и заныло отъ боли. О, никогда потомъ не могъ онъ забыть эту встрѣчу съ ней и вспоминалъ всегда съ одинаковою болью. Она опустилась предъ нимъ на колѣни, тутъ-же на улицѣ, какъ изступленная; онъ отступилъ въ испугѣ, а она ловила его руку, чтобы цѣловать ее, и точно также, какъ и давеча въ его снѣ, слезы блистали теперь на ея длинныхъ рѣсницахъ.

— Встань, встань! говорилъ онъ испуганнымъ шепотомъ, поднимая ее:—встань скорѣе!

— Ты счастливъ? Счастливъ? спрашивала она. «Мнѣ только одно слово сказки, счастливъ ты теперь? Сегодня, сейчасъ? У нея? Что она сказала?

Она не подымалась, она не слушала его: она спрашивала сама и спѣшила говорить, какъ будто за ней была погоня.

— Я ѣду завтра, какъ ты приказалъ. Я не буду... Въ послѣд-

ній вѣдь разъ я тебя вижу, въ послѣдній! Теперь ужь совсѣмъ вѣдь въ послѣдній разъ!

— Успокойся, встань! проговорилъ онъ въ отчаяніи.

Она жадно всматривалась въ него, схватившись за его руки.

— Прощай! сказала она наконецъ, встала и быстро пошла отъ него, почти побѣжала. Князь видѣлъ, что подлѣ нея вдругъ очутился Рогожинъ, подхватилъ ее подъ руку и повелъ.

— Подожди, князь, крикнулъ Рогожинъ,—я черезъ пять минутъ ворочусь на время.

Черезъ пять минутъ онъ пришелъ дѣйствительно; князь ждалъ его на томъ-же мѣстѣ.

— Въ экипажъ посадилъ, сказалъ онъ;—тамъ на углу съ десяти часовъ коляска ждала. Она такъ и знала, что ты у той весь вечеръ пробудешь. Давешнее, что̀ ты мнѣ написалъ, въ точности передалъ. Писать она къ той больше не станетъ: обѣщалась; и отсюда, по желанію твоему, завтра уѣдетъ. Захотѣла тебя видѣть на послѣдяхъ, хоть ты и отказался; тутъ на этомъ мѣстѣ тебя и поджидали, какъ обратно пойдешь, вотъ тамъ на той скамьѣ.

— Она сама тебя съ собой взяла?

— А что̀-жь? осклабился Рогожинъ:—увидѣлъ то, что̀ и зналъ. Письма-то прочиталъ знать?

— А ты развѣ ихъ вправду читалъ? спросилъ князь, пораженный этою мыслью.

— Еще-бы; всякое письмо мнѣ сама показывала. Про бритву-то помнишь, хе! хе!

— Безумная! вскричалъ князь, ломая свои руки.

— Кто про то знаетъ, можетъ и нѣтъ, тихо проговорилъ Рогожинъ, какъ-бы про себя.

Князь не отвѣтилъ.

— Ну, прощай, сказалъ Рогожинъ,—вѣдь и я завтра поѣду: лихомъ не поминай! А что̀, братъ, прибавилъ онъ, быстро обернувшись,—что̀-жь ты ей въ отвѣтъ ничего не сказалъ? Ты-то счастливъ или нѣтъ?

— Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ! воскликнулъ князь съ безпредѣльною скорбью.

— Еще-бы сказалъ: «да!» злобно разсмѣялся Рогожинъ, и пошелъ не оглядываясь.

Часть четвертая.

I.

Прошло съ недѣлю послѣ свиданія двухъ лицъ нашего разсказа на зеленой скамейкѣ. Въ одно свѣтлое утро, около половины одиннадцатаго, Варвара Ардаліоновна Птицына, выѣдшая посѣтить кой-кого изъ своихъ знакомыхъ, возвратилась домой въ больной и прискорбной задумчивости.

Есть люди, о которыхъ трудно сказать что нибудь такое, что̀ представило-бы ихъ разомъ и цѣликомъ, въ ихъ самомъ типическомъ и характерномъ видѣ; это тѣ люди, которыхъ обыкновенно называютъ людьми «обыкновенными», «большинствомъ», и которые, дѣйствительно, составляютъ огромное большинство всякаго общества. Писатели въ своихъ романахъ и повѣстяхъ большею частію стараются брать типы общества и представлять ихъ образно и художественно,—типы, чрезвычайно рѣдко встрѣчающіеся въ дѣйствительности цѣликомъ, и которые тѣмъ не менѣе почти дѣйствительнѣе самой дѣйствительности. Подколесинъ въ своемъ типическомъ видѣ, можетъ быть, даже и преувеличеніе, но отнюдь не небывальщина. Какое множество умныхъ людей, узнавъ отъ Гоголя про Подколесина, тотчасъ-же стали находить, что десятки и сотни ихъ добрыхъ знакомыхъ и друзей ужасно похожи на Подколесина. Они и до Гоголя знали, что эти друзья ихъ такіе какъ Подколесинъ, но только не знали еще, что они именно такъ называются. Въ дѣйствительности женихи ужасно рѣдко прыгаютъ изъ окошекъ предъ своими свадьбами, потому что это, не говоря уже о прочемъ, даже и неудобно; тѣмъ не менѣе сколько женіховъ, даже людей достойныхъ и умныхъ, предъ вѣнцомъ сами себя въ глубинѣ совѣсти готовы были при-

знать Подколесиными. Не вѣ тоже мужья кричать на каждомъ шагу: Tu l'as voulu George Dandin! Но, Боже, сколько милліоновъ и билліоновъ разъ повторялся мужьями цѣлаго свѣта этотъ сердечный крикъ послѣ ихъ медоваго мѣсяца, и кто знаетъ, можетъ быть, и на другой-же день послѣ свадьбы.

Итакъ, не вдаваясь въ болѣе серіозныя объясненія, мы скажемъ только, что въ дѣйствительности типичность лицъ какъ-бы разбавляется водой, и вѣ эти Жоржъ-Данденъ и Подколесины существуютъ дѣйствительно, снуютъ и бѣгаютъ предъ нами ежедневно, но какъ-бы нѣсколько въ разжиженномъ состояніи. Оговорившись, наконецъ, въ томъ, для полноты истины, что и весь Жоржъ-Данденъ цѣликомъ, какъ его создалъ Мольеръ, тоже можетъ встрѣтиться въ дѣйствительности, хотя и рѣдко, мы тѣмъ закончимъ наше разсужденіе, которое начинаетъ становиться похожимъ на журнальную критику. Тѣмъ не менѣе, все-таки предъ нами остается вопросъ: что̀ дѣлать романисту съ людьми ординарными, совершенно обыкновенными, и какъ выставить ихъ передъ читателемъ, чтобы сдѣлать ихъ хоть сколько нибудь интересными? Совершенно миновать ихъ въ разсказѣ никакъ нельзя, потому что ординарные люди поминутно и въ большинствѣ необходимое звено въ связи житейскихъ событій; миновавъ ихъ, стало быть, нарушимъ правдоподобіе. Наполнять романы одними типами или даже просто, для интереса, людьми странными и небывалыми, было-бы неправдоподобно, да пожалуй, и не интересно. По нашему, писателю надо стараться отыскивать интересные и поучительные оттѣнки даже и между ординарностями. Когда-же, напримѣръ, самая сущность нѣкоторыхъ ординарныхъ лицъ именно заключается въ ихъ всегдашней и неизмѣнной ординарности или, что̀ еще лучше, когда не смотря на всѣ чрезвычайныя усилія этихъ лицъ выйдти во что-бы ни стало изъ колеи обыкновенности и рутины, они все-таки кончаютъ тѣмъ, что остаются неизмѣнно и вѣчно одною только рутиной, тогда такія лица получаютъ даже нѣкоторую своего рода и типичность,—какъ ординарность, которая ни за что̀ не хочетъ остаться тѣмъ что̀ она есть и во что-бы то ни стало хочетъ стать оригинальною и самостоятельною, не имѣя ни малѣйшихъ средствъ къ самостоятельности.

Къ этому-то разряду обыкновенныхъ или ординарныхъ людей принадлежатъ и нѣкоторыя лица нашего разсказа, досель (сознаюсь въ томъ) мало разъясненныя читателю. Таковы именно Варвара Ардаліоновна Птицына, супругъ ея, господинъ Птицынъ, Гаврила Ардаліоновичъ, ея братъ.

Въ самомъ дѣлѣ, нѣтъ ничего досаднѣе какъ быть, напримѣръ, богатымъ, порядочной фамиліи, приличной наружности, недурно обра-

зованнымъ, не глупымъ, даже добрымъ, и въ тоже время не имѣть никакого таланта, никакой особенности, никакого даже чудачества, ни одной своей собственной идеи, быть рѣшительно какъ и всѣ. Богатство есть, но не Ротшильдово: фамилія честная, но ничѣмъ никогда себя не ознаменовавшая; наружность приличная, но очень мало выражающая: образованіе порядочное, но не знаешь на что его употребить: умъ есть, но безъ *своихъ идей:* сердце есть, но безъ великодушія, и т. д., и т. д. во всѣхъ отношеніяхъ. Такихъ людей на свѣтѣ чрезвычайное множество и даже гораздо болѣе чѣмъ кажется; они раздѣляются, какъ и всѣ люди, на два главные разряда: одни ограниченные, другіе гораздо поумнѣе. Первые счастливѣе. Ограниченному — обыкновенному — человѣку нѣтъ, напримѣръ, ничего легче какъ вообразить себя человѣкомъ необыкновеннымъ и оригинальнымъ и усладиться тѣмъ безъ всякихъ колебаній. Стоило нѣкоторымъ изъ нашихъ барышень остричь себѣ волосы, надѣть синія очки и именоваться нигилистками, чтобы тотчасъ-же убѣдиться, что, надѣвъ очки, онѣ немедленно стали имѣть свои собственныя убѣжденія. Стоило иному только капельку почувствовать въ сердцѣ своемъ что нибудь изъ какого нибудь общечеловѣческаго и добраго ощущенія, чтобы немедленно убѣдиться, что ужь никто такъ не чувствуетъ какъ онъ, что онъ передовой въ общемъ развитіи. Стоило иному на-слово принять какую нибудь мысль или прочитать страничку чего нибудь безъ начала и конца, чтобы тотчасъ повѣрить, что это — свои собственныя мысли — и въ его собственномъ мозгу зародились. Наглость наивности, если можно такъ выразиться, въ такихъ случаяхъ доходитъ до удивительнаго: все это невѣроятно, но встрѣчается поминутно. Эта наглость наивности, эта несомнѣваемость глупаго человѣка въ себѣ и въ своемъ талантѣ, превосходно выставлена Гоголемъ въ удивительномъ типѣ поручика Пирогова. Пироговъ даже и не сомнѣвается въ томъ, что онъ геній, даже выше всякаго генія; до того не сомнѣвается, что даже и вопроса себѣ объ этомъ ни разу не задаетъ: впрочемъ, вопросовъ для него и не существуетъ. Великій писатель принужденъ былъ его, наконецъ, высѣчь для удовлетворенія оскорбленнаго нравственнаго чувства своего читателя, но, увидѣвъ, что великій человѣкъ только встряхнулся и для подкрѣпленія силъ послѣ истязанія съѣлъ слоеный пирожокъ, развелъ въ удивленіи руки и такъ оставилъ своихъ читателей. Я всегда горевалъ, что великій Пироговъ взятъ Гоголемъ въ такомъ маленькомъ чинѣ, потому что Пироговъ до того самоудовлетворимъ, что ему нѣтъ ничего легче какъ вообразить себя, по мѣрѣ толстѣющихъ и крутящихся на немъ съ годами и по линіи эполетъ, чрезвычайнымъ, напримѣръ, полководц-

цемъ; даже и не вообразить, а просто не сомнѣваться въ этомъ: произвели въ генералы, какъ-же не полководецъ? И сколько изъ такихъ дѣлаютъ потомъ ужасныя фіаско на полѣ брани? А сколько было Пироговыхъ между нашими литераторами, учеными, пропагандистами. Я говорю «было», но ужь, конечно, есть и теперь...

Дѣйствующее лицо нашего разсказа, Гаврила Ардаліоновичъ Иволгинъ, принадлежалъ къ другому разряду; онъ принадлежалъ къ разряду людей «гораздо поумнѣе», хотя весь, съ ногъ до головы, былъ заражонъ желаніемъ оригинальности. Но этотъ разрядъ, какъ мы уже и замѣтили выше, гораздо несчастнѣе перваго. Въ томъ-то и дѣло, что *умный* «обыкновенный» человѣкъ, даже если-бъ и воображалъ себя мимоходомъ (а, пожалуй, и во всю свою жизнь) человѣкомъ геніальнымъ и оригинальнѣйшимъ, тѣмъ не менѣе сохраняетъ съ сердцѣ своемъ червячка сомнѣнія, который доводитъ до того, что умный человѣкъ кончаетъ иногда совершеннымъ отчаяніемъ; если-же и покоряется, то уже совершенно отравившись вогнаннымъ внутрь тщеславіемъ. Впрочемъ, мы во всякомъ случаѣ взяли крайность: въ огромномъ большинствѣ этого *умнаго* разряда людей дѣло происходитъ вовсе не такъ трагически; портится развѣ подъ конецъ лѣтъ печенка, болѣе или менѣе, вотъ и все. Но все-таки, прежде чѣмъ смириться и покориться, эти люди чрезвычайно долго иногда куралесятъ, начиная съ юности до покоряющагося возраста, и все изъ желанія оригинальности. Встрѣчаются даже странные случаи: изъ-за желанія оригинальности иной честный человѣкъ готовъ рѣшиться даже на низкое дѣло; бываетъ даже и такъ, что иной изъ этихъ несчастныхъ не только честенъ, но даже и добръ, провидѣніе своего семейства, содержитъ и питаетъ своими трудами даже чужихъ, не только своихъ, и что-же? всю-то жизнь не можетъ успокоиться! Для него нисколько не успокоительна и не утѣшительна мысль, что онъ такъ хорошо исполнилъ свои человѣческія обязанности; даже, напротивъ, она-то и раздражаетъ его: «Вотъ, дескать, на что̀ ухлопалъ я всю мою жизнь, вотъ что̀ связало меня по рукамъ и по ногамъ, вотъ что̀ помѣшало мнѣ открыть порохъ! Не было-бы этого, я, можетъ быть, непремѣнно-бы открылъ,— либо порохъ, либо Америку,— навѣрно еще не знаю что̀, но только непремѣнно-бы открылъ!» Всего характернѣе въ этихъ господахъ то, что они дѣйствительно всю жизнь свою никакъ не могутъ узнать навѣрно, что̀ именно имъ такъ надо открыть и что̀ именно они всю жизнь на-готовѣ открыть: порохъ или Америку? Но страданія, тоски по открываемому, право, достало-бы въ нихъ на долю Колумба или Галилея.

Гаврила Ардаліоновичъ именно начиналъ въ этомъ родѣ; но

только что еще начинать. Долго еще предстояло ему куралесить. Глубокое и безпрерывное самоощущеніе своей безталанности и, въ тоже время, непреодолимое желаніе убѣдиться въ томъ, что онъ человѣкъ самостоятельнѣйшій, сильно поранили его сердце, даже чуть-ли еще не съ отроческаго возраста. Это былъ молодой человѣкъ съ завистливыми и порывистыми желаніями и, кажется, даже такъ и родившійся съ раздраженными нервами. Порывчатость своихъ желаній онъ принималъ за ихъ силу. При своемъ страстномъ желаніи отличиться, онъ готовъ былъ иногда на самый безразсудный скачекъ: но только что дѣло доходило до безразсуднаго скачка, герой нашъ всегда оказывался слишкомъ умнымъ, чтобы на него рѣшиться. Это убивало его. Можетъ быть, онъ даже рѣшился-бы, при случаѣ, и на крайне низкое дѣло, лишь-бы достигнуть чего нибудь изъ мечтаемаго; но какъ нарочно, только что доходило до черты, онъ всегда оказывался слишкомъ честнымъ для крайне низкаго дѣла. (На маленькое низкое дѣло онъ, впрочемъ, всегда готовъ былъ согласиться). Съ отвращеніемъ и съ ненавистью смотрѣлъ онъ на бѣдность и на упадокъ своего семейства. Даже съ матерью обращался свысока и презрительно, не смотря на то что самъ очень хорошо понималъ, что репутація и характеръ его матери составляли покамѣсть главную опорную точку и его карьеры. Поступивъ къ Епанчину, онъ немедленно сказалъ себѣ: «Коли подличать, такъ ужь подличать до конца, лишь-бы выиграть», и — почти никогда не подличалъ до конца. Да и почему онъ вообразилъ, что ему непремѣнно надо будетъ подличать? Аглаи онъ просто тогда испугался, но не бросилъ съ нею дѣла, а тянулъ его, на всякій случай, хотя никогда не вѣрилъ серіозно, что она снизойдетъ до него. Потомъ, во время своей исторіи съ Настасьей Филипповной, онъ вдругъ вообразилъ себѣ, что достиженіе *всего*—въ деньгахъ. «Подличать, такъ подличать», повторялъ онъ себѣ тогда каждый день съ самодовольствіемъ, но и съ нѣкоторымъ страхомъ; «ужь коли подличать, такъ ужь доходить до верхушки, ободрялъ онъ себя поминутно; рутина въ этихъ случаяхъ оробѣетъ, а мы не оробѣемъ!» Проигравъ Аглаю и раздавленный обстоятельствами, онъ совѣмъ упалъ духомъ и дѣйствительно принесъ князю деньги, брошенныя ему тогда сумасшедшею женщиной, которой принесъ ихъ тоже сумасшедшій человѣкъ. Въ этомъ возвращеніи денегъ онъ потомъ тысячу разъ раскаявался, хотя и перестанно этимъ тщеславился. Онъ дѣйствительно плакалъ три дня, пока князь оставался тогда въ Петербургѣ, но въ эти три дня онъ успѣлъ и возненавидѣть князя за то, что тотъ смотрѣлъ на него слишкомъ ужь сострадательно, тогда какъ фактъ, что онъ возвратилъ такія деньги, «не

всякій рѣшился-бы сдѣлать. Но благородное самопризнаніе въ томъ, что вся тоска его есть только одно безпрерывно-раздавливаемое тщеславіе, ужасно его мучило. Только уже долго время спустя разглядѣлъ онъ и убѣдился, какъ серіозно могло-бы обернуться у него дѣло съ такимъ невиннымъ и страннымъ существомъ какъ Аглая. Раскаяніе грызло его; онъ бросилъ службу и погрузился въ тоску и уныніе. Онъ жилъ у Птицына на его содержаніи, съ отцомъ и матерью, и презиралъ Птицына открыто, хотя въ тоже время слушался его совѣтовъ и былъ настолько благоразуменъ, что всегда почти спрашивалъ ихъ у него. Гаврила Ардаліоновичъ сердился, напримѣръ, и на то, что Птицынъ не загадываетъ быть Ротшильдомъ и не ставитъ себѣ этой цѣли. Коли ужь ростовщикъ, такъ ужь иди до конца, жми людей, чекань изъ нихъ деньги, стань характеромъ, стань королемъ іудейскимъ! Птицынъ былъ скроменъ и тихъ; онъ только улыбался, но разъ нашелъ даже нужнымъ объясниться съ Ганей серіозно и исполнилъ это даже съ нѣкоторымъ достоинствомъ. Онъ доказалъ Ганѣ, что ничего не дѣлаетъ безчестнаго, и что напрасно тотъ называетъ его жидомъ; что если деньги въ такой цѣнѣ, то онъ не виноватъ; что онъ дѣйствуетъ правдиво и честно и, по настоящему, онъ только агентъ по этимъ дѣламъ, и, наконецъ, что благодаря его аккуратности въ дѣлахъ, онъ уже извѣстенъ съ весьма хорошей точки людямъ превосходнѣйшимъ, и дѣла его расширяются. Ротшильдомъ не буду, да и не для чего, прибавилъ онъ смѣясь, а домъ на Литейной буду имѣть, даже, можетъ, и два, и на этомъ кончу. А кто знаетъ, можетъ, и три! думалъ онъ про себя, но никогда не договаривалъ вслухъ и скрывалъ мечту. Природа любитъ и ласкаетъ такихъ людей: она вознаградитъ Птицына не тремя, а четырьмя домами навѣрно, и именно за то, что онъ съ самаго дѣтства уже зналъ, что Ротшильдомъ никогда не будетъ. Но за то дальше четырехъ домовъ природа ни за что не пойдетъ, и съ Птицынымъ тѣмъ дѣло и кончится.

Совершенно другая особа была сестрица Гаврилы Ардаліоновича. Она тоже была съ желаніями сильными, но болѣе упорными, чѣмъ порывистыми. Въ ней было много благоразумія, когда дѣло доходило до послѣдней черты, но оно-же не оставляло ея и до черты. Правда, и она была изъ числа необыкновенныхъ людей, мечтающихъ объ оригинальности, но за то она очень скоро успѣла сознать, что въ ней нѣтъ ни капли особенной оригинальности, и горевала объ этомъ не слишкомъ много, — кто знаетъ, можетъ быть, изъ особаго рода гордости. Она сдѣлала свой первый практическій шагъ съ чрезвычайною рѣшимостью, выйдя замужъ за господина Птицына; но вы-

ходя замужъ, она вовсе не говорила себѣ: «подличать, такъ ужь подличать, лишь-бы цѣли достичь», какъ не премянулъ-бы выразиться при такомъ случаѣ Гаврила Ардаліоновичъ (да чуть-ли и не выразился даже при ней самой, когда одобрялъ ея рѣшеніе, какъ старшій братъ). Совсѣмъ даже напротивъ: Варвара Ардаліоновна вышла замужъ послѣ того какъ увѣрилась основательно, что будущій мужъ ея человѣкъ скромный, пріятный, почти образованный и большой подлости ни за что никогда не сдѣлаетъ. О мелкихъ подлостяхъ Варвара Ардаліоновна не справлялась, какъ о мелочахъ; да гдѣ-же и нѣтъ такихъ мелочей? Не идеала-же искать! Къ тому-же она знала, что, выходя замужъ, даетъ тѣмъ уголъ своей матери, отцу, братьямъ. Видя брата въ несчастіи, она захотѣла помочь ему, не смотря на всѣ прежнія семейныя недоумѣнія. Птицынъ гналъ иногда Ганю, дружески, разумѣется, на службу. «Ты, вотъ, презираешь и генераловъ, и генеральство, говорилъ онъ ему иногда шутя,—а посмотри, всѣ «они» кончатъ тѣмъ, что будутъ въ свою очередь генералами; доживешь, такъ увидишь». «Да съ чего они берутъ, что я презираю генераловъ и генеральство?» саркастически думалъ про себя Ганя. Чтобы помочь брату, Варвара Ардаліоновна рѣшилась расширить кругъ своихъ дѣйствій: она втерлась къ Епанчинымъ, чему много помогли дѣтскія воспоминанія; и она, и братъ еще въ дѣтствѣ играли съ Епанчинымн. Замѣтимъ здѣсь, что если-бы Варвара Ардаліоновна преслѣдовала какую нибудь необычайную мечту, посѣщая Епанчиныхъ, то она, можетъ быть, сразу вышла-бы тѣмъ самымъ изъ того разряда людей, въ который сама заключила себя; но преслѣдовала она не мечту; тутъ былъ даже довольно основательный разсчетъ съ ея стороны: она основывалась на характерѣ этой семьи. Характеръ-же Аглаи она изучала безъ устали. Она задала себѣ задачу обернуть ихъ обоихъ, брата и Аглаю, опять другъ къ другу. Можетъ быть, она кое-чего и дѣйствительно достигла: можетъ быть, и впадала въ ошибки, разсчитывая, напримѣръ, слишкомъ много на брата и ожидая отъ него того, чего онъ никогда и никомъ образомъ не могъ-бы дать. Во всякомъ случаѣ, она дѣйствовала у Епанчиныхъ довольно искусно: по недѣлямъ не упоминала о братѣ, была всегда чрезвычайно правдива и искренна, держала себя просто, но съ достоинствомъ. Что-же касается глубины своей совѣсти, то она не боялась въ нее заглянуть и совершенно ни въ чемъ не упрекала себя. Это-то и придавало ей силу. Одно только иногда замѣчала въ себѣ, что и она, пожалуй, злится, что и въ ней очень много самолюбія и чуть-ли даже не раздавленнаго тщеславія; особенно замѣчала она это въ иныя минуты, почти каждый разъ какъ уходила отъ Епанчиныхъ.

И вотъ теперь она возвращалась отъ нихъ-же и, какъ мы уже сказали, въ прискорбной задумчивости. Въ этомъ прискорбіи проглядывало кое-что и горько насмѣшливое. Птицынъ проживалъ въ Павловскѣ въ невзрачномъ, но помѣстительномъ деревянномъ домѣ, стоявшемъ на пыльной улицѣ, и который скоро долженъ былъ достаться ему въ полную собственность, такъ что онъ уже его, въ свою очередь, начиналъ продавать кому-то. Подымаясь на крыльцо, Варвара Ардаліоновна услышала чрезвычайный шумъ вверху дома и различила кричавшіе голоса своего брата и папаши. Войдя въ залу и увидѣвъ Ганю, бѣгавшаго взадъ и впередъ по комнатѣ, бѣднаго отъ бѣшенства и чуть не рвавшаго на себѣ волосы, она поморщилась и опустилась съ усталымъ видомъ на диванъ, не снимая шляпки. Очень хорошо понимая, что если она еще промолчитъ съ минуту и не спроситъ брата зачѣмъ онъ такъ бѣгаетъ, то тотъ непремѣнно разсердится, Варя посчѣтила наконецъ произнести въ видѣ вопроса:

— Все прежнее?

— Какое тутъ прежнее! воскликнулъ Ганя:—Прежнее! Нѣтъ, ужъ тутъ чортъ знаетъ что̀ такое теперь происходитъ, а не прежнее! Старикъ до бѣшенства сталъ доходить... мать реветъ. Ей-Богу, Варя, какъ хочешь, я его выгоню изъ дому или... или самъ отъ васъ выйду,—прибавилъ онъ, вѣроятно, вспомнивъ, что нельзя-же выгонять людей изъ чужаго дома.

— Надо имѣть снисхожденіе, пробормотала Варя.

— Къ чему снисхожденіе? Къ кому? вспыхнулъ Ганя:—къ его мерзостямъ? Нѣтъ, ужъ какъ хочешь, этакъ нельзя! Нельзя, нельзя, нельзя! И какая манера: самъ виноватъ и еще пуще куражится. «Не хочу въ ворота, разбирай заборъ»!.. Что̀ ты такая сидишь? На тебѣ лица нѣтъ?

— Лицо какъ лицо, съ неудовольствіемъ отвѣтила Варя.

Ганя пристальнѣе поглядѣлъ на нее.

— Тамъ была? спросилъ онъ вдругъ.

— Тамъ.

— Стой, опять кричать! Этакой срамъ, да еще въ такое время!

— Какое такое время? Никакого такого особеннаго времени нѣтъ.

Ганя еще пристальнѣе оглядѣлъ сестру.

— Что нибудь узнала? спросилъ онъ.

— Ничего неожиданнаго, по крайней мѣрѣ. Узнала, что все это вѣрно. Мужъ былъ правѣе насъ обоихъ; какъ предрекъ съ самаго начала, такъ и вышло. Гдѣ онъ?

— Нѣтъ дома. Что̀ вышло?

— Князь женихъ формальный, дѣло рѣшеное. Мнѣ старшія сказали. Аглая согласна; даже и скрываться перестали. (Вѣдь тамъ все такая таинственность была до сихъ поръ). Свадьбу Аделаиды опять оттянутъ, чтобы вмѣстѣ объ свадьбы разомъ сдѣлать, въ одинъ день,—поэзія какая! На стихи похоже. Вотъ сочини-ка стихи на бракосочетаніе, чѣмъ даромъ-то по комнатѣ бѣгать. Сегодня вечеромъ у нихъ Бѣлокопская будетъ; кстати пріѣхала; гости будутъ. Его Бѣлокопской представятъ, хоть онъ уже съ ней и знакомъ; кажется, вслухъ объявятъ. Боятся только, чтобъ онъ чего не уронилъ и не разбилъ, когда въ комнату при гостяхъ войдетъ, или самъ-бы не шлепнулся; отъ него станется.

Ганя выслушалъ очень внимательно, но, къ удивленію сестры, это поразительное для него извѣстіе, кажется, вовсе не произвело на него такого поражающаго дѣйствія.

— Что-жь, это ясно было, сказалъ онъ, подумавъ: — конецъ, значитъ! прибавилъ онъ съ какою-то странною усмѣшкой, лукаво заглядывая въ лицо сестры и все еще продолжая ходить взадъ и впередъ по комнатѣ, но уже гораздо потише.

— Хорошо еще, что ты принимаешь философомъ; я, право, рада, сказала Варя.

— Да съ плеч долой; съ твоихъ, по крайней мѣрѣ.

— Я, кажется, тебѣ искренно служила, не разсуждая и не докучая; я не спрашивала тебя, какого ты счастья хотѣлъ у Аглаи искать.

— Да развѣ я... счастья у Аглаи искалъ?

— Ну, пожалуйста, не вдавайся въ философію! Конечно, такъ. Конечно, и довольно съ насъ: въ дуракахъ. Я на это дѣло, признаюсь тебѣ, никогда серіозно не могла смотрѣть; только «на всякій случай» взялась за него, на смѣшной ея характеръ разсчитывая, а, главное, чтобы тебя потѣшить; девяносто шансовъ было что лопнетъ. Я даже до сихъ поръ сама не знаю чего ты и добивался-то.

— Теперь пойдете вы съ мужемъ меня на службу гнать; лекціи про упорство и силу воли читать, малымъ не пренебрегать и такъ далѣе, напзусть знаю, захохоталъ Ганя.

«Что нибудь новое у него на умѣ!» подумала Варя.

— Что-жь тамъ—рады, отцы-то? спросилъ вдругъ Ганя.

— Н-нѣтъ, кажется. Впрочемъ, самъ заключить можешь: Иванъ Ѳедоровичъ доволенъ: мать боится: и прежде съ отвращеніемъ на него какъ на жениха смотрѣла; извѣстно.

— Я не про то; женихъ невозможный и немыслимый, это ясно. Я про теперешнее спрашиваю, теперь-то тамъ какъ? Формальное дала согласіе?

— Она не сказала до сихъ поръ: «нѣтъ», — вотъ и все; но иначе и не могло отъ нея быть. Ты знаешь, до какого сумасбродства она до сихъ поръ застѣнчива и стыдлива: въ дѣтствѣ она въ никанъ залѣзала и просиживала въ немъ часа по два, по три, чтобы только не выходить къ гостямъ; дылда выросла, а вѣдь и теперь тоже самое. Знаешь, я почему-то думаю, что тамъ дѣйствительно что-то серіозное, даже съ ея стороны. Надъ княземъ она, говорятъ, смѣется изо всѣхъ силъ, съ утра до ночи, чтобы виду не показать, но ужъ навѣрно умѣетъ сказать ему каждый день что нибудь потихоньку, потому что онъ точно по небу ходитъ, сіяетъ... Смѣшонъ, говорятъ, ужасно. Отъ нихъ-же и слышала. Мнѣ показалось тоже, что онѣ надо мной въ глаза смѣялись, старнія-то.

Ганя, наконецъ, сталъ хмуриться; можетъ, Варя и нарочно углублялась въ эту тему, чтобы проникнуть въ его настоящія мысли. Но раздался опять крикъ на верху.

— Я его выгоню! такъ и рявкнулъ Ганя, какъ будто обрадовавшись сорвать досаду.

— И тогда онъ пойдетъ опять насъ повсемѣстно срамить, какъ вчера.

— Какъ, какъ вчера? Что такое: какъ вчера? Да развѣ... испугался вдругъ ужасно Ганя.

— Ахъ, Боже мой, развѣ ты не знаешь? спохватилась Варя.

— Какъ... такъ неужели правда, что онъ тамъ былъ? воскликнулъ Ганя, вспыхнувъ отъ стыда и бѣшенства: — Боже, да вѣдь ты оттуда! Узнала ты что нибудь? Былъ тамъ старикъ? Былъ или нѣтъ?

И Ганя бросился къ дверямъ; Варя кинулась къ нему и схватила его обѣими руками.

— Что ты? Ну, куда ты? говорила она:—выпустишь его теперь, онъ еще хуже надѣлаетъ, по всѣмъ пойдетъ!..

— Что онъ тамъ надѣлалъ? Что говорилъ?

— Да они и сами не умѣли разсказать и не поняли; только всѣхъ напугалъ. Пришелъ къ Ивану Ѳедоровичу, — того не было; потребовалъ Лизавету Прокофьевну. Сначала мѣста просилъ у ней, на службу поступить, а потомъ сталъ на насъ жаловаться, на меня, на мужа, на тебя особенно... много чего наговорилъ.

— Ты не могла узнать? трепеталъ какъ въ истерикѣ Ганя.

— Да гдѣ ужь тутъ! Онъ и самъ-то врядъ-ли понималъ что говорилъ, а, можетъ, мнѣ и не передали всего.

Ганя схватился за голову и побѣжалъ къ окну; Варя сѣла у другаго окна.

— Смѣшная Аглая, замѣтила она вдругъ,—останавливаетъ меня

и говоритъ: «передайте отъ меня особенное, личное уваженіе вашимъ родителямъ; я навѣрно найду на дняхъ случай видѣться съ вашимъ папашей». И этакъ серіозно говоритъ. Страшно ужасно...

— Не въ насмѣшку? Не въ насмѣшку?

— То-то и есть что нѣтъ; тѣмъ-то и страшно.

— Знаетъ она или не знаетъ про старика, какъ ты думаешь?

— Что въ домѣ у нихъ не знаютъ, такъ въ этомъ нѣтъ для меня и сомнѣнія: но ты мнѣ мысль подалъ: Аглая, можетъ быть, и знаетъ. Одна она и знаетъ, потому что сестры были тоже удивлены, когда она такъ серіозно передавала поклонъ отцу. И съ какой стати именно ему? Если знаетъ, такъ ей князь передалъ!

— Не хитро узнать кто передалъ! Воръ! Этого еще не доставало. Воръ въ нашемъ семействѣ, глава семейства!

— Ну, вздоръ! крикнула Варя совсѣмъ разсердившись:—пьяная исторія, больше ничего. И кто это выдумалъ? Лебедевъ, князь... сами-то они хороши: ума палата. Я вотъ во столечко это цѣню.

— Старикъ воръ и пьяница, желчно продолжалъ Ганя,—я нищій, мужъ сестры ростовщикъ,—было на что позариться Аглаѣ! Нечего сказать, красиво!

— Этотъ мужъ сестры, ростовщикъ, тебя...

— Кормитъ, что-ли? Ты не церемонься, пожалуйста.

— Чего ты злишься? спохватилась Варя.—Ничего-то не понимаешь, точно школьникъ. Ты думаешь, все это могло повредить тебѣ въ глазахъ Аглаи? Не знаешь ты ея характера; она отъ первѣйшаго жениха отвернется, а къ студенту какому нибудь умирать съ голоду, на чердакъ, съ удовольствіемъ-бы побѣжала,—вотъ ея мечта! Ты никогда и понять не могъ, какъ-бы ты въ ея глазахъ интересенъ сталъ, если-бы съ твердостію и гордостію умѣлъ переносить нашу обстановку. Князь ее на удочку тѣмъ и поймалъ, что, во первыхъ, совсѣмъ и не ловилъ, и во вторыхъ, что онъ на глаза всѣхъ идіотъ. Ужь одно то, что она семью изъ-за него перемутитъ,—вотъ что̀ ей теперь любо. Э-эхъ, ничего-то вы не понимаете!

— Ну, еще увидимъ, понимаемъ или не понимаемъ, загадочно пробормоталъ Ганя,—только я все-таки-бы не хотѣлъ, чтобъ она узнала о старикѣ. Я думалъ, князь удержится и не разскажетъ. Онъ и Лебедева сдержалъ; онъ и мнѣ не хотѣлъ всего выговорить, когда я приставалъ...

— Стало быть, самъ видишь, что и мимо его все уже извѣстно. Да и чего тебѣ теперь? Чего надѣешься? А если-бъ и оставалась еще надежда, то это-бы только страдальческій видъ тебѣ въ ея глазахъ придало.

— Ну, скандалу-то и она-бы струсила, не смотря на весь романизмъ. Все до извѣстной черты, и всѣ до извѣстной черты: всѣ вы таковы.

— Аглая-то-бы струсила? вспыхнула Варя, презрительно поглядѣвъ на брата:—а низкая, однако-же, у тебя душонка! Не стоите вы всѣ ничего. Пусть она смѣшная и чудачка, да за то благородиѣе всѣхъ насъ въ тысячу разъ.

— Ну, ничего, ничего, не сердись, самодовольно пробормоталъ опять Ганя.

— Мнѣ мать только жаль, продолжала Варя,—боюсь, чтобъ эта отцовская исторія до нея не дошла, ахъ, боюсь!

— И навѣрно дошла, замѣтилъ Ганя.

Варя было встала, чтобъ отправиться на верхъ къ Нинѣ Александровнѣ, но остановилась и внимательно посмотрѣла на брата.

— Кто-же ей могъ сказать?

— Ипполитъ, должно быть. Первымъ удовольствіемъ, я думаю, почелъ матери это отрапортовать, какъ только къ намъ переѣхалъ.

— Да почему онъ-то знаетъ, скажи мнѣ пожалуйста? Князь и Лебедевъ никому рѣшили не говорить, Коля даже ничего не знаетъ.

— Ипполитъ-то? Самъ узналъ. Представить не можешь, до какой степени это хитрая тварь; какой онъ сплетникъ, какой у него носъ, чтобъ отыскать чутьемъ все дурное, все что скандально. Ну, вѣрь не вѣрь, а я убѣжденъ, что онъ Аглаю успѣлъ въ руки взять! А не взялъ, такъ возьметъ. Рогожинъ съ нимъ тоже въ сношенія вошелъ. Какъ это князь не замѣчаетъ! И ужь какъ ему теперь хочется меня подсидѣть! За личнаго врага меня почитаетъ, я это давно раскусилъ, и съ чего, что ему тутъ, вѣдь умретъ,— я понять не могу! Но я его надую: увидишь, что не онъ меня, а я его подсижу.

— Зачѣмъ-же ты переманилъ его, когда такъ ненавидишь? И стоитъ онъ того, чтобъ его подсиживать?

— Ты-же переманить его къ намъ посовѣтовала.

— Я думала, что онъ будетъ полезенъ; а знаешь, что онъ самъ теперь влюбился въ Аглаю и писалъ къ ней? Меня разспрашивали... чуть-ли онъ къ Лизаветѣ Прокофьевнѣ не писалъ.

— Въ этомъ смыслѣ не опасенъ! сказалъ Ганя, злобно засмѣявшись:—впрочемъ, вѣрно, что нибудь да не то. Что онъ влюбленъ, это очень можетъ быть, потому что мальчишка! Но... онъ не станетъ анонимныя письма старухѣ писать. Это такая злобная, ничтожная, самодовольная посредственность!.. Я убѣжденъ, я знаю навѣрно, что онъ меня предъ нею интриганомъ выставилъ, съ того

и началъ. Я, признаюсь, какъ дуракъ ему проговорился сначала; я думалъ, что онъ изъ одного мщенія къ князю въ мои интересы войдетъ; онъ такая хитрая тварь! О, я раскусилъ его теперь совершенно. А про эту покражу онъ отъ своей-же матери слышалъ, отъ капитанши. Старикъ, если и рѣшился на это, такъ для капитанши. Вдругъ мнѣ, ни съ того ни съ сего, сообщаетъ, что генералъ его матери четыреста рублей обѣщалъ, и совершенно этакъ ни съ того ни съ сего, безо всякихъ церемоній. Тутъ я все понялъ. И такъ мнѣ въ глаза и заглядываетъ, съ наслажденіемъ съ какимъ-то; маманѣ онъ, навѣрно, тоже сказалъ, единственно изъ удовольствія сердце ей разорвать. И чего онъ не умираетъ, скажи мнѣ пожалуйста! Вѣдь обязался чрезъ три недѣли умереть, а здѣсь еще потолстѣлъ! Перестаетъ кашлять; вчера вечеромъ самъ говорилъ, что другой уже день кровью не кашляетъ.

— Выгони его.

— Я не ненавижу его, а презираю, гордо произнесъ Ганя.— Ну да, да, пусть я его ненавижу, пусть! вскричалъ онъ вдругъ съ необыкновенною яростью: — и я ему выскажу это въ глаза, когда онъ даже умирать будетъ, на своей подушкѣ! Если-бы ты читала его исповѣдь, — Боже, какая пашвость наглости. Это поручикъ Пироговъ, это Поздревъ въ трагедіи, а главное — мальчишка! О, съ какимъ-бы наслажденіемъ я тогда его высѣкъ, именно чтобъ удивить его. Теперь онъ всѣмъ метитъ, за то что тогда не удалось... Но что это? Тамъ опять шумъ! Да что это, наконецъ, такое? Я этого, наконецъ, не потерплю. Птицынъ! вскричалъ онъ входящему въ комнату Птицыну: — что это, до чего у насъ дѣло дойдетъ, наконецъ... Это... это...

Но шумъ быстро приближался, дверь вдругъ распахнулась, и старикъ Иволгинъ, въ гнѣвѣ, багровый, потрясенный, внѣ себя, тоже набросился на Птицына. За старикомъ слѣдовали Нина Александровна, Коля и сзади всѣхъ Ипполитъ.

II.

Ипполитъ уже пять дней какъ переселился въ домъ Птицына. Это случилось какъ-то натурально, безъ особыхъ словъ и безъ всякой размолвки между нимъ и княземъ: они не только не поссорились, но, съ виду, какъ будто даже разстались друзьями. Гаврила Ардаліоновичъ, такъ враждебный къ Ипполиту на тогдашнемъ вечерѣ, самъ пришелъ навѣстить его, уже на третій, впрочемъ, день послѣ

пронесшествія, вѣроятно, руководимый какою нибудь внезапною мыслью. Почему-то и Рогожинъ сталъ тоже приходить къ больному. Князю въ первое время казалось, что даже и лучше будетъ для «обѣднаго мальчика», если онъ переселится изъ его дома. Но и во время своего переселенія Ипполитъ уже выражался, что онъ переселяется къ Птицыну, «который такъ добръ, что дастъ ему уголъ», и ни разу, точно нарочно, не выразился, что переѣзжаетъ къ Ганѣ, хотя Гаия-то и настоялъ, чтобъ его приняли въ домъ. Гаия это тогда-же замѣтилъ и обидчиво заключилъ въ свое сердце.

Онъ былъ правъ, говоря сестрѣ, что больной поправился. Дѣйствительно, Ипполиту было нѣсколько лучше прежняго, что̀ замѣтно было съ перваго на него взгляда. Онъ вошелъ въ комнату не торопясь, позади всѣхъ, съ насмѣшливою и недоброю улыбкой. Нина Александровна вошла очень испуганная. (Она сильно перемѣнилась въ эти полгода, похудѣла; выдавъ замужъ дочь и переѣхавъ къ ней жить, она почти перестала вмѣшиваться наружно въ дѣла своихъ дѣтей). Коля былъ озабоченъ и какъ-бы въ недоумѣніи; онъ многаго не понималъ въ «сумасшествіи генерала», какъ онъ выражался, конечно, не зная основныхъ причинъ этой новой сумятицы въ домѣ. Но ему ясно было, что отецъ до того уже вздорить, ежечасно и повсемѣстно, и до того вдругъ перемѣнился, что какъ будто совсѣмъ сталъ не тотъ человѣкъ какъ прежде. Безпокоило его тоже, что старикъ въ послѣдніе три дня совсѣмъ даже пересталъ пить. Онъ зналъ, что онъ разошелся и даже поссорился съ Лебедевымъ и съ княземъ. Коля только что воротился домой съ полуштофомъ водки, который пріобрѣлъ на собственныя деньги.

— Право, мамаша, увѣрялъ онъ еще на верху Нину Александровну, — право, лучше пусть выпьетъ. Вотъ уже три дня какъ не прикасался; тоска, стало быть. Право, лучше; я ему и въ долговое носилъ...

Генералъ растворилъ дверь на отлетъ и сталъ на порогѣ, какъ-бы дрожа отъ негодованія.

— Милостивый государь! закричалъ онъ громовымъ голосомъ Птицыну: — если вы дѣйствительно рѣшились пожертвовать молокососу и атеисту почтеннымъ старикомъ, отцомъ вашимъ, то есть, по крайней мѣрѣ, отцомъ жены вашей, заслуженнымъ у государя своего, то нога моя, съ сего-же часу, перестанетъ быть въ домѣ вашемъ. Избирайте, сударь, избирайте немедленно: или я, или этотъ... винтъ! Да, винтъ! Я сказалъ нечаянно, но это — винтъ! Потому что онъ винтомъ сверлитъ мою душу, и безо всякаго уваженія... винтомъ!

— Не штопоръ-ли? вставилъ Ипполитъ.

— Нѣтъ, не штофоръ, ибо я предъ тобой генералъ, а не бутылка. Я знаки имѣю, знаки отличія... а ты ничѣмъ имѣешь. Или онъ, или я! Рѣшайте, сударь, сейчасъ-же, сей-же часъ! крикнулъ онъ опять въ изступленіи Птицыну. Тутъ Коля подставилъ ему стулъ, и онъ опустился на него почти въ изнеможеніи.

— Право-бы, вамъ лучше... заснуть, пробормоталъ было ошеломленный Птицынъ.

— Онъ-же еще и угрожаетъ! проговорилъ сестрѣ вполголоса Ганя.

— Заснуть! крикнулъ генералъ: — я не пьянъ, милостивый государь, и вы меня оскорбляете. Я вижу, продолжалъ онъ, вставая опять, — я вижу, что здѣсь все противъ меня, все и всѣ. Довольно! Я ухожу... Но знайте, милостивый государь, знайте...

Ему не дали договорить и усадили опять; стали упрашивать успокоиться. Ганя въ ярости ушелъ въ уголъ. Нина Александровна трепетала и плакала.

— Да что я сдѣлалъ ему? На что онъ жалуется! вскричалъ Ипполитъ, скаля зубы.

— А развѣ не сдѣлали? замѣтила вдругъ Нина Александровна:— ужъ вамъ-то особенно стыдно и... безчеловѣчно старика мучить... да еще на вашемъ мѣстѣ.

— Во первыхъ, какое такое мое мѣсто, сударыня! Я васъ очень уважаю, васъ именно, лично, но...

— Это винтъ! кричалъ генералъ: — онъ сверлитъ мою душу и сердце! Онъ хочетъ, чтобъ я атеизму повѣрилъ! Знай, молокососъ, что еще ты не родился, а я уже былъ осыпанъ почестями: а ты только завистливый червь, перерванный на двое, съ каналемъ... и умирающій отъ злобы и отъ невѣрія... И зачѣмъ тебя Гаврила перевезъ сюда? Всѣ на меня, отъ чужихъ до роднаго сына!

— Да полноте, трагедію завелъ! крикнулъ Ганя:—не срамили-бы насъ по всему городу, такъ лучше-бы было!

— Какъ, я срамлю тебя, молокососъ! Тебя? Я честь только сдѣлать могу тебѣ, а не обезчестить тебя!

Онъ вскочилъ, и его уже не могли сдержать: но и Гаврила Ардаліоновичъ, видимо, прорвался.

— Туда-же о чести! крикнулъ онъ злобно.

— Что ты сказалъ? загремѣлъ генералъ, блѣднѣя и шагнувъ къ нему шагъ.

— А то, что мнѣ стоитъ только ротъ открыть, чтобы... завопилъ вдругъ Ганя и не договорилъ. Оба стояли другъ передъ другомъ, не въ мѣру потрясенные, особенно Ганя.

— Ганя, что ты? крикнула Нина Александровна, бросаясь останавливать сына.

— Экой вздоръ со всѣхъ сторонъ! отрѣзала въ негодованіи Варя:—полноте, маманя, схватила она ее.

— Только для матери и ящку, трагически произнесъ Ганя.

— Говори! ревѣлъ генералъ въ совершенномъ изступленіи: — говори, подъ страхомъ отцовскаго проклятія... говори!

— Ну вотъ, такъ я и испугался вашего проклятія! И кто въ томъ виноватъ, что вы восьмой день какъ помѣшанный? Восьмой день, видите я по числамъ знаю... Смотрите, не доведите меня до черты; все скажу... Вы зачѣмъ къ Епанчинымъ вчера потащились? Еще старикомъ называется, сѣдые волосы, отецъ семейства! Хоронъ!

— Молчи, Ганька! закричалъ Коля:—молчи, дуракъ!

— Да чѣмъ я-то, я-то чѣмъ его оскорбилъ? настаивалъ Ипполитъ, но все какъ будто тѣмъ-же насмѣшливымъ тономъ.—Зачѣмъ онъ меня винтомъ называетъ, вы слышали? Самъ ко мнѣ присталъ; пришелъ сейчасъ и заговорилъ о какомъ-то капитанѣ Ерошѣговѣ. Я вовсе не желаю вашей компаніи, генералъ; избѣгалъ и прежде, сами знаете. Что мнѣ за дѣло до капитана Ерошѣгова, согласитесь сами? Я не для капитана Ерошѣгова сюда переѣхалъ. Я только выразилъ ему вслухъ мое мнѣніе, что, можетъ, этого капитана Ерошѣгова совсѣмъ никогда не существовало. Онъ и поднялъ дымъ коромысломъ.

— Безъ сомнѣнія не существовало! отрѣзалъ Ганя.

Но генералъ стоялъ какъ ошеломленный и только безсмысленно озирался кругомъ. Слова сына поразили его своею чрезвычайною откровенностью. Въ первое мгновеніе онъ не могъ даже и словъ найдти. И наконецъ, только когда Ипполитъ расхохотался на отвѣтъ Гани и прокричалъ: «Ну, вотъ, слышали, собственный вашъ сынъ тоже говоритъ, что никакого капитана Ерошѣгова не было»,— старикъ пробормоталъ, совсѣмъ сбившись:

— Капитона Ерошѣгова, а не капитана... Капитона... подполковника въ отставкѣ, Ерошѣговъ... Капитонъ.

— Да и Капитона не было! совсѣмъ ужъ разозлился Ганя.

— Но... почему не было? пробормоталъ генералъ, и краска бросилась ему въ лицо.

— Да полноте; унимали Птицынъ и Варя.

— Молчи, Ганька! крикнулъ опять Коля.

Но заступничество какъ-бы онамятовало и генерала.

— Какъ не было? Почему не существовало? грозно вскинулся онъ на сына.

— Такъ, потому что не было. Не было да и только, да совсѣмъ и не можетъ быть! Вотъ вамъ. Отстаньте, говорю вамъ.

— И это сынъ... это мой родной сынъ, котораго я... о, Боже! Еропѣгова, Ерошки Еропѣгова не было!

— Ну, вотъ, то Ерошки, то Капитошки! ввернулъ Ипполитъ.

— Капитошки, сударь, Капитошки, а не Ерошки! Капитонъ, Капитанъ Алексѣевичъ, то бишь, Капитонъ... подполковникъ... въ отставкѣ... женился на Марьѣ... на Марьѣ Петровнѣ Су... Су... другъ и товарищъ... Сутуговой... съ самаго даже юнкерства. Я за него пролилъ... я заслонилъ... убитъ. Капитошки Еропѣгова не было! Не существовало!

Генералъ кричалъ въ азартѣ, но такъ, что можно было подумать, что дѣло шло объ одномъ, а крикъ шелъ о другомъ. Правда, въ другое время онъ, конечно, вынесъ-бы что нибудь и гораздо пообиднѣе извѣстія о совершенномъ небытіи Капитона Еропѣгова, покричалъ-бы, затѣялъ-бы исторію, вышелъ-бы изъ себя, но все-таки, въ концѣ-концовъ, удалился-бы къ себѣ на верхъ спать. Но теперь, по чрезвычайной странности сердца человѣческаго, случилось такъ, что именно подобная обида, какъ сомнѣніе въ Еропѣговѣ, и должна была переполнить чашу. Старикъ побагровѣлъ, поднялъ руки и прокричалъ:

— Довольно! Проклятіе мое... прочь изъ этого дома! Николай, неси мой сакъ, иду... прочь!

Онъ вышелъ, торопясь и въ чрезвычайномъ гнѣвѣ. За нимъ бросились Нина Александровна, Коля и Птицынъ.

— Ну что̀ ты надѣлалъ теперь! сказала Варя брату: — онъ опять, пожалуй, туда потащится. Сраму-то, сраму-то!

— А не воруй! крикнулъ Ганя, чуть не захлебываясь отъ злости; вдругъ взглядъ его встрѣтился съ Ипполитомъ; Ганя чуть не затрясся.—А вамъ, милостивый государь, крикнулъ онъ,—слѣдовало-бы помнить, что вы всетаки въ чужомъ домѣ и... пользуетесь гостепріимствомъ, а не раздражать старика, который, очевидно, съ ума сошелъ...

Ипполита тоже какъ будто передернуло, но онъ мигомъ сдержалъ себя.

— Я не совсѣмъ съ вами согласенъ, что вашъ папаша съ ума сошелъ, спокойно отвѣтилъ онъ;—мнѣ кажется напротивъ, что ему ума даже прибыло въ послѣднее время, ей-Богу; вы не вѣрите? Такой сталъ осторожный, мнительный, все-то вывѣдываетъ, каждое слово взвѣшиваетъ... Объ этомъ Капитошкѣ онъ со мной вѣдь съ цѣлью заговорилъ; представьте, онъ хотѣлъ навести меня на...

— Э, чортъ-ли мнѣ въ томъ на что̀ онъ хотѣлъ васъ навести! Прошу васъ не хитрить и не вилять со мной, сударь! взвизгнулъ Ганя:—если вы тоже знаете настоящую причину почему старикъ

въ такомъ состояніи (а вы такъ у меня пили въ эти пять дней, что навѣрно знаете), то вамъ вовсе-бы не слѣдовало раздражать... несчастнаго и мучить мою мать преувеличеніемъ дѣла, потому что все это дѣло вздоръ. одна только пьяная исторія, больше ничего, ничѣмъ даже не доказанная, и я вотъ во столечко ее не цѣню... Но вамъ надо язвить и пилить, потому что вы... вы...

— Винтъ, усмѣхнулся Ипполитъ.

— Потому что вы дрянь, полчаса мучили людей, думая испугать ихъ что застрѣлитесь вашимъ незаряженнымъ пистолетомъ, съ которымъ вы такъ постыдно сбрендили, манкированный самоубійца, разливная желчь... на двухъ ногахъ. Я вамъ гостепріимство далъ, вы потолстѣли, кашлять перестали, и вы-же платите...

— Два слова только, позвольте-съ: я у Варвары Ардаліоновны, а не у васъ; вы мнѣ не давали никакого гостепріимства, и я даже думаю, что вы сами пользуетесь гостепріимствомъ господина Птицына. Четыре дня тому я просилъ мою мать отыскать въ Павловскѣ для меня квартиру и самой переѣхать, потому что я, дѣйствительно, чувствую себя здѣсь легче, хотя вовсе не потолстѣлъ и всетаки кашляю. Мать увѣдомила меня вчера вечеромъ, что квартира готова, а я сейчасъ васъ увѣдомлю съ своей стороны, что, отблагодаривъ вашу маменьку и сестрицу, сегодня-же переѣзжаю къ себѣ, о чемъ и рѣшилъ еще вчера вечеромъ. Извините, я васъ прервалъ; вамъ, кажется, хотѣлось еще много сказать.

— О, если такъ... задрожалъ Ганя.

— А если такъ, то позвольте мнѣ сѣсть, прибавилъ Ипполитъ, преспокойно усаживаясь на стулъ, на которомъ сидѣлъ генералъ,— я вѣдь всетаки боленъ; ну, теперь готовъ васъ слушать, тѣмъ болѣе, что это послѣдній нашъ разговоръ и даже, можетъ быть, послѣдняя встрѣча.

Ганѣ вдругъ стало совѣстно.

— Повѣрьте, что я не унижусь до счетовъ съ вами, сказалъ онъ,—и если вы...

— Напрасно вы такъ свысока, прервалъ Ипполитъ; — я, съ своей стороны, еще въ первый день переѣзда моего сюда, далъ себѣ слово не отказать себѣ въ удовольствіи отчеканить вамъ все и совершенно откровенньйшимъ образомъ, когда мы будемъ прощаться. Я намѣренъ это исполнить именно теперь, послѣ васъ, разумѣется.

— А я прошу васъ оставить эту комнату.

— Лучше говорите, вѣдь будете раскаиваться что не высказались.

— Перестаньте, Ипполитъ; все это ужасно стыдно; сдѣлайте одолженіе, перестаньте! сказала Варя.

— Развѣ только для дамы, разсмѣялся Ипполитъ, вставая. — Извольте, Варвара Ардаліоновна, для васъ я готовъ сократить, но только сократить, потому что нѣкоторое объясненіе между мной и вашимъ братцемъ стало совершенно необходимымъ, а я ни за что̀ не рѣшусь уйдти, оставивъ недоумѣнія.

— Просто за просто, вы сплетникъ, вскричалъ Ганя,—оттого и не рѣшитесь безъ сплетенъ уйдти.

— Вотъ видите, хладнокровно замѣтилъ Ипполитъ,—вы ужь и не удержались. Право будете раскаиваться, что не высказались. Еще разъ уступаю вамъ слово. Я подожду.

Гаврила Ардаліоновичъ молчалъ и смотрѣлъ презрительно.

— Не хотите. Выдержать характеръ намѣрены,—воля ваша. Съ своей стороны, буду кратокъ по возможности. Два или три раза услышалъ я сегодня упрекъ въ гостепріимствѣ: это несправедливо. Приглашая меня къ себѣ, вы сами меня ловили въ сѣти; вы разсчитывали, что я хочу отмстить князю. Вы услышали къ тому-же, что Аглая Ивановна изъявила ко мнѣ участіе и прочла мою исповѣдь. Разсчитывая почему-то, что я весь такъ и передамся въ ваши интересы, вы надѣялись, что, можетъ быть, найдете во мнѣ подмогу. Я не объясняюсь подробнѣе! Съ вашей стороны тоже не требую ни признанія, ни подтвержденія; довольно того, что я васъ оставляю съ вашею совѣстью, и что мы отлично понимаемъ теперь другъ друга.

— Но вы Богъ знаетъ что̀ изъ самаго обыкновеннаго дѣла дѣлаете! вскричала Варя.

— Я сказалъ тебѣ: «сплетникъ и мальчишка», промолвилъ Ганя.

— Позвольте, Варвара Ардаліоновна, я продолжаю. Князя я, конечно, не могу ни любить, ни уважать: но это человѣкъ рѣшительно добрый, хотя и... довольно смѣшной. Но ненавидѣть мнѣ его было-бы совершенно не за что̀; я не подалъ виду вашему братцу, когда онъ самъ подстрекалъ меня противъ князя: я именно разсчитывалъ посмѣяться при развязкѣ. Я зналъ, что вашъ братъ мнѣ проговорится и промахнется въ высшей степени. Такъ и случилось... Я готовъ теперь пощадить его, но единственно изъ уваженія къ вамъ, Варвара Ардаліоновна. Но, разъяснивъ вамъ, что меня не такъ-то легко поймать на удочку, я разъясню вамъ и то, почему мнѣ такъ хотѣлось поставить вашего братца предъ собой въ дураки. Знайте, что я исполнилъ это изъ ненависти, сознаюсь откровенно. Умирая (потому что я все-таки умру, хоть и потолстѣлъ, какъ вы увѣряете), умирая, я почувствовалъ, что уйду въ рай несравненно спокойнѣе, если успѣю одурачить хоть одного представителя того безчисленнаго сорта людей, который преслѣдовалъ меня всю мою

жизнь, который я ненавидѣлъ всю мою жизнь, и котораго такимъ выпуклымъ изображеніемъ служитъ многоуважаемый братъ вашъ. Ненавижу я васъ, Гаврила Ардаліоновичъ, единственно за то,—вамъ это, можетъ быть, покажется удивительнымъ,—*единственно за то*, что вы тинь и воплощеніе, олицетвореніе и верхъ самой пагюи, самой самодовольной, самой пошлой и гадкой ординарности! Вы ординарность напыщенная, ординарность не сомнѣвающаяся и олимпійски успокоенная; вы рутина изъ рутинъ! Ни малѣйшей собственной идеи не суждено возлотиться ни въ умѣ, ни въ сердцѣ вашемъ никогда. Но вы завистливы безконечно; вы твердо убѣждены, что вы величайшій геній, но сомнѣніе все-таки посѣщаетъ васъ иногда въ черныя минуты, и вы злитесь и завидуете. О, у васъ есть еще черныя точки на горизонтѣ; онѣ пройдутъ, когда вы погрузнѣете окончательно, что не далеко: но все-таки вамъ предстоитъ длинный и разнообразный путь, не скажу веселый, и этому радъ. Во первыхъ, предрекаю вамъ, что вы не достигнете извѣстной особы...

— Ну, это невыносимо! вскричала Варя.—Кончите-ли вы, противная злючка?

Ганя побѣдѣлъ, дрожалъ и молчалъ. Ипполитъ остановился, пристально и съ наслажденіемъ посмотрѣлъ на него, перевелъ свои глаза на Варю, усмѣхнулся, поклонился и вышелъ, не прибавивъ болѣе ни единаго слова.

Гаврила Ардаліоновичъ справедливо могъ-бы пожаловаться на судьбу и неудачу. Нѣкоторое время Варя не рѣшалась заговорить съ нимъ, даже не взглянула на него, когда онъ шагалъ мимо нея крупными шагами; наконецъ, онъ отошелъ къ окну и сталъ къ ней спиной. Варя думала о русской пословицѣ: «палка о двухъ концахъ». На верху опять послышался шумъ.

— Идетъ? обернулся къ ней вдругъ Ганя, заслышавъ, что она встаетъ съ мѣста.—Подожди; посмотри-ка это.

Онъ подошелъ и кинулъ предъ нею на стулъ маленькую бумажку, сложенную въ видѣ маленькой записочки.

— Господи! вскричала Варя и всплеснула руками.

Въ запискѣ было ровно семь строкъ:

«Гаврила Ардаліоновичъ! Убѣдившись въ вашемъ добромъ расположеніи ко мнѣ, рѣшаюсь спросить вашего совѣта въ одномъ важномъ для меня дѣлѣ. Я желала-бы встрѣтить васъ завтра, ровно въ семь часовъ утра, на зеленой скамейкѣ. Это недалеко отъ нашей дачи. Варвара Ардаліоновна, которая *непремѣнно* должна сопровождать васъ, очень хорошо знаетъ это мѣсто. А. Е.»

— Поди, считайся съ ней послѣ этого! развела руками Варвара Ардаліоновна.

Какъ ни хотѣлось пофанфаронить въ эту минуту Ганѣ, но не могъ-же онъ не выказать своего торжества, да еще послѣ такихъ унизительныхъ предреканій Ипполита. Самодовольная улыбка откровенно засіяла на его лицѣ, да и Варя сама вся просвѣтлѣла отъ радости.

— И это въ тотъ самый день, когда у нихъ объявляютъ о помолвкѣ! Поди, считайся съ ней послѣ этого!

— Какъ ты думаешь, о чемъ она завтра говорить собирается? спросилъ Ганя.

— Это все равно, главное, видѣться пожелала послѣ шести мѣсяцевъ въ первый разъ. Слушай-же меня, Ганя: что-бы тамъ ни было, какъ-бы ни обернулось, знай, что это *важно!* Слишкомъ это важно! Не фанфаронь опять, не дай опять промаха, но и не струсь, смотри! Могла-ли она не раскусить, зачѣмъ я полгода таскалась туда? И представь: ни слова мнѣ не сказала сегодня, виду не подала. Я вѣдь и занята-то къ нимъ контрабандой, старуха не знала, что я сижу, а то, пожалуй, и прогнала-бы. На рискъ для тебя ходила, во что-бы то ни стало узнать...

Опять крикъ и шумъ послышались сверху; нѣсколько человѣкъ сходили съ лѣстницы.

— Ни за что теперь этого не допускать! вскричала Варя въ испыхахъ и испуганная: — чтобъ и тѣни скандала не было! Ступай, прощенія проси!

Но отецъ семейства былъ уже на улицѣ. Коля тащилъ за нимъ сакъ. Нина Александровна стояла на крыльцѣ и плакала; она хотѣла было бѣжать за нимъ, но Птицынъ удержалъ ее.

— Вы только еще болѣе поджигаете его этимъ, говорилъ онъ ей, — некуда ему идти, чрезъ полчаса его опять приведутъ, я съ Колей уже говорилъ; дайте подурачиться.

— Что куражитесь-то, куда пойдете-то! закричалъ Ганя изъ окна: — и идти-то вамъ некуда!

— Воротитесь, папаша! крикнула Варя. — Сосѣди слышатъ.

Генералъ остановился, обернулся, простеръ свою руку и воскликнулъ:

— Проклятіе мое дому сему!

— И непремѣнно на театральный тонъ! пробормоталъ Ганя, со стукомъ запирая окно.

Сосѣди дѣйствительно слушали. Варя побѣжала изъ комнаты.

Когда Варя вышла, Ганя взялъ со стола записку, поцѣловалъ ее, прищелкнулъ языкомъ и сдѣлалъ антрша.

III.

Сумятоха съ генераломъ во всякое другое время кончилась-бы ничѣмъ. И прежде бывали съ нимъ случаи внезапной болѣзни, въ этомъ-же родѣ, хотя и довольно рѣдко, потому что, вообще говоря, это былъ человѣкъ очень смирный и съ наклонностями почти добрыми. Онъ сто разъ, можетъ быть, вступалъ въ борьбу съ овладѣвшимъ имъ въ послѣдніе годы безпорядкомъ. Онъ вдругъ вспоминалъ, что онъ «отецъ семейства», мирился съ женой, плакалъ искренно. Онъ до обожанія уважалъ Нину Александровну за то, что она такъ много и молча прощала ему, и любила его даже въ его шутовскомъ и унизительномъ видѣ. Но великодушная борьба съ безпорядкомъ обыкновенно продолжалась не долго; генералъ былъ тоже человѣкъ слишкомъ «порывчатый», хотя и въ своемъ родѣ: онъ обыкновенно не выносилъ показнаго и праздная житья въ своемъ семействѣ и кончалъ бунтомъ; впадалъ въ азартъ, въ которомъ самъ, можетъ быть, въ тѣ-же самыя минуты и упрекалъ себя, но выдержать не могъ: сорился, начиналъ говорить пышно и краснорѣчиво, требовалъ безмѣрнаго и невозможнаго къ себѣ почтенія и въ концѣ концовъ исчезалъ изъ дому, иногда даже на долгое время. Въ послѣдніе два года про дѣла своего семейства онъ зналъ развѣ только вообще, или по наслышкѣ; подробнѣе-же переставъ въ нихъ входить, не чувствуя къ тому ни малѣйшаго призванія.

Но на этотъ разъ въ «сумятохѣ съ генераломъ» проявилось нѣчто необыкновенное; всѣ какъ будто про что-то знали, и всѣ какъ будто боялись про что-то сказать. Генералъ «формально» явился въ семейство, то есть къ Нинѣ Александровнѣ, всего только три дня назадъ, но какъ-то не смиренно и не съ покаяніемъ, какъ это случалось всегда при прежнихъ «явкахъ», а напротивъ — съ необыкновенною раздражительностью. Онъ былъ говорливъ, безпокоенъ, заговаривалъ со всѣми встрѣчавшимися съ нимъ съ жаромъ, и какъ будто такъ и набрасывался на человѣка, но все о предметахъ до того разнообразныхъ и нескладныхъ, что никакъ нельзя было добиться, что въ сущности его такъ теперь безпокоитъ. Минутами бывалъ веселъ, но чаще задумывался, самъ, впрочемъ, не зная о чемъ именно; вдругъ начиналъ о чемъ-то разсказывать, — о Епанчиныхъ, о князѣ, о Лебедевѣ, — и вдругъ обрывалъ и переставалъ совсѣмъ говорить, а на дальнѣйшіе вопросы отвѣчалъ только тупою улыбкой, впрочемъ, даже и не замѣчая, что его спрашиваютъ, а

онъ улыбается. Послѣднюю ночь онъ провелъ охая и стоная и измучилъ Нину Александровну, которая всю ночь грѣла ему для чего-то припарки; подъ утро вдругъ заснулъ, проспалъ четыре часа и проснулся въ сильнѣйшемъ и безпорядочномъ припадкѣ ипохондріи, который и кончился ссорой съ Ипполитомъ и «проклятіемъ дому сему». Замѣтили тоже, что въ эти три дня онъ безпрерывно впадалъ въ сильнѣйшее честолюбіе, а вслѣдствіе того и въ необыкновенную обидчивость. Коля-же настаивалъ, увѣряя мать, что все это тоска по хмѣльномъ, а, можетъ, и по Лебедевѣ, съ которымъ генералъ необыкновенно сдружился въ послѣднее время. Но три дня тому назадъ съ Лебедевымъ онъ вдругъ поссорился и разошелся въ ужасной ярости; даже съ княземъ была какая-то сцена. Коля просилъ у князя объясненія и сталъ, наконецъ, подозрѣвать, что и тотъ чего-то какъ-бы не хочетъ сказать ему. Если и происходилъ, какъ предполагалъ съ совершенною вѣроятностью Ганя, какой-нибудь особенный разговоръ между Ипполитомъ и Ниной Александровной, то странно, что этотъ злой господинъ, котораго Ганя такъ прямо назвалъ сплетникомъ, не нашелъ удовольствія вразумить такимъ-же образомъ и Колю. Очень можетъ быть, что это былъ не такой уже злой «мальчишка», какимъ его очерчивалъ Ганя, говоря съ сестрой, а злой какого-нибудь другаго сорта; да и Нинъ Александровнѣ врядъ-ли онъ сообщилъ какое-нибудь свое наблюденіе, единственно для того только чтобы «разорвать ей сердце». Не забудемъ, что причины дѣйствій человѣческихъ обыкновенно безчисленно сложнѣе и разнообразнѣе чѣмъ мы ихъ всегда потомъ объясняемъ и рѣдко опредѣленно очерчиваются. Всего лучше иногда разскащику ограничиваться простымъ изложеніемъ событій. Такъ и поступимъ мы при дальнѣйшемъ разъясненіи теперешней катастрофы съ генераломъ; ибо, какъ мы ни бились, а поставлены въ рѣшительную необходимость удѣлить и этому второстепенному лицу нашего разсказа нѣсколько болѣе вниманія и мѣста чѣмъ до сихъ поръ предполагали.

Событія эти слѣдовали одно за другимъ въ такомъ порядкѣ:

Когда Лебедевъ, послѣ поѣздки своей въ Петербургъ для розысканія Фердыщенки, воротился въ тотъ-же день назадъ, вмѣстѣ съ генераломъ, то ничего особеннаго не сообщилъ князю. Если-бы князь не былъ въ то время слишкомъ отвлеченъ и занятъ другими важными для него впечатлѣніями, то онъ могъ-бы скоро замѣтить, что и въ слѣдовавшіе за тѣмъ два дня Лебедевъ не только не представилъ ему никакихъ разъясненій, но даже, напротивъ, какъ-бы самъ избѣгалъ почему-то встрѣчи съ нимъ. Обративъ, наконецъ, на это вниманіе, князь подивился, что въ эти два дня, при случайныхъ встрѣчахъ съ Лебедевымъ, онъ припоминалъ его не иначе,

какъ въ самомъ сіяющемъ расположеніи духа и всегда почти вмѣстѣ съ генераломъ. Оба друга не разставались уже ни на минуту. Князь слышалъ иногда доносившіеся къ нему сверху громкіе и быстрые разговоры, хохотливый, веселый споръ; даже разъ, очень поздно вечеромъ, донеслись къ нему звуки внезапно и неожиданно раздавшейся военно-вакхической пѣсни, и онъ тотчасъ-же узналъ сильный басъ генерала. Но раздавшаяся пѣсня не состоялась и вдругъ смолкла. Затѣмъ около часа еще продолжался сильно-одушевленный и по всѣмъ признакамъ пьяный разговоръ. Угадать можно было, что забавлявшіеся на верху друзья обнимались, и кто-то, наконецъ, заплакалъ. Затѣмъ вдругъ послѣдовала сильная ссора, тоже быстро и скоро замолкшая. Все это время Коля былъ въ какомъ-то особенно озабоченномъ настроеніи. Князь большею частью не бывалъ дома и возвращался къ себѣ иногда очень поздно; ему всегда докладывали, что Коля весь день искалъ его и спрашивалъ. Но при встрѣчахъ Коля ничего не могъ сказать особеннаго, кромѣ того, что рѣшительно недоволенъ генераломъ и теперешнимъ его поведеніемъ: «таскаются, пьянствуютъ здѣсь недалеко въ трактирѣ, обнимаются и бранятся на улицѣ, подкидываютъ другъ друга и разстаться не могутъ». Когда князь замѣтилъ ему, что и прежде то-же самое чуть не каждый день было, то Коля рѣшительно не зналъ что на это отвѣтить и какъ объяснить, въ чемъ именно заключается настоящее его безпокойство.

На утро послѣ вакхической пѣсни и ссоры, когда князь, часовъ около одиннадцати, выходилъ изъ дому, предъ нимъ вдругъ явился генералъ, чрезвычайно чѣмъ-то взволнованный, почти потрясенный.

— Давно искалъ чести и случая встрѣтить васъ, многоуважаемый Левъ Николаевичъ, давно, очень давно, пробормоталъ онъ, чрезвычайно крѣпко, почти до боли сжимая руку князя,—очень, очень давно.

Князь попросилъ садиться.

— Нѣтъ, не сяду, къ тому-же я васъ задерживаю, я—въ другой разъ. Кажется, я могу при этомъ поздравить съ... исполненіемъ... желаній сердца

— Какихъ желаній сердца?

Князь смутился. Ему, какъ и очень многимъ въ его положеніи, казалось, что рѣшительно никто ничего не видитъ, не догадывается и не понимаетъ.

— Будьте покойны, будьте покойны! Не потревожу деликатнѣйшихъ чувствъ. Самъ испытывалъ и самъ знаю, когда чужой... такъ сказать, пось... по пословицѣ... лѣзетъ туда, куда его не

спрашиваютъ. Я это каждое утро испытываю. Я по другому дѣлу пришелъ, но важному. Но очень важному дѣлу, князь.

Князь еще разъ попросилъ сѣсть и сѣлъ самъ.

— Развѣ на одну секунду... Я пришелъ за совѣтомъ. Я, конечно, живу безъ практическихъ цѣлей, но уважая самого себя и... дѣловитость, въ которой такъ маникруетъ русскій человѣкъ, говоря вообще... желаю поставить себя, и жену мою, и дѣтей моихъ въ положеніе... однимъ словомъ, князь, я ищу совѣта.

Князь съ жаромъ похвалилъ его намѣреніе.

— Ну, это все вздоръ, быстро прервалъ генералъ, — я, главное, не о томъ, я о другомъ и о важномъ. И именно рѣшился разъяснить вамъ, Левъ Николаевичъ, какъ человѣку, въ искренности пріема и въ благородствѣ чувствъ котораго я увѣренъ, какъ... какъ... Вы не удивляетесь моимъ словамъ, князь?

Князь, если не съ особеннымъ удивленіемъ, то съ чрезвычайнымъ вниманіемъ и любопытствомъ слѣдилъ за своимъ гостемъ. Старикъ былъ нѣсколько блѣденъ, губы его иногда слегка вздрагивали, руки какъ-бы не могли найдти спокойнаго мѣста. Онъ сидѣлъ только нѣсколько минутъ и уже раза два успѣлъ для чего-то вдругъ подняться со стула и вдругъ опять сѣсть, очевидно, не обращая ни малѣйшаго вниманія на свои маневры. На столѣ лежали книги; онъ взялъ одну, продолжая говорить, заглянулъ въ развернутую страницу, тотчасъ-же опять сложилъ и положилъ на столъ, схватилъ другую книгу, которую уже не развертывалъ, а продержалъ все остальное время въ правой рукѣ, безпрерывно махая ею по воздуху.

— Довольно! вскричалъ онъ вдругъ:—вижу, что я васъ сильно обезпокоилъ.

— Да нисколько-же, помилуйте, сдѣлайте одолженіе, я, напротивъ, вслушиваюсь и желаю догадаться...

— Князь! Я желаю поставить себя въ положеніе уважаемое... я желаю уважать самого себя и... права мои.

— Человѣкъ съ такимъ желаніемъ уже тѣмъ однимъ достоинъ всякаго уваженія.

Князь высказалъ свою фразу изъ прошлой въ твердой увѣренности, что она произведетъ прекрасное дѣйствіе. Онъ какъ-то инстинктивно догадался, что какою нибудь подобною пустозвонною, но пріятною фразой, сказанною кстати, можно вдругъ покорить и умирить душу такого человѣка и особенно въ такомъ положеніи, какъ генералъ. Во всякомъ случаѣ надо было отпустить такого гостя съ облегченнымъ сердцемъ, и въ томъ была задача.

Фраза польстила, тронула и очень понравилась: генералъ вдругъ расчувствовался, мгновенно перемѣнилъ тонъ и пустился въ востор-

женно-длинныя объясненія. Но какъ ни напрягался князь, какъ ни вслушивался, онъ буквально ничего не могъ понять. Генералъ говорилъ минутъ десять, горячо, быстро, какъ-бы не успѣвая выговаривать свои тѣснившіяся толпой мысли; даже слезы заблистали подъ конецъ въ его глазахъ, но все-таки это были одинъ фразы безъ начала и конца, неожиданныя слова и неожиданныя мысли, быстро и неожиданно прорывавшіяся и перескакивавшія одна чрезъ другую.

— Довольно! Вы меня поняли, и я спокоенъ, заключилъ онъ вдругъ, вставая;—сердце, какъ ваше, не можетъ не понять страждущаго. Князь, вы благородны какъ идеалъ! Что предъ вами другіе? Но вы молоды, и я благословляю васъ. Въ концѣ концовъ я пришелъ васъ просить назначить мнѣ часъ для важнаго разговора, и вотъ въ чемъ главнѣйшая надежда моя. Я ищу одной дружбы и сердца, князь: я никогда не могъ сладить съ требованіями моего сердца.

— Но почему-же не сейчасъ? Я готовъ выслушать...

— Нѣтъ, князь, нѣтъ! горячо прервалъ генералъ:—не сейчасъ! Сейчасъ есть мечта! Это слишкомъ, слишкомъ важно, слишкомъ важно! Этотъ часъ разговора будетъ часомъ окончательной судьбы. Это будетъ часъ *мой*, и я-бы не желалъ, чтобы насъ могъ прервать въ такую святую минуту первый вошедшій, первый наглецъ, и нерѣдко такой наглецъ,—нагнулся онъ вдругъ къ князю со страннымъ, таинственнымъ и почти испуганнымъ шепотомъ,—такой наглецъ, который не стоитъ каблука... съ ноги вашей, возлюбленный князь! О, я не говорю: съ моей ноги! Особенно замѣтьте себѣ, что я не упоминалъ про мою ногу; ибо слишкомъ уважаю себя, чтобы высказать это безъ обиняковъ; но только вы одинъ и способны понять, что, отвергая въ такомъ случаѣ и мой каблукъ, я выказываю, можетъ быть, чрезвычайную гордость достоинства. Кромѣ васъ никто другой не пойметъ, а *она* во главѣ всѣхъ другихъ. *Она* ничего не понимаетъ, князь; совершенно, совершенно неспособенъ понять! Нужно имѣть сердце чтобы понять!

Подъ конецъ князь почти испугался и назначилъ генералу свиданіе на завтра въ этотъ-же часъ. Тотъ вышелъ съ бодростью, чрезвычайно утѣшенный и почти успокоенный. Вечеромъ, въ седьмомъ часу, князь послалъ попросить къ себѣ на минутку Лебедева.

Лебедевъ явился съ чрезвычайною посѣщенностью «за честь почитая», какъ онъ тотчасъ-же и началъ при входѣ; какъ-бы и тѣни не было того, что онъ три дня точно прятался и видимо избѣгалъ встрѣчи съ княземъ. Онъ сѣлъ на край стула, съ гримасами, съ улыбками, со смѣющимися и выглядывающими глазками, съ потираніемъ рукъ и съ видомъ наивнѣйшаго ожиданія что нибудь услы-

шать, въ родѣ какого нибудь капитальнаго сообщенія, давно ожидаемаго и всѣми угаданнаго. Князя опять покоробило; ему становилось яснымъ, что всѣ вдругъ стали чего-то ждать отъ него, что всѣ взглядываютъ на него какъ-бы желая его съ чѣмъ-то поздравить, съ намеками, улыбками и подмигиваніями. Келлеръ уже раза три забѣгалъ на минутку, и тоже съ видимымъ желаніемъ поздравить: начиналъ какой разъ восторженно и неясно, ничего не оканчивалъ и быстро стушевывался. (Онъ гдѣ-то особенно сильно запилъ въ послѣдніе дни и тремъ въ какой-то бильярдной). Даже Коля, не смотря на свою грусть, тоже началъ раза два о чемъ-то неясно заговаривать съ княземъ.

Князь прямо и нѣсколько раздражительно спросилъ Лебедева, что̀ думаетъ онъ о теперешнемъ состояніи генерала, и почему тотъ въ такомъ безпокойствѣ? Въ нѣсколькихъ словахъ онъ разсказалъ ему давешнюю сцену.

— Всякій имѣетъ свое безпокойство, князь, и... особенно въ нашъ странный и безпокойный вѣкъ-съ; такъ-съ: съ нѣкоторою сухостью отвѣтилъ Лебедевъ и обиженно замолкъ, съ видомъ человѣка сильно обманутаго въ своихъ ожиданіяхъ.

— Какая философія! усмѣхнулся князь.

— Философія нужна-съ, очень-бы нужна была-съ въ нашемъ вѣкѣ, въ практическомъ приложеніи, но ею пренебрегаютъ-съ, вотъ что̀-съ. Съ моей стороны, многоуважаемый князь, я хоть и бывалъ почтенъ вашею ко мнѣ довѣрчивостью въ нѣкоторомъ извѣстномъ вамъ пунктѣ-съ, но до извѣстной лишь степени и никакъ не далѣе обстоятельствъ, касавшихся собственно одного того пункта... Это я понимаю и нисколько не жалуюсь.

— Лебедевъ, вы какъ будто за что-то сердитесь?

— Нисколько, ни мало, многоуважаемый и лучезарнѣйшій князь, ни мало! восторженно вскричалъ Лебедевъ, прикладывая руку къ сердцу:— а напротивъ, именно и тотчасъ постигъ, что ни положеніемъ въ свѣтѣ, ни развитіемъ ума и сердца, ни накопленіемъ богатствъ, ни прежнимъ поведеніемъ моимъ, ниже познаніями, — ничѣмъ вашей почтенной и высоко предстоящей надеждамъ моимъ довѣренности не заслуживаю: а что если и могу служить вамъ, то какъ рабъ и наемникъ, не иначе... я не сержусь, а грущу-съ.

— Лукьянъ Тимоѳеичъ, помилуйте!

— Не иначе! Такъ и теперь, такъ и въ настоящемъ случаѣ! Встрѣчая васъ и слѣдя за вами сердцемъ и мыслью, говорилъ самъ себѣ: дружескихъ сообщеній я недостоинъ, но въ качествѣ хозяина квартиры, можетъ быть, и могу получить въ надлежащее время, къ ожидаемому сроку, такъ сказать, предписаніе, или много что увѣ-

домленіе въ виду извѣстныхъ предстоящихъ и ожидаемыхъ измѣненій...

Выговаривая это, Лебедевъ такъ и вился своими востренькими глазками въ глядѣвшаго на него съ изумленіемъ князя: онъ все еще былъ въ надеждѣ удовлетворить свое любопытство.

Рѣшительно ничего не понимаю, вскричалъ князь чуть-ли не съ гнѣвомъ,—и... вы ужаснѣйшій интриганъ! разсмѣялся онъ вдругъ самымъ искреннимъ смѣхомъ.

Мигомъ разсмѣялся и Лебедевъ, и просіявшій взглядъ его такъ и выразилъ, что надежды его прояснились и даже удвоились.

— И знаете что̀ я вамъ скажу, Лукьянъ Тимоѳеичъ? Вы только на меня не сердитесь, а я удивляюсь вашей наивности, да и не одной вашей! Вы съ такою наивностью чего-то отъ меня ожидаете, вотъ именно теперь въ эту минуту, что мнѣ даже совѣстно и стыдно предъ вами, что у меня нѣтъ ничего чтобъ удовлетворить васъ; но клянусь-же вамъ, что рѣшительно нѣтъ ничего, можете себѣ это представить!

Князь опять засмѣялся.

Лебедевъ пріосанился. Это правда, что онъ бывалъ иногда даже слишкомъ наивенъ и назойливъ въ своемъ любопытствѣ: но въ то же время это былъ человѣкъ довольно хитрый и извилистый, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже слишкомъ коварно-молчаливый: безпрерывными отталкиваніями князь почти приготовилъ въ немъ себѣ врага. Но отталкивалъ его князь не потому что его презиралъ, а потому что тема любопытства его была деликатна. На нѣкоторыя мечты свои князь смотрѣлъ еще назадъ тому нѣсколько дней какъ на преступленіе, а Лукьянъ Тимоѳеичъ принималъ отказы князя за одно лишь личное къ себѣ отвращеніе и недовѣрчивость, уходилъ съ сердцемъ уязвленнымъ и ревновалъ къ князю не только Колю и Келлера, но даже собственную дочь свою, Вѣру Лукьяновну. Даже въ самую эту минуту онъ, можетъ быть, могъ-бы и желалъ искренно сообщить князю одно въ высшей степени интересное для князя извѣстіе, но мрачно замолкъ и не сообщилъ.

— Чѣмъ-же собственно могу услужить вамъ, многоуважаемый князь, такъ какъ всетаки вы меня теперь... кликнули? проговорилъ онъ, наконецъ, послѣ нѣкотораго молчанія.

— Да вотъ я собственно о генералѣ, встрепенулся князь, тоже на минутку задумавшійся, —и... на счетъ вашей этой покражи, о которой вы мнѣ сообщили...

— Это на счетъ чего-же-съ?

— Ну вотъ, точно вы теперь меня и не понимаете! Ахъ Боже, что̀, Лукьянъ Тимоѳеичъ, у васъ все за роли! Деньги, деньги, четы-

реста рублей, которые вы тогда потеряли, въ бумажникѣ, и про которые приходили сюда разсказывать, по-утру, отправляясь въ Петербургъ,—поняли, наконецъ?

— Ахъ, это вы про тѣ четыреста рублей! протянулъ Лебедевъ, точно лишь сейчасъ только догадался.—Благодарю васъ, князь, за ваше искреннее участіе: оно слишкомъ для меня лестно, но... я ихъ нашелъ-съ, и давно уже.

— Нашли! Ахъ, слава Богу!

— Восклицаніе съ вашей стороны благороднѣйшее, ибо четыреста рублей,—слишкомъ не маловажное дѣло для бѣднаго, живущаго тяжкимъ трудомъ человѣка, съ многочисленнымъ семействомъ сиротъ...

— Да я вѣдь не про то! Конечно, я и тому радъ, что вы нашли, поправился поскорѣе князь,—но... какъ-же вы нашли?

— Чрезвычайно просто-съ, нашелъ подъ стуломъ, на которомъ былъ повѣшенъ сюртукъ, такъ что, очевидно, бумажникъ сползнулъ изъ кармана на полъ.

— Какъ подъ стулъ? Не можетъ быть, вѣдь вы-же мнѣ говорили, что во всѣхъ углахъ обыскивали; какъ-же вы въ этомъ самомъ главномъ мѣстѣ просмотрѣли?

— То-то и есть что смотрѣть-съ! Слишкомъ, слишкомъ хорошо помню, что смотрѣть-съ! На карачкахъ ползалъ, щупалъ на этомъ мѣстѣ руками, отставивъ стулъ, собственнымъ глазамъ своимъ не вѣруя: и вижу, что нѣтъ ничего, пустое и гладкое мѣсто, вотъ какъ моя ладонь-съ, а все-таки продолжаю щупать. Подобное малодушіе-съ всегда повторяется съ человѣкомъ, когда ужь очень хочется отыскать... при значительныхъ и печальныхъ пропажахъ-съ: и видитъ, что нѣтъ ничего, мѣсто пустое, а все-таки разъ пятнадцать въ него заглянетъ.

— Да, положимъ; только какъ-же это однако?.. Я все не понимаю, бормоталъ князь, сбитый съ толку,—прежде, вы говорили, тутъ не было, и вы на этомъ мѣстѣ искали, а тутъ вдругъ очутилось?

— А тутъ вдругъ и очутилось-съ.

Князь странно посмотрѣлъ на Лебедева.

— А генералъ? вдругъ спросилъ онъ.

— То есть что-же-съ, генералъ-съ? не понялъ опять Лебедевъ.

— Ахъ, Боже мой! Я спрашиваю, что сказалъ генералъ, когда вы отыскали подъ стуломъ бумажникъ? Вѣдь вы-же вмѣстѣ прежде отыскивали.

— Прежде вмѣстѣ-съ. Но въ этотъ разъ я, признаюсь, про-

молчалъ-съ и предпочелъ не объявлять ему, что бумажникъ уже отысканъ мною, наединѣ.

— По... почему-же?.. А деньги цѣлы?

— Я раскрывалъ бумажникъ; всѣ цѣлы, до единаго даже рубля-съ.

— Хоть-бы мнѣ-то пришли сказать, задумчиво замѣтилъ князь.

— Побоялся лично обезпокоить, князь, при вашихъ личныхъ и, можетъ быть, чрезвычайныхъ, такъ сказать, впечатлѣніяхъ; а кромѣ того, я и самъ-то-съ принялъ видъ, что какъ-бы и не находилъ ничего. Бумажникъ развернулъ, осмотрѣлъ, потомъ закрылъ да и опять подъ стулъ положилъ.

— Да для чего-же?

— Т-такъ-съ: изъ дальнѣйшаго любопытства-съ, хихикнулъ вдругъ Лебедевъ, потирая руки.

— Такъ онъ и теперь тамъ лежитъ, съ третьяго дня?

— О, нѣтъ-съ; полежалъ только сутки. Я, видите-ли, отчасти хотѣлъ, чтобъ и генералъ отыскалъ-съ. Потому что если я, наконецъ, нашелъ, такъ почему-же и генералу не замѣтить предметъ, такъ сказать, бросающійся въ глаза, торчащій изъ подъ стула. Я нѣсколько разъ поднималъ этотъ стулъ и переставлялъ, такъ что бумажникъ уже совсѣмъ на виду оказывался, но генералъ никакъ не замѣчалъ, и такъ продолжалось цѣлыя сутки. Очень ужъ онъ, видно, разсѣянъ теперь, и не разберешь; говоритъ, разсказываетъ, смѣется, хохочетъ, а то вдругъ ужасно на меня разсердится, не знаю почему-съ. Стали мы, наконецъ, выходить изъ комнаты, я дверь нарочно отперту̀ю и оставляю; онъ таки поколебался, хотѣлъ что-то сказать, вѣроятно, за бумажникъ съ такими деньгами испугался, но ужасно вдругъ разсердился и ничего не сказалъ-съ; двухъ шаговъ по улицѣ не прошли, онъ меня бросилъ и ушелъ въ другую сторону. Вечеромъ только въ трактирѣ сошлись.

— Но, наконецъ, вы все-таки взяли изъ-подъ стула бумажникъ?

— Нѣтъ-съ: въ ту-же ночь онъ изъ подъ стула пропалъ-съ.

— Такъ гдѣ-же онъ теперь-то?

— Да здѣсь-съ, засмѣялся вдругъ Лебедевъ, подымаясь во весь ростъ со стула и пріятно смотря на князя,—очутился вдругъ здѣсь, въ полѣ собственнаго моего сюртука. Вотъ, изволите сами посмотрѣть, ощупайте-съ.

Дѣйствительно, въ лѣвой полѣ сюртука, прямо спереди, на самомъ виду, образовался какъ-бы цѣлый мѣшокъ, и на ощупь тотчасъ-же можно было угадать, что тутъ кожаный бумажникъ, провалившійся туда изъ прорвавшагося кармана.

— Вынималъ и смотрѣлъ-съ, все цѣло-съ. Опять опустилъ, и

такъ со вчерашняго утра и хожу, въ полѣ пошу, по ногамъ даже бьетъ.

— А вы и не примѣчаете?

— А я и не примѣчаю-съ, хе-хе! И представьте себѣ, многоуважаемый князь,— хотя предметъ и не достоинъ такого особеннаго вниманія вашего,—всегда-то карманы у меня цѣлехоньки, а тутъ вдругъ въ одну ночь такая дыра! Сталъ высматривать любопытнѣе,—какъ-бы перочиннымъ ножичкомъ кто прорѣзалъ: невѣроятно почти-съ?

— А... генералъ.

— Цѣлый день сердился, и вчера, и сегодня: ужасно недоволенъ-съ; то радостенъ и вакхиченъ даже до льстивости, то чувствителенъ даже до слезъ, а то вдругъ разсердится, да такъ, что я даже и струшу-съ, ей Богу-съ; я, князь, все-таки человѣкъ не военный-съ. Вчера въ трактирѣ сидимъ, а у меня какъ-бы невзначай пола выставилась на самый видъ, гора горой; косится онъ, сердится. Прямо въ глаза онъ мнѣ теперь давно уже не глядитъ-съ, развѣ когда ужь очень хмѣленъ или расчувствуется; но вчера раза два такъ поглядѣлъ, что просто морозъ по спинѣ прошелъ. Я, впрочемъ, завтра намѣренъ бумажникъ найдти, а до завтра еще съ нимъ вечерокъ погуляю.

— За что̀ вы такъ его мучаете? вскричалъ князь.

— Не мучаю, князь, не мучаю, съ жаромъ подхватилъ Лебедевъ; — я искренно его люблю-съ и... уважаю-съ: а теперь, вотъ вѣрьте не вѣрьте, онъ еще дороже мнѣ сталъ-съ; еще болѣе сталъ цѣнить-съ!

Лебедевъ проговорилъ все это до того серіозно и искренно, что князь принялъ даже въ негодованіе.

— Любите, а такъ мучаете! Помилуйте, да ужь тѣмъ однимъ, что онъ такъ на видъ положилъ вамъ пропажу, подъ стулъ да въ сюртукъ, ужь этимъ однимъ онъ вамъ прямо показываетъ, что не хочетъ съ вами хитрить, а простодушно у васъ прощенія проситъ! Сыщите: прощенія проситъ! Онъ на деликатность чувствъ вашихъ, стало быть, надѣется; стало быть, вѣритъ въ дружбу вашу къ нему. А вы до такого униженія доводите такого... честнѣйшаго человѣка!

— Честнѣйшаго, князь, честнѣйшаго! подхватилъ Лебедевъ, сверкая глазами; — и именно только вы одни, благороднѣйшій князь, въ состояніи были такое справедливое слово сказать! За это-то я и преданъ вамъ даже до обожанія-съ, хоть и прогнилъ отъ разныхъ пороковъ! Рѣшено! Отыскиваю бумажникъ теперь-же, сейчасъ-же, а не завтра: вотъ, вынимаю его въ вашихъ глазахъ-съ: вотъ онъ; вотъ и деньги всѣ на лицо: вотъ, возьмите, благороднѣй-

ній князь, возьмите и сохраните до завтра. Завтра или послѣ завтра возьму-съ; а знаете, князь, очевидно, что у меня гдѣ нибудь въ садикѣ подъ камушкомъ пролежали въ первую-то ночь пропажи-съ; какъ вы думаете?

— Смотрите-же, не говорите ему такъ прямо въ глаза, что бумажникъ нашли. Пусть просто-за-просто онъ увидитъ, что въ полѣ больше нѣтъ ничего, и пойметъ.

— Такъ-ли-съ? Не лучше-ли сказать что нашелъ-съ, и притвориться, что до сихъ поръ не догадывался?

— Н-нѣтъ, задумался князь, — нѣтъ, теперь уже поздно; это опаснѣе: право, лучше не говорите! А съ нимъ будьте ласковы, но... не слишкомъ дѣлайте видъ, и... и... знаете...

— Знаю, князь, знаю, то есть знаю, что, пожалуй, и не выполню: ибо тутъ надо сердце такое какъ ваше имѣть. Да и къ тому-же и самъ раздражителенъ и повадливъ, слишкомъ ужъ онъ свысока сталъ со мной иногда теперь обращаться: то хнычетъ и обнимается, а то вдругъ начнетъ унижать и презрительно издѣваться: ну, тутъ я возьму, да нарочно полу-то и выставлю, хе-хе! До свиданья, князь, ибо очевидно задерживаю и мѣшаю, такъ сказать, интереснѣйшимъ чувствамъ...

— Но, ради Бога, прежній секретъ!

— Тихими стопами-съ, тихими стопами-съ!

Но хоть дѣло было и кончено, а князь остался озабоченъ чуть-ли не болѣе прежняго. Онъ съ нетерпѣніемъ ждалъ завтрашняго свиданія съ генераломъ.

IV.

Назначенный часъ былъ двѣнадцатый, но князь совершенно неожиданно опоздалъ. Воротясь домой, онъ засталъ у себя ожидавшаго его генерала. Съ перваго взгляда замѣтилъ онъ, что тотъ недоволенъ и, можетъ быть, именно тѣмъ, что пришлось подождать. Извинившись, князь поспѣшилъ сѣсть, но какъ-то странно робѣя, точно гость его былъ фарфоровый, а онъ поминутно боялся его разбить. Прежде онъ никогда не робѣлъ съ генераломъ, да и въ умъ не приходило робѣть. Скоро князь разглядѣлъ, что это совсѣмъ другой человѣкъ чѣмъ вчера: вмѣсто смятенія и разсѣянности, проглядывала какая-то необыкновенная сдержанность; можно было заключить, что это человѣкъ на что-то рѣшившійся окончательно. Спокойствіе, впрочемъ, было болѣе наружное чѣмъ

на самомъ дѣлѣ. Но во всякомъ случаѣ, гость былъ благородно развязенъ, хотя и со сдержаннымъ достоинствомъ; даже въ началѣ обращался съ княземъ какъ-бы съ видомъ нѣкотораго снисхожденія, — именно такъ, какъ бываютъ иногда благородно развязны иные гордые, но не справедливо обиженные люди. Говорилъ ласково, хотя и не безъ нѣкотораго прискорбія въ выговорѣ.

Ваша книга, которую я браль у васъ намедни, — значительно кивнулъ онъ на принесенную имъ и лежавшую на столѣ книгу: — благодаренъ.

— Ахъ, да: прочли вы эту статью, генералъ? Какъ вамъ понравилась? Вѣдь любопытно? обрадовался князь возможности поскорѣе начать разговоръ по-постороннѣе.

— Любопытно, пожалуй, но грубо и, конечно, вздорно. Можетъ, и ложь на каждомъ шагу.

Генералъ говорилъ съ апломбомъ, и даже немного растягивая слова.

— Ахъ, это такой простодушный разсказъ: разсказъ стараго солдата очевидца о пребываніи французовъ въ Москвѣ; нѣкоторыя вещи прелесть. Къ тому-же всякія записки очевидцевъ драгоцѣнность, даже кто-бы ни былъ очевидецъ. Не правда-ли?

— На мѣстѣ редактора, я-бы не напечаталъ: что-же касается вообще до записокъ очевидцевъ, то повѣрятъ скорѣе грубому лгуну, но забавнику, чѣмъ человѣку достойному и заслуженному. Я знаю нѣкоторыя записки о двѣнадцатомъ годѣ, которыя... Я принялъ рѣшеніе, князь, я оставляю этотъ домъ,—домъ господина Лебедева.

Генералъ значительно поглядѣлъ на князя.

— Вы имѣете свою квартиру, въ Павловскѣ, у... у дочери вашей... проговорилъ князь, не зная что сказать. Онъ вспомнилъ, что вѣдь генералъ пришелъ за совѣтомъ по чрезвычайному дѣлу, отъ котораго зависитъ судьба его.

— У моей жены; другими словами, у себя и въ домѣ моей дочери.

— Извините, я...

— Я оставляю домъ Лебедева потому, милый князь, потому что съ этимъ человѣкомъ порвалъ: порвалъ вчера вечеромъ, съ раскаяніемъ что не раньше. Я требую уваженія, князь, и желаю получать его даже и отъ тѣхъ лицъ, которымъ дарю, такъ сказать, мое сердце. Князь, я часто дарю мое сердце и почти всегда бываю обманутъ. Этотъ человѣкъ былъ недостоинъ моего подарка.

— Въ немъ много безпорядка, сдержанно замѣтилъ князь,—и нѣкоторыя черты... но среди всего этого замѣчается сердце, хитрый, а иногда и забавный умъ.

Утонченность выраженій, почтительный тонъ видимо польстили генералу, хотя онъ все еще иногда взглядывалъ со внезапною недовѣрчивостью. Но тонъ князя былъ такъ натуралъ и искренекъ, что невозможно было усомниться.

— Что въ немъ есть и хорошія качества, подхватилъ генералъ,—то я первый заявилъ объ этомъ, чуть не подаривъ этому индивидууму дружбу мою. Не нуждаюсь-же я въ его домѣ и въ его гостепріимствѣ, имѣя собственное семейство. Я свои пороки не оправдываю: я невоздержекъ: я пилъ съ нимъ вино и теперь, можетъ быть, плачу объ этомъ. Но вѣдь не для одного-же питья (извините, князь, грубость откровенности въ человѣкѣ раздраженномъ), не для одного-же питья я связался съ нимъ? Меня именно прельстили, какъ вы говорите, качества. Но все до извѣстной черты, даже и качества: и если онъ вдругъ, въ глаза, имѣетъ дерзость увѣрять, что въ двѣнадцатомъ году, еще ребенкомъ, въ дѣтствѣ, онъ лишился лѣвой своей ноги и похоронилъ ее на Ваганьковскомъ кладбищѣ, въ Москвѣ, то ужь это заходитъ за предѣлы, являетъ неуваженіе, показываетъ наглость...

— Можетъ быть, это была только шутка для веселаго смѣха.

— Понимаю-съ. Невинная ложь для веселаго смѣха, хотя-бы и грубая, не обижаетъ сердца человѣческаго. Иной и лжетъ-то, если хотите, изъ одной только дружбы, чтобы доставить тѣмъ удовольствіе собесѣднику; но если просвѣчиваетъ неуваженіе, если именно, можетъ быть, подобнымъ неуваженіемъ хотятъ показать, что тяготятся связью, то человѣку благородному остается лишь отвернуться и порвать связь, указавъ обидчику его настоящее мѣсто.

Генералъ даже покраснѣлъ, говоря.

— Да Лебедевъ и не могъ быть въ двѣнадцатомъ году въ Москвѣ; онъ слишкомъ молодъ для этого; это смѣшно.

— Во первыхъ, это; но положимъ, онъ тогда уже могъ родиться, но какъ-же увѣрять въ глаза, что французскій пассеръ навелъ на него пушку и отстрѣлилъ ему ногу, такъ, для забавы: что онъ ногу эту поднялъ и отнесъ домой, ногомъ похоронилъ ее на Ваганьковскомъ кладбищѣ, и говоритъ, что поставилъ надъ нею памятникъ, съ надписью, съ одной стороны: «здѣсь погребена нога коллежскаго секретаря Лебедева», а съ другой: «покоится милый прахъ до радостнаго утра», и что, наконецъ, служитъ ежегодно по ней панихиду (что уже святотатство) и для этого ежегодно ѣздитъ въ Москву. Въ доказательство-же зоветъ въ Москву, чтобы показать и могилу, и даже ту самую французскую пушку въ Кремлѣ, попавшую въ плѣнъ; увѣряетъ, что одиннадцатая отъ воротъ, французскій фальконетъ прежняго устройства.

— И при томъ-же вѣдь у него объ ноги цѣлы, на виду! засмѣялся князь:—увѣряю васъ, что это невинная шутка; не сердитесь.

— Но позвольте-же и мнѣ понимать-съ: на счетъ ногъ на виду,—то это еще, положимъ, не совсѣмъ невѣроятно; увѣряетъ, что нога Черносвитовская...

— Ахъ да, съ Черносвитовскою ногой, говорятъ, танцовать можно.

— Совершенно знаю-съ; Черносвитовъ, изобрѣтя свою ногу, первымъ дѣломъ тогда забѣжалъ ко мнѣ показать. Но Черносвитовская нога изобрѣтена несравненно позже... И къ тому-же увѣряетъ, что даже покойница жена его, въ продолженіе всего ихъ брака, не знала, что у него, у мужа ея, деревянная нога. «Если ты, говоритъ, когда я замѣтилъ ему всѣ нелѣпости,—если ты въ двѣнадцатомъ году былъ у Наполеона въ камеръ-пажахъ, то и мнѣ позволь похоронить ногу на Ваганьковскомъ».

— А развѣ вы... началъ было князь, и смутился.

Генералъ посмотрѣлъ на князя рѣшительно свысока и чуть не съ насмѣшкой.

— Договаривайте, князь, особенно плавно протянулъ онъ,— договаривайте. Я снисходителенъ, говорите все: признайтесь, что вамъ смѣшна даже мысль видѣть предъ собой человѣка въ настоящемъ его униженіи и... безполезности, и въ тоже время слышать, что этотъ человѣкъ былъ личнымъ свидѣтелемъ... великихъ событій. *Онъ* ничего еще не успѣлъ вамъ... насплетничать?

— Нѣтъ; я ничего не слыхалъ отъ Лебедева,—если вы говорите про Лебедева...

— Гм... я полагалъ напротивъ. Собственно и разговоръ-то зашелъ вчера между нами все по поводу этой... странной статьи въ архивѣ. Я замѣтилъ ея нелѣпость, и такъ какъ я самъ былъ личнымъ свидѣтелемъ... вы улыбаетесь, князь, вы смотрите на мое лицо.

— Н-нѣтъ, я...

— Я моложавъ на видъ, тянулъ слова генералъ,—но я нѣсколько старѣе годами, чѣмъ кажусь въ самомъ дѣлѣ. Въ двѣнадцатомъ году я былъ лѣтъ десяти или одиннадцати. Лѣтъ моихъ я и самъ хорошенько не знаю. Въ формулярѣ убавлено, я-же имѣлъ слабость убавлять себѣ года и самъ въ продолженіе жизни.

— Увѣряю васъ, генералъ, что совсѣмъ не нахожу страннымъ, что въ двѣнадцатомъ году вы были въ Москвѣ и... конечно, вы можете сообщить... также какъ и всѣ бывшіе. Одинъ изъ нашихъ автобіографовъ начинаетъ свою книгу именно тѣмъ, что въ двѣнад-

тотъ году его, грудного ребенка, въ Москвѣ, кормили хлѣбомъ французскіе солдаты.

— Вотъ видите, снисходительно одобрилъ генералъ, — случай со мной, конечно, выходитъ изъ обыкновенныхъ, но не заключаетъ въ себѣ и ничего необычайнаго. Весьма часто правда кажется невозможною. Камеръ-пажъ! Странно слышать, конечно. Но приключеніе съ десятилѣтнимъ ребенкомъ, можетъ быть, именно объясняется его возрастомъ. Съ пятнадцатилѣтнимъ того уже не было-бы, и это непремѣнно такъ, потому что пятнадцатилѣтній я-бы не убѣжалъ изъ нашего деревяннаго дома, въ Старой Басманной, въ день вшествія Наполеона въ Москву, отъ моей матери, опоздавшей выѣхать изъ Москвы и трепетавшей отъ страха. Пятнадцати лѣтъ и я-бы струсилъ, а десяти я ничего не испугался и пробился сквозь толпу къ самому даже крыльцу дворца, когда Наполеонъ слѣзалъ съ лошади.

— Безъ сомнѣнія, вы отлично замѣтили, что именно десяти лѣтъ можно было не испугаться... подхватилъ князь, робѣя и мучаясь мыслью, что сейчасъ покраснѣетъ.

— Безъ сомнѣнія, и все произошло такъ просто и натурально, какъ только можетъ происходить въ самомъ дѣлѣ: возьмись за это дѣло романистъ, онъ напутетъ небылицъ и невѣроятностей.

— О, это такъ! вскричалъ князь: — эта мысль и меня поражала и даже недавно. Я знаю одно истинное убійство за часы, оно уже теперь въ газетахъ. Пусть-бы выдумалъ это сочинитель,— знатоки народной жизни и критики тотчасъ-же крикнули-бы, что это невѣроятно: а прочтя въ газетахъ какъ фактъ, вы чувствуете, что изъ такихъ-то именно фактовъ почерпается русской дѣйствительности. Вы это прекрасно замѣтили, генералъ! съ жаромъ закончилъ князь, ужасно обрадовавшись, что могъ ускользнуть отъ явной краски въ лицѣ.

— Неправда-ли? Неправда-ли? вскричалъ генералъ, засверкавъ даже глазами отъ удовольствія. — Мальчикъ, ребенокъ, не понимающій опасности, пробирается сквозь толпу, чтобъ увидѣть блескъ, мундиры, свиту и, наконецъ, великаго человѣка, о которомъ такъ много накричали ему. Потому что тогда всѣ, нѣсколько лѣтъ сряду, только и кричали о немъ. Міръ былъ наполненъ этимъ именемъ; я, такъ сказать, съ молокомъ всосалъ. Наполеонъ, проходя въ двухъ шагахъ, нечаянно различаетъ мой взглядъ; я-же былъ въ костюмѣ барченка, меня одѣвали хорошо. Одинъ я такой, въ этой толпѣ, согласитесь сами...

— Безъ сомнѣнія, это должно было его поразить и доказало ему, что не всѣ выѣхали, и что остались и дворяне съ дѣтьми.

Именно, именно! Онъ хотѣлъ привлечь боярь! Когда онъ бросилъ на меня свой орлиный взглядъ, мои глаза, должно быть, сверкнули въ отвѣтъ ему: «Voilà un garçon bien eveillé! Qui est ton père?» Я тотчасъ отвѣчалъ ему, почти задыхаясь отъ волненія: «генералъ, умершій на поляхъ своего отечества». «Le fils d'un boyard et d'un brave pardessus le marché! J'aime les boyards. M'aimes-tu petit?» На этотъ быстрый вопросъ я также быстро отвѣтилъ: «русское сердце въ состояніи даже въ самомъ врагѣ своего отечества отличить великаго человѣка!» То есть, собственно не помню, буквально-ли я такъ выразился... я былъ ребенокъ... но смыслъ навѣрно былъ тотъ! Наполеонъ былъ пораженъ, онъ подумалъ и сказалъ своей свитѣ: «я люблю гордость этого ребенка! Но если всѣ русскіе мыслятъ какъ это дитя, то...» онъ не договорилъ и вошелъ во дворецъ. Я тотчасъ-же вмѣшался въ свиту и побѣжалъ за нимъ. Въ свитѣ уже разступались предо мной и смотрѣли на меня какъ на фаворита. Но все это только мелькнуло... Помню только, что, войдя въ первую залу, императоръ вдругъ остановился предъ портретомъ императрицы Екатерины, долго смотрѣлъ на него въ задумчивости и, наконецъ, произнесъ: «Это была великая женщина!» и прошелъ мимо. Чрезъ два дня меня всѣ уже знали во дворцѣ и въ Кремлѣ, и звали «le petit boyard». Я только ночевать уходилъ домой. Дома чуть съ ума не сошли. Еще чрезъ два дня умираетъ камеръ-пажъ Наполеона, баронъ де-Базанкуръ, не вынесши похода. Наполеонъ вспомнилъ обо мнѣ: меня взяли, привели, не объясняя дѣла, примѣрили на меня мундиръ покойнаго, мальчика лѣтъ двѣнадцати, и когда уже привели меня въ мундирѣ къ императору, и онъ кивнулъ на меня головой, объявили мнѣ, что я удостоенъ милостью и произведенъ въ камеръ-пажи его величества. Я былъ радъ, я дѣйствительно чувствовалъ къ нему, и давно уже, горячую симпатію... ну, и кромѣ того, согласитесь, блестящій мундиръ, что̀ для ребенка составляетъ многое... Я ходилъ въ темно-зеленомъ фракѣ, съ длинными и узкими фалдами: золотыя пуговицы, красныя опушки на рукавахъ съ золотымъ шитьемъ, высокій, стоячій, открытый воротникъ, шитый золотомъ, шитье на фалдахъ: бѣлые лосинные панталоны въ обтяжку, бѣлый шелковый жилетъ, шелковые чулки, башмаки съ пряжками... а во время прогулокъ императора на конѣ, и если я участвовалъ въ свитѣ, высокіе ботфорты. Хотя положеніе было не блестящее и предчувствовались уже огромныя событія, но этикетъ соблюдался по возможности, и даже тѣмъ пунктуальнѣе, чѣмъ сильнѣе предчувствовались эти событія.

— «Да, конечно... пробормоталъ князь, почти съ потерянnымъ видомъ,—ваши записки были-бы... чрезвычайно интересны.

Генералъ, конечно, передавалъ уже то, что̀ еще вчера разсказывалъ Лебедеву, и передавалъ, стало быть, плавно: но тутъ опять недовѣрчиво покосился на князя.

— Мои записки, произнесъ онъ съ удвоенною гордостью,— написать мои записки? Не соблазнило меня это, князь! Если хотите, мои записки уже написаны, но... лежатъ у меня въ пюпитрѣ. Пусть, когда засыплютъ мнѣ глаза землей, пусть тогда появятся, и, безъ сомнѣнія, переведутся и на другіе языки, не по литературному ихъ достоинству, нѣтъ, но по важности громадныхъ фактовъ, которыхъ я былъ очевиднымъ свидѣтелемъ, хотя и ребенкомъ: но тѣмъ паче: какъ ребенокъ, я проникнулъ въ самую интимную, такъ сказать, спальню великаго человѣка! Я слышалъ по ночамъ стоны этого «великана въ несчастіи», онъ не могъ совѣститься стонать и плакать предъ ребенкомъ, хотя я уже и понималъ, что причина его страданій—молчаніе императора Александра.

— Да, вѣдь онъ писалъ письма... съ предложеніями о мирѣ... робко поддакнулъ князь.

— Собственно намъ неизвѣстно съ какими именно предложеніями онъ писалъ, но писалъ каждый день, каждый часъ, и письмо за письмомъ! Волновался ужасно. Однажды ночью, наединѣ, я бросился къ нему со слезами (о, я любилъ его!): Попросите, попросите прощенія у императора Александра!» закричалъ я ему. То-есть, мнѣ надо было-бы выразиться: Помиритесь съ Императоромъ Александромъ», но какъ ребенокъ, я наивно высказалъ всю мою мысль. «О, дитя мое! отвѣчалъ онъ,— онъ ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ,—о, дитя мое!—онъ какъ-бы не замѣчалъ тогда, что мнѣ десять лѣтъ и даже любилъ разговаривать со мной.—О, дитя мое, я готовъ цѣловать ноги императора Александра, но за то Королю Прусскому, но за то Австрійскому императору, о, этимъ вѣчная ненависть и... наконецъ... ты ничего не смыслишь въ политикѣ! Онъ какъ-бы вспомнилъ вдругъ съ кѣмъ говоритъ и замолкъ, но глаза его еще долго метали искры. Ну, спиши я эти всѣ факты,—а я бывалъ свидѣтелемъ и величайшихъ фактовъ,—изданъ я ихъ теперь, и всѣ эти критики, всѣ эти литературныя тщеславія, всѣ эти зависти, партіи и... нѣтъ-съ, слуга покорный!

— На счетъ партій вы, конечно, справедливо замѣтили, и я съ вами согласенъ, тихо отвѣтилъ князь, капельку помолчавъ,—я вотъ тоже очень недавно прочелъ книгу Шарраса о Ватерлооской кампаніи. Книга, очевидно, серіозная, и спеціалисты увѣряютъ, что съ чрезвычайнымъ знаніемъ дѣла написана. Но проглядываетъ на каждой страницѣ радость въ униженіи Наполеона, и если-бы можно было оспорить у Наполеона даже всякій признакъ таланта и въ

другихъ кампаніяхъ, то Шарласъ, кажется, былъ-бы этому чрезвычайно радъ; а это ужъ не хорошо въ такомъ серіозномъ сочиненіи, потому что это духъ партіи. Очень вы были заняты тогда вашею службой у... императора?

Генералъ былъ въ восторгѣ. Замѣчаніе князя своею серіозностью и простодушіемъ разсѣяло послѣдніе остатки его недовѣрчивости.

— Шарласъ! О, я былъ самъ въ негодованіи! Я тогда-же написалъ къ нему, но... я собственно не помню теперь... Вы спрашиваете, занятъ-ли я былъ службой? О, нѣтъ! Меня назвали камеръ-пажемъ, но я уже и тогда не считалъ это серіознымъ. Притомъ-же Наполеонъ очень скоро потерялъ всякую надежду приблизить къ себѣ русскихъ, и ужъ, конечно, забылъ-бы и обо мнѣ, котораго приблизилъ изъ политики, если-бы... если-бъ онъ не полюбилъ меня лично. я смѣло говорю это теперь. Меня-же влекло къ нему сердце. Служба не спрашивалась: надо было явиться иногда во дворецъ и... сопровождать верхомъ императора на прогулкахъ, вотъ и все. Я ѣздилъ верхомъ порядочно. Выѣзжалъ онъ предъ обѣдомъ, въ свитѣ обыкновенно бывали Дава, я, мамелюкъ Рустанъ...

— Констанъ, выговорилось съ чего-то вдругъ у князя.

— Н-нѣтъ, Констана тогда не было: онъ ѣздилъ тогда съ инымомъ... къ императрицѣ Жозефинѣ: но вмѣсто него два ординарца, нѣсколько польскихъ уланъ... ну, вотъ и вся свита, кромѣ генераловъ, разумѣется, и маршаловъ, которыхъ Наполеонъ бралъ съ собой, чтобъ осматривать съ ними мѣстность, расположеніе войскъ, совѣтоваться... Всего чаще находился при немъ Дава, какъ теперь помню: огромный, полный, хладнокровный человѣкъ въ очкахъ, съ страшнымъ взглядомъ. Съ нимъ чаще всего совѣтовался императоръ. Онъ цѣнилъ его мысли. Помню, они совѣщались уже нѣсколько дней; Дава приходилъ и утромъ, и вечеромъ, часто даже спорили: наконецъ, Наполеонъ какъ-бы сталъ соглашаться. Они были вдвоемъ въ кабинетѣ, я третій, почти не замѣченный ими. Вдругъ взглядъ Наполеона случайно падаетъ на меня, странная мысль мелькаетъ въ глазахъ его: Ребенокъ! говоритъ онъ мнѣ вдругъ: — какъ ты думаешь: если я приму православіе и освобожу вашихъ рабовъ, пойдутъ за мной русскіе или нѣтъ? - Никогда! вскричалъ я въ негодованіи. Наполеонъ былъ пораженъ. Въ заблиставшихъ патріотизмомъ глазахъ этого ребенка, сказалъ онъ, — я прочелъ мнѣніе всего русскаго народа. Довольно, Дава! Все это фантазіи! Изложите вашъ другой проэктъ».

— Да, но и этотъ проэктъ была сильная мысль! сказалъ князь, видимо интересуясь: —такъ вы приписываете этотъ проэктъ Дава?

По крайней мѣрѣ, они совѣщались вмѣстѣ. Конечно, мысль была Наполеоновская, орлиная мысль, но и другой проэктъ былъ тоже мысль... Это тотъ самый знаменитый «conseil du lion», какъ самъ Наполеонъ назвалъ этотъ совѣтъ Даву. Онъ состоялъ въ томъ, чтобы затвориться въ Кремлѣ со всѣмъ войскомъ, настроить бараковъ, окопаться укрѣпленіями, разставить пушки, убить по возможности болѣе лошадей и посолить ихъ мясо: по возможности болѣе достать и намародерничать хлѣба, и прозимовать до весны: а весной пробиться чрезъ русскихъ. Этотъ проэктъ сильно увлекъ Наполеона. Мы ѣздили каждый день кругомъ кремлевскихъ стѣнъ, онъ указывалъ гдѣ ломать, гдѣ строить, гдѣ люнетъ, гдѣ равелинъ, гдѣ рядъ блокъ-гаузовъ,— взглядъ, быстрота, ударъ! Все было, наконецъ, рѣшено: Даву приставалъ за окончательнымъ рѣшеніемъ. Опять они были наединѣ, и я третій. Опять Наполеонъ ходилъ по комнатѣ, скрестя руки. Я не могъ оторваться отъ его лица, сердце мое билось.— «Я иду», сказалъ Даву.— «Куда?» спросилъ Наполеонъ. — «Солить лошадей», сказалъ Даву. Наполеонъ вздрогнулъ, рѣшалась судьба. «Дитя! сказалъ онъ мнѣ вдругъ: что̀ ты думаешь о нашемъ намѣреніи?» Разумѣется, онъ спросилъ у меня такъ, какъ иногда человѣкъ величайшаго ума, въ послѣднее мгновеніе, обращается къ орлу или рѣшеткѣ. Вмѣсто Наполеона, я обращаюсь къ Даву и говорю какъ-бы во вдохновеніи: «Уленетывайте-ка, генералъ, во свояси!» Проэктъ былъ разрушенъ. Даву пожалъ плечами, и, выходя, сказалъ шепотомъ: «Bah! Il devient supersticieux!» А на завтра-же было объявлено выступленіе.

— Все это чрезвычайно интересно, произнесъ князь ужасно тихо,—если это все такъ и было... то есть, я хочу сказать... поспѣшилъ было онъ поправиться.

— О, князь! вскричалъ генералъ, упоенный своимъ разсказомъ до того, что, можетъ быть, уже не могъ-бы остановиться даже предъ самою крайнею неосторожностью: — вы говорите: «все это было!» Но было болѣе, увѣряю васъ, что было гораздо болѣе! Все это только факты мизерные, политическіе. Но повторяю-же вамъ, я былъ свидѣтелемъ ночныхъ слезъ и стоновъ этого великаго человѣка: а этого ужь никто не видѣлъ кромѣ меня! Подъ конецъ, правда, онъ уже не плакалъ, слезъ не было, но только стоналъ иногда: но лицо его все болѣе и болѣе подергивалось какъ-бы мракомъ. Точно вѣчность уже осѣняла его мрачнымъ крыломъ своимъ. Иногда, по ночамъ, мы проводили цѣлые часы одни, молча —мамелюкъ Рустанъ хранитъ, бывало, въ сосѣдней комнатѣ: ужасно крѣпко спалъ этотъ человѣкъ. «За то онъ вѣренъ мнѣ и династіи», говорилъ про него Наполеонъ. Однажды мнѣ было страшно больно, и вдругъ онъ за-

мѣтилъ слезы на глазахъ моихъ: онъ посмотрѣлъ на меня съ умиленіемъ: Ты жалѣешь меня! вскричалъ онъ: ты, дитя, да еще, можетъ быть, пожалѣетъ меня и другой ребенокъ, мой сынъ, le roi de Rome: остальные всѣ, всѣ меня ненавидятъ, а братья первые продадутъ меня въ несчастіи! Я зарыдалъ и бросился къ нему: тутъ и онъ не выдержалъ: мы обнялись, и слезы наши смѣшались. Напишите, напишите письмо къ императрицѣ Жозефинѣ! прорыдалъ я ему. Наполеонъ вздрогнулъ, подумалъ и сказалъ мнѣ: Ты напомнилъ мнѣ о третьемъ сердцѣ, которое меня любитъ: благодарю тебя, другъ мой! Тутъ-же сѣлъ и написалъ то письмо къ Жозефинѣ, съ которымъ на завтра-же былъ отправленъ Констанъ.

— Вы сдѣлали прекрасно, сказалъ князь,—среди злыхъ мыслей, вы навели его на доброе чувство.

— Именно князь, и какъ прекрасно вы это объясняете, сообразно съ собственнымъ вашимъ сердцемъ! восторженно вскричалъ генералъ, и, странно, настоящія слезы заблистали въ глазахъ его. Да, князь, да, это было великое зрѣлище! И знаете-ли, я чуть не уѣхалъ за нимъ въ Нарыкъ и, ужь конечно, раздѣлилъ-бы съ нимъ знойный островъ заточенья, но увы! судьбы наши раздѣлились! Мы разошлись: онъ—на знойный островъ, гдѣ хотя разъ, въ минуту ужасной скорби, вспомнилъ, можетъ быть, о слезахъ бѣднаго мальчика, обнимавшаго и простившаго его въ Москвѣ; я-же былъ отправленъ въ кадетскій корпусъ, гдѣ нашелъ одну муштровку, грубость товарищей и... Увы! Все пошло прахомъ! Я не хочу тебя отнять у твоей матери и не беру съ собой! сказалъ онъ мнѣ въ день ретирады, но я желалъ-бы что нибудь для тебя сдѣлать. Онъ уже садился на коня: Напишите мнѣ что нибудь въ альбомъ моей сестры, на память, произнесъ я, робѣя, потому что онъ былъ очень разстроенъ и мраченъ. Онъ вернулся, спросилъ перо, взялъ альбомъ: Какихъ лѣтъ твоя сестра? спросилъ онъ меня, уже держа перо.— Трехъ лѣтъ, отвѣчалъ я.— Petite fille alors. И черкнулъ въ альбомъ:

„Ne mentez jamais".

„Napoléon, votre ami sincère".

Такой совѣтъ и въ такую минуту, согласитесь, князь!

— Да, это знаменательно.

— Этотъ листокъ, въ золотой рамкѣ, подъ стекломъ, всю жизнь провисѣлъ у сестры моей въ гостиной, на самомъ видномъ мѣстѣ, до самой смерти ея умерла въ родахъ: гдѣ онъ теперь—не знаю... но... ахъ, Боже мой! Уже два часа! Какъ задержалъ я васъ, князь! Это непростительно.

Генералъ всталъ со стула.

— О, напротивъ, промямлилъ князь: — вы такъ меня заняли и... наконецъ... это такъ интересно; я вамъ такъ благодаренъ!

— Князь! сказалъ генералъ, опять сжимая до боли его руку и сверкающими глазами пристально смотря на него, какъ-бы самъ вдругъ опомнившись и точно ошеломленный какою-то внезапною мыслію: — князь! Вы до того добры, до того простодушны, что мнѣ становится даже васъ жаль иногда. Я съ умиленіемъ смотрю на васъ; о, благослови васъ Богъ! Пусть жизнь ваша начнется и процвѣтетъ... въ любви. Моя-же кончена! О, простите, простите!

Онъ быстро вышелъ, закрывъ лицо руками. Въ искренности его волненія князь не могъ усомниться. Онъ понималъ также, что старикъ вышелъ въ упоеніи отъ своего успѣха; но ему все-таки предчувствовалось, что это былъ одинъ изъ того разряда лгуновъ, которые хотя и лгутъ до сладострастія и даже до самозабвенія, но и на самой высшей точкѣ своего упоенія все-таки подозрѣваютъ про себя, что вѣдь имъ не вѣрятъ, да и не могутъ вѣрить. Въ настоящемъ положеніи своемъ, старикъ могъ опомниться, не въ мѣру устыдиться, заподозрить князя въ безмѣрномъ состраданіи къ нему, оскорбиться. «Не хуже-ли я сдѣлалъ, что довелъ его до такого вдохновенія?» тревожился князь, и вдругъ не выдержалъ и расхохотался ужасно, минуты на десять. Онъ было сталъ укорять себя за этотъ смѣхъ; но тутъ-же понялъ, что не въ чемъ укорять, потому что ему безконечно было жаль генерала.

Предчувствія его сбылись. Вечеромъ-же онъ получилъ страшную записку, краткую, но рѣшительную. Генералъ увѣдомлялъ, что онъ и съ нимъ разстается на вѣки, что уважаетъ его и благодаренъ ему, но даже и отъ него не приметъ знаковъ состраданія, унижающихъ достоинство и безъ того уже несчастнаго человѣка. Когда князь услышалъ, что старикъ заключился у Нины Александровны, то почти успокоился за него. Но мы уже видѣли, что генералъ надѣлалъ какихъ-то бѣдъ и у Лизаветы Прокофьевны. Здѣсь мы не можемъ сообщить подробностей, но замѣтимъ вкратцѣ, что сущность свиданія состояла въ томъ, что генералъ испугалъ Лизавету Прокофьевну, а горькими намеками на Ганю привелъ ее въ негодованіе. Онъ былъ выведенъ съ позоромъ. Вотъ почему онъ и провелъ такую ночь и такое утро, свихнулся окончательно и выбѣжалъ на улицу чуть не въ помѣшательствѣ.

Коля все еще не понималъ дѣла вполнѣ и даже надѣялся взять строгостью.

— Ну куда мы теперь потащимся, какъ вы думаете, генералъ? сказалъ онъ: — къ князю не хотите, съ Лебедевымъ разссоримся,

денегъ у васъ нѣтъ, у меня никогда не бываетъ: вотъ и сѣли теперь на бобахъ, среди улицы.

— Пріятнѣе сидѣть съ бобами чѣмъ на бобахъ, пробормоталъ генералъ, — этимъ... каламбуромъ я возбудилъ восторгъ... въ офицерскомъ обществѣ... сорокъ четвертаго... Тысяча... восемьсотъ... сорокъ четвертаго года, да!.. Я не помню... О, не напоминай, не напоминай! Гдѣ моя юность, гдѣ моя свѣжесть! Какъ вскричалъ... кто это вскричалъ, Коля?

— Это у Гоголя, въ *Мертвыхъ душахъ*, папаша, отвѣтилъ Коля, и трусливо покосился на отца.

— Мертвыя души! О, да, мертвыя! Когда похоронишь меня, напиши на могилѣ: «Здѣсь лежитъ мертвая душа!

„Позоръ преслѣдуетъ меня»!

Это кто сказалъ, Коля?

— Не знаю, папаша.

Ерошѣгова не было! Ерошки Ерошѣгова!.. вскричалъ онъ въ изступленіи, пріостанавливаясь на улицѣ: «и это сынъ, родной сынъ! Ерошѣговъ, человѣкъ, замѣнявшій мнѣ одиннадцать мѣсяцевъ брата, за котораго я на дуэль... Ему князь Выгорѣцкій, нашъ капитанъ, говоритъ за бутылкой: «Ты, Гриша, гдѣ свою Анну получилъ, вотъ что скажи?» — «На поляхъ моего отечества, вотъ гдѣ получилъ!» — Я кричу: «Браво, Гриша!» Ну, тутъ и вышла дуэль, а потомъ повѣнчался... съ Марьей Петровной Су.. Сутугиной и былъ убитъ на поляхъ... Пуля отскочила отъ моего креста на груди и прямо ему въ лобъ: «Въ вѣкъ не забуду!» крикнулъ и палъ на мѣстѣ. Я... я служилъ честно, Коля; я служилъ благородно, но позоръ — позоръ преслѣдуетъ меня! Ты и Нина придете ко мнѣ на могилку... Бѣдная Нина! Я прежде ее такъ называлъ, Коля, давно, въ первое время еще, и она такъ любила... Нина, Нина! Что сдѣлалъ я съ твоею участью! За что ты можешь любить меня, терпѣливая душа! У твоей матери душа ангельская, Коля, слышишь-ли, ангельская!

— Это я знаю, папаша. Папаша, голубчикъ, воротимтесь домой къ маманѣ! Она бѣжала за нами. Ну что вы стали? Точно не понимаете... Ну чего вы-то плачете?

Коля самъ плакалъ и цѣловалъ у отца руки.

— Ты цѣлуешь мнѣ руки, мнѣ!

— Ну да, вамъ, вамъ. Ну что-жъ удивительнаго? Ну чего вы ревете-то среди улицы, а еще генералъ называется, военный человѣкъ, ну, пойдемте!

Благослови тебя Богъ, милый мальчикъ, за то, что почитателенъ былъ къ позорному, — да! къ позорному старикашкѣ, отцу

своему... да будетъ и у тебя такой-же мальчикъ... le roi de Rôme... О, проклятіе, проклятіе дому сему!»

— Да что-жъ это въ самомъ дѣлѣ здѣсь происходитъ! закричалъ вдругъ Коля.— Что такое случилось? Почему вы не хотите вернуться домой теперь? Чего вы съ ума-то сошли?

— Я объясню, я объясню тебѣ... я все скажу тебѣ: не кричи, успокойся... le roi de Rôme... О, тошно мнѣ, грустно мнѣ!

„Няня, гдѣ твоя могила»!

Это кто воскликнулъ, Коля?

— Не знаю, не знаю кто воскликнулъ! Пойдемте домой сейчасъ, сейчасъ! Я Ганьку исколочу, если надо... да куда-жъ вы опять?

Но генералъ тянулъ его на крыльцо одного близкаго дома.

— Куда вы? Это чужое крыльцо!

Генералъ сѣлъ на крыльцо и за руку все притягивалъ къ себѣ Колю.

— Нагнись, нагнись! бормоталъ онъ:— я тебѣ все скажу... позоръ... нагнись... ухомъ, ухомъ; я на ухо скажу...

— Да чего вы! испугался ужасно Коля, подставляя однако-же ухо.

— Le roi de Rôme... прошепталъ генералъ, тоже какъ будто весь дрожа.

— Чего?.. Да какой вамъ далея le roi de Rôme?.. Что?

— Я... я... зашепталъ опять генералъ, все крѣпче и крѣпче цѣпляясь за плечо своего мальчика,— я... хочу... я тебѣ... все, Марья, Марья... Петровна Су-су-су...

Коля вырвался, схватилъ самъ генерала за плечи и какъ помѣшанный смотрѣлъ на него. Старикъ побагровѣлъ, губы его посинѣли, мелкія судороги пробѣгали еще по лицу. Вдругъ онъ склонился и началъ тихо падать на руку Коли.

— Ударъ! вскричалъ тотъ на всю улицу, догадавшись, наконецъ, въ чемъ дѣло.

V.

Но правдѣ, Варвара Ардаліоновна, въ разговорѣ съ братомъ, нѣсколько преувеличила точность своихъ извѣстій о сватовствѣ князя за Аглаю Епанчину. Можетъ быть, какъ прозорливая женщина, она предугадала то что должно было случиться въ близкомъ будущемъ: можетъ быть, огорчившись изъ-за развлетѣвшейся дымомъ мечты (въ которую и сама, по правдѣ, не вѣрила), она, какъ человѣкъ, не могла отказать себѣ въ удовольствіи преувеличеніемъ бѣды,

подлить еще болѣе яду въ сердце брата, впрочемъ искренно и сострадательно ею любимаго. Но во всякомъ случаѣ она не могла получить отъ подругъ своихъ, Епанчиныхъ, такихъ точныхъ извѣстій: были только намеки, недосказанныя слова, умолчанія, загадки. А можетъ быть, сестры Аглаи и намѣренно въ чемъ нибудь проболтались, чтобъ и самимъ что нибудь узнать отъ Варвары Ардаліоновны: могло быть, наконецъ, и то, что и онѣ не хотѣли отказать себѣ въ женскомъ удовольствіи немного подразнить подругу, хотя-бы и дѣтства: не могли-же онѣ не усмотрѣть во столько времени хоть маленькаго краюшка ея намѣреній.

Съ другой стороны и князь, хотя и совершенно былъ правъ, увѣряя Лебедева, что ничего не можетъ сообщить ему и что съ нимъ ровно ничего не случилось особеннаго, тоже, можетъ быть, ошибался. Дѣйствительно, со всѣми произошло какъ-бы нѣчто очень странное: ничего не случилось, и какъ будто въ тоже время и очень много случилось. Послѣднее-то и угадала Варвара Ардаліоновна своимъ вѣрнымъ женскимъ инстинктомъ.

Какъ вышло, однако-же, что у Епанчиныхъ всѣ вдругъ разомъ задались одною и согласною мыслію о томъ, что съ Аглаей произошло нѣчто капитальное, и что рѣшается судьба ея, — это очень трудно изложить въ порядкѣ. Но только что блеснула эта мысль, разомъ у всѣхъ, какъ тотчасъ-же всѣ разомъ и стали на томъ, что давно уже все разгадѣли и все это ясно предвидѣли: что все ясно было еще съ «бѣднаго рыцаря», даже и раньше, только тогда еще не хотѣли вѣрить въ такую нелѣпость. Такъ утверждали сестры: конечно, и Лизавета Прокофьевна раньше всѣхъ все предвидѣла и узнала, и давно уже у ней «болѣло сердце», но — давно-ли, нѣтъ-ли, — теперь мысль о князѣ вдругъ стала ей слишкомъ не понутру, собственно потому, что сбивала ее съ толку. Тутъ предстоялъ вопросъ, который надо было немедленно разрѣшить; но не только разрѣшить его нельзя было, а даже и вопроса-то бѣдная Лизавета Прокофьевна не могла поставить предъ собой въ полной ясности, какъ ни билась. Дѣло было трудное: «хорошъ или не хорошъ князь? Хорошо все это или не хорошо? Если не хорошо (что̀ несомнѣнно), то чѣмъ-же именно не хорошо? А если, можетъ быть, и хорошо (что̀ тоже возможно), то чѣмъ-же опять хорошо?» Самъ отецъ семейства, Иванъ Ѳедоровичъ, былъ, разумѣется, прежде всего удивленъ, но потомъ вдругъ сдѣлалъ признаніе, что вѣдь «онъ Богу». и ему что-то въ этомъ-же родѣ все это время мерещилось, нѣтъ-нѣтъ и вдругъ какъ будто и померещится! Онъ тотчасъ-же умолкъ подъ грознымъ взглядомъ своей супруги, но умолкъ онъ утромъ, а вечеромъ, наединѣ съ супругой, и принужденный опять говорить,

вдругъ и какъ-бы съ особенною бодростью выразилъ нѣсколько неожиданныхъ мыслей: «Вѣдь въ сущности что-жь?»... (Умолчаніе). «Конечно, все это очень страшно, если только правда, и что онъ не споритъ, но ... (Опять умолчаніе). «А съ другой стороны, если глядѣть на вещи прямо, то князь, вѣдь, съ Богу, чудеснѣйшій парень, и... и, и — ну, наконецъ, имя-же, родовое наше имя, все это будетъ имѣть видъ, такъ сказать, поддержки родового имени, находящагося въ униженіи, въ глазахъ свѣта, то есть, смотря съ этой точки зрѣнія, то есть, потому... конечно, свѣтъ; свѣтъ есть свѣтъ; но все-же и князь не безъ состоянія, хотя-бы только даже и нѣкотораго. У него есть... и... и... и»... (Продолжительное умолчаніе и рѣшительная осѣчка). Выслушавъ супруга, Лизавета Прокофьевна вышла изъ всякихъ границъ.

По ея мнѣнію, все происшедшее было непростительнымъ и даже преступнымъ вздоромъ, фантастическая картина какая-то, глупая и нелѣпая! Прежде всего ужь то, что «этотъ князишка — больной идіотъ, второе — дуракъ, ни свѣта не знаетъ, ни мѣста въ свѣтѣ не имѣетъ: кому его покажешь, куда пристроишь? Демократъ какой-то непозволительный, даже и чиновника-то нѣтъ, и... и... и... что скажетъ Бѣлоконская? Да и такого-ли, такого-ли мужа воображали и прочили мы Аглаѣ?» Послѣдній аргументъ былъ, разумѣется, самый главный. Сердце матери дрожало отъ этого помышленія, кровью обливалось и слезами, хотя въ тоже время что-то и шевелилось внутри этого сердца, вдругъ говорившее ей: «а чѣмъ-бы князь не такой какого вамъ надо?» Ну, вотъ эти-то возраженія собственнаго сердца и были всего хлопотливѣе для Лизаветы Прокофьевны.

Сестрамъ Аглаи почему-то понравилась мысль о князѣ: даже казалась не очень и страшною: однимъ словомъ, онѣ вдругъ могли очутиться даже совсѣмъ на его сторонѣ. Но обѣ онѣ рѣшились молчать. Разъ навсегда замѣчено было въ семействѣ, что чѣмъ упорнѣе и настойчивѣе возставали иногда, въ какомъ-нибудь общемъ и спорномъ семейномъ пунктѣ, возраженія и отпоры Лизаветы Прокофьевны, тѣмъ болѣе это могло служить для всѣхъ признакомъ, что она, можетъ быть, ужь и соглашается съ этимъ пунктомъ. Но Александръ Ивановичъ нельзя было, впрочемъ, совершенно умолкнуть. Давно уже признавъ ее за свою совѣтницу, мамаша мгновенно призывала ее теперь и требовала ея мнѣнія, а главное — воспоминаній, то есть: какъ-же это все случилось? Почему этого никто не видалъ? Почему тогда не говорили? Что означалъ тогда этотъ скверный «бѣдный рыцарь»? Почему она одна, Лизавета Прокофьевна, осуждена обо всѣхъ заботиться, все замѣчать и пре-

дугадывать, а всѣ прочіе — одинѣхъ воронъ считать? и пр., и пр. Александра Ивановна сначала была осторожна и замѣтила только, что ей кажется довольно вѣрною идея папаши о томъ, что въ глазахъ свѣта можетъ показаться очень удовлетворительнымъ выборъ князя Мышкина въ мужья для одной изъ Епанчиныхъ. Мало-по-малу, разгорячившись, она прибавила даже, что князь вовсе не дурачекъ и никогда такимъ не былъ, а на счетъ значенія, — то вѣдь еще Богъ знаетъ въ чемъ будетъ полагаться, черезъ нѣсколько лѣтъ, значеніе порядочнаго человѣка у насъ въ Россіи: въ прежнихъ-ли обязательныхъ успѣхахъ по службѣ, или въ чемъ другомъ? На все это мамаша немедленно отчеканила, что Александра вольнодумка, и что все это ихъ проклятый женскій вопросъ. Затѣмъ чрезъ полчаса отправилась въ городъ, а оттуда на Каменный островъ, чтобы застать Бѣлоконскую, какъ нарочно въ то время случившуюся въ Петербургѣ, но скоро, впрочемъ, отъѣзжавшую. Бѣлоконская была крестною матерью Аглаи.

Старуха Бѣлоконская выслушала всѣ лихорадочныя и отчаянныя признанія Лизаветы Прокофьевны и нисколько не тронулась слезами сбитой съ толку матери семейства, даже посмотрѣла на нее насмѣшливо. Это была страшная деспотка; въ дружбѣ, даже въ самой старинной, не могла терпѣть равенства, а на Лизавету Прокофьевну смотрѣла рѣшительно какъ на свою protegée, какъ и тридцать пять лѣтъ назадъ, и никакъ не могла примириться съ рѣзкостью и самостоятельностью ея характера. Она замѣтила, между прочимъ, что, кажется, они тамъ всѣ, по своей всегдашней привычкѣ, слишкомъ забѣжали впередъ и изъ мухи сочинили слона: что сколько она ни вслушивалась, не убѣдилась, чтобъ у нихъ дѣйствительно произошло что нибудь серіозное; что не лучше-ли подождать пока что нибудь еще выйдетъ; что князь, по ея мнѣнію, порядочный молодой человѣкъ, хотя больной, странный и слишкомъ ужь незначительный. Хуже всего, что онъ любовницу открыто содержитъ. Лизавета Прокофьевна очень хорошо поняла, что Бѣлоконская немного сердита за неуспѣхъ Евгенія Павловича, ею отрекомендованнаго. Воротилась она къ себѣ въ Павловскъ еще въ большемъ раздраженіи чѣмъ когда поѣхала, и тотчасъ-же всѣмъ досталось, главное за то, что съ ума сошли, что ни у кого рѣшительно такъ не ведутся дѣла, только у нихъ одинхъ: чего заторопились? Что вышло? Сколько я ни всматриваюсь, никакъ не могу заключить, что дѣйствительно что нибудь вышло! Подождите пока еще выйдетъ! Мало-ли что Ивану Ѳедоровичу могло померещиться, не изъ мухи-же дѣлать слона?» и пр., и пр.

Выходило, стало быть, что надобно успокоиться, смотрѣть хла-

покровно и ждать. Но увы, спокойствіе не продержалось и десяти минутъ. Первый ударъ хладнокровію былъ нанесенъ извѣстіями о томъ, что произошло во время отсутствія мамани на Каменный островъ. (Поѣздка Лизаветы Прокофьевны происходила на другое-же утро послѣ того, какъ князь, наканунѣ, приходилъ въ первомъ часу, вмѣсто десятаго). Сестры на нетерпѣливые разспросы мамани отвѣчали очень подробно, и во первыхъ, что кровно ничего, кажется, безъ нея не случилось, что князь приходилъ, что Аглая долго къ нему не выходила, съ полчаса, потомъ вышла, и какъ вышла, тотчасъ-же предложила князю играть въ шахматы; что въ шахматы князь и ступить не умѣетъ, и Аглая его тотчасъ-же побѣдила; стала очень весела и ужасно стыдила князя за его неумѣнье, ужасно смѣялась надъ нимъ, такъ что на князя жалко стало смотрѣть. Потомъ предложила играть въ карты, въ дураки. Но тутъ вышло совсѣмъ наоборотъ: князь оказался въ дураки такой силы, какъ... какъ профессоръ; игралъ мастерски; ужь Аглая и плутовала, и карты подмѣняла, и въ глазахъ у него-же взятки воровала, а все-таки онъ каждый разъ оставлялъ ее въ дурахъ; разъ пять сряду. Аглая взбѣсилась ужасно, даже совсѣмъ забылась: наговорила князю такихъ колкостей и дерзостей, что онъ уже переставъ и смѣяться, и совсѣмъ побѣдѣлъ, когда она сказала ему, наконецъ, что нога ея не будетъ въ этой комнатѣ, пока онъ тутъ будетъ сидѣть, и что даже безсовѣстно съ его стороны къ нимъ ходить, да еще по ночамъ, въ первомъ часу, *послѣ всего что случилось*. Затѣмъ хлопнула дверью и вышла. Князь ушелъ какъ съ похоронъ, не смотря на всѣ ихъ утѣшенія. Вдругъ, четверть часа спустя какъ ушелъ князь, Аглая сбѣгала сверху на террасу и съ такою посѣщностью, что даже глазъ не вытерла, а глаза у ней были заплаканы; сбѣгала-же потому, что пришелъ Коля и принесъ ежа. Всѣ они стали смотрѣть ежа: на вопросы ихъ Коля объяснилъ, что ежъ не его, а что онъ идетъ теперь вмѣстѣ съ товарищемъ, другимъ гимназистомъ, Костей Лебедевымъ, который остался на улицѣ и стыдится войдти, потому что несетъ топоръ; что и ежа, и топоръ они купили сейчасъ у встрѣчнаго мужика. Ежа мужикъ продавалъ и взялъ за него пятьдесятъ копѣекъ, а топоръ они ужь сами уговорили его продать, потому что кстати, да и очень ужь хорошій топоръ. Тутъ вдругъ Аглая начала ужасно приставать къ Колѣ, чтобъ онъ ей сейчасъ-же продалъ ежа, изъ себя выходила, даже «милымъ» назвала Колю. Коля долго не соглашался, но, наконецъ, не выдержалъ и позвалъ Костю Лебедева, который, дѣйствительно, вошелъ съ топоромъ и очень сконфузился. Но тутъ вдругъ оказалось, что ежъ вовсе не ихъ, а принадлежитъ какому-то третьему

мальчику, Петрову, который далъ имъ обоимъ денегъ, чтобы купили ему у какого-то четвертаго мальчика *Исторію* Шлоссера, которую тотъ, нуждаясь въ деньгахъ, выгодно продавалъ: что они поѣли покупать *Исторію* Шлоссера, но не утерпѣли, и купили ежа, такъ что, стало быть, и ежъ, и теперь принадлежалъ тому третьему мальчику, которому они ихъ теперь и несутъ, вмѣсто *Исторіи* Шлоссера. Но Аглая такъ приставала, что, наконецъ, рѣшились и продали ей ежа. Какъ только Аглая получила ежа, тотчасъ-же уложила его съ помощью Коли въ плетеную корзинку, накрыла салфеткой и стала просить Колю, чтобъ онъ сейчасъ-же, и никуда не заходя, отнесъ ежа къ князю, отъ ея имени, съ просьбой принять въ знакъ глубочайшаго ея уваженія. Коля съ радостію согласился и далъ слово, что доставитъ, но сталъ немедленно приставать: «Что означаетъ ежъ и подобный подарокъ?» Аглая отвѣчала ему, что не его дѣло. Онъ отвѣчалъ, что, убѣжденъ, тутъ заключается аллегорія. Аглая разсердилась и отрѣзала ему, что онъ мальчишка и больше ничего. Коля тотчасъ-же возразилъ ей, что еслибъ онъ не уважалъ въ ней женщину, и сверхъ того свои убѣжденія, то немедленно доказалъ-бы ей, что умѣетъ отвѣтить на подобное оскорбленіе. Кончилось, впрочемъ, тѣмъ, что Коля все-таки съ восторгомъ понесъ отнести ежа, а за нимъ побѣжалъ и Костя Лебедевъ. Аглая не вытерпѣла и, видя, что Коля слишкомъ махаетъ корзинкой, закричала ему вслѣдъ съ террасы: «Пожалуйста, Коля, не выроните, голубчикъ!» точно съ нимъ и не бранилась сейчасъ. Коля остановился и тоже, точно и не бранился, закричалъ съ величайшею готовностью: «Нѣтъ, не выроню, Аглая Ивановна. Будьте совершенно покойны!» и побѣжалъ опять сломя голову. Аглая послѣ того расхохоталась ужасно и побѣжала къ себѣ чрезвычайно довольная, и весь день потомъ была очень веселая.

Такое извѣстіе совершенно опешомило Лизавету Прокофьевну. Кажется, что-бы? Но ужь такое, видно, пришло настроеніе. Тревога ея была возбуждена въ чрезвычайной степени, и главное — ежъ: что означаетъ ежъ? Что тутъ условлено? Что тутъ подразумѣвается? Какой это знакъ? Что за телеграмма? Къ тому-же, бѣдный Иванъ Ѳедоровичъ, случившійся тутъ-же при допросѣ, совершенно испортилъ все дѣло отвѣтомъ. По его мнѣнію, телеграммы тутъ не было никакой, а что ежъ — «просто ежъ и только,» — развѣ означаетъ, кромѣ того, дружество, забвеніе обидъ и примиреніе, однимъ словомъ, все это шалость, но во всякомъ случаѣ невинная и простительная».

Въ скобкахъ замѣтимъ, что онъ угадалъ совершенно. Князь, воротившись домой отъ Аглаи, осмѣянный и изгнанный ею, сидѣлъ

уже съ полчаса въ самомъ мрачномъ отчаяніи, когда вдругъ явился Коля съ ежомъ. Тотчасъ-же прояснилось небо: князь точно изъ мертвыхъ воскресъ: разспрашивалъ Колю, висѣлъ надъ каждымъ словомъ его, переспрашивалъ по десяти разъ, смѣялся какъ ребенокъ и поминутно пожималъ руки обоимъ смѣющимся и ясно смотрѣвшимъ на него мальчикамъ. Выходило, стало быть, что Аглая прощаетъ, и князю опять можно идти къ ней сегодня-же вечеромъ, а для него это было не только главное, а даже и все.

— Какія мы еще дѣти, Коля! и... и... какъ это хорошо, что мы дѣти! съ упоеніемъ воскликнулъ онъ, наконецъ.

— Просто-за-просто, она въ васъ влюблена, князь, и больше ничего! съ авторитетомъ и внушительно отвѣтилъ Коля.

Князь вспыхнулъ, но на этотъ разъ не сказалъ ни слова, а Коля только хохоталъ и хлопалъ въ ладоши: минуту спустя разсмѣялся и князь, а потомъ до самаго вечера каждыя пять минутъ смотрѣлъ на часы, много-ли прошло, и много-ли до вечера остается.

Но настроеніе взяло верхъ: Лизавета Прокофьевна, наконецъ, не выдержала и поддалась истерической минутѣ. Не смотря на всѣ возраженія супруга и дочерей, она немедленно послала за Аглаей, съ тѣмъ чтобъ ужъ задать ей послѣдній вопросъ и отъ нея получить самый ясный и послѣдній отвѣтъ. «Чтобы все это разомъ и покончить, и съ плечъ долой, такъ чтобъ ужъ и не поминать!» «Иначе, объявила она,—я и до вечера не доживу!» И тутъ только всѣ догадались до какой безтолковщины довели дѣло. Кромѣ притворнаго удивленія, негодованія, хохота и насмѣшекъ надъ княземъ и надо всѣми допрашивавшими,—ничего отъ Аглаи не добились. Лизавета Прокофьевна слегла въ постель и вышла только къ чаю, къ тому времени, когда ожидали князя. Князя она ожидала съ трепетомъ, и когда онъ явился, съ нею чуть не сдѣлалась истерика.

А князь и самъ вошелъ робко, чуть не ощупью, странно улыбаясь, засматривая всѣмъ въ глаза и всѣмъ какъ-бы задавая вопросъ, потому что Аглаи опять не было въ комнатѣ, чего онъ тотчасъ-же испугался. Въ этотъ вечеръ никого не было постороннихъ, одни только члены семейства. Князь Щ. былъ еще въ Петербургѣ, по поводу дѣла о дядѣ Евгенія Павловича. «Хоть-бы онъ-то случился и что нибудь сказалъ», горевала о немъ Лизавета Прокофьевна. Иванъ Ѳедоровичъ сидѣлъ съ чрезвычайно озабоченною миной; сестры были серіозны и, какъ нарочно, молчали. Лизавета Прокофьевна не знала съ чего начать разговоръ. Наконецъ, вдругъ энергически выбранила желѣзную дорогу и посмотрѣла на князя съ рѣшительнымъ вызовомъ.

Увы! Аглая не выходила, и князь пропадалъ. Чуть лепеча и

потерявшись, онъ было выразилъ мнѣніе, что починить дорогу чрезвычайно полезно, но Аделаида вдругъ засмѣялась, и князь опять уничтожился. Въ это-то самое мгновеніе и вошла Аглая спокойно и важно, церемонно отдала князю поклонъ и торжественно заняла самое видное мѣсто у круглаго стола. Она вопросительно посмотрѣла на князя. Всѣ поняли, что настало разрѣшеніе всѣхъ недоумѣній.

— Получили вы моего ежа? твердо и почти сердито спросила она.

— Получилъ, отвѣтилъ князь, краснѣя и замирая.

— Объясните-же немедленно, что вы объ этомъ думаете? Это необходимо для спокойствія мамани и всего нашего семейства.

— Послушай, Аглая... забезпокоился вдругъ генералъ.

— Это, это изъ всякихъ границъ! испугалась вдругъ чего-то Лизавета Прокофьевна.

— Никакихъ всякихъ границъ тутъ нѣту, маман, строго и тотчасъ-же отвѣтила дочка. — Я сегодня послала князю ежа и желаю знать его мнѣніе. Что-же, князь?

— То есть, какое мнѣніе, Аглая Ивановна?

— Объ ежѣ.

— То есть... я думаю, Аглая Ивановна, что вы хотите узнать какъ я приняль... ежа... или, лучше сказать, какъ я взглянулъ... на эту пріемку... ежа, то есть... въ такомъ случаѣ я полагаю, что... однимъ словомъ...

Онъ задохся и умолкъ.

— Ну, не много сказали, подождала секунду пять Аглая. — Хорошо, я согласна оставить ежа; но я очень рада, что могу наконецъ покончить всѣ накопившіяся недоумѣнія. Позвольте, наконецъ, узнать отъ васъ самого и лично: сватаетесь вы за меня или нѣтъ?

— Ахъ, Господи! вырвалось у Лизаветы Прокофьевны.

Князь вздрогнулъ и отпатинулся: Иванъ Ѳедоровичъ остолбенѣлъ: сестры нахмурились.

— Не лгите, князь, говорите правду. Изъ-за васъ меня преслѣдуютъ странными допросами: имѣютъ-же эти допросы какое нибудь основаніе? Ну!

— Я за васъ не сватался, Аглая Ивановна, проговорилъ князь, вдругъ оживляясь, — но... вы знаете сами какъ я люблю васъ и вѣрю въ васъ... даже теперь...

— Я васъ спрашивала: просите вы моей руки или нѣтъ?

— Прошу, замирая отвѣтилъ князь.

Послѣдовало общее и сильное движеніе.

— Все это не такъ, милый другъ, проговорилъ Иванъ Ѳедоро-

вичь, сильно волнуясь.— это... это почти невозможно, если это такъ. Глаша... Извините, князь, извините, дорогой мой!.. Лизавета Прокофьевна! обратился онъ къ супругѣ за помощью: — надо-бы... вникнуть...

— Я отказываюсь, я отказываюсь! замахала руками Лизавета Прокофьевна.

— Позвольте-же, папаи, и мнѣ говорить: вѣдь я и сама въ такомъ дѣлѣ что нибудь значу: рѣшается чрезвычайная минута судьбы моей (Аглая именно такъ и выразилась), и я хочу узнать сама и, кромѣ того, рада, что при всѣхъ... Позвольте-же спросить васъ, князь, если вы питаете такія намѣренія—, то чѣмъ-же вы именно полагаете составить мое счастье?

— Я не знаю, право, Аглая Ивановна, какъ вамъ отвѣтить; тутъ... тутъ что-же отвѣчать? Да и... надо-ли?

Вы, кажется, сконфузились и задыхаетесь: отдохните немного и соберитесь съ новыми силами: выпейте стаканъ воды: впрочемъ, вамъ сейчасъ чаю дадутъ.

— Я васъ люблю, Аглая Ивановна, я васъ очень люблю; я одну васъ люблю и... не шутите, пожалуйста, я васъ очень люблю.

— Но однако-же, это дѣло важное; мы не дѣти, и надо взглянуть положительно... Потрудитесь теперь объяснить, въ чемъ заключается ваше состояніе?

— Ну-ну-ну, Аглая. Что ты! Это не такъ, не такъ... испуганно бормоталъ Иванъ Ѳедоровичъ.

— Позоръ! громко прошептала Лизавета Прокофьевна.

— Съ ума сошла! также громко прошептала Александра.

— Состояніе... то есть, деньги? удивился князь.

— Именно.

— У меня... у меня теперь сто тридцать пять тысячъ, пробормоталъ князь, закрасиѣвшись.

— Только-то? громко и откровенно удивилась Аглая, нисколько не красиѣя:—впрочемъ, ничего: особенно если съ экономіей... Намѣрены служить?

— Я хотѣлъ держать экзаменъ на домашняго учителя...

— Очень кстати: конечно, это увеличитъ наши средства. Полагаете вы быть камеръ-юнкеромъ?

— Камеръ-юнкеромъ? Я никакъ этого не воображалъ, но...

Но тутъ не утерпѣли обѣ сестры и прыснули со смѣху. Александа давно уже замѣтила въ подергивающихся чертахъ лица Аглаи признаки быстраго и неудержимаго смѣха, который она сдерживала нокамѣсть изо всей силы. Аглая грозно было посмотрѣла на разсмѣявшихся сестеръ, но и секунды сама не выдержала, и залилась

самымъ сумасшедшимъ, почти истерическимъ хохотомъ; наконецъ, вскочила и выбѣжала изъ комнаты.

— Я такъ и знала, что одинъ только смѣхъ и больше ничего! вскричала Аделаида:—съ самаго начала, съ ежа.

— Нѣтъ, вотъ этого ужъ не позволю, не позволю! вскинѣла вдругъ гнѣвомъ Лизавета Прокофьевна и быстро устремилась вслѣдъ за Аглаей. За нею тотчасъ-же побѣжали и сестры. Въ комнатѣ остались князь и отецъ семейства.

— Это, это... могъ ты вообразить что нибудь подобное, Левъ Николаевичъ? рѣзко вскричалъ генералъ, видимо, самъ не понимая что хочетъ сказать:—нѣтъ, серіозно, серіозно говоря?

— Я вижу, что Аглая Ивановна надо мной смѣялась, грустно отвѣтилъ князь.

— Подожди, братъ; я пойду, а ты подожди... потому... объясни мнѣ хоть ты, Левъ Николаевичъ, хоть ты: какъ все это случилось, и что все это означаетъ, во всемъ, такъ сказать, его объемѣ? Согласись, братъ, самъ,—я отецъ: все-таки вѣдь отецъ-же, потому я ничего не понимаю; такъ хоть ты-то объясни!

— Я люблю Аглаю Ивановну: она это знаетъ и... давно, кажется, знаетъ.

Генералъ вскинулъ плечами.

— Странно, странно... и очень любишь?

— Очень люблю.

— Странно, странно это мнѣ все. То есть такой сюрпризъ и ударъ, что... Видишь-ли, милый, я не на счетъ состоянія (хоть и ожидалъ, что у тебя побольше), но... мнѣ счастье дочери... наконецъ... способенъ-ли ты, такъ сказать, составить это... счастье-то? И... и... что это: шутка, или правда съ ея-то стороны? То есть не съ твоей, а съ ея стороны?

Изъ-за дверей раздался голосъ Александры Ивановны; звали папашу...

— Подожди, братъ, подожди! Подожди и обдумай, а я сейчасъ... проговорилъ онъ второпяхъ, и почти испуганно устремился на зовъ Александры.

Онъ засталъ супругу и дочку въ объятіяхъ одну у другой и обливавшихъ другъ друга слезами. Это были слезы счастья, умиленія и примиренія. Аглая цѣловала у матери руки, щеки, губы; обѣ горячо прижимались другъ къ дружкѣ.

— Ну, вотъ, погляди на нее, Иванъ Ѳедорычъ, вотъ она вся теперь! сказала Лизавета Прокофьевна.

Аглая отвернула свое счастливое и заплаканное личико отъ маминой груди, взглянула на папашу, громко разсмѣялась, прыгнула

къ нему, крѣпко обняла его и нѣсколько разъ поцѣловала. Затѣмъ опять бросилась къ маманѣ и совсѣмъ уже спряталась лицомъ на ея груди, чтобъ ужъ никто не видалъ, и тотчасъ опять заплакала. Лизавета Прокофьевна прикрыла ее концомъ своей шали.

— Ну, что-же, что-же ты съ нами-то дѣлаешь, жестокая ты дѣвочка, послѣ этого, вотъ что! проговорила она, но уже радостно, точно ей дышать стало вдругъ легче.

— Жестокая! Да, жестокая! подхватила вдругъ Аглая.—Дрянная! Избалованная! Скажите это папашѣ. Ахъ, да вѣдь онъ тутъ. Папа, вы тутъ? Слышите! разсмѣялась она сквозь слезы.

— Милый другъ, идолъ ты мой! цѣловалъ ея руку весь просіявшій отъ счастья генералъ. (Аглая не отнимала руки).—Такъ ты, стало быть, любишь этого... молодаго человѣка?..

— Ни-ни-ни! Терпѣть не могу... вашего молодаго человѣка, терпѣть не могу! вдругъ вскинѣла Аглая и подняла голову:—и если вы, папа, еще разъ осмѣлитесь... я вамъ серіозно говорю; слышите: серіозно говорю!

И она, дѣйствительно, говорила серіозно: вся даже покраснѣла и глаза блистали. Папаша осѣкся и испугался. но Лизавета Прокофьевна сдѣлала ему знакъ изъ-за Аглаи, и онъ понялъ въ немъ: «не разспрашивай».

— Если такъ, ангелъ мой, то вѣдь какъ хочешь, воля твоя, онъ тамъ ждетъ одинъ: не намекнуть-ли ему, деликатно, чтобъ онъ уходилъ?

Генералъ, въ свою очередь, мигнулъ Лизаветѣ Прокофьевнѣ.

— Нѣтъ, нѣтъ, это ужъ лишнее; особенно если «деликатно»: выйдите къ нему сами; я выйду потомъ, сейчасъ. Я хочу у этого... молодаго человѣка извиненія попросить, потому что я его обидѣла.

— И очень обидѣла, серіозно подтвердилъ Иванъ Ѳедоровичъ.

— Ну, такъ... оставайтесь лучше вы всѣ здѣсь, а я пойду сначала одна, вы-же сейчасъ за мной, въ ту-же секунду приходите; такъ лучше.

Она уже дошла до дверей, но вдругъ воротилась.

— Я разсмѣюсь! Я умру со смѣху! печально сообщила она.

Но въ ту-же секунду повернулась и побѣжала къ князю.

— Ну, что-жъ это такое? Какъ ты думаешь? наскоро проговорилъ Иванъ Ѳедоровичъ.

— Боюсь и выговорить, такъ-же наскоро отвѣтила Лизавета Прокофьевна,—а по моему ясно.

— И по моему ясно. Ясно какъ день. Любитъ.

— Мало того что любитъ, влюблена! отозвалась Александра Ивановна:—только въ кого-бы, кажется?

— Благослови ее Богъ, коли ея такая судьба! набожно перекрестилась Лизавета Прокофьевна.

— Судьба, значитъ, подтвердилъ генералъ,—и отъ судьбы не уйдешь!

И всѣ пошли въ гостиную, а тамъ опять ждалъ сюрпризъ.

Аглая не только не расхохоталась, подойдя къ князю, какъ опасалась того, но даже чуть не съ робостью сказала ему:

— Простите глупую, дурную, избалованную дѣвушку (она взяла его за руку) и будьте увѣрены, что всѣ мы безмѣрно васъ уважаемъ. А если я осмѣлилась обратить въ насмѣшку ваше прекрасное... доброе простодушіе, то простите меня какъ ребенка за шалость; простите, что я настаивала на нелѣпости, которая, конечно, не можетъ имѣть ни малѣйшихъ послѣдствій...

Послѣднія слова Аглая выговорила съ особеннымъ удареніемъ.

Отецъ, мать и сестры, всѣ поспѣли въ гостиную, чтобы все это видѣть и выслушать, и всѣхъ поразила нелѣпость, которая не можетъ имѣть ни малѣйшихъ послѣдствій, а еще болѣе серіозное настроеніе Аглаи, съ какимъ она высказалась объ этой нелѣпости. Всѣ переглянулись вопросительно; но князь, кажется, не понялъ этихъ словъ и былъ на высшей степени счастья.

— Зачѣмъ вы такъ говорите, бормоталъ онъ, — зачѣмъ вы... проспте... прощенія...

Онъ хотѣлъ даже выговорить, что онъ недостоинъ, чтобъ у него просили прощенія. Кто знаетъ, можетъ, онъ и замѣтилъ значеніе словъ о нелѣпости, которая не можетъ имѣть ни малѣйшихъ послѣдствій, но какъ странный человѣкъ, можетъ быть, даже обрадовался этимъ словамъ. Безспорно, для него составляло уже верхъ блаженства одно то, что онъ опять будетъ безпрепятственно приходить къ Аглаѣ, что ему позволятъ съ нею говорить, съ нею сидѣть, съ нею гулять, и, кто знаетъ, можетъ быть, этимъ однимъ онъ остался-бы доволенъ на всю свою жизнь! (Вотъ этого-то довольства, кажется, и боялась Лизавета Прокофьевна про себя: она угадывала его; многаго она боялась про себя, чего и выговорить сама не умѣла).

Трудно представить до какой степени князь оживился и ободрился въ этотъ вечеръ. Онъ былъ веселъ такъ, что ужъ на него глядя становилось весело,—такъ выражались потомъ сестры Аглаи. Онъ разговорился, а этого съ нимъ еще не повторялось съ того самаго утра, когда, полгода назадъ, произошло его первое знакомство съ Епанчиными: по возвращеніи-же въ Петербургъ онъ былъ замѣтно и намѣренно молчаливъ и очень недавно, при всѣхъ, проговорился князю Щ., что ему надо сдерживать себя и молчать, потому что онъ не имѣетъ права уносить мысль, самъ излагая ее.

Почти онъ одинъ и говорилъ во весь этотъ вечеръ, много разсказывалъ: ясно, съ радостью и подробно отвѣчалъ на вопросы. Но ничего, впрочемъ, похожаго на любовный разговоръ не проглядывало въ словахъ его. Все это были такія серіозныя, такія даже мудреныя иногда мысли. Князь изложилъ даже нѣсколько своихъ взглядовъ, своихъ собственныхъ затаенныхъ наблюденій, такъ что все это было-бы даже смѣшно, если-бы не было такъ хорошо изложено, какъ согласились потомъ всѣ слушавшіе. Генералъ хоть и любилъ серіозныя разговорныя темы, но и онъ, и Лизавета Прокофьевна нашли про себя, что ужь слишкомъ много учености, такъ что стали подъ конецъ вечера даже грустны. Впрочемъ, князь до того дошелъ подъ конецъ, что разсказалъ нѣсколько пресмѣшныхъ анекдотовъ, которымъ самъ-же первый и смѣялся, такъ что другіе смѣялись болѣе уже на его радостный смѣхъ, чѣмъ самимъ анекдотамъ. Что-же касается Аглаи, то она почти даже и не говорила весь вечеръ; за то, не отрываясь, слушала Льва Николаевича, и даже не столько слушала его, сколько смотрѣла на него.

— Такъ и глядитъ, глазъ не сводитъ: надъ каждымъ-то словечкомъ его виситъ: такъ и ловитъ, такъ и ловитъ! говорила потомъ Лизавета Прокофьевна своему супругу:—а скажи ей что любитъ, такъ и святыхъ вонъ понесн!

— Что дѣлать—судьба! вскидывалъ плечами генералъ, и долго еще онъ повторялъ это полюбившееся ему словечко. Прибавимъ, что, какъ дѣловому человѣку, ему тоже многое чрезвычайно не понравилось въ настоящемъ положеніи всѣхъ этихъ вещей, а главное — неясность дѣла; но до времени онъ тоже рѣшился молчать и глядѣть... въ глаза Лизаветѣ Прокофьевнѣ.

Радостное настроеніе семейства продолжалось недолго. На другой-же день Аглая опять поссорилась съ княземъ, и такъ продолжалось безпрерывно, во всѣ слѣдующіе дни. По нѣкымъ часамъ она поднимала князя на смѣхъ и обращала его чуть не въ шута. Правда, они просиживали иногда по часу и по два въ ихъ домашнемъ садикѣ, въ бесѣдкѣ, но замѣтили, что въ это время князь почти всегда читаетъ Аглаѣ газеты или какую нибудь книгу.

— Знаете-ли, сказала ему разъ Аглая, прерывая газету, — я замѣтила, что вы ужасно необразованы; вы ничего хорошенько не знаете, если справляться у васъ: ни кто именно, ни въ которомъ году, ни по какому трактату? Вы очень жалки.

— Я вамъ сказалъ, что я небольшой учености, отвѣтилъ князь.

— Что-же въ васъ послѣ этого? Какъ-же я могу васъ уважать послѣ этого? Читайте дальше; а впрочемъ, не надо, перестаньте читать.

И опять въ тотъ-же вечеръ промелькнуло что-то очень для всѣхъ загадочное съ ея стороны. Воротился князь Щ. Аглая была къ нему очень ласкова, много разспрашивала объ Евгеніи Павловичѣ. (Князь Левъ Николаевичъ еще не приходилъ). Вдругъ князь Щ. какъ-то позволилъ себѣ намекнуть на «близкій и новый переворотъ въ семействѣ», на нѣсколько словъ, проскользнувшихъ у Лизаветы Прокофьевны, что, можетъ быть, придется опять оттянуть свадьбу Аделаиды, чтобъ объ свадьбы пришлись вмѣстѣ. Невозможно было и вообразить какъ вспылила Аглая на всѣ эти глупыя предположенія: и, между прочимъ, у ней вырвались слова, что «она еще не намѣрена замѣщать собой ничьихъ любовницъ».

Эти слова поразили всѣхъ, но преимущественно родителей. Лизавета Прокофьевна настаивала въ тайномъ совѣтѣ съ мужемъ, чтобъ объясниться съ княземъ рѣшительно на счетъ Настасьи Филипповны.

Иванъ Ѳедоровичъ клялся, что все это одна только выходка и произошла отъ Аглаиной «стыдливости»: что еслибъ князь Щ. не заговорилъ о свадьбѣ, то не было-бы и выходки, потому что Аглая и сама знаетъ, знаетъ достовѣрно, что все это одна клевета недобрыхъ людей, и что Настасья Филипповна выходитъ за Рогожина; что князь тутъ не состоитъ ни при чемъ, не только въ связяхъ: и даже никогда и не состоялъ, если ужъ говорить всю правду-истину.

А князь всетаки ничѣмъ не смущался и продолжалъ блаженствовать. О, конечно, и онъ замѣчалъ иногда что-то какъ-бы мрачное и нетерпѣливое во взглядахъ Аглаи: но онъ болѣе вѣрилъ чему-то другому, и мракъ исчезалъ самъ собою. Разъ увѣровавъ, онъ уже не могъ поколебаться ничѣмъ. Можетъ быть, онъ уже слишкомъ былъ спокоенъ; такъ, по крайней мѣрѣ, казалось и Ипполиту, однажды случайно встрѣтившемуся съ нимъ въ паркѣ.

— Ну, не правду-ли я вамъ сказалъ тогда, что вы влюблены,— началъ онъ, самъ подойдя къ князю и остановивъ его. Тотъ протянулъ ему руку и поздравилъ его съ «хорошимъ видомъ». Больной казался и самъ ободреннымъ, что такъ свойственно чахоточнымъ.

Онъ съ тѣмъ и подошелъ къ князю, чтобы сказать ему что нибудь язвительное на счетъ его счастливаго вида, но тотчасъ-же сбился и заговорилъ о себѣ. Онъ сталъ жаловаться, жаловался много и долго, и довольно безсвязно.

— Вы не повѣрите, заключилъ онъ, до какой степени они всѣ тамъ раздражительны, мелочны, эгоистичны, тщеславны, ординарны: вѣрите-ли, что они взяли меня не иначе какъ съ тѣмъ условіемъ, чтобъ я какъ можно скорѣе померъ, и вотъ, всѣ въ обществѣ,

что я не помираю, и что мнѣ, напротивъ, легче. Комедія! Бьюсь объ закладъ, что вы мнѣ не вѣрите?

Князю не хотѣлось возражать.

— Я даже иногда думаю опять къ вамъ переселиться, небрежно прибавилъ Ипполитъ.—Такъ вы, однако, не считаете ихъ способными принять человѣка съ тѣмъ, чтобъ онъ непремѣнно и какъ можно скорѣе померъ?

— Я думалъ, они пригласили васъ въ какихъ-нибудь другихъ видахъ.

— Эге! Да вы таки совсѣмъ не такъ просты какъ васъ рекомендуютъ! Теперь не время, а то-бы я вамъ кое-что открылъ про этого Ганечку и про надежды его. Подъ васъ подкапываются, князь, безжалостно подкапываются и... даже жалко, что вы такъ спокойны. Но увы,—вы не можете иначе!

— Вотъ о чемъ пожалѣли! засмѣялся князь:—что-жь, по вашему, я былъ-бы счастливѣе, если-бъ былъ безпокойнѣе?

— Лучше быть несчастнымъ, но *знать*, чѣмъ счастливымъ и жить... въ дуракахъ. Вы, кажется, нисколько не вѣрите, что съ вами соперничаютъ и... съ той стороны?

— Ваши слова о соперничествѣ нѣсколько циничны, Ипполитъ: мнѣ жаль, что я не имѣю права отвѣчать вамъ. Что-же касается Гаврилы Ардаліоновича, то согласитесь сами, можетъ-ли онъ оставаться спокойнымъ послѣ всего что онъ потерялъ, если вы только знаете его дѣла хоть отчасти? Мнѣ кажется, что съ этой точки зрѣнія лучше взглянуть. Онъ еще успѣетъ перемѣниться: ему много жить, а жизнь богата... а впрочемъ... впрочемъ,— потерялся вдругъ князь,—на счетъ подкоповъ... я даже и не понимаю про что вы говорите: оставимъ лучше этотъ разговоръ, Ипполитъ.

— Оставимъ до времени: къ тому-же вѣдь нельзя и безъ благородства, съ вашей-то стороны. Да, князь, вамъ нужно самому пальцемъ пощупать, чтобъ опять не повѣрить, ха! ха! А очень вы меня презираете теперь, какъ вы думаете?

— За что? За то что вы больше насъ страдали и страдаете?

— Нѣтъ, а за то что недостоинъ своего страданія.

— Кто могъ страдать больше, стало быть, и достоинъ страдать больше. Аглая Ивановна, когда прочла вашу исповѣдь, хотѣла васъ видѣть, но...

— Откладывать... ей нельзя, понимаю, понимаю... перебилъ Ипполитъ, какъ-бы стараясь поскорѣе отклонить разговоръ.—Кстати, говорятъ, вы сами читали ей всю эту галиматью вслухъ: подлинно, въ бреду написано и... сдѣлано. И не понимаю, до какой степени надо быть,—не скажу жестокимъ (это для меня унизительно), но

дѣтски тщеславнымъ и мстительнымъ, чтобъ укорять меня этою исповѣдью и употреблять ее противъ меня-же какъ оружіе! Не безпокойтесь, я не на вашъ счетъ говорю...

– Но мнѣ жаль, что вы отказываетесь отъ этой тетрадки, Ипполитъ, она искренна, и знаете, что даже самыя смѣшныя стороны ея, а ихъ много (Ипполитъ сильно поморщился), искуплены страданіемъ, потому что признаваться въ нихъ было тоже страданіе и... можетъ быть, большое мужество. Мысль васъ подвигшая имѣла непремѣнно благородное основаніе, что̀-бы тамъ ни казалось. Чѣмъ далѣе, тѣмъ яснѣе я это вижу, клянусь вамъ. Я васъ не сужу, я говорю чтобы высказаться, и мнѣ жаль, что я тогда молчалъ...

Ипполитъ всплхнулъ. У него было мелькнула мысль, что князь притворяется и ловитъ его; но вглядѣвшись въ лицо его, онъ не могъ не повѣрить его искренности; лицо его прояснилось.

— А вотъ все-таки умирать! проговорилъ онъ, чуть не прибавивъ: такому человѣку какъ я!—И вообразите какъ меня донекаетъ вашъ Ганечка: онъ вѣдь вздумаетъ, въ видѣ возраженія, что, можетъ быть, изъ тѣхъ, кто тогда слушалъ мою тетрадку, трое, четверо умрутъ, пожалуй, раньше меня! Каково! Онъ думаетъ что это мнѣ утѣшеніе, ха! ха! Во первыхъ, еще не умерли; да если-бы даже эти люди и перемерли, то какое-же мнѣ въ этомъ утѣшеніе, согласитесь сами! Онъ по себѣ судитъ: впрочемъ, онъ еще дальше пошелъ, онъ теперь просто ругается, говоритъ, что порядочный человѣкъ умирать въ такомъ случаѣ молча, и что во всемъ этомъ съ моей стороны былъ одинъ только эгоизмъ! Каково! Нѣтъ, каковъ эгоизмъ съ его-то стороны! Какова утонченность или, лучше сказать, какова въ тоже время воловья грубость ихъ эгоизма, котораго они всетаки никакъ не могутъ замѣтить въ себѣ!.. Читали вы, князь, про одну смерть, одного Степана Глѣбова, въ восемнадцатомъ столѣтіи? Я случайно вчера прочелъ...

— Какого Степана Глѣбова?

— Былъ посаженъ на колъ при Петрѣ.

— Ахъ, Боже мой, знаю! Просидѣть пятнадцать часовъ на колѣ, въ морозъ, въ шубѣ, и умеръ съ чрезвычайнымъ великодушіемъ; какъ-же, читалъ... а что̀?

— Дастъ-же Богъ такія смерти людямъ, а намъ такихъ нѣтъ! Вы, можетъ быть, думаете, что я не способенъ умереть такъ какъ Глѣбовъ?

— О, совсѣмъ нѣтъ, сконфузился князь,—я хотѣлъ только сказать, что вы... то есть не то, что вы не походили-бы на Глѣбова, но... что вы... что вы скорѣе были-бы тогда...

— Угадываю: Остерманомъ, а не Гѣбовымъ, —вы это хотите сказать?

— Какимъ Остерманомъ? удивился князь.

— Остерманомъ, дипломатомъ Остерманомъ, Петровскимъ Остерманомъ, пробормоталъ Ипполитъ, вдругъ нѣсколько сбившись. Послѣдовало нѣкоторое недоумѣніе.

— О, н-н-нѣтъ! Я не то хотѣлъ сказать, протянулъ вдругъ князь послѣ нѣкотораго молчанія, —вы, мнѣ кажется... никогда-бы не были Остерманомъ.

Ипполитъ нахмурился.

— Впрочемъ, я вѣдь почему это такъ утверждаю, вдругъ подхватилъ князь, видимо желая поправиться, —потому что богданніе люди (клянусь вамъ, меня это всегда поражало) совсѣмъ точно и не тѣ люди были какъ мы теперь, не то племя было какое теперь въ нашъ вѣкъ, право. Точно порода другая... Тогда люди были какъ-то объ одной идеѣ, а теперь нервнѣе, развитѣе, сенситивнѣе, какъ-то о двухъ, о трехъ идеяхъ за разъ... Теперешній человѣкъ шире,—и, клянусь, это-то и мѣшаетъ ему быть такимъ односоставнымъ человѣкомъ, какъ въ тѣхъ вѣкахъ... Я... я это единственно къ тому сказалъ, а не...

— Понимаю: за наивность, съ которою вы не согласились со мной, вы теперь хотите утѣшать меня, ха! ха! Вы совершенное дитя, князь. Однако-жь, я замѣчаю, что вы всѣ третируете меня какъ... какъ фарфоровую чашку... Ничего, ничего, я не сержусь. Во всякомъ случаѣ, у насъ очень смѣшной разговоръ вышелъ; вы совершенное иногда дитя, князь. Знайте, впрочемъ, что я, можетъ быть, и по лучше желалъ быть чѣмъ нибудь, чѣмъ Остерманомъ; для Остермана не стоило-бы воскресать изъ мертвыхъ... А впрочемъ, я вижу, что мнѣ надо какъ можно скорѣе умирать, не то я самъ... Оставьте меня. До свиданія! Ну, хорошо, ну, скажите мнѣ сами, ну, какъ по вашему: какъ мнѣ всего лучше умереть? Чтобы вышло какъ можно... добродѣтельнѣе, то есть? Ну, говорите!

— Пройдите мимо насъ и простите намъ наше счастье! проговорилъ князь тихимъ голосомъ.

— Ха-ха-ха! Такъ я и думалъ! Непремѣнно чего нибудь ждать въ этомъ родѣ! Однако-же вы... однако-же вы... Ну, ну! Краснорѣчивые люди! До свиданья, до свиданья!

VI.

Вечеромъ собранія на дачѣ Епанчиныхъ, на которое ждали Бѣлоконскую, Варвара Ардаліоновна тоже совершенно вѣрно сообщила брату: гостей ждали именно въ тотъ-же день вечеромъ; но опять таки она выразилась объ этомъ нѣсколько рѣзче чѣмъ слѣдовало. Правда, дѣло устроилось слишкомъ поспѣшно и даже съ нѣкоторымъ, совсѣмъ-бы ненужнымъ, волненіемъ, и именно потому, что въ этомъ семействѣ все дѣлалось такъ, какъ ни у кого. Все объяснялось нетерпѣливостью не желавшей болѣе сомнѣваться Лизаветы Прокофьевны и горячими содроганіями обоихъ родительскихъ сердецъ о счастіи любимой дочери. Къ тому-же Бѣлоконская и въ самомъ дѣлѣ скоро уѣзжала: а такъ какъ ея протекція дѣйствительно много значила въ свѣтѣ, и такъ какъ надѣялись, что она къ князю будетъ благосклонна, то родители и разсчитывали, что свѣтъ приметъ жениха Аглаи прямо изъ рукъ всемогущей «старухи», а, стало быть, если и будетъ въ этомъ что нибудь страшное, то подъ такимъ покровительствомъ покажется гораздо менѣе страшнымъ. Въ томъ-то и состояло все дѣло, что родители никакъ не были въ силахъ сами рѣшить: есть-ли, и на сколько именно во всемъ этомъ дѣлѣ есть страннаго? Или нѣтъ совсѣмъ страннаго? Дружеское и откровенное мнѣніе людей авторитетныхъ и компетентныхъ именно годилось-бы въ настоящій моментъ. Когда, благодаря Аглаѣ, еще ничего не было рѣшено окончательно. Во всякомъ-же случаѣ, рано или поздно, князя надо было ввести въ свѣтъ, о которомъ онъ не имѣлъ ни малѣйшаго понятія. Короче, его намѣрены были показать. Вечеръ проектировался однако-же заросто: ожидались одни только «друзья дома», въ самомъ маломъ числѣ. Кромѣ Бѣлоконской, ожидали одну даму, жену весьма важнаго барина и сановника. Изъ молодыхъ людей разсчитывали чуть-ли не на одного Евгенія Павловича: онъ долженъ былъ явиться, сопровождая Бѣлоконскую.

О томъ что будетъ Бѣлоконская, князь услыхалъ еще чуть-ли не за три дня до вечера: о званомъ-же вечерѣ узналъ только наканунѣ. Онъ, разумѣется, замѣтилъ и хлопотливый видъ членовъ семейства, и даже по нѣкоторымъ намекающимъ и озабоченнымъ съ нимъ заговариваніямъ, проникъ, что боятся за впечатлѣніе, которое онъ можетъ произвести. Но у Епанчиныхъ, какъ-то у всѣхъ до сихъ поръ, составилось понятіе, что онъ, по простотѣ своей,

ни за что не въ состояніи самъ догадаться о томъ, что за него такъ безпокоятся. Потому, глядя на него, всѣ внутренно тосковали. Впрочемъ, онъ и въ самомъ дѣлѣ почти не придавалъ никакого значенія предстоящему событію: онъ былъ занятъ совершенно другимъ: Аглая съ каждымъ часомъ становилась все капризнѣе и мрачнѣе — это его убивало. Когда онъ узналъ что ждутъ и Евгенія Павловича, то очень обрадовался и сказалъ, что давно желалъ его видѣть. Почему-то эти слова никому не понравились: Аглая вышла въ досадѣ изъ комнаты и только поздно вечеромъ, часу въ двѣнадцатомъ, когда князь уже уходилъ, она улучила случай сказать ему нѣсколько словъ наединѣ, провожая его.

— Я-бы желала, чтобы вы завтра весь день не приходили къ намъ, а пришли-бы вечеромъ, когда уже соберутся эти... гости. Вы знаете, что будутъ гости?

Она заговорила нетерпѣливо и усиленно сурово: въ первый разъ она заговорила объ этомъ «вечерѣ». Для нея тоже мысль о гостяхъ была почти нестерпима: всѣ это замѣтили. Можетъ быть, он и ужасно хотѣлось-бы поссориться за это съ родителями, но гордость и стыдливость помѣшали заговорить. Князь тотчасъ-же понялъ, что и она за него боится (и не хочетъ признаться что боится), и вдругъ самъ испугался.

— Да, я приглашенъ, отвѣтилъ онъ.

Она видимо затруднялась продолженіемъ.

— Съ вами можно говорить о чемъ нибудь серіозно? Хоть разъ въ жизни? разсердилась она вдругъ чрезвычайно, не зная за что и не въ силахъ сдержать себя.

— Можно, и я васъ слушаю: я очень радъ, бормоталъ князь.

Аглая промолчала опять съ минуту и начала съ видимымъ отвращеніемъ.

— Я не захотѣла съ ними спорить объ этомъ; въ иныхъ случаяхъ ихъ не вразумишь. Отвратительны мнѣ были всегда правила, какія иногда у maman бываютъ. Я про папашу не говорю, съ него нечего и спрашивать. Maman, конечно, благородная женщина: осмѣлься ей предложить что нибудь низкое, и увидите. Ну, а предъ этою... дрянью — преклоняется! Я не про Бѣлоконскую одну говорю: дрянная старушонка и дрянная характеромъ, да умна и ихъ всѣхъ въ рукахъ умѣетъ держать, — хоть тѣмъ хороша. О, низость! И смѣшно: мы всегда были люди средняго круга, самаго средняго, какого только можно быть: зачѣмъ-же лѣзть въ тотъ великосвѣтскій кругъ? Сестры туда-же: это князь Щ. всѣхъ смутилъ. Зачѣмъ вы радуетесь, что Евгеній Павлычъ будетъ?

— Послушайте, Аглая, сказалъ князь, — мнѣ кажется, вы за

меня очень боитесь, чтобъ я завтра не срѣзался... въ этомъ обществѣ?

— За васъ? Боюсь? вся вспыхнула Аглая: — отчего мнѣ бояться за васъ, хоть-бы вы... хоть-бы вы совсѣмъ осрамились? Что мнѣ? И какъ вы можете такія слова употреблять? Что значитъ «срѣзался?» Это дрянное слово, пошлое.

— Это... школьное слово.

— Ну да, школьное слово! Дрянное слово! Вы намѣрены, кажется, говорить завтра все такими словами. Подыщите еще побольше дома въ вашемъ лексиконѣ такихъ словъ: то-то эффектъ произведете! Жаль что вы, кажется, умѣете войти хорошо: гдѣ это вы научились? Вы съумѣете взять и выпить прилично чашку чаю, когда на васъ всѣ будутъ нарочно смотрѣть?

— Я думаю, что съумѣю.

— Это жаль; а то-бы я посмѣялась. Разбейте, по крайней мѣрѣ, китайскую вазу въ гостиной! Она дорого стоитъ: пожалуйста, разбейте: она дареная: маманя съ ума сойдетъ и при всѣхъ заплачетъ,—такъ она ей дорога. Сдѣлайте какой нибудь жестъ, какъ вы всегда дѣлаете, ударьте и разбейте. Сядьте нарочно подлѣ.

— Напротивъ, постараюсь сѣсть какъ можно дальше: спасибо, что предупреждаете.

— Стало быть, заранѣе боитесь, что будете большіе жесты дѣлать. Я бьюсь объ закладъ, что вы о какой нибудь темѣ заговорите, о чемъ нибудь серіозномъ, ученомъ, возвышенномъ? Какъ это будетъ... прилично!

— Я думаю, это было-бы глупо... если не кстати.

— Слушайте, разъ навсегда, не вытерпѣла наконецъ Аглая,— если вы заговорите о чемъ нибудь въ родѣ смертной казни, или объ экономическомъ состояніи Россіи, или о томъ, что міръ спасетъ красота, то... я, конечно, порадуюсь и посмѣюсь очень. Но... предупреждаю васъ заранѣе: не кажитесь мнѣ потомъ на глаза! Слышите: я серіозно говорю! На этотъ разъ я ужь серіозно говорю!

Она дѣйствительно *серіозно* проговорила свою угрозу, такъ что даже что-то необычайное послышалось въ ея словахъ и проглянуло въ ея взглядѣ, чего прежде никогда не замѣчалъ князь, и что ужь конечно не походило на шутку.

— Ну, вы сдѣлали такъ, что я теперь непремѣнно заговорю» и даже... можетъ быть... и вазу разобью. Давеча я ничего не боялся, а теперь всего боюсь. Я непремѣнно срѣжусь.

— Такъ молчите. Сидите и молчите.

— Нельзя будетъ: я увѣренъ, что я отъ страха заговорю, и отъ страха разобью вазу. Можетъ быть, я упаду на гладкомъ полу.

или что нибудь въ этомъ родѣ выйдетъ, потому что со мной ужь случалось; мнѣ это будетъ сниться всю ночь сегодня: зачѣмъ вы заговорили!

Аглая мрачно на него посмотрѣла.

— Знаете что: я лучше завтра совсѣмъ не приду! Отпорту̀юсь больнымъ, и кончено! рѣшилъ онъ, наконецъ.

Аглая топнула ногой и даже побѣднѣла отъ гнѣва.

— Господи! Да видано-ли гдѣ нибудь это! Онъ не придетъ, когда нарочно для него-же я... о, Боже! Вотъ удовольствіе имѣть дѣло съ такимъ... безтолковымъ человѣкомъ какъ вы!

— Ну, я приду, приду! поскорѣе перебилъ князь: —и даю вамъ честное слово, что просижу весь вечеръ, ни слова не говоря. Ужь я такъ сдѣлаю.

— Прекрасно сдѣлаете. Вы сейчасъ сказали: «отпорту̀юсь больнымъ»: откуда вы берете въ самомъ дѣлѣ этакія выраженія? Что̀ у васъ за охота говорить со мной такими словами? Дразните вы меня что̀-ли?

— Виноватъ: это тоже школьное слово: не буду. Я очень хорошо понимаю, что вы... за меня боитесь... (да не сердитесь-же!) и я ужасно радъ этому. Вы не повѣрите какъ я теперь боюсь и — какъ радуюсь вашимъ словамъ. Но весь этотъ страхъ, клянусь вамъ, все это мелочь и вздоръ. Ей Богу, Аглая! А радость остается. Я ужасно люблю, что вы такой ребенокъ, такой хорошій и добрый ребенокъ! Ахъ, какъ вы прекрасны можете быть, Аглая!

Аглая конечно-бы разсердилась, и уже хотѣла, но вдругъ какое-то неожиданное для нея самой чувство захватило всю ея душу, въ одно мгновеніе.

— А вы не попрекнете меня за теперешнія грубыя слова... когда нибудь... послѣ? вдругъ спросила она.

— Что̀ вы, что̀ вы! И чего вы опять всполохнулись? Вотъ и опять смотрите мрачно! Вы слишкомъ мрачно стали иногда смотрѣть, Аглая, какъ никогда не смотрѣли прежде. Я знаю отчего это...

— Молчите, молчите!

— Нѣтъ, лучше сказать. Я давно хотѣлъ сказать: я уже сказалъ, но... этого мало, потому что вы мнѣ не повѣрили. Между нами всѐтаки стоитъ одно существо...

— Молчите, молчите, молчите, молчите! вдругъ перебила Аглая, крѣпко схвативъ его за руку и чуть не въ ужасѣ смотря на него. Въ эту минуту ее кликнули: точно обрадовавшись, она бросила его и убѣжала.

Князь былъ всю ночь въ лихорадкѣ. Странно, уже нѣсколько ночей сряду съ нимъ была лихорадка. Въ этотъ-же разъ, въ по-

лубреду, ему пришла мысль: что если завтра, при всѣхъ, съ нимъ случится припадокъ? Вѣдь бываютъ-же съ нимъ припадки на яву? Онъ леденѣлъ отъ этой мысли: всю ночь онъ представлялъ себя въ какомъ-то чудномъ и неслыханномъ обществѣ, между какими-то странными людьми. Главное то, что онъ заговорилъ: онъ зналъ, что не надо говорить, но онъ все время говорилъ, онъ въ чемъ-то ихъ уговаривалъ. Евгеній Павловичъ и Ипполитъ были тоже въ числѣ гостей и казались въ чрезвычайной дружбѣ.

Онъ проснулся въ девятомъ часу, съ головною болью, съ безпорядкомъ въ мысляхъ, съ странными впечатлѣніями. Ему ужасно почему-то захотѣлось видѣть Рогожина: видѣть и много говорить съ нимъ,—о чемъ именно, онъ и самъ не зналъ: потомъ онъ уже совсѣмъ рѣшился было пойдти зачѣмъ-то къ Ипполиту. Что-то смутное было въ его сердцѣ, до того, что приключенія, случившіяся съ нимъ въ это утро, произвели на него, хотя и чрезвычайно сильное, но все-таки какое-то неполное впечатлѣніе. Одно изъ этихъ приключеній состояло въ визитѣ Лебедева.

Лебедевъ явился довольно рано, въ началѣ десятаго, и почти совсѣмъ хмѣльной. Хотя и не замѣтивъ былъ князь въ послѣднее время, но ему какъ-то въ глаза бросилось, что со времени пересѣленія отъ нихъ генерала Иволгина, вотъ уже три дня, Лебедевъ очень дурно повелъ себя. Онъ сталъ какъ-то вдругъ чрезвычайно салонъ и запачканъ, галстукъ его сбивался на сторону, а воротникъ сюртука былъ надорванъ. У себя онъ даже буянивалъ, и это было слышно черезъ дворикъ; Вѣра приходила разъ въ слезахъ и что-то разсказывала. Представъ теперь, онъ какъ-то очень странно заговорилъ, бія себя въ грудь, и въ чемъ-то винился...

— Получилъ... получилъ возмездіе за измѣну и подлость мою... Пощечину получилъ! заключилъ онъ, наконецъ, трагически.

— Пощечину! Отъ кого?.. И такъ спозаранку?

— Спозаранку? саркастически улыбнулся Лебедевъ: — время тутъ ничего не значитъ... даже и для возмездія физическаго... но я нравственную... нравственную пощечину получилъ, а не физическую!

Онъ вдругъ усѣлся безъ церемоніи и началъ разсказывать. Разсказъ его былъ очень безсвязенъ; князь было поморщился и хотѣлъ уйдти: но вдругъ нѣсколько словъ поразили его. Онъ остолбенѣлъ отъ удивленія... Странныя вещи разсказалъ господинъ Лебедевъ.

Сначала дѣло шло, повидимому, о какомъ-то письмѣ; произнесено было имя Аглаи Ивановны. Потомъ вдругъ Лебедевъ съ горечью началъ обвинять самого князя; можно было понять, что онъ обокралъ князя. Сначала, дескать, князь почтилъ его своею до-

вѣренностью въ дѣлахъ съ извѣстнымъ «персонажемъ» (съ Настасьей Филипповной): но потомъ совсѣмъ разорвалъ съ нимъ и отогналъ его отъ себя со срамомъ, и даже до такой обидной степени, что въ послѣдній разъ съ грубостью будто-бы отклонилъ невинный вопросъ о ближайшихъ перемѣнахъ въ домѣ. Съ пьяными слезами признавался Лебедевъ, что послѣ этого онъ уже никакъ не могъ перенести, тѣмъ паче, что многое зналъ... очень многое... и отъ Рогожина, и отъ Настасьи Филипповны, и отъ пріятельницы Настасьи Филипповны, и отъ Варвары Ардаліоновны... самой-съ... и отъ... и отъ самой даже Аглаи Ивановны, можете вы это вообразить-съ, чрезъ посредство Вѣры-съ, черезъ дочь мою любимую Вѣру, единородную... да-съ... а, впрочемъ, не единородную, ибо у меня ихъ три. А кто увѣдомлялъ письмами Лизавету Прокофьевну, даже въ наиглубочайшемъ секретѣ-съ, хе-хе! Кто описывалъ ей про всѣ отношенія и... про движенія персонажа Настасьи Филипповны, хе-хе-хе! Кто, кто сей анонимъ, позвольте спросить?

— Неужто вы? вскричалъ князь.

— Именно, съ достоинствомъ отвѣтилъ пьяница,—и сегодня-же въ половинѣ девятаго, всего полчаса... нѣтъ-съ, три четверти уже часа какъ извѣстилъ благороднѣйшую мать, что имѣю ей передать одно приключеніе... значительное. Запиской извѣстилъ, черезъ дѣвушку, съ задняго крыльца-съ. Приняла.

— Вы видѣли сейчасъ Лизавету Прокофьевну? спросилъ князь, едва вѣря ушамъ своимъ.

— Видѣлъ сейчасъ и получилъ нощечину... нравственную. Воротила письмо назадъ, даже шваркнула, нераспечатанное... а меня прогнала въ три шеи... впрочемъ, только нравственно, а не физически... а впрочемъ, почти что и физически, немного недостало!

— Какое письмо она вамъ шваркнула, нераспечатанное?

— А развѣ... хе-хе-хе! Да вѣдь я еще вамъ не сказалъ! А я думалъ, что ужъ сказалъ... Я одно такое письмецо получилъ, для передачи-съ...

— Отъ кого? Кому?

Но нѣкоторыя «объясненія» Лебедева чрезвычайно трудно было разобрать и хоть что нибудь въ нихъ понять. Князь однако-же сообразилъ сколько могъ, что письмо было передано рано утромъ, чрезъ служанку. Вѣрѣ Лебедевой, для передачи по адресу... такъ-же какъ, и прежде... такъ-же, какъ и прежде, извѣстному персонажу и отъ того-же лица-съ... (ибо одну изъ нихъ я обозначаю названіемъ «лица»-съ, а другую лишь только «персонажа», для униженія и для различія: ибо есть великая разница между невинною и высоко-

благородною генеральскою дѣвицей и... камеліей-съ) и такъ, письмо было отъ «лица»-съ, начинающагося съ буквы «А»...

— Какъ это можно? Настасьѣ Филипповнѣ? Вздоръ! вскричалъ князь.

— Было, было-съ, а не ей, такъ Рогожину-съ, все равно, Рогожину-съ... и даже господину Терентьеву было, для передачи, однажды-съ, отъ лица съ буквы «А», подмигнулъ и улыбнулся Лебедевъ.

Такъ какъ онъ часто сбивался съ одного на другое и позабывалъ о чемъ начиналъ говорить, то князь затихъ, чтобы дать ему высказаться. Но все-таки было чрезвычайно неясно: чрезъ него-ли именно или письма, или чрезъ Вѣру? Если онъ самъ увѣрялъ, что къ Рогожину все равно что къ Настасьѣ Филипповнѣ, то, значитъ, вѣрнѣе, что не чрезъ него или онъ, если только были письма. Случай-же, какимъ образомъ попалось къ нему теперь письмо, оставался рѣшительно необъясненнымъ; вѣрнѣе всего надо было предположить, что онъ какъ нибудь похитилъ его у Вѣры... тихонько укралъ и отнесъ съ какимъ-то намѣреніемъ къ Лизаветѣ Прокофьевнѣ. Такъ сообразилъ и понялъ, наконецъ, князь.

— Вы съ ума сошли! вскричалъ онъ въ чрезвычайномъ смятеніи.

— Не совсѣмъ, многоуважаемый князь, не безъ злости отвѣтилъ Лебедевъ: «правда, я хотѣлъ было вамъ вручить, вамъ, въ ваши собственныя руки, чтобъ услужить... но разсудилъ лучше тамъ услужить и обо всемъ объявить благородивѣйшей матери... такъ какъ и прежде однажды письмомъ извѣстилъ, анонимнымъ: и когда написалъ давеча на бумажкѣ, предварительно, прося пріема, въ восемь часовъ двадцать минутъ, тоже подписался: вашъ таинный корреспондентъ: тотчасъ допустили, немедленно, даже съ усиленною поспѣшностью, заднимъ ходомъ... къ благородивѣйшей матери.

— Ну?..

— А тамъ ужъ извѣстно-съ, чуть не прибила-съ: то есть чуть-чуть-съ, такъ что даже, можно считать, почти что и прибила-съ. А письмо мнѣ швырнула. Правда, хотѣла было у себя удержать. видѣлъ, замѣтилъ, но раздумала и швырнула: коли тебѣ, такому, довѣрили передать, такъ и передай ... Обидѣлась даже. Ужъ коли предо мной не постыдилась сказать, то, значитъ, обидѣлась. Характеромъ вспыльчивы!

— Гдѣ-же письмо-то теперь?

— Да все у меня-же, вотъ-съ.

И онъ передалъ князю записку Аглаи къ Гаврилѣ Ардаліоновичу, которую тотъ съ торжествомъ, въ это-же утро, два часа спустя, показалъ сестрѣ.

— Это письмо не можетъ оставаться у васъ.

— Вамъ, вамъ! Вамъ и принощу-съ, съ жаромъ подхватилъ Лебедевъ, — теперь опять вашъ, весь, вашъ съ головы до сердца, слуга-съ, послѣ мимолетной измѣны-съ! Казните сердце, пощадите бороду, какъ сказалъ Томасъ Морусъ... Въ Англіи и въ Великобританіи-съ. Mea culpa, mea culpa, какъ говоритъ Римская папа... то есть онъ Римскій папа, а я его называю: «Римская папа».

— Это письмо должно быть сейчасъ отослано, захлопоталъ князь;—я передамъ.

— А не лучше-ли, а не лучше-ли, благовоспитаннѣйшій князь, а не лучше-ли-съ... эфтово-съ!

Лебедевъ сдѣлалъ страшную, умильную гримасу: онъ ужасно завозился на мѣстѣ, точно его укололи вдругъ иголкой, и лукаво подмигивая глазами, сдѣлалъ и показывалъ что-то руками.

— Что такое? грозно спросилъ князь.

— Предварительно-бы вскрыть-съ! прошепталъ онъ умилительно и какъ-бы конфиденціально.

Князь вскочилъ въ такой ярости, что Лебедевъ пустился было бѣжать: но, добѣжавъ до двери, пріостановился, выжидая, не будетъ-ли милости.

— Эхъ, Лебедевъ! Можно-ли, можно-ли доходить до такого низкаго безпорядка, до котораго вы дошли? вскричалъ князь горестно. Черты Лебедева прояснились.

— Низокъ! Низокъ! приблизился онъ тотчасъ-же, со слезами бія себя въ грудь.

— Вѣдь это мерзости!

— Именно мерзости-съ. Настоящее слово-съ!

— И что у васъ за повадка такъ... странно поступать? Вѣдь вы... просто шпіонъ! Почему вы писали анонимомъ и тревожили... такую благородиѣйшую и добрѣйшую женщину? Почему, наконецъ, Аглая Ивановна не имѣетъ право писать кому ей угодно? Что вы жаловаться что-ли ходили сегодня? Что вы надѣялись тамъ получить? Что подвинуло васъ доносить?

— Единственно изъ пріятнаго любопытства и... изъ услужливости благородной души, да-съ! бормоталъ Лебедевъ: — теперь-же весь вашъ, весь опять! Хоть повѣсьте!

— Вы такимъ, какъ теперь, и явились къ Лизаветѣ Прокофьевнѣ, съ отвращеніемъ полюбопытствовалъ князь.

— Нѣтъ-съ... свѣжѣе-съ... и даже приличнѣе-съ; это я уже послѣ униженія достигъ... сего вида-съ.

— Ну, хорошо, оставьте меня.

Впрочемъ, эту просьбу надо было повторить нѣсколько разъ,

прежде чѣмъ гость рѣшился наконецъ уйдти. Уже совсѣмъ отворивъ дверь, онъ опять воротился, дошелъ до средины комнаты на цыпочкахъ и снова началъ дѣлать знаки руками, показывая какъ вскрываютъ письмо: проговорить-же свой совѣтъ словами онъ не осмѣлился: затѣмъ вышелъ, тихо и ласково улыбаясь.

Все это было чрезвычайно тяжело услышать. Изъ всего выставлялся одинъ главный и чрезвычайный фактъ: то, что Аглая была въ большой тревогѣ, въ большой нерѣшимости, въ большой мукѣ почему-то (отъ ревности прошепталъ про себя князь). Выходило тоже, что ее, конечно, смущали и люди недобрые, и ужь очень страшно было, что она имъ такъ довѣрялась. Конечно, въ этой неопытной, но горячей и гордой головкѣ созрѣвали какіе-то особенные планы, можетъ быть, и пагубные и... ни на что не похожіе. Князь былъ чрезвычайно испуганъ и въ смущеніи своемъ не зналъ на что рѣшиться. Надо было непремѣнно что-то предупредить, онъ это чувствовалъ. Онъ еще разъ поглядѣлъ на адресъ запечатаннаго письма; о, тутъ для него не было сомнѣній и безпокойствъ, потому что онъ вѣрилъ; его другое безпокоило въ этомъ письмѣ: онъ не вѣрилъ Гавриламъ Ардаліоновичу. И однако-же онъ самъ былъ рѣшился передать ему это письмо, лично, и уже вышелъ для этого изъ дому, но на дорогѣ раздумалъ. Почти у самаго дома Птицына, какъ нарочно, попался Коля, и князь поручилъ ему передать письмо въ руки брата, какъ-бы прямо отъ самой Аглаи Ивановны. Коля не разспрашивалъ и доставилъ, такъ что Ганя и не воображалъ, что письмо прошло чрезъ столько станцій. Воротясь домой, князь попросилъ къ себѣ Вѣру Лукьяновну, разсказалъ ей что надо и успокоилъ ее, потому что она до сихъ поръ все искала письмо и плакала. Она пришла въ ужасъ, когда узнала, что письмо унесъ отецъ. (Князь узналъ отъ нея уже потомъ, что она не разъ слушала въ секретъ Рогожину и Аглаю Ивановнѣ: ей и въ голову не приходило, что тутъ могло быть что нибудь во вредъ князю)...

А князь сталъ, наконецъ, до того разстроенъ, что когда, часа два спустя, къ нему прибѣжалъ посланный отъ Коли съ извѣстіемъ о болѣзни отца, то, въ первую минуту, онъ почти не могъ понять въ чемъ дѣло. Но это-же происшествіе и возстановило его, потому что сильно отвлекло. Онъ пробылъ у Нины Александровны (куда, разумѣется, перенесли больнаго) почти вплоть до самаго вечера. Онъ не принесъ почти никакой пользы, но есть люди, которыхъ почему-то пріятно видѣть подлѣ себя въ иную тяжелую минуту. Коля былъ ужасно пораженъ, плакалъ истерически, но однако-же все время былъ на побѣгушкахъ: бѣгалъ за докторомъ и сыскалъ трехъ, бѣгалъ въ аптеку, въ цирюльню. Генерала окинули, но не

привели въ себя: доктора выражались, что «во всякомъ случаѣ паціентъ въ опасности». Варя и Нина Александровна не отходили отъ больнаго; Ганя былъ смущенъ и потрясенъ, но не хотѣлъ всходить на верхъ и даже боялся увидѣть больнаго; онъ ломалъ себѣ руки, и въ безсвязномъ разговорѣ съ княземъ ему удалось выразиться, что вотъ, дескать, такое несчастье и, какъ нарочно, въ такое время! Князю показалось, что онъ понимаетъ про какое именно время тотъ говоритъ. Ипполита князь уже не засталъ въ домѣ Иволгина. Къ вечеру прибѣжалъ Лебедевъ, который, послѣ утренняго объясненія, спалъ до сихъ поръ безъ просыпу. Теперь онъ былъ почти трезвъ и плакалъ надъ больнымъ настоящими слезами, точно надъ роднымъ своимъ братомъ. Онъ винился вслухъ, не объясняя однако-же въ чемъ дѣло, и приставалъ къ Нинѣ Александровнѣ, увѣряя ее поминутно, что «это онъ, онъ самъ причиной, и никто какъ онъ... единственно изъ пріятнаго любопытства... и что «усопшій» (такъ онъ почему-то упорно называлъ еще живаго генерала) былъ даже геніальнѣйшій человѣкъ! Онъ особенно серіозно настаивалъ на геніальности, точно отъ этого могла произойдти въ эту минуту какая нибудь необыкновенная польза. Нина Александровна, видя искреннія слезы его, проговорила ему наконецъ, безо всякаго упрека и чуть-ли даже не съ лаской: «ну, Богъ съ вами, ну, не плачьте, ну, Богъ васъ проститъ!» Лебедевъ былъ до того пораженъ этими словами и тономъ ихъ, что во весь этотъ вечеръ не хотѣлъ уже и отходить отъ Нины Александровны (и въ всѣ слѣдующіе дни, до самой смерти генерала, онъ почти съ утра до ночи проводилъ время въ ихъ домѣ). Въ продолженіе дня, два раза приходилъ къ Нинѣ Александровнѣ посланный отъ Лизаветы Прокофьевны узнать о здоровьѣ больнаго. Когда-же вечеромъ, въ девять часовъ, князь явился въ гостиную Епанчиныхъ, уже наполненную гостями, Лизавета Прокофьевна тотчасъ-же начала разспрашивать его о больномъ, съ участіемъ и подробно, и съ важностью отвѣтила Бѣлоконской на ея вопросъ: кто таковъ больной, и кто такая Нина Александровна? Князю это очень понравилось. Самъ онъ, объясняясь съ Лизаветой Прокофьевной, говорилъ прекрасно, какъ выражались потомъ сестры Аглаи: скромно, тихо, безъ лишнихъ словъ, безъ жестовъ, съ достоинствомъ: вошелъ прекрасно; одѣтъ былъ превосходно, и не только не упалъ на гладкомъ полу, какъ боялся наканунѣ, но видимо произвелъ на всѣхъ даже пріятное впечатлѣніе.

Съ своей стороны, усѣвшись и осмотрѣвшись, онъ тотчасъ-же замѣтилъ, что все это собраніе отнюдь не походило на вчерашніе призраки, которыми его напугала Аглая, или на кошмары, которые

ему снился ночью. Въ первый разъ въ жизни онъ увидѣлъ уголокъ того, что называется страннымъ именемъ «свѣта». Онъ давно уже, вслѣдствіе нѣкоторыхъ особенныхъ намѣреній, соображеній и влеченій своихъ, жаждалъ проникнуть въ этотъ заколдованный кругъ людей, и потому былъ сильно заинтересованъ первымъ впечатлѣніемъ. Это первое впечатлѣніе его было даже очаровательное. Какъ-то тотчасъ и вдругъ ему показалось, что всѣ эти люди какъ будто такъ и родились, чтобъ быть вмѣстѣ; что у Епанчиныхъ нѣтъ никакого вечера въ этотъ вечеръ и никакихъ званыхъ гостей, что все это самые свои люди, и что онъ самъ какъ будто давно уже былъ ихъ преданнымъ другомъ и единомышленникомъ и возвратился къ нимъ теперь послѣ недавней разлуки. Обаяніе изящныхъ манеръ, простоты и какущагося чистосердечія было почти волшебное. Ему и въ мысль не могло придти, что все это простосердечіе и благородство, остроуміе и высокое собственное достоинство есть, можетъ быть, только великолѣпная художественная выдѣлка. Большинство гостей состояло даже, не смотря на внушающую наружность, изъ довольно пустыхъ людей, которые, впрочемъ, и сами не знали, въ самодовольствѣ своемъ, что многое въ нихъ хорошее — одна выдѣлка, въ которой при томъ они не виноваты, ибо она досталась имъ безсознательно и по наслѣдству. Этого князь даже и подозрѣвать не хотѣлъ подъ обаяніемъ прелести своего перваго впечатлѣнія. Онъ видѣлъ, напримѣръ, что этотъ старикъ, этотъ важный сановникъ, которымъ по лѣтамъ годился-бы ему въ дѣды, даже прерываетъ свой разговоръ, чтобы выслушать его, такого молодаго и неопытнаго человѣка, и не только выслушиваетъ его, но видимо цѣнитъ его мнѣніе, такъ ласковъ съ нимъ, такъ искренно добродушенъ, а между тѣмъ они чужіе и видятся всего въ первый разъ. Можетъ быть, на горячую воспріимчивость князя подѣйствовала наиболѣе утонченность этой вѣжливости. Можетъ быть, онъ и заранѣе былъ слишкомъ расположенъ и даже подкупленъ къ счастливому впечатлѣнію.

А между тѣмъ всѣ эти люди,—хотя, конечно, были друзьями дома и между собою,—были однако-же далеко не такими друзьями ни дому, ни между собой, какими принялъ ихъ князь, только что его представили и познакомили съ ними. Тутъ были люди, которые никогда и ни за что не признали-бы Епанчиныхъ хоть сколько нибудь себѣ равными. Тутъ были люди даже совершенно ненавидѣвшіе другъ друга: старуха Бѣлоконская всю жизнь свою презирала жену старичка-сановника, а та въ свою очередь, далеко не любила Лизавету Прокофьевну. Этотъ сановникъ, мужъ ея, почему-то покровитель Епанчиныхъ съ самой ихъ молодости, пред-

сѣдательствовавшій тутъ-же, былъ до того громаднымъ лицомъ въ глазахъ Ивана Ѳедоровича, что тотъ кромѣ благоговѣнія и страху ничего не могъ ощущать въ его присутствіи, и даже презиралъ-бы себя искренно, если-бы хоть одну минуту почелъ себя ему равнымъ, а его не Юпитеромъ Олимпійскимъ. Были тутъ люди, не встрѣчавшіеся другъ съ другомъ по нѣсколько лѣтъ и не ощущавшіе другъ къ другу ничего кромѣ равнодушія, если не отвращенія, но встрѣтившіеся теперь какъ будто вчера еще только видѣлись въ самой дружеской и пріятной компаніи. Впрочемъ, собраніе было немногочисленное. Кромѣ Бѣлоконской и старичка-сановника, въ самомъ дѣлѣ важнаго лица, кромѣ его супруги, былъ тутъ, во первыхъ, одинъ очень солидный военный генералъ, баронъ или графъ, съ нѣмецкимъ именемъ,—человѣкъ чрезвычайной молчаливости, съ репутаціей удивительнаго знанія правительственныхъ дѣлъ и чуть-ли даже не съ репутаціей учености,—одинъ изъ тѣхъ олимпійцевъ-администраторовъ, которые знаютъ все, кромѣ развѣ самой Россіи, человѣкъ, говорящій въ пять лѣтъ по одному замѣчательному по глубинѣ своей изрѣченію, но впрочемъ такому, которое непремѣнно входитъ въ поговорку и о которомъ узнается даже въ самомъ чрезвычайномъ кругу: одинъ изъ тѣхъ начальствующихъ чиновниковъ, которые обыкновенно носятъ чрезвычайно продолжительной (даже до страшности) службы, умираютъ въ большихъ чинахъ, на прекрасныхъ мѣстахъ и съ большими деньгами, хотя и безъ большихъ подвиговъ и даже съ нѣкоторою враждебностью къ подвигамъ. Этотъ генералъ былъ непосредственный начальникъ Ивана Ѳедоровича по службѣ и котораго тотъ, по горячности своего благороднаго сердца и даже по особенному самолюбію, тоже считалъ своимъ благодѣтелемъ, но который отнюдь не считалъ себя благодѣтелемъ Ивана Ѳедоровича, относился къ нему совершенно спокойно, хотя и съ удовольствіемъ пользовался многоразличными его услугами, и сейчасъ-же замѣтилъ-бы его другимъ чиновникомъ, если-бъ это потребовалось какими нибудь соображеніями, даже вовсе и не высшими. Тутъ былъ еще одинъ пожилой, важный баринъ, какъ будто даже и родственникъ Лизаветы Прокофьевны, хотя это было рѣшительно несправедливо: человѣкъ, въ хорошемъ чинѣ и званіи, человѣкъ богатый и родовой, плотный собою и очень хорошаго здоровья, большой говорунъ и даже имѣвшій репутацію человѣка недовольнаго (хотя, впрочемъ, въ самомъ позволительномъ смыслѣ слова), человѣка даже желчнаго (но и это въ немъ было пріятно), съ замашками англійскихъ аристократовъ и съ англійскими вкусами (относительно, напримѣръ, кроваваго ростбифа, лошадиной упряжи, лакеевъ и пр.). Онъ былъ большимъ другомъ сановника, развлекать

его, и кромѣ того Лизавета Прокофьевна, почему-то, питала одну странную мысль, что этотъ пожилой господинъ (человѣкъ нѣсколько легкомысленный и отчасти любитель женскаго пола), вдругъ да и вздумаетъ осчастливить Александру своимъ предложеніемъ. За этимъ, самымъ высшимъ и солиднымъ, слоемъ собранія, слѣдовалъ слой болѣе молодыхъ гостей, хотя и блестящихъ тоже весьма извѣстными качествами. Кромѣ князя Щ. и Евгенія Павловича, къ этому слою принадлежалъ и извѣстный, очаровательный князь Х., бывшій обольститель и побѣдитель женскихъ сердецъ во всей Европѣ, человѣкъ теперь уже лѣтъ сорока пяти, все еще прекрасной наружности, удивительно умѣвшій разсказывать, человѣкъ съ состояніемъ, нѣсколько впрочемъ разстроеннымъ и, по привычкѣ, проживавшій болѣе за границей. Тутъ были, наконецъ, люди, какъ будто составлявшіе даже третій особенный слой и которые не принадлежали сами по себѣ къ заповѣдному кругу общества, но которыхъ, такъ-же какъ и Епанчиныхъ, можно было иногда встрѣтить почему-то въ этомъ заповѣданномъ кругѣ. По нѣкоторому такту, принятому ими за правило, Епанчины любили смѣшивать, въ рѣдкихъ случаяхъ бывавшихъ у нихъ званыхъ собраній, общество высшее съ людьми слоя болѣе низшаго, съ избранными представителями средняго рода людей. Епанчиныхъ даже хвалили за это и относились объ нихъ, что они понимаютъ свое мѣсто и люди съ тактомъ, а Епанчины гордились такимъ объ нихъ мнѣніемъ. Однимъ изъ представителей этого средняго рода людей былъ въ этотъ вечеръ одинъ техникъ, полковникъ, серіозный человѣкъ, весьма близкій пріятель князю Щ. и имъ-же введенный къ Епанчинымъ, человѣкъ, впрочемъ, въ обществѣ молчаливый и носившій на большомъ указательномъ пальцѣ правой руки большой и видный перстень, по всей вѣроятности, пожалованный. Тутъ былъ, наконецъ, даже одинъ литераторъ-поэтъ, изъ нѣмцевъ, но русскій поэтъ, и сверхъ того совершенно приличный, такъ что его можно было безъ опасенія ввести въ хорошее общество. Онъ былъ счастливой наружности, хотя почему-то нѣсколько отвратительной, лѣтъ тридцати восьми, одѣвался безукоризненно, принадлежалъ къ семейству нѣмецкому, въ высшей степени буржуазному, но и въ высшей степени почтенному; умѣлъ пользоваться разными случаями, пробиться въ покровительство высокихъ людей и удержаться въ ихъ благосклонности. Когда-то онъ перевелъ съ нѣмецкаго какое-то важное сочиненіе, какого-то важнаго нѣмецкаго поэта, въ стихахъ, умѣлъ посвятить свой переводъ, умѣлъ похвастаться дружбой съ однимъ знаменитымъ, но умершимъ русскимъ поэтомъ (есть цѣлый слой писателей, чрезвычайно любящихъ приписываться печатно въ дружбу

въ великимъ, но умереннымъ писателямъ) и введенъ былъ очень недавно къ Епанчинымъ женою старичка сановника. Эта барыня слыла за покровительницу литераторовъ и ученыхъ и дѣйствительно одному или двумъ писателямъ доставила даже пенсіонъ, чрезъ посредство высокопоставленныхъ лицъ, у которыхъ имѣла значеніе. А значеніе въ своемъ родѣ она имѣла. Это была дама лѣтъ сорока пяти (стало быть, весьма молодая жена для такого стараго старичка какъ ея мужъ), бывшая красавица, любившая и теперь, по манію, свойственной многимъ сорока-пятилѣтнимъ дамамъ, одѣваться слишкомъ уже пышно; ума была небольшаго, а знанія литературы весьма сомнительнаго. Но покровительство литераторамъ было въ ней такого-же рода манія, какъ пышно одѣваться. Ей посвящалось много сочиненій и переводовъ: два-три писателя, съ ея позволенія, напечатали свои, писанныя имъ къ ней, письма о чрезвычайно важныхъ предметахъ... И вотъ все-то это общество князь принялъ за самую чистую монету, за чистѣйшее золото, безъ лигатуры. Впрочемъ, всѣ эти люди были тоже, какъ нарочно, въ самомъ счастливомъ настроеніи въ этотъ вечеръ и весьма довольны собой. Всѣ они до единаго знали, что дѣлаютъ Епанчинымъ своимъ посѣщеніемъ великую честь. Но увы, князь и не подозрѣвалъ такихъ тонкостей. Онъ не подозрѣвалъ, напримѣръ, что Епанчины, имѣя въ предположеніи такой важный шагъ, какъ рѣшеніе судьбы ихъ дочери, и не помышляли-бы не показать его, князя Льва Николаевича, старичку-сановнику, признанному покровителю ихъ семейства. Старичокъ-же сановникъ, хотя, съ своей стороны, совершенно спокойно-бы перенесъ извѣстіе даже о самомъ ужасномъ несчастіи съ Епанчиными — непремѣнно-бы обидѣлся, если-бъ Епанчины помолвили свою дочь безъ его совѣта и, такъ сказать, безъ его спросу. Князь N., этотъ милый, этотъ безсмѣнно остроумный и такого высокаго чистосердечія человѣкъ, былъ на высшей степени убѣжденія, что онъ — нѣчто въ родѣ солнца, взошедшаго въ эту ночь надъ гостиной Епанчиныхъ. Онъ считалъ ихъ безконечно ниже себя, и именно эта простодушная и благородная мысль и порождала въ немъ его удивительно милую развязность и дружелюбность къ этимъ-же самымъ Епанчинымъ. Онъ зналъ очень хорошо, что въ этотъ вечеръ долженъ непремѣнно что нибудь разсказать, для очарованія общества, и готовился къ этому даже съ нѣкоторымъ вдохновеніемъ. Князь Левъ Николаевичъ, выслушавъ потомъ этотъ разсказъ, сознавалъ, что не слыхалъ никогда ничего подобнаго такому блестящему юмору и такой удивительной веселости и наивности, почти трогательной въ устахъ такого Донъ-Жуана, какъ князь N. А между тѣмъ, если-бъ онъ только вѣдалъ, какъ

этотъ самый разсказъ старъ, изношенъ: какъ заученъ наизустъ и какъ уже истрепался и надоѣлъ во всѣхъ гостиныхъ, и только у невинныхъ Епанчиныхъ явился опять за новость, за внезапное, искреннее и блестящее воспоминаніе блестящаго и прекраснаго человѣка! Даже, наконецъ, нѣмчикъ-поэтикъ, хоть и держалъ себя необыкновенно любезно и скромно, но и тотъ чуть не считалъ себя дѣлающимъ честь этому дому своимъ посѣщеніемъ. Но князь не замѣтилъ оборотной стороны, не замѣчалъ никакой подкладки. Этой бѣды Аглая и не предвидѣла. Сама она была удивительно хороша собой въ этотъ вечеръ. Всѣ три барышни были прiодѣты, хоть и не очень пышно, и даже какъ-то особенно причесаны. Аглая сидѣла съ Евгеніемъ Павловичемъ и необыкновенно дружески съ нимъ разговаривала и шутила. Евгеній Павловичъ держалъ себя какъ-бы нѣсколько солиднѣе чѣмъ въ другое время, тоже, можетъ быть, изъ уваженія къ сановникамъ. Его, впрочемъ, въ свѣтѣ уже давно знали: это былъ тамъ уже свой человѣкъ, хотя и молодой человѣкъ. Въ этотъ вечеръ онъ явился къ Епанчинымъ съ кремомъ на шляпѣ, и Бѣлоконская похвалила его за этотъ кремъ: другой свѣтскій племянникъ, при подобныхъ обстоятельствахъ, можетъ быть, и не надѣлъ-бы по такому дождю крема. Лизавета Прокофьевна тоже была этимъ довольна, но вообще она казалась какъ-то ужь слишкомъ озабоченною. Князь замѣтилъ, что Аглая раза два на него внимательно посмотрѣла и, кажется, осталась имъ довольною. Мало по малу онъ становился ужасно счастливъ. Давешнія фантастическія мысли и опасенія его (послѣ разговора съ Лебедевымъ) казались ему теперь, при внезапныхъ, но частыхъ припоминаніяхъ, такимъ несбыточнымъ, невозможнымъ и даже смѣшнымъ сномъ! (И безъ того нервымъ, хотя и безсознательнымъ, желаніемъ и вліяніемъ его, давеча и во весь день, было — какъ нибудь сдѣлать такъ, чтобы не повѣрить этому сну!) Говорилъ онъ мало, и то только на вопросы, и, наконецъ, совсѣмъ замолкъ, сидѣлъ и все слушалъ, но видимо утопая въ наслажденіи. Мало по малу въ немъ самомъ подготовлялось нѣчто въ родѣ какого-то вдохновенія, готоваго вспыхнуть при случаѣ... Заговорилъ-же онъ случайно, тоже отвѣчая на вопросъ, и, казалось, вовсе безъ особыхъ намѣреній...

VII.

Чка онъ съ наслажденіемъ засматривался на Аглаю, весело разговаривавшую съ княземъ N. и Евгеніемъ Павловичемъ, вдругъ нежданно баринъ англоманъ, занимавшій сановника въ другомъ углу и разсказывавшій ему о чемъ-то съ одушевленіемъ, произнесъ имя Николая Андреевича Павлищева. Князь быстро повернулся въ ихъ сторону и сталъ слушать.

Дѣло шло о нынѣшнихъ порядкахъ и о какихъ-то безпорядкахъ по помѣщичьимъ имѣніямъ въ своей губерніи. Разсказы англомана заключали въ себѣ, должно быть, что нибудь и веселое, потому что старичокъ началъ, наконецъ, смѣяться желчному задору разсказчика. Онъ разсказывалъ плавно, и какъ-то брюзгливо растягивая слова, съ нѣжными удареніями на гласныя буквы, почему онъ принужденъ былъ, и именно теперешними порядками продать одно великолѣпное свое имѣніе въ—своей губерніи и даже, не нуждаясь особенно въ деньгахъ, за полцѣны, и въ тоже время сохранить имѣніе разоренное, убыточное и съ процессомъ, и даже за него приплатить. «Чтобъ избѣжать еще процесса и съ Павлищевскимъ участкомъ, я отъ нихъ убѣжалъ. Еще одно или два такія наслѣдства, и вѣдь я разоренъ. Мнѣ тамъ, впрочемъ, три тысячи десятинъ превосходной земли доставалось!»

— Вѣдь вотъ... Иванъ-то Петровичъ покойному Николаю Андреевичу Павлищеву родственникъ... ты вѣдь зналъ, кажется, родственниковъ-то, проговорилъ вполголоса князю Иванъ Ѳедоровичъ, вдругъ очутившійся подлѣ и замѣтившій чрезвычайное вниманіе князя къ разговору. До сихъ поръ онъ занималъ своего генерала-начальника, но давно уже замѣчалъ исключительное уединеніе Льва Николаевича и сталъ безпокоиться; ему захотѣлось ввести его до извѣстной степени въ разговоръ и такимъ образомъ второй разъ показать и отрекомендовать «высшимъ лицамъ».

— Левъ Николаевичъ воспитанникъ Николая Андреича Павлищева, послѣ смерти своихъ родителей, повернулъ онъ, встрѣтивъ взглядъ Ивана Петровича.

— О-чень пріятно, замѣтилъ тотъ, — и очень помню даже. Давеча, когда насъ Иванъ Ѳедорычъ познакомилъ, я васъ тотчасъ призналъ, и даже въ лицо. Вы, правда, мало измѣнились на видъ, хоть я васъ видѣлъ только ребенкомъ, лѣтъ десяти или одиннадцати вы были. Что-то этакое, напоминающее въ чертахъ...

— Вы меня видѣли ребенкомъ? спросилъ князь съ какимъ-то необыкновеннымъ удивленіемъ.

— О, очень уже давно, продолжалъ Иванъ Петровичъ, — въ Златоверховомъ, гдѣ вы проживали тогда у моихъ кузинъ. Я прежде довольно часто заѣзжалъ въ Златоверхово,—вы меня не помните? О-чень можетъ быть, что не помните... Вы были тогда... въ какой-то болѣзни были тогда, такъ что я даже разъ на васъ подивился...

— Ничего не помню! съ жаромъ подтвердилъ князь.

Еще нѣсколько словъ объясненія, крайне спокойнаго со стороны Ивана Петровича и удивительно взволнованнаго со стороны князя, и оказалось, что двѣ барыни, пожилыя дѣвушки, родственницы покойнаго Павлищева, проживавшія въ его имѣніи Златоверховомъ, и которымъ князь порученъ былъ на воспитаніе, были въ свою очередь кузинами Ивану Петровичу. Иванъ Петровичъ, тоже какъ и всѣ, почти ничего не могъ объяснить изъ причинъ, по которымъ Павлищевъ такъ заботился о маленькомъ князѣ, своемъ пріемышѣ. «Да и забылъ тогда объ этомъ поинтересоваться», но все-таки оказалось, что у него превосходная память, потому что онъ даже припомнилъ какъ строга была къ маленькому воспитаннику старшая кузина, Марѳа Никитишна, такъ что я съ ней даже поссорился разъ изъ-за васъ за систему воспитанія, потому что все розги и розги больному ребенку — вѣдь это... согласитесь сами...» и какъ, напротивъ, нѣжна была къ бѣдному мальчику младшая кузина, Наталья Никитишна... Объ онъ теперь, поясняетъ онъ дальше, проживаютъ уже въ—ской губерніи (вотъ не знаю только, живы-ли теперь?), гдѣ имъ отъ Павлищева досталось весьма и весьма порядочное маленькое имѣніе. Марѳа Никитишна, кажется, въ монастырь хотѣла пойдти; впрочемъ, не утверждаю; можетъ, я о другомъ о комъ слышалъ... да, это я про докторшу намедни слышалъ...

Князь выслушалъ это съ глазами, блестѣвшими отъ восторга и умиленія. Съ необыкновеннымъ жаромъ возвѣстилъ онъ, въ свою очередь, что никогда не проститъ себѣ, что въ эти шесть мѣсяцевъ поѣздки своей во внутреннія губерніи, онъ не улучилъ случая отыскать и навѣстить своихъ бывшихъ воспитательницъ. Онъ каждый день хотѣлъ ѣхать и все былъ отвлеченъ обстоятельствами... но что теперь онъ даетъ себѣ слово!.. непремѣнно... хотя-бы въ ску-ю губернію... Такъ вы знаете Наталью Никитишну? Какая прекрасная, какая святая душа! Но и Марѳа Никитишна... простите меня, но вы, кажется, ошибаетесь въ Марѳѣ Никитишнѣ! Она была строга, но... вѣдь нельзя-же было не потерять терпѣніе... съ такимъ идіотомъ, какимъ я тогда былъ (хи! хи!). Вѣдь я былъ тогда совсѣмъ идіотъ, вы не повѣрите (ха! ха!). Впрочемъ... впрочемъ, вы меня

тогда видѣли и... Какъ-же это я васъ не помню, скажите пожалуйста? Такъ вы... ахъ, Боже мой, такъ неужели-же вы въ самомъ дѣлѣ родственникъ Николаю Андреичу Навлицеву?

— У-вѣ-ряю васъ, улыбнулся Иванъ Петровичъ, оглядывая князя.

— О, я вѣдь не потому сказалъ, чтобъ я... сомнѣвался... и, наконецъ, въ этомъ развѣ можно сомнѣваться (хе! хе!)... хоть сколько нибудь? То есть даже хоть сколько нибудь!! (Хе! хе!) Но я къ тому, что покойный Николай Андреичъ Навлицевъ былъ такой превосходный человѣкъ! Великодушнѣйшій человѣкъ, право, увѣряю васъ!

Князь не то чтобы задыхался, а, такъ сказать, захлебывался отъ прекраснаго сердца, какъ выразилась объ этомъ на другой день утромъ Аделаида, въ разговорѣ съ женихомъ своимъ, княземъ Щ.

— Ахъ, Боже мой! разсмѣялся Иванъ Петровичъ:—почему-же я не могу быть родственникомъ даже и вели-кодушному человѣку?

— Ахъ, Боже мой! вскричалъ князь, конфузясь, торопясь и воодушевляясь все больше и больше: — я... я опять сказалъ глупость, но... такъ и должно было быть, потому что я... я... я, впрочемъ, опять не къ тому! Да и что теперь во мнѣ, скажите пожалуйста, при такихъ интересахъ... при такихъ огромныхъ интересахъ! И въ сравненіи съ такимъ великодушнѣйшимъ человѣкомъ, потому что вѣдь, ей Богу, онъ былъ великодушнѣйшій человѣкъ, не правда-ли? Не правда-ли?

Князь даже весь дрожалъ. Почему онъ вдругъ такъ растревожился, почему принесъ въ такой умиленный восторгъ, совершенно ни съ того, ни съ сего и, казалось, нисколько не въ мѣру съ предметомъ разговора, — это трудно было-бы рѣшить. Въ такомъ ужь онъ былъ настроеніи и даже чуть-ли не ощущалъ въ эту минуту, къ кому-то и за что-то, самой горячей и чувствительной благодарности,—можетъ быть, даже къ Ивану Петровичу, а чуть-ли и не ко всѣмъ гостямъ вообще. Слишкомъ ужь онъ разсчастливился. Иванъ Петровичъ сталъ на него, наконецъ, заглядываться гораздо пристальнѣе: пристально очень разсматривалъ его и «сановникъ». Бѣлоконская устремила на князя гнѣвный взоръ и сжала губы. Князь N., Евгеній Павловичъ, князь Щ., дѣвицы, всѣ прервали разговоръ и слушали. Казалось, Аглая была испугана, Лизавета-же Прокофьевна просто струсила. Странны были и онѣ, дочки съ маменькой: онѣ-же предположили и рѣшили, что князю-бы лучше просидѣть вечеръ молча; но только что увидали его въ углу, въ полнѣйшемъ уединеніи и совершенно довольнаго своею участью, какъ

тотчасъ-же и растревожились. Александра уже хотѣла пойдти къ нему и осторожно, черезъ всю комнату, присоединиться къ ихъ компаніи, то есть къ компаніи князя N., подлѣ Бѣлоконской. И вотъ только что князь самъ заговорилъ, онѣ еще болѣе растревожились.

— Что превосходительный человѣкъ, то вы правы, — внушительно, и уже не улыбаясь, произнесъ Иванъ Петровичъ, — да, да... это былъ человѣкъ прекрасный! Прекрасный и достойный, прибавилъ онъ, помолчавъ. Достойный даже, можно сказать, всякаго уваженія, прибавилъ онъ еще внушительнѣе послѣ третьей остановки,— и... и очень даже пріятно видѣть съ вашей стороны...

— Не съ этимъ-ли Павлищевымъ исторія вышла какая-то... страшная... съ аббатомъ... съ аббатомъ... забылъ съ какимъ аббатомъ, только всѣ тогда что-то разсказывали, произнесъ, какъ-бы припоминая, «сановникъ».

— Съ аббатомъ Гуро, іезуитомъ, напомнилъ Иванъ Петровичъ. — да-съ, вотъ-съ превосходительные-то люди наши и достойнѣйшіе-то! Потому что всетаки человѣкъ былъ родовой, съ состояніемъ, камергеръ и если-бы... продолжалъ служить... И вотъ бросаетъ вдругъ службу и все, чтобы перейдти въ католицизмъ и стать іезуитомъ, да еще чуть не открыто съ восторгомъ какимъ-то. Право, кстати умеръ... да; тогда всѣ говорили...

Князь былъ внѣ себя.

— Павлищевъ... Павлищевъ перешелъ въ католицизмъ? Быть этого не можетъ! вскричалъ онъ въ ужасѣ.

— Ну, быть не можетъ ! солидно прошамкалъ Иванъ Петровичъ: — это ужъ много сказать и, согласитесь, мой милый князь, сами... Впрочемъ, вы такъ цѣните покойнаго... дѣйствительно, человѣкъ былъ добрѣйшій, чему я и приписываю. въ главныхъ чертахъ. успѣхъ этого пройдохи Гуро. Но вы меня спросите, меня. сколько хлопотъ и возни у меня потомъ было по этому дѣлу... и именно съ этимъ самымъ Гуро! Представьте, обратился онъ вдругъ къ старичку, — они даже претензіи по завѣщанію хотѣли выставить, и мнѣ даже приходилось тогда прибѣгать къ самымъ, то есть, энергическимъ мѣрамъ... чтобы вразумить... потому что мастера дѣла! У-ди-вительные! Но, слава Богу, это происходило въ Москвѣ, я тотчасъ къ графу, и мы ихъ... вразумили...

— Вы не повѣрите какъ вы меня огорчили и поразили! вскричалъ опять князь.

— Жалѣю: но въ сущности все это, собственно говоря, пустяки и пустяками-бы кончилось, какъ и всегда; я увѣренъ. Прошлымъ лѣтомъ, обратился онъ опять къ старичку. — графиня К. тоже, говорятъ, пошла въ какой-то католическій монастырь за гра-

ницей; наши какъ-то не выдерживаютъ, если разъ поддадутся этимъ... пронырамъ... особенно за границей.

— Это все отъ нашей, я думаю... усталости, авторитетно промямлилъ старичокъ: — ну, и манера у нихъ проповѣдывать... изящная, своя... и напугать умѣютъ. Меня тоже въ тридцать второмъ году, въ Вѣнѣ, напугали, увѣряю васъ: только я не поддался и убѣжалъ отъ нихъ, ха-ха!

— Я слышала, что ты тогда, батюшка, съ красавицей, графиней Лебицкой изъ Вѣны въ Парижъ убѣжалъ, свой постъ бросилъ, а не отъ іезуита, вставила вдругъ Бѣлокопская.

— Ну, да вѣдь отъ іезуита-же, все-таки выходитъ, что отъ іезуита! подхватилъ старичокъ, разсмѣявшись при пріятномъ воспоминаніи: — вы, кажется, очень религіозны, что такъ рѣдко встрѣтишь теперь въ молодомъ человѣкѣ, ласково обратился онъ къ князю Льву Николаевичу, слушавшему раскрывъ ротъ и все еще пораженному: старичку видимо хотѣлось разузнать князя ближе; по нѣкоторымъ причинамъ онъ сталъ очень интересовать его.

— Навлищевъ былъ свѣтлый умъ и христіанинъ, истинный христіанинъ, произнесъ вдругъ князь, — какъ-же могъ онъ подчиниться вѣрѣ... нехристіанской?.. Католичество — все равно что вѣра нехристіанская! прибавилъ онъ вдругъ, засверкавъ глазами и смотря предъ собой, какъ-то вообще обводя глазами всѣхъ вмѣстѣ.

— Ну, это слишкомъ, пробормоталъ старичокъ и съ удивленіемъ поглядѣлъ на Ивана Ѳедоровича.

— Какъ такъ это католичество вѣра нехристіанская? повернулся на стулѣ Иванъ Петровичъ; — а какая-же?

— Не христіанская вѣра, во первыхъ! въ чрезвычайномъ волненіи и не въ мѣру рѣзко заговорилъ опять князь: — это во первыхъ, а во вторыхъ, католичество римское даже хуже самаго атеизма, таково мое мнѣніе! Да! таково мое мнѣніе! Атеизмъ только проповѣдуетъ нуль, а католицизмъ идетъ дальше: онъ искаженнаго Христа проповѣдуетъ, имъ-же обольщаго и поруганнаго, Христа противоположнаго! Онъ антихриста проповѣдуетъ, клянусь вамъ, увѣряю васъ! Это мое личное и давнишнее убѣжденіе, и оно меня самого измучило... Римскій католицизмъ вѣруетъ, что безъ всемірной государственной власти церковь не устоитъ на землѣ, и кричитъ: Non possumus! По моему, римскій католицизмъ даже и не вѣра, а рѣшительно продолженіе Западной Римской имперіи, и въ немъ все подчинено этой мысли, начиная съ вѣры. Папа захватилъ землю, земной престолъ и взялъ мечъ; съ тѣхъ поръ все такъ и идетъ, только къ мечу прибавили ложь, юродство, обманъ, фанатизмъ, суевѣріе, злодѣйство, играли самыми святыми, правдивыми, простодушными,

пламенными чувствами народа, все, все промѣняли за деньги, за низкую земную власть. И это не ученіе антихристово?! Какъ-же было не выйдти отъ нихъ атеизму? Атеизмъ отъ нихъ вышелъ, изъ самаго римскаго католичества! Атеизмъ, прежде всего, съ нихъ самихъ начался: могли-ли они вѣровать себѣ сами? Онъ укрѣпился изъ отвращенія къ нимъ: онъ порожденіе ихъ лжи и безсилія духовнаго! Атеизмъ! У насъ не вѣруютъ еще только сословія исключительныя, какъ великолѣпно выразился намедни Евгеній Павловичъ, корень потерявшія; а тамъ, въ Европѣ, уже страшныя массы самого народа начинаютъ не вѣровать, — прежде отъ тьмы и отъ лжи, а теперь уже изъ фанатизма, изъ ненависти къ церкви и къ христіанству!

Князь остановился перевести духъ. Онъ ужасно скоро говорилъ. Онъ былъ блѣденъ и задыхался. Всѣ переглядывались; но, наконецъ, старичокъ откровенно разсмѣялся. Князь N. вынулъ лорнетъ и, не отрываясь, разсматривалъ князя. Нѣмчикъ-поэтъ вышелъ изъ угла и подвинулся поближе къ столу, улыбаясь злорадною улыбкой.

— Вы очень пре-у-вели-чиваете, протянулъ Иванъ Петровичъ съ нѣкоторою скукой и даже какъ будто чего-то совѣстясь,—въ тамошней церкви тоже есть представители достойные всякаго уваженія и добродѣтельные...

— Я никогда и не говорилъ объ отдѣльныхъ представителяхъ церкви. Я о римскомъ католичествѣ въ его сущности говорилъ, я о Римѣ говорю. Развѣ можетъ церковь совершенно исчезнуть? Я никогда этого не говорилъ!

— Согласенъ, но все это извѣстно и даже—не нужно и... принадлежитъ богословію...

— О, нѣтъ, о, нѣтъ! Не одному богословію, увѣряю васъ, что нѣтъ! Это гораздо ближе касается насъ чѣмъ вы думаете. Въ этомъ-то вся и ошибка наша, что мы не можемъ еще видѣть, что это дѣло не исключительно одно только богословское! Вѣдь и соціализмъ порожденіе католичества и католической сущности! Онъ тоже, какъ и братъ его атеизмъ, вышелъ изъ отчаянія, въ противоположность католичеству въ смыслѣ нравственномъ, чтобы замѣнить собой потерянную нравственную власть религіи, чтобъ утолить жажду духовную возжаждавшаго человѣчества и спасти его не Христомъ, а тоже насиліемъ! Это тоже свобода чрезъ насиліе, это тоже объединеніе чрезъ мечъ и кровь! «Не смѣй вѣровать въ Бога, не смѣй имѣть собственности, не смѣй имѣть личности, fraternité ou la mort, два милліона головъ! Но дѣламъ ихъ вы узнаете ихъ —это сказано! И не думайте, чтобъ это было все такъ невинно и безстрашно для насъ: о, намъ нуженъ отпоръ, и скорби, скорби! Надо, чтобы возсіялъ въ отпоръ За-

надуманъ Христосъ, котораго мы сохранили и котораго они и не знали! Не рабски понадеясь на крючокъ іезуитамъ, а нашу русскую цивилизацію имѣя въ виду, мы должны теперь стать предъ ними, и пусть не говорятъ у насъ, что проповѣдь ихъ язычна, какъ сейчасъ сказалъ кто-то...

— Но позвольте-же, позвольте-же, забезпокоился ужасно Иванъ Петровичъ, озираясь кругомъ и даже начиная трусить,— всѣ ваши мысли, конечно, похвальны и полны патріотизма, но все это въ высшей степени преувеличено и... даже лучше объ этомъ оставить...

— Нѣтъ, не преувеличено, а скорѣй уменьшено: именно уменьшено, потому что я не въ силахъ выразиться, но...

— Но-звольте-же!

Князь замолчалъ. Онъ сидѣлъ, выпрямившись на стулѣ, и неподвижно, огненнымъ взглядомъ глядѣлъ на Ивана Петровича.

— Мнѣ кажется, что васъ слишкомъ уже поразилъ случай съ вашимъ благодѣтелемъ, ласково и не теряя спокойствія, замѣтилъ старичокъ:—вы воспламенены... можетъ быть, уединеніемъ. Если-бы вы почаще были съ людьми, а въ свѣтъ, я надѣюсь, вамъ будутъ рады, какъ замѣчательному молодому человѣку, то, конечно, успокойте ваше одушевленіе и увидите, что все это гораздо проще... И къ тому-же такіе рѣдкіе случаи... происходятъ, по моему взгляду, отчасти отъ нашего пресыщенія, а отчасти отъ... скуки...

— Именно, именно такъ, вскричалъ князь,—великолѣпнѣйшая мысль! Именно отъ скуки, отъ нашей скуки , не отъ пресыщенія, а, напротивъ, отъ жажды... не отъ пресыщенія, вы въ этомъ ошиблись! Не только отъ жажды, но даже отъ воспаленія, отъ жажды горячешной! И... и не думайте, что это въ такомъ маленькомъ видѣ, что можно только смѣяться: извините меня, надо умѣть предчувствовать! Наши какъ доберутся до берега, какъ увѣруютъ, что это берегъ, то ужь такъ обрадуются ему, что немедленно доходятъ до послѣднихъ столповъ; отчего это? Вы вотъ дивитесь на Павлищева, вы все приписываете его сумасшествію, или добротѣ, но это не такъ! И не насъ однихъ, а всю Европу дивитъ въ такихъ случаяхъ, русская страстность наша: у насъ коль въ католичество перейдетъ, то ужь непремѣнно іезуитомъ станетъ, да еще изъ самыхъ подземныхъ; коль атеистомъ станетъ, то непремѣнно начнетъ требовать искорененія вѣры въ Бога насильемъ, то есть, стало быть, и мечомъ! Отчего это, отчего разомъ такое изступленіе? Неужто не знаете?Отъ того что онъ отечество нашелъ, которое здѣсь просмотрѣлъ, и обрадовался; берегъ, землю нашелъ и бросился ее цѣловать! Не изъ одного вѣдь тщеславія, не все вѣдь отъ однихъ скверныхъ тщеславныхъ чувствъ происходятъ русскіе атеисты и

русскіе іезуиты, а и изъ боли духовной, изъ жажды духовной, изъ тоски по высшему дѣлу, по крѣпкому берегу, по родинѣ, въ которую вѣровать переставши, потому что никогда ея и не зналъ! Атеистомъ-же такъ легко сдѣлаться русскому человѣку, легче чѣмъ всѣмъ остальнымъ во всемъ мірѣ! И наши не просто становятся атеистами, а непремѣнно *повернутъ* въ атеизмъ, какъ-бы въ новую вѣру, никакъ и не замѣчая, что увѣровали въ нуль. Такова наша жажда! Кто почвы подъ собой не имѣетъ, тотъ и Бога не имѣетъ. Это не мое выраженіе. Это выраженіе одного купца изъ старообрядцевъ, съ которымъ я встрѣтился, когда ѣздилъ. Онъ, правда, не такъ выразился, онъ сказалъ: Кто отъ родной земли отказался, тотъ и отъ Бога своего отказался. Вѣдь подумать только, что у насъ образованнѣйшіе люди въ хлыстовщину даже пускались... Да и чѣмъ, впрочемъ, въ такомъ случаѣ хлыстовщина хуже чѣмъ нигилизмъ, іезуитизмъ, атеизмъ? Даже, можетъ, и поглубже еще! Но вотъ до чего доходила тоска!.. Откройте жаждущимъ и воспаленнымъ Колумбовымъ спутникамъ берегъ Новаго Свѣта, откройте русскому человѣку русскій Свѣтъ, дайте отыскать ему это золото, это сокровище, сокрытое отъ него въ землѣ! Покажите ему въ будущемъ обновленіе всего человѣчества и воскресеніе его, можетъ быть, одною только русскою мыслью, русскимъ Богомъ и Христомъ, и увидите какой исполинъ могучій и правдивый, мудрый и кроткій, выростетъ предъ изумленнымъ міромъ, изумленнымъ и испуганнымъ, потому что они ждутъ отъ насъ одного лишь меча, меча и насилія, потому что они представить себѣ насъ не могутъ, судя по себѣ, безъ варварства. И это до сихъ поръ, и это чѣмъ дальше, тѣмъ больше! И...

Но тутъ вдругъ случилось одно событіе, и рѣчь оратора прервалась самымъ неожиданнымъ образомъ.

Вся эта горяченная тирада, весь этотъ напывъ страстныхъ и безпокойныхъ словъ и безпорядочно восторженныхъ мыслей, какъ-бы толкавшихся въ какой-то суматохѣ и перескакивавшихъ одна черезъ другую, все это предрекало что-то опасное, что-то особенное въ настроеніи такъ внезапно вскипѣвшаго, повидимому, ни съ того ни съ сего, молодого человѣка. Изъ присутствовавшихъ въ гостиной, всѣ знавшіе князя боязливо (а иные и со стыдомъ) ивились его выходкѣ, столь несогласовавшейся со всегдашнею и даже робкою его сдержанностью, съ рѣдкимъ и особеннымъ тактомъ его въ иныхъ случаяхъ, и съ инстинктивнымъ чутьемъ высшихъ приличій. Понять не могли отчего это вышло: не извѣстіе-же о Павлищевѣ было причиной. Въ дамскомъ углу смотрѣли на него какъ на помѣшавшагося, а Бѣлоконская призналась потомъ, что еще минуту, и она уже хотѣла

спасаться». «Старички» почти потерялись отъ перваго изумленія: генералъ-начальникъ недовольно и строго смотрѣлъ съ своего стула. Техникъ-полковникъ сидѣлъ въ совершенной неподвижности. Нѣмчикъ даже побѣдилъ, но все еще улыбался своею фальшивой улыбкой, поглядывая на другихъ: какъ другіе отзовутся? Впрочемъ, все это и «весь скандалъ» могли-бы разрѣшиться самымъ обыкновеннымъ и естественнымъ способомъ, можетъ быть, даже черезъ минуту: удивленный чрезвычайно, но раньше прочихъ опохватившійся, Иванъ Ѳедоровичъ уже нѣсколько разъ пробовалъ было остановить князя; не достигнувъ успѣха, онъ пробирался теперь къ нему съ цѣлями твердыми и рѣшительными. Еще минута, и, если уже такъ-бы понадобилось, то онъ, можетъ быть, рѣшился-бы дружески вывести князя, подъ предлогомъ его болѣзни, что, можетъ быть, и дѣйствительно было правда, и чему очень вѣрилъ про себя Иванъ Ѳедоровичъ... Но дѣло обернулось другимъ образомъ.

Еще въ началѣ, какъ только князь вошелъ въ гостиную, онъ съѣлъ какъ можно дальше отъ китайской вазы, которою такъ напугала его Аглая. Можно-ли повѣрить, что послѣ вчерашнихъ словъ Аглаи въ него вселилось какое-то необъяснимое убѣжденіе, какое-то удивительное и невозможное предчувствіе, что онъ непремѣнно и завтра-же разобьетъ эту вазу. Какъ-бы ни сторонился онъ ея, какъ-бы ни избѣгалъ онъ ее? Но это было такъ. Въ продолженіи вечера другія сильныя, но свѣтлыя впечатлѣнія стали напливать въ его душу: мы уже говорили объ этомъ. Онъ забылъ свое предчувствіе. Когда онъ услышалъ о Павлищевѣ, и Иванъ Ѳедоровичъ подвелъ и показалъ его снова Ивану Петровичу, онъ переѣхалъ ближе къ столу и прямо попалъ на кресло подлѣ огромной, прекрасной китайской вазы, стоявшей на пьедесталѣ, почти рядомъ съ его локтемъ, чуть-чуть позади.

При послѣднихъ словахъ своихъ онъ вдругъ всталъ съ мѣста, неосторожно махнулъ рукой, какъ-то двинулъ плечомъ и... раздался всеобщій крикъ! Ваза покачнулась, сначала какъ-бы въ нерѣшимости: не упасть-ли на голову которому нибудь изъ старичковъ. но вдругъ склонилась въ противоположную сторону, въ сторону едва отскочившаго въ ужасѣ нѣмчика и рухнула на полъ. Громъ, крикъ, драгоцѣнные осколки, разсыпавшіеся по ковру, испугъ, изумленіе — о, что было съ княземъ, то трудно, да почти и не надо изображать! Но не можемъ не упомянуть объ одномъ странномъ ощущеніи, поразившемъ его именно въ это самое мгновеніе и вдругъ ему выяснившемся изъ толпы всѣхъ другихъ смутныхъ и странныхъ ощущеній: не стыдъ, не скандалъ, не страхъ, не внезапность поразили его больше всего, а сбывшееся пророчество! Что именно

было въ этой мысли такого захватывающаго, онъ не могъ-бы и разъяснить себѣ: онъ только чувствовалъ, что пораженъ до сердца, и стоялъ въ испугѣ, чуть не мистическомъ. Еще мгновеніе, и какъ будто все предъ нимъ расширилось, вмѣсто ужаса — свѣтъ и радость, восторгъ; стало спирать дыханіе, и... но мгновеніе прошло. Слава Богу, это было не то! Онъ перевелъ духъ и осмотрѣлся кругомъ.

Онъ долго какъ-бы не понималъ суматохи, кипѣвшей кругомъ него, то есть понималъ совершенно и все видѣлъ, но стоялъ какъ-бы особеннымъ человѣкомъ, ни въ чемъ не принимавшимъ участія, и который, какъ невидимка въ сказкѣ, пробрался въ комнату и наблюдаетъ посторонніхъ, но интересныхъ ему людей. Онъ видѣлъ какъ убирали осколки, слышалъ быстрые разговоры, видѣлъ Аглаю, блѣдную и страшно смотрѣвшую на него, очень страшно: въ глазахъ ея совсѣмъ не было ненависти, нисколько не было гнѣва; она смотрѣла на него испуганнымъ, но такимъ симпатичнымъ взглядомъ, а на другихъ такимъ сверкающимъ взглядомъ... сердце его вдругъ сладко заныло. Наконецъ, онъ увидѣлъ со страннымъ изумленіемъ, что всѣ успѣлись и даже смѣются, точно ничего и не случилось! Еще минута, и смѣхъ увеличился: смѣялись уже на него глядя, на его остолбенѣлое опѣшеніе, но смѣялись дружески, весело; многіе съ нимъ заговаривали и говорили такъ ласково, во главѣ всѣхъ Лизавета Прокофьевна: она говорила смѣясь и что-то очень, очень доброе. Вдругъ онъ почувствовалъ, что Иванъ Ѳедоровичъ дружески треплетъ его по плечу; Иванъ Петровичъ также смѣялся: но еще лучше, еще привлекательнѣе и симпатичнѣе былъ старичокъ; онъ взялъ князя за руку и, слегка пожимая, слегка ударяя по ней ладонью другой руки, уговаривалъ его опомниться, точно маленькаго испуганнаго мальчика, что̀ ужасно понравилось князю, и, наконецъ, посадилъ его вплоть возлѣ себя. Князь съ наслажденіемъ вглядывался въ его лицо и все еще не въ силахъ былъ почему-то заговорить, ему духъ спирало; лицо старика ему такъ нравилось.

— Какъ? пробормоталъ онъ наконецъ:—вы прощаете меня въ самомъ дѣлѣ? И... вы, Лизавета Прокофьевна?

Смѣхъ усилился, у князя выступили на глазахъ слезы: онъ не вѣрилъ себѣ и былъ очарованъ.

— Конечно, ваза была прекрасная. Я ее помню здѣсь уже лѣтъ пятнадцать, да... пятнадцать... произнесъ было Иванъ Петровичъ.

— Ну, вотъ бѣда какая! И человѣку конецъ приходитъ, а тутъ изъ-за глинянаго горшка! громко сказала Лизавета Прокофьевна:—неужто ужь ты такъ испугался, Левъ Николаичъ? даже

съ боязнью прибавила она:—полно, голубчикъ, полно: пугаешь ты меня въ самомъ дѣлѣ.

— И за *все* прощаете? За *все*, кромѣ вазы? всталъ было князь вдругъ съ мѣста, но старичокъ тотчасъ-же опять притянулъ его за руку. Онъ не хотѣлъ упускать его.

— C'est très curieux et c'est très serieux! шепнулъ онъ черезъ столъ Ивану Петровичу, впрочемъ, довольно громко: князь, можетъ, и слышалъ.

— Такъ я васъ никого не оскорбилъ? Вы не повѣрите какъ я счастливъ отъ этой мысли: но такъ и должно быть! Развѣ могъ я здѣсь кого нибудь оскорбить? Я опять оскорбилъ васъ, если такъ подумаю.

— Успокойтесь, мой другъ, это —преувеличеніе. И вамъ вовсе не за что такъ благодарить: это чувство прекрасное, но преувеличенное.

— Я васъ не благодарю, я только... любуюсь вами, я счастливъ, глядя на васъ; можетъ быть, я говорю глупо, но — мнѣ говорить надо, надо объяснить... даже хоть изъ уваженія къ самому себѣ.

Все въ немъ было порывисто, смутно и лихорадочно: очень можетъ быть, что слова, которыя онъ выговаривалъ, были часто не тѣ, которыя онъ хотѣлъ сказать. Взглядомъ онъ какъ-бы спрашивалъ: можно-ли ему говорить? Взглядъ его упалъ на Бѣлоконскую.

— Ничего, батюшка, продолжай, продолжай, только не задыхайся, замѣтила она,—ты и давеча съ одышки началъ и вотъ до чего дошелъ; а говорить не бойся; эти господа и почудней тебя видывали, не удивишь, а ты еще и не Богъ знаетъ какъ мудренъ, только вотъ вазу-то разбилъ, да напугалъ.

Князь улыбаясь ее выслушалъ.

— Вѣдь это вы, обратился онъ вдругъ къ старичку, —вѣдь это вы студента Бодкумова и чиновника Швабрина три мѣсяца назадъ отъ ссылки спасли?

Старичокъ даже покраснѣлъ немного и пробормоталъ, что надо-бы успокоиться.

— Вѣдь это я про васъ слышалъ, обратился онъ тотчасъ-же къ Ивану Петровичу, — въ — свои губерніи, что вы погорѣвшимъ мужикамъ вашимъ, уже вольнымъ и надѣлавшимъ вамъ непріятностей, даромъ дали лѣсу обстроиться?

— Ну, это пре-у-ве-личеніе, пробормоталъ Иванъ Петровичъ, впрочемъ, пріятно пріосанившись: но на этотъ разъ онъ былъ совершенно правъ, что это преувеличеніе: это былъ только невѣрный слухъ, дошедшій до князя.

— А вы, княгиня, обратился онъ вдругъ къ Бѣлоконской со

свѣтлою улыбкой,—развѣ не вы, полгода назадъ, приняли меня въ Москвѣ какъ роднаго сына, по письму Лизаветы Прокофьевны, и дѣйствительно, какъ родному сыну, одинъ совѣтъ дали, который я никогда не забуду. Помните?

— Что ты на стѣны-то лѣзешь? досадливо проговорила Бѣлоконская: — человѣкъ ты добрый, да смѣшной: два гроша тебѣ дадутъ, а ты благодаришь точно жизнь спасли. Ты думаешь это похвально, аль это противно.

Она было уже совсѣмъ разсердилась, но вдругъ разсмѣялась и на этотъ разъ добрымъ смѣхомъ. Просвѣтлѣло лицо и Лизаветы Прокофьевны; просіялъ и Иванъ Ѳедоровичъ.

— Я говорилъ, что Левъ Николаичъ человѣкъ... человѣкъ... однимъ словомъ, только-бы вотъ не задыхался, какъ княгиня замѣтила... пробормоталъ генералъ въ радостномъ упоеніи, повторяя поразившія его слова Бѣлокопской.

Одна Аглая была какъ-то грустна: по лицо ея все еще пылало, можетъ быть, и негодованіемъ.

— Онъ, право, очень милъ, пробормоталъ опять старичокъ Ивану Петровичу.

— Я вошелъ сюда съ мукой въ сердцѣ, продолжалъ князь, все съ какимъ-то возраставшимъ смятеніемъ, все быстрѣе и быстрѣе, все чуднѣе и одушевленнѣе,—я... я боялся васъ, боялся и себя. Всего болѣе себя. Возвращаясь сюда, въ Петербургъ, я далъ себѣ слово непремѣнно увидѣть нашихъ первыхъ людей, старшихъ, исконныхъ, къ которымъ самъ принадлежу, между которыми самъ изъ первыхъ по роду. Вѣдь я теперь съ такими-же князьями, какъ самъ, сижу, вѣдь такъ? Я хотѣлъ васъ узнать, и это было надо; очень, очень надо!.. Я всегда слышалъ про васъ слишкомъ много дурнаго, больше чѣмъ хорошаго, о мелочности и неключительности вашихъ интересовъ, объ отсталости, о мелкой образованности, о смѣшныхъ привычкахъ,—о, вѣдь такъ много о васъ пишутъ и говорятъ! Я съ любопытствомъ шелъ сюда сегодня, со смятеніемъ: мнѣ надо было видѣть самому и лично убѣдиться: дѣйствительно-ли весь этотъ верхній слой русскихъ людей ужь никуда не годится, отжилъ свое время, изсякъ исконною жизнью и только способенъ умереть, но все еще въ мелкой завистливой борьбѣ съ людьми... будущими, мѣняя имъ, не замѣчая, что самъ умираетъ? Я и прежде не вѣрилъ этому мнѣнію вполнѣ, потому что у насъ и сословія-то высшаго никогда не бывало, развѣ придворное, по мундиру, или... по случаю, а теперь ужь и совсѣмъ нечезло, вѣдь такъ, вѣдь такъ?

— Ну, это вовсе не такъ, язвительно разсмѣялся Иванъ Петровичъ.

— Ну, опять застучалъ! неутерпѣла и проговорила Бѣлокопская.

— Laissez le dire, онъ весь даже дрожитъ, предупредилъ опять старичокъ виолголоса.

Князь былъ рѣшительно внѣ себя.

— И что-жь? Я увидѣлъ людей извѣстныхъ, простодушныхъ, умныхъ: я увидѣлъ старца, который ласкаетъ и выслушиваетъ мальчика, какъ я; вижу людей способныхъ понимать и прощать, людей русскихъ и добрыхъ, почти такихъ-же добрыхъ и сердечныхъ, какихъ я встрѣтилъ тамъ, почти не хуже. Судите-же, какъ радостно я былъ удивленъ! О, позвольте мнѣ это высказать! Я много слышалъ и самъ очень вѣрилъ, что въ свѣтѣ все манера, все дряхлая форма, а сущность изсякла: но вѣдь я самъ теперь вижу, что этого быть не можетъ у насъ: это гдѣ нибудь, а только не у насъ. Неужели-же вы всѣ теперь іезуиты и обманщики? Я слышалъ какъ давеча разсказывалъ князь N.: развѣ это не простодушный, не вдохновенный юморъ, развѣ это не истинное добродушіе? Развѣ такія слова могутъ выходить изъ устъ человѣка... мертваго, съ изсохшимъ сердцемъ и талантомъ? Развѣ мертвецы могли-бы обойдтись со мной какъ вы обошлись? Развѣ это не матеріалъ... для будущаго, для надежды? Развѣ такіе люди могутъ не понять и отстать?

— Еще разъ прошу, успокойтесь мой милый, мы обо всемъ этомъ въ другой разъ, и я съ удовольствіемъ... усмѣхнулся сановникъ».

Иванъ Петровичъ крякнулъ и поворотился въ своихъ креслахъ: Иванъ Ѳедоровичъ зашевелился: генералъ-начальникъ разговаривалъ съ супругой сановника, не обращая уже ни малѣйшаго вниманія на князя: но супруга сановника часто вслушивалась и поглядывала.

— Нѣтъ, знаете, лучше ужь мнѣ говорить! съ новымъ лихорадочнымъ порывомъ продолжалъ князь, какъ-то особенно довѣрчиво и даже конфиденціально обращаясь къ старичку.—Мнѣ Аглая Ивановна запретила вчера говорить и даже темы назвала, о которыхъ нельзя говорить: она знаетъ, что я въ нихъ смѣшонъ! Мнѣ двадцать седьмой годъ, а вѣдь знаю, что я какъ ребенокъ. Я не имѣю права выражать мою мысль, я это давно говорилъ; я только въ Москвѣ, съ Рогожинымъ, говорилъ откровенно... Мы съ нимъ Пушкина читали, всего прочли: онъ ничего не зналъ, даже имени Пушкина... Я всегда боюсь моимъ смѣшнымъ видомъ скомпрометтировать мысль и *главную идею*. Я не имѣю жеста. Я имѣю жесть всегда противоположный, а это вызываетъ смѣхъ и унижаетъ идею. Чувства мѣры тоже нѣтъ, а это главное: это даже самое главное... Я знаю, что мнѣ лучше сидѣть и молчать. Когда я упрусь и за-

молчу, то даже очень благоразумнымъ кажусь, и къ тому-же обдумываю. Но теперь мнѣ лучше говорить. Я потому заговорилъ, что вы такъ прекрасно на меня глядите: у васъ прекрасное лицо! Я вчера Аглаѣ Ивановнѣ слово далъ, что весь вечеръ буду молчать.

— Vraiment? улыбнулся старичокъ.

— Но я думаю минутами, что я и не правъ что такъ думаю: искренность вѣдь стоитъ жеста, такъ-ли? Такъ-ли?

— Иногда.

— Я хочу все объяснить, все, все, все! О, да! Вы думаете я утонистъ? Идеологъ? О, нѣтъ, у меня, ей Богу, все такія простыя мысли... Вы не вѣрите? Вы улыбаетесь? Знаете, что я подлъ иногда, потому что вѣру теряю: давеча я шелъ сюда и думалъ: Ну какъ я съ ними заговорю? Съ какого слова надо начать, чтобъ они хоть что нибудь поняли? Какъ я боялся, но за васъ я боялся больше, ужасно, ужасно! А между тѣмъ могъ-ли я бояться, не стыдно-ли было бояться? Что въ томъ, что на одного передоваго такая бездна отсталыхъ и недобрыхъ? Въ томъ-то и радость моя, что я теперь убѣжденъ, что вовсе не бездна, а все живой матеріалъ! Нечего смущаться и тѣмъ, что мы смѣшны, не правда-ли? Вѣдь это дѣйствительно такъ, мы смѣшны, легкомысленны, съ дурными привычками, скучаемъ, глядѣть не умѣемъ, понимать не умѣемъ, мы вѣдь всѣ таковы, всѣ, и вы, и я, и они! Вѣдь вы, вотъ, не оскорбляетесь-же тѣмъ, что я въ глаза говорю вамъ, что вы смѣшны? А коли такъ, то развѣ вы не матеріалъ? Знаете, по моему, быть смѣшнымъ даже иногда хорошо, да и лучше: скорѣе простятъ можно другъ другу, скорѣе и смириться: не все-же понимать сразу, не прямо-же начинать съ совершенства! Чтобы достичь совершенства, надо прежде многаго не понимать. А слишкомъ скоро поймемъ, такъ, пожалуй, и не хорошо поймемъ. Это я вамъ говорю, вамъ, которые уже такъ много умѣли понять и... не понять. Я теперь не боюсь за васъ; вы, вѣдь, не сердитесь, что вамъ такія слова говоритъ такой мальчикъ? Вы смѣетесь, Иванъ Петровичъ. Вы думаете: я за *тѣло* боялся, *изъ* адвокатъ, демократъ, равенства ораторъ?—засмѣялся онъ истерически (онъ помнитъ смѣялся короткимъ и восторженнымъ смѣхомъ). — Я боюсь за васъ, за васъ всѣхъ и за всѣхъ насъ вмѣстѣ. Я вѣдь самъ князь исконный и съ князьями спяку. Я чтобы спасти всѣхъ насъ говорю, чтобы не исчезло сословіе даромъ, въ потемкахъ, не о чемъ не догадавшись, за все бранясь и все проигравъ. Зачѣмъ исчезать и уступать другимъ мѣсто, когда можно остаться передовыми и старшими? Будемъ передовыми, такъ будемъ и старшими. Станемъ слугами, чтобъ быть старшинами.

Онъ сталъ порываться вставать съ кресла, но старичокъ его

постоянно удерживалъ, съ возраставшимъ однако-жъ безпокойствомъ смотря на него.

— Слушайте! Я знаю, что говорить не хорошо: лучше просто примѣръ, лучше просто начать... я уже началъ... и—и неужели въ самомъ дѣлѣ можно быть несчастнымъ? О, что такое мое горе и моя бѣда, если я въ силахъ быть счастливымъ? Знаете, я не понимаю какъ можно проходить мимо дерева и не быть счастливымъ что видишь его? Говорить съ человѣкомъ и не быть счастливымъ что любишь его! О, я только не умѣю высказать... а сколько вещей на каждомъ шагу такихъ прекрасныхъ, которыя даже самый потерявшійся человѣкъ находитъ прекрасными? Посмотрите на ребенка, посмотрите на Божію зарю, посмотрите на травку какъ она растетъ, посмотрите въ глаза, которые на васъ смотрятъ и васъ любятъ...

Онъ давно уже стоялъ, говоря. Старичокъ уже испуганно смотрѣлъ на него. Лизавета Прокофьевна вскрикнула: «Ахъ, Боже мой!» прежде всѣхъ догадавшись, и всплеснула руками. Аглая быстро подбѣжала къ нему, успѣла принять его въ свои руки и съ ужасомъ, съ искаженнымъ болью лицомъ, услышала дикій крикъ «духа сотрясшаго и повергшаго» несчастнаго. Больной лежалъ на коврѣ. Кто-то успѣлъ поскорѣе подложить ему подъ голову подушку.

Этого никто не ожидалъ. Чрезъ четверть часа князь N., Евгеній Павловичъ, старичокъ, попробовали оживить опять вечеръ, но еще чрезъ полчаса уже всѣ разъѣхались. Было высказано много сочувственныхъ словъ, много сѣтованій, нѣсколько мнѣній. Иванъ Петровичъ выразился, между прочимъ, что «молодой человѣкъ славя-нофилъ, или въ этомъ родѣ, но что, впрочемъ, это не опасно». Старичокъ ничего не высказалъ. Правда, уже потомъ, на другой и на третій день, всѣ нѣсколько и посердились: Иванъ Петровичъ даже обидѣлся, но не много. Начальникъ-генералъ нѣкоторое время былъ нѣсколько холоденъ къ Ивану Ѳедоровичу. Покровитель семейства, сановникъ, тоже кое-что промямлилъ съ своей стороны отцу семейства въ назиданіе, причемъ лестно выразился, что очень и очень интересуется судьбой Аглаи. Онъ былъ человѣкъ и въ самомъ дѣлѣ нѣсколько добрый: но въ числѣ причинъ его любопытства относительно князя, въ теченіе вечера, была и давнишняя исторія князя съ Настасьей Филипповной: объ этой исторіи онъ кое-что слышалъ и очень даже интересовался, хотѣлъ-бы даже и разспросить.

Бѣлоконская, уѣзжая съ вечера, сказала Лизаветѣ Прокофьевнѣ:

— Что-жъ, и хорошъ, и дуренъ; а коли хочешь мое мнѣніе

знать, то больше дурѣть. Сама видишь какой человѣкъ, больной человѣкъ!

Лизавета Прокофьевна рѣшила про себя окончательно, что жениха невозможенъ, и за ночь дала себѣ слово, что покамѣстъ она жива, не быть князю мужемъ ея Аглаи. Съ этимъ и встала по утру. Но по-утру-же, въ первомъ часу, за завтракомъ, она впала въ удивительное противорѣчіе самой себѣ.

На одинъ, чрезвычайно, впрочемъ, осторожный спросъ сестеръ, Аглая вдругъ отвѣтила холодно, но заносчиво, точно отрѣзала:

— Я никогда никакого слова не давала ему, никогда въ жизни не считала его моимъ женихомъ. Онъ мнѣ такой-же посторонній человѣкъ, какъ и всякій.

Лизавета Прокофьевна вдругъ вспыхнула.

— Этого я не ожидала отъ тебя, проговорила она съ огорченіемъ,—женихъ онъ невозможный, я знаю, и слава Богу, что такъ сошлось; но отъ тебя-то я такихъ словъ не ждала! Я думала, другое отъ тебя будетъ. Я-бы тѣхъ всѣхъ вчерашнихъ прогнала, а его оставила, вотъ онъ какой человѣкъ!..

Тутъ она вдругъ остановилась, испугавшись сама того что сказала. Но если-бы знала она какъ была несправедлива въ эту минуту къ дочери? Уже все было рѣшено въ головѣ Аглаи; она тоже ждала своего часа, который долженъ былъ все рѣшить, и всякій намекъ, всякое неосторожное прикосновеніе глубокою раной раздирали ей сердце.

VIII.

Для князя это утро началось подъ вліяніемъ тяжелыхъ предчувствій; ихъ можно было объяснить его болѣзненнымъ состояніемъ, но онъ былъ слишкомъ неопредѣленно грустенъ, и это было для него всего мучительнѣе. Правда, предъ нимъ стояли факты яркіе, тяжелые и язвительные, но грусть его заходила дальше всего что онъ припоминалъ и соображалъ; онъ понималъ, что ему не успокоить себя одному. Мало-по-малу, въ немъ укоренилось ожиданіе, что сегодня-же съ нимъ случится что-то особенное и окончательное. Припадокъ, бывшій съ нимъ накапунѣ, былъ изъ легкихъ; кромѣ ипохондріи, нѣкоторой тягости въ головѣ и боли въ членахъ, онъ не ощущалъ никакого другаго разстройства. Голова его работала довольно отчетливо, хотя душа и была больна. Всталъ онъ довольно поздно и тотчасъ-же ясно припомнилъ вчерашній ве-

черь; хотъ и не совсѣмъ отчетливо, но все-таки припомнилъ и то, какъ черезъ полчаса послѣ припадка его довели домой. Онъ узналъ, что уже явился къ нему посланный отъ Епанчиныхъ узнать о его здоровьѣ. Въ половинѣ двѣнадцатаго явился другой: это было ему пріятно. Вѣра Лебедева изъ первыхъ пришла навѣстить его и прислужить ему. Въ первую минуту какъ она его увидала, она вдругъ заплакала, но когда князь тотчасъ-же успокоилъ ее—разсмѣялась. Его какъ-то вдругъ поразило сильное состраданіе къ нему этой дѣвушки: онъ схватилъ ея руку и поцѣловалъ. Вѣра вскрикнула.

— Ахъ что вы, что вы! воскликнула она въ испугѣ, быстро отнявъ свою руку.

Она скоро ушла въ какомъ-то странномъ смущеніи. Между прочимъ, она успѣла разсказать, что отецъ ея сегодня, еще чѣмъ свѣтъ, побѣжалъ къ покойнику, какъ называлъ онъ генерала, узнать не померъ-ли онъ за ночь и что слышно, говорятъ, навѣрно скоро помретъ. Въ двѣнадцатомъ часу явился домой и къ князю и самъ Лебедевъ, но собственно на минуту, что-бъ узнать о драгоцѣнномъ здоровьи и т. д., и кромѣ того навѣдаться въ канцелярію. Онъ больше ничего какъ ахалъ и охалъ, и князь скоро отпустилъ его, но все-таки тотъ попробовалъ поразспросить о вчерашнемъ припадкѣ, хотя и видно было, что объ этомъ онъ уже знаетъ въ подробностяхъ. За нимъ забѣжалъ Коля, тоже на минуту; этотъ въ самомъ дѣлѣ торопился и былъ въ сильной и мрачной тревогѣ. Онъ началъ съ того, что прямо и настоятельно попросилъ у князя разъясненія всего, что отъ него скрывали, промолвивъ, что уже почти все узналъ во вчерашній-же день. Онъ былъ сильно и глубоко потрясенъ.

Со всѣмъ возможнымъ сочувствіемъ, къ какому только былъ способенъ, князь разсказалъ все дѣло, возстановивъ факты въ полной точности, и поразилъ бѣднаго мальчика какъ громомъ. Онъ не могъ вымолвить ни слова и молча заплакалъ. Князь почувствовалъ, что это было одно изъ тѣхъ впечатлѣній, которыя остаются навсегда и составляютъ переломъ въ жизни юноши на всѣ. Онъ поспѣшилъ передать ему свои взгляды на дѣло, прибавивъ, что, по его мнѣнію, можетъ быть, и смерть-то старика происходитъ, главное, отъ укуса, оставшагося въ его сердцѣ послѣ проступка, и что къ этому не всякій способенъ. Глаза Коли засверкали, когда онъ выслушалъ князя:

— Негодные Ганька, и Варя, и Гаврила! Я съ ними не буду ссориться, но у насъ разныя дороги съ этой минуты! Ахъ, князь, я со вчерашняго очень много почувствовалъ новаго: это мой урокъ!

Мать я тоже считаю теперь прямо на моихъ рукахъ: хотя она и обезпечена у Вари, но это все не то...

Онъ вскочилъ, вспомнивъ, что его ждутъ, наскоро спросилъ о состояніи здоровья князя и, выслушавъ отвѣтъ, вдругъ съ посѣщенностью прибавилъ:

— Нѣтъ-ли и другаго чего? Я слышалъ, вчера... (впрочемъ, я не имѣю права), но если вамъ когда нибудь и въ чемъ нибудь понадобится вѣрный слуга, то онъ передъ вами. Кажется, мы оба не совсѣмъ-то счастливы, вѣдь такъ? Но... я не разспрашиваю, не разспрашиваю...

Онъ ушелъ, а князь еще больше задумался: всѣ пророчествуютъ несчастія, всѣ уже сдѣлали заключенія, всѣ глядятъ какъ-бы что-то знаютъ, и такое, чего онъ не знаетъ; Лебедевъ выспрашиваетъ, Коля прямо намекаетъ, а Вѣра плачетъ. Наконецъ, онъ въ досадѣ махнулъ рукой: проклятая, болѣзненная мнительность, подумалъ онъ. Лицо его просвѣтлѣло, когда, во второмъ часу, онъ увидѣлъ Епанчиныхъ, входящихъ навѣстить его на минутку. Эти уже дѣйствительно зашли на минуту. Лизавета Прокофьевна, вставъ отъ завтрака, объявила, что гулять пойдутъ всѣ сейчасъ и всѣ вмѣстѣ. Увѣдомленіе было дано въ формѣ приказанія, отрывисто, сухо, безъ объясненій. Всѣ вышли, то есть маменька, дѣвицы, князь Щ. Лизавета Прокофьевна прямо направилась въ сторону, противоположную той, въ которую направлялись ежедневно. Всѣ понимали въ чемъ дѣло и всѣ молчали, боясь раздражить маманю, а она, точно прячась отъ упрека и возраженій, шла впереди всѣхъ, не оглядываясь. Наконецъ, Аделаида замѣтила, что на прогулкѣ нечего такъ бѣжать и что за маманей не поспѣешь.

— Вотъ что, обернулась вдругъ Лизавета Прокофьевна, — мы теперь мимо него проходимъ. Какъ-бы тамъ ни думала Аглая и что-бы тамъ ни случилось потомъ, а онъ намъ не чужой, а теперь еще вдобавокъ и въ несчастіи и болѣнь: я, по крайней мѣрѣ, зайду навѣстить. Кто хочетъ со мной, тотъ иди, кто не хочетъ—проходи мимо; путь не загороженъ.

Всѣ вошли, разумѣется. Князь, какъ слѣдуетъ, поспѣшилъ еще разъ попросить прощенія за вчерашнюю вазу и... скандалъ.

— Ну, это ничего, отвѣтила Лизавета Прокофьевна.—Вазы не жаль, жаль тебя. Стало быть, самъ теперь примѣчаешь, что былъ скандалъ: вотъ что значитъ «на другое-то утро»... но и это ничего, потому что всякій теперь видитъ, что съ тебя нечего спрашивать. Ну, до свиданья однако-жъ; если въ силахъ, такъ погуляй и опять засни —мой совѣтъ. А вздумаешь, заходи по прежнему:

увѣренъ будь, разъ навсегда, что что-бы ни случилось, что-бы ни вышло, ты все-таки останешься другомъ нашего дома: моимъ, по крайней мѣрѣ. За себя-то, по крайней мѣрѣ, отвѣтить могу...

На вызовъ отвѣтили всѣ и подтвердили маманины чувства. Онѣ умны, но въ этой простодушной поспѣшности сказать что нибудь ласковое и ободряющее таилось много жестокаго, о чемъ и не спохватилась Лизавета Прокофьевна. Въ приглашеніи приходить «по прежнему» и въ словахъ «моимъ, по крайней мѣрѣ» — опять зазвучало что-то предсказывающее. Князь сталъ припоминать Аглаю: правда, она ему удивительно улыбнулась, при входѣ и при прощаньи, но не сказала ни слова, даже и тогда, когда всѣ заявляли свои увѣренія въ дружбѣ, хотя раза два пристально на него посмотрѣла. Лицо ея было болѣзненѣе обыкновеннаго, точно она худо проспала ночь. Князь рѣшилъ вечеромъ-же идти къ нимъ непремѣнно «по прежнему» и лихорадочно взглянулъ на часы. Вошла Вѣра, ровно три минуты спустя по уходѣ Епанчиныхъ.

— Миѣ, Левъ Николаевичъ, Аглая Ивановна сейчасъ словечко къ вамъ потихоньку передала.

Князь такъ и задрожалъ.

— Записка?

— Нѣтъ-съ, на словахъ: и то едва успѣла. Просятъ васъ очень весь сегодняшній день ни на одну минуту не отлучаться со двора, вплоть до семи часовъ по вечеру, или даже до девяти, не совсѣмъ я тутъ разслышала.

— Да... для чего-же это? Что это значитъ?

— Ничего этого я не знаю: только велѣла на-крѣпко передать.

— Такъ и сказала: «на-крѣпко»?

— Нѣтъ-съ, прямо не сказала: едва успѣла отворотившись выговорить, благо я ужь сама подскочила. Но ужь по лицу видно было какъ приказывала: на-крѣпко или нѣтъ. Такъ на меня посмотрѣла, что у меня сердце замерло...

Нѣсколько разспросовъ еще, и князь, хотя ничего больше не узналъ, но за то еще пуще встревожился. Оставшись одинъ, онъ легъ на диванъ и сталъ опять думать. «Можетъ, тамъ кто нибудь будетъ у нихъ до девяти часовъ и она опять за меня боится, чтобъ я чего при гостяхъ не накуралесилъ», выдумалъ онъ, наконецъ, и опять сталъ нетерпѣливо ждать вечера и глядѣть на часы. Но разгадка послѣдовала гораздо раньше вечера и тоже въ формѣ новаго визита, разгадка въ формѣ новой, мучительной загадки: ровно полчаса по уходѣ Епанчиныхъ, къ нему вошелъ Ипполитъ, до того усталый и изнуренный, что, войдя и ни слова не говоря, какъ-бы безъ памяти, буквально упалъ въ кресла и мгновенно по-

грузился въ нестерпимый капель. Онъ докашлялся до крови. Глаза его сверкали, и красныя пятна зардѣлись на щекахъ. Князь пробормоталъ ему что-то, но тотъ не отвѣтилъ, и еще долго не отвѣчая, отмахивался только рукой, чтобъ его покамѣсть не безпокоили. Наконецъ, онъ очнулся.

— Ухожу! черезъ силу произнесъ онъ наконецъ хриплымъ голосомъ.

— Хотите, я васъ доведу, сказалъ князь, привставъ съ мѣста, и осѣкся, вспомнивъ недавній запретъ уходить со двора.

Ипполитъ засмѣялся.

— Я не отъ васъ ухожу, продолжалъ онъ съ безпрерывною одышкой и перхотой, — я, напротивъ, нашелъ нужнымъ къ вамъ придти, и за дѣломъ... безъ чего не сталъ-бы безпокоить. Я *туда* ухожу, и въ этотъ разъ, кажется, серіозно. Капутъ! Я не для состраданія, повѣрьте... я ужь и легъ сегодня, съ десяти часовъ, чтобъ ужь совсѣмъ не вставать до самаго *того* времени, да вотъ раздумалъ и всталъ еще разъ, чтобы къ вамъ идти... стало быть, надо.

— Жаль на васъ смотрѣть; вы-бы кликнули меня лучше чѣмъ самимъ трудиться.

— Ну, вотъ и довольно. Пожалѣли, стало быть, и довольно для свѣтской учтивости... Да, забылъ: ваше-то какъ здоровье?

— Я здоровъ. Я вчера былъ... не очень...

— Слышалъ, слышалъ. Вазъ досталось китайской: жаль, что меня не было! Я за дѣломъ. Во первыхъ, я сегодня имѣлъ удовольствіе видѣть Гаврилу Ардаліоновича на свиданіи съ Аглаей Ивановной, у зеленой скамейки. Подивился на то, до какой степени человѣку можно имѣть глупый видъ. Замѣтилъ это самой Аглаъ Ивановичъ по уходѣ Гаврилы Ардаліоновича... Вы, кажется, ничему не удивляетесь, князь, прибавилъ онъ, недовѣрчиво смотря на спокойное лицо князя: — ничему не удивляться, говорятъ, есть признакъ большаго ума: по моему, это, въ равной-же мѣрѣ, могло-бы служить и признакомъ большой глупости... Я, впрочемъ, не на васъ намекаю, извините... Я очень несчастливъ сегодня въ моихъ выраженіяхъ.

— Я еще вчера зналъ, что Гаврила Ардаліоновичъ... осѣкся князь, видимо смутившись, хотя Ипполитъ и досадовалъ, зачѣмъ онъ не удивляется.

— Знали! Вотъ это новость! А впрочемъ, пожалуй, и не разсказывайте... А свидѣтелемъ свиданія сегодня не былъ?

— Вы видѣли, что меня тамъ не было, коли сами тамъ были.

— Ну, можетъ, за кустомъ гдѣ нибудь просидѣли. Впрочемъ,

Во всякомъ случаѣ я радъ, за васъ, разумѣется, а то я думалъ уже, что Гаврилѣ Ардаліоновичу — предпочтеніе!

— Я васъ прошу не говорить объ этомъ со мной, Ипполитъ, и въ такихъ выраженіяхъ.

— Тѣмъ болѣе, что уже все знаете.

— Вы ошибаетесь. Я почти ничего не знаю, и Аглая Ивановна знаетъ навѣрно, что я ничего не знаю. Я даже и про свиданіе это ничего ровно не зналъ... Вы говорите, было свиданіе? Ну, и хорошо, и оставимъ это...

— Да какъ-же это: то знали, то не знали? Вы говорите: «хорошо, и оставимъ?» Ну, нѣтъ, не будьте такъ довѣрчивы! Особенно коли ничего не знаете. Вы и довѣрчивы потому, что не знаете. А знаете-ли вы какіе разсчеты у этихъ двухъ лицъ, у братца съ сестрицей? Это-то, можетъ быть, подозрѣваете?.. Хорошо, хорошо, я оставлю... прибавилъ онъ, замѣтивъ нетерпѣливый жестъ князя:— но я пришелъ за собственнымъ дѣломъ и про это хочу... объясниться. Чортъ возьми, никакъ нельзя умереть безъ объясненій: ужасъ какъ я много объясняюсь. Хотите выслушать?

— Говорите, я слушаю.

— И однако-жъ я опять перемѣняю мнѣніе: я встаки начну съ Гаечки. Можете себѣ представить, что и мнѣ сегодня назначено было тоже придти на зеленую скамейку. Впрочемъ, лгать не хочу: я самъ настоялъ на свиданіи, напросился, тайну открыть обѣщалъ. Не знаю, пришелъ-ли я слишкомъ рано (кажется, дѣйствительно рано пришелъ), но только что я занялъ мое мѣсто, подлѣ Аглаи Ивановны, смотрю, являются Гаврила Ардаліоновичъ и Варвара Ардаліоновна, оба подъ ручку, точно гуляютъ. Кажется, оба были очень поражены, меня встрѣтивъ, не того ожидали, даже сконфузились. Аглая Ивановна вспыхнула и, вѣрьте не вѣрьте, немножко даже потерялась, оттого-ли, что я тутъ былъ, или просто увидавъ Гаврилу Ардаліоновича, потому что ужь вѣдь слишкомъ хорошъ, но только вся вспыхнула и дѣло кончила въ одну секунду, очень смѣшно: привстала, отвѣтила на поклонъ Гаврилы Ардаліоновича, на запрывающую улыбку Варвары Ардаліоновны и вдругъ отрѣзала: «я только затѣмъ, чтобы вамъ выразить лично мое удовольствіе за ваши искреннія и дружелюбныя чувства, и если буду въ нихъ нуждаться, то, повѣрьте»... Тутъ она отвалилась, и оба они ушли, — не знаю, въ дуракахъ или съ торжествомъ: Гаечка, конечно, въ дуракахъ: онъ ничего не разобралъ и покраснѣлъ какъ ракъ (удивительное у него иногда выраженіе лица!), но Варвара Ардаліоновна, кажется, поняла, что надо поскорѣе улепетывать и что ужь и этого слишкомъ довольно отъ Аглаи Ивановны, и утащила

брата. Она умѣетъ его и, я увѣренъ, теперь торжествуетъ. Я-же приходилъ поговорить съ Аглаей Ивановной, чтобъ условиться на счетъ свиданія съ Настасьей Филипповной!

— Съ Настасьей Филипповной! вскричалъ князь.

— Ага! Вы, кажется, теряете хладнокровіе и начинаете удивляться? Очень радъ, что вы на человѣка хотите походить. За это я васъ потѣшу. Вотъ что значитъ услуживать молодымъ и высокимъ душой дѣвицамъ: я сегодня отъ нея нощечищу получилъ!

— Нравственную? невольно какъ-то спросилъ князь.

— Да, не физическую. Мнѣ кажется, ни у кого рука не подымется на такого, какъ я: даже и женщина теперь не ударитъ: даже Ганечка не ударитъ! Хоть одно время вчера я такъ и думалъ, что онъ на меня наскочитъ... Бьюсь объ закладъ, что знаю о чемъ вы теперь думаете? Вы думаете: «полоумный, его не надо бить, зато задушить его можно подушкой, или мокрою тряпкой во снѣ,—даже должно»... У васъ на лицѣ написано, что вы это думаете, въ эту самую секунду.

— Никогда я этого не думалъ! съ отвращеніемъ проговорилъ князь.

— Не знаю, мнѣ ночью снилось сегодня, что меня задушилъ мокрою тряпкой... одинъ человѣкъ... ну, я вамъ скажу кто: представьте себѣ—Рогожинъ! Какъ вы думаете, можно задушить мокрою тряпкой человѣка?

— Не знаю.

— Я слышалъ, что можно. Хорошо, оставимъ. Ну, за что-же я сплетникъ? За что она сплетникомъ меня обругала сегодня? И замѣтьте себѣ, когда уже все до послѣдняго словечка выслушала и даже переспросила... Но таковы женщины! Для нея-же я въ сношеніи съ Рогожинымъ вошелъ, съ интереснымъ человѣкомъ; для ея-же интереса ей личное свиданіе съ Настасьей Филипповной устроилъ. Ужь не за то-ли, что я самолюбіе задѣлъ, намекнувъ, что она объѣдкамъ Настасьи Филипповны обрадовалась? Да я это въ ея-же интересахъ все время ей толковалъ, не отпираясь, два письма ей написалъ въ этомъ родѣ, и вотъ сегодня третье, свиданіе... Я ей давеча съ того и началъ, что это унизительно съ ея стороны... Да къ тому-же и слово-то объ объѣдкахъ собственно не мое, а чужое; по крайней мѣрѣ, у Ганечки въ говорили; да она-же и сама подтвердила. Ну, такъ за что-же я у нея сплетникъ? Вижу, вижу: вамъ ужасно смѣшно теперь, на меня глядя, и бьюсь объ закладъ, что вы ко мнѣ глупые стихи примѣриваете:

„И, можетъ быть, на мой закатъ печальный
Блеснетъ любовь улыбкою прощальной“.

Ха-ха-ха! залился онъ вдругъ истерическимъ смѣхомъ, и закашлялся.—Замѣтьте себѣ,—прохрипѣлъ онъ сквозь кашель,—каковъ Ганечка: говоритъ про «объѣдки», а самъ-то теперь чѣмъ желаетъ воспользоваться!

Князь долго молчалъ; онъ былъ въ ужасѣ.

— Вы сказали про свиданье съ Настасьей Филипповной? пробормоталъ онъ, наконецъ.

— Э, да неужели и вправду вамъ неизвѣстно, что сегодня будетъ свиданіе Аглаи Ивановны съ Настасьей Филипповной, для чего Настасья Филипповна и выписана изъ Петербурга нарочно, чрезъ Рогожина, по приглашенію Аглаи Ивановны и моими стараніями. и находится теперь, вмѣстѣ съ Рогожинымъ, весьма недалеко отъ васъ, въ прежнемъ домѣ, у той госпожи, у Дарьи Алексѣевны... очень двусмысленной госпожи, подруги своей, и туда-то, сегодня, въ этотъ двусмысленный домъ, и направится Аглая Ивановна для пріятельскаго разговора съ Настасьей Филипповной и для разрѣшенія разныхъ задачъ. Ариѳметикой заниматься хотятъ. Не знали? Честное слово?

— Это невѣроятно!

— Ну, и хорошо, коли невѣроятно: впрочемъ, откуда-же вамъ знать? Хотя здѣсь муха пролетитъ — и уже извѣстно: таково мѣстечко! Но я васъ однако-же предупредилъ, и вы можете быть мнѣ благодарны. Ну, до свиданья—на томъ свѣтѣ, вѣроятно. Да вотъ еще что: я хоть и подличалъ предъ вами, потому... для чего-же я стану свое терять, разсудите на милость? Въ вашу пользу что-ли? Вѣдь я ей «Исповѣдь» мою посвятилъ (вы этого не знали?). Да еще какъ приняла-то! Хе-хе! Но ужь предъ нею-то я не подличалъ, предъ ней-то ужь ни въ чемъ не виноватъ; она-же меня осрамила и подвела... А, впрочемъ, и предъ вами не виноватъ ничѣмъ: если тамъ и упоминалъ на счетъ этихъ «объѣдковъ» и все въ этомъ смыслѣ, то зато теперь вамъ и день, и часъ, и адресъ свиданія сообщаю, и всю эту игру открываю... съ досады, разумѣется, а не изъ великодушія. Прощайте, я болтливъ какъ зайка, или какъ чахоточный; смотрите-же, принимайте мѣры и скорѣе, если вы только стоите названія человѣческаго. Свиданіе сегодня по вечеру, это вѣрно.

Ипполитъ направился къ двери, но князь крикнулъ ему, и тотъ остановился въ дверяхъ.

— Стало быть, Аглая Ивановна, по вашему, сама придетъ сегодня къ Настасьѣ Филипповнѣ? спросилъ князь. Красныя пятна выступили на щекахъ и на лбу его.

— Въ точности не знаю, но, вѣроятно, такъ, отвѣтилъ Ипполитъ

лить полуоглядываясь: — да иначе, впрочемъ, и не можетъ быть. Не Настасья-же Филипповна къ ней? Да и не у Ганечки-же: у того у самого почти покойникъ. Генералъ-то каковъ?

— Ужь по одному этому быть не можетъ! подхватилъ князь.— Какъ-же она выйдетъ, если-бы даже и хотѣла? Вы не знаете... обычаевъ въ этомъ домѣ: она не можетъ отлучиться одна къ Настасьѣ Филипповнѣ; это вздоръ!

— Вотъ видите, князь: никто не прыгаетъ изъ окошекъ, а случись пожаръ, такъ, пожалуй, и первѣйшій джентльменъ и первѣйшая дама выпрыгнетъ изъ окошка. Коли ужь придетъ нужда, такъ нечего дѣлать, и къ Настасьѣ Филипповнѣ наша барышня отправится. А развѣ ихъ тамъ никуда не выпускаютъ, вашихъ барышень-то?

— Нѣтъ, я не про то...

— А не про то, такъ ей стоитъ только сойдти съ крыльца и пойдти прямо, а тамъ хоть и не возвращаться домой. Есть случаи что и корабли сжигать иногда можно, и домой можно даже не возвращаться: жизнь не изъ одинхъ завтраковъ, да обѣдовъ, да князей Щ. состоитъ. Мнѣ кажется, вы Аглаю Ивановну за барышню или за пансіонерку какую-то принимаете: я уже про это ей говорилъ; она, кажется, согласилась. Ждите часовъ въ семь или въ восемь... Я-бы на вашемъ мѣстѣ послалъ туда посторожить, чтобъ ужь такъ ровно ту минуту улучить когда она съ крыльца сойдетъ. Ну, хоть Колю пошлите: онъ съ удовольствіемъ пошпіонитъ, будьте увѣрены, для васъ, то есть... потому что все вѣдь это относительно... Ха-ха!

Ипполитъ вышелъ. Князю не для чего было просить кого нибудь шпіонить, если-бы даже онъ былъ и способенъ на это. Приказаніе ему Аглаи сидѣть дома теперь почти объяснялось: можетъ быть, она хотѣла за нимъ зайдти. Правда, можетъ быть, она именно не хотѣла, чтобъ онъ туда попалъ, а потому и велѣла ему дома сидѣть... Могло быть и это. Голова его кружилась; вся комната ходила кругомъ. Онъ легъ на диванъ и закрылъ глаза.

Такъ или этакъ, а дѣло было рѣшительное, окончательное. Нѣтъ, князь не считалъ Аглаю за барышню или за пансіонерку: онъ чувствовалъ теперь, что давно уже боялся и именно чего нибудь въ этомъ родѣ; но для чего она хочетъ ее видѣть? Озноб проходилъ по всему тѣлу его: опять онъ былъ въ лихорадкѣ.

Нѣтъ, онъ не считалъ ее за ребенка! Его ужасали иные взгляды ея въ послѣднее время, иныя слова. Иной разъ ему казалось, что она какъ-бы ужь слишкомъ крѣпилась, слишкомъ сдерживалась. И онъ припоминалъ, что это его пугало. Правда, во всѣ эти дни онъ

старался не думать объ этомъ, гнать тяжелыя мысли. но что таилось въ этой душѣ? Этотъ вопросъ давно его мучилъ, хотя онъ и вѣрилъ въ эту душу. И вотъ все это должно было разрѣшиться и обнаружиться сегодня-же. Мысль ужасная! И опять— эта женщина ! Почему ему всегда казалось, что эта женщина явится именно въ самый послѣдній моментъ и разорветъ всю судьбу его какъ гнилую нитку? Что ему всегда казалось это, въ этомъ онъ готовъ былъ теперь поклясться, хотя былъ почти въ полубреду. Если онъ старался забыть *о ней* въ послѣднее время, то единственно потому, что боялся ея. Что-же: любилъ онъ эту женщину, или ненавидѣлъ? Этого вопроса онъ ни разу не задалъ себѣ сегодня: тутъ сердце его было чисто: онъ зналъ кого онъ любилъ... Онъ не столько свиданія ихъ обѣихъ боялся, не страшности, не причины этого свиданія, ему неизвѣстной, не разрѣшенія его чѣмъ-бы то ни было,— онъ самой Настасьи Филипповны боялся. Онъ вспомнилъ уже потомъ, чрезъ нѣсколько дней, что въ эти лихорадочные часы почти все время представлялись ему ея глаза, ея взглядъ, слышались ея слова — странныя какія-то слова. Хотъ и не много потомъ осталось у него въ памяти послѣ этихъ лихорадочныхъ и тоскливыхъ часовъ. Едва запомнилъ онъ, напримѣръ, какъ Вѣра принесла ему обѣдать, и онъ обѣдалъ, не помнилъ, спалъ-ли онъ послѣ обѣда или нѣтъ? Онъ зналъ только, что началъ совершенно ясно все отличать въ этотъ вечеръ только съ той минуты, когда Аглая вдругъ вошла къ нему на террасу и онъ вскочилъ съ дивана и вышелъ на середину комнаты ее встрѣтить: было четверть восьмаго. Аглая была одна одинешенька, одѣта просто и какъ-бы наскоро, въ легонькомъ бурнусикѣ. Лицо ея было блѣдно какъ и давеча, а глаза сверкали яркимъ и сухимъ блескомъ: такого выраженія глазъ онъ никогда не зналъ у нея. Она внимательно его оглядѣла.

— Вы совершенно готовы, замѣтила она тихо и какъ-бы спокойно,— одѣты, и шляпа въ рукахъ: стало быть, васъ предупредили, и я знаю кто: Ипполитъ?

— Да, онъ мнѣ говорилъ... пробормоталъ князь, почти полумертвый.

— Пойдемте-же: вы знаете, что вы должны меня сопровождать непремѣнно. Вы вѣдь на столько въ силахъ, я думаю, чтобы выйти?

— Я въ силахъ, но... развѣ это возможно?

Онъ оборвался въ одно мгновеніе и уже ничего не могъ выговорить болѣе. Это была единственная попытка его остановить безумную, а затѣмъ онъ самъ пошелъ за нею какъ невольникъ. Какъ ни были смутны его мысли, онъ все-таки понималъ, что она и безъ него пойдетъ *туда*, а, стало быть, онъ во всякомъ случаѣ долженъ

быть идти за нею. Онъ угадывалъ какой силы ея рѣшимость: не ему было остановить этотъ дикій порывъ. Они шли молчаливо, всю дорогу почти не сказали ни слова. Онъ только замѣтилъ, что она хорошо знаетъ дорогу, и когда хотѣлъ было обойдти однимъ переулкомъ подальше, потому что тамъ дорога была пустынѣе, и предложилъ ей это, она выслушала, какъ-бы напрягая вниманіе, и отрывисто отвѣтила: «все равно!» Когда они уже почти вышли подошли къ дому Дарьи Алексѣевны (большому и старому деревянному дому), съ крыльца вышла одна нищая барыня и съ нею молодая дѣвица: обѣ сѣли въ ожидавшую у крыльца великолѣпную коляску, громко смѣясь и разговаривая, и ни разу даже и не взглянули на подходившихъ, точно и не примѣтили. Только что коляска отъѣхала, дверь тотчасъ-же отворилась въ другой разъ, и подсидавшій Рогожинъ впустилъ князя и Аглаю и заперъ за ними дверь.

— Во всемъ домѣ никого теперь кромѣ насъ вчетверомъ, замѣтилъ онъ вслухъ, и страшно посмотрѣлъ на князя.

Въ первой-же комнатѣ ждала и Настасья Филипповна, тоже одѣтая весьма просто и вся въ черномъ; она встала на встрѣчу, но не улыбнулась и даже князю не подала руки.

Пристальный и безпокойный ея взглядъ нетерпѣливо устремился на Аглаю. Обѣ сѣли поодаль одна отъ другой. Аглая на диванъ въ углу комнаты, Настасья Филипповна у окна. Князь и Рогожинъ не садились, да ихъ и не пригласили садиться. Князь съ недоумѣніемъ и какъ-бы съ болью сталъ поглядѣть на Рогожина, но тотъ улыбался все прежнею своею улыбкой. Молчаніе продолжалось еще нѣсколько мгновеній.

Какое-то злобное ощущеніе прошло, наконецъ, по лицу Настасьи Филипповны; взглядъ ея становился упоренъ, твердъ и почти ненавистенъ, ни на одну минуту не отрывался онъ отъ гостьи. Аглая видимо была смущена, но не робѣла. Войдя, она едва взглянула на свою соперницу, и покамѣсть все время сидѣла потупивъ глаза, какъ-бы въ раздумьи. Раза два, какъ-бы нечаянно, она окинула взглядомъ комнату: отвращеніе видимо изобразилось въ ея лицѣ, точно она боялась здѣсь замараться. Она машинально оправляла свою одежду и даже съ безпокойствомъ перемѣнила одинъ мѣсто, подвигаясь къ углу дивана. Врядъ-ли она и сама сознавала всѣ свои движенія; но безсознательность еще усыпляла ихъ общую. Наконецъ, она твердо и прямо поглядѣла въ глаза Настасьи Филипповны и тотчасъ-же ясно прочла все что̀ сверкало въ озлобившемся взглядѣ ея соперницы. Женщина поняла женщину: Аглая вздрогнула.

— Вы, конечно, знаете, зачѣмъ я васъ пригласила, выговорила

она, наконецъ, но очень тихо и даже остановившись раза два на этой коротенькой фразѣ.

— Нѣтъ, ничего не знаю, отвѣтила Настасья Филипповна сухо и отрывисто.

Аглая покраснѣла. Можетъ быть, ей вдругъ показалось ужасно странно и невѣроятно, что она сидитъ теперь съ этою женщиной, въ домѣ этой женщины, и нуждается въ ея отвѣтѣ. При первыхъ звукахъ голоса Настасьи Филипповны какъ-бы содроганіе прошло по ея тѣлу. Все это, конечно, очень хорошо замѣтила эта женщина».

— Вы все понимаете... но вы нарочно дѣлаете видъ будто не понимаете,—почти процентала Аглая, угрюмо смотря въ землю.

— Для чего-же-бы это? чуть-чуть усмѣхнулась Настасья Филипповна.

— Вы хотите воспользоваться моимъ положеніемъ... что я у васъ въ домѣ, смѣшно и неловко продолжала Аглая.

— Въ этомъ положеніи виноваты вы, а не я! вспыхнула вдругъ Настасья Филипповна: —не вы мною приглашены, а я вами, и до сихъ поръ не знаю зачѣмъ?

Аглая надменно подняла голову:

— Удержите вашъ языкъ: я не этимъ вашимъ оружіемъ пришла съ вами сражаться...

— А! Стало быть, вы все-таки пришли сражаться? Представьте, я однако-же думала, что вы... остроумнѣе...

Обѣ смотрѣли одна на другую уже не скрывая злобы. Одна изъ этихъ женщинъ была та самая, которая еще такъ недавно писала къ другой такія письма. И вотъ все разсѣялось отъ первой встрѣчи и съ первыхъ словъ. Что-же? Въ эту минуту, казалось, никто изъ всѣхъ четверыхъ находившихся въ этой комнатѣ и не находилъ этого страннымъ. Князь, который еще вчера не повѣрилъ-бы возможности увидѣть это даже во снѣ, теперь стоялъ, смотрѣлъ и слушалъ, какъ-бы все это онъ давно уже предчувствовалъ. Самый фантастическій сонъ обратился вдругъ въ самую яркую и рѣзко обозначившуюся дѣйствительность. Одна изъ этихъ женщинъ до того уже презирала въ это мгновеніе другую и до того желала ей это высказать (можетъ быть, и приходила-то только для этого, какъ выразился на другой день Рогожинъ), что какъ ни фантастична была эта другая, съ своимъ разстроеннымъ умомъ и больною душой, никакая заранѣе предвзятая идея не устояла-бы, казалось, противъ ядовитаго, чисто женскаго презрѣнія ея соперницы. Князь былъ увѣренъ, что Настасья Филипповна не заговоритъ сама о письмахъ: по сверкающимъ взглядамъ ея онъ догадался чего мо-

гуть ей стоить теперь эти письма: но онъ отдалъ-бы полжизни чтобы не заговаривала о нихъ теперь и Аглая.

Но Аглая вдругъ какъ-бы скрѣпилась и разомъ овладѣла собой.

Вы не такъ поняли, сказала она,—я съ вами не пришла... сориться, хотя я васъ не люблю. Я... я пришла къ вамъ... съ человѣческою рѣчью. Призывая васъ, я уже рѣшила о чемъ буду вамъ говорить, и отъ рѣшенія не отступилось, хотя-бы вы и совсѣмъ меня не поняли. Тѣмъ для васъ будетъ хуже, а не для меня. Я хотѣла вамъ отвѣтить на то, что вы мнѣ писали и отвѣтить лично, потому что мнѣ это казалось удобнѣе. Выслушайте-же мой отвѣтъ на всѣ ваши письма: мнѣ стало жаль князя Льва Николаевича въ первый разъ въ тотъ самый день, когда я съ нимъ познакомилась и когда потомъ узнала обо всемъ, что произошло на вашемъ вечерѣ. Мнѣ потому его стало жаль, что онъ такой простодушный человѣкъ и по простотѣ своей повѣрилъ, что можетъ быть счастливъ... съ женщиной... такого характера. Чего я боялась за него, то и случилось: вы не могли его полюбить, измучили его и кинули. Вы потому его не могли любить, что слишкомъ горды... нѣтъ, не горды, я ошиблась, а потому что вы тщеславны... даже и не это: вы себялюбивы до... сумасшествія, чему доказательствомъ служатъ и ваши письма ко мнѣ. Вы его, такого простаго, не могли полюбить, и даже, можетъ быть, про себя презирали и смѣялись надъ нимъ, могли полюбить только одинъ свой позоръ и безпрерывную мысль о томъ, что вы опозорены и что васъ оскорбили. Будь у васъ меньше позору, или не будь его вовсе, вы были-бы несчастнѣе... (Аглая съ наслажденіемъ выговаривала эти слишкомъ уже посѣянно выскакивавшія, но давно уже приготовленныя и обдуманныя слова, тогда еще обдуманныя, когда и во снѣ не представлялось теперешняго свиданія: она ядовитымъ взглядомъ слѣдила за эффектомъ ихъ на искаженномъ отъ волненія лицѣ Настасьи Филипповны). Вы помните, продолжала она,—тогда онъ написалъ мнѣ письмо: онъ говоритъ, что вы про это письмо знаете и даже читали его? Но этому письму я все поняла и вѣрно поняла: онъ недавно мнѣ подтвердилъ это самъ, то есть все, что я теперь вамъ говорю, слово въ слово даже. Послѣ письма я стала ждать. Я угадала, что вы должны пріѣхать сюда, потому что вамъ нельзя-же быть безъ Петербурга: вы еще слишкомъ молоды и хороши собой для провинціи... Впрочемъ, это тоже не мои слова, прибавила она ужасно покраснѣвъ, и съ этой минуты краска уже не сходила съ ея лица, вплоть до самаго окончанія рѣчи.—Когда я увидѣла опять князя, мнѣ стало ужасно за него больно и обидно. Не смѣйтесь: если вы будете смѣяться, то вы недостойны это понять...

— Вы видите, что я не смѣюсь, грустно и строго проговорила Настасья Филипповна.

— Впрочемъ, мнѣ все равно, смѣйтесь какъ вамъ угодно. Когда я стала его спрашивать сама, онъ мнѣ сказалъ, что давно уже васъ не любитъ, что даже воспоминаніе о васъ ему мучительно, но что ему васъ жаль, и что когда онъ припоминаетъ о васъ, то его сердце точно пронзено на вѣки. Я вамъ должна еще сказать, что я ни одного человѣка не встрѣчала въ жизни подобнаго ему по благородному простодушію и безграничной довѣрчивости. Я догадалась послѣ его словъ, что всякій кто захочетъ, тотъ и можетъ его обмануть и кто-бы ни обманулъ его, онъ потомъ всякому проститъ, и вотъ за это-то я его и полюбила...

Аглая остановилась на мгновеніе, какъ-бы пораженная, какъ-бы самой себѣ не вѣря, что она могла выговорить такое слово; но въ тоже время почти безпредѣльная гордость засверкала въ ея взглядѣ: казалось, ей теперь было уже все равно, хотя-бы даже эта женщина засмѣялась сейчасъ надъ вырвавшимся у нея признаніемъ.

— Я вамъ все сказала, и ужь, конечно, вы теперь поняли чего я отъ васъ хочу?

— Можетъ быть, и поняла, но скажите сами, тихо отвѣтила Настасья Филипповна.

Гнѣвъ загорѣлся въ лицѣ Аглаи.

— Я хотѣла отъ васъ узнать, твердо и раздѣльно произнесла она, —по какому праву вы вмѣшиваетесь въ его чувства ко мнѣ? По какому праву вы осмѣлились ко мнѣ писать письма? По какому праву вы заявляете помимутно, ему и мнѣ, что вы его любите, послѣ того, какъ сами-же его кинули и отъ него съ такой обидой и... позоромъ убѣжали?

— Я не заявляла ни ему, ни вамъ, что его люблю, съ усиліемъ выговорила Настасья Филипповна. — и... вы правы. я отъ него убѣжала... прибавила она едва слышно.

— Какъ не заявляли ни ему, ни мнѣ? вскричала Аглая; а письма-то ваши? Кто васъ просилъ насъ сватать и меня уговаривать идти за него? Развѣ это не заявленіе? Зачѣмъ вы къ намъ напрашиваетесь? Я сначала было подумала, что вы хотите, напротивъ, отвращеніе во мнѣ къ нему поселить тѣмъ что къ намъ замѣшались, и чтобъ я его бросила; и потомъ только догадалась въ чемъ дѣло: вамъ просто вообразилось, что вы высокій подвигъ дѣлаете всѣми этими кривляніями... Ну, могли-ли вы его любить, если такъ любите свое тщеславіе? Зачѣмъ вы просто не уѣхали отсюда, вмѣсто того чтобы мнѣ смѣшныя письма писать? Зачѣмъ вы не выходите теперь за благороднаго человѣка, который васъ такъ по-

бить и сдѣлать вамъ честь предложивъ свою руку? Слишкомъ ясно зачѣмъ: выйдете за Рогожина, какая-же тогда обида останется? Даже слишкомъ ужь много чести получите! Про васъ Евгеній Павлычъ сказалъ, что вы слишкомъ много поэмъ прочли и слишкомъ много образованы для вашего... положенія : что вы книжная женщина и бѣлоручка; прибавьте ваше тщеславіе, вотъ и всѣ ваши причины...

— А вы не бѣлоручка?

Слишкомъ поспѣшно, слишкомъ обнаженно дошло дѣло до такой неожиданной точки, неожиданной, потому что Настасья Филипповна, отправляясь въ Павловскъ, еще мечтала о чемъ-то, хотя, конечно, предполагала скорѣе дурное чѣмъ хорошее; Аглая-же рѣшительно была увлечена порывомъ въ одну минуту, точно падала съ горы, и не могла удержаться предъ ужаснымъ наслажденіемъ мщенія. Настасьѣ Филипповнѣ даже странно было такъ увидѣть Аглаю: она смотрѣла на нее и точно себѣ не вѣрила, и рѣшительно не нашлась въ первое мгновеніе. Была-ли она женщина прочитавшая много поэмъ, какъ предположилъ Евгеній Павловичъ, или просто была сумасшедшая, какъ увѣренъ былъ князь, во всякомъ случаѣ, эта женщина,—иногда съ такими цинническими и дерзкими пріемами,— на самомъ дѣлѣ была гораздо стыдливѣе, нѣжнѣе и довѣрчивѣе чѣмъ-бы можно было о ней заключить. Правда, въ ней было много книжнаго, мечтательнаго, затворившагося въ себѣ, и фантастическаго, но за то сильнаго и глубокаго... Князь понималъ это; страданіе выразилось въ лицѣ его. Аглая это замѣтила и задрожала отъ ненависти.

— Какъ вы смѣете такъ обращаться ко мнѣ? проговорила она съ невыразимымъ высокомѣріемъ, отвѣчая на замѣчаніе Настасьи Филипповны.

— Вы, вѣроятно, ослышались, удивилась Настасья Филипповна. — Какъ обращалась я къ вамъ?

— Если вы хотѣли быть честною женщиной, такъ отчего вы не бросили тогда вашего обольстителя, Тоцкаго, просто... безъ театральныхъ представленій? сказала вдругъ Аглая, ни съ того ни съ сего.

— Что вы знаете о моемъ положеніи чтобы смѣть судить меня? вздрогнула Настасья Филипповна, ужасно побѣдивъ.

— Знаю то, что вы не пошли работать, а ушли съ богачомъ Рогожинымъ чтобы падшаго ангела изъ себя представить. Не удивляюсь, что Тоцкій отъ падшаго ангела застрѣлиться хотѣлъ!

— Оставьте! съ отвращеніемъ и какъ-бы чрезъ боль проговорила Настасья Филипповна: вы такъ-же меня поняли какъ... гор-

ничная Дарьи Алексѣевны, которая съ женихомъ своимъ намедни у мироваго судилась. Та-бы лучше васъ поняла...

Вѣроятно, честная дѣвушка и живетъ своимъ трудомъ. Почему вы-то съ такимъ презрѣніемъ относитесь къ горничной?

— Я не къ труду съ презрѣніемъ отношусь, а къ вамъ, когда вы объ трудѣ говорите.

Захотѣла быть честною, такъ въ прачки-бы шла.

Обѣ поднялись и блѣдныя смотрѣли другъ на друга.

— Аглая, остановитесь! Вѣдь это несправедливо, вскричалъ князь какъ потерянный. Рогожинъ уже не улыбался, но слушалъ сжавъ губы и скрестивъ руки.

— Вотъ, смотрите на нее, говорила Настасья Филипповна, дрожа отъ озлобленія, — на эту барышню! И я ее за ангела почитала! Вы безъ гувернантки ко мнѣ пожаловали, Аглая Ивановна?.. А хотите... хотите я вамъ скажу сейчасъ прямо, безъ прикрасъ, зачѣмъ вы ко мнѣ пожаловали? Струсили, оттого и пожаловали.

— Васъ струсила? спросила Аглая, внѣ себя отъ нашлаго и дерзкаго изумленія, что та смѣла съ нею такъ заговорить.

— Конечно, меня! Меня боитесь, если рѣшились ко мнѣ придти. Кого боишься, того не презираешь. И подумать, что я васъ уважала, даже до этой самой минуты! А знаете, почему вы боитесь меня и въ чемъ теперь ваша главная цѣль? Вы хотѣли сами лично удостовѣриться: больше-ли онъ меня чѣмъ васъ любитъ или нѣтъ, потому что вы ужасно ревнуете...

— Онъ мнѣ уже сказалъ, что васъ ненавидитъ... едва пролепетала Аглая.

— Можетъ быть: можетъ быть, я и не стою его, только... только солгали вы, я думаю! Не можетъ онъ меня ненавидѣть, и не могъ онъ такъ сказать! Я, впрочемъ, готова вамъ простить... во вниманіе къ вашему положенію... только все-таки я о васъ лучше думала: думала, что вы и умнѣе, да и получше даже собою, ей Богу!.. Ну, возьмите-же ваше сокровище... вотъ онъ, на васъ глядитъ, опомниться не можетъ, берите его себѣ, но подъ условіемъ: ступайте сейчасъ-же прочь! Сію-же минуту!..

Она упала въ кресло и залилась слезами. Но вдругъ что-то новое забрезжило въ глазахъ ея; она пристально и упорно посмотрѣла на Аглаю, и встала съ мѣста:

— А хочешь я сейчасъ... при-ка-жу, слышишь-ли? только ему при-ка-жу, и онъ тотчасъ-же броситъ тебя и останется при мнѣ навсегда, и женится на мнѣ, а ты побѣжишь домой одна? Хочешь, хочешь? крикнула она какъ безумная, можетъ быть, почти сама не вѣря, что могла выговорить такія слова.

Аглая въ испугѣ бросилась было къ дверямъ, но остановилась въ дверяхъ, какъ-бы прикованная, и слушала.

— Хочешь, я прогоню Рогожина? Ты думала, что я ужь и повѣнчалась съ Рогожинымъ для твоего удовольствія? Вотъ сейчасъ при тебѣ крикну: Уйди, Рогожинъ! а князю скажу: помнишь, что ты обѣщалъ? Господи! Для чего-же я себя такъ унизила предъ ними? Да не ты-ли-же, князь, меня самъ увѣрялъ, что пойдешь за мною, что-бы ни случилось со мной, и никогда меня не покинешь; что ты меня любишь и все мнѣ прощаешь и меня у... ува... Да, ты и это говорилъ! И я чтобы только тебя развязать отъ тебя убѣжала, а теперь не хочу! За что она со мной какъ съ безпутной поступила? Безпутная-ли я, спроси у Рогожина, онъ тебѣ скажетъ! Теперь, когда она опозорила меня, да еще въ твоихъ-же глазахъ, и ты отъ меня отвернешься, а ее подъ ручку съ собой уведешь? Да будь-же ты проклятъ послѣ того, за то что я въ тебя одного повѣрила. Уйди, Рогожинъ, тебя не нужно! кричала она почти безъ памяти, съ усиліемъ выпуская слова изъ груди, съ исказившимся лицомъ и съ запекшимися губами, очевидно, сама не вѣря ни на каплю своей фанфаронадѣ, но въ тоже время хоть секунду еще желая продлить мгновеніе и обмануть себя. Порывъ былъ такъ силенъ, что, можетъ быть, она-бы и умерла, такъ, по крайней мѣрѣ, показалось князю.—Вотъ онъ, смотри! прокричала она, наконецъ Аглаѣ, указывая рукой на князя:—если онъ сейчасъ не подойдетъ ко мнѣ, не возьметъ меня и не броситъ тебя, то бери-же его себѣ, уступаю, мнѣ его не надо!..

И она, и Аглая остановились какъ-бы въ ожиданіи, и обѣ какъ помѣшанныя смотрѣли на князя. Но онъ, можетъ быть, и не понималъ всей силы этого вызова, даже навѣрно можно сказать. Онъ только видѣлъ предъ собой отчаянное, безумное лицо, отъ котораго, какъ проговорился онъ разъ Аглаѣ, у него произведено навсегда сердце—. Онъ не могъ болѣе вынести и съ мольбой и упрекомъ обратился къ Аглаѣ, указывая на Настасью Филипповну:

— Развѣ это возможно! Вѣдь она... такая несчастная!

Но только это и успѣлъ выговорить, онѣмѣвъ подъ ужаснымъ взглядомъ Аглаи. Въ этомъ взглядѣ выразилось столько страданія и въ тоже время безконечной ненависти, что онъ всплеснулъ руками, вскрикнулъ и бросился къ ней, но уже было поздно. Она не перенесла даже и мгновенія его колебанія, закрыла руками лицо, вскрикнула: ахъ, Боже мой!— и бросилась вонъ изъ комнаты. за ней Рогожинъ, чтобъ отомкнуть ей задвижку у дверей на улицу.

Побѣжалъ и князь, но на порогѣ обхватили его руками. Хох-

тое, искаженное лицо Настасьи Филипповны глядѣло на него въ упоръ, и посинѣвшія губы шевелились, спрашивая:

— За ней? За ней?..

Она упала безъ чувствъ ему на руки. Онъ поднялъ ее, внесъ въ комнату, положилъ въ кресла и сталъ надъ ней въ тупомъ ожиданіи. На столикѣ стоялъ стаканъ съ водой: воротившійся Рогожинъ схватилъ его и брызнулъ ей въ лицо воды: она открыла глаза и съ минуту ничего не понимала: но вдругъ осмотрѣлась, вздрогнула и бросилась къ князю.

— Мой! Мой! вскричала она:—унила гордая барышня? Ха! ха! ха! смѣялась она въ истерикѣ:—ха! ха! ха! Я его этой барышнѣ отдавала! Да зачѣмъ? Для чего? Сумасшедшая! Сумасшедшая!.. Поди прочь, Рогожинъ, ха! ха! ха!

Рогожинъ пристально посмотрѣлъ на нихъ, не сказалъ ни слова, взялъ свою шляпу и вышелъ. Чрезъ десять минутъ князь сидѣлъ подлѣ Настасьи Филипповны, не отрываясь смотрѣлъ на нее, и гладилъ ее по головкѣ и по лицу обѣими руками, какъ малое дитя. Онъ хохоталъ на ея хохотъ и готовъ былъ плакать на ея слезы. Онъ ничего не говорилъ, но пристально вслушивался въ ея порывистый, восторженный и безсвязный лепетъ, вѣдь-ли понималъ что нибудь, но тихо ублажался, и чуть только ему казалось, что она начинала опять тосковать или плакать, упрекать или жаловаться, тотчасъ-же начиналъ ее опять гладить по головкѣ и нѣжно водить руками по ея щекамъ, утѣшая и уговаривая ее какъ ребенка.

IX.

Прошло двѣ недѣли послѣ событія, разсказаннаго въ послѣдней главѣ, и положеніе дѣйствующихъ лицъ нашего разсказа до того измѣнилось, что намъ чрезвычайно трудно приступать къ продолженію безъ особыхъ объясненій. И однако мы чувствуемъ, что должны ограничиться простымъ изложеніемъ фактовъ, по возможности, безъ особыхъ объясненій, и по весьма простой причинѣ: потому что сами, во многихъ случаяхъ, затрудняемся объяснить происшедшее. Такое предувѣдомленіе съ нашей стороны должно показаться весьма страннымъ и неяснымъ читателю: какъ разсказывать то о чемъ не имѣешь ни яснаго понятія, ни личнаго мнѣнія? Чтобы не ставить себя еще въ болѣе фальшивое положеніе, лучше постараемся объясниться на примѣрѣ и, можетъ быть, бла-

госклонный читатель поймет въ чемъ именно мы затрудняемся, тѣмъ болѣе, что этотъ примѣръ не будетъ отступленіемъ, а, напротивъ, прямымъ и непосредственнымъ продолженіемъ разсказа.

Двѣ недѣли спустя, то есть уже въ началѣ іюля, и въ продолженіе этихъ двухъ недѣль, исторія нашего героя и особенно послѣднее приключеніе этой исторіи, обращаются въ странный, весьма увеселительный, почти невѣроятный и въ тоже время почти наглядный анекдотъ, распространяющійся мало-по-малу по всѣмъ улицамъ, сосѣднимъ съ дачами Лебедева, Птицына, Дарьи Алексѣевны, Епанчиныхъ, короче сказать, почти по всему городу и даже по окрестностямъ его. Почти все общество,—туземцы, дачники, пріѣзжающіе на музыку,—всѣ принялись разсказывать одну и ту-же исторію, на тысячу разныхъ варіацій, о томъ какъ одинъ князь, произведя скандалъ въ честномъ и извѣстномъ домѣ и отказавшись отъ дѣвицы изъ этого дома, уже невѣсты своей, увлекся извѣстною лоретки, порвалъ всѣ прежнія связи и, не смотря ни на что, не смотря на угрозы, не смотря на всеобщее негодованіе публики, намѣревается обвѣнчаться на дняхъ съ опозоренною женщиной, здѣсь-же въ Павловскѣ, открыто, публично, поднявъ голову и смотря всѣмъ прямо въ глаза. Анекдотъ до того становился изукрашенъ скандалами, до того много вмѣшано было въ него извѣстныхъ и значительныхъ лицъ, до того придано было ему разныхъ фантастическихъ и загадочныхъ оттѣнковъ, а съ другой стороны онъ представлялся въ такихъ неопровержимыхъ и наглядныхъ фактахъ, что всеобщее любопытство и сплетни были, конечно, очень извинительны. Самое тонкое, хитрое и въ тоже время правдоподобное толкованіе оставалось за нѣсколькими серіозными сплетниками, изъ того слоя разумныхъ людей, которые всегда, въ каждомъ обществѣ, спѣшатъ прежде всего уяснить другимъ событіе, въ чемъ находятъ свое призваніе, а нерѣдко и утѣшеніе. По ихъ толкованію, молодой человѣкъ, хорошей фамиліи, князь, почти богатый, дурачокъ, но демократъ и помѣшавшійся на современномъ нигилизмѣ, обнаруженномъ господиномъ Тургеневымъ, почти неумѣющій говорить по русски, влюбился въ дочь генерала Епанчина и достигъ того, что его приняли въ домъ какъ жениха. Но подобно тому французу-семинаристу, о которомъ только что напечатанъ былъ анекдотъ, и который нарочно допустилъ посвятить себя въ санъ священника, нарочно самъ просилъ этого посвященія, исполнилъ всѣ обряды, всѣ поклоненія, лобызанія, клятвы и пр., чтобы на другой-же день публично объявить письмомъ своему епископу, что онъ, не вѣруя въ Бога, считаетъ безчестнымъ обманывать народъ и кормиться отъ него даромъ, а потому слагаетъ съ себя вчерашній санъ, а

письмо свое печатаетъ въ либеральныхъ газетахъ,—подобно этому атеисту сфальшивилъ будто-бы въ своемъ родѣ и князь. Разсказывали, будто онъ нарочно ждалъ торжественнаго званаго вечера у родителей своей невѣсты, на которомъ онъ былъ представленъ весьма многимъ значительнымъ лицамъ, чтобы всѣхъ и при всѣхъ заявить свой образъ мыслей, обругать почтенныхъ сановниковъ, отказаться отъ своей невѣсты публично и съ оскорбленіемъ, и, сопротивляясь выводившимъ его слугамъ, разбить прекрасную китайскую вазу. Къ этому прибавляли, въ видѣ современной характеристики нравовъ, что безтолковый молодой человѣкъ дѣйствительно любилъ свою невѣсту, генеральскую дочь, но отказался отъ нея единственно изъ нигилизма и ради предстоящаго скандала, чтобы не отказать себѣ въ удовольствіи жениться предъ всѣмъ свѣтомъ на потерянной женщинѣ и тѣмъ доказать, что въ его убѣжденіи нѣтъ ни потерянныхъ, ни добродѣтельныхъ женщинъ, а есть только одна свободная женщина; что онъ въ свѣтское и старое раздѣленіе не вѣритъ, а вѣруетъ въ одинъ только женскій вопросъ. Что, наконецъ, потерянная женщина въ глазахъ его даже еще нѣсколько выше тѣмъ непотерянная. Это объясненіе показалось весьма вѣроятнымъ и было принято большинствомъ дачниковъ, тѣмъ болѣе, что подтверждалось ежедневными фактами. Правда, множество вещей оставались неразъясненными: разсказывали, что бѣдная дѣвушка до того любила своего жениха, но нѣкоторымъ— обольстителя, что прибѣгала къ нему на другой-же день какъ онъ ее бросилъ и когда онъ сидѣлъ у своей любовницы: другіе увѣряли, напротивъ, что она имъ-же была нарочно завлечена къ любовницѣ, единственно изъ нигилизма, то есть для срама и оскорбленія. Какъ-бы то ни было, а интересъ событія возрасталъ ежедневно, тѣмъ болѣе, что не оставалось ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что скандальная свадьба дѣйствительно совершится.

И вотъ, если-бы спросили у насъ разъясненія, — не на счетъ нигилистическихъ оттѣнковъ событія, а просто лишь на счетъ того, въ какой степени удовлетворяетъ назначенная свадьба дѣйствительнымъ желаніямъ князя, въ чемъ именно состоятъ въ настоящую минуту эти желанія, какъ именно опредѣлить состояніе духа нашего героя въ настоящій моментъ, и прочее, и прочее въ этомъ-же родѣ, то мы, признаемся, были-бы въ большомъ затрудненіи отвѣтить. Мы знаемъ только одно, что свадьба назначена дѣйствительно и что самъ князь уполномочилъ Лебедева, Келлера и какого-то знакомаго Лебедева, котораго тотъ представилъ князю на этотъ случай, принять на себя всѣ хлопоты по этому дѣлу, какъ церковныя, такъ и хозяйственныя: что денегъ велѣно было не жалѣть, что то-

роила и настаивала на свадьбѣ Настасья Филипповна: что шафе-ромъ князя назначенъ былъ Келлеръ, по собственной его пламен-ной просьбѣ, а къ Настасьѣ Филипповнѣ—Бурдовскій, принявшій это назначеніе съ восторгомъ, и что день свадьбы назначенъ былъ въ началѣ іюля. Но кромѣ этихъ, весьма точныхъ, обстоятельствъ, намъ извѣстны и еще нѣкоторые факты, которые рѣшительно насъ сбиваютъ съ толку, именно потому, что противорѣчатъ съ предъ-идущими. Мы крѣпко подозрѣваемъ, напримѣръ, что, уполномочивъ Лебедева и прочихъ принять на себя всѣ хлопоты, князь чуть-ли не забылъ въ тотъ-же самый день, что у него есть и церемоній-мейстеръ, и шафера, и свадьба, и что если онъ и распорядился поскорѣе, передавъ другимъ хлопоты, то единственно для того, чтобъ ужъ самому и не думать объ этомъ и даже, можетъ быть, поско-рѣе забыть объ этомъ. О чемъ-же думалъ онъ самъ, въ такомъ случаѣ, о чемъ хотѣлъ помнить и къ чему стремился? Сомнѣнія нѣтъ тоже, что тутъ не было надъ нимъ никакого насилія (со сто-роны, напримѣръ, Настасьи Филипповны), что Настасья Филипповна дѣйствительно непремѣнно пожелала скорби свадьбы, и что она свадьбу выдумала, а вовсе не князь; но князь согласился свобод-но: даже какъ-то разсѣянно и въ родѣ того какъ если-бы попросили у него какую нибудь довольно обыкновенную вещь. Такихъ странныхъ фактовъ предъ нами очень много, но они не только не разъясняютъ, а, по нашему мнѣнію, даже затемняютъ истолкованіе дѣла, сколько-бы ихъ ни приводили; но однако представимъ еще примѣръ.

Такъ, намъ совершенно извѣстно, что въ продолженіи этихъ двухъ недѣль князь цѣлые дни и вечера проводилъ вмѣстѣ съ На-стасьей Филипповной, что она брала его съ собой на прогулки, на музыку; что онъ разъѣзжалъ съ нею каждый день въ колескѣ; что онъ начиналъ безпокоиться о ней, если только часъ не видѣлъ ея, (стало быть, по всѣмъ признакамъ, любилъ ее искренно); что слу-шалъ ее съ тихою и кроткою улыбкой, о чемъ-бы она ему ни го-ворила, по цѣлымъ часамъ, и самъ ничего почти не говоря. Но мы знаемъ также, что онъ, въ эти-же дни, нѣсколько разъ, и даже много разъ, вдругъ отправлялся къ Епанчинымъ, не скрывая этого отъ Настасьи Филипповны, отчего та приходила чуть не въ отчаяніе. Мы знаемъ что у Епанчиныхъ, пока они оставались въ Павловскѣ, его не принимали, въ свиданіи съ Аглаей Ивановной ему постоянно отказывали; что онъ уходилъ ни слова не говоря, а на другой-же день шелъ къ нимъ опять, какъ-бы совершенно позабывъ о вче-рашнемъ отказѣ и, разумѣется, получалъ новый отказъ. Намъ извѣстно также, что часъ спустя послѣ того какъ Аглая Ивановна выѣзжала отъ Настасьи Филипповны, а, можетъ, даже и раньше

часу, князь уже былъ у Епанчиныхъ, конечно, въ увѣренности найдти тамъ Аглаю, и что появленіе его у Епанчиныхъ произвело тогда чрезвычайное смущеніе и страхъ въ домѣ, потому что Аглая домой еще не возвратилась и отъ него только въ первый разъ и услышали, что она уходила съ нимъ къ Настасьѣ Филипповнѣ. Разсказывали, что Лизавета Прокофьевна, дочери и даже князь Щ. обошлись тогда съ княземъ чрезвычайно жестко, непріязненно, и что тогда-же и отказали ему, въ горячихъ выраженіяхъ, и въ знакомствѣ, и въ дружбѣ, особенно когда Варвара Ардаліоновна вдругъ явилась къ Лизаветѣ Прокофьевнѣ и объявила, что Аглая Ивановна уже съ часъ какъ у ней въ домѣ, въ положеніи ужасномъ, и домой, кажется, идти не хочетъ. Это послѣднее извѣстіе поразило Лизавету Прокофьевну болѣе всего и было совершенно справедливо: выйдя отъ Настасьи Филипповны, Аглая дѣйствительно скорѣй согласилась-бы умереть чѣмъ показаться теперь на глаза своимъ домашнимъ, и потому кинулась къ Нинѣ Александровнѣ. Варвара-же Ардаліоновна тотчасъ нашла съ своей стороны необходимымъ увѣдомить обо всемъ этомъ, ни мало не медля, Лизавету Прокофьевну. И мать, и дочери, всѣ тотчасъ-же бросились къ Нинѣ Александровнѣ, за ними самъ отецъ семейства, Иванъ Ѳедоровичъ, только что явившійся домой; за ними-же поплелся и князь Левъ Николаевичъ, не смотря на изгнаніе и жесткія слова: но по распоряженію Варвары Ардаліоновны, его и тамъ не пустили къ Аглаѣ. Дѣло кончилось, впрочемъ, тѣмъ, что когда Аглая увидала мать и сестеръ плачущихъ надъ нею и нисколько ее не упрекающихъ, то бросилась къ нимъ въ объятія и тотчасъ-же воротилась съ ними домой. Разсказывали, хотя слухи были и не совершенно точные, что Гаврилѣ Ардаліоновичу и тутъ ужасно не посчастливилось: что, улучивъ время, когда Варвара Ардаліоновна бѣгала къ Лизаветѣ Прокофьевнѣ, онъ, наединѣ съ Аглаей, вздумалъ было заговорить о любви своей: что, слушая его, Аглая, не смотря на всю свою тоску и слезы, вдругъ расхохоталась и вдругъ предложила ему странный вопросъ: сожжетъ-ли онъ, въ доказательство своей любви, свой палецъ сейчасъ-же на свѣчкѣ? Гаврила Ардаліоновичъ былъ, говорили, опечаленъ предложеніемъ и до того не нашелся, выразить до того чрезвычайное недоумѣніе въ своемъ лицѣ, что Аглая расхохоталась на него какъ въ истерикѣ и убѣжала отъ него наверхъ къ Нинѣ Александровнѣ, гдѣ уже и нашли ее родители. Этотъ анекдотъ дошелъ до князя чрезъ Ипполита, на другой день. Уже не вставшій съ постели Ипполитъ нарочно послалъ за княземъ, чтобы передать ему это извѣстіе. Какъ дошелъ до Ипполита этотъ слухъ, намъ неизвѣстно, но когда и князь услышалъ о свѣчкѣ и о

нальцѣ, то разсмѣялся такъ, что даже удивилъ Ипполита; потомъ вдругъ задрожалъ и залился слезами... Вообще онъ былъ въ эти дни въ большомъ безпокойствѣ и въ необыкновенномъ смущеніи, неопредѣленномъ и мучительномъ. Ипполитъ утверждалъ прямо, что находитъ его не въ своемъ умѣ: но этого еще никакъ нельзя было сказать утвердительно.

Представляя всѣ эти факты и отказываясь ихъ объяснить, мы вовсе не желаемъ оправдать нашего героя въ глазахъ нашихъ читателей. Мало того, мы вполнѣ готовы раздѣлить и самое негодованіе, которое онъ возбудилъ къ себѣ даже въ друзьяхъ своихъ. Даже Вѣра Лебедева нѣкоторое время негодовала на него; даже Коля негодовалъ; негодовалъ даже Келлеръ, до того времени какъ выбранъ былъ въ шафера, не говоря уже о самомъ Лебедевѣ, который даже началъ интриговать противъ князя, и тоже отъ негодованія, и даже весьма искренняго. Но объ этомъ мы скажемъ послѣ. Вообще-же мы вполнѣ и въ высшей степени сочувствуемъ нѣкоторымъ, весьма сильнымъ и даже глубокимъ по своей психологіи словамъ Евгенія Павловича, которыя тотъ прямо и безъ церемоніи высказалъ князю, въ дружескомъ разговорѣ, на шестой или на седьмой день послѣ событія у Настасьи Филипповны. Замѣтимъ кстати, что не только сами Епанчины, но и всѣ принадлежавшіе прямо или косвенно къ дому Епанчиныхъ нашли нужнымъ совершенно порвать съ княземъ всякія отношенія. Князь Щ., напримѣръ, даже отвернулся встрѣтивъ князя и не отдалъ ему поклона. Но Евгеній Павловичъ не побоялся скомпрометтировать себя, посѣтивъ князя, не смотря на то, что опять сталъ бывать у Епанчиныхъ каждый день и былъ принятъ даже съ видимымъ усиленіемъ радушія. Онъ пришелъ къ князю ровно на другой день послѣ выѣзда всѣхъ Епанчиныхъ изъ Павловска. Входя, онъ уже зналъ обо всѣхъ распространившихся въ публикѣ слухахъ, даже, можетъ, и самъ имъ отчасти способствовалъ. Князь ему ужасно обрадовался и тотчасъ-же заговорилъ объ Епанчиныхъ: такое простодушное и прямое начало совершенно развязало и Евгенія Павловича, такъ что и онъ безъ обиняковъ приступилъ прямо къ дѣлу.

Князь еще и не зналъ, что Епанчины выѣхали: онъ былъ пораженъ, побѣдилъ: но чрезъ минуту покачалъ головой, въ смущеніи и въ раздумьи, и сознался что «такъ и должно было быть»; затѣмъ быстро освѣдомился куда-же выѣхали?

Евгеній Павловичъ между тѣмъ пристально его наблюдалъ, и все это, то есть быстрота вопросовъ, простодушіе ихъ, смущеніе и въ тоже время какая-то странная откровенность, безпокойствіе и возбужденіе,—все это не мало удивило его. Онъ, впрочемъ, любезно

и подробно сообщилъ обо всемъ князю: тотъ многаго еще не зналъ, и это былъ первый вѣстникъ изъ дома. Онъ подтвердилъ, что Аглая дѣйствительно была больна и трое сутокъ почти на пролетъ не спала всѣ ночи, въ жару: что теперь ей легче и она внѣ всякой опасности, но въ положеніи нервномъ, истерическомъ... Хорошо еще что въ домѣ полнѣйшій миръ! О прошедшемъ стараются не намекать даже и промежду себя, не только при Аглаѣ. Родители уже переговорили между собой о путешествіи за границу, осенью, тотчасъ послѣ свадьбы Аделаиды: Аглая молча приняла первыя заговариванія объ этомъ. Онъ, Евгеній Павловичъ, тоже, можетъ быть, за границу поѣдетъ. Даже князь Щ., можетъ быть, соберется, мѣсяца на два, съ Аделаидой, если позволятъ дѣла. Самъ генералъ останется. Переѣхали всѣ теперь въ Колмино, ихъ имѣніе, верстахъ въ двадцати отъ Петербурга, гдѣ помѣстительный господскій домъ. Бѣлокопская еще не уѣзжала въ Москву и даже, кажется, нарочно осталась. Лизавета Прокофьевна сильно настаивала на томъ, что нѣтъ возможности оставаться въ Павловскѣ послѣ всего происшедшаго: онъ, Евгеній Павловичъ, сообщалъ ей каждодневно о слухахъ по городу. На Елагинской дачѣ тоже не нашли возможнымъ поселиться.

— Ну, да и въ самомъ дѣлѣ, прибавилъ Евгеній Павловичъ,— согласитесь сами, можно-ли выдержать... особенно зная все что у васъ здѣсь ежечасно дѣлается, въ вашемъ домѣ, князь, и послѣ ежедневныхъ вашихъ посѣщеній *туда*, не смотря на отказы...

— Да, да, да, вы правы, я хотѣлъ видѣть Аглаю Ивановну... закачалъ опять головою князь.

— Ахъ, милый князь, воскликнулъ вдругъ Евгеній Павловичъ съ одушевленіемъ и съ грустью,—какъ могли вы тогда допустить... все что произошло? Конечно, конечно, все это было для васъ такъ неожиданно... Я согласенъ что вы должны были потеряться и... не могли-же вы остановить безумную дѣвушку, это было не въ вашихъ силахъ! Но вѣдь должны-же вы были понять до какой степени серіозно и сильно эта дѣвушка... къ вамъ относилась. Она не захотѣла дѣлиться съ другой, и вы... и вы могли покинуть и разбить такое сокровище!

— Да, да, вы правы: да, я виноватъ, заговорилъ опять князь въ ужасной тоскѣ,— и знаете: вѣдь она одна, одна только Аглая смотрѣла такъ на Настасью Филипповну... Остальные никто вѣдь такъ не смотрѣли.

— Да тѣмъ-то и возмутительно все это, что тутъ и серіознаго не было ничего! вскричалъ Евгеній Павловичъ рѣшительно увлекаясь.—Простите меня, князь, но... я... я думалъ объ этомъ, князь,

я много передумалъ: я знаю все что происходило прежде, я знаю все что было полгода назадъ. Все. И — все это было не серіозно! Все это было одно только головное увлеченіе, картина, фантазія, дымъ, и только одна испуганная ревность совершенно неопытной дѣвушки могла принять это за что-то серіозное!..

Тутъ Евгеній Павловичъ, уже совершенно безъ церемоніи, далъ волю всему своему негодованію. Разумно и ясно, и, повторяемъ, съ чрезвычайною даже психологіей, развернулъ онъ предъ княземъ картину всѣхъ бывшихъ собственныхъ отношеній князя къ Настасьѣ Филипповнѣ. Евгеній Павловичъ и всегда владѣлъ даромъ слова: теперь-же достигъ даже краснорѣчія. «Съ самаго начала», провозгласилъ онъ, «началось у васъ ложью: что ложью началось, то ложью и должно было кончиться: это законъ природы. Я не согласенъ, и даже въ негодованіи, когда васъ,—ну тамъ кто нибудь,— называютъ идіотомъ; вы слишкомъ умны для такого названія: но вы и на столько странны, чтобы не быть какъ всѣ люди, согласитесь сами. Я рѣшилъ, что фундаментъ всего происшедшаго составился, во первыхъ, изъ вашей, такъ сказать, врожденной неопытности (замѣтьте, князь, это слово: «врожденной»), потомъ изъ необычайнаго вашего простодушія; далѣе изъ феноменальнаго отсутствія чувства мѣры (въ чемъ вы нѣсколько разъ уже сознавались сами)— и, наконецъ, изъ огромной, наивной массы головныхъ убѣжденій, которыя вы, со всею необычайною честностью вашею, принимаете до сихъ поръ за убѣжденія истинныя, природныя и непосредственныя! Согласитесь сами, князь, что въ ваши отношенія къ Настасьѣ Филипповнѣ съ самаго начала легло нѣчто *условно-деликатическое* (я выражаюсь для краткости), такъ сказать, обаяніе женскаго вопроса (чтобы выразиться еще короче). Я вѣдь въ точности знаю всю эту странную скандальную сцену, происшедшую у Настасьи Филипповны, когда Рогожинъ принесъ свои деньги. Хотите, я разберу вамъ васъ самихъ какъ по пальцамъ, покажу вамъ васъ-же самаго какъ въ зеркалѣ, до такой точности я знаю въ чемъ было дѣло и почему оно такъ обернулось! Вы, юноша, жаждали въ Швейцаріи родины, стремились въ Россію какъ въ страну невѣдомую, но обѣтованную: прочли много книгъ о Россіи, книгъ, можетъ быть, превосходныхъ, но для васъ вредныхъ: явились съ первымъ пыломъ жажды дѣятельности, такъ сказать, набросились на дѣятельность! И вотъ, въ тотъ-же день вамъ передаютъ грустную и подымающую сердце исторію объ обиженной женщинѣ, передаютъ вамъ, то есть рыцарю, дѣвственнику — и о женщинѣ! Въ тотъ-же день вы видите эту женщину: вы околдованы ея красотой, фантастическою, демоническою красотой (я вѣдь согласенъ что она красавица). При-

бавьте нервы, прибавьте вашу надутую, прибавьте нашу петербургскую, потрясающую нервы оттепель: прибавьте весь этотъ день, въ незнакомомъ и почти фантастическомъ для васъ городѣ, день встрѣчъ и сценъ, день неожиданныхъ знакомствъ, день самой неожиданной дѣйствительности, день трехъ красавицъ Епанчиныхъ и въ ихъ числѣ Аглаи: прибавьте усталость, головокруженіе: прибавьте гостиную Настасьи Филипповны и тонъ этой гостиной, и... чего-же вы могли ожидать отъ себя самаго въ ту минуту, какъ вы думаете?

— Да, да: да, да, качалъ головою князь, начиная краснѣть, — да, это почти что вѣдь такъ: и знаете, я дѣйствительно почти всю ночь наканунѣ не спалъ, въ вагонѣ, и всю запрошлую ночь, и очень былъ разстроенъ...

— Ну да, конечно, къ чему-же я и клоню? продолжалъ горячась Евгеній Павловичъ: — ясное дѣло, что вы, такъ сказать, въ упоеніи восторга, набросились на возможность заявить публично великодушную мысль, что вы, родовой князь и чистый человѣкъ, не считаете безчестною женщину опозоренную не по ея винѣ, а по винѣ отвратительнаго великосвѣтскаго развратника. О, Господи, да вѣдь это понятно! Но не въ томъ дѣло, милый князь, а въ томъ, была-ли тутъ правда, была-ли истина въ вашемъ чувствѣ, была-ли натура или одинъ только головной восторгъ? Какъ вы думаете: во храмъ прощена была женщина, такая-же женщина, но вѣдь не сказано-же ей было, что она хорошо дѣлаетъ, достойна всякихъ почестей и уваженія? Развѣ не подсказалъ вамъ самимъ здравый смыслъ, чрезъ три мѣсяца, въ чемъ было дѣло? Да пусть она теперь невинна, — я настаивать не буду, потому что не хочу. — но развѣ всѣ ея приключенія могутъ оправдать такую невыносимую, бѣсовскую гордость ея, такой наглый, такой алчный ея эгоизмъ? Простите, князь, я увлекаюсь, но...

— Да, все это можетъ быть: можетъ быть, вы и правы... забормоталъ опять князь: — она дѣйствительно очень раздражена, и вы правы, конечно, но...

— Состраданія достойна? Это хотите вы сказать, добрый мой князь? Но ради состраданія и ради ея удовольствія развѣ можно было опозорить другую, высокую и чистую дѣвушку, унизить ее въ *этихъ* надменныхъ, въ тѣхъ ненавистныхъ глазахъ? Да до чего-же послѣ того будетъ доходить состраданіе? Вѣдь это невѣроятное преувеличеніе! Да развѣ можно, любя дѣвушку, такъ унизить ее предъ ея-же соперницей, бросить ее для другой, въ глазахъ той-же другой, послѣ того какъ уже сами сдѣлали ей честное предложеніе... а вѣдь вы сдѣлали ей предложеніе, вы высказали ей это при родителяхъ

и при сестрахъ! Послѣ этого честный-ли вы человѣкъ, князь, позвольте васъ спросить? И... и развѣ вы не обманули божественную дѣвушку, увѣривъ, что любили ее?

— Да, да, вы правы, ахъ, я чувствую, что я виноватъ! проговорилъ князь въ невыразимой тоскѣ.

— Да развѣ этого довольно? вскричалъ Евгеній Павловичъ въ негодованіи: — развѣ достаточно только вскричать: «ахъ, я виноватъ!» Виноваты, а сами упорствуете! И гдѣ у васъ сердце было тогда, ваше «христіанское» -то сердце! Вѣдь вы видѣли-же ея лицо въ ту минуту: что она, меньше-ли страдала тѣмъ *тѣмъ*, чѣмъ *вами* другая, разлучница? Какъ-же вы видѣли и допустили? Какъ?

— Да... вѣдь я и не допускалъ... пробормоталъ несчастный князь.

— Какъ не допускали?

— Я, ей Богу, ничего не допускалъ. Я до сихъ поръ не понимаю какъ все это сдѣлалось... я — я побѣжалъ тогда за Аглаей Ивановной, а Настасья Филипповна упала въ обморокъ: а потомъ меня все не пускаютъ до сихъ поръ къ Аглаѣ Ивановнѣ.

— Все равно! Вы должны были бѣжать за Аглаей, хотя-бы другая и въ обморокъ лежала!

— Да... да, я долженъ былъ... она вѣдь умерла-бы! Она-бы убила себя, вы ея не знаете, и... все равно, я-бы все разсказалъ потомъ Аглаѣ Ивановнѣ и... Видите, Евгеній Павловичъ, я вижу что вы, кажется, всего не знаете. Скажите, зачѣмъ меня не пускаютъ къ Аглаѣ Ивановнѣ? Я-бы ей все объяснилъ. Видите: объ онѣ говорили тогда не про то, совсѣмъ не про то, потому такъ у нихъ и вышло... Я никакъ не могу вамъ это объяснить: но я, можетъ быть, и объяснилъ-бы Аглаѣ... Ахъ, Боже мой, Боже мой! Вы говорите про ея лицо въ ту минуту какъ она тогда выбѣжала... о, Боже мой, я помню!.. Пойдемте, пойдемте! потащилъ онъ вдругъ за рукавъ Евгенія Павловича, торопливо вскакивая съ мѣста.

— Куда?

— Пойдемте къ Аглаѣ Ивановнѣ, пойдемте сейчасъ!..

— Да вѣдь ея-же въ Павловскѣ нѣтъ, я говорилъ, и зачѣмъ идти?

— Она пойметъ, она пойметъ! бормоталъ князь, складывая въ мольбѣ свои руки:—она пойметъ, что все это не *то*, а совершенно, совершенно другое!

— Какъ совершенно другое? Вѣдь вотъ вы все-таки женитесь? Стало быть, упорствуете... Женитесь вы или нѣтъ?

— Ну да... женюсь; да, женюсь!

— Такъ какъ-же не то?

— О, нѣтъ, не то, не то! Это, это все равно, что я женюсь, это ничего!

— Какъ все равно и ничего? Не шутки-же вѣдь и это? Вы женитесь на любимой женщинѣ чтобы составить ея счастье, а Аглая Ивановна это видитъ и знаетъ, такъ какъ-же все равно?

— Счастье? О, нѣтъ! Я такъ только просто женюсь: она хочетъ: да и что въ томъ, что я женюсь: я... Ну, да это все равно! Только она непремѣнно умерла-бы. Я вижу теперь, что этотъ бракъ съ Рогожинымъ былъ сумасшествіе! Я теперь все понялъ чего прежде не понималъ, и видите: когда онъ объ стояли тогда одна противъ другой, то я тогда лица Настасьи Филипповны не могъ вынести... Вы не знаете, Евгеній Павловичъ (понизилъ онъ голосъ таинственно), я этого никому не говорилъ, никогда, даже Аглаѣ, но я не могу лица Настасьи Филипповны выносить... Вы давеча правду говорили про этотъ тогдашній вечеръ у Настасьи Филипповны; но тутъ было еще одно, что вы пропустили, потому что не знаете: я смотрѣлъ на *ея лицо!* Я еще утромъ, на портретъ, не могъ его вынести... Вотъ у Вѣры, у Лебедевой, совсѣмъ другіе глаза; я... я боюсь ея лица! прибавилъ онъ съ чрезвычайнымъ страхомъ.

— Боитесь?

— Да; она—сумасшедшая! прошепталъ онъ блѣдный.

— Вы навѣрно это знаете? спросилъ Евгеній Павловичъ съ чрезвычайнымъ любопытствомъ.

— Да, навѣрно: теперь уже навѣрно; теперь, въ эти дни, совсѣмъ уже навѣрно узналъ!

— Что-же вы надъ собой дѣлаете? въ испугѣ вскричалъ Евгеній Павловичъ: — стало быть, вы женитесь съ какого-то страху? Тутъ понять ничего нельзя... Даже и не любя, можетъ быть?

— О, нѣтъ, я люблю ее всей душой! Вѣдь это... дитя; теперь она дитя, совсѣмъ дитя! О, вы ничего не знаете!

— И въ тоже время увѣряли въ своей любви Аглаю Ивановну?

— О, да, да!

— Какъ-же? Стало быть, обѣихъ хотите любить?

— О, да, да!

— Помилуйте, князь, что вы говорите, опомнитесь!

— Я безъ Аглаи... я непремѣнно долженъ ее видѣть! Я... я скоро умру во снѣ: я думалъ, что я нынѣшнюю ночь умру во снѣ. О, если-бъ Аглая знала, знала-бы все... то есть непремѣнно все. Потому что тутъ надо знать все, это первое дѣло! Почему мы никогда не можемъ *всего* узнать про другаго, когда это надо, когда этотъ другой виноватъ!.. Я, впрочемъ, не знаю что говорю, я запутался; вы ужасно поразили меня... И неужели у нея и теперь

такое лицо какъ тогда, когда она выбѣжала? О, да, я виноватъ! Вѣроятнѣе всего, что я во всемъ виноватъ! Я еще не знаю въ чемъ именно, но я виноватъ... Тутъ есть что-то такое, чего я не могу вамъ объяснить, Евгеній Павловичъ, и словъ не имѣю, но... Аглая Ивановна поймета! О, я всегда вѣрилъ, что она поймета.

— Нѣтъ, князь, не поймета! Аглая Ивановна любила какъ женщина, какъ человѣкъ, а не какъ... отвлеченный духъ. Знаете-ли что, бѣдный мой князь: вѣрнѣе всего что вы ни ту, ни другую никогда не любили!

— Я не знаю... можетъ быть, можетъ быть; вы во многомъ правы, Евгеній Павловичъ. Вы чрезвычайно умны, Евгеній Павловичъ; ахъ, у меня голова начинаетъ опять болѣть, пойдемте къ ней! Ради Бога, ради Бога!

— Да говорю-же вамъ, что ея въ Павловскѣ нѣтъ, она въ Колминѣ.

— Поѣдемте въ Колмино, поѣдемте сейчасъ!

— Это не-воз-можно! протянулъ Евгеній Павловичъ, вставая.

— Послушайте, я напишу письмо: отвезите письмо!

— Нѣтъ, князь, нѣтъ! Избавьте отъ такихъ порученій, не могу!

Они разстались. Евгеній Павловичъ ушелъ съ убѣжденіями странными: и по его мнѣнію выходило, что князь нѣсколько не въ своемъ умѣ. И что такое значитъ это *лицо*, котораго онъ боится и которое такъ любитъ! И въ тоже время вѣдь онъ дѣйствительно, можетъ быть, умретъ безъ Аглаи, такъ что, можетъ быть, Аглая никогда и не узнаетъ, что онъ ее до такой степени любитъ! Ха! ха! И какъ это любить двухъ? Двумя разными любвями какими нибудь? Это интересно... бѣдный идіотъ! И что съ нимъ будетъ теперь?

X.

Князь однако-же не умеръ до своей свадьбы, ни на яву, ни во снѣ, какъ предсказалъ Евгенію Павловичу. Можетъ, онъ и въ самомъ дѣлѣ спалъ не хорошо и видѣлъ дурные сны: но днемъ, съ людьми, казался добрымъ и даже довольнымъ, иногда только очень задумчивымъ, но это когда бывалъ одинъ. Со свадьбой снѣшили: она пришлась около нетѣли спустя послѣ посѣщенія Евгенія Павловича. При такой поспѣшности, даже самые лучшіе друзья князя, если-бъ онъ имѣлъ таковыхъ, должны были-бы разочароваться въ своихъ усиліяхъ «спасти» несчастнаго сумасброда. Ходили слухи будто-бы въ визитѣ Евгенія Павловича были отчасти

бедевъ воспротивился: «домъ, говоритъ, на щепки разнесутъ, въ случаѣ пожарной-то трубы».

— Этотъ Лебедевъ интригуетъ противъ васъ, князь, ей Богу! Они хотятъ васъ подъ казенную опеку взять, можете вы себѣ это представить, со всѣмъ, со свободною волей и съ деньгами, то есть съ двумя предметами, отличающими каждаго изъ насъ отъ четвероногаго! Слышалъ, доподлинно слышалъ! Одна правда истинная!

Князь припомнилъ, что какъ будто и самъ онъ что-то въ этомъ родѣ уже слышалъ, но, разумѣется, не обратилъ вниманія. Онъ и теперь только разсмѣялся и тутъ-же опять забылъ. Лебедевъ дѣйствительно нѣкоторое время хлопоталъ: разсчеты этого человѣка всегда зарождались какъ-бы по вдохновенію и отъ излишняго жару усложнялись, развѣтвлялись и удалялись отъ первоначальнаго пункта во всѣ стороны; вотъ почему ему мало что и удавалось въ его жизни. Когда онъ пришелъ потомъ, почти уже въ день свадьбы, къ князю каяться (у него была непремѣнная привычка приходить всегда каяться къ тѣмъ, противъ кого онъ интриговалъ, и особенно, если не удавалось), то объявилъ ему, что онъ рожденъ Талейраномъ и неизвѣстно какимъ образомъ остался лишь Лебедевымъ. Затѣмъ обнаружилъ предъ нимъ всю игру, причемъ заинтересовалъ князя чрезвычайно. По словамъ его, онъ началъ съ того, что принялся искать покровительства высокихъ особъ, на которыхъ-бы въ случаѣ надобности ему опереться, и ходилъ къ генералу Ивану Ѳедоровичу. Генералъ Иванъ Ѳедоровичъ былъ въ недоумѣніи, очень желалъ добра «молодому человѣку», но объявилъ, что при всемъ желаніи спасти, ему здѣсь дѣйствовать неприлично. Лизавета Прокофьевна ни слышать, ни видѣть его не захотѣла; Евгеній Павловичъ и князь Щ. только руками отмахивались. Но онъ, Лебедевъ, духомъ не палъ и совѣтовался съ однимъ тонкимъ юристомъ, почтеннымъ старичкомъ, большимъ ему пріятелемъ и почти благодѣтелемъ: тотъ заключилъ,-что это дѣло совершенно возможное, лишь-бы были свидѣтели компетентные умственнаго разстройства и совершеннаго помѣшательства, да при этомъ, главное, покровительство высокихъ особъ. Лебедевъ не палъ и тутъ, и однажды привелъ къ князю даже доктора, тоже почтеннаго старичка, дачника, съ Аптекарскаго, единственно для того, чтобъ осмотрѣть, такъ сказать, самую мѣстность, ознакомиться съ княземъ и покамѣстъ не официально, а, такъ сказать, дружески сообщить о немъ свое заключеніе. Князь помнилъ это посѣщеніе къ нему доктора: онъ помнилъ, что Лебедевъ еще наканунѣ приставалъ къ нему, что онъ нездоровъ, и когда князь рѣшительно отказался отъ медицины, то вдругъ явился съ докторомъ, подъ предлогомъ, что сейчасъ они оба

отъ господина Терентьева, которому очень худо, и что докторъ имѣетъ кое-что сообщить о больномъ князю. Князь похвалилъ Лебедева и принялъ доктора съ чрезвычайнымъ радушіемъ. Тотчасъ-же разговорились о больномъ Ипполитѣ; докторъ попросилъ разсказать подробнѣе тогдашнюю сцену самоубійства, и князь совершенно увлекъ его своимъ разсказомъ и объясненіемъ событія. Заговорили о петербургскомъ климатѣ, о болѣзни самого князя, о Швейцаріи, о Шнейдерѣ. Изложеніемъ системы леченія Шнейдера и разсказами князь до того заинтересовалъ доктора, что тотъ просидѣлъ два часа: при этомъ курилъ превосходныя сигары князя, а со стороны Лебедева явилась превкусная наливка, которую принесла Вѣра, причемъ докторъ, женатый и семейный человѣкъ, пустился передъ Вѣрой въ особые комплименты, чѣмъ и возбудилъ въ ней глубокое негодованіе. Разстались друзьями. Выйдя отъ князя, докторъ сообщилъ Лебедеву, что если всѣхъ брать въ опеку, такъ кого-же-бы приходилось дѣлать опекунами? На трагическое-же изложеніе, со стороны Лебедева, предстоящаго въ скорости событія, докторъ лукаво и коварно качалъ головой и, наконецъ, замѣтилъ, что не говоря уже о томъ «мало-ли кто на комъ женится», обольстительная особа, сколько онъ, по крайней мѣрѣ, слышалъ, кромѣ неломѣрной красоты, что уже одно можетъ увлечь человѣка съ состояніемъ, обладаетъ и капиталами отъ Тоцкаго и отъ Рогожина, жемчугами и брилліантами, шалями и мебелями, а потому предстоящій выборъ не только не выражаетъ со стороны дорогаго князя, такъ сказать, особенной, бьющей въ очи глупости, но даже свидѣтельствуетъ о хитрости тонкаго свѣтскаго ума и разсчета, а, стало быть, способствуетъ къ заключенію противоположному и для князя совершенно пріятному... Эта мысль поразила и Лебедева: съ тѣмъ онъ и остался, и теперь, прибавилъ онъ князю: «теперь кромѣ преданности и пролитія крови ничего отъ меня не увидите: съ тѣмъ и явился».

Развлекалъ въ эти послѣдніе дни князя и Ипполитъ; онъ слишкомъ часто присылалъ за нимъ. Они жили недалеко, въ маленькомъ домикѣ; маленькія дѣти, братъ и сестра Ипполита, были, по крайней мѣрѣ, тѣмъ рады дачѣ, что спаслись отъ больнаго въ садъ; бѣдная-же капитанша оставалась во всей его волѣ и воленъ его жертвой: князь долженъ былъ ихъ дѣлить и мирить ежедневно, и больной продолжалъ называть его своею «нянькой», въ тоже время какъ-бы не смѣя и не презирать его за его роль примирителя. Онъ былъ въ чрезвычайной претензіи на Колю за то, что тотъ почти не ходилъ къ нему, оставаясь сперва съ умиравшимъ отцомъ, а потомъ съ овдовѣвшею матерью. Наконецъ, онъ поставилъ цѣлью своихъ

насмѣшекъ ближайшій бракъ князя съ Настасьей Филипповной и кончилъ тѣмъ, что оскорбилъ князя и вывелъ его, наконецъ, изъ себя: тотъ пересталъ посѣщать его. Черезъ два дня прилелась по утру капитанша и въ слезахъ просила князя пожаловать къ нимъ, не то *тотъ* ее сгложетъ. Она прибавила, что онъ желаетъ открыть большой секретъ. Князь пошелъ. Ипполитъ желалъ помириться, заплакалъ и послѣ слезъ, разумѣется, еще пуще озлобился, но только трусилъ выказать злобу. Онъ былъ очень плохъ, и по всему было видно, что теперь уже умретъ скоро. Секрета не было никакого, кромѣ однихъ чрезвычайныхъ, такъ сказать, задыхающихся отъ волненія (можетъ быть, выдѣланнаго) просьбъ «беречься Рогожина». «Это человѣкъ такой, который своего не уступитъ: это, князь, не намъ съ вами чета: этотъ если захочетъ, то ужъ не дрогнетъ...» и пр.. и пр. Князь сталъ разспрашивать подробнѣе, желалъ добиться какихъ нибудь фактовъ: но фактовъ не было никакихъ кромѣ личныхъ ощущеній и впечатлѣній Ипполита. Къ чрезвычайному удовлетворенію своему, Ипполитъ кончилъ тѣмъ, что напугалъ, наконецъ, князя ужасно. Сначала князь не хотѣлъ отвѣчать на нѣкоторые особенные его вопросы и только улыбался на совѣты: «бѣжать даже хоть за границу; русскіе священники есть вездѣ, и тамъ обвѣнчаться можно». Но, наконецъ, Ипполитъ кончилъ слѣдующею мыслью: «я вѣдь боюсь лишь за Аглаю Ивановну: Рогожинъ знаетъ какъ вы ее любите; любовь за любовь: вы у него отняли Настасью Филипповну, онъ убьетъ Аглаю Ивановну: хоть она теперь и не ваша, а все-таки вамъ тяжело будетъ, не правда-ли?» Онъ достигъ цѣли; князь ушелъ отъ него самъ не свой.

Эти предостереженія о Рогожинѣ пришлись уже наканунѣ свадьбы. Въ этотъ-же вечеръ, въ послѣдній разъ предъ вѣнцомъ, видѣлся князь и съ Настасьей Филипповной: но Настасья Филипповна не въ состояніи была успокоить его, и даже напротивъ, въ послѣднее время, все болѣе и болѣе усиливала его смущеніе. Прежде, то есть нѣсколько дней назадъ, она, при свиданіяхъ съ нимъ, употребляла всѣ усилія, чтобы развеселить его, боялась ужасно его грустнаго вида: пробовала даже шутить ему: всего-же чаще разсказывала ему все что̀ могла запомнить смѣшнаго. Князь всегда почти дѣлалъ видъ, что очень смѣется, а иногда и въ самомъ дѣлѣ смѣялся блестящему уму и свѣтлому чувству, съ которымъ она иногда разсказывала, когда увлекалась, а она увлекалась часто. Видя-же смѣхъ князя, видя произведенное на него впечатлѣніе, она приходила въ восторгъ и начинала гордиться собой. Но теперь грусть и задумчивость ея возрастали почти съ каждымъ часомъ. Мнѣнія его о Настасьѣ Филипповнѣ были установлены, не то, разумѣется,

все въ ней показалось-бы ему теперь загадочнымъ и непонятнымъ. Но онъ искренно вѣрилъ, что она можетъ еще воскреснуть. Онъ совершенно справедливо сказалъ Евгенію Павловичу, что искренно и вполнѣ ее любитъ, и въ любви его къ ней заключалось дѣйствительно какъ-бы влеченіе къ какому-то жалкому и больному ребенку, котораго трудно и даже невозможно оставить на свою волю. Онъ не объяснялъ никому своихъ чувствъ къ ней и даже не любилъ говорить объ этомъ, если и нельзя было миновать разговора; съ самою-же Настасьей Филипповной они никогда, сидя вмѣстѣ, не разсуждали «о чувствѣ», точно оба слово себѣ такое дали. Въ ихъ обыкновенномъ, веселомъ и оживленномъ разговорѣ могъ всякій участвовать. Дарья Алексѣевна разсказывала потомъ, что все это время только любовалась и радовалась, на нихъ глядя.

Но этотъ-же взглядъ его на душевное и умственное состояніе Настасьи Филипповны избавлялъ его отчасти и отъ многихъ другихъ недоумѣній. Теперь это была совершенно иная женщина чѣмъ та, какую онъ зналъ мѣсяца три назадъ. Онъ уже не задумывался теперь, напримѣръ, почему она тогда бѣжала отъ брака съ нимъ, со слезами, съ проклятіями и упреками, а теперь настаиваетъ сама скорѣе на свадьбѣ? «Стало быть, узнѣ не боится, какъ тогда, что бракомъ съ нимъ составитъ его несчастье», думалъ князь. Такая быстро возродившаяся увѣренность въ себѣ, на его взглядъ, не могла быть въ ней натуральною. Не изъ одной-же ненависти къ Аглаѣ, опять таки, могла произойти эта увѣренность: Настасья Филипповна нѣсколько глубже умѣла чувствовать. Не изъ страху-же передъ участью съ Рогожинымъ? Однимъ словомъ, тутъ могли имѣть участіе и всѣ эти причины вмѣстѣ съ прочимъ; но для него было всего яснѣе, что тутъ именно то что онъ подозрѣваетъ уже давно и что бѣдная, больная душа не вынесла. Все это, хоть и избавляло, въ своемъ родѣ, отъ недоумѣній, не могло дать ему ни спокойствія, ни отдыха во все это время. Иногда онъ какъ-бы старался ни о чемъ не думать; на бракъ онъ, кажется, и въ самомъ дѣлѣ смотрѣлъ какъ-бы на какую-то неважную формальность: свою собственную судьбу онъ слишкомъ дешево цѣнилъ. Что-же касается до возраженій, до разговоровъ, въ родѣ разговора съ Евгеніемъ Павловичемъ, то тутъ онъ рѣшительно-бы ничего не могъ отвѣтить и чувствовалъ себя вполнѣ не компетентнымъ, а потому и удалялся отъ всякаго разговора въ этомъ родѣ.

Онъ, впрочемъ, замѣтилъ, что Настасья Филипповна слишкомъ хорошо знала и понимала что значила для него Аглая. Она только не говорила, но онъ видѣлъ ея «лицо» въ то время когда она заставала его иногда, еще въ началѣ, собирающимся къ Епанчинымъ.

Когда выѣхали Епанчины, она точно просіяла. Какъ ни былъ онъ незамѣтливъ и недогадливъ, но его стала было безпокоить мысль, что Настасья Филипповна рѣшится на какой нибудь скандалъ чтобы выжить Аглаю изъ Павловска. Шумъ и грохотъ по всѣмъ дачамъ о свадьбѣ былъ, конечно, отчасти поддержанъ Настасьей Филипповной для того, чтобы раздражить соперницу. Такъ какъ Епанчиныхъ трудно было встрѣтить, то Настасья Филипповна, посадивъ однажды въ свою коляску князя, распорядилась проѣхать съ нимъ мимо самыхъ оконъ ихъ дачи. Это было для князя ужаснымъ сюрпризомъ; онъ спохватился, по своему обыкновенію, когда уже нельзя было поправить дѣла, и когда коляска уже проѣзжала мимо самыхъ оконъ. Онъ не сказалъ ничего, но послѣ этого былъ два дня сряду боленъ: Настасья Филипповна уже не повторяла болѣе опыта. Въ послѣдніе дни предъ свадьбой она сильно стала задумываться: она кончала всегда тѣмъ, что побѣждала свою грусть и становилась опять весела, но какъ-то тише, не такъ шумно, не такъ счастливо весела какъ прежде, еще такъ недавно. Князь удвоилъ свое вниманіе. Любопытно было ему, что она никогда не заговаривала съ нимъ о Рогожинѣ. Только разъ, дней за пять до свадьбы, къ нему вдругъ прислали отъ Дарьи Алексѣевны, чтобъ онъ ныньче не ѣздилъ, потому что съ Настасьей Филипповной очень дурно. Онъ нашелъ ее въ состояніи похожемъ на совершенное помѣшательство: она вскрикивала, дрожала, кричала, что Рогожинъ спрятанъ въ саду, что ихъ-же въ домѣ, что она его сейчасъ видѣла, что онъ ее убьетъ ночью... зарѣжетъ! Цѣлый день она не могла успокоиться. Но въ тотъ-же вечеръ, когда князь на минуту заѣхалъ къ Ипполиту, капитанша, только что возвратившаяся изъ города, куда ѣздила по какимъ-то своимъ дѣлишкамъ, разсказала, что къ ней въ Петербургъ заходилъ сегодня на квартиру Рогожинъ и разспрашивалъ о Павловскѣ. На вопросъ князя: когда именно заходилъ Рогожинъ, капитанша назвала почти тотъ самый часъ, въ который видѣла будто-бы его сегодня, въ своемъ саду, Настасья Филипповна. Дѣло объяснилось простымъ миражемъ; Настасья Филипповна сама ходила къ капитаншѣ подробнѣе справиться и была чрезвычайно утѣшена.

Наканунѣ свадьбы князь оставилъ Настасью Филипповну въ большомъ одушевленіи: изъ Петербурга прибыли отъ модистки давнишніе наряды, вѣнчальное платье, головной уборъ и прочее, и прочее. Князь и не ожидалъ, что она будетъ до такой степени возбуждена нарядами; самъ онъ все хвалилъ, и отъ похвалъ его она становилась еще счастливѣе. Но она проговорилась: она уже слышала, что въ городѣ негодованіе, и что дѣйствительно устраи-

вается какими-то новѣсами шарварн, съ музыкой и чуть-ли не со стихами, нарочно сочиненными, и что все это чуть-ли не одобряется и остальнымъ обществомъ. И вотъ ей именно захотѣлось теперь еще больше поднять предъ ними голову, затмить всѣхъ вкусомъ и богатствомъ своего наряда,— пусть-же кричатъ, пусть свистятъ, если осмѣлятся! Отъ одной мысли объ этомъ у ней сверкали глаза. Была у ней еще одна тайная мечта, но вслухъ она ее не высказывала: ей мечталось, что Аглая, или, по крайней мѣрѣ, кто нибудь изъ посланныхъ ею, будетъ тоже въ толпѣ, инкогнито, въ церкви, будетъ смотрѣть и видѣть, и она про себя приготовлялась. Разсталась она съ княземъ вся занятая этими мыслями, часовъ въ одиннадцать вечера; но еще не пробило и полуночи, какъ прибѣжали къ князю отъ Дарьи Алексѣевны чтобы имѣть скорѣе, что очень худо. Князь засталъ невѣсту запертою въ спальнѣ, въ слезахъ, въ отчаяніи, въ истерикѣ: она долго ничего не слыхала, что говорили ей сквозь запертую дверь, наконецъ, отворила, впустила одного князя, заперла за нимъ дверь и пала предъ нимъ на колѣни. (Такъ, по крайней мѣрѣ, передавала потомъ Дарья Алексѣевна, успѣвшая кое-что подглядѣть).

— Что я дѣлаю! Что я дѣлаю! Что я съ тобой-то дѣлаю! воскликала она, судорожно обнимая его ноги.

Князь цѣлый часъ просидѣлъ съ нею: мы не знаемъ про что они говорили. Дарья Алексѣевна разсказывала, что они разстались черезъ часъ примиренно и счастливо. Князь прислалъ еще разъ въ эту ночь освѣдомиться: но Настасья Филипповна уже заснула. На утро, еще до пробужденія ея, явились еще два посланные къ Дарьѣ Алексѣевнѣ отъ князя, и уже третьему посланному поручено было передать, что около Настасьи Филипповны теперь цѣлый рой модистокъ и парикмахеровъ изъ Петербурга, что вчерашняго и слѣдуетъ, что она занята, какъ только можетъ быть занята своимъ нарядомъ такая красавица предъ вѣнцомъ, и что теперь, именно въ сію минуту, идетъ чрезвычайный конгрессъ о томъ что именно надѣть изъ брилліантовъ и какъ надѣть? Князь успокоился совершенно.

Весь послѣдующій анекдотъ объ этой свадьбѣ разсказывался людьми знающими слѣдующимъ образомъ и, кажется, вѣрно:

Вѣнчаніе назначено было въ восемь часовъ пополудни: Настасья Филипповна готова была еще въ семь. Уже съ шести часовъ начали, мало-по-малу, собираться толпы зѣвакъ кругомъ дачи Лебедева, но особенно у дома Дарьи Алексѣевны; съ семи часовъ начала наполняться и церковь. Вѣра Лебедева и Коля были въ ужасѣйшемъ страхѣ за князя: у нихъ однако было много хлопотъ дома: они

распоряжались въ комнатахъ князя пріемомъ и угощеніемъ. Впрочемъ, послѣ вѣнца почти и не предполагалось никакого собранія; кромѣ необходимыхъ лицъ, присутствующихъ при бракосочетаніи, приглашены были Лебедевымъ Птицыны, Ганя, докторъ съ Анной на шеѣ, Дарья Алексѣевна. Когда князь полюбопытствовалъ у Лебедева для чего онъ вздумалъ позвать доктора, «почти вовсе незнакомаго», то Лебедевъ самодовольно отвѣчалъ: «Орденъ на шеѣ, почтенный человѣкъ-съ, для виду-съ» — и разсмѣшилъ князя. Келлеръ и Бурдовскій, во фракахъ и въ перчаткахъ, смотрѣли очень прилично: только Келлеръ все еще смущалъ немного князя и своихъ довѣрителей нѣкоторыми откровенными наклонностями къ битвѣ и смотрѣлъ на зѣвакъ собиравшихся около дома очень враждебно. Наконецъ, въ половинѣ восьмаго, князь отправился въ церковь, въ каретѣ. Замѣтимъ кстати, что онъ самъ нарочно не хотѣлъ пропустить ни одного изъ принятыхъ обычаевъ и обыкновеній: все дѣлалось гласно, явно, открыто и «какъ слѣдуетъ». Въ церкви, пройдя кое-какъ сквозь толпу, при безпрерывномъ шепотѣ и восклицаніяхъ публики, подъ руководствомъ Келлера, бросавшаго направо и налѣво грозные взгляды, князь скрылся на время въ алтарь, а Келлеръ отправился за невѣстой, гдѣ у крыльца дома Дарьи Алексѣевны нашелъ толпу не только вдвое или втрое погуще чѣмъ у князя, но даже, можетъ быть, и втрое неразвязнѣе. Подымаясь на крыльцо, онъ услышалъ такія восклицанія, что не могъ выдержать и уже совсѣмъ было обратился къ публикѣ съ намѣреніемъ произнести надлежащую рѣчь, но, къ счастію, былъ остановленъ Бурдовскимъ и самою Дарьей Алексѣевной, выбѣжавшею съ крыльца: они подхватили и увели его силой въ комнаты. Келлеръ былъ раздраженъ и торопился. Настасья Филипповна поднялась, взглянула еще разъ въ зеркало, замѣтила, съ «кривою» улыбкой, какъ передавалъ потомъ Келлеръ, что она «блѣдна какъ мертвецъ», набожно поклонилась образу и вышла на крыльцо. Гулъ голосовъ привѣтствовалъ ея появленіе. Правда, въ первое мгновеніе послышался смѣхъ, аплодисменты, чуть не свистки; но черезъ мгновеніе-же раздались и другіе голоса:

— Экая красавица! кричали въ толпѣ.

— Не она первая, не она и послѣдняя!

— Вѣнцомъ все прикрывается, дураки!

— Нѣтъ, вы найдите-ка такую раскрасавицу, ура! кричали близкіе.

— Княгиня! За такую княгиню я-бы душу продалъ! закричалъ какой-то канцелярскій.— Цѣною жизни ночь мою!..

Настасья Филипповна вышла дѣйствительно блѣдная какъ пла-

токъ; но большіе черные глаза ея сверкали на толпу какъ раскаленные угли: этого-то взгляда толпа и не вынесла; негодованіе обратилось въ восторженные крики. Уже отворились дверцы кареты, уже Кельеръ подалъ невѣстѣ руку, какъ вдругъ она вскрикнула и бросилась съ крыльца прямо въ народъ. Всѣ провожавшіе ее оцѣпенѣли отъ изумленія, толпа раздвинулась предъ нею, и въ пяти, въ шести шагахъ отъ крыльца показался вдругъ Рогожинъ. Его-то взглядъ и поняла въ толпѣ Настасья Филипповна. Она добѣжала до него какъ безумная и схватила его за обѣ руки:

— Спаси меня! Увези меня! Куда хочешь, сейчасъ!

Рогожинъ подхватилъ ее почти на руки и чуть не поднесъ къ каретѣ. Затѣмъ, въ одинъ мигъ, вынулъ изъ портмоне сторублевую и протянулъ ее къ кучеру.

— На желѣзную дорогу, а поспѣешь къ машинѣ такъ еще сторублевую!

Самъ прыгнулъ въ карету за Настасьей Филипповной и затворилъ дверцы. Кучеръ не сомнѣвался ни одной минуты и ударилъ по лошадямъ. Кельеръ сваливалъ потомъ на нечаянность: «еще одна секунда, и я-бы нашелся, я-бы не допустилъ!» объяснялъ онъ, разсказывая приключеніе. Онъ было схватилъ съ Бурдовскимъ другой экипажъ, тутъ-же случившійся, и бросился было въ погоню, но раздумалъ, уже дорогой, что «во всякомъ случаѣ поздно! Силой не воротишь!»

— Да и князь не захочетъ! рѣшилъ потрясенный Бурдовскій.

А Рогожинъ и Настасья Филипповна доскакали до станціи вовремя. Выйдя изъ кареты, Рогожинъ, почти садясь на машину, успѣлъ еще остановить одну проходившую дѣвушку въ старенькой, но приличной темной мантильѣ и въ фуляровомъ платочкѣ, накинутомъ на голову.

— Угодно пятьдесятъ рублей за вашу мантилью! протянулъ онъ вдругъ деньги дѣвушкѣ. Покамѣстъ та успѣла изумиться, пока еще собиралась понять, онъ уже всунулъ ей въ руку пятидесятирублевую, снялъ мантилью съ платкомъ и накинулъ все на плечи и на голову Настасьѣ Филипповнѣ. Слишкомъ великолѣпный нарядъ ея бросался въ глаза, остановилъ-бы вниманіе въ вагонѣ, и потомъ только поняла дѣвушка для чего у нея купили, съ такимъ для нея барышемъ, ея старую, ничего не стоившую рухлядь.

Гулъ о приключеніи достигъ въ церковь съ необыкновенною быстротой. Когда Кельеръ проходилъ къ князю, множество людей, совершенно ему незнакомыхъ, бросались его разспрашивать. Шелъ громкій говоръ, покачиванья головами, даже смѣхъ; никто не выходилъ изъ церкви, всѣ ждали какъ приметъ извѣстіе женихъ. Онъ

побѣдить, но принялъ извѣстіе тихо, едва слышно проговоривъ: «я боялся: но я вѣдь и не думалъ что будетъ это...» и потомъ, помолчавъ немного, прибавилъ: «впрочемъ... въ ея состояніи... это совершенно въ порядкѣ вещей». Такой отзывъ уже самъ Келлеръ называлъ потомъ «безпримѣрною философіей». Князь вышелъ изъ церкви, повидимому, спокойный и бодрый: такъ, по крайней мѣрѣ, многіе замѣтили и потомъ разсказывали. Казалось, ему очень хотѣлось добраться до дому и остаться поскорѣй одному: но этого ему не дали. Вслѣдъ за нимъ вошли въ комнату нѣкоторые изъ приглашенныхъ, между прочими Птицынъ, Гаврила Ардаліоновичъ и съ ними докторъ, который тоже не располагалъ уходить. Кромѣ того, весь домъ былъ буквально осажденъ праздною публикой. Еще съ террасы услыхалъ князь какъ Келлеръ и Лебедевъ вступили въ жестокій споръ съ нѣкоторыми, совершенно невѣдомыми, хотя на видъ и чиновными людьми, во что бы то ни стало желавшими войдти на террасу. Князь подошелъ къ спорившимъ, освѣдомился въ чемъ дѣло, и, вѣжливо отстранивъ Лебедева и Келлера, деликатно обратился къ одному уже сѣдому и плотному господину, стоявшему на ступенькахъ крыльца во главѣ нѣсколькихъ другихъ желающихъ, и пригласилъ его сдѣлать честь удостоить его своимъ посѣщеніемъ. Господинъ законфузился, но однако-жъ пошелъ: за нимъ другой третій. Изъ всей толпы выискалось человѣкъ семь-восемь посѣтителей, которые и вошли, стараясь сдѣлать это какъ можно развязнѣе: но болѣе охотниковъ не оказалось, и вскорѣ, въ толпѣ-же, стали осуждать выскочекъ. Вошедшихъ усадили, начался разговоръ, стали подавать чай, — все это чрезвычайно прилично, скромно, къ нѣкоторому удивленію вошедшихъ. Было, конечно, нѣсколько попытокъ подвеселить разговоръ и навести на надлежащую тему; произнесено было нѣсколько нескромныхъ вопросовъ, сдѣлано нѣсколько «лихихъ» замѣчаній. Князь отвѣчалъ всѣмъ такъ просто и радушно, и въ тоже время съ такимъ достоинствомъ, съ такою довѣрчивостью къ порядочности своихъ гостей, что нескромные вопросы затихли сами собой. Мало-по-малу разговоръ началъ становиться почти серіозным. Одинъ господинъ, привязавшись къ слову, вдругъ поклялся, въ чрезвычайномъ негодованіи, что не продастъ имѣнія, что-бы тамъ не случилось: что, напротивъ, будетъ ждать и выждетъ, и что «предпріятія лучше денегъ»: «вотъ-съ, милостивый государь, въ чемъ состоитъ моя экономическая система-съ, можете узнать-съ». Такъ какъ онъ обращался къ князю, то князь съ жаромъ похвалилъ его, не смотря на то, что Лебедевъ шепталъ ему на ухо, что у этого господина ни кола, ни двора и никогда никакого имѣнія не бывало. Прошелъ почти часъ, чай отпили, и всѣ

чаю гостямъ стало, наконецъ, совѣстно еще долыше сидѣть. Докторъ и сѣдой господинъ съ жаромъ простились съ княземъ: да и всѣ прощались съ жаромъ и съ шумомъ. Произносились пожеланія и мнѣнія, въ родѣ того, что горевать нечего и что, можетъ быть, оно все этакъ и къ лучшему, и прочее. Были, правда, попытки спросить шампанскаго, но старшіе изъ гостей остановили младшихъ. Когда всѣ разошлись. Келлеръ нагнулся къ Лебедеву и сообщилъ ему: мы-бы съ тобой затѣяли крикъ, подрались, осрамились, притянули-бы полицію; а онъ вонъ друзей себѣ пріобрѣлъ новыхъ, да еще какихъ: я ихъ знаю! Лебедевъ, который былъ довольно готовъ, вздохнулъ и произнесъ: «Утаилъ отъ премудрыхъ и разумныхъ и открылъ младенцамъ, я это говорилъ еще и прежде про него, но теперь прибавлю, что и самого младенца Богъ сохранилъ. спасъ отъ бездны, Онъ и всѣ святые Его».

Наконецъ, около половины одиннадцатаго, князя оставили одного, у него болѣла голова: всѣхъ позже ушелъ Коля, помогшій ему перемѣнить подвѣнечное одѣяніе на домашнее платье. Они разстались горячо. Коля не распространялся о событіи, но обѣщался придти завтра пораньше. Онъ-же засвидѣтельствовалъ потомъ, что князь ни о чемъ не предупредилъ его въ послѣднее прощанье, стало быть, и отъ него даже скрывалъ свои намѣренія. Скоро во всемъ домѣ почти никого не осталось: Бурдовскій ушелъ къ Ипполиту, Келлеръ и Лебедевъ куда-то отправились. Одна только Вѣра Лебедева оставалась еще нѣкоторое время въ комнатахъ, приводя ихъ наскоро изъ праздничнаго въ обыкновенный видъ. Уходя, она заглянула къ князю. Онъ сидѣлъ за столомъ, опершись на него обоими локтями и закрывъ руками голову. Она тихо подошла къ нему и тронула его за плечо; князь въ недоумѣніи посмотрѣлъ на нее и почти съ минуту какъ-бы припоминалъ; но припомнивъ и все сообразивъ, онъ вдругъ пришелъ въ чрезвычайное волненіе. Все, впрочемъ, разрѣшилось чрезвычайною и горячею просьбой къ Вѣрѣ, чтобы завтра утромъ, съ первой машиной, въ семь часовъ, постучалась къ нему въ комнату. Вѣра обѣщалась: князь началъ съ жаромъ просить ее никому объ этомъ не сообщать: она пообѣщалась и въ этомъ, и, наконецъ, когда уже совсѣмъ отворила дверь, чтобы выйдти, князь остановилъ ее еще въ третій разъ, взялъ за руки, поцѣловалъ ихъ, потомъ поцѣловалъ ее самое въ лобъ и съ какимъ-то «необыкновеннымъ» видомъ выговорилъ ей: «до завтра»! Такъ, по крайней мѣрѣ, передавала потомъ Вѣра. Она ушла въ большомъ за него страхѣ. Но утру она нѣсколько ободрилась, когда въ восьмомъ часу, по уговору, постучалась въ его дверь и возвѣстила ему, что машина въ Петербургъ уйдетъ черезъ четверть часа: онъ показалось,

что онъ отворитъ ей совершенно бодрый, и даже съ улыбкой. Онъ почти не раздѣвался ночью, но однако-же спалъ. По его мнѣнію, онъ могъ возвратиться сегодня-же. Выходило, стало быть, что одной ей онъ нашелъ возможнымъ и нужнымъ сообщить въ эту минуту, что отправляется въ городъ.

XI.

Часъ спустя онъ уже былъ въ Петербургѣ, а въ десятомъ часу звонилъ къ Рогожину. Онъ вошелъ съ парадной входа, и ему долго не отворяли. Наконецъ, отворилась дверь изъ квартиры старушки Рогожиной, и показалась старенькая, благообразная служанка.

— Парѳена Семеновича дома нѣтъ, возвѣстила она изъ двери,—вамъ кого?

— Парѳена Семеновича.

— Ихъ дома нѣтъ-съ.

Служанка осматривала князя съ дикимъ любопытствомъ.

— Но крайней мѣрѣ, скажите, ночевалъ-ли онъ дома? И... одинъ-ли воротился вчера?

Служанка продолжала смотрѣть, но не отвѣчала.

— Не было-ли съ нимъ, вчера, здѣсь... ввечеру... Настасьи Филипповны?

— А позвольте спросить, вы кто таковъ сами изволите быть?

— Князь Левъ Николаевичъ Мышкинъ, мы очень хорошо знакомы.

— Ихъ нѣту дома-съ.

Служанка потупила глаза.

— А Настасьи Филипповны?

— Ничего я этого не знаю-съ.

— Постойте, постойте! Когда-же воротится?

— И этого не знаемъ-съ.

Двери затворились.

Князь рѣшилъ зайдти черезъ часъ. Заглянувъ во дворъ, онъ повстрѣчалъ дворника.

— Парѳенъ Семеновичъ дома?

— Дома-съ.

— Какъ-же мнѣ сейчасъ сказали, что нѣтъ дома?

— У него сказали?

— Нѣтъ, служанка, отъ матушки ихней, а къ Парѳену Семеновичу я звонилъ—никто не отперъ.

— Можетъ, и вышелъ, рѣшилъ дворникъ, — вѣдь не сказы-

вается. А иной разъ и ключъ съ собой унесетъ, но три дня комнаты запертыя стоятъ.

— Вчера ты навѣрно знаешь, что дома былъ?

— Былъ. Иной разъ съ парадного хода зайдетъ, и не увидишь.

— А Настасьи Филипповны съ нимъ вчера не было-ли?

— Этого не знаемъ-съ. Жаловать-то не часто изволитъ; кажись-бы знамо было, кабы пожаловала.

Князь вышелъ и нѣкоторое время ходилъ въ раздумьи по тротуару. Окна комнатъ, занимаемыхъ Рогожинымъ, были всѣ заперты: окна половины, занятой его матерью, почти всѣ были отперты: день былъ ясный, жаркій; князь перешелъ черезъ улицу на противоположный тротуаръ и остановился взглянуть еще разъ на окна: не только они были заперты, но почти вездѣ были опущены бѣлыя сторы.

Онъ стоялъ съ минуту и — странно — вдругъ ему показалось, что край одной сторы приподнялся и мелькнуло лицо Рогожина, мелькнуло и исчезло въ тоже мгновеніе. Онъ подождалъ еще и уже рѣшилъ было идти и звонить опять, но раздумалъ и отложилъ на часъ: «А кто знаетъ, можетъ, оно только померещилось...

Главное, онъ спѣшилъ теперь въ Измайловскій полкъ, на бывшую недавно квартиру Настасьи Филипповны. Ему извѣстно было, что она, переѣхавъ, по его просьбѣ, три недѣли назадъ изъ Павловска, поселилась въ Измайловскомъ полку у одной бывшей своей доброй знакомой, вдовы учительши, семейной и почтенной дамы, которая отдавала отъ себя хорошую меблированную квартиру, чѣмъ почти и жила. Вѣроятнѣе всего, что Настасья Филипповна, переселяясь опять въ Павловскъ, оставила квартиру за собой; по крайней мѣрѣ, весьма вѣроятно, что она ночевала въ этой квартирѣ, куда, конечно, доставилъ ее вчера Рогожинъ. Князь взялъ извощика. Дорогой ему пришло въ голову, что отсюда и слѣдовало-бы начать, потому что невѣроятно, чтобъ она пріѣхала прямо ночью къ Рогожину. Тутъ припомнились ему и слова дворника, что Настасья Филипповна не часто изволила жаловать. Если и безъ того не часто, то съ какой стати теперь останавливаться у Рогожина? Ободряя себя этими утѣшеніями, князь пріѣхалъ наконецъ въ Измайловскій полкъ ни живъ, ни мертвъ.

Къ совершенному пораженію его, у учительши не только не слыхали ни вчера, ни сегодня, о Настасьѣ Филипповнѣ, но на него самого выбѣжали смотрѣть какъ на чудо. Все многочисленное семейство учительши, — все дѣвочки и погодки, начиная съ пятнадцати до семи лѣтъ, — высыпало вслѣдъ за матерью и окружило его, разинувъ на него рты. За ними вышла тощая, желтая тетка ихъ, въ черномъ платкѣ, и, наконецъ, показалась бабушка семейства,

старенькая старушка въ очкахъ. Учительша очень просила войдти и сѣсть, что̀ князь и исполнилъ. Онъ тотчасъ догадался, что имъ совершенно извѣстно кто онъ такой, и что онѣ отлично знаютъ, что вчера должна была быть его свадьба, и умираютъ отъ желанія разспросить и о свадьбѣ, и о томъ чудѣ, что вотъ онъ спрашиваетъ у нихъ о той, которая должна-бы быть теперь не иначе какъ съ нимъ вмѣстѣ, въ Павловскѣ, но деликатятся. Въ краткихъ чертахъ онъ удовлетворилъ ихъ любопытство на счетъ свадьбы. Начались удивленія, ахи и вскрикиванія, такъ что онъ принужденъ былъ разсказать почти и все остальное, въ главныхъ чертахъ, разумѣется. Наконецъ, совѣтъ премудрыхъ и волновавшихся дамъ рѣшилъ, что надо непремѣнно и прежде всего достучаться къ Рогожину и узнать отъ него обо всемъ положительно. Если-же его нѣтъ дома (о чемъ узнать навѣрно), или онъ не захочетъ сказать, то съѣздить въ Семеновскій полкъ, въ одной дамѣ, нѣмкѣ, знакомой Настасьи Филипповны, которая живетъ съ матерью: можетъ быть, Настасья Филипповна, въ своемъ волненіи и желая скрыться, заночевала у нихъ. Князь всталъ совершенно убитый: онѣ разсказывали потомъ, что онъ ужасно какъ побѣдѣлъ; дѣйствительно, у него почти подсѣкались ноги. Наконецъ, сквозь ужасную тресотню голосовъ, онъ различилъ, что онѣ уговариваются дѣйствовать вмѣстѣ съ нимъ и спрашиваютъ его городской адресъ. Адреса у него не оказалось: посовѣтовали гдѣ нибудь остановиться въ гостинницѣ. Князь подумалъ и далъ адресъ своей прежней гостинницы, той самой гдѣ съ нимъ недѣль пять назадъ былъ припадокъ. Затѣмъ отправился опять къ Рогожину. На этотъ разъ не только не отворили у Рогожина, но не отворилась даже и дверь въ квартиру старушки. Князь сошелъ къ дворнику и насилу отыскалъ его на дворѣ; дворникъ былъ чѣмъ-то занятъ и едва отвѣчалъ, едва даже глядѣлъ, но все-таки объявилъ положительно, что Парфенъ Семеновичъ вышелъ съ самаго ранняго утра, уѣхалъ въ Павловскъ и домой сегодня не будетъ».

— Я подожду; можетъ, онъ къ вечеру будетъ?

— А можетъ и недѣлю не будетъ, кто его знаетъ.

— Стало быть, все-таки ночевалъ-же сегодня?

— Ночевалъ-то онъ ночевалъ...

Все это было подозрительно и нечисто. Дворникъ, очень могло быть, успѣлъ въ этотъ промежутокъ получить новыя инструкціи: давеча даже былъ болтливъ, а теперь просто отворачивается. Но князь рѣшилъ еще разъ зайдти часа черезъ два и даже постеречь у дома, если надо будетъ, а теперь оставалась еще надежда у нѣмки, и онъ поскакалъ въ Семеновскій полкъ.

Но у нѣмки его даже и не поняли. По нѣкоторымъ промелькнувшимъ словечкамъ онъ даже могъ догадаться, что красавица-нѣмка, недѣли двѣ тому назадъ, разссорилась съ Настасьей Филипповной, такъ что во всѣ эти дни о ней ничего не слыхала и всѣми силами давала теперь знать, что и не интересуется слышать: «хотя-бы она за всѣхъ князей въ мірѣ вышла». Князь посѣшилъ выйдти. Ему пришла, между прочимъ, мысль, что она, можетъ быть, уѣхала, какъ тогда, въ Москву, а Рогожинъ, разумѣется, за ней, а, можетъ, и съ ней. «По крайней мѣрѣ, хоть какіе нибудь слѣды отыскать!» Онъ вспомнилъ однако, что ему нужно остановиться въ трактирѣ и посѣшилъ на Литейную: тамъ тотчасъ-же отвели ему нумеръ. Корридорный освѣдомился, не желаетъ-ли онъ закусить; онъ въ разсѣянности отвѣтилъ, что желаетъ, и, спохватившись, ужасно обѣсился на себя, что закуска задержала его лишнихъ полчаса, и только потомъ догадался, что его ничто не связывало оставить поданную закуску и не закусывать. Странное ощущеніе овладѣло имъ въ этомъ тускломъ и душномъ корридорѣ, ощущеніе мучительно стремившееся осуществиться въ какую-то мысль: но онъ все не могъ догадаться въ чемъ состояла эта новая напрашивающаяся мысль. Онъ вышелъ, наконецъ, самъ не свой изъ трактира; голова его кружилась; но—куда однако-же ѣхать? Онъ бросился опять къ Рогожину.

Рогожинъ не возвращался; на звонъ не отпирали: онъ позвонилъ къ старушкѣ Рогожиной: отперли и тоже объявили, что Парфена Семеновича нѣтъ и, можетъ, дня три не будетъ. Смущало князя то, что его, по прежнему, съ такимъ дикимъ любопытствомъ осматривали. Дворника, на этотъ разъ, онъ совсѣмъ не нашелъ. Онъ вышелъ, какъ давеча, на противоположный тротуаръ, смотрѣлъ на окна и ходилъ на мучительномъ зноѣ съ полчаса, можетъ, и больше: на этотъ разъ ничего не шевельнулось; окна не отворились, бѣлыя сторы были неподвижны. Ему окончательно пришло въ голову, что навѣрно и давеча ему только такъ померещилось: что даже и окна, по всему видно, были такъ тусклы и такъ давно не мыты, что трудно было-бы различить, если-бы даже и въ самомъ дѣлѣ посмотрѣлъ кто нибудь сквозь стекла. Обрадовавшись этой мысли, онъ поѣхалъ опять въ Измайловскій полкъ къ учительнѣ.

Тамъ его уже ждали. Учительна уже перебывала въ трехъ, въ четырехъ мѣстахъ, и даже заѣзжала къ Рогожину: ни слуху, ни духу. Князь выслушалъ молча, вошелъ въ комнату, сѣлъ на диванъ и сталъ смотрѣть на всѣхъ, какъ-бы не понимая о чемъ ему говорятъ. Странно: то былъ онъ чрезвычайно замѣтливъ, то вдругъ становился разсѣянъ до невозможности. Все семейство заявляло по-

томъ, что это былъ на удивленіе странный человѣкъ въ этотъ день, такъ что, можетъ, тогда уже все и обозначилось. Онъ, наконецъ, поднялся и попросилъ, чтобъ ему показали комнаты Настасьи Филипповны. Это были двѣ большія, свѣтлыя, высокія комнаты, весьма порядочно меблированныя и не дешево стоившія. Всѣ эти дамы разсказывали потомъ, что князь осматривалъ въ комнатахъ каждую вещь, увидалъ на столикѣ развернутую книгу изъ библіотеки для чтенія, французскій романъ *M-me Bovary*, замѣтилъ, загнулъ страницу, на которой была развернута книга, попросилъ позволенія взять ее съ собой, и тутъ-же, не выслушавъ возраженія, что книга изъ библіотеки, положилъ ее себѣ въ карманъ. Сѣлъ у отворенаго окна и, увидавъ ломберный столикъ, исписанный мѣломъ, спросилъ: кто игралъ? Онъ разсказали ему, что играла Настасья Филипповна каждый вечеръ съ Рогожинымъ въ дураки, въ преферансъ, въ мельники, въ вистъ, въ свои козыри,—во всѣ игры, и что карты завелись только въ самое послѣднее время, по переѣздѣ изъ Павловска въ Петербургъ, потому что Настасья Филипповна все жаловалась, что скучно, и что Рогожинъ сидитъ цѣлые вечера, молчитъ и говоритъ ни о чемъ не умѣетъ, и часто плакала: и вдругъ на другой вечеръ Рогожинъ вынимаетъ изъ кармана карты: тутъ Настасья Филипповна размѣялась, и стали играть. Князь спросилъ: гдѣ карты, въ которыя играли? Но карты не оказалось: карты привозилъ всегда самъ Рогожинъ въ карманѣ, каждый день по новой колодѣ, и потомъ увозилъ съ собой.

Эти дамы посовѣтовали съѣздить еще разъ къ Рогожину и еще разъ покрѣпче постучаться, но не сейчасъ, а уже вечеромъ: «можетъ, что и окажется». Сама-же учительша вызвалась между тѣмъ съѣздить до вечера въ Павловскъ къ Дарьѣ Алексѣевнѣ: не знаютъ-ли тамъ чего? Князя просили пожаловать часовъ въ десять вечера, во всякомъ случаѣ, чтобы сговориться на завтрашній день. Не смотря на всѣ утѣшенія и обнадеживанія, совершенное отчаяніе овладѣло душой князя. Въ невыразимой тоскѣ дошелъ онъ пѣшкомъ до своего трактира. Лѣтній, пыльный, душный Петербургъ давилъ его какъ въ тискахъ; онъ толкался между суровымъ или пьянымъ народомъ, всматривался безъ цѣли въ лица, можетъ быть, прошелъ гораздо больше, чѣмъ слѣдовало: было уже совсѣмъ почти вечеръ, когда онъ вошелъ въ свой нумеръ. Онъ рѣшилъ отдохнуть немного и потомъ идти опять къ Рогожину, какъ совѣтовали, сѣлъ на диванъ, облокотился обоими локтями на столъ и задумался.

Богъ знаетъ сколько времени и Богъ знаетъ о чемъ онъ думалъ. Многаго онъ боялся и чувствовалъ, больно и мучительно, что боится ужасно. Пришла ему въ голову Вѣра Лебедева: потомъ подумалось,

что, можетъ, Лебедевъ и знаетъ что нибудь въ этомъ дѣлѣ, а если не знаетъ, то можетъ узнать и скорѣе, и легче его. Потомъ вспомнился ему Ипполитъ и то, что Рогожинъ къ Ипполиту ѣздилъ. Потомъ вспомнился самъ Рогожинъ: недавно на отпѣваніи, потомъ въ паркѣ, потомъ—вдругъ здѣсь въ коридорѣ, когда онъ спрятался тогда въ углу и ждалъ его съ ножомъ. Глаза его теперь ему вспомнились, глаза, смотрѣвшіе тогда въ темнотѣ. Онъ вздрогнулъ: давешняя напрашивавшаяся мысль вдругъ вошла ему теперь въ голову.

Она состояла отчасти въ томъ, что если Рогожинъ въ Петербургѣ, то хотя-бы онъ и скрывался на время, а все-таки непремѣнно кончитъ тѣмъ, что придетъ къ нему, къ князю, съ добрымъ или съ дурнымъ намѣреніемъ, пожалуй, хоть какъ тогда. По крайней мѣрѣ, если-бы Рогожину почему нибудь понадобилось придти, то ему некуда больше идти, какъ сюда, опять въ этотъ-же коридоръ. Адреса онъ не знаетъ: стало быть, очень можетъ подумать, что князь въ прежнемъ трактирѣ остановился: по крайней мѣрѣ, попробуетъ здѣсь поискать... если ужъ очень понадобится. А почемъ знать, можетъ быть, ему и очень понадобится?

Такъ онъ думалъ, и мысль эта казалась ему почему-то совершенно возможною. Онъ ни за что-бы не далъ себѣ отчета, если-бы сталъ углубляться въ свою мысль: почему, напримѣръ, онъ такъ вдругъ понадобится Рогожину, и почему даже быть того не можетъ, чтобъ они, наконецъ, не сошлись? Но мысль была тяжелая: «если ему хорошо, то онъ не придетъ,—продолжалъ думать князь:—онъ скорѣе придетъ, если ему нехорошо: а ему вѣдь навѣрно нехорошо»...

Конечно, при такомъ убѣжденіи, слѣдовало-бы ждать Рогожина дома, въ нумерѣ; но онъ какъ будто не могъ вынести своей новой мысли, вскочилъ, схватилъ шляпу и побѣжалъ. Въ коридорѣ было уже почти совсѣмъ темно: «что если онъ вдругъ теперь выйдетъ изъ того угла и остановитъ меня у лѣстницы?» мелькнуло ему, когда онъ подходилъ къ знакомому мѣсту. Но никто не вышелъ. Онъ спустился подъ ворота, вышелъ на тротуаръ, подвился густой толпѣ народа, высыпавшаго съ закатомъ солнца на улицу (какъ и всегда въ Петербургѣ въ каникулярное время), и пошелъ по направленію къ Гороховой. Въ пятидесяти шагахъ отъ трактира, на первомъ перекресткѣ, въ толпѣ, кто-то вдругъ тронулъ его за локоть и вполголоса проговорилъ надъ самымъ ухомъ:

— Левъ Николаевичъ, ступай, братъ, за мной, наготь.

Это былъ Рогожинъ.

Странно: князь началъ ему вдругъ, съ радости, разсказывать.

лечча и почти не договаривая словъ, какъ онъ ждалъ его сейчасъ въ корридорѣ, въ трактирѣ.

— Я тамъ былъ, неожиданно отвѣтилъ Рогожинъ; — пойдемъ.

Князь удивился отвѣту, но онъ удивился спустя уже, по крайней мѣрѣ, двѣ минуты, когда сообразилъ. Сообразивъ отвѣтъ, онъ испугался и сталъ приглядываться къ Рогожину. Тотъ уже шелъ почти на полшага впереди, смотря прямо предъ собой и не взглядывая ни на кого изъ встрѣчныхъ, съ машинальною осторожностію давая всѣмъ дорогу.

— Зачѣмъ-же ты меня въ нумеръ не спросилъ... коли былъ въ трактирѣ? спросилъ вдругъ князь.

Рогожинъ остановился, посмотрѣлъ на него, подумалъ, и, какъ-бы совсѣмъ не понявъ вопроса, сказалъ:

— Вотъ что, Левъ Николаевичъ, ты иди здѣсь прямо, вплоть до дому, знаешь? А я пойду по той сторонѣ. Да поглядывай, чтобы намъ вмѣстѣ...

Сказавъ это, онъ перешелъ черезъ улицу, ступилъ на противоположный тротуаръ, поглядѣлъ идетъ-ли князь, и, видя, что онъ стоитъ и смотритъ на него во всѣ глаза, махнулъ ему рукой къ сторонѣ Гороховой, и пошелъ, поминутно поворачиваясь взглянуть на князя и приглашая его за собой. Онъ былъ видимо ободренъ, увидѣвъ, что князь понялъ его и не переходитъ къ нему съ другаго тротуара. Князю пришло въ голову, что Рогожину надо кого-то высмотрѣть и не пропустить на дорогѣ и что потому онъ и перешелъ на другой тротуаръ. «Только зачѣмъ-же онъ не сказалъ кого смотрѣть надо?» Такъ прошли они шаговъ пятьсотъ, и вдругъ князь началъ почему-то дрожать: Рогожинъ, хоть и рѣже, но не переставалъ оглядываться: князь не выдержалъ и поманилъ его рукой. Тотъ тотчасъ-же перешелъ къ нему черезъ улицу.

— Настасья Филипповна развѣ у тебя?

— У меня.

— А давеча это ты въ окно на меня изъ-за гардины смотрѣлъ?

— Я..

— Какъ-же ты...

Но князь не зналъ что спросить дальше и чѣмъ окончить вопросъ: къ тому-же сердце его такъ стучало, что и говорить трудно было. Рогожинъ тоже молчалъ и смотрѣлъ на него по прежнему, то есть какъ-бы въ задумчивости.

— Ну, я пойду, сказалъ онъ вдругъ, приготовляясь опять переходить:—а ты себѣ иди. Пусть мы на улицѣ розно будемъ... такъ намъ лучше... по рознымъ сторонамъ... увидишь.

Когда, наконецъ, они повернули съ двухъ разныхъ тротуаровъ

въ Гороховую и стали подходить къ дому Рогожина, у князя стали опять подгибаться ноги, такъ что почти трудно было уже и идти. Было уже около десяти часовъ вечера. Окна на половинѣ старушки стояли, какъ и давеча, отперты, у Рогожина заперты, и въ сумеркахъ какъ-бы еще замѣтнѣе становились на нихъ бѣлыя спущенныя сторы. Князь подошелъ къ дому съ противоположнаго тротуара; Рогожинъ-же съ своего тротуара ступилъ на крыльцо и махалъ ему рукой. Князь перешелъ къ нему на крыльцо.

— Про меня и дворникъ не знаетъ теперь, что я домой воротился. Я сказался давеча, что въ Павловскъ ѣду, и у матушки то-же сказалъ, прошепталъ онъ съ хитрою и почти довольною улыбкой;—мы войдемъ и не услышитъ никто.

Въ рукахъ его уже былъ ключъ. Поднимаясь по лѣстницѣ, онъ обернулся и погрозилъ князю, чтобы тотъ шелъ тише, тихо отперъ дверь въ свои комнаты, впустилъ князя, осторожно прошелъ за нимъ, заперъ дверь за собой и положилъ ключъ въ карманъ.

— Пойдемъ, произнесъ онъ шепотомъ.

Онъ еще съ тротуара на Литейной заговорилъ шепотомъ. Не смотря на все свое наружное спокойствіе, онъ былъ въ какой-то глубокой внутренней тревогѣ. Когда вошли въ залу, предъ самымъ кабинетомъ, онъ подошелъ къ окну и таинственно поманилъ къ себѣ князя:

— Вотъ ты какъ давеча ко мнѣ зазвонилъ, я тотчасъ здѣсь и догадался, что это ты самый и есть; подошелъ къ дверямъ на цыпочкахъ, и слышу, что ты съ Пафнутьевной разговариваешь, а я ужь той чѣмъ свѣтъ заказалъ: если ты, или отъ тебя кто, али кто-бы то ни былъ, начнетъ ко мнѣ стукать, такъ чтобы не сказываться ни подъ какимъ видомъ; а особенно если ты самъ придешь меня спрашивать, и имя твое ей объявилъ. А потомъ, какъ ты вышелъ, мнѣ пришло въ голову: что̀ если онъ тутъ теперь стоитъ и выглядываетъ, али сторожитъ чего съ улицы? Подошелъ я къ этому самому окну, отвернулъ гардину-то, глядь, а ты тамъ стоишь, прямо на меня смотришь... Вотъ какъ это дѣло было.

— Гдѣ-же... Настасья Филипповна? выговорилъ князь задыхаясь.

— Она... здѣсь, медленно проговорилъ Рогожинъ, какъ-бы капельку выждавъ отвѣтить.

— Гдѣ-же?

Рогожинъ поднялъ глаза на князя и пристально посмотрѣлъ на него:

— Пойдемъ.

Онъ все говорилъ шепотомъ и не торопясь, медленно и, по прежнему, какъ-то странно задумчиво. Даже когда про стору разсказы-

валъ, то какъ будто разсказомъ своимъ хотѣлъ высказать что-то другое, не смотря на всю экспансивность разсказа.

Вошли въ кабинетъ. Въ этой комнатѣ, съ тѣхъ поръ какъ былъ въ ней князь, произошла нѣкоторая перемѣна: черезъ всю комнату протянута была зеленая, штофная, шелковая занавѣска, съ двумя входами по обоимъ концамъ, и отдѣляла отъ кабинета альковъ, въ которомъ устроена была постель Рогожина. Тяжелая занавѣска была спущена, и входы закрыты. Но въ комнатѣ было очень темно: лѣтнія бѣлыя петербургскія ночи начинали темнѣть, и если-бы не полная луна, то въ темныхъ комнатахъ Рогожина, съ опущенными сторами, трудно было-бы что нибудь разглядѣть. Правда, можно было еще различать лица, хотя очень не отчетливо. Лицо Рогожина было блѣдно, по обыкновенію: глаза смотрѣли на князя пристально, съ сильнымъ блескомъ, но какъ-то неподвижно.

— Ты-бы свѣчку зажегъ? сказалъ князь.

— Нѣтъ, не надо, отвѣтилъ Рогожинъ, и, взявъ князя за руку, нагнулъ его къ стулу; самъ сѣлъ напротивъ, придвинувъ стулъ такъ, что почти соприкасался съ княземъ колѣнами. Между ними, нѣсколько съ боку, приходился маленькій, круглый столикъ. — Садись, посидимъ пока! сказалъ онъ, словно уговаривая послѣть. Съ минуту молчали.—Я такъ и зналъ, что ты въ эфтомъ-же трактирѣ остановишься, заговорилъ онъ, какъ иногда, приступая къ главному разговору, начинаютъ съ посторонныхъ подробностей, не относящихся прямо къ дѣлу: — какъ въ корридоръ зашелъ, то и подумалъ: а вѣдь, можетъ, и онъ сидитъ, меня ждетъ теперь, какъ я его, въ эту-же самую минуту? У учительши-то былъ?

— Былъ, едва могъ выговорить князь отъ сильнаго біенія сердца.

— Я и объ томъ подумалъ. Еще разговоръ пойдетъ, думаю... а потомъ еще думаю: я его ночевать сюда приведу, такъ чтобъ эту ночь вмѣстѣ...

— Рогожинъ! Гдѣ Настасья Филипповна? прошепталъ вдругъ князь и всталъ, дрожа всѣми членами. Поднялся и Рогожинъ.

— Тамъ, шепнулъ онъ, кивнувъ головой на занавѣску.

— Спитъ? шепнулъ князь.

Опять Рогожинъ посмотрѣлъ на него пристально, какъ давеча.

— Аль ужь пойдемъ!.. Только ты... ну, да пойдемъ!

Онъ приподнялъ портьеру, остановился и обернулся опять къ князю:

— Входи! кивалъ онъ за портьеру, приглашая проходить впередъ. Князь прошелъ.

— Тутъ темно, сказалъ онъ.

— Видать! пробормоталъ Рогожинъ.

— Я чуть вижу... кровать.

— Подойди ближе-то, тихо предложилъ Рогожинъ.

Князь шагнулъ еще ближе, шагъ, другой, и остановился. Онъ стоялъ и всматривался минуту или двѣ; оба, во все время, у кровати ничего не выговорили: у князя билось сердце, такъ что, казалось, слышно было въ комнатѣ, при мертвомъ молчаніи комнаты. Но онъ уже приглядѣлся, такъ что могъ различать всю постель: на ней кто-то спалъ, совершенно неподвижнымъ сномъ: не слышно было ни малѣйшаго шелеста, ни малѣйшаго дыханія. Спавшій былъ закрытъ съ головой, бѣлою простыней, но члены какъ-то неясно обозначались; видно только было, по возвышенію, что лежитъ протянувшись человѣкъ. Кругомъ, въ безпорядкѣ, на постели, въ ногахъ, у самой кровати на креслахъ, на полу даже, разбросана была снятая одежда, богатое бѣлое шелковое платье, цвѣты, ленты. На маленькомъ столикѣ, у изголовья, блистали снятые и разбросанные брилліанты. Въ ногахъ, сбиты были въ комокъ какія-то кружева, и на бѣлѣвшихъ кружевахъ, выглядывая изъ подъ простыни, обозначался кончикъ обнаженной ноги: онъ казался какъ-бы выточеннымъ изъ мрамора и ужасно былъ неподвиженъ. Князь глядѣлъ и чувствовалъ, что чѣмъ больше онъ глядитъ, тѣмъ еще мертвѣе и тише становится въ комнатѣ. Вдругъ зажужжала проснувшаяся муха, пронеслась надъ кроватью и затихла у изголовья. Князь вздрогнулъ.

— Выйдемъ, тронулъ его за руку Рогожинъ.

Они вышли, усѣлись опять въ тѣхъ-же стульяхъ, опять одинъ противъ другаго. Князь дрожалъ все сильнѣе и сильнѣе и не спускалъ своего вопросительнаго взгляда съ лица Рогожина.

— Ты вотъ, я замѣчаю, Левъ Николаевичъ, дрожишь, проговорилъ наконецъ Рогожинъ, — почти такъ, какъ когда съ тобой бываетъ твое разстройство, помнишь, въ Москвѣ было? Или какъ разъ было передъ припадкомъ. И не придумаю что̀ теперь съ тобой буду дѣлать...

Князь вслушивался, напрягая всѣ силы чтобы понять, и все спрашивая взглядомъ.

— Это ты? выговорилъ онъ, наконецъ, кивнувъ головой на портьеру.

— Это... я... прошепталъ Рогожинъ и потупился.

Помолчали минутъ пять.

— Потому, сталъ продолжать вдругъ Рогожинъ, какъ будто и не перерывалъ рѣчи, — потому какъ если твоя болѣзнь, и припадокъ, и крикъ теперь, то, пожалуй, съ улицы, аль со двора кто и

услышитъ, и догадаются, что въ квартирѣ ночуютъ люди: станутъ стучать, войдутъ... потому они всѣ думаютъ, что меня дома нѣтъ. Я и свѣчи не зажегъ, чтобы съ улицы, аль со двора не догадались. Потому, когда меня нѣтъ, я и ключи увожу, и никто безъ меня по три, по четыре дня и прибирать не входитъ, таково мое заведеніе. Такъ вотъ чтобъ не узнали, что мы заночуемъ...

— Постой, сказалъ князь, — я давеча и дворника, и старушку спрашивалъ: не ночевала-ли Настасья Филипповна? Они, стало быть, уже знаютъ.

— Знаю, что ты спрашивалъ. Я Нафнутьевичъ сказалъ, что вчера заѣхала Настасья Филипповна и вчера-же въ Павловскъ уѣхала, а что у меня десять минутъ пробыла. И не знаютъ они, что она ночевала — никто. Вчера мы такъ-же вошли, совсѣмъ потихоньку, какъ сегодня съ тобой. Я еще про себя подумалъ дорогой, что она не захочетъ потихоньку входить, — куды! Шепчетъ, на цыпочкахъ прошла, платье обобрала около себя, чтобы не шумѣло, въ рукахъ несетъ, мнѣ сама пальцемъ на лѣстницѣ грозитъ, — это она тебя все пужалась. На машинѣ какъ сумасшедшая совсѣмъ была, все отъ страху, и сама сюда ко мнѣ пожелала заночевать: я думалъ сначала на квартиру къ учительшѣ везти, — куды! Тамъ онъ меня, говоритъ, чѣмъ свѣтъ розыщетъ, а ты меня скроешь, а завтра чѣмъ свѣтъ въ Москву, а потомъ въ Орелъ куда-то хотѣла. И ложилась, все говорила, что въ Орелъ поѣдемъ...

— Постой: что-же ты теперь, Парфенъ, какъ-же хочешь?

— Да вотъ сумлѣваюсь на тебя, что ты все дрожишь. Ночь мы здѣсь заночуемъ, вмѣстѣ. Постели, окромя той, тутъ нѣтъ, а я такъ придумалъ, что съ обоихъ диванов подушки снять, и вотъ тутъ, у занавѣски, рядомъ и постелю, и тебѣ и мнѣ, такъ чтобы вмѣстѣ. Потому, коли войдутъ, станутъ осматривать, аль искать, ее тотчасъ увидятъ и вынесутъ. Станутъ меня опрашивать, я разскажу, что я, и меня тотчасъ отведутъ. Такъ пусть ужь она теперь тутъ лежитъ подлѣ насъ, подлѣ меня и тебя...

— Да, да! съ жаромъ подтвердилъ князь.

— Значитъ не признаваться и выносить не давать.

— Н-ни за что! рѣшилъ князь: — ни-ни-ни!

— Такъ я и порѣшилъ чтобъ ни за что, парень, и никому не отдавать! Ночью проночуемъ тихо. Я сегодня только на часъ одинъ и изъ дому вышелъ, по утру, а то все при ней былъ. Да потомъ по вечеру за тобой пошелъ. Боюсь вотъ тоже еще, что душно, и духъ пойдетъ. Слышишь ты духъ или нѣтъ?

— Можетъ, и слышу, не знаю. Къ утру навѣрно пойдетъ.

— Я ее клеенкой накрылъ, хорошею, американскою клеенкой,

а сверхъ клеенки ужь простынёй, и четыре стклянки ждановской жидкости откупоренной поставилъ, тамъ и теперь стоятъ.

— Это какъ тамъ... въ Москвѣ?

— Потому, братъ, духъ. А она вѣдь какъ лежитъ... Къ утру, какъ посвѣтлѣетъ, посмотри. Что ты, и встать не можешь? съ боязливымъ удивленіемъ спросилъ Рогожинъ, видя, что князь такъ дрожитъ, что и подняться не можетъ.

— Ноги пейдутъ, пробормоталъ князь: — это отъ страху, это я знаю... Пройдетъ страхъ, я и стану...

— Постой-же, я пока намъ постель постелю, и пусть ужь ты ляжешь... и я съ тобой... и будемъ слушать... потому я, парень, еще не знаю... я, парень, еще всего не знаю теперь, такъ и тебѣ заранѣе говорю, чтобы ты все про это заранѣе зналъ...

Бормоча эти неясныя слова, Рогожинъ началъ стлать постели. Видно было, что онъ эти постели, можетъ, еще утромъ про себя придумалъ. Прошлую ночь онъ самъ ложился на диванѣ. Но на диванѣ двоимъ рядомъ нельзя было лечь, а онъ непремѣнно хотѣлъ постлать теперь рядомъ, вотъ почему и стащилъ теперь, съ большими усиліями, чрезъ всю комнату, къ самому входу за занавѣску, разнокалиберныя подушки съ обоихъ диванovъ. Кое-какъ постель устроилась: онъ подошелъ къ князю, нѣжно и восторженно взялъ его за руку, приподнялъ и подвелъ къ постели; но оказалось, что князь и самъ могъ ходить; значитъ, «страхъ проходилъ»; и однако-же онъ всетаки продолжалъ дрожать.

— Потому оно, братъ, началъ вдругъ Рогожинъ, уложивъ князя на лѣвую лучшую подушку и протянувшись самъ съ правой стороны, не раздѣваясь и закинувъ обѣ руки за голову,—понѣ жарко, и извѣстно, духъ... Окна я отворять боюсь; а есть у матери горшки съ цвѣтами, много цвѣтовъ, и прекрасный отъ нихъ такой духъ: думалъ перенести, да Пафнутьевна догадается, потому она любопытная.

— Она любопытная, поддакнулъ князь.

— Купить развѣ, букетами и цвѣтами всю обложить? Да думаю, жалко будетъ, другъ, въ цвѣтахъ-то!

— Слушай... спросилъ князь, точно запутываясь, точно отыскивая что именно надо спросить и какъ-бы тотчасъ-же забывая:— слушай, скажи мнѣ: чѣмъ ты ее? Ножомъ? Тѣмъ самымъ?

— Тѣмъ самымъ.

— Стой еще! Я, Парфенъ, еще хочу тебя спросить... я много буду тебя спрашивать, обо всемъ... но ты лучше мнѣ сначала скажи, съ перваго начала, чтобъ я зналъ: хотѣлъ ты убить ее передъ моей свадьбой, передъ вѣнцомъ, на паперти, ножомъ? Хотѣлъ или нѣтъ?

— Не знаю хотѣлъ или нѣтъ... сухо отвѣтилъ Рогожинъ, какъ-бы даже нѣсколько подивившись на вопросъ и не уразумѣвая его.

— Ножа съ собой никогда въ Павловскъ не привозилъ?

— Никогда не привозилъ. Я про ножъ этотъ только вотъ что могу тебѣ сказать, Левъ Николаевичъ, прибавилъ онъ помолчавъ: — я его изъ запертаго ящика ночь утромъ досталъ, потому что все дѣло было утромъ, въ четвертомъ часу. Онъ у меня все въ книгѣ заложенъ лежалъ... И... и вотъ еще что мнѣ чудно: совсѣмъ ножъ какъ-бы на полтора... али даже на два вершка прошелъ... подъ самую лѣвую грудь... а крови всего этакъ съ полложки столовой на рубашку вытекло; больше не было...

— Это, это, это, приподнялся вдругъ князь въ ужасномъ волненіи,—это, это я знаю, это я читалъ... это внутреннее излiяніе называется... Бываетъ, что даже и ни капли. Это коль ударъ прямо въ сердце...

— Стой, слышишь? быстро перебилъ вдругъ Рогожинъ и испуганно присѣлъ на подстилкѣ:—слышишь?

— Нѣтъ! также быстро и испуганно выговорилъ князь, смотря на Рогожина.

— Ходитъ! Слышишь? Въ залѣ...

Оба стали слушать.

— Слышу, твердо прошепталъ князь.

— Ходитъ?

— Ходитъ.

— Затворитъ, али нѣтъ дверь?

— Затворитъ...

Двери затворили, и оба опять улеглись. Долго молчали.

— Ахъ, да! зашепталъ вдругъ князь прежнимъ взволнованнымъ и торопливымъ шепотомъ, какъ-бы поймавъ опять мысль и ужасно боясь опять потерять ее, даже привскочивъ на постели:— да... я вѣдь хотѣлъ... эти карты! карты... Ты, говорятъ, съ нею въ карты игралъ?

— Игралъ, сказалъ Рогожинъ послѣ нѣкотораго молчанія.

— Гдѣ-же... карты?

— Здѣсь карты... выговорилъ Рогожинъ, помолчавъ еще больше:— вотъ...

Онъ вынулъ играную, завернутую въ бумажку, колоду изъ кармана и протянулъ къ князю. Тотъ взялъ, но какъ-бы съ недоумѣніемъ. Новое, грустное и безотрадное чувство сдавило ему сердце: онъ вдругъ понялъ, что въ эту минуту, и давно уже, все говоритъ не о томъ, о чемъ надо ему говорить, и дѣлаетъ все не

то, что-бы надо дѣлать: и что вотъ эти карты, которыя онъ держитъ въ рукахъ, и которымъ онъ такъ обрадовался, ничему, ничему не помогутъ теперь. Онъ всталъ и всплеснулъ руками. Рогожинъ лежалъ неподвижно и какъ-бы не слыхалъ и не видалъ его движенія: но глаза его ярко блистали сквозь темноту и были совершенно открыты и неподвижны. Князь сѣлъ на стулъ и сталъ со страхомъ смотрѣть на него. Прошло съ полчаса: вдругъ Рогожинъ громко и отрывисто закричалъ и захохоталъ, какъ-бы забывъ, что надо говорить шепотомъ:

— Офицера-то, офицера-то... помнишь, какъ она офицера того, на музыкѣ, хлестнула, помнишь, ха! ха! ха! Еще кадетъ... кадетъ... кадетъ подскочилъ...

Князь вскочилъ со стула въ новомъ испугѣ. Когда Рогожинъ затихъ (а онъ вдругъ затихъ), князь тихо нагнулся къ нему, усѣлся съ нимъ рядомъ и съ сильно бьющимся сердцемъ, тяжело дыша, сталъ его разсматривать. Рогожинъ не поворачивалъ къ нему головы и какъ-бы даже и забылъ о немъ. Князь смотрѣлъ и ждалъ: время шло, начинало свѣтать. Рогожинъ изрѣдка и вдругъ начиналъ иногда бормотать, громко, рѣзко и безсвязно: начиналъ вскрикивать и смѣяться: князь протягивалъ къ нему тогда свою дрожащую руку и тихо дотрогивался до его головы, до его волосъ, гладилъ ихъ и гладилъ его щеки... больше онъ ничего не могъ сдѣлать! Онъ самъ опять началъ дрожать, и опять какъ-бы вдругъ отнялись его ноги. Какое-то совсѣмъ новое ощущеніе томило его сердце безконечною тоской. Между тѣмъ совсѣмъ разсвѣло: наконецъ, онъ прилегъ на подушку, какъ-бы совсѣмъ уже въ безсиліи и въ отчаяніи, и прижался своимъ лицомъ къ блѣдному и неподвижному лицу Рогожина; слезы текли изъ его глазъ на щеки Рогожина, но, можетъ быть, онъ уже и не слыхалъ тогда своихъ собственныхъ слезъ и уже не зналъ ничего о нихъ...

По крайней мѣрѣ, когда, уже послѣ многихъ часовъ, отворилась дверь и вошли люди, то они застали убійцу въ полномъ безпамятствѣ и горячкѣ. Князь сидѣлъ подлѣ него неподвижно на подстилкѣ и тихо, каждый разъ при взрывахъ крика или бреда больнаго, спѣшилъ провести дрожащею рукой по его волосамъ и щекамъ, какъ-бы лаская и унимая его. Но онъ уже ничего не понималъ о чемъ его спрашивали и не узнавалъ вошедшихъ и окружавшихъ его людей. И если-бы самъ Шнейдеръ явился теперь изъ Швейцаріи взглянуть на своего бывшаго ученика и паціента, то и онъ, припомнивъ то состояніе, въ которомъ бывалъ иногда князь въ первый годъ лѣченія своего въ Швейцаріи, махнулъ-бы теперь рукой и сказалъ-бы какъ тогда: «Идіотъ!»

XII.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Учительша, прискакавъ въ Павловскъ, явилась прямо къ разстроенной со вчерашняго дня Дарьѣ Алексѣевнѣ, и, разсказавъ ей все, что̀ знала, напугала ее окончательно. Объ дамы немедленно рѣшились войдти въ сношенія съ Лебедевымъ, тоже бывшимъ въ волненіи, въ качествѣ друга своего жильца и въ качествѣ хозяина квартиры. Вѣра Лебедева сообщила все что̀ знала. По совѣту Лебедева, рѣшили отправиться въ Петербургъ всѣмъ тремъ для скорѣйшаго предупрежденія того «что̀ очень могло случиться». Такимъ образомъ вышло, что на другое уже утро, часовъ около одиннадцати, квартира Рогожина была отперта при полиціи, при Лебедевѣ, при дамахъ и при братцѣ Рогожина, Семенѣ Семеновичѣ Рогожинѣ, квартировавшемъ во флигелѣ. Успѣху дѣла способствовало всего болѣе показаніе дворника, что онъ видѣлъ вчера ввечеру Парфена Семеновича съ гостемъ вошедшихъ съ крыльца и какъ-бы потихоньку. Послѣ этого показанія уже не усомнились сломать двери, не отворявшіяся по звонку.

Рогожинъ выдержалъ два мѣсяца воспаленія въ мозгу, а когда выздоровѣлъ, — слѣдствіе и судъ. Онъ далъ во всемъ прямыя, точныя и совершенно удовлетворительныя показанія, вслѣдствіе которыхъ князь, съ самаго начала, отъ суда былъ устраненъ. Рогожинъ былъ молчаливъ во время своего процесса. Онъ не противорѣчилъ ловкому и краснорѣчивому своему адвокату, ясно и логически доказывавшему, что совершившееся преступленіе было слѣдствіемъ воспаленія мозга, начавшагося еще за долго до преступленія, вслѣдствіе огорченій подсудимаго. Но онъ ничего не прибавилъ отъ себя въ подтвержденіе этого мнѣнія и по прежнему, ясно и точно, подтвердилъ и припомнилъ всѣ малѣйшія обстоятельства совершившагося событія. Онъ былъ осужденъ, съ допущеніемъ облегчительныхъ обстоятельствъ, въ Сибирь, въ каторгу, на пятнадцать лѣтъ, и выслушалъ свой приговоръ сурово, безмолвно и задумчиво. Все огромное состояніе его, кромѣ нѣкоторой, сравнительно говоря, весьма малой доли, истраченной въ первоначальномъ кутежѣ, перешло къ братцу его, Семену Семеновичу, къ большому удовольствію сего послѣдняго. Старушка Рогожина продолжаетъ жить на свѣтѣ и какъ будто вспоминаетъ иногда про любимаго сына

Парфена, но не ясно: Богъ спасъ ея умъ и сердце отъ сознанія ужаса, посѣтившаго грустный домъ ея.

Лебедевъ, Келлеръ, Ганя, Птицынъ и многія другія лица нашего разсказа живутъ по прежнему, измѣнились мало, и намъ почти нечего о нихъ передать. Ипполитъ скончался въ ужасномъ волненіи и нѣсколько раньше чѣмъ ожидали, недѣли двѣ спустя послѣ смерти Настасьи Филипповны. Коля былъ глубоко пораженъ происшедшимъ; онъ окончательно сблизился съ своею матерью. Нина Александровна боится за него, что онъ не по лѣтамъ задумчивъ: изъ него, можетъ быть, выйдетъ человѣкъ хорошій. Между прочимъ, отчасти по его старанію, устроилась и дальнѣйшая судьба князя: давно уже отличилъ онъ, между всѣми лицами, которыхъ узналъ въ послѣднее время, Евгенія Павловича Радомскаго: онъ первый пошелъ къ нему и передалъ ему всѣ подробности совершившагося событія, какія зналъ, и о настоящемъ положеніи князя. Онъ не ошибся: Евгеній Павловичъ принялъ самое горячее участіе въ судьбѣ несчастнаго идіота и, вслѣдствіе его стараній и попеченій, князь попалъ опять за границу въ швейцарское заведеніе Шнейдера. Самъ Евгеній Павловичъ, выѣхавшій за границу, намѣревающійся очень долго прожить въ Европѣ и откровенно называющій себя совершенно лишнимъ человѣкомъ въ Россіи, —довольно часто, по крайней мѣрѣ, въ нѣсколько мѣсяцевъ разъ, посѣщаетъ своего больнаго друга у Шнейдера: но Шнейдеръ все болѣе и болѣе хмурится и качаетъ головой; онъ намекаетъ на совершенное поврежденіе умственныхъ органовъ: онъ не говоритъ еще утвердительно о неизлѣчимости, но позволяетъ себѣ самые грустные намеки. Евгеній Павловичъ принимаетъ это очень къ сердцу, а у него есть сердце, что онъ доказалъ уже тѣмъ, что получаетъ письма отъ Коли и даже отвѣчаетъ иногда на эти письма. Но кромѣ того стала извѣстна и еще одна странная черта его характера; и такъ какъ эта черта хорошая, то мы и поспѣшимъ ее обозначить: послѣ каждаго посѣщенія Шнейдерова заведенія, Евгеній Павловичъ, кромѣ Коли, посылаетъ и еще одно письмо одному лицу въ Петербургъ, съ самымъ подробнѣйшимъ и симпатичнымъ изложеніемъ состоянія болѣзни князя въ настоящій моментъ. Кромѣ самаго почтительнаго изъявленія преданности, въ письмахъ этихъ начинаютъ иногда появляться (и все чаще и чаще) нѣкоторыя откровенныя изложенія взглядовъ, понятій, чувствъ.—однимъ словомъ, начинаетъ проявляться нѣчто похожее на чувства дружескія и близкія. Это лицо, состоящее въ перепискѣ (хотя все-таки довольно рѣдкой) съ Евгеніемъ Павловичемъ и заслужившее настолько его вниманіе и уваженіе, есть Вѣра Лебедева. Мы никакъ не могли узнать въ точности какимъ образомъ могли завязаться подобныя отноше-

нія: завязались они. Конечно, по поводу все той-же исторіи съ княземъ, когда Вѣра Лебедева была поражена горестью до того, что даже заболѣла: но при какихъ подробностяхъ произошло знакомство и дружество, намъ неизвѣстно. Упомянули-же мы объ этихъ письмахъ наиболѣе съ тою цѣлью, что въ нѣкоторыхъ изъ нихъ заключались свѣдѣнія о семействѣ Епанчиныхъ и, главное, объ Аглаѣ Ивановнѣ Епанчиной. Про нее увѣдомлялъ Евгеній Павловичъ въ одномъ довольно нескладномъ письмѣ изъ Парижа, что она, послѣ короткой и необычайной привязанности къ одному эмигранту, польскому графу, вышла вдругъ за него замужъ, противъ желанія своихъ родителей, если и давнихъ, наконецъ, согласіе, то потому, что дѣло угрожало какимъ-то необыкновеннымъ скандаломъ. Затѣмъ, почти послѣ полугодоваго молчанія, Евгеній Павловичъ увѣдомилъ свою корреспондентку, опять въ длинномъ и подробномъ письмѣ, о томъ, что онъ, во время послѣдняго своего пріѣзда къ профессору Шнейдеру, въ Швейцарію, съѣхался у него со всѣми Епанчиными (кромѣ, разумѣется, Ивана Ѳедоровича, который, по дѣламъ, остается въ Петербургѣ) и княземъ Щ. Свиданіе было странное: Евгенія Павловича встрѣтили они всѣ съ какимъ-то восторгомъ: Аделаида и Александра сочли себя почему-то даже благодарными ему за его «ангельское» попеченіе о несчастномъ князѣ. Лизавета Прокофьевна, увидавъ князя въ его больномъ и униженномъ состояніи, заплакала отъ всего сердца. Повидимому, ему уже все было прощено. Князь Щ. сказалъ при этомъ нѣсколько счастливыхъ и умныхъ истинъ. Евгенію Павловичу показалось, что онъ и Аделаида еще не совершенно сошлись другъ съ другомъ; но въ будущемъ казалось неминуемымъ совершенно добровольное и сердечное подчиненіе пылкой Аделаиды уму и опыту князя Щ. Къ тому-же и уроки, вынесенные семействомъ, страшно на нее подѣйствовали, и, главное, послѣдній случай съ Аглаей и эмигрантомъ графомъ. Все чего трепетало семейство, уступая этому графу Аглаю, все уже осуществилось въ полгода, съ прибавкой такихъ сюрпризовъ, о которыхъ даже и не мыслили. Оказалось, что этотъ графъ даже и не графъ, а если и эмигрантъ дѣйствительно, то съ какою-то темною и двусмысленной исторіей. Плѣнилъ онъ Аглаю необычайнымъ благородствомъ своей истерзавшейся страданіями по отчизнѣ души, и до того плѣнилъ, что та, еще до выхода замужъ, стала членомъ какого-то заграничнаго комитета по возстановленію Польши и сверхъ того попала въ католическую исповѣдальню какого-то знаменитаго патера, овладѣвшаго ея умомъ до изступленія. Колоссальное состояніе графа, о которомъ онъ представлялъ Лизаветѣ Прокофьевнѣ и князю Щ. почти непроверимыя свѣдѣнія, оказалось

совершенно небывалымъ. Мало того, въ какіе нибудь полгода послѣ брака, графъ и другъ его, знаменитый исповѣдникъ, успѣли совершенно поссорить Аглаю съ семействомъ, такъ что тѣ ее нѣсколько мѣсяцевъ уже и не видали... Однимъ словомъ, много было-бы чего разсказать, но Лизавета Прокофьевна, ея дочери и даже князь Щ. были до того уже поражены всѣмъ этимъ «терроромъ», что даже боялись и упоминать объ иныхъ вещахъ въ разговорѣ съ Евгеніемъ Павловичемъ, хотя и знали, что онъ и безъ нихъ хорошо знаетъ исторію послѣднихъ увлеченій Аглаи Ивановны. Бѣдной Лизаветѣ Прокофьевнѣ хотѣлось-бы въ Россію и, по свидѣтельству Евгенія Павловича, она желчно и пристрастно критиковала ему все заграничное: «хлѣба нигдѣ испечь хорошо не умѣютъ, зиму какъ мыши въ подвалѣ мерзнутъ», говорила она,—«по крайней мѣрѣ, вотъ здѣсь, надъ этимъ бѣднымъ, хоть по русски поплакала», прибавила она, въ волненіи указывая на князя, совершенно ея не узнававшаго. «Довольно увлекаться-то, пора и разсудку послужить. И все это, и вся эта заграница, и вся эта ваша Европа, все это одна фантазія, и всѣ мы, за границей, одна фантазія... помяните мое слово, сами увидите!» заключила она чуть не гнѣвно, разставаясь съ Евгеніемъ Павловичемъ.

Конецъ.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

Ѳ. М. ДОСТОЕВСКАГО,

СОСТОЯЩЕЕ ИЗЪ ЧЕТЫРНАДЦАТИ ТОМОВЪ.

Содержаніе ихъ слѣдующее:

ПЕРВЫЙ ТОМЪ: Біографическій очеркъ о Ѳ. М. Достоевскомъ, составленный *Д. С. Мережковскимъ.*—Повѣсти и разсказы.—Приложенія (12—15), заключающія въ себѣ портреты, автографы, виды мѣстностей, зданій и пр., съ которыми соединены воспоминанія о Ѳ. М. Достоевскомъ, и пр.,—приложенія, никогда не появлявшіяся въ продажѣ.

ВТОРОЙ ТОМЪ: Повѣсти и Разсказы.

ТРЕТІЙ ТОМЪ: Повѣсти и Разсказы.

ЧЕТВЕРТЫЙ ТОМЪ: «Записки изъ Мертваго Дома».

ПЯТЫЙ ТОМЪ: ром. «Униженные и Оскорбленные». «Вѣчный Мужъ». Разсказъ.

ШЕСТОЙ ТОМЪ: ром. «Преступленіе и Наказаніе».

СЕДЬМОЙ ТОМЪ: ром. «Идіотъ».

ВОСЬМОЙ ТОМЪ: ром. «Бѣсы».—Матеріалы къ ром. «Бѣсы» (изъ «Записныхъ книжекъ» Ѳ. М. Достоевскаго), доселѣ нигдѣ не напечатанные.

ДЕВЯТЫЙ ТОМЪ: ром. «Подростокъ».

ДЕСЯТЫЙ ТОМЪ: «Дневникъ Писателя» за 1873 г.—Критическія статьи.—Политическія статьи.

ОДИНАДЦАТЫЙ ТОМЪ: «Дневникъ Писателя» за 1876 г.

ДВѢНАДЦАТЫЙ ТОМЪ: «Дневникъ Писателя» за 1877, 1880—81 гг.

ТРИНАДЦАТЫЙ ТОМЪ: ром. «Братья Карамазовы». Томъ I.

ЧЕТЫРНАДЦАТЫЙ ТОМЪ: ром. «Братья Карамазовы». Томъ II.

Цѣна за всѣ **четырнадцать** томовъ—**двадцать пять рублей**, съ пересылкою **30** рублей.

Въ настоящее время вышло въ свѣтъ **четыре** тома: пятый, седьмой, тринадцатый и четырнадцатый.

По выходѣ всѣхъ томовъ цѣна будетъ **увеличена.** Все изданіе будетъ окончено въ теченіи года.

Подписка принимается у издательницы, А. Г. Достоевской, Спб., Фурштадтская, д. 11, кв. 5.

Лица, желающія подписаться на это изданіе, могутъ пользоваться разсрочкою и платить при подпискѣ **пять** руб., и по **два** рубля ежемѣсячно до выплаты всей суммы.

Гг. иногородные, выписывающіе непосредственно отъ издательницы, пользуются **безплатною** пересылкою.

37.8.3.1/7